

STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS

А. И. Филюшкин
**Изобретая
первую войну
России и Европы**

Балтийские войны
второй половины XVI в.
глазами современников и потомков

Редакционная коллегия:

Медведев И. П., член.-корр. РАН, Институт истории
РАН;

Носов Е. Н., член.-корр. РАН, директор Института
истории материальной культуры (ИИМК);

Буланин Д. М., докт. филол. наук, Институт русской
литературы (Пушкинский Дом);

Иванова Т. Г., докт. филол. наук, Институт русской
литературы (Пушкинский Дом);

Пиотровская Е. К., докт. ист. наук, Институт истории
РАН;

Майоров А. В., докт. ист. наук, Санкт-Петербургский
государственный университет (СПбГУ);

Сиренов А. В., докт. ист. наук, Санкт-Петербургский
государственный университет (СПбГУ);

Турилов А. А., канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Институ-
та славяноведения РАН.

А. И. Филюшкин

**ИЗОБРЕТАЯ ПЕРВУЮ ВОЙНУ
РОССИИ И ЕВРОПЫ**

*Балтийские войны второй половины XVI в.
глазами современников и потомков*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

УДК 929.713+94(47)043+94(474.2)
ББК 63.3(2)44
Ф51

*Рекомендовано к печати Ученым советом исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. В. Шапошник* (С.-Петербург. гос. ун-т),
доктор исторических наук, профессор *В. А. Якубский* (С.-Петербург. гос. ун-т)

Научный редактор

кандидат исторических наук *А. Н. Лобин*
(ФГБУ Государственный комплекс «Дворец конгрессов»
Управления делами Президента РФ)

Филюшкин, А. И.

Ф51 Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. — 880 с. [текст] : 282 ил., карты. — (STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS ; вып. 6).

ISBN 978-5-86007-726-3

ISSN 2220-5489=STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS

В монографии профессора Санкт-Петербургского государственного университета А. И. Филюшкина рассматривается история восприятия современниками и потомками войн за владение Прибалтикой во второй половине XVI в. с участием России, Ливонии, Швеции, Польши, Великого княжества Литовского, Дании, Священной Римской империи, Пруссии. Это было первым в истории столкновением России и Европы как культурно-цивилизационных общностей. Исход этого противостояния определяет характер восприятия Европой России вплоть до наших дней.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей России, историей Прибалтики, историей взаимоотношений России и Европы.

УДК 929.713+94(47)043+94(474.2)
ББК 63.3(2)44

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета, выделяемых СПбГУ (в рамках выполнения проекта Тематического плана НИР СПбГУ, Мероприятие 2: «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время», шифр ИАС 5.38.62.2011, за счет средств Мероприятия 9. Поддержка издания монографий: «Монография Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков», шифр: 5.41.1207.2011)

Миниатюры Лицевого летописного свода, использованные в монографии, воспроизведены по изданиям: 1) Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2010. Книга 22: 1553–1557; 2) Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2010. Книга 23: 1557–1569 гг. Выражаем благодарность издательству «Актеон», издавшему Лицевой свод и сделавшему его доступным для широкого круга читателей, за возможность публикации миниатюр

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

ISBN 978-5-86007-726-3

ISSN 2220-5489=STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS

© Филюшкин А. И., 2013

© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6

Часть I ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Глава I. Что рассказывают летописцы-современники о Ливонской войне?
Степенная книга. Московские летописные своды. Первое художественное изображение Ливонской войны. Региональные летописные своды 17

Глава II. Агиография и сказания о чудесах XVI в. 43

Глава III. Литературно-публицистические повести XVI в. о Ливонской войне.
«Повесть о Полоцком взятии». «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков». «История о князя великого московского делех» 56

Глава IV. Отражение дискурсов Ливонской войны в дипломатических документах XVI в.
В каких русских дипломатических документах отражены перипетии борьбы за Прибалтику? Дискурсы посольских книг. Категории русской политической культуры. Правовой нигилизм и его смысл. Как русские дипломаты представляли себе место России в мире? Восточные соседи: Крымское ханство. Бывшие восточные соседи: Казань и Астрахань. Великое княжество Литовское: православные соседи или «нехристи»? Великое княжество Литовское и Русское vs Государство всея Руси. «Недоделанные монархии»: Швеция и Ливония. Россия vs «мировое бусурманство», «латины» и «люторы» в XVI в: ксенофобия, толерантность или прагматизм? «Набольший во Вселенной». Как Россия объясняла, почему она напала на Ливонию? Знали ли русские, что проиграли войну? ...» 98

Глава V. Письма о Ливонии: Эпистолярные памятники XVI в.
Кто кому писал письма в Московской Руси? Был ли Иван Грозный автором своих посланий? Царь против короля: эпистолярный поединок Ивана Грозного и Стефана Батория 172

Глава VI. Дискурсы деловой документации XVI в.
Война и мир в мировоззрении русского дворянства. Что нужно, чтобы не стать «заблудящими овцами». Кому на Руси было жить хорошо? Уровень благосостояния русского дворянства и Ливонская война. Разряды Ливонской войны 192

Глава VII. Отечественные интеллектуалы XVII в. о борьбе за Прибалтику в XVI в.
Русское летописание XVII в. о войнах Ивана Грозного. Как видели войну за Прибалтику авторы разрядов XVII века? Интерес к событиям XVI в. в дипломатических документах XVII в. 214

Глава VIII. Изменение исторической памяти о русском завоевании Прибалтики при Петре Великом.
Считали ли современники Петра Великого преемником Ивана Грозного? Образы истории Прибалтики в нарративе петровского времени. Livonia reserpta 235

Глава IX. Сочинение Ливонской войны историографами второй половины XVIII – XXI вв.
Летописные компиляции XVIII в. о русских войнах XVI в. М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин — создатели Ливонской войны. Ливонская война как путь к Русской Прибалтике: концептуализация Ливонской войны в исторической мысли Российской империи. Ливонская война как место памяти русской истории. Иконопись. Живопись. Литература. Монументы и коммеморации. Германофобия, дружба народов и геополитика: концептуализация Ливонской войны в советской историографии. Россия между Востоком и Западом, или дискурс неправильной войны Ивана Грозного. Меняем плюс на минус, белое на черное. Либеральный дискурс и Ливонская война 248

Часть II
ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

- Глава X. Как Россия стала для Европы Азией, или дискурсивный контекст появления образа Ливонской войны.** Особенности европейских источников о Ливонской войне. Несколько слов о методике исследования. Как европеец узнавал неевропейца. Какое место русские земли в период средневековья занимали на карте мира? Куда помещали Россию ученые эпохи Возрождения: в Европу или в Азию? «Услышав о московитах, я был настолько охвачен восторгом, что казался лишенным ума...», или как Россию чуть не приняли в Европу. Почему Россию все же не приняли в Европу? 291
- Глава XI. «Нашествием московитов Бог покарал нас за грехи...».** Ливонский дискурс «русской угрозы». О чем думали в Ливонии накануне войны? Кто знал о том, что началась война с Россией? «Нашествием московитов Бог покарал нас за грехи...». Дискурсы Нарвского взятия 333
- Глава XII. Возникновение образа войны: европейские хроники и исторические сочинения о войнах за Ливонию.** Рижские записки Иоганна Шмидта. Хроника Ливонской войны Иоганна Реннера. «Historia belli Livonici» Тильманна Бреденбаха. Первый польский отклик: переиздание 1564 г. «Хроники всего света» Мартина Бельского. «Kurtze Chronick» Лаврентия Суриуса из Кельна. «De Moscorum Bellis» Иоганна Левенклавия. Создание Ливонской войны Бальтазаром Рюссовым. «Christlich Gesprech» Тильманна Бракеля 360
- Глава XIII. Ливонская война как пропагандистская война.** Удар по московитам печатным словом. Первый акт пропагандистской войны: стон по погибшей Ливонии. «Жалобный плач города Полоцка». От пораженный — к победе: «летучие листки» о разгроме московитов в битве на р. Уле в 1564 г. На московском фронте без перемен: «летучие листки» и газеты в 1570–1572 гг. Полемика времени «польских бескорольев». Первое бескорольеве. Второе бескорольеве. Германия и Россия делят Европу. «Летучие листки» 1576 г. Катастрофа в Ливонии 1577 г. и ужас Европы. Рождение в европейской политической мысли «тирана Васильевича». Первая западная биография русского тирана. Связь тиранства и завоевания Ливонии. Европейцы о московитских мучителях и новых христианских мучениках. Тиран и женщины. «Борцы с деспотизмом»: миф об оппозиции Ивану Грозному в сочинениях иностранцев. Для исправления московитов их надо завоевать 410
- Глава XIV. Польский король — спаситель Европы от «русских варваров»:** Московская война Стефана Батория в европейском нарративе. Плагиат или не плагиат? «Sarmatiae Europaeae descriptio» Александра Гваиньини. Начало польского триумфализма: прославление победы под Венденом. Замыкая круг: освобождение Полоцка в 1579 г. и его воспевание в европейском нарративе. Великолукский триумф. Песнь славы польскому оружию в исполнении Мацея Стрыйковского. Воспевание поэтами побед Батория. «Летучие листки» в конце войны. Личные мотивы: дневники (диариуши) о Московской войне. «Московская война» Рейнгольда Гейденштейна. Последняя попытка Запада европеизировать Россию: «Новая апостольская миссия» Антонио Поссевино и ее провал 482
- Глава XV. Как затухала память о Ливонской войне в конце XVI–XVII вв.** Немецкая «История» Л. Мюллера об окончании Ливонской войны. Прославление победы Станиславом Сарницким. Слава героям Ливонской войны в нарративе конца XVI в. Вспомнить о Ливонии: хроника Соломона Геннинга. «Хроника Польская» Мартина и Иоахима Бельских. Последнее слово ливонца: Франц Ниенштедт о Ливонской войне. Затухание интереса к теме Ливонской войны в европейской историографии XVII–XVIII вв. 557

Часть III ДИСКУРСЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава XVI. Главный дискурс Ливонской войны. Как можно 400 лет ломиться в открытую дверь, или об отчаянной борьбе России за выход к морю, который у нее был. Русская Балтика на море и на суше. Зачем русским море? Кто придумал, что русские хотят выйти к морю? Дискурс о выходе к морю в трудах историков нового и новейшего времени	601
Заключение	623
Приложение Новые документы по истории Ливонской войны	630
Русско-ливонские договоры 1554 года	630
Позвольские соглашения 1557 года	649
Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г.	680
Жалованная грамота Иван IV Дерпту, 6 сентября 1558 г.	689
Опасная грамота Ивана IV ливонскому магистру с предложением прибыть для капитуляции в Москву, 11 апреля 1559 г.	695
Грамота И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского в Колывань (Ревель) о взятии русской армией Феллина и с предложением сдаться, 29 августа 1560 г.	697
Грамота Юрьевского наместника И. П. Федорова в Колывань (Ревель) о размене пленных, 28 июля 1561 г.	698
Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны (1563–1564, 1578 гг.)	699
Донесение князя А. М. Курбского польскому королю, 1564 г.	718
Грамота нарвского наместника Ф. И. Чулкова в Колывань (Ревель) о нападениях на нарвских торговых людей, 16 октября 1565 г.	724
Послание Ивана IV Сигизмунду Августу об обмене пленного литовца М.Ежовского на русского сына боярского Я. Болтина, сентябрь 1569 г.	726
Послание Ивана IV к панам рад от 2 марта 1573 г.	728
Послание Ивана IV Яну Глебовичу от августа 1574 г.	730
Отрывок из грамоты архиепископа Якуба Уханьского 1575 г., содержащий образец послания, с которым Иван IV должен был обратиться к польско-литовскому «рыцарству»	733
Рассказ о посольстве Захарии Угорского к императору Максимилиану в 1576 г. из летописца, рукопись которого принадлежала Нижегородскому Благовещенскому монастырю	734
Послание Ивана IV Миколаю Талвашу от 10 августа 1577 г.	736
Послание Ивана IV к пану Криштофу Радзивиллу с его человеком Станиславом Андреевым от 26 августа 1577 г.	737
Послание Ивана IV Стефану Баторию из Вольмара от 12 сентября 1577 г.	738
Послание Ивана IV в Ригу от 29 августа 1577 г.	739
Грамота апсельского наместника Г.И. Долгорукого в Колывань об обмене пленными, 1579 г.	740
Книга посольства Станислава Крыского 1578 года	741
Список сокращений	772
Именной указатель	775
Географический указатель	825

ВВЕДЕНИЕ

Каждая война, прежде чем стать реальностью, возникает сначала в головах ее участников.

Райнхард Фречнер

Россия — государство со странной морской судьбой. Ее морская граница в несколько раз превышает сухопутную. Между тем, значимых морских страниц в истории России немного. Зато важное место в ней занимает дискурс прорыва к морю как залог будущего величия страны. Согласно официальной историографии, древняя Россия обрела земли на берегах и Балтийского (Юрьев — 1030, Орешек — 1323), и Черного морей (крепость Олешье в устье Днепра — X в., путь «из варяг в греки» — трансконтинентальный морской путь в IX–X вв. проходил через Россию). Русские ладьи бороздили Балтийское и Черное моря, русские крепости стояли вблизи морских берегов.

Но потом, как принято считать, Россия потеряла все эти земли и потратила века, чтобы восстановить историческую справедливость и добиться выхода к морю. За Балтику она воевала с 1500 по 1721 г., а за Черное море — с 1695 по 1791 гг. Таким образом, на протяжении XVI–XVIII столетий Россия рвется к морям. Это составляет главную цель ее внешней политики, условие ее существования как великой державы.

То, что войны всегда начинаются из-за выхода к морям, настолько въелось в сознание российского человека, что возникают курьезные эпизоды. Так, автору этих строк на экзамене один студент сказал: «Наполеон напал на Россию, чтобы добиться выхода к морю». На мой вопрос: «Как же так, ведь берега Франции омывает океан?» студент гордо ответил: «Э-э-э, то океан, а то море!». Эпизод курьезный, но он хорошо иллюстрирует то место, какое дискурс прорыва к морю занимает в головах россиян.

Основной зоной реализации этого дискурса выступает Прибалтика. Черное море так или иначе является внутренним и открывает дорогу всего лишь к Турции и на подвластные османам Балканы, что вряд ли можно считать прорывом в Европу. Балтийские волны ведут в Скандинавию, в Северную Европу и далее на просторы Атлантики. Тем более что огромную Россию отделяла от Балтики узенькая прослойка прибалтийских государств, веками воспринимаемая как досадный и случайный геополитический барьер.

В историографии первой большой войной за выход России к Балтийскому морю считается Ливонская война (1558–1583). Среди войн, которые вела Россия на протяжении своего существования, она — одна из самых незначительных. Хотя по формальным показателям данный конфликт, казалось бы, должен быть в центре внимания общественной мысли.

Рис 1. Карта Балтийского мира Андерса Буре, 1635 г.

Во-первых, если не считать Кавказской кампании 1817–1864 гг., это самая долгая в истории Отечества война, которая длилась почти 25 лет, с 1558 по 1583 г.

Во-вторых, это одна из главных страниц истории внешней политики Ивана Грозного — а все деяния этого царя всегда вызывали повышенный интерес потомков.

В-третьих, это кампания за передел Прибалтики, которая привела к серьезным изменениям баланса сил в регионе. В нем резко упало германское влияние. Священная Римская империя потеряла свою дальнюю провинцию Ливонию. Прибалтика была разделена между Швецией и Польшей, что вызовет крупномасштабный конфликт этих держав в XVII в. В ходе Ливонской войны и, несомненно, под ее влиянием Королевство Польское и Великое княжество Литовское окончательно слились в единую Речь Посполитую (1569), объединившую под собой народы от Поморья до Карпат. Москва же утратила свои позиции на Балтике, и восстановит их только в XVIII в.

В-четвертых, в ходе этой войны была исторически завершена эпоха немецких рыцарей в Прибалтике — погибла Ливония, последнее государство северных рыцарей-крестоносцев.

В-пятых, это первое масштабное столкновение России с несколькими европейскими державами одновременно. Ливонскую войну по праву можно назвать *первой войной России и Европы*. До этого были столкновения с отдельными европейскими державами, но никогда

раньше — с их *коалицией*, с сомкнутым фронтом стран Запада против Московии. Причем фронтом не только военным, но и дипломатическим, идеологическим, цивилизационно-культурным. Об этом очень точно сказал Е. Ф. Шмурло (курсив. — *Е. Ф. Шмурло*):

«Теперь Россия *органически* втягивается в дела Европы и сама втягивает ее в свои; раньше она лишь *вступала* в круг международных отношений, теперь, с Ливонской войны — *вступила* окончательно и никогда уже более из него не выйдет: европейские дела станут для нее своими, и, обоюдно, то, что будет с тех пор свершаться в России, станет и для Западной Европы тоже не безразличным, подчас затронет самые близкие и жгучие ее интересы»¹.

Именно через участие в балтийских войнах Россия стала европейской державой. Этот тезис развил В. Кирхнер. Он писал, что до падения Ливонии балтийский вопрос еще не имеет своего развития: Прибалтика однозначно находится в орбите германского мира, под контролем рыцарских орденов и Ганзейского союза. Гибель же ордена в середине XVI в. явилась симптомом новой тенденции развития региона, доминирующей в ближайшие несколько веков: отступление из Прибалтики Запада и наступление Востока². По мысли С. Богатырева, именно через войны в Прибалтике в середине — второй половине XVI в. Россия открыла для себя Запад³.

В годы Ливонской войны впервые столь рельефно проявилось культурно-цивилизационное противостояние Руси и Запада: соперничество моделей политического устройства, конфессиональных парадигм, властных дискурсов и социальных стереотипов. Это противостояние, следы которого мы обнаруживаем до сих пор, оказало значительное влияние на формирование у европейских народов представлений об этнической и государственной самоидентичности и идентичности своего восточного соседа.

Время Ливонской войны достойно пристального внимания историков, потому что в нем происходили поистине тектонические подвижки в историческом облике Европы, Прибалтики, России. Все это было связано со сменой эпох в Балтийском мире: сходили с исторической сцены отжившие свое страны и народы, на их место приходили другие. В конце XV – первой половине XVI в. стало очевидно, что Немецкий рыцарский орден изжил свою историческую миссию. В мире больше не было целей, для которых он создавался: все окружавшие его язычники были крещены, христианская церковь в Европе давно утвердилась. Нести свет веры было некому, и защищать церковь — не от кого.

Мало того, события начала XVI в. показали, что главные проблемы «христианского мира» лежат внутри самой церкви, ведут к ее расколу (Реформация) и религиозным войнам внутри самого «христианского мира». Не избежал этого и орден: среди рыцарской аристократии все большую популярность обретала идея секуляризации, что в 1525 г. приведет к ликвидации Тевтонского ордена в Пруссии. Осталась только его младшая ветвь — Ливонский орден, и дальнейшие события по переделу Прибалтики были связаны с его ликвидацией и разделом его бывших владений.

Кроме того, происходит вырождение рыцарства, упадок его идеологии, одряхление его военного искусства. Огнестрельное оружие господствовало на европейских полях сражений, и оно убило рыцарскую тактику и способ ведения боя. На первый план выходил «продавец шпаги», профессиональный военный наемник, с совсем другой психологией и философией, стилем владения оружием и даже другим вооружением. Орден также все больше использовал наемную военную силу, но сам как воинская организация ей проигрывал.

¹ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории: Русь и Литва. СПб., 1999. С. 86, 89.

² Kirchner W. The rise of the Baltic question. 2nd ed. Westport, 1970. P. 105.

³ Bogatyrev S. Ivan the Terrible discovers the West: The cultural transformation of Autocracy during the Early Northern Wars // Russian History = Histoire Russe. 2007. Vol. 34. P. 163.

В конце XV–XVI в. меняется облик мира. Это было связано с Великими географическими открытиями, возникновением Нового Света. Священная Римская империя оказалась в стороне от борьбы за колониальный передел Земного шара. Она раздиралась внутренними противоречиями, уже не расширялась, а теряла территории. Обладание провинцией Ливонией в этой ситуации стало для империи неактуально, тем более что Реформация проникает и сюда и разъедает основу связи ордена и империи — единую католическую веру, верность папскому престолу.

В XVI в. падает роль Ганзы как силы, контролирующей балтийскую торговлю. Ливонские города, входившие в Ганзейский союз (Рига с 1282 г., Ревель и Дерпт — с 1285 г.⁴), не обладали потенциалом, который позволил бы самостоятельно контролировать прибалтийский сегмент северной морской торговли — для этого у них не было ни материальных возможностей (например, своего военного флота), ни соответствующего масштаба. Чтобы сохраниться как торговые городские центры, они неминуемо должны были искать покровительства более сильных союзов или держав, при этом стараясь выторговать для себя как можно больше вольностей и привилегий. Ганзейский союз в XVI в. дать этого городам уже не мог. Вопрос, кто придет на смену Ганзе и, по замечанию С. Карвовского, станет новым «господином Балтики», стал актуальным⁵.

Таким образом, главной причиной начала эпохи войн за Балтику во второй половине XVI в. было изменение исторического контекста — как говорится, «Ливония созрела». У нее не было перспектив выжить в том окружении враждебных, агрессивных держав (Польша, Литва, Швеция, Дания, Россия), в котором она оказалась. Эти соседи-хищники с алчностью смотрели на богатые прибалтийские земли. По разным мотивам: Россия, Королевство Польское и Великое княжество Литовское выясняли между собой пределы расширения своих владений в Восточной Европе, Дания хотела компенсировать территориальные потери, понесенные в результате распада в начале XVI в. Кальмарской унии и краха проекта «империи Ольденбургов», Швеция, завоевав независимость в 1523 г., как раз приступила к строительству своей империи, превращению Балтийского моря во внутреннее «Шведское озеро».

Процесс борьбы за Прибалтику был длительным. Его можно определять как серию Балтийских войн, под которыми предлагается понимать: первую русско-шведскую войну 1555–1557, так называемую «войну коадьюторов» в Ливонии 1556–1557, собственно Ливонскую войну 1558–1561, русско-литовскую войну 1561–1570, датско-шведскую войну 1563–1570, Московскую войну 1577–1581, вторую русско-шведскую войну 1578–1583, третью русско-шведскую войну 1589–1595, Инфлянтскую польско-шведскую войну 1601–1611, датско-шведскую войну 1611–1613, шведскую интервенцию Северо-Запада России 1609–1617, борьбу Швеции и Речи Посполитой за Прибалтику в 1617–1629 гг. Первые военные кампании, которые, как будет показано в нашей книге, были искусственно объединены историками в историографический концепт Ливонской войны (1558–1583), именно они находятся в центре внимания настоящего исследования.

Сущностью периода Балтийских войн является гибель «Немецкой Прибалтики», краткий период раздела региона между Русской Прибалтикой (1558–1582) и Польско-литовской Прибалтикой (1559–1621)⁶, с наличием в это же время Датской Прибалтики (1559–1645)⁷ и Шведской Прибалтики (с 1560 г.), и в итоге — превращение всего ре-

⁴ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. P. 60. — Подробнее об отношениях Ливонии с Ганзой см.: *Schildhauer J.* The Hanse: History and Culture. Leipzig, 1985. P. 162–169.

⁵ *Karwowski S.* Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558–1561. roku. Poznań, 1873. S. 6.

⁶ До взятия Риги в 1621 г. шведской армией Густава Адольфа.

⁷ Сааремаа (Эзель) был захвачен Швецией у Дании только после войны 1643–1645 гг.

гиона на 70 лет, до начала XVIII в., в периферию Шведской империи. Ситуация в регионе радикально изменится только в результате Северной войны 1700–1721 гг., когда Швеция будет разбита и вытеснена с прибалтийских берегов Российской империей.

Про Ливонскую войну написано немало, но ее изучение представляет, как подчеркнуто В. Урбаном, серьезные трудности для историка именно в силу разносторонности конфликта⁸. Чтобы его всесторонне исследовать, надо поднять огромный пласт немецких, шведских, польских, литовских, датских, русских источников. Кроме того, перипетии войны отражены в итальянских, французских, английских, турецких документах. Большинство из них не переведено и не опубликовано, что требует работы в нескольких десятках архивов европейских стран. Поэтому написание академической, фундаментальной истории Ливонской войны под силу только интернациональному научному коллективу.

Тем не менее можно говорить о складывании определенных исследовательских традиций в освещении этого 25-летнего отрезка русской истории. Если конкретные события (ход боевых действий и перипетии дипломатической борьбы) изучены хоть и не тотально, но довольно обстоятельно, то аналитические оценки событий второй половины XVI в. часто подчинены историографическим клише, которые во многом задают характер изложения, подходы авторов и выбор ими сюжетов для изучения. Трактовка событий нередко находится под влиянием дискурсов, как господствовавших в сознании авторов средневековых источников, так и определяющих взгляды современных исследователей. Как очень точно выразился эстонский историк Маргус Лаидре, «мы помним не прошлое, мы вспоминаем настоящее»⁹.

Вызвано это, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами. Во-первых, историографии Ливонской войны свойственна своеобразная дискретность. До сих пор нет всестороннего комплексного исследования ее истории. Даже в обобщающих трудах Г. В. Форстена, В. В. Васильевского, В. В. Новодворского, К. Нидзиельского, Ст. Бодняка, С. Свенссона, Е. Доннерта, Н. Ангерманна, К. Расмуссена и др. не содержится цельной картины. Основное внимание уделяется международной обстановке второй половины XVI в. и роли в войне экономического фактора. Другие сюжеты рассматриваются большей частью в контексте данных тем¹⁰.

Большое количество работ посвящено изучению конкретных проблем. Это исследование внешней политики России, Ливонии, Речи Посполитой второй половины XVI в.¹¹,

⁸ Urban W. *The Livonian Crusade*. Washington, 1981. P. v.

⁹ Лаидре М. Северная война и Эстония: Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллинн, 2010. С. 7.

¹⁰ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: (1544–1648). СПб., 1893. Т. I: Борьба из-за Ливонии; Васильевский В. В. Борьба из-за господства над Балтийским морем в XV и XVI столетиях: Магистерская диссертация. СПб., 1896; Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой: (1570–1582). СПб., 1904; Niedzielski K. *Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty: (1579–1581)*. Warszawa, 1916; Szelągowski A. *Walka o Bałtyk*. Lwow; Poznań, 1921; *Bodniak St.* 1) *Kongresz szczeziński na tle Bałtyckiej polityki Polskiej*. Krakow, 1929; 2) *Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona*. Kornik, 1947; *Svensson S.* *Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal Livländska Ordensstaten*. Lund, 1951; *Королюк В. Д.* *Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.* М., 1954; *Viljanti A.* *Gustav Vasas Ryska Krig 1554–1557*. Stockholm, 1957. Bd. 1, 2; *Donnert E.* *Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*. Berlin, 1963; *Kirchner W.* *The rise of the Baltic question / Second edition*. Westport, 1970; *Angermann N.* *Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's*. Marburg, 1972; *Rasmussen K.* *Die Livländische Krise 1554–1561*. Kobenhavn, 1973; *Tiberg E.* *Zur Vorgenchichte des Livländischen krieges. Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen: 1549–1562*. Uppsala, 1984; *Волков В. А.* *Войны и войска Московского государства*. М., 2004.

¹¹ *Krasiński Wl.* *Przynek do historyi dyplomacyi w Polsce: 1566–1572*. Kraków, 1872; *Karwowski S.* *Wcielenie Inflant do Litwy i Polski 1558–1561 roku*. Pósnan, 1873; *Арбузов А. А.* *Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер с нем.* В. Бука. СПб., 1912; *Koc L.* *Szlakiem Batorego: (Wojna*

влияния войны на внутренние преобразования¹², польских бескоролевий¹³, биографий исторических деятелей того времени¹⁴.

В гораздо меньшей степени известен ход боевых действий и его влияние на состояние общества Московии, Речи Посполитой, Швеции и других участников конфликта. Лишь эпизодически затрагиваются темы контактов и конфликтов культур, поиска этнической и политической идентичности. Геополитические сюжеты часто рисуются только общими контурами, с позиций современных политических наук. Подобное деление проблематики на главную и второстепенную неизбежно вело к распространению историографических стереотипов, обращаясь к которым авторы нередко «прикрывали» недостаточную изученность тех или иных тем.

Во-вторых, несколько странная ситуация наблюдается в использовании источников. Как это ни парадоксально звучит, но действия России в войне с Европой изучаются в основном по документам, созданным в стане ее врагов. Степень исследованности собственно русских материалов представляется весьма низкой. Их огромный массив до сих пор даже не опубликован (в том числе такие важные, как посольские документы, письма Ивана Грозного в Польшу, переписка русских бояр с панами рад и т.д.).

Moskiewska 1577–1582). Wilno, 1926; *Natanson-Leski J.* Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1930; *Sužiedėlis S.* Lietuvos ir Livonijos konfliktas 1556–1557. Kaunas, 1938; *Lepszy K.* Dzieje Floty Polskiej. Gdańsk; Bydgoszcz; Szczecin, 1947; *Staemmler Kl.* Preussen und Livland in ihrem Verhältnis zur Krone Polen 1561 bis 1586: Als Manuskript gedruckt. Marburg, 1959; *Tiberg E.* 1) Die Politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // *Zeitschrift für Ostforschung*, 1976. T. 25. S.577–617; 2) Om Villkoren för Moskoviens Baltiska handle 1487–1547 jch handels roll i utrikespolitiken. Uppsala, 1975; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII века. М., 1978; *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981; *Dorierala K.* Stosunki dyplomatyczne Polski z Turcją za Stefana Batorego. Warszawa, 1986; *Tyla A.* Lietuva ir Livonia: XVI a. pabaigoje – XVII a. pradžioje. Vilnius, 1986; *Podhorecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII w. Warszawa, 1987; *Скрынников П. Г.* Царство террора. СПб., 1992; *Wijaczka J.* Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544–1558. Kielce, 1992; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М., 1994; *Банючис Э.* Дипломатическая служба Великого Княжества Литовского в XV–XVI веках. Вильнюс, 1998; *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999; *Виноградов А. В.* Внешняя политика Ивана IV Грозного // *История внешней политики России. Конец XV–XVII век / Отв. ред. Г. А. Санин.* М., 1999. С. 134–246; *Frost R.* The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburgh, 2000; *Дзярновіч А. І.* «... in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін памяж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз. Мінск, 2003. Т. 1; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003

¹² *Lappo J.* Velikoe knjazestvo Litovskoe za vremja ot zaključenija Ljublinskoj Unii do smerti Stefana Batorija: (1569–1586). St.-Petersburg, 1901; *Attman A.* The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500–1650. Göteborg, 1973; *Kiereš Zb.* Szlachta i magnateria Rzeczypospolitej wobec Francji w latach 1573–1660. Wrocław, 1985; *Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World. 1492–1772. London, New York, 1990; *Christiansen E.* The Northern Crusades. London, 1997; *Ілмудт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999; *Янушкевич А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007.

¹³ *Pilinski T.* Bezkorolewie po Zygmuncie Augustu i elekcja króla Henrika. Kraków, 1872; *Gruszecki St.* Walka o władzę w Rzeczypospolitej po wygaśnięciu dynastii Jagiellonów: 1572–1573. Warszawa, 1969; *Serwański M.* Henryk III Walezy w Polsce: Stosunki polsko-francuskie w latach 1566–1576. Kraków, 1976; *Borucki M.* O polski tron: Pierwsze wolne elekcje w Polsce. Warszawa, 1979; *Piroziński J.* Die Verfassungsänderungen in Polen während der beiden ersten Intregna nach Sigismund Augusts Tod und ihr Echo im Reich. Basel, 1991.

¹⁴ *Gołębiowski S.* Czasy Zygmunta Augusta. Wilno, 1851; *Bergenstrin A.* Herzog Christoph von Mecklenburg, letzter Koadjutor des Reizbistums Riga. Reval, 1898; *Karttunen K.* Jean III et Stefan Batory: Études sur les relations politiques entre la suède et la Pologne de 1576 a 1583. Genève, 1911; *Kolankowski L.* Zygmunt August: Wielki książę Litwy od roku 1548. Lwow, 1913; *Grzybowski St.* Król i kanclerz. Kraków, 1988; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999.

Отсюда политика Грозного расценивается с позиций Речи Посполитой, Швеции, Дании, Ганзы, Священной Римской империи. Помимо тенденциозности и субъективности данных источников необходимо помнить о разнице стадий развития и систем ценностей этих стран и России.

Данное обстоятельство историками зачастую не учитывается, что породило меткое замечание В. В. Васильевского в рецензии на исследование Балтийского вопроса Г. В. Форстенем:

«Не повторяя аргументов, какие представляет изложение Форстена, выскажем только одно соображение, которое навязывается само собой при чтении многих страниц его книги, передающих немецкие толки и рассуждения: невозможно, чтобы результаты предпринятого действия [Ивана Грозного — А.Ф.] яснее были уму каких-нибудь любекских или нюрнбергских купцов, чем самому главному виновнику действия»¹⁵.

Между тем во многих работах деятельность русского царя рассматривается именно через «европейские очки».

В-третьих, тема Ливонской войны была всегда тесно связана с такими острыми проблемами европейской политики, как место и роль на континенте Германии, территориальные рамки и разделы Польши, аннексия соседними великими державами маленьких прибалтийских стран и т.д. Отсюда — в работах, предназначенных для формирования у массового читателя представлений о прошлом своей страны и основах ее политики, преобладают поверхностные и тенденциозные картины изображения войны за господство в Прибалтике во второй половине XVI в. Значительный массив работ составляют идеологически ангажированные или научно-популярные сочинения¹⁶. Показательно, что в современной отечественной науке единственная специальная монография, посвященная Ливонской войне, опубликована в 1954 г. в научно-популярной серии АН СССР¹⁷.

Наш подход к изучению Ливонской войны в данной книге лучше всего обозначить, процитировав слова немецкого историка Р. Фречнера:

«Каждая война, прежде чем стать реальностью, возникает сначала в головах ее участников. Следовательно, для более глубокого понимания причин и способов ведения конкретной войны центральное положение занимает вопрос о том, каким в обществе того времени было представление о “войне” (далее я буду называть это представление “образом войны”). Образ войны в сознании отдельного человека, определенной группы людей или даже всего общества складывается из тех компонентов, которые влияют на принятие решения о вступлении в войну и о способах ее ведения. В частности, к этим компонентам относятся образ мира, образ истории и представление о своей роли в мире и истории. Далее следуют неотделимые от них образы себя и врагов и, наконец, как следствие этого — с одной стороны, оправдание военного насилия прежде всего перед самим собой, и, с другой стороны, сознательный или неосознанный выбор правил и ритуалов в военной практике»¹⁸.

¹⁵ *Васильевский В. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: (Рец. на Г. В. Форстена) // Отчет о 6-м присуждении Академией Наук премий митрополита Макария в 1895 году. СПб., 1896. С. 5.

¹⁶ Назовем только основные работы: *Костомаров Н. И.* Ливонская война // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1880. Т. III. С. 45–181; *Бахрушин С. В.* Разгром Ливонского Ордена в Прибалтике (XVI век). Ташкент, 1942; *Мавродин В. В.* Борьба русского народа за Невские берега. Л., 1944; *Barylow L.* Starania Stefana Batorego o korone polska. Wrocław, 1947; *Bogucka M.* Anna Jagiellonka. Warszawa, 1964; *Golebiowski E.* Zygmunt August: Zywoť ostatniego z Jagiellonów. Warszawa, 1977; *Jasienica P.* Ostatnia z rodu. Warszawa, 1984; *Cynarsky St.* Zygmunt August. Wrocław, 1988; *Olejnik K.* Stefan Batory: 1533–1586. Warszawa, 1988; *Besala J.* Stefan Batory. Warszawa, 1992.

¹⁷ *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954.

¹⁸ *Фречнер Р.* Рецепция официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне (на материале повествовательных источников

Дж. Хейли и М. Остерридер справедливо писали о том, что в XVI в. возникновению любой войны предшествовало (или сопровождало ее) помещение событий в определенную систему ментальных координат. Это отношение к войне Бога и представлений о служении Господу через войну (концепция Священной, богоугодной войны). Это соотношение войны с существующими социальными ценностями и правовыми нормами (идея справедливой войны, войны за реализацию своих прав, *bellum iustum*). Это война, как дело Бога, дело короля, дело его подданных, выражаясь современным языком — дело монарха, государства, общества или частное дело. Это отношение к войне морали и менталитета участвующих в ней сословий и социальных групп. Это связь образов войны с ее интеллектуальными конструктами и художественными образами. Это интеллектуальные и духовные ожидания, прогнозы и разочарования. То, что очень широко можно назвать «картина войны» или «образы войны»¹⁹.

Предметом нашего изучения и будут эти «образы войны», порождающие их дискурсы и дискурсивная практика, как они получили отражение на страницах нарратива и документальных источников и потом трансформировались в различных историографических концепциях. Наша книга — ни в коем случае *не событийная* история Ливонской войны (которую автор данной книги все еще надеется написать). Данное исследование — попытка понять, как и зачем возникла Ливонская война в головах современников и потомков...

В заключение необходимо подчеркнуть, что данное исследование было бы невозможно без его поддержки грантовыми организациями и без доброжелательной помощи коллег. Благодаря стипендии имени королевы Ядвиги Ягеллонского университета (Краков) в 2000 г. удалось провести исследования в краковских архивах и библиотеках. Большую помощь в изучении памятников русской публицистики второй половины XVI в. оказал в 2001–2002 гг. грант Министерства образования РФ, которым был поддержан проект по изучению эпистолярного наследия Ивана Грозного и Андрея Курбского. В 2003–2004 гг. отдельные аспекты заявленной темы изучались в ходе реализации проекта, поддержанного организацией АНО ИНО-Центр по программе МИОН — «Межрегиональные исследования в общественных науках». Финансовая помощь в рамках данной программы была оказана Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Наконец, работа в архивах и библиотеках Вильнюса, Варшавы, Минска, Таллинна, Тарту, Риги, а также в значительной степени — Москвы и Санкт-Петербурга стала возможна благодаря неоценимой помощи германского фонда Gerda-Henkel Stifting, который в 2004–2006 гг. присудил свою стипендию проекту AZ 08/SR/04 “Der historische Diskurs um den Livlandkrieg (1558-1583)”. В 2009–2010 гг. работа над изучением отражения борьбы за Прибалтику в исторической памяти современников и потомков (совместный российско-эстонский проект) была поддержана РГНФ (грант 09-01-95105 а / Э). «Имперские штудии» в рамках данного исследования проходили при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08

из Пскова конца XVI века) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: Сборник научных статей / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М., 2010. С. 275–276.

¹⁹ Hale J. War and society in Renaissance Europe. 1450–1620. New York, 1985. P. 8; *Osterrider M.* Das wehrhafte Friedenreich: Bilder von Krieg und Frieden in Polen-Litauen (1505–1595). Wiesbaden, 2005. S. 1–9; *Frötschner R., Osterrieder M.* Das Bild des Krieges im Moskauer Reich und Polen-Litauen im 16. Jahrhundert. München, 1995. S. 7–9, 90–94. —

«Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Завершению книги помогла поддержка тематического научного плана Санкт-Петербургского государственного университета: проект 5.38.62.2011 (Мероприятие 2 «Проведение фундаментальных научных исследований по областям знаний, обеспечивающим подготовку кадров в СПбГУ», «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время»), проект 5.42.551.2011 (Мероприятие 6: «Поездка в Эстонию для проведения архивных и полевых исследований по теме “Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время: эпоха балтийских войн”»), проект 5.41.1207.2011 (Мероприятие 9, поддержка издания данной монографии).

Считаю своим долгом выразить сердечную благодарность Д. Вилимасу, Г. Мицкунайте (Вильнюс), С. Жемайтису (Санкт-Петербург), оказавшим неоценимую помощь в работе с литовскими источниками и историографией. Хочется сказать самые добрые слова в адрес А. Селарта (Тарту), помогавшего в изучении эстонской историографии и сделавшего для меня гостеприимным Тарту. Г. Скутанс (Рига) ввел автора в круг латышской историографии. Без поддержки и консультаций И. Грали (Варшава) вряд ли бы оказались возможными плодотворные исследования в польских архивах и библиотеках. Среди польских коллег надо также отдать должное М. Ференцу (Краков), благожелательному партнерству коллег из Вроцлавского университета и особенно Б. Року. Ценные советы и помощь в работе с белорусскими источниками и литературой были получены от А. Янушкевича, А. Дзярновича, В. Темушева (Минск) и И. Марзалюка (Могилев). В изучении украинской литературы очень серьезную поддержку оказали Д. Вирский (Киев) и С. Лепявко (Чернигов). Наконец, невозможно выразить всю глубину благодарности библиотеке Кильского университета и профессору Л. Штайндорфу, предоставившим автору самые лучшие условия для работы, которые когда-либо у меня были. Особое спасибо необходимо сказать немецким коллегам, Р. Фречнеру (Мюнхен), К. Брюггеманну и К. Майеру (Люнебург) за их доброе внимание и поддержку. Не могу не вспомнить отзывчивость С. Богатырева (Лондон), А. А. Селина (Санкт-Петербург), А. С. Усачева (Москва).

В ходе работы над книгой ценные замечания и советы высказывали М. М. Кром, А. Н. Лобин, В. А. Якубский, В. В. Шапошник (Санкт-Петербург), А. Л. Хорошкевич, В. Д. Назаров, А. Л. Кузьмин, К. Ю. Ерусалимский (Москва) и многие, многие другие. Всем им считаю своим долгом выразить особую благодарность. Необходимо упомянуть исторический факультет Санкт-Петербургского университета и его декана А. Ю. Дворниченко, благодаря которым стали возможными мои петербургские студии. И, наконец, следует сказать огромное спасибо моей семье (маме — С. Н. Филюшкиной, жене — С. С. Смирновой, детям Егору и Федору), которая много лет несет тяжкий груз Ливонской войны. Не будет преувеличением сказать, что без твердости и настойчивости Светланы Смирновой эта книга не была бы дописана и издана.

Монография состоит из двух больших разделов, разбитых на главы. В первой части изучаются российские источники и, соответственно, российские дискурсы Ливонской войны. В второй — европейские. Нельзя сказать, что структура получилась очень стройной, но все другие перепробованные варианты были еще менее удачными. Поэтому мы решили отдаться на волю источников и пойти туда, куда указывают они.

Начнем *ab ovo*.

Воронеж — Москва — Краков — Варшава — Вильнюс —
Минск — Таллинн — Тарту — Рига — Берлин — Киль —
Санкт-Петербург — Толмачево, 1995–2011 гг.

Часть I

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Люди же страны тоя своим государем во всем повинующеся и ничем никогда противления не творяше. Царие же их и святители зеле благочестиви и христианскую веру держащее крепко... прияша святое крещение и доньне ни един бо от них бысть еретик; елицы же от них кто в вере заблудится, таковых заточением дальним осуждают и ересем никаким отнюдь не допускают плодиться. По чужим государствам никуда не ездят, разве в посольстве, боящеся, да нечто от них навькнут и в ересь впадут; к сим же и от своих государей воли о сем не имут; сего же ради и наветуемы и ненавидимы от многих стран, яко веру христианскую, юже прияша от грек, держат крепко и непреложно и ересей отнюдь ненавидят. И ученых людей и дохтуров и философов имеют у себя мало для того что книжному писанию учены не вси, точию вельможи и воинские люди и купецкие лутчие люди, прочие же рабы и поселяне зело неучены и грубы и мятежливы и ропотливы и сего ради от господ своих по премногу наказуемы, а паче злые люди воры и разбойники казними бывают злыми смертьми.

*Известие о России в XVII в.
(Из книги «Космография, иже переведена
с Римского языка на Славенский,
от Создания Мира 7173» (1665) года)*.*

---

* Известие о России в XVII в. (Из книги «Космография», иже переведена с Римского языка на Славенский, от Создания Мира 7173 (1665) года) // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачев. СПб., 1859. Кн. 3. Архив. С. 4.

Карта России Антонио Дженкинсона, 1593 г.

Глава I

ЧТО РАССКАЗЫВАЮТ ЛЕТОПИСЦЫ-СОВРЕМЕННОКИ О ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ?

Степенная книга

Ливонская война, согласно официальным российским источникам и историографии, началась в 20-х числах января 1558 г. вторжением русских войск в Ливонию в районе крепости Нейгауз.

Самым ранним по времени появления русским летописным сочинением, в котором освещались боевые действия в Прибалтике, является Степенная книга. Относительно этапов ее создания и эволюции списков и редакций идут споры, отраженные в последних фундаментальных работах А. В. Сиренова¹, А. С. Усачева², Г. Ленхофф³, Н. Н. Покровского⁴, С. Богатырева⁵ и др. Однако так или иначе все согласны, что «Книга Степенная царского родословия» (далее — СК) была написана в рамках «широкой датировки» второй половины 1550–1560-х гг.⁶ В XVII в. появились новые редакции СК, произведение было необычайно популярно. Большинство памятников русской исторической мысли второй половины XVI–XVIII в. испытало влияние этого произведения, а многие из них использовали СК в качестве источника.

¹ Сиренов А. В. Степенная книга: История текста. М., 2007.

² Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

³ Ленхофф Г. 1) Степенная книга: Замысел, идеология, интерпретация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Под ред. Н. Н. Покровского, Г. Ленхофф. М., 2007. Т. I. С. 131–144; 2) Lenhoff G. The Chudov Monastery and the Stepennaia Kniga // FOG. 2010. Bd. 76. P. 97–116.

⁴ Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43; Покровский А. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В. Археографическое предисловие // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 6–23; Журавель О. Д. О почерках древнейших списков Степенной книги и о некоторых вопросах ее ранней истории // “The Book of Royal Degrees” and the Genesis of Russian Historical Consciousness / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, 2010. P. 33–50.

⁵ Bogatyrev S. The Book of Degrees of the Royal Genealogy: The Stabilization of the Text and the Argument from Silence // “The Book of Royal Degrees” and the Genesis of Russian Historical Consciousness / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, 2010. P. 51–68.

⁶ Особняком стоит точка зрения Э. Кинана, относящего СК к 1580-м гг. (Keenan E. The Stepennaya kniga and the Godunovian Renaissance // “The Book of Royal Degrees” and the Genesis of Russian Historical Consciousness / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, 2010. P. 69–80.

Развалины ливонской крепости Нейгауз, первой встретившей удар русских войск в 1558 г.
Фото 2011 г.

Центральным пунктом концепции СК являлась интерпретация прошлого Московского царства в духе иосифлянских теократических устремлений. Это определило специфику жанра произведения. По словам А. В. Сиринова:

«Созданная в 60-е гг. XVI в. Степенная книга представляет собой первую попытку концептуального изложения русской истории. В основу композиционного построения положен образ лестницы с золотыми ступенями, ведущей Россию и ее народ от земли на небо, от язычества к Богу. Каждая ступень этой лестницы — период правления очередного русского «самодержца». Таковыми в Степенной книге представлены русские князья от Владимира Святого до Ивана Грозного, чье правление составляет последнюю, семнадцатую ступень (ступень) золотой «лестницы» русской истории. Каждой ступени отведен самостоятельный раздел в тексте — «грань». Грань в свою очередь подразделяется на главы. Каждая глава повествует о достойных почтения деяниях, случившихся в царствование очередного самодержца. Нередко главами являются жития святых, повести и сказания о чудотворных иконах и т. п. Соединяет эти повествования адаптированный для широкого читателя текст летописи»⁷.

Рассказ об истории и характере правления Ивана IV в СК призван изобразить все деяния первого русского царя как богоугодные. В таком духе описываются: борьба с изменой Юрия Ивановича Дмитровского и Андрея Ивановича Старицкого, нападение на «украину» Сигизмунда I по наводке предателей С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого, венчание Ивана IV на царство, всеобщее покаяние народа после пожара 1547 г., Казанская кампания, поездка 1553 г. Ивана по святым местам, взятие Астрахани, походы на Крым Д. Вишневецкого, покорение Сибири, ногаев, защита Царьградского и Александрийского митрополитов от турок.

18-я глава 17-й степени содержит заголовок: «О многочисленной победе на ливонские немцы и о взятии градов Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велиада и иных многих»⁸. В ней говорится, что Ливонская земля в древности звалась «Чюдьцы». Она принадлежала русским князьям, здесь великий князь Ярослав Владимирович основал в свою честь г. Юрьев и святые церкви поставил. Прихожане «чюдьцев» были подвластны Русской митрополии. Здесь важен момент, что, согласно СК, именно русские принесли сюда христианство. Если «чюдьцы» подчиняются Русской митрополии, то они — православные.

Но потом «из Заморья» пришли «богомерзкие немцы», завоевали «чюдьцев», при этом сами стали подвластны русским князьям и дань давали русским государям и Великому Новгороду, но

«Егда же умножишися и обогатешя и самочинием възгордешия, и не токмо дани давати не начаша к Новгороду, но и брань супротивну въздвизаху и пакости многи Великому Новгороду и Пскову содеваху, овогда убо побеждающе, овогда же сами побежени бываху многажды, и мир содеваху на всеи воли новгородцкою и на всеи воли псковьскою».

Немцы многократно заключали мир, потом нарушали его, то есть зарекомендовали себя закоренелыми клятвопреступниками. Наконец, они дошли до того, что:

«...не токмо благочестия держателем не покоряхуся, но и на Церковь Христову възколебашася к своему им разорению. И епископию Юрьевьскую от истиннаго благочестия в латыньское бископство претвориша, таже и церкви Божия

⁷ Сиринов А. В. Степенная книга... С. 3.

⁸ Текст Степенной книги цитируется по изданию: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Ленхофф. М., 2008. Т. II. С. 380–389. Публикация в ПСРЛ устарела, сделана по Пискаревскому списку конца XVI – начала XVII в. (ОР РГБ. Ф. 228, № 177) и содержит большое количество неучтенных разночтений с ранними списками (ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1913. С. 655–662).

разориши, потом же и святые иконы попраши. На правоверных же христиан, живущих тамо, възбеснешяся, и гонение велие воздвигоша паче древних злеиших иконоборец, и мучители немилостивии быша им. Потом же гордостнии немцы и всех жителей русских истребиши от земля Ливонския, и домы их, и вся руския коньцы, иже в градах ливонских, себе похитиши, таже паки потом и приходящим к ним русским гостем и всяким купцем многу тцету купли их содеваху и имения их лишяху, и осрамляху их, и поносным бесчестьем обругахуся их».

Мы видим, что конфликт изначально переносится в области религиозной и политической идентичности. «Наших бьют» — вот главная мотивация нападения на Ливонию по автору СК, митрополиту Афанасию (или его коллеге, составителю этого раздела СК). Наших — это прежде всего православных, но в то же время — видимо, и православных «чюдьцев», исконных (наравне с русскими) жителей Ливонской земли. «Немцы» здесь предстают как оккупанты, захватчики, причем не только преследующие истинную христианскую веру, но и истребляющие русских жителей, выгоняющие их из своих домов, мешающие им жить. Это — враг, который представляет угрозу для нашего существования. А вдруг начнут с Ливонии, а дальше пойдут на Новгород, Псков, как это уже делали неоднократно? Иван Грозный с его развязыванием войны выступал под пером автора книги спасителем веры, своего народа и освободителем, а война — несомненно, справедливой. Немецкий исследователь Р. Фречнер обоснованно считает войну, изображенную на страницах СК, «войной за веру», «Священной войной»⁹.

Благочестивый царь Иван IV «о сих всех жалости многи исполнися» и послал неоднократно к немцам с увещеваниями исправиться, начать вновь платить дань Новгороду, прекратить преследования христиан, «...аще ли же неисправлени пребудут, то мечем своим претяше им». Ливонцы испугались, потому что прознали про судьбу не прислушавшихся к требованиям царя Казани и Астрахани. Они прислали в Москву послов от магистра Ливонского и Юрьевского епископа,

«...со многим молением, милости и мира просяще и покаяющеся, обещахуся дань даяти мимошедших лет и впредь хотящая быти лета, и концы руския по древнему очистити, и церкви Божия въздвигнути людем руским невъзбранно дерзати».

И государь «моления их не презре». Однако немцы прислали послов вторично, «льстивно мировоние умысливше», стали требовать облегчения дани. Иван Грозный послал своих бояр, они выслушали ливонцев «...и уразуме лжесловесное их коварство, яко обещахуся дань даяти, и не токмо не даяху, но и на брань готовляхуся». Поэтому сам царь отказался принять таких лукавых лжецов, «...а сам уповая на великую милость всесилнаго Бога и на свое пред ними оправдание».

Иван IV тогда послал на них рать, причем акцентируется внимание на участии в ней «всей земли» — «новоградцы и псковичи все и из московских градов многие люди выбором», а также татары Шигаляе и Кайбулы, черкасы Сибока и Млашика, казанские, свияжские и чебоксарские татары и черемисы, городецкие татары. Подчеркивается, что среди них были «новокрещень», то есть обращенные в христианство мусульмане идут воевать за веру. Дальше описываются победы русской армии, легко проходящей всю Ливонию «...от литовского рубежа и до моря и до Риги за немного, тако же и до Колывая¹⁰» и берущей один город за другим, разбивающей немцев

⁹ Frötschner R. Der Livländische Krieg (1558–1582/83) — ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen offiziellen Moskauer Historiographie // Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden, 1999. S. 387. (Imagines Mædii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung. T. 3).

¹⁰ Русское название Ревеля.

в полевых сражениях. Говорится о взятии г. Костра¹¹, сожжении посадов у Алыста¹², Корслова¹³, Бабина¹⁴, Юрьева¹⁵, Ракобора¹⁶, Муки¹⁷, Конгуда¹⁸, Лаюса¹⁹, Ругодива²⁰, Аскилуса²¹. Заметим сразу, что очень сомнительно, чтобы русские войска сразу же, в первый же поход, добрались до окрестностей Риги и Ревеля²².

Воеводы, вернувшись из похода, написали магистру: «Аще не исправитесь пред государем — горша сего узрите над вами». Магистр, конечно, молил заступиться за него перед государем и обещал выплатить дань. Государь смилостивился, позволил привезти дань и стал ее ждать. А вместо этого лукавые немцы из Нарвы начали обстрел Ивангорода! Русские полки вновь идут в Ливонию, одерживают там множество побед. Это сопровождается чудесами, например, обретением православных образов на пепелище пожара в г. Нарве. При этом русские воины, штурмовавшие Нарву, через р. Нарову переправлялись легко, «аки ангелом носимы».

Ливонцы же постоянно лукавят, просят о милости («льстивые моления»), о переговорах, обещают исправиться, горожане Нарвы даже целуют крест на верность Ивану IV — и все немцы тут же лгут, нарушают клятвы (хитрая Нарва, присягнувшая

Везенберг (совр. Раквере), фото крепостных укреплений, 2009 г.

¹¹ В источниках есть г. Костер Старый (Олденгорн) и г. Костер Новый (Вармек).

¹² Немецкое название — Мариенбург.

¹³ Немецкое название — Зоммерпален.

¹⁴ Немецкое название — Ульсен.

¹⁵ Немецкое название — Дерпт.

¹⁶ Немецкое название — Везенберг.

¹⁷ Немецкое название — Муша (Muscha).

¹⁸ Другое название — Конгот.

¹⁹ Немецкое название — Лаис.

²⁰ Немецкое название — Нарва.

²¹ Видимо, имеется в виду латышское название Айскарод, Aizkraukle (немецкий Ашераден, русский Скровный).

²² См.: *Филюшкин А. И.* Январский поход 1558 г. русской армии в Ливонию: Взгляд из разных лагерей // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 120–121.

Замок Лаюс. Фото 2009 г.

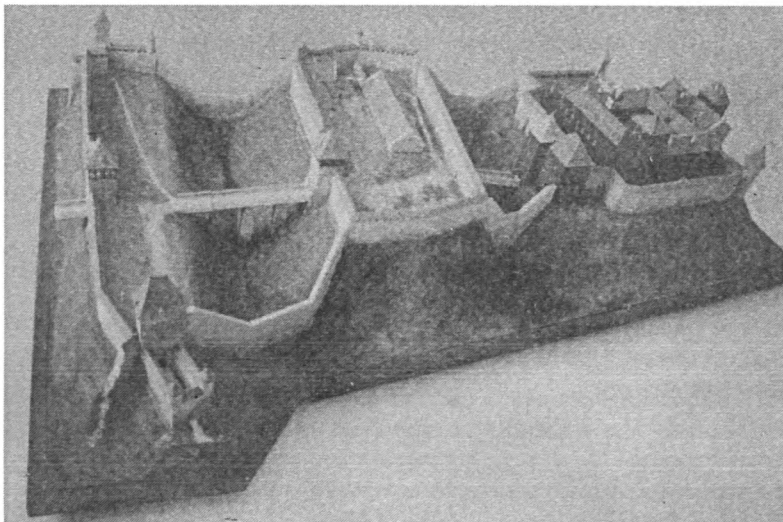

Карта Ливонии 1574 г.

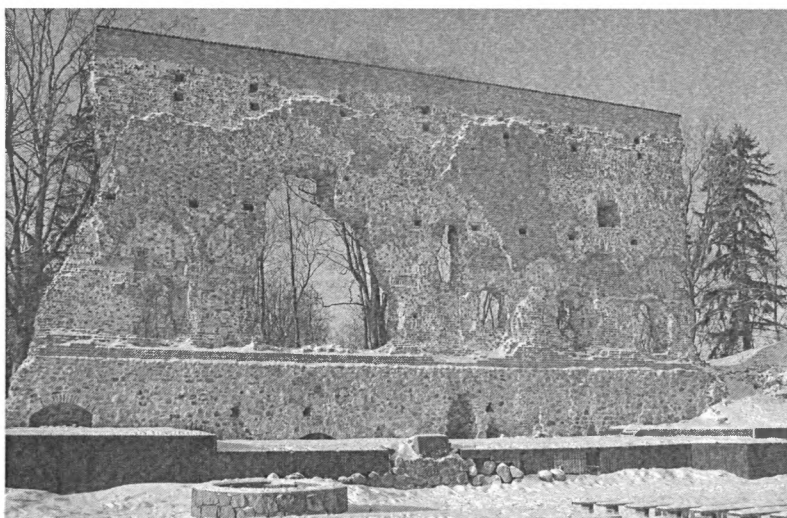

на верность, тайно вызывает себе на помощь отряд магистра), за что Бог их немедленно карает новыми победами русского оружия. В СК помещена знаменитая легенда о Нарвской иконе Божьей матери, которую безбожные немцы хотели сжечь в костре для варки пива, но были наказаны городским пожаром и вторжением русских войск. А чудотворный образ, невредимым обретенный на пепелище, был торжественно перенесен в Москву (подробнее о нарвском чуде см. следующую главу).

Рассказ СК освещает боевые действия в Прибалтике в 1558–1560 гг., от январского похода 1558 г. до взятия Феллина летом 1560 г. Они представлены в виде единой кампании, имеющей логическое завершение: в Феллине был пленен и сведен на Москву магистр ордена, и этим продемонстрированы победа и торжество русского царя и православной веры. По аналогии с татарскими ханствами, пленение правителя

Современный макет крепости Феллин.

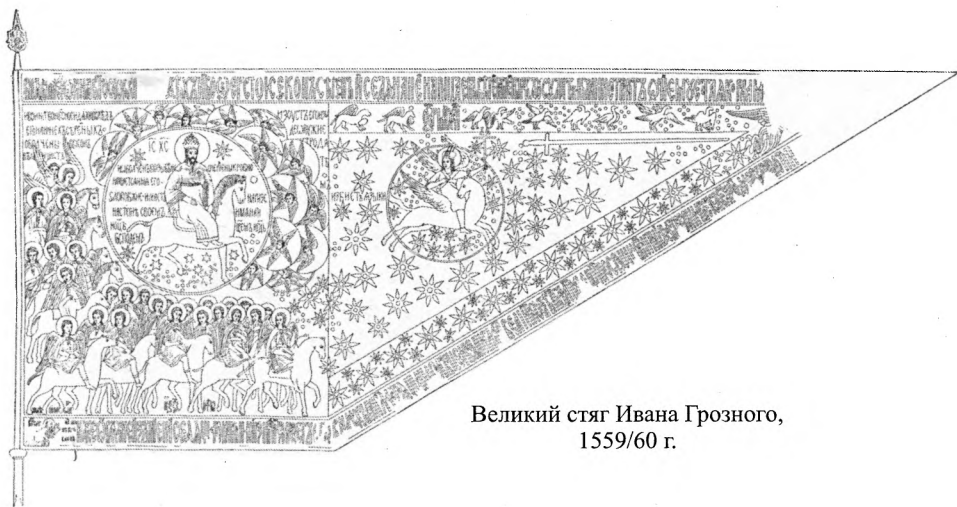

Развалины замка в Феллине. Фото 2006 г.

страны приравнивалось к ее покорению (хотя к этому времени бывший магистр Фюрстенберг, действительно, плененный под Феллиным, уже оставил свой пост, который теперь занимал Г. Кеттлер). Таким образом, ливонцы были наказаны за свои преступления.

Об особом значении взятия Феллина для Ивана Грозного, кроме СК, на этом заканчивавшей собственно ливонскую кампанию, косвенно свидетельствует следующий факт. Возможно, именно для похода на Феллин в 7068 г. (то есть 1559–1560 гг.) был создан т. н. Великий стяг. На нем было изображено Небесное Воинство во главе с Христом, перед ними Архангел Михаил и меч, расположенный горизонтально и придающий динамизм всему стягу. В откосе был изображен ангел, стоящий на солнце. По кайме размещены апокалиптические звери и птицы, которых стоящий на солнце ангел созывает на трапезу (поедать тела врагов Небесного Воинства). Надписи на знамени являются цитатами из Апокалипсиса. Единственное, что нарушает апокалиптическую символику — согласно Откровению, меч должен выходить изо рта Христа (на знамени же он расположен отдельно). В нижнем левом углу стяга на коленях перед Небесным Воинством стоит Иоанн Богослов²³.

Великий стяг, предназначенный для похода на Феллин, знаменовал собой квинтэссенцию концепции «Священной войны», выраженной в том числе на страницах СК. Как справедливо отметил С. Богатырев: «Иконографическая программа знамени, таким образом, фокусируется на уничтожении врагов Христа. Они будут поражены Христовым мечом, их плоть будет истреблена птицами»²⁴. Победа над Ливонией, как явствует из этой символики, мыслилась как победа прежде всего служителей истинной веры, православия, над еретиками. И в глазах автора СК эта победа была достигнута.

Великий стяг Ивана Грозного,
1559/60 г.

²³ Вера и власть: Эпоха Ивана Грозного / Под ред. Т. Е. Самойловой, А. К. Левыкина. М., 2007. С. 160. Анализ символики стяга см.: *Bogatyrev S.* 1) Ivan the Terrible discovers the West: The cultural transformation of Autocracy during the Early Northern Wars // *Russian History = Histoire Russe*. 2007. Vol. 34. P. 176–177; 2) The Heveanly Host and the Sword of Truth: Apocalyptic Imagery in Ivan IV's Muscovy // *The New Muscovite Cultural History: A collection in honor of Daniel B. Rowland* / Ed. by V. Kivelson etc. Bloomington, 2009. P. 81–87.

²⁴ *Bogatyrev S.* The Heveanly Host... P. 82.

Больше ничего о войне за Прибалтику в СК не говорится. Сразу вслед за известием о падении Феллина, в той же главе 18 под 7071 (1563) г. помещено сообщение, что «за враждование и неисправление короля литовского» Иван IV взял «древнее свое Отечество», г. Полоцк, «и тамо живущих богоубиивственных жидов конечной пагубе предаде и богомрзьких же латын и злеиших иконоборець расплени и расточи, и град благочестием обнови, и в нем истинное православие утверди». Ни о какой связи между войной с ливонцами и походами на Полоцк в СК не говорится. Далее СК переходит к рассказу об отношениях с Крымским ханством и всемирными патриархами и больше к теме войны за Прибалтику не возвращается.

Таким образом, в первоначальном концепте этой войны, заложенном в СК, можно выделить несколько принципиальных моментов. Первый — война идет за возврат исконных русских земель, за реализацию права российского монарха на эти земли, которое выражается в виде требования дани, неприкосновенности его подданных на ливонской территории. Второй — война носит богоугодный и даже священный характер, так как является наказанием впавших в грех еретичества ливонских немцев, которые сравниваются с иконоборцами. Третий — война закончена в 1560 г. пленением магистра и взятием его резиденции, это несомненная победа русского оружия. Дальнейшие боевые действия и вмешательство в конфликт других держав автора СК совершенно не интересуют, их как бы и не было.

А. С. Усачев считает, что посвященные событиям в Ливонии разделы в СК были внесены «несколько позднее основного текста», не ранее февраля 1563 г., т. е. взятия Полоцка²⁵. Но если это предположение верно, получается, что первые два года войны за Прибалтику (а СК в своем первоначальном варианте, по А. С. Усачеву, заканчивалась 1560 г.) изначально в памятнике вообще не упоминались, что, учитывая пафос и значение, который придавался древнерусскими книжниками «победе на Ливонские немцы», несколько странно. К тому же победам в Прибалтике и взятию Полоцка, как было показано выше, автор СК придает разный смысл. А. С. Усачев отмечает эту особенность повествования СК, но считает, что создатель произведения просто спешил, не располагал информацией, писал по горячим следам Полоцкой победы сразу же в феврале–марте 1563 г., не успел ее осмыслить, поэтому и ограничился столь лаконичным рассказом.

Данное объяснение нам кажется недостаточным. Известие о Полоцке могло быть вставлено позже, но нет оснований считать поздней вставкой рассказ о войне в Ливонии в 1558–1560 гг. — ведь она продолжалась и в 1561, и в 1562 гг., и там было много знаменательных событий. Да и сам рассказ стилистически соответствует основному тексту СК.

В любом случае, перед нами самая ранняя из дошедших до нас рефлексий в отечественном нарративе начала борьбы за Прибалтику, хронологически весьма близкая к этим событиям.

Московские летописные своды

Был ли рассказ СК о событиях в Прибалтике конца 1550-х гг. оригинальным сочинением, созданным специально для СК, или можно выделить его источники, т. е. еще более раннее осмысление борьбы за Прибалтику? А. С. Усачев высказал предположение, что таковым источником могли быть летописные записи, которые легли в основу т. н. Свода 1560 г. (созданного в середине 1560-х гг.)²⁶. Они реконструируются лишь гипотетически: Б. М. Клосс отождествляет их с недошедшей до нас редакцией «Лето-

²⁵ Усачев А. С. Степенная книга и Ливонская война // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. Сб. статей / Под ред. А. И. Филюшкина. М., 2010. С. 292–301.

²⁶ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность... С. 252–259.

писца начала царства», доведенной до 1560 г.²⁷ и отразившейся в Львовской летописи. А. С. Усачев полагает, что это могли быть летописные заметки, изъятые у опального окольного А. Ф. Адашева и хранившиеся в Царском архиве²⁸. Так или иначе, здесь мы остаемся в круге гипотез.

Древнейшим сводом, в котором отразилось официальное летописание, является список Оболенского Никоновской летописи (РГАДА. Ф. 201. № 163). По Б. М. Клоссу, он образовался в результате слияния летописного свода митрополита Даниила 1520-х гг., дополнений по Воскресенской летописи и «Летописцу начала царства» и летописным заметкам за 1556–1558 гг. В дальнейшем список Оболенского использовался в качестве главного источника при составлении Лицевого летописного свода (по Б. М. Клоссу, между 1568 и 1576 гг.²⁹). О соотношении списков, их датировке и этапах формирования официального летописания в науке идут дискуссии³⁰. С Никоновской летописью также сходно изложение во Львовской летописи (за 1558–1560 гг., далее она обрывается)³¹. В XVII в. данный текст отложился в Лебедевской и Александро-Невской летописях.

Информация официальной летописи, по всей видимости, была основана на документах, хранившихся в архивах московских государственных учреждений. Видимо, о них идет речь в Описи Царского архива: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец, лета новые, прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 7076-го» (т. е. от 1559/60 до 1567/68). Видимо, речь идет об «отписках», которые должны были сочинять и присылать в Москву как русские дипломаты, так и воеводы, в качестве отчета о своих действиях. Известно, что подобные записи вел в Ливонии пребывавший там на воеводстве А. Ф. Адашев³².

Официальная летопись по годам рассказывает о начале войны, договорах с ливонцами, боевых действиях до 1564 г., дипломатических переговорах до 1567 г. Конфликт изображается в провиденциалистских тонах: Иван IV исполняет Божью волю, наказывая ливонцев — изменников и клятвопреступников. Мотивация нападения на Ливонию, изложенная в русской летописи, звучит очень торжественно. Страна должна ответить прежде всего за свое клятвопреступление: ливонцы «государю того не исправили всего, на чем крест целовали». Их поведение квалифицируется как «неправда», «крестное

²⁷ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 202–203.

²⁸ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность... С. 257–258. — О причастности А. Ф. Адашева к летописанию см.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1. С. CLXV; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 90; Зимин А. А. 1) «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. Вып. 10. С. 80; 2) И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 29–41; Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 196–199; Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. М., 1999. С. 78–79. — Критику взглядов на А. Ф. Адашева как на летописца см.: Морозов В. В. 1) О парадигме, историографии и Алексее Адашеве // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990. Ч. 2. С. 181–182; 2) Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 96–98; Филошкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и Избранная Рада. М., 1998. С. 298–300.

²⁹ Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 227–231, 249.

³⁰ Подробное см.: Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; Лицевой летописный свод XVI века: Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е. А. Белоконов, В. В. Морозов, С. А. Морозов. М., 2003; Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

³¹ ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1914. С. 587–621.

³² В конце 1560 – начале 1561 г. А. Ф. Адашев умер в Дерпте. После его смерти туда был послан князь А. П. Телятевский с «обыском» «про Олексею смерть Адашева». В Описи Царского архива упоминается ящик 223, где находился «Обыск князя Андрея Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Алексею смерть Адашева, и списки черные, писал память, что писати в летописец лет новых, которые у Алексея взяты» (Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. / Подг. к печати С. О. Шмидта и С. А. Левиной. М., 1960. С. 42–43).

преступление». Таким образом, русский царь изображен как гарант «правды», сохранения на земле богоустановленного порядка, который должен следить за соблюдением клятв, принесенных на кресте. При этом Иван Грозный выступает не только хранителем богоданных принципов, но и защитником конкретных православных объектов — например, разоренных ливонцами православных церквей. Он решил, «положа упование на Бога своего, самому искати на маистре и на всей Ливонской земле»³³.

Дискурс Священной войны был отражен в ритуалах, описанных в летописи. Несостоявшийся майский поход 1562 г. Ивана IV на Литву был обставлен очень торжественно. 3 мая царевич Федор Иванович уехал молиться к Николу Заразскому³⁴ — покровителю в битвах с иноплемменными. 21 мая сам царь пешком вышел во главе процессии, в которой были царь Александр Казанский (явная семиотика покорения ханства!), бояре и дети боярские, которые выступали в поход. Шествие двинулось к арбатской церкви Бориса и Глеба³⁵ — Святых заступников великокняжеской фамилии.

После обедни прямо у церкви Грозный сел на аргамака (воплощение известной формулы «сесть на конь») и «пошел на свое дело»³⁶. Правда, до дела не дошло: простояв все лето в Можайске, 13 сентября Грозный вернулся в Москву, причем возвращение происходило в обратной последовательности: на Арбате у церкви Бориса и Глеба царя встретил «с кресты» митрополит Макарий, и уже оттуда Иван IV с детьми, Иваном и Федором, и с крестным ходом шел по Москве³⁷.

Часовенный столб на месте арбатской церкви Бориса и Глеба.
Фото А. С. Усачева. 2011 г.

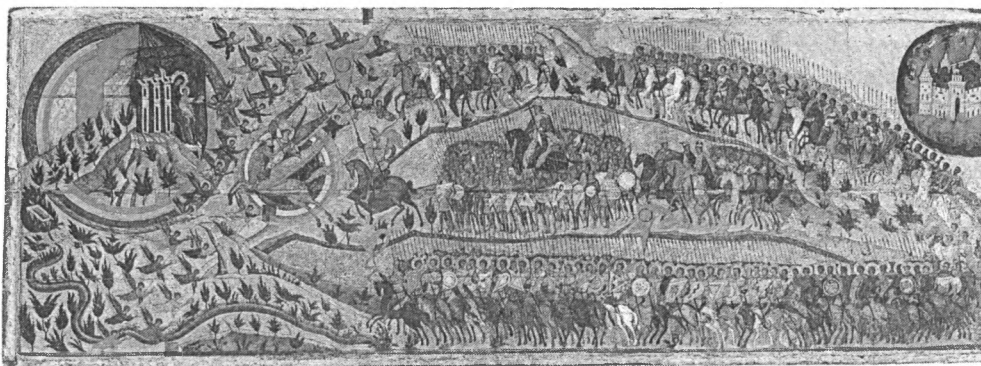
³³ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 280, 287, 290.

³⁴ Город Никола-Зарайский-на-Осетре, с Никольским храмом внутри Кремля. В храме хранилась чудотворная икона Николы Зарайского, связываемая с циклом рязанских повестей о Николу Зарайском, о событиях монголо-татарского нашествия (см.: Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий / Сост. И. Н. Николев. М., 1888; Лихачев Д. С. Повести о Николу Заразском (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257–406).

³⁵ Деревянная церковь Бориса и Глеба на Арбате упоминается в 1483 г., в XVI в. стала каменной. По решению Стоглава, Борисоглебский храм был включен в число семи столичных храмов — главных в своем округе (по числу семи Вселенских соборов). Здесь неоднократно в середине XVI в. свершались молебны на благословение русского воинства в его походах против западных врагов — литовцев и ливонцев. Церковь была снесена в 1930 г., сейчас на ее месте стоит часовенный столб.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 341.

³⁷ Там же. С. 344. — Подобные ритуалы, видимо, рассматривались как необходимые. Во всяком случае, они изображаются как атрибут поведения царя накануне крупных военных акций. Так, накануне похода на Ливонию 1577 г. Иван Грозный молился у чудотворной Богородичной иконы и прикладывался к раке псковского чудотворца князя Всеволода. Государя благословил Печерский игумен Сильвестр (здесь налицо аллюзии с памятниками Куликовского цикла, с благословением Дмитрия Донского Сергием Радонежским). Царь также «по чудотворным иконам знаменавшись и многие обеты святым местом и чудотворным и святым иконам воздати обещавшееся, наипаче чудотворному Печерскому монастырю». После победы царь повторно объехал обители и храмы с чудотворными иконами, перед которыми приносил обеты, и с молитвами и благодарностью славил милость Господа, даровавшего одоление на врагов (ППСБГП. С. 37, 39–40).

«Церковь воинствующая». Икона, сер. XVI в. Традиционно считается, что данный образ отражал и формировал идеологию «Священной войны» Ивана Грозного.

Согласно летописи, то, что Бог дает русскому царю Ливонию, есть несомненное свидетельство его благоволения к действиям государя. Русское войско внушает врагу страх. В результате похода 1558 г. на Новгородок (Нейгауз) и Юрьев (Дерпт) «бысть страх по всему Заморью»³⁸. При нападении в 1563 г. на Полоцк «Литва бо вся подрожала от страху от многово войска». Трофеи русских всегда огромны: так, согласно летописи, только в Юрьеве было захвачено 552 пушки!³⁹ Война характеризовалась в выражении: «хотели ийти с маистром и з бискупом битца, искать над ними дела государева и земского, сколько милосердный Бог поможет»⁴⁰. Таким образом, она изображена как некий Божий суд, который осуществляют царские воеводы, исполняя «дело государево».

Итоги кампании 1558 г. описаны в летописи следующим образом: «И всего городов немецких государевы воеводы взяли в 66-м году дватцать городов, и с волостьмы и селы, и во всех городех церкви христианские воздвигнули и православие и благочестие утвердили»⁴¹. Перед нами триумфальное шествие православной веры, маркирующееся устроением церквей во взятых ливонских городах. Приведение покоренного населения к присяге на верность Ивану IV трактуется как «приведение к правде», т. е. правильной, одобренной Богом клятве⁴².

Первое известие о победах в январском походе 1558 г. пришло в Москву, как особо подчеркнуто, «в Масленое заговенье». Описание побед стандартно для русской летописи: «посады пожгли и людей побили многих, и полону безчисленно множество поимали». При этом русские войска несут ничтожные потери — в первый поход, согласно Никоновской летописи, погибло 34 воина, «и тут, дал Бог, везде немец побивали». Масштаб разгрома ливонцев все время определяется в превосходной степени, правда, без конкретных цифр. Возможное разрешение конфликта мыслится русской стороной только в рамках идеологических схем, характерных для московской политической культуры: ливонцы просят прощения за свою вину, бьют об этом челом, царь, царевич и бояре «станут государю об них печаловатца», и тогда государь их «пожалует», примет под свое подданство⁴³.

³⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 302.

³⁹ Там же. С. 305.

⁴⁰ Там же. С. 303.

⁴¹ Там же. С. 306.

⁴² Там же. С. 304.

⁴³ Там же. С. 289–290.

В официальном русском летописании мотивация нападения России на Ливонию в 1558 г. весьма схожа с объяснением причин Казанского похода 1549 г.:⁴⁴

**Никоновская летопись,
статья 7058 г. (1550)**

Царь и великий князь Иван Василиевич всёя Руси не мога терпети от *клятвопреступников* Казанцов за многиа *их творимыя клятвы и неправды*... и многиа *церкви оскверниши* и в запустенье учиниши, благочестивая же его держава о сих скорбяше и не мога сего от них тръпети, от безбожнаго их *клятвопреступления*...

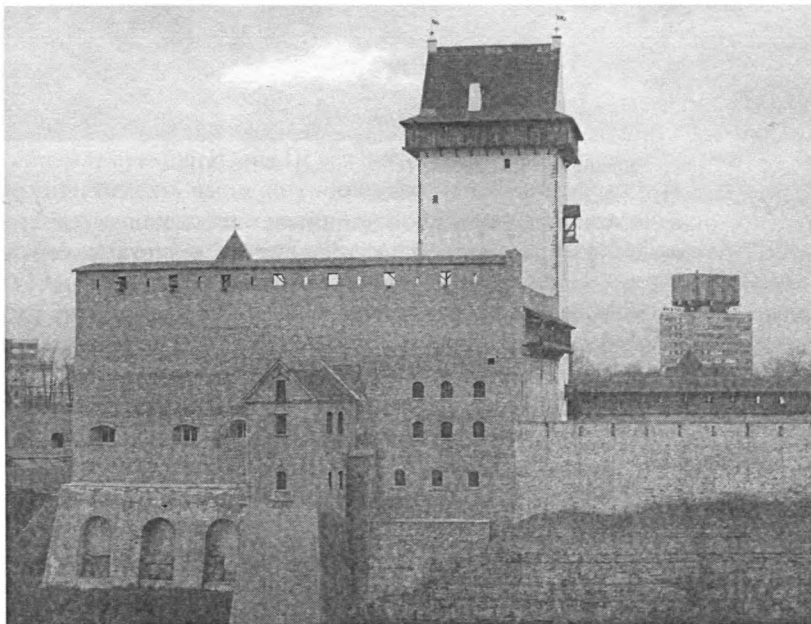
**Никоновская летопись,
статья 7066 г. (1558)**

... царь и царевичи и воеводы послали к маистру грамоту, а писали к нему, что за их *несправление* и *крестное преступленье* и за *розорение церьквам крестьянским* и государь царь православной послал на вас войну, и та кровь пролилася от вашего *неисправления*...

Таким образом, можно говорить о шаблонном объяснении причин похода на Ливонию в 1558 г.: русский царь всегда воюет за правду, наказывает врагов, если они не соблюдают ранее данных клятв и разоряют христианские святыни. Враги нетверды и робки: ливонский магистр тут же просит о мире, обещает исправиться и просит пропустить его послов к государю. Милосердный и справедливый царь

«... к маистру и ко всей земли отписал, что опасную послал наперед сего, и им самим по той опасной грамоте быти и послов прислати за свои вины бити челом, дорога чиста и приехати и отъехати, и рать в то время уняти велел государь»⁴⁵.

Как «царь правды», справедливый и благородный, под пером летописца царь Иван IV ведет себя и при взятии Нарвы. Он отзывается на просьбы горожан, желающих принять его подданство, страдающих от своевольного фогта («князьца»), которого «не уняти». Он «жалует» своих новых подданных и готов их «беречь», заступаться перед магистром и другими врагами. Он наказывает изменников, предавших собственную клятву. Его

Нарвский замок. Вид из Иваногорода. Фото 2007 г.

⁴⁴ Там же. С. 158, 290.

⁴⁵ Там же. С. 292.

торжество над посрамленными врагами — «величие Божие, как милосердный Бог показал милость свою государю нашему над Ругодивом и с Вышегородом»⁴⁶.

Как и другим кампаниям того времени, летописец стремится придать этой войне богоугодный характер. Это выражается во введении сакральной символики в повествование о взятии Нарвы (чудо неопалимых икон — о нем подробнее см. в параграфе об агиографии, очищение города от неправедной веры и т. д.) и Сыренска (Нейшлосса). Речь идет о возведении в городе православных храмов и торжественных молебнах в честь взятия)⁴⁷.

Развалины Нейшлосса (Сыренска). Фото 2011 г.

Остальное повествование официальной летописи, описывающее события с лета 1558 г. по 1567 г., лишено идеологической составляющей. Следует перечень походов, взятых городов, имен воевод, констатация побед и поражений. Сохраняется христианская риторика («А всего городов немецких государевы воеводы взяли в 66-м году дватцать городов, и сволостьми и с селы, и во всех городех церкви крестианские воздвигнули и православие и благочестие утвердили»)⁴⁸, но уже в меньшем объеме. Это несравнимо с языком описания похода января 1558 г. и историей взятия Нарвы. Многие сообщения летописи напоминают пересказ воеводских донесений, они даже содержат прямые ссылки на воеводские «отписки»⁴⁹. Несомненно и сходство с разрядами.

Периодически летописец возвращается к идеологии Священной войны, но повторяется и не оригинален. Так, под маем 1560 г. он пишет об отпуске в Ливонию «большого наряда» «...за их многие неправды и за порухение крестианские веры и за позжение образов Божиих и святых всех и за их неисправленье пред государем».

⁴⁶ Там же. С. 295.

⁴⁷ Там же. С. 296, 299.

⁴⁸ Там же. С. 308.

⁴⁹ Там же. С. 311–312, 322, 325.

Перед нами явное повторение мотивации нападения на Нарву, хотя нет никаких указаний на повторение чудес «неопалимой иконы» в 1560 г.⁵⁰ В 1560 г. гораздо адекватнее выглядят излагаемые далее причины агрессии против ливонского магистра: «...и за то, что королю городки многие позаклядывал и поздавал и сам х королю ездил и со всею землею прикладывал и против государевы рати помочь емлет и из заморья наймует»⁵¹. После II Виленского соглашения такие обвинения в самом деле соответствовали действительности.

Исключение составляет только летописная Повесть о Полоцком взятии, с ее идеологией Священной войны и антипротестантской направленностью. О ней речь пойдет ниже. Но там, что показательно, враг уже новый — не Ливония, а Великое княжество Литовское. Как в начале войны с Ливонским орденом вся риторика носила пафосный и провиденциалистский характер, так и при смене противника — Великого княжества Литовского — и начале новой, русско-литовской войны вновь зазвучали высокие мотивы, которые потом также выхолостятся и умалются в дальнейшем летописном повествовании. К пафосным выражениям летописец обращается также при рассказе о государевых изменниках (А. М. Курбском, О. М. Непейцыне и др.)⁵².

При этом стоит отметить, что события 1558–1567 гг. в официальной летописи не изображены как единая военная кампания — перед нами перечень походов и международных переговоров, не имеющих подчеркнутых хронологических рамок или этапов. Описаны причины и начало войны, но не отмечено ни окончания кампании, ни перехода ее от покорения ордена к борьбе с Великим княжеством Литовским (единственным рубежом выступает «вторая волна» высокой риторики). Это может быть связано как с особенностями русского летописания, практически не выделявшего отдельные войны (почти все они сконструированы историками нового и новейшего времени), так и с обрывом официального летописания после 1567 г. (то есть конца войны просто не дождалось). Ведение официальных хроник в России было возобновлено только в 1630-е гг.

В литературе это принято объяснять наступившим «...на рубеже 70–80-х гг. XVI в. крахом внешней и внутренней политики “яростиваго” правителя, отказом от попыток свалить переживаемые неудачи на “измены” бояр, невозможностью выработать вполне приемлемую для Ивана IV версию событий его долгого “царства”»⁵³. В данной аргументации неясно, какие именно события вызвали столь серьезный кризис, что официальные летописцы отказались даже от попытки фиксировать происходящее. Тем более, что в памятниках эпохи (например, посланиях самого Ивана Грозного) никаких следов «краха» и смятения умов нет. Напротив, царь с каждым годом все больше убеждался в правильности и богоугодности своих деяний. Об этом свидетельствуют содержание и тон государевых посланий к Андрею Курбскому (1577), Стефану Баторию (1578–1581) и др.

Недавно было предложено другое объяснение, основанное на работах И. Н. Данилевского⁵⁴. Структуру летописного повествования, отбор материала, форму его подачи, причины продолжения и завершения летописания в Древней Руси определял эсхатологический топос. Именно этим и можно объяснить внезапный обрыв московского

⁵⁰ Что характерно, сожжение икон в летописи выступает предвестником кризиса. Накануне опричнины в мае 1564 г. в Москве сгорел чудотворный образ Параскевы Пятницы в Замоскворечье, что особо отмечено летописцем (Там же. С. 383).

⁵¹ Там же. С. 327.

⁵² Там же. С. 383, 388, 390.

⁵³ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 14.

⁵⁴ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 272.

летописания в 1570-е гг., когда оно, достигнув пика своего развития и в области жанра, и в сфере литературной техники, совершенно неожиданно прекратилось на несколько десятилетий. Исследователь считает, что это произошло как раз из-за утраты летописью своей социальной функции как «книги ответной» на Страшном Суде: в 1569 г. (7077 от Сотворения мира) минула последняя «точно определенная» для летописца эсхатологическая дата («семеричное число»), и ориентиры для составления хроник были утеряны. Летописание возрождается через несколько десятилетий уже на иных принципах.

Однако как с точки зрения данной гипотезы объяснить, что прекратилось официальное летописание, а сохранилось составление хроник в регионах (например, Пскове, Соловецком монастыре), дальнейшее развитие получил жанр кратких летописцев? Получается, что для их авторов (в том числе монахов) эсхатологический топос не имел значения?

Первое художественное изображение Ливонской войны.

Отдельно следует остановиться на Лицевом летописном своде (как уже говорилось, по наиболее обоснованной датировке — вторая половина 1570-х гг.), в котором содержится специальный иллюстративный ряд, посвященный Ливонской войне. Эти миниатюры — ее первое русское художественное изображение. Чтобы проанализировать их, сперва нужно немного остановиться на особенностях Лицевого летописного свода и изображения в нем войны как таковой.

Вопрос о причинах и целях создания Лицевого свода остается открытым. Очевидно, что это некая презентация русского видения всемирной и отечественной истории, причем в ней текст явно подчинен изображению. Главный элемент, который несет послание для читателя, — миниатюра, а конвойный текст — не более чем поясняющая подпись к ней. Повествование идет за иллюстрацией, за художественным образом. Но остается неясным адресация этого послания. Версии о презентации перед заграницей, перед иностранными дипломатами пока не имеют серьезной доказательной базы, а русский читатель Лицевого свода тем более не очевиден. Остается говорить об абстрактном «предназначении», «презентации перед Богом». Но, несмотря на популярность подобных формулировок в летописеведении последних лет, нет конвенционального понимания, что же именно означала эта «направленность к Богу» для русского летописца XVI в.

Оставляя в стороне общие принципы создания художественных образов миниатюристами⁵⁵, остановимся только на образе войны. Лицевой свод называют энциклопедией Московской Руси. Действительно, в его миниатюрах можно найти изображения практически всех сторон жизни русского человека XVI в., от ремесла, сельского хозяйства до политической и религиозной деятельности. Вопрос о степени достоверности этих изображений и их хронологической привязке остается дискутируемым. Одни исследователи видят в миниатюрах, особенно изображающих реалии Московского государства XVI в., отражение облика действительных объектов архитектуры, одежды, предметов быта, даже облика людей и некоторых исторических сцен. Другие же указывают на не-

⁵⁵ Подобедова О. И. 1) К вопросу об изображении природы в миниатюрах Лицевого летописного свода // Из истории русского и западноевропейского искусства: Материалы и исследования. М., 1960. С. 130–141; 2) К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI века // Проблемы источникововедения. М., 1961. Т. IX. С. 280–332; 3) Изобразительные средства миниатюристов Лицевого летописного свода // Ежегодник Института истории искусств. 1960. Архитектура и живопись. М., 1961. С. 212–245; 4) Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник, Томск; М., 2004 (1-е издание — 1944).

сомненную стилизацию, использование шаблонов и стереотипных изображений, что особенно ярко проявляется по мере удаления в глубь веков (когда в эпоху Киевской Руси воины воюют в доспехах XVI в. и т.д.).

Особенно интересно рассмотреть данный сюжет применительно к изображению войны. Вопрос о степени достоверности изображений и их соответствия известным нам по данным археологии реалиям XVI в. был поднят и рассмотрен в фундаментальной работе А. В. Арциховского⁵⁶. Он нашел аналоги многим изображениям вооружения в археологическом материале, хотя и отметил большое количество лакун. Принципиальным оказался вопрос хронологической привязки изображений — некоторые из них правильно воспроизводят оружие и доспехи более ранней эпохи, чем вторая половина XVI в. Арциховский предполагал, что в распоряжении составителей Лицевого свода были более ранние миниатюры, достоверно изображавшие средневековое вооружение, облик которого был явно недоступен составителям свода. Данное предположение вполне аргументированно (хотя остается открытым вопрос, были это только древнерусские миниатюры или также западноевропейские — иначе откуда было взять изображения кораблей, а также замков типичной европейской планировки?).

Оставляя в стороне вопрос о достоверности, обратимся к образу войны. Судя по миниатюрам, авторы воспроизводят облик войны глазами стороннего наблюдателя, ее внешний визуальный «слепок». Перед нами, если можно так выразиться применительно к XVI в., «идеальные типы» — как в представлении художника-миниатюриста выглядит военачальник, войско, крепость, убитые и раненые и т.д. Какие картины возникали перед мысленным взором московского книжника второй половины XVI в. при слове «война»? Как, в его представлении, должен выглядеть поход? Атака? Бегство от врага? Сражение? Результат сражения?

Война в изображении Лицевого свода — дело прежде всего хорошо экипированных и вооруженных воинов, дружинников. Изображение гражданского ополчения встречается в первых пяти томах всего один раз. То есть война — не дело населения, а дело воинских людей. Она представлена в виде, прежде всего, военного похода. Поход, как правило, конный. Пехота на марше изображается редко, в основном на поле битвы или под стенами города.

Второй аспект войны — собственно, сама битва. Примечательно, что, как правило, в изображении боестолкновения уже расставлены акценты — указана победа одной из сторон (бегство другой). Это свидетельствует о восприятии боестолкновения как скоротечного конфликта. Данная особенность говорит о том, что создатель миниатюр видел такие боестолкновения, хорошо знал, о чем говорил: бои и схватки в средневековье были очень скоротечными и короткими и занимали буквально несколько минут, все остальное время войска маневрировали, похвалялись, устрашали врага, перестраивались на поле боя и т.д. Сам бой с применением холодного оружия очень быстр, большинство его участников погибает и получает увечья буквально за считанные мгновения.

Отражение реальности изображения боя на миниатюрах видно и в том, что со стороны средневековый бой с использованием холодного оружия — это плотная людская масса, над которой происходит мельтешение, размахивание оружием. Именно такую картину мы видим и на миниатюрах. И в этом плане принципиальные черты восприятия битвы сторонним наблюдателем на миниатюрах Лицевого свода переданы верно.

Битва в миниатюрах Лицевого свода — это, как правило, столкновение конных масс. Они наносят друг другу копейный удар. Часто изображается также сабельный удар. Воины преследуют убегающего врага (который изображается оглядывающимся

⁵⁶ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры... С. 75–225.

на преследователей). Сражение пехоты изображается реже, чем битва всадников. Композиция изображения битвы может быть линейной (преобладает). Однако встречаются круговые изображения и композиции с доминантой фигуры героя в центре. Подобные изображения носят чисто художественный характер и подчинены содержанию сопутствующего текста.

Вторым видом сражения, изображенным на миниатюрах, являются боевые действия, связанные с осадой города. При этом миниатюрист явно больше знаком с осадой, так сказать, со стороны осажденных. Он изображает собственно осады, обстрелы из луков, ружей и пушек, штурм города, вылазки из города и т.д. Он рисует трагические последствия взятия крепости: разрушение города молотами, поджог. Он рисует трупы в кирпичных развалинах, убитых воинов в разрушенном городе, резню во взятом городе.

Важно рассмотреть, что же является итогом, результатом войны. Здесь преобладают трагические краски: бегство разбитого войска, оставляющего после себя кучи отрубленных рук и голов, страницы, густо измазанные красной краской как обозначением крови, убийство гражданских, утонувшее войско, похороны мертвых, вяжут пленных, ведут связанных пленников. Война в Лицевом своде — это прежде всего преодоление, побарание на враги, ратный труд, кровь, смерть, разрушение, пленение, освобождение и т.д.

Рассмотрим, как данные общие принципы отразились именно в изображении Ливонской войны. Впервые речь о ней заходит в рассказе о приезде послов от ливонского магистра, которые «дань с собою сказали». Послы просят изменить установленную в 1554 г. систему платежа дани: «чтобы государь головную дань по гривне з головы отставил, а велел бы уроком имати»⁵⁷. На миниатюрах изображены переговоры в каменных палатах. Русские дипломаты (А. Ф. Адашев и И. М. Висковатый) слева, ливонская делегация справа (в прямоугольных шапках). Руки подняты и разведены в спорящем жесте.

Иван IV их пожаловал, сократил дань «за прошлые залогии и за нынешней подъем» до 18 000 рублей, а впредь платить с Юрьева по 1000 золотых угорских ежегодно. Послы согласились, «...учали сроку просити, чтобы государь ныне рать свою отставил, а хотя изволочити рать и вперед лгати». Государь их «отпустил безделно», а рати велел идти в Ливонию «за их неправды» и преступление крестного целования. На миниатюре послы с бумагами в руках, царь Иван с престола простирает к ним руку в поучающем жесте. На заднем плане — готовая к выступлению рать с развевающимся стягом⁵⁸.

Рассказ о Ливонской войне начинается не с описания вторжения русской армии, а как бы задним числом — от «царя Шигалея» поступает донесение от успешном походе «в немцы». Вообще, надо отметить, что летописное повествование, во многом построенное на цитировании отписок от воевод и отсылках к сообщениям послов и гонцов, нашло прямое отражение в миниатюрах Лицевого свода. Художник буквально идет за текстом. Если сказано, что была отписка от воевод о походе — то рисуется гонец, или государь, слушающий донесение и т.д. Поэтому распространенный тезис, что в Лицевом своде повествование было подчинено изобразительному ряду, нуждается в корректировке. Миниатюры рисовались под заранее подготовленный текст и строились на принципах буквального воспроизведения в иллюстрации особенностей нарратива.

В рассказе Лицевого свода о январском походе 1558 г. перечисляются воеводы, подвергшиеся нападению ливонские города. Указывается, что воевали землю врагов

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 240, 287; Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2010. Книга 22: 1553–1557. С. 440–441.

⁵⁸ Лицевой летописный свод... Кн. 22. С. 442–443.

вдоль литовского рубежа на 150 верст, а поперек на 100 верст. Сопровождающие этот рассказ миниатюры изображают объятые огнем ливонские замки (маленькие даже по сравнению с фигурами русских конников). Фигуры ливонцев каждый раз меньше и ниже русских конных воинов — они как бы втоптаны ими в землю или изображены как пленные, идущие пешком у ног коней. Даже ливонские конные рыцари вдвое ниже русских конных детей боярских. Над головами ливонцев победно, грозно и карающее вознесены черные русские сабли. Московское войско изображено хорошо экипированным, вооруженным, в дорогах доспехах. Ливонцы плохо вооружены, часто без доспехов⁵⁹. Словом, противник нарисован слабым, мелким, жалким, разбитым, склоняющимся перед русской мощью.

Далее несколько миниатюр посвящено походу под Юрьев и другие города зимой 1558 г. и разгрому «немцев». Все они написаны в вышеуказанной манере. Нападением на некоторые крепости (Юрьев, Костер, Ракобор, Мука, Конгот, Лаос и т.д.) посвящены отдельные миниатюры, хотя и достаточно однотипные. Тем самым войне в Ливонии придавалось большое значение, раз даже погром окрестностей маленького ливонского замка изображался на отдельном листе и на специальном рисунке. Здесь присутствует несомненная гиперболизация происходящего (что помимо исполнения идеологических установок свидетельствует о незнании миниатюристом ливонских реалий — стоили ли эти мелкие замки отдельного сюжета?).

Ливония на миниатюрах Лицевого свода предстает как некая «территория завоевания», леса и пространства, покрытые крепостями. От твердыни до твердыни идут русские войска, и враг бежит и склоняет головы перед русской саблей. Заканчивается поход благополучным возвращением войска с минимальными потерями. После чего воспроизводится классическая схема присоединения / покорения земель: во всем виноваты ливонцы, кровь пролилась из-за их клятвопреступления. Чтобы «кровь унять», они должны бить челом государю, а бояре и воеводы за них заступятся, будут просить царя проявить милость. Очень любопытен изобразительный ряд: бояре «печалуются» перед царем и ищут ливонцам грамоту, грамоту везет гонец. А далее нарисовано то, что должны сделать ливонцы: собрать совет с магистром, написать покаянную грамоту и тоже послать гонца...⁶⁰. Магистр раскается через несколько страниц, пришлет гонца, получит опасную грамоту на больших послов, а царь Иван прикажет остановить боевые действия в Ливонии⁶¹.

Именно в изобразительном ряду особую роль играет море — и как ориентир («И пошли царь и воеводы направо к морю»), и как некий достигнутый рубеж. Море изображается, как в ранних томах Лицевого свода, — большое синее волнистое пространство⁶². Оно — некий рубеж, пограничье. «За море» уходят отпущенные великодушными русскими воеводами иностранные наемники (например, после взятия Юрьева)⁶³.

Далее повествование обращается к сюжету о взятии Нарвы в апреле – мае 1558 г. Нарва и Ивангород изображены как две противостоящие друг другу твердыни⁶⁴, хотя их облик на миниатюрах не имеет ничего общего с действительностью. Далее говорится о самовольном обстреле Ивангорода нарвским фогтом, нападении русских войск на Чествин, Влех, Резицу и др. Здесь мы впервые видим на миниатюрах ливонских

⁵⁹ Там же. С. 451–453, 456.

⁶⁰ Там же. С. 469–470.

⁶¹ Там же. С. 478–479.

⁶² Там же. С. 462, 467.

⁶³ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 23: 1557–1569 гг. М., 2010. С. 29.

⁶⁴ Лицевой летописный свод... Кн. 22. С. 471.

рыцарей в доспехах и с вооружением⁶⁵. Их изображают так, как ранее, начиная с эпохи Александра Невского, рисовали немецких рыцарей (панцири, круглые сферические шлемы типа «салад» и т.д.)⁶⁶. Через несколько листов нарисован обстрел Ивангорода из Нарвы по приказу нарвского фогта, с натуралистичным изображением летящих огненных ядер⁶⁷. В ответ было приказано стрелять из всех орудий, и нарвские послы заключили с русскими мирное соглашение (переговоры с «посадниками» Якимом и Захаром⁶⁸ о переходе Нарвы под власть Москвы)⁶⁹. На миниатюре, изображающей переговоры в Москве, изображен Иван Грозный, воздевший руку в поучающем жесте, и буквально валяющиеся ему в ноги в униженных позах нарвские посланники⁷⁰.

После описания измены Нарвы помещено несколько миниатюр, изображающих взятие Нарвы 11 мая 1558 г.⁷¹ Особенно интересна третья миниатюра из этого ряда, на которой изображена осада Нарвского замка. Если «город Нарва», несомненно, стилизован, то в изображении замка читаются некоторые реальные черты. Правда, эта «реальность» — не рисунок человека, который когда-либо видел настоящую Нарву, но результат старания художника, который добросовестно пытался воспроизвести никогда не виденную крепость по обрывкам ее описания. Он прочел, что там была орудийная башня (Длинный Герман) — и нарисовал на берегу Наровы башню с пушкой. На настоящего Германа совсем не похоже, но какая-то башня на миниатюре имеется⁷².

Интересно, что на миниатюрах облик и Ивангорода, и Нарвы постоянно меняется (даже на идущих подряд). Художники Лицевого свода рисовали свои сюжеты по определенным шаблонам (композиция, набор фигур, жесты, изображение ландшафта, архитектуры и т.д.), но каждый раз старались внести разнообразие, чтобы миниатюры отличались. Как ни странно, это правило распространилось и на изображение одного и того же города.

Что показательно, изобразительный ряд опять-таки идет за нарративом: рассказав о взятии Нарвы, летописец возвращается назад и приводит легенду о нарвском пожаре из-за намерения некоего «немчина» растопить котел для варки пива православной иконой⁷³. Далее на миниатюрах изображены обретение неопалимых икон, образов Св. Николая и Богородицы, перенос чудотворных образов, освящение «града Ругодива»⁷⁴. Магистр после взятия Нарвы «бьет челом», просит прекратить войну, обещает «исправитца»⁷⁵.

Но, пока он «исправляется», война продолжается. Из Нарвы русские войска идут на Сыренск⁷⁶. Трудно сказать, почему именно взятию Сыренска (Нейшлосса) Лицевого свода уделил почти два десятка миниатюр, больше, чем какому-либо другому городу (кроме разве что Нарвы). Нейшлосс был маленькой крепостью в далеком не самом важном районе, в глухом углу Ливонии, возле слияния Наровы и Чудского озера. Он играл роль для контроля над побережьем, над пограничьем. Но, когда судьба всей Ливонии

⁶⁵ Там же. С. 474.

⁶⁶ Ср.: *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры... С. 98–102.

⁶⁷ Лицевой летописный свод... Кн. 22. С. 483.

⁶⁸ Иоахим Крумгаузен и Арндт фон Деден.

⁶⁹ Лицевой летописный свод... Кн. 22. С. 485–490.

⁷⁰ Там же. С. 490.

⁷¹ Там же. С. 501–506.

⁷² Там же. С. 503.

⁷³ Там же. С. 507.

⁷⁴ Там же. С. 508–511. Перенос этих образов в Москву — один из центральных сюжетов дальнейшего повествования о Ливонской войне (Лицевой летописный свод... Кн. 23. С. 36–41).

⁷⁵ Лицевой летописный свод... Кн. 22. С. 518–519.

⁷⁶ Там же. С. 520–538.

была поставлена на карту, когда русская конница шла к Риге, Ревелю и воевала под Дерптом, значение Нейшлосса, стоявшего далеко в стороне от стратегически важных направлений, было ничтожным. Его можно было просто оставить в тылу, и ливонцы покинули бы его сами (как бросали многие куда более крупные и более выгодно расположенные крепости).

Все это говорит о том, что авторы Лицевого свода довольно слабо ориентировались в реальной географии Ливонии, тактике и стратегии Ливонской войны. Малозначимое сражение за забытую Богом и магистром крохотную крепость в чудской глуши оказывается чуть ли не крупнейшей военной кампанией 1558 г. и даже всей Ливонской войны⁷⁷. Это очень показательный пример сочинения войны русскими книжниками XVI в. Выбор Сыренска, видимо, был абсолютно произвольным (или кто-то преподнес составителям Лицевого свода кампанию 1558 г. через призму гипертрофированной значимости взятия Сыренска).

Зачем было нужно такое сочинение войны? Сыренская кампания выглядит образцовой: русское воинство, исполняя государев приказ, организует правильную осаду города. Враг сдается. Воеводы и русский царь милостивы к нему. И возносят Богу хвалу за его покровительство и милосердие. Сыренск очищен от латинской скверны освящением города и строительством православных храмов⁷⁸. Вся эта история в миниатюрах и тексте выглядит прямо как торжество православия и канон славы русского оружия. Вместо Сыренска / Нейшлосса мог быть любой город, конкретика здесь совершенно не важна.

Все это время в Лицевом своде фигурируют только два субъекта Ливонской войны — Россия и Ливония. Нет ни Литвы, ни Польши, ни Швеции, ни Дании, ни Священной Римской империи. Это не соответствует историческим реалиям. Но, поскольку авторы Лицевого свода сочиняли идеальную модель войны, другие державы в нее пока не вписывались. Тема Великого княжества Литовского в повествовании впервые появляется в апреле 1558 г. (в связи с посольством Романа Алферьева). Миссия Алферьева изображена как попытка объединения России и Литвы во имя христианства против мусульманства⁷⁹. Здесь еще нет никакого политического антагонизма и спора из-за Ливонии. Второй раз литовские послы появляются на страницах Лицевого свода в части, посвященной Ливонской войне, в июне 1558 г. (посольство Яна Волчка)⁸⁰. Согласно Лицевому своду, оно также обсуждало объединение христиан для войны против мусульман. И лишь в рассказе о посольстве Мартина Володкевича (1560) говорится о челобитье магистра, о долге короля «исстари» беречь ливонцев. Король в Ливонии «урядников своих посажал». Уход русских войск из Прибалтики является условием продления перемирирного договора России и Великого княжества Литовского⁸¹. Дипломаты Ивана Грозного ответили на это, что Ливония — изначально данник русских государей, и претензии короля беспочвенны.

Как мы видим, здесь вся история вмешательства Короны в ливонский конфликт спрямлена, искажена и уложена в простую схему. Польше и Литве предлагали исполнить их христианский долг, вступить в коалицию с православной Россией против мусульман. Король же оказался тайным врагом христианства, стал сговариваться

⁷⁷ Для сравнения: описание осады, штурма, приведения к присяге населения и ревизии имущества в Дерпте (Юрьеве Ливонском), столице Дерптского епископства в июле 1558 г. занимает всего восемь листов (Лицевой летописный свод... Книга 23. С. 23–30).

⁷⁸ Именно очищение Ливонии и утверждение православия является главным итогом первого года кампании в Ливонии (Лицевой летописный свод... Книга 23. С. 54).

⁷⁹ Там же. С. 480–481.

⁸⁰ Там же. С. 543–544.

⁸¹ Там же. С. 200–202.

с крымским ханом, наводить его на православных. А затем его грех и злодейство дошли и до покушения на древние, исконные права московского государя, до вмешательства в Ливонскую войну. Вся предыдущая реальная история вмешательства Польши и Литвы в борьбу за Прибалтику в Лицевом своде опущена (по незнанию, или — сознательно, как не вписывающаяся в принятую схему).

На других страницах в Лицевом своде рассказывается о походах русских войск в Ливонию, взятии Новгородка (Нейгауза), Керепети, Ракобора, Лаюса и др. городов, боях под Юрьевом летом 1558 г. Триумф русского оружия и православия продолжается, присягу на верность московскому государю приносят один ливонский город за другим. Изобразительный ряд достаточно банален: походы конных отрядов, замки, боестолкновения конных масс, передвижения и сообщения послов. Стоит отметить, что во второй половине 1558 г. несколько меняется масштаб изображений ливонцев. Их фигуры становятся крупнее, иногда они даже нарисованы равновеликими русским. Уменьшается откровенная приниженность образа ливонцев. А когда ливонские рыцари бьют русских (осада Юрьева в 1560 г.), так их фигуры абсолютно равны московским воинам⁸².

После перечисления очередных побед в Ливонии помещен пространный рассказ о приезде литовских послов. Литва изменила идее борьбы с мусульманством, ссылается с Крымом⁸³. Но заступниками Ливонии изображены не литовцы, а датчане — датские послы, приехавшие просить перемирия для Ливонии⁸⁴. Через несколько листов этот сюжет примет драматичную окраску: государь уедет в Можайск и там получит роковое известие об измене ливонцев и их нападении раньше срока, оговоренного в перемирии⁸⁵. Вскоре в Лицевом своде помещено известие о заступничестве за Ливонию Священной Римской империи. При этом император называл ливонцев «...подданными Римской области»⁸⁶. Примечательно, что Лицевой свод особое внимание уделяет русско-датским переговорам 1562 г., на которых Дания (единственная европейская страна) признала завоевания Ивана Грозного в Ливонии⁸⁷.

Далее события русско-литовской войны (взятие Полоцка в 1563 г., поимка под ним в 1564 г. Василия Шибанова, бои под Озерищами и Невелем, рейды русских войск в глубь Великого княжества Литовского от Смоленска, попытка возврата Полоцка Литвой в 1564 г. и т.д.) растворяются среди других событий русской истории. Каждому из них посвящено от одной до нескольких миниатюр. Ни текст, ни иллюстрации не содержат каких-либо оригинальных трактовок и новаций. Концептуальность трактовки войны стала менее ярко выраженной, ее события просто перечисляются в соответствии с традиционными дискурсами русского летописания.

Любопытно преподносятся шведские захваты в Ливонии (согласно условиям перемирия 1564 г.): все города, покоренные королем Эриком, царь Иван милостиво жалует Швеции, и эти города «... боярину своему и воеводе Вифлянские земли велел отписать за ним, за Ириком королем». При этом пожалование шведам городов — временное. Как только «выйдут перемирные лета» со Швецией и будет решен спор России и Великого княжества Литовского, Иван Грозный будет «очищать свою вотчину, Вифлянскую землю»⁸⁸.

⁸² Там же. С. 177.

⁸³ Там же. С. 126–128.

⁸⁴ Там же. С. 137–138.

⁸⁵ Там же. С. 167–168.

⁸⁶ Там же. С. 211.

⁸⁷ Там же. С. 290–292.

⁸⁸ Там же. С. 381, 383.

Интересно описание печати, которую по приказу Ивана Грозного сделали для юрьевского наместника в 1564 г.: «...орел двоголавый, а у орла у правые ноги герб печать маистра Ливоньского, а у левые ноги герб печать Юрьевского бискупа; около же печати подпись: Царского величества боярина и Вифлянские земли боярина и наместника и воеводы печать»⁸⁹. Гербы магистра и Юрьева на печати сильно искажены⁹⁰. Но не это главное: печать 1564 г. (и факт ее описания в Лицевом своде — сам по себе весьма неординарный) свидетельствует, что, во-первых, царь Иван мыслил себя в Ливонии преемником власти магистра и юрьевского епископа. Во-вторых, очевидны представления о рамках Русской Ливонии в начале 1560-х гг.: это прежде всего земли Юрьевского епископства. В третьих, перед нами явно имперский герб, по имперскому канону включавший в себя гербы покоренных земель.

Стоит также упомянуть заботу составителей Лицевого свода об обосновании легитимности войны: описан земский собор 1566 г., одоббивший войну, постановивший за ливонские города перед польским королем «крепко стояти»⁹¹.

В целом за 1560-е гг. Лицевой свод описывает в основном дипломатические миссии, основания городов в покоренной земле и отдельные боевые действия. Также фигурируют действия конкретных воевод и представителей знати (служебные назначения, обмен пленными, победы и поражения), моровые поветрия, пожары и некоторые эпизоды истории церкви (в основном связанные с теми же дипломатическими миссиями). К этому, судя по всему, по мнению его составителей, и сводилась история как таковая. При этом русский царь непреклонно выступает за торжество православия, а нападения на него соседних правителей — проявления либо их нехристианской сущности (татары-мусульмане), либо — согрешение и предательство (ливонцы, нарушающие клятву, клятвопреступник польский король и т.д.). Можно со значительной долей уверенности предположить, что данные идеологемы Лицевого свода отражали официальные установки.

Региональные летописные своды

Как отметил В. И. Корецкий, в конце 1560 – начале 1570-х гг. прекратилось только официальное летописание, а составление местных и частных летописчиков продолжалось⁹². Из них на втором месте по информативности стоит Псковская III летопись, дошедшая в двух списках середины XVII в. (Строевском и Архивском II). В ее составе находится т. н. свод 1567 г., который А. Н. Насонов связывал с авторством игумена Псковского Печерского монастыря Корнилия (с критикой этой точки зрения выступил Н. Е. Андреев)⁹³.

Псковская III летопись содержит описание боев в Ливонии глазами псковичей, чья территория непосредственно примыкала к театру военных действий. В отличие от официального летописания, на ее страницах гораздо меньше победных репортажей, зато больше рассказов о тяготах военного времени для мирных жителей, трудностях русской армии в Ливонии, успешных контрмерах немецкого войска, нападениях литовцев на Псковщину. Данная хроника приводит много уникальных подробностей о ходе кампании. В ней можно найти данные о погодных условиях, состоянии коней во время переходов, погромах армией мирного населения, казнях схваченных ливон-

⁸⁹ Там же. С. 387.

⁹⁰ *Соболева Н. А., Казакевич А. Н.* Символы и святыни Российской державы. М., 2007. С. 20.

⁹¹ Лицевой летописный свод... Книга 23. С. 450–451.

⁹² *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 12.

⁹³ *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // Из. М., 1946. Т. 18. С. 255–294; *Андреев Н. Е.* О характере 3-й Псковской летописи // *The Religious World of Russian Culture.* Hague; Paris, 1975. Vol. 2. P. 117–158.

ских военачальников, размерах мобилизации посохи и т. д. Повествование охватывает период с 1558 по 1567 г., ход войны изображен как перечень походов русских войск в Ливонию и Литву и отдельных ответных ударов ливонцев и литовцев. В отличие от официального летописания, гораздо меньше внимания уделено Полоцкому походу 1563 г., мало информации о дипломатическом противостоянии держав. Зато большое внимание уделяется военным столкновениям ливонцев и литовцев со шведами. Летописец пристрастен: если официальный летописный свод рассказывает в основном о победах, то Псковская III летопись описывает главным образом поражения русских войск, делает акцент на неудачах политики Грозного⁹⁴.

Таким образом, в Псковской III летописи мы имеем одно из первых антигрозненских сочинений. Война в Ливонии и с Великим княжеством Литовским однозначно признается ненужной, несущей только тяготы русским людям, вызванной исключительно прихотями царя.

В восприятии событий в Псковской III летописи мы видим определенную целостность (летописец подчеркивает, что Иван IV потерял те самые города, что вначале захватил), но она связана скорей с фигурой царя (события относятся к его царствованию), чем с пониманием череды походов в Ливонию и Литву как единой военной кампании. Да и повествование в Строевском и Архивском II списках Псковской III летописи отличается по своей структуре. Строевский список обрывается на 1567 г., а в Архивском II опущены известия о начале войны за Ливонию, первым событием, относящимся к кампании, назван захват Полоцка в 1563 г.

Интересно, что, в отличие от псковского летописания, авторы хроник другого прифронтового города — Великого Новгорода — боевые действия в Ливонии в значительной степени проигнорировали. События второй половины XVI в. освещаются в Новгородской II летописи, составленной, видимо, в 1570–1580-х гг. Повествование в ней обрывается на 1572 г., после которого помещены три мелкие записи под 1573, 1581, 1587 гг. Самый ранний список летописи датируется концом XVI — началом XVII в.⁹⁵ Из событий войны за Прибалтику Новгородская II летопись знает только ее начало — под 7066 (1558) г. помещено известие, что

«Божьей милостию, изволением царя государя великого князя Ивана Васильевича и его государевых бояр и воевод и князей и детей боярских и всех служилых людей службою и хотением взяли государевы воеводы все немецкие [города]».

Далее перечислено 18 городов⁹⁶.

Больше никаких сведений о боевых действиях в Прибалтике эта летопись не содержит, что выглядит довольно странно. Ее автор обходит молчанием даже события, напрямую связанные с Новгородом (например, перенос в мае 1558 г. из Нарвы в Новгород образов Николы и Богородицы Одигитрии, найденных на месте пожара). Иногда упоминаются визиты духовных лиц или воевод, останавливавшихся в Новгороде проездом в Ливонию или из Ливонии, проход через город пленных.

Важным этапом в освещении в XVI в. темы войны за Ливонию с Речью Посполитой стало создание Соловецкого летописца. По В. И. Корецкому, он составлен в 1580-х гг. и представляет собой образец монастырского летописания, в котором местные сведения приводились наравне с общерусскими. Автор памятника почти

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 309–318; Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 234–250.

⁹⁵ Янин Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 2. Отд. 1. С. 1–96; Зиборов В. К. Летопись Новгородская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 51.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 3: Новгородские летописи. СПб., 1841. С. 159.

полностью опускает историю борьбы за Ливонию в 1550–1560-е гг., упоминая только взятие Полоцка в 1563 г. и приезд Магнуса «на государево имя» под 7071 г. Под 7079 г. приводится редкое известие о походе войск Ивана IV под Выборг. Под 7082 (1573/1574) г. помещено уникальное для русских летописей известие об участии Рюриковичей в элекции польского короля (почти все летописи обходят эту тему молчанием): «приходил из Литвы от всея земли посол ко государю Михайло Халабурда, просил на королевство государя царевича Федора, и государь им царевича не дал». С 1574–1575 гг. центральное место в повествовании занимает перечень боевых действий в Ливонии, России и Литве, приводятся списки взятых городов, называются имена воевод⁹⁷.

Тем самым автором Соловецкого летописца была заложена новая историографическая традиция, характерная для кратких летописцев XVII в., освещающих историю боевых действий в Прибалтике в 1570–1580-е гг.: они имеют много сходства с разрядными записями, рассказывают о службах представителей знати в той или иной кампании.

Холмогорская летопись, составленная на Русском Севере в середине XVI в., была доведена до 1558 г.⁹⁸ Она в последней статье содержит единственную запись о походе в 1558 г. С. Микулинского-Пункова, П. М. Щенятева и Д. Р. Юрьева, они «всю Ливонскую землю попленили», взяли Ругодив, Юрьев, в качестве трофеев захватили много пленных и колоколов. Около Риги, Кольвани (Ревеля) и Кеси (Вендена, в летописи: «Кесина») «землю пусту сотворили»⁹⁹. Продолжения летописи нет. Данный фрагмент представляет собой объединение в рамках единого повествования разновременных событий. Ни Нарва, ни Юрьев в действительности не были взяты в январском походе 1558 г. под командованием Д. Р. Юрьева¹⁰⁰, С. И. Микулинский на самом деле командовал войсками в январском походе 1559 г.¹⁰¹, П. М. Щенятев в кампании в Ливонии не участвовал, в разрядах он упоминается исключительно как воевода на южных и восточных рубежах¹⁰². До Ревеля и Вендена в январе 1558 г. русские войска не дошли. Таким образом, информативная ценность Холмогорской летописи невысока. Причины искажения фактов здесь не очевидны, возможно, перед нами просто фиксация летописцем полученных им из ненадежных источников неточных сведений, объединение всех имеющихся данных о кампании в одну летописную статью.

В конце XVI в. в сборнике, принадлежавшем Кирилло-Белозерскому монастырю, был переписан краткий летописец, который ученые называют или Кирилло-Белозерским, или Вологодским¹⁰³. Он содержит короткие известия о походе Шигалея и М. Глинского в Ливонию в 1558 г., взятии Ругодива и Феллина (оба этих события автор относит к 1559 г.). Также упоминается о походе под Кольвань (Ревель) в 1559 г., взятии Полоцка в 1563 г., захват Пайды в 1571–1572 гг.¹⁰⁴ Способ передачи информации сходен с Соловецким летописцем: названа дата, город, на который направлен поход русских войск, и имена воевод, т. е. соблюдается «разрядный» стиль.

⁹⁷ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // ЛХ. 1980 г.: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 236–241; *Тихомиров М. Н.* Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 192–206.

⁹⁸ *Лурье Я. С.* 1) О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 449–455 (Труды ЛОИИ. Вып. 7); 2) Холмогорская летопись // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 138–149.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 138.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 287.

¹⁰¹ Там же. С. 313–314; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 39.

¹⁰² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 4, 7, 26, 43.

¹⁰³ *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания... С. 34–35.

¹⁰⁴ *Тихомиров М. Н.* Краткие летописные записки эпохи опричнины // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 228–229.

В Архангелогородском летописце (Устюжском летописном своде), в продолжении основного текста, составленном в конце XVI – начале XVII вв.¹⁰⁵, из событий Ливонской войны упоминается в нескольких словах только поход Ивана IV на Полоцк в 1563 г.¹⁰⁶ В Безднинском летописце, по определению В. И. Корецкого — «первом памятнике неофициального дворянского летописания», также упомянуто только взятие Полоцка¹⁰⁷. В других летописных сводах, составленных в конце XVI в. (Хронографы ред. 1599, 1601 гг.) изложение доводится только до XV в.¹⁰⁸ По мнению ряда ученых, существовала также некая «Летопись Иосифа» — «История о разорении русском», повествование в которой охватывало 1560–1613 гг. Ее автором был келейник патриарха Иова. Это произведение, как считается, использовал в своей работе В. Н. Татищев, но оно до нас не дошло¹⁰⁹.

Таким образом, освещение Ливонской войны в региональных летописных памятниках XVI в. отличается следующими особенностями. Для русского летописца XVI в. Ливонская война 1558–1583 гг. не являлась единой кампанией с общими целями и задачами. Она распадалась на череду сражений за захват населенных пунктов и земель в Ливонии, Литве (высшей точкой которых было взятие Полоцка). Перед нами череда битв и походов, продолжающая сходные летописные перечни за период XV – первой половины XVI в. Описание боевых действий, сначала против ордена, а потом против Великого княжества Литовского в летописях XVI в. практически одинаково: дата, название населенного пункта, вокруг которого развернулось сражение или который сдался без боя, иногда — имена воевод и предводителей войск противника и достаточно скудные подробности сражений.

¹⁰⁵ Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII веков. Л., 1985. С. 26–35.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 103.

¹⁰⁷ Корецкий В. И. 1) Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // ЗОР. М., 1977. Вып. 8. С. 207; 2) История русского летописания... С. 73–106.

¹⁰⁸ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1441; Собр. А. А. Титова. № 143.

¹⁰⁹ Корецкий В. И. История русского летописания... С. 112.

Глава II

АГИОГРАФИЯ И СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ XVI в.

Говоря о нарративе, необходимо обратиться не только к летописям, но и к другим текстам. Но здесь нас ждет разочарование: войной за Балтику интересовались мало. Поразительно, но будучи Священной войной (или «войной за веру»¹), она дала очень скромное количество агнографических памятников.

С «Нарвским взятием» 11 мая 1558 г. было связано сказание «Обретение честнаго иже во Святых телеси отца нашего Никиты² епископа Великого Новаграда чудотворца»³, сохранившееся в Троицком списке Минеи XVII в. в статье 30 апреля⁴. В нем сказано, что Иван IV «брань творяше» «против богомерзкого языка латиньска же наречется Ливонская земля». И в 1558 г. послал войска к Нарве (Ругодиву). При взятии Нарвы Господь явил чудо, как «...во граде Эфесе Бог чудодействовал со святыми семью отроки, скрывал в горе Нохлии от богомерзкого беззаконного царя Декия». Отроки просидели в горе много лет и вышли из нее при царе Феодосии, «на обличение еретикам блядующим», утверждающим, что якобы не бывает воскресения из мертвых. «Сице подобно сему бысть и zde во царствии Россиския земля». Сперва Русь восприняла учение апостола Павла, но затем отдельные «нетвердые» земли поколебались ересью (как и вышеупомянутый Феодосий, возлюбивший латынь).

Найдя место «Нарвскому чуду» среди аналогий в мировой истории, древнерусский книжник приступил к собственно изложению событий. Новгородцу Ивану явился во сне епископ Никита «в своем подобии» и велел идти в Софию, обрести там свои мощи. Аналогичное видение было и архиепископу Пимену, когда он в Св. Софии молился за победу войск Ивана Грозного под Нарвой. Во время службы Пимен задремал, и к нему

¹ Подробнее см.: *Frötschner R.* Der Livländische Krieg... S. 373–394; *Филюшкин А. И.* Война за Прибалтику как «священная война» в истории России и Европы // Балтийский регион в истории России и Европы / Под ред. В. И. Гальцова. Калининград, 2005. С. 57–66.

² Никита, святитель, Печерский затворник, был Новгородским епископом в 1096–1107/08 гг. (Житие Новгородского епископа Никиты, Печерского затворника // Святые Новгородской земли X–XVIII века: В 2 т. / Сост. В. Н. Несмеянова, Г. С. Соболева. Великий Новгород, 2006. Т. 1: X–XV вв. С. 68–80; *Bogatyrev S.* Ivan the Terrible discovers the West... P. 172.

³ Обретение мощей Никиты считалось одной из главных заслуг Новгородского архиепископа Пимена (1553–1570) (см.: Житие архиепископа Пимена Новгородского // Святые Новгородской земли X–XVIII века: В 2 т. / Сост. В. Н. Несмеянова, Г. С. Соболева. Великий Новгород, 2006. Т. 2: XVI–XVIII вв. С. 881–883).

⁴ НИОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). № 673. Л. 370 об.–374 об.

тоже явился Никита со словами: «Мир те, брату возлюбленне», и также наказал искать мощи. Пимен собрал освященный собор, по его решению вскрыли гробницу Никиты и обрели его нетленное тело. Был устроен светлый праздник:

«И паки в той же день егда обретошася мощи святого приидоша рустии полцы ко граду Ругодеву якоже и выше рех апреля в 30 день суботный. Видеша мнози от латын иже во граде и в полцех русских человека ездяща на коне по берегу реки Наровы в ризах святительских и оу него ж несть брады, погоняюще латыни от ру ких полков в руке же имуща жезл с крестом. Мнози же от православных сие видение поведаша елици обретошася во время взятия града Ругодива в полцех русских являюща и побеждающа латыни.

И поведаша в Новеграде пришедше к раце святого, зряще образ Святого Никиты чудотворца, яко сидевым образом являшеся Святой в земли латынстей пред градом Ругодивом. То же видение поведаше по взятии Ругодевском латынин, именем Иван Ней. Сии был в старейшина того града Ругодива. И ины мнози сие поведаша, дивящеся, бога прославляюще и величающе прославляющему своя оугодники.

Архиепископ торжество сотворяет светло тогда, по обретенне честного телеси иже во Святых отца нашего Никиты, и поставляет трапезы многы и оучреждает нищих и священники и иноки. И бысть радость велия во всем Новеграде, яко такоевое бесценное сокровище, скровенное в земли от многих лет, явил Бог. И отголе оуоставиша праздновати обретенне честнаго телеси Святого блаженнаго отца нашего Никиты месяца апреля в 30 день, на память Святого апостола Иакова брата Святого Иоанна Богослова»⁵.

Другим чудом при взятии Нарвы было обретенне «неопалимых икон». Рассказы Степенной книги и Лицевого свода содержат идею о божественной легитимации захвата этого города. Господь через образ Николы Чудотворца передает его в руки русским. Ливонец стал варить пиво (само по себе грех, «пьянственное питье») и поколол на дрова православную икону св. Николая (святотатство!). Икона ответила огнем, от которого загорелась вся Нарва⁶.

Примечательно, что пожар в Нарве 11 мая 1558 г. действительно был. О нем упоминают ливонские хронисты. Бальтазар Рюссов пишет, что загорелось «на Корд Улькене в доме одного цирюльника», но ни о какой иконе не знает и утверждает, что возгорание было «неожиданным»⁷. Франц Ниенштедт трактует ситуацию таким образом: начался пожар (причина не названа), и запылала вся Нарва, потому что много деревянных построек:

«Как только московиты в лагере, лежавшем по ту сторону речки, это заметили, то переправились на лодках и плотях, подобно рою пчел, на другую сторону, взобрались на стены и, так как нельзя же было в одно и то же время и пожар тушить и врага отражать, то жители и убежали в замок, а город предоставили неприятелю»⁸.

⁵ Там же. Л. 373 об.–374 об. Публикация: *Филлюшкин А. И.* Дискурсы Нарвского взятия // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Ред.-составитель А. П. Павлов. СПб., 2007. С. 165–166.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 295. — Наилучший анализ источников о Нарвском чуде см.: *Selart A.* 1) Narva ime 1558. Aastal // Narva Muuseum Toimetised. 2008. Nr. 8. S. 47–59; Das Wunder von Narva am 11. Mai 1558. Zur Geschichte der russischen Polemik gegen die Reformation im 16. Jahrhundert // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 40–57; *Bogatyrev S.* Ivan the Terrible discovers the West... P. 173–175.

⁷ *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 362 (далее — *Рюссов Б.* Ливонская хроника — II).

⁸ *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1881. Т. 4. С. 15.

По русским летописям, увидев пожар, московские воеводы, стоящие под стенами крепости, требуют впустить их в город. Но жители Нарвы не пускают чужаков, и тогда русские врываются силой. Замок («Вышегород») взят «у Бога прошением и правдою», причем «черные люди все добились челом и правду государю дали, что им быти в холопех у царя и великого князя и у его детей во веки»⁹ (здесь мы видим противопоставление сопротивляющейся неразумной знати простому люду, более отзывчивому на указания Бога). Прямо на пожарище обнаружены целехонький образ Николы и богородичная икона, то есть русских воинов в Нарве встретило чудо. Степенная книга уточняет чудесную находку: образ Богородицы с младенцем (Одигитрии) и четыре образа на одной иконе: св. Николы, св. Власия, св. Козьмы и Дамиана.

Далее Лицевой свод приводит аналогию с «казанским взятием» 1552 г. Иван IV совершает в честь победы торжественный молебен, город освящается специально посланными из Новгородской епархии священниками, в Нарве ставится несколько православных церквей, и крестным ходом крепость очищается, «обновляется» от латинян и «люторов» и утверждается в непорочной христианской вере. Заметим также, что Нарва пала в день праздника «Обновления Царяграда». Русский царь выступает и справедливым заступником за своих новых подданных: весь полон отпущен, мало того, велено сыскать по другим землям, где еще есть пленные нарвцы, и всех отпустить¹⁰.

Чудотворные образы из Нарвы были перенесены в Великий Новгород, а затем 9 августа 1558 г. — в Москву, где были торжественно встречены царем с сыновьями, женами царя и царевичей и высшими церковными иерархами. Встреча сопровождалась молебном с водосвятием, хождением с образами и обедней¹¹. В самой Нарве были построены православные церкви — Воскресенская и Пречистой Божьей матери, освящать их ездил новгородский архимандрит Варфоломей¹².

В XVII в. данная легенда о взятии Нарвы получила свое развитие. Она была внесена в Мазуринский летописец¹³. В Новгородской Погодинской летописи она изложена следующим образом (напротив этого текста на поле помета: «Зри чудо»):

«В лето 7066. Царь и великий князь Иоанн Василиевич всяя России посла в немецкую землю под Ругодив воеводу князя Алексея Даниловича (Басманова. — *А. Ф.*) со мноюю силою. Немцы же тогда ругающся в Иване городе, вергоша в поварне во огонь под котел варяше пиво образ Пречистыя Богородицы, и другой Николаа Чудотворца со иными святыми (NB: сжигаемых икон стало больше. — *А. Ф.*). И абые изыде велик пламень, и от того пламене загореся весь град Ругодов и погоре до остатка. Видев же воевода пожар во граде, начат приступати ко граду. И тако взят бысть град Ругодив октября в 1 день (на самом деле 11 мая. — *А. Ф.*). Образы же обретоша в пепель невредимы от огня и принесоша в великий Новьград, и срете я архиепископ Пимен со кресты на Гольневе и на том месте поставиша монастырь и братию собраша»¹⁴.

⁹ Данная формула, согласно русским источникам, стандартна для присяги ливонцев на верность Ивану IV (ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 304).

¹⁰ Там же. Т. 13. С. 295–296; СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 658–659.

¹¹ Там же. Т. 13. С. 305; Т. 21. Ч. 2. С. 659. — Анализ перемещения икон см.: *Selart A. Das Wunder von Narva...* S. 47–50.

¹² *Петров А. В.* Город Нарва, ее прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901. С. 85.

¹³ ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 135.

¹⁴ ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1411. Л. 243. Публикация: *Филлюшкин А. И.* Великий Новгород и Ливонская война // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 15–17 ноября 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 95–96.

Краткое изложение этой легенды есть и в летописной компиляции XVIII в. из Новгородской Уваровской и Новгородской Забелинской летописей¹⁵.

Сохранность икон XVI в. в нарвских церквях вплоть до XX в. маловероятна¹⁶. По-видимому, в XVIII в. в церквях Ивангорода¹⁷ были написаны чудотворные иконы, якобы уцелевшие при пожаре Нарвы 1558 г.: в Преображенском соборе — образ св. Николая, а в церкви Успения Богородицы — образ Одигитрии. На кивоте Богородичной иконы в XVIII–XIX вв. была прикреплена медная табличка, на которой излагалась вымышленная история образа: «1192 года, мая 13 дня, написан сей кивот к образу Одигитрии Богородицы Тихвинская, повелением ивангородца ругодвиского жителя Герасима Кондратьева сына Нечаева, православным христианом на поклонение... писал многогрешный изограф Гри Васин Шанин»¹⁸. Тем самым время создания главной нарвской православной святыни было отнесено к XII в. — когда Нарвы даже еще не было.

Церкви Успения Богородицы и Св. Николая в Ивангородской крепости. Фото 2007 г.

Н. Андреев сообщил, что в 1937 г. данные чудотворные иконы отождествлялись с двумя образами: иконой Св. Николая, хранившейся в Нарве в Преображенском соборе, и иконой Богоматери в церкви Ивангорода. Первая икона, безусловно, относилась к XVII в., и ее связь с легендой является мифической. Зато ивангородский образ Богоматери относится к концу XV — началу XVI в. и носит следы повреждения огнем, что, по мнению Н. Андреева, возможно, подтверждает легенду¹⁹.

Среди современных чудотворных богородичных икон Нарвская Богоматерь считается копией с Тихвинской. До 1940 г. образ находился в Нарве в Успенском соборе. После закрытия храма его перенесли в церковь Иверской монашеской общины под Ивангородом. После 1944 г. его следы теряются: церковная утварь и иконы Нарвы и Ивангорода были отправлены в Пюхтицкий монастырь, и судьба Нарвской Богома-

¹⁵ ОР РНБ. Ф. IV.857. Л. 268 об.

¹⁶ Ср.: Selart A. Das Wunder von Narva... S. 50–51.

¹⁷ В Ивангородской крепости стоят два храма — Никольский и Успения Богородицы. Их основание относят к XVI в. Возможно, перед нами — рифмование на местности нарвского чуда, связанное с утратой Нарвы (в 1581–1704 гг. Нарва была шведской, а лишаться материального воплощения, памятников чудес 1558 г., было невозможным с точки зрения православной идентичности этих земель).

¹⁸ Петров А. Город Нарва... С. 73–74, 379.

¹⁹ Andreyev N. The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth-Century // Andreyev N. Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970. P. 328–329. Footnote 44.

тери неизвестна. Сегодня в Нарве, в Воскресенском соборе, можно увидеть современный список иконы, а также список иконы св. Николая, отождествляемый с «Нарвским чудом»²⁰.

Потеря русскими Нарвы также сопровождалась возникновением политических мифов. 6 сентября 1581 г. после кровопролитного штурма Нарва была взята шведами. По легенде, в городе погибло 7000 русских. За это, по русской версии, шведы были наказаны Богом: возвращаясь с переговоров, где был подписан Плюсский мир, Понтус Де ла Гарди велел на радостях стрелять из пушек. От первого же залпа судно развалилось, и шведского полководца, покорителя Нарвы, не смогли выловить из воды. Когда о его смерти сообщили русским, они удовлетворенно заметили: «Сказываете вы, что Понтус Делагарди умер. А случилось то Божьим изволением и милостью Николы чудотворца», того самого, чью икону в 1558 г. обрели во взятой Нарве²¹.

Богоматерь Тихвинская.
Псковская икона первой четверти XVI в.

Таким образом, русские духовные интеллектуалы трактовали значение взятия Нарвы в духовных категориях, сравнивали его с высокими историческими аналогиями, выделяли в торжестве над «латинами» прежде всего сакральный смысл, победу православной веры благодаря подвигам ее святителей. Для этого были сочинены специальные «чудеса» новоявленных Святых и обретенных в пожарище икон. Все это говорит о том, что первоначально войну за Прибалтику собирались внести в глобальный контекст истории

прославления перед Богом Святорусского Царства в рамках идеологем Степенной книги. А. Селарт, анализируя «Нарвское чудо», делает акцент на антипротестантской направленности легенды²² — иконы спасены от протестантов-иконоборцев. Борьба с «люторами», несомненно, занимала важное место в идеологии Ивана Грозного. Применительно к нарвским событиям такая трактовка возможна, в ней смущает только одно — это все же логическая интерпретация событий. В других случаях, когда антипротестантская компонента несомненна (например, в «Повести о Полоцком взятии 1563 г.»), она открыто декларируется. В рассказах же о нарвских иконах этого нет, речь идет прежде всего об иноверном святотатстве, а Нарва очищается от «люторов» наравне с «латинянами», то есть католиками. Видимо, если антилютеранские ноты и присутствовали в легенде изначально, они не были столь уж отчетливо выражены.

Правда, остается открытым вопрос, почему была предпринята попытка написания комплекса текстов, несущих в себе данную семантику, только в отношении взятия Нарвы в 1558 г. (чуть позже сюда добавятся антилютеранская риторика, связанная

²⁰ <http://www.sv-icon.ru/icon/icon1117.html?text=1> (последнее посещение: 03.07.2011). — Детальное описание истории современных нарвских образов и их роли в русской идентичности Нарвы см.: Selart A. Das Wunder von Narva... S. 50–52.

²¹ Петров А. Город Нарва... С. 105, 111–112.

²² Selart A. Das Wunder von Narva... S. 44–45.

со взятием Полоцка в 1563 г., и «чудеса» при обороне Пскова в 1581 г.). Из остальных событий Священной войны явно не получилось, что, как мы видим, понимали и современники.

Кроме Нарвы чудеса случались и в других городах. При взятии Феллина в 1560 г. из Псково-Печерского монастыря был прислан священник Феокист, который привез из монастыря святую воду. Когда к вечеру замок оказался подоженным артиллерийским огнем, это приписали заступничеству иконы Божьей Матери Печерского монастыря, также как и серию побед 1558 г. В память этого в Печерский монастырь был перевезен феллинский колокол²³, который еще можно было там увидеть в 1938 г.²⁴

Покровителем русских завоеваний в Ливонии выступала Богородица. Это свидетельствует, что земли, розданные детям боярским в поместья, уже считались русскими, находящимися под таким же Покровом Богородицы, как и вся Русская земля. Псковская летопись так описывает неудачную попытку литовцев в октябре 1564 г. устроить погром поместий по р. Таговесь: «Воевода их с лошадью ввалился в яму да ногу изломил, и в то время Пречистая покрыла своих деревенок от Литвы невоеваны»²⁵.

Некоторый след войны в Прибалтике был оставлен в местной агиографии. Между 1558 и 1563 гг. псковским священником Василием (в иноках — Варлаамом) была составлена вторая, обновленная редакция Жития Исидора Юрьевского²⁶. Это рассказ об убийстве 8 января 1472 г. в Ливонии священника Исидора и 72 православных жителей Дерпта, утопленных подо льдом из-за конфликта с дерптским епископом и «латинствующими» горожанами. Первая редакция, по И. И. Фетисову, была создана до 1474 г.²⁷ Однако в связи с тем, что такое громкое событие, как казнь 72 православных жителей Юрьева решительно неизвестно ни по ливонским, ни по псковским хроникам, и главное — совсем не упоминается в русско-ливонских переговорах (а там предъявлялись претензии и объявлялись войны за куда меньшие прегрешения) — возникает сомнение, не выдуманы ли эти мученики уже в XVI в., как раз в контексте идеологического обоснования нападения на Ливонию (тем более что списки I редакции датируются XVI, а не концом XV в.).

В 1565 г. тем же псковским автором Василием-Варлаамом было составлено «Сказание об иконе знамения Богородицы Мирожской»²⁸. В нем говорится, что Богородица была заступницей Пскова от нападений литовцев (в 1565 г. имеются в виду абстрактные литовцы, боевых действий под стенами Пскова не велось, хотя под угрозой нападения постоянно жили псковские пригороды)²⁹. Празднование знамения Мирожской иконы

²³ ПСРЛ. Т. 4. С. 312.

²⁴ *Andreyev N.* The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth-Century... P. 329.

²⁵ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 247.

²⁶ Публикация текста: *Будилович А. С.* О русском Юрьеве старого времени в связи с житием священно-мученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников // Сборник учено-литературного общества при императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1904. Т. 4. С. 75–144.

²⁷ *Фетисов И. И.* К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 218–221. (СОРЯС. Т. 101. № 3).

²⁸ *Лаустин А.* Тексты сказаний о псковских чудотворных иконах Божьей Матери // Псковская старина: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псков, 1910. Т. 1. С. 78–108.

²⁹ В начале 1560-х гг. нападениям литовцев подвергались только отдельные псковские пригороды. В мае 1562 г., на Николин день, литовцы напали на Опочку, но горожане отбились «за надолбами». Литва повоевала 7 волостей, и Себежчину, и монастыри пожгли (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 242). В сентябре 1562 г. литовцы из Влеха нападали на Псковскую землю, волости: Муравеино, оба Овсище, Коровий Бор. Увели большой полон (Там же. С. 243). В январе 1564 г., в Великий пост, литовцы от Влеха воевали пригородные псковские волости по рубежу (Там же. С. 245). В июне 1564 г. было нападение на округу Псково-Печерского монастыря (Там же. С. 247). В августе 1564 г. отряд псковских детей боярских под командованием В. Вешнякова под псковским пригородом Красным разбил литовский отряд (Там же. С. 248). В октябре 1564 г. двигавшиеся от Великих Лук отряды И. А. Шуйского и И. В. Шереме-

установлено в 1567 г. по благословению архиепископа Новгородского и Псковского Пимена. Этой иконе была составлена особая служба, напечатанная в Минее 1666 г. Время и обстоятельство установления праздника 24 сентября описаны в тексте «Воспоминания о знамении от Мирожской иконы» — памятнике, опубликованном В. И. Охотниковой³⁰.

Мирожский монастырь. Псков. Вид с р. Великой.

Чудеса конца Ливонской войны описаны в «Сказании о видении Дорофея». Оно дошло как в отдельных списках, так и в составе григорьевской редакции «Повести о Псково-Печерском монастыре»³¹ (ОР РНБ. Собр. ОЛДП. F 48) и в поздних списках

тева Меньшого под псковским пригородом Велье столкнулись с литовцами, «и потравилися наши с ними немного, да отступив, пошли к Вороначу». Литовский отряд их преследовал, но за 5 верст до Воронича повернул и устроил погром окрестностей Красного, Велья, Острова. Через полторы недели литовцы ушли к Влеху с большим полоном, «и помесщиковы и христианские дворы жгли, церквей не жгли, а вышли из земли в первую неделю поста» (Там же. С. 247). 1 марта 1565 г. литовцы осадили Красный, «и Бог града не предал» (Там же). То есть Псков жил тревожно, и у Василия-Варлаама в середине 1560-х гг. был повод обращаться к Богородице с молитвами о заступничестве от литовцев.

³⁰ Охотникова В. И. 1) История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней (конец XVI–XVII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 743–745; 2) Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: В 2 т. СПб., 2007.

³¹ Рассказ об этом помещен во второй редакции «Повести о Псково-Печерском монастыре», автором которой считается монах Григорий. Редакция была составлена между 1583 и 1587 гг. В чистом виде текст в редакции Григория отражен в рукописях (ОР РНБ. Собр. ПДА. № 432; РГАДА. Ф. 181. № 470). В. И. Охотникова датирует составление данной редакции памятника промежутком 1583–1587 гг. (Охотникова В. И. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (Вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 1. С. 172). Об обстоятельствах создания этого памятника см.: Малков Ю. Г. Повесть о Псково-Печерском монастыре. К истории сложения монастырских сказаний // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1991. С. 179–181; Охотникова В. И. Повесть о Псково-Печерском монастыре. Редакции XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 258–263; Андреев Н. Е. О характере III Псковской Летописи // The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy. The Hague; Paris, 1975. Vol. 2: Essays in Honor of Georges Florovsky. P. 127–129; Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества // ЧОИДР. 1908. Кн. 3. С. 47–50.

Богоматерь Мирожская. 1580-е гг.

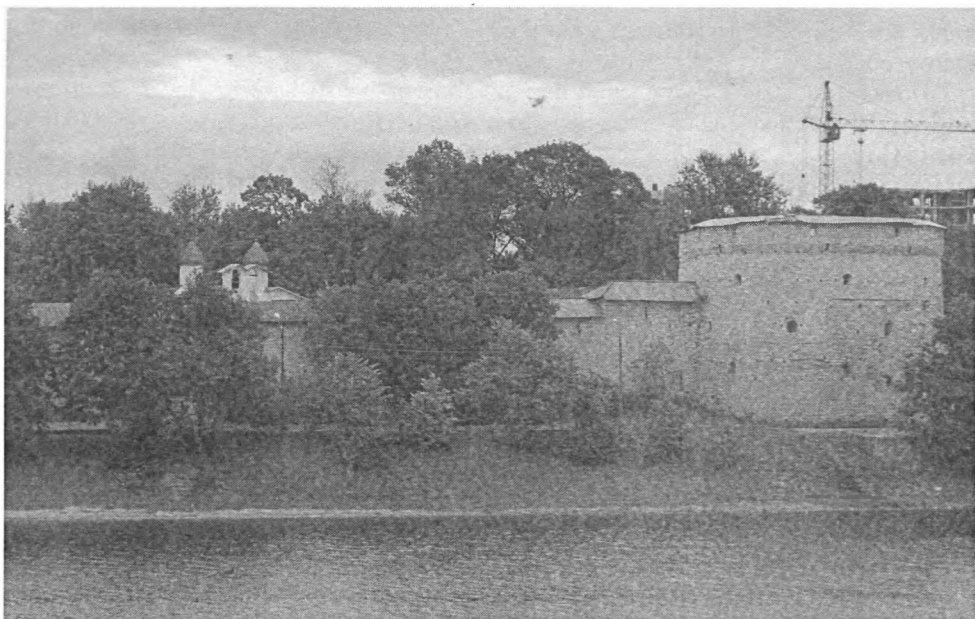
«Повести о приходе Стефана Батория на град Псков». Григорий описывает пророчество печерского игумена Корнилия, что в 1567 г. (сентябрь 7076) стражники заставы, поставленной против проникновения в Псков морового поветрия, видели у моста через р. Череху ночью сияющий свет и множество воинов, идущих к Пскову. В 1581 г. это пришествие войска и сбылось.

Печерский монах Митрофан в 1581 г. рассказал Григорию чудо Дорофея. Этот полуслепой кузнец сидел в своей келье Покровского монастыря в Углу г. Пскова (то есть был монахом этого монастыря). Начинаясь осада Пскова, инок плакал о наступающей на город беде. Внезапно по его больным глазам ударил яркий свет, и сияющий столб от воды до небес прошел через р. Великую от Мирожского монастыря, находящегося на противоположном берегу, до Покровской башни

и Покровского монастыря. Это шла Св. Богородица, а с ней преподобные отцы — основатель Киево-Печерского монастыря Антоний и игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий.

Богородица взойшла на крепостную стену и стала вызывать святых: новгородского епископа Нифонта (строитель Мирожского монастыря, ум. в 1131 г.), Владимира Крестителя (он назван крестильным именем — Василий Киевский), Всеволода Мстиславича (новгородского князя (1117–1136), умершего в 1138 г. и ставшего патрональным святым Пскова после канонизации в 1549 г.), Довмонта (псковский князь в 1266–1299 гг.) и юродивого Николу (ум. в 1576 г., по легенде, спас Псков от опричного погрома в 1570 г.). Богородица, глядя в сторону Торга, начала свои обличения: «злые люди града сего» прогневали Господа, свершили множество грехов, и только когда пришла к ним беда, вновь обратились к Богу. Первыми за псковичей вступились Корнилий и Никола-юродивый, признавая их грехи, но умоляя простить. Затем с мольбою выступили и остальные святые.

Богородица призвала к себе Дорофея и велела передать ему следующее. Воеводы и печерские старцы должны непрерывно молиться за спасение града. Все люди должны каяться в своих грехах. Печерскую икону Богородицы следует принести и установить на стене у Покровской башни, где сейчас стоит Богоматерь. Здесь же нужно установить орудия, из которых бить по королевским шатрам. А король, когда Господь услышит слезы и моление рабов своих, лишится рассудка. Ум его придет в смятение, и он, посрамленный, уйдет от Пскова. Произнеся это, Пречистая стала невидима, а потрясенный Дорофей очнулся в сенях своей кельи. В повествовании Григория Богородица и дальше выступает заступницей за Псков, спасаемый Покровом Пречистой: враги видят на крепостной стене в проломе некую жену, пресветлую, ходящую и сидящую на месте пролома, как некий страж. Они стреляют в нее, но не могут попасть. Другие

Вид Покровской башни и крепостных стен Пскова, на которые взшла Богородица от р. Великой. Фото 2008 г.

Памятный крест у Покровской башни на месте видения Дорофея. Фото 2008 г.

Явление Богородицы кузнецу Дорофею (т. н. икона И. И. Жиглевича, вторая половина XVIII в.). Фрагмент. Псковский музей-заповедник.

видят величественного воеводу, днем и ночью разрезжающего по стенам и помогающего в обороне³².

Поляк Станислав Пиотровский, оставивший знаменитый дневник об осаде Пскова в 1581 г., зафиксировал появление слухов о явлении Богородицы в городе под 10 октября 1581 г.: «Шуйский возбуждает в городе народ, говоря, что какому-то нищему старику явилась ночью Божия Матерь и убеждала граждан храбро защищаться, обещая, что король города не возьмет»³³. В самом же повествовании Григория рассказ о видении Дорофея помещен перед описанием штурма Пскова 7 сентября³⁴. Таким образом, появление устного сказания о чудесном явлении псковичам Богородицы, скорее всего, относится к сентябрю 1581 г. На памятном знаке в честь видения Дорофея стоит дата 29 августа 1581 г.

Григорий в «Повести о Печерском монастыре» описывает многочисленные чудеса, которые сопровождали осаду обители баториевцами. Юноше Юлиану во сне явилась Пречистая, велела монахам и воинам твердо держать оборону в проломе, пробитом осадной артиллерией в монастырской стене. Для укрепления обороны надлежало беспрестанно петь молебны перед образом Богородицы. Юноша в бою будет убит. Но монастырь спасется заступничеством Владычицы. Юлиан проснулся и нашел три серебряные монеты, которые ему оставила Богоматерь, потому что у него не было ни одежды, ни обуви. Богородица являлась и другим монахам Печерской обители. А во время очередного штурма рыбак по имени Сергей Витае Брада видел над монастырской церковью Пречистой Богородицы множество мужей в белых ризах с зажженными свечами в руках и со словами на устах: «Грядем на помощь христианам и пожжем иноверных». По мнению Григория, это 40 святых мучеников и преподобные отцы, захороненные в Печерских пещерах. Венгры и немцы жаловались, что видели идущих с Небес от монастыря множество воинов в белых ризах, избивающих иноземцев. А вдоль стены пешком и на коне перемещался седой старец, командовавший подготовкой обороны. Григорий убежден, что это был сам Св. Николай³⁵.

Тайловская башня Псково-Печерского монастыря. XVI в. Фото 2010 г.

³² Повесть о Псково-Печерском монастыре // Псков — город воинской славы: Статьи и документы. Псков, 2010. С. 196–198, 200.

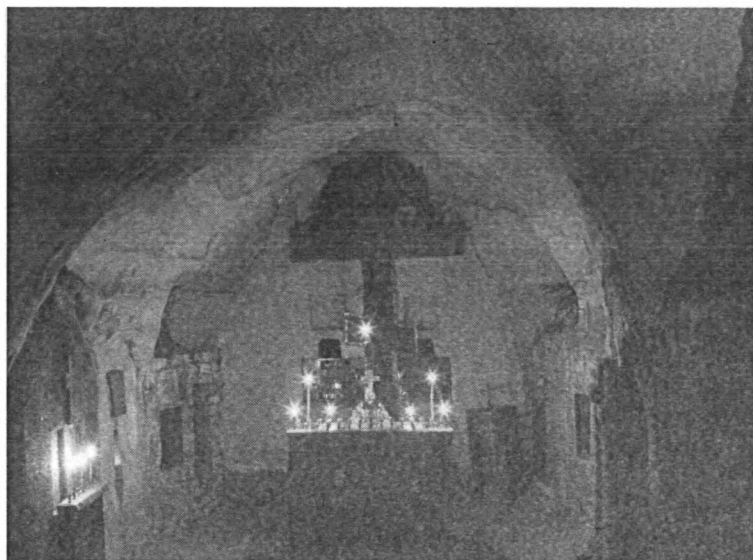
³³ [Пиотровский С.] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) / Пер. О. Н. Милевского. Псков, 1882. С. 159.

³⁴ Повесть о Псково-Печерском монастыре. С. 198.

³⁵ Там же. С. 203–204.

Стены Псково-Печерского монастыря, башня Верхних решеток и Тарарыгина башня (на заднем плане).

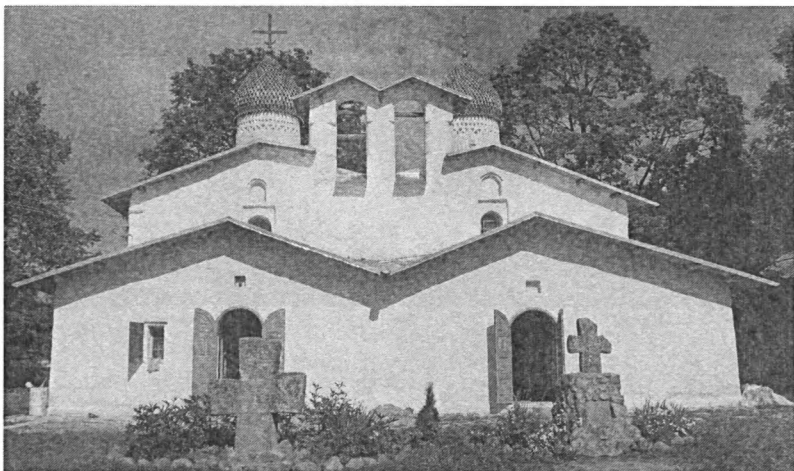
Подземная церковь в пещерах Псково-Печерского монастыря. Фото 2000 г.

Сам по себе факт, что монастырь, защитниками которого командовал юный воевода Юрий Нечаев, который защищали неопытные в ратном деле монахи, выстоял перед атаками профессиональных военных, настоящих головорезов, наемников, многократно превосходивших осажденных в артиллерии, считался настоящим чудом. Обитель защищали Господь и Пречистая Богородица. Григорий цитирует псалом Давида: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на святой горе Твоей?» (Пс. 14:1)³⁶.

Спасение Пскова от супостатов вызвало появление и вещественных памятников, прославляющих чудеса. Уже в 1582 г. у Покровской башни Пскова у Баториева пролома

³⁶ Там же. С. 208.

была поставлена церковь Рождества Пресвятой Богородицы (первоначально — деревянная). Позже перестроили соседнюю Покровскую церковь одноименного монастыря и перенесли в теплую монастырскую трапезную храм Рождества Богородицы. Так получилась сдвоенная церковь, объединенная каменной двухпролетной звонницей, сохранившаяся до нашего времени³⁷.

Церкви Рождества Богородицы и Покровская-на-проломе. Псков. Фото 2008 г.

Богородица Псково-Покровская. Прорись со списка иконы XVIII в. (Прорись воспроизведена: Ткачева Н. Образ Пскова // Псковский летописец: Краеведческий альманах. 2010. Вып. 2 (3). С. 106.)

³⁷ Древний вид возвращен храмам в 1961–1964 гг. в результате реставрационных работ под руководством В. П. Смирнова (Левин Н. Ф. В память о героической обороне // Псков — город воинской славы: Статьи и документы. Псков, 2010. С. 232–233).

Память об осаде Пскова Баторием отразилась и в создании ряда икон. Самой ранней из них считается храмовая икона Псковского Покровского монастыря «Богородица Псково-Покровская», написанная на рубеже XVI–XVII вв. по образцу знаменитого новгородского образа «Видение пономаря Тарасия». Псков на этой иконе — «...единое пространство, “дом Святой Троицы”, город, находящийся под Покровом Богородицы, спасаемый ею»³⁸.

В 1601 г. в память об избавлении от Батория был учрежден крестный ход в шестую неделю по Пасхе. Когда он заходил в ограду Покровской церкви, то к нему выносили икону Псково-Покровской Богородицы. Во вторник седьмой недели свершался крестный ход из Свято-Троицкого собора вокруг города Пскова, при этом из Покровской церкви опять выносилась храмовая икона. Чудо «заступления» от иноземных войск также связывалось с псково-печерскими иконами «Успение с житием Богоматери» и «Богоматерь Умиление» (Владимирская). Их выносили на крестном ходе из Псково-Печерского монастыря в седьмое воскресенье по Пасхе³⁹.

Подводя итоги обзору археографии, духовных текстов и описаний чудес, в которых в той или иной форме фигурирует борьба за Прибалтику в XVI в., необходимо сделать вывод, что сама по себе ливонская проблематика оказала крайне слабое воздействие на церковный нарратив. В нем нашли осмысление внутренние проблемы православной церкви, которые были актуальны в XVI в. и без Ливонской войны: борьба с «латинством» и «люторами», соблюдение чистоты веры, обретение мощей святых, формирование культа местнотимых святых и т. д.

Собственно, мы видим яркое проявление только двух дискурсов — «Священной войны» (при взятии Нарвы, в меньшей степени это проявится в 1563 г. при взятии Полоцка, о котором речь пойдет далее) и обороны от неверных православных святынь (осада Псково-Печерского монастыря, Псковская осада в 1581 г.).

Но эти дискурсы для русской книжности не новы. Сюжеты, связанные с борьбой за Прибалтику, привлекаются как иллюстрация, как фон. Но они не выступают в роли толчка, источника какого-либо духовного процесса (в отличие, скажем, от осмысления темы борьбы православных с татарами).

Аналогична ситуация с другими противниками России в борьбе за Прибалтику — литовцами и шведами. Они оставили слабые следы в агиографии в качестве воплощения иноземного «латинского» зла, но не более того. Поводом к духовным исканиям, отраженным в биографиях русских святых, эти контакты не стали (исключая восприятие «немцев» как экзотики)⁴⁰.

³⁸ Там же. С. 98.

³⁹ Там же. С. 102–103.

⁴⁰ Ср. составленное в начале XVI в. житие ростовского юродивого Исидора Твердислова, который якобы был по происхождению немецким рыцарем, чуть ли не из рода «великого магистра» (Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова // Словарь книжников и книжности... Вып. 2. Ч. 1. С. 281).

Глава III

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ XVI в. О ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ

«Повесть о Полоцком взятии»

Только два события Ливонской войны удостоились в XVI в. специального внимания русских книжников, создавших о них особые произведения. Это написанные в традиционном для средневековой исторической литературы жанре воинских повестей Повесть о взятии Иваном Грозным Полоцка в 1563 г. и «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков».

Летописная «Повесть о Полоцком взятии» — рассказ о походе на Полоцк в 1563 г., написанный в подражание повествованию о взятии Казани в 1551–1552 гг. Только вместо мусульман Грозный теперь борется за торжество православной веры с литовцами, впавшими в «люторскую ересь». В летописи названы в основном успехи русского оружия, а отдельные неудачи изображаются как следствие нарушения врагами данных клятв, вероломных нападений, измены своих воевод или Божьего наказания за грехи¹.

«Повесть о Полоцком взятии» дошла до нас в составе Никоновского летописного свода и, видимо, восходит к гипотетическому Своду 1568 г. Ее состав наилучшим образом проанализирован В. В. Морозовым², а схема происхождения текста приведена в работе С. Богатырева³. Последний справедливо заметил, что, несмотря на распространенную в литературе параллель «Повести о Полоцком взятии» и «Повести о Казанском взятии» Летописца начала царства, эти произведения различаются по стилю. Правильнее возводить рассказ о Полоцкой кампании к классическим воинским повестям вроде «Сказания о Мамаевом побоище» или «Повести о стоянии на Угре»⁴. Р. Фречнер сближал также идеологическую риторику, сопровождавшую Полоцкую кампанию 1563 г., с памятниками Куликовского цикла и кроме того — со текстами, связанными со Смоленским взятием 1514 г. и Казанским взятием 1552 г.⁵

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 287–408.

² Морозов В. В. Летописец 1568 года. Атрибуция и состав // Русская книжность XV–XIX вв. / Под ред. Т. В. Диановой. М., 1989 (Труды ГИМ. Вып. 71). С. 155–163.

³ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr and M. Poe. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 345.

⁴ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom... P. 334.

⁵ Frötschner R. Der Livländische Krieg... S. 374–375.

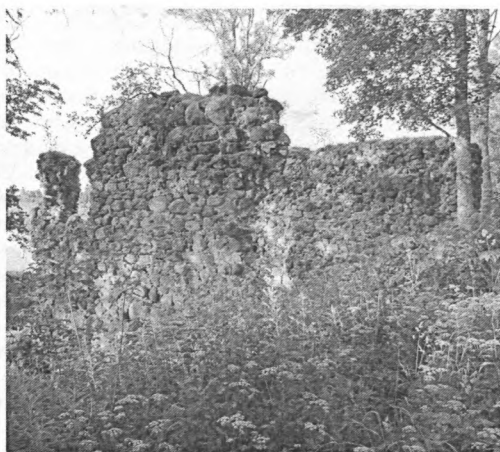
В изображении событий в Повести отразились многие дискурсы русской политической культуры. «Полоцкая победа» ставилась в один ряд с другими примерами торжества русского оружия и православной веры. Согласно Повести, решение о походе было принято Иваном IV в ноябре 1562 г. по совету с митрополитом Макарием, своими братьями — великими князьями — и со всеми боярами. Тем самым оно изображено как общая воля всех властей — царской, церковной, великокняжеской, верхушки служилой знати. В летописи приводится следующая мотивация нападения на Сигизмунда II Августа:

«...за его многие неправды и неисправления, наипаче же горя сердцем о святых иконах и о святых храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергъше, святые иконы пощепали и многая поругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставыше и поправше и Люторство восприяша ...а неправды же королевы и неисправление: в грамотах своих пишет ко царю и великому князю со укореиением непригожие многие слова, и царское имя, что ему государю дал Бог... и король того имени сполна не описует, да он же вступается во оборону за исконивечную цареву и великого князя вотчину Вифлянскую землю».

Последнее обстоятельство особенно дискредитирует Сигизмунда, потому что Грозный карает в Ливонии отложившихся от него изменников, а польский правитель мешает свершению Божьей справедливости. Король напал на Тарваст, сажает

Действия русских войск под Полоцком в 1564 г.
Миниатюра Лицевого свода.

Развалины ливонской крепости Тарваст. С нападения литовцев на Тарваст, в котором стоял русский гарнизон, в сентябре 1561 г. началась русско-литовская война 1561–1570 гг.

в ливонских городах своих людей, называет Ливонию своей землей и наводит крымского хана на Русь⁶.

Таким образом, здесь мы видим как обычные составляющие вотчинного дискурса (концепты «доброхотных советников», «войны как наказания за измену», традиционные формулировки признаков присоединения земель)⁷, так и некоторые новые элементы. Риторика «побарания на иноплеменных» во имя чистоты веры продолжает идеологические традиции дискурсов «Казанского взятия»⁸. А вот фактическая наполненность обвинений оказывается необычной: православный царь выступает борцом с распространением протестантизма.

В августе 1561 г. русская митрополия получила грамоту от константинопольского патриарха Иоасафа, направленную на обличение «люторской ереси»⁹. В ней указывалось место возникновения новой популяции еретиков: «...в ваших странах в Малой Руси». Помещение грамоты в летопись нельзя считать вызванным только религиозными мотивами. Оно как бы подготавливало «антилюторскую» мотивацию похода в Повести: Иван IV выступил, поскольку литовцы «*Люторство* восприяша... по своим похотем учинили себе и избрали *люторей* и их прелесное учение приняли». В Полоцке даже истинно верующие христиане были вынуждены не держать дома икон из-за угрозы их поругания лютеранами, «...якоже ни в срацынской вере в турках, ни в бусурманскихх языцех таково святым иконам поругание не обретается»¹⁰.

Данная, новая для русской внешней политики аргументация необходимости похода на супостатов неоднократно отмечалась исследователями¹¹. В Литве действительно быстрыми темпами распространялись кальвинизм и антитринитарное учение. Объявив себя врагом протестантизма, Грозный невольно воплотил в жизнь давнюю мечту Ватикана, грезившего, что претерпевший ущерб от Реформации католический мир восполнит свои потери за счет расширения на восток. Правда, при этом предполагалось, что Русь примет католичество, и русский царь (вернее, уже король — правитель провинции Священной Римской империи) станет бороться с протестантами как неопит новой, католической веры. Иван IV войну «люторам» объявил, но при этом обошелся без перемены веры...

⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 345–346.

⁷ «Вотчинная» мотивировка Полоцкого похода помещена также в посольской книге (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. III (1560–1571 гг.) / Изд. под ред. Г. Ф. Карпова // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 121). На роль концепта вотчины в идеологии «Полоцкого взятия» обратил внимание С. Богатырев (*Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom...* P. 349). Подобный дискурс об исконной «русскости» присоединяемых земель вообще характерен для идеологии государственного строительства эпохи Ивана IV. Так, Казанское ханство виделось «раковой опухолью», возникшей на древних русских землях, — согласно «Казанской истории» (конец XVI в.), Грозный с удивлением обнаруживает, что «на Руской земле есть ново царство Срачинское, Казань» (ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. Стб. 45). В летописях XVI в. Астрахань была объявлена «древней Тмутороканью» (ПСРЛ. Т. 13. С. 235–236.). По меткому замечанию С. Богатырева: «Идея вотчины, кажется, была единственно доступным понятием для московских дипломатов, они мастерски манипулировали этим концептом в своей аргументации». Временем появления этого исторического дискурса, видимо, был конец 1550-х гг., во всяком случае, он уже звучит на переговорах с Данией в 1559 г.

⁸ Риторика русских летописцев очень сходна стилистически с более ранними описаниями взятия Казани, ср. Соловецкий летописец: «Государь и великий князь Иван Васильевич город литовский Полоцк взял и владыку полоцкого к Москве свел» (*Кореецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в.* С. 236).

⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 334–339.

¹⁰ Там же. С. 345–346.

¹¹ *Pelensky J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology, 1438–1560s.* The Hague, 1974. P. 116–117; *Александров Д. Н., Володухин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М., 1994. С. 90; *Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom...* P. 356–357; *Frötschner R. Der Livländische Krieg...* S. 373–394.

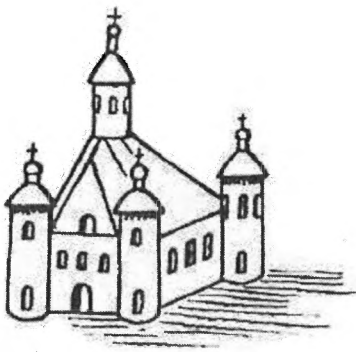
Изображение поведения царя перед походом в Повести демонстрирует стремление Ивана IV зарифмовать взятие Полоцка с главными событиями русского государственного строительства, придать кампании судьбоносный для Руси характер. Он совершает молебны в Успенском соборе, где венчался на царство; в кремлевском и Чудовском Архангельских соборах, освященных в честь ангела-воителя, покровителя русского войска; в церкви митрополита Алексия, одного из основателей Московской державы. Царь поклоняется иконе Владимирской Божьей Матери (спасшей Русскую землю от нашествия Тамерлана); прародителям — князьям-Калитичам, построившим Московское государство; чудотворцам-митрополитам Петру и Ионе, помогавшим в этом Калитичам. После этого

Икона Донской Божьей матери.

крестный ход во главе с государем отправился на Арбат, к церкви Бориса и Глеба, причем впереди несли образ Богородицы, бывший с Дмитрием Донским на Куликовом поле, когда он победил «безбожного Мамаю»¹². Историческая аллюзия здесь была более чем прозрачной: ведь литовцы были союзниками Мамаю и просто не успели к нему на помощь в 1380 г.

Эту икону Божьей Матери, «непобедимую воеводу»¹³, царь взял с собой в поход вместе с другими святынями: Колоцкой иконой Богородицы и крестом Ефросиньи Полоцкой¹⁴. Причем Иван IV изображен выполняющим особую миссию возвращения в Полоцк креста и вместе с ним святости. Здесь исполь-

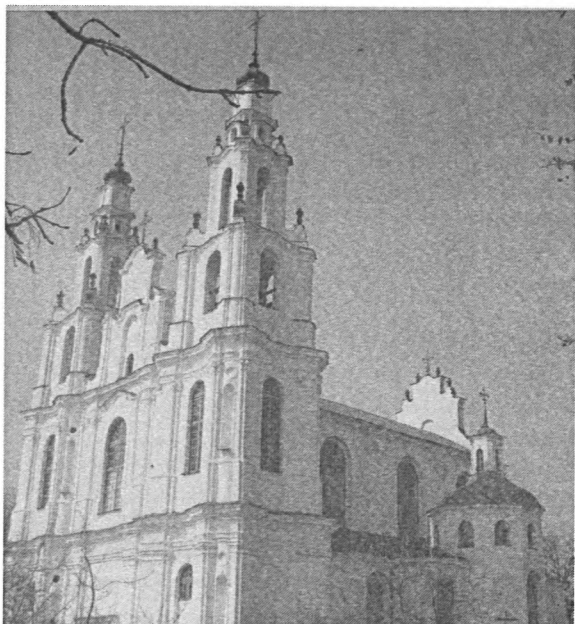

Храм Св. Софии в XVI в. Прорис с иконописных изображений.

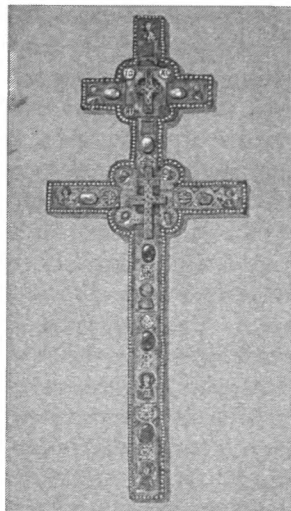
¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 346.

¹³ А. Л. Хорошкевич считает, что в ходе Полоцкого похода Иван Грозный совершил ряд религиозно-идеологических реформ. В частности, по ее мнению, «Богородица из символа милости превратилась в «непобедимую воеводу». Это был новый этап трансформации богородичного культа в Москве, вполне соответствовавший политическому моменту» (Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 336). Данное заявление основано на недоразумении: роль икон Богородицы как «необоримых воевод» характерна для Древней Руси, вспомним хотя бы заступничество иконы Владимирской Божьей Матери во время нашествия Тамерлана в 1395 г.

¹⁴ Крест был сделан в 1161 г. мастером Лазарем Богшей по заказу княгини Ефросиньи. Его шестиконечная форма символизировала шесть дней творения мира. Крест был украшен драгоценными камнями и металлами. Изображения Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи, Архангелов Михаила и Гавриила, четырех евангелистов, апостолов Петра и Павла, святой Ефросинии и других святых угодников были выполнены на пластинах перегородчатой эмали. Особую ценность реликвии придавали частицы святых мощей, размещенных в Кресте. На лицевой стороне — Кровь Христа в верхнем перекрестье, «Древо Животворящее» в нижнем перекрестье. На обратной стороне — камень от Гроба Пресвятой Богородицы в верхнем перекрестье, частица Гроба Господня в нижнем перекрестье. В Крест вложена также кровь святого Дмитрия, частицы мощей святого великомученика и целителя Пантелеймона и иных угодников Божиих. Эти святые реликвии были доставлены в Полоцк специальной экспедицией, которую направила в Византию Ефросинья. В 1941 г. крест был утрачен во время фашистской оккупации.

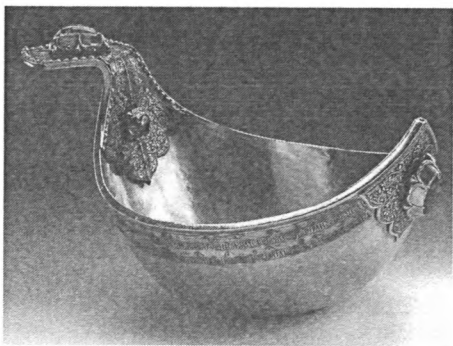

Собор Св. Софии в Полоцке.
Совр. фото.

Крест Ефросиньи Полоцкой. Мастер Лазарь Богша. Крест утрачен в годы Великой Отечественной войны. Иллюстрация из книги: Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. Вклейка между С. 24 и 25.

зован дискурс «потери святыни», за который Бог неизбежно карает виноватых: на кресте была надпись: «Да не износит его ис тое церкви никтоже, егда же кто его из церкви изнесет, да примет с тем суд в день судный». Святыню забрали завоеватели — смоляне, «суд» над которыми свершился в 1514 г., они были покорены Москвой, крест забрал Василий III, и теперь обновленную реликвию взял с собой Иван IV, «...имея надежду... на крестьяную силу победити враги своя»¹⁵. По С. Богатыреву, обращение при взятии Полоцка к культу Св. Софии и к теме креста св. Ефросиньи обуславливало идеологические параллели между покорением Полоцка и возрождением Иерусалима Христом силой креста¹⁶. Риторика этого «крестового похода», как показал Я. Пеленский, содержала идею репрезентации Москвы как «второго Киева»¹⁷. С. Богатырев уточнил это наблюдение, обратив внимание на роль образа Св. Софии в идеологии Полоцкой кампании: взятием Полоцка делался шаг к восстановлению древнерусского единения трех Софий (Новгородской, Полоцкой, Киевской)¹⁸.

Золотой ковш, по преданию, отлитый для Ивана Грозного из захваченных в Полоцке сокровищ.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 347.

¹⁶ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom... P. 353–354.

¹⁷ Pelensky J. Russia and Kazan?... P. 116–117.

¹⁸ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom... P. 350, 352, 361–362.

Подобная мотивация взятия Полоцка отразилась не только в нарративе, но и в официальных дипломатических заявлениях. На переговорах с литовцами 11 декабря 1563 г. дьяк А. Я. Щелкалов говорил:

«Повинности христианские стережем по преданию святых апостол и святых вселенских святых отец седми соборов непорочно и чисто сохраняем, а приказанья Божиаго и повинности христианские в той земле (Полоцкой. — А. Ф.) не стерегут, где Бога видети исповедуют, дел же Его отместутца, мерсцы суще и на всяко дело благо не искусны, якож Анний и Абрий противи стася Моисею, тако и сии противятца истинне»¹⁹.

Приведенных цитат достаточно, чтобы обосновать вывод о доминировании в «Повести о Полоцком взятии» уже упоминавшейся идеи Священной войны. Интеллектуалы и идеологи времени Ивана Грозного подготовили официальную доктрину (официальную, поскольку она была включена в официальную летопись и использовалась дипломатическими службами), в которой нападение на Полоцк в 1563 г. объявлялось священной христианской миссией, актом спасения полочан от греха отступления от веры. Так видели создатели нарратива XVI в. эти события.

Что характерно, в русских посольских документах при обосновании легитимности действий Ивана Грозного под Полоцком война против ливонцев также расценивалась как спасение ливонцев от греха:

«А что брат наш писал, что не годитца закон утверждати таковым поучением, ино есть с милосердием поучение послушающим, а не послушающим поучение и с наказанием бывает, якоже рече апостол Иоуда, брат Господень по плоти: “Овех бо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте от огня возхищающе, не от сего ж видимаго огня, но от будущаго неугасимаго повеле апостол возхищати”²⁰. Также много о сем и при правeverующих царех быша еретиком наказание, и еще кто праве верует святым вселенски седми собором, много о сем божественном писание найдет»²¹.

Риторика, столь ярко проявившаяся во время Полоцкого похода 1563 г. и сопровождавших его дипломатических дебатах, широко использовалась и позже. 21 ноября 1565 г. Иван IV отправил Сигизмунду грамоту с предложением прислать больших послов для заключения мира или перемирия (при условии, что Полоцк останется в составе Российского государства). Царь не сомневался в своей высокой, богоугодной миссии:

«Ино мы как и сели есмя от всемогущия Божиа десницы в Троицы певаемаго Бога и по отца своего, блаженные памяти великого государя Василия, благословению на своем прародителском престоле, как есть государи правые христианские, истинною верою сияя, завсе порученную нам паству от Божиа помощи строим и осмотрением своим оберегаем от всякие незгоды и розлития крови христианские от всех стран и х покою христьянскому к х пожитью приводим и розлития крови христианские умалюем».

¹⁹ Из речи А. Я. Щелкалова на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 258. — Перед нами цитата из Второго послания апостола Тимофея (3: 8): «Как Ианный и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере». Иамврий (3 Цар. 16: 25) — израильский царь, «делавший неугодное перед очами Господа», впавший в идолопоклонство.

²⁰ «А вы, возлюбленные, назидайте себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, для вечной жизни. И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд. 1: 20–23).

²¹ Из речи В. М. Юрьева на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г. // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 229.

При этом именно Сигизмунд обвинялся в том, что стремлению Ивана Грозного к построению христианской гармонии не дано реализоваться: «ино ты, брат наш, не дозволил»²².

Послание было густо насыщено христианской риторикой: царь по боярскому челобитью («били нам чолом и говорили и нам думали, штобы мыс тобою, братом нашим, похотели братства и доброго пожитья и згоды») готов пойти на мир во имя спасения и благополучия всех христиан, а король нарушает христианские заповеди и виноват в «разлитии крови христианской»²³.

Поведение царя и русского воинства в полоцком походе, согласно Повести, было соответствующим дискурсам Священной войны. Окропленное святой водой войско под знаменем с ликом Спаса шло на Полоцк. Резиденция Ивана Грозного была устроена в разрушенном Борисоглебском монастыре, под городом. Там царь молился и трапезничал²⁴. Здесь летописец явно рифмует арбатскую церковь Бориса и Глеба, от которой начался поход, и полоцкий Борисоглебский монастырь, где он закончился.

Покровительство Богородицы играет решающую роль в осадных боях. Полоцкая крепость ответила огнем на появление русских войск под ее стенами:

«Многие же пушечные ядра летяжу на монастырь, и в сени перед пеколню межю дворян государьских паде ядро. И через царев и великого князя полк многие ядра падоша, яко дождь, Божиим же заступлением и Пречистыя Богородица и великих молитвами в цареве и великого князя полку и в воеводских полках из наряду не убиша никакова человека»²⁵.

Далее подробно описывается ход осады, устройство полков, бои под городом, переговоры с горожанами о сдаче, «шатания» полочан, взятие острога, страшный артиллерийский обстрел Полоцка, подготовка к решающему штурму и сдача осажденных.

В своей речи перед правителями Полоцка Иван Грозный заявил, что напал на эту землю за «неправды» короля Сигизмунда II Августа, за вторжение Великого княжества Литовского в Ливонию и за присылку к царю грамот «не по пригожу». Полоцк же — древняя вотчина Рюриковичей. Вхождение Ивана IV во взятый Полоцк было оформлено как крестный ход. Сам государь слез с коня у острожного рва. Далее в город «по погорелому посаду» пошел ход во главе с коломенским епископом Варлаамом, архимандритом Чудова монастыря Левкием, игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря Леонидом. Впереди процессии несли икону Донской Божьей Матери, за крестами и образами шел сам царь, князь Владимир Андреевич, новокрещенные татарские царевичи. В городских воротах их встречал с крестами и священниками Софийский протопоп Феофан.

Торжественную службу в Св. Софии отслужил коломенский епископ Варлаам. Помимо пафоса возвращения царской отчины и многолетия государя, поздравлений с прбедой, на службе отчетливо звучали антипротестантские мотивы²⁶. Победа воспринималась как дарованная Богородицей и святыми Земли Русской. Торжественные молебны «со звоном» было приказано организовать в Великом Новгороде, Пскове, Юрьеве Ливонском, Феллине, Нарве, Ракоборе и других ливонских городах²⁷.

²² Грамота Ивана IV к Сигизмунду от 21 ноября 1565 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 316.

²³ Там же. С. 315–318.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 353.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 359–360.

²⁷ Там же. С. 363.

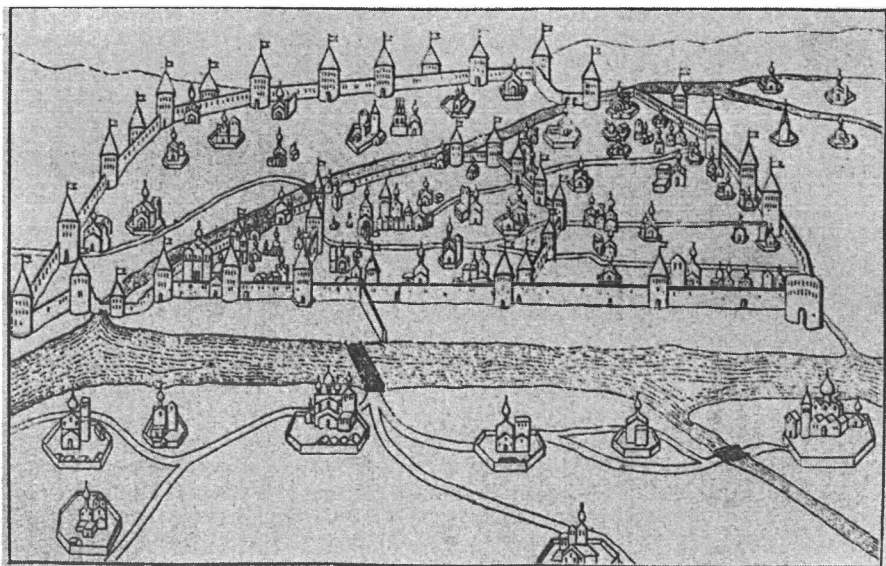

Таким образом, на примере осмысления Полоцкого взятия 1563 г. мы видим, что лозунги Священной войны не были пустым звуком — во всяком случае, они доминируют при описании мотивации и оценки значения данной кампании как в нарративе, так и в посольской документации. Современники связывали с этими событиями религиозные чистки в Полоцке (убийства католических монахов и евреев), возможно, легендарного характера, но показательно, что эти рассказы вызывали доверие. Царь, ведущий Священную войну, мог убивать за веру «неправильных» христиан и тем более иудеев.

«Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков»

Другая отдельная повесть, относящаяся к рассматриваемой нами теме, — «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Она мало изучена. Считается, что ее написал псковский иконописец Василий в конце XVI в., вскоре после осады 1581 г. (в литературе часто фигурирует дата 1588 г.). Последнее научное издание было в 1952 г.²⁸, с тех пор Повесть переиздавалась только в хрестоматиях или популярных изданиях.

Повесть дошла до нас в двух редакциях (Основной и Позднейшей). Основную редакцию ученые датируют 1580-ми гг., но от XVI в. не сохранилось ни одного списка, самые ранние из них датируются началом XVII в., когда в условиях Смуты

Псковская крепость в XVI в. Прорись с иконописного изображения. Воспроизведено в книге: Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по Древнему Пскову. Псков, 1913. Вклейка между С. 108 и 109.

и противостояния Речи Посполитой темы, поднимаемые в Повести, должны были звучать особенно злободневно. В. И. Малышев выделил в Основной редакции четыре вида, к созданию которых, судя по всему, были причастны разные лица на протяжении всего XVII в. Правда, различия, которые он описывает, могут быть квалифицированы не только как видовые, но и как разные редакции. В частности, именно так можно

²⁸ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подг. текста и ст. В. И. Малышева. М.; Л., 1952.

расценить добавление в третьем виде «Видения псковского кузнеца Дорофея», известного в конце XVI – XVII в. и как отдельный памятник. В XVIII в. (самый ранний список датируется 1710 г.) в тексте происходит резкое усиление топоса богородичных чудес, связанных с иконой Печерской Богородицы, что приводит к созданию Позднейшей редакции²⁹.

В. И. Малышевым текст Повести был издан по древнейшему Вязниковскому списку начала XVII в. — основной редакции первого вида. В 1985 г. памятник был опубликован В. И. Охотниковой по списку Петербургской духовной академии второй четверти XVII в. (ОР РНБ. Собр. СПбДА. № 302), с дополнениями по списку: ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1629, последняя четверть XVII в.³⁰ При дальнейшем анализе мы пользуемся публикацией В. И. Малышева, так как в ней учтены многие разночтения других списков.

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» (далее — ППСБГП) в наиболее ярко выраженном виде содержит российский дискурс «Священной войны». Схема повествования в Повести не новаторская, практически во всем опирается на традицию летописных и воинских повестей, рассказывающих о вооруженной борьбе праведных с неверными («Повесть о Хоздрое», произведения Куликовского цикла, «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Сказание о Темир-Аксаке» и т. д.). Налицо текстологические и сюжетные совпадения с данными памятниками. В. И. Малышев также обратил внимание на явные параллели четвертого вида Основной редакции Повести со «Сказанием» Авраамия Палицына и «Казанской историей»³¹. В этой вторичности — особая ценность Повести. Она вобрала в себя многие дискурсы, идеологические шаблоны и стереотипы, связанные с интересующей нас проблематикой, и в этом плане репрезентативна как исторический источник.

Примечательно, что автор начинает изложение сюжета с царского похода на Ливонию 1577 г. Конфликт из-за Ливонии 1550–60-х гг. его не интересует, и он не видит в них истоки противостояния с Речью Посполитой. Это еще раз говорит нам о том, что изначально в русском обществе война за Прибалтику во второй половине XVI в. не воспринималась как единая кампания, а распадалась на отдельные походы, кампании и «войны».

В первых строках Иван IV объявляется истинно христианским царем, хранителем и защитником веры:

«Бо от Бога и первопрестольный хрестьянский царь во вся четыре конца вселенная именовашеся, совершенные его ради святые хрестьянские веры хранящаго и тверде сию держати и хранити непорочне и повелевающаго»³².

Причиной похода на Ливонию Ивана Грозного 1577 г., согласно Повести, было то, что ливонские немцы творили много зла и насилия, разоряли Псковскую землю и более всего — «чудотворное и святое место Успения Пречистыя Богородица Печерского монастыря около все обвоеваша и запустошиша и многозельная злая монастырю творяше». Сам поход рассматривается как заступничество «за Богородицын дом» и защита христианства от «насилующих во Христа верующему народу»³³.

²⁹ ППСБГП. С. 114–127; Охотникова В. И. Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 838–841.

³⁰ Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 298–391.

³¹ ППСБГП. С. 117–119.

³² Там же. С. 36.

³³ Там же. С. 36–37.

Псков выступает крепостью, стоящей на рубеже, отделяющем православный мир «от неверных градов насилующих враг».

Поход 1577 г. в изображении Повести оформлен, как и положено для царского похода Священной войны. Взяв благословение у митрополита Антония, Иван Васильевич молится о победе в псковском Троицком соборе, «дабы ему, государю, Бог подал милость Свою свыше и победу на неверные Своя враги и насилующих во Христа верующему народу». Царь молится перед чудотворной иконой Богородицы и мощами князя Всеволода, обещает в случае победы богато одарить Печерский монастырь.

Троицкий собор Псковского кремля. Фото 2008 г.

Ливонские немцы, прознав о грядущем походе на них царского воинства, «возмятошася и восколебашася, яко пьяни»³⁴. Образ присутствует в Псалтыри:

«Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине: Он речет, — и восстанет бурный ветер и высоко поднимает волны его: восходят до небес, нисходят до бездны; душа их истаевает в бедствии; *они кружатся и шатаются, как пьяные*, и вся мудрость их исчезает» (Пс. 106: 23–27, в древнерусском тексте — «смятошася, подвигошася яко пьяный»).

Используя это выражение, автор Повести расставил акценты, определив ливонцев, «смятошася яко пьяни» как неугодных Господу, которых ждет незавидная судьба — Божье наказание.

Государь завоевал всю землю ливонских немцев, разрушил их «крепкие грады», «самех же разными горькими различными смертymi, и их жены и дети, умертвити повеле, да и прочие страх примут». Курляндские немцы сдались на милость царя, не дожидаясь нападения. Царь, как и обещал, принес богатые дары в Печерский монастырь, к Св. Троице во Пскове, в московские храмы.

³⁴ Там же. С. 37.

Дальше применяется схема, известная нам еще по Степенной книге. Курляндские немцы объединились с недобитыми ливонскими немцами и изменили, забыв свои обеты. Узнав об этом, «в третье лето», то есть в 1579 г., Иван IV собрался в карательный поход, но изменники обратились за помощью к литовскому королю Стефану, потому что ощущали себя «бесильни же себя, яко мравие знающе»³⁵. Образ травы как символа преходящей жизни, превратностей судьбы, человеческого бессилия и т. д., видимо, восходит к 4 Книге Царств: «И жители их сделались маломощны, трепещут и остаются в стыде. Они стали как трава на поле и нежная зелень, как порост на кровлях и опаленный хлеб, прежде нежели выколосился» (4 Цар. 19: 36).

Этот поступок ливонских предателей — антихристианский. Василий называет их «богомерские христоненавицы и поругатели его Христовы веры и силы Креста Христова». Переговоры с Баторием поручено вести другим, еще худшим предателям — перебежчику Андрею Курбскому «с товарищии». Они побуждают польского короля напасть на Русь:

«Сий же всегорделивый совет их радостно приемлет: бе бо и сам той литовский краль Стефан неистовый зверь и неутолимый аспид, лютерские своая веры воин³⁶, и рад бе всегда кровопролитью и начинания бранем»³⁷.

«Неистовый зверь и неутолимый аспид» — определения, прилагавшиеся к Дьяволу, Антихристу и их слугам. Именно таковыми выглядят в глазах Василия и псковичей Стефан Баторий и его воинство³⁸. Польский король в Повести — чистый Сатана. Намерения Батория прямо расценены как «сотонинское превозношение»³⁹. Его нападение автор Повести расценивает как апокалиптическое знамение, «яко лев ревый, живыя поглоти хотеть»⁴⁰. Для акцентирования внимания на свирепости Батория автор Повести сравнивает его с диким («дивимым») вепрем⁴¹, приходящим «из пустыни». Приближение его войска к Пскову — «яко несыйтый ад пропастные челюсти раскидаше и оттоле Псков поглатити хотяше». Стефан изображен как

³⁵ Там же. С. 40.

³⁶ Настоящая конфессиональная принадлежность католика Стефана Батория для автора повести совершенно не важна. Он одновременно и «лютор», то есть протестант (С. 41), и «варвар» (то есть язычник, С. 41), и даже мусульманин («агарянин», С. 45). Агарь, согласно Св. Писанию, мать Измаила, родоначальника измаилитов (Быт. 25: 12). Для древнерусской книжности было характерно именование татар «агарянами». Их противостояние с христианами рассматривалось в контексте соперничества рода христианского, духовного наследника потомков Авраама, и потомков Измаила (см.: Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Нашествие Батгя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004. С. 138). То есть, польский король в данном случае выступает как олицетворение всех существующих на земле антихристианских сил. Примечательно, что автор повести именует армию Батория «собираньем многих *орд*» (ППСБГП. С. 52).

³⁷ ППСБГП. С. 41.

³⁸ Воины Батория, его «гетманы» названы «начальными волками ко кровопролитию», а их подручные — «мертвотрупоглядательными псами» (ППСБГП. С. 45). Интересно, что в Библии образ пса, глотающего трупы, связан именно со смертью в *городе*, умерших за городскими стенами съедают птицы (ср.: 3 Цар. 14: 11; 16: 14; 21: 24). Стоит подчеркнуть, что поедание человеческого трупа псами вместо погребения было своеобразной карой Господней на грешников — например, поедание грешницы Иезавели (4 Цар. 9: 30–37). Это была позорная смерть — оказаться пищей для собак вместо погребения. Поэтому, как кажется, наряду с унижением воинов армии Батория, автор повести этим определением хотел показать весь ужас того, что сулила победа Стефана православным людям. Наименование врагов пожирателями человеческой плоти вообще характерно для древнерусской литературы (ср.: Рудаков В. Н. Восприятие монголо-татар в летописных повестях о нашествии Батгя // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 153).

³⁹ ППСБГП. С. 41–42.

⁴⁰ Там же. С. 57.

⁴¹ Там же. С. 59. — Выражение характерно для древнерусской книжности (ср.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. I. С. 392).

«...лютый великий змей летяше⁴², страшилища же свои, яко искры огнены и дым темен на Псков меташе, не долетев, во утробе у себя того Пскова слышати сказоваше. Аспиды же свои и приближные змеи и скорпеи великий той змей, литовский король, блеванием насытити хвалящеёся. И тако все, яко змей, на крылех на Псков летяше и сего горделивством своим, яко крилами, повалити хотяше, змеиными своими языками вся живущая во граде, яко жалами, уморити мняшеся. Вся же в нем благая во своих адовых утробах во свою Литву отнести хваляшеся, дотальные же живыя люди, яко сокровище, на хоботех по себе в дома своя принести глаголаху. И тако победитель змей мняшеся над Псковом быти»⁴³.

Образ змея, о котором говорит автор Повести, несомненно, восходит к апокалиптическому «древнему змею», то есть Сатане (*Откр. 12: 9*). Мотив змеборчества был широко представлен еще в русских былинах, где, по мнению многих исследователей, символизировал противостояние русичей с кочевыми народами⁴⁴. Борьба со Змеем-дьяволом как историческая миссия православия получила окончательное идеологическое оформление в Московской Руси XVI в. Филофей, обыгрывая апокалиптический образ преследования «Змеем из бездны» Жены, «облеченной в солнце», объявил Русь единственным оплотом и хранителем православной веры: все другие христианские страны были потоплены «водой неверия», которую из своей утробы испустил Змей, «вся христианская царства потопишася от неверных, токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит»⁴⁵.

Змей-Дьявол. Фрагмент миниатюры из лицевого Апокалипсиса XVII в.

⁴² Образ восходит к Библии, но в повести он объединен с образом Сатаны («Там угнездится летучий змей, будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою; там и коршуны будут собираться один к другому» (*Ис. 34: 15*). В Писании речь идет о гибели за грехи и как месть за Сион).

⁴³ ППСБГП. С. 56–57.

⁴⁴ Робинсон А. Н. Развитие восточно-славянского устного эпоса // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1984. Т. 2. С. 409–415; ОД РГБ. Шифр 61:05-10/839; Святуполк-Четвертынский И. А. Концепт змеборчества и его текстообразующая роль в сравнительно-историческом и типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

⁴⁵ Сие послание старца Филофея zelo полезно о планитах о зодях и о прочих звездах, и о часех злых, и о рождении человечеством в которую звезду, и о богатстве и о ницете прелщающихся // Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 345.

Сатанинский Зверь поглощает человека.
Фрагмент миниатюры Лицевого
летописного свода.

Войско ангелов побеждает Змея-Дьявола.
Фрагмент миниатюры лицевого Апокалипсиса
XVII в.

Данная идея была развита, как отметила М. Б. Плюханова, митрополитом Макарием в посланиях «казанского цикла»⁴⁶. В речи к царю, восхваляющей победу над татарами, митрополит утверждал:

«На тебе же, благочестивом царе, превзыде свыше Божия благодать: царьствующий град Казанский со всеми окрестными тебе дарова и змия, гнездящаяся там и крыющаяся в норах⁴⁷ своих и нас зле поядающего, сокрушии благодатию своею и силою крестною, и тобою, благочестивым царем, сие нечестие исторгнул и благодать насади, животворящий крест водрузи и святыя церкви въздвиже, и твою царскую рукою многих христиан пленных от работы избави»⁴⁸.

Причем, как верно подчеркнуто М. Б. Плюхановой, Макарий определял противостояние со Змием как необходимую «защиту веры вообще... солнцу православия всегда угрожает Змий»⁴⁹. На геральдических знаках XV–XVI вв. русский царь изображался в образе змеборца (трактовка изображенного на печатях всадника, поражающего змея-дракона, как св. Георгия-Победоносца, возникает позже)⁵⁰.

Борьба со Змием — это противостояние Врагу Человечества, Дьяволу. Баторий, таким образом, объявлялся слугой Сатаны, несущим гибель христианства и насту-

⁴⁶ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 221–222.

⁴⁷ Легенда о змее, жившем на месте основания Казани, содержится в «Казанской истории» (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 11–12).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 226.

⁴⁹ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы... С. 220.

⁵⁰ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. Л., 1974. С. 124–125; Плюханова М. Б. Сюжеты и символы... С. 221; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 329–335, 345–349. — Причем и в Георгиевском цикле дракон часто отождествлялся с Дьяволом (ср.: Святой Георгий Победоносец в агиографическом своде Андрея Курбского / Сост. В. В. Калугин. М., 2004. С. 30).

пление Апокалипсиса. Последним оплотом, стоящим между гибелью праведного человечества и Дьяволом, оказывается православная Русь. Таким образом, в изображении противостояния с иноземными захватчиками в Повести присутствует традиционная для древнерусской книжности⁵¹ эсхатологическая образность в сочетании с идеей, что любая битва с иноземным захватчиком — это прообраз Последней Битвы, в которой православные спасают не только себя, но и весь мир. Автор Повести объявляет целью Батория истребление христианства в Пскове: «...и потребим все во Пскове живущая за непокоренье их, и не помянется имя хрестыанское во Пскове»⁵².

Русь находится в кольце фронтов, потому что любой иноверец = иноземец — враг. Это проявляется и в том, что Баторий накануне нападения рассылает свое послание о намерении взять и разграбить Псков «во многие страны и языки», то есть врагом выступает не только польский король — враги все, кто «извне»! Причем «все языки» изъявляют свою поддержку захватчикам и присылают войска в армию Стефана, воздают ему хвалу!⁵³ Видимо, здесь в какой-то степени отразился интернациональный состав армии Батория, факт присутствия в ней кроме поляков и литовцев выходцев из германских земель, венгров, шотландцев, французов, итальянцев и т. д. Древнерусского книжника совершенно не интересует, что эти люди не представляли свои страны, а были военными наемниками: понятие наемничества ему чуждо и непонятно. Отряды представителей разных стран он именуется «ордами» (а сам раздел называется: «собиранье многих орд») ⁵⁴. Подобное описание Руси как «объекта заговора всех возможных врагов» становится характерным для русских воинских повестей с XV в.⁵⁵

Стефан Баторий. Польская гравюра XVI в.

«Варвар» Стефан напал на христиан, взял Полоцк, напал на Великие Луки, собрался идти на Псков и Великий Новгород. Все это он делает от великой гордыни

и

⁵¹ Ср. изображение Куликовской битвы как прообраза Армагеддона в т. н. Летописной повести второй половины XV в.: перед ней «бысть тма великая по всеи земли», затем воеводы «ключа смертные растерзахуся» (ср.: *Откр. 1: 18*: «имею ключи ада и смерти»). «Грус же бе страшен и оужас собранным гадам от вьстока и от запада». Сила же русская была такова, что могла сдвинуть и «основание земное». Сеча же происходила такова, как не бывала «от начала миру». Бог, духовно покровительствовавший Дмитрию, оценил решимость и героизм русских воинов и в решающий момент схватки послал ему на помощь Небесное Воинство во главе с архистратигом Михаилом: «И видеша вернии, яко в 9 час бьющися, ангели помогающе христианом, и святых мученик полки, и воина великаго мученика Христова Георгия, и славнаго Дмитрия, и великих князеи тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершаннаго полка небесных сил велии архистратиг Михаил» (Памятники Куликовского цикла / Ред. Б. А. Рыбаков, В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 36–38). Как известно, именно змеборец-Михаил должен возглавлять воинство Господа при Армагеддоне.

⁵² ППСБГП. С. 71.

⁵³ Там же. С. 51.

⁵⁴ Там же. С. 52.

⁵⁵ Мелихов М. В. Эволюция образа героя-врага в воинском повествовании XI–XVII вв. // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27–29 августа 2000 года. Ярославль — Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 154.

(«всегорделивый», «сотонинским своим возношением превознесется»). Стефан хочет обратить Псков «каменем жерновым»⁵⁶. Здесь скрыта цитата из Апокалипсиса:

«И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его. И голоса играющих на гуелях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе; и свет светильника уже не появится в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы. И в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле» (*Откр. 18: 21–24*).

Это образ гибели, уничтожения, причем города и народа, впавшего в грех. То есть, преступление Стефана огромно: он не только сам слуга Сатаны, но хочет уничтожить святой город Псков апокалиптически, как иноверный, согрешивший город. В этом — его злобесное лукавство. Царь же Иван Васильевич на это реагирует кротко: воспринимает происходящее как проявление воли Господней, наказание за грехи. Происходящее трактуется как «...начало болезнем Руския земля, тамошние украины приемлет, грех ради наших, яко забывшее Бога и возвратишася на грехи, яко же рече Писание».

В. И. Малышев неверно выделил в данном фрагменте библейскую цитату. Он видел в словах: «забывшее Бога и возвратишася на грехи» фрагмент из Книги Судей (3: 7)⁵⁷. Но данный стих Книги Судей звучит следующим образом: «И сделали сыны Израилевы злое пред очами Господа, и забыли Господа Бога своего, и служили Ваалам и Астартам». Вряд ли автор Повести хотел сказать, что Бог покарал Русь за возврат к языческим обрядам. Что же касается слов «забывшее Бога», то они нередко встречаются в библейском тексте (*Вт. 6: 12, 32: 18; 1 Цар. 12: 9; Иер. 3: 21; Ос. 4: 6; etc.*) и не могут служить маркировочным фрагментом.

На наш взгляд, здесь содержится отсылка на евангельский текст:

«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (*Мф. 24: 6–8; ср.: Мк. 13: 8*).

Это отрывок из рассказа Иисуса ученикам о знамениях грядущего Конца Света, Конце времен, когда на людей будут насланы многие испытания, и важно выстоять и не соблазниться.

Таким образом, определяя русско-литовскую войну как «начало болезней», возможный признак Конца времен, автор Повести помещал противостояние Руси с литовским «кралем», носителем дьявольских сил, в эсхатологический контекст. Нападение на Псков — это испытание, насланное Богом за грехи, но оно одновременно выступает как проверка, насколько сильно православие, насколько русские смогут «не соблазниться», выстоять в «последние времена», может быть, в решающей битве между Божественным Добром и Сатанинским Злом.

Оборона страны как сродоточения православной веры, «наипаче же... святые церкви и честные монастыри», является главной обязанностью и смыслом существования правителя Российского царства⁵⁸. Сама брань с иноземным супостатом понимается как прежде всего «брань духовная», испытание веры, испытание твердости души и ее

⁵⁶ ППСБГП. С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 42.

⁵⁸ Там же. С. 35.

готовности к подвигу, даже «до смерти пострадати». Автора Повести мало интересуют воинские ухищрения («хитрость», наоборот, осуждается, так как считается симптомом греха гордыни). Воинское противостояние для него — не столько «военная история», сколько испытание верности православной вере и ее персонификации в царе и православных святых, православном братстве христиан-псковичей.

Царь присылает в Псков воевод, которые собираются как на Последнюю Битву, клянутся государю в верности «хрестьянскою верою», приносят крестное целование (причем дважды)⁵⁹. Меры по укреплению града им «в сердца влагает Бог». За веру они и их воины полагают душу и сердце и готовы биться до смерти. Иван вручил Псков Богородице, псковскому чудотворцу князю Всеволоду.

Исторические аллюзии, к которым прибегает автор Повести, связаны с событиями русской истории, когда иноземный супостат был побежден Божьей помощью, чудесным заступничеством свыше. Это явление иконы Владимирской Божьей Матери, спасшее Русь от нашествия Тимура-Тамерлана в 1395 г. В Пскове в 1581 г. в этой роли выступает икона Богородицы из Печерского монастыря. Крестный ход с иконой и мощами псковского святого — князя Всеволода — прошел от Троицкого собора в Кромехе к месту пролома, «того же часу и отрада Пскову невидимо явися на проломе»⁶⁰. Этот сюжет в XIX в. был излюбленным для русских живописцев при изображении обороны Пскова (К. Брюллов и др.).

Другой исторической аллюзией являются подвиги св. Александра Невского в сражении на Чудском озере. Автор Повести использовал сюжет с обретением на поле битвы (Ледового побоища) серьги, выпавшей из правого уха св. Дмитрия Солунского, чей образ помогал благоверному князю в битве с немецкими рыцарями. Как св. Дмитрий помог Александру победить рыцарей, так он помог и псковичам: по его побуждению в Псков бежал литвин, полоцкий стрелец Игнаш, который выдал схему подкопов, подводимых баториевцами под стены крепости. Вознося хвалу за явленное чудо Св. Дмитрию, «яже его ради святого образа и сие Бог невединие откры», воеводы приступили к копанью «слухов», то есть контрходов. Таким образом покровителями псковичей оказываются и Александр Невский, и Дмитрий Солунский. А оборона Пскова рядопологается с Ледовым побоищем и обороной Солуни от нашествия варваров⁶¹.

Очень интересно описание Василием поведения Стефана Батория при выступлении на Псков. Интересно прежде всего раскрытием того, что ожидали от врага, какой образ его рисовали в собственном сознании. Стефан «распалением же сердца и розгордения ради своя неутолимыя утробы, вред своя лютоисти горлом и языком наружу изрыгает». Речь идет о королевской грамоте, которую разослали перед нашествием. Посылка подобного послания — атрибут иноземного супостата, известно много примеров подобного деяния⁶². В послании король хвастается, что завоевывает Русскую землю, «колико уничиженье и страх Руския земли сотворих». Баторий обещает предать мечу «многочлюдные народы», русскому великому князю нанести «конечное бесчестье и срам» и тем прославиться во Вселенной⁶³.

⁵⁹ Там же. С. 48.

⁶⁰ Там же. С. 74.

⁶¹ Там же. С. 85–86. — Более развернуто этот сюжет изложен в списке: ОР РНБ. Собр. СПбДА. № 302 (его публикация: Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 382).

⁶² Ср. обращение татар к русским князьям перед битвой на р. Калке, 1223 г. (ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 91), обращение Батые к рязанским князьям, 1237 г. (Там же. С. 105), речь шведского короля перед походом против Александра Невского в 1240 г. (Там же. С. 120), апокрифическую переписку Мамаея с Ягайло и Олегом Рязанским накануне Куликовской битвы, 1380 г. (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 47–48); etc.

⁶³ ППСБГП. С. 49–51.

При этом Василий вкладывает в уста Батория цитату из переведенного на Русь в XV в. свода басен «Стефанит и Ихнилат»: «Яко же и лев, аще держит зайца и видит верблуда, оставляет зайца и гонит верблуда»⁶⁴. То есть Русская земля рассматривается как высшая награда, которую может получить завоеватель — его собственные владения, Литва и Польша, сравнены с «зайцем», а Русь — с «верблюдом», и «лев» — Стефан, держащий в своих когтях зайца, готов его оставить, чтобы «гнать верблюда». Россия, таким образом, предстает в виде могучей и богатой страны, желанной добычи для любого завоевателя, рокового соблазна, которому не могут противостоять «возгордившиеся».

Надо отметить, что, казалось бы, послание Батория в интерпретации Василия носит насквозь дискурсивный характер, польскому королю приписаны чисто русские фобии, связанные с образом «врагов вообще». Но на самом деле в оригинальных грамотах Стефана, рассылаемых подданным по случаю Московской войны, можно встретить похожие мотивы. Например, 4 марта 1578 г. Баторий выдал охранную грамоту Марцину Голланду и Редигеру Арби, содержащую воззвание «опустошать московские провинции огнем и мечом». Ее содержание примечательно, и рисует дискурс будущей Московской войны, как ее видели в Польше:

«По важным причинам ведя войну с Московским князем, наследственным врагом Королевства нашего, и желая увеличить число войск наших, поелику нам известно знание военного искусства знаменитых мужей, слуг наших Мартына Голланд и Ридигера Арби, предоставляем им и с товарищами полную мочь и власть: воевать с князем Московским на суше и на море, забирать его имения, собственность и людей, равно военные снаряды и оружие, которые бы, в случае, подвозились бы к ним сухим путем и морем из чужих краев, наконец, опустошать его владения огнем и мечом, обращая приобретенную добычу в собственную пользу»⁶⁵.

12 июля 1579 г. Стефан Баторий обратился к своему войску с воззванием о причинах войны с Москвой одновременно на латинском, польском, венгерском и немецком языках. Излагались преступления великого князя московского, его нападение на Ливонию. Война объявлялась справедливой, за восстановление мира и обуздание агрессора. Провозглашался священный характер войны — Бог на стороне Батория и его армии⁶⁶.

В сентябре 1579 г. под Полоцком Баторий обратился с воззванием к подданным как Речи Посполитой, так и Российского государства, обыграв при этом титул Ивана IV и перечислив названные в нем земли как адресаты своего послания (хотя его реальным и непосредственным адресатом оказался полоцкий гарнизон). Стефан объяснял причины войны с Россией, возлагая всю вину на Ивана IV. Великий князь несговорчив на переговорах, не хочет идти навстречу во имя заключения мира, нападает на Ливонию и земли Великого княжества Литовского. Поэтому Стефан как христианский государь, вынужден бороться за свободу христиан. Прочитавшим послание москвитам

⁶⁴ В основе «Стефанит и Ихнилат» лежал индийский животный эпос, сохранившийся в санскритском сборнике «Панчатантра» (Пятикнижье, Пять назиданий) IV в., где мудрец-брахман по просьбе царя рассказывает ему о «разумном поведении» (Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII вв. / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969; *Рыстенко А. В.* К истории повести «Стефанит и Ихнилат» в византийской и славяно-русской литературах // *Летописи истории-филологического общества при Новороссийском университете*. Одесса, 1902. Вып. 10. С. 237–280).

⁶⁵ Stefan król upoważnia Marcina Holland i Redygiera Arbi do pustoszenia prowincyy moskiewskich ogniem i mieczem, 4 marca 1578 r. // *Raczyński E.* Pamiętniki do historyi Stefana, króla Polskiego, czyli korespondencya tego monarchy, oraz Zbiór wydanych przez niego urzędzeń z ręcopismów zebrane i wydane. Warszawa, 1830. S. 124–127. № 3 (русский перевод опубликован: Польский король Стефан (Баторий) уполномочивает Мартына Голланд и Ридигера Арби к опустошению огнем и мечом московских провинций // *Сборник Муханова* / 2-е изд. СПб., 1866. С. 142–143. № 89).

⁶⁶ *Śliwiński A.* Stefan Batoŕy. Warszawa, 1922. S. 139.

предлагалось сдаваться в плен, не оказывая сопротивления королевским войскам⁶⁷. Подобные «листы» рассылались Баторием при осаде практически любого русского города. Например, рассмотрим грамоту, посланную в Заволочье. Баторий называет Псковскую землю своей вотчиной, поминает добровольную сдачу Заволочья и предлагает ее повторить, обещает выпустить всех воинов гарнизона, кто куда захочет — кого в Литву, кого в Московию⁶⁸.

Как мы видим, Василий в ППСБГП сочинил послание Батория, но в то же время он явно слышал о содержании аналогичных писем и знал о практике польского короля обращаться с подобными воззваниями.

Объяснение желания напасть на Русь чрезмерной гордыней, превозношением, сопровождающимся забвением Господних заповедей и помутнением рассудка вообще характерно для древнерусской книжности⁶⁹. Причем, что примечательно, гордыню

Ангел избивает войско Синахериба под Иерусалимом. Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода.

⁶⁷ List Jego Królewskiej Mości przy dobywaniu Połocka do zamku Połockiego, przez pana Wileńskiego posłany, sierpniu 1579 r. // АНР. Т. XI. С. 171–174. Nr. CXVI.

⁶⁸ List króla JMkści Stefana Batorego da obywateli miasta Zawołocza upominając je, aby się dobrowolnie poddali. 10 Października 1580 r. // АНР. Т. XI. С. 273–275. Nr. CXXX.

⁶⁹ Ср. аналогичное объяснение намерения Мамай напасть на Дмитрия Ивановича Московского (ПСРЛ. Т. 11. С. 48).

в Батории разжигают лукавые советники, восхваляющие и возвеличивающие его сверх всякой меры. Гетманы, восхваляя намерения Батория, говорят ему: «Коя ли гора от таковы воды многи отстоятиса может» (в смысле, что Псков⁷⁰ не выдержит осады)⁷¹. Образ воды, покрывающей гору, взят из Псалтыри (ср.: «Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки. Бездною, как одеянием, покрыл Ты ее, на горах стоят воды. От прещения Твоего бегут они, от гласа грома Твоего быстро уходят» (Пс. 103: 5–6)). Однако отметим, что в Повести смысл другой, чем в Св. Писании: имеется в виду, что никакая гора не может противостоять потокам воды, если они захотят ее захлестнуть.

Василий на это отвечает ссылкой на Книгу пророка Исаи (гл. 36–37), на рассказ о Божьем наказании Синахериба (Сеннахирима), от великой гордыни осаждавшего Иерусалим и разбитого под ним. Так случится и со Стефаном, заявляет автор Повести, «о нем же пространнее впереди скажем». Автор Повести иллюстрирует свою мысль обращением к легенде об осаде Иерусалима Синахерибом. В отечественных средневековых памятниках этот сюжет был необычайно популярен и связан с образом ангела Господня, помогающего русским воинам истреблять врагов. Этот образ возник в ветхозаветных сказаниях о борьбе иудейского царя Езекии (725–697 гг. до н. э.) с ассирийским царем Синахерибом (4 Цар. 19: 35). Он получил широкое распространение в Св. Писании (Сир. 48: 24; 2 Пар. 32: 21; Ис. 37: 36; 1 Мак. 7: 41; 2 Мак. 15: 22). Он используется в рассказе Ипатьевской летописи о победе русских князей над половцами на р. Сальнице в 1111 г.⁷², Никаноровской, Никоновской и Вологодско-Пермской летописях и Московском летописном своде конца XV в. в статье 1240 г., посвященной Невской битве⁷³, Софийской Второй, Никоновской и Вологодско-Пермской летописях в статьях 1395 г. о нашествии на Русь Тимура-Тамера⁷⁴. Ангел, помогающий Езекии, в аналогичном контексте упоминается в произведениях Сильвестра⁷⁵. Образы Иисуса Навина и ангела, истребляющего ассирийцев, присутствуют в Послании Макария Ивану Грозному во время «Казанского взятия»⁷⁶.

Правда, стоит заметить, что в Повести сюжет с Синахерибом и Езекией выглядит несколько иначе: в нем нет рассказа об избиении врагов Небесным Воинством во главе с ангелом. Просто говорится о гибели войска Батория под Псковом из-за гнева Бога, гибели, аналогичной уничтожению 185-тысячной армии Синахериба под стенами Иерусалима⁷⁷. Однако предводителем русского войска в другом фрагменте Повести все равно выступает архангел Михаил «со всеми святыми безплотными силами»⁷⁸.

⁷⁰ Далее в повести Псков сравнивается с великой горой, которую трудно обойти и на которую не просто взойти (ППСБГП. С. 59). О том, что в данном случае используется библейский образ гор, затапливаемых потоком воды, свидетельствует и центонный фрагмент: «Вкупе прославим Бога, вкупе и возвеличим Троицу, вкупе же торжественно речем: “Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Сего ради не убоимся”» (ППСБГП. С. 71). При обращении к тексту Св. Писания смысл этого отрывка раскрывается в полной мере: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей. Пусть шумят, вздымаются воды их, трясутся горы от волнения их. Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего. Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра» (Пс. 45: 2–6).

⁷¹ ППСБГП. С. 52.

⁷² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 267–268.

⁷³ ПСРЛ. Т. 10. С. 122; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 133; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 79; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 44.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 127; Т. 11. С. 254; Т. 26. С. 285.

⁷⁵ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 71, 89–90.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 193, 226, 490, 521; Т. 29. С. 87.

⁷⁷ ППСБГП. С. 53.

⁷⁸ Там же. С. 58.

В третьем фрагменте вестниками победы, сообщающими, что «Богородица бо к нам идет с милостию и заступлением и со всеми святыми с помощью» выступают черно-ризы Печерского монастыря, «воины христовы на невидимых враг»⁷⁹.

Приближение вражеского войска к Пскову описывается следующим образом: «От полуденныя страны богохранимаго града Пскова дым темен: литовская сила на черноту псковския белые каменные твердыя стены предпослалася...»⁸⁰ Помимо отражения здесь реалий средневековой войны (продвижение войска отмечалось дымом от сожженных деревень), современники могли увидеть в дымах на горизонте апокалиптический знак, ср.:

«Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы» (Откр. 9: 1–3).

О подходе войск Батория к Пскову сообщила застава детей боярских на р. Черехе. Получив это известие, русское командование приказало бить в осадный колокол и поджечь посад за р. Великой. Так 18 августа 1581 г. началась осада Пскова. Основные силы противника во главе с самим королем появились под его стенами 26 августа⁸¹.

Согласно Повести, отряды Батория пытались обойти город и взять его по периметру в кольцо, но попали под обстрел со стен и были вынуждены огибать город в большом отдалении, через окрестные леса, в которых они хоронились от артиллерийской стрельбы. От огня со стен Пскова «леса преклони и многие полки прислонив». Повесть сообщает, что Баторий не ожидал, что во Пскове будет столь мощная артиллерия, по сведениям его разведки, она была вывезена по приказу Ивана IV⁸².

По Повести, король разместил свой стан на московской дороге у монастыря Николы Чудотворца на Любятове, в досягаемости огня псковских пушек. Воеводы приказали ничем этого не проявлять, подождать ночи, и в три часа ночи нанесли огневой удар. Наутро на месте бывшего стана не было уже ни одного шатра, и, по слухам, от налета погибло немало знатных панов⁸³. Король же перенес свой стан от греха подальше, к р. Черехе, на Промежице, где его выстрелы со стен достать не могли.

С Никольским Любятовским монастырем были связаны местные легенды, что монахи вынесли навстречу наступавшим полякам икону Богородицы, но на этот раз она не спасла — в нее попали две пули, враги все равно заняли и осквернили обитель. Позже в Любятове существовал специальный крестный ход на избавление монастыря от баториевцев⁸⁴.

Наступление врага изображено с помощью следующих слов: «Они же напорне и дерзостнее и надежнее к городу идяше, яко многая вода к городу льяшеся; страшилищами же своими»⁸⁵, яко волнами морскими, устрашающе; саблями же своими, яко молниями бесчисленными, на город свекчюще»⁸⁶. Образ вражеского войска,

⁷⁹ Там же. С. 74–75.

⁸⁰ Там же. С. 59.

⁸¹ Там же. С. 59.

⁸² Там же. С. 60.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Лебедев Г. Погост Любятово // Храмы и монастыри губернского Пскова: Сборник дореволюционных публикаций / Сост. Н. Ф. Левин. Псков, 2005. С. 353.

⁸⁵ Под «страшилищами» имеются в виду знамена литовских и польских полков, нередко украшенные изображениями зверей. В походном порядке развевающиеся знамена в самом деле могли напоминать колышущиеся волны. Эта деталь указывает, что Василий был очевидцем осады.

⁸⁶ ППСБГП. С. 66.

Любятовская икона Божьей Матери. XV в.

обрушивающегося на город подобно потопу, в своей семантике, видимо, восходит к образу библейского потопа (*Быт. 7: 17–22*). Это еще более ясно видно из другого отрывка Повести, когда потоки вражеского войска грозят затопить Псков: «Литовская же бесчисленная сила на градовную стену яко многая вода льющеся»⁸⁷. Ружейный огонь баториевцев автор Повести сравнил с дождем из пуль: «начаша стреляти из окон по хрестьянскому народу, противу их ополченья, яко от велика дождевна облака ручничными пульками, яко бесчисленными каплями народ поливающи и яко змеинными жалами хрестьян уморяюще»⁸⁸.

1 сентября, согласно русским источникам, началось строительство осадных укреплений. Войска Батория выкопали за три дня пять рвов («борозд») от станов к стенам крепости и семь рвов поперечных (для передвижений воинов). Рвы копались по большой Смоленской дороге «к человеку Божию Алексею, таже от Алексея и к городу, к Великим, Свиным и Покровским

Никольская церковь в Любятове. Совр. фото.

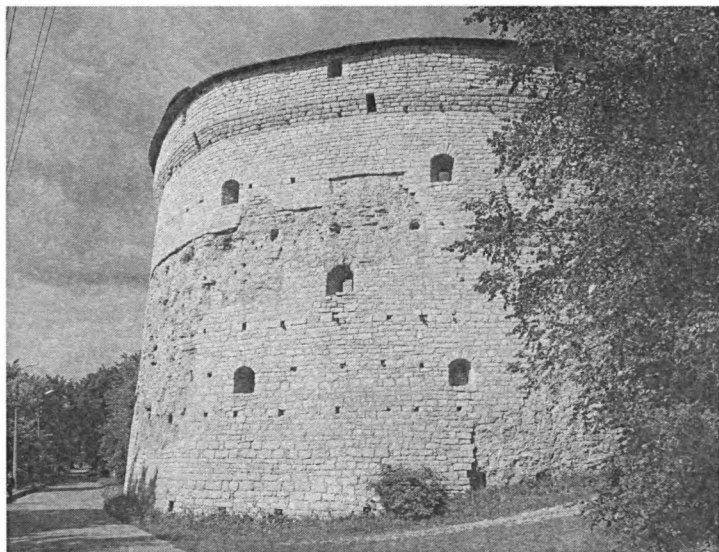
⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 69.

воротам». Во рвах были устроены жилища для солдат: 132 «больших двора» («избы») для ротмистров и сотников и 904 «меньших двора» для гайдуков. Вырытую землю воины Речи Посполитой насыпали надо рвами для защиты от стрельбы с городских стен и делали в ней бойницы. Горы выкопанной земли также должны были затруднить осажденным наблюдение за подготовкой штурма и обеспечить скрытность вылазок⁸⁹.

Церковь Алексея Человека Божьего-с-Поля. Около нее в 1581 г. располагался «съезжий стан» баториевцев и находились их осадные укрепления и артиллерийские позиции.

Покровская наугольная башня.

⁸⁹ Там же. С. 61–62.

4 сентября армия Батория начала возводить «туры», то есть деревянные укрепления, заполненные землей, в виде небольших крепостей, в которых размещалась артиллерия и накапливались войска перед штурмом. Туры ставились группами. Две из них предназначались для накапливания сил перед решающим броском и названы в Повести «съезжими дворами». Первый из них располагался у «человека Божьего Алексея», второй — напротив него у р. Великой. Еще три группы укреплений были построены только для размещения пушек. Одна располагалась напротив Свиной башни, другая — напротив Покровской наугольной башни, третья — напротив этой же башни, но за р. Великой. 5 сентября «туры» уже были готовы к штурму⁹⁰.

Поскольку направление главного удара этими приготовлениями было обозначено предельно ясно, воеводы приняли меры. Надеяться на то, что крепостные стены выдержат артиллерийский удар врага, было бы наивно. Фортификация Пскова была довольно мощной, но все же не рассчитанной на европейские войны эпохи Возрождения с массивным применением осадной артиллерии. Поэтому за основной каменной стеной была построена вторая линия деревянных укреплений⁹¹. Она располагалась вплотную к внешней стене. Это делало ее труднодоступной для орудий противника, огонь которых должен был прийтись на внешнюю стену. Зато если последняя будет проломлена, то штурмующие, проникнув в пролом, окажутся перед новой линией обороны, на которой были размещены псковские стрельцы с «огненным боем». Успех идеи сооружения подобных двойных укреплений оказался тем эффективней, что разведка Батория не узнала об их существовании. Правда, это, видимо, было вызвано тем, что за 5–7 сентября вторую линию стен просто не успели как следует построить: как свидетельствует Повесть, «стена деревянная со многочисленными бои в то время вся несограждена бяше... но токмо основанью начинающесея»⁹².

Артобстрел Пскова литовская артиллерия вела 7–8 сентября. Огонь велся из трех «туров» из 20 пищалей. В результате были причинены серьезные повреждения: «выбиша у города городовыя стены, двадцать четыре сажени до земли, да Покровскую башню до земли, да у Свиной башни охав весь до земли, да Свиной башни половину до земли же збиша, да местами стены городовые збиша, шестьдесят девять сажен»⁹³.

Согласно Повести, 7 сентября Стефан Баторий устроил большой торжественный обед под лозунгом: «Сегодня обедаем в королевском обозе, а ужинать будем в псковском замке»⁹⁴. 8 сентября начался первый штурм. Псковичей о нем известил звон колоколов церкви Св. Василия на Горке. Первой реакцией на известие о штурме в Пскове стала, согласно Повести, организация молебна в соборе Св. Троицы в Креме⁹⁵.

Наступавших встретил мощный артиллерийский огонь. Войска схватились на крепостной стене:

«И бе, яко гром велик и шум мног и крик несказанен от множества обоего войска, и от пушечного звуку, и от ручничнаго обоих войск стрелянья, и от воинского крика. Псковскому же воинству всходу на градвную стену литовскому воинству не дающе»⁹⁶.

Судя по постоянным упоминаниям в Повести ружейной и орудийной стрельбы, бой носил характер в основном интенсивного огневого контакта на короткой дистанции,

⁹⁰ Там же. С. 62.

⁹¹ Там же. С. 63.

⁹² Там же. С. 67.

⁹³ Там же. С. 64.

⁹⁴ Там же. С. 64–65.

⁹⁵ Там же. С. 66.

⁹⁶ Там же.

время от времени переходящего в рукопашную. Войска Батория взяли Покровскую и Свиною башни и вывесили из окон флаги. Король, наблюдавший за штурмом от храма Никиты-мученика, преисполнился ликованием. Однако оно было недолгим: по Свиной башне открыла огонь «великая пицаль» «Барс» с Похвальского раската. Когда захватившие башню увидели, что русские тащат под ее стены порох с явным намерением взорвать укрепление вместе с захватчиками, «высокогорделивые королевския приближные дворяне» кинулись бежать. Трупы штурмовавших заполнили крепостной ров и высились грудами у стен Пскова, будто новые, выросшие из земли башни⁹⁷.

Бой продолжался у другой захваченной башни — Покровской. К пролomu прибежали келарь Печерского монастыря Арсений Хвостов, казначей Снетогорского монастыря Иона Наумов и игумен Мартирий, которые сообщили о приближении к месту сражения крестного хода с чудотворной иконой Богородицы и мощами св. князя Всеволода. Вознося молитвы Богородице, Всеволоду, Довмонту-Тимофею и Николе-юродивому, воины бросились в атаку, «и тако Божию милостию и пречистой Богородицы молением и заступлением и великих святых чудотворцов с проломного места литовскую силу збиша»⁹⁸.

Повесть описывает бой за Покровскую башню следующим образом:

«мужие с ними же и жены и на достальную Литву в Покровскую башню устремишася, коегождо с чим и как Бог вразумит: овии же из ручниц стреляющее, инии же камением Литву побивающее, овии же их горящею водою поливающее, инии же огни зажигающее, на них мечюще и всячески и промышляющее. Тако же и под тую башню зелья поднесоша и зажгоша, и Божиим пособием тако и досталь с Покровские башни всех збиша...»⁹⁹.

Описание явно грешит неточностью — идущие в атаку на башню русские воины не могли лить впереди себя кипяток и метать огонь. Это возможно делать со стен,

Современный вид Покровской башни изнутри. Видны ярусы с бойницами. Фото 2008 г.

⁹⁷ Там же. С. 72.

⁹⁸ Там же. С. 74–76.

⁹⁹ Там же. С. 77.

Фото Покровской башни из внутреннего двора крепости.

обороняясь против осаждающих, но не штурмуя башню, в которой укрылись захватившие ее воины Батория. Также сомнительно сообщение о «бесчисленном богатстве», захваченном псковичами при вылазке, когда они преследовали отступавшее войско Батория. Впрочем, во рву, вероятно, действительно было собрано большое количество трофейного оружия¹⁰⁰.

Потери псковичей, по Повести, составили 863 человека убитыми и 1626 раненых. Баторий же потерял более 5000 убитыми и «сугубо», то есть гораздо больше, ранеными¹⁰¹. Цифры потерь королевской армии явно завышены (5000 трупов просто не поместятся вокруг Покровской башни). Но несомненно, что они были велики.

Именно молитва становится решающим, переломным фактором в отражении первого штурма. Когда противник захватил стену и две башни и уже был готов «стечь» со стен в город, молебен в Троицком соборе превратился во всенародную молитву во всем Пскове, причем кроме освященного собора особый глас к Богу и Богородице возносили жены ушедших в битву воинов и чистые души — «чады и малые младенцы»: «По улицам же всем богоспасаемого того града Пскова бе крик велик и стенанье много и вопль несказанен»¹⁰². Эта молитва и привела к перелому: Бог услышал ее, удар русских воинов оказался успешным, а враг обратился в позорное бегство. Автор Повести расценивает произошедшее как «избавление града Пскова».

При приближении врагов воеводы «Бога на помощь призывающе, крикнувшее хрестьянским языком, русский ясак возвавше»¹⁰³. Таким образом, призывы на борьбу с войском Стефана расцениваются Василием как особый «христианский язык».

¹⁰⁰ Там же. С. 77–78.

¹⁰¹ Там же. С. 80.

¹⁰² Там же. С. 70–71.

¹⁰³ Там же. С. 66.

Это означает, что войско врага им не обладает и, следовательно, ведет себя не по-христиански. Недаром книжник называет воинство Батория «беззаконным»¹⁰⁴, а обороняющихся — «хрестьянским народом»¹⁰⁵.

Солдаты Батория нечестивцы: когда они слышат приближение к стенам крестного хода с молебнами, то совершают святотатство — «паки по возбешенному своему обычею камение во град шибаху». Здесь можно усмотреть аллюзию обычая иудеев побивать камнями тех, кто нарушил закон, то есть баториевцы сравниваются с «богоборными жидами». Они совершают поругание святыни — один из камней повредил икону св. Дмитрия Солунского¹⁰⁶. Икона отомстила захватчикам: по ее побуждению в русский стан пришел перебежчик, открывший тайны подкопов, что позволило их все разгромить. Участь супостатов тоже вполне предсказуема. Баторию адресованы слова: «против же сего и уничижения примемши и от высокого своего возношения *до ада снидеши со всем своим воинством*»¹⁰⁷.

После этого в тексте помещен большой бриколаж: «О избавлении града Пскова хвала к Богу», который является центральным смысловым моментом Повести. Возможно, такое внимание книжники проявляли именно к первому штурму потому, что в нем показывалось, благоволит Бог или нет. Все остальное — уже подтверждение той высшей воли, которая явила себя в исходе первого столкновения противников.

Отрывок представляет собой комбинацию различных стихов из Псалтыри. Для их понимания недостаточно просто установить происхождение отрывков. Для установления их смысла в целом ряде случаев совершенно необходимо обращение к библейскому контексту, без которого «самостоятельная» семантика цитаты будет неполной¹⁰⁸. Обратимся к анализу текста.

1) «Кто возглаголет силы Господня, [и]ли кто слышаны сотворит хвалы его?». Данная фраза является отсылкой к Псалтыри: «Благословите, народы, Бога нашего и провозгласите хвалу Ему» (Пс. 65: 8). Если ограничиться только генетическим анализом, то перед нами, казалось, обычная для древнерусской книжности похвала Господу. Однако если мы посмотрим псалом, из которого взята данная цитата, то картина становится более интересной. 65-й псалом считался посвященным воспеванию Воскресения, возрождения к новой, богоугодной жизни¹⁰⁹. В нем славится имя Господа, явившего миру Свою силу, владычествующего вечно, подавляющего мятежников, вос-

¹⁰⁴ Там же. С. 67.

¹⁰⁵ Там же. С. 69.

¹⁰⁶ Там же. С. 85.

¹⁰⁷ Там же. С. 72.

¹⁰⁸ О методе «библейских семантических ключей» см.: «Каждая библейская цитата или отсылка должна быть истолкована в свете ее двойной контекстуальной функции, т. е. как часть нового текста, в котором она является “заимствованным” компонентом, и как носитель «первичных» значений, идущих от смысловой системы Библии. Таким образом, любая отсылка к библейскому фрагменту связана с сетью перекрестных отсылок, если рассматривать данный фрагмент в контексте Библии. Действительное воздействие этой связки прямых и косвенных экзегетических “намеков” может варьировать в зависимости от экзегетической подготовки читателя и от границ общепринятого экзегетического кода» (Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 468–469). Обзор литературы и анализ основных критических моментов, связанных с использованием этого метода, см.: *Каравашкин А. В.* Библейские тематические ключи: Пределы верификации // *Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института*. М., 2005. Т. 3. С. 367–384; *Филошкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 163–196.

¹⁰⁹ [Толкования на Псалтырь] // ОР РНБ. Ф. 728 (Софийское собр.). № 1465. Л. 69 об.; *Афанасий Великий*. Послание к Маркеллу об истолковании псалмов // *Афанасий Великий*. Творения в четырех томах. М., 1994. Т. 4. С. 24.

стающих против божественного порядка, насылающего испытания, из которых души выходят переплавленными, обновленными:

«Он сохранил душе нашей жизнь и ноге нашей не дал поколебаться. Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро. Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши, посадил человека на главу нашу. Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» (в древнерусском варианте — «изведе нас в покой») (Пс. 65: 9–12).

Таким образом, автор Повести расценивал нашествие Батория как испытание христианских душ, пройдя через которое, православные люди достигнут очень важного духовного рубежа. Он славит Бога, что Тот дал сбывться столь высокому сценарию осуществления своей исторической судьбы русского народа.

2) «*Блажени бо, рече, вси боящейся Бога, ходящей в путех его труд плод своих снedyт*». Перед нами прямая цитата из другого стиха Псалтыри: «Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его! Ты будешь есть от трудов рук твоих: блажен ты, и благо тебе!» (Пс. 127: 1–2)¹¹⁰. Псалом соответствует девятой ступени вхождения в Иерусалимский храм¹¹¹. Он посвящен идее воздаяния за праведную жизнь и лелеяние в своей душе страха Божьего. Праведник получит награду — он увидит торжество благоденствующего Иерусалима (Пс. 127: 5). Таким образом, здесь немного на другой лад повторяется мысль о воздаянии за стойкость и твердость веры, причем и в первом («изведе нас в покой»), и во втором случаях возможно и эсхатологическое прочтение.

3) «*Услышите сия вси языцы, внушите вся живущая по вселенной, земнии же сыны человечести, вкупе богат и убог*». Это слегка искаженная цитата из Псалтыри: «Слушайте сие, все народы; внимайте сему, все живущие во вселенной, и простые и знатные, богатый, равно как бедный» (в древнерусском тексте — «вкупе богат и убог») (Пс. 48: 2–3). Псалом посвящен обоснованию мысли, что даже самые богатые и хитроумные люди погибают как животные, и только Бог способен избавить их от власти присподней и жилища-могилы (Пс. 48: 13, 15–16). Благодаря данной цитате еще раз подчеркивается противопоставление баториевцев, наденующихся на свою «мудрость», и защитников Пскова, которые, как и должно, уповают только на Бога. Недаром главными оборонительными мероприятиями псковичей в Повести постоянно называются молебны и молитвы.

4) Последующие слова автора сочинения подтверждают эту мысль:

«Приидете же вся Святяя Руския земли и хрестьянского православия, яже и вы с нами споболезновасте и молитвами своими к Богу нам помогаете и [в] Богом прославленный той град, воистину же реку, яко в богоспасаемый славный Псков. Вкупе прославим Бога, вкупе и возвеличим Троицу, вкупе же торжественно речем: «*Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Сего ради не убоимся, воистинну бо реку, яко не убоимся, по пророчему гласу: яко «Велий Господь хвален зело во граде Бога нашего, в горе святей его, Бог в тяжестех его знаем есть, егда заступает и».*

Семантическое оформление данного отрывка завершают еще две цитаты из Псалтыри (соответствующие им места выше выделены курсивом). Первая:

«*Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей. Пусть шумят, вздымаются воды их, трясутся горы от волнения их. Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего. Бог посреди его; он не поколеблется»* (Пс. 45: 2–6)¹¹².

¹¹⁰ Цитата отмечена В. И. Малышевым: ППСБГП. С. 71.

¹¹¹ [Толкования на Псалтырь] // ОР РНБ. Ф. 728 (Софийское собр.). № 1465. Л. 75 об.

¹¹² Цитата отмечена В. И. Малышевым: ППСБГП. С. 71.

45-й псалом считался благодарственным молением Богу за избавление от бед и скорбей¹¹³. Таким образом, с его помощью заступничество Господа провозглашалось как бы свершившимся фактом, а исход противостояния, победа правоверных псковичей становилась очевидной.

Фиксация торжества Бога и верного ему народа происходит и во второй цитате, используемой в данном отрывке:

«Велик Господь и всехвален во граде Бога нашего, на святой горе Его. Прекрасная возвышенность, радость всей земли гора Сион; на северной стороне [ее] город великого Царя. Бог в жилищах его вedom, как заступник: ибо вот, сошлись цари [земные] и прошли все мимо; увидели и изумились, смутились и обратились в бегство; страх объял их там и мука, как у женщин в родах» (Пс. 47: 2–7)¹¹⁴.

На то, что последнюю цитату надлежит понимать именно в ее контексте, указывает наличие словооборота *«царие земстии собрашася»*. Он употреблен в следующей фразе Повести: *«И во смирении нашем помянув ны Господь, яко царие земстии собрашася вкупе на богоспасаемый град Псков»*. Вообще выражение *«цари земные»* встречается в Библии довольно часто (*Быт. 17: 6; 2 Пар. 9: 23; Пс. 2: 2, 101: 16, 137: 4; Плач. 4: 12; Мф. 17: 25; Деян. 4: 26; Откр. 6: 15, 17: 2, 18: 3, 18: 9, 21: 24; etc.*). Этим выражением обозначались носители земной власти, с ее грубой и небоговдохновенной силой, многочисленностью, тягой к греху. Сам оборот подразумевал противопоставление *«Царю Небесному»*. В данном контексте *«цари земстии»* употреблено именно в вышеприведенном значении — олицетворение грубой, небожественной, бесчеловечной силы, стремящейся истребить православных христиан. В нашем случае явная текстологическая связь оборота *«царие земстии собрашася»* со стихами 47-го псалма, цитируемого выше, во-первых, подтверждает правильность подхода, что для реконструкции семантики данного центонного фрагмента надо изучить его библейский контекст; во-вторых, еще раз указывает на высокие смысловые аналогии, к которым здесь прибегал древнерусский книжник.

5) *«И во смирении нашем помянув ны Господь, яко царие земстии собрашася вкупе на богоспасаемый град Псков, вкупе глаголюще: «Бог оставил есть его, пожжете и возмем его, яко несть избавляя и»*. Автор Повести комбинирует вышеприведенные фрагменты 47-го псалма с другой цитатой: *«Глаголюще: Бог оставил его, пожжете и имите его, яко несть избавляяй» (Пс. 70: 11)¹¹⁵*. В данном стихе Псалтыри настоящая цитата находится в контексте, с одной стороны, обращения к Богу с молитвой не отвергнуть молящего о заступничестве, с другой — высказываний врагов, *«подстерегающих душу мою»*, о том, что Господь оставил несчастного (*Пс. 70: 7, 9–10, 12–13*). Захватчики не просто хотят поработить и отнять имущество — их целью являются души истинно верующих.

6) *«О, окаяннаго твоего и всегорделиваго лукаваго языка литовский начальниче, Оботура Степане, и со всем твоим безумным воинством. Како речете окаяннии, яко несть избавляя и «Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковль» — ср.: «Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковла» (Пс. 45: 12)¹¹⁶*. Отсылка на 45-й псалом, содержащий восхваление Бога и уверенность в его заступничестве за истинно верующих, видимо, связана с тем, что в этом псалме рисуются масштабы возможной катастрофы, посылаемого Господом испытания (см. вышеприведенный комментарий к *Пс. 45: 2–4*).

¹¹³ Афанасий Великий. Послание к Маркеллу об истолковании псалмов. С. 22.

¹¹⁴ Цитата отмечена В. И. Малышевым: ППСБГП. С. 71.

¹¹⁵ Цитата отмечена В. И. Малышевым: Там же.

¹¹⁶ Цитата отмечена В. И. Малышевым: Там же. С. 72.

7) Далее автор Повести раскрывает соответствия текущего момента библейским образам. Баторий объявлен безумным, не познавшим Бога, а надеющимся только на свое хитроумие. Его судьба напророчена в вышеназванных фрагментах Св. Писания:

«Пожди, окаянне, что узриши, над своею силою и уразумеши... Против же сего и уничтожения приимеши [и] от высокого своего возношения до ада снидещи со всем своим воинством, яко во смиренни нашем «помяну ны господь и избавил ны есть от враг наших»¹¹⁷. И услыша господь моление раб Своих, манием неизреченнаго Своего милосердия начало збытыя владычня, егда призре на Свое достояние и яви над Своими рабы великую Свою милость».

Псковичи, согласно Повести, сами дали оценку произошедшему под стенами города во время первого штурма. Этому посвящен второй большой бриколаж¹¹⁸. Проявить слабость, сдаться литовцам означает совершить роковое изменение собственной души: «Аще ли весь мир приобрящет, душу же свою отщтит. Или что даст человек измену на души своей» (из речи воевод перед псковичами после отражения первого штурма). Здесь использована, как отмечено В. И. Малышевым¹¹⁹, цитата из Евангелия от Матфея (в древнерусском переводе): «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщтит: или что даст человек измену за душу свою» (Мф. 16: 26).

Данный центонный фрагмент использовался в древнерусской книжности в текстах, посвященных проблеме испытания веры. Например, он является главным смыслообразующим звеном в «Повести об убиении в Орде Михаила Черниговского и боярина его Федора»¹²⁰. Князь Михаил отказался исполнять языческие обряды и сохранил веру ценой собственной жизни. Иное поведение было бы «изменой», то есть необратимым перерождением души, отречением от христианства (не стоит отождествлять с поздней семантикой слова «измена» = «предательство», которая утверждается примерно с XIV в.).

Именно в этом значении данная цитата привлечена и автором Повести. В Евангелии от Матфея речь идет о том, что верность праведной вере является абсолютной ценностью, с которой не сравнится даже обладание всем миром. Поэтому, какое бы ни было испытание, эту веру надо хранить. Иначе — превратишься в «жидов», распявших Христа. Создатель Повести прибегает к довольно смелому сравнению, рядопологая предательство иудеями Христа и возможную измену псковичей своему православному царю Ивану IV¹²¹.

Именно как испытание веры и воспринимается автором Повести нападение Батория. Недаром воеводы в речи к псковичам подчеркивают, что «мы же благодатию Христовою и званием Его хрестьяне именуемся». А воины отвечают: «Яко же от прародителей своих хрестьяне есмы, и во Христове вере родиховесе, и ные готови есме за Христову веру умерети, яко же начахом, по Бозе, и совершити, без всякия хитрости»¹²². Погибшие в бою становятся мучениками за веру, как и некогда Михаил Черниговский («повелеша сохраняти добропобедных храборников, иже за Христову веру, якоже древних мучеников, скончавшихся от мучительских литовских рук»)¹²³.

¹¹⁷ Цитируемый здесь фрагмент соответствует стихам Псалтыри: «Яко во смиренни нашем помяну ны Господь: яко в век милость Его. И избавил нас от врагов наших: яко в век милость Его» (Пс. 135: 23–24). Происхождение цитаты отмечено В. И. Малышевым (ППСБГП. С. 72). Идеи, развиваемые в 135-м псалме, созвучны уже неоднократно описанным нами: это молитва о Божьем заступничестве, славословие Господа и уверенность в его мощи и силе, неперенном сокрушении всех врагов.

¹¹⁸ ППСБГП. С. 79–80.

¹¹⁹ Там же. С. 79.

¹²⁰ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Тексты. С. 57.

¹²¹ ППСБГП. С. 83.

¹²² Там же. С. 79.

¹²³ Там же. С. 80.

В этом же ключе под пером автора Повести псковские воеводы отвечают Баторию на предложение о сдаче. Они считают, что над безумием польского короля в Пскове будут смеяться даже пятилетние дети, потому что «кая польза человеку возлюбити тьма паче света, или паче чести бесчестие, или паче свободы горькую работу? Кольми паче оставить нам святую свою хрестьянскую веру и покоритися нам вашей прозябли»?¹²⁴

Верность христианским идеалам является главной в поведении войска во время осады. Эту идею сформулировали государевы воеводы в речи к войскам и горожанам после отражения первого штурма. Происходящее, с точки зрения православного христианина, есть «день плача и веселия» — плача, потому что Господь «попустил» на христиан «таковому искушению», проверяя твердость их веры, это сложное, суровое испытание, само насыщение которого знаменует, что православные чем-то прогневили Бога. Но это и *веселие*, потому что Бог одновременно дал свою высочайшую милость — «За хрестьянскую веру и за Отечества законы сподобляемся умирати»¹²⁵. Господь сделал псковичей христовыми воинами, мучениками за веру, которые, приняв смерть, должны попасть в Рай — это ли не высочайшая награда, о которой должен мечтать каждый истинно верующий?

Данная мысль подтверждается автором с помощью привлечения искаженной библейской цитаты, которая является бриколажем из двух экзегетических фрагментов:

«Повесть...»

1 Цар. 2: 4–5*

Лк. 1: 51–53

Яко <i>сильнии</i> враги наши	Лук сильных преломляется,	Явил силу мышцы Своей; рас-
падоша, а мы, <i>немоущици</i> ,	а немоущие <i>препоясываются</i>	сеял надменных помышле-
<i>препоясавша силою и ис-</i>	<i>силою; сытые работают из</i>	ниями сердца их; низложил
<i>полни хлеба лишиишася,</i>	<i>хлеба, а голодные отдыхают;</i>	сильных с престолов, и вознес
а мы, <i>алчущици</i> милосердия	даже бесплодная рождает семь	смиранных; <i>алчущих исполнил</i>
Божия <i>исполнены благ.</i>	раз, а многочадная изнемогает.	<i>благ.</i>

* Сходство с данной цитатой из Книги Царств указано В. И. Малышевым: Там же. С. 79.

Отсюда и вытекали идеалы, прилагаемые к героям обороны Пскова, от царя до псковских женщин и детей, и образцы поведения, которые от них ожидалось. Псковичи едины («братолюбны») в своем духовном порыве (от младенца до старца), чисты и благочестивы. Они уповают не на гордыню, не на свою силу, а на Господне покровительство, и молят о нем Бога и всех святых. Они осознают, что пришел час великого испытания, что они должны явить миру способность на подвиг — и «на подвиг неослабно и безо всякого размышления готовящуся». При этом:

«Благодать же Божия, упование на всесильную Его помощь всем сердца на подвиг подвизаше: лед таяния¹²⁶ отчаянием надежи ни единому во Пскове коснуться, огонь же благодати Христовы всем сердца на подвиг возвари, вера на чское то дело, еже за Христову веру умерети, всем телеса адаманта твержае укрепи»¹²⁷.

¹²⁴ Там же. С. 83. — В. И. Малышев видел в этой цитате сходство с отрывком из Послания апостола Павла к Коринфянам. Но сходство с отмеченным им фрагментом носит слишком отдаленный характер, ср.: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» (2 Кор. 6: 14–15). Видимо, в данном случае не приходится говорить о прямом библейском цитировании, а только об использовании расхожего противопоставления тьмы и света, которое часто встречается как на страницах Библии (ср.: Быт. 1: 4; Екк. 2: 13; Иов. 17: 12; 18: 18; Ис. 5: 20; Мф. 6: 23; Лк. 11: 35; etc.), так и в христианской литературе.

¹²⁵ ППСБГП. С. 78.

¹²⁶ Образ льда, замерзания как символа неверия («лед неверия»), характерен для древнерусской книжности, примеры см.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. IV. С. 394.

¹²⁷ ППСБГП. С. 58.

Способ победить врага один — христианское смирение: «яко во смирении нашем помяну ны Господь и избавил ны есть от враг наших»¹²⁸.

Автор Повести использовал здесь устойчивое словосочетание, восходящее к Библии: «...всем телеса адаманта твержае укрепи» — ср.: «Как алмаз, который крепче камня, сделал Я чело твое; не бойся их и не страшись перед лицом их» (Иез. 3: 9). Данное выражение, как и в Св. Писании, использовалось в древнерусской литературе в описаниях твердости веры, необходимой для несения особой Божественной миссии¹²⁹.

Недаром идеальный, с точки зрения автора Повести, воин православного воинства — раб Бога и Государя: «Бояре же и воеводы, яко истиннии раби, обещавшееся своему владыце творити по его наказанью, на том же и хрестьянскою верою веровашася ему» (воеводы после получения царских инструкций, как оборонять Псков в 1581 г.)¹³⁰. Ср. описание речи И. П. Шуйского к Ивану IV перед осадой Пскова в 1581 г.:

*«Рабски же противу своего государя, противу словеси сия никакже вещати смея, ниже за многоналоженое от него толико бремя ни единого слова отрицатися нача, но токмо государю отвеща: Еже Бог благоволи и тебе, государю, изволися, всячески и по повелению твоему тебе, государю, раб есмь аз. И елико Бог и Богородица наставит, вседушевне сию врученную службу всесердечне истинно служити рад»*¹³¹.

Воеводы беспрекословно слушаются своего государя, ведут себя, «яко истиннии раби»¹³², что, с точки зрения автора Повести, несомненно, является подлинно христианским поведением. После победы, отразив первый штурм, русские воины не торжествуют, а молят и благодарят Бога и святых за их «неизреченное и несказанное милосердие»¹³³. Трижды в неделю освященный собор Пскова совершал крестный ход к месту пролома¹³⁴. Бог и Государь — единственная инстанция, чье вмешательство в судьбу православных признается автором Повести¹³⁵.

Семантика данной конструкции, достаточно прозрачная, становится еще отчетливее при обращении к их экзегетическому контексту. И в 1-й Книге Царств, и в Евангелии от Луки данные фрагменты служат преамбулой к похвале всемогуществу Господа, который своей волей умерщвляет и оживляет, делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Но все же больше шансов возвыситься у смиренных, святых, уповающих на волю Бога, чем у горделивых, похваляющихся своей силой, чье поведение при этом небогоугодно (1 Цар. 2: 6–10; Лк. 1: 51–55).

Данное довольно традиционное противопоставление смиренных гордым автор Повести дополняет отсылкой на веру в Господнее милосердие и покровительство его верным рабам: «Не помянет Господь грех наших и отвратит праведный свой нале-

¹²⁸ Там же. С. 72.

¹²⁹ См. примеры: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988. Т. I. С. 74.

¹³⁰ ППСБГП. С. 44.

¹³¹ Там же. С. 47–48.

¹³² Там же. С. 44.

¹³³ Там же. С. 78.

¹³⁴ Там же. С. 85.

¹³⁵ Там же. С. 83. — Автор иллюстрирует этот тезис цитированием Св. Писания: «Аще Бог по нас, ин никто же на нас, все готовы умрете есме за свою веру и за своево Государя...» (ср.: «Что убо речем к сим, аще Бог по нас, кто на ны» (Рим. 8: 31)). Цитата отмечена В. И. Малышевым. Интересно, что подданные Батория в изображении автора повести — тоже «рабы», но не Бога и христианского Государя, а своего короля как некоего римского царя Александра: «Мы же, государю, твоя рабы, яко же Александра царя из Рима...» (ППСБГП. С. 68). Таким образом, для «беззаконных» литовских гетманов идеалом оказывался языческий царь!

жащий гнев». Точной аналогии этой цитате в Св. Писании найти не удалось¹³⁶, а ее отдельные фрагменты являются слишком общими словосочетаниями, нередко встречающимися в Библии¹³⁷.

Верность христианским идеалам проявляется под пером автора Повести и в конкретном поведении псковичей во время осады. Когда стало ясно, что основной удар врага будет направлен на пролом обороны между Покровской и Свиной башнями, воеводы в первую очередь отправляют туда печерского игумена Тихона с чудотворными мощами кн. Всеволода. Игумен организует крестный ход и молебны напротив будущего места пролома. Молитвы были направлены преимущественно Богородице как заступнице Русской земли. Воевод и воинов кропили святой водой¹³⁸.

Русские воины сравниваются со «звездами небесными», противостоящими потоку вражеского войска. Данный образ эсхатологичен и восходит к Книге Даниила: «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда» (*Дан. 12: 3*). Русские воины предстают богатырями, наделенными сверхъестественной силой. Огонь пушкарей со стен Пскова столь губителен, что заставляет преклониться окрестные леса, в черной чашобе которых пробираются литовцы, прячущиеся от огня псковской артиллерии¹³⁹.

Согласно Повести, после провала первого штурма на совете польской и литовской шляхты с Баторием было решено заняться агитационной войной — с помощью луков и стрел забрасывать в Псков воззвания с предложением сдаться. Из сочинения Василия известно содержание предложений, которые Баторий якобы делал псковичам. Предполагалось объявить Псков центром округа («...яко не токмо во граде Пскове наместники от мене будете, но и многие грады в вотчину дам вам, аще с миром здадите мне град»). Эту фразу можно понимать как обещание индивидуальных пожалований псковским боярам, так и как намек на возможность восстановления Псковской республики как особой административной единицы. Для горожан обещались привилегии («...и паки на своих законах житии имате, и кождо свой чин исправляете, и торги своя в старину да торгуете»)¹⁴⁰. Согласно Повести, все посулы Батория псковичами были с негодованием отвергнуты, о чем грамота в войска Батория тоже была послана «на стреле»¹⁴¹.

Ответ псковичей, который помещает в Повести Василий, преисполнен укоризны и разоблачительных инвектив. Они спрашивают, какая польза человеку возлюбить тьму больше света, или больше чести — бесчестие, или сильнее свободы — горькое рабство?¹⁴² «Колми паче оставити нам святую свою хрестьянскую веру и покоритися вашей прозябли?... покоритися иноверну чюжеземцу и бытии яко жидом?... ниже един от младоумных во граде Пскове такова совета возмет»¹⁴³.

Особое место в Повести занимают феминные сюжеты. Именно псковским женщинам адресован призыв помочь войску в решающий момент: «... а вам, оставшимся женам, велено по литовский наряд идти и остаток Литвы побивати, от пролома скопяся».

¹³⁶ В.И. Малышев (ППСБГП. С. 79) видел в данных словах аналогию (с отрывком: «Кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем» (*Ион. 3: 9*)). Но из сравнения цитат видно, что сходство носит очень отдаленный характер.

¹³⁷ Ср.: «Не помянет Господь грех наших» (*Пс. 78: 8; Ис. 43: 25; Иер. 31: 34; Иез. 33: 16; Евр. 8: 12, 10: 17*); «Отвратит праведный свой налегающий гнев» (*Исх. 32: 12; Пр. 15: 1; Езд. 10: 14; Ис. 12: 1; Иер. 2: 35; Дан. 9: 16*).

¹³⁸ ППСБГП. С. 62.

¹³⁹ Там же. С. 60.

¹⁴⁰ Там же. С. 82–83.

¹⁴¹ Там же. С. 84.

¹⁴² «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (*2 Кор. 6: 14*). Цитата указана В. И. Малышевым (Там же. С. 83).

¹⁴³ Там же.

Женщины, взявшие в руки оружие, оказались решающим фактором, переломившим ход сражения:

«Тогда же и все еже во Пскове жены, по домам оставшиися от печали, мало некако радости и благовестие приемше и оставившее немощи женские и в мужскую оболочеся крепость и все вскоре, кождо из своих дворов и каяждо против своея силы, оружие ношаше. Младья же и сверстныя, крепкия телесы, Досталь с приступа Литву прибавати оружие ношаху, старья же жены и немощныя плотию те в своих руках малые и краткие верви ношаше и теми литовский наряд по сказанью в город ввести помышляющее. И вси к пролому бежаху, и всякая жена другия паче тщание скоростию показующе»¹⁴⁴.

Правда, реальная помощь женщин-воительниц все же отличалась от сказочного лозунга помочь на веревках втащить в Псков захваченные вражеские орудия. Женщины приняли участие в бою как мужчины и помогли им очистить Покровскую башню и крепостные стены «от скверных литовских ног»:

«Овии же от них, яко же рекох, крепкия, в мужескую храбрость оболочеся с Литвой бьющееся и над Литвою одоление показаша: овии же каменье воином приношаху и теми Литву з города и за городом побиваху: овии же утружшиимся воином, от жажы изнемогшим, воду приношаху и ретивыя их сердца жажею водною утолеваху»¹⁴⁵.

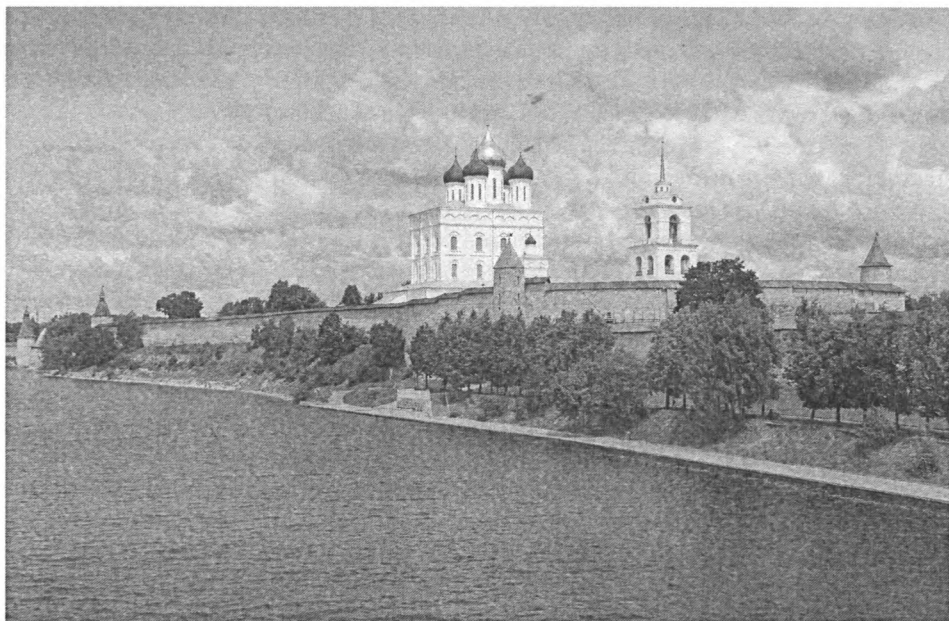
Далее автор Повести описывает бои, сражения, штурмы и вылазки осажденных. Наступавшие холода осложнили положение Пскова — теперь водные рубежи перестали быть преградами, и враг мог атаковать по льду, что увеличило периметр стен, подвергавшихся нападениям врага. После долгого обстрела часть стены вдоль р. Великой оказалась разрушена, и 2 ноября начался «великий приступ» по льду. Василий говорит

Впадение р. Псковы в р. Великую. Так называемые «Нижние решетки», закрывавшие проход судам в Пскову. Башни Наугольная и «У Нижних решеток». Фото 2003 г.

¹⁴⁴ Там же. С. 76.

¹⁴⁵ Там же. С. 77.

Псковский Кремль. Вид от р. Великой. Фото 2011 г.

о самих боях достаточно глухо: сражения на стенах не описываются. Зато подробно говорится о разногласиях, возникших среди баториевцев. Воеводы короля изъявляют готовность скорее пасть от монаршей руки, чем бессмысленно погибнуть в бесплодных попытках взять неприступную крепость. Гетманы и ротмистры гонят рядовых литовцев на штурм, «саблями гайдуков секуще, к городу приступати понужая». Из трупов королевских воинов, убитых за нежелание идти в бой, был как бы протянут мост через р. Великую от лагеря Батория до крепостных стен. Автор Повести глубокомысленно замечает: «И тако и того дни спасен бысть великий град Псков»¹⁴⁶.

Баторий отступил от Пскова не только потому, что все штурмы провалились — Иван Грозный якобы послал своих воевод воевать Литовскую землю, «сударевы воеводы многие литовские грады обвоеваша и поплениша и здравы на рускую землю возвратишася, с великим богатеством и пленом»¹⁴⁷. Данный «контрудар 1581 г.» полностью вымышлен автором Повести — никаких походов русской армии в глубь Великого княжества Литовского в 1581 г. не было. Зато получалось, что Баторий не просто не смог взять Пскова, а был прогнан, был вынужден идти спасать свою страну. А Иван Грозный изображен заступником за своих поданных и победителем в войне. Как отметил Р. Фречнер, в Повести

«...будучи главнокомандующим московского войска, этого земного соответствия Небесному воинству, Иван Грозный исполняет функцию орудия Бога в борьбе против врагов истинной веры, даже если в тексте отсутствует эксплицитное сравнение с архангелом Михаилом как предводителем Небесного Воинства»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Там же. С. 89.

¹⁴⁷ Там же. С. 91.

¹⁴⁸ Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне (на материале повествовательных источников из Пскова конца XVI века) // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М., 2010. С. 281.

Баторий хочет просить мира, но это «срам». «Покровом сраму» выступает лютеранин (!), «латынского папы протопоп» Антоний Поссевино. Король обрадовался, что легат может договориться о мире с русским царем. То есть, Василий изображает историю так, будто Стефан выпрашивает прекращение войны у Ивана Грозного. Поссевино «Ихнилатово лукавство и все яко збойливья лисицы лезть в себе восприемлет»¹⁴⁹, и пытается устроить этот мир.

Речь идет об уже упоминавшемся восточном сочинении «Стефанит и Ихнилат». В нем есть притча о лисице, которая растерзала тимпан, висящий на дереве. Лисица так объяснила смысл произошедшего: «Оле, яко худейшая телеса величайша и велегласна являются!» (тимпан гремел и пугал ее, а на поверку оказался ничтожным противником). Далее в этой же притче говорится, как Ихнилат пытался обмануть льва, царя зверей, и победить его хитростью¹⁵⁰. Таким образом, когда Баторий не смог победить «русского льва» силой, он попытался одержать верх хитростью с помощью «лисы» Поссевино. Из этого фрагмента четко видно и отношение русских к миссии Поссевино, и их уверенность, что лукавых хитрецов удалось посрамить.

В концовке Повести помещен второй большой бриколаж, в котором с помощью подборки библейских цитат и моральных сентенций выносятся окончательная оценка истории псковской осады. Сперва обличается гордыня Стефана — Василий издевательски спрашивает, обладает ли король какими-то тайными знаниями, если отваживается выступать против православного народа? Он что, видит под водой («в морской пучине путна хождения видети хощеши» — ср.: «...видят дела Господа и чуда Его в пучине», *Пс. 106: 24*), или повелевает ветром («яко ветра гониши», словосочетание часто встречается в Св. Писании — ср.: *Пс. 134: 7; Иер. 10: 13; Ам. 4: 13*)?¹⁵¹

Автор оценивает действия Стефана как «Жестоко ти есть противу рожна стояти!»¹⁵². Потому что Бог за нас, а Стефан против нас — как же он осмеливается идти против такой силы?! Это — безумие, и униженное и «великосрамотное» бегство короля из-под Пскова тому доказательство. Поведение короля — это глупость, неразумье, «глава ногам беседует»¹⁵³, господин рабу честь отдает!¹⁵⁴

¹⁴⁹ ППСБГП. С. 91.

¹⁵⁰ Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по рукописям XV–XVII вв. М., 1969. С. 68–69.

¹⁵¹ ППСБГП. С. 92.

¹⁵² Данный фрагмент хорошо иллюстрирует дискуссию о возможности истолкования библейских цитат. Спор между сторонниками и противниками метода «библейских ключей» (Р. Пиккио), или центонно-парафразного метода (И. Н. Данилевский), заключается в том, что сторонники метода считают необходимым учитывать библейский контекст, из которого взята цитата, а противники утверждают, что цитаты могут «жить самостоятельной жизнью», приобретать семантику, отличную от исходного контекста (полемику и ее обзор см.: *Каравашкин А. В. Лабиринты центонно-парафразного метода // Источниковедение культуры. Альманах / Отв. ред. А. Л. Юрганов. М., 2007. Вып. I. С. 374–381*); ¹⁵³ *Филлюшкин А. И. Апробация центонно-парафразного метода на примере первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному // Там же. С. 351–373*). Полностью фрагмент Св. Писания звучит так: «Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? *Трудно тебе идти против рожна*» (*Деян. 26: 14*). Таким образом, Баторий сравнивается с Савлом. Однако Савл обратился и стал апостолом Павлом. Означает ли это, что автор «Повести» допускает для Батория обращение или спасение, или что цитата здесь «живет самостоятельной жизнью», вне библейского контекста?

¹⁵³ Цитата из апостольского послания: «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны» (*1 Кор. 12: 21*).

¹⁵⁴ Точного аналога найти не удалось, возможно, имеет место перефразировка фрагмента из Иоанна Златоуста: «...не без причины мы получили такую честь от Царя всяческих. Какой господин отдает за раба своего сына?» (*16-я беседа на 1-е послание к Тимофею*).

Предыдущие поражения русских — не победа Стефана, не показатель, что он сильнее: «Не своею бо силою одолеваеши нас¹⁵⁵, но за грехи свои смиряемся». Василий здесь ссылается на церковную историю, сюжет о взятии Титом Иерусалима — это свершилось не из-за любви Бога к Титу, но потому, что Господь хотел покарать Иерусалим¹⁵⁶. Польский король для псковича — однозначно враг христианства, возможно даже — предтеча Антихриста:

«Ты же похвалился еси до конца разорити царство хрестыянское. Како смел еси своим дерзостным языком такое похваление изрещи — хрестыянское царство разорити, или предотеча еси оного пред являемаго отступника? Глаголет бо Писание: “Несть языка под небесем, иже возможе одолети царству хрестыянскому”¹⁵⁷... Егда же придет отступление и открытца человек беззакония, сын погибельный, егда, рече апостол, упразднитца всякое начало и власть, и сам Сын предаст царство Богу и Отцу¹⁵⁸»¹⁵⁹.

В доказательство богоизбранности Руси и антихристовой сущности Стефана и его подданных Василий приводит целый ряд цитат из Притчей Соломона (3: 12), Псалтыри (33: 20 и 34: 34) и Нового Завета (Мф. 24: 13; Лк. 18: 7–9), выявленных В. И. Малышевым.

Завершается Повесть обличением «безумной дерзости» канцлера Яна Замойского, оставленного Баторием под Псковом. Канцлер задумал диверсию — заслать в город бомбу и взорвать русское командование. Сюжет, как невежественных, но любопытных русских варваров взрывают во время прочтения специально посланного письма, был популярен в западной литературе. Например, С. Кихель рассказывает легенду об осаде Ревеля, когда 50 000 русских не могли взять город, обороняемый 500 защитниками. Ревельцы послали москвитам пустой конверт, на котором был написан только адрес, мучимые любопытством варварские военачальники сгрудились вокруг послания, чтобы его прочесть — и тут по ним из крепости дали залп из орудий и всех поубивали¹⁶⁰.

Р. Гейденштейн так описывал подрыв псковских воевод на «адской машине», которую заслали в город под видом ящика с важными донесениями и драгоценностями:

«[Шуйский] занят был в то время разными делами, но тотчас приказал другим, собравшимся сюда случайно на совещание открыть ящик, не дав себе времени разузнать; очень многие прибежали также сюда, привлеченные как новинкой дела, так и по врожденному людям любопытству. Самый храбрый между всеми и соперник Шуйского, другой воевода, Андрей Хворостинин, как потом было узнано как от Александра, посланного послами к Псковитянам по заключении мира (о чем будет речь ниже), так и от многих других, упершись ногою в деревянный ящик, силился рукой вытащить железный ларь. В это время, приведена была в сотрясение пружина, порох воспламенился, железный ларь и трубки разорвало, и не только все присутствовавшие были рассеяны, но даже сорвана была некоторая часть крыши от силы огня и разрыва железных стволов»¹⁶¹.

¹⁵⁵ Словооборот «не своею силою» встречается в Св. Писании в контекстах осуждения за чрезмерную гордыню, превозношение, за которым неизбежно следует Божье наказание (ср.: *Иер.* 9: 23; *Ам.* 6: 13).

¹⁵⁶ Тит (79–81) — сын римского императора Веспасиана, руководил осадой и взятием Иерусалима в 70 г.

¹⁵⁷ *Деян.* 4: 12. — Цитата указана В. И. Малышевым (ППСБГП. С. 93).

¹⁵⁸ *1 Кор.* 15: 24. — Цитата указана В. И. Малышевым (Там же).

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 237.

¹⁶¹ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 253.

Как же данный эпизод изображен автором Повести? Шуйский сразу заподозрил обман, и бомба была обезврежена специальным мастером. Василий издевается над глупостью Замойского: чего придумал, «затеял еси выше думы дело, выше же Бога совет, но аз тебе реку вскоре: его же Бог хранит, то ни вся вселенная не может убить, а его же Бог предает, ни вся вселенная не может укрыти». Православные защищены Господом, этот тезис Василий подтверждает цитатой из Евангелия:

«Се даю Вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражю и ничтоже вас вредит¹⁶². Мы же Христовою благодатию царьскую Христову печать на лицах своих крест воображающе, вся ваши бесовския умышления Христовым пособием можем низложить»¹⁶³.

* * *

Подводя итоги этой краткой характеристике основных идей Повести, отметим, что здесь проявляется та же тенденция, что и в агиографических памятниках: реальные события вписываются в заранее известный контекст и описываются по определенному шаблону. Дискурсы, формирующие семантику этого шаблона, были порождены не столько внешним воздействием, сколько напряженными внутренними духовными исканиями, осмыслением места России и православия в мире.

Иными словами, война с Речью Посполитой за Ливонию русских людей не потрясла. Связанные с ней события были всего лишь иллюстрацией к духовному перелому, порожденному автокефалией Русской Православной Церкви в XV в., возникновением русского мессианизма, трактовки русского православного народа как Нового Израиля, нового богоизбранного народа. Р. Фречнер правильно отметил, что:

«Автор “Повести” глубоко верит в то, что он живет в Конце времен, Апокалипсисе, и что он, будучи православным подданным московского царя, принадлежит к народу, избранному Богом для спасения. Соответственно, борьбу за Псков он интерпретирует как этап борьбы в Конце времени, борьбы между Богом и его противником, между верой и неверием, борьбы, которая непременно должна закончиться триумфом Бога. В согласии с официальным образом войны Московское царство здесь играет роль прибежища истинно христианской веры до Второго пришествия Христа. Оно непреодолимо для внешних врагов»¹⁶⁴.

Р. Фречнер обратил внимание, что в Повести совсем не уделено внимание поражению России в Ливонской войне, и считал, что оно было в какой-то степени заслонено удачным отражением осады Пскова. Далее немецкий историк утверждает, что:

«Замалчивание поражения в экспансионистской войне против Ливонии можно трактовать как знак того, что автор “Повести” по крайней мере после поражения москвичей считал эту войну не угодной Богу. Поражение, сопровождавшееся территориальными потерями, могло стать для автора знаком божественного недовольства экспансионистской политикой Ивана IV»¹⁶⁵.

На наш взгляд, дело в другом: для интеллектуалов, осмысливавших войну в традиционных для русской книжности дискурсах, этого поражения как бы и не было. Было очередное перемирие с Речью Посполитой, уже чуть ли не пятое или шестое за XVI век — кто их будет считать? А вот торжество православия над «латинянами», «люторами», «агарянами» и прочими супостатами несомненно. И книжников инте-

¹⁶² Лк. 10: 19. — Цитата отмечена В. И. Малышевым (ППСБГП. С. 97).

¹⁶³ ППСБГП. С. 97. — Р. Фречнер правильно указывает на связь данной цитаты с Откровением Иоанна Богослова, где Бог обещает отметить знаком избранных, чтобы спасти их от уничтожения (Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны»... С. 280).

¹⁶⁴ Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны»... С. 280.

¹⁶⁵ Там же. С. 288.

ресовали именно обстоятельства этого торжества, подтверждавшего высокое место России в мире, а не какие-то там переговоры дипломатов. Это все суетное, преходящее. А низвержение «аспида-Батория» — это на самом деле важно. Поэтому того, что историки XX в. называют «концом Ливонской войны», русские историки XVI в. не особенно и заметили, или не придали ему судьбоносного значения.

Наверное, от их мнения серьезно отличались мысли детей боярских, потерявших свои земельные владения в Ливонии, убитых товарищей, которые, получается, погибли зря. Но царь не дал дворянской коннице особо забивать головы крамольными мыслями, быстро погнав ее на новые войны. В 1580-е гг. начинается колонизация Поля, расширение территории России на юг. В Прибалтике русские бьют шведов и к 1595 г. фактически вернут земли, потерянные по Плюсскому перемирию 1583 г.

Стефан Баторий умрет в 1586 г., не успев пожать плодов победы, и русский царь Федор Иванович, продолжавший, как и его отец, носить титул «Ливонский»¹⁶⁶, будет претендентом на польский престол. То есть, и с практической точки зрения так называемый «конец Ливонской войны» в Яме-Запольском оказывается лишь эпизодом, для современника XVI в. не заслуживающим особого внимания. А вот описанное в Повести торжество православия над антихристовыми силами — несомненным великим событием, великой победой.

«История о князя великого московского делех»

Сочинение А. М. Курбского «История о князя великого московского делех» было создано в Речи Посполитой в конце 1570 – начале 1580-х гг. (до 1583 г.) под влиянием как российских, так и ренессансных исторических традиций¹⁶⁷. К российскому нарративу мы его относим потому, что ее автор был эмигрантом русского происхождения, лично участвовавшим в боях в Ливонии в составе московских полков. Это — единственный отечественный мемуарный источник о боевых действиях в Прибалтике, дошедший от XVI в.

Главной мыслью и целью написания «Истории...» для Курбского было показать историю грехопадения некогда праведного царя — Ивана Васильевича. Собственно, с этих слов и начинается это произведение: Курбский говорит, что его многократно спрашивали, как такой добрый и «нарочитый» государь, столько радевший и воевавший за Отечество и Православие, превратился в слугу Сатаны и чуть ли не Антихриста? Здесь беглый князь развивает мысль, высказанную им еще в начале 1560-х гг., что все беды Русского государства происходят от грехов его правителей, которые некогда были пресветлыми, а потом стали «супротивными». Впервые он ее высказал во Втором Послании Вассиану Муромцеву (1563):

«И недруг наш древний иная умышляет. И началников наших, и пастырей подходит, и неких от них гордостем и жительству растленному научает, и соль земли в буйство претваряет. Яко им бе должно негиблющими брашны и пребывающими всех питати и свет миру бытии, и грех ради людских спротивная явися: вместо света — тма и смущение образ показался»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Жалованная грамота Федора Ивановича Вымской земле, князю Лугую, август 1586 г. // СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 88. № 54. — Титул «Лифляндский» оставался в титуле Федора (1588) и даже Бориса Годунова (1601). А вот в грамоте в Данию 1603 г. его уже нет (*Найерский К.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 398, 401, 402).

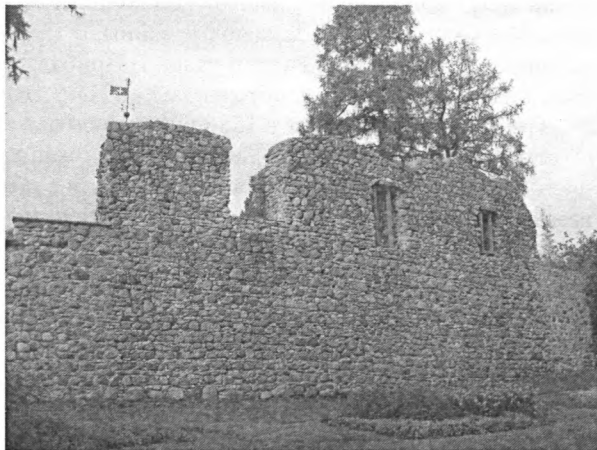
¹⁶⁷ *Ерусалимский К. Ю.* Курбский как ренессансный историк // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто; IV Чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г.: Тезисы докладов. М., 2005. Ч. 2. С. 194–198. (Наилучшее исследование памятника: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. М., 2009. Т. I: Исследование книжной культуры).

¹⁶⁸ Второе послание Вассиану Муромцеву // БЛДР. Т. 11. СПб., 2004. С. 502.

Затем данные инвективы получили развитие на страницах знаменитого Первого послания Курбского Грозному из Вольмара (1564). Тем самым, по справедливому замечанию А. В. Каравашкина, «князь Андрей фактически обвинял Грозного и его приближенных в антихристианском поведении»¹⁶⁹. В дальнейшем, как правильно заметил Р. Г. Скрынников, «спор с Грозным сосредоточился на вопросе, кто остался верен идеалу христианского царства, а кто стал “сопротивлен” ему, то есть впал в ересь»¹⁷⁰.

Развалины Вольмара — крепости, в которой в апреле 1564 г. князь Курбский, бежавший к королю Сигизмунду II Августу, написал свое первое обличительное послание Ивану Грозному.

В числе других князь проводил мысль, что одним из прегрешений царя, приведших его к погублению души, была черная неблагодарность по отношению к воинникам, забвение их героических заслуг, и даже напротив — истребление лучших воевод Земли Русской, «сильных во Израили». Об этом князь писал и в посланиях:

«А что провинили пред тобою и чем прогневаша ты христианстии предста-тели? Не прегордые ли царства разорили и подручны во всем тебе их сотворили [мужеством храбрости их], у нихже прежде в работе были праотцы наши? Не претвердыя ли грады германския тцанием разума их от Бога тебе даны быша?»¹⁷¹

Естественно, что Курбский не ограничился декларацией, какие это были замечательные воеводы, но значительное место в своей «Истории...» уделил описанию воинских подвигов, прежде всего своих собственных. Поэтому его сочинение и выступает важным источником по Ливонской войне и ее восприятию глазами непосредственного участника — русского командира.

Курбский демонстрирует, что русским воинством, по крайней мере на уровне командного состава, была усвоена официальная идеологическая установка, рисующая ливонцев как вероотступников и грешников:

«...земля была зело богата и жители в неи быша так горды зело иже и веры христианские отступили и обычаев и дел добрых праотец своих, но удалися и ринулися все ко широкому и пространному пути, сиреч ко пьянству многому и невоздержанию и ко долгому спанию и ленивству к неправдам и кровопроли-

¹⁶⁹ Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 327.

¹⁷⁰ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 196. — Подробнее о взглядах Курбского, отраженных в его переписке, см.: Филошкин А. И. Андрей Михайлович Курбский... С. 197–579.

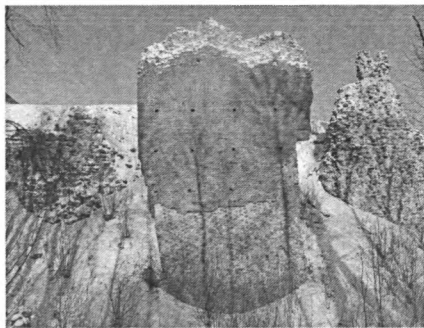
¹⁷¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 9.

ванию междуусобному, яко есть обычай презлых ради догматов таковым и делам последовати. А сих ради, мню, и не попустил им Бог бытии в покою и в долготу дней владети отчинами своими»¹⁷².

Далее Курбский путается в датах — правильно называет полугодовой срок русско-ливонского перемирия, но ошибочно пишет, что ливонцы «не пребыли в том дву месяцев» (на самом деле — почти пять). Он рассказывает о покорении Нарвы. Обстрел нарвцами мирного русского Ивангорода, согласно «Истории...», прямо следует из того, что «немцы велможные сами себе новое имя изобретшее нарекиши евангелики», после чего впали в моральное разложение, «ужравшись и упившись», и спяну начали стрелять через речку по православным. Далее следует легенда о неопалимой иконе, которую протестанты хотели бросить в огонь как языческого «болвана», и повествование о взятии Нарвы. Русский штурм изображен Курбским как проявление Божьего гнева¹⁷³.

Далее князь-эмигрант описывает осады нескольких ливонских городов — Сыренска (Нейшлосса), Нейгауза, Дерпта и др. Особенно большой рассказ посвящен взятию Феллина¹⁷⁴. Его повествование ценно мелкими деталями, взглядом воеводы, непосредственного участника боев и сражений. Интересно, что, несмотря на принадлежность Курбского в момент написания «Истории...» к литовскому воинству, то есть к союзникам ливонцев, он пишет о последних как о врагах, без особого сочувствия и сожаления. Его взгляд — это взгляд противника, взгляд через прицел пищали. Его можно уверенно трактовать как мнение русского воина в Ливонии, а не политического эмигранта.

Развалины Феллина. Фото 2006 г.

При этом Курбский приводит «альтернативную» историю Ливонского ордена, якобы услышанную им от плененного ландмаршала Филиппа фон Белля. Для Степенной книги и русских хроник «немцы» — это захватчики, которые пришли в Прибалтику, покорили местных «чудьцев», вытеснили оттуда русских, но при этом были в зависимости от них — а потом возгордились и стали врагами. Курбский же воспроизводит ливонскую версию о крестонсой миссии немцев в Прибалтике, однозначно характеризует местные народы как «варваров» и дает позитивную оценку деятельности ордена

¹⁷² История о князя великого московского делех // Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского. М., 2009. Т. II. С. 99–100. — Это вполне согласуется с официальной оценкой: «А как та земля (Ливония. — А. Ф.), Бога оставивши, христианство и праведный закон, и в безбожность пришли, и то всем землям знатно» (Из речи В. М. Юрьева на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 228).

¹⁷³ История о князя великого московского делех... С. 101–107.

¹⁷⁴ Там же. С. 127–133.

по искоренению язычества и насаждению христианства. Только вот потом ливонцы «испортились», впали в грех лютеранства, отсюда и все их беды — о чем, впрочем, сказал и сам фон Белль...¹⁷⁵

То есть здесь Курбский воспроизводит идеологему как русских летописей, так и первых немецких хроник Ливонской войны, расценивавших ее как Божью кару за грех Реформации (см. вторую часть книги). Здесь также несомненен намек и параллель к русской истории, где, согласно Курбскому, некогда великий царь, сиявший в православии, «стал супротивным» и впал в ересь¹⁷⁶ — о горе, что же теперь будет с Отечеством, не повторит ли оно трагическую судьбу Ливонии?

Впрочем, от Курбского досталось не только ливонцам. Князь жестко высмеял изнеженных шляхтичей, способных только пьянствовать, бахвалиться и предаваться постыдным удовольствиям: «Егда же возлягут на одрех своих между толстыми перинами, тогда едва по полудню проспавшись со связанными головами с похмеля, едва живы очуются, восстанут на прочие дни паки гнусны и ленивы многолетного ради обыкновения»¹⁷⁷. Пафос Курбского был вызван возмущением нежеланием шляхтичей идти войной на мусульман, на Крым и Турцию, на фоне хвастовства, что вот-вот будут «в Константинополе». Какие же они после этого защитники христианской веры? Ничуть не лучше, чем царь Иван IV, который в начале 1560-х гг. отверг советы Курбского и других советников перенести военную активность на юг, против Крымского ханства, приостановив боевые действия в Ливонии, которая все равно уже победена¹⁷⁸.

Последние слова Курбского породили историографический миф — о противостоянии в русской внешней политике конца 1550 – начала 1560-х гг. двух направлений, антивосточного и антизападного (подробнее о нем см. в параграфе: «Россия между Востоком и Западом, или дискурс неправильной войны Ивана Грозного» IX главы).

Курбский стал транслятором еще нескольких мифов о Ливонской войне. Он написал, что требование юрьевской дани, ставшее первопричиной войны, было впервые высказано в договоре 1503 г., и с тех пор 50 лет дань не платилась¹⁷⁹. Это неверно, дань впервые фигурирует в договоре 1463 г.¹⁸⁰ Курбский писал, что

Герб князя Андрея Курбского.

¹⁷⁵ Там же С. 134–139.

¹⁷⁶ Подробнее о взглядах Курбского на ход русской истории и их рецепции см.: *Ерусалимский К. Ю.* 1) Понятие «история» в русском историописании XVI века // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени* / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 365–401; 2) Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX – середины XVI века // *СОЦИУМ: Альманах соціальної історії*. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100; 3) Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // *СОЦИУМ: Альманах соціальної історії*. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248; *Филошкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.

¹⁷⁷ История о князя великого московского делех... С. 119.

¹⁷⁸ Там же. С. 117–118.

¹⁷⁹ Там же. С. 98.

¹⁸⁰ *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // *Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 376–381.*

в войске, в январе 1558 г. вторгнувшемся в Ливонию, было 40 000 человек¹⁸¹. И это неверно, в войсках было от 4000 до 11 000, а наиболее вероятная цифра — 8000 человек¹⁸². И если дипломатических нюансов Курбский мог и не знать, то вряд ли он как воевода был не в курсе, сколько воинов было под его командованием.

В целом сочинение Курбского представляет немалую ценность как источник мелких подробностей о действиях русской армии в Ливонии в 1558–1561 гг. Что же касается дискурсов и идеологием, то тут мы видим уже знакомую нам картину: ливонский конфликт — это иллюстрация к собственным, авторским излюбленным мыслям и болезненным проблемам. Для Курбского это — превращение некогда праведного царя в дьявола на троне, «супротивного православию». Но сама по себе борьба за Ливонию всего лишь фон для повседневной, обычной жизни — в данном случае русского воинника. Самым серьезным впечатлением от Ливонии для Курбского стала его встреча с настоящим рыцарем, последним крестоносцем, Филиппом фон Беллем.

---

¹⁸¹ История о князя великого московского делех... С. 98.

¹⁸² *Филлошкин А. И.* Январский поход 1558 г. русской армии в Ливонию: Взгляд из разных лагерей // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 120–121.

Глава IV

ОТРАЖЕНИЕ ДИСКУРСОВ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVI в.

Особенности восприятия борьбы за прибалтийские земли, отношения к этой борьбе разных слоев российского населения, идеологемы, морально-этические установки и дискурсивные практики не только декларировались или рефлексировались в нарративе. Их отражение видно и в документальных источниках, несмотря на всю их формализованность и шаблонность. Тем ценнее эти отдельные проблески отражений Ливонской войны на страницах дипломатических грамот, актового материала, деловой переписки. Думается, что потенциал этих источников далеко не исчерпан. Ниже мы попытаемся обозначить первый приступ к проблеме.

В каких русских дипломатических документах отражены перипетии борьбы за Прибалтику?

Посольские документы сохранились в двух типах памятников: столбцы и посольские книги. В столбцах представлены отдельные грамоты — инструкции, послания, договоры, указы, отчеты и т. д. Но их подбор, содержащийся в архивных фондах, далеко не репрезентативен. Не все посольские документы сохранились в виде оригинальных грамот, протографа. Большинство грамот объединены в виде копий в конволюты — сборники посольской документации. Они назывались посольские книги. В них входили записи о приезде и отправлении посольств, материалы о приеме иностранных посольств, описания хода переговоров, инструкции послам («указы»), их отчеты («статейные списки»), разного рода послания и грамоты¹.

Как показано Н. М. Рогожиным, будет неправильным представлять себе посольскую книгу как своего рода папку, куда механически складывались и подшивались документы за определенный период. Несомненно, что тексты для посольской книги фильтровались и отбирались². Для нашего исследования дискурсивной природы русской политической культуры это плюс, для попыток воссоздать максимально полную картину событий — минус.

¹ Анализ и описание состава посольских книг см.: *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994. С. 72–116.

² Там же. С. 150, 160.

Каковы отечественные посольские материалы по интересующей нас тематике? Обзор сохранившихся и реконструируемых посольских книг сделан Н. М. Рогожиным и другими учеными, и в дальнейших выкладках мы опираемся на их работы³.

Собственно посольских книг по сношениям с Ливонией не сохранилось. Возможно, их и не существовало — их нет в Описи архива Посольского приказа 1626 г. В ней упомянуты только отдельные ливонские документы («грамоты Вифлянские»), но «книги» отсутствуют⁴. Видимо, это объясняется тем, что ливонские документы были выделены в отдельное производство, отличное от сношений с Немецким орденом в Пруссии, поздно, не ранее 1525 г. Орден погиб слишком быстро, уже в 1561 г., составление особой ливонской посольской книги (в принципе необходимой только для практических дипломатических нужд) стало неактуальным. Тем более, что официально Москва не поддерживала отношений с орденом — эта миссия была возложена на новгородских и псковских наместников. Документы остались в россыпи. Прежде всего, речь идет о 64-м фонде РГАДА (Сношения с Лифляндией), в котором отложились копии русско-ливонских договоров и т. д. Из других орденских источников сохранилась только ранняя прусская посольская книга, опубликованная Г. Ф. Карповым⁵.

В документах по истории сношений России со Священной Римской империей большая лакуна с 1519 по 1575 г., далее в распоряжении исследователей есть посольские книги за 1575–1578⁶, 1580–1583⁷, 1584–1594 гг.⁸ 1562–1566 гг. датируются «книги цесарских послов», содержащие материалы переговоров с имперскими послами об освобождении пленного магистра ордена Вильгельма Фюрстенберга, но они были утрачены⁹.

В Ф. 79 РГАДА отложились русские посольские книги и столбцы по сношениям с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским (с 1569 г. — Речью Посполитой). За интересующий нас период опубликованы посольские книги за 1549–1558¹⁰, 1558–1560¹¹, 1560–1562¹², 1562–1569¹³, 1570–1571¹⁴, частично — посольская книга 1575–1579 гг. (за 1575–1576 гг.)¹⁵. Остальная часть книги неопубликована¹⁶. Не изданы также посольские книги за 1579–1580¹⁷ и 1581¹⁸ гг. Из посольской книги 1581–1582 гг.

³ Шеламанова Н. В. Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XV в. // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 40–44; Рогожин Н. М. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1988. С. 22–30; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. и автор вступит. статьи Н. М. Рогожин. М., 1990; etc.

⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печ. В. И. Гальпов, под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 161–165; Рогожин Н. М. Посольские книги... С. 59, 127–128.

⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии: 1516–1520 г. / Изд. под ред. Г. Ф. Карпова // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53.

⁶ Публикация: ПДС. СПб., 1851. Т. I. Памятники дипломатических сношений с империею Римского (с 1488 по 1594 год). Стб. 481–764.

⁷ Там же. Стб. 765–906.

⁸ Там же. Стб. 909–1466.

⁹ Рогожин Н. М. Посольские книги... С. 54.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (с 1533 по 1560 год) / Изд. под ред. Г. Ф. Карпова // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 264–561.

¹¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 561–629.

¹² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. III (1560–1571 гг.) / Изд. под ред. Г. Ф. Карпова // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 1–67.

¹³ Сб. РИО. Т. 71. С. 68–616.

¹⁴ Там же. С. 616–807.

¹⁵ Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.) / Сост. тома Л. В. Соболев // ПИВЕ. М.; Варшава, 2004. Т. VII.

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 192–542.

¹⁷ Там же. Д. 11. 407 л.

¹⁸ Там же. Д. 12. 344 л.

увидели свет отдельные фрагменты¹⁹. Из посольской книги 1582–1584 гг. опубликовано несколько грамот, остальной текст не издан²⁰. Не напечатана и посольская книга 1584–1586 гг.²¹.

Шведские посольские книги опубликованы за 1555–1562²², 1569–1572²³, 1572–1577²⁴, 1584–1585 гг.²⁵ С датскими ситуация хуже: опубликованы только фрагменты посольской книги 1559–1565 гг.²⁶ и несколько листов книги 1571–1575 гг.²⁷

В посольских книгах соседних государств, непосредственно не принимавших участия в войне, содержится косвенная информация по интересующим нас проблемам. Если английская посольская книга за 1581–1589 гг. опубликована²⁸, то крымские посольские книги за изучаемый период практически не изданы²⁹ (исключая отдельные документы)³⁰. То же касается и турецких книг³¹.

Кроме того, в фондах 32, 64, 79, 96, 123 РГАДА содержатся отдельные списки грамот и договоров³². Частично они дублируются с имеющимися в посольских книгах, в отдельных случаях — являются уникальными. Отдельные списки посольских грамот

¹⁹ Там же. Д. 13. 601 л.; *Успенский Ф. И.* 1) Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами // Записки императорского Новороссийского университета. 1885. Т. 43. С. 248–278;

2) Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 гг. Одесса, 1887.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. 801 л.; ДРВ / Изд. 2-е. М., 1789. Ч. XII. С. 134–178.

²¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 15. 841 л.

²² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I: 1556–1586 гг. / Сост. Н. П. Лихачев, В. В. Майков // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 1–123.

²³ Сб. РИО. Т. 129. С. 123–220; Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 7–62.

²⁴ Сб. РИО. Т. 129. С. 227–359.

²⁵ Там же. С. 360–544.

²⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. 435 л. Публикации фрагментов: Статейный список Российских послов Князь Антона Ромодановского, Ивана Висковатого и Петра Совина с товарищи, бытности их в Дании, у короля Фридриха второго, для подтверждения заключенного в Москве вечного между обоими государствами мира. В 7072 году // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. XIX и XX. Гл. III. С. 49–66; Статейный список российского посольства в Данию в 1562–1563 гг. // Ульфелдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой, отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 518–536.

²⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. 239 л. Публикация: Статейный список Константина Скобельцына (1573–1574 гг.) / Подготовка текста и вступит. статья Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 308–315.

²⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею (с 1581 по 1604 г.) / Изд. под ред. К. Н. Бестужева-Рюмина // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38.

²⁹ Посольская книга 1545–1548 гг. // РГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Оп. 1. Д. 9. 62 л.; Посольская книга 1562–1564 гг. // Там же. Д. 10. 484 л.; Посольская книга 1564–1565 гг. // Там же. Д. 11. 456 л.; Посольская книга 1565–1568 гг. // Там же. Д. 12. 396 л.; Посольская книга 1568–1572 гг. // Там же. Д. 13. 452 л.; Посольская книга 1571–1578 гг. // Там же. Д. 14. 440 л.; Посольская книга 1577–1578 гг. // Там же. Д. 15. 533 л.

³⁰ *Филошкин А. И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 309–337. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II).

³¹ Посольская книга 1512–1564 гг. XVI в. // РГАДА. Ф. 89 (Турецкие дела). Оп. 1. Д. 1. 414 л.; Посольская книга 1569–1590 гг. XVI в. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. 513 л.

³² Например: Письмо к царю Иоанну Васильевичу от царского купца Крамера, уведомительное о приезде его в Тверь с дорогами каменьями, привезенными от римского цесаря. 22 апреля 1574 г. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Столбцы. Д. 2. 2 л.; Выписка о титулах, употребляемых во взаимных между российскими государями и цесарями римскими грамотах. 1576–1594 гг. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Столбцы. Д. 1. 4 л.; Выписка о бывших между российским и цесарским дворами посольства доставать взаимным пособием польскую корону царскому сыну, а Литву и Лифляндию присоединить к России, постановив вечный договор касательно дружбы, любви и союза и дать вспомогательные противу турок и поляков войска. 1576 г. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Столбцы. Д. 2. 18 л.; Жалованная грамота Ивана IV Дурпу от 6 сентября 1558 г. // РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3. 12 л.

отложились и в других архивохранилищах³³. Большое количество грамот опубликовано в различных актовых сборниках.

Дискурсы посольских книг. Категории русской политической культуры

Прежде чем обращаться к анализу дискурсов Ливонской войны в русских посольских документах, необходимо сделать несколько вводных замечаний о дискурсивной практике, отраженной на страницах посольских книг во второй половине XVI в. Исторические и историософские концепты и категории посольских книг, которые определяли мировоззрение русских дипломатов и воевод, в той или иной степени проанализированы в работах С. О. Шмидта³⁴, Л. А. Юзефовича³⁵, И. Граля³⁶, К. Ю. Ерусалимского³⁷ и др. Мы же обратимся к аспектам дискурсивной практики, определявшей смысл и значение действий русских дипломатов (как они понимали этот смысл).

Ключевыми категориями, в которых русские правители определяли характер взаимных политических и правовых обязательств как в отношении друг с другом, так и в контактах с соседними державами, были категории христианской этики: *любовь — нелюбовь; дружба — недружба; братство — небратство; добро — недобро* и т. д.³⁸

Иерархия этих категорий видна из объяснения, содержащегося в одном из посольских документов. На переговорах с посольством Девлет-Гирея в июне 1565 г. говорилось: если Иван IV будет лоялен к Крыму, будет торговать и платить поминки, то это «дружба». Но если он хочет «любви», то есть военного союза и совместных боевых действий против Литвы, то должен «поступиться» чем-то дорогим, в частности, вернуть Казань и Астрахань. Если же договоры будут сорваны и страны окажутся в состоянии противостояния, то государи будут «соседями»³⁹.

В международных соглашениях Московского государства в XVI в. термином *любовь* обозначалась высшая степень близких отношений между государствами. Под ней понималось «на недругов стояти заодин»⁴⁰. Эта формула иной раз самым ковар-

³³ Например: Копии А. Н. Попова с листов меж царем Иоанном Васильевичем и Польскими. 1547–1578 // НИОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. 44 л.; Грамоты русские, хранящиеся в Рижском и Кенигсбергском архивах и у частных людей в Лифляндии. Копии XIX в. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 45. 46 л.; Грамота Ивана IV об объявлении войны Сигизмунду Августу и ответ последнего. 1564 г. Список после 1778 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 546. 2 л.; Сборник документов об отношениях германских князей с Московским государством в 1495–1582 гг., скопированных в Мекленбургском архиве в Шверине и заверенных подписью Христиана Георга Эверса. Перв. четверть XIX в. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. 267 л.; Сборник грамот царя Ивана Грозного // НИОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. 365 л.; List Iwana Wasiljewicza, wielkiego księcia Moskowskiego do Fryderyka II, króla Duńskiego. 26.07.1571 // AGAD. Archiwum Radziwiłłow. Dział II. Dokumenty Historyczne. Teki I. Nr. 69. 4 s.; List cara Iwana Wasiljewicza do Panów Rad Roronnych z powodu obioru nowego króla, 15.07.1573 // AGAD. Archiwum Radziwiłłow. Dział II. Dokumenty Historyczne. Teki I. Nr. 91. 2 s.; Gramoty. Roku 1569 // Archiwum Państwowe w Krakowie (Oddział I, na Wawelu). Sang. rkps. 10. 5 s.; Gramoty Ruskje // Вк. Czart. № 2822; etc.

³⁴ Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.

³⁵ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988.

³⁶ Граля И. 1) Иван Михайлов Висковатый. М., 1994; 2) “Pax Moscovitica”? Wokół rosyjskiego wladztwa w Inflantach w epoce Iwana IV Groźnego // Klio viae et in via: Opuscula Marco Cetwiński dedicate / Pod. red. A. Odrzywolskiej-Kidawy. Warszawa, 2010. S. 673–695.

³⁷ Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: Дипломатия и память в России XVI века // История и память: Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006. С. 664–731.

³⁸ О происхождении этих категорий см.: Филошкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 220–238.

³⁹ Грамота Девлет-Гирея Ивану IV от мая 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 315, 317 об.

⁴⁰ Грамота крымского хана Девлет-Гирея Ивану IV, май 1565 г. // Там же. Л. 315.

ным образом подводила иностранных дипломатов, которые включали ее в договоры, исходя из соображений лояльности, попытки заговорить на дипломатическом языке москвитов. Русские же посольские деятели тут же предлагали составить поименный список недругов, включить в договорную грамоту и начать против них воевать. Подобные нетолерантные предложения повергали европейцев в совершеннейшую панику. Наслаждавшиеся зрелищем смятения в стане иностранцев русские бояре настойчиво вопрошали: «Куда же государь наш сядет на свой конь», если недругов не указать поименно? (например, на русско-датских переговорах в Москве в июле 1562 г.)⁴¹.

Удачный ответ удалось найти только английским дипломатам — королева Елизавета в 1582 г. предложила послу Ивана Грозного Ф. Писемскому составить список врагов Русского государства, и «Англия сделает их всех вашими друзьями». Недругу надо давать шанс «исправдаться»⁴². Правда, в данном случае последнее слово осталось за Грозным: в октябре 1583 г. на переговорах с Е. Боусом царь потребовал: раз королева хочет сперва «обослаться с недругом», то пусть и «обошлется» со Стефаном Баторием и велит ему отдать русским Полоцк и Ливонию по р. Западную Двину. А не отдаст — пусть Англия посылает рать на Речь Посполитую! Ответ Боуса очень колоритен: «Мне с тем х королевне ехать нельзя, меня королевна дураком назовет»⁴³.

Очень патетически описал Иван IV свою «любовь» к английской королеве Елизавете в 1582 г., во время сватовства к Марии Гастингс и попытки заключения русско-английского союза, направленного против Стефана Батория:

«У государя нашего у царя и великого князя со многими цари и короли ссылка, а ни х кому у государя нашего такие любви нет, как с тобою имеет братство и любовь, имеет тебя себе сestroю любительною, и любит не словом, всюю душою в правду, а хочет быть с тобою в братцкой любви и в докончанье»⁴⁴.

«Любовь» предполагала совместные действия по отношению к третьей стране. Например, когда в 1559 г. Дания предложила России раздел территории Ливонии, то это было расценено русскими дипломатами как желание датских королей перейти из «приятельного союза» в «союзную любовь»⁴⁵.

Категорией, обозначающей отношения более низкого статуса, чем любовь, было *братство* (любовь являлась более обобщающей категорией, поскольку она могла быть *братской* или просто *любовью*). Данный статус не обязательно предполагал наличие родственных связей, *братство* можно было приобрести (ср. древний обычай побратимства). Данное слово в дипломатическом языке обозначало особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающие потенциальный союз».

В XVI в. эта категория была ключевой в определении характера отношений Московской Руси с другими державами. В дипломатических документах выделяются следующие признаки *братства*: 1) общность политики («с нами один человек»); 2) свободные и равноправные дипломатические, торговые и военные контакты («люди меж нас ходят по нашей дружбе и братству»)⁴⁶. *Братья* должны были уведомлять друг друга о военных победах (посылать гонца с вестью-сеунчем)⁴⁷. При смене прави-

⁴¹ Из речей А. Д. Басманова на переговорах июля 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 194 об., 202.

⁴² Из отчета посольства Ф. Писемского 1582 г. // Сб. РИО. Т. 38. С. 46.

⁴³ Из материалов русско-английских переговоров в октябре 1583 г. // Там же. С. 93.

⁴⁴ Из отчета русского посла в Англию Ф. Писемского, 1582 г. // Там же. С. 31.

⁴⁵ Посольство датского посла Клауса Урне в марте–апреле 1559 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–42 об.

⁴⁶ Наказная память послу в Крым Д. В. Шейну, октябрь 1487 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 64; Наказная память послу в Турцию И. С. Морозову, апрель 1523 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 239–239 об.

⁴⁷ Материалы о приеме крымского гонца Караша, июнь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.; Грамота крымского хана Девлет-Гирея Ивану IV, ноябрь 1566 г. // Там же. Д. 12. Л. 347–348 об.

телей на престолах соседних государств послам надлежало прежде всего «братство проведати»⁴⁸.

Братьями русского царя считались турецкий султан, император Священной Римской империи, испанский и английский короли, польские короли династии Ягеллонов. А вот считать своим братом Стефана Батория Иван IV отказался наотрез⁴⁹. Польский король был этим страшно задет. Когда Россия стала проигрывать войну, царь Иван быстренько исправился и стал называть Батория братом. Очень интересно выглядят объяснения царя, почему он изменил свою позицию:

«А ты учинился на тех господарствах внове, а мы тебе преж того не писывали, и нам то показалось к любви сходительно, что тебя велели есмя писати братом... и коли тебе потому так делать непотребя, и то на твоей воли. А мы к тебе братарство пишем по прежнему обычаю».

Таким образом, Грозный утверждал, что братства достоин не сам Стефан, а его предки (которыми объявлены Ягеллоны). Поэтому Иван IV зовет его братом «по обычаю», и если Стефан видит здесь большую уступку — он ошибается, никакой уступки нет⁵⁰.

Условия «принятия в братство» обсуждались на русско-датских переговорах 1562 г., и это позволяет еще больше прояснить значение данной категории. Датчане, которые в принципе и до того признавали царский титул Ивана Грозного, еще раз подчеркнули, что будут писать титул русского государя, как ему «требе», а за это короля Фредерика надо признать «приятелем или братом». Полемика А. Д. Басманова и послов демонстрирует важность категории братства на международной арене:

«По слове Божиим милосердием и Пречистые Богородицы нашему царскому величеству возвысил руку государя нашего не над одним государством, Орду Казанскую государю нашему Бог поручил, Азтороханское царство государю нашему Бог поручил, перед прежними его прародители Бог выше милость свою послал. И ваш бы государь государя нашего отписал так, как пишетьца с цесарем римским, а пишет цесаря отцом. А наш государь с цесарем пишетьца братом, и ваш бы государь потому ж имя государя нашего отписал, как пишетьца с цесарем. И послы говорили, что государь их король пишетьца с цесарем братом, и сказали у себя теи грамоты. И Олексей с товарищи о том говорили не однова, что нам известно, что король датцкой пишетьца к цесарю сыном, а цесарь пишетьца ему отец. И послы говорили, что государь их король датцкой пишет цесаря себе дядею».

После дебатов Иваном IV было предложено писать Фредерика «приятелем и суседом»⁵¹. В братстве было отказано — датский король пишется братом шведскому, а шведский — не более, чем брат новгородских наместников московских государей⁵². В 1582 г. перед посольством Ф. Писемского Елизавета назвала Грозного «братом и племянником», что было сочтено страшным бесчестьем — ведь для царя королева «сестра любительная», о каком «племяннике» речь? Англичане быстро исправили ошибку, извинившись, что «не знали русского обычая»⁵³.

Согласно посольским книгам XV–XVI вв., Московское государство окружали два вида держав: «братцкие», с которыми «любовь и дружба», и «суседи» — с кем

⁴⁸ Грамота Ивана IV к калге, июль 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 395.

⁴⁹ О переговорах с Баторием о братстве см.: Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1909. С. 247–251.

⁵⁰ Грамота Ивана IV Стефану Баторию от 27 сентября 1580 г. // КПМ-П. № 57. С. 119.

⁵¹ Из речей русских и датских дипломатов на переговорах в Москве 27 июля 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 195 об.–196 об., 201 об.

⁵² Наказа посольству А. М. Ромодановского в сентябре 1562 г. // Там же. Л. 318.

⁵³ Из отчета посольства Ф. Писемского 1582 г. // Сб. РИО. Т. 38. С. 47, 49, 51.

«недружба» вплоть до войны. Причем страны могли переходить из одного состояния в другое. Так, после заключения в июле 1562 г. договора между Россией и Данией о разделе Ливонии, когда Иван IV отдал датчанам значительные территории, в тексте соглашения Фредерика «писали... царю и великому князю приятелем и соседом», хотя до того датские монархи «писалися в dokonчальных грамотах и в посыльных с прежними великими государи Московскими *братом*»⁵⁴. Это изменение статуса привлекло особое внимание летописца — он описывает коллизии вокруг *братства* и территориальный раздел, все остальное, случившееся на переговорах, не вызвало его интереса.

С *братством* и *любовью* была тесно связана категория *дружбы*. Она включала в себя добрососедские дипломатические контакты, свободу торговли, а также военный союз («быть на недругов заодин», «стоять против наших недругов заодин», «кто будет тебе друг, то и нам друг, кто будет тебе недруг, то и нам недруг»⁵⁵).

Важной статусной категорией во внешнеполитических делах также было *единачество* — под ним понималась одинаковость действий равных по статусу партнеров («вспоможение, единачество, советование между государями»⁵⁶). Механизм обретения единачества хорошо показан на примере русско-прусских переговоров 1517 г. Прусский магистр обратился с челобитьем, чтобы его пожаловали, «взяли в единачество». Василий III обсуждал, «пригоже ли маистра Прусского взяти к себе в единачество», с Боярской думой. Положительный ответ зависел от заключения военно-политического союза против польского короля и от облика государства магистра — например, кто его советники, «которым обычаем» он «дела делает».

Единачество также предполагало взаимную военную помощь в обороне земель друг друга⁵⁷. Приглашение в антитурецкую лигу в 1518 г. Василием III было квалифицировано как то, что «папа хочет его и всех людей Русские земли приняты в единачество и согласие римской церкви»⁵⁸. На переговорах апреля 1559 г. с датскими послами *единачество* предполагало ненападение русских на земли, находящиеся в юрисдикции контрагента⁵⁹.

О чем говорит использование категорий *любви*, *братства* и *дружбы* в международных отношениях в XVI в.? Прежде всего о том, что политическая культура и дипломатическая практика Московской Руси основывалась главным образом на христианской этике. Поэтому мотивы действий дипломатов Ивана Грозного на внешнеполитической арене нельзя устанавливать, исходя из современных представлений о характере этой деятельности и из того, что ученые любят называть «здравым смыслом». Эта было иное мышление, иная этика, иная система ценностей и ориентиров, которую из XXI в. очень сложно понять. Мы делаем только первые шаги к ее реконструкции.

Правовой нигилизм и его смысл

Из примеров подобных «необъяснимых» с позиции современного политика поступков можно назвать правовой нигилизм. Как ни парадоксально, но заключение договора не обязательно означало его соблюдение, мало того, нередко обе стороны

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 343.

⁵⁵ Грамота Ивана IV к Сулешу, ноябрь 1562 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.; Наказная грамота А. Ф. Нагому, 1563 г. // Там же. Л. 82 об.; Запись о переговорах А. Ф. Нагого с крымским ханом Девлет-Гиреем, январь 1564 г. // Там же. Л. 313–313 об.

⁵⁶ Посольство датского посла Клауса Урне в марте–апреле 1559 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.

⁵⁷ Сб. РИО. Т. 53. С. 11, 19–20.

⁵⁸ Там же. С. 85.

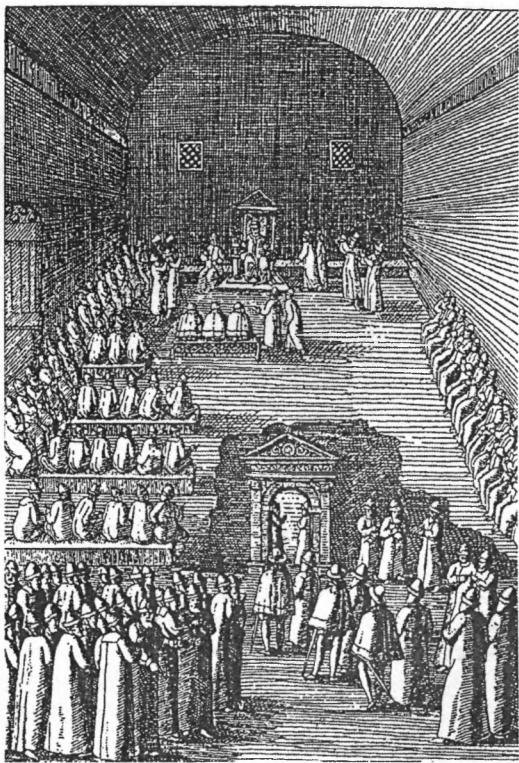
⁵⁹ Посольство датского посла Клауса Урне в марте–апреле 1559 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.

с самого начала знали, что договор соблюдаться не будет. И тем не менее им было принципиально важно записать в него свои формулировки, пусть даже абсолютно не соответствующие действительности.

Рассмотрим русско-датские переговоры 1562 г. На них Россия и Дания делили Ливонию. Между сторонами возник спор. Русская сторона заявила, что сделает почти все территориальные уступки (кроме двух дворов — Старого и Нового Колков), которые желает датский король. Но в перемирную грамоту должны быть вписаны Рига, Пернов и все другие еще не завоеванные Москвой ливонские города как принадлежащие России. Датчане заявили, что «так написать не храбруем» и что они предпочли бы решить узкий вопрос о принадлежности Колков. Далее развернулись дебаты о сроках перемирия, в которых стороны состязались в остроумии: русские отказались заключать «вечный мир», раз датчане не хотят конкретизировать врагов «поименно». В этом случае возможно лишь перемирие на 2–3 года. Датские послы тут же согласились на перемирие, но на 100 лет. Постепенно стороны снизили взаимные претензии: датчане были готовы удовлетвориться 50 годами, а русские подняли срок до 5–6 и один раз — даже до 10 лет⁶⁰.

Подоплека действий московских дипломатов была проста — они добивались того, чтобы Дания либо стала реальной союзницей против Польши и Швеции, либо хотя бы дала гарантии своего невмешательства в ливонский конфликт на их стороне (не помогать деньгами, не давать наемников и т. д.). Последняя постановка вопроса Копенгаген, в принципе, устроила — 31 июля послы согласились ее принять. Но на церемонии подписания договорных грамот 2 августа 1562 г. возник новый спор: датчане обнаружили, что в тексте грамоты русскими записаны некоторые города, которые в реальности сейчас находятся в руках Польши и Швеции. А. Д. Басманов возмущенно возразил, что вы же сами хотели поделить Ливонию. Вот мы и поделили, вам — Северную Эстляндию, нам — все остальное. Города и мызы, отходящие к Дании, в грамоте записаны поименно, точно так же надо записать и русскую долю.

Послы оказались в довольно затруднительном положении, что выразилось в их поспешном ответе Басманову: «мы о том не пререкуем, не храбруем». Ведь Дания добила практически всего, чего хотела, исключая нерешенного вопроса о Колках. Однако закрепить договором права России на Ригу, Венден и другие города означало угрозу втягивания Дании в войну — и Польша, и Швеция

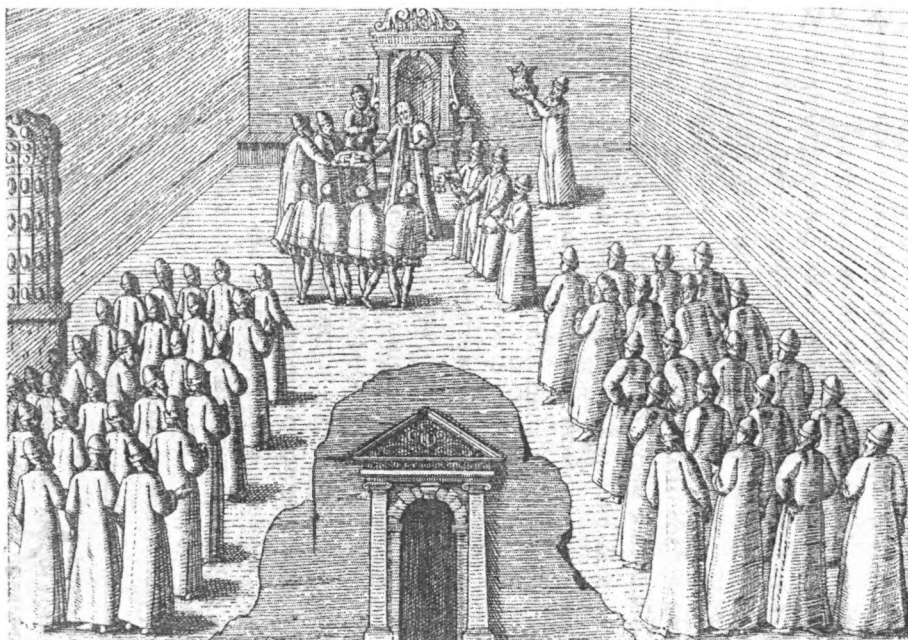

Прием иноземного посольства при дворе Ивана Грозного. Датская гравюра XVI в.

⁶⁰ Из речей русских и датских дипломатов на переговорах июля 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 190 об., 191 об., 192 об., 203, 204 об.

расценили бы этот жест как враждебный. Последствия такого шага могли быть непредсказуемыми. Поэтому послы отказались утверждать русский вариант грамоты⁶¹.

Решение проблемы было найдено 4 августа, и оно демонстрирует, сколь малое значение в XVI в. на практике имели договоры: Бояре предложили составить два варианта грамоты: датский, в котором о правах Ивана IV на Ливонию будет сказано в общих выражениях, и русский, в котором города будут расписаны «поименно». Не все ли равно Фредерику, что именно написано в договоре, лежащем в московской казне? Пришедшие в полный восторг датские дипломаты заверили, что абсолютно все равно, они полностью согласны на этот вариант и на радостях выторговали себе еще и ропату в Ревеле. 7 августа 1562 г. Иван IV присягнул на грамотах⁶².

Присяга на посольских грамотах. Гравюра XVI в.

Чего стоила эта присяга на *разных* текстах договоров? В юридическом плане ничего. Но обе стороны остались крайне довольными друг другом. Заключение русско-датского договора Иван IV решил отпраздновать отпуском из московских тюрем пленных датчан, схваченных в Ливонии в качестве военных наемников. Таковых нашли пять человек. Их и отдали послам, а в качестве подарка каждому освобожденному датчанину дали... по пленному татарину, крымцу или ногайцу, извлеченных из той же тюрьмы⁶³.

Русский вариант договорной грамоты 1562 г. был опубликован Ю. Н. Щербачевым по материалам датского архива⁶⁴ и недавно переиздан А. Л. Хорошкевич⁶⁵. Датский

⁶¹ Там же. Л. 205, 209–209 об., 215, 216–217 об., 229 об.

⁶² Из речей русских и датских дипломатов на переговорах августа 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 234 об., 235 об., 236, 241.

⁶³ Там же. Л. 249 об.

⁶⁴ РАКА. № 20. Стб. 58–76.

⁶⁵ *Ульфелдт Я.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой, отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 507–519. — К сожалению, А. Л. Хорошкевич просто перепечатала публикацию

вариант отличается отсутствием перечней ливонских городов, на которые претендует Россия⁶⁶. В датской посольской книге текст грамоты, датируемой 3 декабря 1562 г., приведен не полностью, оборван конец⁶⁷.

Результаты московских переговоров 1562 г. были положительными для обеих сторон⁶⁸. Дания добилась официального, закрепленного в международном акте оформления прав на часть Ливонии, которую фактически уже захватила. Копенгаген получил гарантии неприкосновенности этих земель со стороны главного источника военной опасности в регионе — России. Дания достигла договоренностей о прямой морской торговле с русскими, минуя всяких посредников. Каждый из этих пунктов, несомненно, был Фредерику выгоден.

Для Москвы же главным было обещание Дании не вмешиваться в ливонский конфликт военным способом и никак не поддерживать в нем противников России. Насколько серьезно Иван IV относился к перечислению в русском варианте грамоты предназначенных к захвату ливонских городов, сказать трудно. Упорство, с каким добивалась этого пункта русская сторона, вроде бы свидетельствует о важности данного акта.

С другой стороны, московские дипломаты не могли не понимать, что клятвы монархов на *разных* текстах договоров стоят немногого. Возможно, данный феномен надлежит оценивать не с точки зрения права или политической практики, а исключительно как семиотический акт, который был важен для российского правителя именно как знаковое событие.

Так или иначе, но появился первый международный документ, в котором вся Ливония объявлялась законным владением царя. Даже те земли, которые по соглашению отходили к Дании, были, согласно тексту русской грамоты, *пожалованы* Иваном IV королю Фредерику *по его челобитью*. Таким образом, договором 1562 г. Иван IV реализовывал свое право носить титул государя Ливонского, потому что договор 1562 г. содержал важнейший для московской политической культуры признак обладания землями и царского достоинства правителя: право пожалования земель, в данном случае — свежезавоеванных ливонских земель. И этот символический успех был для Грозного гораздо важнее, чем конкретные договоренности.

Правда, остается открытым вопрос, насколько этот акт считался символическим, а насколько мог быть хитрой уловкой русской дипломатии. Обращает на себя внимание, что в наказе А. М. Ромодановскому, отправленному в Данию для ратификации договора, особо оговаривалось, что русская грамота должна лежать при крестоцеловании поверх датской. Король Фредерик, таким образом, присягал бы на русском противне договора, с поименным перечислением городов. Если же датчане попытались бы по-

---

Ю. Н. Щербачева, не сверив текст документа с оригиналом грамоты, сохранившемся в составе текста датской посольской книги (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 250–270). Тогда она бы не повторила ошибки в прочтении некоторых слов, особенно названий местностей и городов, которые были сделаны либо переписчиками датского варианта грамоты, либо ее исследователем Ю. Н. Щербачевым. Приведем несколько примеров таких ошибок: в публикации А. Л. Хорошкевич: «Ренцьборих», в подлиннике грамоты из посольской книги: «Аренцборих» (С. 510 — Л. 255 об.); «Газанна» вместо «Газанпа» (Газенпот? С. 510 — Л. 256); «Этвалпа» вместо «Этвална» (? там же); «Герни» вместо «Герии» (С. 511 — Л. 256 об.); «Фленка» вместо «Флеина» (С. 513 — Л. 261); «Страгна» вместо «Страупа» (С. 513 — Л. 261 об.); «Людербориха» вместо «Дулембориха» (С. 513 — Л. 262); «Уренобреха» вместо «Ренборха» (С. 513 — Л. 262); «Сковвена» вместо «Сковвна» (Ашераден, там же) и т. д. В результате этих неточностей публикация грамоты А. Л. Хорошкевич непригодна для историко-географических исследований.

⁶⁶ РАКА. № 21. Стб. 75–88. № 21.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 270 об.–284.

⁶⁸ Ср.: Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 110–111.

ложить свой вариант сверху, послам надлежало воспротивиться, вплоть до того, чтобы король целовал каждый экземпляр по отдельности⁶⁹.

При крестоцеловании на грамотах Фредерика 3 декабря 1562 г. в королевском дворце разыгралась целая драматическая сцена: датские сановники, стоя на коленях, развернули перед монархом датский вариант договора, а русский просто держал в руках стоявший рядом королевский печатник. Ромодановский и Висковатый выхватили из его рук грамоту и положили ее поверх датской. Фредерик отказался присягать, требуя подложить русский текст вниз. Тут уже послы проявили-таки гордость и объявили, что пусть король клянется только на своем варианте договора, а будет ли он при этом соблюдать — на то воля Божья. Этим все и закончилось — Фредерик присягал только над датским экземпляром соглашения⁷⁰. Тем не менее русской стороной правильным считался вариант договора с «расписанными поименно» городами.

Заметим, что во второй половине XVI в. аналогичная формула «двойного договора» применялась в отношении стран, которые не признавали царский титул Ивана Грозного — в русских вариантах грамот писался один титул, в иностранных — другой:

«И приговорил царь и великий князь со всеми бояры, что ныне имя его писати сполна в свою грамоту, занже его грамот будет у короля за его печатью, а име его в той грамоте будет сполна написано, а королево слово грамота писати по старине, потому занже той грамоте быти у царя и великого князя в казне»⁷¹.

Но ведь это означало, что экземпляры договоров неидентичны, то есть недействительны с точки зрения права. Но это московских дипломатов никоим образом не смущало, для них важнее было одобрение своего государя и символический акт «настоять на своем», принятие — хотя бы для себя — только русского текста договора. Но вовсе не международное право.

Чем была порождена такая негибкая позиция, что русская сторона была согласна на неидентичные тексты международных соглашений, лишь бы один из них соответствовал русским требованиям? Попробуем высказать одно предположение. Русский царь позиционировал себя как «царь правды», носитель высшей истины, Божественной справедливости. Этим и объяснялась необходимость утвердить в договоре именно его указания — разве слова «царя правды» могут быть предметом дипломатического торга?⁷² Поскольку на практике это было возможно далеко не всегда в силу понятных причин, русские дипломаты, с одной стороны, славились искусством спорить и торговаться по самым незначительным вопросам (но делали это всегда в строгом соответствии с государевым наказом, даже если разыгрывали спектакли и преподносили то или иной решение как внезапный экспромт), с другой — они стремились любой ценой настоять на своем. Даже таким путем, как неидентичные договоры.

Антонио Поссевино, посол римского папы в Россию в 1581–1582 гг., писал о стиле работы московской посольской службы:

«...пришлось приложить очень много усилий, прежде чем москвиты могли вполне понять то, что мы передавали в письменном виде (как просил государь), или то, о чем мы много раз говорили с боярами. Часто многое из сказанного

⁶⁹ Наказ посольству А. М. Ромодановского // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 310 об.

⁷⁰ Статейный список российского посольства в Данию в 1562–1563 гг. // Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой, отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 535–536.

⁷¹ Запись о заседании Боярской думы 5 февраля 1549 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 291.

⁷² Ср.: «Государям пригоже на своей правде стояти», «Срам для государя — преступить правду» (Грамота Девлет-Гирея к Ивану IV, 1576 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 303, 306). Здесь под «правдой», видимо, понимаются международные договоры, но показательное само наименование соглашения «правдой» — правду нельзя изменять путем политического торга.

нами они переводили ему без всякого смысла и не по существу. Они опускали значительную часть, преимущественно из того, что, по их мнению, будет неприятно государю и для них самих будет представлять какую-нибудь опасность. Это относилось в первую очередь к религиозным делам. Мне кажется весьма вероятным, что то же самое они делали и с грамотами других государей, хотя их писали по-русски из Литвы в тех случаях, когда их наречие не сходилось с русским»⁷³.

Таким образом, есть и иностранные свидетельства «избирательности» и вольности русских дипломатов в обращении с международными документами. Этот «правовой нигилизм» необходимо учитывать при изучении внешней политики России XVI в.

Как русские дипломаты представляли себе место России в мире?

Мы не будем здесь останавливаться на концепциях «Москва — III Рим», «Россия — Новый Израиль» и прочих элементах мессианской идеологии, несомненно, интенсивно развивавшейся в Российском государстве с момента обретения автокефалии Русской православной церковью, с 1448 г. Об этом существует большая и интересная научная литература⁷⁴. Исторически сложилось, что Россия оказалась единственной в мире сильной православной страной, с которой на протяжении последующих столетий сторонники «греческой веры» связывали надежду на выживание и подъем православия: «А иного (кроме Русского. — *А. Ф.*) царства волнаго и закона христианскаго греческаго нету, и надею (надежду. — *А. Ф.*) на Бога держат во умножения веры христианския на то царство руское, благовернаго царя рускаго» (И. С. Пересветов, публицист середины XVI в.)⁷⁵. С этим рифмовалась идея Третьего Рима, перенесения на Русь миссии и функций I Рима и II Рима — Константинополя. Правда, подчеркнем, что вплоть до конца XVI в. эта идеология носила преимущественно клерикальный характер.

С данной идеей тесно переплеталось получившее широкое распространение с конца XV в. учение о Руси — «Новом Израиле», новом богоизбранном народе, на котором лежит великая миссия, сравнимая с ролью в человеческой истории библейских евреев. Соответственным образом оформлялась официальная московская историческая доктрина, по которой история русских (=православных) является непосредственным продолжением библейской истории, которая воспринималась как «бывшая вчера».

Все это справедливо по отношению к идеологическим и духовным практикам русских интеллектуалов XVI в. в целом. Но влияние этих доктрин на внешнюю политику России Ивана Грозного не всегда очевидно прочитывается в источниках. Оно проявлялось опосредованно, в мотивациях поступков и деяний, но подобная сфера реконструируется не без затруднений и всегда гипотетически.

⁷³ *Поссевино А.* Московия // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Перевод, вступ. ст. и комм. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 28.

⁷⁴ Обзор вопроса см.: *Medlin W.* Moscow and the East Rome. A political study of the relations of Church and state in Moscovite Russia. Genève, 1952; *Ševchenko I.* A Byzantine Source of Muscovite Ideology // *Harvard Slavic Studies*. 1954. Vol. 2. P. 141–180; *Goetz W.* Translatio Imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien in Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen, 1958; *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myth. New Haven, London, 1961; *Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger: Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Köln, Wien, 1972; *Alef G.* Was Grand Prince Dmitrii Ivanovich Ivan's III "King of the Romans"? // *Essays in Honor of A. A. Zimin*. Columbus, Ohio, 1985. P. 89–101; *Poliakov L.* Moscou, Troisième Rome. Les intermittences de la mémoire historique. Hachette, 1989; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998; etc.

⁷⁵ Сочинения И. Пересветова / Подготовка текста А. А. Зиминой, под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 194.

Гораздо большее значение в дипломатической сфере имели исторические и генеалогические легенды. По словам К. Ю. Ерусалимского,

«Исторические предания русской дипломатии... были частью дипломатической историографии, сконцентрированной на личности правящей персоны. Национальные дипломатические ведомства брали на вооружение прошлое в борьбе за титулы и территории, создавая своим государям благородные корни и благородных предков. Участвуя в формировании идентичности и одновременно выражая ее, дипломатические предания обрастали церемониалом, сопровождалась визуальными рядами, получали развитие в исторических текстах. Они были способом консолидации “воображаемого сообщества” благодаря сюжетам ниспосылаемых на князей божьих милостей, православных добродетелей, славы, героических побед, а также благодаря генетической и символической преемственности власти прошлого и настоящего»⁷⁶.

Однако стоит заметить, что при нападении на Прибалтику исторические обоснования привлекались мало, исключая только историю основания Юрьева / Дерпта князем Ярославом Мудрым⁷⁷ или участие немцев-варягов в войске Ярослава, что якобы давало Руси право на «варяжскую» Прибалтику⁷⁸. Например, в историографии представлено мнение, что действия Ивана IV были идеологически обоснованы концепцией «Сказания о князьях владимирских», по которому Прибалтика является вотчиной Рюриковичей. Династия русских князей происходит от кесаря Великого Рима Августа. Август, распределяя земли, завещал своему «родичу» Прусу балтийские земли: Мальборк, Хвойницу, Гданьск и бассейн Немана. А от Пруса происходил Рюрик, который, таким образом, оказывался наследником родовых владений на балтийском побережье Польши. Данный тезис В. Кирхнер⁷⁹ и Н. Ангерманн⁸⁰ считали идеологическим оформлением концепта борьбы за Прибалтику как за вотчину Рюриковичей, который и служил мотивом вторжения в Ливонию для Ивана IV. В современной российской историографии эту точку зрения поддерживает и развивает А. Л. Хорошкевич⁸¹, в белорусской — О. И. Дзярнович⁸².

При всей внешней соблазнительности данной идеи все же позволим себе два замечания.

Первое — вотчиной Пруса названы польское Поморье и Понеманье, земли, относящиеся к зоне владений или контроля Тевтонского ордена, но вовсе не Эстляндия и Летглия, на которых правил Ливонский орден и за которые, собственно, и развернулась борьба во второй половине XVI в. Таким образом, «наследство Пруса» отличается от района претензий Ивана IV географически, причем весьма существенно. Мифическое обладание предком Рюриковичей Мальборком и Гданьском вряд ли могло стать для их потомка мотивацией нападения на Нарву, Ревель и Ригу. Это разные и земли, и государства, и связанные с ними исторические образы. Подобные аллюзии в памятниках древнерусской книжности всегда были достаточно конкретны, и вряд ли оправданно отождествлять Понеманье, собственно Пруссию и Ливонию.

Второе — мы не видим такой мотивации в первоисточниках. Ни летописцы, ни дипломаты, говоря о Прибалтике как исконной вотчине Рюриковичей, не апеллируют

⁷⁶ Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе... С. 664–665.

⁷⁷ Анализ см.: Там же. С. 708–710.

⁷⁸ Ср.: Там же. С. 720.

⁷⁹ Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 91.

⁸⁰ Angermann N. Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's. Marburg, 1972. S. 9–10.

⁸¹ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 202–204.

⁸² Дзярнович А. “In nostra Livonia...”. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін па паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і акавы аналіз. Мінск, 2003. Т.1. С. 40–41.

ют к пожалованию Прусу от римского императора Августа. Они говорят о владениях древнерусских князей (городе Юрьеве / Дерпте как вотчине Рюриковичей), но не о наследстве персонажей генеалогических легенд. То есть, историки тут досочиняют мотивы за современников Ивана Грозного. Легенда об Августе была русской дипломатии прекрасно известна, активно использовалась для обоснования величия Ивана Грозного и царского статуса Рюриковичей. Но современники к ней ни разу не обращались для обоснования легитимности Ливонской войны. Это сделали только историки Новейшего времени. На наш взгляд, следует прислушаться к предположениям К. Ю. Ерусалимского, связывающего легенду о наследстве Августа / Пруса с прусским вопросом 1520-х гг., а намеченный в «Сказании...» будущий раздел Вселенной — прежде всего с проблемой принадлежности земель Великого княжества Литовского⁸³.

Обратимся к дискурсам, четко фиксируемым в посольских книгах.

Прежде всего, можно говорить о «широком» образе России — большинство земель, сопредельных с Московской Русью, воспринимались как ее бывшие части. Подчинение Москвой любых соседних земель воспринималось как восстановление утраченного государственного тела. Московская идеологическая парадигма гласила: была единая Русь, потом она распалась, и наша историческая миссия — ее возродить. Поэтому все захваты якобы чужих территорий являются восстановлением России в ее Богом данных границах. Причем это распространялось не только на бывшие княжества Древней Руси, но и на соседние нерусские земли. Все пространство от Поволжья до Приазовья, от Прибалтики до Северного Причерноморья, с точки зрения летописца XVI в., — «все то Руская земля»⁸⁴.

Применительно к каждой захваченной Россией земле был разработан свой дискурс. Как уже говорилось, Казанское ханство виделось «краковой опухолью», возникшей на исконно русских землях — согласно «Казанской истории» (конец XVI в.), Грозный с удивлением обнаруживает, что «на Руской земле есть ново царство Срачинское, Казань»⁸⁵. В летописях XVI в. Астрахань была объявлена «древней Тмутороканью»⁸⁶. Ливония также якобы издревле являлась вотчиной русских князей, с тех самых пор, как Ярослав Мудрый основал ее столицу Юрьев Ливонский⁸⁷. Захват Северских и Верховских земель в ходе русско-литовских порубежных войн конца XV – начала XVI в. также расценивался как возвращение городов, которые «король держал неправдою»⁸⁸. По меткому замечанию С. Богатырева, «Идея вотчины, кажется, была единственно доступным понятием для московских дипломатов, они мастерски манипулировали этим концептом в своей аргументации»⁸⁹.

Поскольку доминировала идея, что Москва не присоединяет новые земли, а возвращает свои исконные, требовалось объяснение, почему же она их в свое время лишилась. Аргументация была избрана крайне простая, зато эффективная: эти зем-

⁸³ Ерусалимский К. Ю. 1) История на посольской службе... С. 688; 2) Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х – начала 1580-х гг. // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Сост. А. Е. Мусин. М., 2009. С. 276–293. — Ученым показано, что «Сказание...» имело другой эффект: с 1550-х гг. европейские интеллектуалы были убеждены, что Иван Грозный хочет захватить Пруссию (но не Ливонию!). Польская дипломатия искусственно объединяла претензии России на Пруссию и Ливонию, ссылаясь на «Сказание...», хотя в русских текстах подобного объединения нет.

⁸⁴ ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 2–3.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 45.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 235–236.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 33 об., 84 об.

⁸⁸ Наказная память гонцу в Турцию Т. Губину, июнь 1521 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 169 об.

⁸⁹ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom... P. 341.

ли — «изменники»⁹⁰. Как показал К. Ю. Ерусалимский, «Изна» как категория посольского дискурса удобна тем, что намечает в любом конфликте “обратную перспективу”, объединяя все добродетели в лице законного государя и все зло в образах его противников»⁹¹. Большинство карательных акций московских войск, направленных на низложение местных династий, согласно политическому дискурсу того времени, были вынужденными — наказанием за их предательство. Это распространялось как на русские, так и нерусские территории. Официальной мотивацией похода на Новгород 1471 г. была борьба с вероотступничеством — православные новгородцы хотят податься под власть короля-католика, надо не дать им погубить свои души!⁹² В 1472 г. «за ее неисправление» взяли Пермь⁹³. Ликвидация Великого княжества Тверского в 1485 г. также была наказанием за попытку союза с Литвой, предающего интересы Руси⁹⁴.

Покорение Казани в 1552 г., с точки зрения московских летописцев, являлось карой за измену — после победы 1487 г. Россия считала назначение правителей ханства исключительно своей прерогативой⁹⁵. Казанцы изменили, воспользовавшись малолетством Ивана IV, и поэтому справедливо наказаны государевой ратью. Мало того, живший в ханстве народ черемисов был объявлен потомками... беглой ростовской черни, бежавшей от крещения⁹⁶. Подобная трактовка была частично принята даже в мусульманских государствах: согласно донесению русского посла в Крым А. Нагого, хан считал, что Грозный взял Казань «по делу», потому что казанцы ему «грубили и дани не давали»⁹⁷. Взятие Астрахани в 1556 г. оказалось возмездием за измену марionеточного хана Дербиша-Али.

Завоевания в Ливонии, согласно московскому политическому дискурсу, также велись в ответ на «измены» ливонских городов. Поход 1560 г. на Ливонию расценивался как карательный, «за измену» в ответ на нарушение ливонцами полугодового перемирия на месяц раньше срока⁹⁸. В наказе А. Нагому в 1563 г. говорилось, что «ливонские немцы» «изстари» холопы великого князя, но в его воле быть не захотели. Поэтому он и обрушил на них свой гнев и рать. При этом Бог помогает русскому царю наказывать предателей⁹⁹. В наказе послу в Крым Б. Шапкину в 1570 г. о русском походе в Ливонию говорилось, что это государь карает изменников, которые вступаются за его недругов¹⁰⁰. Война с Литвой, вступившейся за Ливонию, также началась из-за измены. Ливонские городки предали Ивана IV и «приложились» к Сигизмунду, и теперь Бог русскому царю дарует свое милосердие, «побарая на изменников»¹⁰¹.

⁹⁰ О концепте измены в практике посольских служб см.: *Ерусалимский К. Ю.* История на посольской службе... С. 678–681.

⁹¹ Там же. С. 679.

⁹² ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 163; СПб., 1910. Т. 23. С. 159; Т. 27. С. 130, 277, 351.

⁹³ ПСРЛ. Т. 8. С. 169; Т. 23. С. 160; Т. 27. С. 278.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 216; Т. 23. С. 162.

⁹⁵ Наказная память гонцу в Турцию Т. Губину, июнь 1521 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 170 об., 171 об.; Наказная память гонцу в Турцию А. Кузьминскому, март 1571 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 163 об.–168.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 12.

⁹⁷ Большой разговорный список от Афанасия Нагого, присланный с Андреем Мясным, от 13 мая 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 236 об.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 323.

⁹⁹ Наказ послу в Крым А. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 58, 58 об., Наказная память послу в Крым Е. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // Там же. Л. 279 об.; Наказная память послу в Крым Ф. А. Писемскому, апрель 1564 г. // Там же. Л. 470.

¹⁰⁰ Наказ гонцу в Крым Б. Шапкину, декабрь 1570 г. // Там же. Д. 13. Л. 386–387.

¹⁰¹ Наказная память послу в Крым Е. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // Там же. Д. 10. Л. 280; Наказная память послу в Крым А. Н. Мясному, 17 августа 1564 г. // Там же. Д. 11. Л. 114–114 об.

Мало того, ливонские правители изображались не только как изменники своим обязательствам, принятым перед Россией, но предателями по отношению к собственному народу: своей безумной политикой они губят Ливонию: «И нам ся видать умышльене ваше некрепко и земле своей недоброхоты, прибыльную рать на землю наводите и землю свою хотите пусту учинити такими наемными государи» (речь идет об обращении к датскому королю, курсив мой. — А. Ф.)¹⁰².

К 1560-м гг. дискурсивная формула модели присоединения чужих земель в Польском приказе была отшлифована до афористичности. Московский государь сажает на престол в чужой земле правителя по челобитью этой земли, зловредное население изменяет и свергает наместника, и Бог карает эту землю «за ее неправды» государевым походом¹⁰³. Впрочем, при виде московских полков население может срочно раскаяться в своей «измене» и «бить челом» великим князьям с просьбой принять в свое подданство. Так трактовалось присоединение новгородцев, тверичей, казанцев, астраханцев и даже ливонцев¹⁰⁴. В ответ государи «показывали свою милость» и «жаловали» население — приводили его к присяге «в свою волю» и давали им правителя «из своей руки»¹⁰⁵.

Впрочем, была и другая модель присоединения — добровольное «битье челом» правителя соседней земли для его принятия на государеву службу. Она описана в наказе послу митрополита Макария в Литву Савлуку Турпееву, август 1555 г.:

«А нечто вспросят Савлука: почему царь и великий князь пишется Сибирские земли повелителем? И Савлуку говорити: Сибирская земля по ряду с Казанскою землею, и как государь наш царь и великий князь взял Казань, и сибирской князь Едигер бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь и великий князь пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил. И государь их пожаловал, дань свою на них положил... а на службу ходити Едигеру князю со всеми воинскими людьми, куды государь наш пошлет. А не одна та земля к государю приложилася: ... к государю приехали черкасские князи Пятигорские, а наперед сего приезжали к государю князи черкасские Алклыч князь Езбузлуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал взял в свое имя. И государь их пожаловал, и посылал к ним посла своего Ондreja Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю правде привел»¹⁰⁶.

В Ливонии эту формулу пытались применить к Нарве (часть нарвских горожан в мае 1558 г. «била челом» на государево имя), но город вскоре был завоеван. Больше добровольцев, желающих принять подданство русского царя, в Ливонии не нашлось. Эта формула была реабилитирована только при приезде на московскую службу датского герцога Магнуса.

Можно ли при этом политику России по отношению к соседям назвать агрессивной? Если наши читатели попытались бы объяснить это сыну боярскому или посольскому дьяку XVI в., то его бы попросту не поняли. Жители Московского государства были убеждены, что они не нападают на соседей, а постоянно обороняются от супостатов. И даже поход в чужую землю — это либо возмездие за грехи соседа (см. выше — «за измену» или за былые вторжения на Русь), либо — упреждение нападения этого соседа.

¹⁰² 1558 г., августа 13. Отписка боярина и воеводы князя Петра Ивановича Шуйского с товарищами в Колывань, посадникам, ратманам, полатникам и всем людям колыванским с убеждениями добить челом великому государю, добровольно сдать город // [Барсуков А.]. Русские акты Ревельского городского архива. СПб., 1894. Стб. 121. № 70.

¹⁰³ Грамота Ивана IV Девлет-Гирею, февраль 1570 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 205 об.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 167; Т. 23. С. 195.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 191, 217, 232; Т. 27. С. 288, 359.

¹⁰⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 479–480.

Со времен формирования Русского государства в XV в., когда Русь обретала силу и величие через войну, через победу над былыми господами, сформировалось перманентное ощущение себя в кольце фронтов. Сосед — это потенциальный супостат, захватчик, враг. Правда, при Иване Грозном это кольцо оказалось прорванным, благодаря покорению Казани и Астрахани. Иван IV так мотивировал невозможность возврата Крыму бывших мусульманских юртов: сейчас «одна сабля» — Крым, а тогда будет «четыре сабли» — Крым, Казань, Астрахань, ногаи и еще «пятая сабля» — Литва¹⁰⁷. Здесь особенно интересно декларируемое ощущение себя в окружении врагов, причем условием благополучия России является слабость, поражение ее соседей. Формулы мирного сосуществования возникнут в далеком будущем... В XVI в. в Москве не очень понимали, что это такое и как вообще может быть. Любой мир — временный. А вот потенциальная опасность, исходящая ото всех вокруг, — постоянна.

Нельзя сказать, что эта позиция была порождена исключительно историческими комплексами и была безосновательна. Вспомним, что страна только 70 лет (два поколения!) как добилась эмансипации от татарской Орды. Причем с такой постановкой вопроса не все были согласны. И татарские государства Восточной Европы помнили о былом «рабском статусе» Руси, и европейцы любили говорить о генетическом «русском рабстве», вытекавшем и многовекового татарского ига¹⁰⁸, о варварском татарском наследстве в политической культуре Москвы и т. д. Политику окружающих держав в отношении России добрососедской назвать нельзя. Можно говорить об определенной ксенофобии в восприятии соседей в Московском государстве XVI в., но при этом не надо забывать, что оно существовало вовсе не в атмосфере дружелюбия и толерантности.

Стоит заметить, что русские воспринимали Европу исключительно по собственным лекалам. Была высокая внутренняя сопротивляемость любому иноземному, чужому влиянию. Поэтому «инаковости» Запада просто в упор не видели: это те же христианские люди, только испорченные латинством и лютеранской ересью. Достаточно сравнить европейские описания России с их вниманием к культуре, религии, быту, морали, экономике, военном строе «схизматиков» — и записки русских, побывавших в Европе: их совершенно не интересует окружающая среда. Они записывают только то, что узнаваемо, понятно. Остального как бы и не существует.

Очень показательны здесь статейные списки русских послов, которые в силу своего жанра должны были содержать описание иностранных дворов, дипломатического обычая и т. д. Однако же послы фиксируют только то, что вписывается в их привычную картину мира. Например, когда читаешь статейный список русских дипломатов в Священную Римскую империю 1518 г.¹⁰⁹, не покидает ощущение, что вместо исковерканных немецких имен можно подставить имена московских бояр — и, чтобы перенести действие из Избрука в Москву, более ничего делать не придется. Послы не увидели абсолютно никакой специфики, а просто поместили германских дипломатических работников на роли, чье поведение и облик были заранее расписаны в собственном

¹⁰⁷ Речь Ивана IV перед крымским послом Ян-Болдуем, январь 1574 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 180.

¹⁰⁸ Упомянем хотя бы оскорбительные пассажи Сигизмунда Герберштейна об Иване III: «Впрочем, как он ни был могущественен, но все же был вынужден повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его грсчанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 68). То есть стремление к свободе в русском правителе может проявиться только под влиянием европейской женщины!

¹⁰⁹ Статейной список посольства дьяка Володимера Семенова сына Племянникова да толмача Истомы Малого, посланных от царя Василия Ивановича к Максимилиану цесарю Римскому, в 7026 (1518) году // ДРВ. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. 4. С. 1–13.

сознании. Все, что не вписывалось в этот образ, не проникало в сознание русского посла — во всяком случае, в ту часть его сознания, которую мы можем реконструировать по имеющимся источникам.

Что думали русские дипломаты о соседних государствах во второй половине XVI в.? Ведь, как справедливо отметил С. Богагырев, Ливонская война во многом сыграла роль «открытия» Россией Запада¹¹⁰ (как и Западом России). Как это отразилось в посольских дискурсах?

Восточные соседи: Крымское ханство

В международной позиции Крымского ханства в XVI в. сочеталось желание стать преемником власти золотоордынских ханов надо всей Восточной Европой (после гибели в 1502 г. Большой Орды) с пониманием неспособности Крыма достичь этого на практике. Поэтому Гирей занимались своеобразным идеологическим шантажом: периодически предпринимали броские акции, целью которых было напомнить, «кто в регионе хозяин» — например, знаменитая выдача в 1507 г. Менгли-Гиреем ярлыка на 15 русских городов польскому и литовскому королю Сигизмунду I. Причем Крымом данное пожалование рассматривалось всерьез — в 1552 г. Девлет-Гирей подчеркивал, что Ягеллоны получили ряд городов (Киев, Черкассы, Канев, Житомир и даже Полоцк, Минск и т. д.) через «лист золотой» от татарского хана, через его «пожалование»¹¹¹.

Практической целью подобных демаршей было вымогательство так называемых «выхода», «даток» и «поминок» — крупных денежных сумм и материальных ценностей, которые везли в Бахчисарай русские и литовские дипломаты в обмен на тишину на границах. При этом необходимо подчеркнуть, что платежи носили символический характер: мнение о тождественности золотоордынской дани и московских выплат в Крым, которые якобы означали данническую зависимость от ханства, надлежит признать устаревшим и опровергнутым¹¹².

Платеж поминок татары объявляли гарантом мира в регионе. То есть, перед нами своеобразное вымогательство на государственном уровне. Очень показателен термин, которым татарские дипломаты называли грамоты, не подкрепленные соответствующими подношениями — «Что де нам в сухих грамотах?»¹¹³ Средний размер взяток, помимо шапок, шуб и т. д., в 1560-е гг. колебался от 100 до 230 рублей¹¹⁴. Впрочем, могли возникать разные казусы. Русский посол в Крым А. Ф. Нагой описывает один из них:

«Мурату мирзе также вручили грамоту твою государеву, ярлык и жалование, шапку черну червою и шубу кунью. Мурат мирза на твое государево жалование челом бьет, и шапку и шубу взял, и говорил Елизарию¹¹⁵ про шапку. Государь, де, ко мне прислал женскую шапку, и ты б мне ее обменял. А Елизарий говорил, что государь мой к тебе прислал, то я к тебе и привез»¹¹⁶.

Подобных эпизодов было немало.

¹¹⁰ Bogatyrev S. Ivan the Terrible discovers the West... P. 163.

¹¹¹ Крымский проект татарско-литовского союзного договора, 1552 // КИМ-I. № 40. С. 65–70. — В отношении ханского пожалования Ягеллонам имеется в виду ярлык 1507 г. Менгли-Гирея королю Сигизмунду I на «русские города».

¹¹² Анализ характера денежных платежей Москвы и Литвы в Крым и обзор литературы вопроса см.: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 225–271; Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 162–169.

¹¹³ Из отчета русского посла в Крым А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 319 об.

¹¹⁴ Материалы крымского посольства Ян Магмета, 1563 г. // Там же. Л. 176–188.

¹¹⁵ Елизар Девятович Ржевский, русский гонец.

¹¹⁶ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 291, 294 об.

В реальной политике Гиреев золотоордынского размаха уже нет, его следы проглядывают лишь в дипломатической терминологии, и то довольно своеобразно. Например, после удачного Полоцкого похода 1563 г. Ивана IV татары потребовали свою долю от захваченных русскими трофеями¹¹⁷. И они ее получили — Грозный отправил им «поминок полоцкий»¹¹⁸.

Страны, реально платившие Крыму деньги в XVI в. — и Великое княжество Литовское, и Московское государство, сами трактовали эти платежи достаточно своеобразно. Например, на переговорах в Москве в декабре 1563 г. литовские послы заявляли:

«... и то есть Перекопский царь государю нашему подданный, и государь наш его жалует, сукна и кони и гроши и всякую казну многую дает, подданной его, потому и жалует, свою казну и посылает».

То есть, литовцы преподнесли платеж поминков, которым Сигизмунд II откупался от угрозы нападения татар на границы Великого княжества Литовского, как королевское пожалование своему подданному! На что русские бояре заметили: «Мы того не слышали, что Перекопской царь подданной государю вашему, развее государь ваш посылает к нему казну того для, поднимая бесерменство на кристьянство»¹¹⁹. Для них этот платеж был взяткой, для того, чтобы склонить хана к нападению на Москву. Конечно, в этом диалоге сквозит определенное дипломатическое лукавство, но показательно, что платежи в Крым измеряются исключительно в категориях «откуп» — «мзда». Никто не говорит о их символическом значении как зависимости Руси или Литвы от Крыма.

Претензии Крыма на более высокий статус лежали в основном в сфере дипломатического церемониала, посольской культуры, и носили зачастую символический характер. Но здесь в лице русских дипломатов татары нашли достойных соперников — вряд ли кто другой в Восточной Европе, кроме русских, ставил ритуал выше политической целесообразности и смысла переговоров. Как пример приведем московско-крымские переговоры 1563 г., на которых решался принципиально важный вопрос — заключение русско-крымского военного союза, направленного против Великого княжества Литовского. В случае успеха Россия гарантированно выигрывала военное противостояние с Литвой, Ливонская война закончилась бы в 1563 г.

Москву больше интересовал свой статус в двусторонних отношениях с Крымом, чем перспективы антилитовского русско-крымского союза. Хотя этот союз был для Грозного необычайно важен, конструктивные предложения о совместном нападении на Сигизмунда II утонули в массе мелочных условий, которые посол А. Ф. Нагой дол-

Татары. Немецкая гравюра XVI в.

¹¹⁷ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому // Там же. Л. 69.

¹¹⁸ Приговор Ивана IV с боярами о «крымской посылке» в марте 1563 г. // Там же. Л. 16.

¹¹⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 264.

жен был соблюсти при заключении договора. Ему предписывалось добиться, чтобы хан первым присягнул на шерти и прислал больших послов, то есть чтобы выглядело, будто бы инициатива мира исходит от Крыма, а русский царь всего лишь соглашается на просьбу «брата своего». К грамотам должны были быть приложены золотые печати (как символ равенства государств). Нагому велели проследить, чтобы ни в коем случае хан не подвесил «алый нишан» — красную печать, символ подчинения.

О поминках Нагой вел мелочный торг, больше отделяваясь обещаниями несметных богатств и сравнительно скромными подарками. Поведение русского дипломата было заносчивым и вызывающим (не есть за одним столом с послами других государств, не платить никаких пошлин, мелочно жадничать в подарках и т. д.)¹²⁰. Одним словом, как это, увы, часто бывало в русских дипломатических миссиях, форма победила содержание, а сиюминутная жадность — дальновидность. Вопросы ритуала и семиотика поведения оказались важнее главной цели — достижения антилитовского союза с Крымом.

В случае заключения в 1563 г. союзного договора с Девлет-Гиреем Иван IV подчеркивал, что в совместном походе на Литву русские полки выступят как равноправные союзники, а «не на пособление царю». Москва также отказывалась прислать войска в состав крымской армии для отражения нападения на ханство извне, причем мотивировала это отговоркой: на вас, мол, некому нападать, поэтому и войск вам не надо¹²¹. Такая позиция — не дай Бог русские войска окажутся в одной армии с татарами — выглядит в высшей степени странной, если исходить из логики требования военного союза с теми же татарами. Но она абсолютно понятна, если на первый план мы поставим необходимость блюсти символический статус русского войска, а на вторую — политическую целесообразность.

Возможно, подобная странноватая позиция была обусловлена тем, что русские дипломаты трактовали ситуацию в Крыму и особенности крымской политики исключительно через призму московского политического дискурса. Крайне любопытно восприятие послом А. Ф. Нагим борьбы группировок внутри крымской знати. Он получил инструкции, что дружбе Ивана IV с ханом ранее мешали злые советники, изменники. Теперь Нагой решил, что и хану мешают плохие советники, нашептывают в уши антирусские речи приближенные. Русский посол тщательно фиксирует слух, как хан, уставший препираться со знатью, на совете 21 июля 1564 г. воскликнул: «К чему де яз на Крыму и царь, коли меня ныне дети и болшие улусные люди не слушают» (высказывание — совсем в духе Ивана Грозного в предопричный год!), и дает ему выгодную для Руси интерпретацию: хан хочет вести выгодную для России политику, да вот советники вредят. В переговорах с Ян-Магметом и Сулешем Нагой прямо сравнил этих преступников с теми, кто до 1563 г. на Руси ссорил хана с царем и был за это репрессирован Иваном Грозным. Исполненный самых добрых намерений, Нагой предложил Девлет-Гирею... свои услуги в качестве консультанта, как надлежит поступать с плохими советниками, а то в Москве на этот счет накоплен богатый опыт, наверняка неизвестный хану!¹²² Столь неожиданное предложение было воспринято, скорее всего, с недоумением, но очень показательна сама стереотипность мышления русского посла.

В то же время надо признать, что отношения России с Крымом имели свою особенность. Крым четко различал, что хан — это «царь», а правитель Московии —

¹²⁰ Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 133 об.—166 об.

¹²¹ Наказ русскому послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // Там же. Л. 86 об.—87 об.

¹²² Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // Там же. Д. 11. Л. 233, 234, 248 об.

«государь». Если вопрос о титуле был предметом постоянных дипломатических споров московских и европейских дипломатов, то позиция Крыма в отношении «царского имени» русскими молчаливо проглатывалась. Посольская служба предприняла несколько попыток утвердить этот титул в договорах с ханством, но они закончились неудачей. В 1564 г., если хан не захочет титуловать Ивана Грозного царем, было велено объяснять, «что государь наш пишет имя свое, что ему Бог дал, изобрел свое от прародителей своих, и у царя чести некоторые тем не уимает». Но если от этого вопроса зависело заключение договора — после приказывалось поступиться царским титулом: «А нечто будет Сулеш о царском имени откажет, и за тем того дела не порвати, делати и без того имени». Но при этом пригрозить, что один Бог ведает — будет та шерть «без царского имени» Ивану IV «люба или не любя»¹²³.

Впервые в русско-крымских отношениях вопрос о царском титуле был остро поставлен в 1578 г.:

«А будет не похочет царьского имени в шертной грамоте писати, а захочет писати великого князя Ивана Василевича всеа Руси, и князю Василию и Арменину о том крепко говорити, что государь наш пишет имя свое, что ему Бог дал, изобрел свое от прародителей своих и царя чести некоторые тем не уимает. И не похочет царь царским именем писати, ино то царь волной человек, с братом своим со государем нашим с царем и великим князем, кабы не хотя крепкие дружбы держати, имяни государя нашего сполна не хочет писать. И о том стояти крепко и уговоритца царь, что имя царьское в шертную грамоту напишет, ино то добре доброа. А нечто будет царь не уговоритца, имене царьского в шертную грамоту писати не велит, и о том откажет накрепко, а отнюдь будет невозможно уговорить, ино за тем того дела не порвать, делать и без царьского имени. А говорить князю Василию и Арменину, какову царь грамоту напишет, и с кем пошлет, в том ведает Бог и государь наш, люба ли государю нашему такова грамота будет. И государи наши о том, впредь послы своими сослався договор учинят. И делати о всем государево дело князю Василию, Арменину по государеву наказу, а не разорвати, чтоб дал Бог зделати»¹²⁴.

Но и тут, как мы видим, была оставлена возможность для дипломатического маневра. Таким образом, вопрос, который в отношениях с Европой выливался в титулатурную войну, здесь решался куда менее принципиально. Иван Грозный хоть и с неудовольствием, но признавал за ханом право не считать его царем — право, в котором он решительно отказывал европейским королям и был готов из-за этого воевать с Европой. То есть, какой-то атавизм зависимости от татар проглядывает даже в действиях Ивана IV.

Что же касается военных отношений, то комплекс обороны, комплекс зависимости от татарских набегов во второй половине XVI в. был уже во многом преодолен. Немалую роль здесь сыграли победы над Казанью и Астраханью, наступательные удары на Крым второй половины 1550-х гг., победа в битве на Молодях 1572 г. Русский летописец писал о походе Д. Адашева и И. Заболоцкого на крымские улусы в 1559 г.:

«Преже сего бо, от начала, как и юрт Крымской стал... руская сабля в нечестивых жилищех тех по се время кровава не бывала, ни трубе преже сего гласяще, православных воинство зывающе, ныне же государя нашего у Бога прошением и мудрым крепким разумом и подвигом и невместимое Христово чюдо вместил:

¹²³ Наказная память послу в Крым Ф. А. Писемскому, апрель 1564 г. // Там же. Д. 10. Л. 453, 454 об.

¹²⁴ Наказ посольству в Крым В. Мосальского и А. Шапилова, август 1578 г. // Там же. Д. 15. Л. 212, 214 об., 229 об.–230 об., 231.

морем его царское воинство в малых челнех полтредьти недели, якоже в кораблех, ходяще и корабли емлюще и воюючи, и воздух бо им по государеве вере к Богу служаше, и немножество воинства, на великую орду внезапно нападше и повоевав и мстя кровь христианскую поганым, здорово-отъидоша¹²⁵.

Понимание в Крыму того, что Московское государство в военно-политическом отношении принципиально отличается от поработанных Золотой Ордой русских княжеств XIII–XIV вв., знаменует реплика по адресу Ивана IV, вырвавшаяся у Девлет-Гирея в 1564 г. по поводу захвата Россией Казани и Астрахани: «А прежние ваши своей земле рады были!»¹²⁶ Можно даже говорить о сформировавшемся к концу 1560-х гг. татарском дискурсе «русской угрозы»: в Крыму опасались, что москвиты завоюют Киев, начнут ставить по Днепру города и угрожать улусам. Уже налицо все симптомы наступления России: взятие Казани, Астрахани, постройка Терского городка. С точки зрения татар, нечего восхищаться московскими подарками: в Казань русские тоже «сперва шубы слали», и чем все это закончилось?¹²⁷ Эти страхи активно подогревали литовские дипломаты, внушавшие хану, что русские хотят «спустить» его на уровень Казани, Астрахани, пятигорских черкас¹²⁸.

В то же время, несмотря на доминирующий образ крымцев как военных врагов, в контактах с Крымом в начале 1560-х гг. русская сторона всячески подчеркивала участие в боевых действиях в Ливонии на стороне Москвы татарских войск: казанских, астраханских, ногайских, а также наличие в составе командования татарских царевичей: Симеона, Кайбулы, Ибака, Шигалея и т. д. Причем действия татарских полков столь успешны, что они доходят в своих походах аж до самой Вильны¹²⁹, из Литовской земли не выходят — воюют¹³⁰. На государственной службе «... в литовской земле казанских людей одних с пятьдесят тысяч oprичь русских людей»¹³¹. Таким образом, Москва пыталась объединить татар и русских через дискурс совместной службы, побарания на общего врага.

Аналогичные аргументы использовались и в отношениях с Турцией: султану надлежало рассказывать, что в Российском государстве «многие мусулманские веры люди живут». В Касимове сидит Саип-булат царь, городом Юрьевом владеет царевич Кайбула, г. Романовом — ногайский мурза Ибреим¹³². Но апелляция к этой идеологической установке не принесла особого эффекта.

Роль Крымского ханства в Ливонской войне и принципы его восприятия русской посольской службой важны для изучения нашей темы в двух аспектах. Во-первых, отношения с Крымом неплохо документированы и дают нам материал для понимания многих принципиальных аспектов русской политической культуры в целом. Во-вторых, Крым имел большое значение в международных отношениях второй половины XVI в. как организатор и участник знаменитого «крымского аукциона», политического торга в рамках неустойчивого треугольника «Крымское ханство — Россия — Великое княжество Литовское». Этот «фактор Востока» влиял на происходящее на всей территории Восточной Европы, в том числе в Прибалтике.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 319.

¹²⁶ Грамота Девлет-Гирея Ивану IV от мая 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 317.

¹²⁷ Выдержки из отчета А. Ф. Нагого в приговоре царя с Боярской думой, 29 ноября 1567 г. // Там же. Д. 13. Л. 66 об.–67.

¹²⁸ Из отчета русского посла в Крым А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // Там же. Д. 10. Л. 324 об.

¹²⁹ Наказная память А. Н. Мясному, 17 августа 1564 г. // Там же. Д. 11. Л. 109 об.–110, 112.

¹³⁰ Наказ гонцу в Крым Байберею, октябрь 1564 г. // Там же. Л. 158.

¹³¹ Наказная память послу в Крым Е. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // Там же. Д. 10. Л. 277 об.

¹³² Наказ посольству Л. Новосильцева, ноябрь 1569 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

Бывшие восточные соседи: Казань и Астрахань

Покорение Казанского (1552) и Астраханского (1554–1556) ханств считалось наивысшим успехом русской дипломатии и оружия при Иване Грозном¹³³. В январе 1553 г. в наказе послу в Литву гонцу Н. Суцеву о взятии Казани в грамоте панам рад говорилось так:

«...которой бусурманской род из Казани ото многих лет христианскую кровь проливал и государю нашему до его возрасту многую досаду делал, и тот бусурманской род Казанской, Божиено милостию, государя нашего саблей померли, и на Казани ныне государь наш своих наместников и воевод учинил, и православною верою христианскою место то бусурманское обновил, мечети разбив, церкви учинил, и христьянскою верою Божие имя в том месте ныне славитица, и та земля вся на государя нашего уста смотрит, и с государя нашего государством поспол учинена, а царь казанской Едигер, и всех уланов и князей и лутчих людей жены и дети полною к Москве приведны. И мы о том Богу хвалу воздаем, дай Боже нам и вперед видети, чтоб и иным бусурманским родом христьянская кровь отомстилась»¹³⁴.

Торжество православного царя Ивана IV над казанским ханом Едигеем.
Миниатюра «Казанской истории».

¹³³ Мы оставляем в стороне вопрос об идеологическом значении покорения этих ханств, отсылая к довольно значительной историографии данного вопроса: *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 177–202, 264; *Keenan E.* Muscovy and Kazan: Some introductory remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // SR. 1967. Vol. 26. P. 548–558; *Pritsak O.* Moscow, the Golden Horde and the Kazan khanate from a Polycultural point of View // Ibid. P. 577–583; *Shevchenko I.* Moscow's Conquest of Kazan: Two views reconciled // Ibid. P. 541–547; *Pelensky J.* 1) Muscovite imperial Claims to the Kazan khanate // Ibid. P. 559–576; 2) Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). Hague, 1974. P. 65–138; *Kampfer F.* Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen historiographie // FOG. 1969. Bd. 14. S. 7–161; *Ерусалимский К. Ю.* История на посольской службе... С. 699–705.

¹³⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 372.

В наказах русским дипломатам с конца 1550-х гг. было велено говорить, что Казань и Астрахань в государевой воле, церкви стоят, наместники сидят, люди послушны, и ходят в походы вместе с русским государем, куда он пошлет¹³⁵. Казань:

«...во всей государьской воле, церкви в городе и по уездом многие поставлены, и в городе и на посаде все русские люди живут, и многие земли пожаловал государь, раздавал княжатам и детям боярским помещиком в поместья, а ясячные люди приезжают в город в ясаки, а в городе не живут»¹³⁶.

Большие и средние казанские люди выведены на поместья в Московском, Новгородском и Псковском уездах. При этом новые татарские помещики «укреплены по крестьянскому закону»¹³⁷.

Присоединение татарских «царств» закрепляло царский статус власти Ивана Грозного: на него как бы переходила ханская («царская») власть. Этот аспект неоднократно отмечался в научной литературе. Недаром второй короной русского государя, после шапки Мономаха, считалась «шапка Казанская»¹³⁸. Судьба татарских государств была предметом гордости и хвастовства русских дипломатов всю вторую половину XVI в., а также примером, к которому они часто и охотно апеллировали: смотрите, что бывает с государствами, которые не слушают русского царя!

Великое княжество Литовское: православные соседи или «нехристи»?

Данный вопрос звучит тем интереснее в отношении Великого княжества Литовского, значительная часть населения которого в XVI в. исповедовала православие, говорила по-русски (в диалектном варианте) и использовала русский язык в делопроизводстве. Тем не менее, и Литва, и Россия относились друг к другу подозрительно и враждебно. Точку зрения, будто бы православное население Великого княжества в силу только одного религиозного единства поддерживало Московию, следует признать историографическим мифом: в работах последних лет убедительно показана небесспорность этого положения, порожденного презентизмом эпохи Российской империи, но не реалиями XVI в.¹³⁹

Между тем, московские польско-литовские посольские книги (РГАДА. Ф. 79: Сношения с Польшей) полны обвинений Великого княжества в нехристианском поведении, сотрудничестве с Дьяволом, покушении на православие, злодейском пролитии христианской крови. Таких инвектив гораздо больше, чем в крымских или турецких посольских книгах. Приведем несколько характерных примеров.

В апреле 1559 г. на переговорах с Данией А. Д. Басманов заявил, что литовский король, «ненавидя христианство», «радуется розлитою его крови, и з бусурманскими государи всегда на христианство стоит». Спор Ивана IV и Сигизмунда II

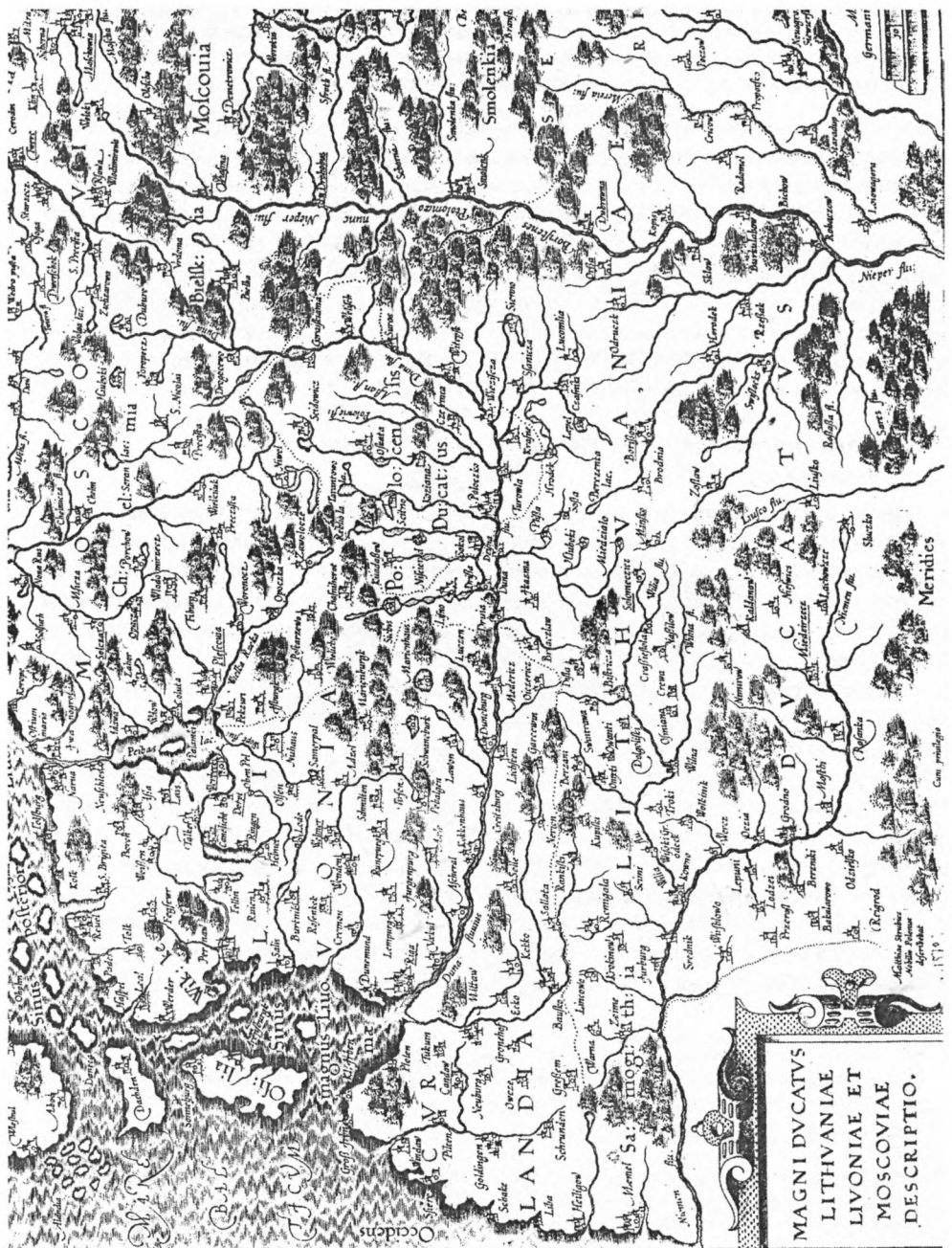
¹³⁵ Наказ послу в Великое княжество Литовское Р. Алферьеву, февраль 1558 г. // Там же. С. 542; Наказ послу в Великое княжество Литовское Р. Пивову, май 1559 г. // Там же. С. 583; Наказ послу в Великое княжество литовское Н. Сущеву, апрель 1560 г. // Там же. С. 616; etc.

¹³⁶ Наказная память послу в Крым Е. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 277 об.

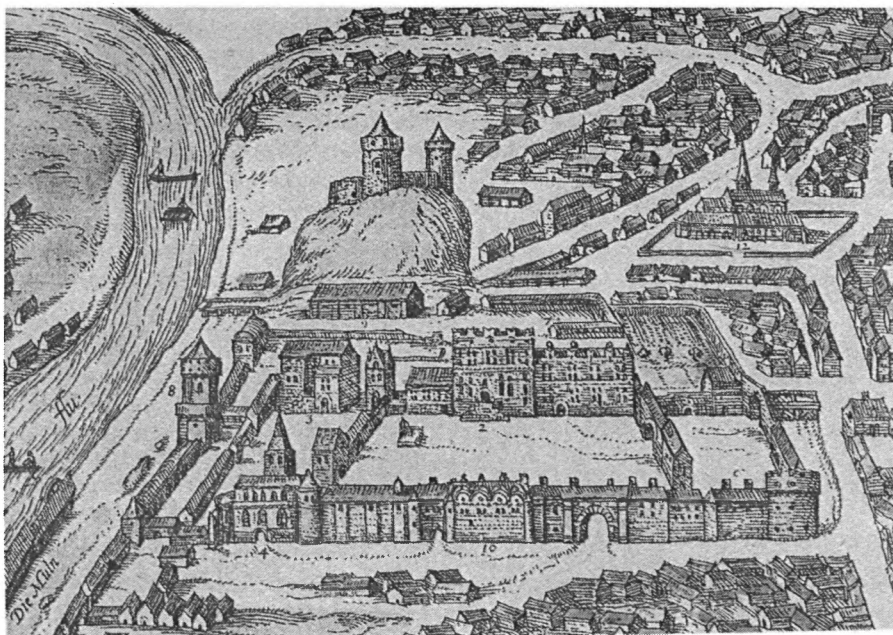
¹³⁷ Наказная память Семену Бортеневу, июль 1565 г. // Там же. Д. 11. Л. 409; Грамота от имени Ивана IV русскому послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1566 г. // Там же. Д. 12. Л. 177 об.

¹³⁸ *Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Короны русских царей — памятники татарской культуры // Казань. Москва. Петербург. Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 40–51; *Лаврентьев А. В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире в Средние века: К 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008. С. 99–117.

¹³⁹ *Крам М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI века. М., 1995. С. 7–26, 101–118, 171–198.

Карта Великого княжества Литовского. Из книги М. Кромера. XVI в.

Вильно. Великокняжеский дворец. Гравюра XVI в.

переносился тем самым в плоскость противостояния божественных и дьявольских сил, поскольку его должен «разсудить милосердный Бог»¹⁴⁰. Аналогичные обвинения звучали и на русско-датских переговорах июля 1562 г.: литовский король подкупает крымского хана «нападать на христианство», а главным заступником христиан выступает Россия, которая бьет «врагов Христа», и татары бегут «с великим срамом». Москва поэтому теперь имеет право напасть на Литву как на врага истинной веры¹⁴¹.

Вмешательство в конфликт Литвы трактовалось русской стороной как клятвопреступление и нарушение Божественного порядка. В грамоте к Сигизмунду II от апреля 1560 г. Иван IV писал, что король позабыл «свое с нами перемирье и крестное целованье». Но в этом виноват не Сигизмунд II, а люди, «которые тебе брату нашему и всему твоему государству добра не хотят». Королю советовали прозреть: «Светильник бо телу есть око, аще око темно будет, все тело всеу шествует и в стремнинах разбиваетца и погибает»¹⁴².

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

¹⁴¹ Из речей русских дипломатов на переговорах июля 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 155–155 об.

¹⁴² Сб. РИО. Т. 59. С. 609–610. — Цитируется Евангелие: *Мф. 6: 22; Лк. 11: 34*. Полностью данный отрывок с контекстом звучит так: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» (*Мф. 6: 22–25*). Смысл обвинения, возводимого на Сигизмунда II — нельзя одновременно быть христианином и воевать против христиан. К себе Иван Грозный этот тезис не применял, считая своих врагов неправильными христианами. Впрочем, то же можно сказать и о европейских противниках России, для которых русские тоже были неправильными христианами — схизматиками...

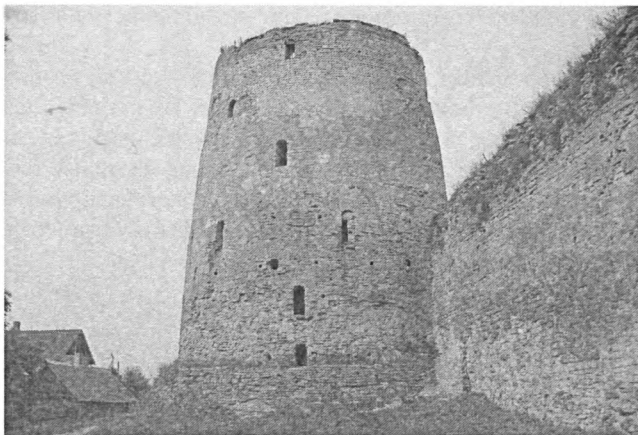
Эта аттестация жителей Великого княжества Литовского как нехристей за их вмешательство в конфликт получила в ходе войны дальнейшее развитие. В январе 1569 г.:

«...князь Олександр да князь Иван Полубенские, пришедши некрестьянским обычаем, через твое слово брата нашего и через нашу опасную грамоту на твои послы брата нашего, сослався с нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригородок во псковской в Изборск с нашими изменниками въехали и город Изборск на тебя брата нашего засели и вере крестьянской ругательство учинили».

Город был вскоре отбит русскими войсками, что вызвало возвышенную реакцию царя, отразившуюся в его обличительном послании к Сигизмунду II от 24 февраля 1569 г.:

«Трисолнчное же Божество, ниже славимое, ниже разделяемо, яже вся свыше зря, и якоже речет апостол: никто же приемлет честь о себе, токмо названный от Бога, ему ж бо хочет, власть Бог дает, нам рабом своим поклонником истиннаго православия по своей милости и бояр наших и воевод к нам прямою службою, Изборск, якоже плен Сиона от Вавилона, возврати нам, в руки дал к древнему нашему достоянию ко Пскову во утвержение разумнаго Иерусалима, матери градом, во верный Сион со судбою бо спасется пленение его, и истрыютца нечестивыи и благочестия воспроведание и иконного поклонения крепость, Божию благодатью сие совершись, потребляя вся коварства лукавая»¹⁴³.

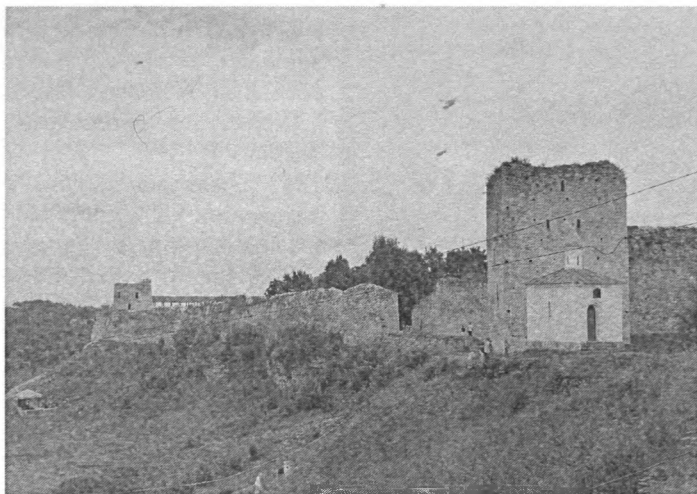
Исходя из вышеприведенных источников, выглядит сомнительной позиция Н. Ангерманна, считавшего одной из причин боярской оппозиционности Ливонской войне то, что она велась против «христиан». Исследователь некритически воспринял русские дипломатические заявления о нежелании «рознития христианской крови» и всерьез прочел декларации о родстве христианских народов и государей. Он считал осуждение царя за нападение на братьев по вере одной из причин сопротивления московской знати своему государю. Главным идеологом такой позиции Ангерманн называет Сильвестра, «игравшего роль посредника в распространении западных культурных влияний», и частично «симпатизирующего Западу» князя А. М. Курбского¹⁴⁴.

Башня Вышка Изборской крепости. Фото 2010 г.

¹⁴³ Сб. РИО. Т. 71. С. 588–589. — В феврале того же 1569 г. в грамоте крымскому хану Девлет-Гирею в ответ на угрозы нападения на Астрахань Иван Грозный писал: «А что еси брат наш писал высокие слова, ино то в Божиих руках, Бог дает власть ему ж хочет, всякий победитель живет о Бозе, а не о своей силе» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 208). Таким образом, в конце 1560-х гг. царь стойко ощущал себя единственным находящимся под Божьим покровительством в войнах с любыми врагами, будь то литовцы или татары. «

¹⁴⁴ Angermann N. Studien zur Livländpolitik... S. 80–81, 86, 95.

Башни Луковка и Талавский захаб Изборской крепости. Фото 2011 г.

Сходная точка зрения была подхвачена в недавних исследованиях А. Л. Хорошкевич. Она создала концепцию боярской оппозиции политике царя Ивана Грозного. В сфере внешней политики, по мнению Хорошкевич, миролюбивые бояре противостояли агрессивным устремлениям царя. Одним из главных «доказательств» этой гипотезы как раз является тезис о влиянии на русскую внешнюю политику христианской нравственности через попа Сильвестра. В качестве аргумента Хорошкевич ссылается на запись в посольской книге о русско-литовских переговорах 1549 г., в которой говорится, что бояре согласились продлить перемирие с Литвой, не желая пролития «христианской крови». По ее мнению,

«...ни в предшествующих (XV – первая половина XVI в.), ни в последующих (вторая половина XVI – XVII в.) сообщениях посольских книг подобной аргументации внешнеполитической деятельности Боярской думы — нравственной, религиозной (а не прагматической) — не встречается»¹⁴⁵.

В том, что данное высказывание некорректно и не соответствует действительности, убеждают десятки примеров из посольских книг. Приведем слова от имени главного противника «христолюбивых бояр», Ивана Грозного, из грамоты от 21 ноября 1565 г., отправленной к Сигизмунду II, с предложением прислать больших послов для заключения мира или перемирия. Послание было густо насыщено христианской риторикой: царь по боярскому челобитью («били нам чолом и говорили и нам думали, штобы мы с тобою, братом нашим, похотели брагъства и доброго пожитья и згоды») гоудов пойти на мир во имя спасения и благополучия всех христиан,

«...ино мы, как и сели есьмо от всемогущия Божия десницы в Троицы певаемого Бога... как есть Господари правые хрестианские истинною верою сия, за все порученьную нам паству от Божия помощи строим и осмотрением своим оберегаем от всякия незгоды и разлитья крови хрестианское от всех стран, и к покою хрестианскому приводим и от розлитья крови хрестианское умаляем»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений... С. 76.

¹⁴⁶ Грамота Ивана IV Сигизмунду от 21 ноября 1565 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 318–325; КРМ-И. С. 251–252. № 167.

Приезд литовских послов. Миниатюра
Лицевого летописного свода, XVI в.

Высокая риторика активно использовалась не только Россией, но и ее соседями. В первом послании гетмана Г. Ходкевича юрьевскому наместнику боярину И. П. Федорову от 10 сентября 1562 г., жалуясь на нападение шведов, литовец писал: «...ино Бог милостивый и справедливость государя моего по малом часу тое ему отомстит и отдаст по достоинию его. Бог Господь гордым а на крови христьянское пролитье подвизающимся противит, а смиренным дает благодать» (как мы видим, даже наиболее часто используемые цитаты у русской и литовской сторон схожи). Федорова призывали к его набожности и склоняли быть миротворцем «по евангельскому словеси»: «блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутца». Предлагалась новая концепция причин войны: в ней виноваты лихие люди, поссорившие государей. И вся надежда на истинных слуг Бога, которые наведут монархов на «добро»¹⁴⁷.

В послании А. Полубенского, адресованном тому же И. П. Федорову от 18 октября 1562 г. говорилось:

«Господине Иван Петрович, здесь есмо дочасные люди и мирским царем служим и величеству их, а на вечные часы Небесному Царю, Его бо зданье есть прах и пепел¹⁴⁸, многою гордынею не превозносимся, а бо тщеславием побежатися сегосветным украшением, а оскверненными руками окровавленными телесными такого ж крестьянина и Божью тварь убивши, тым себе величества и чти добываем»¹⁴⁹.

В ответном послании от имени И. П. Федорова этот высокий стиль был подхвачен, но с иной смысловой направленностью: боярин писал, что его государь, Иван IV, «скорбя о розлитии крови кристьянские о настоящих скорбех христьянских на Бога суд полагая, по евангельскому словеси, еже не противитися злу, со смирением в терпении будучи ради христьянства»¹⁵⁰. Это «непротивление злу» выражалось в готовности Грозного по челобитью бояр принять больших королевских послов для переговоров о мире, несмотря на «великие досады» и «нехристианское поведение» Сигизмунда II.

В грамоте от 28 ноября 1563 г. от имени бояр И. Д. Бельского, В. М. Глинского, Д. Р. и В. М. Юрьевых позиция панов рады была охарактеризована с помощью обличительных аналогий из Св. Писания:

«Ино, панове, годитца каждому человеку памятовати суд Божей и смерть, и того ради, яко сесь свет преходной, подобает глаголати и писати правда, а неправдою правда не покрывати, занже Христово слово в евангелие, яко всяко слово празно, еже

¹⁴⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 69–70.

¹⁴⁸ «Он бросил меня в грязь, и я стал, как прах и пепел» (Иов. 30: 19). Ср.: Быт. 18: 27.

¹⁴⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 82.

¹⁵⁰ Там же. С. 75.

аще возглаголют человецы, воздадят о нем слово в день судный, от словес бо своих оправдишися и от словес своих осудишися, и не подобитеся реченному во евангелии: сии люди устами Мя чтут, сердце же их далече отстоит от Мене»¹⁵¹.

Сигизмунд II обвинялся в гордости, выражающейся в непризнании царского титула Ивана IV, сношениях с крымским ханом во вред христианству и «вступлении» в государеву вотчину Ливонию¹⁵². В летописи приводится следующая мотивация нападения на Сигизмунда II в 1561 г.:

«...за его многие неправды и неисправления, наипаче же горя сердцем о святых иконах и о святых храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергъше, святые иконы пощепали и многая поругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставше и поправше и Люторство восприяша... а неправды же королевы и неисправление: в грамотах своих пишет ко царю и великому князю со укорением непригожие многие слова, и царское имя, что ему государю дал Бог... и король того имени сполна не описует, да он же вступается во оборону за исконивечную цареву и великого князя вотчину Вилянскую землю».

Последнее обстоятельство в глазах русских особенно дискредитировало Сигизмунда II, потому что Грозный карает в Ливонии отложившихся от него изменников, а польский правитель мешает свершению Божьей справедливости. Король напал на Тарваст, сажает в ливонских городах своих людей, называет Ливонию своей землей и наводит крымского хана на Русь¹⁵³.

Очень примечательна грамота И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского с известием о падении Феллина, отправленная 29 августа 1560 г. в Ревель с предложением добровольной сдачи. В ней говорится, что русские воины чувствовали себя в Ливонии творцами Божий суд по «правде» своего государя:

«Божиею волею и Его праведным судом и государя нашего царя и великого князя Ивана правдою пред ваши маистры, князи Ливонские земли за их неисправление город Вилян взяли и маистра князя Вилема Фюрстенберха и наряд весь. А заморских и посадцких людей по их челобитью из города выпустили со всем, опричь ратного оружья. *И мы таких Божиих великих даров не таим, хвалу Богу воздаем, и вам ведомо чиним.* Доколе вам на себя гнев Божий наводити и государя нашего на Ливонскую землю зиме и лете? Грады ваши многие поиманы, а иные разорены, люди многие побиты, и земля пуста учинена. И мы, как есть крестьяне, уповая на Бога совет, добро и даем вам, ещо пишем к вам приятное слово, щадя и жалуя, чтоб достальных немецких людей неповинных с повенными кров не лилася, и конечного б себе разореня не дождали, государю царю били челом и на его волно далися»¹⁵⁴.

Призыв Сигизмунда II к шведскому королю выступить против Ивана IV в 1561 г., как следует из речи И. Д. Бельского на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г., был воспринят как противопоставление России и христианского мира (что действительно содержалось в письме). В ответ последовал целый манифест в обоснование войны с Литвой как христианской войны:

«Мы... полага упование на всемогущаго Бога, певаемого в Троицы, волю, и на пречистую Богоматерь, на христианскую заступницу надеяся, и боговидных ангел хранение и заступление, и на всех святых молитвы надеяся и призывая в помощь, также всего освященного собора истинных священников всего Российскаго

¹⁵¹ Мф. 15: 8 или Мк 7: 6. — Этими словами в Евангелии обличали лицемеров.

¹⁵² Сб. РИО. Т. 71. С. 105–109, 112, 114.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 345–346.

¹⁵⁴ Грамота И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского в Кольвань (Ревель) от 29 августа 1560 г. о взятии русской армией Феллина и с предложением сдаться // НИОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). Оп. 1. № 44. Л. 21.

царствия и на родитель своих благословение и молитвы уповая, и всего православного христианства молитвы в помощь призывая, вооружився всеоружием непобедимым крестным, данным от Бога правовеверующим царем за православную истинную и непорочную хрестьянскую веру и за благостояние святых Божиих церквей и за всех православных христиан, данных нам по всемогущаго Бога воле во обладании и в устроение, против брата своего за его неправды помыслили есмя стати и всего православного христианства и свои обиды мстити, и всему православнаго христианства воинству велели есмя вооружатися»¹⁵⁵.

12 апреля 1562 г. из Москвы был отпущен литовский посол Баркулаб Корсак с царской грамотой королю Сигизмунду II. Она была обильно наполнена цитатами из Св. Писания: для осуждения многих проступков короля была найдена соответствующая библейская сентенция. Так, попытка выступить посредником в переговорах между Россией и Швецией была прокомментирована следующим образом: «...буде и в том своей неправды не смотришь, да вопиет пророческое слово: “Обличю тя и представлю пред лицом неправды твоя. Разумейте же вси забывающии Бога, да некогда похитит и не будет избавляй”»¹⁵⁶. Отказ Сигизмунда II продлить перемирие, который привезло посольство В. Тишкевича, также был охарактеризован высказыванием пророка:

«Возлюбил еси злобу паче благостыня и неправду неже глаголати правду»¹⁵⁷, и умыслом ненавидцов добра хрестьянского, хвалящихся в злобе твоей, якоже рече пророк: “Беззаконие весь день, неправду умысли язык твой”¹⁵⁸.

Литовский посол Тишкевич назван «бритвой изощренной злобы», а король «...усты в мале являющагося во тишину хрестьяном, сердцем же на хрестьян меч воздвигающа».

Послание завершалось гневным заявлением:

«Всю есмя неправду в тебе достаточне осмотрили и противу твоей несправедливой душевной хитрости положили есмя на всемогущаго Бога волю: Тот по твоей неправде воздаст тебе яве, занже уста твоя умножиша злобу и язык твой соплеташе мщениа»¹⁵⁹, и лук свой напрягл еси и уготовал сосуды смертными, сего ради всемогий Бог, праведный судия, всех сотворитель, своими неложными усты рекл есть: “В ню же меру мерите, возмеритца вам, и им же судом судите, судят вам”¹⁶⁰, и то свое праведное мерило утвержая рекл есть: “Небо и земля мимо идет, словеса ж моя мимо не идут”¹⁶¹»¹⁶².

Обращает на себя внимание изменение риторики в документах русско-литовских отношений в начале 1560-х гг. И католический король, и православный царь активно призывали друг друга быть «подлинными христианскими государями», причем это не связано с вопросами веры — ни тот ни другой не выражают, по крайней мере в адресованных друг другу посланиях, ни малейших сомнений, что его контрагент —

¹⁵⁵ Из речи И. Д. Бельского на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 244.

¹⁵⁶ Цитируется Псалтырь: «Изобличу тебя и представлю пред глаза твои [грехи твои]. Уразумейте это, забывающие Бога, дабы Я не восхитил, — и не будет избавляющего» (Пс. 49: 21–22).

¹⁵⁷ Антитезис высказыванию Псалтыри: «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих» (Пс. 44: 8).

¹⁵⁸ Полностью цитата звучит так: «Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши — беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду» (Ис. 59: 3).

¹⁵⁹ Ср.: «Грешнику же говорит Бог: Что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься; уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство; сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветнешь» (Пс. 49: 16–20).

¹⁶⁰ Рим. 2: 1.

¹⁶¹ Лк. 21: 33.

¹⁶² Грамота Ивана IV к королю Сигизмунду II Августу, апрель 1562 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 49, 60–63.

христианин, а не «латин» или «схизматик». В последней плоскости спор вообще не ведется. Речь идет об этике поведения подлинного христианского монарха.

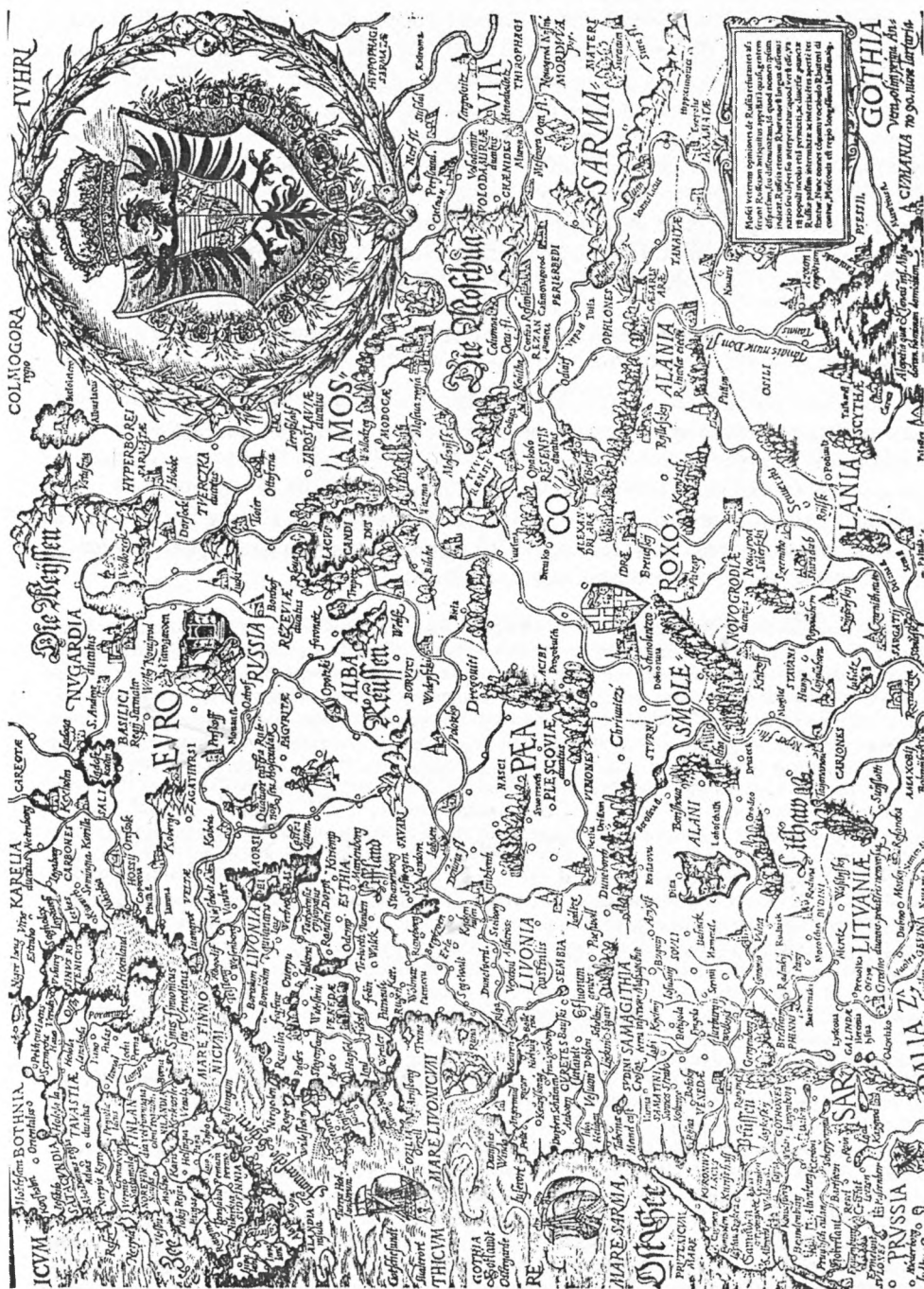
При этом задан высокий контекст, в который помещаются современные события: они измеряются библейской мерой, сравниваются с оценками пророков и деяниями героев древней и церковной истории. В меньшей мере этот пафос присутствует у Литвы, но в гораздо большей — у русских дипломатов, причем он нарастает. Это — новое явление для посольских сфер (ранее подобные случаи были далеко не столь масштабны). И данный процесс совпадает с формированием в российской мысли историко-идеологической концепции Святорусского царства, наиболее рельефно воплощенной в Степенной книге в начале 1560-х гг. Великое княжество Литовское выступало примером государства, которым правят неправедные, антихристианские правители, что неизбежно накладывает отпечаток и на их подданных. Поэтому если даже они исповедывают православие — все равно это неправильные православные, которым нельзя доверять.

Великое княжество Литовское и Русское vs Государство всея Руси¹⁶³

Отношения Российского государства и Великого княжества Литовского осложнялись проблемой территориального и исторического наследия Киевской Руси. В состав Великого княжества Литовского в XIV–XV вв. входили Волынские, Киевские, Черниговские, Северские, Переяславские, Туровские, Минские, Полоцкие, Брестские, Смоленские земли Древнерусского государства. В конце XV – начале XVI в. Москва военным путем отторгла часть территорий (Северщину, Черниговщину, Смоленщину), что еще больше обострило взаимоотношения сторон¹⁶⁴.

¹⁶³ Хотя Великое княжество Литовское с 1385 г. находилось в династической унии с Королевством Польским, на Руси эти государства воспринимали скорее раздельно. Русские дипломаты понимали, что обе страны подвластны одному королю, но в то же время Польша была чем-то более далеким и малозначимым. Во многом это было связано с тем, что московская проблематика целиком была в ведении посольских служб в Вильно. С Краковом просто почти не приходилось иметь дела. Литовские дипломаты отказывались решать вопросы, относящиеся к Польше, чем в глазах русских дистанцировали эти государства. Например, в декабре 1563 г. на переговорах в Москве Россия предъявила претензии на земли, в том числе Брест, Галич, которые уже отошли от Великого княжества Литовского к Польше. Литовские послы отказались обсуждать проблему польских городов, мотивируя тем, что они — «литовская рада». «И бояре говорили: государь ваш пишетца королем польским и великим княжеством литовским, и те ведь оба государства за государем вашим... И послы говорили: то государство особное, там росправа и рада иная». Решать вопрос о польских городах могут только другие гонцы, специально от польской рады (Сб. РИО. Т. 71. С. 268). Образование Речи Посполитой в 1569 г. было тщательно отслежено русской посольской службой: «А в единанство король ляхов с литовскими паны привел, и присяга меж ими была, один не присягал виленской воевода. А единанье их в том, что им стояти ото всех украин заодин: ляхом литве пособляти, а ляхом литве пособляти без пенязей, а вотчинам и уряду быти в Литовской земле по старому, как было наперед того» (Из списка речей Вислого Булгакова, приехавшего из Литвы, от 5 февраля 1570 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 625). Но оно мало изменило отношение Литвы, а влияние Польши выразилось в основном в увеличении количества польских войск на фронтах Ливонской войны. Поэтому далее в книге мы будем говорить в основном о Великом княжестве Литовском.

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993; *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Славяноведение.* 1993. № 2. С. 42–66; *Александров Д. Н.* Южная, Юго-западная и Центральная Русь в XIII–XIV вв. и образование Литовского государства. М., 1994; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI w. Poznań, 1995; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995; *Дзмітрачкова П. Ф.* Беларусь у складзе ВКЛ (другая палова XIII – першая палова XVII стст.). Могилёў, 1996. Ч. 1; Могилёў, 1997. Ч. 2; *Белы А.* Хроніка Белай Русі: Нарыс гісторыі адной географічнай назвы. Мінск, 2000; *Старостенко В. В.* Становление национальной самосознания белорусов: Этапы и основополагающие идеи (X–XVIII вв.). Могилев, 2001; *Błaszczak G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań, 2002; *Марзайко І. А.* Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Могилёў, 2003; etc.

Карта Великого княжества Литовского Каспара Вопеля. XVI в.

Расценивали ли современники Ливонскую войну как звено многолетней борьбы Русского государства против Литвы за воссоединение русских земель? Или этот дискурс — изобретение историков Нового времени? Что понималось в XVI в. под объединением «всёя Руси»? Обратимся к посольским документам.

Здесь необходим некоторый экскурс в историографию. Со времен Н. Г. Устрялова в российской историографии господствует представление, будто бы политика объединить всю Русь, «в том числе Литву как Русь», велась уже Иваном Калитой (1325–1340), а со времен Дмитрия Донского (1359–1389) московские государи «постоянно выражали мысль, что Литовское княжество, за исключением Литвы, т. е. не более 12-й части его, есть родовая их отчина»¹⁶⁵.

Общим местом многих работ, особенно российской историографии имперского и советского периодов, является постулат о войнах Московского государства с Литвой за пограничные земли как проявление широкой политической программы воссоединения русских земель в качестве бывших земель Киевской Руси в рамках единого Русского государства. Время формирования этой программы историки относят к правлению Ивана III (1462–1505) и видят ее воплощение в титуле *всёя Руси*¹⁶⁶. Реализацию данной программы исследователи относят к серии русско-литовских пограничных (т. н. «порубежных») войн конца XV – начала XVI в.¹⁶⁷

Некоторые авторы склонны видеть проявление концепта *всёя Руси* в Ливонской войне, которую они называют «войной за воссоединение русских земель»¹⁶⁸ или «борьбой Москвы и Вильно за земли Руси», определяющей характер международных отношений в Восточной Европе начиная с 1530-х гг.¹⁶⁹ Видимо, одним из первых данную мысль сформулировал Е. Ф. Шмурло, который писал: «Продвигаясь к Балтийскому морю, посылно разрешая задачу культурную, Иван IV практически подходит к другой проблеме: воссоединению *Зарубежной Руси*»¹⁷⁰.

По мнению Е. Ф. Шмурло, Ливонская война, которая шла за объединение русских земель, быстро переросла из локального столкновения Москвы с ВКЛ в масштабную войну с Польшей, «благоприятный для поляков исход этого состязания породил у Батория и Римской курии грандиозный план завоевания всего Московского царства»¹⁷¹. Но особого развития данный тезис не получил. Его заслонило понимание Ливонской войны как борьбы за выход России к Балтийскому морю. Следы данной идеи, правда, вывернутой наизнанку, можно обнаружить в современной белорусской историографии. В работах отдельных ее представителей отчетливо проявляется тенденция представить Ливонскую войну как агрессию России против Великого княжества Литовского — предшественника современного белорусского государства¹⁷².

¹⁶⁵ Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? Сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте в Главном педагогическом институте 30 декабря 1838 г. СПб., 1839. С. 20, 21.

¹⁶⁶ Хорошкевич А. Л. Отражение представлений о регионах государства всёя Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // FOG. 2004. Bd. 63. С. 106; *Ерусалимский К. Ю.* История на посольской службе... С. 706–707.

¹⁶⁷ Обзор см.: Волков В. А. Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М., 2001.

¹⁶⁸ Обзор зарубежной историографии см.: Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984 [Acta Universitatis Upsalensis. Studia Historica Upsaliensia. Bd. 134]. S. 6–10.

¹⁶⁹ Бобышев В. И. Международные отношения в Восточной Европе в 30–80-е гг. XVI в. / Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Минск, 2001. С. 16.

¹⁷⁰ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Русь и Литва. СПб., 1999. С. 86.

¹⁷¹ Там же. С. 10–11.

¹⁷² Янушкевич А. М. 1) Инфлянцкая вайна 1558–1582 г. у савецкай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны агляд. 1999. Т. 6. Сп. 1–2 (10–11). С. 222–243; 2) Инфлянцкі напрамак знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў сярэдзіне XVI ст. // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы междунар. научн. конф. Минск, 2002. С. 126–134.

В своей книге 2006 г. я пытался обосновать гипотезу, что дискурс *всей Руси* и его воплощение как в титулатуре, так и в политической практике на протяжении времени *менялись*. Его семантика с XIV по XVI в. претерпела эволюцию от толерантной идеи духовно-религиозной общности (близости понятий «русский» и «православный») до конфронтационной политической идеологии (борьбы за «государеву вотчину», отрицание близости с православными русинами ВКЛ и отношение к ним как к врагам)¹⁷³.

Для России принципиальный спор о принадлежности земель бывшей Киевской Руси был воплощен в концепте «вотчины»¹⁷⁴. Впервые тезис, что «...вся Руская земля, Божьею волею, из старины, от наших прародителей *наша отчина*», был озвучен русскими дипломатами в 1503 г.¹⁷⁵. На переговорах с посольством С. Кишки 1504 г. понятие «Русской земли» было Москвой уже раскрыто: «их [Ягеллонов] отчина — Лятская земля да Литовская... [а] вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города, которые он [Александр] за собою держит к Литовской земле, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей *наша отчина*». На этих переговорах впервые и прозвучало требование: «и коли похочет с нами брат наш и зять Александр король и великий князь быти в братстве и в любви и в прочной дружбе, и он бы нам *наши отчины*, Русские земли все, Киева и Смоленска и иных городов, кои держит к Литовской земле, отступился»¹⁷⁶.

Русская дипломатия с конца XV в. занимала принципиальную позицию: «З Божиею волею, города и земли государь наш держит за собой свою отчину, а Жигимонт король города и земли руские и ныне дрѣжит за собою государя нашего отчину»¹⁷⁷. Позиция была в высшей степени удобна: все, что мы захватываем — это наша вотчина, то есть мы просто восстанавливаем свои законные права на временно потерянные земли. При этом литовскую сторону можно было всегда держать в напряжении и заставлять умерять свои намерения постоянной угрозой предъявления претензий на Киев, Полоцк, Витебск и другие «русские» города.

О практической несбыточности данного требования прекрасно знали обе стороны, но в полемике апелляция к «древней вотчине» позволяла русской дипломатии занимать более выигрышную позицию. Декларация прав на «отчину» была в большей степени полемическим приемом, чем конкретным требованием, что, впрочем, не исключает уверенности Москвы в легитимности своих претензий.

Впервые грозное обещание присоединить «всю Русь» из уст русских дипломатов прозвучало уже при Иване IV, в 1536 г. На переговорах с посольством Я. Ю. Глебовича (декабрь 1536 – март 1537 гг.) бояре М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона-Поджогин претензии Литвы на Стародуб парировали расширительной трактовкой *государевы вотчины*:

«Ино вам гораздо ведомо, а вы ведаете ж, да не говорите, ведаете, из начала чья то *отчина*, а те города к Киеву были, и божими судьбами те города отошли было от государей наших, и опять, пак, с Божиею волею, те города пришли в руки

¹⁷³ *Филошкин А. И.* Титулы русских государей. С. 152–192.

¹⁷⁴ О концепте «вотчины» применительно к Московской Руси см.: *Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. С. 442–443; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 44–187; *Филошкин А. И.* Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 375–408.

¹⁷⁵ Материалы приема венгерского посла Жидимонта, 14 марта 1503 г. // Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 389.

¹⁷⁶ Материалы переговоров в Москве с посольством С. Глебова, 5 марта 1504 г. // Там же. С. 460.

¹⁷⁷ Речь Ивана Васильевича Шуйского на русско-литовских переговорах с участием послов Ватикана и Священной Римской империи, 25 октября 1526 г. // Там же. С. 725.

ко государю нашему, а иные еще, которые не пришли, а *впередь, как Бог станет строить, и те города-пошли Бог государю нашему...* да о том речей спорных и бранных в разговорах много говорили»¹⁷⁸.

Резкое обострение отношений случилось на переговорах 1548–1549 гг., на которых в очередной раз должно было быть продлено русско-литовское перемирие. На переговорах в Москве в 1549 г. бояр с посольством витебского воеводы С. Кишки сперва стороны традиционно обменялись взаимными претензиями. Литовцы перечислили, что «держит государь ваш за собою государя нашего отчины Новгород Великой, Псков, Торопец, Ведикие Луки, Ржеву, Белую, Смоленск, Рославль, Путивль, Новой Городок Северской, Стародуб, Чернигов, Почап, Брянск, Мглин, Дроков, Попову Гору, да и иные многие города и волости поминали имянно». На что:

«Бояре говорили: панове! Нам ваше письмо и в мысль не войдет: что есте писали, то вотчина все извечная государей наших от прародителей, а ведомо, панове, и вам гораздо, что предки государя нашего все теми города владели, да и Киевом и Вольнюю, и Полтеском, и Витебском, и всеми города русскими, а рубеж был тем городом с Литовской землею по Березину. Ино, панове, пигоже вашему государю и досталных городов русских государю нашему поступитись, потому что он те города русские держат за собою государя нашего извечную вотчину... а такие слова безлепе говорити, которому делу статися нелзе»¹⁷⁹.

О декларативном характере подобных территориальных претензий свидетельствует следующее заявление русских бояр. Они предложили литовцам обменять Киев, Полоцк, Витебск и Гомель на Смоленск, Себеж и Заволочье — постановка проблемы абсолютно нереалистичная. Посольская книга содержит запись решения Боярской думы, в которой откровенно говорится: «...и те города Полтеск и Витебск в речи того для прибавити, чтоб вечному миру статись нелзе»¹⁸⁰. На нереалистичность боярских требований обратил внимание Э. Тиберг, заметивший, что, вероятно, «стороны придавали формальным аргументам непонятное для нас значение», и их политический «торг, видимо, был ритуальным актом»¹⁸¹.

Тем не менее надлежит констатировать, что к середине XVI в. и у Литвы, и у Московии сложились определенные концепции «идеальной» геополитической конфигурации государств Восточной Европы, которые пока излагались в виде деклараций о намерениях, но в перспективе могли перейти и в плоскость политической практики. На специальном заседании Боярской думы 27 января 1549 г. было принято принципиальное решение:

«...вотчина наша извечная Киев и Вольнская земля, и Полтеск и Витебск, и иные города русские многие за королем, а Гомей отец его у нас взял в наши несвершенные лета, ино пригоже ли с королем ныне мир вечный делати? Занже, толко ныне сделати мир вечный, и вперед уже через крестное целование своих вотчин искати нелзе, занже крестного целования никак порушити не хочю. И приговорил с бояры вечного миру с королем не делати для доставанья своих старинных

¹⁷⁸ Материалы переговоров с посольством Я. Глебовича, декабрь 1536 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 74, 75, 79, 80–84.

¹⁷⁹ Материалы переговоров с посольством С. Кишки, 22 января 1549 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 274. *Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 84.*

¹⁸⁰ Материалы переговоров с посольством С. Кишки, 24 января 1549 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 276–278.

¹⁸¹ *Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 31–35.*

вотчин, а взять с королем перемирие на время. А чтоб нынешнего перемирья побольши сделати того для, чтоб как людем опочинуту и с иными недруги в то время управитися»¹⁸².

Все это свидетельствует о начале разработки в Москве концепции активной, завоевательной внешней политики. Правда, целью первого удара Великое княжество Литовское не являлось, но из решения Боярской думы следовало, что такой удар с целью аннексии спорных земель в отдаленной перспективе вполне возможен и даже планируется.

Э. Тиберг считал, что в 1549 г. были сформулированы далеко идущие территориальные претензии России, которые, однако, в ближайшие годы были дезавуированы. В Москве не хотели войны на два фронта, поэтому на время завоевания Казани, Астрахани, острых конфликтов с Крымом в 1549–1556 гг. русские стремились к миру с Литовским государством. Пока Россия не достигла пределов своего территориального расширения на восток, утверждает исследователь, она не строила планов нападения ни на Ливонию, ни на Литву¹⁸³.

Насколько крупнейшая русско-литовская война XVI в. — Ливонская (1558–1583) — может считаться кампанией по воплощению в жизнь доктрины воссоединения русских земель, в том числе входящих в Великое княжество Литовское? Стоит заметить, что по крайней мере в начале Ливонской войны, на этапе завоевания территории ордена Россия была готова отказаться от всех территориальных претензий к Литве (и даже от «киевской вотчины») в обмен на мир и военный союз с Литвой, направленный против Крыма. Москва делала такие предложения на переговорах с литовским посольством Яна Волчка в июне–июле 1558 г.¹⁸⁴, с посольством Василия Тишкевича в марте 1559 г.¹⁸⁵ В июне 1559 г. на переговорах в Вильно русский посол Роман Пивов по-новому поставил вопрос и о днепровских землях (курсив наш. — А. Ф.):

«...а будет о Днепре меж государей писма нет, в чьей он стороне, ино то он Божей, кто захочет, тот на нем стоит, а по сем время того есмь не слышали, что против Крыма Днепр королев, а нам ся видит, что Днепр государя нашего, потому что течет из государя нашего земли»¹⁸⁶.

Это было принципиальным изменением позиции. Требования возврата русских земель декларировались уже почти полвека, и 10 лет назад, в 1549 г., Москва заявила о принципиальном отказе от «вечного мира», который связал бы ей руки в будущем «поиске своих вотчин». Теперь же — в обмен на Ливонию и союз против Крыма Россия была готова «забыть» о православных единоверцах и древнерусской «вотчине Рюриковичей». В марте 1559 г. глава московских дипломатов А. Ф. Адашев отозвался о прошлых русско-литовских территориальных спорах довольно саркастически:

«...учнем у вас Кракова (sic! — А. Ф.) а Киева и Вольнскую землю, и Подолье, и Полтеск, и Витепск, и иные все города руские учнем звати готовую вотчиною государя своего, то извечная старина государей наших, как того не отдади? А вы учнете просити Смоленска да Северы, а Новгород Великой также учнете в запрос просити, и теми безлепотными речми дело делается?».

Однако литовцы наотрез отказались мириться без решения территориальной проблемы. В обоснование своей позиции они даже привели притчу:

«У некоего человека в подворье была змея, да съела у него дети и жену, да ощо захотела с тем человеком вместе жити. И тот нынешней мир том уж подобен: съедчи змее жену и дети, съестъ ему и самого».

¹⁸² Запись о заседании Боярской думы 27 января 1549 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 278.

¹⁸³ Tiberger E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 79–80.

¹⁸⁴ Материалы переговоров с посольством Я. Ю. Волчка, 24 июня 1558 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 558–559.

¹⁸⁵ Материалы переговоров с посольством В. Тишкевича, 8 марта 1559 г. // Там же. С. 572–574.

¹⁸⁶ Наказная память послу Р. Пивову, май 1559 г. // Там же. Т. 59. С. 583.

Адашев в сердцах обозвал речи дипломатов «гнилыми семенами», которые и «во сне не грезит». Но их позиция была твердой: мир возможен, только если Россия вернет земли, захваченные в первой половине XVI в. Эти аннексии послы назвали «грехами предков» Грозного, и пока он их «с души не сведет», мира не будет. Переговоры не удались, и война России с Ливонским орденом стремительно переросла в очередную русско-литовскую войну, в годы которой территориальные споры решались в традиционном ключе — несбыточные дипломатические декларации и угрозы в сочетании с военными нападениями, которые иногда (как в случае Полоцка в 1563–1579 гг.) были результативными.

В декабре 1563 г. на переговорах с посольством Великого княжества Литовского, прибывшим в Москву обсуждать ситуацию, сложившуюся после взятия Иваном IV Полоцка, впервые открытым текстом из уст русских бояр прозвучала интерпретация титула *всёя Руси* как символа претензий на бывшие вотчинные земли Рюриковичей. Рассуждая о том, что в договоре Ивана III и Александра Казимировича московский правитель был написан с титулом *государя всёя Руси*, бояре заявили, что это означало: он государь «и той Руси, которые города русские ныне за государем вашим»¹⁸⁷. Такая интерпретация титулу *всёя Руси* была дана впервые.

Новый виток дипломатических споров о «Русской земле» начался в 1566 г., на переговорах с литовским посольством Ю. Ходкевича в Москве. Послы передали письмо короля Сигизмунда, в котором он писал по вопросу о русских землях в составе Великого княжества Литовского, чтобы Иван IV:

«...тех прежних дел не припоминал, занже отцы и деды наши и прадеды, на своих государствах будучи, государства свои управляли, и из их государств на обе стороны города и волости переменялися по Божию изаволению, и они промеж себя, будучи государи, которые дела меж них делались, те ужь и минулися, а сами они на Божей суд отошли, ино живым мертвых судити пригоже ли, и какое то хрестьянство, што Божей суд восхищати».

В ответ боярин В. М. Юрьев заявил, что Сигизмунд II:

«...нашу из прародителей вотчину держит за собою, занже два жеребья в Литовской земле и до польские границы, и Подолье, то вся вотчина наша, и брат бы наш то з души предков своих свел, того бы нам поступился, штоб то на душе предков его не лежало»¹⁸⁸.

Таким образом, спор перешел в плоскость христианской этики. Захват русских земель Москва в 1566 г. объявила грехом первых князей Великого княжества Литовского, который теперь должны искупить их потомки!

Вопрос о «всей Руси» был актуализирован литовской стороной при заключении Ям-Запольского перемирия (1582). В перемирной грамоте, привезенной в июне 1582 г. в Москву посольством Я. Збаражского, Иван IV был написан без *царя* и *всёя Руси*. При чем на вопрос о причинах такого умаления титула литовские послы гордо ответили: потому что Стефан Баторий, «государь наш, держит за собой главу русских городов Киев». Русская сторона раздраженно парировала этот выпад: титул *всёя Руси* еще в начале XVI в. давно признали Ягеллоны, и не худородному «семиградскому выскочке» Стефану менять «старину»¹⁸⁹.

Позицию Батория несколько проясняет «наука», данная посольству Я. Збаражского в Риге 28 марта 1582 г. Она содержала категорический отказ признавать титул *царь*

¹⁸⁷ Материалы переговоров с посольством Ю. Ходкевича, 12 декабря 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 270.

¹⁸⁸ Материалы переговоров с посольством Ю. Ходкевича, 9 июня 1566 г. // Там же. С. 357.

¹⁸⁹ Материалы приема посольства Я. Збаражского, июнь 1582 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. Л. 186 об.–187.

всёя Руси, поскольку «его королевская милость не толко столицы Руских земель, але и болшую часть краин оных под панованьем своим здавна и теперь мает». Однако если Грозный отдаст Смоленск и Северщину, Баторий согласится признать за ним титул *царя Русского* (но не *всёя Руси*)¹⁹⁰.

Спор о русских землях, несомненно, наложил серьезный отпечаток на восприятие современниками Ливонской войны, ее целей и результатов. Он носил скорее теоретический, чем прикладной характер. Для Литвы это была вполне оформившаяся фобия, страх перед агрессией со стороны Москвы, которая возьмет да и пойдет собирать «всю Русь». Отдельные эпизоды, вроде захвата Полоцка, эти опасения подтверждали. Для Московской Руси этот дискурс был оправданием, легитимизацией враждебной политики по отношению к врагу — а как еще относиться к захватчику наших земель?

Но надо четко понимать, что данный вопрос был в большей степени предметом дебатов на дипломатических переговорах, чем предметом реальной политики. Ливонская война вряд ли может считаться войной за воссоединение русских земель, у нее были другие цели и задачи. Граница между Великим княжеством Литовским и Россией во второй половине XVI в. проходила в нескольких десятках километров от Киева. И ни разу не было даже попытки захватить «мать городов русских», символическую столицу «всёя Руси» (хотя в Литве периодически ходили пугающие слухи, что русский царь вот-вот пойдет завоевывать свою вотчину Киев)¹⁹¹. Ни одного наступления на этом направлении предпринято не было. Оно не было важным для войны с Литвой за Ливонию, и, следовательно, Ивана Грозного на практике совершенно не интересовало.

«Недоделанные монархии»: Швеция и Ливония

Другие участники Ливонской войны — собственно Ливония и Шведское королевство — в глазах русской дипломатии были куда ниже статусом, чем Крымское ханство, Литва, Польша, не говоря уже о Священной Римской империи, Английском королевстве и т. д. Это было вызвано прежде всего их правом заключать договоры только с наместниками Великого Новгорода и Пскова, но не с царем. Так было до образования единого Русского государства, когда и Ливония, и Швеция имели дело исключительно с Новгородом и Псковом, но не с Москвой¹⁹². Когда Москва стала главной, она эту практику хотела сохранить (хотя при Иване Грозном переговоры проходили в Москве, но официальные договоры подписывали все равно наместники).

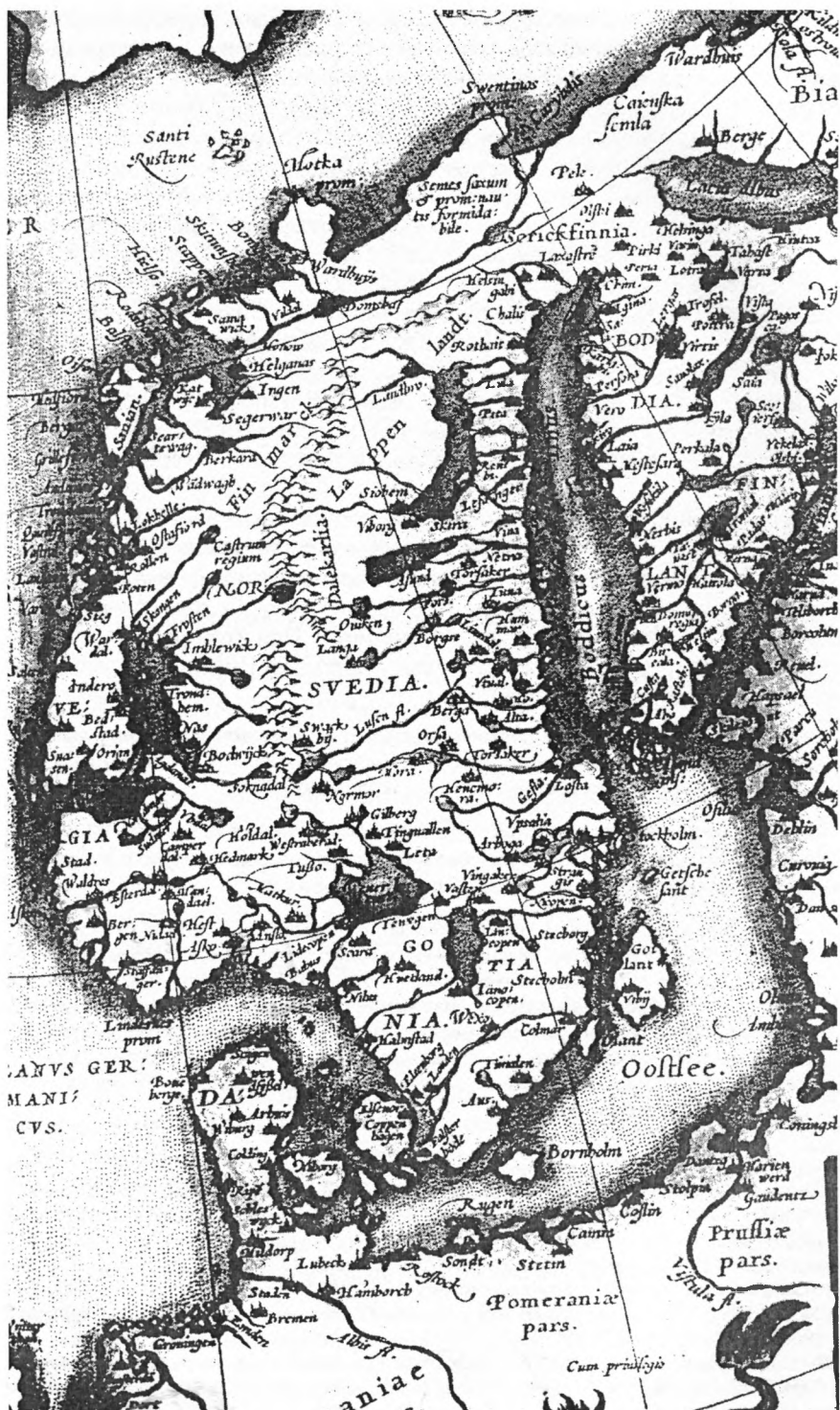
Трудно сказать, с чем это было связано в большей степени. Во-первых, это могла быть просто твердая приверженность традициям, с чего бы менять сложившийся обычай?¹⁹³ Во-вторых, Москва тут получала шанс принизить шведов и ливонцев, поставить их в заранее невыгодное положение: вы — второстепенные государства, если даже недостойны преклонить колена перед нашим государем, хватит с вас новгородского наместника... В-третьих, эта приниженность могла быть изначально связана с неуважительным, свысока, отношением и к шведам, и к ливонцам. А кто

¹⁹⁰ Королевская «Наука паном послом», Я. Збаражскому со товарищи, 28 марта 1582 г. // КРМ-П. С. 248–249. № 91.

¹⁹¹ Например: Грамота Сигизмунда С. Л. Тишкевичу, державце Чернобыльскому, от 17 мая 1562 г. // КРМ-П. С. 213–215. № 140.

¹⁹² Собственно, шведская посольская книга начинается с сообщения, что король Густав нарушил все обычаи, в 1555 г. пытался отправить послов не к новгородским наместникам, как положено, а в Москву. Ему отказали. После этого началась русско-шведская война 1555–1557 гг. (Материалы приезда в Москву шведского посла Кнута Йогансена, июль–август 1556 г. // Сб. РИО. Т. 129. С. 1).

¹⁹³ Во всяком случае, именно эта мотивация постоянно повторяется в посольской книге, например: «Того себе в мысли не держите, чтобы государю нашему *прародителей своих старинные обычаи порушити*, грамоты перемирные переиначити» (Речь А. Д. Басманова-Плещеева и И. М. Висковатого к шведским послам, 26 июля 1561 г. // Сб. РИО. Т. 129. С. 92).

Королевства Швеция и Дания. Гравюра из атласа А. Ортелия, XVI в.

они, собственно говоря, такие? Ливонская ветвь Тевтонского ордена, то есть в глазах русского дипломата — что-то явно зависимое, второстепенное, что-то вроде филиала, удельного княжества. Или — жалкая шведская провинция датской короны, причем еще и мятежная. Шведов роковым образом подводило то, что они только в 1523 г. вышли из Кальмарской унии, обрели независимость от Дании и не имели древней уважаемой королевской династии с хорошей репутацией. Кто будет таких воспринимать всерьез?

В отношении шведов благодаря сохранившимся посольским книгам и довольно обширной актовой документации ситуация более прозрачна. Прежде всего, царя Ивана IV раздражало, что приходится иметь дело с какими-то недоделанными королями. Монархом можно стать только по происхождению, акт венчания на престол, с точки зрения Ивана Грозного, не делает истинным монархом. Он гневно упрекал шведских правителей, что они хоть и «венчанные», но происхождения «мужицкого», и поэтому — ненастоящие. Их «мужицкое происхождение» видно из того, что они жили в деревнях, в лучшем случае в городах, и были как старосты в волости. Свержение датского владычества и обретение Швецией независимости Иван Грозный расценивает как «страдничество», вовсе не королевское поведение (Густав напал на датчан «с коровами») ¹⁹⁴.

Иван Грозный назвал невозможным положение, когда абовский епископ и его послы подписали за шведского короля Густава мир с Россией в 1557 г. Хотя сам при этом настаивал на том, что со Швецией могут вести переговоры только новгородские наместники, при этом называя Великий Новгород «державой», аналогичной «Свейской державе», но — одновременно своей «отчиной» ¹⁹⁵. При этом поведение шведского короля, желающего изменить традиционные отношения Швеции и России, расценивается как бунт против мироустройства:

«...а ты усужаешь нам противно Богу: что нам Бог дал, и ты и то у нас отнимаешь; мало тебе нас укорять, и ты на Бога уста разверз... и ты, обезумев, хоть и вселенной назовешься государем, да хто тебя послушает?» ¹⁹⁶

Причем для унижения презираемого шведского короля царь не стесняется в выражениях (хотя из его слов следовало, что и ругаться достойно только с равным, а швед недостойн даже царского «лая»):

«...А ты, взяв сабачей рот, да хош за посмех лаяти, ино твое страдничье и пригожство, тебе то честь, а нам, великим государем, с тобою и ссылатись безчастью, а лая от себя писати и того хуже; а с тобою перелаиватис, и на сем свете тово горе и нет. И буде похош перелаиватись, и ты себе найди такова ж страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся, а к нам тебе сколько не писать лаи, и нам тебе о том ответа никакова не давывать. А что хош пытатись, и твои пушки наши люди видали, и впрядь захочеш еще попытатись, и что будет тебе прибыль, и ты себе размотриш» ¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Грамота Ивана IV шведскому королю Юхану III, 6 января 1573 г. // Пекарский П. Грамоты царя Ивана Васильевича к Иоанну, королю шведскому, 1572–1573 // ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. II. С. 38–39. № 2; 1572–1573 гг. Список с грамоты Иоанна IV Васильевича к шведскому королю // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 45–47. № V.

¹⁹⁵ Грамота Ивана IV шведскому королю Юхану III, 6 января 1573 г. // Пекарский П. Грамоты царя Ивана Васильевича к Иоанну, королю шведскому, 1572–1573 // ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. II. С. 40. № 2; 1572–1573 гг. Список с грамоты Иоанна IV Васильевича к шведскому королю // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 45. № V.

¹⁹⁶ 1572–1573 гг. Список с грамоты Иоанна IV Васильевича к шведскому королю Юхану III // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 48. № V; Сб. РИО. Т. 129. С. 238. — В посольской книге эта грамота датирована 6 января 1573 г.

¹⁹⁷ 1572–1573 гг. Список с грамоты Иоанна IV Васильевича к шведскому королю // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 51. № V.

Особенно обличительным, с точки зрения Ивана Грозного, было «мужицкое происхождение» шведских королей:

«...нам то ведомо, что вы мужичей род, а не государьской, коли при отце твоём при Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, и отец твой сам в рукавицы нарядясь сала и воску за простого человека вместо опытом пытал, и пересматривал на судах и в Выборе того для бывал... и то государское ли дело?»¹⁹⁸.

Шведские посольские книги содержат куда меньше религиозной риторики, чем польско-литовские. Иногда в них есть обличение шведского протестантизма как крайней формы безбожия но эта тема особо не развивается. Много внимания уделяется торговым и порубежным делам. Если попытаться охарактеризовать принцип отношения со Швецией одним словом, то им будет — практичность. Шведы рассматривались как малопривлекательные, малоинтересные (особенно с позиций высших государевых и религиозных ценностей) и довольно наглые (хотят изменить традиции, добиться нового места под солнцем!) соседи, с которыми тем не менее надо как-то договариваться, торговать, воевать, мириться и ссориться и т. д.

Россия vs «мировое бусурманство», «латины» и «люторы» в XVI в.: ксенофобия, толерантность или прагматизм?»¹⁹⁹

При изучении факторов, влиявших на формирование принципов внешней политики Российского государства в XV–XVII вв., ученые вполне обоснованно на одно из первых мест выдвигают религиозный фактор. Это обусловлено, во-первых, той определяющей ролью, которую в Средневековье играло христианство в формировании картины пространства. Именно с его помощью происходило деление мира на *своих* и *чужих*, выделения *чужих* как носителей всего антихристианского²⁰⁰. Данный аспект самым непосредственным образом должен был влиять на отношения с соседями и их восприятие человеком Московской Руси.

Во-вторых, с середины XV в., с Флорентийской унии (1439), оформления православной автокефалии (1448) и гибели Константинополя (1453) особое значение имела конфессиональная уникальность ортодоксального православного христианства. Она задавала и для самой России, и для окружающих стран совершенно особые представления о мире и месте в этом мире Русского государства.

Историки обращали большое внимание на религиозную риторику, сопровождавшую крупные внешнеполитические акции России XVI в., будь то Казанское взятие 1552 г., Полоцкий поход 1563 г. или идеологическая политика в отношении Ливонской войны²⁰¹. Тезисы о борьбе за православную веру, за восстановление единства православных земель как о главных идеях русской внешнеполитической идеологии в позднее Средневековье и раннее Новое время присутствуют во многих работах. При этом они нередко вульгаризируются, когда роль религиозного фактора сводится к обеспечению функции идеологического обслуживания. Православие некоторым авторам представляется как некая идеологическая оболочка, в которую московские правители, ничтоже сумняшеся, «заворачивали» свои внешнеполитические проекты.

¹⁹⁸ Грамота Ивана IV к королю Юхану III, 6 января 1573 г. // Сб. РИО. Т. 129. С. 234.

¹⁹⁹ Расширенный вариант данного параграфа был опубликован в виде отдельной статьи: *Филюшкин А. И.* Религиозный фактор в русской внешней политике XVI века: Ксенофобия, толерантность или прагматизм? // FOG. 2010. Bd. 76. S. 145–180.

²⁰⁰ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 142–143.

²⁰¹ *Frötschner R.* Der Livländische Krieg... S. 373–394.

Подобный некорректный подход к изучению роли и места религиозного фактора в формировании внешней политики Московского государства, как правило, обусловлен тем, что автор исходит не из источников, а из собственных априорных (и часто умозрительных) представлений о том, что такое религия и как именно она должна влиять на внешнюю политику. Отсюда и возникает весьма живучая в историографии идея, что «православный царь» непременно должен был воевать за объединение всех православных земель. Ни Иван III, ни Василий III, ни Иван IV никогда не провозглашали подобных лозунгов, их им приписали поздние историки. Но тезис о создании экспансионистского «Московского православного Царства» величиной со всю Восточную Европу как главной цели русской внешней политики продолжает кочевать из статьи в статью, из книги в книгу.

Нам представляется, что религиозные идеологемы были востребованы и играли значительную роль в мотивации внешнеполитических акций, адресованной прежде всего внутрь страны, своим собственным подданным. Этот набор мотивационных лозунгов и установок содержал элементы как ксенофобного, так и толерантного отношения к другим конфессиям (ксенофобного — в аспекте утверждения торжества православия над всеми другими религиями, и толерантного — в плане веротерпимости к покоренному населению).

Зато в сфере дипломатии мы наблюдаем откровенный и даже где-то циничный прагматизм. Московская посольская служба имела немало системных недостатков, но к ним никак нельзя отнести чрезмерную зависимость от православной идеологии. Русские дипломаты в совершенстве владели умением риторической спекуляции на религиозные темы, но в сфере практической политики руководствовались прежде всего принципами верноподданности и целесообразности. А вот в отношении религии проявляли порой удивительную гибкость.

Несмотря на наличие (пусть и в своеобразной форме) теократической составляющей в облике Московского царства, институционально церковное ведомство в дипломатическую деятельность вмешивалось мало. Практически неизвестна его деятельность на восточном направлении, в сношениях с мусульманскими странами и народами²⁰². Церковь не играла первой роли и в идеологических спорах с «латинянами», происходивших в посольском контексте — диспуты с Яном Рокитой и Антонио Поссевино вел Иван Грозный, но не церковные иерархи.

В XVI в. и литовская, и московская посольские службы активно искали возможности воздействия, налаживания диалога с контрагентом вне центральных властных структур. Это было, очевидно, связано с тем, что мнения шляхты и Короны, бояр и царя не всегда совпадали. Конечно, соется открытым вопросом, сколько было ритуальности, риторики и лукавства в высказываниях бояр и панов рады, что они просят государей «о мире и тишине, чтобы кровь христианская не лилася»²⁰³, а сколько действительно имевшей место апелляции к христианским ценностям и поиска диалога между аристократией враждующих стран.

Но, так или иначе, ведомство митрополита оказалось вовлеченным в этот диалог. Известно несколько эпизодов, когда митрополиту посылались специальные послания

²⁰² Митрополит рассматривался татарской дипломатией только как лицо, подтверждающее присягу царя на тех или иных международных договорах (Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 299, 300–301, 306 об., 313, 314–315; Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // Там же. Л. 369 об.–370.

²⁰³ Стереотипный средневековый взгляд на великокняжеского советника, что он «по определению» должен просить правителя о мире и заступаться за единоверцев, хорошо раскрыт в работе С. Богатырева: *Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors. Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s – 1570s.* Helsinki, 2000. P. 38–77.

от панов рады, а митрополичий дьяк ездил с ответными посланиями в Литву. Например, в 1555 г. для продления перемирия литовская сторона попыталась апеллировать к идее единства православного мира во имя спасения христианства от «бусурманских рук»²⁰⁴. Посол Юрий Тишкевич на аудиенции у митрополита Макария 1 февраля,

«...приступаясь к митрополиту, говорил митрополиту от себя тайно, что он закона греческого и видит то, что меж государей гнев ся движет, и о том велики скорбит, что меж государей нелюбовье, и нечто рать взочнется, ино многие крови христианские прольются, а по рубежом живут на обе стороны христиане греческого закона, и христиане все о том скорбят, что время близает к розлитию крови христианские, и митрополит бы с бояры государя наводил на то и били ему челом, чтоб с государем их королем похотел миру»²⁰⁵.

Митрополит отказался вмешиваться в дела светской власти, заявив, что политические вопросы — не его дело, он «богомolec». Но сигнал, что деликатные вопросы можно улаживать через высших духовных особ, был в Москве услышан и усвоен. Именно митрополичий посол Савлук Турпеев в том же 1555 г. ездил в Литву пытаться уладить столь остро стоящий вопрос о признании царского титула Ивана Грозного. Правда, попытка митрополичьего посла апеллировать к договору Василия III с императором Максимилианом, где употреблялся царский титул, и к турецким грамотам, где признавался царский титул Ивана IV, не произвела на панов рады ни малейшего впечатления. Эти аргументы были признаны недействительными: Василий III умер, а султан вовсе нехристианский государь и авторитетом в данном вопросе быть не может²⁰⁶.

Во время второго польского бескорольевья в 1575 г. Иван Грозный пытался уладить спорные вопросы об условиях его вступления на престол Речи Посполитой также в переговорах с духовенством (известный проект гнезненского архиепископа Якуба Уханьского)²⁰⁷.

Таким образом, несмотря на всю важность «деликатных» миссий, возлагаемых (нередко безуспешно) на церковных иерархов, нельзя говорить о значительной роли церковных институтов в реализации внешнеполитического курса. Зато была другая внешнеполитическая сфера, где роль и иерархов, и институтов, и ритуалов была высока. Это — война, точнее, ее мобилизационные, пропагандистские и мотивационные аспекты.

К Средневековью восходила традиция пасторских посланий от высших церковных иерархов к великому князю и его воинству. В этих грамотах содержалось благословение «на брань», провиденциалистское объяснение происходящего, христианская мотивация военной акции. От XVI в. известно несколько таких посланий (комплекс грамот новгородского архиепископа Феодосия в годы Казанской войны (1545–1552 гг.), грамоты митрополита Макария на Казанское взятие 1552 г., архиепископа Пимена на Полоцкое взятие 1563 г., и т. д.)²⁰⁸.

Наиболее интересен и показателен здесь комплекс грамот, исходивших от митрополита Макария на завершающем этапе Казанской войны, в 1551–1552 гг. Митрополит помещал войну с татарами в контекст мировой истории, проводя высокие аналогии:

²⁰⁴ Посельство до князя великого Московского кн. Ст. Збаражского, писаря Яна Шимковича и др. 1555 г. // КИМ-И. № 77. С. 117–118.

²⁰⁵ Материалы приема посольства Ю. Тишкевича, февраль 1555 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 461.

²⁰⁶ Отчет митрополичьего посланника Савлука Турпеева, 1555 г. // Там же. С. 482.

²⁰⁷ Грамоты Якуба Уханьского, переданные Ивану Грозному с послом Федором Елчаниновым, июль 1575 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 14 об.–17 об.

²⁰⁸ Подробнее см.: *Фцлюшкин А. И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // *Герменевтика древнерусской литературы* / Ред. М. Ю. Люстров. М., 2000. Сб. 10. С. 327–346.

«...яко да послет ти Господь свыше, на помощь вашу, скорого Своего Архистратига Михаила, предстателя и воеводу святых небесных сил, бывшего древле помощника и заступника Аврааму на Ходоллогомора царя Содомского, имяше бо с собою вой тиста тысящ, Авраам же с тремя сты и осмьюнадесятъ своих домочадец, Божию силою и помощью великаго Архангела Михаила, победи их. И Иисусу Наввину бысть помощник той же Архистратиг Михаил, егда обступаше Ерихон град, в немъже бяше седмь царей Ханаанских, и повелением Божиим, от архангела Михаила стены градские падоша сами до основания. Также пособник бысть и Гедеону на Мадиямы, их же бе тысяща тысящ, Гедеон же бе с тремя сты своих вой... Также и при благочестивом царе Иезекеи обстояше Иеросалим град Сенахирим царь Ассирийский с вой своими, и укоряше Бога Израилева, и помолился Иезекей к Богу, и посла Господь Бог Архангела Михаила, и во едину ночь уби от полка Асирийска 185 тысящ вой Асирийских»²⁰⁹.

Молитвы за царя Ивана IV, согласно посланию Макария, возносятся: Иоанн Предтеча, апостолы Петр и Павел, Иоанн Богослов, 12 и 70 апостолов, Св. Никола, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Петр, Алексей, Иона и Леонтий Чудотворцы, Георгий, Дмитрий, Андрей и Федор Стратилаты, равноапостольный кн. Владимир и его дети Борис и Глеб, Чудотворцы Сергей, Варлаам, Кирилл, Пафнутий, Св. кн. Александр Невский²¹⁰.

Среди царских грамот надо назвать богомольные послания по случаю боевых действий. За период войны за Прибалтику известно несколько таких грамот. Их смысл — просить святые обители и церковных иерархов молить Бога о победе русского воинства и об отпущении ему грехов (потому что наказанием за грехи может быть поражение, а очистившийся от скверны греха непременно победит). К противнику прилагаются самые жесткие определения: крымский хан — «древний отступник Божий», «буй варвар», всегда готовый проливать кровь христианскую; Литва и Польша — еретики, выступают против имени Бога, Богоматери, всех святых и даже Креста, поругали иконы, впали в грех Реформации:

«...с ними отдавна прелщенный от диавола немецкий род, от них же сия злоба беззакония изыде, еже всеконечне от Бога душею и телом отступльшим, и сице к дьявольстей воли устроившимся, и готови суть крови человеческия пролияти, яко звери сверепые, им же ныне воедино согласившимся, образом дивияго зверя, распыхахуса на все православие, пожрети хотяще, ничтоже ино уповающее токмо на свое бесовское волхование»²¹¹.

14 декабря 1571 г. Иван Грозный отправил в Кирилло-Белозерский монастырь богомольную грамоту о войне со шведами²¹² (видимо, вместе с аналогичной грамотой митрополита Кирилла, датируемой 10 декабря)²¹³. В отношении шведов эмоции были скромнее: они прежде всего «государевы непослушники». Тема шведского «латинства» или «люторства» не муссируется. Знаменитый Ливонский поход 1577 г. предварялся богомольной грамотой Ивана Грозного в Соловецкий монастырь²¹⁴.

²⁰⁹ Послание митрополита Макария Ивану IV об укреплении на брань с казанцами, 13 июля 1552 г. // АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 291–292. № 160.

²¹⁰ Там же. С. 292.

²¹¹ 1562, марта 12. Царская богомольная грамота в Троицкий Сергиев монастырь по случаю войны с Крымом и Польшею // ААЭ. СПб., 1836. Т. I. С. 286–287. № 260.

²¹² 1571, декабря 14. Царская богомольная грамота в Кирилло-Белозерский монастырь по случаю войны со шведами // Там же. Т. I. С. 328–329. № 283. II.

²¹³ 1571, декабря 10. Богомольная грамота митрополита Кирилла в Кирилло-Белозерский монастырь по случаю войны со шведами // Там же. Т. I. С. 328. № 283. I.

²¹⁴ 1577, апрель. Богомольная грамота в Соловецкий монастырь по случаю царского похода в Ливонию // Там же. Т. I. С. 360–361. № 297.

К концу конфликта дискурс «Священной войны» в богомольных грамотах был дезавуирован. Война по-прежнему шла «за христианство», под которым понималось исключительно православное население Московского царства, но обличительный тон и щедрая раздача ярлыков еретиков и богоотступников поумерилась²¹⁵. Думается, это было связано не с отрезвлением политического сознания, а с простым фактом, что русские проигрывали войну — стало быть, Бог на стороне этих самых «богомерзких» варваров, и надо бы в словах быть поосторожнее... Возникают покаянные нотки (мыслимо ли было услышать такие слова от Ивана Васильевича в 1558 г.):

«Смея и не смея челом бую, что есми Бога прогневал и вас, своих богомолцев, раздражил, и все православие смутил своими неподобными делы, и за умножение моего беззакония и ради многога согрешения моего Богу попустившу варваров христианства разоряти»²¹⁶.

Таким образом, высокая миссионерская самооценка у Ивана Грозного к концу войны с Баторием поуменьшилась (хотя не надо сбрасывать со счетов склонности царя к лицедейству в подобных ситуациях).

После монарших грамот, дающих нам столь широкий спектр оценок и идеологием, связанных с дискурсами Ливонской войны, необходимо перейти к обзору грамот церковных иерархов. В летописи после описания победной кампании 1558 г. помещена грамота Александрийского патриарха Иоакима (от 20 октября 1556 г.), который просит у русского царя «милостыни», «похваляя государя и содеянное им и утверждая на благочестие и на храбрость подвизая». Иоаким писал, что «слышахом твое храбрство», «и будет свыше помощь и крепость от Бога и одоление на враги и на супостат... и супротивные силы побеждаемы будут и возьмутся и да умалятся»²¹⁷. В высшей степени льстивая риторика послания понятна, о причинах этого пишет и сам патриарх, озабоченный вопросом, как «яви нам Бог в нынешних временах наших новаго кормителя». Иван IV, во-первых, назван продолжателем славных деяний своих предков, Ивана III и Василия III; во-вторых, его деяния сравниваются с подвигами Константина Великого и Моисея.

В ответном послании²¹⁸ Грозный объявил главную цель своего правления: «И сохранено будет царство наше ото всякого зла, христианский же род повсюду да избавлен будет от томительства иноплемянных агарян и возвысится рог православных и на первобытное пространство и тишину да обратится». Здесь примечателен локус «первобытного пространства» — русский царь выдвигает лозунг восстановления территориальных владений православных государств, в котором трудно не увидеть намек на реанимацию Восточной Римской империи. Речь идет о виртуальном «всемирном» православном царстве, рефлексии теории «длящегося Рима» от II к III Риму. И этот призыв звучит как раз в первые месяцы Ливонской войны, что характеризует идеологический контекст, в котором началось русское вторжение в Прибалтику.

Однако следует отметить, что в общем и целом пафос Священной войны с ливонцами исходил в основном от светских властей, а не от Русской православной церкви. В случаях, когда церковные иерархи выступали с соответствующими посланиями, это выглядит явным политическим заказом (что явно отличает ситуацию от, скажем, Казанского взятия 1552 г.). Такова грамота новгородского архиепископа Пимена,

²¹⁵ Ср.: 1580, августа 2. Богомольная царская грамота в Соловецкий монастырь, по случаю войны с королем польским Стефаном Баторием // Там же. Т. I. С. 371. № 306.

²¹⁶ 1581, августа 24. Богомольная царская грамота в Соловецкий монастырь по случаю войны с Польшею и Швециею // Там же. Т. I. С. 375. № 311.

²¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 307.

²¹⁸ Там же. С. 309–311.

благословляющая Ивана Грозного на поход на Полоцк в 1562–1563 гг.²¹⁹ Содержание грамоты традиционно для подобных пастьерских посланий и явно вторично по сравнению с аналогичными посланиями 1550-х гг. митрополита Макария и новгородского архиепископа Феодосия²²⁰. Добавлены только антилютеранские мотивы, упоминается образ «новоявленного чудотворца Никиты» (связанный, как говорилось выше, с «чудесами» при Нарвском взятии 1558 г.), фигурирует новый святой — Михаил Клопский (видимо, в связи с тем, что посланный Пименом к Ивану IV образ Софии и святую воду повез Ефрем, игумен Троицкого Клопского монастыря). Несколько усилена тема царя как защитника православия и благочестия. Но в целом все это вписывается в доктрину Священной войны, изобретенную ранее, в ходе войн с татарами, еще до вторжения России в Прибалтику.

Монастырь Михаила Клопского под Новгородом Великим. Фото 2008 г.

29 сентября 1564 г. митрополит Афанасий послал богомольную грамоту епископу Сарскому и Подонскому Матвею²²¹. Она была посвящена отражению нападения «богомержкой» и «безбожной» Литвы на Полоцк. Война идет не за земли — за спасение христианства от еретиков. 24 ноября 1567 г. митрополит Филипп (Колычев) послал в Кирилло-Белозерский монастырь богомольную грамоту по случаю войны с Крымом и Польшей²²². Ее содержание аналогично другим богомольным грамотам: крымский хан, литовский король и «немцы» объявлены врагами православия, стремящимися его истребить. При этом Девлет-Гирей назван «со всем своим

²¹⁹ Там же. С. 350–353; Послание новгородского архиепископа Пимена царю Иоанну Васильевичу о укреплении на брань с литовцами, 24 января 1563 г. // АИ. Т. I. С. 549–551. № 302.

²²⁰ *Филошкин А. И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия... С. 327–346.

²²¹ 1564, сентября 29. Богомольная грамота митрополита Афанасия Сарскому и Подонскому епископу Матвею по случаю войны с Польшею // ААЭ. Т. I. С. 302–303. № 267.

²²² 1567, ноября 24. Богомольная грамота митрополита Филиппа в Кириллов монастырь по случаю войны с Крымом и Польшею // Там же. С. 312–313. № 275.

бесерменством и латинством» (sic! — А. Ф.), и главным врагом вновь назначены протестанты-иконоборцы.

Собственно, этими примерами практически исчерпывается участие церкви в разработке идеологием борьбы за Ливонию. Р. Фречнер пишет о ключевой роли религиозного мотива в нападении Ивана IV на Прибалтику²²³. Но этот мотив имел исключительно форму идеологической риторики, исходящей от светских властей и священников, мобилизованных на обслуживание пропагандистских нужд властей. Остается только удивляться, почему роль Русской православной церкви была *настолько* невелика, на фоне интенсивной антикатолической и антипротестантской риторики, исходящей от властей. Как и идеология Священной войны, о которой говорилось выше.

Может быть, это надо объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, Россия не знала религиозных войн (никогда не было войны, первопричиной и содержанием которой был бы конфликт между конфессиями). Лозунг Священной войны — это способ легитимизации своих действий в глазах Бога и в своих собственных (мы — истинно верующие, они — извращенцы, еретики и моральные разложенцы), но он не воплощается в жизнь в конкретных религиозных мероприятиях. На оккупированных территориях в Ливонии не было насильственных перекрещений, а известия о случаях истребления людей за веру (например, полоцких евреев в 1563 г.) носят апокрифический характер. Священная война — это идеологема, идеологическая фольга, в которую заворачивается война, начатая совсем по иным причинам. Религиозная война — это противостояние и взаимное истребление церковных структур. Этого не было (исключая неизбежные для всякой войны сожжения храмов в прифронтовой зоне и убийства на церковных порогах). Отсюда и «обслуживающая», второстепенная роль церкви, которая при Иване Грозном всего лишь производила идеологическую «фольгу» по лекалам, заданным светской властью.

Второй причиной могут быть сложные личные отношения царя с церковными иерархами и внутри церковных кругов. После смерти Макария (1563), убийства Филиппа Кольчева (1568) около царя остались либо люди мягкие и бесхарактерные (вроде митрополитов Кирилла и Антония), либо откровенные льстецы и конъюнктурщики. Открытых выступлений церковной оппозиции не было, как, видимо, и самой оформленной оппозиции. Но прохладой со стороны церкви в адрес царя веяло (тем более на фоне ограничений церковного землевладения). Во всяком случае, та симфония отношений церкви и светской власти, элементы которой мы видим в 1550-е г., в 1570-80-е гг. не наблюдается. Отсюда и изменение тональности грамот, и отсутствие агиографической поддержки светских мероприятий, и сухой лаконичный стиль редких пасторских посланий.

При этом Московская Русь, несмотря на все лозунги Священной войны, на практике отличалась большой толерантностью по отношению к другим конфессиям. Русской стороной всегда тщательно подчеркивалось уважение к конфессиям в присоединенных землях. Казань и Астрахань взяли «не для того, что мусульманского роду веру изводя, которые нам измены делали, над теми их неправды потому и стало, а которые мусульмане нам правдою служат, и мы по их правде их жалуем великим жалованием, и от веры их не отводим»²²⁴.

В грамотах к гнезненскому архиепископу Якубу Уханьскому, содержащих проекты элекционных писем Ивана Грозного к разным слоям общества Великого княжества Литовского (духовенству, «рыцарству», горожанам, 1575 г.), царь особо подчеркивал, что не собирается вмешиваться в религиозный вопрос в Литве в случае ее объединения

²²³ Frötschner R. Der Livländische Krieg... S. 374.

²²⁴ Грамота Ивана IV Девлет-Гирею, январь 1568 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 94 об.

с Московией: «У каждого своя вера»²²⁵. Этот принцип Иван IV соблюдал на практике: как показано Н. Ангерманном, за почти 20-летнее господство русских в Ливонии там не произошло массового обращения местного населения в православие, оно могло сохранять принадлежность и соблюдать обряды и католической, и протестантской церкви²²⁶.

В наказе А. Ф. Нагому (март 1563 г.), как и в наказах другим русским послам в Крым, им полагалось в первую очередь спрашивать хана о его здоровье, «как его Бог милует»²²⁷. Эта формула привычна для отношений между европейскими христианскими странами, но какой бог имеется в виду в разговоре с правителем мусульманского государства? Тем не менее, похоже, ни у русской, ни у татарской стороны никакого смущения апелляция к богу не вызывала, каждый понимал под этим своего бога, и все оказывались довольны.

С 1563 г. в русских грамотах, адресованных в Крым, появляется прескрипт, обращающий на себя внимание своей обтекаемой формулой: «Бога всеми владеющего милостью, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси тебе, Великие Орды великому царю, брату своему Девлет Кирею царю велел челом ударити»²²⁸. При этом каждая сторона имела в виду своего бога, и это никому не мешало.

В грамоте к Девлет-Гирею от февраля 1569 г. Иван IV подчеркивал, что «мусульманства не изводим... и которые мусулманы живут у нас в земле, те свою веру держат, нужи им в том нет»²²⁹. Султану Селиму в том же 1569 г. сообщалось: кто из казанских татар государю служат, тех от веры не отводят, и им разрешают строить «молбища» и мечети в Казани, Астрахани, Касимове²³⁰.

Стоит подчеркнуть, что в русских источниках невозможно найти какое-то особое неприятие ислама — к нему относились как к чужеродному и потенциально враждебному явлению, но не в силу того, что это религия вековых врагов татар, а просто потому, что так же относились к любому иноверию — к «латинам», «люторам».

В данном контексте особой темой является участие России в переговорах по созданию антимусульманской лиги. Их история хорошо изучена²³¹, и нет нужды на ней останавливаться. Отношение России к идее антимусульманской лиги откровенно демонстрирует, что все идеалы единства христианского мира, противостояния мусульманству для Москвы отступали перед неприкрытым прагматизмом: разыграть антимусульманскую карту, пообещать вступление в католическую унию и за счет этого добиться дипломатических уступок. Высшим успехом русской посольской службы здесь было использование в 1581–1582 гг. Ватикана и нунция Антонио Поссевино для сравнительно безболезненного выхода из Ливонской войны. Россия сумела добиться дипломатической помощи Запада против Речи Посполитой даже не обещаниями, а намеками на эти обещания.

При этом, выступая в качестве кандидата в члены антимусульманской лиги, Россия была готова... заключить антиевропейский союз с Турцией. Нападение турок на Астрахань в 1569 г. Россию несколько не смутило, тем более что противник был раз-

²²⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 48–50 об.

²²⁶ Angermann N. Studien zur Livländpolitik... S. 68.

²²⁷ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 27; Наказ Е. Д. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // Там же. Л. 194 об.; Наказ Я. Змееву, март 1566 г. // Там же. Д. 12. Л. 132 об.

²²⁸ Наказ Е. Д. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // Там же. Д. 10. Л. 188 об., 194; Грамота Ивана IV Девлет-Гирею от сентября 1563 г. // Там же. Л. 201 об.

²²⁹ Грамота Ивана IV Девлет-Гирею от февраля 1569 г. // Там же. Д. 13. Л. 203 об.

²³⁰ Наказ посольству Л. Новосильцева, ноябрь 1569 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–21 об.

²³¹ Шмурло Е. Ф. Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся отношений России с Италией. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1. 114 с.; СПб., 1911. Т. 1. Вып. 2. С. 115–212; СПб., 1908. Т. 2. Вып. 1. 224 с.; СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 227–686.

бит, и казалось — самое время протянуть ему руку «братственной любви». С наказом об этом 24 января 1570 г. в Стамбул выехал Л. Новосильцев²³². Он вернулся в Россию в декабре того же года, привезя много слухов, радующих душу Ивана IV. Причиной нападения на Астрахань традиционно была объявлена «ссора лихих людей», которые лукавством склонили султана к этой военной аванюре. Турки вынесли главный урок: «Московский государь силной и стоит за себя крепко», «московского государя Бог обороняет», а невзятие Астрахани — «великий сором». Обо всем этом вести пошли даже во «франкские города»²³³.

На основании статейного списка Л. Новосильцева в Москве решили, что султан настолько проникся силой и величием русского царя (тем более что привезенная с Новосильцевым грамота от Селима содержала царский титул), что можно предлагать Турции политический союз. 10 февраля 1571 г. царь с боярами велел отправить к султану гонца А. И. Кузьминского (уехал из Москвы 8 апреля 1571 г.). Ему, как и Л. Новосильцеву, приказывалось утвердить «братство». В царских грамотах, адресованных султану, содержались общие фразы о необходимости дружбы и братства.

Но в наказе послу, в его части, где предписывалось вербовать сторонников среди турецкой аристократии, говорилось, что им надо обещать «заодин быти на цесаря на римского, и на полского короля, и на чешского, и на францовского, и на иных королей, и на всех государей Нагадейских»²³⁴. То есть, Россия делала намек на возможность сближения с Турцией по принципу объединения против общих врагов. Для этого Кузьминскому надлежало сформировать при турецком дворе группу аристократов, получающих жалование от русского царя и за это влияющих на султана в «прорусском духе», по аналогии с «партией» при дворе крымских Гиреев²³⁵.

Кузьминский вернулся в декабре 1572 г. Он привез грамоту от султана, в которой Селим благосклонно реагировал на желание Ивана IV обсуждать вопрос о русско-турецком союзе и войне «заодин» против «недругов». Правда, султан акцентировал внимание на «наших недругах», то есть расценил обращение Грозного как готовность русского царя выступить против противников Турции. В ответ Русь от Турции будет «в бережении». Однако условием союза султан поставил возврат Казани и Астрахани, без этого «береженье и дружба» невозможны²³⁶. Условия оказались явно невыполнимыми, и дальнейшие контакты с Турцией до конца правления Ивана IV свелись к традиционным обменам гонцами по торговым вопросам. Но данный эпизод показателен — русская дипломатия допускала возможность обсуждать с мусульманской страной военный союз против христиан (заметим, что в 1563 и 1578 гг. аналогичный союз предлагался Москвой Крымскому ханству)!

Отношение к западному христианству было гораздо более нетерпимым, чем к мусульманству (что, впрочем, не мешало прагматизму в дипломатических отношениях).

²³² О миссии Л. Новосильцева см.: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ, М., 1946. Вып. 94. Т. 1. С. 118–122.

²³³ Статейный список посла в Турцию Л. Новосильцева, декабрь 1570 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 66, 102, 106, 110.

²³⁴ Наказ гонцу в Турцию А. И. Кузьминскому, март 1571 г. // Там же. Л. 198. — Н. А. Смирнов оценивал это поручение как желание России побудить султана воевать с перечисленными врагами России (*Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. С. 124). Такое прочтение документа вряд ли корректно.

²³⁵ Наказ гонцу в Турцию А. И. Кузьминскому, март 1571 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 197, 197 об.; Грамота Ивана IV к Магмет-паше, март 1571 г. // Там же. Л. 198 об.–202.

²³⁶ Грамота султана Селима к Ивану IV от 15 июля 1572 г. // Там же. Л. 224–227. — Н. А. Смирнов назвал эту грамоту «ультиматумом» (*Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. С. 125), что является неоправданно сильной оценкой. У Селима не было возможности, да и цели предьявлять какие-либо ультиматумы далекой России. Султан обозначил задачи и приоритеты своей политики, не более того.

Выше уже говорилось, что в контактах с исламскими странами тема религиозного противостояния тщательно избегалась, наоборот, стороны искали взаимоприемлемые формулы для обязательных по средневековому ритуалу *invocatio* посольских грамот.

С Западом же все было наоборот. *Invocatio* в адресованных в Европу грамотах было необычайно важным элементом декларации идеологии власти и понимания статуса царя на международной арене. Оно содержало формулу Божественного происхождения русской власти, объявляло высокие цели и задачи, стоящие перед российским монархом, и вместе с *intitulatio* определяло место государя в мире. По сути, это было разъяснение к титулу правителя России.

В отношениях с европейскими державами, членами «христианского мира», Россией использовалось *invocatio*, подчеркивающее православный характер и сущность власти московского государя. Его структура была следующей:

Элемент начального протокола

Бог наш Троица, Отец и сын и Святой дух, ныне и присно и в веки веком, аминь.

Бе присно, есть и будет, ниже начинаем, ниже перестаем, о Нем живем, и движемся, и есмы...

...им же царие царствуют и силнии пишут правду, сего властью и хотением и благоволением удержажом скипетры Российскаго царства...

Вероятный источник

Возглас из литургического чина Св. Иоанна Златоуста.

«О Нем бо живем и движемся и есмы» (Деян. 17: 28). Цитата неоднократно использовалась в святоотеческих текстах: Слово Афанасия Великого на слова, Иоанн Дамаскин; Слово на славное Преображение Господа нашего Иисуса Христа; 30 Слово Григория Богослова «О Богословии четвертое, о Боге сыне второе» и т. д.

«Мною царие царствуют и силнии пишут правду: Мною велможи величаются, и властители мною держат землю» (Пр. 8: 15–16).

С помощью данных цитат в *invocatio* русские правители декларировали на международной арене свою власть как происходящую непосредственно от Бога. Это давало им самоощущение, что они выступают носителями Воли Божьей, абсолютную уверенность в своей правоте. Данный дискурс, конечно, является универсальным для средневекового менталитета. Но далеко не все монархи постоянно размещали в *invocatio* пространные библейские цитаты. Перед нами, несомненно, определенная особенность именно московской политической культуры XVI в., связанная с дискурсом презентации государевой и царской власти перед миром.

Троичные прескрипты преобладали в русских грамотах в европейские страны до 1562 г. Они встречаются и позже, но реже. Зато с 1562 г. становится популярным новое, более семиотически насыщенное *invocatio*, присутствующее практически во всех международных грамотах Ивана IV до конца 1570-х – начала 1580-х гг. Оно несет в себе идею уже не только о боговдохновенности всех деяний государя, но о богоизбранности и мессианском пути православного царя. Она обоснована в *invocatio* с помощью пространной точной цитаты из Евангелия от Луки, ср.:

Invocatio

Милосердия ради, милости Бога нашего в них же посети нас восток свыше, воеже направити ноги наша на путь мирен к Троицы славимаго Бога нашего милостию, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии...

Лк. 1: 76–79.

И ты, отроча, пророк Вышняго наречишися: предидеши бо пред лицем Господним, уготовати пути Его, дати разум спасения людем Его, во оставление грех их: Милосердия ради, милости Бога нашего, в нихже посетил нас восток свыше, просвети во тме и сени смертной сидящия, направити ноги наша на путь мирен. .

С этой позиции русский царь-мессия, носитель высшей правды и справедливости, ощущал свое величие и право судить «безбожную» Европу.

В целом роль религиозного фактора в формировании русского внешнеполитического дискурса можно охарактеризовать следующим образом. Он был востребован прежде всего в символической, мировоззренческой сфере, для объяснения самим себе и окружающим (причем не важно, слышат они или нет) места России и ее соседей в мире, их отношений с Богом. Что же касается сферы практической дипломатии, то здесь — при всех броских антимусульманских, антилатинских, антипротестантских лозунгах — довлел прагматизм. Россия не стремилась к религиозным войнам и крестовым походам. Высокая обличительная риторика была нужна прежде всего для самооправдательных практик, объяснения происходящего (иной раз, как мы могли убедиться, весьма противоречивого), для самоидентичности и идентичности чужих. Но что конкретно делать с соседями (чтобы это еще и государю понравилось), придумывал хитрый и циничный посольский дьяк.

«Набольший во Вселенной»

Особо важным вопросом был статус русского царя в мире. Прежде всего стоит подчеркнуть, что популярная в некоторых научных трудах фраза «непризнание царского титула в Европе», строго говоря, не совсем правильна. Употребляя ее без оговорок, историки искажают реальную картину. Англия, Дания, Турция относились к проблеме индифферентно. Против царской титулатуры были Великое княжество Литовское и Королевство Польское, Ватикан и Крымское ханство. Позиция Священной Римской империи была сложной. Так что «титулатурная война» шла отнюдь не со «всей Европой», а со странами, с которыми и без того было много противоречий и территориального, и идеологического характера. И вопрос «о государевом имени» нередко являлся лишь ширмой, за которой скрывалось более серьезное и принципиальное соперничество.

Изучение российских документов показывает, что непризнание отдельными странами царского титула на Руси воспринималось не столь драматично, как это пытаются изобразить некоторые ученые. Например, А. Л. Хорошкевич пишет о «комплексе неполноценности» и сильнейшем нервном срыве и чуть ли не психической болезни Ивана IV из-за того, что король Сигизмунд II не согласился звать его царем²³⁷. На самом деле ни малейшего прямого подтверждения подобных вольных построений в документах XVI в. не содержится. К. Ю. Ерусалимским показано, что отношение к международному статусу государева титула и роли в этом акта венчания на царство было гораздо более сложным, чем презентистские и прямолинейные построения А. Л. Хорошкевич²³⁸. Хотя споры о титуле создавали определенное политическое напряжение, их влияние на международные отношения было не столь роковым.

Сам Иван Грозный был абсолютно убежден в своем величии и превосходстве над другими монархами²³⁹, и никакие «злопыхательства» короля Сигизмунда и других «книжнейших государей» не могли этой убежденности поколебать. Непризнание царского

²³⁷ Хорошкевич А. Л. 1) Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 г. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 24–41; 2) Россия в системе международных отношений... С. 67–69, 73–76, 81, 127.

²³⁸ Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе... С. 686–687.

²³⁹ Укажем на парадоксальное высказывание русских дворян, споривших с комендантом крепости Вольмара (Владимира) Юрием Вилси, «немчина на королевской службе», который ссылался на королевскую волю: «А государь в том волен, которые на себя города поемлет и которые королю отдаст: король и сам государской» (курсив мой. — А. Ф.) (см.: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 556). То есть, в представлении детей боярских король был обязан исполнять царскую волю как подвластный ему, и стало быть, история ливонского конфликта — это усмирение праведным царем короля, непокорного установленному Богом порядку и иерархии!

титула в глазах московского правителя было фактором, скорее дискредитирующим короля Сигизмунда, чем унижающим русского монарха. Власть последнего утверждена Богом, а что такое по сравнению с Божьей волей мнение упрямого Ягеллона? Ересь. Выступление против воли Христа. Глупость и невежество. Не более того...

Русская официальная сторона была абсолютно уверена в величии и богоизбранности своего государя:

«Всемогущая превышняя сила Божия не токмо на своих государствах устроила его царя, но и на иных местах царских, на Казани и на Азторхани прославила его царем, и противу всемогущей воли Божьей что постоит? Никтоже бо о себе приемлет честь, но званный от Бога, Бог возложит — кто сняти может? Бог прославит — кто уничтожит? Бог возвеличит — кто умалит? Противен к Богу — кто обрящется? Не низу ли сходят и смеху подлежат противляющеися воли Божьей? Надеющеняже на Господа възрят на враги своя, яко гора Сионя не подвижутся в веки»²⁴⁰.

Речь Макария представляет собой контаминацию библейских фрагментов, раскрывающих значение и роль православного царя. «И никто же сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон» (*Евр. 5: 4*) — речь идет о «царской жертве»²⁴¹. Государь, как и первосвященник, должен приносить жертвы и за себя, и за народ, а противящийся ему — противится Богу, и его постигнет Божья кара. Нечестивцев, которые сами себе приемлют честь (явный намек на мирское утверждение царских и королевских титулов, на котором настаивает Европа), поглотит земля, как поглотила она нечестивца Корея, пытавшегося противостоять получившему честь от Господа первосвященнику Аарону (*Чис. 16: 5, 40*). В словах Макария также содержится реминисценция библейской фразы: «Надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижутся в век живой во Иерусалиме» (*Пс. 124: 1*), отсылка на которую должна еще раз подчеркнуть богоизбранный характер царской власти Ивана IV.

Сходный манифест, славящий православного царя, только уже от имени самого Ивана IV, помещен в грамоте от октября 1556 г., адресованной королю Сигизмунду:

«А мы как есть государь кристьянский, положи упование на всемогущаго Бога, держим извечную свою прародителскую честь и старину, почтен от Августа кесаря и до великого князя Рюрика, и от Рюрика до великого князя Владимера, крестившаго Русскую землю, и царство Русское добре съдержавшаго, и от великого Владимира до царства великого Владимера Мономаха, высоко и достойнейшую от грек честь приимшаго, и от Владимера Манамаха по коленству до мстителя неправдам деда нашего, великого князя Ивана, и до блаженные памяти отца нашего, великого государя Василья, заукосненным прародителствия землям обретателя, даж по се время и до нас. Мы же восхваляем происшедшую на нас милость от всемогущаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и по данной нам от Бога власти кристьянства бережем и душу свою за них полагаем, сколько нам Бог помощи подаст, а чюжих пределов и чести не изыскиваем, и начальники бранем не улагаемся, уповая на Бога, прародителей своих чести держимся и убавити ее никак не хотим, а начальником неправды и преступником честнаго креста и съединителем к нашим неприятелем на кровь кристьянскую, тем за их неправды против воздати хотим, сколько нам всемогий Бог помочи подаст, занеже Бог праведный судья преступником честнаго креста и зачинающим брани мститель и противник есть»²⁴².

²⁴⁰ Грамота митрополита Макария к виленскому архиепископу и виленскому воеводе Н. Я. Радзивиллу, август 1555 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 476.

²⁴¹ Понятие «царской жертвы» и ее место в русской идеологии царства обстоятельно раскрыто А. В. Каравашкиным: *Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: 2000. С. 183–203.*

²⁴² Грамота Ивана IV королю Сигизмунду II Августу, октябрь 1556 г. // Сб. РИО. Т. 59. С. 537–538.

Здесь мы видим объединение двух концепций легитимации русского института царства: исторической и экзегетической. Первая конспективно воспроизводит легенду о кесаре Августе и дарах Мономаха. Вторая строится на парадигме о богоданности власти Ивана IV и православном учении о правах и обязанностях царя. Московский монарх объявляет себя носителем богоизбранной миссии — быть исполнителем решений Бога как «праведного Судии» (*Пс. 7: 12, 9: 5; 2 Тим. 4: 8*). Именно в этой роли Иван Грозный видел себя «противником браням», наказующим «за неправды» соседних правителей, не желающих заключать с Россией договоры на нужных ей условиях.

Русская посольская служба подготовила развернутый концептуальный ответ, почему Ивана IV надо именовать *царем*:

«А нечто учнут Василья Михайловича (Юрьева. — *А. Ф.*) с товарищи спрашивать, почему князь велики зоветца царем. И Василью с товарищи говорити: государь наш зоветца царем потому: прародитель его, великий князь Владимир Святославич, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческой и патриарх венчали ево на царство Русское, и он писался царем, а как представился, ино и образ ево на иконах пишут царем. А после того правнук ево, великий князь Владимир Манамах Всеволодич, пошел был к Царюграду ратью за некоторые неисправленья царей греческих, и царь Константин Манамах прислал к нему Неофита, митрополита ефесского з двема епископы, да стратига своего Августалия, а прислал к великому князю Владимиру Манамаху поминка: крест, животворящее древо Христово, да венец свой царской и диадиму, и тем венцом прародитель государя нашего Владимир Манамах и венчался на царство Русское митрополитом ефесским кир Неофитом, и от того времени на государьствах писался царем и великим князем. И после того времени обычай в Русском государстве и по се время: которой государь тем венцом венчается, то и пишется царем русским и великим князем. И ныне государь наш, з Божьею волею, тем же венцом прародителя своего на свои государства венчался Макарием, митрополитом русским, и всем освященным собором, и потому ныне государь наш на своих государьствах и пишется царем, и изо всех земель государи пишут его царем же. А нечто молвят: отец государя вашего и дед на тех же государьствах были, да чего для царем ся не писали? И Василью Михайловичу с товарищи говорити: отец государя нашего и дед не венчались, потому и не писались, а от начала у государей наших в обычае лежит: которой венцом венчается на царство, тот и пишется. А ваши государи от начала писались великие князи, а как Ягайло короновался на Полскую землю, и он учал писатися королем, а ныне государи ваши пишутца короли потому же, которой коронован будет на королевство. И молвят: наши государи пишутца по государству, место за ними королевское. И Василью Михайловичу с товарищи говорити: а наши государи от начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые венчаютца: а и опричь Русские земли ныне государю нашему Бог дал царьство Казанское, и что ему государю нашему Бог дал, и то хто у него отставит? И государь наш ныне, з Божьею волею, пишется царем Русским и Казанским, и то, панове, место казанское и сами знаете извечное царьское потому ж, как и Русское»²⁴³.

¹ Как видно, в основу аргументации русской стороны была положена легенда о «дарах Мономаха». Коронации королевским венцом от римских пап противопоставлено древнее венчание на царство от византийского патриарха. Оно совпадает с актом принятия Русью христианства. Последний тезис очень важен — он противопоставлялся идее, что только коронация из рук папы и уния могут ввести Россию в лоно христианского мира. Именно церемониал венчания сделан центральным в феномене превращения монарха в *царя* или *короля*. Подобная идея явно была связана с концепцией монарха как наместника Божия на земле. Россия настаивала на легитимности царского

²⁴³ Наказная память посольству В. М. Юрьева, январь 1554 г. // Там же. Т. 59. С. 436–437.

статуса своего правителя как прямого наследника славы и власти библейских царей, в соответствии с концепцией Руси как Нового Израиля.

К концу 1550-х гг. в наказах русским послам меняется тон инструкций, что отвечать на вопросы «о царском имени». Предлагалось обрывать диалог, а не устраивать дискуссию (видимо, из опасения проиграть спор). Например, посланник в Литву Ф. И. Сукин 18 августа 1560 г. получил следующее распоряжение:

«А нечто учнут Федора Ивановича и Григорья спрашивать: почему князь великий зоветца *царем*? И Федору и Григорью говорити: надобе будет вам о том подлинно спрашивать, и вы поедте к Москве, и на Москве вам подлинно скажут, а яз был здесь посольством неодинова и сказывал есми о том вашей братье многожды, и они себе в разум не возмут, и яз болши того говорити не хочу, а добро бы то, чтоб кто имея уши слышати да слышал, а коли, имея уши слышати, да не слышат, ино ето и сказывать не надобе»²⁴⁴.

Примечательно, что здесь, помимо принципиального отказа от дискуссии о царском титуле, в устах московского дипломата люди, отказывающиеся признать Ивана Грозного царем, сравниваются с не принявшими Христа, для чего привлекается хорошо узнаваемая евангельская цитата: «Имеяй уши слышати, да слышит», повторяющаяся в различных проповедях и притчах о людях, заблуждающихся в своем неверии и неузнавании истинного Бога (*Мф. 11: 15, 13: 9; Мр. 4: 9, 23*).

В 1577 г., после прихода к власти в Речи Посполитой, Стефан Баторий с целью установления добрососедских отношений с Россией приказал посольству С. Крыского в своих речах сделать Ивану IV комплимент, назвав его «многих панств в христианстве не последним господарем». Стефан явно шел на уступки и хотел продемонстрировать «приязнь» к царю, сказать ему приятное. Однако эта фраза Москвой была истолкована как оскорбительная и вызвала прямо противоположный эффект. В ответ на эту попытку сделать комплимент, что русский царь — «не последний» среди европейских правителей, русскими дипломатами он объявляется «набольшим во вселенной»:

«То укоризна, а не похвала, что последнейшей мало что не худой, где толко двадцать человек или болши того, ино не последнейшей то любо десятой или пятнадцатой... А мы з Божьею волею над собою болшего не ведем никого, а не токмо что пятонацатые или десятые, или пятыя ни шестыя, ни паки другия. Но везде бо Божиим милосердием первые есмя в государех»²⁴⁵.

Последние слова еще раз демонстрируют, насколько Россия не нуждалась, вопреки мнению ряда историков, в признании высокого статуса своего государя на международной арене. В своих глазах Иван Грозный и так был «первым во вселенной».

Как Россия объясняла, почему она напала на Ливонию?

Вместо правовых норм у русских дипломатов часто отдавалось предпочтение какой-то первобытной, грубой силе, архаичной практике «первого захвата» и т. д.²⁴⁶ Доминировал стереотип насильственного присоединения окрестных земель — «горо-

²⁴⁴ Наказная память посольству Ф. И. Сукина, август 1560 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 8.

²⁴⁵ Материалы приема посольства С. Крыского // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 381–382; Книга посольства С. Крыского, 1578 г. // ОР РНБ. № Q IV-33. Л. 59 об.–60.

²⁴⁶ Архаика московской придворной культуры иногда просто поражает. В 1559 г. датские дипломаты передали Ивану Грозному подарок короля — часы с указанием небесных светил. Сперва они были приняты, но на третий день их с извинениями вернули, заявив, что дружба царю дорога, но для него, как для христианского царя, который верует в Бога и которому нет дела до планет и небесных знаков, подарок датского короля непригоден (Из письма датских послов, возвращавшихся из России, королю Фредерику II от 19 мая 1559 г. // КА. С. 139–144. № 69).

ды и земли за чашею и за хлебом не емлются»²⁴⁷. Когда в октябре 1561 г. гапсальский наместник Д. Бэр в Ливонии объявил несколько дворов собственностью датского короля, то хозяйничавшие во дворах ракоборские воеводы ответили, что они взяли эти места мечом, и это гораздо выше каких-то там наследственных прав датского короля²⁴⁸. На переговорах 1562 г. датского короля упрекали в том, что, когда на Вик нападали литовские войска, именно русские воеводы отбили их, а датчане оказались безучастны. А теперь король Фредерик хочет получить себе эти земли — а на каких основаниях, разве он за них воевал?²⁴⁹ Причем, по свидетельству А. Шлихтинга, «считается» только личное участие в покорении земель: «Московиты считают, что раз герцог Магнус все, что взял, занимает при помощи московитов, то он и не будет по-своему распоряжаться [этим]»²⁵⁰. Иван IV писал Девлет-Гирею: «Сечию прибудет ли убудет ли некоторое государство, ни полно, ни убыточно не будет»²⁵¹.

При этом русская историческая память проявляла необычайную гибкость: помнила о своих завоеваниях соседней, но напрочь забывала о том, как соседи завоевывали Русь. На переговорах 1566 г. даже возник любопытный казус: литовский посол Ю. Тишкевич, выведенный из себя тем, что Иван IV настойчиво претендовал на Ливонию по праву завоевания, в сердцах вскричал:

«Николи есмя того не слыхали, чтоб Вифлянская земля была русских государей, а потому Вифлянские земли вотчиною государю вашему называти не по чему, что прежние русские государи Вифлянскую землю воевывали, а в кроникех написано, что в прежние лета татарове и Москву воевали и иные места, и татаром те места вотчиною не называти ли?».

Ответ, данный дворянином П. В. Зайцевым, весьма примечателен: «И мы того не слыхали, чтобы татарове Москву воевывали, того не написано нигде, а в свои кроники что захотите, то пишете»²⁵². Насколько к середине XVI в. изменилась историческая память, чтобы можно было сплеча утверждать, что татарского господства над Русью никогда не было! Понятно, что Зайцев здесь лукавил (дискурс татарского завоевания всюду привлекался для легитимизации завоевания Казани и Астрахани²⁵³), но такое лукавство уже было возможно и на официальном уровне даже поощрялось!

Первый документ, имеющий непосредственное отношение к вмешательству России в ливонский конфликт — грамота об объявлении войны, датируемая ноябрем 1557 г.²⁵⁴ Здесь сразу же возникает некоторая проблема. Означает ли это, что январский поход

²⁴⁷ Речь В. М. Юрьева на переговорах с крымским гонцом Акинчием, июнь 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 352.

²⁴⁸ ДА. С. 40. № 123; КА. С. 162–163. № 83.

²⁴⁹ Из речи А. Д. Басманова 20 июля 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 157.

²⁵⁰ [Шлихтинг А.] Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и примеч. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 60.

²⁵¹ Послание Ивана IV Девлет-Гирею, 9 октября 1562 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²⁵² Сб. РИО. Т. 71. С. 395.

²⁵³ Европейские современники первого русского царя отмечали, что причиной необычайной гордыни Ивана IV, его заносчивости перед иностранными монархами было самоощущение русского великого князя себя предводителем народа — победителя татар, народа, взявшего исторический реванш (Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt, 1972. S. 155).

²⁵⁴ Грамота царя Ивана Васильевича магистру Ливонского ордена Вильгельму, архиепископу Рижскому, епископам и всем людям Ливонской земли с перечислением их неправд и объявлением войны. 1557 г., ноябрь // Архив СПбИИ РАН. Колл. 124 (Собрание С. В. Соловьева). Оп. 1. № 128. Столбец. Л. 1. (Грамота была подготовлена к печати и опубликована: Попов В. Е., Филошкин А. И. Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 192–201).

1558 г. не был спонтанным, вызванным провалом миссии ливонских послов в конце 1557 г.? Что принципиальное решение о начале войны было принято еще ДО приезда ливонских послов, и декабрьские переговоры 1557 г. в Москве уже ничего не могли изменить? Что царь и его посольская служба разыграли на них целый дипломатический спектакль, который и ввел в заблуждение историков? Что декабрьские переговоры со стороны Москвы были уже лицемерием?

Представляется, что нет. В ноябре было уже ясно, что Ливония дань платить не хочет. Поэтому была необходима карательная акция, целью которой было «выбить» дань из неаккуратного должника. К ней и стали готовиться в ноябре 1557 г. Появление в декабре 1557 г. в Москве ливонской делегации было событием приятным, но сути дела не изменило: денег-то ливонцы не привезли. Применительно к январю 1558 г. ничто не указывает на то, что, если бы Ливония заплатила, русское вторжение все равно бы состоялось. Но Ливония не заплатила и надеялась неизвестно на что...

При этом русской стороной изначально подчеркивалась богоугодность действий Ивана Грозного, священный характер войны. В 1558 г. на переговорах с ливонцами, которые привезли часть требуемой дани, Грозный заявил, что ему деньги уже не нужны, потому что он и так захватил в Ливонии достаточно. При этом подчеркнуто, что государь «утешается своим правым делом», то есть для него исполнение Божьей воли и осознание того, что он выступает за богоугодное дело и карает грешников, важнее, чем какие-то деньги²⁵⁵.

Русская грамота об объявлении войны была доставлена в Нарву только 24 января 1558 г. Она была переведена на немецкий язык²⁵⁶ и в дальнейшем неоднократно цитировалась, причем с большими искажениями, хронистами Ливонской войны — Т. Бреденбахом, Б. Рюссовым (см. вторую часть книги). Причины нападения на Ливонию были сформулированы следующим образом:

«И мы были за ваши многие неисправленья наместником своим перемирья с вами делати не велели, а хотели есмя ваших неправд на вас искати. И послы ваши Иван Бокостр с товарищи нам за вас добили челом на том, что маистру Ливонские земли, и арцыбископу Ригскому, и бископу Юрьевскому и всем людем Ливонские земли к нам во всех неправдах исправитись. Церкви руские и концы все и грядни и земли церковные очистити, и отдати нашим купцом часа того, а гостем нашим и купцом торговати с ливонскими людьми и с заморцы всякими тавары без вывета на всякой товар, oprичь воску да сала и пансырей. А бископу Юрьевскому собрати наша дань и старые залогии со всею Юрьевские державы на всякой прошлой год со всякие головы по гривне по неметцкой, и прислати та дань в третей год перемирья. А вперед бископу та наша дань давати нам на всякой год безпереводно. А которые люди служилые заморцы всяких земель к нам ни поедут служити и тех к нам пропускати безо всяких зацепок и задержания. А к Жигимонту королю Полскому и Великому князю Литовскому или иной хто Государь будеть на Полском королевстве и на Великом княжестве Литовском, и вам к нему не приставаи ни в чем, никоторыми делы. И в перемирные грамоты те слова все имянно отписали, и крест за вас за всех на тех грамотах целовали, что вам те дела все исправити по тому как в тех грамотах писано. А наместники наши Великого Новагорода и Пскова те грамоты перемирные посылали к вам с своим послом с Келарем Терпигоревым. И маистр, и арцыбископ, и бископ Юрьевский, и иные бископы за всех людеи Ливонские земли, на тех грамотах крест целовали и рўки дали и печати свои к тем грамотам приложили перед Келарем Терпигоревым... Да и по се время в тех во всех делех никоторого есте

²⁵⁵ Рюссов Б. Ливонская хроника—II. С. 362.

²⁵⁶ 1557. (7067.) Nov. Moskau. Fehdebrief des Grossfürsten an Livland // Schirren C. Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem dänischer geheimen Archive zu Kopenhagen. Reval, 1883. Bd. I. S. 30–33. Nr. 3.

исправленья к нам, и к нашим намесником не учинили. И мы жалея розлития крови христьянския многижды вас напоминали своими грамотами, чтобы есте во всех делех по перемирным грамотам к нам исправилися... многижды напоминали, что от начала преступником чеснаго креста за их неправды мстим сколько нам Бог поможет... И вы себе наше жалованье ни во что поставили, а опасные наши грамоты имали есте себе на то, чтоб дале дело изволочити. И коли уж Божее закон и всю правду оставили есте и крестного целования не помните и наше жалованье ни во что поставили есте, и мы за свою правду призывая всемогущего Бога в помощь и силу честнаго и животворящего креста ваших неправд за ваше крестное преступление на вас искати хотим сколько нам всемогий Бог помощи подаст. А которые крови ни прольютца, и то не от нас, от вашии неправды прольются» (курсив наш. — А. Ф.).

Таким образом, если обобщать, то для России причиной войны в официальной грамоте об ее объявлении названо несоблюдение Ливонией договора 1554 г. Из известных нам реальных фактов нарушения Ливонией этого договора была невыплата обещанной юрьевской дани — дерптский епископ в самом деле взял на себя обязательство к 1557 г. собрать и заплатить дань и слова не сдержал, то есть нарушил договор, на котором клялся именем Христа. А магистр выступал гарантом соглашения, и ничего не сделал, чтобы помешать дерптскому епископу впасть в грех клятвoprеступления, нарушить «правду». С русской стороны это было страшное обвинение, однозначно квалифицирующее Ливонию как страну-преступницу, которая заслуживает кары. Причем Россия выступает здесь не более чем орудием Божьей воли, так как преступление совершено против Богом установленного порядка.

Из других документов такого рода известен хранившийся в Ревельском архиве перевод русской грамоты с рассказом о причинах войны, датируемый 1558 г.²⁵⁷ В грамоте говорится о разорении русских концов в Дерпте, Риге и Ревеле, разрушении церковей (на месте монастыря под Ревелем поставили пушечный двор, а вместо храмов во всех городах — «паракели»), в немецких аналогичных текстах — Cloaken und Rackereyen — живодерня, отхожие места)²⁵⁸. Дань русских князей «исстари» была на Дерпте, а ее не платили. Далее говорится, что ливонцы подписали договор и взяли на себя обязательства во всем «исправитца», а не исправились, церкви и концы не вернули, дань не заплатили и т. д. Документ интересен тем, что в нем прямо сказано: если бы ливонцы заплатили дань, войны бы не было. А пока идет карательная акция, которая будет остановлена, как только произойдет выплата и ливонцы исправятся в остальных прегрешениях.

Насколько данные мотивы были риторикой, демагогическим приемом, прикрывающим реальные агрессивные устремления? Думается, что, конечно, не следует буквально следовать за текстом грамоты (в нее, естественно, не попало желание Ивана Грозного выколотить дань и извлекать прибыль с торговли через ливонские порты). Под пером дипломатов мотивы русского нападения выглядят более благородными. В то же время будут неправы и те ученые, которые посчитают все сказанное сплошным лицемерием, прячущим вульгарную агрессию. Для русских людей XVI в. вышеназванные мотивы — действительно достаточный повод, чтобы взять в руки оружие. Ведь дети боярские, переправляющиеся через Нарову, должны были знать, зачем они это делают. И чувствовать себя не захватчиками, а выполняющими справедливую миссию.

²⁵⁷ Записка с изъяснением причин и поводов войны Московского государства с Ливонскими немцами // [Барсуков А.]. Русские акты Ревельского городского архива. СПб., 1894. Стб. 115–120. № 68.

²⁵⁸ Б. Н. Флоря выводит «паракели» от греч. Паракелллов (Флоря Б. Н. К вопросу о начале писательской деятельности Ивана IV // ДРВМ. 2004. № 2 (16). С. 6).

А ливонцы должны были знать, что им следует сделать в первую очередь, чтобы предотвратить войну. Для этого им грамота и посылалась. Нет никаких оснований утверждать, что война все равно бы состоялась, если бы они заплатили дань, «очистили» русские церкви, дали бы больше прав русским купеческим концам в своих городах, расширили возможности русской торговли, продемонстрировали бы покорность и возвеличили «государево имя». Поэтому изложенные в грамоте мотивы следует считать адекватным отражением поводов и причин нападения на Ливонию.

Как русские посольские службы объясняли нападение на Ливонию перед представителями других стран? Впервые такое объяснение для дипломатов Великого княжества Литовского содержалось в наказе послу Р. В. Алферьеву в 1558 г. К сожалению, посольская книга испорчена (вырван лист), и мы можем прочесть только начало: «...а послал государь наш на Ливонскую землю рать свою за многие их неправды, людем торговым обиды делали многие, а церкви...»²⁵⁹

Литовскому посольству В. Тишкевича в марте 1559 г. было велено передать в Вильно следующее объяснение причин нападения на Ливонию:

«А что есте нам говорили о Вифлянтех, и о том слово особое. Вифлянты извенные наши данщики, и святые Божии церкви разорили, и образом Божиим поругалися, и нам в наших данех не исправилися, и за то противу своих дел от нас наказанье и приняли, а вразумеют, будет к Богу исправитися, и своим челобитьем наш гнев утолити, и тогда попригожу свое жалованье на них учиним, исполняя пророческое слово: Господь гордым противитца, смиренным же благодать дает»²⁶⁰.

В этих словах причинами войны называются преступления против православных церквей, неплатеж дани и «непослушание», при исправлении которых боевые действия тут же прекратятся. Примечательно, что свое заявление дипломаты поместили в высокий контекст библейских цитат. Помимо вышеприведенной, они завершили свое выступление сентенцией:

«А иные наши слова, поведанные вам послом в розговоре, писати нетребе, словом брату нашему известите, и выразумети от вас может, занеже и Христос Бог наш рече учеником своим: аще в коем дому не примут вас, прах от ног ваших отрясете во свидетелство их»²⁶¹. Инде же пророк рече: целихом Вавилона, и не исцеле, и несть ему откуды помощи»²⁶².

В апреле 1559 г. на переговорах с датскими послами русские дипломаты озвучили несколько неожиданный мотив нападения на Ливонию. Иван Грозный использовал очень популярный в его идеологии тезис о своем «малолетстве» как причине многих бед²⁶³. Царь говорит, что он вступил на престол в три года, и, воспользовавшись его

²⁵⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 542.

²⁶⁰ «Бог гордым противитися, а смиренным дает благодать» (*Притчи 3: 34; Иак. 4: 6*).

²⁶¹ *Мф. 10: 14; Мк. 6: 11; Лк. 9: 5*.

²⁶² «Врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его, и пойдем каждый в свою землю, потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков» (*Иер. 51: 9*); Сб. РИО. Т. 59. С. 580.

²⁶³ Примечательно, что этот тезис использовался и другими государствами. Так, в послании крымского хана Сагиб-Гирея Ивану IV от декабря 1547 г. говорится, что крымский правитель до сих пор не нападал на Россию, потому что Иван был молод, его жалели — а теперь уже вырос, и пусть об этом «гораздо себе помыслит» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 58 об.). Своим повзрослением Иван IV объяснял в 1563 г. возникшее желание заключить мир с Крымом: когда великий князь был в «несовершенных летах», «и ты тогда Москву видел, а Крым тогда каков был... а нынеча господней Божией благию какова рука государя нашего?» (Наказ послу в Крым А. Фи. Нагому, март 1563 г. // Там же. Д. 10. Л. 85). В 1569 г. в наказе Л. Новосильцеву царь с помощью тезиса об «измене казанцев» в свои «несовершенные лета» обосновывал права России на Казань (Наказ послу в Турцию Л. Новосильцеву, ноябрь 1569 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 20).

младенческим возрастом, многие «неприятели пограничные» напали на Россию, а вот ливонцы перестали платить дань. В Риге и Дерпте были разорены русские церкви, в Риге и Ревеле у московитов отображены «гридни и палаты» и отданы ливонцам, из православных церквей сделаны конюшни. Когда Иван IV «вошел в возраст», он сперва расправился за подобные преступления с казанцами²⁶⁴, затем пытался договориться с ливонцами, но они не пожелали ничего слушать. В результате государь просто вынужден наказать своих изменных подданных²⁶⁵.

В наказе русскому гонцу в Литву Р. Пивову в июне 1559 г. о возможном вмешательстве Сигизмунда в ливонский вопрос сказано:

«Ливонские немцы извечные данщики государя нашего, а емлет с них государь наш со всякие головы по гривне по неметцкой ежегодов, и грамоты жаловальные государские у них есть по сколку им дани давати, а ныне не исправились были в старых данех, и государь на них за то их неисправленье и за торговые неправды грозу свою на них положил, воевати их велел, а вступитися в них у государя нашего кому мочно? Извечные данщики государя нашего. А вы смотрите себе в королевых перемирных грамотах и в докончалных старых: естли они писаны в королеве стороне, то в них государю нашему не вступатися, ино то они королевы, а мы то ведаем гораздо, что они извечные данщики государя нашего»²⁶⁶.

На переговорах с литовским послом М. Володкевичем в январе 1560 г. уже звучит историко-юридическое обоснование нападения:

«Ливонская земля изначяла государей наших данщики, от великого Ярослава Володимеровича и по се время, и коли проступят, и государи их наших казнят, и в них ся по се время ниhto у государей наших не вступивал... и грамоты Мартыну перемирные казали»²⁶⁷.

В послании Ивана IV к императору Священной Римской империи Фердинанду от 24 февраля 1560 г. причины войны расположены несколько в другой последовательности (в пересказе этой грамоты Б. Рюссовым). Первой причиной объявлена «война за веру» — ливонцы «русские церкви обратили в оружейные склады и живодерни, иконы... сожгли и обесчестили». Второй — притеснения русским купцам в ливонских городах — недопуск их к складам, улицам и т. д. (морская торговля не упоминается). Третьей назван неплатеж дани. Иван IV неоднократно пытался урегулировать проблемы путем переговоров, но «сердце их, как фараоново, пребывало окаменелым». За это они должны быть наказаны «мечом и огнем, и это не его (царя) вина, а собственная вина ливонцев»²⁶⁸.

При обращении к собственно тексту грамоты аргументация Ивана Грозного выглядит немного иначе (хотя текст явно испорчен латинским переводом). Царь включил в свой титул «государь ливонской земли, и Юрьева и иных». Он перечисляет вины

²⁶⁴ Тезис об отпадении Казани от России как результат измены казанцев «в государевы несовершенно лета» применялся русской дипломатией и при полемике с Крымским ханством, ср.: «И те юрты изначала от дед и от прадед русских государей, и на те юрты царей сажали руские государи, и в государевы несовершенно лета казанцы многие убытки земле его учинили, и государь их измены сам ходил и изменников казнил, и те юрты учинил, как им неподвижну быти» (Из приговора царя с боярами о крымском вопросе 11 декабря 1567 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 82 об.). Аналогичная аргументация использовалась и в отношениях с Турцией (Наказ посольству Л. Новосильцева, ноябрь 1569 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 20 об.–21).

²⁶⁵ Рюссов Б. Ливонская хроника—II. С. 381; Речь А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого датскому послу Клаусу Урне, 4 апреля 1559 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 49, 50, 52.

²⁶⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 584.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 324.

²⁶⁸ Рюссов Б. Ливонская хроника—II. С. 376–377.

ливонцев: они нарушили наказ Господень и приняли «учение Люторово», Ливония — исконно русская земля, Юрьев был построен Юрием Ярославичем еще в 5038 г. (? — А. Ф.), и с этих времен ливонцы обязались платить дань. В Риге, Ревеле и Guvergeno (? — Иарвене?)²⁶⁹ были построены православные храмы, учинены ярмарки, возведены крепостные укрепления. Ливонцы утвердили свою верность клятвами, но нарушили их. Они сделали из православных церквей конюшни и места для человеческих экскрементов («*loca excrementorum humanum*»). Иван IV увещевал отступников, но безуспешно, потому что сердце их закоснело, как сердце Фараона, как сказано в Писании: «Ожесточу Фараоново сердце, да проявлюсь в нем»²⁶⁹. И поэтому ливонцы «терпят ныне за своевольство свое от огня и меча, не по желанию нашему, а по собственному умышлению, как гласит пророк: “Возложи уста свои на небо и язык преиде в землю”»²⁷⁰. То, что происходит в Ливонии — «*Justitiae revisio*», проверка правосудия²⁷¹.

В мае 1560 г. в ответе на претензии Сигизмунда II на владение Ливонией русская сторона дала литовским послам следующий ответ:

«Та земля извечна из государей царей благочестивых Русских государей данщики, и за короли Литовскими не бывала, на то у него, государя, прежних всех государей грамоты утвержденные, а король бы в том с государем нежитья не хотел, и в чюжие ся безлепе не вступал».

Короллю предлагалось прислать доказательства, почему он рассматривает Ливонию как свои владения²⁷².

Майский 1560 г. поход русских войск в Ливонию получил в посольских кругах следующую аргументацию:

«...за их многие неправды и за порухение крестиянские веры и за позжение образов Божиих и святых всех и за всех их неисправлене перед государем и за то, что королю многие городки позакладывал и поздавал и сам х королю ездил и со всею землею прикладывался и против государевой рати помочь емлет и из заморья наймует»²⁷³.

Вмешательство в конфликт Литвы трактуется русской стороной как клятвопреступление. В грамоте к Сигизмунду II от апреля 1560 г. Иван IV писал, что король позабыл «свое с нами перемирье и крестное целованье». Но в этом виноват не Сигизмунд II, а люди, «которые тебе брату нашему и всему твоему государству добра не хотят». Не отрицая принадлежности Ливонии к германскому миру, Иван IV утверждал, что изначально «от римского государства избирали себе духовных мужей и мистров для своего закону *по утвержденным грамотам прародителей наших*» (имеется в виду Ярослав? — А. Ф.)²⁷⁴.

На русско-датских переговорах в Москве в июне–июле 1562 г. Ливония объявлялась перед датчанами русской вотчиной уже с Владимира Крестителя и «его сына Ярослава», а поселившиеся там «немецкие люди римского закону» «почали бити челом

²⁶⁹ Исх. 14: 4.

²⁷⁰ Цитата из Псалтыри, 72: 9: «Положиша на небеси уста своя, и язык их преиде по земли». В данном Псалме говорится о помощи Бога Израилева только правым сердцем, и что есть некоторые, преисполненные гордыни из-за неправды и нечестия своего. Они «неправду в высоту глаголаша», и Бог непременно покарает этих грешников.

²⁷¹ Сношения царя Иоанна Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах // Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 7–10.

²⁷² ПСРЛ. Т. 13. С. 327; ср. анализ этих и других упоминаний Ливонии как «вотчины» царя: Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе... С. 707–709.

²⁷³ ПСРЛ. Т. 13. С. 327.

²⁷⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 609–610. — В тексте приведена цитата из Евангелия: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло» (Мф. 6: 22).

русским государям, чтобы им позволили держать» «бискупов и капланов» от римского папы. Отсюда и пошло первое лукавство, закончившееся неплатежом дани, с которым разобрался Александр Невский. Здесь же активно был озвучен тезис о вероломстве казанцев, ливонцев и других клятвопреступников, которые выходили из повиновения, пользуясь малолетством Ивана IV, «несовершенными летами государя», и он покорением окрестных государств всего лишь наводит былой порядок, восстанавливает *status quo*. Те же государи, кто вступаются за ливонцев, защищают изменников и клятвопреступников, значит, сами достойны наказания — отсюда и происходит война Ивана IV с Сигизмундом II²⁷⁵.

На переговорах с литовскими послами в декабре 1563 г. о причинах нападения на Ливонию было сказано:

«А Вифлянская земля вотчина наша потому, что в лето 6508²⁷⁶ прародитель наш, великий государь Георгий Ярослав, самодержец Киевский и всяя Руси и многим землям государь, ходил на тое землю ратью и пленил их и в свое имя град Юрьев поставил, и тое землю взял за себя, и от тех мест и до сих мест та земля вотчина наша, за прародители нашими была и дань нашим прародителем давали, и в незгуду прародителей наших хотели были отсутити, ино великий государь Александр Храбрый на них послал огонь и меч свой, и николи та земля неотступна была от наших прародителей, даж доиде по коленству до мстителя неправдам деда нашего, великого государя Ивана, и до блаженные памяти отца нашего великого государя Василья, закосненным прародителствия землям обретателя, даж доиде и до нас смиренных... а брат ваш, не хотя добра христианству, не жалея о розлитии крови христианской, в нашу в искони вечную вотчину неправдоу вступаетца»²⁷⁷.

Видимо, отсюда рассказ о Ливонской земле, принадлежащей древнерусскому князю Ярославу, попал в хронику Ниенштедта, только ливонец отнес его к переговорам 1554 г. По Ниенштедту, на них, когда ливонцы изумились требованию дани, Иван IV «вспыллил и сказал, что удивляется, как это послы не хотят знать, что их предки пришли в Ливонию из-за моря и, следовательно, вторглись в его великокняжескую вотчину». И ливонские немцы получили право жить на этих землях только с условием платежа дани. Они сперва ее платили, а потом перестали — и вот настал час расплаты и возвращения недоимок за все годы!²⁷⁸ Последнее положение было подхвачено российскими историками, которые в поисках происхождения ливонской дани опускались вплоть до XII–XIII вв. — например, говорили о дани, которую ливонский епископ Адальберт платил полоцким князьям за крещение ливов, или о дани, якобы взятой в 1234 г. с Юрьева русскими князьями.

Какого поведения ждал Иван Грозный от ливонцев? Материал для ответа на этот вопрос дают русско-ливонские переговоры мая 1558 г. Москва выразила послам свое раздражение, что до сих пор в столицу не прибыли сам магистр и церковные иерархи Юрьевской епископии. Они должны были «за свои вины бить челом» и самостоятельно отдать распоряжение о сборе дани, распределив выплаты среди населения²⁷⁹. Таким образом, царь хотел от руководства ордена демонстрации зависимости, поступков, сим-

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 109–111 об.

²⁷⁶ На самом деле основание Юрьева состоялось в 1030 г., а не в 1000 г., когда Ярослав еще даже не княжил в Киеве. Использование здесь миллениаристской даты, возможно, также имеет скрытый подтекст — эсхатологический?

²⁷⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 216.

²⁷⁸ *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись. С. 9–10. Рассказ Ниенштедта (начало XVII в.), видимо, воспроизводит более поздний и ливонский по происхождению дискурс объяснения нападения на Ливонию.

²⁷⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 297.

волизирующих, что власть русского монарха над территорией Ливонии аналогична его полномочиям внутри России. Магистром распоряжаются, будто великокняжеским наместником или правителем мятежной провинции, по аналогии с Казанским ханством. Об этом прямо говорит Рюссов: царь требовал личной явки магистра и архиепископа, которые должны «ударить челом всею ливонскою землею», как это уже сделали казанский и астраханский цари. А уж великий князь решит, как с ними поступить²⁸⁰.

Чего хотела Россия получить в Ливонии, когда отказалась от идеи выколачивания дани? Что об этом говорят дипломатические документы? В этом плане очень интересен проект «Русско-Ливонии», содержащийся в датско-русском договоре 1562 г. В эту территорию Иван IV желал включить «Гестонию» («Истлант»), которая делилась бы на «державу Феллинскую», «державу Каркусую», Пернов, «державу Иарвенскую», «Лагьшский язык» и «Ливский язык», а также часть Курляндии²⁸¹. По сути, царь претендовал на всю Ливонию, разделенную на отдельные административные единицы по образцу русской уездной системы.

Другим примером государева «пожалования» была история с герцогством Магнуса. 26 сентября 1559 г. было заключено Нюборгское соглашение между Ливонией и Данией. В одной из секретных статей Эзель и Вик передавались во владение брату датского короля Магнусу. Он вступил в свои права 7 марта 1560 г. Однако положение датского князя в Прибалтике непрочным: 4 марта 1561 г. Фридерик II заставил его подписать договор об ограничении прав управления в пользу штатгальтера датского короля Дидериха Бэра. Собственно, Магнуса держали как ширму, прикрывавшую планы аннексии Прибалтики непосредственно датской короной.

В 1567 г. в московских дипломатических кругах возникает идея раздробления Ливонии на ряд мелких княжеств с ленной присягой правителям Польши, Швеции, Дании и России. Тем самым предполагалось по-мирному добиться раздела сфер влияния. Как мы видим, модель этого раздела была чисто феодальная. Грозный сперва предложил основать такое герцогство пленному бывшему магистру ордена Фюрстенбергу, но тот отказался. Затем последовало аналогичное обращение к Кеттлеру, к тому времени владевшему частью бывших орденских земель (Курляндией) на правах вассала

Датский герцог Магнус, правитель Датской Ливонии в 1560-1570, «вассал» Ивана Грозного и герцог Ливонии в 1570-1578 гг.

Сигизмунда. Последний магистр Ливонии также отверг данное предложение. Согласился только Магнус, увидевший в этом шанс стать более независимым и обзавестись собственным государством с самостоятельным политическим курсом. В ответ на его утвердительный ответ последовало восклицание: «Счастье в ваших руках, вас ждет Ливонская корона!»²⁸².

²⁸⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника—II. С. 364.

²⁸¹ Проект русско-датского договора, 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 258 об.—262 об.

²⁸² Цит. по: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Т.1: Борьба из-за Ливонии // Записки историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1893. Ч.33. С. 538.

27 января 1570 г. послы Магнуса вернулись из Москвы в Аренсбург. В заключенном соглашении говорилось: Иван IV обещал отдать ему все свои завоевания в Ливонии. После смерти Магнуса они отходили его наследникам, а после пресечения рода — датской короне. Русское население будет выведено из Ливонии, а право торговли в ней передается «немцам». В ответ от Магнуса требовали ленной присяги. Чтобы польстить новоиспеченному герцогу, Грозный на переговорах заявил, что он сам — немец, поскольку Юриковичи происходят от родственника императора Августа Пруса, основателя Пруссии.

«Королевство» Магнуса существовало до начала 1578 г., когда он неожиданно изменил и принес присягу на верность новому польскому королю Стефану Баторию. Его история весьма показательна: Иван Грозный решал проблему территориального раздела Прибалтики в традициях русской удельной эпохи. Великий князь был готов пожаловать захваченные земли в вотчину вассалу, принесшему ему оммаж, и выселить с них своих подданных! Это свидетельствует о том, что Русская Ливония рассматривалась как очередной «удел», аннексированная территория, которая идет «в раздачу» верным царским слугам.

Знали ли русские, что проиграли войну?

Священная война, покарание изменников, победоносные рейды по вражеской территории с осознанием, что «всюду рука государская высока», раздачи земельных пожалований, награждение победителей и казни изменников после 1578 г. сменяются целой чередой военных неудач, которые — довольно неожиданно и для царя, и для служилых людей — привели войну из Ливонии на русские земли. Как в этом контексте меняется трактовка войны в посольских книгах? Ведь прежняя риторика уже не годилась. Как вели себя русские дипломаты в дни побед, мы знаем. А как в дни поражений?

Для русской мысли было характерно объяснение поражений, что они насылаются Богом за грехи. Именно так летописец объяснял первые неудачи в Ливонии. Например, проблемы при срочной переброске войск в октябре 1559 г. под осажденный рыцарями Юрьев (бывший Дерпт) так объяснялись летописцем: «...*по грехом* пришла гряда великая и безпута кроме обычая, и в нужу рать пришла великую, а спешити невозможно»²⁸³.

Объяснение поражений фактором «по грехам» доминировало и в дальнейшем. К нему добавились «нерадение воевод» и «измена». В 1564 г. Иван Грозный обвинял князя Андрея Курбского в «непобеде» в битве при Невеле (1562), что князь с 15-тысячным отрядом не смог одолеть 4000 литовцев. В 1564 г. летопись называет причиной поражения в битве при Уле то, что воеводы «...шли не по государьскому наказу, оплошася, не бережно и не полки, и доспехи свои и всякой служебной наряд везли в санех»²⁸⁴. «Неисполнение» государева наказа — частая причина, которая фигурирует в летописи при объяснении военных неудач. Царь ошибаться не может, ошибаются воеводы. Или не просто ошибаются, а изменяют — в Соловецком летописце воспроизводилась точка зрения, что в 1579 г. Полоцк Баторию «здали Петр Вольнской да стрельцы»²⁸⁵.

В то же время в посольских книгах тема поражений вообще не поднимается. Русские дипломаты делали вид, что их и не было. Сеунчи слали о победах. Ни Невель, ни тем более Ула не фигурируют в наказах, дипломатам даже не давали инструкций, как комментировать эти события.

²⁸³ ПСРЛ. Т. 13. С. 321.

²⁸⁴ Там же. С. 377.

²⁸⁵ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 239.

Королевский замок в Кракове, Вавель. Совр. фото.

Ситуация меняется после 1578 г., когда три похода Батория на Россию замолчать было невозможно. Русские дипломаты должны были решать сложные вопросы вывода своей проигравшей страны из войны с минимальными потерями. Что меняется в московском политическом дискурсе?

Впервые с этой проблемой столкнулось посольство Тверского дворецкого М. Д. Карпова, казначая П. И. Головина и дьяка К. Г. Грамотина в 1578 г. Оно уехало в Речь Посполитую во время перемирия и должно было исполнять свою миссию в условиях внезапно начавшейся Московской войны, в информационном вакууме, без инструкций из Москвы. Новый этап в жизни русской посольской службы начался с грохота артиллерийского салюта с крепостных стен г. Урядова 10 ноября 1578 г. На вопрос послов, по какому случаю праздник, они услышали ошеломляющее: «мы под Кесью разбили русских и хвалу Богу воздаем». Московские дипломаты отказывались верить, ссылались на то, что между Россией и Речью Посполитой перемирие, скрепленное крестоцелованием. Но им с гордостью называли раздутые цифры потерь армии Ивана Грозного: 6000 татар, 4000 стрельцов, «ездового люду» и посохи 12 000²⁸⁶.

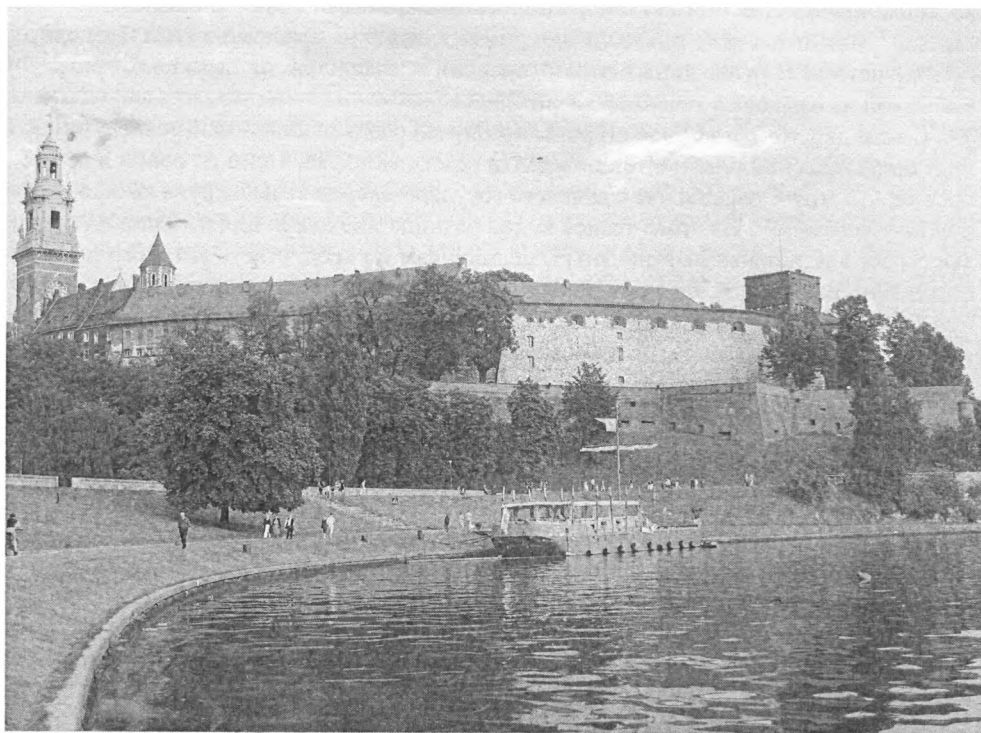
Обуреваемые нехорошими предчувствиями, лишь 3 декабря 1578 г. русские дипломаты добрались до Кракова. Паны встретили их за полверсты до города, и началась ожесточенная перепалка — кто раньше сойдет с коня, чтобы выслушать приветственные речи. Кончилось тем, что первой ступить на землю не пожелала ни одна из сторон, и обе делегации зачитывали грамоты, сидя в седлах — беспрецедентное нарушение этикета! В качестве единственной уступки послы «против королевской речи» сняли шапки, хотя остались на конях²⁸⁷.

²⁸⁶ Статейный список посольства П. И. Головина, 1579 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 39–40.

²⁸⁷ Там же. Л. 4–5 об., 7, 8, 43.

Столица Польши Краков в XVI в. Гравюра.

Резиденция польских королей — крепость-дворец Вавель. Совр. фото.

Однако это было только начало неприятностей. Представ 5 декабря 1578 г. в Вавеле пред очами Стефана, дипломаты наотрез отказались идти к его руке. Они вначале хотели «править поклон» и провозгласить имена Ивана IV и Стефана Батория, а от них потребовали первоначально целовать руку. Упрямые послы все же стали кланяться, но в ответ король не встал и не задал положенного по этикету вопроса о здоровье Грозного. Положение пытался спасти Остафий Волович, который, стоя возле трона, произнес необходимую формулу: «Здоров ли государь и великий князь Иван Васильевич?» Но Головин потребовал: «Пусть сам король спросит!»

Волович пытался разъяснить, что Баторий уже задал этот вопрос, но он говорит по-венгерски, и русские его просто не понимают. Однако послы стояли на своем: пусть король встанет при провозглашении имени Грозного, оно-то на всех языках звучит одинаково. Как потом было записано в отчете, русским показалось, что «тем король хочет с государем поравняться».

Стефан и паны возмущались строптивостью гостей, а они наперебой кричали, что паны только «бездельно говорят», будто хотят «покою христианского», а на деле государь Речи Посполитой не хочет даже как положено приветствовать московского правителя. Польские и литовские аристократы нервно металась от Стефана к Головину, пытаясь примирить стороны. В целом картина начала переговоров получилась впечатляющая.

Скандал завершился градом взаимных оскорблений. Поляки заявили, что Баторий не встанет и о здоровье не спросит, поскольку Грозный не сделал этого перед посольством Ст. Крыского. Головин же презрительно разъяснил, что Стефан «взялся» на престоле «не по обычаю», поэтому приветствовать его никто и не собирался — Москва не знала, кто же стал польским королем, не самозванец ли? Теперь же, когда Россия оказала великую честь — признала Батория «соседом» — правителю Речи Посполитой грех не встать! В ответ дипломатов отправили «бездельно» на подворье, пригрозив высылкой из Кракова в течение недели²⁸⁸.

В ходе дебатов с польской стороны прозвучал очень любопытный тезис, уточняющий представления оппонентов об идентичности монарха. Один из панов в сердцах бросил, что хоть Стефан и «не с великого государства», но ведь «корона польская величия не утратила»²⁸⁹. Из этого тезиса видна разница подходов: для поляков их корона выступает как незыблемый институт, ценный сам по себе, статус которого не могут поколебать ни элекция, ни худородный правитель. Для русских принципиально важной была персонификация власти в государе. Он — сам по себе живое воплощение института высшей власти, потому что он является земной персонификацией Бога. Отсюда повышенные требования к происхождению и личности царя и второстепенность социально-политического, правового аспекта царства как института.

Как мы видим, в трудной ситуации послы искали спасение в буквальном соблюдении церемониала и этикета. Они держались за обычаи, как его понимали. Не знаешь, что делать в условиях начавшейся войны, — делай то, что положено по инструкции. Моделей поведения и идеологических установок на случай поражения просто не было. Необычайно важно было соблюсти ритуал, малейшее отступление от которого мыслилось «порукой чести» государя и державы. Проще говоря, посольские люди надеялись добиться успеха нехитрой тактикой: упорно гнуть свою линию. Каждая уступка, принять которую требовал здравый смысл, давалась им с невероятным трудом и, как правило, оказывалась запоздалой.

²⁸⁸ Там же. Л. 9, 10, 11 об., 13 об., 45 об., 47–50 об., 52 об.–53, 59.

²⁸⁹ Там же. Л. 15 об., 66.

В октябре 1579 г., после взятия Баторием Полоцка, стало ясно, что надо искать дипломатические пути к замирению с Речью Посполитой, пока не потеряно все. В этой ситуации Грозный решил попытаться достичь мирного соглашения через переговоры русских бояр и панов рад. Боярам И. Ф. Мстиславскому, Ф. И. Мстиславскому, И. Ю. Булгакову и Н. Р. Юрьеву было велено составить послание, адресованное виленскому епископу Валериану, Н. Ю. Радзивиллу, Ст. Збаражскому и Остафию Воловичу. 27 октября его повез находящемуся в Литве послу Л. Стремоухову гонец З. Болтин.

В грамоте говорилось, что «промеж великих государей воздвигся гнев». Идет ужасное кровопролитие христиан. Стефан недостойно напал и взял Полоцк. Наш государь, Иван IV, уже хотел покарать обидчика, но мы, бояре, его от кровопролития удержали. И теперь — ваша очередь остановить своего короля и склонить его к миру. Мы приглашаем вас к сотрудничеству, ждем от вас гонца и готовы к любым переговорам. При этом Стремоухову было велено резко отмежеваться от Ивана Грозного и его политики: надлежало утверждать, что он послан только от И. Ф. Мстиславского, и его миссия — это инициатива бояра, а не русского царя²⁹⁰. То есть, разговор о *поражении* могли вести только бояре, но не мог государь. Миссия *непобедного* завершения войны — это миссия знати. Но великий государь не может об этом и заговаривать!

1 ноября 1579 г. на российскую границу прибыл королевский гонец Богдан Проселок с новым посланием от Батория. Его направили в Новгород, куда посол приехал 17 ноября. 19 и 21 ноября состоялись переговоры с Иваном Грозным. Проселок вручил грамоту от Стефана, датированную 17 сентября 1579 г. (в посольской книге Речи Посполитой — 16 сентября). В ней король выражал свое недоумение, почему он мирно уживается со всеми соседними странами, кроме Московии. Иван Грозный обвинялся в разжигании войны, пролитии христианской крови, неправильной реакции на дипломатические инициативы Кракова. Особой инвективой звучало написание русским царем «гордых листов». Проселок также привез списки русских пленных, несколько десятков человек, взятых в Полоцке, Соколе, под Кесью²⁹¹.

Русскую дипломатию губило то, что она плохо прислушивалась к претензиям польской стороны, зато ревниво следила за исполнением посольского ритуала. С Проселком произошел казус, вызвавший гораздо более бурную реакцию, чем гневные обвинения Батория в адрес Грозного. «Являя поклон» от имени Стефана, посол произнес: «великому *всякому* государю царю и великому князю велел поклониться». Московские дьяки среагировали немедленно: это простая оговорка или дипломатия Речи Посполитой пытается тем самым нанести новое изощренное оскорбление? Проселок сослался, что так говорится в инструкциях, полученных в Кракове. Однако русские посольские службы проверили тексты и выяснили, что слов «всякому государю» в них нет. Литовец сознался, что слово «сказалось по грехом»²⁹². Но показательным, что вокруг него возникло больше суеты и беспокойства, чем от фактического объявления войны России польско-литовской державой.

Царь Иван пытался настаивать на том сценарии развития событий, где все ходы сторон максимально ритуализированы и досконально расписаны, на сценарии, в котором совершенно не учитывался контекст, в котором он будет разыгрываться. Это ярко проявилось в реакции на посольство Проселка.

21 ноября 1579 г. из Новгорода к Стефану направлена государева грамота. Ее содержание показывает, насколько Грозный не хотел считаться с окружающей его действи-

²⁹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 158 об.–163 об., 169, 170 об.; Там же. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 83–87; НИОР РГБ. Ф. 304. Доп. II. № 17. Л. 321 об.–324 об.

²⁹¹ Реестр везнев Московских в Литве, который через Проселка прислан // КПМ-II. С. 51–52. № 27. С. 51–52.

²⁹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 196, 197 об., 198, 199.

тельностью. В послании царь много рассуждает о необходимости мира для христиан, перечисляет различные дипломатические миссии. Он обвиняет в разжигании войны Батория — ведь это он напал на Полоцк и не захотел утверждать уже практически заключенное перемирие! Государь отмечает обвинение в том, что с ним тяжело ужиться на международной арене, — любое государство действует так, как ему выгодно, «и мы так были с тобою, и сделали, и тебе так не полюбилося».

Далее, что опять-таки характерно для дипломатических посланий Грозного, русский царь, постаравшись всячески уверить оппонента в его ничтожности и ошибочности его поведения, занял позу благородного прощения. Несмотря на все недостатки политики Батория, Москва милостиво готова с ним мириться. Уже отдан приказ о прекращении на границах боевых действий. Наши бояре выступили с мирными инициативами. Как бы между прочим Грозный пишет Баторию: «и мы хотячи с тобою *братства*» (*sic!*) — еще недавно из-за непризнания «братства» польского короля отношения между Россией и Речью Посполитой осложнились до крайности, а теперь Иван Васильевич внезапно уступил, сделав вид, что никакой проблемы-то и не было!

Зато теперь появился новый камень преткновения — стороны настаивают на том, что для заключения мира к ним должно прибыть большое официальное посольство контрагента. То есть, шел спор о том, кто к кому отправится на поклон и тем самым признает, пусть косвенно, свое подчиненное положение. Грозный в своем послании активно приглашает в Москву королевское посольство (нимало не смущаясь тем, что в это время в Звенигороде сидит арестованный литовский посол Венцлав Лопатинский!) и готов выдать опасную грамоту²⁹³.

Лопатинского выпустили в январе 1580 г. Послу сказали:

«...ты до господара нашего з лихими дела приехал, з листом розметным и з словы в листех укоризными, да и грамоту господара нашего перемирную отнес, ино таковых людей, которые с такими дела ездят, везде их казнят, да ми вси собором з отцом митрополитом, з владыками и со всеми бояры Бога и Господаря своего умолили»²⁹⁴.

Дьяки представили дело так, что «умолить» на перемирие со Стефаном требовалось не только царя, но и самого Бога, поскольку король нарушил крестоцелование и теперь должен понести кару за этот грех. Лопатинского отпустили домой (со списками литовских пленных)²⁹⁵.

Послание Грозного Стефану Баторию, датированное 6 января 1580 г., было построено по традиционной схеме. Сперва царь перечислял прегрешения польского короля на международной арене: демонстративно вернул с Лопатинским перемирную грамоту, напал на Полоцк, ведет переговоры в недопустимом тоне («И многие укорительные и поносные слова в той грамоте писаны, что доброму делу не пристойт»). Затем подчеркивался красивый жест России: несмотря на то, что поведение оппонента недостойно, мы все равно готовы к заключению мира ради «покою христианского», потому что мы — истинные последователи Христа (что подразумевает — любой поступок контрагента, идущий вразрез с нашим, будет антихристианским преступлением). Стефану предлагались: братская любовь, обмен пленными, прекращение боевых действий на границах и опасная грамота для великого посольства Речи Посполитой.

²⁹³ Грамота Ивана IV Стефану Баторию от 21 ноября 1579 г. // КИМ-П. С. 48–51. № 25; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 201 об.–209 об.; Там же. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 89–94 об.; НИОР РГБ. Ф. 304. Доп. П. № 17. Л. 326–331 об.

²⁹⁴ «Потом на особливом местцу Андрей и Василей Яковлевичи Щолкаловы мовили до Лопатинского тые слова» // КИМ-П. С. 53. № 29.

²⁹⁵ Там же. С. 54–55. № 29.

Однако, несмотря на самоуверенный тон, позиция московской дипломатии после вступления в войну Стефана в 1579 г. стала в гораздо большей степени просительной и униженной. Иван Грозный в обращении к Баторию предлагал ему уже даже «братскую любовь»!²⁹⁶ Очень показательны инструкции, содержащиеся в Наказе послу Е. Благово. Ему велено: «Если будет в чем нужда, и ему приставам говорити слегка, а не бранитися и не грозити, а будут дадут купити, ино купити, а не дадут купити — ино терпети». Смирение, совершенно небывалое для московских гонцов, чья спесивость была притчей во языцех при европейских дворах.

Наконец-то в наказе Благово мы видим прямую инструкцию, как надлежит отвечать о военных поражениях русских войск:

«А будет что у них пристава говорити, едучи дорогою, о царя и великого князя походе на Псков, и о королеве походе к Полоцку, и Елизарю говорити: то дело великое, Бог дает власть ему же хошет, а о таких великих делех государи сами меж собой ведаютца.. Да болши того не говорити ничего, ни хвалитися, ни грозити, ни взыскити, ни низити ни которым словом».

На вопрос, почему Грозный не совершил ответного нападения, когда Баторий отбил Полоцк, надлежало отвечать: Иван IV уже выступил в поход, но вспомнил, что целовал на перемирных грамотах крест. Московские бояре ударили челом о прекращении войны, царь задумался о «покое христианском» и приказал отступить²⁹⁷.

А как предотвратить поражение? Здесь в посольской книге встречаются очень любопытные моменты. При встрече со Стефаном с королем предписывалось обойтись, как с каким-то Лихом Одноглазым из русской сказки: так, посол Г. А. Нащокин, отправленный в Речь Посполитую в апреле 1580 г., призывая к прекращению войны, должен был гордо бросить в лицо Баторию: «И ты б государь Стефан король изо государя нашего земли пошел прочь». Из этого эпизода видна внутренняя, подсознательная пренебрежительность, с какой русская дипломатия относилась к новому польскому властелину: ему можно было бросить в лицо что-то вроде «Чур меня!», и этого считалось достаточным, чтобы произвести на него должное впечатление.

В грамоте от 2 августа 1580 г. Иван IV грозил Стефану карой небес, если король не дожидется послов и сорвет переговоры. Он писал о капризном поведении Стефана («нам почому то угадати, что тебе любо»), подчеркивал, что пошел навстречу нарушающим обычай требованиям Батория и первым посылает послов. Окончание послания звучало очень пафосно:

«Будет же так не учинишь, и наше грамоты не послушаешь, и через сию нашу грамоту захочешь кровь хрестияньскую проливати и хрестиянство пленити, ино Бог всех Сотворитель, Имъже дана бысть лержава и сила и власть от Вышнего, яко же речи пророк: Слышите убо цари и разумейши, накажитесь вси судящии земли и гордящися о народах язык, яко дана бысть вам держава от Господа и сила от Вышнего, и яко же птенцом врановом Бог питатель, такоже и всим человеком от находящих враг их заступник есть. И с чьих рук тое крови хрестиянское неповинные и пленение Бог всех Сотворитель поищет, сам то можешь розсудити»²⁹⁸.

Посольство И. В. Сицкого (возглавляемое, кроме князя, Р. М. Пивовым и дьяком Дружиной Петелиным), 14 августа 1580 г. переехавшее литовскую границу²⁹⁹, испол-

²⁹⁶ Грамота Ивана IV Стефану Баторию от 6 января 1580 г. // КИМ-П. С. 55–56. № 31; АНР. Т. XI. С. 181–183. № СХХIII; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 214 об., 215 об., 216 об., 220–226; Там же. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 95–100 об.; НИОР РГБ. Ф. 304. Доп. II. № 17. Л. 331 об.–336 об.

²⁹⁷ Наказ гонцу Е. Благово, 1580 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 244.

²⁹⁸ Грамота Ивана IV Стефану Баторию от 2 августа 1580 г. // КИМ-П. С. 78. № 46.

²⁹⁹ Отчет о приеме посольства И. В. Сицкого, август–сентябрь 1580 г. // Там же. С. 87. № 53.

няло свою миссию в трудной ситуации. Уже на рубеже его ждала стычка с оршанским старостой Филоном Кмитой, который назвал себя «смоленским воеводой». Сицкий парировал этот демарш ссылкой на Св. Писание: «власть Бог дает ему же хочет, а гордости безмерной всякой Бог противник». Долго шли препирательства, кто раньше снимет шапки и сойдет с лошадей. Шапки первыми сняли литовцы, но зато их пристав Ян Свирский говорил от короля речь, сидя на лошади³⁰⁰.

Для Речи Посполитой было принципиально важно, чтобы переговоры с дипломатами Ивана Грозного проходили бы на захваченной российской территории. Семиотически это бы означало признание Батория завоевателем, «поплевнившим Русскую землю». Поэтому Сицкий с товарищами стремился побыстрее заехать подальше в Литву и отказывался возвращаться обратно, несмотря на то, что Стефан назначил прием посольства «за рубежом». Сицкий заявил, что «нам ко государю вашему в государя нашего землю идти невозможно». Литовцы пытались устроить переговоры хотя бы на границе, в волости Сурожики. Русские послы встали на пустоши в семи верстах от Сурожики и наотрез отказались ехать дальше. Их запугивали голодом («хотите, и з голоду помрете»), арестом и доставкой к Стефану силой. Но подействовала, видимо, угроза, что именно Сицкий будет виновником срыва переговоров. 22 августа, полдня упрямо простояв на пустоши, послы все же поехали к Сурожику.

26 августа Сицкий с товарищами двинулись к Великим Лукам, где им обещал аудиенцию Баторий. Дипломаты шли в окружении вражеских войск, с нарастающим чувством кошмара и близящейся катастрофы: то их на дороге потеснит полк «подольских людей», то дипломаты вынуждены ехать сквозь строй королевского сторожевого полка, «и как послы мимо ехали, и гайдуки почали стреляти из ручниц возле лошадей посолских, многие пыжи падали на послов». Московиты попали в «затор великий» на дороге, смешались с войсками, насилу вырвались из враждебной, агрессивной толпы. В ответ на жалобы на неуважение к дипломатическому статусу им сказали, что

Валы крепости Великие Луки. Фото 2011 г.

³⁰⁰ Статейный список посольства И. В. Сицкого, март 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 21, 22 об.

если хотят ехать — пусть сами прорубают себе путь через леса в стороне от дорог, по которым маршируют королевские войска³⁰¹.

После всех этих злоключений 27 августа Сицкий с товарищами оказались в 10 верстах от Великих Лук, возле стана Батория. На первом же приеме у короля 29 августа русские дипломаты храбро выступили с заявлением: Иван IV велел послам «править посольство» в литовской земле, а Стефан их «не дождался». Поэтому королю надлежит уйти обратно в свою землю и там смиренно принять московских дипломатов. Ничего, кроме усмешек, подобная позиция не вызвала. Послов отправили на подворье, где продержали несколько дней, не вызывая ко двору. А 1 сентября на глазах у потрясенных дипломатов началась бомбардировка Великих Лук³⁰².

Сицкий тут же потребовал встречи со Стефаном, но его не пустили паны. Здесь в отчете русского посла вновь возникает стереотип лихих советников, ссорящих государей: Сицкий убежден, что стоит ему только объяснить с королем («мы пришли к королю, а не к панам»), и штурм будет прекращен, а коварные паны не дали этим переговорам состояться. Литовцы спрашивают, готов ли князь вести переговоры о мире или же опять будет вести «безделные речи», что Баторию надлежит убираться из Русской земли? Сицкий отвечал, что править посольство в своей земле для русских невозможно, «то государю великому что безчестнее?».

Дипломатическая партия московским посольством была полностью проиграна под давлением грубой силы. Сперва пришлось уступить и согласиться на переговоры на своей земле, затем — проглотить отказ прекратить штурм Великих Лук хотя бы на время переговоров. 3 сентября на приеме у короля Сицкий сказал, что будет «по неволе посольство правити»³⁰³.

Сицкий с товарищами, впрочем довольно безуспешно, пытался строить переговоры на основе изменного дискурса, упирая на то, что все захваты литовцев, от Полоцка до ливонских городов, сделаны ими в нарушение предыдущих соглашений, через клятвопреступление, несоблюдение мирных договоров. Поверив обещаниям Литвы, русские люди в гарнизонах «не береглися», отсюда и успехи Батория³⁰⁴. Усилия русского дипломата успехом не увенчались. Паны остроумие его аргументации не оценили, на уступки не шли, выдвигали жесткие условия. Сицкий на них не соглашался, настаивал на исполнении государева наказа. В итоге переговоры зашли в тупик.

11 октября к посольству Сицкого с новым государевым наказом приехал Н. Суцев. Иван IV хвалил московских послов, которые стояли на страже интересов своего государя, честно выполняли его поручения, и возлагал всю вину за неудачу переговоров на агрессивные действия Стефана: какие вообще могли быть переговоры под стенами осажденных Великих Лук? По мнению царя, Сицкий и Пивов предъявили совершенно правильные требования:

«И ты пишешь, что они правили тебе на посолстве своем дел много непотребных и которые неслушны, и мы с ними посолство приказывали томуж, как с предков наших велосе: хто у кого что возметь, и они тово назад прашивали, да по договору делали, как чему пригоже быти».

Таким образом, и Полоцк, и Ливонию царь однозначно считал русскими землями: Полоцк «Бог нам дал за неправду предка твоего Жикгимонта Августа, что он вступился

³⁰¹ Там же. Л. 29, 30, 31, 32 об., 36, 36 об.

³⁰² Там же. Л. 37, 40, 43 об.

³⁰³ Там же. Л. 45, 46 об., 47 об., 48. — В литовской посольской книге датой начала этих вынужденных переговоров названо 2 сентября (Отчет о приеме посольства И. В. Сицкого, август–сентябрь 1580 г. // КРМ-П. С. 87. № 53).

³⁰⁴ Статейный список посольства И. В. Сицкого, март 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 58, 66 об., 76 об., 88 об.

в нашу отчину, в Лифляньскую землю». Далее Иван повторял традиционное обоснование своих вотчинных прав на Ливонию и Курляндию как на земли, принадлежащие его предкам от Ярослава Владимировича и Александра Храброго (Невского. — А. Ф.).

Вернувшееся 15 марта 1581 г. посольство И. В. Сицкого не привезло утешительных сведений. Поэтому на совещании царя с Боярской думой было решено уступить королю по многим пунктам. В грамоте к Баторию от 17 марта 1581 г., отправленной с гонцом Г. Кабардеевым, в титуле Грозного опущены «Полоцкий» и даже «Лифлянский»! Иван IV выражал свое согласие *первым* (!) отправить в Речь Посполитую больших послов с просьбой о мире³⁰⁵. В наказе гонцу Кабардееву в случае бесчестия было велено «о том слехка говорити, а прытко не говорити, терпети»³⁰⁶.

Большое московское посольство должны были возглавить О. Пушкин, Ф. Писемский и дьяк И. Андреев. Оно выехало из Москвы 15 апреля 1581 г. В наказе О. Пушкину предусматривались различные случаи, если во время переговоров начнутся боевые действия. Москва боялась повторения унижений, пережитых посольством И. А. Сицкого. Если Стефан нападет на Смоленск, то дипломатам было велено срочно бежать в Вязьму. В Литву же «в рати» ни в коем случае не ходить. Если же повторится история Сицкого, и послов просто завезут с армейскими обозами под какой-нибудь русский город, осаждаемый литовцами, то Пушкину надлежало произнести перед королем специально включенную в наказ речь, чтобы Стефан «из земли государя нашего пошел вон». Никаких переговоров, пока говорят пушки, вести невозможно³⁰⁷.

Собственно переговоры об окончании Ливонской войны проходили в Киверовой горе в декабре 1581 г. — январе 1582 г. в прагматическом ключе. Из принципиальных моментов — Россия наотрез отказалась заключать «вечный мир», на котором настаивала Речь Посполитая, и согласилась только на краткосрочное перемирие. Это свидетельствует о реваншистских планах, намерении отвоевать утраченное, но говорит и о том, что Россия не считала войну законченной. Не мир, не конец, а временная пауза.

В этом плане интересны ситуации послевоенного времени. Ведь помирились государи. Местные дворяне в пограничье продолжали свою непрекашающуюся войну, характерную для русско-литовского фронта: взаимные набеги, своз крестьян, угон скота и т. д. Иной раз это принимало болезненные масштабы, и надо было вмешиваться государству.

Например, 17 сентября 1583 г. состоялось заседание царя с Боярской думой «о луцких, торопецких и невельских задорах». Центральная власть наконец-то вмешалась в региональный конфликт, потому что он грозил перерасти в новую войну. На рубеж для его охраны отправились 2000 детей боярских и стрельцов под командованием Дм. Елецкого. Поскольку царь с королем официально помирились, а переговоры о мире на уровне региона провести было надо, русская сторона инициировала такие переговоры, послав к Витебскому воеводе Ст. Пацу гонца Ивана Тархова от Н. Р. Юрьева, наместника Новгорода Великого (которому юридически подчинялись данные районы русского пограничья), а также оружничего Б. Я. Бельского, наместника Ржевского и дьяка А. Щелкалова³⁰⁸. То есть, царь Иван был вообще выведен из процесса — он свое слово сказал, перемирие подписано. А существующие конфликты — это недо-

³⁰⁵ Грамота Ивана IV к Стефану Баторию от 17 марта 1581 г. // Там же. Л. 177 об.—181 об. — В литовской посольской книге эта же грамота датирована 5 марта 1581 г. (КПМ-II. С. 129–130. № 62).

³⁰⁶ Наказ гонцу в Речь Посполитую Г. Кабардееву, 17 марта 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 189 об.

³⁰⁷ Наказ посольству в Речь Посполитую О. Пушкина и Ф. Писемского, апрель 1581 г. // Там же. Л. 228 об., 230, 233.

³⁰⁸ Материалы о заседании царя с Боярской думой от 17 сентября 1583 г. // Там же. Д. 14. Л. 730–730 об.

разумение, которое должно быть улажено наместником и местным дворянством. Это IX конфликт, а царь с королем в мире.

Семантическое оформление посольства И. Тархова дает нам любопытные штрихи к московской политической культуре. Мир между монархами заключен, и если признать его нарушение в споре вокруг велижских земель — значит, надо расторгать перемирие и воевать. Этого ни одна из сторон не хочет. А конфликт есть. Поэтому его надо минимизировать, вынести за скобки межгосударственных отношений, свести к переговорам знати. Перед нами не «государево дело», а отношения бояр и панов. Для этого в грамотах подчеркивается, что руководитель переговоров с русской стороны Н. Р. Юрьев вызван из имения — имение выступает своеобразным анклавом вне политики, вне «государева дела». Живя в имении, можно и не знать ничего о межгосударственных отношениях. Этот прием, как аргумент «незнания» ответа на вопросы, на которые не хочется отвечать, неоднократно использовали русские дипломаты — «А я ничего не ведаю, живу в имении...» и т. д. Войны нет, есть частное дело одного феодала с другим феодалом. В таких мелких конфликтах и заканчивалась Ливонская война.

Глава V

ПИСЬМА О ЛИВОНИИ: ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVI века

Кто кому писал письма в Московской Руси?

Эпистолярная культура среди жителей Российского государства в XVI в. не получила большого распространения. Из дошедших до нас отрывочных грамот известно, что письма писали, но, судя по всему, не особенно хранили. Культура семейного или личного архива отсутствовала. Во всяком случае, такие архивы до нас не дошли, что вряд ли можно объяснить только бесконечными военными лихолетьями и городскими пожарами. Другой же актовъый материал в том или ином объеме сохранился! В распоряжении историков — отдельные, случайно уцелевшие комплексы посланий или единичные тексты. Мы можем только предполагать, какой малый процент они составляют от реального объема всех писем, ходивших в это время в Московской Руси...

Вместе с тем, не следует преуменьшать значения эпистолярной практики в XVI в. и роли этого источника для историков. С XV—XVI вв. в древнерусской книжности появляются особые сборники образцов формуляров официальных писем (формулярники), и частной переписки (письмовники)¹. Раз они были востребованы, значит, эпистолярная культура получила некий толчок в своем развитии.

Древнейшие списки письмовников относятся к первой четверти XV в. Как раз накануне интересующего нас периода, по А. С. Демину, между 1539–1541 гг. была составлена вторая редакция письмовника — «Посланием начало», включенная в Софийский комплект Великих Миней Четвх под 31 августа. Примечательно, что она содержит цитаты и изречения (из Священного Писания, «Пчелы»), которыми рекомендуется украшать послания².

¹ Подробно о них и историографию вопроса см.: Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003. С. 178–219.

² Демин А. С. 1) Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв.: (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 90–99; 2) О литературном значении древнерусских письмовников // Русская литература. 1964. № 4. С. 165–170; 3) Русский письмовник XV века // Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М. Ф. Ахундова. 1964. Сер. XII. Язык и литература. № 1. С. 68–77; Schmücker-Breloer M. Zur Bedeutung der «Pis'movniki» in der altrussischen Epistolographie // Cattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen. Berlin, 1984. S. 146–166.

Судя по письмовникам, в Московской Руси практиковались послания: к представителям светской власти (царь, князь, «воевода в полку», царские чиновники — полатник, постельничий), духовным лицам (митрополит, епископ, игумен, «великий старец»), священник, простой чернец), родственникам и близким (брат, сестра, отец, мать, сын, муж, жена). Писали и друзьям, особенно в военную годину («Послание к другу в полк»). При этом особенно ценились друзья-интеллектуалы, способные прочесть и оценить послание («Кънижному другу писати», «Мудрому человеку»). Среди тематических образцов писем встречаются «Послание о супротивном», «Послание за вину», «Послание о прощении», «Другу с лаею», «Непостоянну другу с посмехом»³.

Нас интересуют прежде всего послания, связанные с военной тематикой. Функцию светских властей составители письмовников видели прежде всего в поддержании мира, а не в завоеваниях: «Всеблагий Бог в святых... удръжавит великое ти царство, и мир глубок и неотъемлем даст ти Господь Бог, и покорит под нозе твои всякого врага и супостата»⁴. Добродетелями воеводы считались: дарованная Богом и царем честь возглавить войско, храбрость, искусство полководца («стратигу крепкому»), авторитет («почтенность»), репутация победителя врагов, беспощадность к врагам и смелость перед лицом неприятеля («непреклонный на враги»)⁵. Воевода должен своими победами прославлять Господа с помощью ангела Господня.

Достоинствами воинника были: «нелицемерная добродетель», «крепкая любовь» (под ними надлежит понимать верность принципам православной этики, как сказали бы в наши дни, высокие морально-волевые качества), стояние против врагов за христианскую веру («мученическая святая крови ревнителю»), «крепкий разум», «смьшленость» и «изрядность» в ратном деле, храбрость, способность хранить тайны.

Воин-москвит.
Немецкая гравюра XVI в.

Конный русский воин.
Немецкая гравюра XVI в.

³ Демин А. С. Приложение 1. Тексты письмовников // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003. С. 571–600.

⁴ Неозаглавленный письмовник // Демин А. С. Приложение 1. Тексты письмовников. С. 574.

⁵ Азбучный письмовник // Демин А. С. Приложение 1. Тексты письмовников. С. 589, 591, 596.

Воины считались «непобедимым Христовым крепким скипетром ограждаемы». За веру полагалось быть «в различных битвах различными язвами учащенному»⁶. При этом о врагах автор письмовника отзывается уважительно, они «орлы» (равно как и русские воины — «орлы высокопаривые»), и тем почетнее победа над ними: «Зело пребыстрого орла высокопаривого летания храбростию своего и оружием достизаеши»⁷. Вообще воинская служба превозносила человека («в воинстве превознесенному»), подчеркивала его статус как «в православии живущему»⁸.

Кому адресовались дошедшие до нас письма московских людей XVI в.? Прежде всего это духовные лица — как церковные иерархи, так и духовники. К ним обращались за благословением и утешением, искали сочувствия и душевных сил. Такие грамоты известны, например, переписка благовещенского протопопа Сильвестра с князем А. Б. Горбатым-Шуйским 1552–1553 гг.⁹, переписка князя А. М. Курбского со старцем Псковского Печерского монастыря Вассианом Муромцевым 1562–1564 гг.¹⁰

Однако, к сожалению, мы не можем найти в них следов Ливонской войны. О чем думали русские воины в полках и в захваченных ливонских крепостях, продолжает оставаться загадкой. Ответить на нее могли бы письма родным — послания отцу, матери, брату, сестре, сыну, жене предусмотрены письмовниками. Также есть образцы начала посланий «другу в полк», «боярину и воеводе в полк», «служилому человеку в полк», «воину», просто «другу» и т. д. Только, к сожалению, подобные послания воинов с фронтов Ливонской войны до нас не дошли. А формулы письмовников не содержат никакой ее рефлексии. Единственные послания, которые присутствуют в нашем распоряжении в сравнительно репрезентативном количестве — это послания монархов.

Православный священник.
Немецкая гравюра XVI в.

Был ли Иван Грозный автором своих посланий?

С монаршими посланиями тоже все непросто. Существует достаточно обширная переписка русского царя с монархами Европы в годы войны за Прибалтику. Грамоты от имени царя Ивана адресовались в Священную Римскую империю, в Англию, Швецию, Данию, Польшу и Литву, Крымское ханство, Турцию, Ногайскую орду.

В случае с монаршими посланиями мы сталкиваемся с проблемой авторства. Какова степень вмешательства царя Ивана в составление грамот, посылаемых от его имени?

⁶ Там же. С. 589, 591, 595.

⁷ Там же. С. 591, 593.

⁸ Там же. С. 596, 597.

⁹ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 88–107.

¹⁰ Скрынников Р. Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 99–116.

Насколько в них отражены этикет и литературный шаблон? Какие из них на самом деле составлены от имени Ивана IV боярами и дьяками, а «государское имя» просто приписано, поскольку этого требовали жанр послания и его предназначение? По каким признакам можно установить документы, которые Грозный хотя бы надиктовывал, не говоря уже — писал своей рукой (если он, конечно, умел писать)? Как здесь разделить пусть официальную, но все же персональную переписку и дипломатические послания, то есть посольский актовый материал?

Все существующие до наших дней попытки найти автограф царя, тексты, написанные им собственноручно, остаются гипотетическими¹¹. До сих пор чуть ли ни единственным критерием определения авторства царя является «выпадение стиля» из официального протокола: внезапно появляющиеся в документах ругательства и просторечия, личные выпады. Все эти «признаки авторства Грозного» ученые вслед за Я. С. Лурье называют «индивидуальными особенностями стиля»¹². При этом критерии выделения данных особенностей остаются максимально расплывчатыми и полностью зависят от авторской интерпретации изучаемых текстов, от «интуиции и чутья» источниковедов и филологов.

В силу этого до наших дней даже не составлен полный реестр сочинений Ивана Грозного (которые в своем большинстве относятся именно к эпистолярному жанру). Следует обратить внимание на примечательное (хотя и не совсем точное¹³) наблюдение Я. С. Лурье:

«...до нас не дошло ни одного сборника сочинений царя — ни от XVI в., ни от последующих веков. Исследователям древнерусской литературы придется еще когда-нибудь задаться вопросом: почему в Московской Руси XVII в. собрания сочинений “изменника государева” князя А. М. Курбского тщательно и многократно переписывались, а творения первого “царя всея Руси”, свойственника царей XVII в. — Романовых, подвергались полному пренебрежению?»¹⁴

¹¹ См., например: *Альшиц Д. Н.* 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *ИЗ. М.*, 1947. Т. 23. С. 251–289; 2) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // *Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*. Л., 1957. Т. 1 (4). С. 119–146; 3) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // *ИЗ. М.*, 1948. Т. 25. С. 266–292; *Andreyev N.* Interpolations in the 16th-century Muscovite Chronicles // *SEER*. 1956. Vol. 35. Nr. 4. P. 95–115; *Андреев Н.* Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // *ТОДРЛ. М.*; Л., 1962. Т. 18. С. 117–148.

¹² *Лурье Я. С.* Археографический обзор посланий Ивана Грозного // *Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 521.*

¹³ Строго говоря, Я. С. Лурье не совсем прав: в XVII в. известно по крайней мере две копии сборника с посольскими посланиями в Речь Посполитую 1570-х – начала 1580-х гг., большинство которых составляют грамоты от имени царя, в том числе адресованные А. М. Курбскому, И. Таубе и Э. Крузе, А. Полубенскому, Стефану Багорию и т. д. (НИОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 185–365; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. 136 л. Описание сборников см.: *Лурье Я. С., Рыков Ю. Д.* Археографический обзор // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. М., 1993. С. 349–350; Филошкин А. И.* Сборник с посольскими посланиями Ивана Грозного в Речь Посполитую // *Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. К 140-летию академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936) и 100-летию Дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге. Тезисы докладов конференции. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2002. СПб., 2002. С. 86–88.* Примечательно, что в сборнике Троицкого собрания НИОР РГБ грамоты помещены после титулярника. Это говорит о предназначении конволюта: давать готовые, стандартизированные формулы как в написании титулов, так и в составлении международных документов. Для этого в конце XVII в. привлекли и комплекс документов столетней давности. То, что автором большинства грамот значился Иван Грозный, составителей сборника, видимо, не очень интересовало.

¹⁴ *Лурье Я. С.* Археографический обзор посланий Ивана Грозного. С. 520.

Попытка составить полный свод писем Ивана Грозного, предпринятая Я. С. Лурье и О. Я. Роменской в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», не может быть признана удачной именно из-за сомнительности критериев. Авторы

«...включили в настоящую библиографию все опубликованные дипломатические послания Ивана, начиная с его совершеннолетия (1548 г.) и до смерти (1584 г.). Не включаются лишь грамоты от имени царя и его устные распоряжения, имевшие чисто деловой характер (например, перемирные, «опасные», «верющие» — верительные грамоты, указы и памяти боярам относительно встреч, сопровождений, проводов и другие формальные документы, составленные, по всей вероятности, канцелярией царя)»¹⁵.

Здесь непонятен, во-первых, отказ от учета неопубликованных грамот, связанных с именем Грозного (а их число заметно превышает количество посланий, указанных в реестре Я. С. Лурье). Во-вторых, почему способность сочинять признается за юным царем только с 1548 г. (а не с 1547 или 1549 г.)? В-третьих, почему перемирные, верительные, опасные и другие грамоты считаются «неавторскими», исходящими из канцелярии царя, а, к примеру, совершенно формальные, написанные по единому шаблону послания ногайским мурзам — сочинениями Ивана Грозного, которые Я. С. Лурье включил в данный реестр?

Подобных грамот, адресованных ногайской, крымской и, видимо, казанской и астраханской знати (последние до нас не дошли из-за утраты казанских и астраханских посольских книг) были сотни. Считать их вслед за составителями статьи о Грозном в «Словаре...» «сочинениями» царя — значит признать «авторское право» Ивана IV за любым актом, начинающимся со слов «Божией милостью яз, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси». А это — БОЛЬШИНСТВО посольских, жалованных, указных грамот второй половины XVI в. Признание их всех «сочинениями» Ивана Грозного лишено смысла.

Подобный подход, основанный на формальном упоминании царского имени в начале текста, не менее произволен, чем попытка выделения «индивидуального стиля». Авторство Ивана Грозного совершенно неочевидно и в отношении большинства дипломатических посланий в другие страны, составленных в посольском ведомстве и в лучшем случае утверждавшихся царем, да и то, видимо, не всегда.

На наш взгляд, мы сейчас не располагаем адекватной методикой определения индивидуального авторского вклада в составление эпистолярных памятников XVI в. Формальное упоминание, что грамота дана «от царского имени», очевидно, не может служить доказательством авторства. Но просторечья и ругательства, по которым обычно выделяют «послания Ивана Грозного», вовсе не обязательно принадлежали самому царю — их с государева одобрения мог включить в текст составлявший грамоту дьяк. Словом, здесь пока невозможно выйти за рамки гипотез.

В методологическом плане для решения данной проблемы наиболее перспективной кажется попытка С. М. Каштанова развернуть спор в плоскость определения категории авторства исторического источника. Ученый предложил разделять три вида авторства: *юридическое* (то лицо или учреждение, от имени которого написан документ), *фактическое* (непосредственное участие в составлении памятника) и *техническое* (переписывание и редактирование). Свое исследование автор построил на примере Первого послания Ивана Грозного князю А. М. Курбскому. По его мнению, текстологический анализ послания не позволяет говорить «...о полной достоверности его авторства».

¹⁵ Лурье Я. С., Роменская О. Я. Иван IV Васильевич Грозный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 2. Ч. 1. С. 376–383.

В нем присутствует целый ряд элементов, которые стали частью «языка и стиля» посольских документов не ранее 1570–1580-х гг., то есть позже реальной даты появления первоначального варианта послания (1564)¹⁶.

Вывод С. М. Каштанова, несомненно, справедлив — хотя приводимые им примеры «поздних» включений, связанные с титулатурой, не всегда убедительны, само по себе наличие нескольких редакций Первого послания Грозного, с перестановками и изменениями текста, говорит о вмешательстве поздних редакторов.

Учитывая то, что многие тексты дошли в поздних копиях, выделение авторского ядра, при отсечении как поздних наслоений, так и эпистолярных шаблонов, представляется сложной задачей. Но ее решение абсолютно необходимо, иначе мы рискуем в качестве исторического источника некритически ссылаться на малодостоверную информацию.

Послания Ивана Грозного интересны прежде всего оценками внутри- и внешне-политической ситуации, его реакцией на происходящие события. Если верить царю, внутри кругов, близких к особе государя, существовало отрицательное отношение к вторжению в Ливонию («Како же убо воспомяну о германских градах супротивь словия попа Селивестра...») ¹⁷. Грозный воспринимал недостаточные военные успехи в Ливонии как сознательный саботаж бояр и воевод: «Аще бы не ваше злобное претыкание было, то бы, за Божиею помощью, едва не вся Германия была за православием» ¹⁸.

Интересен пласт переписки Ивана Грозного с врагами по ту сторону фронта, которых он хотел, выражаясь современным языком, «распропагандировать», исправить, перевоспитать и переубедить. Он гневно обличал всю бездну их греха, невежества, богоотступничества и ереси. Враг для Грозного — это всегда богоотступник, чуть ли не язычник. Литовского князя Александра Полубенского Иван IV обвинил в... поклонении Крону и Зевсу, на которых якобы возлагается вся надежда воинов Великого княжества Литовского. Особого презрения царя заслуживали литовцы, прибывшие воевать в Ливонию — «шибеницыны люди» (т. е. висельники), «все воры, да тати, да разбойники» ¹⁹.

Письма подтверждают очень важную черту менталитета царя — для него было крайне важно видеть в свершающихся событиях признаки Божьего покровительства. Победы в Ливонии — явное свидетельство того, что поступки Грозного богоугодны. При этом особо ценилась возможность уязвить оппонента, который сам укорял царя в «супротивстве» Богу. Когда в 1577 г. русские войска взяли ливонский город Вольмар, из которого в 1564 г. князь Курбский написал Ивану Васильевичу свое знаменитое Первое послание, Грозный не преминул в новом письме язвительно обрушиться на эмигранта: «И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой Бог нас принес, а мы тут, з Божиею волею сугнали, и ты тогда дальноконнее поехал» (курсив мой. — А. Ф.). Монарх укорял князя-диссидента: ты обвинял меня, что я истребил на Руси праведников. Лучших воевод, «несть людей на Руси, некому стояти — ино ныне вас нет, а ныне кто претвердые грады германские

¹⁶ Каштанов С. М. Проблема достоверности авторства исторического источника // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г.: Материалы конференции. М., 2003. С. 115–120.

¹⁷ Первое послание Курбскому (текст «сборников Курбского», 1564 г.) // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 109.

¹⁸ Там же. С. 114.

¹⁹ Послание Полубенскому (1577) // Там же. С. 202–203.

взимает? Но сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентья²⁰, грады взимает»²¹.

Однако после 1577 г. тон Ивана Грозного поутих. Происходящее на фронтах ну никак не могло свидетельствовать о Божьем покровительстве. К тому же у царя нашелся эпистолярный противник, куда более искусный, чем беглый боярин-диссидент.

Царь против короля: эпистолярный поединок Ивана Грозного и Стефана Батория

Полемика Ивана Грозного с Андреем Курбским хорошо известна и изучена. Менее известен очень интересный для нашей темы диспут Ивана Грозного и польского короля Стефана Батория. Царь презирал польского короля за то, что он «не прирожденный государь», избран на престол не Божьим произволением, «а по многмятежному человечества хотению»²². Конечно, серьезную моральную травму царю причинил его проигрыш Баторию избирательной кампании во время второго польского бескорольевья. При этом Ивана разозлил не столько сам по себе проигрыш, сколько тот факт, что шляхта предпочла ему, Рюриковичу, потомку кесаря Августа, «прославленному во вселенной» монарху какого-то никому не известного семиградского высочку, даже не из королевского рода!

Практически во всех эпистолярных спорах Грозный ощущал себя *правым*, находящимся под особым покровительством Бога. Поэтому в большинстве диспутов царь достигал идейной победы, по крайней мере в собственных глазах. Явное поражение он потерпел только в одном случае, когда не нашелся, что ответить оппоненту. В лице короля Речи Посполитой Стефана Батория Грозный встретил единственного в своей жизни противника, которого он не смог ни победить на полях сражений, ни одолеть в идейном споре. Семиградский князь оказался более искусным полемистом, чем москвит, до того одолевавший всех своим грубым напором.

Единственно возможным способом обретения светской власти для Грозного было воплощение в жизнь библейской формулы, восходящей еще к пророчествам Даниила, предсказывавшего гибель вавилонского царя Вальтасара: «яко владеет [Бог] Вышний царством человеческим, и ему же хочет, даст е» (Дан. 4: 22; 5: 21). Эта формула доведена до афористичности апостолом Павлом: «Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо якоже хошет» (1 Кор. 12: 11). Семантика выражения связана с догматом о Божьем промысле: Господь вручает царям

Стефан Баторий. Неизв. художник.

²⁰ О символике образов Амалика и Максентия см. ниже, а также: *Каравашкин А. В., Филошкин А. И.* События и лица Священной истории в посланиях Ивана Грозного и Андрея Курбского (опыт герменевтического комментария) // *Русская религиозность: Проблемы изучения.* СПб., 2000. С. 84–92; *Филошкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий... С. 437–441.

²¹ Второе послание Курбскому (1577) // *Послания Ивана Грозного.* С. 210–211.

²² Послание польскому королю Стефану Баторию (1581) // Там же. С. 213.

власть над земными подданными по своей воле, и противиться ей — значит восставать против Бога. При этом вовсе не обязательно, что обладатель земной власти получает от Небес благодатные дары, особые знаки своей богоизбранности и т. д. Власть может быть вручена даже иноверному царю, который достоин послушания (почему на Руси подчинение ордынским ханам редко обретало характер религиозного конфликта)²³.

Раз Стефан получил власть — то это свершилось по воле Бога. Соответственно, этой же Высшей волею Иван IV оказался лишен престола Речи Посполитой. Так понимал ситуацию Грозный. Поэтому он изначально испытывал к новому королю пристальный интерес: кто же перед ним?

В конце Московской войны 1577–1582 гг., проигрывая на полях сражений, царь перешел в наступление там, где чувствовал себя очень уверенно — в эпистолярной сфере. 30 июня 1581 г. он отправил с гонцом И. Комынным грамоту к Стефану Баторию²⁴. Воинственным был уже сам прескрипт к грамоте, содержащий выпад против «позорного» избрания Батория на престол «мятежным человеческим хотением»:

«Всемогущая Святая и Живоначальная Троица, Отца и Сына и Светого Духа во единстве поклоняемого истиннаго Бога нашего, вседержительные десницы Его непобедимая милостью, мы, смиренный Иоан Васильевич, сподобихомся носители быти крестононосныя хоругви креста Христова Росейскаго Царствия и иных многих государств и царств и скифетродержатель великих государств... [титул]... и иным восточным и западным и северным землям отчичь и дедичь и наследник по Божью изволению, а не по многомятежному человечества хотенью».

В прескрипте Грозный противопоставил природу своей власти правлению Батория. Источник владычества православного царя — Божья воля. Согласно библейской семиотике, десница Бога служила символом его всемогущества и силы (*Исх. 15: 6; Пс. 20: 9, 76: 11*). Ср.: «Десница Господня вознесе мя» (*Пс. 117: 16*); «Аз бо есмь Бог твой, укрепивый тя, и помогох ти, и утвердих тя десницею моею праведною» (*Ис. 41: 10*). Царь Иван объявлял себя непосредственно водимым Господней рукой.

Этому противопоставлялся король Стефан. Все политические претензии Батория были названы «превозношением и безмерьем», а их обсуждение — «то не торговля, розговор... не то лихо, что торгуемся, а то, что панове твои нами и нашими государствами играют». Грозного особо оскорбляло, что король мало участвует в переговорах, а претензии на русские земли звучат в основном из уст литовских панов, с точки зрения царя — «холопов и страдников».

Основной идеей послания было противопоставление истинного христианского государя, Ивана IV, Стефану Баторию, ставшему государем «не по христианскому обычаю» и, соответственно, ведущему себя как не подобает настоящему монарху. Баторий назван «государем хуже бусурманских», потому что он является виновником войны и пролития христианской крови. Если выполнить условия короля — отдать ему и Ливонию, и пограничные города, и еще деньги, то Речь Посполитая усилится настолько, что сможет завоевать Русь и обязательно нападет на нее. Это ли поведение подлинного христианского правителя, гневно вопрошал Грозный.

Перечислив традиционные проступки Стефана (несоблюдение договоров, прежде всего — перемирия 1578 г., и попытку «примазаться» к прирожденным государям, встать на одну доску с ними), Грозный в послании 1581 г. добавил кое-что новое. Особенно царя возмутило королевское требование денежной контрибуции: «А что

²³ Подробнее см.: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 240–244.

²⁴ Грамота Ивана IV к Стефану Баторию от 29 июня 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 42 об.–64 об. (без конца); КПМ-П. С. 140–157. № 68; Послания Ивана Грозного. С. 213–238.

подъему просишь, и то вставлено з бесерменского обычая, такие запросы просят татарове, а в хрестьянских господарствах того не ведется». На родство Батория с «бусурманами» также указывало неправильное оформление документов для послов и надругательство воинов виленского воеводы над мертвыми под Соколом: солдаты срезали у трупов с брюшины подкожный жир, который в европейских средневековых армиях использовался как основа для изготовления лекарств. Грозный же расценил это как извлечение из животов внутренностей для волхования, гадания, то есть обвинил армию Батория в языческих мистериях. А ведь «хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром деяти» (sic! обвинение в варварстве звучит из уст московского правителя в адрес европейского короля! — А. Ф.).

Участие в королевских походах на Русь изменников, «Иуд», таких как Курбский, Заболоцкий и Тетерин, еще больше дискредитировало Стефана: «А надеешься не на воинство, на израду!». На связь Батория с дьявольскими силами указывает и терминология, которую царь применяет к исходящим от короля мирным инициативам: «Ино то что за мир? То прелесть!». «Прелестью» на Руси обычно называли лукавый обман, козни Дьявола, грех, свершаемый по наущению Сатаны.

Иван IV сравнивал польского короля с неправедными библейскими царями, которые были посрамлены израильским народом: «...а фалишься яко Амалик, и Синахерим, или якож при Хоздрое Сарвар воевода хваляся на царствующий град, глаголет: “Не блазнися убо о Бозе, в Оньже веруете, утре бо град ваш, яко птицу, рукою моею возму!”». Мы же положихом Вышняго прибежища себе, и уповаем на силу животворящего креста, и ты вспомяни Максемтея в Риме, яко силою честнаго и животворящего креста погибе».

Таким образом, Иван IV помещал свое противостояние со Стефаном Баторием в контекст Священной и церковной истории: одоление пророка Моисея на Амалика, снятие осады Иерусалима ассирийским царем Сеннахеримом (Синахерибом) в 701 г. до н. э., спасение Иерусалима от нашествия персидского царя Хосрова (Хоздроя) и его полководца Шахрбараза (Сарвара) в 626 г., победа императора Константина над мятежным цезарем Максенцием в 312 г.

Царем были отобраны действительно знаковые события, образы которых неоднократно привлекались древнерусской книжностью для доказательства богоизбранного характера русской истории, Божьей помощи и покровительства над великими князьями и их подданными.

1) **Амалик.** Перед сражением израильтян и амаликитян в Рефидиме во исполнение Божественного предначертания Моисей избрал сильнейших воинов и поставил во главе их Иисуса Навина. Во время битвы Моисей чудесным образом помогал евреям, взывая к Господу (*Исх. 17: 9*). Моисей, Аарон и Ор взошли на верх холма, «И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик» (*Исх. 17: 11*). Руки Моисея отяжелели, и тогда Аарон и Ор посадили его на камень и стали с разных сторон держать его руки на весу, «...поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой [стороны]. И были руки его подняты до захождения солнца», что и привело к победе Иисуса над Амаликом (*Исх. 17: 12–13*). По точному опреде-

Моисей, Аарон и Ор помогают иисусу Навину одолеть Амалика.
Миниатюра Лицевого летописного свода.

лению С. С. Аверинцева, «Такая молитва — опять-таки “воинствование”, “духовная брань”, напряжение теургической силы, от которого должны “расточиться” видимые и невидимые, телесные и бесплотные враги»²⁵.

Сюжет, связанный с Моисеем и Амаликом, был популярен в древнерусской книжности. Он использован в статье 6739 г. (1231) Лаврентьевской летописи при характеристике деятельности ростовского епископа Кирилла: «Раскрили сюду и онуду простри к Богу, якоже некогда Моиси великыи, он свои руце простре, помагая Израилю в полце...». История Амалика и Моисея также упоминается в летописных статьях 1242 г. о Ледовом побоище, когда князь Александр перед битвой воздел руки к небу и произнес: «Суди, Боже, и разсуди прю мою от языка велеречива. Помози ми, Господи, якоже древле и Моисееви на Аммалика и прадеду моему великому князю Ярославу на окаянного Святополка» (Симеоновская, Никаноровская, Никоновская, Вологодско-Пермская летописи и Московский свод 1479/80 г.)²⁶.

²⁵ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 133.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 458; Т. 10. М., 1965. С. 127; Т. 18. СПб., 1913. С. 64; Т. 25. С. 135; Т. 26. С. 81; Т. 27. С. 45.

В 1540-е – начале 1550-х гг. ветхозаветный эпизод о победе Моисея над Амаликом привлекался для прославления московского государя, выступившего против татар. Этот исторический пример служил идеологическим обоснованием казанских походов Ивана Грозного в пастырских посланиях новгородского архиепископа Феодосия²⁷. В «Степенной книге» (1563) в разделе, посвященном осаде Казани (в 17-й степени, сходный текст предваряет и начало 15-й степени), Грозный сравнивается с Моисеем, молившимся в то время, когда евреи сражались с воинами Амалика:

«Благочестивый же царь во время богодарованныя ему победы на противныя дело велико сотвори и удивлению достойно. Подобно Моисею, иже во время брани с Амаликом руце простер на высоту и не преста от молитвы, дондеже до коньца побеждена бысть вся сила Амаликова, тако и сей новый Моисей во время брани на поганых татар никако уже не уклонися от церкви, ни от слезныя молитвы преста, дондеже совершися Божественная литургия. И тако святыя дары и святыя воды причастився и у святых икон знаменався, и от служащаго иерея животворящим крестом огражен бысть»²⁸.

2) **Синахериб**. С историей осады Иерусалима Синахерибом связан образ Ангела Господня, который по молитве благочестивого государя чудесным путем истребил его врагов. Этот образ возник в ветхозаветных сказаниях о борьбе иудейского царя Езекии (725–697 гг. до н. э.) с Ассирией (4 Цар. 19: 35). Он получил широкое распространение в Св. Писании (Сирах. 48: 24; 2 Пар. 32: 21; Ис. 37: 36; 1 Мак. 7: 41; 2 Мак. 15: 22) и вошел в древнерусскую литературу. Он встречается в рассказе Ипатьевской летописи о победе русских князей над половцами на р. Сальнице в 1111 г.²⁹; в Никаноровской, Никоновской и Вологодско-Пермской летописях и Московском летописном своде конца XV в. — в статьях 1240 г., посвященных Невской битве³⁰; в Софийской Второй, Никоновской и Вологодско-Пермской — в статьях 1395 г. о нашествии на Русь Тимура-Тамерлана³¹; в посланиях новгородского архиепископа Феодосия³² и митрополита Макария Ивану Грозному во время «Казанского взятия»³³; в произведениях священника Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестра³⁴.

3) **Хоздрой**. Речь идет о византийской легенде о чудесном спасении Царьграда от нашествия персидского царя Хосрова II силой Богородичных Святых. Император Ираклий I, не в силах защитить город, обратился к Богородице с молитвой о заступничестве («В руку Богоматерницы оставляю град и сына моего»), и она укрыла город своей ризой. Персы и их союзники — авары — в 626 г. потерпели под стенами Царьграда поражение. Прозревший от демонстрации могущества христианской веры полководец Сарвар даже обратился с письмом к императору Ираклию, что он напал на город не своей волей, а по приказу Хосрова, которого вскоре постигла постыдная смерть.

Легенды о видении Богородицы над городом, осажденным неприятелем, были популярны в европейской книжности (их обзор см. в работе польского исследователя

²⁷ ДАИ. Т. 1. № 37.1. С. 39; ДВР / 2-е изд. М., 1790. Ч. 14. С. 263–264. — Анализ идеологии посланий Феодосия см.: Филлошкин А. И. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия... С. 327–346.

²⁸ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 526, 646–647; ср.: Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика... С. 250–251.

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 267–268.

³⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 122; Т. 25. С. 133; Т. 26. С. 79; Т. 27. С. 44.

³¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 127; Т. 11. С. 254; Т. 26. С. 285.

³² Филлошкин А. И. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия... С. 341–344.

³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 193, 226, 490, 521; Т. 29. С. 87.

³⁴ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 71, 89–90.

М. Гебаровича)³⁵. Именно к данному сюжету из византийской истории, как показано М. Плюхановой, восходили другие распространенные легенды о заступничестве Богородицы, в частности, о богородичных иконах³⁶. «Легенда об осаде Царьграда Хоздроем» была известна на Руси в виде переводной повести в составе Летописца Еллинского и Римского³⁷, Русского Хронографа³⁸ и отдельных списков. Однако, как отмечено Я. С. Лурье, источник фрагмента данного послания Ивана IV неясен, так как в текстах Еллинского летописца и Хронографа нет цитируемых царем слов Сарвара о граде, как птице в его руке³⁹.

4) **Максентий**. Согласно легенде, по дороге к месту битвы с мятежным императором Максенцием (280–312) осенью 312 г. император Константин (272–337) увидел в небесах крест в виде монограммы из двух греческих букв: χ–ρ. Вместе с ним была явлена надпись: «Нос vince», переводимая как: «Сим победиши».

Так произошло обращение Константина в христианство. Он сделал явившуюся в видении монограмму собственной эмблемой и поместил ее на свой лабарум⁴⁰. На материи штандарта был изображен портрет Константина, а вместо традиционного имперского орла находилась монограмма χ–ρ (с тех пор называемая «крест Константина»). Именно этот знак и принес победу над Максенцием. Он стал первым общепринятым символом христианской веры и знаком победы и спасения. Значение «креста Константина» в идеологии средневековой Руси подробно рассматривалось И. С. Чичуровым, М. Б. Плюхановой, А. В. Каравашкиным⁴¹.

Еще с эпохи Киевской Руси в памятниках древнерусской литературы присутствует образ приносящего победу креста. В Лондонском списке «Повести о Мамаевом побоище» Дмитрий перед битвой вздымает в небо в поднятых руках крест и напоминает тем самым и Моисея, и Константина с крестом⁴². «Крест Константина» фигурирует в Послании Вассиана Рыло на Угру 1480 г. Эпизод с явлением креста накануне битвы Константина и Максентия был включен в Великие Четьи Минеи⁴³. Тема явления креста, приносящего воинскую удачу, связанная с образами легенды о Константине, в русской средневековой литературной традиции XVI в. была особо распространена в круге митрополита Макария. В Степенной книге фигурируют «знамения крестные», предвещавшие победы Владимира Мономаха, прообразом которого мыслился все тот же Константин. Как подчеркнуто М. Б. Плюхановой, именно «в качестве символа и орудия русской власти (для Степенной безразлично — ранней княжеской или царской) неоднократно упоминается «крестоносная хоругвь Русских самодержателей»⁴⁴. В пастырском послании новгородского архиепископа Пимена Ивану IV («о укреплении на брань с литовцами») 1563 г. также говорится о чудодейственной силе константинова «животворящего креста»: «Тако же бы ныне и тебе, Государю нашему, Бог

³⁵ Подробнее см.: *Gebarowicz M. Mater Misericordiae — Pokrow — Pokrowa. Wrocław, 1986.*

³⁶ *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 43, 73.

³⁷ Летописец Еллинский и Римский / Подг. к изд. О. В. Твороговым. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 390–391.

³⁸ ПСРЛ. Т. 22. С. 304–305.

³⁹ Послания Ивана Грозного. С. 668. Комментарий № 36.

⁴⁰ Лабарум — императорский штандарт, по форме аналогичный традиционному римскому вексиллуму (кусок прямоугольной материи на древке, укрепленный на перпендикулярной перекладине).

⁴¹ *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991; *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского государства. С. 105–144; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 252–254.

⁴² ПСРЛ. Т. 26. С. 338.

⁴³ ПСРЛ. Т. 6. С. 225; Т. 12. М., 1965. С. 204; Т. 26. С. 267; ВМЧ. Сентябрь 14–24. СПб., 1869. Стб. 673.

⁴⁴ *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 135; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 253, 317; и др.

подаровал, яко благочестивому и равноапостольному великому Царю Константину, иже крестом честным победы мучителя Максентия и многа исправления к церквам Божиим предаст»⁴⁵.

Кроме этих библейских и церковноисторических образов для определения своего места и места Стефана в истории и степени богоугодности противников Иван Грозный в конце послания привел подборку цитат из Псалтыри⁴⁶. Он обратился к 32, 36 и 117 псалмам. Какова семиотика дискурсов, к которым апеллировал Грозный для обличения польского короля?

32-й псалом был похвалой Давиду за победу над Голиафом, за то, что Саул поразил одного врага, а Давид — 10 000; и за то герой возносит благодарение и восхваление Богу. 36-й псалом считался «утешительным»: в нем говорилось, что благие и праведные «емлют много нестройства и скорби на земле», но им не надо отчаиваться, потому что их помощник и спаситель — Бог. Царю также было известно толкование 36-го псалма Афанасием Великим: он читается, «если видишь, что лукавые делают много беззаконий и превозносятся перед малыми, и желаешь подать кому-либо совет — не внимать и не соревновать им, потому что скоро они погибнут»⁴⁷. 117-й псалом имел более сложную семиотику: он пелся «на освобождение от Саула» и от «язык». Но при этом освобождение достигалось путем нравственного выбора: за грехи Давида Бог предложил ему выбрать одну из трех казней: голод на 7 лет, или 3 месяца пленения у врагов, или на три дня — «мор по всей земле». Давид в знак своего раскаяния выбрал смерть, и тогда «она преста», Господь убедился в верности и решимости Давида искупать свои грехи и даровал ему победу⁴⁸.

Семантический ряд здесь очевиден. Иван верил в победу над Стефаном, указывал, чтобы тот не обольщался своими временными и преходящими успехами. Конечный результат противостояния зависит от того, кто больше верен Господу, готов пойти на самопожертвование во имя «избавления от язык». А это, само собой, тот, кто более правоверен, то есть православный народ во главе со своим царем. Для Ивана подборка этих цитат была достаточным аргументом и доказательством неизбежности победы России в войне с Речью Посполитой.

В заключение Иван писал Стефану: «Ты же послушлив, якоже онагр конь, убо на брань готов: от Господи же помощь!». Образ восшествия на осла (у древних евреев — боевого животного), а затем на коня был связан с семиотикой выступления

⁴⁵ АИ. Т. 1. С. 550; ПСРЛ. Т. 13. С. 352.

⁴⁶ 1) «... и вси гордящеися и висящеися николи ж без погибели не бывають, якоже рече пророк: «Видих нечестиваго превозносящася и висящася, яко кедр Ливанские, и мимо идох, и сей не бе, и взысках его, и не обретесе место его. Храни незлобие, и виждь правоту, яко есть останок человеку миру» (ср.: Пс. 36: 35–37); 2) «И таки тождь пророк глаголет: “Не спасетца Царь многою силою своею, и исполин не спасетса множеством крепости своея. Лож конь во спасение, во множество же силы своея не спасешься”» (ср.: Пс. 32: 16–18); 3) «И господар советы языком разоряет, и отметае мысли людей: совет же Господен пребывает вовеки, не в силе бо констей благоволит Господь, ни в лыстех мужских: благоволит Господь не боящихся его и уповающих на милость его. И коли еси силен, и ты плени» (ср.: Пс. 32: 10–11, 17–18); 4) «Господь мне бысть помощник, не убоюсе, что сотворить мне человек?» (ср.: Пс. 117: 6; Евр. 13: 6); 5) «Благо есть уповати на Господа, нежели надеятися на человека, благо есть уповати на Бога, нежели надеятися на князя. Все языцы обойдоша мя, и именем Господним претивляхуся им: обышедше обыйдоша мя, и именем Господним претивляхуся им, обыйдоша мя яко пчелы сот, и рагориша, яко огонь в тернии: и именем Господним претивляхуся им. Крепость моя и пение мое: “Господь”, бысть мне во спасение!» (ср.: Пс. 117: 8–15).

⁴⁷ Афанасий Великий. Из послания к Маркеллину об истолковании псалмов // Афанасий Великий. Творения в четырех томах. М., 1994. Т. 4. С. 22.

⁴⁸ [Толкование на Псалтырь] «Начинает царствие пророка Давида» // ОР РНБ. Ф. 728 (Софийское собрание). № 1465. Л. 65 об., 66, 74 об.

царя-мессии на святое дело⁴⁹. Отсюда, собственно, и происходило известное в средневековой Руси и Литве выражение «всесть на конь» как обозначение выступления государя на брань с врагом. Поскольку Стефан претендовал на изображение войны с Россией как богоугодного дела, царь высмеивает именно данную сторону символики: Баторий сравнивается не с боевым конем, а с диким ослом — онагром, отличающимся знаменитым ослиным упрямством. Никакой богоугодности и священной символики в воинственных устремлениях Стефана нет, он ведет себя как упрямый дикий осел — что ж, восклицает царь, Бог в помощь!

Царь выражал полную уверенность, что помощь Христа будет на стороне московского государя, и предлагал Стефану, пока не поздно, заключить перемирие на разумных условиях. Иначе — пусть будет война на 40, 50 лет, и «гонцам меж нами не ходить».

Грамота была доставлена польскому королю. Он принял вызов и с гонцом Матвеем Превоским прислал ответ на оскорбительное послание царя. Иван IV встретил Превоского в Старице 8 сентября 1581 г. Гонец подал грамоту от Стефана и две книги. С ним также была грамота от панов рад к боярам, И. Ф. Мстиславскому с товарищами⁵⁰. Однако до переговоров с боярами Превоского не допустили. Царь прочел пространный ответ Батория и 15 сентября отправил гонца обратно в Речь Посполитую⁵¹.

Грамота Батория от 2 августа 1581 г.⁵² содержала пространный концептуальный ответ короля. Помимо возражений на конкретные политические претензии и изложения «польско-литовского» видения причин ливонского конфликта Стефан выступил с «духовной бранью» против Москвиты. И этим его послание наиболее интересно. Между монархами пошел спор, каким же должен быть «христианский государь» и кто из полемистов больше соответствует этому статусу.

Уже в первых строках послания, после титула, вместо положенного по посольскому протоколу пересказа грамоты Грозного, Стефан сразу же определил ее сущность:

«...листь твой велми долгий, полный спросности, и втетеченства и омылности, в котором много щипливе противко нам без причины ншоя и непристоине... листь твой который еси писал до нас такь долгий, яко есть полон вшетеченства и попудливости, такь в себе никакого порадку не маеть. Все в нем нечинно

⁴⁹ Ср.: «Се царь твой грядет на тебя праведен и спасаая, той кроток, и вседе на подъяремчика и жребца юна» (Зах. 9: 9); «Приведоста осла и жребя, и возложиша верх ею ризы своя, и вседе верх их» (Мф. 21: 7).

⁵⁰ Грамота панов рад боярам от 2 августа 1581 г. // КИМ-П. № 75. С. 206–209. — В грамоте Иван IV обвиняется в лукавстве, лицемерных заявлениях о стремлении к миру, которые сочетаются с нападением на «Днепровские замки» Дубровну, Оршу, Копысь, Шклов, Могилев, Радом. Поход, видимо, носил характер набега: русские пришли и, «как волк урываючи, борзо з земли его королевское милости вышли». Паны заявляли, что всей душой стремятся к миру и готовы ходатайствовать о нем перед королем, но при нынешнем поведении московского государя никакое перемирие невозможно.

⁵¹ Отчет о приеме гонца М. Превоского, сентябрь 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 250, 263, 264, 265, 350. — Правда, до родной земли гонец не доехал, а был арестован. 17 марта 1582 г. Стефан посылал Грозному запрос о местонахождении Превоского с просьбой отпустить его домой (Грамота Стефана Батория Ивану IV от 17 марта 1582 г. // КИМ-П. № 88. С. 246). Запрос опоздал: Превоский был отпущен из России в феврале 1582 г., сразу после заключения Ям-Запольского перемирия. С ним была отправлена краткая грамота, в которой царь разяснял, что не ответил на послание Батория со «многие укорительные и жестокие слова», потому что «ныне меж нас сталосе мирное постановевье, и нам, Государям великим, о таких делах, которые гнев воздвигают, писати не пригоже» (Грамота Ивана IV Стефану Баторию от февраля 1582 г. // КИМ-П. № 90. С. 248). Таким образом, царь официально отказался от полемики и тем самым потерпел поражение в эпистолярном поединке с польским королем. Ответ царя не сохранился.

⁵² Грамота Стефана Батория Ивану IV от 2 августа 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 265 об.–350; КИМ-П. № 74. С. 177–206; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 400–433. № 212.

поставлено и помешано есть, чим ся показывает же подобно на тот час и разум твой велми ся помешал...».

Объявив содержание грамоты Грозного несомненным признаком сумасшествия царя, король заявил, что «...про то водлуг порадку оного не будем тебе отписывати, але наперед коротко правдиве а вырозумне преложим». То есть, отказ от дипломатического протокола был сознательным: Баторий не желал вести спор, отвечая на выпады царя, он сам атаковал и наступал, разоблачая оппонента.

Король был согласен трактовать полемику не как личный спор монархов, а как конфликт миров: «всему свету справы твои спросные и поганские суть явны». «Свет», к которому в своем послании периодически апеллировал царь (особенно при обличении «бусурманства» Батория), противопоставлен другому «свету» — подлинно христианскому, в котором царские «справы» расцениваются как «поганские». Себя Стефан однозначно причислял к праведным, христианским монархам: «Житие наше учтиво и побожно есть те ж всимь явно, кгда ж есмо в земли той, которой есть на очах всего хрестьянства, вордилися, всховалися и жили».

Своей миссией как христианина король считал вытягивание московского царя из болота невежества, грехов и заблуждений. При этом аналогом увязшего в трясине «небаченья» Грозного Баторий видел «...немую тварь от разуму всего и от баченья отдаленую, осла албо вола» (так король отыгрался за сравнение с онагром в последних строках царского послания). Но, сетовал Стефан, Иван Васильевич из-за своей «гнюсности» неспособен «прозрети» и извлечь из своих глаз бревно.

Далее Баторий издевался над апелляциями Грозного к Св. Писанию: «Ты, яко правдивый человек, в которого устах псалмы беспрестанну суть...», и сравнивал реальное поведение царя с провозглашаемыми Московитом христианскими принципами. Ты, царь, элементарно «прав хрестьянских и побожных не разумеешь». Все, что умели московитские правители — «фалш, зрада крови, присяжство, розбойство». Грозный и его род объявлен происходящим из «теста тиранского», что Баторий иллюстрировал рассказом о том, как Иван III вызвал мирных новгородцев якобы на беседу и их коварно замучил. «Добывание Новгорода» король сравнил с дьявольским обманом: «яко и чорт Адама и Еву яблоком частовал». Сам Грозный назван «Фараоне Московский», чье сердце «затвержено» для подлинного христианства. Король утверждал, что «терпел тебе Бог так долго», что царь этим соблазнился и думал, что так будет всегда. Но наступает час расплаты!

Особым насмешкам подверглись ссылки Грозного на Божье покровительство русскому оружию. Король так комментировал поражение московитов под Кесью: «Але Бог всемогущий, судья справедливый, которого ты воли будучи противный, имя Его Святое так часто надаремне берешь, войско твое малым почтом наших людей... роспрошил и побил, дела твои и вси речи военные, которые там были, до рук подал!». Баторий утверждал, что Бог покровительствует не московитам, а войскам Речи Посполитой, которых он и ведёт «крепкой своею рукою». А царское «двоедушное сердце» никак не может быть удостоено помощи Господа! «Покой», который царь обещал Ливонии, Баторий саркастически оценил как: «розвадил еси так и въспокоил, яко волк чинит овьцам, пожираючи их».

Москва была объявлена Стефаном удаленной от христианского мира. Московиты не участвуют в работе христианских церковных соборов. Их сфера общения — бусурманский мир, татары, ногаи и прочие неверные и язычники. Ни в одной стране, даже у язычников, правители так не издеваются над иноземными послами, утверждал король.

Насмешкам подверглись и титул Ивана IV («Тыгулы твои долгие, незличоные, которыми болшей до смеху тебе... люди бачные во всих панствах христианских по-

буждаешь»), и даже русский герб с двуглавым орлом, который хуже кукушки: «И бедная кокош перед ястребом с горлом птенца своя крилами своими окривает, а ты, орле о жвух головах, бо ея так печатает, хороняешься!». Наконец, сам Грозный объявлен «ненастоящим царем» в силу неправильности московского ритуала прихода к власти: нормальный монарх должен быть помазан на королевство, принять присягу подданных и в дальнейшем с ними обязательно советоваться, созывать сеймы и т. д. А вот этого в Московской земле нет. В ней — неверная, нехристианская система власти.

Исторические аргументы Грозного Баторий отметал с пренебрежением: «чтеши правдивых летописцов, а не тверди басен бахоров твоих». Король назвал небылицей легенду о происхождении Рюриковичей от Пруса, брата Августа кесаря. Еще более резко король ответил на обвинения в связях с бусурманством: польские короли — праведные христиане, а вот московские князья с неверными «кровь мешали», это твои предки «за подножки узседающим на конь Царем Перекопским были, которые кобылье молоко, што укунуло на гриву татарских шкап, лизали...».

Послание также содержало ряд прямых оскорблений, перед которыми меркли привычные ругательства Грозного. Баторий язвительно бросал в лицо царя: «Просим тебе, на яве ж то молвишь, чи ли се тебе по похмелью снит?»; или: «О никчемный чоловече, што то бредишь!»; или: «Оморный чоловече, ядовитый потварцо чужого сумненья, злый сторожу своего!». Наконец, король смеялся над потугами Ивана IV приписать себе родовитое происхождение: москвит — не более чем сын «нашей изменницы», княжны Елены Глинской. Большого оскорбления для Грозного, чем усомниться в его происхождении, трудно было и представить.

Очень важно для сравнения политической культуры Московии и Речи Посполитой проанализировать, чем же Баторий ответил на обвинения Грозного, основанные на апелляции к текстам Св. Писания. Король откликнулся пространным рассуждением о несоответствии реального облика царя библейской премудрости, за которую прячется нечестивый москвит:

«Также которые [слова] суть о чловеку невинном, который надею свою в Бозе покладает, тот себе приписуешь ты тогда, чоловече покорный, статечный, не форшелный, правдивый, сторожу присяги, милосердный, побожный! Што есть за покора статечность, правда, вера, добротливость, побожность? Твоя надутость и гордость твоя явна есть всему свету, уси поступки твои прошлые то показывают... Зовешся носителем креста Христова, ты, гои который с дьяволом полной исход и заход Богу отнимаеш, которого не носиш, але на подданные свои кресты незностые ускладаеш...»

Сравнение с антигероями прошлого Стефан парировал своими историческими аналогиями тирану-москвиту: «А будеш же ты нас чоловек тых обычаев прировнявал до Сенахерибов, Амелехов, Максентьгушов, сам — Каиме, Флаварисе, Фараоне и Ироде — Антиоше!». Король издевался над царем: будто бы перед Ливонским походом Иван «препоясавшия на криж ланцухами, в которых на одном Евангелия, на другом жекгарик висял, взял еси копые, якабы Гелият противно Давыда, и пописывался еси перед полонениками». Таким образом, Стефан наизнанку вывернул экзегетическую символику Ивана IV: царь в своем послании и обильном цитировании псалтыри сравнивал себя с Давидом, выступающим на Голиафа, а Баторий, напротив, отождествил Грозного с Голиафом, а его бояр — с «Олоферновыми слугами».

Рассмотрим подробнее библейские и исторические образы, к которым обращался Баторий для разоблачения царя Ивана.

1) **Каин** — знаменитый библейский братоубийца, образ которого был нарицательным, для средневековых теологов выступал прежде всего символом неверия. Бог не принял жертвы Каина, поскольку тот был «зол» и «неправеден» (*Мф. 23: 25; 1 Ин. 3: 12*). Согласно апостольским посланиям, «Каиновым путем» идут лжеучения (*Иуд. 11*). Популярная в Средневековье книга «Зеркало спасения» приводила следующие типологические ряды поступков Каина: они сравнивались с предательством Иуды, покушением Саула на Давида и даже в косвенном виде с казнью Христа неверными (Мария оплакивает Христа, так же как Ева оплакивала убитого Каином Авеля).

Таким образом, типологически сближая Ивана IV и Каина, Баторий опровергал тезис о богоугодности поступков царя и, напротив, относил их к лжеучениям и деяниям неверных, поступкам, неугод-

Дьявол шептывает Каину в уши мысль о братоубийстве. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Фараон на троне. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

ным Господу.

2) **Флаварис** — античный тиран Акрагаса (Агригентума), упоминаемый Аристотелем в «Политике» как образец деспота. Правил в 570–554 гг. до н. э.⁵³

3) **Фараон** — образ поработителя христиан, наказанный Богом враг иудеев. С Фараоном связано так называемое «египетское пленение народа Израиля». Несмотря на все пророчества, объявлявшие Фараону волю господя, он упорствовал и говорил: «Кто есть, Егоже послушаю гласа, яко отпустити имам сыны Израилевы, не вем Господя, и Израиля не отпущу» (*Исх. 5: 2*). Точно также ведет себя, с точки зрения Батория, и Иван IV, упорствуя в своих заблуждениях, несмотря на все кары, которые Иисус обрушил на московитов.

4) **Ирод Антипа** — сын Ирода Великого, тетрарх Галилеи и Перее во времена Иисуса Христа. Образ Ирода связан со многими грехами, сходными с теми, которые совершал Иван Грозный: убийства

⁵³ За консультацию о Флаварисе благодарю Д. Слоана и В. Риана.

Давид и Голиаф. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

праведников (ср. казнь Иоанна Крестителя, *Мф. 14: 9–10*), аморальные поступки в сфере семейных отношений (женитьба на своей племяннице и невестке Ироиаде). Ирод не увидел в Иисусе истинного Бога и после издевательств отослал к Пилату, из-за чего считался соучастником убийства Христа (*Лк. 23: 9–12; Деян. 4: 27*). Так, с точки зрения Батория, Иван IV неспособен видеть истину, и его за это ждет та же кара, что и Ирода, который был свергнут и лишен власти.

5) **Голиаф** — воин-великан из войска филистимлян, сраженный в бою пастухом Давидом (*1 Цар. 17: 1–10*). Голиаф выступал символом грубой, несправедливой силы, который был побежден слабым пастухом, которому помог Бог. Сравнивая Грозного с Голиафом, Баторий намекает на его слабость — несмотря на кажущуюся мощь, москвиты будут побеждены, потому что Бог не на их стороне.

6) «**Олофернов слуга**» — Олоферн, собирательный образ врага Бога. В Библии он назван военачальником ассирийского царя Навуходоносора. По приказу своего злого господина Олоферн и его слуги разоряли и порабощали мирную соседнюю страну: «И разори вся пределы их, и дубравы их

Давид и Голиаф. Миниатюра из Бrevиария Филиппа IV Красивого. Франция, XIV в.

изсече, и бе заповедание ему: истребити всех богов земли, яко да самому единому Навуходоносору послужат вси роды, и вси языци, и вси племена их, да призывают его в бога» (*Иудифь* 3: 8). Называя Ивана Грозного «слугой Олоферна», Баторий выстраивал целый ряд сравнений: царь разоряет чужую страну, как Олоферн, при этом он выступает против христианской веры и хочет сам стать для народов вместо бога (в «божественном» понимании сути русской автократии обвиняли московских великих князей многие иностранные авторы, начиная с Герберштейна). Олоферна постигла Господня кара через женщину, праведницу Юдифь — опять-таки в целом ряде иностранных сочинений, в которых тема «Иван Грозный и женщины» была весьма популярной, говорилось, что Бог «обличал тирана» через слабое существо женщины.

Вместо 32-го, 36-го и 117-го псалмов Стефан рекомендовал царю внимательно читать 50-й псалом и молить прощения и помилования у Бога, как Закхей и Антиох. 50-й псалом предназначался для тех, кто согрешил и, придя в себя, раскаивается и просит помилования. Он содержал слова исповедания и покаяния, донесенные до Давида пророком Нафаном⁵⁴. Тема обличения пророка Нафана вообще была популярна у полемических противников Грозного. Ее привлекал в своем третьем послании царю Курбский⁵⁵. С образом Нафана в переписке Грозного и Курбского историки, как правило, сближали образ священника Сильвестра, неофициального царского духовника (об этом писали С. О. Шмидт и А. Н. Гробовский)⁵⁶.

2) **Закхей** (то же, что «Закхай», что означало «чистый») — начальник сборщиков податей (мытарей) в Иерихоне, богатый иудей. Когда Иисус пришел в город, то Закхей, будучи малого роста, чтобы лучше его видеть, взобрался на смоковницу. Проходя мимо мытаря, Христос велел сойти ему с дерева и принять Мессию у себя дома. Сборщик податей с радостью это исполнил, что вызвало ропот народа: мытарей считали грешниками, людьми жестокими и нечистоплотными на руку. Закхей же поклялся Иисусу раздать нищим половину имущества, а всем, кого он обидел, воздать вчетверо. После чего Господь объявил его спасенным, хотя до покаяния мытарю угрожала гибель души (*Лк. 19: 1–10*). Позже он стал первым епископом в Кесарии Палестинской. Легенда о Закхее считается примером милости Бога и возможности спасения через покаяние даже самых отъявленных грешников. Именно для этого она привлечена Стефаном. Образ Закхей для призыва царя к покаянию использовал в своем третьем послании и Курбский.

3) **Антиох** — по всей видимости, Баторий имел в виду Антиоха IV Эпифана, царя государства Селевкидов в 175–164 гг. до н.э., который пытался ввести насильственную

⁵⁴ *Афанасий Великий*. Из послания к Маркеллину об истолковании псалмов. С. 23.

⁵⁵ Курбский сравнивал поведение царя с предательским убийством Давидом Урии — правитель коварно послал на верную смерть своего военачальника, чтобы завладеть его женой Вирсавией (2 *Цар. 11: 2–27*). В обличительной речи пророка Нафана указывается главный грех Давида: он отнюдь не в вероломстве, а в том, что «он пренебрег словом Господа, сделал злое пред очами Его» (2 *Цар. 12: 7–10*). — Бог всем, чем надо, уже пожаловал Давида, так ему этого оказалось мало и захотелось еще и Вирсавию! Преступление смывается демонстрацией покорности воле Бога: Давид как должное воспринял смерть своего сына, насланную в наказание, и был прощен. Как подчеркивает Феодорит Киррский, исповедание Давидом своего греха уничтожило смертный приговор (*Феодорит Киррский*. 1) Толкования на Вторую книгу Царств // Творения Блаженного Феодорита, епископа Киррского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. Ч. 1. С. 330; 2) Толкования на сто пятьдесят псалмов. Изъяснение псалмов 1–69 // Творения Блаженного Феодорита, епископа Киррского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. Ч. 2. С. 241).

⁵⁶ *Шмидт С. О.* 1) К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 370; 2) Становление московского самодержавства. М., 1973. С. 87; *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр: (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 181–185, 196.

эллинизацию иудеев, что привело к восстаниям. Упомянутый Стефаном эпизод, кажется, связан с восстанием под руководством сына иудейского священника Маттафии Иуды в 167–165 гг. Антиох потерпел поражение, кроме того, он был «нелепо побежден от Пръския земля, да опять поваженъе створив, и от многого уныния разболевся, и глагола к велможам своим: “Отступил еси сын от очию моею, и низъпадох печалию моею мною: ныне убо въспоманух злых, ихже сътворих в Иерусалиме, и уразумех, яко тех обретох злая си. И погыбаю в земли чюждеи”»⁵⁷. Видимо, это и есть покаяние Антиоха, о котором говорит Стефан Баторий: несправедный и грешный государь перед гибелью осознает, что кара ему послана за свершенные ранее преступления.

Чувствуя свое полное моральное превосходство, в конце послания Баторий вызвал Ивана Васильевича на дуэль: «сами з собою учинимо два — так меньше крови христианское будет пролито».

Выслушав грамоту Батория, 15 сентября царь отпустил Превоского без традиционного приглашения к государеву столу. Гонец уехал в тот же день с царской грамотой, написанной «жестоко»⁵⁸. Судьба привезенных им двух «книжек» и грамот к боярам в русской посольской книге не отражена. Царской грамоты также, увы, нет. Превоский не доехал до границы — его держали до 18 февраля 1582 г. в Можайске, ожидая возвращения посольства Д. Елецкого и Р. Алферьева, которое выехало в Ям Запольский заключать перемирие. После возвращения Елецкого 11 февраля с известием, что переговоры оказались результативны, у Превоского отобрали «жестоко» написанную грамоту к Стефану, вручили отписку — что, раз вышло доброе дело, грамота, «исполнена укоризненных и жестоких словес», не нужна⁵⁹. К сожалению, ответ царя Баторию не попал в посольские книги и не сохранился.

Вопреки посольскому обычаю, вышеописанная грамота Батория никогда не цитировалась в последующих актах переписки царя и короля. Грозный, таким образом, проигнорировал инвективы, прозвучавшие от имени Стефана, не стал ввязываться в спор. Означало ли это, что он молчаливо признал свой проигрыш в полемике, получив столь резкий отпор, будучи побит своим же оружием — оружием обличений на основе экзегетических аллюзий?

⁵⁷ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. С. 185–186.

⁵⁸ Отчет о приеме гонца Речи Посполитой Матвея Превоского, сентябрь 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 13. Л. 350.

⁵⁹ Наказ приставу Дементию Яковлеву, посланному в феврале 1582 г. в Можайск отбирать царскую грамоту у королевского посла М. Превоского // Там же. Д. 14. Л. 35, 36 об.–38.

Глава VI

ДИСКУРСЫ ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ XVI века

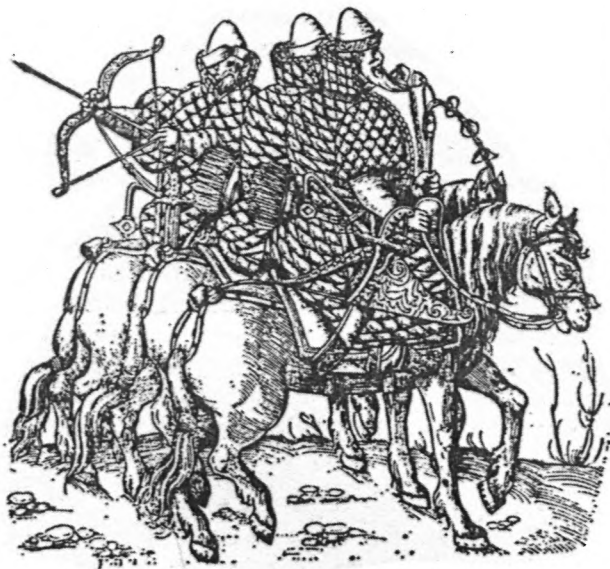
Внутренняя деловая документация Ливонской войны плохо представлена в архивохранилищах. Если дипломатические акты более или менее репрезентативны, то все актовые комплексы и разрозненные документы сохранились случайно. Знаменитый московский пожар 1626 г., уничтоживший архивы приказных учреждений, нанес историкам XVI в. невосполнимый урон. Правда, судя по всему, дело не только в пожаре, но и в делопроизводственной культуре.

Актовая документация исходила прежде всего от воевод: переписка с центральными учреждениями (получение инструкций, запрос людских и материальных ресурсов, иски, отчеты и т. д.), распоряжения воинам, гарнизону, фуражирам и т. д. В ходе полевых действий воеводы выдавали инструкции отрядам и запрашивали инструкции (наказы) из центра и от вышестоящих командиров, посылали отчеты и разведывательные донесения. Большую долю документов составляли распоряжения центральных учреждений, дьячьих изб и приказов. Прежде всего это акты и разрядные записи Разрядного приказа. Наделение служилых людей земельным жалованием было в ведении Поместного приказа. Сразу несколько ведомств занимались вопросами снабжения армии. Посольский приказ ведал внешними сношениями, через него также проходили инструкции и распоряжения, в том числе на фронты Ливонской войны.

Для историка проблема в том, что текущая документация, выполнив свою роль, была больше не нужна и просто не хранилась в архивах государственных ведомств. Судя по некоторым упоминаниям, какие-то акты откладывались в личных архивах, так как они могли быть востребованы в местнических спорах, свидетельствовать о том или ином назначении представителей рода. Например, в 1588 г. во время местнического разбирательства между Т. И. Долгоруким и Д. Б. Приемковым-Ростовским последний апеллировал к наказам, посланным в 1568/69 г. в Юрьев Ливонский Я. Салтыкову. Эти документы хранились в личном архиве Салтыковых, сперва у вдовы П. Я. Салтыкова, а затем у И. Л. Салтыкова. На вопрос судей он подтвердил наличие у него данных грамот: «Я... у Понкратьевы жены, которые розряды и грамоты поймал... и те... у меня розряды и грамоты лежат на Москве»¹. Но сохранность частных дворянских архивов за XVI в. еще хуже, чем архивохранилищ государственных ведомств.

¹ Цит. по: *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 76.

В нашем распоряжении из воеводских архивов остались в основном те, которые попали в качестве трофея в руки неприятеля и благодаря этому уцелели как отдельный комплекс в зарубежных хранилищах. Это прежде всего документы походного архива воеводы В. Д. Хилкова 1580 г., отложившиеся в AGAD в фонде Замойских².

Поместная конница. Немецкая гравюра XVI в.

Стрелец. Рисунок XVII в.

Кроме того, случайно сохранилось определенное количество актов переписки центральных приказов с городскими воеводами как в Ливонии, так и в русско-литовском пограничье³. Отдельную группу здесь составляет переписка русских воевод с властями Ливонии⁴. Наиболее изучены документы по землевладению

² Документы походного архива воеводы кн. В. Д. Хилкова (1580 г.) / Подгот. к печати Б. Н. Флоря // ПИВЕ. М.; Варшава, 1998. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. С. 197–238.

³ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 88–100, 102, 107–109, 121, 123, 124, 126; *Буганов В. И.* 1) Документы о Ливонской войне // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 264–272; 2) Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577–1578 годах // АЕ за 1964 год М., 1965. С. 290–315; 3) Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 349–353; Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // ПИВЕ. Т. III. С. 9–45; Столбцы дел московских приказов (Городового, Поместного, Разрядного) по управлению Ливонскими городами 1577–1579 гг. // ПИВЕ. Т. III. С. 47–195.

⁴ *Korrespondenz der Verwalter der Häuser Revels (Pontus de la Gardie, Carl Heinrichson, Christof Anderson, Jürgen Boye etc.), samt harrischer Ritterschaft und revelschen Rat mit den Statthaltern des Crossfürsten in Wiessenstein Mischael Andrejew Besnin und desgl. mit Michael Wassiljewitsch Obolenskoj 1574, 1575 // Tallinna Linnaarhiiv (Городской архив Таллинна). Fondi 230 (Tallinna magistrat), nimistu 1. В. Р. 12. 92 л.; *Напьерский К. Е.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 394–396. № 393, 394, 396; [*Барсуков А.*] Русские акты Ревельского городского архива (1558 г.). СПб., 1894. Стб. 119–140, 145–218. № 69–76, 79–107; *Филошкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 77–88.*

русских дворян в Ливонии⁵. Неважно обстоят дела и с внутренними государственными распоряжениями. Здесь наибольший интерес представляет собой приговорная грамота собора 1566 г., одобдившего Ливонскую войну и проголосовавшего за ее продолжение⁶.

Могут ли акты материалы, то есть деловая документация, создававшаяся для современников, а не для потомков, послужить источником в изучении дискурсов Ливонской войны? Они интересны прежде всего для исследования системы ценностей и моральных императивов русского служилого человека XVI в.

Война и мир в мировоззрении русского дворянства

Оборона своей земли не требовала мотивации для простого воина, тут все было просто и ясно. А как в сознании русских дворян укладывались нападения на другие страны? Неужели для какого-нибудь торопецкого сына боярского было так уж важно, что юрьевский епископ не заплатил дань? Или что в Полоцке завелись «люторы»?

Понятно, что в царя верили, как в Бога, и были готовы ему служить как воплощению правоты и высшей справедливости («Государя нашего царя и великого князя перед братом его перед королем правда великая»)⁷. Но помимо очевидного мотива добычи и награды за службу государю нужна была некоторая мотивация, что вторжению в Ливонию русская поместная конница делает справедливое дело. Такая мотивация прозвучала на земском соборе 1566 г. и была проста: если супостатов не завоевать до самого конца, то они окрепнут и обязательно нападут. Война в Ливонии, в сущности, оборонительная:

«А не стояти государю за те города, а укрепятца те города ливонские за королем, которых городов ныне государь у короля просит, и впредь их тех городов, которые за королем, церквам, которые за государем в ливонских городах, разорение будет, не тжко государевым городом Юрьеву и иным городом ливонским государским и Пскову тесноты будут великие, но и Великому Новгороду, и иных городов торговым людем торговли затворятца»⁸.

Позже, в Новое время, этот тезис получит название «теории превентивной войны». Как мы видим, он бытовал в русской политической культуре уже в XVI в.

Жизненная философия воинов была отражена в не раз встречающемся в источниках обороте: «А нам всем за государя головы свои класти», «А наша должная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служите ему, государю своему, до своей смерти»⁹, «А мы, холопы его, готовы для государева дела головы свои класти и помереть готовы за государя своего и за его детей, за государей наших за царевичев, и за их вотчины»¹⁰. Подобная акцентация воинского и служилого долга в смерти за государя породила в русском дворянстве синдром, что Ивана Грозного страшились больше, чем любого иностранного врага. Во многих источниках подчеркивается, что неисполнение воинского долга было хуже смерти. Умереть в бою было почетно, а попасть в плен — позорно.

⁵ Новицкий Г. А. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558–1582) // ВИ. 1956. № 4. С. 135–137.

⁶ Публикация: Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182; о соборе 1566 г. см.: Зимин А. А. Земский собор 1566 г. // ИЗ. 1962. № 71. С. 196–235; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 266–296; Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 202–205.

⁷ Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года. С. 179.

⁸ Там же. С. 172–173.

⁹ Там же. С. 174, 176.

¹⁰ Там же. С. 177.

Очень показателен документ, в котором юрьевские воеводы сообщают о нехватке свинца, ядер и других боеприпасов, и что на их запросы «...твои государевы воеводы Иван Сабуров да Иван Волынской... в новые города свинцу посылати не хотят, а нас, холопей, в твоих государевых делах лают». Но что же беспокоит юрьевских воевод? Отнюдь не угроза нападения неприятеля на крепость без боеприпасов, не военные трудности, даже не риск быть раненым или убитым при обороне города без огневых средств, с помощью одного холодного оружия. А они боятся, что «...в их нераденье твоему государеву делу в твоих государевых в новых городех поруха какова вперед учинитца, и нам бы, холопом твоим, от тебя, государя, в опале не быти» (выделено нами. — А. Ф.)¹¹. Воистину, далекий царь Иван Грозный представлялся дворянам русских гарнизонов в Ливонии куда большим источником опасности, чем непосредственные враги по ту сторону крепостного рва — ливонцы, литовцы, шведы!

Дворяне стремились честно нести службу («государю служить явственно»)¹². Смыслом жизни было «не отстать» от «твоей царской службы»¹³. Среди дворян высоко ценились полученные в бою раны, взятые пленные и трофеи, мучения, перенесенные

Осада города. Худ. А. Васнецов. 1918 г.

¹¹ 1578 г. января между 18 и 29. Отписка юрьевских воевод И. Д. Плещеева, кн. М. В. Тюфякина и дьяка Нечая Перфильева в Городовой приказ о наличии в городах боеприпасов и о сношениях по этому поводу с подчиненными Юрьеву городами // ПИВЕ. Т. III. С. 102. № 30.

¹² 1578 г., сентября 30. Память из Разрядного приказа в Поместный приказ и решение Боярской думы относительно увеличения Поместного оклада Б. Д. Уварову // Там же. С. 124. № 49.

¹³ 1578 г., не позднее ноября 29. Челобитная Б. С. Хвостова об отводе ему в Апсельском уезде поместья Д. Б. Вельяшева, переведенного в Коловерь // Там же. С. 143. № 56.1; 1578 г., декабря не позднее 20. Челобитная Б. Д. Уварова о придаче ему поместья в Коловерском уезде из земель К. О. Лихарева // Там же. С. 147. № 56.V.

Смотр дворян. Худ. С. Иванов.

за царя (например, плен)¹⁴. Предметом особой гордости было самостоятельное возвращение из плена («А из полону вышел без окупы и без обмена»)¹⁵.

Бои и походы шли своим чередом, год за годом. К этому привыкли, война при Иване Грозном была *modus vivendi* русского служилого сословия. Походы, бои, сражения шли как неперенный фон человеческой жизни. Появился такой феномен как «военные поколения». Россия до этого их не знала, годы войн чередовались с годами мира. При Иване Грозном выросла целая генерация людей, которые родились в условиях войны и умрут в ту же непрерывающуюся военную годину. Они почти не видели своих отцов, дети знали лишь, что они где-то «кладут головы за государево имя». С 15 лет юный дворянин сам начинал военную службу, причем в действующей армии, и служил в ней до своей гибели на поле боя или до тяжелого ранения и увечья. По дряхлости и старости в России во второй половине XVI в. в отставку уходили немногие...

На то, что война была смыслом и содержанием жизни русского дворянства, указывают редкие автобиографические тексты, которые дошли до нас от XVI в. Говоря о своей жизни, люди вспоминали в основном военные эпизоды. Так, князь Андрей Курбский в 1564 г. писал царю Ивану Грозному:

«Пред войском твоим хождах и исхождах и никоегоже тебе бещестия не приведох, но разве победы пресветлы помощью аггела Господня в славу твою поставлях, и никогдаже полков твоих чюжим полком хребтом обратих, но паче одоления преславнаа на похвалу тебе сотворях. И сие не во едином лете, ни во двою, но во многих летех потрудихся многими поты и терпением, яко мало и рожшеа мя зрех, и жены моя не познах, и отечества своего остах, но всегда в далних

¹⁴ 1578 г., декабря не позднее 16. Челобитная Я. А. Юшкова об отводе ему дополнительного поместья // Там же. С. 169. № 61.1.

¹⁵ 1578 г., ноября 8. Грамота из Разрядного приказа в Пернов воеводам кн. М. Ю. Лыкову, П. Е. Кутузову и дьяку Василию Алексееву об увеличении поместного оклада В. Добрынина и об отводе ему земель // Там же. С. 135. № 54.11.

и околных градех твоих против врагов твоих ополчяся и претерпевах [нужды многие и] естественныя болезни, имже Господь мой Иисус Христос свидетель; паче же учащаем бых ранами от варварских рук в различных битвах, сокрушено же ранами все тело мое имею»¹⁶.

Стоит заметить, что в плане служилой карьеры война могла вознести наверх (в случае победы, удачи), но могла и доставить массу хлопот и проблем. Помимо естественных негативных последствий воинского нерадения и проигрыша боев и сражений (подобные проступки воспринимались мнительным царем как измена), она несла еще одно неудобство. Первые походы Ливонской войны — походы безместные. Соответственно, «щет» (счет) государь обещал давать, «как служба минетца»¹⁷.

Это создавало определенную напряженность: знать была упряма и опасалась, несмотря на все заверения властей, что в этих походах «места» не считаются, «невместное» назначение может повлечь «поруху чести» для всего рода. То же касалось наград: рискованно было взять «полузолотой», если дворянину, находящемуся ниже тебя в местнической системе, дали «золотой»¹⁸. Можно было обречь весь род на полузолотые...

Грамоты о назначениях нередко не хотели брать. Могли гордо бросить в лицо царскому гонцу: «И тебе, государю, наше отечество извесно и каковы, государь, мы, холопы твои, живем на твоих государевых службах и в твоих государевых розрядах и кому мы, холопы твои, в версту, тебе, государю, извесно» (речь А. Воротынского, 1564 г., на которую он получил не менее резкую отповедь царя: «И ты б, князь Олександра, знал себе меру»)¹⁹. Сказывались больными. В этих случаях назначался осмотр — не симулирует ли дворянин болезнь²⁰.

Особую часть русских служилых людей составляли воины гарнизонов и частей постоянной дислокации в прифронтовом пограничье и на завоеванных землях Ливонии. Это были первые поколения детей боярских, которые вырастали, неся службу на захваченных совершенно чужих, чуждых территориях.

Служба с бывших земель Великого княжества Литовского, захваченных в конце XV — первой трети XVI в. в результате т. н. «порубежных войн» (1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522), еще не влекла за собой «культурного шока» — еще не столь велика была разница социально-экономического облика Черниговских, Северских, Смоленских земель с Московской Русью, еще был велик процент православных на этих землях, да и пути интеграции не были столь кровавыми, несмотря на войны и насилие — все же армия государя всея Руси в Великом княжестве Литовском не стирала с лица земли города и государства. Недаром царь Иван IV с легкостью вел себя

¹⁶ Наш перевод-интерпретация: «Возглавляя твое войско, [всю землю] ходил и исходил и никогда не принес тебе никакого бесчестия, но только для твоей славы добывал одни победы пресветлые, одерживать которые помогал ангел Господень, и никогда полков своих спиной к врагам не поворачивал, но со славною одолевал их на похвалу тебе, [как и положено воеводе православного воинства]. И так не один год и не два, но многие годы я трудился, [проливая свой] пот, терпя [трудности], и мало видел [свою мать], родившую меня, и со своей женой мало был, и из отечества своего постоянно уезжал, но все время [пребывал] в дальних и пограничных городах, воюя против врагов твоих, и претерпевал много разных трудностей и [мучений] (болезней) [моей человеческой природы], этому Господь мой Иисус Христос свидетель; и часто был ранен от варварских рук в различных битвах, и [теперь] имею все тело, изувеченное ранами» (Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному // Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 557).

¹⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 195–196.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 163–164.

²⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 194.

в завоеванном в 1563 г. Полоцком повете абсолютно идентично со своей политикой внутри России и даже завел здесь очередную «опричную ссылку»²¹.

Служба же в Ливонии, где не было почти ничего русского и тем более православного (мелкомасштабные купеческие городские «концы» и малочисленные церкви не в счет), протекала в совсем ином контексте: чуждым, непонятным, враждебным было все. Аналогичной была ситуация на востоке, в Казани и Астрахани (хотя думается, что в середине XVI в. татары представляли собой для жителей Московской Руси более знакомую среду, чем немцы). Судьба русских воинов в Ливонии оказалась непростой: сначала нужно было расчистить под себя жизненное пространство, потом его обустроить, найти в нем место и себе, и местному населению. Фактически шла военная колонизация менее развитой страной более развитой (городская культура Ливонии по социокультурному уровню, несомненно, была выше аналогичной в Московской Руси). Потом это надо было удерживать, за это надо было постоянно воевать и, продержавшись 20 с лишним лет, с позором покинуть.

Подчеркнем, что уход русских из Ливонии — это первый в отечественной истории случай эвакуации, вывода армии с оружием, скарбом, нажитым имуществом рядового и офицерского состава и т. д. Это была настоящая трагедия исхода, потери третьей (после Казани и Астрахани) русской колонии, о которой мы мало знаем. О настроениях, восприятии в русской армии этого процесса почти ничего не известно, хотя представляется, что его разрушающий служилую психологию масштаб мог быть немалым. Но здесь мы в плену гипотез и предположений, и нужны дальнейшие исследования.

В остальном же надо сказать, что актовые документы, на наш взгляд, не свидетельствуют, что Ливонская война что-то изменила в менталитете воинов Московской Руси и их отношении к службе. Она воспринималась достаточно рутинно, как привычное и знакомое ратное дело, повседневный воинский труд. В этом плане она для современников не выделялась из бесконечной череды войн, потрясавших Россию в XVI в. Если не считать малолетства царя, с 1547 по 1584 г. можно назвать всего три более-менее мирных года, в остальные служилые люди не могли пожаловаться на недостаток ратной работы²². В этой ситуации фронтам Ливонской войны чем-то удивить и повлиять на мировоззрение воинов было трудно.

Что нужно, чтобы не стать «заблудящими овцами»

Актовый материал рисует прежде всего картину мира, необходимую служилому человеку для существования. По ливонским документам это видно особенно интересно и рельефно, потому что оказавшиеся в чужом краю дворяне строили жизнь «с нуля», перестраивали иноземную среду обитания под себя — и этот процесс получил отражение в их переписке с вышестоящими инстанциями.

Прежде всего, надо сказать об эффекте незримого присутствия государя. Грамоты адресуются на государево имя, даже если они шли в заранее известный приказ или конкретному должностному лицу. Независимо от статуса контрагента (князь, боярин, сын боярский, воевода, рядовой воинник) по отношению к царю он холоп, «челом бьет». Любое событие, любой мелкий запрос (ремонт, боеприпасы, продовольствие, конфликт внутри гарнизона, контрабанда с местным населением, дезертирство,

²¹ Ермак В. Ю. 1) Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563–1571 гг. по данным писцовых книг // *Studia Historica Europae Orientalis* / Отв. ред. А. В. Мартынюк. Минск, 2009. Вып. 2. С. 136–151; 2) Полоцкий повет в годы пребывания в составе Российского государства 1563–1579 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге): Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб., 2010. С. 115–118.

²² *Filjushkin A. Ivan the Terrible: A Military Policy*. London, 2008. P. 4.

осада, военные операции и т. д.) были поводом обращения к монарху. Понятно, что Иван Грозный и не подозревал о существовании большинства этих грамот, что все решалось соответствующими должностными лицами. Но эффект от постоянного «упоминания государя всеу» оставался. Расслабиться и забыть, что «царь смотрит на тебя», было невозможно. В любом действии требовалась санкция первого лица государства (хотя на практике она давалась иными лицами). «И ты, государь, холопу твоему, как укажешь» — постоянный рефрен ливонских грамот²³. Доходило до смешного: сохранился запрос в Разрядный приказ (на имя Ивана Васильевича, конечно), что дети боярские отказываются вывозить из города навоз, а на приказание это сделать «...учали нас лаять неподобной лаею. И навозу, государь, из города не возят. И ты, государь, нам, холопом твоим, о всем о том указ учини»²⁴. Как говорится, комментарии излишни.

В государевых наказах мы находим даже такую детализацию и регламентацию:

«А в городе б в поварнях, oprичь воевод и дворян, ести ни у кого не варили, в лете и в сухмени. А воеводам себе поделати поварни в земле, струбы ставити. А у дворян бы у больших, у человек и пяти, у шти, или у десяти поделаны были для великих нуж поварни невеликие в землях, а у иных печи в землях. А в зиму и в весну и в великое мокро, болшим дворяном ослободити ести варити в городе, а избы всем тогды топить велети»²⁵.

Без команды Ивана Грозного русские дворяне, несомненно, не разобрались бы, когда можно и когда нельзя затапливать печь...

При этом данный эффект государева присутствия не был абсолютно иллюзорным: именно государь выступал гарантом обеспечения семьи погибшего воинника («А кому случитца за святые Божьи церкви и за православную веру и за нас умереть и мы их жены и дети, братью их пожалуем своим великим жалованьем и устроим их во всем») ²⁶. Постоянные апелляции к государю порождали распространение доносов: многие государевы грамоты в войска и воеводам начинаются со ссылки на «сигнал» о «негораздом» поведении. Писать доносы не считалось зазорным, наоборот, это оказывалось своеобразной службой государю, который таким образом «постоянно смотрел за тобой».

Другим основополагающим вопросом была проблема жизнеобеспечения: ремонт и перестройка укреплений²⁷, поставка продовольствия и боеприпасов, нехватка специалистов (плотников, кузнецов, строителей²⁸ и даже палачей²⁹, а также толмачей («чухонских» и немецких) и проводников по незнакомым землям), проблема подкре-

²³ Между 1577 г. декабря 26 и 1578 г. января 17. Отписка Б. Дудина в Городовой приказ о получении им продовольствия из Ругодива и Юрьева для отправки в Кесь и о взятии последнего ливонскими и литовскими войсками // ПИВЕ. Т. III. С. 97. № 25.

²⁴ 1578 г., января 11. Отписка куконойских воевод «при наряде» С. Пушина и С. Головина в Разрядный приказ о состоянии воинских и хлебных запасов и об отношениях с городовым воеводой и детьми боярскими // Там же. С. 100. № 28.

²⁵ Книга Полоцкого похода 1563 г.: Исследование и текст / Подг. текста, статья и указатели К. В. Петрова. СПб., 2004. С. 71.

²⁶ 1580 г. сентября 1. Грамота из Разрядного приказа великолуцкому воеводе кн. Ф. И. Лыкову в Великие Луки с наказом об обороне города // ПИВЕ. Т. III. С. 229. № 24.

²⁷ 1578 г. января 8. Роспись, составленная полковым воеводой В. Ю. Булгаковым с товарищами, необходимым исправлением городских укреплений в Резице // Там же. С. 59. № 4.

²⁸ Ранее 1578 г. января 19. Отписка куконойских воевод князей И. С. Туренина и С. И. Коркодинова о присылке из Пскова приборных людей, об отказе псковских воевод прислать строительных рабочих к возведению церкви и о недостатке в городе кузнецов и каменщиков // Там же. С. 62–63. № 7.

²⁹ 1578 г. января 24. Грамоты из Городового приказа воеводам ливонских городов о выдаче руги ружникам и жалованья оброчникам, в Борзунь воеводе кн. Ф. С. Мещерскому // Там же. С. 71. № 14. I.

плений, мобилизации сил для осады³⁰, ротации войск и неизбежного дезертирства³¹. Бежали в основном «от нужи», когда задерживалась выплата хлебного и денежного жалования. Поскольку смертная казнь для нетчиков была бы расточительством людского потенциала, их ловили, били кнутом и возвращали в войска³². К наиболее злостным применялась казнь и конфискация поместья на государя³³. К концу войны власти стали прибегать к жестким мерам при дворянских смотрах, мобилизациях и сборах (из наказа 27 декабря 1578 г. псковскому воеводе А. И. Хворостинину):

«А которые дети боярские учнут бегати, и им имать детей их и людей, да где про них скажут, и им тамо посылать, да, сыскав тех детей боярских, велено бить кнутом да и дать их на поруки, а за поруками их высылать на государеву службу во Псков. А которых детей боярских не изъедут и скажут про них, что они бегают же, а живут по иным пятинам, и им посылать в те пятинны, где про ково скажут, и велеть им имать да приводить к себе да бить кнутом, а за поруками отвести на государеву службу во Псков. Да, идучи им дорогою, беречи тово накрепко, чтоб дети боярские на дороге от них не отставали ни один человек и насильства б ни грабежу дорогою идучи никому не учинил и кормов людских и конских не имали сильно; а детям боярским говорити их накрепко, чтоб однолично по немецких вестям шли на государеву службу во Псков без ослушанья, а государеву денежное жалованье будет им сполна во Пскове. А хто по списку с ним детей боярских не поедет, и тем быти казненным, а поместья их и з животам и с хлебом имать на государя»³⁴.

Миропорядок обеспечивался воссозданием социальной среды, привычной для городского сына боярского: есть воротники, пушкари, сторожа, ямская служба для сообщений, кузнецы, плотники, торговля с населением, посошные люди выполняют черные работы, попы служат, и даже есть тюрьма и палач. Выкопан колодец, в житных складах — хлеб, крупа и овес, в оружейных — свинец и порох, на стенах пушки и пищали, кузнецы чинят оружие. Все как на Руси.

Особую проблему представлял собой дефицит православных церковнослужителей (попов, дьяконов, пономарей, проскурниц и т. д.)³⁵. Их приходилось выписывать из России, что, видимо, было не очень просто. Очереди из желающих ехать в Ливонию не наблюдалось. Люди умирали без отпевания и исповеди, что страшило особо:

«Милостивый государь, смилуйся, пощади нас, холопей твоих, вели изо Пскова прислати попа, умирают, государь, твои государьские люди без отца духовного, а мы, холопи твои государьские, живем что заблыдающие овцы»³⁶.

³⁰ 1578 г. января 10. Грамота феллинским воеводам Ивану Сабурову и Ивану Волинскому о мерах осторожности на случай осады Феллина ливонскими немцами // ДАИ. Т. 1. С. 176. № 121.

³¹ Например: Между 1577 г. декабря 10 и 1578 г. января 16. Отписка борзунских воевод кн. Ф. С. Мещерского и Н. Ю. Ушакова в Городовой приказ о задержке с присылкой из Пскова церковников и приборных людей, и с привозом продовольствия, о бегстве со службы детей боярских // ПИВЕ. Т. III. С. 96. № 24.

³² 1580 г. августа 15. Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В. Д. Хилкову в Холм о сыске, наказании и высылке к нему нетчиков-колоднич // Там же. Т. III. С. 218. № 12.

³³ 1578 г. в декабре. Наказная память Михаилу Внукову и грамота князю Василью Ростовскому о сборе детей боярских Вотской пятинны и отправлении их на службу в Псков // ДАИ. Т. 1. С. 180. № 124.

³⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 49–50.

³⁵ 1577 г. не ранее декабря 22. Отписка владимирецких воевод кн. Н. Б. Приемкова-Ростовского и В. П. Головина в Разрядный приказ о готовящемся походе литовского и ливонского войска, о задержке с высылкой на службу беглых детей боярских и о присылке из Пскова церковнослужителей и приборных людей // ПИВЕ. Т. III. С. 57–58. № 2.

³⁶ 1578 г., января между 17 и 21. Отписка круцбургского воеводы кн. М. М. Путятина в Городовой приказ с сообщением о присылке артиллерии, священнослужителей и приборных людей из Пскова, о невозможности сооружения житниц и храма из-за нехватки посошных людей, о недостатке продовольствия // Там же. Т. III. С. 61. № 6.

Поставление православного храма, как уже говорилось, символизировало присоединение немецкого города к России. Однако это не всегда было просто сделать: храм по русским традициям должен был стоять не все равно где, а сообразно с ландшафтом, в любом случае — в центре, чтобы не было «порухи» православной церкви по сравнению с местными храмами. Для этого не всегда находилось место, нужны были строители-рабочие, которых приходилось присылать из Пскова. По всей видимости, русские храмы в захваченных ливонских городах были деревянными — никаких следов или свидетельств о существовании каменных церквей не сохранилось. Скорее всего, это было связано с нехваткой церковных зодчих, мастеров-каменодельцев, специализирующихся именно по церковному строительству: на перестройку каменных крепостей находились и время, и материал.

Местных жителей приводили к присяге на верность, отказавшихся ждала смерть и разорение: «А будет им Каркуского и Рудского уезда мыз и деревень собою к Пернову в присягу привести будет немочно, и вы б детям боярским велели выбирать вольных казаков, и велели им каркусские и рудские мызы и деревни воевать оружием»³⁷.

Жизнь в постоянном ожидании нападения, в готовности к осаде накладывала особый отпечаток на психологию. Неизбежны были конфликты внутри гарнизонов, особо опасные тем, что нервные срывы происходили с вооруженными людьми³⁸. Примечательно, что русские гарнизоны довольно быстро нашли общий язык с местным населением на почве нелегальной торговли продовольствием и спиртными напитками:

«...да посылает, государь, Данила Ржевской детей боярских, которые с ним посланы, Фендрика Уварова с братьею, по деревням по латышом, и те, государь, дети боярские приезжают з Даниловыми людьми к городу в полночь с пивом и хлебом с возы, и в город их Данила к себе пушает»³⁹.

Эту гармонию русских детей боярских и местных латышей на почве взаимовыгодных поставок спиртного разрушил не в меру бдительный воевода у наряда Р. Алферьев, небезосновательно полагавший, что подобные ночные визиты жителей оккупированных деревень в крепость могут привести к измене. Увещевания ни к чему не привели, его никто не слушал, все думали только о пиве и о хлебе, который поставляли те же латыши. Отчаявшийся воевода отправил государю донос на своих сослуживцев, и спекуляцию прикрыли⁴⁰. Можно представить, каким словами поминал Алферьева гарнизон, оставшийся без пива...

На самом деле властей волновала не сколько нравственность, столько опасность проникновения в город с местными жителями измены. Завоеванному населению не доверяли. После взятия Полоцка было приказано полочан пускать к главному городскому храму Св. Софии «понемногу», «А береженье тогды учинити великое в городе, голово все места прибавити, а однолично б без боярского ведома и без приставов никаких человек в город, шляхта и посадские люди, не ходили»⁴¹.

³⁷ 1578 г., января 10. Грамота из Поместного приказа в Пернов воеводам кн. Ф. М. Лобанову-Ростовскому, П. Е. Кутузову и дьяку Василию Алексею с предписанием о завоевании и приведении к присяге каркусскими и руенскими помещиками и казаками населения мыз, деревень и починков, смежных с Перновским уездом // Там же. С. 60. № 5.

³⁸ 1578 г., после января 1. Челобитная куконойского воеводы «у наряда» С. Головина с жалобой на угрозы со стороны пусторжевских детей боярских Карамышевых // Там же. С. 58. № 3.

³⁹ Между 1577 г. декабря 20 и 1578 г. января 21. Отписка воеводы у наряда гор. Резицы Р. Алферьева в Разрядный приказ о злоупотреблениях резницких воевод кн. П. С. Лобанова-Ростовского и Д. Г. Ржевского // Там же. С. 56. № 1.

⁴⁰ 1578 г., января 21. Грамота из Городового приказа в Резицу воеводам кн. П. С. Лобанову-Ростовскому и Д. Г. Ржевскому с требованием о прекращении злоупотреблений // Там же. С. 65–67. № 10.

⁴¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 71, 75.

Кому на Руси было жить хорошо? Уровень благосостояния русского дворянства и Ливонская война

В «обидных» грамотах, то есть списках претензий, в основном имущественных, которые выдвигали к противнику жители пострадавших от нападений литовцев или ливонцев пограничных областей, содержатся перечни того, что считалось у детей боярских материальными ценностями, заслуживающими возврата и компенсации. Прежде всего это кони (при этом особо отмечалась масть (карий, игрень, бурый, голубой, гнедой, рыжий, саврасый, серый, вороной, каурый, буланный, чубарый, мухортый, чалый, белоногий, «звездатый») и наличие упряжи — уздечки, седла)⁴². Как ценность упоминается и скот — коровы, но гораздо реже.

Особо ценилось оружие: панцири, саадаки, сабли⁴³, ручницы⁴⁴, юмшан, шлем, шапка (вероятно, имеется в виду «бумажная шапка»), ножи («ножи угорские»). Горевали дети боярские и о пропавших денежных средствах. В среднем в карманах и мешках русские дворяне носили от 3 до 7 рублей, то есть весьма значительные суммы. Деревеньку в первой четверти XVI в. можно было купить от 15 рублей и выше⁴⁵.

С собой дети боярские возили в походных сумках драгоценные металлы, золото и серебро («сусальное иконное золото»)⁴⁶, иногда — иконы в окладах, кресты из драгоценных металлов⁴⁷. Встречаются также ожерелья и драгоценные пуговицы (в том числе золотые, жемчужные, «корольковые» — коралловые), драгоценные камни (рубины), жемчуг.

Русские воины XVI в. Гравюра XIX в.

⁴² 1571 г., после июля 10. Грамота полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского канцлеру Велико княжества Литовского кн. Н. Ю. Радзивиллу Рыжему о пограничных конфликтах // ПИВЕ. Т. III. С. 23, 26. № 1.

⁴³ 1571 г., после июля 10. «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерба, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже // Там же. С. 27. № 2.

⁴⁴ Там же. С. 29. № 2.

⁴⁵ 1526 г., апреля 28. Купчая грамота митрополичьего боярина Р. Ф. Фомина на деревню Старое Елсуфьево, в Манатыне стану, Московского у., проданную митрополиту Даниилу П. Е. Даниловым // АФЗХ. М., 1951. Т. 1. С. 70. № 61; 1525–1526 гг. Купчая грамота митрополичьего боярина Р. Ф. Фомина на треть деревни Головинской, в Манатыне стану, Московского у., проданную митрополиту Даниилу И. Г. Елдегиним // Там же. С. 70–71. № 62; 1526 г., июля 22. Купчая грамота митрополичьего боярина Р. Ф. Фомина на деревню Жабинскую, в Быкове стану, Московского у., проданную митрополиту Даниилу вдовой М. Ш. Елдегина, Федосей с сыновьями // Там же. С. 72. № 64.

⁴⁶ 1571 г., после июля 10. «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерба, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже // ПИВЕ. Т. III. С. 31. № 2.

⁴⁷ Там же. С. 35. № 2.

В одном случае у дворянина Юрия Дичкова забрали «бумажницу», «а в бумажнице записи поручные да полтина денег», а у Давида Чулкова — книгу «Правило святых отец»⁴⁸. Поручные записи, находимые у русских дворян, — не редкость, раз они их возили с собой — видимо, особо ценили как своеобразный гарант материального обеспечения⁴⁹.

Из «мягкого золота» дворяне имели меха (черный бобр, куница⁵⁰, соболь, белка, заяц⁵¹). Особую ценность представляла собой одежда, причем весьма богатая: шапка кунья под сукном червленым⁵², рубашка «однорядка за серу, завяски на ней шолковы з золотом»⁵³, «однорядка лазорева сукно аглинское», «кафтан суконный синь»⁵⁴, «кафтан жолт», «кафтан камчат», «кафтан бел», «кафтан крашенинной», «кафтан теплой бораней под лазоревою крашениною», «ферязи суконные» из английского или среднеазиатского сукна, армяки, колпаки, сапоги, шубы (бараньи, лисьи, «корольковы», беличьи), рукавицы, «терлик песцовой», порты, рубашки, подушки, полотенца, ширинки, кушаки и т. д. Платья возили «в чемоданех»⁵⁵. В багаже встречаются и отрезы полотна: шелк, тафта, сукно, сермяга.

Обращают на себя внимание яркие цвета предметов одежды — вишневый, синий, лазоревый, красный, белый, желтый. Русские дворяне были и во фронтовых условиях нарядными щеголями, выделявшимися яркими, светлыми цветами. Французский историк Ж. Ле Гофф применительно к Средневековью писал, что светлое, яркое считалось прекрасным, олицетворяло стремление к Небесному Свету, безопасной жизни, а также маркировало богатство, роскошь, знатность обладателя красивых одежд. Как мы видим, это все применимо и к русскому дворянству XVI в.⁵⁶

Дворяне также упоминали в «обидных списках» о продуктах питания: мука ржаная, сухари, ветчина, мука ситная, мука пшеничная, толокно, крупа (гречневая), солонина, масло коровье, мед, вино, укус, солод, овес, сельди, лук, чеснок, орехи⁵⁷. Ценилась также посуда — котлы, сковороды, тазы, «чарка серебряная», судки столовые, скатерти льняные узорчатые и т. д.

Меньше всего ценились люди (возможно, это связано с тем, что перед нами — дворяне в походе, речь не идет о разграблении их имений, то есть зависимых людей

⁴⁸ Там же. С. 36, 37. № 2.

⁴⁹ Любопытное обстоятельство, потому что в других источниках указывается, что документы дворяне хранили в запечатанных коробах, которые на время походов отдавали доверенным лицам: «Да идучи есми на год в Казань, поставил у своей тещи у Орины у Молчановой жены Ростопчина у Степановой дочери Собакина сундучок да коробью за печатью брата моего Ивана, а печать — имя брата моего; а в сундучке и в коробке крепости земляные и людские и деловые и грамоты всякие поместные и жаловальные» (1553–1554 гг. Духовная Ивана Истомина сына Курчева // АФЗХ. М., 1956. Т. 2. С. 250–252. № 248).

⁵⁰ 1571 г., после июля 10. Грамота полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского канцлеру Великого княжества Литовского кн. Н. Ю. Радзивиллу Рыжему о пограничных конфликтах // ПИВЕ. Т. III. С. 24. № 1.

⁵¹ 1571 г., после июля 10. «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерба, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже // Там же. С. 31. № 2.

⁵² 1571 г., после июля 10. Грамота полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского канцлеру Великого княжества Литовского кн. Н. Ю. Радзивиллу Рыжему о пограничных конфликтах // Там же. С. 25. № 1.

⁵³ Там же.

⁵⁴ 1571 г., после июля 10. «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерба, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже // Там же. С. 27. № 2.

⁵⁵ Там же. С. 35. № 2.

⁵⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 312–319.

⁵⁷ 1571 г., после июля 10. «Обидный список» к грамоте кн. А. И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерба, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже // ПИВЕ. Т. III. С. 30, 31, 39. № 2.

рядом с ними немного). Иногда упоминаются холопы и дворовые люди, порой женщины («жонки», «девки»)⁵⁸.

В целом надо сказать, что «обидные списки» впечатляют уровнем благосостояния поместной конницы в начале 1570-х гг. Обычным было иметь значительные суммы денег, драгоценности, дорогую нарядную одежду из заграничных тканей (чаще всего английских), меха, коней и т. д. В литературе как-то исподволь утвердилось мнение о небогатой, преисполненной ратными трудами и тяготами жизни детей боярских⁵⁹. О подчиненных князя А. И. Ногтева-Суздальского такого не скажешь.

Это были вполне успешные победители, осваивавшие русско-литовское пограничье и видевшие войну источником неплохого дохода (и небезосновательно!). Когда ученые говорят о разорении дворянства по итогам Ливонской войны (а таковое мы действительно видим по Новгородским писцовым книгам 1580-х гг.)⁶⁰, то, видимо, забывают оговорить этапы этой войны. В начале 1570-х, когда Речь Посполитая подписала перемирие, согласившись с временной потерей Полоцка, когда русские повсюду хозяйничали в Ливонии, война виделась вполне победной, добычливой и успешной. Так, видимо, было до 1577 г.

А вот вторжение Батория в 1579–1581 гг. и череда военных поражений радикально изменили ситуацию. В истории, как и в жизни, «запоминается последнее слово», и последствия проигранной Московской войны 1578–1582 гг. историки и читатели стали экстраполировать на всю войну (ср. гипотезу А. Л. Хорошкевич о «сопротивлении» русского дворянства агрессивной и несправедливой войне, развязанной тираном-царем)⁶¹. Думается, пока дворяне щеголяли в английских кафтанах с коралловыми пуговицами, а их карманы оттягивали деньги и золото, пока шли раздачи земель, захваченных в Ливонии и Полоцком повете, они были совершенно не против войны. Они стали против, когда супостат начал разорять их ливонские, псковские и новгородские поместья.

Можно сравнить данные «обидных списков» начала 1570-х гг. с другими актовыми материалами, характеризующими материальное положение русского дворянства. Определенный материал здесь дают духовные грамоты.

До 1528 г. была дана духовная В. П. Узкого-Есипова⁶²: завещал коней (четверых, различие: серый, каурый, иноходец, аргамак), чарка серебряная, седло сафьяновое «с яшуром и с уздою, с воилоки и с теребенки, а теребенки московские». Одежда: терлик «рудожолт», тегилай «киндячен», 230 белок, телогрея русачья с тафтою, шуба лисья с сукном, кебеняк бел, сабля черкасская, две «теребенки» крымские, набор блюд калужский. Кроме того — деньги, иконы и земля (деревни). В завещании также упоминаются: ковши серебряные, кони: бурый, рыжий, чалый, чюбарый, гнедой, саврасый, кар, мерины воронье; 5 панцирей, 3 бехтерца, 3 наколенника, 6 наручей,

⁵⁸ 1571 г., после июля 10. Грамота полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского канцлеру Великого княжества Литовского кн. Н. Ю. Радзивиллу Рыжему о пограничных конфликтах // Там же. С. 26. № 1.

⁵⁹ Ср.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 80–81; Мигунов Ю. В., Шебанов А. В. Уездные дворянские корпорации России XVI–XVII вв.: Внутреннее устройство и роль в системе государственной службы. Нижний Новгород, 2001. С. 24–25.

⁶⁰ Подробнее см.: Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853; Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. (по писцовым книгам). Киев, 1915; Аракчев В. А. Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 209–210.

⁶¹ Хорошкевич А. Л. 1) Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; 2) «Заблудящие овцы»: Ливонская война и менталитет русского народа // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 71–79.

⁶² I четверть XVI в. — 1528 г. апреля 2. Духовная Василия Узкого Петрова сына Есипова // АФЗХ. Т. 2. С. 91–92. № 97.

кольчуга, 6 шеломов, 3 «боторлыки», саадак, «тегилай камчат да однорядка аспидна с пугвицами серебряными», «летник тефтян до торлоп белей хрептов».

До 1543–1544 гг. была дана духовная Д. А. Белеутова⁶³. В ней значатся конь пегий, мерин саврасый, мерин каракуль, мерин лысый, булыный; меринец каурый, рыжий, мухортовый; лошадь солова волоская, бехтерец, шлем «московского дела», зеркало московское, панцирь московский, шлем «шемахийский», шатер круглый, шатер «рукавчатый»; кожух «куней ветчан», седло ордынское сафьяновое «с костью», обез крымская полное шитье. Одежда: «шуба кунья с хандряком, шуба камка голуба на черевех на белых, шуба с камкою с травинскою на черевех на белых, шуба на черевех на белых товта светла зелена, да терлик камчат светла зелен, да опашен зуфен лазорев».

Около 1543–1544 гг. составлена духовная Г. М. Валуева⁶⁴. Упоминается кобыла (кроме традиционных коней, мерингов и меринцев), лохань медная, сукно, литр шелка, овес и рожь (в четвертях), лошадь татарская, лук крымский, панцирь «шюмячий», седло нагайское, посуда медная, оловянная, железная и деревянная. Реликвии и драгоценности: крест каменный, деманид золотом обложенный на монисте, золотой перстень, драгоценные оклады на иконы (золотые и серебряные), жемчужное ожерелье, платья с жемчужными и серебряными пуговицами, изделия из мехов белки, куницы, бобра.

Между 1547 и 1565 гг. появилась духовная Ю. А. Оболенского⁶⁵. Здесь помещен богатый набор: пищаль звериная (охотничья?), конь бур «кривохвост», шлем черкасский, юшман шемахейский (цена последних двух 50 рублей), атласные и шелковые ферязи, крест-мошевик, панагия, образа в дорогих окладах, многочисленная дорогая одежда, доспехи и оружие: «бехтерец шемахийский», оттуда же наручи и наколенники, турецкая сабля, «долы резаны, наложены золотом, ножны у нее окованы серебром, оковы резаны, золочены, на подзоры, пояс у нее шолков, оковы серебряны, резаны, золочены... на обоих саблях резано мое имя», саадак, 70 стрел, окованы серебром, с орлиными и кречетовыми перьями, 2 лука крымские, 30 седел. Женские украшения из серебра и яхонта, дорогая одежда, шубы.

В анонимной духовной грамоте середины XVI в.⁶⁶: упоминаются серьги, дорогая одежда, кони и лошади (в т. ч. игреневая, чалая, пегая, голубая, рыжая), 2 седла сафьяновых, 2 седла «всучных», 2 рогатины, 2 сабли, 6 сумок служебных; посуда: оловянный кружок, котел пивной, котел «естовной» и др.

В другой духовной описано богатое вооружение: «...а что моего доспеху пансырев и юшьянов, и бехтерцов, и зеркало, и шляпок мисюрских, и шеломов, и копей, да шит турской железен, да два тегиляе бархатных з золотам... и что останетца даспеху всякого и тегиляев мухоярных и безенных...»⁶⁷

Как мы видим, уровень благосостояния вполне сопоставим со служилыми людьми князя А. И. Ногтева-Суздальского в 1570-е гг.

Гораздо реже упоминается «мелкий живот»⁶⁸: продукты сельского хозяйства, скот⁶⁹, хлеб «стоячий и земляной» (вплоть до одного «скирда ржи»⁷⁰). Причем сельскую

⁶³ Незадолго до 1543–1544 гг. Духовная память Дмитрия Александровича Белеутова // Там же. С. 164–165. № 172.

⁶⁴ 1543–1544 гг. Духовная Григория Михайловича Валуева // Там же. С. 169–171. № 176.

⁶⁵ 1547–1565 гг. Духовная князя Юрия Андреевича Оболенского // Там же. С. 207–214. № 207.

⁶⁶ Середина XVI в. Духовная грамота (отрывок) // Там же. С. 231. № 229.

⁶⁷ 1558–1559 гг. Духовная Дмитрия Григорьевича Плещеева // Там же. С. 280. № 274.

⁶⁸ Термин взят из грамоты: 1551–1552 гг. Духовная Федора Григорьева сына Нелидова-Ракитина // Там же. С. 239. № 236.

⁶⁹ Перечисление коров с указанием масти: 1546 г., августа 1–17. Духовная Е. И. (Худяка) Табакова // АФЗХ. М., 1964. Т. 3. С. 15. № 4.

⁷⁰ 1556–1557 гг. Духовная Василия Иванова сына Внукова-Пушкина // АФЗХ. Т. 2. С. 269. № 265.

продукцию подробнее и обстоятельнее расписывают представители мелкого дворянства⁷¹ — видимо, за неимением вещевых ценностей для них на первое место выходило то, что давала земля (так сближались ценности землевладельцев и земледельцев).

В духовных упоминаются также «люди кабальные и полные». Их, как правило, после смерти владельца отпускали на свободу, но могли и завещать как собственность⁷². Неясно, как решался вопрос с боевыми холопами — для них свобода вовсе не всегда представляла в радостном виде, места в мирной жизни для них не было. Продолжить военную карьеру в качестве детей боярских они не могли в силу очевидных причин. Значит, путь был либо в крестьяне, либо в дворовые, на службу новому хозяину. Интересно, что духовные не фиксируют случаев завещания боевым холопам (вообще-то фронтovým товарищам умиравшего дворянина) чего-либо ценного и тем более военного. Напротив, выпуская их на свободу, их стремились сделать как можно более бедными:

«А что мои люди полные и докладные и кабальные, и те мои люди все на слабоду, *кто в чом ходил в платье; а лошадей им не давати* (выделено нами. — *А. Ф.*); а что моево полону казансково и неметцково мужиков и жонок и робят и девак, и те мои люди полонные все ж на слабоду»⁷³.

Хотя были и те землевладельцы, кто заботился о вооружении слуг, оставляемых без хозяина: «...а прикащиком нашим пожаловати, их отпустить, хто нам чем служил... у них саадаков и сабель и платья... у кого не будет лошади, ино им пожаловати, посмoтря по человеку — иному дати конек, а иному мерина»⁷⁴.

Зато в 1580-е гг. ситуация значительно меняется. Вместо маленькой и слабой Ливонии и эпизодического сопротивления со стороны войск Великого княжества Литовского против русской армии выступало объединенное войско Речи Посполитой вместе со значительным контингентом европейских наемников. Это вызвало необходимость мобилизации всех сил, которые у служилого люда быстро кончились. В Псковской земле не хватало войска, чтобы обеспечить гарнизонами псковские пригороды, и многие из крепостей просто бросили или даже пытались разрушить, вместо того чтобы оборонять. Красный и Велье были уничтожены самими русскими перед наступающим войском Стефана Батория⁷⁵. По мнению М. Е. Васильева, «примерно такая же судьба постигла Воронич и Выбор»⁷⁶. Судьба Опочки неизвестна. В источниках нет сведений о ее взятии. В то же время она стояла на пути Батория через Воронич и Остров — и тот и другой оказались в руках баториевцев. М. Е. Васильев предполагает, что русский гарнизон просто заперся в Опочке и отсиделился за крепостными стенами до окончания войны и ухода армии Речи Посполитой⁷⁷. Стоящее на южных рубежах Псковской земли Заволочье было взято еще в 1580 г. Та же участь тогда постигла и Великие Луки.

Вторжение Стефана Батория и оккупация значительной части Псковской земли вызвали ее страшное разорение и запустение. Писцовые книги рисуют нам удручающую картину выжженной земли: уничтоженные села и деревни, обезлюдившие многокилометровые пространства. Былые крупные погосты и крепостные центры

⁷¹ Ср.: 1558–1559 гг. Духовная Ивана Афанасьевича Тютчева // Там же. С. 282. № 275.

⁷² Ср.: 1554–1555 гг. Духовная Федора Борисовича Бороздина // Там же. С. 257–259. № 253.

⁷³ 1558–1559 гг. Духовная Дмитрия Григорьевича Плещеева // Там же. С. 281. № 274.

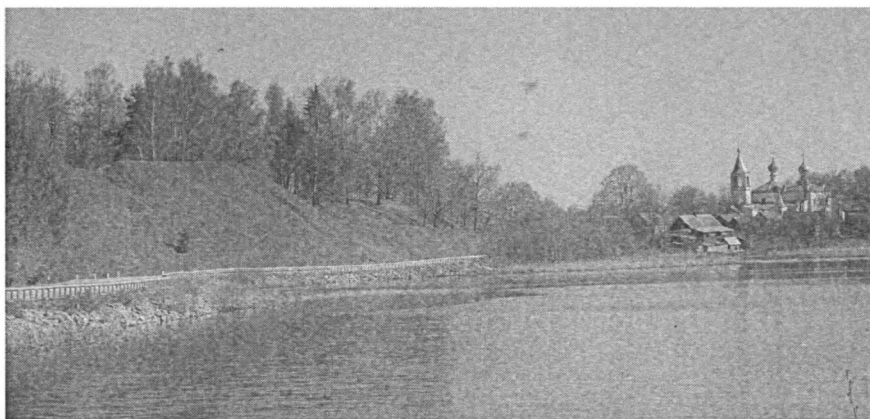
⁷⁴ 1562–1563 гг. Духовная князей Ивана и Григория Петровичей Звенигородских // Там же. С. 310–311. № 299.

⁷⁵ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 184–185.

⁷⁶ Васильев М. Е. Из истории земли Псковской (исследования, поиски, находки). Пушкинские горы; М., 2003. С. 58. (Михайловская Пушкиниана. Вып. 28).

⁷⁷ Там же. С. 68.

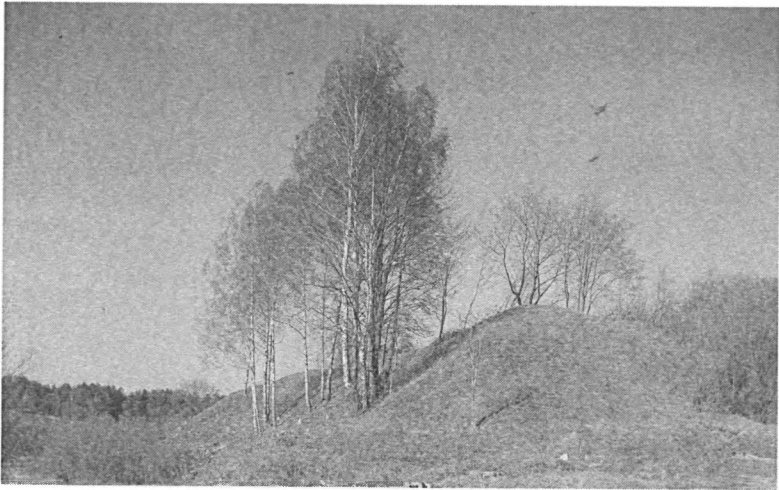

Городище Велье. Фото 2009 г.

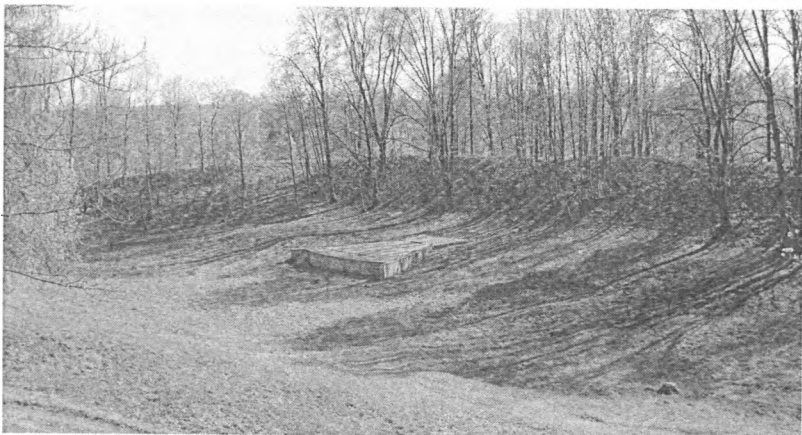
после Ливонской войны превратились в села, их население уменьшилось во много раз. Городища Вороничи. Фото 2009 г.

Городище Выбор. Фото 2009 г.

Городище Красный. Фото 2009 г.

Городище Опочка. Вид вала изнутри крепости. Фото 2009 г.

г. Остров. Храм Св. Николая, 1543 г., стоявший в крепости. Фото 2009 г.

раз⁷⁸. Разорение коснулось и соседней Новгородчины⁷⁹. Ученые давно обратили внимание, что именно этот фактор и послужил причиной введения здесь в 1580-е гг. заповедных лет, в дальнейшем эволюционировавших в систему крепостного права⁸⁰. Таким образом, актовый материал четко фиксирует упадок благосостояния служилого люда Северо-Запада России к концу Ливонской войны.

Тон и лексика писцовых описаний не оставляют сомнений в том, что происходившее воспринималось как разорение, катастрофа, опустошающее «нашествие иноплеменных». Негативные настроения и оценки всей кампании борьбы за балтийские земли, которые, несомненно, бытовали в 1580-е гг. и отражены на страницах псковских летописей, во многом были вызваны именно этой ситуацией масштабного подрыва материальной базы дворянства Северо-Запада. Было бы ошибкой экстраполировать эту ситуацию на всю войну (как мы видели, пока она шла на чужой территории и приносила трофеи и добычу, поместная конница чувствовала себя весьма недурно и войну одобряла). Неверно распространять ее и на всю территорию Русского государства. Но применительно к Пскову и, по всей видимости, Новгороду надо говорить о доминировании негативных оценок результатов войны среди разоренных служилых людей в 1580-е гг. На это указывает именно актовый материал.

⁷⁸ Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Псков и его пригороды. Кн. 1 / Предисл. Д. В. Цветаева; введение В. В. Нечасва. М., 1913.

⁷⁹ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853; Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М., 1914; Писцовая книга Шелонской пятины письма Григория Бундова и подъячего Ждана Алабухина 7093 г. (1584/85) // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный Приказ). Оп. 1. Д. 967.

⁸⁰ *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI века. М., 1970. С. 5–7, 89–160; *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 167–216; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 66–71.

Разряды Ливонской войны

Разрядные книги — роспись служебных воеводских назначений по хронологии, городам и полкам в походах — являются ценнейшим источником по истории российской армии. Их изучение осложняется достаточно запутанной историей происхождения текстов, дошедших до нас под названием разрядов. Впервые Государев разряд был составлен в 1556 г. и охватывал период в 1475–1556 гг.⁸¹ Исследования П. Н. Милокова, В. И. Буганова и Ю. В. Анхимюка показали, что продолжения Государева разряда составлялись каждый раз задним числом после окончания каждого царствования (т. е. в XVI в. — около 1584 и 1598 гг.)⁸². Таким образом, перед нами, несомненно, документальный источник, но неизбежно — в силу хронологического разрыва между описываемыми событиями и их достаточно поздним воспроизведением в имеющемся у нас тексте — имеющий лакуны, пропуски, искажения. Поскольку Государев разряд был труднодоступен, а документальное подтверждение служб было нужно многим для местнических споров, стали составляться частные разрядные книги, хранившиеся в том или ином дворянском роду. Вопрос о времени их возникновения дискусионен, но, во всяком случае, они возникли не ранее появления официального Государева разряда в 1556 г.⁸³

Ливонский разряд формируется уже в начале 1558 г., когда были назначены «...от немецкие стороны воеводы на годованьи» (во Пскове, Ивангороде, «Неровском городе», Гдове, Изборске, Вышгороде, Красном городе, Себеже)⁸⁴. Рубежами кампании названы «ругодивское взятие», «юрьевское взятие», взятие Алыста, Феллина, Тарваста и т. д.⁸⁵ После захвата Юрьева летом 1558 г. возникает воеводская роспись по занятым ливонским городам (первоначально — Юрьев, Ракобор, Керепеть, Рынгол и т. д.)⁸⁶. Это свидетельствует о возникшей летом 1558 г. установке на интеграцию Ливонии, включение ее в состав России. Эта роспись стилистически и структурно ничем не отличается от росписи других российских «украин», то есть данная территория рассматривалась уже как российское пограничье. Правда, до конца войны она так и остается пограничьем, прифронтовой зоной (регулярные разряды составлялись только применительно к фронтиру, и Ливония была таким фронтиром), так и не сумев за 20 с лишним лет превратиться в собственно российскую территорию.

В разрядных книгах отдельно выделяется начало конфликта с Великим княжеством Литовским. Оно относится к апрелю 1561 г., причем составителем отмечается, что это произошло из-за вмешательства литовского короля в борьбу за Прибалтику. Отметим, что так расценили не Позвольские соглашения 1557 г., даже не дипломатическое противостояние 1559–1560 гг., а только начало непосредственных боевых столкновений русских и литовских войск на территории Ливонии⁸⁷.

⁸¹ Милоков П. Н. Официальные и частные редакции разрядных книг // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. С. 14.

⁸² О разрядных книгах, их списках, редакциях, происхождении см.: Милоков П. Н. К вопросу о времени составления разрядных книг // ЖМНП. 1889. Май. С. 167–185; Алышиц Д. Н. Разрядная книга московских государей XVI в. (Официальный текст) // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 130–151; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII вв. М., 1962; Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. Рецензия: Петров К. В. Разрядные книги древней традиции: К изданию исследования Ю. В. Анхимюка // Очерки феодальной России. М., 2007. Вып. 11. С. 462–483.

⁸³ О разновидностях и особенностях частных разрядных книг см.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги... С. 84–150.

⁸⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 172.

⁸⁵ Там же. С. 174, 175, 186, 190.

⁸⁶ Там же. С. 176.

⁸⁷ Там же. С. 193–194.

Наиболее подробные (и, видимо, наиболее аутентичные) разряды относятся к Полоцкому походу 1563 г. Они обстоятельно в разных вариантах и списках изучены В. И. Бугановым⁸⁸, С. Н. Богатыревым⁸⁹, К. В. Петровым⁹⁰, К. В. Барановым⁹¹, Ю. В. Анхимюком⁹². Относительно так называемой Книги Полоцкого похода 1563 г. мнения ученых расходятся: одни считают ее оригиналом официального Полоцкого разряда 1563 г. (М. В. Воробьев), другие — вторичным документом, составленным на основе первичных черновых материалов — столбовых росписей (К. В. Петров), третьи — особым видом источников, записной книгой (К. В. Баранов). Так или иначе, перед нами памятник актового делопроизводства.

Полоцкая книга 1563 г., помимо описания русского войска, интересна рассказом о событиях Полоцкого взятия. В центре повествования — фигура самого царя: его передвижения, распоряжения, участие в богослужениях, командование боевыми действиями. Провиденциалистская риторика минимальна. Роспись войск, которая активно используется учеными для подсчетов определения численности русской армии в XVI в., имеет свои загадки⁹³, но к дискурсам Ливонской войны они не имеют прямого отношения.

Подобный подробный разряд сохранился и для ливонского похода 1577 г.⁹⁴, но он изучен гораздо хуже. Разряд замечателен наличием в нем описания похода и приведением в нем некоторых документов. Например, весьма колоритно описание взятия Влеха (Мариенгаузена). После того, как русские войска окружили его, в город была послана грамота с требованием сдачи и «освобождения государевой вотчины». Вышел некоторый конфуз:

«Латыш, которой з грамотою во Влех посылан, пришел в розрядной шатер, а сказал, что ему влешской староста отказал, что та государева грамота, которая посылана была с ним во Влех, писана по-русски, у них-де той грамоты прочесть некому».

Переговоры о сдаче, таким образом, сразу зашли в тупик. Наконец, грамоту перевели на польский и отправили повторно. Но этот эпизод не поколебал позиции царя, что с противником надо разговаривать «по-русски», а не на понятном врагу языке.

⁸⁸ Буганов В. И. «Взятие Полоцкое Литовской земли» // Записки ОР ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 213–224.

⁸⁹ Богатырев С. Н. «Повесть о Полоцком взятии» и проблемы культуры Московской Руси // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 128–131; Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr and M. Poe. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 325–363.

⁹⁰ Книга Полоцкого похода 1563 г.: Исследование и текст. СПб., 2004. — Poleмику вокруг этой публикации см.: Воробьев М. В. Рукопись разрядной книги Полоцкого похода 1563 г. и ее публикации // Исследования по Русской истории и культуре. М., 2006. С. 373–386.

⁹¹ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 119–154.

⁹² Анхимюк Ю. В. 1) Частные разрядные книги... С. 137–146; 2) Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 155–170.

⁹³ «... И бе их столько, еже несть числа: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.?». Форум // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1/2 (5/6). С. 120–149. — Согласно разряду, в армии Ивана Грозного числилось немногим более 30 000 человек, что очень значительно разнится со свидетельствами нарративных источников, называющих цифры в 3–10 раз больше. Однако однозначно поверить разряду мешает то, что неясно, упоминаются ли в нем дети боярские вместе с боевыми холопами или без них. Наличие или отсутствие в разряде боевых холопов может принципиально изменить оценки численности войск, но к единому мнению ученые здесь так и не пришли.

⁹⁴ Опубликована: Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. // Военный журнал. 1852. № I, II, III, IV, V; 1853. № V–VI; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 437–440; М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 441–559.

Мариенгаузен ничтоже сумняшся назван «государевой вотчиной», а к оборонявшему его польскому гарнизону царь обратился так:

«Здесь мы пришли з Божиею волею своєю вотчины дозрить и очистить, и вы б из нашей отчины изо Влеха вышли вон, а город бы есте нам отворили, а мы вас пожалуем, отводим от того всего и казни вам никоторые не будет и повольно вас отпустить в свою землю»⁹⁵.

Вряд ли польские жолнеры могли понять, почему немецкий город вдруг оказался вотчиной русского царя, из которой их гонят, как в сказке изгоняют Лихо Одноглазое («вышли вон»), при этом московский царь их еще и «жалует». Для темы нашего исследования важно, что русскую сторону эта проблема понимания / непонимания нисколько не волновала. Ливонская война вообще богата на подобные эпизоды, и разница в сознании и менталитете породила немало трудностей и для современников, и недоразумений в историографии.

Попытки городских властей вступить в переговоры с царем наткнулись на мало-понятный, но от того еще более пугающий ультиматум: город немедленно сдать, а то «милости не будет». Это оказалось убедительным, гарнизон сдался и был отослан в Литву, а горожане объявили, что Мариенгаузен теперь «Божий да государев», и открыли ворота. Примерно по этой же схеме в разряде 1577 г. описано взятие остальных ливонских городов. Указывается, что после победы в каждом из них ставилась православная церковь⁹⁶ и переписывалась крепостная артиллерия. С гарнизоном и жителями поступали по-разному: кого отпустили или не тронули, кого-то выслали в плен в Россию. Все эти результаты похода также зафиксированы в разрядных документах.

Поход 1577 г. был следующим этапом борьбы за Ливонию как Священной войны: «государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с сыном своим с царевичем Иваном Ивановичем и со всеми бояры приговорил, прося у бога милости, итти очщать свою вотчину»⁹⁷. В разряде похода, восходящем к разряду XVI в., помещены грамоты ливонских городов о сдаче, превозносящие Ивана Грозного: «Пресветлейший и насильнейший государь... укрепити от Бога всемогущаго твоему пресветлейшеству. Хочю, чтоб ты государь, щаслив был»⁹⁸. Царь выступает прежде всего строителем православия, основывает церкви во взятых городах:

«А церковь велел государь во Влехе поставить святого пророка Ильи, а в приделе святяги мученицы Марины да святых мученик Окинфа и Емельяна, иже в Матриде. А о образех и о церковном строении и о книгах велел государь отписать ко псковским дьяком»⁹⁹.

В отношении побежденных Иван Грозный изображен идеальным христианским правителем: «... их всех Бог поручил ему, государю, и государь, христианской, и на кровь на христианскую не посягатель, и их победить не велел»¹⁰⁰. При этом в поведении царя есть что-то библейское, во всяком случае, от него на ливонцев исходят гнев, меч и огонь — распространенное в Св. Писании выражение, характеризующее наказание нечестивых и военную угрозу (ср.: Исх 22: 24; Иер. 49: 37; Ам 1: 11; Наум 3: 15; Откр. 19: 15)¹⁰¹.

⁹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. С. 483–484.

⁹⁶ Церкви освящались в честь святых, чьи праздники были хронологически близки ко дню взятия той или иной крепости. Тем самым в сознании местных жителей в образе главного городского храма запечатлевался момент их перехода «под руку» московского царя.

⁹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. С. 433.

⁹⁸ Там же. С. 487.

⁹⁹ Там же. С. 491–492.

¹⁰⁰ Там же. С. 500.

¹⁰¹ Там же. С. 521.

Царские грамоты в осаждаемые ливонские города торжественно начинаются с пространного прескрипта: «Милосердия ради милости бога нашего, в них же посети нас восток свыше, во еже направить ноги наша на путь мирен, сего убо в троицы славимаго бога нашего милостию удержажом скифетр Росийского царствия...». Этот прескрипт появляется с 1562 г. и является трансформированной цитатой из Лк. 1: 76–79: «И ты, отроча, пророк Вышняго наречишися: предидеши бо пред лицем Господним, уготовати пути Его, дати разум спасения людем Его, во оставление грех их: Милосердия ради, милости Бога нашего, в нихже посетил нас восток свыше, просвети во тме и сени смертной сядящя, направити ноги наша на путь мирен». В Евангелии имеется в виду искупительная жертва Христа, которую он принес ради милосердия к человечеству. *Invocatio*, таким образом, несет мессианистскую идеологическую нагрузку¹⁰², и его употребление в грамотах, адресованных ливонцам, — несомненный признак того, что царь Иван расценивал свой поход 1577 г. как особую Боговдохновенную миссию.

Кроме того, грамоты, цитируемые в разряде 1577 г., содержат пространный владетельный титул государя:

«Мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ерославский, Белозерский, Угорски, Обдорский, Кандиский, и всяя Сибири и Северские страны повелитель, государь отчинные земли Лифлянский и иных»¹⁰³.

Пространная владетельская титулатура (которая каждый раз занимала по половине грамоты) указывалась с главной целью: продемонстрировать могущество российского царя, множество его владений и мотивацию завоевания, которую мы сегодня назвали бы «кимперской». Ливония уже вписана во владения русского царя, осталось только привести к единству *de ure* и *de facto*.

Раз вся Ливония государева вотчина, то все местные представители польско-литовской и ливонской власти расценивались как «временно живущие» в государевой вотчине по милости царя¹⁰⁴. Парадоксально, но из этого вытекает, что вся Ливония расценивалась как владение Ивана Грозного, и, следовательно, с русской официальной точки зрения война за нее была освободительной, а не оккупационной. А оккупантами выступали как раз Польша и Литва. Мнение ливонцев, кому они хотят подчиняться, во внимание не принималось — их уже записали в подданные Ивана Васильевича. Насколько эта декларация — дипломатическое лукавство, а насколько — рефлексия менталитета русских служилых людей того времени? Здесь ответить сложно, но так или иначе, такое мнение существовало, и было зафиксировано в разрядах XVI–XVII вв.

¹⁰² Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 100–105.

¹⁰³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. С. 521–522. — Примечательно, что в копиях XVII в. в написании некоторых частей титула уже просто путаются, например, «Северский» вместо «Северный». Об эволюции владетельного титула в XV–XVI вв. и его идеологической роли как официального провозглашения идеальной модели границ царства см.: Филюшкин А. И. Титулы русских государей. С. 193–211. Poleмику см.: Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей: Особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной научной конференции. М., 2008. Ч. 1. С. 121–136.

¹⁰⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. С. 504.

Глава VII

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ XVII в. О БОРЬБЕ ЗА ПРИБАЛТИКУ В XVI в.

Русское летописание XVII в. о войнах Ивана Грозного

В памятниках, посвященных Смуте, война за Прибалтику фигурирует на удивление мало, что странно в свете любимого тезиса историков, что именно Ливонская кампания истощила страну и привела к нарастанию тяжелого политического и социально-экономического кризиса, который и стал питательной почвой и толчком к ужасам Смутного времени. Современники Смуты, похоже, в отличие от историков Нового и Новейшего времени, так не считали. Гражданская война и иностранная интервенция в начале XVII в. оказали на русское самосознание травматическое воздействие, и первую четверть века отечественных интеллектуалов интересовали главным образом причины и события Смутного времени при минимальных исторических экскурсах в прошлое. Многие авторы обращались к последним годам царствования Ивана Грозного, но вопросы внешней политики они практически не затрагивали и истоков Смуты в них не видели.

В «Новом летописце» русско-шведские войны конца 1580-х – начала 1590-х гг. изображаются как некий новый конфликт. К исторической памяти о недавней (1581–1583) потере этих земель он не апеллирует¹. В «Житии царя и великого князя Федора Иоанновича» среди заслуг благочестивого царя упоминается освобождение им Ивангорода, Яма, Копорья от шведов, причем он Ивангород от «всяких Еллинских богомерских гнусов повеле очистити» (т. е. протестанты-шведы изображаются как язычники). В контексте этой войны происходит крещение карел, в землях которых разоряются «еллинские капища»².

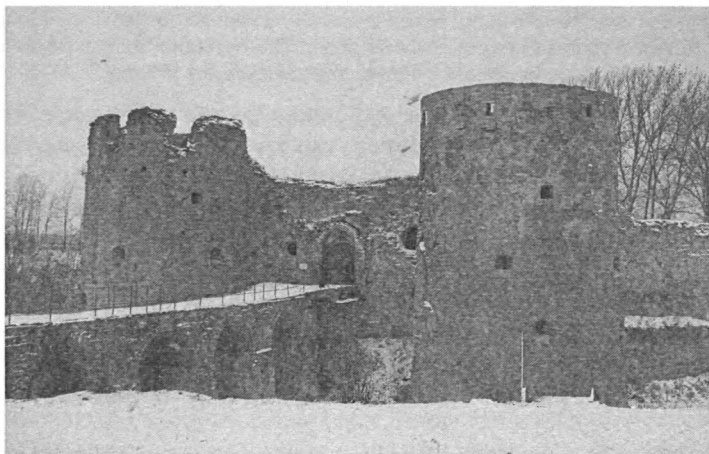
«Временник» Ивана Тимофеева упоминает только одно внешнеполитическое событие, связанное с войной за Прибалтику: польское бескорольевье, причем в немного неожиданной трактовке: будто бы злокозненные литовцы хитростью захотели восхитить лучших сыновей Ивана Грозного, Ивана или Федора, чтобы обрести хорошего правителя:

«И убо от язык приседаящая земли нашей безбожная Литва, уведев яже о нем (царевиче Иване. — *А. Ф.*) стекшуюся в нем врящую юность купно с крепостию мужества... они лстинве умыслиша, молением испрошает у самого царя наше-

¹ «О походе царя Федора Ивановича под Ругодив» // ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 38.

² Там же. С. 8, 10.

Крепость Копорье. Вездной мост и воротные башни. Фото 2007 г.

го, отца его, да дастся им, земли их, той храбромудрый и пребольший сын его господствовать над ними... Прочии же глаголют, яко о Феодоре, брате сего, тех прошение бысть»³.

Примечательно, что сам факт приглашения на королевство воспринимается Иваном Тимофеевым крайне негативно, как нарушение установленного Богом порядка. Именно Господь дает земным правителям царства, а не «мятежное человеческое хотение». Автор «Временника» подкрепляет эту мысль ссылкой на апостольское послание, фрагмент которого в Синодальном переводе звучит так: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4: 3).

Осмысление войны за Прибалтику в XVI в. начинается с 1630-х гг., причем осмысление концептуальное: ее пытаются вписать в некие новые контексты. В 1630–1640-е гг. была закончена работа над созданием компилятивного хронографа Сергея Кубасова. В его составе находилась так называемая «Повесть книги сия от прежних лет», приписываемая И. М. Катыреву-Ростовскому, известная и по другим спискам⁴. Время ее создания, возможно, относится к 1626 г. В ней содержится оригинальная трактовка окончания Ливонской войны (о более ранних событиях вообще не упоминается): Иван IV

«...многие лета во дни живота своего провожая уже и на конец старости пришед, нрава же своего никако пременися, и разгневаясь на нь Бог, попусти на Российское государство кроля польского, Стефан имя ему, прозванный Обатур, и прешед со множеством воин и пленил окрестные многие грады Московского государства и под Псковом много время продолжи свое стояние, и уклони мысль свою на крестьянское убиение и простре десницу свою на несытное грабление, и сего же царь Иван устрашися зело, и посла к полскому королю под царствующий град Псков послов своих с умилением, дабы ярость гнева своего прекратил

³ Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печ., перевод и комм. О. А. Державиной, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 22.

⁴ Державина О. А. История создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1955. Т. 48: Кафедра русской литературы. С. 29–45; Зиборов В. К. 1) Летописная часть хронографа С. Кубасова // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 8. С. 58–73; 2) Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 244–250.

и дал был крестьянскому народу покой и тишину. И кроль полской послов царя и великого князя принял честно и время подал благоутешно, от царствующего града отступи и мирное постановление на дванадесять лет утверди»⁵.

Здесь применительно к теме Ливонской войны звучит критика политики Ивана Грозного, за деяния которого Бог наказал Русь нашествием иноплеменных. Необычно и отношение к Баторию, изображенному орудием Божьего гнева. Очень интересно наименование Пскова «царствующим градом». В русской средневековой книжности это понятие прилагалось к трем мировым столицам — Вавилону, Иерусалиму и Константинополю. Для России же «царствующим градом» однозначно была Москва⁶. Придание Пскову в данном отрывке столь высокого, почти сакрального статуса подчеркивает провиденциальность происходящего: Псков выступает воплощением всего Московского царства, страдающего по вине трусливого и жестокого государя. Возможно, здесь следует предположить влияние на автора «Повести...» Псковской III летописи.

Попытка переосмысления войны была предпринята в ряде крупных летописных сводов XVII в. Около 1637 г., по Б. М. Клоссу, была составлена Троицкая редакция Никоновской летописи (т. н. редакция 1630-х гг.)⁷. В части, касающейся событий Ливонской войны, в статьях 1554–1558 гг. она практически полностью, за исключением мелких разночтений, копирует Лицевой свод XVI в. Повествование начинается рассказом «о пожаловании ливонских немцев, возложении на них дани» и обрывается на рассказе о походе в Ливонию войск под командованием П. И. Шуйского и взятии Юрьева в июле 1558 г. После этого помещены несколько кратких информационных сообщений о взятии Полоцка (1563), Пайды (1573), Куконойса (1577). На этом рассказ о правлении Грозного вообще обрывается, а летописец переходит к истории Федора Ивановича⁸. Таким образом, ничего принципиально нового для нашей темы свод 1630-х гг. не содержит.

В 1630–1640-е гг. на основе Троицкой редакции Никоновской летописи и Хронографа редакции 1617 г. возникла летописная компиляция, дошедшая до нас в ряде списков. Одним из них является т. н. Хронограф Арсения Суханова⁹. Известия о первых годах войны за Прибалтику представляют собой сокращенные сообщения Троицкой редакции 1630-х гг. (упоминаются поход в Ливонию Шигалея января 1558 г., взятие Нарвы, Адежа, Сыренска (1558), Полоцка (1563) и Пайды (1573))¹⁰.

Зато под 1576 г. помещено очень любопытное легендарное описание посольства Захария Угорского к цесарю Максимилиану. Цесарь заявил, что:

«...про государя де вашего царя Ивана мудрые философы пишут, и которые знают его и детей его, что де он подобен храбростию и ратию Александру Македонскому, и прославился во всех нас царех и будет де еще в земли вашей смятение великое, потому что властели де будут не согласны, тогда воцарится самоназавшая царь от мала рода и конюшего боярства, и не по мнозех летех в скорби душу испустит, и потом жена въцарится, и мало дни пребыв в бесчестии изыдет с царскаго дому, а смятение будет вашей земли в те годы лет з десять мало болши, а потом

⁵ Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1869. С. 284.

⁶ Подробнее см.: *Филошкин А. И.* «Царствующий град Москва...» // *Российская монархия: Вопросы истории и теории: Межвузовский сборник статей, посв. 450-летию учреждения царства в России (1547–1997)*. Воронеж, 1998. С. 10–23.

⁷ *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 273. — В работе Б. М. Клосса см. обзор списков.

⁸ ОР РНБ. Собр. Н. М. Михайловского. № F.133. Л. 876 об.–930; Основное собр. № F.IV.237. Л. 1160–1221 об.; Эрмитажное собр. № 425. Т. 3. Л. 136–151.

⁹ *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 273–274.

¹⁰ ОР РНБ. Основное собр. № F.XVII.17. Л. 454 об.–456 об.

воцарится останок царского роду, вашего царя в детстве убо ни во что ж вменен, но воспомянет Бог Российского царства спасение, и прославлен будет царь ваш во вселенней якоже Александр царь Македонский»¹¹.

Эта легенда, очевидно указывающая на Бориса Годунова, как будет показано в дальнейшем, позже претерпела трансформацию и была связана в ряде летописцев с пророчествами цесаря Максимилиана о Ливонской войне.

Далее в Хронографе кратко повествуется о взятии Стефаном Баторием Полоцка, Великих Лук, нападении на Псков. Очень интересно, что в сознании авторов XVII в. уже происходит замещение ливонских немцев более актуальными противниками: под 1577/78 гг. в описании похода в Ливонию, на самом деле направленного против ливонцев и литовских гарнизонов, говорится, что Иван IV ходил «на непослушника своего на Свейскаго короля» и взял 27 городов немецких¹².

Одним из наиболее интересных сводов XVII в. является Пискаревский летописец (далее ПЛ. — *А. Ф.*), который существует в виде единственного списка, хранящегося в ОР РГБ. Относительно его происхождения и датировки единого мнения нет, большинство исследователей относит его составление к первой половине XVII в. (наилучший обзор точек зрения см. в работах Я. Г. Солодкина)¹³. Обзор российской истории автор ПЛ доводит до 1645 г. Определение времени создания рукописи летописца 1640-ми гг. подтверждают палеографические изыскания Т. В. Диановой¹⁴. В то же время необходимо учесть, что по мнению многих исследователей ПЛ компилятивен, то есть в его составе отложились различные материалы более раннего происхождения (от записок приказных людей до других летописей).

Об этом свидетельствует довольно большое количество (особенно в ранней части) редакторских пометок, вставок, уточняющих текст. Они обычно оформлены на полях в рамках в виде рисунка церкви, дома, нередко в тексте сделана пометка крестом — куда надо внести замечание, написанное на полях. Маргиналии выполнены почерком, отличающимся от тех, которыми написан основной текст, но тоже скорописью XVII в.¹⁵

Автор ПЛ пытался создать связное повествование, для чего прибегал к нехитрому приему: перед описанием наиболее важных, с его точки зрения, событий он помещал «пророчества» о них. К числу таких значимых сюжетов книжник отнес взятие Полоцка в 1563 г. Рассказ о видении грядущей победы, посетившем одновременно брата царя Юрия Васильевича и митрополита Макария, помещен после статьи 7063 (1554/55) г., после чего сразу же следует статья 7071 г., повествующая о сбывшемся пророчестве и взятии Полоцка¹⁶.

О более ранних событиях Ливонской войны ПЛ молчит. После описания падения Полоцка через несколько статей автор ПЛ возвращается к теме войны с Литвой, рассказывает о походе Петра Шуйского и князей Серебряных к Друцким полям и о по-

¹¹ Там же. Л. 456 об.

¹² Там же. Л. 456–457.

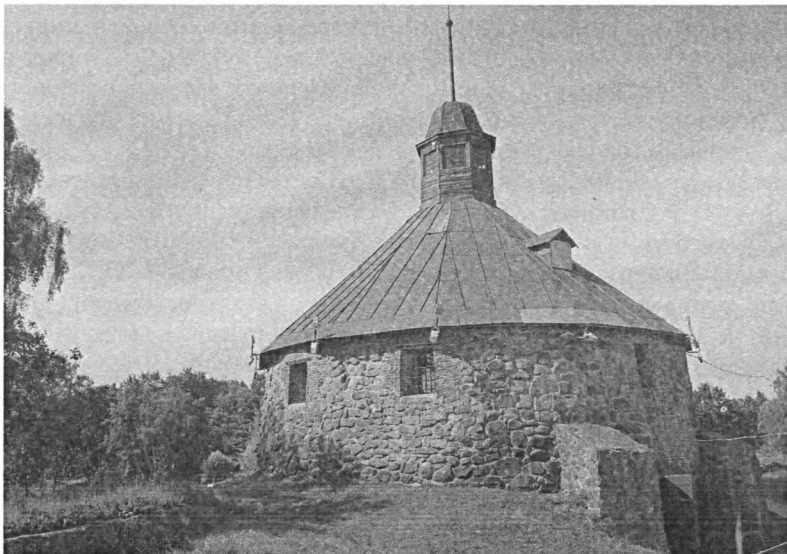
¹³ Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Ч. 2. С. 13, 15, 20; Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII века // История СССР. 1957. № 3. С. 112, 118–122; Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI веке. М., 1976. С. 332, 335, 339, 340, 344; Солодкин Я. Г. 1) По поводу атрибуций Пискаревского летописца // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 396; 2) История позднего русского летописания. М., 1997. С. 58–67.

¹⁴ Дианова Т. В. К вопросу о времени создания Пискаревского летописца // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 147; Солодкин Я. Г. По поводу атрибуций... С. 396.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 228 (Пискарева). № 176. Л. 268, 269 об., 275 об., 302, 302 об., 323, 335, 336 об., 379 об., 409 об., 484 об., 580 об., 672 об., 677 об.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 34. Л., 1978. С. 190.

ражении московских войск под Улой в 1564 г. Согласно тексту ПЛ, Петр Шуйский пешим бежал с поля битвы, и его поймали и утопили литовские крестьяне. После этого под 7081 (1572/73) г. повествуется о походе под Пайду и гибели под ее стенами Малюты Скуратова; о походе под Коловерь и пропаже без вести в сражении Ивана Андреевича Шуйского; под 7083 (1574/75) — о царском трехмесячном походе по Двине, сопровождавшемся взятием 27 городов (видимо, дата ошибочна, имеется

Укрепления крепости Корела, конец XVI в.

в виду поход 1577 г.). Далее подряд идут статьи о походе под Кольвань 7085 (1576/77) г., под Кесь 7087 (1578/79) г., о подготовке в 7088 (1579/80) г. еще одного похода «в немцы», но тут Баторий взял Полоцк, затем Сокол и, наконец, в 1581 г. пришел ко Пскову. Осада длилась 32 недели. Автор ПЛ рассказывает о гибели воеводы Михаила Черкашенина, «а угадал себе сам, что ему быти убиту, а Псков будет цел». Под 7089 (1580/81) г. помещен рассказ о взятии «немцами» Корелы и ее возврате войсками Федора Ивановича через 17 лет «бес крови»¹⁷.

Этим перечнем исчерпываются сведения ПЛ о Ливонской войне. Можно отметить следующие особенности данного повествования: в каждом сюжете автор отслеживает судьбы аристократов, участвовавших в боевых действиях, часто — погибших в них. При этом очевидна склонность составителя ПЛ к отбору разного рода поучительных и занимательных примеров из людских судеб (история смерти Петра Шуйского, Михаила Черкашенина, рассказ о попытке заслать в Псков «адскую машину»). При

Царь Федор Иванович. Парсуна конца XVI в.

¹⁷ Там же. С. 190, 192–194.

этом фактическая сторона повествования часто неточна: есть ошибки в датах, персонажах, перепутана последовательность событий и т. д. Летописец не знает начального этапа борьбы за Прибалтику, для него вышеперечисленные походы и сражения не являются звеньями одной кампании.

По Я. Г. Солодкину, между 1635–1645 гг. был составлен Московский летописец. В его основу легли два главных источника: разрядная книга частной редакции (дворян Яновых) и неизвестный нам летописец начала XVII в. из кремлевского соборного причта, автор которого был близок к митрополичьим кругам¹⁸. В летописце отсутствуют сведения о начале войны за Ливонию (возможно, они были просто механически утрачены), зато после рассказа о казни М. И. Воротынского по обвинению в измене после победы на Молодях в 1572 г. помещен текст, повествующий о походах на Пайдуду, Кольвань, Лужу, Резицу, Ухлень-на-Двине, Кесь, опале на Магнуса, вокняжении Стефана Батория, подготовке крупного царского похода в Ливонию, взятии Баторием Полоцка, Сокола, Лук, Невеля, Велижа, осаде Пскова.

Повествование имеет две особенности. Во-первых, в тексте нет дат, и события иногда имеют нетрадиционную, но не очень точную трактовку (например, подготовка похода 1577 г. на Ливонию изображена как наказание за «невежливость» Стефана Батория, вздумавшего писаться к государю «братом»). Во-вторых, летописец в данной части составлен на основе разрядов. Собственно статьи о событиях Ливонской войны представляют собой указания на населенный пункт, на который производится нападение, и перечень воевод полков, имеющий прямое сходство с перечнями разрядных книг.

Интересен пассаж в Московском летописце об окончании войны. В нем сказано, что приехал папский легат А. Поссевино «короля с государем мирити». Замирение изображено чуть ли не как победа Москвы: первым и главным его условием является отвод войск Батория от стен Пскова, вторым — король возвращает города, которые захватил, и лишь третьим — «государь королю поступился Ливонской земли града Юрьева и иных городов». О мире со шведами 1583 г. Московский летописец не упоминает¹⁹.

Между 1652 и 1658 гг. при патриаршей кафедре в правление Никона был создан т. н. Патриарший летописный свод 1652 г. Он известен в нескольких редакциях²⁰. В первой редакции отсутствуют сведения о боевых действиях 1558–1560-х гг. Основное внимание уделяется внутренним событиям, связанным с опричниной: помещено известие о бегстве А. М. Курбского, приводится вариант Жития Филиппа Колычева²¹ и Повесть об опричном погроме Новгорода²². Далее рассказывается о посольстве к цесарю Максимилиану Ждана Квашнина. Вместо рассуждений о сходстве русского царя с Александром Македонским (как в Хронографе Арсения Суханова) приводится

¹⁸ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. С. 25–28; ср.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 34–72.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 225–229.

²⁰ Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного свода 1652 года // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 62–82; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 483–487.

²¹ Житие изучено по отдельным спискам: Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сборник трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1974. С. 30–62. — Самый ранний список Тулуповской редакции жития относится к 1633 г., единственный список Колычевской редакции — ко второй четверти XVII в. (Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 77). Время создания жития датируется учеными от конца XVI в. (после 1591 г.) до начала XVII в.

²² ОР РНБ. Собр. П. П. Вяземского. № Q.206. Л. 61–70; Погодинское собр. № 1406. Л. 142 об.–161 об.; № Q.IV.139. Л. 230 об.–253.

новое пророчество императора, теперь уже о ливонских завоеваниях Грозного: «А про немецкие города сказал, что невечны, а впредь достанутся они за вашим государем и скончаются, и не токмо грады, но и вся земля». Данное высказывание можно связать с идеологическим обоснованием готовящейся войны за Прибалтику Алексея Михайловича, когда потребовалось объяснить потерю приобретений Ивана IV в Ливонии и в то же время обосновать историческую неизбежность присоединения этих земель к Русскому государству.

Вслед за этим в Вяземском и Погодинском списках повествуется о походе Ивана IV 1577 г. «в Корланскую и в Латоргорскую землю и в Литовскую», когда было взято 26 городов и пленен Александр Полубенский. Под 1579/80 г. содержится еще одно известие о походе в «Немецкую землю» с «великим собранием», а в списке Основного собрания РНБ добавлено известие об осеннем походе 1579 г. «до Вилнь» А. Д. Хилкова, М. А. Безнина и Ив. Фустова²³. Все эти сообщения текстологически сходны с аналогичными известиями Соловецкого летописца²⁴, и, видимо, восходят к общему источнику (что подтверждается повышенным вниманием в обоих летописях к жизни Филиппа Кольчечева).

После этого в Патриаршем своде 1652 г. помещена летописная Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием, написанная в провиденциалистских тонах, призванная подчеркнуть торжество православной веры и бегство Батория²⁵. Последним известием о войне за Прибалтику является сообщение о походе Федора Ивановича «под Ругодив на немцев» в 1588/89 г.

В 1650–1660-х гг. была создана одна из самых популярных кратких летописных компиляций XVII в. — «Летописец выбором». Он неоднократно дописывался и дополнялся всю вторую половину XVII в. и дошел более чем в 20 списках²⁶. Он содержит лишь отрывочные сведения о Ливонской войне — ошибочное известие о взятии А. Д. Басмановым Нарвы 1 октября 1558 г., о взятии Полоцка в 1563 г., о походе Стефана Батория на Луки Великие и с «17-ю ордами» под Псков²⁷.

В 1669 г. дьяк Федор Акимович Грибоедов по заказу Алексея Михайловича составил «Историю о царях и великих князьях земли Русской» в качестве учебной книги для государевых детей²⁸. Ивану IV там посвящена 17-я глава. К числу главных деяний его царствования относится покорение Казани, Астрахани и Сибири, «и тако Руския земли держава пространством разливашеся, и народи ея веселием ликоваху и победные хвалы богу возсылаху». О Ливонской войне в этом чуть ли не первом учебнике русской истории нет ни слова, если не считать невнятной фразы, что Иван IV «вся окрестныя устраши и фряги покори» (здесь остается открытым вопрос, кого

²³ ОР РНБ. Собр. П. П. Вяземского. № Q.206. Л. 71–71 об.; Собрание М. П. Погодина. № 1406. Л. 164–164 об.; № Q.IV.139. Л. 253–253 об. Сходным, с сокращением некоторых деталей является повествование во Второй редакции свода 1652 г. (ОР РНБ. Основное собр. № Q.IV.474. Л. 117–155 об.; № F. V.297. Л. 65 об.–89 об). Здесь также возвеличиваются успехи русского оружия: так, якобы во время осады Баторием в 1579 г. Полоцка и Сокола «литовцев в приступе побито вчетверо против русских» (№ Q. V.474. Л. 137).

²⁴ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 239.

²⁵ ОР РНБ. Собр. П. П. Вяземского. № Q.206. Л. 71 об.–81; Собрание М. П. Погодина. № 1406. Л. 164 об.–185 об.; № Q.IV.139. Л. 254–280.

²⁶ *Богданов А. П.* «Летописец выбором» // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 239–243.

²⁷ ОР РНБ. Основное собр. № Q.XVII.22. Л. 69 об.–70 об.

²⁸ *Ромодановская Е. К.* История о царях и великих князьях земли русской Ф. А. Грибоедова в собрании М. Н. Тихомирова // *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 1973. Вып. 14. С. 69–83.

Ф. Грибоедов понимал под фрягами)²⁹. Она, видимо, восходит к источнику, близкому к Хронографу Арсения Суханова, где содержится похвала Ивану IV, очень сходная с грибоедовской³⁰.

Около 1678 г. архимандритом Тихоном Макарьевского Желтоводского монастыря на Волге была составлена Латухинская Степенная книга³¹. Степенные книги как источник сведений по русской истории были вообще необычайно популярны в XVII в., существует несколько десятков списков этого сочинения. Латухинская (дошедшая в списке XVIII в.) впоследствии пользовалась популярностью у историков Нового времени как исторический источник, к ней обращался Н. М. Карамзин. По сравнению с текстом СК XVI в. здесь изменены заголовки. В повествование о войне за Прибалтику сделаны две вставки: «Об обновлении Даниловского монастыря» и «Об Антонии Сийском Чудотворце». Иначе выглядит и концовка рассказа: если в редакциях XVI в. оформлено логическое завершение в виде описания пленения ливонского магистра и его доставки в Москву, то в Латухинской этого нет. Здесь говорится, что после взятия Феллина «Некогда же сам благочестивейший государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России зело оскорбляешся на неисправленныя, те и лукавнующия немцы, и хотяше сам на них идти», то есть сюжет незакончен. Однако он не получает дальнейшего развития: далее следуют рассказы об укрощении нрава Грозного кроткой царицей Анастасией, об измене князя А. М. Курбского (с легендой о Василии Шибанове и отрывком из Первого послания Курбского), об опричном новгородском погроме 1570 г. Кажется странным, что автор Латухинской СК упустил сюжет об осаде Пскова, который хорошо вписался бы в общий агиографический контекст памятника³². В целом Латухинская СК, как и другие источники, свидетельствует, что рост интереса к личности Ивана Грозного в XVII в. в основном касался топосов опричных репрессий и причин «облютения» царя. Внешняя политика Ивана IV книжников XVII в. интересовала меньше.

В 1670-х гг. возникла новая редакция Патриаршего летописного свода, составление которой Б. М. Клосс связывает с именем келаря московского Чудова монастыря

Русский дворянин XVII в.
Гравюра XIX в.

²⁹ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской / Сообщ. С. Ф. Платонова и В. В. Майкова. СПб., 1896 (ПДП. Т. 121). С. 24–25. — Рукопись «Истории...» см.: НИОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). Оп. 1. Д. 82, 83. Текст похвалы сходен с фрагментом из Хронографа по списку ОР ГИМ. Синод. собр. № 135, опубликованным А. Поповым (Изборник славянских и русских статей... С. 183). Из событий Ливонской войны в Хронографе отмечено только взятие Полоцка в 1563 г. (Там же. С. 184).

³⁰ ОР РНБ. Основное собр. № F.XVII.17. Л. 456 об.

³¹ Корецкий В. И. История русского летописания... С. 122.

³² ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.597. Л. 374 об.–394 об.

Варлаама Палицына³³. В его основу легли Никоновская летопись, Русский Хронограф, новгородские и псковские летописи, Космография, новый летописец, Хроника Мартина Бельского и другие произведения. Из событий собственно войны эта летопись упоминает только взятие Полоцка Иваном IV в 1563 г.

Зато в своде приводится очередной вариант легенды о пророчествах цесаря Максимилиана. Рассказ о посольстве Захария Угорского содержит стилизованный отрывок из грамоты, якобы посланной от Ивана IV к Максимилиану (на то, что перед нами стилизация, указывает неправильный прекрипт: «Неизреченную от Бога и данную ти власть», в то время как подлинные царские грамоты XVI в., как правило, начинались со слов: «Милосердия ради, милосердия Бога нашего...») или «Бог наш Троица, Им же живем и движемся и есмы»).

Очень примечателен приведенный на страницах летописи диалог Максимилиана с русским послом З. Угорским. Цесарь спрашивал, насколько «велика русская земля,

Русский воин в XVII в.
Гравюра XIX в.

и скол сильно ходит царь ваш, а мой сродич царь и великий князь на своего недруга, и князь Захарей сказывал: “Земля русская велика и чудотворцов в ней много, и милость от них и чудеса великие, а з государем нашим царем и великим князем ходит силы в собранье 400 головам”». Далее император спросил про нападение на Пайду и Коловерь, приводится уже встречавшийся ответ о том, что пайденские немцы государя «не встретили», их сперва наказали за это приходом «легких людей». А когда по русскому отряду из Пайды открыли артиллерийский огонь, то в гневе Иван IV и обрушился на своих врагов, и воевал до тех пор, пока не взял восемь городов.

Эти деяния цесарь прокомментировал сравнением Ивана IV с Александром Македонским и Константином Великим. Затем он изрек первое пророчество (относительно Смуты), что в Русской земле будет смятение великое и продлится пять-десять лет, а потом «земля распространится» и царь многими землями и ордами овладеет. В качестве примера Максимилиан сослался на судьбу «своего подручника» Михаила, которого младенцем вынули из живота у матери, по-

гибшей при землетрясении — однако несмотря на столь ужасное начало жизни, он стал приближенным императора! Также и Русь выживет во всех переделках и «станет высоко». Далее помещено повествование о втором посольстве, Ждана Квашина, содержащее, помимо, прочего пророчество о «недолговечных ливонских градах»³⁴.

В 1680–1688 гг. чудовскими летописцами была составлена новая редакция Патриаршего летописного свода. Она дошла до нас в редакции 1690-х гг. Целью ее написания,

³³ Клосс Б. М. 1) Варлаам Палицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 156; 2) Никоновский свод и русские летописи... С. 277–280.

³⁴ ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.236. Л. 347 об., 356 об.–360 об.

по А. П. Богданову, было стремление на богатом историческом материале обосновать концепцию «избранности» Московского царства и российских самодержцев среди всех «племен земных»³⁵. Из событий Ливонской войны отсутствует описание первых лет борьбы за Ливонию. Упоминается только взятие Полоцка, который «был под его царскою державою 16 лет». В 1580 г. польский король разорил Псковскую страну, взял Сокольск (sic!) и выжег Великие Луки. В 1581 г. Стефан напал на Псков и стоял 6 лет, и с ним «в собранье» было «17 орд». Последним событием, связанным с борьбой за Прибалтику, упоминается поход Федора на Немецкую землю в 7093 (1584/85) г. «по два годы и взя Ливонию да Копорье». Как мы видим, Патриарший свод 1680-х гг. грешит значительным искажением информации³⁶.

Около 1682 г. Исидором Сназиным был создан так называемый Мазуринский летописец, один из наиболее интересных летописных сводов XVII в.³⁷ Помещенные в нем сведения о событиях Ливонской войны явно восходят к соответствующим фрагментам официального летописания XVI в., только в сокращенном варианте. Мазуринский летописец рассказывает о «лести» ливонских немцев, пытавшихся затянуть переговоры и не платить дани, об отправке армии под началом Шигаля, о январском походе 1558 г., о «ругодивском взятии» с легендой о варке пива на костре из русских икон. Далее следует пересказ Никоновской летописи о боевых действиях 1558–60 гг. до взятия Феллина.

На этом последовательное повествование о войне в Ливонии обрывается. Дальнейшие сведения, видимо, были почерпнуты И. Сназиным из разных мелких летописчиков. Под 1569 г. помещено известие о бегстве в Литву А. М. Курбского и о переходе Воеводства Киевского от Литвы к Польской короне (исключительно в этом ключе Сназин трактовал Люблинскую унию?)³⁸. Затем автор возвращается к 1563 г. и рассказывает о походе на Полоцк, причем его главным успехом называет то, что государь «тамо живущих богоубивственных жидов к конечной пагубе приведе». Под 1577 г. помещен рассказ о походе Грозного в Ливонию, «и многие грады поимал, и немец под свою державу приведе». Король польский взял Полоцк. Грозный ответил походом в Курляндскую землю, Лагогорскую и Литовскую, где взял 27 городов со всеми уездами. А в Польше тем временем воцарился Стефан Баторий. В 1579 г. он напал на Великие Луки, но взял их только в 1580 г. и возвратился в Литовскую землю. В августе 1581 г. Баторий появился под стенами Пскова, «и с великим срамом отъиде, побито у него войска великое множество»³⁹.

Концепция истории Ливонской войны нашла оригинальные черты в Мазуринском летописце. Как мы видим, в ней перепутана последовательность и хронология

³⁵ Богданов А. П. 1) Редакции летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 124–140; 2) Летописный свод патриарший 1680-х гг. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 284–286.

³⁶ ОР РНБ. Соловецкое собр. № 878/988. Л. 534, 535–535 об., 536.

³⁷ Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 282–290; Богданов А. П., Чистякова Е. В. «Да будет потомкам явлено...». М., 1988. С. 60–75; Солодкин Я. Г. О спорных вопросах изучения Мазуринского летописца: (Из истории русской культуры начала петровской эпохи) // «Морским судам быть!»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1996. С. 150–164.

³⁸ Источником этого известия, на наш взгляд, мог быть «Синописис» Иннокентия Гиззеля, содержащий абсолютно идентичный фрагмент (Синописис, или краткое описание о начале Славенского народа, о первых киевских князьях, и о житии Святаго, благовернаго и великаго князя Владимира, всея России первейшая самодержца, и о его наследниках, даже и до благочестивейшаго Государя царя и великаго князя Федора Алексеевича в пользу любителей истории третьим тиснением изданное. СПб., 1735. С. 253). Впрочем, аналогичное дословное известие есть и в Латухинской Степенной книге (ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.597. Л. 391 об.).

³⁹ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 133–142.

событий, война не воспринимается как единая кампания, в повествовании много лакун и неточностей.

Между 1680 и 1689 гг. Андреем Яковлевичем Дашковым был составлен фамильный Летописец Дашковых⁴⁰. Первая часть сочинения являлась сокращенной компиляцией из Хронографа редакции 1617 г. В разделах, посвященных истории правления Ивана Грозного, автором привлекался материал из частной разрядной книги Дашковых. Автор приводит краткие разряды похода 1560 г. с Великих Лук, упоминает ряд воеводских назначений в ливонских и пограничных с Литвой городах в разные годы Ливонской войны⁴¹. Из событий первых лет конфликта с рядом ошибок упоминаются поход Тохтамыша 1559 г., взятие А. Д. Басмановым Ругодива в 1558 г., Полоцкое взятие 1563 г. Под 1568 г. значится «Поход против Ливонского короля», под 1573 г. — взятие Пайды, под 1578 г. — поход в Ливонскую землю под град Володимер, в том же году — бой под Псковом с Баторием.

В высшей степени интересно, что поход Ивана Грозного на Ливонию в 1577 г. трактуется как «ходил на Свитского (шведского! — А. Ф.) короля» и взял у него 27 городов⁴². Таким образом, для А. Я. Дашкова в конце XVII в. Прибалтика однозначно воспринималась как шведское владение, о том, с кем на самом деле воевал Иван Грозный, русский дворянин уже не помнил.

В XVII в. дальнейшее развитие получает региональное летописание. В продолжении Псковской III летописи по Архивскому II списку, переписанном с добавлениями в середине XVII в. по приказу сына псковского воеводы В. Н. Собакина, после повествования об опричном погроме Новгорода под 7078 г. помещен целый пассаж, обличающий царя, чьи поступки несут подданным одно горе:

«Еще же к сему повеле правити посоху под наряд и мосты мостити в Ливонскую землю и Вифлянскую, и зелеиную руду збирати, и от того налогу и правезу вси люди новгородцы и псковичи обнищаша и в посоху поидоша сами, а давать стало нечево, и тамо зле скончашася нужно от глада и мраза и от мостов и от наряду. О во Пскове баидаки и лодьи большии посохои тянули под ливонские городы, под Улех, и, немного тянув, покинули по лесом, и тут згнили, и люди погубили. И взял 24 города ливонские и вифлянские у немец, и своих людей посади с нарядом и с запасы. А запасы возили из дальних городов из замосковных, и наполни грады чужие рускими людьми, а свои пусты сотвори».

Литва и немцы «из заморья» скоро отобрали эти города обратно, а к Ивану IV «прислали немчина лютого волхва нарицаемого Елисея»⁴³, который «конечне был отвел царя от веры: на русских людей царю возложил свирепство, а к немцам на любовь преложи». По совету Елисея начались гонения на русскую знать, а сам царь стал готовиться бежать в Англию.

Но зловредного волхва убили, «да не до конца будет Руское царство разорено и вера христианская. Сицева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича», завершает свое обличение псковский летописец. Его финальным аккордом стал фрагмент

⁴⁰ Богданов А. П., Чистякова Е. В. «Да будет потомкам явлено...». С. 77–82.

⁴¹ ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 567. Л. 101, 103, 104.

⁴² Там же. Л. 101 об., 102 об.

⁴³ Речь идет об Елисее Бомелии, астрологе из Вестфалии, который пытался прославиться на ниве зловещих пророчеств. В сочинении «Утилитарная астрология» он утверждал, что с каждым государством через 500 лет происходят катаклизмы, и в ближайшее время Англия должна сгинуть, поскольку как раз минуло пять столетий с нашего Вильгельма Завоевателя. За такие речи астролог оказался в тюрьме, откуда его извлек русский посол А. Г. Савин и привез к царю. Бомелий и подал Грозному мысль жениться на Елизавете. Впоследствии Елисей попал в опалу, подвергся пыткам и умер.

о шведском наступлении 1581 г.: «И збысться Писание глаголюще: Аже аще кто чюжаго похочет, помале и свое останет⁴⁴. Царь Иван не на велико время чюжую землю возьмет, а помале и своей не удержит, а людеи вдвое погубит».

Грозный, продолжает свои обличения летописец, даже не решился помочь осажденному Пскову, хотя стоял в Старице с 300-тысячной армией (явно фантастическая цифра), «а на выручку бояр своих не посылал подо Псков, ни сам не пошел, но страхом одержим бе. Глаголют неции, яко сына своего царевича Ивана того ради остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». Грешного тирана обманули литовцы, приславшие к нему Антония Поссевино, который сказал, будто бы Псков пал, и Иван IV отдал за него 15 ливонских городов, а потом узнал, что это ложь, но все равно подписал мир на таких позорных условиях⁴⁵.

Осуждение царя как виновника смут в государстве, правда, в более общей форме, содержится в окончании списка Оболенского Псковской летописи 1636 г. (аналогичные варианты есть в Снегиревском списке 1676 г.) в статье 7070 (1561/62) г.:

«Бысть при державе великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, всеа Русии самодержца, на Москве и во всей Руской земли, в государеве вотчине, тишина и благоденствие великое, и рука государева высока над всеми ордами, многие грады и земли прикланялися под его государеву державу, и того же году и Полоцко взял. И потом, по грехом Руския земли, возсташа мятеж велик и ненависть во всех людех, и межусобная брань и беда великая, и государя на гнев подвигли, и за великую измену государь царь учиниша опричнину, и бысть мятеж по всей земле и разделение. И сбьсться Христово слово: возста сын на отца и отец на сына, и дщи на мать и мать на дщерь, и врази человеку домашние его. И оттого бысть запустение Руской земли»⁴⁶.

Из событий войны списки Снегиревский и Оболенского упоминают об осаде Пскова 1581 г., но в виде краткой, по дням, росписи боевых действий⁴⁷.

Интересно, что в списке Оболенского помещена специальная глава о шведской интервенции начала XVII в., в которой ее истоки выводятся из поражения Ивана IV в войне: Иван III поставил на рубеже Ивангород и тем «немцев» усмирил, лишь ливонцы иногда нападали, но в 1579/80 (sic — 7088) г. напал Баторий, осадил Псков, «тогда и погании (sic! — А. Ф.) свеистии немцы ощутиша благополучно время, аки волки хитающе от пустыня», напали и захватили ряд русских городов (Корелу, Ивангород, Ям). Но их в 1588 г. вернул Федор Иоаннович. Однако шведы на этом не успокоились и пришли на Русь войной в Смутное время⁴⁸.

По А. И. Копаневу, около 1661–1667 гг. на Русском Севере был составлен так называемый Пинежский летописец. В нем, по-видимому, отложился какой-то не дошедший до нас летописный текст, поскольку концепцию Пинежского летописца позже воспроизводили своды, составленные далеко от северных областей, следовательно, у них был один источник. Под 7085 (1576/77) г. рассказано о неудачном штурме Ревеля (Кольвани), затем помещена новая редакция рассказа о пророчестве цесаря, видимо, восходящая к общему источнику с Патриаршим сводом 1652 г., об отправке к цесарю

⁴⁴ Сходные цитаты из Библии: «Если кто потравит поле, или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего» (Исх. 22: 5); «Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им» (Притчи 1: 19).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 318–320; Т. 5. Вып. 2. С. 261–263.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 343; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 113.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 344; Псковские летописи. Вып. 1. С. 114–115.

⁴⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 118.

Захария Угорского и Ждана Квашнина, которые привезли известие о взятии Иваном IV в Ливонии 26 городов, за то, что ему «встреча не бывала». За это цесарь вознес похвалу Грозному и изрек пророчество: «Будет де и на вашей земли на Москве сметение лет 10 и болши, и земля де ваша распространится велми царьми и царствы многими обладают, а которые города иманы у вашего царя недолговечны». Император послал царю «скипетр царствия Римского державы непобедимыя и диядиму и порфиру, и дары великия, и со умилением писа».

Дальнейшая информация, содержащаяся в Пинежском летописце, сильно искажена. Так, под 1587 г. помещена, по определению М. А. Салминой, «легендарно-историческая» «Повесть о взятии Иваном IV Смоленска, а стоял под ним три года»⁴⁹. О событиях, связанных с Ливонской войной, больше ничего не говорится.

В конце XVII в. на основе переработки Хронографа редакции 1626 г. и других источников был составлен краткий Костромской летописец⁵⁰. Ивану IV в нем посвящено всего лишь несколько строк — это похвала, во многом сходная с похвалой в сочинении Ф. Грибоедова, правда, из нее исчезли таинственные «фряги», покоренные Грозным⁵¹. Очень краткое сообщение, что «король литовский» шесть лет с 17-ю ордами осаждал Псков и так его и не взял, содержится в т. н. Кратком Московском летописце конца XVII в.⁵²

В Вологодском летописце конца XVII – начала XVIII в., составленном в Спасо-Прилуцком монастыре⁵³, помещено необычное сообщение о взятии Полоцка, видимо, воспроизводящее отголосок какой-то легенды об Иване Грозном: «Царь князь великий Иван Василевич взял в Полтеску острог на масляной неделе в полдник и город Полтеск взял, зоговев сыром в первой понедельник»⁵⁴. Это — единственное известие данной летописи о Ливонской войне.

С. Н. Азбелевым и автором этих строк были опубликованы фрагменты из поздних новгородских летописных сводов XVII в., содержащих сведения о войне за Прибалтику во второй половине XVII в. Это отрывки из Новгородской Уваровской (компилятивная летопись, восходящая к митрополичьему новгородскому своду конца XVI в.), Новгородской Забелинской (1681 г.) и Новгородской Погодинской (конец XVIII в.) летописей⁵⁵. Сообщения носят краткий информативный характер, разрозненны в хронологическом плане, представляют собой сокращения (с ошибками и «несуразностями», по выражению С. А. Азбелева) более ранних летописных известий.

По С. А. Азбелеву, в конце XVII – начале XVIII в. в Новгороде была составлена особая редакция летописи, названная им по владельцу одного из списков Новгородской Погодинской. Она была составлена на основе Новгородской Забелинской летописи с привлечением Новгородской III летописи, «Казанской истории» и других источников⁵⁶. Это — последний известный ученым летописный свод Великого Новгорода.

⁴⁹ *Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 76–79; *Салмина М. А.* Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 192–195.

⁵⁰ *Богданов А. П.* Летописец Костромской краткий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 246–247.

⁵¹ ОР РНБ. Погодинское собр. № 1600. Л. 95 об.–97 об.

⁵² *Буганов В. И.* Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // ЛХ. 1976: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 291.

⁵³ *Казакова Н. А.* Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 73–86.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 37. С. 173.

⁵⁵ *Филошкин А. И.* Великий Новгород и Ливонская война... С. 95–96; *Азбелев С. Н.* Неизданные летописи Новгорода о событиях Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 333–342.

⁵⁶ *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 77–84, 221–257, 264–274.

Новгород в конце XVII в.

Несмотря на непосредственное соседство с театром военных действий Ливонской войны, в эту летопись попали только три известия о ней: оригинальный вариант сказания о взятии Ругодива (Нарвы), возможно, исходящий из Гольневского монастыря, и краткие сообщения о взятии в 1558 (7066) г. Юрьева, а в 1562 (7070) г. Полоцка. Интересно, что в ней также помещен среди других иерархов список древних легендарных дерптских епископов (Мисаил, Антоний, Маринг, Даниил, Даниан, «потом прочих не обретется») ⁵⁷.

Как видели войну за Прибалтику авторы разрядов XVII века?

Попытка создать концептуальную историю борьбы России за Прибалтику против Ливонии, Швеции, Литвы и Польши была предпринята в частных разрядных книгах XVII в. Из них наибольший интерес представляет разрядная книга 1475–1605 гг., текст которой сложился около 1616 г., а редактирование продолжалось до начала 1640-х гг. Она опубликована по Щукинскому списку 1640-х гг. (ОР ГИМ, Собр. П. И. Щукина, № 496) ⁵⁸.

Оставляя в стороне вопрос о достоверности разрядов Ливонской войны, помещенных в книге, сосредоточим внимание на нарративных вкраплениях в текст собственно разрядов. Памятник ценен именно этими вкраплениями, т. к. они отражают концептуальную попытку выстроить историю службы русского дворянства через оптику документального источника — разрядной книги. А вставки должны были служить объяснению и правильному восприятию «сухого текста» разрядов. Перед нами особый жанр исторического повествования, своеобразный гибрид просопографического описания с историческим нарративом.

⁵⁷ ОР РНБ. Погодинское собр. № 1411. Л. 243, 249, 329.

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977–2003. Т. I–IV. — Ее обстоятельный анализ как источника см.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги... С. 151–210.

Прежде всего обращает на себя внимание подчеркнутое оправдание действий русского командования и воинства. Любая война, развязанная русским царем, — оборонительная и справедливая, происходит в ответ на агрессивные или богонеугодные действия супостата. Всегда защитником православного христианства выступает

Русские бояре. Гравюра XIX в.

государь — к нему апеллируют в трудных ситуациях, и он дает защиту, издает правильные распоряжения и т. д. Воинники в своем большинстве трудно и преданно несут государеву службу.

Борьба за Прибалтику в изображении автора Разрядной книги 1475–1605 гг. начинается с сообщения от 14 августа 1555 г.:

«Писал к царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии из Великого Новагорода боярин и наместник князь Дмитрий Федорович Палецкой, что збираютца свияского короля немецкие люди в Выборе, а хотят быти на царевы и великого князя украинь».

Царь отреагировал, издал разряд по северо-западным городам, велел

«...сыскать, отчево задор учинился: съ ево сторону или с немецкую? А велел тово беречь накрепко, чтоб одноконечно в Немцы войною не ходили великого князя люди, ни татьбою. И отписали к великому князю воеводы, что с обеих сторон воровства много, за тем и кровь льетца и дурно чинитца, что промеж короля и наместников ноугородцких управы сильные нет»⁵⁹.

⁵⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 2. С. 500.

Русский царь выступает олицетворением порядка, он не хочет несправедливой войны и «татьбы», но если потребуется — прекратит «воровство» и предотвратит угрозу Руси.

Из событий русско-шведской войны 1555–1557 гг. в разрядной книге упоминаются только успешный русский поход на Выборг осенью 1555 г. и ответная шведская осада Орешка. Остальное составителю книги оказалось неинтересным, в тексте даже не упомянуто окончание кампании. Перед нами ценное свидетельство, каким было восприятие происходящих войн служилыми людьми: бесконечная череда служебных назначений, боев и походов. В мирное время главное событие — «невместное назначение», местнический счет. Рефлексии реальных военных действий в тексте немного, гораздо больше — приготовлений к ним: воеводских назначений, выходов на рубеж и т. д.

Ливонская война вводится в повествование стандартно, с сообщения об очередном справедливом походе по приказу Ивана Грозного:

«Тово же году генваря в ... день посылал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси воевать немецкие Ливонские земли из Пскова зимою для маистрова неизправления и орцыбискупля и всеа Ливонские земли неизправления»⁶⁰.

Главными событиями похода, с точки зрения составителя книги, оказываются местнические счеты воевод. Итоги кампании вполне оптимистичны:

«И царь Шигoley, и царевичи, и бояре, и воеводы воевали в немецкой земле Новгородок, Алыст, Корслов, Бабей городок, Юрьев подли литовской рубеж, а город Костер взяли, и многие места воевали до Риги дароги и до Кольвани, и со всеми людьми вышли, дал Бог, здорово»⁶¹.

Война в целом рисуется как оборонительная со стороны России: после возвращения воевод из ливонского похода страна готовится к обороне, «буде придут ливонские немцы на псковские места или на иванегороцкие»⁶². Тем самым факт, что Россия вообще-то первой вторглась в Ливонию, дезавуируется. То была не агрессия, а справедливое возмездие за «неисправление». А вот супостат в самом деле способен на нападение, и отразить его — святая обязанность, «на царево и великого князя дело ходить и псковским местам помогать, и дела царева беречь заодин, смотря по тамошнему делу».

Взятие Нарвы в мае 1558 г. описано очень пафосно и вообще-то нетипично для разрядных книг: «Тово же году на пятой неделе по велице дни, в среду, в четвертом часу дни, на память святого мученика Мокея, поручил Бог государю город Ругодев взяти»⁶³. Менее торжественно говорится о присоединении Юрьева:

«Тово же году велел государь быть в Ливонской немецкой земле воеводам по полком, как итти им в Новугородку к немецкому, и к городу Юрьеву и Костру и промышлять, сколько милосердый Бог поможет. И воеводы города немецкие Юрьев и иные города поймали»⁶⁴.

Здесь принципиально важны два наблюдения. Выражение «промышлять, сколько милосердый Бог поможет» употребляется в данной разрядной книге впервые примени-

⁶⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. 1. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 21.

⁶² Там же. С. 23.

⁶³ Там же. С. 28.

⁶⁴ Там же. С. 28–29.

тельно именно к завоеваниям Ивана Грозного⁶⁵. До этого Бог и Богородица в разрядах в основном выступают покровителями, спасителями воинства от врагов («вышли, дай Бог, здорова»). Бог выступает покровителем ратного дела, но в основном оборонительного. Воеводы выступают на ратное дело, «упова на Бога». Причем первый раз этот оборот востребован в 1552 г., при описании взятия Казани, а второй — в 1558 г., при рассказе о вторжении в Ливонию. Данный фрагмент Разрядной книги 1475–1605 гг. восходит к разрядам XVI в. и содержит развитие концепции Священной войны. Как мы видим, нападение на Ливонию оказывается этапом становления этой концепции — по крайней мере, с точки зрения составителя данной Разрядной книги.

Второе наблюдение — для автора книги (и, видимо, для служилых воинов, чье мировоззрение отражено в книге, напомним, что она является частной, то есть зафиксировала менталитет именно частных лиц) завоевания представляют тем больший интерес, что они умножают количество пунктов назначений. А назначения, согласно книге, и есть смысл службы, жизни и карьеры воина. Боям и походам, как уже говорилось, не уделяется столько внимания, как воеводским должностям, кадровым перемещениям по ним. Захвачены новые города — можно получить новые посты, список назначений растет. Это и было одной из привлекательных сторон завоеваний для русских дворян помимо непосредственной военной добычи и грядущих земельных пожалований. Эта оптика восприятия результатов войны и отразилась в изучаемой разрядной книге.

Если расценивать Разрядную книгу 1475–1605 гг. как попытку создать целостное историописание служб русского дворянства в XVI в., то надо сказать, что изображение войны в Ливонии после 1558 г. занимает в нем центральное место. Южный фронт, крымские дела, карательные акции против недобитых казанцев по сравнению с ним явно блекнут. Ливонские разряды становятся важнейшим сегментом всей картины «служилого мира», не уступающим «береговому» разряду и антикрымским выступлениям. В какой-то степени это отражение исторических реалий — в 1558–1564 гг. в русско-крымских войнах взята пауза, имели место мелкие столкновения. Но интенсивность, с которой «ливонские дела» заполнили разряды, говорит о масштабе восприятия этого конфликта служилыми людьми. Остается открытым вопрос, насколько перед нами отражение разрядов XVI в., а насколько — редакция XVII в. В основе явно лежат первичные разряды, хотя без их концептуализации и акцентации отдельных фрагментов во второй четверти XVII в., времени составления Разрядной книги 1475–1605 гг., не обошлось.

Под 1561 г. помещено необычное для разрядных книг известие о дипломатических переговорах:

«Лета 7069-го году приходили послы литовские пан Ян Шинков да пан Ян Волотков с товарищи, всех их было и с королевскими дворяны и сь их людьми триста пятьдесят человек. А приходили об миру и о городех немецких, чтоб князь великий не велел воевать немецких городков, от города о[т] Торваса по море маистр с теми городки бил челом и приложился х королю. И царь и великий князь перемирья с ними утвержать не велел от лета 7070-го году, от благовещеньева дни, а послов отпустил в Литву февраля в 17 день»⁶⁶.

Таким образом, причиной наступающей войны с Великим княжеством Литовским названы Виленские соглашения, по которым Ливония переходила под протекцию

⁶⁵ «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси идет на свое дело и на земское х Козани для дела своево и земского, сколько ему милосердый бог помочи подаст» — из описания Казанского взятия 1552 г. (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 2. С. 372).

⁶⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 1. С. 87.

Ягеллонов. Но в следующих словах конфликт с Литвой определен как оборонительный. Опасность для россиян представляют даже литовские послы: «А велел государь тем воеводам по тем городом збиратися с тутошними детьми боярскими, которой воевода в котором городе стоит, для того, чтоб послы литовские шли смирно и обиды б московским людям не было». Нейтрализовав опасность, исходившую для Руси от 350 дипломатов и сопровождающих лиц (и о такой, прямо скажем, мелочи говорится в разрядной книге!), Иван Грозный приказал напасть на Великое княжество Литовское: «Тово же году апреля в 20 день посылал государь воевод своих воевать литовские земли для того, что король вступается за ливонские немцы и людей своих в ыные ливонские города посылает, и литовские люди царя и великого князя тарваские места воевали»⁶⁷. То есть, в войне со всех сторон виноваты литовцы, которые еще и напали первыми, разорив Тарваст.

В книге помещено и назидательное известие о наказании воевод, малодушно сдавших Тарваст противнику:

«И пришед литовские люди город Торвас взяли и воевод и людей свели в Литву, а из Литвы их отпустили к Москве. И как тарваские воеводы пришли из Литвы к Москве, и царь и великий князь положил на них опалу свою для того, что они литовским людям город здали, и розослал их государь по городом в тюрьмы, а поместья их и вотчины велел государь взять и роздать в роздачу»⁶⁸.

Однако государь милостив и выпустил тарвастских воевод, когда пошел в поход на Полоцк.

Полоцкий поход представлен опять-таки как наказание короля за его «неисправленье»:

«Лета 7071-го году ноября в 30 день государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пошел с Москвы в Литовскую землю для своего дела и земского за Божию помощью мстити недругу своему литовскому королю за его многое неизправление»⁶⁹.

Поход является частью Священной войны: помещено необычное для разрядов известие, что:

«А царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, вышед на поле к Егорью Стратотерпцу против города Полоцка, велел поставить свой полк, и велел развертети знамя. И владыке коломенскому и архимариту чудовскому и игумену осиповскому со всем собором велел государь пети молебны и милости у бога и пречистые богородица и у великих чудотворцов просил. И стоял царь и великий князь на поле весь день и за два часа до вечера пошел на стан и стал в монастыре у Бориса и Глеба»⁷⁰.

Показателен здесь акцент на ориентации по церквам (хотя они и так были естественными ориентирами на местности). И упоминание о молебне, предшествующем штурму. Подобные описания вовсе не характерны для разрядов, перед нами явная концептуализация облика войны.

В поведении защитников Полоцка в изображении Разрядной книги 1475–1605 гг. преобладают негативные черты. Они лстецы: затягивают переговоры, обещают сдать-ся, а сами обманывают, тянут время, под прикрытием переговоров нападают на ничего не подозревающих русских воинов. Воюют плохо. Крепость сдали. Воинского искусства, мужества и верности не проявили. То есть, литовцы проиграли поделом, а рус-

⁶⁷ Там же. С. 88.

⁶⁸ Там же. С. 92–93.

⁶⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 110.

⁷⁰ Там же. С. 117.

ские вновь выступают носителем Божественной справедливости, карая неправедных. Литовцам дана такая характеристика: «И то ведомо, каким злым ухищрением во многия дна лгали и кровь христианскую проливали, и Бог милосердый праведный суд показал нам, великому государю, свое милосердие, а им мстил кровь христианскую»⁷¹.

В разрядах помещено прославление царя-победителя:

«И государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии самодержцу брат ево государев князь Володимир Ондреевич и все бояре и воеводы здоровали: “Радуйся царю православный, Божию милостию победив супостаты! И буди, государь, здоров на многие лета на своем царском превысочайшем престоле! Ты еси воистину по Бозе наш заступник, тобою ныне, благочестивым государем, град Полотеск освещаетца. И впредь у Бога милости просим: умножи, Господи, лет живота твоего и покори всех супостат под нозе твои. И даст ти Бог сынове наследники царствию твоему, да и в тишине мы и в покое поживем под твоею царскою превысочайшею рукою”. И благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии со умилением отвещает: “Бог сия соделал твоим брата моего попечением, и всего нашего воинства страданием, и всенародною молитвою; буди Господня воля”»⁷².

Следующим этапом борьбы за Ливонию как Священной войны был поход 1577 г.: «государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии с сыном своим с царевичем Иваном Ивановичем и со всеми бояры приговорил, прося у Бога милости, итти очищать свою вотчину»⁷³. Фигуры врагов Москвы рисуются негативными красками: не знают русского языка, униженно молят о пощаде, позволяют себе жить в государственной вотчине и т. д. Поэтому, если они сразу и беспрекословно не сдаются, с ними можно поступать и жестоко (из описания взятия Чествина):

«И немцы учали метатися через стену и ворота отворяли, а сами пошли з женами и з детьми под государеву саблю на государеву волю. И государь за их грубость, что они против государя стояли, и велел их по кольям сажать, а иным свою государеву милость показал и живот дал, а велел их распродать тотаром и всяким людям в работу»⁷⁴.

Триумф 1577 г. сменяется рассказом о взятии Полоцка 1579 г. с акцентом на разнообразии войска Батория:

«Тово же году июля в день пришел польской и литовской король Стефан Обатур к государеву городу х Полотцку со многими людьми, а с ним пришли литовские люди, и ляхи, и волынцы, угры, кияне, подоляне, немцы пруские, немцы свийские, и курляньские, и римские, и многих земель с королем были люди и взял польской король Полотеск и полотеские пригородки»⁷⁵.

Виновниками поражений в полном соответствии с уже известными нам дискурсами объявлены изменники:

«И король стоял под Полоцким 4 недели и Полотеск взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы: и как голов и сотников побили, и воеводы королю и город здали, а сами били челом королю в службу, з женами, и з детьми, и с людьми, и стрельцами»⁷⁶.

⁷¹ Там же. С. 134–135. — В рассказе о взятии литовцами Изборска в 1569 г. также указано, что город взяли «изменою, оманом» (Там же. С. 241).

⁷² Там же. С. 133–134.

⁷³ Там же. С. 433.

⁷⁴ Там же. С. 527–528.

⁷⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 80.

⁷⁶ Там же. С. 82.

В то же время взятие Холма и другие неудачи Московской войны со Стефаном Баторием происходят «грех ради наших»⁷⁷.

Война заканчивается заключением мира, который изображен как победа русских, возврат ими потерянных городов. Возврат же Ливонии изображен как воля государя, который может сам распоряжаться своими владениями:

«И стался з государем у короля мир: взял государь у короля назад Луки Великие, да Заволочье, да Невль, а против тово король польской взял у государя и государь ему отдал Юрьев Ливонской и все города Ливонские земли, которые были за государем»⁷⁸.

Интересная особенность Разрядной книги 1475–1605 гг. — появление в ней разрядных описаний иностранных войск. Осенью 1564 г. помещен разряд польско-литовской армии, напавшей на Полоцк⁷⁹.

В целом можно сказать, что данный памятник — одна из первых попыток отечественных авторов создать единую историю войны. Правда, Ливонская война здесь не выделяется в отдельный конфликт. Приводится бесконечный перечень боев и походов, разрядных назначений и местнических споров, изредка перемежаемый упоминаниями дипломатических событий. Этот список начинается не в 1558 г. и не завершается в 1583 г., а продолжается в обе стороны. Состояние войны, таким образом, воспринимается как постоянный фон, *modus vivendi* русского служилого человека. Идеологически она изображается через дискурсы Священной войны, оборонительной и освободительной войны. Ливонско-литовский фронт во второй половине XVI в. был одним из двух главных фронтов Русского государства (наряду с Крымским) и составил целую страницу в служивых биографиях многих дворянских родов, о чем они вспоминали в XVII в., и что тщательно фиксировалось в разрядных компиляциях век спустя после конфликта.

Интерес к событиям XVI в. в дипломатических документах XVII в.

Можно ли обнаружить признаки интереса к событиям 1558–1583 гг. в дипломатической практике XVII в.? Их вообще как-то вспоминали, апеллировали к ним?

Да. Последовавшая после присоединения Украины русско-польская война 1653–1667 гг., Андрусовское перемирие 1667 г., русско-шведская война с боевыми действиями в Прибалтике 1656–1658 гг., напряженная дипломатическая борьба, приведшая к «Вечному миру» с Польшей 1686 г. обуславливали необходимость осмысления соперничества двух держав на протяжении веков. Кроме того, вхождение значительной части территории Речи Посполитой в состав России вызвало столкновение разных культур и традиций. Чтобы понять смысл исторических и культурных процессов, происходивших на территории Восточной Европы во второй половине XVII в., требовались ориентиры. Их искали в главном источнике ориентиров для средневекового социума — в традициях.

На основе посольских книг XVI в. было составлено два сборника копий грамот переписки дипломатических служб России и Речи Посполитой в 1572–1581 гг.⁸⁰ Кроме

⁷⁷ Там же. С. 178.

⁷⁸ Там же. С. 203.

⁷⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. С. 166.

⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 185–365; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. 136 л. — В XIX в. с одного из них А. Н. Поповым была снята копия (НИОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21). Описание сборников см.: Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 349–350; Филошкин А. И. Сборник с посольскими посланиями Ивана Грозного в Речь Посполитую... С. 86–88.

того, в XVII в. была снята отдельная копия с отрывка посольской книги о переговорах 1578 г. в Москве Станислава Крыского⁸¹. Делались переводы отдельных иностранных документов, например, договора русских властей с жителями захваченного Дерпта (переименованного в Юрьев) 1558 г.⁸²

Примечательно, что в сборнике Троицкого собрания РГБ грамоты помещены после титулярника⁸³. Это говорит о предназначении конволюта: давать готовые, стандартизированные формулы как в написании титулов, так и в составлении международных документов.

Таким образом, в XVII в. события борьбы за Прибалтику столетием раньше стали определенным ориентиром уже для политической и дипломатической практики. А это порождало потребность в их концептуальном осмыслении, что и отразилось в некотором изменении содержания нарративных памятников. Однако все эти изменения еще незначительные, решающий шаг в концептуализации борьбы за Прибалтику как Ливонской войны был сделан столетием позже.

⁸¹ ОР РНБ. Основное собр. № Q.IV.33. — Памятник подготовлен к публикации: *Филлюшкин А. И.* «А от государя вашего впредь ждем пред собою исправленья»: Посольство Станислава Крыского 1578 года // Единорог. Вып. 4. В печати.

⁸² Оригинал перевода хранится: РГАДА. Ф. 64 (Сношения с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией). Оп. 1. Д. 3. По И. В. Курукину, перевод сделан в Посольском приказе во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. (*Курукин И. В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 36). Текст опубликован: *Филлюшкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 77–88.

⁸³ Состав титулярника совпадает с рукописью НИОР РГБ. Ф. 354 (Вологодское собр.). № 169.

Глава VIII

ИЗМЕНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О РУССКОМ ЗАВОЕВАНИИ ПРИБАЛТИКИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Считали ли современники Петра Великого преемником Ивана Грозного?

При Петре I была поставлена задача создания российской истории как определенного идеологического канона. Однако при этом в центре внимания оказалась современная царю история Северной войны и строительства империи, а материал из прошлого России должен был играть сугубо вспомогательную, иллюстративную роль. Петр, по выражению Е. Погосян, занимался конструированием в сознании подданных преимущественно истории своего царствования (через систему праздников, придворный календарь и т. д.)¹. Прошлое виделось темным фоном, на котором ярким цветом должна была взойти Россия Петра. Создавался миф о затхлой, отсталой, дремучей Московской Руси, который был призван оттенить прогрессивность и европейский вектор петровских реформ. В этом контексте ливонские начинания Ивана Грозного были некстати.

К прошлому обращались с практической целью, особенно в дипломатической сфере — например, в конце 1696 г. были сняты копии с документов по сношениям с иностранными державами с 1580 г. до текущего делопроизводства, что составило 33 тома. Также подготавливались исторические справки о соседних державах, династиях монархов и т. д.² Русская дипломатия XVIII в. интересовалась и договорами, связанными с прибалтийскими государствами, — например, была сделана специальная копия II Виленского польско-ливонского соглашения от 28 ноября 1561 г., причем перевод выполнен с использованием терминологии петровской эпохи, например, «кондиции», несвижский «принц Радзивилл». Зато переводчик не понял «аугсбургского вероисповедания», заменив его на... «августинское»³.

Общим местом многих работ историков Нового и Новейшего времени является тезис, что Петр рассматривал Ивана IV как своего предшественника в борьбе за

¹ См. очень интересный анализ этих мероприятий в работе: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 23–182.

² *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 70–71.

³ РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об., 4, 6 об.

выход к Балтийскому морю⁴. Эту параллель особенно развивали историки сталинского времени, напрямую сравнивавшие ливонскую политику Петра и Ивана IV⁵. Она также нашла отражение и в некоторых западных работах⁶.

Однако в самих текстах петровского времени нам не удалось обнаружить этой идеи в сформулированном виде. То, что Петр I стремился к морю и видел в этом свою задачу, свидетельств много. Но идея, что до Петра это же пытался сделать Иван

Петр I. Гравюра А. Шхонебека 1703–1705 гг.

Грозный, в первой четверти XVIII в. еще не получила распространения. Примеры, которые приводятся в работах историков, малоубедительны. Например, А. М. Панченко и Б. А. Успенский считают, что свою главную параллель с Иваном IV Петр видел в его стремлении к морю, в котором проявлялась и «западная ориентация» первого русского царя⁷. Для доказательства этого они ссылаются на запись в дневнике камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, что 27 января 1722 г., после Ништадтского мира и вскоре после принятия императорского титула, в празднование дня рождения цесаревны Анны Петровны была сооружена триумфальная арка. Над ней красовалась прославляющая Петра надпись: «Petro Magno, Patri Patriae, Totius Russiae Imperatori». С правой стороны было сделано в натуральную величину изображение Ивана Грозного в царской короне с надписью: «Incipit» («Начал»), а слева — Петра в императорской короне с надписью «Perficit» («Усовершенствовал»)⁸.

Однако остается открытым вопрос, данная символика определяла Петра I как преемника Ивана Грозного в борьбе за выход к Балтийскому морю или же здесь дело в титулах? Ведь Иван IV был первым русским царем (= цесарем, то есть императором), а Петр I — стал первым императором, то есть в данном

⁴ Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 496; Погосян Е. Петр I — архитектор российской истории. С. 48, 76. — В своей статье в 2001 г. мы тоже придерживались такой точки зрения, теперь же стоит признать, что она была ошибочной (ср.: Филлюшкин А. И. Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio*: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 4. С. 43–80).

⁵ Готье Ю. В. Балтийский вопрос в XIII–XVI веках // *Историк-марксист*. 1941. № 6. С. 92.

⁶ Kirchner W. *History of Russia*. New York, 1955. P. 44.

⁷ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха. Статья первая // *ТОДРЛ*. Л., 1983. Т. 37. С. 54.

⁸ Берхгольц Ф. В. *Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: 1721–1725*. М., 1902. Ч. 2. С. 41.

случае Иван действительно «начал», а Петр «усовершенствовал». Впрочем, интерпретаций здесь может быть много. Но нет доказательств однозначно «морской» трактовки данного «усовершенствования».

Известны и другие, более поздние случаи сравнения фигур Петра и Ивана IV — например, в «Оде на взятие Хотина» М. В. Ломоносова (1739) император Петр говорит царю Ивану Грозному:

Не тщетен подвиг твой и мой,
Чтоб Россов целый свет страшился⁹.

Однако здесь опять-таки неясно, речь идет об общем сравнении двух монархов-завоевателей, или же имеется в виду именно наступление на Прибалтику. Так или иначе, пока мы не располагаем несомненными свидетельствами, что Петр и его идеологи видели в Грозном именно исторического предшественника в завоевании Прибалтики.

«Балтийская тема» неоднократно всплывала на триумфальных вратах, но она связывалась не с Иваном IV, а с непосредственными предшественниками Петра I — Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем. Так, на триумфальных вратах 1703 г. в честь присоединения Ижорской земли последняя изображена в виде связанной Андромеды, терзаемой шведским львом и освобождаемой Россией-Персеем. Воцарение Романовых изображено как бегство врагов России, которые в виде сов улетают при восходе солнца. Алексей Михайлович назван русским Филиппом Македонским¹⁰.

Образы истории Прибалтики в нарративе петровского времени

На наш взгляд, можно скорее говорить об общем идеологическом фоне петровской идеологии, будто бы Лифляндия и Эстляндия — исконные русские земли, за которые проливали кровь наши далекие предки. Прямые обращения к истории XVI в. встречаются редко и скорее на уровне преданий или художественных образов. В царских указах о начале Северной войны историческое обоснование просто отсутствует, исключая общие слова о «многих неправдах» шведского короля¹¹.

Поскольку главным врагом России в Северной войне выступала именно Швеция, то идеологи Петра обращали внимание на ее приобретения в Прибалтике, а они в основном относились в XVII в. Поэтому время Ливонской войны оказывалось как бы в тени. Например, в «Объяснительном тексте к чертежу осады Нотебурга» конца 1702 г., составленном лично Петром, отмечено, что «чрез помощь Божию, отечественная крепость возвращена, которая была в несправедных неприятельских руках 92» (то есть потеряна в Смуту, в 1610 г., и возвращена спустя 92 года). В торжествах по случаю Ништадтского мира в 1722 г. этап праздника, связанный с освобождением Ингрии, был приурочен к 22 октября — празднику Казанской иконы Божьей Матери и избавления Москвы от поляков в 1612 г.¹² Как мы видим, присутствует апелляция к Смутному времени, но не к эпохе Ивана Грозного.

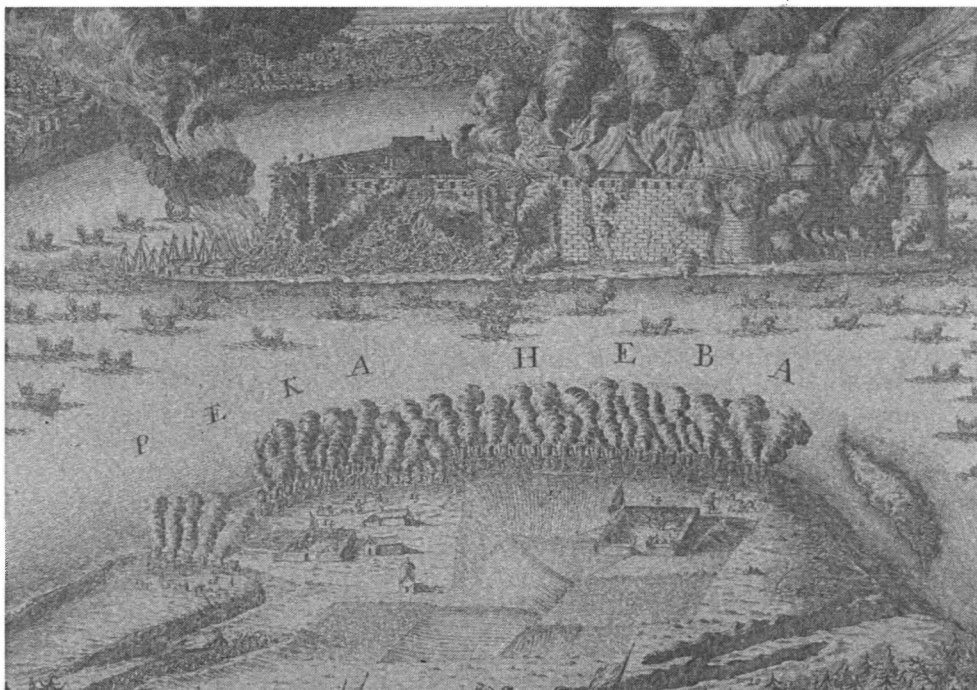
В триумфальном шествии 1703 г., как отмечено Е. Погосян, наибольшим вниманием зрителей пользовались так называемые «оказы», то есть планы, объясняющие ход сражений и военных действий в целом. Особенно же «очи народа» привлекали «карты Ижерские, намалеванные со всеми взятыми городами на воротах, построенных от

⁹ Цит. по: Полосин И. И. Споры об опричнине на польских сеймах XVI века (1569–1582) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С. 157.

¹⁰ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. II. С. 75. № 65.

¹¹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 180.

¹² Цит. по: Погосян Е. Петр I — архитектор российской истории. С. 48, 150.

Штурм шведской крепости Нотебург (бывшей русской Орешек) в 1702 г. Фрагмент гравюры А. Зубова, 1713 г.

духовенства». К ним прилагалась объяснительная надпись, взятая из Библии: «Ниже чуждую землю прияхом, ниже чуждая одержажом, но наследие отец наших, от враг же наших в некое время несправедно удержася. Мы же время имуще восприяхом наследие отец наших» (1 Мак. 15: 33–34). Но здесь опять-таки присутствует тема шведских захватов XVII в., но не отражение более ранних событий¹³.

Ливонская тема получила развитие в основном в связи со взятием Нарвы в 1704 г., полным покорением Ингерманландии и началом завоевания Лифляндии. Тема Нарвского взятия приобрела особое звучание в XVIII в., когда поражением русских под Нарвой началась Северная война (1700–1721). Значение этого события понималось и в России, и в Европе. В 1701 г. в г. Фрейштандте (Силезия) был издан памфлет «Секретные письма замечательных людей о любопытных предметах политического и ученого мира». Часть из них посвящалась теме Нарвского сражения 1700 г. В 20-м письме говорилось: «Московиты... переступили границы, обозначенные самим Богом их государству... роковую границую представляется Лифляндия и Ливония для Московского государства... [здесь] московские монархи в течение двух столетий не могли приобрести ни одной мили» — ни московский тиран Иван Васильевич, ни Алексей Михайлович. В 22-м письме сравнивалась оборона Нарвы в 1700 г. и осада Вены турками, причем шведская крепость именовалась «оплотом христианства против московитов». В 24-м письме образ Нарвской баталии 1700 г. предлагалось сделать нарицательным: «...и впредь, если захотят изобразить несчастную осаду, то будут называть ее нарвскою, а про потерпевшего поражение будут говорить, что с ним случилось то же, что с московитами под Нарвой»¹⁴.

¹³ Там же. С. 57, 66.

¹⁴ Там же. С. 255–256.

«Нарвская конфузия» 1700 г. считалась Петром и его окружением толчком к последовавшим реформам в армии и преобразованиям всей России. Этот тезис был закреплен в историографии петровских реформ¹⁵. Однако стоит отметить, что ни в европейской, ни в российской идеологии XVIII в. не произошло ярко выраженного рифмования Нарвского взятия 1558 г., потери Нарвы в 1581 г. с поражением под Нарвой 1700 г. и взятием города в 1704 г. Нарва воспринималась как некогда потерянный исконно русский город, но имя Ивана Грозного при этом не звучало.

Во дворце Петра I в Нарве была аллегория, на которой Ливония изображалась в виде женщины, которую русский царь освобождает от оков¹⁶. В кантах 1704 г. на взятие Нарвы ее сравнивают с античной Троей, но отнюдь не с Ругодивом Ивана Грозного. Пожалуй, свидетельств об обращении к памяти Ливонской войны относительно Нарвы в петровскую эпоху немного. Например, Петр называл город «Ругодевом», но это, собственно, обращение к старинному названию, не обязательно связанное с завоеваниями Ивана Грозного. В Нарвском дворце Петра хранилась коллекция каменных ядер, которыми войска Ивана IV в 1558 г. обстреливали Нарву — но неясно, насколько для русского царя было важно, что это ядра из 1558 г., а не древние русские ядра вообще¹⁷. В дальнейшем тема Нарвского взятия представляла собой в основном историографический и музейный интерес.

Петр умиряет ожесточенных солдат своих при взятии Нарвы в 1704 г.
Художник Н. А. Зауервейд. 1859 г.

¹⁵ Подробнее см.: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 73–93.

¹⁶ Фурман П. Р. Нарвская легенда. СПб., 1899. С. 9.

¹⁷ Петров А. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье: 1223–1900. СПб., 1901. С. 307, 345, 348.

К 1704 г. относится публикация Иосифа Туробойского под названием «Преславное торжество свободителя Ливонии отмстителя неправому хищению, пленителя и покорителя прегордого льва свейского»¹⁸. Ливонские грады здесь названы «отечественными». В ней описываются триумфальные врата, установленные в Москве («...Книжица сия изъясняет торжественная врата, яже преизрядным маистерством и всяческим украшением от разных красок и позолоты сияющим архитектурою коринфою построены суть в царствующем граде Москве близ училищ им же ширины 9 сажен вышины же 15 сажен с различными емблематы, символы и изобретенми поетическими в славу»). Ворота представляли собой подборку следующих изображений:

«Средняя левой страны картина являет несправедное обладание Ижерския земли от Свейския державы. Правая же такожде, средняя тоей супротивная являет тоей страны освобождение российскими силами. Сие же самое четырема посторонними же картинами с своими символы и написанмы от древних поетицких басней и исторей изъяслям. Первая левая страны картина знаменует Его Царского Пресветлаго Величества попечение о освобождении Ижерския земли от свейскаго хищения. Первая же правая знаменует освобождение тоя страны и преславную победу над враги. Третия картина левыя страны знаменует Его Царского Пресветлаго Величества возвращение от побед в царствующий град Москву. Правыя же страны третия знаменует похвалное Его Царского Пресветлаго Величества венчание сиречь приветствование от всех его государственных чинов».

Здесь мы видим, что опять-таки звучит исключительно шведская тема. Ижорская земля, страдающая от шведов, олицетворяется в образе одной из спутниц («другинь») богини Дианы. К Ливонии обращены следующие стихи:

Не бойся Ливоние, небо ты прияет,
Ибо ты дедичному владыце вручает,
Се ты помощь готова, лук силен натягый,
Везде зажмет лев челюсти и рот свой розатый.

Очень интересна аллегория Карла XII, изображенного в виде Макиавелли:

«На правой стороне при властолюбию стоит Махиавел, лукавый советник, муж сед, на главе имеяй шляпу, знамение чести советнический, и минуто часовую всегда двужущуюся, знамение непрестанных друговредительных мыслей и промыслов. Верхняя одежда сану сенаторскому (сиречь боярскому) в иных странах обычная, под нею же укрывается лисия и волчая одежда, знамение хитрости и вредительства. На двух аспидах вместо цепочки висит сердце, верхнюю частию вниз висящее, знамение развращенного сердца. В правой руке держит свиток, на нем же написано: КЛЕНИИЯСЯ, КЛЯТВУ ПРЕСТУПИ, елижды случай требует. И верхнее храмов ветрило, на всякую страну ветром ограждаемое, в знамение хитраго и притворнаго подобострастия народу. Вспирает же руку сию на Лкваре, сиеть на орудии, им же и болшия тяжари удобе поднимаются, знаменая, яко сицевым учением и советами народоласкательными вся может елико хоцет. Другая рука жезлом управления вышереченные словеса на свитце властолюбию показывает, обычная всякой неправде».

Шведские образы на картине связаны с самыми неприглядными пороками:

«На левой же стране неправда в образе женщины, весы, узду и правила математическая ногами попирающа, личину на персях висящую имущая, хоругов с знамением триех венцев держит. Другою же рукою вниз, идеж Нарва и Нева река показует.

¹⁸ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. С. 95–95. № 81; см. также: Православное торжество освободителя Ливонии // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 979.

Другое Убивство в образе женщины, на главе вместо шишака трупие главу имать, в правой руке меч огненный, в другой же знамение воинское старинное, на нем же написано: елико угодно, свободно. Влеве наверху держит за ними воины со оружии. Тут же в нише Хищение во образе злообразныя птицы иже арпию древние нарицаху лице двы злообразныя имущия, кожею волчею одеяныя, крылы змиины, у руке ногти железныя, стегны волчая, голени же ко псов грифа имущия, связует Нарву и Неву во образе дев, зелием водяным венчанных, водоносы имущих, в знамение пленения Ижерския земли. На стене рука пишет: ЕЛИКО ТВОРИШИ БЛАГОРАЗУМНО ТВОРИ И СМОТРИ ОКОНЧАНИЯ. В крузе над персоною символ, написана бомба порох вся приемлющая, с надписанием: ПРИЕМЛЕТ СИ В ПОГИБЕЛЬ. На сземсе надписано: Похищенная бесполезная. На самом верхнем клейме написахом: Прометеуса огонь от солнца потай богов в желе крадуша с надписанием: В недраси собирает. В верхней фрамуге на фанаре в клейме, сия стихи всея картины сея изяснительныя написахом: Зри, на кой образ сила свейская взираше, Егда же Ижерскую страну похищающе.

В нижних рамах тоеяжде картины написахом Какуса, иже пасуциася кравы Геркулеса покрал, но дабы следу не было, до его вертепа за ошибки сия втащил, и тако следы не в вертеп, но с вертепа идущих крав, явились, с надписанием: ХИТРОЕ ХИЩЕНИЕ, НО ПРАВЕДНЫМ МУЖЕСТВОМ УХИЩРЕННО БУДЕТ. Знаменает же Свейскую державу, яже под именем залога и поступнаго договора Ижерскую землю похищаше, и сии бы следы неправды своей погубляше.

Зато символика, связанная с Россией и Петром, носит исключительно высокий характер:

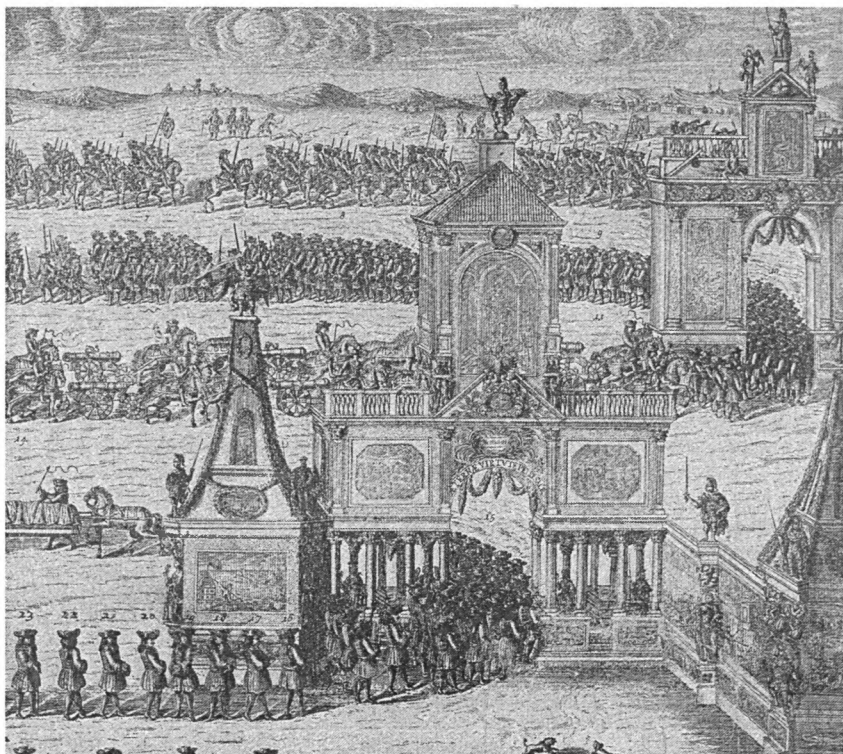
«В нижних рамах тоеяжде картины написахом Мужество и Правду, в клещах ковальских, золотую Фортуну кующих. На правой стороне венцы, державы, победы, на стенах. На другой же стороне на земли, цепи, кандалы, и прочия невольническия узы лежат с надписанием: СЕБЕ ПОБЕДУ И СЛАВУ, ВРАГОМ ЖЕ ПОГИБЕЛЬ.

Знаменает же, яко всяк царь при мужестве своем сохраняй правду, всегда благополучен. И на враги победитель бывает. Еже о Его царском Пресветлом Величестве, яко сбывается толикие победы в праведном освобождении Отчества своего, а не в чуждым похищении свидетелствуют. Сие же стихотворне изьявляем сице:

Царь храбр и праведен, сие получает
Яко ему победа, врагом смерть бывает
Своих ища царю наш числеиши победы,
Храбрость, правда, ти славу кует, врагом беды».

Образ Ижорской земли в дальнейшем связан с горой, которая горит «неприятельским огнем», на склонах которой кишат хищные «львиные щенята», козлища, ужи и прочие гады. Но «российский Веллерофонт» всел на коня и освободил Ижорскую землю, прогнав зверя, у которого перед льва, зад козла, а хобот — змея. Завоевание Прибалтики сравнивается с разрушением Александром Македонским гордиева узла (коим являются несокрушимые «крепости свейские»). Шведский лев русской Фортунной посажен на цепь. Далее он сравнивается с убитым Минотавром.

Как мы видим, перед нами интеллектуальные упражнения идеологов петровского царствования, попытка усвоения символических и аллегорических фигур из багажа европейской ренессансной и барочной культуры. В результате возникло буквально нагромождение образов — Макиавелли вместе с Александром Македонским, Ясоном и Минотавром, зверь, представляющий собой комбинацию из льва, козла и змея и т. д. Все это очень любопытно в плане изучения путей и способов усвоения Россией «европейской» культуры или того, что под ней понималось в петровскую эпоху. Но концептуализации борьбы за Ливонию здесь нет, образные ряды и культурные коды лежат в других сферах.

Пример триумфальных ворот Петровского времени — сооруженные в Москве триумфальные ворота в честь Полтавской битвы 1709 г. Гравюра П. Пикарта, 1711 г.

Единственная апелляция к исторической памяти — на одной из картин изображена аллегорическая фигура «державы дедич» Петра I, на груди у нее — изображения его великих предков: Ивана IV, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича¹⁹. Но в данном случае речь идет о династии Романовых, которая, как известно, через Анастасию Романову, первую жену Грозного, восходила как раз к Ивану IV и именно через эту фигуру российской истории смыкалась с Рюриковичами. Намек слишком общий, усмотреть здесь отсылку к борьбе за Балтийское море невозможно.

В феврале 1705 г. была поставлена пьеса «Свобождение Ливонии и Ингерманландии, отчества Росска, древле чрез мужественна вождя Исраилтескаго Моисеа во Исраили преобразованное, ныне же силою вышняго чрез храброе воинство Российское во Отечестве своем истинно зримое, при благополучной державе... Петра Алексеевича». Текст данного произведения до нас не дошел, но сохранилось либретто²⁰. В начале постановки появляется Фортуна Хищения Неправедна со Львом прегордым (аллегория Швеции), которую поражает через орла Российского молниями Фортуна Ревности Отеческой. Главной идеей пьесы является проведение аналогии между судьбой израильтян в египетском плену и судьбой россиян. Под предводительством Моисея израильтяне через многие лишения и угрозы пришли в землю обетованную и победили всех своих врагов, от фараона до Амалика. «Сие положено преобразования

¹⁹ Православное торжество освободителя Ливонии. Л. 14 об.

²⁰ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. С. 107–108. № 86; Тихонравов Н. Русские драматические произведения 1672–1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. С. 345–355.

только ради: ибо яко тамо Моисей силою вышняго своего свободи Исраиля, аще зде тою же силою Ревность Российская свое Отечество».

Ливония и Ингерманландия названы «отечествами российскими», изображены «плачущиеся, яко несправедно от царства православна иноверием восхищены, лютым зверем, си есть львом, суть томимы, мерзость запустения в храмах Божиих поносят». Несчастные провинции молят об освобождении, его обещают им три Добродетели — Вера, Надежда, Любовь. На сцену выходит Фортуна и засекает золотую жатву, а Золотой Век ее орошает. Из семян для россиян растут оружие и оливковые ветви для венков славы. Автор пьесы проводил также исторические параллели между Петром I и Александром Македонским.

Все заканчивается победой Петра: полки Хищения в панике бегут из некоего града (в котором, учитывая дату создания пьесы — 1705 г., легко угадывается Нарва, взятая в 1704 г.), а их избивает ангел, как некогда ассирийцев, затем ангел и появившаяся Смерть на коне бледном недобитые остатки вражеского войска загоняют прямо в Ад.

Как мы видим, здесь присутствует все та же рецепция античных и ренессансных образов, которая часто использовалась идеологами Петра и при других акциях, посвященных Северной войне²¹. Перед нами процесс интеллектуальных исканий петровских идеологов, но не обращение к исторической памяти.

Таким образом, надо признать, что тема завоеваний Иваном Грозным Прибалтики довольно слабо использовалась петровскими историками для обоснования преемственности борьбы за выход к морю. Для этого обращались к более древним и легендарным фигурам. Наиболее ярко это видно на примере развития мифа об Александре Невском. Осматривая окрестности строящейся северной столицы в 1710 г., Петр I назвал площадку в конце «Невской перспективы» «Виктори» и объявил ее местом, где Александр Невский в 1240 г. разгромил шведский отряд ярла Биргера. В действительности сражение произошло почти в двух десятках километрах юго-восточнее, возле устья р. Ижоры. Однако для Петра было принципиально важно, чтобы легендарный победитель шведов и один из главных русских святых одержал победу в точке, где заканчивалась главная улица новой русской столицы.

Поэтому царь велел основать тут монастырь во имя Пресвятой Троицы и св. Александра Невского. Согласно поверьям, «Александров храм» был построен на том самом месте, где перед битвой воин Пелгусий видел во сне святых Бориса и Глеба, которые сообщили, что спешат на помощь «своему сроднику» — новгородскому князю. Тем самым победе над пришельцами с запада придавалась Божественная легитимность.

Как показано Ф. Б. Шенком, обновленный культ русского князя, первым прорывавшегося к берегам Балтики, очень быстро получил институциональное оформление. После победы в Северной войне св. Александр Невский объявлен покровителем Санкт-Петербурга и всей Российской империи. В 1723–1724 гг. его мощи доставлены из Владимира в невскую столицу, а дата праздника в честь святого перенесена с 23 ноября на 30 августа — именно в этот день был в 1721 г. подписан Ништадтский мир со Швецией. Специальным указом были запрещены изображения Александра в монашеской одежде, с 1724 г. его полагалось изображать только в княжеской мантии²². Все это — от основания Александро-Невской лавры на вымышленном месте битвы до эскалации почитания князя должно было продемонстрировать непрерывность исторической традиции борьбы России за выход к Балтийскому морю. Деяния Ивана Грозного

²¹ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 74–75.

²² Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 130–141.

виделись при Петре, несомненно, частью этой традиции — частью неотъемлемой, но не очень существенной.

Даже в произведении, в котором, казалось бы, обязательно должна присутствовать апелляция к предшественникам, упоминание о завоеваниях Ивана IV в Прибалтике очень неотчетливо. В «Рассуждении о причинах Шведской войны» канцлера П. П. Шафирова Петр провозглашен наследником деяний отца, Алексея Михайловича, который, как известно, тоже воевал в Прибалтике и даже лично участвовал в осаде Риги. Эстляндия и Лифляндия объявлены древними русскими владениями (например, Ревель, настоящее название Яганесбург, якобы назван по имени «древнего великого князя Иоанна»). Магистры и епископы изначально были данниками русских князей. Шафиров путает Ивана III и Ивана IV и заявляет, что «особливо оные провинции были под владением короны Российской лета 1577 в царство царя Иоанна Васильевича, первого собирателя нареченного». Но затем рассказывает... о правлении Василия III и Ивана IV, «который за отступлением этих провинций многие войны отправлял». То есть, Грозный изображен правителем, который потерял прибалтийские земли. Основной акцент сделан на конфликтах со Швецией, в приложении Шафиров даже публикует русско-шведский договор, датируемый им 1564 г.²³

Показательна здесь судьба «Истории», вышедшей из-под пера выпускника Славяно-греко-латинской академии, справщика московской типографии Ф. Поликарпова, который по заданию Петра I начал над ней работать в 1708 г.²⁴ Периоду правления Ивана Грозного посвящен довольно пространственный раздел²⁵. Изложение строится по летописному принципу, начинается с описания боярских крамол во времена малолетства Ивана IV, Стародубской войны 1535 (7043) г., взятия Казани в 1552 г. Памятник примечателен прежде всего тем, что в нем как исторический источник в значительном объеме использована «История» А. М. Курбского²⁶. Причем перед Поликарповым стояла довольно сложная задача: он писал историю царя Ивана, изображая его довольно позитивно. Но главным источником при этом для него было антигрозненское сочинение Курбского! Он оттуда брал сюжеты и фактуру и выворачивал наизнанку, смягчал, искажал и т. д.

Труд был не из легких, и Поликарпов с ним не очень справился. По Е. Погосян, сочинитель не понял замысла царя, за что и поплатился: его история была отвергнута как «не очень удобная»²⁷. Его построения, основанные на творческой переработке Курбского, порой звучат искусственно и нарочито. Вот как, например, историк переработал рассказ о совете Вассиана Топоркова «Не держи советников умнее себя»:

«Сей епископ (по имени он не называется. — А. Ф.) подсеке христианскому царю кротосное сердце, аки прекрасное древо, с премногим плодом добродетелей, и подвиже царя на zelный гнев не токмо на ближних, но и на простый народ, и возвратився в Москву абие заточает неких по далным разным городам, и прибрати повеле некое число здравия царева охранителей, и наименова их опричниками»²⁸.

²³ Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый, Царь и Повелитель Всероссийский и прочая и прочая и прочая, к начатию войны против короля Карлуса 12 шведского 1700 году имел. СПб., 1716. С. 2, 8; о Шафирове см.: *Пейтич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 138–141.

²⁴ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 491–492; *Пейтич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 109–112; Списки: НИОР РГБ. Музейное собр. № 4698; НИОР БАН. № 32.6.30.

²⁵ НИОР БАН. № 32.6.30. Л. 39–113 об.

²⁶ *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. I: Исследование книжной культуры. М., 2009. С. 123–130.

²⁷ *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. С. 188–206.

²⁸ НИОР БАН. № 32.6.30. Л. 85–85 об.

Отдельного внимания Поликарпова удостоились браки Ивана IV (он помещает пространное «Разрешение четвертого брака»), «Сибирь когда взята и како», «О взятии Астраханского ханства». После краткого рассказа о нападении шведов на Орешек и ответном сокрушительном русском ударе²⁹ помещен текст: «О победе над ливонцы и об взятии Ругодева Юрьева Ракобора Веляда и иных многих»³⁰. Схема, приводимая Поликарповым, носит гибридный характер. С одной стороны, он говорит о исконной русскости этих земель: Ярослав Владимирович основал в Ливонии Юрьев, поставил церкви и учредил православную епископию. Это все разрушили богомерзкие немцы, которые пришли из-за моря. Но они исправно платили дань русским государям и признавали свое подчиненное положение, а потом разбогатели, возгордились, перестали платить дань, но начали чинить Новгороду и Пскову всевозможные пакости.

С другой стороны, первопричиной войны является именно неплатеж дани — Иван IV «многожды» посылал к ливонцам, призывая их образумиться, заплатить дань и восстановить былой порядок отношений. То есть, война идет из-за нарушения обязательств, но не под лозунгом возвращения исконных русских земель.

Описание военных действий в Ливонии сосредоточено на событиях зимы—лета 1558 г. и заканчивается взятием Юрьева. Потом боевые действия упоминаются эпизодически, повествование разбавлено рассказом о столкновениях с татарами и т. д. Под 7090 г. (1582) сообщается о рождении царевича Дмитрия³¹. Дальше Поликарпов переходит к царствованию Федора Ивановича. Никаких сведений о Ливонской войне за 1570–80-е гг. у него нет.

В 1715 г. А. И. Манкеев, вдохновленный победами над шведами, по собственной инициативе написал сочинение, известное под названием: «Ядро российской истории» (оно увидело свет только в 1770 г.)³². III глава IV книги была посвящена эпохе Ивана Грозного. Автор упоминает о нападении России на орден, трактуя его причины как наказание за отказ платить дань. Рассказывается о боевых действиях первых лет войны, вмешательстве в конфликт Польши, Швеции и Дании, Люблинской унии 1569 г., походе Ивана IV в Прибалтику 1577 г., контрнаступлении Стефана Батория, взятии им Полоцка и Великих Лук³³. На этом описание заканчивается. В конце повествования Манкеев говорит, что пока царь Иван «Польскою и Лифлянскою войною занят был», на Русь напали татары, которые и являлись тогда главным врагом³⁴. Данное сочинение знаменательно тем, что Манкеев вторым в русской историографии (после А. М. Курбского) назвал войну «Польской и Лифлянской», хотя непонятно, как он определял ее хронологические рамки, относил ли он к данному определению все боевые действия в Прибалтике с 1558 г. или же у него под этот оборот попадали лишь последние описанные им события — поход 1577 г. и наступление Стефана Батория, освещенное лишь частично (нет осады Пскова). К тому же в силу поздней публикации на историографию XVIII в. единичное употребление этого термина в труде Манкеева никакого влияния оказать не могло.

А. Н. Насонов упоминает также летопись Г. Скорнякова-Писарева, которому в 1722 г. Петр велел сочинить «книгу летописец». В ней помещен пересказ более ранних сводов о борьбе за Прибалтику. Ничего нового это сочинение не сообщает³⁵.

²⁹ Там же. Л. 99–99 об.

³⁰ Там же. Л. 99 об–111.

³¹ Там же. Л. 113.

³² *Пеитич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 103–108.

³³ *Манкеев А. И.* Ядро российской истории. М., 1770. С. 194–200.

³⁴ Ср. рукописный вариант: *Манкеев А. И.* Ядро Российской истории // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 270.

³⁵ *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 496–497; рукопись: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 358. Л. 948 об.–997.

Видимо, в петровскую эпоху возник так называемый «Летописец вкратце», автор которого сосредоточил свое внимание на южных событиях, в частности, на войне с Турцией 1569 г. Из событий Ливонской войны упоминаются только поход под Пайдую воеводы В. Г. Салтыкова и сражение на Великих Луках Ф. И. Лыкова с королем Стефаном³⁶.

Livonia recepta

В петровскую эпоху исторический дискурс перестал быть уделом кучки книжников-интеллектуалов и перешел в сферу публичного декларирования. Это произошло благодаря обретению им художественных форм. Если до этого он имел в основном нарративную форму выражения, то теперь исторические образы, тесно переплетаясь с литературными и мифологическими, проникли в публичные церемониалы, про-

изведения искусства, публичную литературу и изобразительный ряд. Отдельное место здесь занимают медали — именно при Петре I был выпущен целый ряд медалей на знаменательные события. Как в них отразились борьба за Прибалтику и историческая память о ней?

Медаль на взятие
Шлиссельбурга в 1702 г.

Первым следует упомянуть изделие аугсбургского медальера Ф. Г. Мюллера на взятие русскими войсками Шлиссельбурга в 1702 г. В надписи на медали подчеркнуто, что он возвращен от неприятеля спустя 90 лет. Перед нами память исключительно о шведском периоде истории древней русской крепости Орешек. Более ранние страницы его истории не востребованы. На медали изображен на первом плане лежащий Нептун с трезубцем в одной руке и ключом в другой. За ним виден город, подвергаемый артиллерийскому обстрелу. На ободке помещена латинская надпись, которая переводится: «Врата отвращаются перед воином, когда смрад трупов поражает ужасом»³⁷.

Сугубо античная символика присутствует на медали в честь создания Балтийского флота. На ней изображен Нептун с трезубцем, едущий в раковине, влекомой двумя морскими конями. На медали две латинские надписи (приводим в переводе): «Финляндия! Се трезубец!» и «Плавание по Балтийскому морю безопасно»³⁸.

На медали на завоевание Лифляндии работы Х. Вермута размещена надпись: «*Livonia recepta*» («Ливония возвращена»), то есть она рассматривалась как некогда русская, но утраченная территория. Остается открытым вопрос: видели здесь петровские идеологи прибалтийские владения древнерусского князя Ярослава или же Русскую Ливонию Ивана Грозного? Возможно, не имелось в виду ничего конкретного, а просто проявлялся дискурс любой российской войны как войны освободительной и оборонительной, о котором мы уже говорили. На медали изображены какие-то абстрактные трофеи, рядом с ними сидят в горестных позах две нагие фигуры, у их ног — сухие пни. Пень являлся символом утраченных надежд, прошедшего времени.

Что касается медалей на взятие отдельных ливонских городов — Риги, Ревеля, Дерпта, Дюнамюнде, Пернова (Пярну), Аренсбурга, а также Выборга, то в них выра-

³⁶ О нем см.: *Пейтшич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 86–87; текст: ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.912. Л. 232, 233.

³⁷ Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1840. С. 6–7. Изображение медали № 19.

³⁸ Там же. С. 8. Изображение медали № 26.

Медаль на покорение Ливонии. В обрезе дата:
1704 г. Медальер Х. Вермут.

Медаль в честь
Балтийского флота.

жены две основные идеи: насильственное присоединение, покорение, взятие силой и мощью русского оружия («Ревель сдался превозмогшей силе Петровой») и возврат земель, некогда принадлежавших России («После довольной борьбы Рига возвращается России»)³⁹. Здесь мы видим стереотипные и узнаваемые дискурсы, в которых сложно усмотреть непосредственное влияние исторической памяти о Ливонской войне.

На берегу пустынных волн. Худ. Л. Ф. Лагорио, 1897 г.

³⁹ Там же. С. 8–14. Изображения медалей № 30–32, 48, 50–55.

Глава IX

СОЧИНЕНИЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ ИСТОРИОГРАФАМИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – XXI в.

Летописные компиляции XVIII в. о русских войнах XVI в.

Основным источником сведений по русской истории в XVIII в., вплоть до его последней трети, оставались летописи, которые неоднократно переписывались, редактировались, а также досочинялись. При этом было велико уважение к авторитетным историческим трудам: например, в 1754 г. курский помещик И. П. Анненков «для удовлетворения своих исторических интересов» приказал переписать Степенную книгу¹.

Летописные сочинения XVIII в. представляли собой сокращенные выборки из более ранних сводов. Достоверных оригинальных сведений в них мало, зато много творческих переработок и интерпретаций. Например, в кратком летописчике (начинающемся со слов: «История от родословия Адамле») второй половины XVIII в. в соответствии с чаяниями времени сказано, что Иван IV завоевал Казанское и Астраханское царства и саму Золотую Орду, а у шведов (sic!) в Ливонии отнял 27 городов!²

Не ранее конца XVII в. возник так называемый Морозовский летописец, известный в единственном списке (возможно, в оригинале) 1750–1760-х гг. Он принадлежал московским купцам Ивану и Михаилу Морозовым³. Памятник примечателен тем, что к нему неоднократно обращался Н. М. Карамзин в ходе написания своей знаменитой «Истории государства Российского»⁴. И именно в Морозовском летописце мы впервые в российской историографии встречаем развернутую историю Ливонской войны, охватывающую весь ее период, с упоминанием многих важнейших событий, ставших, начиная с Н. М. Карамзина, опорными элементами концепции истории правления Ивана IV и Ливонской войны.

Рассказ об истории царствования Ивана Грозного занимает в Морозовском летописце 17 листов⁵. Он довольно подробный, с указанием на внутренние реформы,

¹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 13.

² ОР РНБ. Основное собр. № Q.XVII.22. Л. 47.

³ Солодкин Я. Г. Летописец Морозовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 248–250.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 8. Примеч. 288; Т. 9. Примеч. 3, 95, 1–4, 137, 328, 610, 617; Т. 10. Примеч. 4, 9, 13, 60, 148, 195, 221, 232, 233, 235, 244, 366, 376, 385; Т. 11. Примеч. 305, 351, 362, 403, 410, 411, 438, 565.

⁵ ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.228. Л. 57–74.

что вообще-то нехарактерно для русского летописания. Рассказ о войне в Ливонии начинается с повествования о строительстве Иваном Вырковым (правильно Выродковым. — А. Ф.) Ивангорода «на рубежи с немцы» «на устье Неровы реки, у моря для пристанища корабельного». Тут отождествлена «корабельная пристань» 1557 г. и крепость, основанная Иваном III в 1492 г. Обращает на себя внимание тема моря, на которой сразу же делается акцент в повествовании.

Далее автор летописца описывает победоносные походы в Ливонию в 1558 г. и 1561/62 г. (под последним также ошибочно помещено известие об измене и бегстве князя А. М. Курбского, причем указано, что «и иные многие с ним поехали»). При этом приводятся перечни городов, занятых русскими войсками, названия нередко искажаются. Причиной новгородского опричного погрома названо: «А громил государь царь новгородцев и пскович за измену великую, что новгородцы и псковичи хотели здати Новъград и Псков с пригородки своими королю литовскому».

Затем рассказывается о посольстве Ивана IV к цесарю Максимилиану, причем автор Морозовского летописца развивает сюжет, восходящий к Патриаршему своду 1652 г. В «Римское государство» был послан З. И. Угорский (в рукописи — Югорский), «вопросити о титулах и коим обычаем которого которым королем и царем пишет». Дипломатов принимал 110-летний Максимилиан. Посол рассказал ему о взятии русскими войсками Пайды — немцы государя не встретили, челом не ударили, он обиделся и для предупреждения послал под Пайду «легких людей», а по ним со стен ударили из пушек. Тогда Грозный разозлился всерьез и сжег город, и взял другие города. Цесарь хвалит Ивана IV (sic!), сравнивает его с Александром Македонским и предсказывает, что будет на Руси смятение великое, лет 15, а потом благоденствие, слава и расширение державы (здесь очевиден намек на Смуту и на благополучие страны при Романовых).

После этого в Морозовском летописце описано посольство к цесарю Ждана Ивановича Квашнина, который доложил, что Иван Грозный взял в Ливонии 27 городов, «а встреча ему нигде не была» (ниже помещен их неполный перечень с неточностями в названиях). Максимилиан за это вознес хвалу Богу (sic!),

«...при отпусе же послов государевых римский цесарь прирече им и сие, которая города ныне иманы немецкия, и те вам будут недолговечны, а впредь они паки достанутца назад, да и скончаются за вашим же царем, да не токмо города их, и вся земля их будет за ним».

Здесь уже очевидны реминисценции петровской эпохи.

Под 7089 (1580/81) г. помещена статья «О взятии русских градов», где сообщается, что Стефан Баторий «чрез крестное целование» взял Полоцк, все ливонские города, а Иван IV «против того» взял у литовцев Великие Луки (sic!) и иные города. Одновременно «немецкие люди» взяли изгоном Ругодив.

Дальше автор Морозовского летописца развивает критические идеи о конце Ливонской войны, заложенные в Повести Катырева-Ростовского:

«И разгневаясь на ня Бог, попусти на Руское государство краля Полскаго, имя ему Стефан, прозванный Обатур, и пришед со множеством воинства, и поплени многия окрестныя грады Московскаго государства, и царствующий град Псков на много время обложи обозами, и уклони мысль свою на христианское убийение, и простре десницу свою на несытое грабление. И сего же государь царь и великий князь Иоанн Васильевич устращися зело и крепостию мышцы своея ослабе, и избранным своим ополчением невозможе стояти, множества ради неправд своих перед Богом, и посылает к нему под царствующий град Псков послов своих со умолением, дабы ярость гнева своего прекратил, дал бы державе его покой и тишину, и сего ради царь Иоанн Васильевич уступил ему многотрудныя своя победы, Ливонскую землю, юже плени в мале пред теми деньми. И вдав

ю в десницу королеви, мирнаго ради постановления. И король полский послов от государя царя и великого князя Иоанна Васильевича принял честно, и время подал богоутишно, и от царствующаго града Пскова отступи, и мирное постановление на двадесять лет утверди»⁶.

Иван Грозный не исправился, продолжал тиранствовать, устроил на Москве великие казни, и в качестве Божьего наказания у него погиб сын Иван.

Источником сведений Морозовского летописца, видимо, был Хронограф, Повесть Катырева-Ростовского (с ней совпадает концепция опричины и «псковской осады»), летопись, сходная с Пинежским летописцем (с ней сходно описание посольств к Максимилиану) и другие источники. Обращает на себя внимание осуждение Грозного за окончание Ливонской войны, что он отдал Баторию с таким трудом завоеванные земли (сбылось пророчество Максимилиана!).

Возможно, именно из-за такой оценки Иван IV и не стал в дискурсе завоевания Прибалтики официальным предшественником Петра: ведь он сдал все свои завоевания, и Петру I пришлось их делать вновь. Если это верно, то понятно невнимание к Ливонской войне в исторической мысли того времени: она была неудачной, особенно на фоне деяний Петра, и ее история могла служить лишь в назидание потомкам, как не надо вести себя государю. Это — очевидные новшества, появившиеся в оценках ливонской кампании Ивана IV в XVIII в.

Летописная компиляция «Сокращение повестей, иже на потопе», созданная на основе Лицевого свода и Степенной книги, следует тексту СК до описания взятия Феллина и пленения ливонского магистра. Затем в сочинение включена легенда о пророчестве Максимилиана о «невечных» ливонских градах. Этим информация о Ливонской войне исчерпывается⁷.

Практически полный последовательный перечень главных событий Ливонской войны содержится и в другом летописном памятнике XVIII в. — компиляции из Новгородской Уваровской и Новгородской Забелинской летописей. Составление Новгородской Уваровской летописи ученые относят к концу XVI — началу XVII в. (возможно, вскоре после 1606 г., так как до этой даты в тексте идет непрерывная цепь известий, а затем следуют краткие отрывочные сообщения, добавленные поздними редакторами и переписчиками)⁸. Новгородская Забелинская летопись была составлена, по С. А. Азбелеву, около 1681 г., с использованием текстов, лежащих в основе Новгородской Уваровской⁹. Компиляция же возникла, по всей видимости, во второй половине XVIII в.¹⁰ В ней содержатся известия о событиях Ливонской войны, зачастую не очень точные, начиная с основания Невеля на литовском рубеже в 1556 г., январского похода Шигаляя 1558 г. и заканчивая осадой Пскова в 1581 г. и описанием захвата шведами Корелы, Нарвы, Ивангорода, Копорья, осады Орешка. Стоит отметить осуждение, которое вслед за

⁶ ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.228. Л. 73 об.—74. — На полях напротив этого текста приписка: «В лето 7099 король литовский Стефан Обатур поиде под Псков град со многими воинствы и с нарядом, и много времени стоял под Псковым, и ничто же ему не сотвори». Таким образом, автору Морозовского летописца были известны разные версии Псковской осады, которые он и пытался объединить в едином повествовании.

⁷ О нем см.: *Пейтич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 217; текст: ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.234. Л. 323 об.—327 об.

⁸ *Азбелев С. Н.* 1) Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270–287; 2) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 11–32, 138–147, 257–261; текст: ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1403.

⁹ *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. С. 71–76, 202–221; текст летописи см.: ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 417, 418; Собр. П. П. Вяземского. № Q.241. Л. 65–422 об.

¹⁰ *Яковлев В. В.* Летопись Новгородская Уваровская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 293.

Пинежским и Морозовским летописцами автор компиляции выражает в отношении Ивана IV, который ради мира отдал королю все свои завоевания в Прибалтике¹¹.

В конце XVIII в. в составленном в Устюге летописце Льва Вологодина среди похвальных деяний Ивана IV упоминается взятие Казани, Астрахани, Нарвы, Юрьева, Полоцка. Примечательно, что под 1582 г. автор, видимо, спутав события, поместил победоносный поход царя Федора Ивановича в Ливонию, в котором были отбиты Ивангород, Ям и Копорье¹². Здесь вновь обращает на себя внимание изображение русско-шведской войны 1589–1590 гг. как логического завершения борьбы за раздел Прибалтики в XVI в.

«Последним летописцем» иногда называют В. Н. Татищева. Но если разделы его «Истории», посвященные Древней Руси, вызывают большие споры и представляют собой особую ценность и как источник, и как памятник историографии¹³, то части, посвященные XVI в., для историков малоинтересны. Они представляют собой краткий конспект общеизвестных летописных сведений. Сообщения Тагищева о Ливонской войне (в основном соответствующие официальной летописи) охватывают часть 1558 г., заканчивая событиями, последовавшими вскоре после взятия Нарвы. Далее под 1563 г. следует небольшое сообщение о взятии Полоцка, под 1572 г. помещено краткое известие о взятии Пайды, под 1577 г. — оборванный рассказ о походе в Прибалтику и взятии Кукойноса, Вендена, Вольмара и т. д.¹⁴ Никаких интригующих историков «оригинальных сведений» и уникальных известий применительно к ливонскому сюжету у Татищева нет.

Кстати, это скорее говорит в пользу «скептиков»: казалось бы, что, наоборот, в более поздних эпохах информативность летописей возрастает, и больше шансов, что в распоряжении Татищева окажутся летописные своды с уникальной информацией. Однако же мы видим прямо противоположную картину: множество оригинальных известий присутствует в древней части (которую Тагищев тщательно редактировал, а по мнению А. П. Толочко, в ходе этого редактирования «досочинял») и — примитивный пересказ скучных общеизвестных фактов в последней, не подвергавшейся «редакторской работе».

В целом летописи XVIII в. не стали этапом в развитии концепции Ливонской войны. Их роль заключается в том, что за два столетия произошел отбор востребованной информации об этой войне, и она стала складываться в определенные схемы. Повышается оценочность повествования, причем больше вердиктов, осуждающих политику Ивана Грозного. В основном царя критикуют за неудачливость, за отсутствие побед, а также — за жестокости в отношениях с подданными.

М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин — создатели Ливонской войны

Концептуализация Ливонской войны в единую, цельную кампанию произошла на фоне присоединения земель Речи Посполитой, трех разделов Польши, возникновения западных губерний империи. В какой мере этот фон оказал влияние на оформление этого концепта?

Главную роль в историографии со второй половины XVIII в. играли уже не рукописные летописцы, а печатные исторические труды. Хотя следует заметить, что они по структуре во многом следовали летописной традиции и представляли собой переработанные русские хроники. Авторы нередко придерживались даже летописной терминологии. Как пример можно привести «Подробную летопись от начала России» И. Н. Болтина¹⁵.

¹¹ ОР РНБ. Основное собр. № F.IV.857. Л. 268–274 об.

¹² ПСРЛ. Т. 37. С. 137.

¹³ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., Киев, 2005.

¹⁴ Татищев В. Н. История российская. М., 2005. Т. 3. С. 701–715.

¹⁵ Обзор литературы о нем см.: Пеутич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3. С. 49–76.

Автор приводит стандартное для летописцев объяснение причин нападения на Ливонию: неплатеж дани, обиды, чинимые русским купцам и т. д. По Болтину, на войну Ивана IV подвигла уверенность в своих силах после блистательного взятия Казани и Астрахани: «Царь Иоанн Васильевич, видя свое благополучное счастье, умысли оружие свое на Запад обратити...». Стоит заметить, что неверное прочтение летописных текстов в сочинении Болтина иной раз рождало забавные курьезы: так, татарский царь Шигалей им назван «Петром Сисегалердии, славным морским разбойником, бывшем при Понте Евксинском».

Историк описывает раздел Ливонии между Швецией, Польшей и Данией, боевые действия и дипломатические переговоры с 1558 по 1582 г., в одном месте от имени польского и шведского королей называет конфликт «Российской войной»¹⁶. Как и в летописях, в сочинении Болтина невозможно установить, считал ли он эти события (рассказанные вперемешку с другими) единой войной или же просто по хронологии излагал известные ему факты, не пытаясь их сложить в единую картину.

Одним из первых исторических сочинений, где при сохранении хроникообразной структуры сведения, содержащиеся в летописях, не просто воспроизводились с той или иной степенью точности, но дополнялись другими материалами и комментариями автора, была «История российская от древнейших времен» князя М. М. Щербатова¹⁷. Она начала издаваться в 1770 г., вышло 7 томов в 15 книгах.

Труд Щербатова имел для развития историографии Ливонской войны большое значение. Прежде всего в нем был, правда всего один раз, употреблен термин «Лифлянская война» как обозначение боевых действий с 1558 по 1582 гг.¹⁸ Но главное, что само построение труда Щербатова обосновывало и подтверждало эту датировку. Князь предлагал понимать события 1558–1582 гг. как звенья одной цепи, последовательные эпизоды борьбы за Прибалтику, являющиеся частями единого исторического процесса. При этом факты излагались весьма подробно, с привлечением посольских документов и записок иностранцев. Общая оценка итогов войны была критической: заключенный мир был следствием «робости и слабости» Ивана IV, потому что он потерял слишком мало русских городов и вполне мог бы продолжать воевать. «Но, кажется, такое было состояние сего государя, что горд и страшен врагам при благополучных успехах, во время нещастия твердости не имел», — сетует князь-историк. Хотя после этого, не очень последовательно, он называет Ям-Запольское перемирие полезным для России, потому что «лучше некоторые выгоды в войне потерять, а тем сохранить состояние своих подданных, нежели разорением страны своея и доведением в крайность подданных наибольшаго завоевания сделать и пустою славою величаться»¹⁹.

Подробное описание Ливонской войны в работе Щербатова было сделано впервые, и его по праву можно называть первым историком Ливонской войны в Новое время. Однако стоит отметить, что «История...» Щербатова в конце XVIII – начале XIX в. не получила значительного научного и общественного резонанса. Она издавалась почти 20 лет, с 1770 по 1790 г., интересующие нас тома вышли в 1786–1789 гг.²⁰ Оказаться существенного влияния на историческую мысль конца XVIII в. она не смогла и имела хождение в ограниченном кругу лиц.

¹⁶ Болтин И. Н. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1799. Ч. 3. С. 1–74.

¹⁷ Обзор литературы о нем см.: Пеутич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 3. С. 5–48.

¹⁸ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1903. Т. V. Ч. II, III, IV. Стб. 830.

¹⁹ Там же. Стб. 654, 655, 705.

²⁰ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. V. Ч. I; СПб., 1789. Т. V. Ч. II; СПб., 1789. Т. V. Ч. III.

Решающее влияние на русскую историографию Нового времени, в том числе и по вопросу о Ливонской войне, оказал труд автора, который, по известному выражению, открыл русскому обществу его историю, как Колумб Америку — «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Источником образа Ивана Грозного в литературе и общественном сознании XIX в. были именно сочинения Карамзина — по образному выражению Дж. Брукса, для популярных писателей Карамзин выступал их гидом²¹.

Н. М. Карамзин. Худ. Г. Гиппиус.

«Придворный историограф» и явился создателем той концепции Ливонской войны, которая на долгие годы с небольшими изменениями утвердилась в научной и учебной литературе. Карамзин привлек как данные летописей, так и посольские и, главное, иностранные материалы, чем, видимо, и обусловлено появление в «Истории государства Российского» целого ряда дискурсов: о Ливонской войне как войне за прорыв к Балтийскому морю, о том, что Иван IV якобы уже с 1554 г. стал писаться в титуле «государем Ливонской земли» (ошибка, порожденная неверной датой в публикации грамоты с титулом Грозного Гаклюйтом)²², о том, что война была вызвана торговой и культурной блокадой Западом Российского государства²³. Карамзин приписал Ивану Грозному крылатую фразу: «Я не папа и не император, которые не умеют

защитить своих храмов», и утверждал, что защита православия была также одним из побудительных мотивов вторжения в Ливонию.

Как и Щербатов, Карамзин осудил Грозного за прекращение войны и бездарный мир:

«Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными — имея сверх того многочисленныя воинства полевые, готовые устремиться на битву! Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленнейшего потомства, для всех народов и Властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвыи силы и в Государе и в Государстве! Не изменились Россияне, но Царь изменил им! ... Так кончилась война трехлетняя (имеется в виду наступление Батория в 1578–1581 гг. — А. Ф.), не столь кровопролитная, сколь несчастная для России, менее славная для Батория, чем постыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который, с неутомимым усилием домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою — воевав 24 года непрерывно, чтобы медленно,

²¹ Brooks J. From folklore to popular literature: A Changing view of the autocrat and the empire // Russian History = Russe Histoire. 1987. Vol. 14. Nr. 1. P. 37–46.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 8. С. 260; Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны... С. 33.

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 8. С. 257–258.

шаг за шагом двигаться к цели — изгубив столько людей и достоинства — пове-
левая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову, вдруг все
отдал — и славу и пользу»²⁴.

Тем самым Карамзиным Ливонская война была вписана в широкий геополити-
ческий и исторический контекст: она была обозначена как элемент стратегического
продвижения России в Прибалтику, и в этом-то продвижении и был главный смысл
всей кампании, ее значение для отечественной истории. Именно этот дискурс и стал
основой трактовки Ливонской войны в российской послекарамзинской историографии
Нового и Новейшего времени.

Взгляды Щербатова — Карамзина стали проникать в учебную и популярную лите-
ратуру с конца XVIII в. В 1797 г. было издано пособие учителя Смоленского главного
народного училища Н. Ефремова. Борьбу Ивана Грозного за Прибалтику он называет
«делами Лифляндскими», и хотя сам термин «Ливонская война» у него отсутствует,
рамки этой борьбы он понимает как 1558 г. (начало) и 1582 г. (конец)²⁵. Один из пер-
вых известных нам петербургских учебников, изданный в 1799 г., излагает события
конфликта с 1558 по 1582 г. Причем термина «Ливонская война» нет, но повествование
построено таким образом, что перемирие 1582 г. как бы подводит итоги борьбы за При-
балтику, начавшейся в 1558 г.²⁶ Таким образом, необходимая для учебных программ
схематизация и спрямление линий исторического развития уже в конце XVIII в. при-
вела к возникновению близкой к современной концепции Ливонской войны.

Впрочем, утверждение идей Щербатова и Карамзина происходило не быстро —
в литературе рубежа XVIII–XIX вв. можно встретить забавные ошибки, порожденные
конъюнктурой времени. Так, например, автор «Нового Синописа» П. Захарьин²⁷
утверждал, что война за Прибалтику на самом деле велась Иваном IV главным об-
разом со Швецией, а в нее по своей инициативе позже вступались Ливония и Польша,
а также изменники-новгородцы, замыслившие предаться полякам. Когда к этим агрес-
сорам присоединились еще и турки и татары, Грозный был вынужден подписать мир
с Польшей на невыгодных для России условиях.

Ливонская война как путь к Русской Прибалтике: концептуализация Ливонской войны в исторической мысли Российской империи

В заключительном параграфе настоящей главы мы не будем приводить подробного
обзора отечественной историографии Ливонской войны, но остановимся на дискурсах,
в контексте которых происходила концептуализация данной темы.

Благодаря трудам А. Ф. Гильфердинга²⁸ и особенно С. А. Геденова²⁹ в середине
XIX в. в российском общественном сознании стал формироваться дискурс Балтики как
исконной славянской ойкумены. Славяне издревле жили здесь, пока их не истребили
германцы. Противостояние России и Германии на балтийской арене — вековечное.
В этом контексте тезис о возвращении русских на Балтику и вытеснении с нее герман-

²⁴ Там же. СПб., 1821. Т. IX. С. 349.

²⁵ Ефремов Н. История Российского государства. Смоленск, 1797. С. 88–107.

²⁶ Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. С. 124–127.

²⁷ Захарьин П. Новый Синопис, или краткое описание о происхождении славенороссийского народа. Николаев, 1798. С. 306–307.

²⁸ Гильфердинг А. Ф. Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861 / Изд. Н. Калачев. СПб., 1862. Кн. 3. С. 1–124.

²⁹ Геденов С. А. Варяги и Русь: В 2-х ч. 2-е изд. М., 2004. — Первое издание вышло в 1876 г.

цев приобретал особый оттенок борьбы за восстановление исторической справедливости. В обществе становится популярной идея «Русской Прибалтики». Как показано К. Брюггеманном, имперские идеологи выдвигали три аргумента: *стратегический* (владение Прибалтикой необходимо для защиты страны, реализации ее геополитических интересов), *географический* (типологически территории России и Прибалтики одинаковы, между ними нет естественных рубежей) и *историко-культурный* (исконный православный характер края при его насильственной католицизации захватчиками-немцами)³⁰. Последний тезис опирался на массовое переkreщивание лютеран — эстонцев и латышей — в православие³¹.

Жившие в Остзейском крае русские историки в XIX в. создали свою школу по обоснованию исторической неизбежности вхождения Прибалтики в состав России. Например, по словам Е. В. Чешихина (1884):

«Тут, на этом небольшом сравнительно клочке русской государственной области, столкнулся мир германский — немцы, шведы, датчане — с миром славянским, русскими и поляками, тут из-за вопроса, кому владеть гаванями восточного побережья Балтийского моря, разыгралась драма, прологом к которой послужило появление в ливских землях католического монаха, и эпилог которой закончен русскими государями Петром I и Екатериною II, сделавшими, наконец, Ливонию тем, чем сулили быть этой стране ее географические условия, то есть нераздельной частью Российской империи... один взгляд на карту Прибалтийских губерний показывает, что край этот есть не что иное, как продолжение к Балтийскому морю огромной равнины, составляющей русскую государственную область и простирающуюся от Белого моря к Черному и от Балтийского к Уралу и Каспию... равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними, отсюда понятно также, что ливонские земли рано или поздно, так или иначе, но должны были войти в состав русского государства, ибо не в силах человека изменить природные условия страны и ход событий в ней, создаваемых этими условиями и совершавшихся сообразно им»³².

Наиболее ярко подобная точка зрения была представлена в трудах Ю. Ф. Самарина в его «Письмах из Риги»³³ (К. Брюггеманн вообще называет его «основоположником дискурса о русской Прибалтике»). По словам публициста, Балтийское Поморье с XII в. «тянуло» к русским княжествам, «России предначертано было вести за собою балтийский край к просвещению гражданскому и церковному», но «немцы отняли у русских Балтийский край». Тогда:

«На истощенную и, по свидетельствам всех летописателей немецких, до костей развращенную Ливонию поднимается царь Иоанн IV-ый. Она покупает постыдным обещанием право прожить в роскоши и наслаждениях еще несколько лет, этот срок проходит в бездействии, и грозный царь насыляет на нее кучу татар».

³⁰ Брюггеманн К. Упущенный шанс Ивана Грозного? Ливонская война в контексте исторической легитимизации российской власти над Эстонией и Латвией // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2012. С. 382–383.

³¹ Ср.: [Филарет, митрополит] Откуда коренные жители Лифляндии первоначально получили христианство, с востока или запада? // Москвитянин. 1843. Ч. 4. № 7. С. 85–102.

³² Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884. С. 1, 3.

³³ Самарин считается основоположником русско-балтийской историографии (*Thaden E. Jurij Fedorovich Samarin and Baltic History // Journal of Baltic Studies*. 1986. Vol. 17. Nr. 4. P. 321–328; *Розенберг Т. Русско-балтийская историография во 2-ой половине XIX – начале XX века // Русские в Эстонии на пороге XXI века: Прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей / Сост. В. Байков, Н. Бассель. Таллинн, 2000. С. 140).*

Поскольку край «не мог извлечь и выработать в себе государственного начала из самого себя, оно должно было проникнуть в него извне». Очень соблазнительно увидеть в этих словах подсознательный славянофильский исторический реванш за «норманнскую теорию»: теперь уже русские несут государственное начало не умеющим организовать и погрязшим в разврате немцам XVI в., хотя прямо таких слов у Самарина нет. Однако он обращается к истории Ливонской войны для иллюстрации своей главной идеи: прибалтийские земли исторически принадлежат России, а подчинение их другим нациям и державам — «очевидная случайность»³⁴.

Публикациям немецких прибалтийских ученых (К. Ширрена, К. Напьерского, Л. Арбузова и др.) российские историки противопоставили собранный Е. В. Чешихиным четырехтомный «Прибалтийский сборник» (1876–1883), где впервые на русском языке были опубликованы переводы Хроник Рюссова, Ниенштедта и другие памятники истории XVI–XVIII вв. В 1884 г. увидела свет «Краткая история прибалтийского края», пособие для балтийских школ, излагавшее официальную имперскую концепцию истории Эстляндии, Лифляндии и Курляндии.

В связи с 200-летием присоединения Прибалтики к России в начале XX в. выходит ряд сочинений популярного и пропагандистского характера, некоторые даже на местных национальных языках. По определению Т. Розенберга (в его статье см. обзор данных произведений):

«Основной упор... делался не столько на обосновании “исконных русских прав” на здешние земли, хотя о них и говорилось часто даже словами Чешихина, сколько на превознесении принесенного Россией в эти края мирного времени. Его противопоставляли прежним временам, которые были полны тяжелых испытаний и кровавых войн. При этом как бы забывалось, что основным участником этих войн была Россия»³⁵.

В силу этого Ливонской войне уделялось мало внимания, и она упоминалась вскользь. Основной упор в исторической части этих произведений делался на петровское время. Иван Грозный воспринимался, как показано К. Брюггеманном, как «прототип Петра»³⁶, как гениальный прозорливец, предвосхитивший идею построения великой Российской империи через ее продвижение к Балтийскому морю.

Высказывания русских прибалтийских историков рифмовались с официальной имперской историографией. Так, желание Ивана Грозного выйти к Балтийскому морю считал причиной войны основатель классической исторической науки в России — С. М. Соловьев. Он придерживался тезиса, что нападение России на Ливонский орден было средством достижения более тесных культурных и торговых контактов с Западом. По словам Соловьева, «при сильной потребности иметь непосредственное сообщение с Западною Европою, иметь гавани на Балтийском море взоры московского царя необходимо обращались на Ливонию, добычу легкую по ее внутреннему бессилию»³⁷. Сходных взглядов придерживались С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский, автор первой специальной монографии о Ливонской войне Н. И. Костомаров...³⁸ Эта концепция стала парадигмальной при обращении к истории империи и Прибалтики.

Начавшаяся Первая мировая война окончательно утвердила идеологическую парадигму о Германии как давнем исконном враге России: «Кровавый, грозный натиск, обрушившийся в наши дни со стороны Германии на славянство, накоплял свою силу,

³⁴ Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1889. Т. 7: Письма из Риги и история Риги. С. 4, 10–12.

³⁵ Розенберг Т. Русско-балтийская историография... С. 143.

³⁶ Брюггеманн К. Упущенный шанс Ивана Грозного... С. 384.

³⁷ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III. Т. 6. С. 481, 483.

³⁸ Костомаров Н. И. Ливонская война // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1880. Т. III. С. 45–181.

зрел многие столетия». Поле битвы русских и немцев была Прибалтика, за которую они боролись с 1219 по 1560 г. В пропагандистской литературе падение Ливонского ордена теперь расценивалось как величайший триумф России:

«28 ноября 1561 г. является яркой датой в истории русско-немецкой кровавой борьбы. Ею заканчивается первый период систематического грандиозного напора германизма на славянство. Этот период венчался победой русской стороны, и за то — великая хвала и слава царю Иоанну Васильевичу!»³⁹

Ливонская война как место памяти русской истории: иконопись

В XVIII в. получила развитие мемориализация исторической памяти в вещественных символах и мемориальных комплексах, виртуальных и материальных. Прежде всего это выразилось в иконописи, как появлении новых икон, связывавшихся в сознании прихожан с героическими событиями прошлого, так и в поновлении списков старых.

Как характерный пример этого процесса можно упомянуть создание культа иконы Елецкой Божьей Матери. Чудесное избавление Руси от нашествия Тимура-Тамерлана в 1395 г. изначально (в «Повести о Темир-аксаке» начала XV в.) связывалось с иконой Владимирской Божьей Матери⁴⁰. Однако в XVIII в. в Ельце появилась новая икона Божьей Матери, называемая «Елецкая» и ставшая одной из самых почитаемых святынь Елецкой земли. Она появилась в Ельце в 1737 г. Считается, что ее принесли из Москвы клирики храма св. Николая Чудотворца в елецкой Аргамаченской слободе — священник Иоасаф Никифоров, дьякон Иоанн и дьячок Алексей. На ней была изображена «стоящая на облаках Царица Небесная с распростертыми руками, окруженная небесным воинством и со всеми святыми, идущая по воздуху на устрашение Тамерлана, который стоял лагерем на Аргамач-горе. В нижней части иконы было изображено воинство Тамерлана и его шатер»⁴¹.

Таким образом, чудо избавления Руси от Тамерлана в XIV–XVII вв. связывалось с одной иконой, а с XVIII в. — уже с двумя (центральный культ и местный культ). Это было связано с потребностью в развитии региональной исторической памяти, обретением Ельцом собственной истории, символически воплощенной в собственной чудотворной иконе, размещенной в Рождественской церкви в слободе Аргамач (той самой, где по преданию, в 1395 г. находилась ставка Тимура-Тамерлана).

Примерно те же процессы реанимации и развития собственной исторической и культурной памяти в XVIII в. происходят во Пскове. Это выразилось в появлении новых списков иконы «Богородица Псково-Покровская» из церкви Богоявления в Запсковье и в Успенском соборе Московского Кремля. Последний в 1740 г. по приказу императрицы Анны Иоанновны, хорошо знавшей и любившей святыни Пскова, был обложен золотым окладом и украшен алмазами (в честь победы в русско-турецкой войне 1736–1740 гг.)⁴².

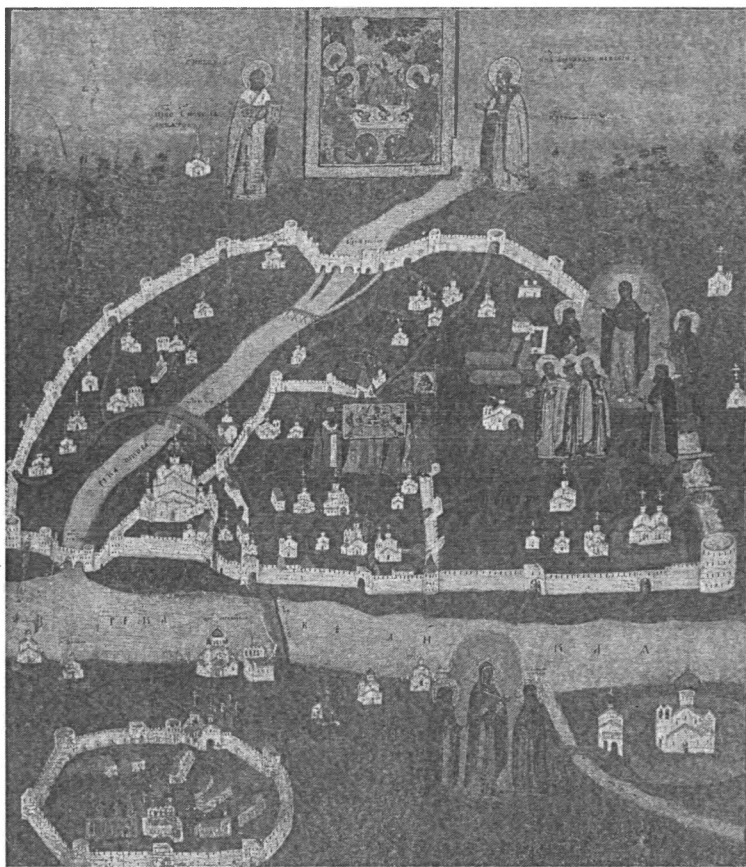
³⁹ История русских войн: Приложение к журналу «Русский паломник» за 1915 г. Вып. 3. Пг., 1915. С. 133, 168.

⁴⁰ *Гребенюк В. П.* 1) «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). М., 1971. С. 181–206; 2) Лицевое «Сказание об иконе Владимирской богородицы» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 1. М., 1972. С. 338–362; *Жучкова И. Л.* «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV–XVI вв. (редакция Б) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 97–109; Повесть о Темир-Аксаке // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. С. 283–287.

⁴¹ *Назаров Е. И.* История церкви во имя Елецкой иконы Божией Матери в г. Ельце Орловской губ., сооружаемой в память чудесного избавления России от нашествия Тамерлана. СПб., 1896; *Ридингер Н. А.* Материалы для истории и статистики г. Ельца. Елец, 1993. С. 105–106; *Горлов В. П., Новосельцев А. В.* Храм иконы Елецкой Божией Матери. Липецк, 1994.

⁴² *Ткачева Н.* Образ Пскова // Псковский летописец: Краеведческий альманах. 2010. Вып. 2. С. 103–104.

Эти иконы относятся к т. н. Покровскому изводу «Видения Дорофея». Второй извод, т. н. Печерский, получает развитие в конце XVII – начале XVIII в. (иконы «Видение старца Дорофея» и «Сретенье Богородицы» из Псково-Печерского монастыря). Наиболее известна из него так называемая «икона Жиглевича» второй половины XVIII в., написанная по заказу псковской купеческой гильдии для ратуши. Ее выставляли в торговых рядах возле лавки купца И. И. Жиглевича. Примечательно, что по сравнению с первоначальным текстом «Видения Дорофея», на иконе XVIII в. изображены предстоящие Троице (Палладиуму Пскова) Св. Николай и Александр Невский (о которых в «Видении...» не говорится)⁴³.

Явление Богородицы кузнецу Дорофею (Икона Жиглевича).

В 1784 г. была написана большая икона «Сретенье Богородицы» для часовни Владычного Креста, в которой также развивался сюжет «Видения Дорофея». В. В. Стасов в 1859 г. так описывал размещение иконы: часовня Владычного Креста одиноко «... стоит посреди поля... внутри часовня совершенно пустая, и лишь на стене, противоположной входной двери, помещен... огромный образ»⁴⁴.

Следует отметить постепенное угасание интереса к иконе: в 1910 г. настоятель Ново-Успенской церкви А. Ляпустин писал: «...некоторые стекла в окнах разбиты,

⁴³ Родникова И. Псковская икона XIII–XVI веков. СПб., 2007. С. 9; Ткачева Н. Образ Пскова. С. 108–109.

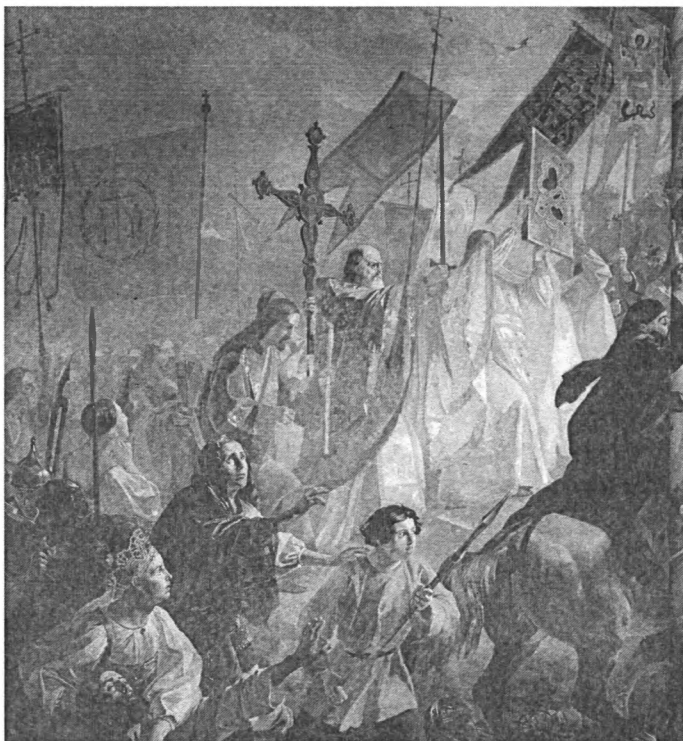
⁴⁴ Часовня Владычного Креста ныне утрачена, икона в самом деле была огромных размеров: 385×210 см.

а брошенные внутрь камни только по счастливой случайности не повредили св. иконы... кроме того, часовня вследствие отдаленности от города и своего положения в открытом поле по необходимости всегда закрыта»⁴⁵. По-видимому, это было связано с замещением к началу XX в. «мест памяти», маркированных иконами, памятниками живописи и монументального искусства.

Живопись

Летом 1836 г. для исполнения программы на звание профессора Академии Художеств живописец Карл Павлович Брюллов приехал во Псков для сбора впечатлений для написания эпического полотна на тему «Осада Пскова Стефаном Баторием в 1581 г.». Правда, Псков художника не вдохновил: он больше ходил по гостям, чем искал вдохновения в местных пейзажах (по выражению его спутника Ф. Г. Солнцева, «...почти ничего не сделал для своей картины, напачкал только карандашом воздух и с тем уехал в Петербург»).

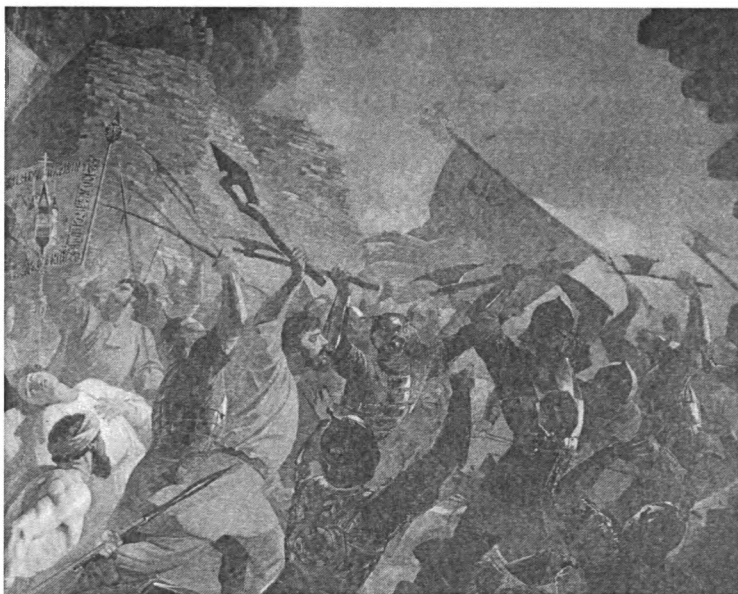
Образ осады Пскова Брюллов искал в «Истории...» Карамзина, но она ему не нравилась: «Здесь все цари, а народа нет». Прочитав историю Пскова Е. Болховитинова, будущий профессор Академии пришел в восторг и обнаружил то, что искал: крестный ход во время осады. Его он и изобразил на полотне, что вызвало резонные вопросы современников: это крестный ход, а где же осада Пскова? Брюллов смущался и говорил, что обязательно допишет на полотне осаду, но так и не собрался⁴⁶.

Фрагмент картины К. Брюллова «Осада Пскова». Крестный ход идет навстречу врагам.

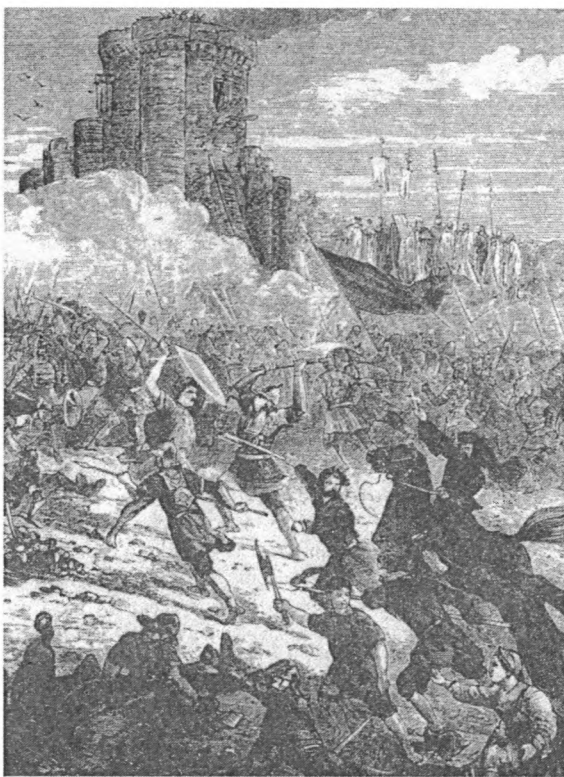
⁴⁵ Левин Н. Ф. В память о героической обороне // Псков — город воинской славы. Псков, 2010. С. 244–247.

⁴⁶ Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Март. Вып. 15. С. 625–628.

Фрагмент картины К. Брюллова «Осада Пскова». Рукопашная у крепостной башни.

Полотно Брюллова «Осада Пскова» считается незаконченным. Оно содержит набор художественных штампов: тут и слепая бабушка, благословляющая внука идти на врага, сын подбирает копье из рук отца, который тут же умирает от раны на руках у матери, женщины-псковитянки героически рвутся в бой, монах на лошади в самой гуще схватки грозит супостатам православным крестом. Картина выдержана в темных тонах, но в ее центральной части светлое пятно — это крестный ход, священники в белых одеждах выступают на врага. Самих баториевцев на картине практически не видно — они только угадываются в правом углу полотна в безликой темной силе, стонущей под воздетыми вверх русскими топорами и мечами. Наличие Пскова узнается только на стилизованной каменной башне на заднем плане картины, впрочем, абсолютно абстрактной по своему облику. Конкретных привязок именно к Пскову на картине нет.

Гравюра из популярного издания, изображающая осаду Пскова.

Полотно больших размеров, 482 × 675 см. Из-за этого оно мало экспонировалось. С полотна делались копии — академиком А. И. Травиным, живописцем Ф. А. фон Мюллером. К копиям картины и к эскизам проявляли интерес псковские дворяне и даже городской голова П. П. Калашников. Они размещали их в своих имениях⁴⁷.

Сюжеты, связанные с Ливонской войной, также получили отражение в ряде гравюр и живописных полотен (Б. Чориков — «Освобождение Пскова от осады Батория», П. К. Клодт фон Юренсбург — «Оборона Псково-Печерского монастыря» и др.). Они достаточно ординарны по сюжету и исполнению: воины в стандартных патетических позах, абстрактная крепость на месте Пскова или Печерского монастыря, обязательное присутствие на картинах умирающих героев, святых отцов и т. д. Здесь явно первичен был патриотический сюжет, достаточно редкий, но не художественные образы, возникшие под влиянием истории сопротивления Батория (слишком «плакатны» и шаблонны фигуры на полотнах).

В целом, кроме эпической картины К. П. Брюллова, Ливонская война не вызвала появления памятников живописи, представлявших собой значительные художествен-

Н. Рерих. Пскович.

П. П. Соколов-Скала. Иван Грозный в Ливонии (Взятие Кокенгауза в 1577 г.).

⁴⁷ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 265–266.

ные произведения. Она дала лишь несколько банальных сюжетов для «живописного ширпотреба» XIX в.

Из героических художественных образов, которые можно связать с Ливонской войной, стоит еще упомянуть картину Н. Рериха «Пскович» (1894). Но здесь скорее надо говорить о собирательной символической фигуре псковича, воина крепости — стража Русской земли.

В советское время сюжеты из Ливонской войны были востребованы для написания героических, эпических полотен. Они были посвящены подвигам русских воинов в борьбе с германцами (В. А. Нечаев: «Подвиг русских пушкарей под Венденом, 1578 г.», 1958) и торжеству русского оружия над немцами (П. П. Соколов-Скаля: «Иван Грозный в Ливонии», 1937–1943). Картины прославляли Ивана Грозного и его эпоху. Идеи, которые передавали живописцы, были выражены достаточно прямолинейно, в духе пропагандистского плаката. Возможно, поэтому они так и остались иллюстрациями к эпохе (скорее советской, чем времени Ливонской войны).

Литература

Ливонская война породила литературный ширпотреб пропагандистского характера. Сюжеты, связанные с ней, не вызвали душевных потрясений и смятения в писательских умах. Попытки создать что-то из патриотической литературы относятся к эпохе Николая I (1825–1855). В 1834 г. вышел исторический роман А. Андреева «Иоанн Грозный и Стефан Баторий» (впоследствии неоднократно переиздавался: в 1843, 1845, 1849, 1873 гг.)⁴⁸. Роман представляет собой художественный пересказ исторической концепции Н. М. Карамзина о блокаде России на Балтике Ганзой и вынужденной войне Ивана Грозного за выход к Балтийскому морю. Сочинение содержит дискурсы предательства (не победили в войне из-за перемирия, заключенного с ливонцами А. Ф. Адашевым) и заговора Запада против России (всей Европой боролись за недопущение русских на морские просторы). И только героизм русских, их жертвенность (большие потери) заставили врагов отступить.

В том же духе выдержана драма в стихах Г. Ф. Розена «Россия и Баторий» (1833), на основе которой на следующий год вышла стихотворная трагедия в 5 действиях и 8 картинах «Осада Пскова»⁴⁹. Она начинается со слов: «В глубине театра жгут на костре доктора Елисея Бомелия, народ с удовольствием смотрит на сию казнь». Помимо ксенофобного дискурса в отношении иностранцев, Розен воспроизводит стереотип «кольца врагов»:

Литва опять воздвигнулась на нас
В Святую Русь вступает в третий раз
Наш супостат, Король многомятежный!
Подходит он к Великой, край прибрежный
Опустоша; берет он города
Предательством, злочестием искусным
И жителей смущает словом гнусным
Теперь на Псков идет, но никогда
Там не бывать ему! Там нет измены —
Там Шуйские! Баторий расшибет
Свой лоб широкий о псковские стены
И во свояси со стыдом уйдет⁵⁰.

⁴⁸ Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: Исторический роман. М., 1834. Ч. 1–4.

⁴⁹ Розен Г. Ф. 1) Россия и Баторий. Историческая драма в 5 действиях. СПб., 1833; 2) Осада Пскова. Стихотворная трагедия в 5 действиях и 8 картинах. СПб., 1834.

⁵⁰ Розен Г. Ф. Россия и Баторий. С. 1.

Предателями выступают прежде всего воеводы, измену которых раскрывает простой народ. Кругом чернокнижники и вражеские агенты, умышляющие убить царя. Иногда их разоблачают, и тогда Государь тешит народ сожжением супостата (как вышупомянутого Елисея). Сам Грозный впал в мистицизм, считает Стефана Батория орудием Божьего суда за опричные душегубства, Иван IV перечитывает послание Курбского («Смелый, громогласный / Язык его доходит до души / Изменник он, пусть так, но правду пишет»)⁵¹. Спасти Русь и царя может только покаяние и наставление на праведную стезю. Туда хочет вести монарха Борис Годунов, который мечтает «быть Адашевым»⁵².

Розен воспроизводил столь популярный в эпоху русского романтизма дискурс о моральной ответственности монарха за его деяния, о благих и злых советниках, об умиротворяющей роли доброй жены и роковым влиянии разврата, о православной вере как основе душевной твердости и праведности. Пересказанное в стихах повествование Н. М. Карамзина услужливо являло иллюстрации к этим идеям. Оборона Пскова выступает эталоном русского патриотизма, защиты Отчизны:

... без зависти, без спеси
Без хитрости друг другу подадим
Среди кровей спасительную руку —
Иль на пиру победном попируем,
Как бы одна веселая семья,
Или в одну могилу дружно ляжем,
Как бы родные братья и друзья⁵³.

Несомненна связь появления поэмы Розена (1833) с подавлением польского восстания 1831 г. («У русского и рана не болит, когда поляк в летучий пух разбит»)⁵⁴. Стефан Баторий, польский король, в соответствии с образами древнерусской «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», изображен исчадьем Ада:

И этот пес стотысячеголовый,
Что на псковские башни зубы скалит,
И огласит на нас свой адский лай,
Он — даст Господь — лишившись половины
Своих голов, от града убежит
И в диком поле жалобно завост...⁵⁵

Поэма выдержана в духе «Православие, самодержавие, народность»: здесь и описание видения Богородицы Дороеем, и похвала Ивану Грозному, и народные массы в качестве постоянного фона и носителя высшей истины в последней инстанции. У Розена непобедим именно русский народ («Поговори по-русски с супостатом», «... дерутся / Как дьяволы; и честны, неподкупны / Как римляне златого века Рима»). При этом он милосерден: русская женщина на поле боя дает напиток и раненому воину Батория (как библейская самаритянка) и покрывает его боевым знаменем. Даже

⁵¹ Там же. С. 13.

⁵² Образ А. Ф. Адашева как идеального государева советника, члена Избранной Рады, который вместе с попом Сильвестром наставлял Ивана Грозного на благие дела, был создан в концепции «двух Иванов» Н. М. Карамзина: «хорошего» Ивана — при добрых советниках и жестокого кровопийцы, основателя опричнины — при злых. Подробнее см.: *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр: История одного мифа. Лондон, 1987; *Филошкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

⁵³ *Розен Г. Ф.* Россия и Баторий. С. 57.

⁵⁴ Кроме поляков, среди убитых врагов назван и французский воин, Иван Гаронна — явный отголосок другой знаменитой войны — Отечественной войны 1812 г. (*Розен Г. Ф.* Россия и Баторий. С. 84).

⁵⁵ Там же. С. 59.

изменник, князь Андрей Курбский (которого под Псковом на самом деле и не было), размышляет о славе русского народа и его величии, и в глубине души остался русским патриотом. Победа под Псковом дает перспективы развития государства: поэма оканчивается описанием раскаяния Ивана Грозного в своих кровавых грехах («душевным спасением») и рассказом о взятии Сибири воеводами Ермака.

Художественные достоинства поэмы Розена невелики. Степень рефлексии собственно Ливонской войны в ней остается крайне низкой: перед нами набор штампов, обусловленных дискурсами эпохи. Это поэма о России XIX в., события XVI в. выглядят не более чем иллюстративный ряд, причем приспособленный под нужды общества Нового времени.

Те же литературные тенденции проявились и в произведениях советской эпохи. Оставляя в стороне многочисленные литературные поделки на тему царствования Ивана Грозного (число которых необычайно возрастет в постсоветскую эпоху), остановимся на действительно значимых произведениях, оказавших влияние на умы.

Это прежде всего трилогия В. И. Костылева (1884–1950) «Иван Грозный» (1-я кн. — «Москва в походе», 1943, 2-я кн. — «Море», 1946, 3-я кн. — «Невская твердыня», 1947). В 1947 г. роман был удостоен Сталинской премии второй степени, в 1948 г. — Государственной премии СССР. Книга пропитана ксенофобией. Главной идеей произведения является возвеличивание царя Ивана, с помощью опричнины боровшегося с изменным боярством, иноземными шпионами и строившего сильное Российское государство, прорывавшееся к Балтийскому морю. Ливонская война изображена не только как внешний, но и как внутренний конфликт — мудрый царь принимает стратегическое решение, которому из пустых амбиций противятся временщики, А. Ф. Адашев и Сильвестр. Их личное честолюбие, непонимание величия мысли государя граничит с изменой. Война ссорит новгородцев — целый клан потенциальных изменников — с «исконными друзьями», лифляндцами и шведами. Заговорщики плетут заговоры против государя. Предатели боятся воевать («Где же нам справиться с немцами? Силища!»). Заграница соблазняет обещанием хорошей жизни. Иностранцы настолько отвратительны, что царь Иван после беседы с нарвским купцом «...долго брезгливо мыл руки, проклиная немца, а потом перед иконами молился, что осквернил себя беседою с немецким торгашом»⁵⁶.

Ливония выступает средоточием германского зла, хитрости, коварства, обмана, агрессии. Рыцари — изнеженные, развратные, бесчестные. Немцы заняли Ливонию в древности, силой, вероломно, и пролили много славянской крови. Они хотят владычествовать над миром, не стоит обольщаться сегодняшней слабостью Ливонии — если не раздавить гадину, она всех поработит. «С такою душою, как у правителей Ливонии, можно привести в шаткость любое царство и повергнуть в убогость любой народ»⁵⁷. Ливонцы мешают развитию России, не дают ей выйти на морские просторы, препятствуют торговле, обирают купцов. При этом посылают своих детей жить в Россию, более развитую и чистую в моральном отношении. Многие правильные иноземцы, на самом деле хотели бы служить русским, но им не дают неправильные иноземцы, враги.

Главной темой и пафосом романа является воспевание стремления Ивана Грозного добыть для России выход к морю. Прорыв русских войск на морское побережье царь отметил пиром, на котором заставил своих приближенных, сторонников наступления не на Ливонию, а на Крым («крымской партии»), Адашева и Сильвестра, пить кубки с морской водой. И сам пил ее залпом, с видимым удовольствием. Бояре не понимают

⁵⁶ Костылев В. И. Иван Грозный. Минск, 1987. Кн. 1. С. 111.

⁵⁷ Там же. С. 107.

величия замыслов царя, зато народ интуитивно чувствует масштаб и грандиозность его деяний. Эстонский и латышский народы и прогрессивные силы в лице рядовых немецких купцов приветствуют вторжение в Прибалтику российских войск, видят в этом наступление новой, великой эры. И лишь европейская реакция и предатели внутри страны не дали до конца свершиться воле государя.

Трилогия заканчивается сюжетом не из истории России XVI в., а описанием выхода Балтийского флота Петра I на морские просторы. Это — итог пути, достижение цели, которую еще в XVI в. Ливонской войной поставил перед страной великий Иван Грозный.

Эта же тема получила развитие в популярном романе «Корсары Ивана Грозного» (1973), написанном Героем Советского Союза, капитаном дальнего плавания К. С. Бадигиным (1910–1984). Основные сюжетные линии там те же: изменники-бояре, не понимающие величия морских замыслов государя, правильный народ, поддерживающий царя, заграница, плетущая заговоры и засылающая шпионов.

Правда, кое в чем тональность романа К. С. Бадигина изменилась. С одной стороны, он описывает боярские заговоры, крамолу, шпионаж и т. д. С другой — жестокие и чрезмерные казни Ивана Грозного изображаются даже с каким-то смаком. На страницах книги ручьями льется кровь, в деталях описаны убийства, казни, аресты и т. д. Масштабы кровавых деяний царя таковы, что его фигура не выглядит столь однозначно великой и правильной, как у Костылева. Напротив, он изображен как сумасшедший садист, палач и тиран. Собственно, разоблачение опричного террора, видимо, и было целью Бадигина, морская тема оказалась прикрытием для общего обличительного пафоса злодейств Грозного.

Морская тема, несмотря на заголовок романа, у Бадигина звучит слабее. Авторская мысль связывает ее с деятельностью Аники Строганова и в перспективе — с выходом через Сибирь к дальним морям⁵⁸. Борьба Ивана IV за Ливонию — это борьба по заветам его предков. Главный враг — Польша, порабащившая русских. Даже сам облик польского короля Сигизмунда отталкивающий:

«Разгульная жизнь заметно отразилась на облике короля: длинное морщинистое лицо отливало желтизной. Глаза глубоко провалились. Волос на дынеобразной голове почти не было. Левая рука и правая нога плохо повиновались. Король ходил медленно, шаркая по полу. Густые усы и длинная борода, посеребренные сединой, украшали его»⁵⁹.

Сигизмунд хочет «натравить на москвитя всю Европу». Англичане, ливонцы, шведы чинят козни. Что же касается собственно войны в Ливонии и боевых действий на море, то им уделено буквально несколько глав. Иногда складывается ощущение, что Бадигин нетвердо знал материал, а поэтому и сосредоточился на описании казней и злодейств.

Из значимых литературных произведений советского периода стоит упомянуть новеллу В. С. Пикуля (1928–1990) «Закрытие русской “лавочки”» (1983). Она написана в конспирологическом ключе: «...за католической Польшей лежала загадочная Русь, а Ватикан давно желал покорить ее духовно, подчинить себе народы — русских, украинцев и белорусов». Главным злодеем являлся иезуит Антонио Поссевино: «Я бы сказал, что имя Поссевино три столетия подряд тянется через всю Европу, оставляя

⁵⁸ «Русским мореходам предстоял дальний путь. Из реки Енисея они пойдут морем в устье реки Пясины и дальше на солнечный восход, по рекам и волокам, туда, где лежит нетронутая моржовая кость и “людишек неясчных живет несосчитимое множество”» (Бадигин К. С. Корсары Ивана Грозного. М., 1991. С. 228).

⁵⁹ Там же. С. 30.

нечистый след в памяти нашего многострадального государства». Под «лавочкой» имелась в виду иезуитская конгрегация. Именно Поссевино — главный враг России, стремившийся ее покорить: «в руках этого оборотня вдруг оказалась полнота гигантской власти над странами, над народами, над каждым человеком». Исчадием ада выступает и Стефан Баторий: «Стефан был зверски жесток, особенно когда выпьет лишнего, а сестра его, чтобы иметь нежную кожу, делала себе “косметические” ванны из крови маленьких девочек»⁶⁰. Для войны с Россией Баторий набрал «всякой швали», 100 000 «подонков Европы». Но Псков устоял, Поссевино выступил в роли миротворца, но проиграл в главном — не добился унии церквей. Зато стал готовить целую армию шпионов и агентов, которые с подрывной деятельностью проникали в Россию вместе с отрядами Лжедмитрия. В конце новеллы В. С. Пикуль сравнивает Поссевино и Стефана Батория с фашистами:

«Через три столетия, в канун нападения гитлеровского вермахта на СССР, римские наследники Антонио Поссевино массовым тиражом отпечатали молитвенники на русском языке. Наверное, им казалось, что они последуют за танками Гудериана и Клейста, как когда-то волоклись на Русь по следам Батория и Лжедмитрия. Но русская “лавочка” для них была закрыта»⁶¹.

Тема обороны Пскова от войск Стефана Батория была развита в романах, вышедших к 1100-летнему юбилею Пскова⁶². Их сюжет достаточно банален, основан на пересказе «Повести о приходе...» и трансляции дискурсов об осаде Пскова, в том числе местных легенд.

В целом надо констатировать, что сюжеты, связанные с Ливонской войной, большого влияния на развитие литературы не оказали. Тематика Ливонской войны была не более чем фольгой, в которую заворачивались идеи, волновавшие писателей XIX–XXI вв.

Монументы и коммеморации

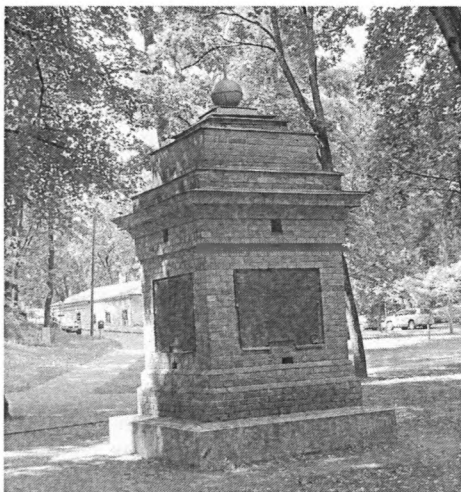
Первым памятником в императорской России, который можно косвенно связать с Ливонской войной, был сооруженный в 1806 г. в Дерпте по велению императора Александра I памятник: «Здесь покоятся кости различных народов, Дерпт предал их земле, от XIII до XVIII столетия, у Св. Марии, на гробах их воздвигнул Александр новое обиталище муз. Им посвящено сие место покоя и тишины». В ходе земляных работ на дерптском городищенском холме были выкопаны неизвестные человеческие останки. Их захоронили в соседней ложбине, и над ними возвели монумент по проекту И. В. Краузе. К нему прикреплены четыре доски, на которых на эстонском, русском, немецком и латинском языках объясняется его назначение⁶³. Конечно, конкретно Ливонскую войну никто при этом в виду не имел — речь шла о разных народах и разных временах. Но борьба за Прибалтику в XVI в. укладывалась в указанный хронологический промежуток, так что при известном усилии памятник можно было отнести и к жертвам русской осады 1558 г.

⁶⁰ Сестрой Батория была Анна Батори, мать венгерской графини Елизабеты Батори (1560–1614), о которой в самом деле ходила легенда о кровавых купаниях в крови девственниц. Елизабета даже попала в книгу рекордов Гиннеса как самый массовый серийный убийца всех времен и народов (молва приписывала ей чуть ли не 600 жертв). Правда, вполне возможно, что это страшное обвинение на нее было возведено ложно, из-за политических интриг.

⁶¹ Пикуль В. С. Закрытие «русской лавочки» // Пикуль В. С. Исторические миниатюры. М., 1991. Т. 1.

⁶² Детков Ю. Л. Осадный колокол. Псков, 2002; Лоцилов И. Н. Подарок Яна Замойского. Псков, 2003.

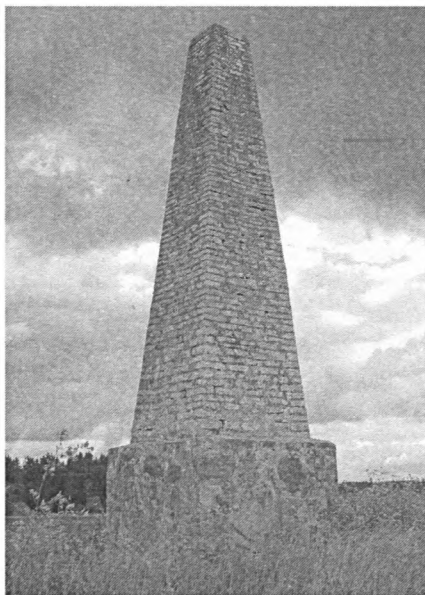
⁶³ Суур А. Тоомемяги. Вышгород в Тарту. Таллинн, 1968.

Памятник народам в Дерпте. Фото 2011 г.

В имперский период в Прибалтике был поставлен единственный в мире памятник русским воинам, павшим в Ливонской войне. На территории орденской мызы Мяо (в 40 км от Пайды) был холм, в котором, по преданию, было похоронено 3000 русских, павших при штурме Пайды в 1573 г. Цифра явно преувеличена, да и в XVI в. православные не хоронили своих в курганах. В конце XIX в. эта земля принадлежала барону Штакельбергу. В 1886 г., в связи с посещением великим князем Владимиром Александровичем соседнего имения графа Толя Арукюла (Аррокюль), на холме был поставлен четырехгранный пятиметровый обелиск. На постаменте две даты — 1573 и 1886 годы.

В то же время в Прибалтике в XVIII–XIX вв. активно возникают места памяти Ливонской войны, но они создаются стихийно и несут в себе многозначный смысл. На территории бывшей Ливонии сложилась уникальная ситуация: русские, шведы, поляки в ходе боевых действий разрушили замки, монастыри и т.д. Они стояли в руинах со второй половины XVI в. Большинство из них не ремонтировалось — у недобитых ливонцев на это не было сил и средств, полякам в их краткий период владения Прибалтикой (1582–1621) было не до того. В XVII в. сюда пришли протестанты-шведы, которые оставили в развалинах католические церковные строения и довольно выборочно восстанавливали и перестраивали замки. Собственно, реконструированы были только те крепости, которые имели военное значение или попали к частным владельцам. Если такая руина благополучно переживала XVIII век, когда в Прибалтике шло интенсивное городское строительство и часть замков была разобрана на стройматериалы, то она спокойно доживала до XX в. с его мировыми войнами и советской

Памятник русским воинам, павшим под Пайдой. 1886 г.

эпохой, внесшими свой значительный вклад в уничтожение мемориальных мест северных крестоносцев.

Таким образом, оказалось немало памятников фортификации и крепостной, а также монастырской архитектуры, которые как были разрушены в Ливонскую войну, так практически в таком же виде дошли до XIX и далее до XX–XXI вв. Из крупных объектов надо назвать Домский собор в Дерпте, монастырь Пирита под Ревелем, Падисский монастырь и т.д. Шведам-протестантам было ни к чему восстанавливать католические храмы, как и пришедшим им на смену православным русским. Развалины замков в XVIII–XIX вв. представляли собой уже чисто исторический интерес.

Тем самым возникла уникальная ситуация: спустя двести – триста лет можно было посмотреть на местности, какие масштабы катастрофы для Ливонии несла с собой война, какой апокалиптический характер она приняла для местного населения. Это было в самом деле физическое уничтожение, разрушение целого мира (к которому приложили руку все воюющие стороны, делившие Прибалтику). Руины церквей, монастырей и замков, стоявшие в эстляндских и лифляндских городах, напоминали об этой страшной эпохе, о гибели Ливонии, о трагедии ее населения. В определенном смысле они были и памятниками русских, польских, шведских, датских военных побед, но слишком печальными, чтобы делать акцент именно на победном аспекте.

Поэтому на первый план в XIX в. выходит романтическое восприятие древних руин, воплощавших в себе память об эпохе рыцарей. Их воспринимали прежде всего как мемориалы эпохи средневековья, но не места памяти Ливонской войны⁶⁴. Их рисуют художники. Среди наиболее известных надо назвать Иоганна Кристофа Бротце (1742–1823)⁶⁵, который оставил целую серию рисунков разрушенных ливонских замков.

В конце XIX в. началась организация «мест памяти» на исконной российской территории. 30 июля 1880 г. был утвержден устав Псковского археологического общества. На первом заседании 26 октября председатель общества, псковский губернатор М. Б. Прутченко, предложил сделать ближайшей целью организации отмечание в 1881 г. 300-летия осады Пскова Стефаном Баторием. Проект празднования был проведен через общество, а затем через Псковскую городскую думу. Было решено поставить памятник на бастионе «у так называемой местности Свинорки» и 8 сентября провести крестный ход с литургией и панихидой.

Прекраснодушные планы разбились о две традиционные российские беды: бюрократизм и безденежье. За четыре дня до праздника выяснилось, что закладка памятника отменяется: на это надо разрешение столичных властей. Можно поставить только временный деревянный памятник. Было выделено 100 рублей на иллюминацию торговой площади напротив городской думы и на выступление духового оркестра. Также состоялись торжественные церковные службы и вечернее заседание Псковского археологического общества 8 сентября 1881 г. На бастионе петровских времен были устроены из зелени и цветов триумфальные ворота с датами: «1581–1881». Рядом с грудой каменных ядер был поставлен деревянный крест. Празднования сопровождалась патриотическими речами, содержащими в том числе рассуждения о несомненном преимуществе православия перед католичеством. Был издан ряд брошюр научно-популярного и пропагандистского характера.

⁶⁴ Таковыми они станут уже в независимых Эстонии и Латвии, в 1990–2000-е гг., года в аннотациях к этим памятникам, в туристических путеводителях и в учебниках стало подчеркиваться, что они разрушены в Ливонскую войну и с тех пор не восстанавливались.

⁶⁵ Издание рисунков: *Brotze J. Estonica*. Tallinn, 2006.

8 ноября 1881 г. большие празднования состоялись в Псково-Печерском монастыре. Главным событием здесь было торжественное богослужение в монастырском Михайловском соборе и речь епископа Павла Доброхотова.

Пока патриотический порыв ограничивался речами, все было прекрасно. Но когда дело дошло до выделения средств на памятник, то деньги сразу кончились. В 1881 г. памятник не поставили, в 1882 г. его стоимость внесли в смету городской думы, но выяснилось, что проект надо пересчитать. Лишь 13 июня 1883 г. смета была утверждена, в размере 2475 руб., в то время как изначально планировалось потратить 1000 руб. Разницу в 1475 руб. планировалось покрыть накоплением за три года — то есть памятник мог быть установлен не ранее 1886 г., спустя пять лет после прошедшего юбилея!

Дальнейшие события выявили еще более прискорбное отношение к памяти Ливонской войны. Учитель Псковской семинарии И. А. Соколовский в 1884 г. сделал заявление о плачевном состоянии временного памятного знака, поставленного в 1881 г., и предложил отремонтировать крест, а рядом устроить сквер. Городская же дума не нашла ничего лучшего, как поручить городской управе... сдать бывший петровский бастион с памятником под сенокос, «с условием поддержания устройства и места памятника». Новый городской голова, П. П. Калашников, был озабочен не сохранением памяти о подвиге предков-псковичей, а возведением в Пскове памятника убитому в 1881 г. императору Александру II.

Монумент в честь императора был открыт перед зданием Присутственных мест 27 июня 1886 г. Деньги на него по подписке собирали псковские купцы, но торжества и празднества организовывались за счет города, и произошел перерасход на 4000 рублей (то есть, прогуляли почти вдвое больше, чем было нужно на памятник обороне 1581 г.). Облезлый и полусгнивший крест на петровском бастионе недалеко от Покровской башни стал символом бездушия и бюрократизма псковских чиновников⁶⁶.

На страницах местных газет периодически появлялись пафосные обличения их равнодушия, и бывший петровский бастион под пером журналистов превратился в братскую могилу воинов, павших в 1581 г. в боях с баториевцами. Эту легенду запустил в 1887 г. «Псковский городской листок». В знаменитом путеводителе по Пскову Н. Ф. Окулича-Казарина приводилось довольно витиеватое объяснение, как «земляной полубастион Петра» оказался братской могилкой XVI в.:

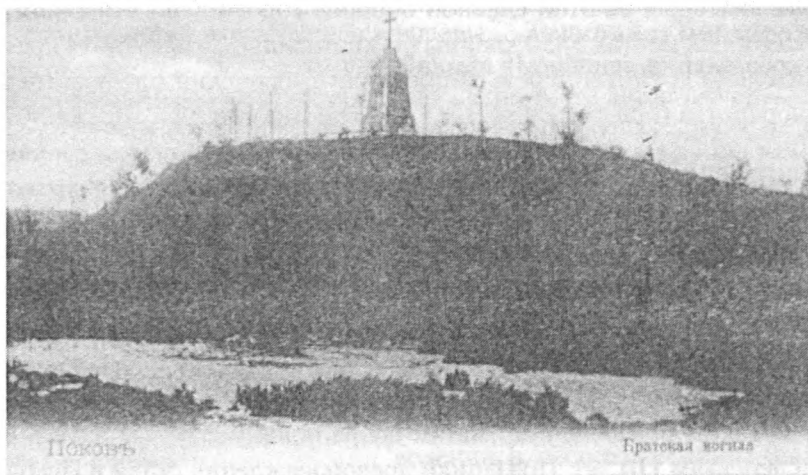
«При устройстве дороги между городом и Алексеевской слободой было найдено множество костей, принадлежавших, вероятно, павшим здесь воинам. Сначала (в 1870-х годах) эти кости были сложены под развалинами Козьмодемьянской церкви “со утоки”, но возможно, что при сооружении памятника они были перенесены сюда и погребены в общей могиле, под памятником, вследствие чего это место получило название “братской могилы”»⁶⁷.

Никаких перезахоронений и переносов останков в 1881–1890-х гг. не делалось, но это уже было совершенно не важно. Были выпущены открытки с фотографией бастиона и подписью: «Братская могила».

Место продолжало обрастать городскими легендами. Примерно в конце XIX – начале XX в. расположенный неподалеку выезд за пределы крепостных стен по Успенской улице стал называться «Баториевым проломом». Именно это место было объявлено тем самым знаменитым проломом городских укреплений в 1581 г., который армия Батория сделала при штурме. Как водится, вышли мемориальные открытки, место стало памятным. Н. Ф. Окулич-Казарин писал в путеводителе, что изначально

⁶⁶ Подробнее см.: *Левин Н. Ф.* В память о героической обороне. С. 268–280.

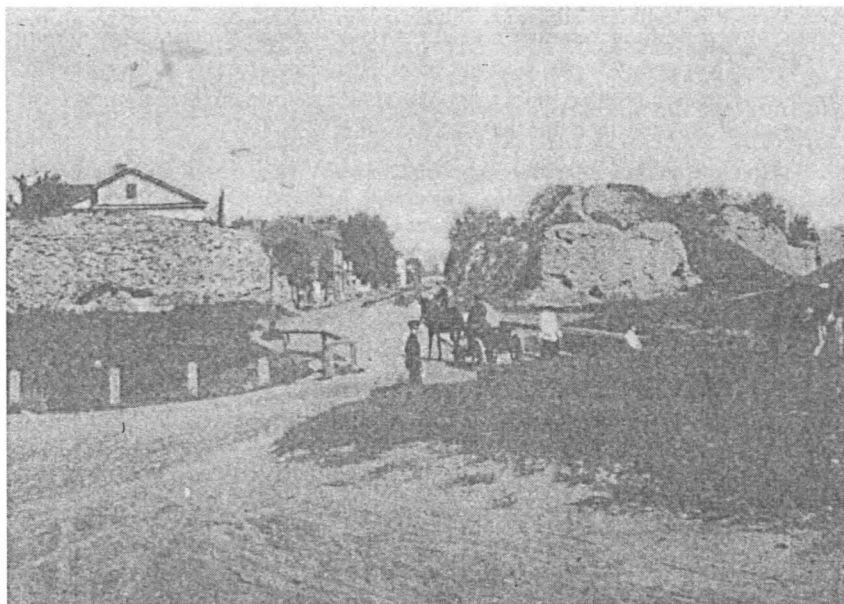
⁶⁷ *Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Псков, 1913. С. 186.

Псковская открытка с изображением братской могилы воинов, павших в 1581 г.

пролом был 64 сажени ширины, но часть его с боков заложили кирпичами, зато якобы еще в 1866 г. в нем лежала сметенная силой взрыва часть башни с зубцами (не иначе как лежала недвижимо с 1581 г.)⁶⁸.

Псковичи как-то удивительно быстро забыли, что искомый пролом был проделан между 1821 и 1857 гг. при прокладке Успенской улицы за древнюю крепостную стену и устройстве выезда с нее к Фурштадтской улице и Выползовой слободе. Как показано Н. Ф. Левиным, в планах и описаниях Пскова до 1821 г. крепостная стена в этом месте

Место Баториева пролома. Фото начала XX в.

⁶⁸ Там же. С. 186.

целехонька, и никаких проломов нет. Да никто и не стал бы держать незасыпанной и незастроенной дыру в крепости 300 лет! В 1615 г. Псков выдержал шведскую осаду Густава-Адольфа — неужели ради какой-то исторической памяти псковичи оставили бы укрепления неотремонтированными?⁶⁹

Мифология городских мест памяти продолжала разрастаться. Местность за Покровской башней по берегу р. Великой до церкви Св. Никиты «в поле» в XIX в. получила название Выползовой слободы. Н. Ф. Окулич-Казарин приводит такое объяснение названия: «В народе живет предание, будто находящаяся сейчас же за Покровской башней Выползова слобода названа так от того, что во время штурма 8 сентября Матерь Божия ослепила поляков, а те поползли назад, как кроты»⁷⁰. В начале XX в. улица Выползовой слободы получила название Баториевской (позже рядом возникла Ново-Баториевская улица)⁷¹. Число «памятников осады 1581 г.» росло: переходы в стенах и подкопы вокруг Покровской башни были объявлены теми самыми «слухами», минными и контрминными подкопами, которые поляки и русские копали вокруг башни в 1581 г.⁷² При этом бурный рост мифологии сопровождался неуважением к настоящим памятным местам. Н. Ф. Окулич-Казарин горестно сетует, что Покровская башня была превращена горожанами в неофициальный общественный туалет:

«Внутренность ее (Покровской башни. — А. Ф.) содержится в гнуснейшем виде: это — ретирадное место... Городская Управа пробовала очищать башню, даже приделала дверь с висячим замком; но замок тотчас же был сбит, и историческая башня снова превращена в ретирадное место»⁷³.

Пока чиновники жалели денег, а подвыпившие горожане, вдохновленные прогулкой у «Баториева пролома», справляли нужду в Покровской башне, Псков 16 лет оставался без памятника осаде 1581 г. Лишь в 1897 г. городской архитектор Ф. П. Нестурх получил на ремонт существующего временного памятного знака 300 руб., купил на них чугунный крест и кирпичи, сделал постамент, водрузил на него крест, провел бронзировку, обустроил кругом дорожки и скамейки, обложил территорию дерном — и перекрыл смету всего на 44 копейки!

Нестурх слукавил. Фактически под видом ремонта он поставил новый памятник (который и стоит до сего дня). Но то, что это было сделано под видом ремонта старого, избавило его от сложных бюрократических процедур, утверждения проекта, смет и т. д. Как часто бывает, только человеческое благородство и инициатива сумели обойти стену чиновничьего безразличия. Более 10 лет памятник стоял безымянным, только в 1910 г. была проведена подписка — сбор средств на доску на памятнике. Собрали 82 руб. и в 1911 г. установили медную полированную доску с кратким описанием событий 1581 г. Позже она была утрачена, и новая доска гласила, что памятник установлен в 1881 г., к 300-летию осады Пскова польской армией, что не соответствовало действительности⁷⁴. Но зато реабилитировало псковских чиновников, потративших на постройку простейшего памятника из кирпича, известки и чугунного креста 16 лет.

⁶⁹ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 284–285.

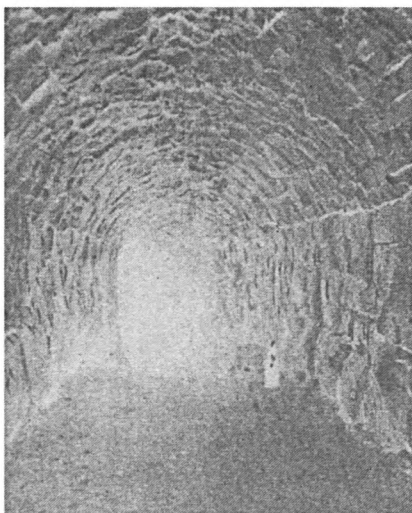
⁷⁰ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову... С. 185.

⁷¹ В 1949 г. городские власти решили, что называть улицы в честь короля-захватчика негоже, и Баториевскую улицу переименовали в Западную, а Ново-Баториевскую — в Историческую (Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 287).

⁷² Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову... С. 185, 187. Рис. 45.

⁷³ Там же. С. 185.

⁷⁴ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 278–280.

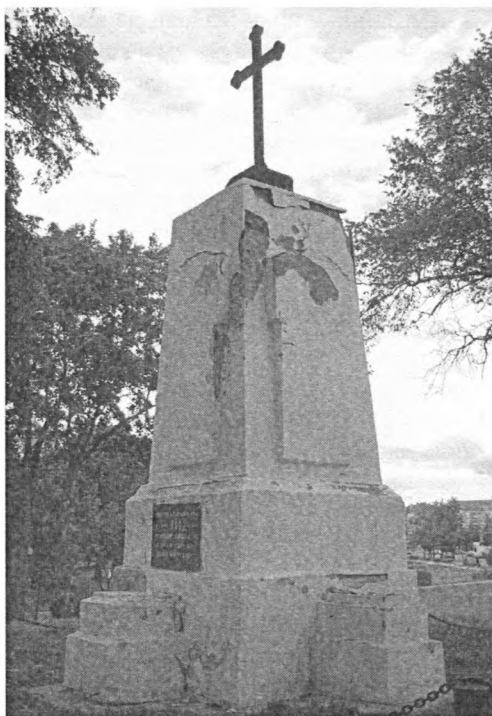
«Подземный ход» между Баториевым проломом и Великими воротами.
Фото начала XX в.

В 1900–1908 гг. по инициативе члена уездной земской управы Д. И. Иванова вокруг памятника, бастиона и у «Баториева пролома» проводились праздники древонасаждения, посвященные памяти героической осады 1581 г. Они сопровождались украшением памятника гирляндами, игрой духового военного оркестра, митингами с участием учащихся псковских школ, спектаклями в городском саду и т. д. В результате были выращены целые сады, в 1908 г. торжественно открытые для публики⁷⁵.

В советское и постсоветское время юбилеи осады Пскова 1581 г. отмечались, но уже с куда меньшим размахом. Выходили публикации в периодической печати, научно-популярные издания, устраивались краеведческие выставки, проводились различные мероприятия для школьников, выступали реконструкторы. В 2006 г. Псков приобрел уменьшенную фототипическую копию картины К. П. Брюллова «Осада Пскова». В 2009 г. улица К. Либкнехта

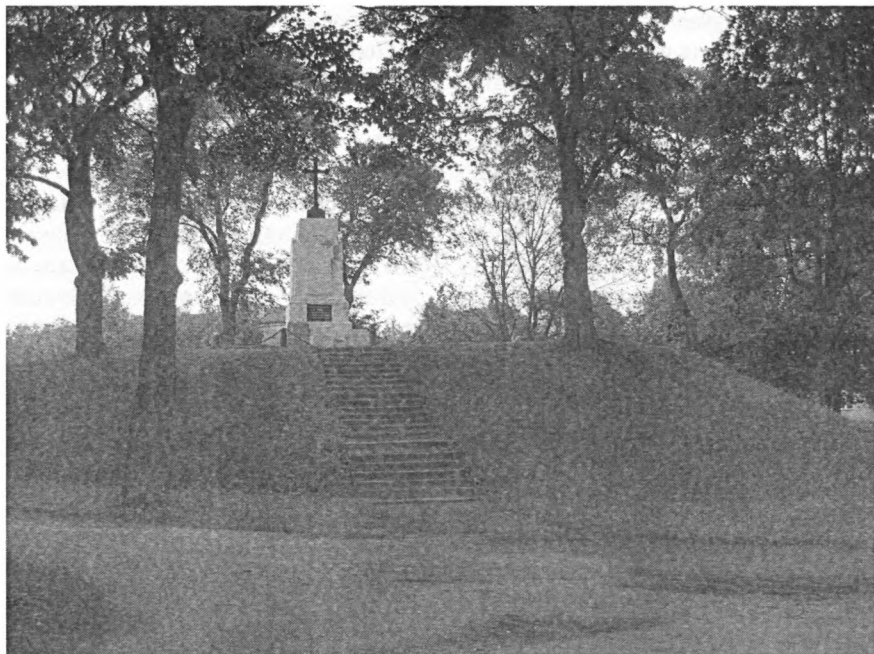
была переименована в улицу Воеводы Шуйского. Но все эти акты коммемораций (исключая новое название улицы) имели сиюминутное значение и не оставили столь глубокого следа в истории, как деятельность псковских краеведов и энтузиастов, а также городской фольклор конца XIX в.

5 декабря 2009 г. Указом Президента РФ Д. А. Медведева № 1387 Пскову было присвоено почетное звание «Город воинской славы». В тексте указа говорилось, что оно дано «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества». Положение о присвоении звания «Город воинской славы» не имеет привязки к конкретным военным событиям, они могут относиться к любому времени. Следовательно, можно сказать, что Псков — первый и единственный русский город, подвиг защитников которого в Ливонскую войну спустя более четырех столетий оказался востребованным и сказался на повышении его роли и места в современной концепции российской национальной исторической памяти.

Памятник в Пскове памяти 300-летия осады города Стефаном Баторием. Фото 2008 г.

⁷⁵ Там же. С. 280–282.

Памятник на бывшем петровском бастионе. Фото 2008 г.

Германофобия, дружба народов и геополитика: концептуализация Ливонской войны в советской историографии

Основные парадигмы концепции Ливонской войны историков Российской империи были подхвачены советскими учеными. Ими с особым удовольствием цитировались хлесткие выражения К. Маркса и Ф. Энгельса из «Секретной дипломатии XVIII в.» и их исторических конспектов, в которых немецкие рыцарские ордена клеймились самыми последними словами, например: «вонючий немецкий монах Христиан из монастыря Оливы, первый епископ в Пруссии», «Если бы эти (балтийские. — А. Ф.) племена были единоклюбны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон». Провал крестового похода на Литву в 1236 г. был прокомментирован классиками марксизма фразой, ставшей потом крылатой: «Этих псов жестоко отдули». Советские историки превратили эти слова в нарицательное обозначение немецких крестоносцев как «псов-рыцарей»⁷⁶. Особую роль здесь играло и развитие культа Александра Невского как защитника русских балтийских берегов от немцев и шведов⁷⁷.

Всю вину за гибель ордена советская историография возлагала на самих же ливонцев. Орден просто должен был умереть, ср. высказывание Ю. В. Готье: «Ливонский орден, успевший принять Реформацию, влачил существование, подобное тени»⁷⁸. Историки сталинской эпохи, используя дискурсы своего времени, считали Ливонскую войну «важнейшим делом царствования» Ивана Грозного. Россия накопила огромный потенциал, но реализации ее возможностей мешали враги, устроившие блокаду Русского государства. Нужен был лишь «энергичный вожьд и удобный предлог». Однако

⁷⁶ Готье Ю. В. Балтийский вопрос в XIII–XVI веках // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 88.

⁷⁷ Подробнее см.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

⁷⁸ Готье Ю. В. Балтийский вопрос... С. 92.

война была проиграна из-за коварства врагов, боярских заговоров внутри страны, технической отсталости, порожденной блокадой. По словам Ю. В. Готье, «Иван проиграл самую крупную ставку своего царствования и не разрешил балтийского вопроса». Правда, «было бы ошибкой считать, будто победу одержала Речь Посполитая — наоборот, она попала в ловушку, решила, что Россия слаба, и в дальнейшей истории поплатилась за свою самонадеянность»⁷⁹.

Для советских историков путеводной звездой выступало брошенное вскользь замечание Карла Маркса, что Иван Грозный «был настойчив в своих попытках против Ливонии, их сознательной целью было дать России выход к морю и открыть пути сообщения с Европой»⁸⁰. Поскольку классики не баловали ученых-марксистов высказываниями по русской истории, то любые их слова, даже самые общие и случайные, принимали характер директивных указаний. Поэтому оценка Ливонской войны как стратегического прорыва к Балтийскому морю в советской историографии стала определяющей. Она удачно сочеталась с комплиментарными оценками И. В. Сталина в адрес политики Ивана Грозного.

Данный дискурс также органично соответствовал принципам изображения геополитики России, принятым в 1930–1950-е гг. Прежде всего, это темы извечного противостояния России и Запада, борьбы с европейскими угнетателями за интересы поработенных ими малых народов. Правительственная пропаганда во время присоединения в 1939–1940 гг. Прибалтийских республик выглядела более выигрышной, когда апеллировала к вековой традиции принадлежности региона России.

Думается, что сказался и синдром России как «неудавшейся» морской державы, которая всю свою тысячелетнюю историю постоянно стремится выйти на океанские просторы. Но все ее попытки занять место среди ведущих морских государств были дезавуированы. Они заканчивались либо рядом блестящих побед, после которых из-за просчетов дипломатов флот гнил на якорных стоянках, либо — военными и политическими Цусимами. Поэтому неизбежно возникала тема имманентного международного препятствия выходу России к морям, превращению ее в морскую державу. При этом со ссылкой на Карла Маркса стремление к морю объявлялось «природными способностями и стремлениями великой русской расы»⁸¹.

Немалую роль здесь сыграла и обострившаяся в 1940-е гг. германофобия. Прибалтика изображалась жертвой «жестокой немецкой агрессии начиная с XIII в.». При этом ливонцы рисовались самими черными красками, например, в работе С. В. Бахрушина: «Уже не было и помину о былом воинственном духе немецкого рыцарства... главное времяпрепровождение благородных рыцарей заключалось в пьянстве, в котором принимали участие даже 12-летние мальчишки» (ученый здесь пересказывает инвективы «Хроники» Бальтазара Руссова). Пили, естественно, на деньги, изъятые путем бесчеловечной эксплуатации у латышских крестьян. Только Москва принесла им свободу⁸². Примечательно, что в сочинениях 1940-х гг. акцент делается на разгром Ливонского ордена, и тем самым война изображалась победоносной для Московии. Об общих неутешительных итогах кампании либо не сообщалось, либо говорилось вскользь, например, у В. В. Мавродина: «Успехи русских встревожили всю Европу, образовалась коалиция для борьбы против России... теснимая объединенными литовско-польскими и шведскими войсками, русская армия вынуждена была оставить завоеванные в Прибалтике земли»⁸³.

⁷⁹ Там же. С. 94–95.

⁸⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1946. Т. 8. С. 165.

⁸¹ Мавродин В. В. Борьба русского народа за Невские берега. Л., 1944. С. 35.

⁸² Бахрушин С. В. Разгром Ливонского Ордена в Прибалтике (XVI век). Ташкент, 1942. С. 9, 18.

⁸³ Мавродин В. В. 1) Борьба русского народа... С. 24; 2) Русское мореходство на Балтийском море в XIII–XVI вв. // Ученые записки ЛГУ. Л., 1956. № 205. Серия исторических наук. Вып. 24. С. 167–178.

Высказывания советских исследователей становились все одиознее и сильно походили на агитационные лозунги. Например, С. Ф. Платонов объявил Ливонский орден гнусным заговорщиком, который поставил своей целью «совсем разобщить Москву с Западом». Он желал «пользоваться московским рынком и извлекать из него необходимые товары, а взамен давать ему возможно менее, и в особенности не давать оружия и других боевых припасов и не пропускать в Москву “цивилизаторов” — военных людей — врачей и техников»⁸⁴.

Р. Ю. Виппер уже говорил о том, что борьбой за Прибалтику Грозный возобновлял планы своего великого деда, Ивана III. Помимо захвата жизненно необходимых торговых портов и факторий царь якобы планировал массовый вывоз порабощенных прибалтов для работы в России, подражая тем самым Ивану III, который «в войне с Орденом сильно налег на захват живой добычи, переселяя, на манер Сеннахериба или Навуходносора, пленных ливонцев в глубь Московии»⁸⁵.

Весьма преувеличивались последствия выхода к морю: так, И. И. Полосин торжественно описывал, как «наемный флот Ивана IV распугал однажды всех депутатов Штеттинского рейхстага, разбежавшихся кто куда при одном слухе о движении русского флота»⁸⁶.

Единственным специальным исследованием Ливонской войны в российской историографии до наших дней остается монография В. Д. Королюка, вышедшая в 1954 г. и как бы подводящая итог развитию историографии правления Ивана Грозного 1930–1940-х гг. Ученый утверждал, что сущностью международной деятельности России в XVI в. было осуществление «широкой внешнеполитической программы», начатой еще Иваном III. Она заключалась в борьбе на трех направлениях: с татарскими ханствами, возникшими на обломках Золотой Орды, с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским за захваченные ими украинские и белорусские земли и с Ливонским орденом и Швецией, «стремившимися изолировать Русское государство от необходимого ему естественного и удобного выхода к Балтийскому морю»⁸⁷.

По мнению В. Д. Королюка, «речь шла о настоящей блокаде Русского государства». По его словам, «Русское ремесло задыхалось от отсутствия цветных и благородных металлов», поступлению которых мешал «жалкий осколок средневековья» — Ливонский орден. Западные державы в силу своей имманентной враждебности Москве стремились препятствовать экономическому и культурному развитию России, не хотели пускать в нее инженеров и мастеров, чтобы она не смогла вырваться из своей отсталости.

При этом войны за Ливонию требовали от царя прогрессивные силы русского общества. Одним из краеугольных камней концепции В. Д. Королюка является утверждение, что

«Программа борьбы за Прибалтику отвечала интересам дворянства и посадской верхушки. Дворянство рассчитывало на новые поместные раздачи земель в Прибалтике. Все более втягивающееся в рыночные отношения дворянское хозяйство нуждалось и в установлении правильных торговых отношений со странами Восточной и Западной Европы. Особенно большое значение торговля через Прибалтику имела для растущих русских городов. Русское купечество стремилось к тому, чтобы открыть русским товарам европейские рынки. Поэтому вполне естественно, что дворянство и посадские верхи оказывали энергичную поддержку внешней политике Грозного».

⁸⁴ Платонов С. Ф. Иван Грозный: 1530–1584. М., 1998. С. 68. Первое издание вышло в 1923 г.

⁸⁵ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 143.

⁸⁶ Полосин И. И. Споры об опрличнине на польских сеймах XVI века (1569–1582) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVIII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 157.

⁸⁷ Королюк В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 18–19.

Вместе с купечеством они требовали у государя завоевать Прибалтику, где «угнетенные латыши и эстонцы готовы были поддержать военные действия русской армии». Им противопоставляется «консервативное боярство, заинтересованное в союзе с польскими и литовскими феодалами и борющееся за централизацию Русского государства»⁸⁸.

Мы специально привели столь обширную цитату, чтобы стала нагляднее зависимость изучаемых нами дискурсов от политических идеологем и историографической конъюнктуры. После Второй мировой войны тезис о блокаде Русского государства германскими державами звучал особенно актуально и в доказательствах не нуждался. Он хорошо сочетался с модернизационной идеей о прорыве на морские просторы как необходимым условием экономического развития страны. Согласно официальной пропаганде, Россия, как и СССР, всегда выступала защитницей интересов прибалтийских народов, которые могли обрести подлинную свободу и благополучие только в ее составе.

Корольюк в соответствии с традициями сталинского времени внутри страны выделял прогрессивные народные круги (городской плебс, посадское население, простые воины на службе государству), поддерживавшие «народного царя». Они связаны с передовыми, рыночными экономическими отношениями. Им противопоставляется внутренний враг — родовитая аристократия, которая в своем стремлении сохранить консервативные феодальные порядки легко склоняема к измене и даже связана с внешним противником родственными узами.

Монография В. Д. Корольюка стала вехой в развитии отечественной концепции Ливонской войны и во многом определяет ее характер до сих пор. В советское время ей вторили изыскания прибалтийских ученых. В те годы область работ собственно прибалтийских историков лежала в сфере прежде всего экономической, аграрной истории, как политически более или менее нейтральной и в то же время на местном материале хорошо обеспеченной источниками⁸⁹. Однако от прибалтийских ученых требовали и политически лояльных работ, и в этом плане стоит отметить монографии Я. Я. Зутиса, затрагивавшие как тему Ливонской войны, так и в целом историю Остзейского края до конца XVIII в.⁹⁰

Лексика цитаты из монографии Я. Я. Зутиса по остзейскому вопросу заслуживает того, чтобы привести его слова целиком:

«Грозные события Ливонской войны ничему не научили дворянских хищников, которые при полном отсутствии у них патриотизма по-прежнему копошились в разлагающемся трупе средневековой германской колонии, стремясь по возможности урвать для себя прав на притеснение крестьян и, лавируя в мутной обстановке военных грабежей и насилий, втихомолку воровали имена и крепостных, принадлежавших Ливонскому ордену или епископам».

По мнению латышского ученого, «потомки бывших вассалов Ливонского ордена и епископов только выиграли от военных несчастий и политических смут, постигших страну со времени Ливонской войны». Этим и объясняется отсутствие патриотизма и национального немецкого духа у ливонцев и позже остзейцев — в них классовое встало над национальным⁹¹.

⁸⁸ Там же. С. 22, 29, 31.

⁸⁹ См., например, труды: *Ligi H. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi Sõja algul (1558–1561)*. Tallinn, 1961; *Дорошенко В.* Очерки по хозяйственной истории Латвии: XVI век. Рига, 1970.

⁹⁰ *Zutis J. Livonijas karš (1558–1583)*. Rīga, 1949; *Зутис Я. Я.* К вопросу о Ливонской политике Ивана IV // *Известия АН СССР. М., 1952. Серия истории и философии. Т. 9. № 2. С. 133–143; Palamets H. Liivi sõda. 1558–1583*. Tartu, 1973.

⁹¹ *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 28, 35–36.

Советские историки нередко изображали Ивана Грозного защитником прав коренного населения Прибалтики (ливов, эстов), в особенности крестьян, перед немецкими рыцарями, в сущности являвшимися оккупантами и угнетателями исконных жителей края. Так, Я. Я. Зутис как достоверный приводит слух, который распространяли эстонские крестьяне, будто бы Иван IV хочет истребить всех немцев, а землю дать селянам, «как в старину». Согласно посланию Магнуса от 29 июня 1561 г., в Феллине русские раздавали местным крестьянам грамоты, освобождавшие их от власти помещиков⁹². Якобы именно Россия спасала латышей и эстонцев от угрозы физического истребления со стороны немцев.

Если в XVI в. немецкие авторы говорили о зверствах московитов над мирным населением, то в XX в. советские историки писали о радостной встрече угнетенными латышами и эстонцами освободительной русской армии. По словам С. В. Бахрушина, «Тотчас после взятия того или иного города местные крестьяне сбегались в русский лагерь и выражали готовность присягнуть на верность России»⁹³. Этот тезис был подхвачен и марксистской восточногерманской историографией. В частности, Э. Доннерт утверждал, что одряхлевший Ливонский орден был разрушен освободительной борьбой прибалтийских народов, а армия Ивана IV сознательно и искусно играла на классовых и национальных противоречиях между эстонским и латышским крестьянством и немецким феодализмом. К 1559 г., согласно утверждениям Доннерта, треть прибалтийских крестьян состояла в партизанских отрядах, сражавшихся против бывших господ на стороне русских, то есть в Ливонии возникла чуть ли не «революционная ситуация». Правда, окончательному освобождению угнетенных народов помешала сословная солидарность русских и ливонских феодалов, которая в вопросе эксплуатации крестьян оказалась сильнее межгосударственных противоречий. Но крестьянское восстание 1560 г. фактически разрушило орден⁹⁴.

Те же тенденции были в белорусской историографии советского времени. Поскольку факт войны России с Великим княжеством Литовским обойти было невозможно, ему была дана любопытная трактовка. Указывалось, что феодалы Великого княжества хотели прибрать к рукам все русские, украинские и белорусские земли. Россия с этим не могла смириться, тем более что магнаты блокировали державу, не давали ей выйти к морю. Из-за этого и началась Ливонская война⁹⁵. Таким образом, характер противостояния трактовался как классовый: Русскому государству противостоял не народ Великого княжества Литовского, то есть белорусский и литовский, а феодалы, которые по определению были враги собственного народа. Поэтому в книгах можно было встретить такие цитаты: «Широкие слои белорусского населения выражали желание быстрейшего окончания разорительной войны победой русских войск. Папский посол писал, что население Белоруссии “публично молится о даровании москвитянам победы”»⁹⁶, или: «В Белоруссии русские войска с радостью были встречены народными массами... Успеху русских войск содействовала помощь народных масс Белоруссии... 15 февраля 1563 г. Полоцк был освобожден (sic! — А. Ф.)

⁹² Там же. С. 26.

⁹³ Бахрушин С. В. Разгром Ливонского Ордена в Прибалтике (XVI век). С. 9, 18.

⁹⁴ На восстание в историографии Ливонской войны одним из первых сделал акцент польский историк С. Карвовский, указавший на его роковую для ордена роль (*Karwowski S. Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558–1561. roku. Poznań, 1873. S. 67–68*). О развитии этого тезиса в немецкой историографии Германской демократической республики, писавшей с позиций классовой борьбы, см.: *Donner E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. S. 21, 45, 65, 66, 72, 78*.

⁹⁵ Гісторыя Беларускай ССР. Мінск, 1972. Т. I. С. 227.

⁹⁶ История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 55.

и 16 последующих лет находился в составе Русского государства»⁹⁷. Белорусские крестьяне в неурожайные годы в конце XVI в. искали спасения в бегстве в Россию⁹⁸.

В советское время Ливонская война не была предметом специальных исследований литовских ученых. Ведь это была война Литвы с Россией, и поэтому говорить о ней в рамках единой советской историографии, в основе которой лежит постулат о вековой дружбе братских народов, было не очень удобно. Приходилось прибегать к словесной эквилибристике, что русско-литовские войны вели феодалы, классово чуждые собственным народам, а вот народы как раз издревле тяготели к солидарности и интеграции. Наиболее значительные исследования в советской литовской историографии, в которых так или иначе затрагивалась тема Ливонской войны, вышли из-под пера Брониса Дундулиса и Анастаса Тиле.

Дундулис трактовал Ливонскую войну как логическое продолжение территориальных споров между Россией и Великим княжеством Литовским, получивших развитие с начала XVI в. Перед Литвой также, как перед Россией, остро стояла проблема выхода к Балтийским портам, в котором нуждалась литовская экономика. В результате Ливонской войны, по Дундулису, в 1581 г. Великим княжеством был завоеван выход к Балтийскому морю через Ригу. Но победа оказалась пирровой: «Однако борьба эта потребовала от Литвы многих средств и сил, способствовала сближению с Польшей и вовлекла впоследствии в тяжелые войны со шведами»⁹⁹. Поэтому XVI век Дундулис называет для Великого княжества временем неудачным. Литве не были возвращены захваченные крестоносцами западные ее земли. Она ввязалась в войны с централизованным Русским государством. Заключила неблагоприятную для себя Люблинскую унию. Потеряла много земель.

Причину этого литовский ученый видит в фактическом предательстве интересов своего народа со стороны опоячливавшейся литовской знати:

«Перспективными в то время являлись централизованные национальные государства... литовские же феодалы, вместо того чтобы укреплять собственную национальную культуру и сделать литовский язык государственным языком, зарились на чужие культурные ценности... постепенно опоячивались... в те времена государственный патриотизм должен был перерасти в патриотизм национальный. В то время как государство было обязано служить литовскому народу, наблюдалось противоположное явление, наносившее вред ему и тем самым государству, — национальная оторванность правящего сословия от его этнической основы — народа, сохранявшего верность литовскому языку и национальным традициям. Великое княжество Литовское выполнило большую историческую задачу, защитив литовский народ от иноземного порабощения. Однако оно не освободило и не объединило все литовские земли, допустило ослабление государственной самостоятельности, недостаточно способствовало развитию национальной культуры»¹⁰⁰.

В концепции Дундулиса явно чувствуется ностальгия по утраченной в 1939 г. национальной литовской государственности, о которой в СССР нельзя было говорить в положительном ключе. И вильнюсские историки прибегали для манифестации своей государственности к образам Средневековья, в том числе и Ливонской войны. Показательна и антипольская направленность данной работы: союз с Польшей расценивается как негативная страница в истории литовского народа.

⁹⁷ История Белорусской ССР. Минск, 1952. Т. I. С. 87.

⁹⁸ *Абеледарский Л. С.* Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв. Минск, 1978. С. 61.

⁹⁹ *Dundulis B.* Lietuvos užsienio politika XVI a. Vilnius, 1971. P. 289.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 292–294.

В 1986 г. вышла монография Анастаса Тиле, посвященная литовской политике на землях завоеванной Ливонии в XVI–XVII вв.¹⁰¹ Эта книга оказалась менее политизированной, чем подтекст исследования Дундулиса. Предысторию и историю Ливонской войны Тиле трактовал в строго историко-правовом и экономическом ключе. В силу такого подхода ученый сосредоточил свое внимание на первой трети XVII в., им был впервые введен в научный оборот широкий круг актового материала. Что же касается второй половины XVI в., то здесь обзор событий довольно конспективен и тривиален. Довольно стереотипна и вышедшая в эти же годы эстонская книга о Ливонской войне¹⁰².

Говоря о советской историографии, мы не упоминаем серьезные научные достижения в изучении отдельных сюжетов Ливонской войны А. А. Зимина¹⁰³, Р. Г. Скрынникова¹⁰⁴, А. Л. Хорошкевич¹⁰⁵, Б. Н. Флори¹⁰⁶ и других российских историков второй половины XX в., уточнивших многие факты и трактовку конкретных сюжетов. Но их результаты — именно научные, имеющие ценность для историографии. Они будут проанализированы в соответствующих разделах книги. В данной же главе нас больше интересуют именно дискурсы, то есть оптика, с помощью которой историки смотрели на события XVI в. А она зачастую зависела вовсе не от научных достижений.

Россия между Востоком и Западом, или дискурс неправильной войны Ивана Грозного

Наибольшее влияние на историографию Ливонской войны оказало прочтение русской истории через парадигму противостояния Востока и Запада. Это выразилось в историографическом дискурсе, согласно которому в конце 1550-х гг. в правящих кругах Русского государства шла борьба двух концепций внешней политики. Руководство посольских служб во главе с лидером «Избранной рады» А. Ф. Адашевым настаивало на том, чтобы развивать успех на восточном направлении, где Россия успела одержать ряд побед (над Казанью в 1551–1552 гг. и Астраханью в 1554–1556 гг.) и могла найти союзников на Западе. Однако сам царь и его предопричное окружение, вопреки здравому смыслу и советам квалифицированных дипломатических работников, решили свернуть восточное направление и все силы бросить на войну с Европой. Это привело сначала к внутривластическому кризису (падению правительства Избранной рады, опале на А. Ф. Адашева). А затем этот неверный выбор противника привел к общему поражению России в Ливонской войне.

¹⁰¹ Tyla A. Lietuva ir Livonia: XVI a. pabaigoje – XVII a. pradžioje. Vilnius, 1986; краткое изложение основных выводов данной монографии было повторено в статье: Tyla A. Political, Cultural and Economic Relations between Lithuania and Livonia in the Sixteenth–Seventeenth Century // La Via Dell' Ambra. Dal Baltico All'Alma Mater. Bologna, 1994. P. 475–484.

¹⁰² Palamets H. Liivi sõda. 1558–1583. Tartu, 1973.

¹⁰³ См.: Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; 3) В канун грозных потрясений. М., 1986. — Вопросы истории Ливонской войны получили освещение в отдельных разделах данных монографий.

¹⁰⁴ Скрынников Р. Г. 1) Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году // УЗ ЛГПИ. 1965. Т. 278. С. 3–86; 2) Начало опричнины. Л., 1966; 3) Опричный террор. Л., 1969; 4) Иван Грозный. М., 1975; 5) Россия после опричнины. Л., 1975; 6) Бегство Курбского // Прометей. М., 1977. Вып. 11. С. 294–300; 7) Царство террора. СПб., 1992.

¹⁰⁵ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1984; Хорошкевич А. Л. 1) Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVII веков. М., 1990. С. 285–290; 2) Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 23–42; 3) Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформаторы в истории России. М., 1996. С. 23–34.

¹⁰⁶ Флора Б. Н. 1) Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978; 2) Иван Грозный. М., 1999.

На чем основана данная точка зрения, и как она получила развитие в литературе, посвященной Ливонской войне? Первым автором, который поставил вопрос об альтернативе направления внешней политики России в конце 1550-х гг. и оценил сделанный царем выбор как ошибочный, был князь Андрей Михайлович Курбский. В 1579 г. в Третьем послании к Ивану IV, упрекая царя в бегстве от крымского хана и сожжении Москвы в 1571 г., он писал:

«А тои же измаилтески пес прежде, когда богоугодно пребывал еси пред нами, наимеишими слугами твоими, и на поле диком бегая, места не нашол, и вместо нынешних превеликих и тяжких даней твоих, ими же накупуеш его на христианскую кров нашими саблями воинов твоих в бусурманские головы было плачено, или дан давано ему»¹⁰⁷.

Под «измаильским псом»¹⁰⁸ понимался крымский хан Девлет-Гирей (1551–1577). Курбский здесь употребляет данный оборот для большей контрастности повествования: этого презренного иноверного «пса» раньше, при Курбском и его друзьях, русские воеводы побеждали, а теперь хан гоняет царя Ивана — обвинение, несомненно, весьма унижительное для Грозного. Таким образом, в своем Третьем послании царю князь противопоставил успешную антикрымскую внешнюю политику 1550-х гг. поздним неудачам Ивана IV на восточном направлении. При этом политику 1550-х гг. Курбский связывал с собственной деятельностью и влиянием на Ивана IV благих советников, а последующие ошибки — с самостоятельными поступками царя.

В «Истории о князя великого московского делех» (начало 1580-х) беглый боярин развил свои взгляды. Князь описывал, как к концу 1550-х гг. Россия покорила Казань, Астрахань, фактически подчинила Ногайскую Орду, а эпидемия довела до полного истощения Крым («Некоторые самовидцы наши тамо мужие бывше, свидетелствовали иже и в тои орде перекопской десяти тысящеи коней от тое язвы не осталос») ¹⁰⁹. Курбский утверждал, что:

«Тогда время было над бусурманы христианским царем мститися за многолетнюю кров христианскую безпрестанне проливаему от них и оупокоити от них себя и отечества свои вечне. Ибо ничего ради другаго, но точию тог ради и помазаны бывають еже прямо судити, и царства врученные им от Бога обороняти от нахождения варваров. Понеже и нашему тогда цареви советницы некоторые мужие храбрые и мужественные советовали и стужали да подвигнется сам своею главою со великими воиски на перекоп, времени на то зовущу и Богу на се подвижущу и помощ на сие истое хотяще подати, аки самым перстом показующе погубити врагов своих старовечных христианских кровопивцов...»¹¹⁰

¹⁰⁷ Курбский А. М. Третье послание Ивану IV // Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. II. С. 312.

¹⁰⁸ Измаил — сын патриарха Авраама и его служанки египтянки Агари, праотец союза 12 племен измаилитов Аравийской пустыни (*Быт. 16: 2–16, 21: 10, 18, 20–21, 25: 16, 18*). В исламе он отождествляется с Исмаилом, сыном Ибрахима (Авраама), освятившим как «Обитель Божию» главный мусульманский храм Кааба в Мекке (*Коран 2: 116, 119, 121, 130, 134*). Исмаил считался родоначальником мусульманских народов и истинным хранителем их веры еще до пророка Мухаммеда. Собака (пес) в Библии считалась нечестивым животным. В Писании известно унижительное ругательство «мертвый пес» (*2 Цар. 9: 8, 16: 9*). Собаками называли блудниц и других лиц, занимавшихся презренными делами.

¹⁰⁹ Курбский А. М. История о князя великого московского делех // Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. II. С. 115.

¹¹⁰ Там же. С. 115–116.

Однако царь не послушался своих мудрых советников, не напал на Крымское ханство. Он в это время уже вынашивал «на своих сродных и единокленных острогу оружия паче нежели поганом готовал»¹¹¹.

Насколько обоснованны инвективы Курбского? Казалось бы, конкретные события 1550-х гг. подтверждают его слова. Действительно, покорение Казани (1552) и Астрахани (1554–1556) придало особый стимул как антимусульманской риторике, так и самоощущению России себя на международной арене лидером борьбы с мировым бусурманством. В то время как даже Священная Римская империя только оборонялась от турок, как Литва откупалась от угрозы нашествия крымских татар, Московия разбилась и подчинила два мусульманских государства, поставила к 1557 г. под свой контроль Ногайскую Орду и нанесла несколько чувствительных ударов Крыму. Такими успехами в борьбе с магометанами не могла похвастаться ни одна христианская держава.

В январе 1553 г. в наказе послу в Литву Н. Сущеву говорилось о покорности нагаев, позорном бегстве от Тулы крымского хана, который убоился славы русского оружия. О взятии Казани в грамоте панам рад говорилось так:

«...которой бусурманской род из Казани ото многих лет христианскую кровь приливал и государю нашему до его возрасту многую досаду делал, и тот бусурманской род Казанской, Божию милостию, государя нашего саблей померли, и на Казани ныне государь наш своих наместников и воевод учинил, и православною верою христианскою место то бусурманское обновил, мечети разбив, церкви учинил, и христьянскою верою Божие имя в том месте ныне славитца, и та земля вся на государя нашего уста смотрит, и с государя нашего государьством поспол учинена, а царь казанской Едигер, и всех уланов и князей и лутчих людей жены и дети полоном к Москве приведны. И мы о том Богу хвалу воздаем, дай Боже нам и вперед видети, чтоб и иным бусурманским родом христьянская кровь отомстилась»¹¹².

По мнению Е. Н. Кушевой и Б. Н. Флори, около 1555 г. было принято принципиальное решение, что следующей после Астрахани целью российской наступательной внешней политики будет Крымское ханство¹¹³. Э. Тибберг предлагает уточнение: Москва не планировала собственно оккупацию Крыма (которая была нереальной), а хотела ослабить его военными акциями, и с помощью ногаев добиться раскола среди крымских татар, вплоть до возникновения на юге еще одного татарского ханства, союзного России¹¹⁴.

После набега Крыма на Литву зимой 1557/58 г. отношения Великого княжества и ханства обострились. Хан с середины 1540-х гг. постоянно требовал «большие поминки». В первой половине 1550-х гг. практически не прекращались столкновения «на окраине» татар с днепровскими казаками¹¹⁵. Поэтому ряд влиятельных литовских магнатов (К. Острожский, С. Збаражский) был склонен всерьез обсуждать предложения об антитатарском союзе, которые в феврале–марте 1558 г. привезло в Литву посольство Р. Алфёрева и подьячего И. Тютева. Оно являлось реакцией на известия

¹¹¹ Там же. С. 118.

¹¹² Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 372.

¹¹³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 197–198; Флора Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 72.

¹¹⁴ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984. S. 60, 81.

¹¹⁵ Переписка крымского хана с королем Сигизмундом в 1545–1548, 1552–1553 гг. // КИМ-I. № 18–21. С. 21–24; № 28. С. 40–43; № 31–32. С. 45–50; № 38. С. 60–63; № 49. С. 81; № 52. С. 84–85; № 71. С. 110–111; etc.

о набеге крымского хана на Подолию¹¹⁶. На заседании Боярской думы было решено воспользоваться ситуацией и «... короля о дружбе задрати, доколе промеж себя не помирились, чтоб в то время от крымского его отвести».

Все эти события — а Курбский в них, несомненно, «варился» — были, что называется, «на слуху» и создавали у русских воинов, дипломатов и дворян иллюзию, что Москва в самом деле изо всех сил стремится на юг, против Крыма. Поэтому, когда главный театр военных действий в 1558 г. был довольно внезапно перенесен в Ливонию, а с 1561 г. основным фронтом стал западный, русско-литовский, действительно, могло сложиться впечатление, что произошел отказ от южного, антимусульманского направления внешней политики в пользу западного, антикатолического и антипротестантского (то есть, в конечном счете — антихристианского). Курбский здесь, видимо, транслирует мнения, которые бытовали в начале 1560-х гг. среди бояр и воевод, критически смотревших на действия царя.

Другое дело, что масштабное наступление на Крым в XVI в. было делом невозможным (как малореальным оно оставалось и спустя полтора века — вспомним неудачные крымские походы 1687 и 1689 гг. и провал первого Азовского похода 1695 г.). Россия была в 1560 г. не в состоянии организовать крупную военную экспедицию на Крым и тем более добиться в ней победы — это не Казань и не Астрахань, государства в военном отношении ничтожные. Крымское ханство и Россия в XVI в. обладали военным паритетом по мобилизационному потенциалу, это были две сильнейшие армии в Восточной Европе, из которых ни одна вплоть до XVII в. не смогла добиться решающего перевеса над другой.

В конце 1550-х гг. происходила не борьба двух концепций внешней политики, а смена ориентиров — ханство временно загнали за Перекоп и можно было решать другие внешнеполитические задачи, в частности, ливонские и литовские, не опасаясь удара с юга. Насколько верной была такая оценка происходящего, не переоценила ли русская сторона своих возможностей, не ошиблась ли в своем наступлении на запад без окончательного решения крымской проблемы — вопрос другой. Из слов Курбского видно, что некоторые бояре и воеводы считали политику руководства страны ошибочной, были уверены, что надо добивать Крым.

Курбский здесь выдвигает провокационный лозунг крестового похода на неверных, как бы противопоставляя его «неправильной» войне с Ливонией и Великим княжеством литовским (пусть и впадшими в ересь). Трудно сказать, является ли эта идея самостоятельным изобретением беглого князя, или он и здесь транслировал определенные настроения, бытовавшие в командовании русской армии и дипломатическом корпусе в первые годы борьбы за Ливонию. Если обратиться к боевому опыту московских вооруженных сил, их «привычке» воевать с татарами и эмоциональному подъему от недавнего покорения Казани (1552) и Астрахани (1556), то скорее можно предположить второй вариант. То есть нельзя исключать существования «антикрымских настроений», распространяемых соответствующей воеводской группировкой. В то же время нет оснований преувеличивать масштабы влияния этой группировки и говорить о борьбе двух направлений внешней политики на правительственном уровне.

В историографии данные свидетельства Курбского были гиперболизированы, схематизированы и возведены в ранг борьбы двух направлений внешней политики. Н. М. Карамзин, отгалкиваясь от пересказа «Истории о князя великого московского

¹¹⁶ Возмущенную реакцию короля Сигизмунда на нападение крымцев на Подолию см.: Грамота Сигизмунда Девлет-Гирею через Мухедима-гонца, апрель 1558 г. // КИМ-1. № 91. С. 141–143. — Король посчитал, что хан на нападение спровоцировал своими действиями «израдца» Дм. Вишневецкий, перешедший на сторону России. То есть, в конечном счете в татарско-литовском конфликте виновата Москва. А хан не разобрался и причинил «шкоды» Литве.

делех» Курбского и посольских дел, создал концепцию противопоставления антикрымской и антизападной политики Ивана Грозного:

«Но мы — по мнению Историка, знаменитого Курбского — не следовали указаниям перста Божия и дали оправится неверным...»¹¹⁷

«...некоторые из Думных Советников предлагали Государю довершить великое дело славы, безопасности, благоденствия нашего завоеванием последнего Царства Батыева; и если бы он исполнил их совет, то предупредил бы двумя веками знаменитое дело Екатерины Второй: ибо вероятно, что Крым не мог бы противиться усилиям России, которая уже стояла пятою на двух, лежащих пред нею Царствах, и смотрела на третий как на лестную добычу: двести тысяч победителей готовы были ударить на гнездо хищников, способных более к разбоям, нежели к войне оборонительной... Но сия мысль казалась еще дерзкою: путь к Крыму еще не был знаком войску; степи, даль, трудность продовольствия устрашали...»¹¹⁸

При этом Н. М. Карамзин привнес в нее многие реалии своей эпохи (актуальность темы покорения Крыма, которое свершилось только в 1783 г., полемика вокруг возможностей Российской империи наступать дальше на Восток или сосредоточиться на разделах Польши и т. д.)¹¹⁹. Для историков XIX – начала XX в., развивавших концепцию Н. М. Карамзина (Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, Д. И. Багаля и др.)¹²⁰, высказанная «Колумбом русской истории» идея приобрела аксиоматичный характер. Тезис о противопоставлении восточного направления внешней политики, связанного с деятельностью Избранной рады, и наступления на Запад, сторонником которого был сам царь, стал переходить из работы в работу. В разногласиях по вопросам внешней политики историки увидели и причины падения Избранной рады. Таким образом, получилась стройная и ясная схема истории русской внешней политики и ее влияния на внутреннее развитие государства в конце 1550-х гг.

В 1930-е гг. сторонников «крымского направления» стали критиковать. С. Ф. Платонов писал, что Избранной радой «мудрая осторожность была забыта, и осмотрительную деловую программу сменили воздушные замки». В художественных словах Курбского историк уже видел якобы реально существовавший «фантастический проект перебросить через “дикое поле” всю громаду московских полевых войск на Черноморское побережье», называл его «политической мечтою авантюриста». Платонов утверждал, что «Время звало Москву на запад, к морским берегам»¹²¹. С разрывом со своими советниками, не понявшими велений времени, связывал обращение царя к наступлению не на Крым, а на Ливонию Р. Ю. Виппер¹²². И. И. Полосин называл «партию» Избранной рады — «партией литвофилов», которые обрадовались смерти царицы Анастасии, что теперь можно женить государя на литовке и быстренько подписать вечный мир на выгодных для врага условиях¹²³. В. Д. Королюк, также склонный

¹¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1819. Т. 8. С. 254.

¹¹⁸ Там же. С. 240.

¹¹⁹ Об интенсивном осмыслении этих тем русской мыслью в конце XVIII – начале XIX в. см.: Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 31–122.

¹²⁰ Багаля Д. И. Русская история. Харьков, 1911. Ч. 2. Вып. 1. Удельный и Московский периоды. С. 234; Иловайский Д. И. История России. М., 1890. Т. 3. Московско-царский период. С. 250; Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 3. С. 507; Устрялов Н. Г. Русская история. СПб., 1845. Ч. 1. С. 241; Шмурло Е. Ф. Курс русской истории: Русь и Литва. С. 82–85.

¹²¹ Платонов С. Ф. Иван Грозный... С. 70–71.

¹²² Виппер Р. Ю. Иван Грозный. С. 141.

¹²³ Полосин И. И. Монастырские объезды Ивана IV (из истории военной политики России) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С. 87.

обвинять сторонников Избранной рады в измене, писал, что стремления рады к завоеваниям на южном направлении отвечали классовым требованиям «реакционного боярства», которое хотело расширения своих земельных владений. Классовая узость интересов не позволяла боярам понять стратегических замыслов русского царя в его борьбе за выход России к морю¹²⁴.

Очень показательным для советской историографии суждение А. А. Новосельского (1948), комментирующего высказывания Андрея Курбского об ошибочности действий Ивана Грозного:

«Мы не входим в обсуждение вопроса о правильности обвинений, предъявленных Курбским царю Ивану IV, и об осуществимости в то время проекта похода на Крым. По этому вопросу большинство историков правильно становятся на сторону царя Ивана IV»¹²⁵.

Концепцию о борьбе между Избранной радой и сторонниками эскалации ливонского конфликта поддержали и современные западные ученые — Э. Доннерт, Н. Ангерманн, К. Расмуссен, Э. Тибберг¹²⁶. В их воззрениях (исключая, может быть, более взвешенную позицию Э. Тибберга, который, основываясь на неотстранении Избранной рады от власти, считал, что вплоть до 1560 г. ливонский фронт для России был второстепенным по сравнению с южным¹²⁷) немалую роль играл дискурс русской оппозиции власти как потенциального союзника Запада.

Согласно этому дискурсу, самые разумные и успешные московские политики, реформаторы, Избранная рада до такой степени не хотели воевать с европейскими странами, что дошли до оппозиции царю. Мотивы такой позиции ученые называли разные — от: «Понимали, что русским не по зубам война с цивилизованными странами» до: «Осознавали, что России надо дружить с Европой и воевать против мусульманского востока». То есть, образ противников первой войны России и Европы в европейской историографии был отождествлен со стереотипным образом русского диссидента — сторонника Запада, ставящего рационализм выше верности своему господину, не сомневающегося в возможности подданного учить царя и изменять ему. Что характерно, этот дискурс во многом был основан на записках первого русского диссидента — А. М. Курбского.

Более взвешенная позиция представлена в работе польского историка И. Грали. Он отмечал, что

«...основным внешнеполитическим принципом Москвы в эти годы было не допустить войны на два фронта. При этом московские политики, просчитывая возможные последствия такой войны, часто проводили свой курс вопреки воле царя ... последовательное уклонение от войны с Польско-Литовским государством развязывало Москве руки на востоке, где внешнеполитический курс был наиболее успешным: достаточно вспомнить завоевание Казани и Астрахани, признание вассальной зависимости Ногайской орды и черкесских князей ... главной целью восточной политики провозглашалась ликвидация крымской

¹²⁴ *Королук В. Д.* Ливонская война... С. 28–29.

¹²⁵ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 12.

¹²⁶ *Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland... S. 26; *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik... S. 71, 79; *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 154–155; *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 81–82, 111.

¹²⁷ *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 112. — Историк справедливо заметил: то, что Иван IV в 1564 г. обвинял Адашева и Сильвестра в неправильной политике в 1558–59 гг., еще не означает, что в 1559 г. царь не был с ними солидарен. Он лишь спустя годы взвалил на своих бывших советников всю вину за случившиеся неудачи (*Ibid.* S. 155).

угрозы. Учитывая то, что подобная цель стояла и перед государством Ягеллонов, московские дипломаты старались использовать данное обстоятельство для заключения выгодного мира с Литвой, которую соблазнили перспективой создания антилитовской коалиции».

События 1560 г., вмешательство в Ливонскую войну Великого княжества Литовского выявили просчеты русских дипломатов и подписали «...приговор группе советников, которые оказались правы в принципиальном споре с государем»¹²⁸.

В современной российской историографии можно выделить два направления. Представители первого с разными уточнениями воспроизводят традиционную точку зрения о противопоставлении восточного и западного направлений внешней политики России в 1550–1560-е гг., восходящую еще к Н. М. Карамзину. Р. Г. Скрынников говорил о том, что Россия не выдерживала войны на два фронта и «неудачи в Ливонии» привели к окончательной переориентации внешнеполитического курса России: поиску мира с Крымом и сосредоточению всех ресурсов для наступления на Ливонию¹²⁹. О выборе в пользу Ливонии, потому что «Ливонская война с ее целью выхода на Балтику отвечала общегосударственным интересам», писали А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич¹³⁰.

В. П. Загоровский, изучив состояние русской сторожевой и станичной службы на юге России в середине XVI в., пришел к выводу о произвольном характере отказа Ивана IV от активной политики на южном направлении, что проявилось в ошибочном разрушении в 1562 г. передовой крепости — Псельского города, который имел значение, аналогичное... знаменитому Каховскому плацдарму времен Гражданской войны (1920 г.). Это решение «показывает также политическую недалековидность и дипломатическую слабость Ивана Грозного, вставшего после разрыва с Избранной радой на путь террора и удовлетворения собственных, зачастую нелепых прихотей»¹³¹.

Таким образом, это историографическое направление можно обозначить как традиционное. Его представителей характеризует уверенность в возможности историков принимать, пусть и в теории, гораздо лучшие решения, чем действовавшие политики. Поэтому щедро пускаются критические стрелы в адрес либо Избранной рады, либо Ивана IV. Исследователи этой группы стремятся не столько понять мотивы поступков государственных деятелей XVI в., сколько осудить их с высоты XX в.

В то же время в отношении данной концепции зазвучали и голоса скептиков. И. В. Курукин, хотя и считал причиной падения «правительства Адашева — Сильвестра» разногласия с царем по внешнеполитическим вопросам, определял Сильвестра как представителя в правительстве «торгово-промышленных кругов», которым была невыгодна война в Ливонии. Поэтому нельзя, по его мнению, считать, будто бы Сильвестр выступал против Ливонской войны для того, чтобы наступать на Крымское ханство. Избранная рада также боялась разрастания конфликта до европейских масштабов и пыталась этому противостоять¹³². С. О. Шмидт указал, что лидер Избранной рады А. Ф. Адашев фактически руководил всей дипломатической подготовкой Ливонской

¹²⁸ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 232–233.

¹²⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 131–133.

¹³⁰ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 112; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений в середине XVI в. М., 2003. С. 205.

¹³¹ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 128–129, 142–143.

¹³² Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра. С. 42.

войны. Поэтому утверждения, будто бы он был ее противником и сторонником наступления на Крым, не находят подтверждения в источниках¹³³.

Б. Н. Флоря высказал гипотезу, что в «...конце 50-х годов была предпринята попытка осуществить сложный политический замысел... целью которого было добиться одновременного решения в интересах России и крымской, и ливонской проблемы». Сутью этого замысла было предложить Великому княжеству Литовскому союз против Крыма и тем самым добиться нейтралитета Литвы в ливонском вопросе. Тогда Россия без помех захватит Ливонию и вместе с польскими и литовскими войсками разобьет Крымское ханство. Сигизмунд же не сможет не отозваться на призыв объединения сил христианских держав против векового врага — татар. Однако русская дипломатия во главе с А. Ф. Адашевым неверно оценила ситуацию и совершила ряд ошибок. Планы антикрымского союза с Литвой оказались несбыточными. «Сложный политический замысел» оказался провален, что привело к опале Адашева и освобождению царя от влияния своих советников¹³⁴.

Весьма взвешенный взгляд на события конца 1550-х гг. изложен в работе А. В. Виноградова. Он показал, что военно-политическое давление на Крым в 1556–1561 гг. «... стало уменьшаться по причинам объективного характера»¹³⁵. Историк отверг обвинения в «национальной измене» как причине неудач России в Ливонской войне, «уверенно предьявленные» в предшествующей советской историографии. По его словам,

«Реальные противоречия в правительстве Ивана IV, безусловно назревавшие по мере усложнения внешнеполитической ситуации и проявившиеся в 1560 г. в связи с опалой А. Ф. Адашева и удалением Сильвестра, должны быть отделены от последующих легенд, сочиненных сторонниками Грозного и имевших целью в значительной мере взвалить на других лиц внешнеполитические просчеты царя»¹³⁶.

Несмотря на научную аргументацию и опровержение кармзинской прямолинейной схемы «борьбы Востока и Запада» в концепции внешней политики России Ивана Грозного, ее по-прежнему можно часто встретить на страницах учебной и научно-популярной литературы.

Меняем плюс на минус, белое на черное. Либеральный дискурс и Ливонская война

Развитие исторической науки на постсоветском пространстве в значительной мере зависело от национальных и либеральных дискурсов. Особое место в историографии заняло либеральное направление, главной целью которого было переписать отечественную историю через призму либеральных ценностей. Поступки исторических персонажей оценивались с позиций XXI века и критиковались как «антидемократические» или «имперские». Не прошло это направление мимо Ливонской войны — ее стали рассматривать как преступление террористического режима Ивана Грозного.

Примером подобной книги можно назвать исследование А. Л. Хорошкевич, вышедшее в 2003 г. При его несомненных научных достоинствах по конкретным вопросам, по идеологии оно очень эмоционально и исполнено хлестких оценок: «...несомненная победа русской дипломатии над здравым смыслом» — о русско-ливонском договоре 1554 г., «последнее требование звучало издевательски» — о переговорах о размерах

¹³³ Шмидт С. О. А. Ф. Адашев и Ливонская война. С. 246–248.

¹³⁴ Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 131–134.

¹³⁵ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII век / Отв. ред. Г. А. Санин. М., 1999. С. 157–158.

¹³⁶ Там же. С. 161.

Битва под Оршей 1514 г.
Неизвестный художник, первая треть XVI в.

Русско-ливонские переговоры 1554 г. о Юрьевской дани

«...и сына боярского на кол горлом посадили».
Преступления шведов в русско-шведском пограничье,
приведшие к войне России и Швеции в 1555 г.

Осада шведами русской крепости Орешек в 1555 г.

Основание Иваном Выродковым города в устье р. Наровы
(«морском устье»)

Отправка русских войск в Ливонию в январе 1558 г.

Русские войска в Ливонии в 1558 г. под Везенбергом и Фалькенау побеждают ливонцев

Русские войска вышли к морю. 1558 г.

Боевые действия вокруг Валка, Розитгена, Людзена и других ливонских городов

Обстрел ливонцами Ивангорода. 1558 г.

Русские войска переправляются через Нарову. 1558 г.

Штурм Нарвы русскими войсками. 11 мая 1558 г.

Русские врываются в Нарву

ІТЬ МЕЦЬ ПОБНІА МІОГНУ'Ь

Осада Нарвского замка

Чудо Нарвской иконы Божьей Матери.
Немчин кидает икону в костер для варки пива

Обретение на Нарвском пожаре образов Божьей Матери и Св. Николая,
невредимых от огня

Осада Нейшлосса (Сьренска).
Русские строят засеки на пути ливонских войск. 1558 г.

Осада Нейшлосса (Сыренска).
Прибытие войск и строительство осадных укреплений (туры)

Русская осадная артиллерия на позициях под Нейшлоссом (Сыренском)

Русские стрельцы с пищалями на позициях под Нейшлоссом (Сырэнском)

Обстрел и штурм Нейшлосса (Сыренска)

Капитуляция Нейшлосса.

Обращает на себя внимание изображение маленького замка Нейшлосса как большого красивого города

Взятие русскими войсками Нейгауза

Русские стрельцы врываются в Нейгауз

Низложение Фюрстенберга и приход к власти Кеттлера

Штурм русскими войсками Дерпта. 1558 г.

Приведение ливонцев к присяге на верность русскому царю
в покоренных городах

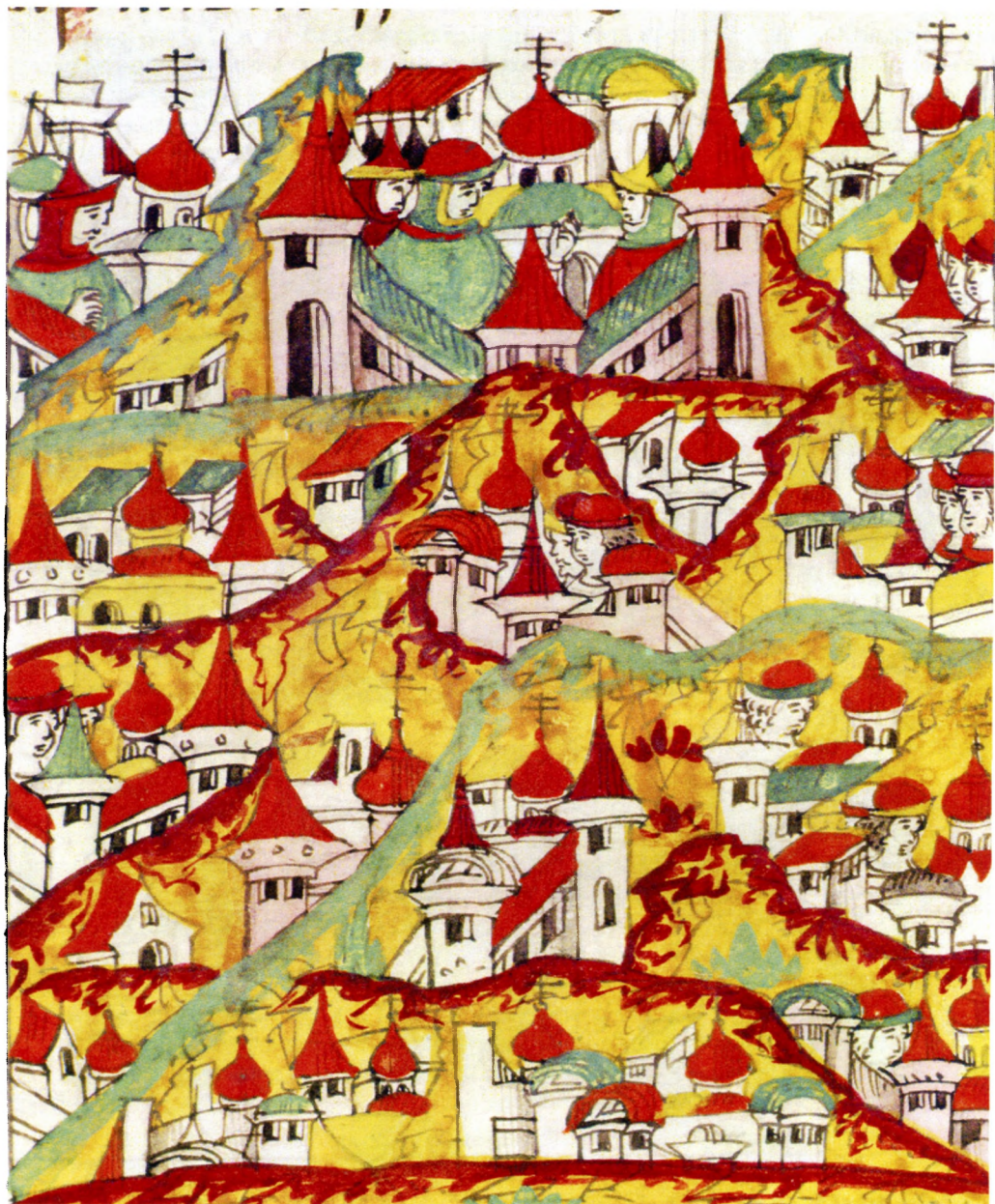
Переписывание русскими имущества во взятом Дерзште

Встреча в Москве чудотворных нарвских икон

Награждение русских воевод за победы в Ливонии
в Александровой слободе

Русская Ливония с православными церквями в замках

Поражение войск Петра Шуйского на Уле в 1564 г.

дани в 1557 г., «из нашего “далека” можно оценить программу А. Ф. Адашева... как программу развития гражданских свобод» — о деятельности Избранной Рады, «исход этого этапа, внешне похожий на триумфальную победу, по существу оказался серьезнейшим поражением» — о взятии Полоцка в 1563 г., «крах ливонской авантюры» — о русско-ливонском перемирии 1570 г.¹³⁷ Эти определения не имеют никакой опоры в источниках, а основаны исключительно на теоретических рассуждениях, преисполненных неприязнью к любым деяниям Ивана Грозного. Любой автор вправе любить или не любить своих героев, но в данном случае эмоции явно взяли верх над научными аргументами.

Основной идеей книги является раскрытие противоречия между русским обществом, его лучшими представителями, и царской тиранией. Общество хотело мира, чувствовало родство с западными «христианами», не желало участвовать в безумных авантюрах царя. С первых событий Ливонской войны Ивану IV противостояла оппозиция из бояр и воевод, которая всеми доступными способами пыталась добиться мира, саботировала царские указы, дезертировала с поля битвы и т. д. Оппозиции противопоставляются преступные царские слуги, которые верно служили государю, исполняли его волю, воевали там, куда пошлют и пр. В итоге лучшие люди — оппозиция — были задавлены тиранией и слугами тирана.

Но всем только казалось, что Иван Грозный побеждает — на самом деле любое его достижение в Ливонской войне вело только к еще худшей тирании и в конечном счете к поражению. Спасти страну могла только оппозиция с ее верным видением «гражданских свобод», сотрудничеством с Западом и др. Война России с Европой А. Л. Хорошкевич осуждается и видится преступной и ошибочной. Она считает единственно верными иностранные оценки Ливонской войны и внутреннего состояния России.

Зависимость основных идей монографии А. Л. Хорошкевич от т. н. «либерального дискурса» 1990-х гг. (в его российском варианте) слишком очевидна, чтобы на этом стоило подробно останавливаться. Ее книга содержит много интересных наблюдений, находок новых фактов и примечательных суждений по конкретным сюжетам, но она слишком проникнута презентизмом, конъюнктурна и тенденциозна. Автор при ее создании, на наш взгляд, больше размышлял и переживал о событиях XX в., чем пытался понять далекое прошлое XVI столетия.

Дефицит научности в современных работах о Ливонской войне порождает совсем странные книги. Екатеринбургский исследователь А. А. Шапран считает войну «главной политической ошибкой московского правительства», а «толкование печального финала» преподносит как результат никчемности тогдашнего российского руководства. Плачевный исход войны объясняется автором «полной политической несостоятельностью Московского государства той эпохи» (из аннотации к книге). А. А. Шапран не вводит в оборот новых источников (с источниками он вообще не знаком), а знает материал по трудам Н. М. Карамзина, Д. И. Иловайского, К. Валишевского, С. М. Соловьева и еще нескольким прочитанным книгам (в списке литературы их чуть более 30). Это он считает достаточным для революционного переосмысления концепции Ливонской войны, которую он называет «одной из величайших военных авантур мировой истории, которая полностью провалилась»¹³⁸.

Книга написана в духе модного в России на рубеже XX и XXI веков дискурса — сказать всю правду, разоблачить лживое изображение прошлого, сорвать покров с затушевывания постыдных деяний России на международной арене. Захватом Ливонии Иван Грозный удовлетворял свою «страсть к завоеваниям». Этим он «полностью

¹³⁷ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений... С. 153, 198, 207, 257, 557.

¹³⁸ Шапран А. А. Ливонская война 1558–1583. Екатеринбург, 2009. С. 524.

игнорировал» интересы своих людей, которые были принесены в жертву неверно понимаемым интересам государства. А. А. Шапран разделяет концепцию противостояния «крымского» и «ливонского» направлений внешней политики и на основе прочтения Н. М. Костомарова считает, что надо было воевать на юге. Но царь, исходя из упрямства и духа противоречия, капризно выбрал «самое неудачное решение». Далее следует претенциозное описание бесконечных просчетов и ошибок, «безумства внешней и внутренней политики Грозного», провала имперских амбиций¹³⁹.

Книга екатеринбургского историка не имеет научной ценности, но она интересна как раз как проявление особого историографического дискурса, пафоса разоблачения, критики России как агрессивной имперской страны, которой правят тираны-безумцы, причиняющие бесконечные страдания и своему, и соседним народам (здесь сближаются идеологические позиции А. А. Шапрана и А. Л. Хорошкевич). Автор с легкостью судит прошлое, абсолютно уверен в том, что он лучше исторических персонажей разбирается в нужности/ненужности, эффективности/бездарности той или иной политики. Этот подход полностью противоречит знаменитому кредо историков, провозглашенному Марком Блоком: «Не судить, но понимать».

Наш обзор современной историографии, несомненно, можно детализировать и расширить. Он затрагивает только наиболее характерные работы. Но можно констатировать: меняются дискурсы, их содержание, но не меняется сама дискурсивная практика восприятия. Многие концепции Ливонской войны носят в значительной степени характер мифа, порожденного презентизмом эпохи.

* * *

В первой части мы попытались дать ретроспективный обзор эволюции образа войны за Прибалтику с XVI по XXI в. Он претерпел изменение от концепции Священной войны, описаний кампании как череды локальных конфликтов (победоносных или негативных) до их объединения в единую Ливонскую войну в поздней историографии. Концепция Ливонской войны развивалась сперва в рамках имперского дискурса, затем в нее были превнесены идеологемы геополитики, классовой борьбы, и наконец в наши дни — либерального дискурса. На приведенном материале мы видим, как в российской мысли шло *конструирование* Ливонской войны.

Но это — всего лишь одна сторона картины, изображающей борьбу за Прибалтику в XVI в. Вторая была написана противниками России, европейцами. Обратимся к ней.

¹³⁹ Там же. С. 95, 114, 116–117, 122, 515.

Часть II

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

[Здесь люди] величавы и горды, и обманчивы, учению же снискательны и к войне и к ратям охочи... пиют же зело много, и всяким слабостям покорени... земля их воздух имеет волной, ни горячь, ни студен, и людьми земля много-человечна зело».

Описание владений Ягеллонов в «Космографии»*

---

* «Избрание вкратце от книги глаголемья Космография, еже глаголется Описание Света, изыскана и написана от древних философ...» // ОР РНБ, Эрмитажное собр., № 567, л.189 об.

Крепость Эрмес.

Недалеко от ее стен 2 августа 1560 г. состоялась последняя битва северных крестоносцев, в которой погиб цесарь Ливонского ордена

Глава X

КАК РОССИЯ СТАЛА ДЛЯ ЕВРОПЫ АЗИЕЙ, ИЛИ ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗА ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Особенности европейских источников о Ливонской войне

Европейские источники о балтийских войнах носят принципиально другой характер. Во-первых, они несравнимы количественно. Мы можем быть уверены, что подавляющее большинство, практически все известные отечественные нарративные источники XVI в. по нашей теме мы рассмотрели в первом разделе. Из нарратива XVII–XVIII вв. изучены все принципиальные памятники, определявшие тенденцию трактовки данного сюжета. Если что-то не упомянуто, то упоминание этого памятника будет полезно для статистики, но не сможет принципиально изменить обрисованную нами картину. Безусловно, далеко не исчерпан круг документальных источников, но их эвристический потенциал лежит в иных сферах, чем у нарратива.

С западными источниками картина совершенно другая в силу разницы культуры и технологий. В XVI в. европейские страны переживали стремительный рост систем распространения информации и способов коммуникаций, который, собственно, и маркирует наступление Нового времени¹.

В Европе расцвела культура эпистолярного творчества. Интеллектуалы той эпохи вели обширнейшую переписку. С поправкой на столетия и технические условия можно сказать, что они обменивались корреспонденцией столь же часто, как мы рассылаем электронную почту. В архивах сохранились тысячи эпистолярных памятников, вышед-

¹ *Lindemann M.* Nachrichtenübermittlung durch Kaufmannsbrieve. Brief-, „Zeitungen“ in der Korrespondenz Hildebrand Veckinhusens (1398–1428). München; New York, 1978; *Schilling M.* Zwischen Mündlichkeit und Druck: Die Fuggerzeitungen // Editionsdesiderate zur Frühen Neuzeit / Hrsg. von R. Hans-Gert. Amsterdam; Atlanta, 1997. Teil 2. S. 717–727; *Behringer W.* 1) Im Zeichen des Merkur. Reichspost und Kommunikationsrevolution in der frühen Neuzeit. Göttingen, 2003; 2) Fugger und Kommunikation // Die Fugger und das Reich: Eine neue Forschungsperspektive zum 500jährigen Jubiläum der ersten Fuggerherrschaft Kirchberg-Weißenhorn / Hrsg. von J. Burkhardt. Augsburg, 2008. S. 245–268; 3) Das Mediensystem im Alten Reich der Frühen Neuzeit (1600–1750) / Hrsg. von J. Arndt, E.-B. Körber. Göttingen, 2010; *Bömelburg H.-J.* Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa. Das polnische Geschichtsdnken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500–1700). Wiesbaden, 2006. S. 33; *Dauser R.* Informationskultur und Beziehungswissen. Das Korrespondenznetz Hans Fuggers (1531–1598). Tübingen, 2008.

ших из-под пера королей и римских пап, епископов и клириков, бургомистров и ратманов, бюргеров и военачальников, мужчин и женщин, сильных мира сего и рядовых горожан или церковников. Лишь малая толика этих писем опубликована в многотомных серийных изданиях. Но и то, что опубликовано, ждет своего исследователя.

Данная переписка создавала своеобразное информационное поле. Собственно, целью этой переписки и был обмен информацией, большей частью в виде слухов или предположений. На ее основе складывались образы, трактовки событий, которые имели практическое значение: формировался политический курс, менялись торговые пути, принимались решения на рейхстагах и ганзетагах. В отличие от России, где видов информации было два — элитно-официальная и тайные народные слухи, о которых мы имеем самое приблизительное представление, в Европе информация, порождаемая хлещущим эпистолярным потоком, была разнообразной, разнонаправленной, предназначенной для всех слоев общества, открытой, на любой вкус и цвет. В Русском государстве что-то похожее появится не ранее XIX в.

Во-вторых, интенсивностью эпистолярного творчества процесс формирования информационного поля не ограничивался. Письма превращались в рукописные новостные сводки, которые получили название рукописных «газет» — *avvisi*. Они, как правило, были предназначены для конкретных адресатов (например, такие «газеты» собирало семейство Фуггеров). Насколько их можно назвать газетой (учитывая ограниченное самим рукописным жанром количество читателей) — вопрос другой, но в любом случае это шаг от личного письма к публичному новостному листку². За вторую половину XVI в. известно два крупных собрания таких рукописных подборок новостных известий — собрание герцогов Урбинских, хранящееся в Ватиканской библиотеке, и собрание Фуггеров в Австрийской Национальной библиотеке в Вене³. Это — совершенно особый тип источников, который практически не привлекался для изучения Ливонской войны и связанной с ней пропаганды второй половины XVI в. К сожалению, в настоящей работе мы не смогли привлечь *avvisi* в полной мере, и здесь кроются перспективы будущих исследований.

Европа XVI в. имела высокоразвитое книгопечатание. В России в середине XVI в. феномен книгопечатания только-только зарождался, издаваемые книги были исклю-

² *Werner T.* Das kaufmännische Nachrichtenwesen im späten Mittelalter und in der frühen Neuzeit und sein Einfluss auf die Entstehung der handschriftlichen Zeitung // *Scripta Mercaturae*. 1975. Bd. 2. S. 3–52; *Infelise M.* From merchant's letters to handwritten political avvisi: notes on the origins of public information // *Cultural Exchange in Early modern Europe*. Bd. 3: Correspondence and cultural Exchange in Europe: 1400–1700 / Ed. by F. Bethencourt, E. Florike. Cambridge, 2007. P. 33–52.

³ За предоставленную информацию об *avvisi* о Ливонской войне приношу глубокую благодарность И. В. Дубровскому. См. также: *The Fugger News-Letters. Being a selection of unpublished letters from the Correspondents of the House of Fugger during the years 1568–1605* / Ed. by V. Klarwill. London, 1925; *The Fugger News-Letters. Second series, being a further selection from the Fugger papers specially referring to Queen Elizabeth and matters relating to England during the years 1568–1605* / Ed. by V. Klarwill, London, 1926; *Kleinpaul J.* Das Nachrichtenwesen der deutschen Fürsten im 16. und 17. Jahrhundert. Leipzig, 1930; *Fugger-Zeitungen. Ungedruckte Briefe an das Haus Fugger aus den Jahren 1568–1605* / Hrsg. von V. Klarwill. Wien; Leipzig; München, 1923; *Die Korrespondenz Hans Fuggers von 1566 bis 1594. Regesten der Kopierbücher aus dem Fuggerarchiv* / Bearb. von Ch. Karnehm. Bd. 1–3. München, 2003; *Barbarics Z., Pieper R.* Handwritten Newsletters as a means of Communication in Early modern Europe // *Cultural Exchange in Early modern Europe*. Cambridge, 2007. Bd. 3: Correspondence and cultural Exchange in Europe, 1400–1700 / Hrsg. von F. Bethencourt, E. Florike. P. 53–79; *Barbarics Z.* Die Sammlungen handschriftlicher Zeitungen in Mittel- und Südostmitteleuropa in der Frühen Neuzeit // *Společnost v zemiach habsburské monarchie a její obraz v pramenech (1526–1740)* / Hrsg. von V. Bůžek, P. Král. České Budějovice, 2006. S. 219–244; *Hipfinger A., Löffler J.* “Die Wiener Fugger-Zeitungen”: Eine Bestandsaufnahme // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 2009. Bd. 117. H. 3–4. S. 379–398; *Bauer O.* Zeitungen vor der Zeitung. Die Fuggerzeitungen (1568–1605) und das frühmoderne Nachrichtensystem. Berlin, 2011.

чительно церковными и имели весьма узкий круг хождения. Появление *печатной истории* при Иване Грозном немислимо. А в жизни европейцев печатное слово играло большую роль. Помимо собственно публикаций исторических и политических трактатов, записок путешественников, отчетов послов, рассказов географов важное место в формировании вышеупомянутого информационного поля имели первые газеты и так называемые «летучие листки» — небольшие, в несколько страниц, публикации пропагандистского характера, в которых под определенным, прокламационным углом зрения сообщались «последние новости».

Русским просто нечего было противопоставить тем же полякам, когда в обозе короля Стефана Батория ехала походная типография, которая после нового сражения выпускала «летучий листок» о том, какую очередную грандиозную победу над варварами-схизматиками одержали польские католики, христианский оплот всей Европы от московитов⁴. Листки уходили в глубь континента, читались на площадях, в тавернах, переводились и перепечатывались на немецком языке, и вскоре вся Европа знала «последние новости» с московского фронта! Эта была настоящая пропагандистская война⁵, которую Россия проиграла вчистую из-за отсутствия развитого книгопечатания, технологической и культурной отсталости.

Третьей особенностью западного нарратива была принципиально иная культура исторической мысли. Рационализм европейских конфессий, привычность к диспутам, стремление все объяснить и доказать с помощью более изощренных аргументов, чем ссылка на волю Божию, вызывали к жизни трактаты, меморандумы, «дискурсы» (рассуждения) и т. д., в которых анализировались происходящие события и предлагалась их трактовка. При этом события вписывались в привычные культурные и исторические схемы, привлекались для осмысления каких-то своих внутриевропейских проблем. Сходную тенденцию мы видим в русских летописях, но по сравнению с накалом творчества европейских интеллектуалов отечественные летописцы выглядят бледно и бесцветно и, самое главное, очень однообразно. Западный же нарратив предлагает разнообразные трактовки одних и тех же сюжетов, чем он и интересен.

Главным здесь был вопрос об идентичности участников конфликта, их помещении в определенную картину мира, систему координат. Если, как мы видели, для отечественных интеллектуалов война с Европой только подтверждала уже имевшиеся культурные установки, дискурсы и идеологемы, то для европейских мыслителей она в самом деле создала ряд новых идентичностей. Именно Ливонская война как первая война России с коалицией европейских государств надолго определила негативный облик русских в глазах Запада. Она сыграла роль и в декларировании идентичности Речи Посполитой, объявившей себя восточным оплотом, форпостом христианства на пути московских варваров с востока. В ходе войны сформировалась идентичность Ливонии как жертвы Реформации и нашествия иноплеменных, но она быстро стерлась под воздействием быстротекущих событий и канула в лету вместе с самой Ливонией.

Наконец, четвертой особенностью европейских источников, о которой надо предварительно сказать, будет их ярко выраженный индивидуализм. Российские хроники безличны, в большинстве случаев мы не знаем, кто писал скупые строки летописей, и уж тем более не можем установить, как биография автора влияла на трактовку им тех или иных событий. Западный нарратив в XVI в. чаще всего имеет автора, и не просто

⁴ Типографом военно-полевой типографии Стефана Батория был Валентий Лапчинский (Walenty Larczyński), который получил королевскую награду за свой вклад в победу в войне (*Osterrider M. Das wehrhafte Friedenreich... S. 117*).

⁵ *Ibid.* S. 115–119.

автора, а автора со своей жизненной историей, своими религиозными, культурными, этногосударственными установками, которые формируют стиль изложения и отбор материала. Авторы искренни и лживы, хитроумны и наивны, скромны и хвастливы, одержимы навязчивыми идеями. Их объединяет стремление донести до читателя свое слово — личный рассказ, рассказ очевидца воспринимается как своего рода обязанность человека, носителя уникальной информации.

О Ливонии как о далекой периферии Священной Римской империи в Европе знали не очень много, и на какой-то период новости из этой далекой северной страны стали чуть ли не главными, а их создатели почувствовали себя необычайно востребованными людьми. Они *хотели* рассказать сытым и спокойным жителям Любека и Нюрнберга о беде, пришедшей в их некогда прекрасный дом. И сделать историю своих бедствий иллюстрацией к обсуждению волновавших Европу проблем, среди которых на первом месте, конечно, были Реформация и «угроза *христианскому миру* с Востока» — сперва турецкая, а потом, благодаря стараниям наших авторов, с ней стала рифмоваться русская...

А. Л. Хорошкевич как принципиальную особенность источников этого времени выделяет их относительное и абсолютное отставание. Под относительным отставанием она понимает хронологическую дистанцию между событием и моментом, когда о нем узнавали (пока дошло донесение, приехали послы и т. д.). Под абсолютным понимается время между созданием источника и его публикацией, то есть нарратив с отставанием начинал влиять на умы и становиться достоянием читающей публики⁶. Отставание, конечно, имело место прежде всего в силу технологических особенностей передачи информации, но не стоит преувеличивать степень относительного отставания. Современник событий, хронист И. Реннер писал, что новости распространялись с огромной скоростью — во всяком случае, для современников она была быстрой⁷. Через несколько дней *любое* произошедшее в Ливонии событие становилось известным в Европе. Можно смело говорить об актуальности восприятия войны в Прибалтике в европейском социуме.

В силу всех этих особенностей западных источников о Ливонской войне мы не можем пойти тем же путем, что и в первой части — последовательно, хронологически рассмотреть динамику формирования образа Ливонской войны в глазах современников и потомков. Это невозможно потому, что, во-первых, мы не сможем добиться тотальности обзора материала. К сожалению, путь сплошного изучения всех существующих источников о Ливонской войне, каким мы шли при анализе российских источников, для европейских источников в настоящий момент физически невозможен. Их слишком много. Особенно это касается эпистолярного материала. Архивы хранят еще немало дневников, писем, записок, отчетов, меморандумов и других материалов, привлечение которых может обогатить исследование данной темы новыми яркими красками. Изучить их все под силу только международному коллективу из немецких, итальянских, польских, прибалтийских, белорусских, российских ученых. Наша скромная цель — наметить, хотя бы эскизно, возможный путь такого изучения.

Во-вторых, в силу разнообразия и богатства имеющегося в нашем распоряжении материала более рационально будет рассмотреть его тематически, выявить различные дискурсы, которые волновали создателей нарратива, и исследовать их развитие. В этом

⁶ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 18.

⁷ Renner J. 1) Livländische Historien. 1556–1561. Lübeck, 1953. S. 52.

случае мы можем добиться выявления главных тенденций на репрезентативной выборке материала, без его тотального привлечения.

В-третьих, абсолютно необходим учет историко-культурного контекста появления и хождения тех или иных идей, отраженных в текстах. Из книги в книгу кочуют истории о моральном разложении и деградации Ливонского ордена накануне войны, о пьянстве 12-летних мальчиков, о жутком разврате рыцарей с монахинями и т. д. Истории яркие, производящие впечатление на читателей, и современные авторы с удовольствием цитируют их как общее место, без ссылок на первоисточник. А напрасно, потому что первоисточником выступают «Хроника» Бальтазара Рюссова и сочинения других протестантских авторов, стремившихся в ходе борьбы за Реформацию очернить католическое духовенство и защищавший его орден. И никакой объективности и достоверности здесь не стоит и ждать.

Ливонская война была составной частью процесса «открытия России Европой», который развивался в сугубо негативном контексте отношения Запада к России. Но понять особенности отношения Европы к России в XVI в. можно, только вернувшись немного назад, рассмотрев самую начальную стадию «открытия России», по своему интеллектуальному воздействию на европейские умы лишь немного уступавшей открытию Америки Колумбом⁸.

Несколько слов о методике исследования

Европа и Россия в исторической памяти друг друга осуществляют разные варианты цивилизационной судьбы. С какого момента они стали осознавать различия между собой? В настоящей главе мы попытаемся взглянуть глазами европейца на самую начальную фазу складывания русской идентичности в западной культуре.

Эта фаза в литературе часто обозначается термином «открытие Европой России». С точки зрения человека эпохи Возрождения, это было действительно открытие, менее громкое, чем обнаружение за океаном Нового Света, но не менее важное для истории континента. И здесь важно установить, чего в этом открытии было больше: пытливого узнавания чужого мира или вписывания его в заготовленный контекст, применения Западом к нему уже существующих моделей восприятия.

От ответа на последний вопрос зависит постановка очень важной проблемы. Необходимо установить: открытие Европой России в конце XV в. было вызвано стечением исторических обстоятельств, по сценарию, описанному в ставших хрестоматийными словах К. Маркса:

«Изумленная Европа, в начале правления Ивана (Ивана III. — А. Ф.) едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь Московита»⁹?

⁸ Сокращенный первоначальный вариант дальнейшего текста данной главы был опубликован в виде статьи: *Филошкин А. И.* Как Россия стала для Европы Азией? // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве.* 2004. № 1. С. 191–228. К сожалению, на момент написания статьи в 2004 г. нам была неизвестна книга Дитера Гро (*Groh D.* Russland und das Selbstverständnis Europas. Neuwied, 1961. 366 s.; второе издание — Frankfurt, 1988), в которой был высказан сходный тезис, что образ России, конструируемый в Европе, связан прежде всего с представлением Европы о самой себе и начал формироваться именно в XV–XVI вв. (ср.: *Гольдберг А. Л.* Дитер Гро отлучает Россию от Европы. — Рец. на кн.: *Groh D.* Russland und das Selbstverständnis Europas. Neuwied, 1961. 366 s. // *История СССР.* 1963. № 5. С. 208–212; русский перевод фрагмента работы: *Гро Д.* Россия глазами Европы // *Новое литературное обозрение.* 2007. № 5 (37)).

⁹ *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // *ВИ.* 1989. № 4. С. 6–7.

Или же Европе зачем-то понадобилось «открывать» Россию, этот акт был призван заполнить какую-то вакантную нишу на ментальной карте мира¹⁰ эпохи Возрождения?

Ниже мы попытаемся показать, что поиск Западом места России на ментальной карте мира и ее идентификация обуславливались не только информацией, полученной из этой далекой страны, но прежде всего внутренней европейской дискурсивной практикой. Иными словами, формирование образа России в западном мировоззрении зависело не только от России. Оно отвечало определенным, прежде всего внутриевропейским задачам.

О том, что восприятие Европой России было обусловлено прежде всего внутриевропейскими политическими проблемами и концептуальными кризисами, писал Д. Гро¹¹. Однако в своем исследовании, упоминая феномен «открытия России» в конце XV в. и основополагающую роль сочинения С. Герберштейна, основной акцент он все же делает на XVII–XIX вв. Именно в данной эпохе, начиная с творчества Готфрида Лейбница (1646–1716), Д. Гро видит проявление вышеописанных тенденций в европейском видении России. До конца XVII в. ее воспринимали «через призму варварства», но могли видеть и союзника, и противника. Подробной детализации и анализа взглядов европейских интеллектуалов автор применительно к XV–XVI вв. не приводит.

Применительно к эпохе Просвещения эту же мысль высказал Л. Вульф¹². По его мнению, в XVIII в. Запад вторично открыл для себя Восточную Европу. Однако слишком краткий обзор сочинений европейцев о России XVI–XVII вв., помещенный в работе Л. Вульфа¹³, не позволяет понять, видит ли он континуитет России эпохи Возрождения и эпохи Просвещения. Из чтения книги создается впечатление, что он не считает его важным. В настоящей работе мы попытаемся показать, что «изобретение Восточной Европы», описанное Вульфom как феномен XVIII в., на самом деле в полной мере состоялось в XV–XVI вв., и авторы эпохи Просвещения во многом лишь воспроизводили и развивали стереотипный взгляд на Россию и ее соседей, уже устоявшийся в сознании европейцев за XVI–XVII вв.

Многие дискурсы, описанные Л. Вульфom, да и Д. Гро, как плод деятельности мыслителей и путешественников эпохи Просвещения, на самом деле оформились двумя столетиями раньше и к XVIII в. уже стали литературными штампами. Приведем лишь один, но весьма показательный пример. Л. Вульф пишет, что «искусство верховой езды, предполагающее воспитание через укрощение и взнуздывание, было важным элементом образа Восточной Европы», и далее он приводит целый ряд иллюстраций из памятников литературы и искусства XVIII в. Ср. высказывание английского первооткрывателя России Ричарда Ченслора, 1553 г.:

«Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал ее, то с ним не справился бы ни ребенок, ни взрослый человек».

¹⁰ Ментальная карта — воображаемое представление человека об окружающем его пространстве, при котором географические и политические субъекты располагаются не в соответствии с их реальной ролью, а в зависимости от их исторической и политической роли в сознании создателя ментальной карты. Подробнее см.: Downs R., Stea D. Maps in Minds: Reflections of Cognitive Mapping. New York, 1977; Harley J. 1) Maps, Knowledge and Power // The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments / Ed. by D. Cosgrove, St. Daniels. Cambridge, 1988. S. 277–312; 2) Deconstructing the Map // Cartographica. 1989. Vol. 26. S. 1–20; 3) Cartography, Ethics and Social Theory // Cartographica. 1990. Vol. 27. S. 1–24. Анализ историографии, связанной с применением концепта ментальной картографии к истории России, см.: Шенк Ф. Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 14–15.

¹¹ Ср.: Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas... S. 3–21.

¹² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 35, 38.

¹³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 35–36, 43–45.

Аналогия образа налицо, и, как видим, он почти на два века старше, чем об этом пишет Вульф¹⁴.

Западный мир, в общем-то никогда не испытывавший масштабной оккупации со стороны внешнего врага (все волны агрессии — и арабская, и монгольская, и турецкая — так или иначе гасли на окраинах континента), сам вырабатывал модель, по которой ему строить отношения с другими странами и народами. По замечанию В. Л. Цымбурского, Европа смогла «...осуществить для себя стремление всех цивилизаций — вступать в контакты с чужеродным миром исключительно на собственных условиях»¹⁵. Поэтому и отношение к другим народам для Запада было обусловлено не столько объективным обликом «чужих», сколько развитием собственно европейской дискурсивной практики.

На наш взгляд, открытие Западом России в конце XV в. — это прежде всего проявление сочинения Европой самой себя, поиск «христианским миром» своей историко-культурной идентичности в эпоху Возрождения. Причем этот поиск осуществлялся по определенной схеме. Ее происхождение связано с более ранней по времени возникновению моделью восприятия Европой Востока. По словам Э. Саида, «Восток помог найти дефиницию Европе, или тому, что мы называем Западом»¹⁶. Перед нами неоднократно изученный учеными прием: формирование представлений о другом как способ самопознания¹⁷.

Пересмотр данного подхода в западном сознании по многим позициям с XVI в. не произошел до сих пор. С ним по-прежнему связывается определение места России в мире в исторической памяти Старого (а теперь уже и Нового) Света.

Как европеец узнавал неевропейца

Вопрос о времени формирования концепта Европы дискуссионен. Большинство исследователей придерживается точки зрения о его возникновении в эпоху Просвещения, в XVIII в., хотя многие и говорят о «корнях» и «зачатках» европейской идеи в период Ренессанса¹⁸. Считается, что географические рамки европейского «христианского мира» были очерчены в письме римского папы Пия II 1460 г. турецкому султану. Папа

¹⁴ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 167–169; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 62.

¹⁵ Цымбурский В. Л. «Европа–Россия»: «Третья осень» системы цивилизаций // Политические исследования. 1997. № 2. С. 58.

¹⁶ Said E. Orientalism. New York, 1978. P. 1, 7; ср. недавно опубликованный русский перевод: «Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт» (Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. А. В. Говорунова. СПб., 2006. С. 8).

¹⁷ См., например: Theunissen M. The Other: Studies in the Social Ontology of Husserl, Heidegger, Sartre and Euber. Cambridge, 1986; De Certeau M. Heterologies: Discourse on the Other. Manchester, 1986; Beattie J. Other Cultures: Aims, Methods and Achievements in Social Anthropology. London, 1987; etc.

¹⁸ Историография вопроса огромна, назовем лишь наиболее интересные из последних работ: Hay D. Europe: The emergence of an Idea. Edinburgh, 1968; Janne H. Europe's Cultural Identity. Strasburg, 1981; Hamerow T. The Birth of a New Europe: State and Society in the Nineteenth Century. North Carolina, 1983; Rougemont D. Vingt-huit siècles d'Europe. Paris, 1989; Delanty G. Inventing Europe Idea, Identity, Reality. New York, 1995; Williams R. The History of the Idea of Europe. Milton Keynes, 1995; Wilson K., Dussen J. The History of the Idea of Europe. London, 1995; Davis N. Europe: A History. London, 1997; Heffernan M. The Meaning of Europe, Geography and Geopolitics. London, 1998; Mikeli H. Europe as an Idea and an Identity. New York, 1998; Europe and the Other and Europe as the Other / Ed. by B. Strath. Brussels, 2002; The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge; Washington. 2002; Geary P. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002; Tawada Y. Where Europe Begins. New York, 2002; Guerrina R. Europe: History, Ideas, and Ideologies. London, 2002; Steiner G. The Idea of Europe. Nexus, 2005; etc.

включил в него Испанию, Францию, Германию, Англию, Польшу, Венгрию и Италию¹⁹. Не вдаваясь в полемику, заметим, что и в развитое Средневековье, и в Возрождение европеец (носитель самоидентичности жителя «христианского мира») четко и осознанно отличал себя от неевропейца, и тем более от обитателя Востока.

Концепт *Orientalis et Occidentalis* своим происхождением был обязан прежде всего последствиям раскола римского мира на Западную и Восточную империи. В раннем Средневековье термин *Occidens* обозначал территории, находившиеся западнее восточной границы империи Каролингов, то есть линии Эльба — Лита. Его использовали для обозначения земель, противополагавшихся Византии. После смерти Карла Великого в 814 г. применительно к региону *Occidens* стал использоваться термин Еугора, а после раздела церковью в 1054 г. получило распространение определение *Europa Occidens* или *Occidentalis*. Границы этой общности распространились до пределов притязаний Священной Римской империи, то есть до Нижнего Дуная и Восточных Карпат, и она стала синонимом «христианского мира»²⁰.

Для интересующей нас эпохи (XV–XVI вв.) несомненным является осознание себя жителями стран, которые мы сегодня называем западноевропейскими, как принадлежащих к одной общности — *res publica christiana*, с которой ряд исследователей, в частности Б. Геремек, склонны отождествлять понятие «Европы»²¹. Объединяющими началами для нее к этому времени считались, помимо религии, *modus vivendi*, культура, в том числе и достижения наук и образования — словом, уже началось формирование понятия об уровне развития, который позже назовут «европейской цивилизованностью».

Для европейского средневекового менталитета при столкновении с чужим миром было характерно его осмысление «по аналогии», то есть через сравнение с каноническими образами и понятиями. Источником последних являлось прежде всего Св. Писание, труды теологов, а также события древней и церковной истории. Они являлись неисчерпаемым эмпирическим фондом для дискурсивной практики.

Первый раз этот механизм дал сбой при столкновении европейцев с мусульманским миром²². Чтобы понять ислам, Запад не имел помощи ни в античных текстах, ни в Библии — мусульмане в них не упоминались. Отсюда и попытки привлечения в осмыслении восточной темы уже знакомых категорий — «варвары», «иудеи». Возникает и обоснованное Бедой Достопочтенным определение мусульман как агарян, потомков библейского Исмаила²³. Начиная с П. Альваруса и Евлогия, получили распро-

¹⁹ *Southern R. Western Views of Islam in the Middle Ages. Harvard, 1962. P. 100.* — Часто встречается мнение, что одним из первых авторов, чьи сочинения содержат этот концепт, был Шарль Капель де Сен-Пьер (1658–1743), хотя термин употреблялся и раньше. «Мы — европейцы» сказал в 1623 г. Френсис Бэкон (*Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge; Washington, 2002. P. 33*). Здесь проблема в том, что некоторые ученые считают невозможным создание секулярного концепта Европы при доминировании провиденциалистского восприятия Европы как «христианского мира» в окружении мирового бусурманства, поэтому относят возникновение этого концепта к окончанию эпохи религиозных войн, то есть к XVIII в.

²⁰ *Сюч Е. Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А. И. Миллер. М., 1996. С. 150–151.*

²¹ *Geremek B. La notion d'Europe et la prise de conscience européenne au bas Moyen Age // La Pologne au XVe Congrès International des Sciences Historiques à Bucarest. Etudes sur l'histoire de la culture de l'Europe centrale-orientale. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1980. P. 70–93.*

²² Библиография истории отношений средневекового Запада и Востока очень обширна, ее обзор до 1966 г. см.: *Norman D. Islam and the West: The making of an Image. Edinburgh, 1966. P. 393–432*; обзор историографии второй половины XX в.: *Луцицкая С. И. Образ другого: Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 8–25.*

²³ *Измаил* — сын патриарха Авраама и его служанки египтянки Агари, праотец союза 12 племен измаилитов Аравийской пустыни (*Быт. 16: 2–16, 21: 10, 18, 20–21; 25: 16, 18*). В исламе он отождествляется с Исмаилом, сыном Ибрахима (Авраама) (*Коран 2: 116, 119, 121, 130, 134 и др.*).

странение эсхатологические мотивы в изображении восточных народов, основанные главным образом на Книге пророка Даниила. Недостаток информации вызвал в Европе всплеск интереса к греческому интеллектуальному наследию: греки, как более близкие к Востоку, могли помочь постичь его²⁴. Из античности было заимствовано описанное Э. Саидом самоощущение европейцев как «особого человечества на особой земле», со всех сторон окруженной варварами (прежде всего это противопоставление отношению к азиатским соседям)²⁵.

Однако поиск аналогий помогал мало. Д. Норманом показано, что средневековые христианские теологи применили для обличения мусульманства библейское учение о лжепророках. Европейцы критиковали ислам на основе Св. Писания, в котором о пророчествах Мухаммеда не было ни слова. Но это оказалось неважным: к восточному сопернику Запад применил свои представления о врагах вообще, каким в принципе может быть антигонист христианскому миру²⁶. Конечно, европейские теории, связанные с осмыслением магометанства, были зачастую фантастичны — чего стоит идея о сексуальных привилегиях мусульман (многоженстве, гаремах) как специальном инструменте разрушения христианства²⁷. Но они в принципе закладывали направление развития дискурсивной практики осмысления проблемы «неевропейских народов».

В эпоху крестовых походов все сведения об образе «чужого» просто вписывались в эту схему, выступавшую самодовлеющей силой в продвижении европейцев за пределы Европы²⁸. В XIII–XV вв. при контактах с «новыми чужими» данная схема доминировала в европейском сознании и лишь корректировалась по мере усвоения фактов, которыми нельзя было пренебречь. Например, взгляды на проблему восточных соседей получили в XIII в. новое развитие в связи с появлением монголов. Прежде всего, сместились мировые горизонты. Как писал в «Великой Хронике» Матфей Парижский (1200–1259): «С Северных гор устремилось некое племя человеческого, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока...»²⁹. Нашествие из Азии огромных орд пошатнуло европоцентричную модель мира: теперь стало очевидно, что на Западе живет отнюдь не большинство человечества, а лишь его малая, хоть и лучшая часть.

Примечательно, что, несмотря на популярность эсхатологического дискурса в осмыслении монгольской темы³⁰, появляются концепции как о принципиальной

²⁴ *Southern R.* Western Views of Islam... P. 4, 5, 14, 19.

²⁵ *Said E.* Orientalism. P. 54–55, 57.

²⁶ *Norman D.* Islam and the West... P. 77–78; *Лучицкая С. И.* Образ другого... С. 70–95.

²⁷ *Southern R.* Western Views of Islam... P. 28–37; *Norman D.* Islam and the West... P. 17–22.

²⁸ Подробнее см.: *Лучицкая С. И.* Образ другого... С. 97–121, 142–164, 191–200, 309–313, etc.

²⁹ *Мамузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 135.

³⁰ Речь идет о пересмыслении библейского эсхатологического топоса и попытках связать появление татар с уже известными пророчествами о конце света. Например, у Матфея Парижского: «... их предводитель утверждает, что он посланец всевышнего бога, для того чтобы усмирить и подчинить народы... питаются они сырым мясом, также и человеческим... в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища татар... выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара... словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Окрестности восточных пределов подвергли они печальному разорению, опустошая огнем и мечом... они сровняли города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей» (*Мамузова В. И.* Английские средневековые источники... С. 135–137, 140, 141–142). Подробнее об особенностях восприятия татар в средневековой Европе см.: *Schmieder F.* Europa und die Fremden: Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994; *Юрченко А. Г.* Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

враждебности татар христианскому миру³¹, так и об особой исторической миссии «татар» в распространении христианства. Их воспринимали как потенциально готовых к обращению в истинную веру, и особые надежды возлагали на то, что в этом случае монголы выступят «мечом Запада» против мусульманства. Завоевания Чингисхана и его наследников в Азии делали эту мысль особенно соблазнительной.

В 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил монгольскому императору послание с призывом принять христианство. Последовал отказ, который вызвал к жизни уже идеи крестового похода против монголов³². А в принятии ими мусульманства в XIV в. Европа увидела для себя страшную опасность: ее азиатские враги консолидировались. Недаром в XIII–XIV вв. возникает миф о том, что татарские завоевания в Европе поддерживались еврейскими поставками оружия (этому в хрониках посвящались специальные рассказы под заголовком: «О чудовищном коварстве иудеев»³³). То есть, в фобиях европейцев объединялись новые и древние враги христианства, что характерно, оба происходящие с Востока.

Поэтому с XIV в. на Западе в отношении Востока нарастает ксенофобия и определение его как принципиального врага «христианского мира», источника физической угрозы³⁴. Рост турецкой агрессии в XIV–XV вв. (в 1354 г. османы вышли на европейский берег Дарданелл, а с 1365 г. их временная столица располагалась уже в европейском г. Адрианополе) подтверждал правильность подобной позиции³⁵.

Битва с турками. Гравюра из «Хроники всего света» Мартина Бельского, 1564 г.

³¹ Хроника Матфея Парижского: Татары «движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на грозящие жизни опасности, подчинить себе весь Запад (*Occidentem*), упаси, Господи, и веру в Христа погубить и уничтожить». А против них должна выступить «Европейская империя» (*imperialis Europae*) — Германия, Испания, Англия, Алемания, Дания, Италия, Бургундия и др. (Мамузова В. И. Английские средневековые источники... С. 146).

³² Подробнее см.: *De Rachewiltz I. Papal Envoys to the Great Chans*. London, 1971.

³³ Мамузова В. И. Английские средневековые источники... С. 147.

³⁴ *Southern R. Western Views of Islam...* P. 42, 45, 65, 68.

³⁵ О месте дискурса турецкой угрозы в концепте Европы см.: *Osterrider M. Das wehrhafte Friedenreich...* S. 139–141, 143–160.

Турок, как новых пришельцев с Востока, Европа воспринимала по той же схеме. Одновременно с ростом эсхатологических настроений (подкрепляемых падением в 1453 г. Константинополя³⁶) возникают идеи... использования турок в интересах христианского мира. Речь идет о знаменитом письме 1460 г. Пия II турецкому султану Мехмеду II, завоевателю Константинополя. Послание замечательно тем, что в нем султану предлагается... обращение в христианскую веру. Тогда он станет «императором греков и всего Востока» и величайшим человеком своего времени³⁷.

Однако вторжение османов в земли, находящиеся под юрисдикцией Священной Римской империи, показало утопичность подобных призывов. И в XVI в. Турция однозначно трактуется как смертельный враг христианского мира, хотя при этом в политической практике с этим врагом не гнушались сотрудничать (например, Франция).

Одновременно с осмыслением «по аналогии» (в рамках эсхатологического и мусульманского дискурсов) и с мечтами об обращении турок европейцы принялись изучать османов. Иоанн из Сеговии в 1458 г. сделал новый перевод Корана, причем при этом испытывал немалые трудности: к этому времени в Европе было трудно найти знатоков арабского. Однако подход переводчика отличался новизной: для него реально важным вопросом было, несет ли Коран послание Бога или нет? А понять это, на взгляд Иоанна, можно было только путем критики текста, поиска в нем противоречий и несообразностей³⁸. Эпоха Возрождения требовала рациональных познаний «другого», и антиисламские фантазии Средневековья становились все менее востребованными.

Д. Норман отметил, что в отношениях Запада и исламского Востока в Европе очень рано стала преобладать идея силы. Лозунг «наступления на неверных» использовался и той и другой стороной, однако для европейцев ситуация усугублялась ощущением собственного бессилия: против мусульман можно было только обороняться. Ни завоевать их, ни обратить в свою веру не получалось. Это остро ставило проблему, почему христианам не помогает Провидение. Отсюда и происходил болезненный интерес Запада к Востоку, и заочная полемика с его религией и идеями, и непоследовательное отношение — от ненависти до концепции «исламского возрождения». Для наступления на исламский мир Европе требовалась определенная «самоиндугенция», которую формировал и обеспечивал христианский критицизм³⁹. Прежде всего ислам давал широкий простор для морализирования на темы ритуалов и догматов, государственного и общественного устройства, нравов и обычаев, восточного фатализма и детерминизма, идеи мусульманского загробного воздаяния, очень эмоционально воспринимаемого феминного аспекта⁴⁰.

Эпоха Великих географических открытий, появление Нового Света вызвали дополнение данной модели восприятия европейцами чужого мира. К ней добавился колониальный дискурс, родившийся из идеи христианского миссионерства в сочетании с экономическими потребностями Запада, открывшего для себя новый источник развития в освоении заморских земель. Оказалась востребованной античная колониальная

³⁶ В «Пророчестве» Мефодия Патарского говорилось, что падение Константинополя есть главный признак скорого конца света. Учитывая, что приближался 7000 г. от Сотворения Мира (1492 г. от Р. X.), считавшийся страшным «семеричным числом», эсхатологической датой, падение столицы Византии в 1453 г. выглядело особенно зловеще (подробнее см.: *Истрин В.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славянорусской литературах. Исследования и тексты. М., 1897).

³⁷ *Southern R.* Western Views of Islam... P. 100–102.

³⁸ *Ibid.* P. 87–89.

³⁹ *Norman D.* Islam and the West... P. 109, 133, 135.

⁴⁰ Анализ средневековой европейской критики мусульманства по этим направлениям см.: *Norman D.* Islam and the West... P. 135–160, 163–227.

история, что проявилось в резком росте интереса к творческому наследию древнегреческих и римских историков и географов.

Данный колониальный дискурс проявлялся прежде всего в том, что Запад воспринимал любой нехристианский мир как младший, недоразвитый мир, как стадию, через которую Европа уже прошла⁴¹. Поэтому в подходе к другим культурам, как показал Э. Саид, начинала действовать уверенность в необходимости запуска механизма культурной интеграции, вытекавшая еще из исторической практики усвоения варварами-германцами ценностей древнеримской цивилизации. То есть, любая «младшая цивилизация» при столкновении со «старшей», европейской, должна у нее учиться.

А если она оказывается абсолютно невосприимчивой к культурному воздействию, не хочет усваивать его или усваивает на понятный только ей самой лад? Значит, перед Европой принципиально чуждый тип культуры, развивающейся по каким-то своим законам, «закрытая цивилизация», с которой и разговор должен быть соответствующий, как с принципиально чуждым и враждебным миром⁴². Но отсюда с неизбежностью вставал вопрос: а что есть «чужой» мир? Естественным ответом на него было сосредоточить в этом мире все, что противоположено субстанциальным чертам европейской культуры, то есть, чужой мир рисовался как «антикультура», сосредоточение греха, порока, грязи, мерзости и прочих «антиценностей» христианского мира.

Как правило, этот процесс заканчивался достижением понимания, что «чужие» все-таки, по терминологии П. Багге, «существенно другие»⁴³. Они в принципе невосприимчивы для культурного влияния. И их нужно тем или иным способом колонизировать или обезопасить, сделать слугами или союзниками. Это понимание оформлялось в устойчивой дискурсивной практике, которая потом начала уже сама по себе довлеть в восприятии других народов и стран.

Какое место русские земли в период Средневековья занимали на карте мира? Куда помещали Россию ученые эпохи Возрождения: в Европу или в Азию?

Географами Ренессанса первоначально использовались античные понятия Европы и Азии. У древних греков Европой называлось западное побережье Эгейского моря (т. е. совр. Балканский п-ов), а Азией — восточное побережье (т. е. совр. п-ов Малая Азия). В «*Ges periodos*» Гекатея граница между Европой и Азией была проведена по Геллеспонту, Понту Эвксинскому, Кавказским горам и Каспийскому морю. В качестве границы греческие и римские авторы позже называли р. Фасис (совр. р. Риони) в Закавказье, р. Танаис (р. Дон). В эпоху античности это разделение мира носило географический характер: люди делились на эллинов и варваров, римлян и варваров, но не на европейцев и азиатов.

В XV–XVI вв. Россию для Европы открывали путешественники, купцы, дипломаты, то есть главные действующие лица эпохи Великих Географических открытий⁴⁴.

⁴¹ Ср.: *Jones W.* The Image of the Barbarian in Medieval Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 1971. Vol. 13. Nr. 4. P. 376–407.

⁴² *Said E.* Orientalism. P. 70–71.

⁴³ *Bugge P.* Asia and the Idea of Europe — Europe and its Others // *Asian Values and Vietnam's Development in Comparative Perspective*. Hanoi, 2000. P. 3.

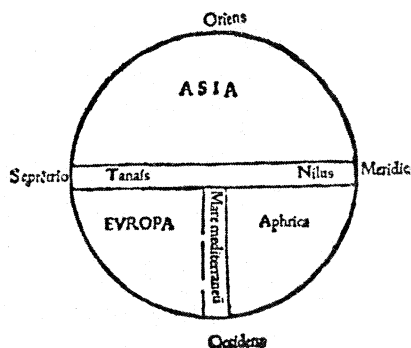
⁴⁴ Историю установления дипломатических и культурных контактов России и Европы в конце XV — начале XVI в. см.: *Fennel J.* Ivan the Great of Moscow. London, 1961; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 2001; *Mund S.* Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. P. 27–34; etc.

Но не меньшую роль, чем «практики», в этом процессе сыграли «теоретики» — европейские географы, историки и теологи, которые никогда не были в далекой Московии, но составили ее первые описания и карты. И здесь принципиально важно, какое место западные кабинетные ученые отводили новой стране на карте мира⁴⁵.

Нельзя сказать, что до открытия России в XV–XVI вв. о землях, на которых она находилась, в Европе совсем ничего не знали. После трудов античных ученых здесь, во-первых, были известны главные географические ориентиры — Рифейские и Гиперборейские горы, из которых вытекали реки — Борисфен (Днепр), Танаис (Дон) и Ра (Волга). Во-вторых, были приблизительно установлены пределы этого мира, которые считались границами между Европой и Азией. Они проходили по р. Танаису и по Рифейским горам. В-третьих, считалось, что практически всю территорию от Дуная до подножья Рифейских гор покрывает таинственный Герцинский лес, начинающийся еще в Германии. В-четвертых, античные авторы были уверены, что данные пространства населяют многочисленные варварские народы, у которых нет ни единого предводителя, ни общего государства. Собирательным названием для них было «скифы» или «сарматы».

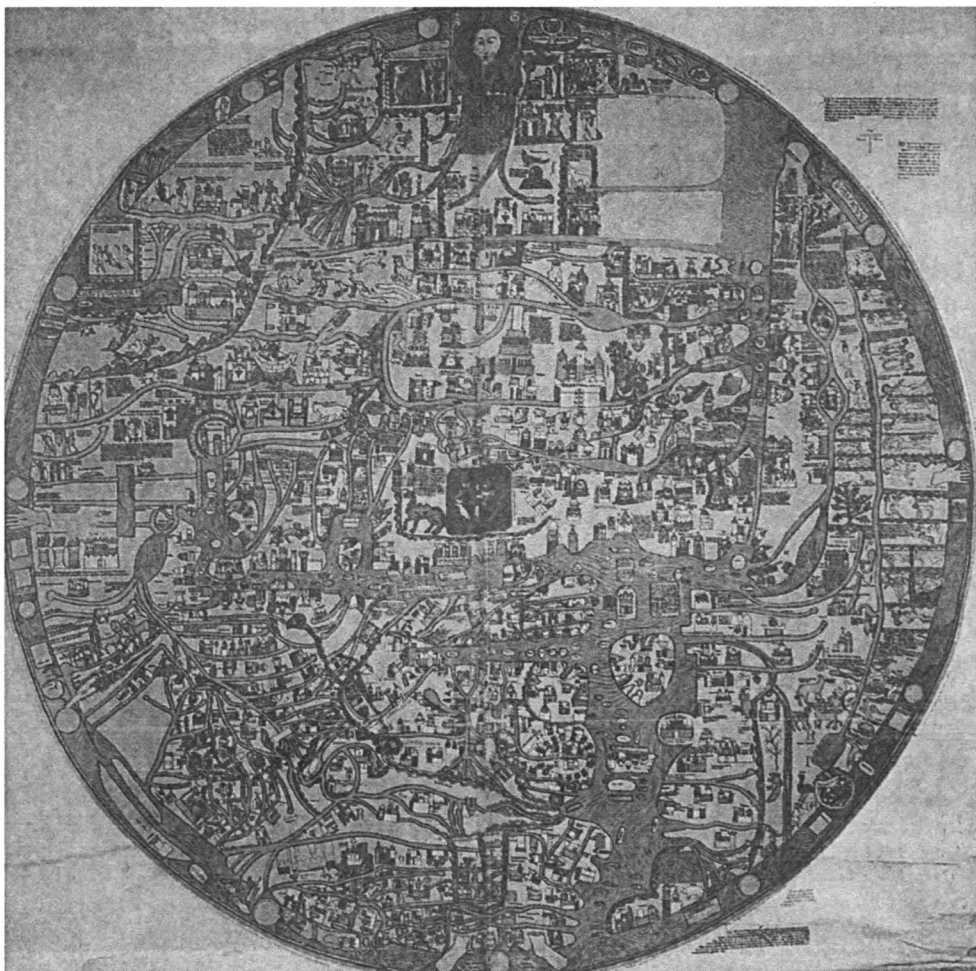
Развитие географической мысли в период Средневековья было шагом назад по сравнению даже с данной концепцией. Вплоть до XV в. доминировала так называемая «монашеская география», главным образцом творчества которой были *Mappa Mundi*. Это карты, руководством к созданию которых послужила цитата из Книги Иезекииля: «Сия глаголет Адонай Господь: сей Иерусалим, посреди языков положих его, и страны, яже окрест его» (5: 5). Их авторы видели мир в виде Т-образного креста, вписанного в круг. Стороны креста образовывали реки Танаис (Дон) и Нил, а вертикаль креста — Средиземное море. Сегментами же выступали части света: Азия (верхний сегмент, отделенный от Европы — Танаисом и от Африки — Нилом), Европа и Африка (разделенные Средиземным морем). Вокруг этих частей света простирался мировой океан. В перекрестии же размещался Иерусалим — центр мира⁴⁶. О роли географии в это время красноречиво свидетельствует высказывание Роджера Бэкона (1214–1294), который

Схематическое изображение *Mappa Mundi*

⁴⁵ Применительно к более поздним эпохам вопрос о роли географии в формировании концепта места России в мире был объектом внимания ученых (*Parker W. Is Russia in Europe? The Geographical Viewpoint // An Historical Construction of Russia. London, 1968. P. 34–41; Bassia M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geography // Slavic Review. 1991. Vol. 50. P. 4–8; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 226–294*). Однако применительно к XV–XVI вв. изучались в основном отдельно иностранные карты Московии без исследования их соотношения с картами Европы. Между тем, до превращения географии в точную науку в конце XVI–XVII вв. (в связи с открытием способов измерения долгот и широт и их привязки к карте) речь идет по преимуществу о ментальных картах, на которых картина мира в большей степени конструировалась, а не отображалась. И поэтому для нашей темы они представляют несомненный интерес.

⁴⁶ *Andrews M. The study and classification of Medieval Mappae Mundi // Archaeologia. 1926. Vol. 75. P. 61–76; Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт М., 1985. С. 69; Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: История географических идей / Пер. Л. Н. Кудряшовой, предисл. и ред. А. Г. Исаченко. М., 1988. С. 76–77.* — Говоря о *Mappa Mundi*, мы имеем в виду доминирующее направление средневековой географической мысли. В нашу задачу не входит детальный анализ «зональных» или «макробиевых» карт, портоланов и отдельных попыток создать карту мира.

Эбсторфская карта (около 1234 г.).

считал, что эта наука нужна главным образом для ответа на вопрос: откуда, с какого направления последует нападение мифических народов Гога и Магога, предвещающее близкий Конец Света⁴⁷.

На ранних картах (например, на Эбсторфской, по Л. Багрову, около 1234 г.) отдельные русские города (Киев, Полоцк, Смоленск, Новгород) были расположены «в правой руке Христовой», в сегменте, образуемом Танаисом и Средиземным морем, то есть в Европе. Бартоломей Английский (первая половина XIII в.) называл восточноевропейские земли Нижней Скифией или Барбарией и утверждал, что там живут 54 народа⁴⁸. С XIV в. на итальянских портоланах, происходящих из итальянских колоний в Крыму, в составе Европы фигурирует Причерноморье (на картах Каригнано и Пиззигано (варианты 1320–1456), т. н. атласе Медичи (1351) и др.). Среди объектов на этих картах значились реки Дон, Днепр, Волга, Нева, территории Кумания (Земля кочевников), Газария (в устье Дона), Сарматия, Земля амазонок, Рифейские горы,

⁴⁷ Постников А. В. Развитие картографии... С. 71.

⁴⁸ Матузова В. И. Английские средневековые источники... С. 82.

Северный Ледовитый океан и у побережья Балтики — Курляндия и Новгород⁴⁹. Более подробным был портолан Петра Висконти (1311), на котором значились Рифейские горы, Северный Ледовитый океан и сравнительно достоверно изображалась география соседних с Польшей земель: Рутении, Померании, Венгрии.

Отметим, что уже в начале XIV в. европейцы, еще не зная о Московии = России, были знакомы с Рутенией, то есть с землями между верховьями Днестра и средним течением Днепра, которые со времен существования Древнерусского государства назывались «Русью». В середине XIV в. эта область войдет в состав Королевства Польского и Великого княжества Литовского, обеспечив присоединение к титулу короля Казимира

Вариант немецкой карты 1520 г., составленной на основе карты Николая Кузанского (1401–1464). Россия находится западнее Подолии и Валахии. Московию отделяют Рифейские горы.

⁴⁹ Здесь и далее описания средневековых карт даются по их публикации в книге: *Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600 / Ed. by H. Castnew. Wolfe Island, Ontario, 1975. P. 19, 22–23, 27.* Русский перевод: *Багров Л. История русской картографии. М., 2005.*

определение «Русский» и возникновение в 1434 г. в Короне особого Русского воеводства (Województwo Ruskie) с центром во Львове (существовало до 1772 г.).

Большой интерес для ментальной географии представляет собой т. н. Францисканская карта 1350–1360 гг., составленная неким монахом из Кастильи. Он никогда не совершал своего путешествия, а изучил каталаунские карты мира, а потом нарисовал собственную карту Европы, как он себе ее представлял. В районе Танаиса у него располагалась воображаемая империя Saga, за Невой — царство вечного холода страна Siescia. В целом география получилась абсолютно фантастическая, единственным русским объектом, который можно соотнести с реальностью, был Новгород.

Особый статус последнего города на средневековых картах, видимо, был порожден его известностью как торгового центра. На карте бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Веспергера (1448) огромное изображение Новгорода занимало почти все пространство от Азовского до Балтийского морей. При этом восточнее Новгорода располагались Рифейские горы, за которыми жили каннибалы, а также народы Гога и Магога. То есть, восток Европы, согласно Веспергеру, состоял из Новгорода и земель, заселенных дикими народами-людоедами. В «Космографии» Энея Сильвия Пикколомини (Венеция, 1477) и в «Commentariorum Urhanorum octo et triginta libri» Рафаэля Волатеррануса (Рим, 1506) описание «народа русского» также сводится к рассказу о Новгороде, хотя Волатерранус упоминает «рутеных красных», живущих на Днепре, и «рутеных белых», то есть московитов⁵⁰.

К XV в. можно отнести первые изображения собственно России на картах Европы. Причем она однозначно помещается в европейский знаковый контекст. На карте Андреа Бианко 1436 г. нанесена *imperio Rosie magna*, находящаяся за Доном и Волгой. Ее соседом выступают *imperatorii Tartarorou*. Карта Бианко интересна своими условными обозначениями — значительные государства обозначены символическими фигурами правителей в шатрах, на троне и с коронами. Так изображены императоры: русский, татарский и два романских (один помещен на Среднем Дунае, другой на Балканах), а также *Trabexonsa* (на месте Византии). Рисунки императоров идентичны — по одежде, короне и символам власти это стилизованный европейский правитель.

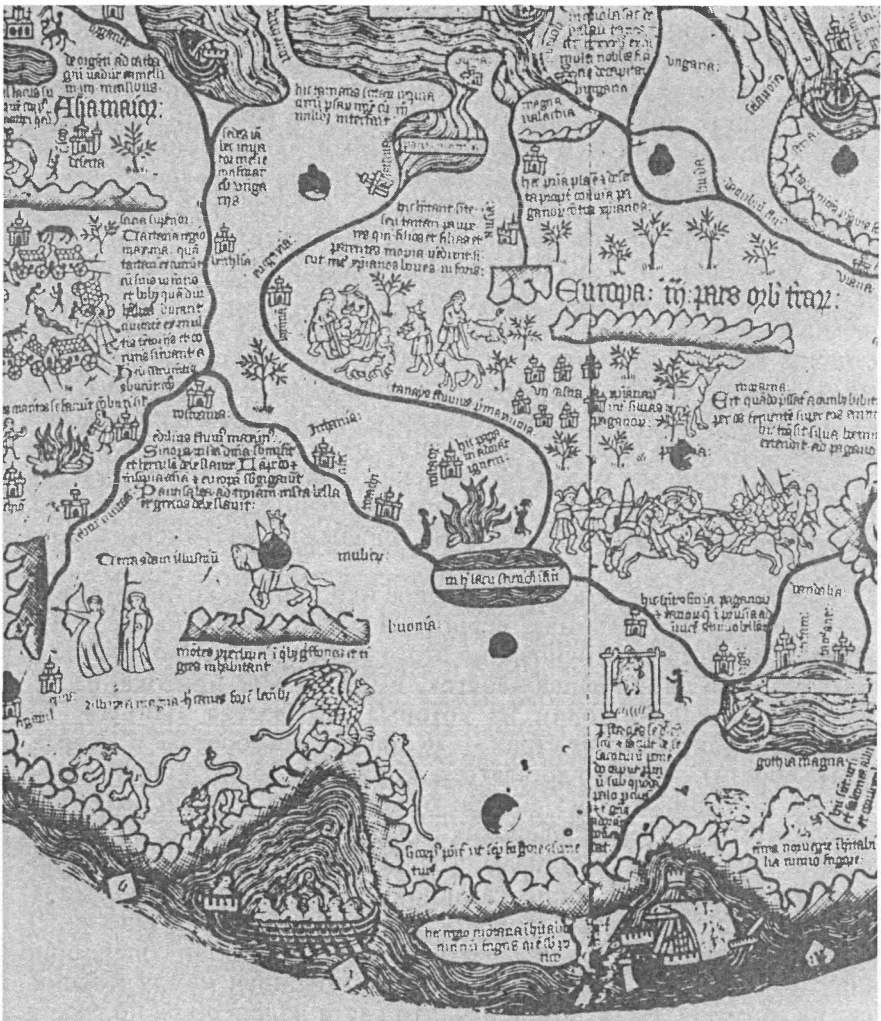
Средневековое видение современной истории как синхронной библейской и церковной хорошо иллюстрируется тем, что на карте Бианко, изображающей обитаемый мир XIV в., на месте Палестины изображена Богородица с младенцем и поклоняющиеся волхвы. Разницу между европейским и азиатским мирами глазами европейских картографов демонстрируют также рисунки на карте Борджиа середины XV в. Здесь восточнее Волги и Дона помещены стойбища, костры, девы-воительницы и огнепоклонники.

Динамику роста интереса к России показывает проанализированный Л. Багровым рост количества нанесенных русских пунктов на разных списках карты Джованни Леардо. На экземпляре 1442 г. их всего 10, на списке 1448 г. — уже более 40, а 1452–1453 гг. — более 60⁵¹.

Важным этапом развития знаний о восточных рубежах Европы было составление в 1457–1459 гг. карты Фра Мауро. Границей Европы и Азии у него выступает Волга, на которой расположены *Rossia Bianco* и *Paluda Rossia*. На Дону находилась *Rossia Negra*, на р. Оке — *Moscovia*, между Доном и Днепром — *Lituania*. Среднее Поднепровье с Киевом (? — *Chio*) на карте обозначено как провинция *Raxan*, севернее которой нанесена провинция Махаг. Между Днепром и Днестром лежит *Gothia*. Видимо, Фра Мауро принадлежит честь одного из первых разделений на карте Московии и России,

⁵⁰ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 172–173. — Обзор сведений источников о соотношении красных, черных и белых рутеных в западных сочинениях см.: *Ibid.* P. 301–306.

⁵¹ *Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600.* P. 30.

Фрагмент так называемой «карты Борджи» (между 1410 и 1458 гг.), итальянская (каталонская) школа картографии.

правда, в данном случае в фантастическом контексте: Московию он отделял от мифических России Белой и России Черной⁵².

В эпоху Возрождения греческая и римская ученость возвращались в Европу с Востока. На Запад из гибнущей Византии эмигрировало немало ученых, хорошо знакомых с птолемеевой географией. В 1406 г. во Флоренции был сделан перевод с арабского на латинский язык «Географии» Птолемея, затем последовал целый ряд переизданий (наиболее интенсивно Птолемея издавали в 1470-е гг.). С конца XV в. появляются многочисленные атласы на основе трудов античных авторов (наиболее известны работы Доннуса Николауса Германуса, Франческо Берлингьери, Франческо

⁵² Ibid. P. 32. — О концепте «России Белой» см.: *Белы А.* Хроніка Белай Русі. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. Демистифікацыю концепта «Чорнай Русі» см.: *Кубінь А. С.* Чорная Русь в источниках XV–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Серия 2: История. Вып. 1. Ч. I. С. 30–37.

Фрагмент карты Фра Мауро, 1457–1459 гг.

Россели, Генриха Мартелла). Вышедший в 1570 г. «Театр земель мира» Авраама Ортелиа до 1612 г. выдержал 41 издание! «Космография» Себастиана Мюнстера в XVI в. 27 раз вышла немецкими изданиями, восемь — латинскими, пять — английскими, по три — французскими и итальянскими и одним чешским.

В связи с реанимацией птолемеевской традиции в конце XV в. перед географами эпохи Возрождения встала проблема Сарматий⁵³. На восьмой карте Европы у Птолемея перед Доном и Рифейскими горами нанесена Европейская Сарматия, а за Доном — Азиатская. Последняя дана в подробностях на второй карте Азии. Таким образом, ученый авторитет четко обозначил пределы европейского мира и даже субъекта, который лежит «наполовину в Европе, наполовину в Азии» — Сарматию, к которой в XV в. относили Польшу, Литву, Московию. Это, наверное, первое формулирование парадигмы о «срединном положении» России между двумя антагонистическими мирами.

Освоение птолемеевской традиции в эпоху Возрождения не было буквальным, а скорее происходило на уровне соблюдения форм и номенклатуры понятий. Практически сразу же началась, по выражению Л. Багрова, «диффузия птолемеевской географии»: на карты античного ученого наносились современные границы, очертания, страны и народы, которые на первых порах соседствовали с андрофагами и амазонками. Постепенно подборка античных карт вытеснялась работами географов XV–XVI вв., однако, что важно, при этом нумерация карт повторяла структуру Птолемея. И заданные им параметры европейских и азиатских пределов перешли в Средневековье.

Например, на Генуэзской карте 1457 г. между Днестром и Доном находится *Sarmatia Prima*, на Волге — *Sarmatia Secunda*. Даже на карте мира 1507 г. Мартина

⁵³ О польской трактовке Сарматии в XV–XVI вв. см.: *Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa...* S. 66–73.

Лист из европейского атласа XVI в., воспроизводящий итолемеусовскую концепцию двух Сарматий.

Вальдземюллера, одной из первых, где был одновременно изображен и Старый, и Новый Свет, еще нет ни Московии, ни России, зато нанесены Европейская и Азиатская Сарматии. В последней находились Татария и Страна амазонок. При этом схема общеевропейских карт сохраняла континуитет, но дополнялась отдельными картами стран. В 1468 г. Доннус Николаус Германус добавил к птолемеевскому атласу карты Италии, Испании, Скандинавии (на последней «на краю обитаемых земель» был изображен Новгород). В 1482 г. Франческо Берлингьери присовокупил еще Галлию и Палестину.

Однако постепенно происходила разработка новой номенклатуры стран и народов Востока Европы. В 1490 г. в переиздании Птолемея Генрихом Мартеллом на карте Европейской Сарматии у подножья Рифейских гор мы видим *Ducatus Moschovie*. На карте 1491 г. Конрада Певтингера нанесена *Sarmatia terra in Europa*, с которой соседствуют Ливония, Новгород и Великое княжество Литовское (*Magnus Ducatus*), а также Псковское королевство (*Pleslov regnum*). Северо-восточнее Новгорода и Пскова расположена Белая Русь (*Russiae Albae pars*). На юго-западе, в Среднем Поднепровье и на Днестре ей противопоставляется Красная Русь (*Rubea Russia*). На карте Иеронима Мюнстера 1493 г. также разделены Руссия (находящаяся по соседству с польской Подолией) и Московия⁵⁴.

В конце XV – начале XVI в. с подачи польских ученых и политиков в ментальной географии восточных пределов Европы намечается тенденция, когда Россию пытаются вытеснить за их пределы, в Азию. Как показал Э. Клюг, один из первых подобных случаев — комментарии краковского магистрата Яна из Глогова к переизданию Птолемея, в котором Московия была однозначно записана в Азиатскую Сарматию⁵⁵.

Необычайный интерес представляет собой аллегорическое изображение Европы в тексте под названием «*Introductorium cosmographiae*» (около 1507), происхождение которого также связывают с Яном из Глогова или его кружком. Европа нарисована в виде драконоподобного существа, у которого крылья — Ирландия и Англия, ноги — Балканы, Италия и Испания, а туловище — Франция, германский мир, Польша и Литва. Дракону-Европе противостоит Медведь-Азия, в которой центральное место занимает Московия⁵⁶ («медвежья символика», как мы видим, характерна для России с начала XVI в. до наших дней).

В подготовке карты 1507 г. Маркуса Бененентана, вышедшей вместе с очередным выпуском Птолемея, принимали участие польские картографы (в том числе Бернард Ваповский и представители копернианской школы). Они также постарались вытеснить Московию за пределы Европы, в Азию. *Ducatus Moscovia* было помещено за Рифейские горы и Герцинский лес, которые и отделили его от *Russia Alba*. Город Москву поляки нанесли на северном склоне Рифейских гор, возле Ледовитого океана. Даже Татария оказывалась ближе к Европе, чем Московия⁵⁷.

Поскольку поляков как непосредственных соседей Московии в XV–XVI вв. трудно заподозрить в незнании истинного положения вещей, перед нами явное стремление изгнать Россию из Европы. Представляется правильным мнение Э. Клюга, что именно поляки в XVI в. распространяли на Западе миф об азиатской и варварской Московии, антагонисте христианского мира, впоследствии подхваченный в других странах⁵⁸.

⁵⁴ Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600. P. 30, 42–47.

⁵⁵ Klug E. Das “asiatische” Russland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. Nr. 245. S. 273.

⁵⁶ Klug E. Das “asiatische” Russland... S. 274–275.

⁵⁷ Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600. P. 47.

⁵⁸ Klug E. Das “asiatische” Russland... S. 276–282; Osterrider M. Das wehrhafte Friedenreich... S.173–191, 249–257.

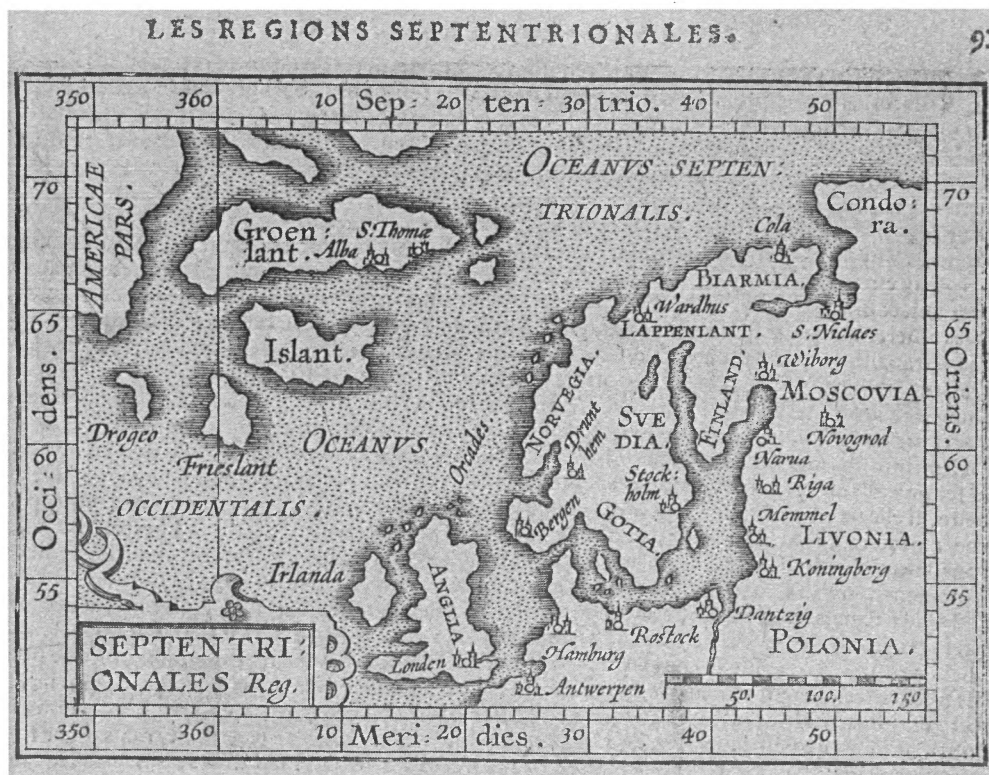

Фрагмент карты Маркуса Бененентана, 1507 г. (издание 1562 г.).

Правда, Э. Клюг относит господство данной точки зрения в Европе уже к первой половине XVI в., что не совсем верно: о ее доминировании можно говорить только со второй половины XVI в., после распространения труда о Московии С. Герберштейна и идеологического эффекта от концепта Ливонской войны (1558–1583).

Объединение нескольких тенденций заметно на карте № 18 из «Carta Marina» Мартина Вальдземюллера (1516). С одной стороны, Белая Русь, Новгород, Московия расположены севернее Рифейских гор, то есть за пределами Европы. С другой — символическое изображение правителя Московии носит все западные черты: татарские и найгайские властители нарисованы в стилизованных шатрах кочевников, а москвит — без шатра, в короне, европейской одежде, со скипетром и католическим крестом, сидящий на троне⁵⁹.

Во второй четверти XVI в. процесс картографирования земель к востоку от реки Одер ставится на научную основу. Революционное утверждение в 1517 г. краковского ученого Матвея Меховского, что Рифейских гор нет, разрушило бытовавшую с античности систему ориентиров. Поиск новых очертаний континента географы XVI в. стали вести с привлечением свидетельств очевидцев — знатоков земель за Вислой и Неманом⁶⁰. Карта Йовия 1525 г. составлялась по рассказам русского гонца в Рим Дмитрия

Карта из издания Атласа Ортелия, XVI в. Россия / Московия изображена как северная страна, на север от Польши и Литвы.

⁵⁹ Публикацию карты см.: Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600. P. 50.

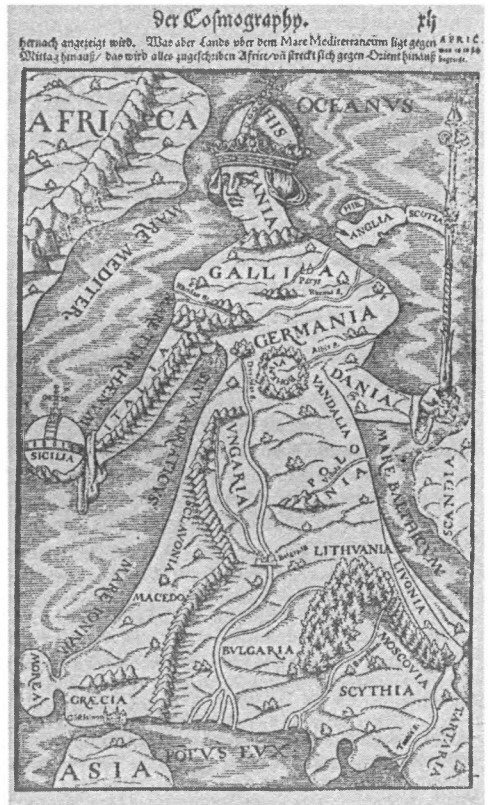
⁶⁰ Б. А. Рыбаков считал, что ряд европейских карт составлялся на основе русских, которые до нас не дошли, и пытался их реконструировать (Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974). Эта гипотеза большинством историков была признана не во всем убедительной.

Герасимова (издавалась в атласе Баттисты Агнезе 1525 г. и в «*Moscovia nova Tabula*» Джакомо Гастальди 1548 г.). В создании карты Антона Вида 1542 г. (изд. в 1555 г., авторизированная копия в 1570 г. опубликована Ф. Ходендергом) принимал участие московский эмигрант, беглый окольный Иван Ляцкий. Важным этапом было издание карты посетившего Московию имперского посла Сигизмунда Герберштейна. Кроме того, надо упомянуть атлас Европы Гейндриха Зелля 1536 г., «*Tabula Moderna Sarmatia*» «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1538 г., «*Nova Tabula Polonia*» et *Ungaria* Бернарда Ваповского 1540 г., «*Rudimenta Cosmographica*» Хонтеруса 1542 г., карту мира Джакомо Гастальди 1546 г., карты Европы Каспара Вопеля 1566 г. и Герарда Меркатора 1554 и 1572 гг. etc. Общей особенностью этих карт было размещение Московии по отношению к западным странам далеко на северо-востоке, в правом верхнем углу карты.

Отдельно выделялась Руссия (Красная Руссия, Рутения), располагавшаяся по соседству с польской Подолией и отличаемая от Московии, которую, впрочем, также иногда называли Руссией (Белой Руссией). Правда, при этом произошло смещение Азии — ее теперь относили за Волгу и Нижний Дон, то есть основная часть Московии однозначно помещалась в Европу. Это особенно четко видно на карте Меркатора 1595 г., где подчеркнута, что *Asia pars* находится за Волгой.

Данное «удаление Азии», по справедливому замечанию М. Винтля, было вызвано тем, что Великие географические открытия как бы уменьшили размеры европейского континента в глазах западных картографов. Первой их реакцией на это было увеличение Европы, продвижение ее границы на восток, с Танаиса за Волгу. Второй — появление иконографического триумфализма, размещение на картах аллегорических изображений Европы, Азии, Африки, Америки в виде молодых женщин, среди которых Европа — несомненная королева⁶¹.

На стилизованном рисунке в издании «Космографии» С. Мюнстера 1588 г. Европа изображена в виде женщины, голова которой — Испания, плечи — Франция и Англия, грудь — Германия, руки — Дания и Италия, живот — Вандалия, Польша и Венгрия, ноги — Македония, Славония, Литва и Ливония, а на подоле платья размещены Греция, Болгария, Скифия, Московия и Татария. При этом Европа-королева попирает ногами Азию. В «Иконологии» Цезаре Рипы 1603 г. художникам рекомендовалось рисовать Европу всегда в короне, «чтобы показать, что Европа всегда является главой и королевой всего сущего»⁶².

Европа в «Космографии» С. Мюнстера.

⁶¹ Wintle M. Renaissance maps and the construction of the idea of Europe // Journal of Historical Geography. 1999. Vol. 25. Nr. 2. P. 137–165.

⁶² Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent... P. 51.

Таким образом, европейская географическая мысль в XVI в. отнесла Московию к европейским странам, хотя и определила ее место в «бахроме» христианского мира⁶³.

В то же время уже прозвучали критические точки зрения, либо помещавшие Московию в Азию, либо располагавшие ее частично в Европе, частично в Азии (например, это специально оговаривает Альберт Компьенский)⁶⁴. Подобная неопределенность была вызвана динамикой развития характера роли, приписываемой России в историческом сценарии Европы. А эта роль с начала до середины XVI в. прошла в европейском сознании все вышеописанные этапы реализации модели открытия Европой чужого мира: познание, попытка написать в аналоговый контекст (конец XV – середина XVI в.), готовность включить в европейский мир (первая треть XVI в.) и затем — осознание факта, что москвиты — «существенно другие», отторжение и однозначная дефиниция как неевропейского государства (вторая половина XVI в., время Ливонской войны).

«Услышав о москвитях, я был настолько охвачен восторгом, что казался лишенным ума...», или как Россию чуть не приняли в Европу

По замечанию современного историка С. Мунда, в XV в. земли восточнее Одера и Вислы представлялась на Западе сказочным регионом, «пространством мечты», где пролегал путь трубадуров, странствующих рыцарей и купцов⁶⁵. Недостаток знаний об этой земле восполняли мифы. Тем более что «сказки» о неведомых странах и народах в эпоху Великих географических открытий пользовались необычайной популярностью — упомянем лишь множество переизданий книги Солина⁶⁶, наполненной абсолютно фантастическими рассказами о чужих землях, жадно поглощаемых охочими до чудес европейскими читателями. Вот и о таинственной Скифии (Сарматии) и окружающих ее землях тогда знали главным образом легенды. В 1517 г. польский ученый Матвей Меховский писал:

«Множество писателей в своих изысканиях и открытиях избородило весь свет, но Сарматии, как неизвестные, они обошли молчанием и пропустили. У тех же, кто позаботились хоть что-нибудь об этих странах оставить потомству в своих сочинениях или стихах, говорится неясно и все темно, как в полночь... будто бы за Сарматиями у Северного океана находятся Елисейские поля: климат там самый мягкий, жизнь вечная, полная мира и всякой прелести; когда же по истечении многих столетий людям там надоест скучная старость, они бросаются с утеса в океан, чтобы утонуть и избежать полной старости. Затем там также предполагали место рождения амброзии... там же будто бы в безмерном множестве есть и золото, веселящее сердце человека, но рыть и уносить его мешают страшные хищные птицы — грифы: они нападают на людей и коней, поднимают их на воздух и сбрасывают вниз. Далее, говорят, что там солнце, луна и прочие светила всегда остаются на небе и непрерывно светят, делая погоду мягкой и приятной. Все это — сплошные выдумки, в действительности не существующие ни там, ни где бы то ни было»⁶⁷.

⁶³ Здесь любопытно сравнить описанное Э. Саидом сформировавшееся в Средневековье (XII–XIII вв.) представление европейцев о востоке как «бахроме» (fringe) христианского мира, при этом — оплоте ересей. Ислам первоначально, как уже говорилось, воспринимался не как мировая религия, а как ересь. Сходно и отношение Запада к православию как к схизме, ереси (Saïd E. Orientalism. P. 60–61, 63).

⁶⁴ Альберт Компьенский. О Московии // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 98.

⁶⁵ Mund S. Orbis Russiarum... P. 42.

⁶⁶ Юлий Солин (III в. н. э.), автор труда «Collectanea rerum memorabilium» («Коллекция вещей достопамятных»), в VI в. переданного в «Полихистор» (Polyhistor). Эти произведения неоднократно переиздавались почти 1000 лет и служили одним из главных источников популярных географических мифов.

⁶⁷ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 45, 202–202. — Меховский цитирует Плиния, Солина, Помпония Мелу, Геродота, Джакомо из

Но и для земель к востоку от Одера и Вислы нашелся свой Колумб, правда, в облике кабинетного ученого. Краковский профессор Матвей Меховский видел свою миссию в том, чтобы совершить, пусть на бумаге, Великое Географическое открытие для Европы Московии и ее соседей. Он писал: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру»⁶⁸.

Заявленные в 1517 г. открытия польского исследователя были удивительными: например, он говорил, что Рифейских гор не существует. Это вызвало буквально взрыв эмоций у просвещенных европейцев. Известный деятель Реформации Ульрих фон Гуттен писал нюрнбергскому гуманисту Пиркгеймеру о потрясении, которое испытал, когда услышал, что Рифейских гор нет: «О, что за время! Как движутся умы, как цветет наука!»⁶⁹ В то же время на Меховского тут же ополчились защитники птолемеевой географии, в том числе и те, которые были в Московии и на правах очевидцев отстаивали правильность античной картины мира. Так, дипломат Франческо да Колло, посетивший Россию в 1518–1519 гг., утверждал, что Волга не может впадать в Каспийское море, так как иначе она бы пересекалась с Доном, текущим с Рифейских гор⁷⁰.

Издания других книг о Московии в Европе также предварялись посвящениями, в которых авторы воспевались за открытие новой страны. Например, о труде Павла Йовия говорили так: «Перечитывая твой тщательный труд о Московии, / Йовий, я начал верить в иные миры Демокрита». Павел «пролил свет на московитские народы» и доказал, что действительно существует «не баснословный или неизвестный вовсе царь, а повелитель весьма многих народов»⁷¹.

В каком историческом контексте произошло открытие Европой России? Для Священной Римской империи это были трудные времена — в конце XV — начале XVI в. увеличивался кризис Ганзы, были частично потеряны Гольштейн, Пруссия, Силезия, Богемия и Моравия, нарастало ожесточенное соперничество с Ягеллонами, к 1475 г. из-за саботажа городов провалилась попытка реформы государственного устройства на основе реанимации франкской имперской модели. Нарастало федералистское движение, оппозиционность центральной власти князей и городов, а император, по образному выражению К. Лампрехта, «бродил из одной страны центральной Германии в другую, где свирепствовали междуусобия и взаимное недоверие»⁷². Усиливалась турецкая угроза. В марте 1518 г. империя и папа занялись созданием очередной анти-турецкой коалиции, во главе которой предполагалось поставить польского короля Сигизмунда I.

Особую окраску событиям придавала Реформация — вызов католическому миру, который явно проигрывал протестантам в Европе, но искал способы компенсировать потери прихожан. Пошатнувшуюся гегемонию, объявленную в булле Бонифация VIII («мы провозглашаем, что в видах спасения римскому папе подчинено каждое чело-

Бергамо, Энея Сильвия Пикколомини.

⁶⁸ Там же. С. 46.

⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 36.

⁷⁰ Франческо да Колло. Доношение о Московии / Пер. и вступ. ст. О. Симчич. М., 1996. С. 64–65.

⁷¹ Йовий П. Книга о московитском посольстве // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 256–257.

⁷² Лампрехт К. История германского народа. М., 1896. Т. 3. С. 11; о роли императорской власти и попытках ее укрепления см.: Чужнов А. Ф. Рейхстаг и император Священной Римской империи Германской нации в первой половине XVI в. // Германская история эпохи Реформации: Исследования и документы. Вологда, 1993. С. 3–19.

веческое существо»⁷³), надо было реанимировать путем расширения сфер влияния. И восточные соседи были для этого идеальным потенциальным объектом.

В этих условиях и произошло открытие России, которое сопровождалось вспыхнувшими в Европе надеждами на обновление и расширение католического мира через новую страну — Московию. Германский мир не принимал участия в открытии Нового Света, и поэтому проникновение на восток стало для Священной Римской империи ее колониальной задачей и перспективой, а Московия — ее Новым Светом. Контакты с русскими освящались светом высокой миссионерской цели — обратить москвитов в истинную, католическую веру.

Открытие Московии для европейцев выразилось в появлении в конце XV — начале XVI в. целой серии сочинений, посвященных описанию России и предлагающих формы сотрудничества христианского мира с этой страной. На обратном пути из Персии в 1474—1477 гг. венецианский посол Амброджо Контарини посетил Московию и опубликовал отчет об этой поездке в 1487 г. в Венеции под заголовком: «Questo e el viazo misier Ambrosio Contarin ambador de la illustrissima signoria de Venesia al signor Uxuncassam re de Persia» (переиздан в 1524 г.). Между 1488 и 1492 гг. Иосафат Барбаро написал «Путешествие в Тану» (издано в 1543 г.). В 1486 г. в миланской придворной канцелярии был записан рассказ московского посла, опубликованный только в 1957 г. В 1503 г. появилось «Подробное разъяснение о расположении, нравах и различиях скифского народа». В апреле 1514 г. для Латеранского собора доклад «О народах руменов и их заблуждениях» подготовил гнезнинский архиепископ Ян Лаский. В 1517 г. в Кракове вышел уже упоминавшийся трактат Матвея Меховского «О двух Сарматях», издававшийся до 1600 г. 23 раза. Посетивший Россию в 1518—19 гг. имперский посол Франческо да Коллио оставил записки, увидевшие свет только в 1603 г. В 1523—25 гг. трактат о Московии на основе рассказов дипломатов и купцов создал Альберт Компьенский (в XVI в. издавался в 1543, 1559, 1564, 1574, 1583 гг.), в 1525 г. — Павел Йовий, чье произведение в XVI в. публиковалось в среднем раз в два года (в 1525—1600 гг. известно 30 изданий)! В 1525—26 гг. вышло первое издание трактата Иоганна Фабри «Религия москвитов, обитающих у Ледовитого моря» (переиздано в 1541 г. и частично вошло в сочинение Яна Лазицкого «О религии, жертвоприношениях, свадебном и похоронном обряде русских, москвитов и татар», 1582 г.)⁷⁴.

Альберт Компьенский с восторгом писал папе Клименту VII:

«Если тот евангельский пастырь, подлинно великий Понтифик, наместником коего ты, Климент, являешься среди нас, с такой старательностью и заботливостью искал одну заблудившуюся овцу из ста... то кому непонятно, сколько усердия действительно должен приложить верховный пастырь Церкви, когда не одна из ста, но многие сотни заблудших душ желают возвратиться в стадо Христово? Вот почему не могу надивиться, о чем же думали предшественники Твоего Святейшества, которые доселе не обращали внимания на этот весьма многочисленный народ москвитов, расходящийся с нами в немногом и весь оруженный на погибель за отложение от церковного единства, вместо того чтобы всеми силами возвращать его к церковному единству, в особенности имея возможность... сделать это с незначительными трудами».

Альберт представлял посрамление протестантов, воображая, как «...народ дальней Скифии, почти что из другого мира, придет к послушанию Римской церкви,

⁷³ Цит. по: *Бецольд Ф.* История Реформации в Германии. СПб., 1900. Т. 1. С. 3—4.

⁷⁴ Наиболее полный обзор сочинений о России европейцев эпохи Возрождения и их публикаций см. в монографии С. Мунда: *Mund S.* Orbis Russiarum... P. 45, 176—178.

между тем как лютеране, неистовствуя и безумствуя, в злобе и умопомрачении восстали против достоинства и власти сей церкви». В случае обращения русских

«...мы найдем... выгоду более несомненную и славу более истинную и более христианскую, чем в том случае, когда бы мы оружием победили всех турок, всю Азию и, наконец, всю Африку... Благодаря же этому союзу с москвитями многие сотни тысяч душ возвратились бы в стадо Христово без [употребления] оружия и [пролития] крови»⁷⁵.

Европейские авторы первой половины XVI в. чуть ли не с благоговением описывали стремление москвитов к святости и чистоте веры. Общим местом является восхищение количеством церквей:

«...столько великолепно сооруженных и одаренных пожертвованиями монастырей, столько церквей... изящно и пышно украшенных, что одного лишь Святого Николая, который у этого народа особенно почитается, как скажут, там (только в Новгороде. — А. Ф.) столько же церквей, сколько дней в году... они испытывают к Богу и святым такое большое почтение, что, где только находят образ распятого, благоговейно простираются на земле» (Альберт Компьенский)⁷⁶.

Иоганн Фабри построил свой трактат на противопоставлении стереотипного взгляда и «истинного положения вещей»: начинает он со слов, что «...едва ли какой другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии». А затем приводит подлинную похвалу отношению москвитов к вере: в отличие от европейцев, они не допускают никаких ересей, благородно покровительствуют несчастному и бессильному константинопольскому патриарху, если кто-то не ходит на исповедь, «...того предают анафеме, и все гнушаются общения с ним до такой степени, что не позволяют входить в храм»⁷⁷.

Фабри так описывал свои впечатления от знакомства с благочестием православной Московии: «Услыхав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление»⁷⁸. Альберт Компьенский говорил о русских: «Во многом они, как кажется, лучше нас следуют Евангелию Христа»⁷⁹. Он писал о московитском государе:

«Хотя мы считали его схизматиком и почти язычником и много раз выступали против него с оружием, тем не менее в деле спасения нашего и Христианской церкви он выказал себя в большей мере христианином, чем наши государи, которые похваляются титулами христианских, католических и защитников веры... Этот схизматик так радеет о нашем спасении, что отправил того, который должен пробудить нас [посла с предложением антитурецкого союза. — А. Ф.], словно погруженных в летаргический сон, и убедить иной раз вспоминать о собственном спасении, и, наконец, позаботиться о наших делах... Более того, сей государь, которого мы вправе были опасаться как смертельного врага, предлагает в нашу защиту себя и весь народ свой. А наши христианские государи совершенно не думают о том, как оказать помощь христианскому миру, который они сами своими раздорами погубили... поэтому, если оценивать прежде всего по делам,

⁷⁵ Альберт Компьенский. О Московии. С. 96–97.

⁷⁶ Там же. С. 102, 107.

⁷⁷ Фабри И. Религия москвитов, [обитающих] у Ледовитого моря // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 172, 181, 191, 193, 201.

⁷⁸ Там же. С. 194.

⁷⁹ Альберт Компьенский. О Московии. С. 107.

а не по обманчивым титулам, то окажется, что он [московит] является воистину христианским государем, а наши с их пышными титулами будут признаны хуже язычников и схизматиков»⁸⁰.

По верному замечанию О. Ф. Кудрявцева,

«Русь, не знающая тяжелых религиозных потрясений, свято чтущая церковную традицию, та самая Русь, в православном населении которой доселе видели схизматиков и вероотступников, теперь представлялась чуть ли не последним оплотом истинного христианства»⁸¹.

Обращение русских правителей под пером европейских авторов напоминало сюжеты из святоотеческой литературы и житий святых, повествующие о внезапном прозрении недавних нечестивцев. Так, в анонимном французском послании 1507 г. в Венецию рассказывалась история, будто бы племянник французского короля, король Шотландии, заявил, что не желает иметь никаких дел с такими схизматиками и еретиками, как русские. В ответ «король русских» Василий III якобы немедленно написал правителю Шотландии, что он уже хочет перейти в лоно римской церкви и что его отец на смертном одре перед смертью завещал ему это сделать⁸².

Описание Московии у авторов первой половины XVI в. отражает целый ряд западных стереотипов, принятых при изображении чужого мира. Во-первых, это мир закрытый, замкнутый, в отличие от европейской открытости — общим местом во многих сочинениях является рассказ о «затворенности» Московии, в которую невозможно попасть без дозволения русских⁸³. Во-вторых, это мир сильной государственной власти, московиты безоговорочно повинуются своему правителю, даже в таких «трудных» вопросах, как отказ от пьянства⁸⁴. Франческо да Колло утверждал, что русскому государю все настолько преданы, «что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно

Немецкая гравюра XVI в., изображающая Василия III.

⁸⁰ Там же. С. 110–111.

⁸¹ Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя: Русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 10. — Хотя стоит заметить, что отношение Ватикана к Московии всегда было неоднозначным, и это вызывалось неприятием Москвой Флорентийской унии, отчего московиты попадали в разряд схизматиков — врагов христианского мира. В 1496 г. папа Александр VI разрешил призыв к крестовому походу против русских, в 1498 г. папа Иннокентий VIII направил в Литву, Ливонию, Пруссию, Швецию и Данию буллу с обещанием отпущения грехов всем участникам войны против схизматиков-русских (подробнее см.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 195).

⁸² Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 198.

⁸³ Альберт Кампъенский. О Московии. С. 106; Франческо да Колло. Доношение о Московии. С. 58; см. также: Mund S. Orbis Russiarum... P. 160.

⁸⁴ Альберт Кампъенский. О Московии. С. 106; ср.: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России: К истории италийно-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 158, 228, 229; Фабри И. Религия московитов... С. 177.

подвергнуть себя такому наказанию»⁸⁵. Преданность русских своему государю достигает прямо-таки мусульманских масштабов:

«Нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не считающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия»⁸⁶.

В первой половине XVI в. при сравнении с европейской анархией такое послушание властям вызывало умиление и восхищение. Во второй половине XVI в. это же назовут бесчеловечной тиранией.

В-третьих, русские рисуются как люди, сохранившие первобытную чистоту и простоту нравов:

«У них считается великим и ужасным злодеянием обманывать и обделять друг друга, прелюбодейство, разврат и распутство редко встречаются в их среде. Противоестественные пороки им совершенно неизвестны, о клятвопреступлениях и богохульствах у них не слыхать»⁸⁷.

Необычайно развито почитание родителей. Русские целомудренны и свято чтут обеты, «гнушаются прелюбодейства, пожалуй, в большей степени, нежели мы»⁸⁸. Правда, уже в данных сочинениях возникает дискурс необычайной сексуальной уступчивости русских женщин для иностранцев, описанный Л. Вульфом применительно к XVIII в. как чисто колониальное явление⁸⁹.

Фабри помещает целый панегирик нравам «рутенгов» в сравнении с загнивающим германским миром:

«Ибо где у [рутенгов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те — Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданы постам, эти же — чревоутодию; те ведут жизнь строгую, эти же — изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже — для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если и них [совершенство] таинства уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя. Что касается государства, то те привержены аристократии, наши же предпочитают, чтобы все превратилось в демократию и олигархию»⁹⁰.

О. Ф. Кудрявцев связывает и, по всей видимости, справедливо с подобной идеализацией нравов и противопоставлением чистоты туземцев порокам европейского общества влияние колониальных дискурсов, связанных с открытием Нового Света. Он отмечает, что во многих трактатах о Московии первой половины XVI в. их авторы описывали не реальные нравы москвитов, а в первую очередь те устои, которые хотели бы видеть у себя дома⁹¹. В изображении Фабри, Альберта Компьенского и других Московия

⁸⁵ *Франческо да Колло*. Доношение о Московии. С. 58; другие подобные примеры см.: *Mund S. Orbis Russiarum*. P. 121–122.

⁸⁶ *Фабри И.* Религия москвитов... С. 178.

⁸⁷ *Альберт Компьенский*. О Московии. С. 107. — Интересно, что почти в этих же выражениях описывали и татар: они «не воруют и не терпят воров в своей среде... хитры и вероломны с чужими, но между собою и со своими весьма честны» (*Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 60).

⁸⁸ *Фабри И.* Религия москвитов. С. 185, 192.

⁸⁹ «Впрочем, даже иностранец может легко и за небольшое вознаграждение склонить к любовным утехам всякую женщину из простонародья» (*Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 285); «В городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия... [их] не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления» (*Франческо да Колло*. Доношение о Московии. С. 66); ср. прямые аналогии в описании восточноевропейского феминного дискурса в сочинениях иностранцев XVIII в.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу... С. 98–148.

⁹⁰ *Фабри И.* Религия москвитов... С. 202.

⁹¹ *Кудрявцев О. Ф.* Жизнь за царя... С. 17–18.

выступает «заповедником нравственной чистоты и набожности». О русских также говорят как о цивилизаторах: благодаря их усилиям, по Йовию, «стал гораздо реже» и более обитаемым покрывающий Россию Герцинский лес⁹². Московиты несут свет истинной веры и просвещения еще менее развитым народам — татарам, северным племенам и т. д.

Это противопоставление особенностей жизни в Европе и России проявилось и в том, что облик Московии авторы эпохи Возрождения рисовали по принципу «антимира», Зазеркалья. Здесь строятся деревянные, а не каменные строения, как принято на Западе (при этом подчеркивается, что у русских дома деревянные, а каменные строятся иностранцами)⁹³. Мало городов и замков, зато обширные леса. Фрукты почти не рождаются, так как «истребляются весьма холодным дуновением Борея», зато больше всего дохода дают насекомые — пчелы⁹⁴. Невозделанная природа Московии иной раз дает такое изобилие, что с ним приходится бороться, например, уничтожая лишних пчел⁹⁵. Мороз и снег, которые в Европе считались препятствием к передвижению, в Московии, наоборот, спасительны, ибо быстро ехать можно только по руслам замерзших рек, являющихся лучшими — и чуть ли не единственными (!) дорогами в этой стране. Да Колло писал: «Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, несмотря на то, что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году»⁹⁶. На период холодов для русских, казалось, должна останавливаться жизнь: даже покойников замораживают в гробах, так как их невозможно похоронить до весны. Однако многие авторы с удивлением отмечают, что зима является для московитов временем интенсивной экономической жизни и социальной активности.

Россия представляла миром особой, неизвестной европейцам природы. Почти все авторы подробно описывают климат, флору и фауну, с рисунками диких зверей: зубров, лосей, медведей, «необыкновенной величины и преогромные волки, страшные своей черной шерстью»⁹⁷. Например, у Фабри: «В Московии находятся необыкновенно обширные леса, в которых ловятся черные лисицы и белые медведи... и не удивительно, ибо причиной сего мог стать чрезвычайный северный холод, всегда порождающий белизну, как свидетельствует философия»⁹⁸. Позже рассказ о белеющих от холода русских животных станет общим местом. Например, его повторит Р. Гейденштейн, чтобы проиллюстрировать ужасы условий, в которых мужественное польское войско вело осаду Пскова в 1581 г.⁹⁹

Подобное восприятие было подготовлено особенностями самого пути из Европы в Россию — десятки километров по безлюдной дикой местности, с редкими бедными селениями, без дорог, через неосвоенные леса и реки без мостов. Нередко даже самим послам приходилось принимать участие в прокладке пути, толкании саней, обороне от диких животных и грабителей и т. д. То есть, европейцу, чтобы попасть в Россию, в XV–XVI вв. надо было совершить подвиг путешественника, пережить приключе-

⁹² *Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 264. — Герцинский лес считался в XVI в. «русским» ориентиром. В 1572 г. в своем дорожном дневнике цюрихский деятель Реформации Генрих Вольф, путешествовавший по Литве, писал (цитируем в переводе А. Белы): «пакінули мы “Герцынскі лес”, заначавалі ў святара рускага; яны ўсе адпускаюць даўгія валасы і ўбараноцца ў даўгія апранахі, нводнае мовы, апроч сваёй, не ведаюць» (Белы А. «Афіны над Ліматам» і беларуская культурная спадчына XVI ст. // Спадчына. 1998. № 3. С. 179).

⁹³ *Франческо да Колло.* Доношение о Московии. С. 58.

⁹⁴ *Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 277; ср.: *Мюнстер С.* VI книг всеобщей космографии. Книга III. О Польше. Русь // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 336–337.

⁹⁵ *Мюнстер С.* О Польше. Русь. С. 332.

⁹⁶ *Франческо да Колло.* Доношение о Московии. С. 60.

⁹⁷ *Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 265; ср.: *Мюнстер С.* VI книг всеобщей космографии. С. 336, 337. — У Мюнстера помещено уже целое описание чудесной «природы» русского медведя.

⁹⁸ *Фабри И.* Религия московитов... С. 180; ср.: *Франческо да Колло.* Доношение о Московии. С. 60.

⁹⁹ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 244.

ние. Поездка в Московию в XVI в. считалась тяжким жизненным испытанием и даже Божьим наказанием, которого стоит избегать¹⁰⁰. Поэтому и возникало ощущение попадания в совсем другой мир.

Образ другого мира в сознании человека эпохи Возрождения и Великих Географических открытий был неразрывно связан с представлениями о чудесах. И сочинения о Московии не стали исключением. По словам Йовия,

«В Новгороде царит почти вечная зима и тьма весьма продолжительных ночей, ибо этот город видит Северный полюс... говорят, что в силу этого положения во время солнцестояния вследствие кратких ночей там стоит почти непрерывный солнечный жар и зной»¹⁰¹.

Для создания социальных легенд привлекалась античная традиция: например, Себастиан Мюнстер писал о том, что в центре Москвы находится форум, («... в середине форума есть квадратный камень; если кто-нибудь на него заберется и его оттуда не смогут силой сбросить, он обладает властью над городом»)¹⁰². Возникали сказания о дикарях, живущих еще восточнее или севернее русских — например, миф о пигмеях. Они живут в стране, окутанной глубоким мраком,

«Когда они достигают полного развития, то своими размерами едва превосходят нашего десятилетнего мальчика. Эти люди боязливы, свою речь выражают щебетанием; так что они, по-видимому, столь же близки к обезьяне, сколь своими ростом и чувствами далеки от человека надлежащих размеров»¹⁰³.

В рассказе неизвестного автора «Донесение о Московском царстве» 1557 г. говорится:

«Там есть еще иные народы, с которыми трудно познакомиться во время путешествия по этой стране... у океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть времени проводит в воде и питается исключительно сырой рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и вместо членораздельной речи издают какой-то свист... Есть там также сетрипоны, народ зверский и свирепый. Они совсем лишены способности членораздельной речи и цивилизации и едят в сыром виде пойманных ими людей... они живут среди неприступных гор и дремучих лесов, куда они скрываются, когда на них нападают. Одеваются они в шкуры медведей и других зверей. У них свирепое лицо, распущенные волосы, пронзительный и невнятный голос. Увидев что-либо необыкновенное, они страшно мычат»¹⁰⁴.

В произведениях, посвященных открытию Московии, часто фигурируют чисто колониальные образы — странствующего рыцаря, купца, путешественника. Колониализм мышления авторов, оставивших описания России, проявился в перечислении туземных товаров, которые можно вывозить. Если для Индии это пряности, для России это прежде всего пушнина и другие дары природы — воск, сало, мед и т. д.¹⁰⁵

¹⁰⁰ Примеры см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 74, 111–115, 169.

¹⁰¹ *Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 274.

¹⁰² *Мюнстер С.* VI книг всеобщей космографии. С. 333.

¹⁰³ *Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 269.

¹⁰⁴ *Огородников В.* Донесение о Московии второй половины XVI века // ЧОИДР. М., 1913. Кн. 2. С. 19.

¹⁰⁵ *Фабри И.* Религия московитов... С. 180. — Интересно, что говоря о перспективах торговли в России, Павел Йовий вспоминает пример именно из истории колониального проникновения в Индию и очень озабочен вопросом, насколько далеко от «скифских берегов» находится «г. Китай» (*Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 259, 270; ср.: *Франческо да Колло.* Доношение о Московии. С. 59). Сравнение с Индией содержится и в труде Яна Лаского (1514), причем именно в колониальном аспекте: «подобно тому, как Индии приносят славу благовония, так меха и пушнина, которыми изобилует эта область и доставляет по всему миру, прославляют Московию и приносят золото и богатство ей и самому властительному князю» (*Ян Лаский.* О племенах рутенов и их заблуждения // Акты исторические, относящиеся до России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургенева. СПб., 1841. Т. 1 (*Historia Russia Monumenta*). № СХХIII. С. 126–127). Перевод сочинения Яна Лаского выполнен В. Ю. Мартыновичем в рамках дипломной работы под моим научным руководством (тема: «Русско-литовские отношения в первой трети XVI века»), защищенной в 1998 г. в Воронежском государственном университете.

Да и описания самих сделок в Московии очень напоминают контакты конкистадоров с индейцами в Новом Свете: авторы с восторгом говорят об обмене простодушными русскими на обычный железный топор столькоких соболиных шкур, сколько пролезет в отверстие, в которое насаживается топориче¹⁰⁶.

Колониализм в отношении России проявлялся и в синдроме «культурного наставника», который тоже проявился очень рано. Павел Йовий особенно подчеркивал стремление и способность москвитов учиться, описывая русского, который, посетив двор цесаря Максимилиана, «...вращаясь при его дворе, наполненном людьми всякого рода, и наблюдая утонченные нравы, он очистил свой спокойный и восприимчивый ум от всего, что в нем было варварского»¹⁰⁷. Авторы предполагают, что москвиты будут нуждаться в достижениях западной цивилизации — оружии, научных знаниях и т. д. Европейцы были убеждены в готовности русских принять «правильную религию» и влиться в католический мир¹⁰⁸. Оснований для подобной уверенности было не больше, чем в свое время для веры в готовность монголов принять христианство, но, как в XIII в. относительно Чингизидов, в XVI в. мнение о стремлении Рюриковичей в лоно католицизма стало истиной, не подлежащей сомнению.

Как известно, убеждение о готовности России к унии вынес из бесед с русскими дипломат Тевтонского ордена Дитрих Шонберг в 1518 г. На основе его докладной записки в 1519 г. папа Лев X отправил Василию III буллу о воссоединении церковей¹⁰⁹. Папа «уразумел великого государя силу и правую и верную мысль, коею мыслью кипит христоверно, а на неверных на татар свирепует». Он предлагал включить московского государя в семью европейских христианских правителей («короновати в кристьянского царя»), а московского митрополита сделать патриархом («церковь греческая не иметь главы, патриарх константинопольской и все царство в турецких руках, и он [папа римский] ведает, что духовнейши митрополит есть на Москве, хочет его и хто по нем будет возвысити и учинити патриархом, как было преже константинопольской»). Целью данной акции папского двора было вовлечь русских в антитурецкий союз, «чтобы то дело против турецкого и наследье константинопольского вперед шло»¹¹⁰.

Западные мыслители, стремясь вовлечь Московию в унию¹¹¹, считали, что судьба России в случае пренебрежения Западом ее стремлением принять истинную веру

¹⁰⁶ Йовий П. Книга о московитском посольстве. С. 278.

¹⁰⁷ Там же. С. 258.

¹⁰⁸ Анализ муссировавшихся об этом в Европе слухов см.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений... С. 178–185, 190, 198, 199, 207, 208.

¹⁰⁹ *Григорович И.* Переписка пап с российскими государями в XVI веке. СПб., 1834. С. 3–6. № 1.

¹¹⁰ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 53. С. 84–87; [1519 г., марта 10]. Из записи переговоров русского правительства с послом магистра Тевтонского ордена Альбрехта Бранденбургского Дитрихом Шонбергом с изложением предложений римского папы Льва X // *L'idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI: Fonti per la Storia del pensiero sociale Russo = Идея Рима в Москве XV–XVI века: Источники по истории русской общественной мысли.* Roma, 1993. S. 8; об этих переговорах см.: *Синицына Н. В.* Два мира: возможность взаимопонимания // *Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы.* М., 1997. С. 36–42.

¹¹¹ Обзор истории этих попыток в конце XV – первой трети XVI в. см.: *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся отношений России с Италией. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1; СПб., 1911. Т. 1. Вып. 2. С. 115–212; *Пирлинг О.* Россия и папский престол. М., 1912. Кн. I; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений... С. 176–195; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 300–322; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 67–81; 211–248; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 89–120.

в какой-то степени повторит путь монголов. Как монголы предпочли отказаться от христианства, приняли ислам и стали врагами Европы, так и если

«...государь Московии окажется пренебрежительно отвергнутым всеми нашими государями, но не будет отвергнут нашими врагами, ибо нет никакого сомнения, что турки используют все возможности, дабы привлечь его на свою сторону или в союзники для войны с нами такого великого государя»¹¹².

Вышеописанные духовные процессы в европейской мысли первой половины XVI в. очень сходны с тем, что Р. Шваб и вслед за ним Э. Саид описывают как «восточное возрождение Европы» — появление идеи «возрождения» (regeneration) Европы от Азии¹¹³. Работы Фабри, Йовия, Альберта Компъенского и других также могут быть охарактеризованы как выражение идеи «русского возрождения» Европы через Россию.

Почему Россию все же не приняли в Европу?

Восхищение русскими сменилось в Европе резким охлаждением к ним уже к середине XVI в., что хронологически совпадает с началом Балтийских войн и явилось благодатной почвой для резкого роста антирусской пропаганды в связи с конфликтом в Ливонии. Причиной этого было, видимо, упорное нежелание России принять унию и тем самым влиться в европейский католический мир, что вызвало переход к следующей ступени западной модели отношения к «другим» — наступило осознание того, что московиты — «существенно чужие».

Во времена Открытия России европейцы считали, что в срыве принятия России в Европу виноват Ватикан. Будто бы русские государи неоднократно обращались к папе и императору с просьбой о союзе и унии, но все испортила алчность римского папы, который «...потребовал от них огромнейшей ежегодной дани, по его словам, как знак и подтверждение их покорности, не знаю уж какие десятины и аннаты». Московиты и передумали обращаться, решив, что в Ватикане «домогаются не спасения душ или славы Христовой, но лишь имущества всех народов»¹¹⁴. Римскую церковь считает виновницей срыва унии и Фабри, который идет столь далеко, что утверждает, что готовность к обращению демонстрируют не только московиты, но и их соседи — и татары и магометане¹¹⁵.

Йовий видел причину охлаждения русско-европейских отношений в происках Польши, когда в Риме, не подумав, поддержали торжества короля Сигизмунда I в честь победы польско-литовских войск над московитами под Оршей в 1514 г.: «по этому поводу установлены были благодарственные молебствия, как будто были побеждены и перебиты враги имени Христова»¹¹⁶. Война с Василием III и особенно победа под Оршей польской публицистикой преподносились как чуть ли не спасение христианского мира от нашествия новых варваров, живым ситом против которых выступили самая восточная католическая держава и король Сигизмунд I¹¹⁷.

¹¹² Альберт Компъенский. О Московии. С. 115.

¹¹³ Said E. Orientalism. P. 115; подробнее см.: Schwab R. Renaissance Orientale. Paris, 1950.

¹¹⁴ Альберт Компъенский. О Московии. С. 108.

¹¹⁵ Фабри И. Религия московитов... С. 199, 200.

¹¹⁶ Йовий П. Книга о московитском посольстве. С. 261.

¹¹⁷ Речь идет о произведениях: Wapowski B. 1) De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscogesto. Romae, 1508; 2) Panegyris seu Carmen elegiacum in victoriam Sigismundi I, Regis, de Moscis. Romae, 1515; Dantyszek J. De clade Moscorum. Romae, 1515; Epistola Pisonis ad Ioannem Coritium de conflictu Polonorum et Litanorum cum Moscovitis. Romae, 1515. Анализ этих сочинений см.: Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50; Лобин А. Н. Битва под Оршей. СПб., 2011. С. 166–184.

Москву мало интересовали «турецкие проблемы» европейских стран, равно как и судьбы католической церкви. Она шла на переговоры об унии, преследуя свою выгоду, надеясь на помощь Рима и императора в противостоянии с Ягеллонами. Возможно, если бы проекты русско-германских антиягеллонских коалиций конца XV – первой половины XVI в. оказались бы реализованными, восточноевропейский мир приобрел бы иную геополитическую конфигурацию (сильные Священная Римская империя и Россия при ослабленных или вообще расчлененных Польше и Литве). И тогда по-другому бы пошла история противостояния этой новой геополитической реальности мусульманскому миру, и роль Московии могла бы быть более весомой и соответствующей ожиданиям Запада.

Но папа и император предпочли не конфронтацию, а договоры с Ягеллонами, «не сдали» Москве Польшу и Литву. В контексте наступления Реформации, учитывая, что Польша являлась европейским форпостом католичества, иного результата и быть не могло. Ягеллоны же приложили максимум усилий для дискредитации Московии в глазах Запада, а поскольку Польша как непосредственный сосед Руси выступала для Европы главным поставщиком информации о москвитях, то противостоять антирусским идеям было трудно. Тем более что поляки искусно муссировали наиболее болезненные слухи о русских: что они на самом деле не подлинны христиане. Гнездинский архиепископ Ян Лаский по поручению короля Сигизмунда I в 1514 г. подготовил об этом специальный доклад для Латеранского собора. Разоблачая «заблуждения» религии рутенов, он наделял ее чертами варварских, чуть ли не языческих суеверий:

«...в день Святого Божоявления вместо церковного источника используют, пока могут, быстротекущие реки для крещения младенцев вместо Иордана, и если какой ребенок при погружении умирает от холода или выскальзывает из рук и захлебывается, то о нем говорят, что будто он взят Ангелом на небо, и утверждается, что мир недостойн его присутствия... священнику для очищения совести с женою сожительствующей и желающей обвенчаться, достаточно того, что он обольет себя некоей заквашенной водой от макушки головы до подошвы ног... по совершении похорон их священники приказывают поцеловать могилу, а после самих похорон пируют, поедая некую кашу, благословленную самим священником... их священники впадают в неправедность, когда убивают воробья или какую-либо птицу, и они не прежде достигнут праведности, пока эта птица не стгнет совершенно у них под мышками. Таково у них наказание, которое не бывает столь суровым, если кто убьет христианина...»

Именно поляки в XVI в. усердно распространяли легенды о природной вражде русских по отношению к католикам-христианам (москвит «...заслуживает признательности и достигает отпущения грехов, если кто убьет католика римского исповедания»)¹¹⁸. И такая пропаганда, особенно подтвержденная событиями Ливонской войны, имела успех. Тем более что Польша претендовала на роль «открывателя» с помощью королевских войск России для Европы¹¹⁹. Именно поляки в противовес итальянскому и немецкому восхищению чистотой нравов москвитов писали, что русские — грязные, дикие, нецивилизованные варвары, склонные к насилию и поэтому опасные для высокоразвитых народов:

«...когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада».

¹¹⁸ Ян Лаский. О племенах рутенов и их заблуждениях. С. 127.

¹¹⁹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. С. 46; о развитии польской концепции Европы см.: Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa... S. 44–66.

Именно поляки обличали перед Западом московско-татарский «обычай» продавать людей в рабство¹²⁰, пропагандировали идею, что москвиты в культурном и политическом отношении гораздо ближе к туркам, азиатам, чем к цивилизованной Европе¹²¹. Альберт Компъенский писал, что именно польский король более всех препятствует присоединению России к Европе, и «в этом деле — пусть во всем остальном король Польши и является наихристианнейшим государем — я никоим образом не доверял бы ему»¹²².

И хотя в XVI в. еще неоднократно переиздавались сочинения и Йовия, и Фабри, и Альберта Компъенского, в восприятии москвитов верх явно начала одерживать «скептическая школа», заложившая польскими авторами — Бернардом Ваповским, Яном Ласким, Матвеем Меховским и др.

В 1549 г. в Вене вышло первое издание «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна, по выражению А. Л. Хорошкевич, задавшего «в идеальном виде» «тип и форму повествования о России»¹²³. Это сочинение во второй половине XVI в. выходило в среднем раз в два года, известно 22 издания¹²⁴. Оно во многом оказалось переломным в европейских оценках восточноевропейских земель. Под пером Герберштейна вместо «подлинных христианских государей» русские правители предстали перед западным читателем скопищем всех человеческих пороков, воистину «антиправителями»:

«По отношению к женщинам он [Иван III] был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему на глаза, то при виде его только что не лишалась жизни. Для бедных, угнетенных более могущественными и ими обижаемых, доступ к нему был прегражден. Во время обедов он по большей части предавался такому пьянству, что его одолевал сон, причем все приглашенные меж тем сидели пораженные страхом и молчали. По пробуждении он обыкновенно протирал глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость по отношению к гостям. Впрочем, как он ни был могуществен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар большим»¹²⁵.

Они хитры, лицемерны, вероломны, воинственны, все время ищут повода к нападению на соседей, жестоки к побежденным. Раньше их власть над подданными вызывала умиление и одобрение, теперь же она названа «жестоким рабством»¹²⁶. Повествование Герберштейна наполнено примерами преступлений московских государей, совершенных ими для захвата, укрепления власти или даже без повода, как проявление тирании.

Москвиты, по Герберштейну, склонны к убийствам, насилиям, грабежам. «Все они называют себя холопами, т. е. рабами государя... Этот народ находит больше удоволь-

¹²⁰ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. С. 112.

¹²¹ Подробнее см.: Klug E. Das "asiatische" Russland... S. 265–289.

¹²² Альберт Компъенский. О Московии. С. 116.

¹²³ Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малена и А. В. Назаренко, вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 45.

¹²⁴ Mund S. Orbis Russiarum... P. 358.

¹²⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 71.

¹²⁶ «Всех одинаково гнетет он (Василий III. — А. Ф.) жестоким рабством... Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого... Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким» (Герберштейн С. Записки о Московии. С. 72, 74).

ствия в рабстве, чем в свободе»¹²⁷. Описания русских походов все время теперь сопровождаются рефреном о многочисленных убийствах, разорениях, жестокостях и т. д.

Герберштейн одним из первых объединил «русскую» и «турецкую» опасности, зарифмовал эти народы как природных врагов Европы:

Сигизмунд Герберштейн в русской одежде, пожалованной ему московским государем. Немецкая гравюра XVI в.

«Вследствие столь многочисленных походов и славных деяний имя московитов стало предметом великих страхов для всех соседних народов и даже в немецких землях, так что возникает опасение, что Господь по великим нашим грехам и преступлениям, если не обратимся к нему с искренним раскаянием, подвергнет нас тяжким испытаниям от московитов, турок или каких-либо других великих монархов и строго покарает нас».

По утверждению имперского посла, за раскол церкви русские ненавидят католиков «более, чем даже магометан». Причем в своем ксенофобном поведении по отношению к Западу русские ближе к мусульманам: «Кто ел с латинянами, зная об этом, должен быть очищен очистительными молитвами»¹²⁸. Даже святые у православия и ислама могут быть общими (дипломат приводит легенду о молитве Св. Николаю одновременно русского и татарского воинов)¹²⁹. Герберштейн уверенно поместил Москву в Азию, отказав ей в европейской локализации, которую он считал недоразумением: «Если провести прямую линию от устья Танаиса к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе»¹³⁰.

При этом, по утверждению имперского посла, вера московитов — не подлинно христианская¹³¹.

¹²⁷ Там же. С. 112.

¹²⁸ Этот тезис впоследствии был развит папским легатом А. Поссевино, который описывал, как после приема европейских послов «...омывает руки в золотой чаше, стоящей на скамье у всех на виду, как бы совершая обряд очищения. Поэтому приближенные и прочие знатные люди, которые обычно в большом количестве здесь присутствуют, как нельзя больше укрепляются в своей отчужденности и отвращении к нам, христианам». Поссевино приводит будто бы бытовавшее русское проклятие: «когда они хотят кому-нибудь большого зла, они говорят: “Увидеть бы мне тебя в латинской вере!”» (Поссевино А. *Московия* // Поссевино А. *Исторические сочинения о России XVI в.* / Перевод, вступ. ст. и комм. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 22–23). О развитии дикурса восприятия русскими латинян как нечистых в европейской книжности см.: Scheidegger G. *Perverses Abendland — barbarisches Russland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse*. Zurich, 1993. S. 56–59, 63–76, 92–107.

¹²⁹ Герберштейн С. *Записки о Московии*. С. 78, 92, 95, 104, 116.

¹³⁰ Там же. С. 138.

¹³¹ Эта идея получила на Западе столь широкое распространение, что писались целые научные труды, целью которых было разоблачение «неправедной веры». Например, на защите диссертации в 1620 г. Джоном Ботвиндом дискутировался вопрос: «Христиане ли русские?» Защиту почтил своим присутствием король Швеции. Тезис о неправильности веры московитов связывался также с варварским обращением их правителей со священнослужителями: например, А. Поссевино описывал, что русская церковь стала автокефальной при Василии III, когда в тюрьму при одобрении турецкого султана был посажен «греческий священник» (имеется в виду Максим Грек), обличивший перед лицом царя «расхождения московитов в догматах веры» (Поссевино А. *Московия*. С. 21).

Герберштейн приводит легенду, в которой, видимо, в какой-то степени отразилась судьба Максима Грека:

«Константинопольский патриарх по просьбе самого москвитя прислал некоего монаха, по имени Максимилиан, чтобы он по здравом суждении привел в порядок все книги, правила и отдельные уставы, относящиеся к вере. Когда Максимилиан исполнил это и, заметив много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни римскому, ни греческому закону — итак, повторяю, когда он сказал это, то, хотя государь очень благоволил к нему, он, говорят, исчез, а по мнению многих, его утопили».

При этом «Московиты похваляются, что они одни только истинные христиане, а нас осуждают как отступников от первоначальной церкви»¹³². Воистину, под пером дипломата русские предстали угрозой «христианскому миру», а Россия — его антиподом.

Очень много внимания Герберштейн уделил описаниям повседневной морали москвитов. Если до него писали о верности русских своему слову и нерушимости клятвы, то теперь имперский посол утверждал: «Как только они начинают клясться и божитья, знай, что тут сейчас же крестя коварство, ибо клянущся они с намерением провести и обмануть»¹³³. Если более ранние авторы умилялись чистоте нравов, то теперь живописуется такое количество сексуальных запретов и наказаний за проступки в сфере интимной жизни¹³⁴, что ни о какой высокой нравственности русских речь идти просто не может. Описание сексуальной морали русских меняется и в других произведениях второй половины XVI в.: о целомудрии больше не вспоминается, напротив, почти в каждом сочинении теперь

«Встреча европейского посла». Гравюра из издания сочинения Герберштейна 1576 г. говорится, что «...этот народ весьма расположен к Венериным [утехам] и весьма привержен к пьянству: последнее считается похвальным, первое — дозволительным...»¹³⁵. Признаком супружеской любви у москвитов, вопреки обычаю всех других народов, является избиение мужем жены¹³⁶. Разоблачение русского пьянства становится общим местом многих сочинений¹³⁷.

Кроме того, теперь иностранцы со вкусом описывают дикость московских нравов в отношении гигиены (не моют рук перед едой, крайне неопрятны, не используют ножей и вилок, а как дикари едят руками) и приготовления пищи (как заметил

¹³² Герберштейн С. Записки о Московии. С. 104–106.

¹³³ Там же. С. 127, 133.

¹³⁴ Там же. С. 93–98, 107, 111.

¹³⁵ Монстер С. VI книга всеобщей космографии. С. 334; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 126–128, 260, 263.

¹³⁶ «Есть в Москве один немецкий кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: “Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?” Муж ответил: “Да я сильно люблю тебя”. “Но у меня нет еще, — говорит жена, — знаков любви”. Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: “Ты ни разу меня не ударил”. “Побой, — ответил муж, — разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану”. Таким образом, немного спустя, он весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги» (Герберштейн С. Записки о Московии. С. 112).

¹³⁷ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 454

Тирбервилль, русским все равно, как приготовлено мясо, было бы побольше водки)¹³⁸. Приводится много негативных фактов из образа жизни москвитов, свидетельствующих об их недоразвитости: если русские не знают классической культуры, то значит они варвары; беспорядок подачи блюд на пиру в противоположность европейскому этикету — признак дикости; отсутствие пряностей в московской кухне говорит о нецивилизованности и т. д.¹³⁹ К концу XVI в. общим местом европейских космографий при описании России стало упоминание в качестве главных качеств русских склонность к рабскому подчинению, лицемерию (в том числе в религиозной сфере), физической нечистоте и аморальности в сексуальной и семейной сферах¹⁴⁰.

Если раньше авторы писали о том, что москвиты могли бы выступить образцом поведения для европейцев, то теперь, наоборот, иностранцы изображаются несравнимо выше русских. Подобная позиция Европы во многом, по замечанию О. Г. Агеевой, была связана с тезисом о мировом лидерстве Запада, вырабатывавшимся идеологами в XVI–XVII вв., в период создания колониальных империй¹⁴¹. На Россию также смотрели как на потенциальную колонию. Все иностранные авторы отмечали особое влияние на Ивана Грозного англичан и немцев¹⁴².

Причиной «затворения» России, по Р. Барберини, является боязнь русских показать себя слабее иноземцев. В качестве примера он приводит легенду, как на судебном поединке некий литовец хитростью победил тяжеловооруженного русского воина, бросив ему в глаза горсть песка. «С той поры не дозволено уже иностранцам вступать в сражения с москвитянами»¹⁴³. Герберштейн высказывает уверенность в привилегированном положении в России иноземцев и их судьбоносной роли в важных событиях внутренней русской истории¹⁴⁴. Он утверждает, что русские, чтобы выглядеть лучше, притворяются иностранцами: «Народ в Москве, говорят, гораздо хитрее и лукавее всех прочих, и особенно вероломен при исполнении обязательств; они и сами прекрасно знают об этом обстоятельстве, а потому всякий раз, когда общаются с иноземцами, притворяются, будто они не московиты, а пришельцы, желая тем внушить к себе большее доверие»¹⁴⁵.

Этот тезис был с готовностью подхвачен многими европейскими авторами. По Одерборну, Грозный особенно любил и чтит немцев, давал им в своей стране важные государственные посты и доходные должности. Это и понятно, потому что образованные и культурные немцы — это не московские бояре, «Kühehirten», «пастухи коров», «пастухи, ужасные нравами, и продажные». Московиты пытаются подражать немцам, но ничего у них не выйдет: «это противно их натуре»¹⁴⁶. В этом проявилась дискурсивная практика европейца XVI в., основанная как на колониальном дискурсе,

¹³⁸ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 129.

¹³⁹ *Ibid.* P. 168; ср. анализ описания современниками признаков москвитов именно как варваров: *Scheidegger G. Perverses Abendland — barbarisches Russland...* S. 20–24.

¹⁴⁰ *Mund S. Orbis Russiarum.* P. 454.

¹⁴¹ *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градусов на свете...» — град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 49.

¹⁴² Примеры см.: *Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt am Mein, 1972.* S. 178–179.

¹⁴³ *Барберини Р.* Путешествие в Московию // Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 23.

¹⁴⁴ Например, рассказ о немце-пушкаре, который чуть ли не в одиночку отражал пушечным огнем нападение крымских татар на Рязань в 1521 г., в то время как почти все русские утратили присутствие духа и даже жаловались татарам, что это не они стреляют во врага, а самовольствующий «немец» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 174–175).

¹⁴⁵ Там же. С. 127, 133.

¹⁴⁶ Цит. по: *Полосин И. И.* Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С. 212–213.

так и на уверенности в «ученичестве» других народов перед «христианским миром». Б. Рюссов вкладывает в уста Таубе и Крузе, уговаривавших город Ревель перейти на сторону Ивана IV, крайне пренебрежительные слова в адрес русских:

«...царь всея России, наш всемилостивейший государь, сказал нам, что он сам немецкого происхождения, из баварского рода, и желает потому, чтобы немцы были свободны и чтобы в стране не было ни поляка, ли литовца или шведа. Русские и сами очистят страну: великий князь сам сознает, что неприлично русским жить у немцев, тем менее управлять и повелевать ими, потому что это грубый, невоспитанный народ, а великий князь удивительный государь, который не особенно-то доверяет своим собственным людям, русским»¹⁴⁷.

Папский легат А. Поссевино в конце XVI в. писал, что на всю Россию есть всего два врача, да и те иностранцы, нет ни одной «коллегии или академии», «если окажется, что кто-нибудь захочет продвинуться в учении дальше или узнать другие науки (кроме церковного учения. — А. Ф.), он не избежит подозрения и не останется безнаказанным». Это делается, чтобы «пресечь путь, благодаря которому кто-либо мог бы сделаться более ученым и мудрым, чем сам государь». И лишь введение и распространение католицизма могут спасти Россию от тьмы невежества¹⁴⁸.

В сочинении Герберштейна сохраняются многие черты колониального дискурса: подробное описание видов сырья, которым можно торговать с москвитами, упоминания, что у них многие ценные вещи можно, как у туземцев, купить за бесценок, описания дикой природы и необычных зверей. Встречаются и рассказы о климатических и природных чудесах: «Там от страшного мороза земля расщедается; в такое время даже вода, пролитая на воздухе, или выплюнутая изо рта слюна замерзают прежде, чем достигают земли»¹⁴⁹. Замерзшие на лету плевки станут кошмаром европейца в России. Позже Р. Гейденштейн будет описывать ужасы пребывания европейских военных наемников под Псковом в 1581 г., иллюстрируя свой рассказ красочным описанием воды, при вылипании сразу же превращающейся в лед¹⁵⁰.

Очень интересен контекст, в котором произведения о Московии в XVI в. обединялись в сборники европейскими книгоиздателями. Они помещались под одной обложкой с сочинениями о Турции, Татари, Персии, Индии, арабских странах, Китае, Японии, а также Новом Свете, Вестиндии¹⁵¹. То есть, Московия для западного читателя фигурировала, во-первых, в одном ряду с восточными странами, во-вторых, вместе с новооткрытыми колониями, в-третьих, среди сказочно-легендарных народов и миров и экзотических чудес.

Во второй половине XVI в. для европейского сознания москвиты однозначно стали «существенно другими». Конечно, нельзя сказать, что переворот в восприятии Московии европейцами свершился только благодаря Герберштейну (хотя его труд и имел необычайный авторитет и популярность в XVI–XVIII вв., считался «энциклопедией по России»). Появление его сочинения скорее просто отразило изменение этого отношения. Унии не получилось, и хотя римский престол не оставлял на нее надежд, сам факт отказа России сыграл роковую роль в ее превращении в «антиевропу».

¹⁴⁷ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 175. — Примечательно, что этот тезис потом был повторен герцогом Магнусом при попытке распространить свою власть в Ливонии: «Ни один русский не будет иметь власти господствовать или управлять во всей Ливонии, исключая великого князя и государя, который желает носить имя покровителя страны» (Там же. С. 197).

¹⁴⁸ Поссевино А. Московия. С. 25–26.

¹⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 130.

¹⁵⁰ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 243.

¹⁵¹ Примеры сборников и их состав см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 361–365.

Сказались и застарелые фобии европейцев, например, относящиеся к географическому положению России. Московия была от Европы на Северо-Востоке. Формирование антиевропейского восточного дискурса мы проследили выше. Аналогичный северный дискурс своими корнями уходил в античность и Св. Писание. По Птолемею (в интерпретации поляка Матвея Меховского),

«...угол северного Аквилона, где ныне находятся татары, прилежит в подразделении [сферы] к треугольнику северных небесных знаков; в нем господствует Сатурн под знаком Водолея и делает названный угол диким и ужасным по характеру его жителей... ибо зловредно влияние серпоносного Сатурна и чрезвычайно враждебно роду человеческому... именно из этого угла появились и до сего дня являются суровые и жестокие племена, приводящие в смятение род человеческий. Иеремия в первой главе говорит об этом: “От Севера распространится всякое зло на всех обитателей Земли”» (Иер. 1: 14).

По М. Меховскому, здесь же жили амазонки: «...в те времена они были ужасом для всего мира»¹⁵². То есть, из самого географического расположения России исходило зло, угроза Европе. С античности бытовали страхи, что ничего доброго и миролюбивого для европейцев с Севера и Востока прийти не может...

Произошла трансформация колониального дискурса: по мысли М.-Л. Пелю, развитой С. Мундом, Россия оказалась значительно отличающейся от Америки, их нельзя было дальше пытаться мерить одной меркой¹⁵³. Чем больше Европа узнавала подробности из истории Восточной Европы, тем больше воспринимала Россию не по аналогии с новооткрытыми странами (например, Новым Светом), а как историческую преемницу татар. И если Русь, ощущавшая себя покорительницей Орды, видела себя перешагнувшей через владычество ханов и достигшей собственной мощи и величия через унижение и порабощение бывших господ, то европейцы расценивали эти победы над Ордой и татарскими ханствами как то, что Россия заняла их место, является преемницей татарской политической культуры. Европейские современники первого русского царя полагали, что причиной необычайной гордыни Ивана IV, его заносчивости перед иностранными монархами было самоощущение русского великого князя себя предводителем народа — победителя татар¹⁵⁴. А из установления связи татар и московитов было недалеко до сближения последних с грозой Европы — турками...

Раз страна — которую были готовы включить в европейский мир — несмотря на все попытки, так и не стала его частью, то ее теперь относили к «антимиру». На примере истории Московии показывалось, ЧТО не надо делать европейцам, ЧТО ТАКОЕ неевропейское поведение. Сущность своего, «христианского мира» европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов — прежде всего турок, а со второй половины XVI в. — и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII вв. можно повторить мысль Л. Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения), что, если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать¹⁵⁵. Механизмы и разносторонние аспекты формирования образа варварской России как «извращенного Запада» в XVI–XVII вв. подробно разобраны в книге Г. Шайдеггер¹⁵⁶.

В годы Ливонской войны в ментальный мир Запада произошел массовый выброс разоблачительных и антимосковских сочинений, самыми черными красками рисующих и русских, и их страну, и их правителей, и их агрессию против маленькой беззащитной

¹⁵² Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. С. 68–69.

¹⁵³ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 464.

¹⁵⁴ *Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel...* S. 155.

¹⁵⁵ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 14.

¹⁵⁶ *Scheidegger G. Perverses Abendland — barbarisches Russland...*

Ливонии и т. д. Семена критики и разоблачения Московии в произведениях, порожденных Ливонской войной, упали на благодатную почву, уже вспаханную к середине XVI в. польскими учеными и публицистами, а также Герберштейном и его последователями. Именно со второй половины XVI в. идея об имманентной враждебности «азиатской страны» России цивилизованной Европе стала одной из основ восточного направления европейской политики.¹⁵⁷

В результате оформилась система, о которой пишет В. Л. Цымбурский:

«Западный мир с позднего средневековья обладал в течение многих столетий биполярной опорной структурой: различающиеся политические оформления его в то время представляли собой способы реализации его фундаментальной биполярности. В частности, именно тем специфическим воплощением, которое получила последняя в XVIII–XIX вв., было обусловлено притяжение Российского государства к западному сообществу и возникновение системы цивилизаций “Европа–Россия” в виде геополитической целостности, вписывающей Россию в европейский конфликтный расклад»¹⁵⁷.

Отметим лишь, что биполярность, о которой говорит философ, может быть, в менее ярко выраженной форме впервые проявилась как раз во второй половине XVI в. в оппозиции «христианский мир — Московия», обоснованной и практически, и идеологически в годы борьбы за Прибалтику, первого масштабного военного столкновения России и Европы в раннее Новое время. Для медиевистов, по выражению Н. В. Сеницыной, является «историографическим клише» отнесение идеологической поляризации Европы и «азиатской» России к XVI в.¹⁵⁸ Вслед за С. Мундом заметим, что многие из этих стереотипов перешли затем на Российскую империю, СССР и современную Россию, потому что «...ментальные портреты культур подвержены очень большой интеллектуальной инертности»¹⁵⁹ и мало меняются в исторической памяти народов на протяжении веков.

¹⁵⁷ Цымбурский В. Л. «Европа–Россия»: «Третья осень» системы цивилизаций. С. 56.

¹⁵⁸ Сеницына Н. В. Два мира... С. 36. В то же время необходимо упомянуть, что историки Нового времени склонны относить возникновение этого идеологического водораздела к более поздним эпохам. Например, автор классической работы по генезису восточноевропейского дискурса в западной мысли Л. Вульф свои ранние исследования посвятил отношениям Ватикана и Польши в XVIII в. И он убежден, что именно XVIII век стал временем установления ментальной границы между Западной и Восточной Европой: «Именно Европа Западная в XVIII веке, в эпоху Просвещения, изобрела Восточную Европу, свою вспомогательную половину» (Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 19, 35). Автор предисловия к русскому переводу этой книги, А. Миллер, специалист по истории Российской империи XIX в., повторил вслед за критиками Вульфа, что «...эта переориентация оси воображаемой географии Европы, которую Вульф относит к эпохе Просвещения, в действительности произошла позднее, в первой половине XIX века» (Миллер А. И. [Предисловие] // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 7). На XIX в. как рубежном в формировании концепта Восточной Европы настаивал и Г. Лемберг (*Lemberg H. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs*) im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas // JGO. 1985. Bd. 33. S. 48–91). Как мы видим, ситуацию модернизируют и Г. Лемберг, и Л. Вульф, и А. И. Миллер. По всей видимости, в европейском «сочинении России» и ее размещении на ментальной карте мира было несколько этапов, каждый из которых может по-своему служить точкой отсчета противопоставления Запада и России. Их различия — в субъектах, «сочиняющих Россию», и в дискурсах, доминирующих в сочинениях. Для XVI–XVII вв. субъектами в большей мере выступают германский мир, итальянские города, Ватикан и Англия, а доминирующими дискурсами оказываются религиозные, а также концепты колониального мышления, порожденного эпохой Великих Географических открытий. В XVIII в. субъектами становятся Франция, Италия, Англия и Австрия. При этом доминируют дискурсы эпохи Просвещения. В XIX в. на первый план выходят концепты нацио- и империостроительства, а осмыслению русско-европейской проблематики отдают дань практически во всех европейских странах, в том числе и в малых.

¹⁵⁹ Mund S. Orbis Russiarum. P. 465.

Речь идет об особенностях восприятия Европой России. Проблема, насколько это восприятие Московии иноземцами соответствовало реалиям русской жизни, нами здесь будет затрагиваться постольку-поскольку (тем более что попытки подобных исследований предпринимались)¹⁶⁰. Подобная верификация иностранных источников не является целью нашего исследования, да и неясно, насколько она возможна в принципе. Данную проблему очень точно охарактеризовал А. И. Миллер:

«Мы знаем, что они (западные источники. — А. Ф.) тенденциозны, знаем, что оптика наблюдателей во многом предопределена господствующими дискурсами. Но степень и характер тенденциозности, как правило, остаются невыясненными. Ведь в самом утверждении, что Восточная Европа была по сравнению с Западной более бедной, отсталой, если угодно — дикой, никакой тенденциозности еще нет... Сколько в каждом конкретном случае искреннего заблуждения, сколько сознательного изобретательства, сколько умолчания? Пока что у нас нет исследований, позволяющих ответить на эти вопросы»¹⁶¹.

В то же время невозможно согласиться с категоричным суждением А. И. Миллера, что историографическая картина безнадежна, и мы не можем отделить зерна от плевел, дискурсы от адекватной рефлексии. В качестве примера успешного исследования такого рода (в основном на материалах XVII в., но с использованием и текстов XVI в.) можно привести уже упоминавшуюся книгу Г. Шайдеггер. Она предложила различать в источниках мнения (*Urteile*) и обобщения, в самом деле в значительной степени обусловленные соответствующими дискурсами, и ситуации (обстановку, *Situation*), в которых описывались конкретные эпизоды. Для изучения восприятия европейцами русских и России более полезны вторые, так как, несмотря на всю субъективность рефлексии автора, в них больше оригинальной информации¹⁶².

В предлагаемой вниманию читателей книге о первой войне России и Европы мы не будем рассматривать фактологическую историю Балтийских войн. Предметом изучения будут дискурсы Ливонской войны, концепт Ливонской войны и взгляд на него русских и европейских современников и их потомков. И эти дискурсы, и эти концепты невозможно рассматривать вне представления о генезисе европейского восприятия России в раннее Новое время, основные черты которого мы попытались описать выше.

¹⁶⁰ Например: *Бочкарев В. Н.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. Пг., 1914; *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Русском государстве. М., 1993; *Рое М.* A People born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, 2000.

¹⁶¹ *Миллер А. И.* [Предисловие]. С. 7–8.

¹⁶² *Scheidegger G.* Perverses Abendland — barbarisches Russland... S. 38.

Глава XI

«НАШЕСТВИЕМ МОСКОВИТОВ БОГ ПОКАРАЛ НАС ЗА ГРЕХИ...»

Ливонский дискурс «русской угрозы»

В каждом исследовании необходимо установить хронологическую точку отсчета. В нашем случае она устанавливается не без затруднений, потому что нарратив о Ливонской войне возникает через несколько лет после свершившихся событий, и в нем называются разные даты начала роковых свершений. Одни историки-современники считали истоками конфликта 1556 г., так называемую «войну коадьюторов», столкновение орденского магистра и рижского архиепископа. Оно чуть не привело к иностранной интервенции, военному вторжению Королевства Польского (во всяком случае, уже была готова грамота Сигизмунда II Августа об объявлении войны ордену)¹. От него Ливонию спасла только быстрая капитуляция, так называемые Позвольские соглашения сентября 1557 г.²

Но мир пришел на многоотрадавшую прибалтийскую землю всего на два-три месяца. В ноябре 1557 г. в Москве составляют грамоту об объявлении войны Ливонии, а в январе 1558 г. русская конница переходит границу и начинает погром приграничных территорий. Агрессия России заслонила собой события 1556–1557 гг. По образному выражению О. Дзярновича, «войну коадьюторов» и Позвольский мир, которые могли бы положить конец разделу Ливонии, «теперь помнят только историки». Все затмила начавшаяся в 1558 г. Ливонская война³. То есть, за вторую точку отсчета берется январь 1558 г., первый поход русской армии за Нарову.

На самом деле, конфликт невозможно рассматривать без его предыстории. Ливонские хронисты, которые позже обратятся к описанию истоков войны, увидят зловещие признаки будущей катастрофы еще в 1530–1540-х гг. Повседневная жизнь Ливонии накануне ее гибели в их изображении была буквально пропитана знаками надви-

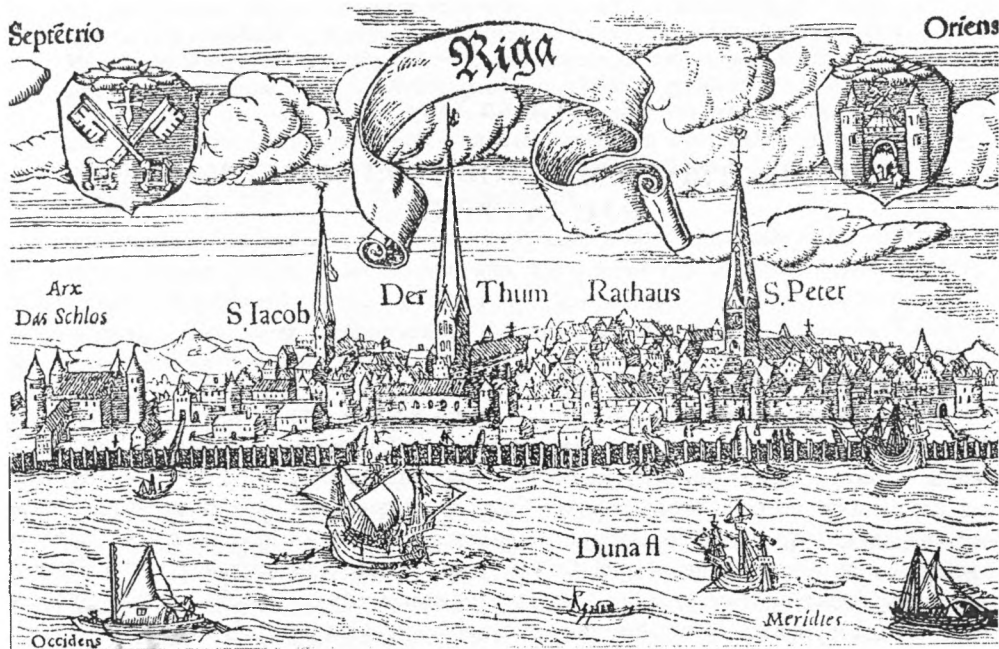
¹ Подробнее см.: Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени / Гл. ред. А. В. Малов. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 192–201.

² Подробнее см.: Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151–184.

³ Дзярнович А. «...in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і акавы аналіз. Мінск, 2003. Т. 1. С. 45.

гающей беды. Конечно, летописцы делали эти описания задним числом и строили повествование в своих хрониках таким образом, чтобы подвести читателя к мысли о неизбежности и закономерности произошедшей с орденом катастрофы. Поэтому они отбирали в основном негативный материал.

Однако стоит заметить, что бурные события начала XVI в., ликвидация Прусского ордена, Реформация, которую истинные католики воспринимали не иначе как дело рук

Рига в 1547 г. Немецкая гравюра.

Дьявола, — все это в самом деле порождало упаднические настроения. По наблюдению Л. А. Арбузова, в 1530-х гг. в Ливонии резко увеличивается число заказываемых горожанами панихид и молитв за упокой души⁴. Человеческое сознание тщательно фиксировало в окружающем мире признаки «последних времен»: пожары, эпидемии, атмосферные явления, пророчества юродивых. В 1547 г. горела Рига. В том же году по городам гастролировали канатные плясуны из Италии, смущавшие благочестие ливонцев. С 1549 г. пять лет свирепствовала чума. В январе 1551 г. в ночном ливонском небе наблюдались странные явления: в полнолуние видели на Луне черный крест с расширяющимися закругленными концами, по обеим сторонам Луны возникли два Солнца⁵. В 1553 г. во время городских свадебных гуляний от огня, на котором варилось пиво, сгорела соборная площадь в Ревеле. В 1556 г. над Ливонией во время Великого Поста висела комета — вестник беды⁶.

⁴ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер с нем. В. Бука. СПб., 1912. С. 127.

⁵ Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 1551, Oktober 12, Serben // HA-57. S. 14. Nr. 1538.

⁶ Руссов Б. Ливонская хроника. II. С. 165, 315–317, 338, 344; Renner J. 1) Livländische Historien 1556–1561. Lübeck, 1953. S. 8; 2) Johannes Renner's Livonian History 1556–1561. Leviston, 1997. P. 19. — Эта комета европейцам запомнилась надолго. Польские хронисты отмечали, что она была красного

Другим символом надвигающейся беды были юродивые. Рюссов и Реннер приводят рассказ о некоем Юргене из Майсена, который объявился в Риге и

«...прошел почти все ливонские города и земли совершенно босый, голый, покрытый только одним мешком, длинные волосы висели у него на плечах... и хотя у него не было ни чулок, ни башмаков, однако ноги у него были такие горячие, что снег таял у него под подошвами, где он стоял».

Юрген из Риги отправился в Пернов и далее в Ревель. По пути он работал за харчи у помещиков и крестьян и молился. «Когда его спрашивали, зачем он пришел в Ливонию, он говорил: Господь послал его, чтобы наказать жадность, высокомерие и туеядство ливонцев. Он повсеместно обличал людей в этих пороках», называл местных пасторов лицемерами. Юрген восклицал: «Горе Ливонии! Исправьте свои пути!». «Иные считали его безумным, иные за чудака, другие же говорили, что он — знамение Господне и что-нибудь непременно случится в Ливонии». Но пророков люди любят всегда после их смерти — так и Юргена убили крестьяне по дороге из Ревеля в Нарву, когда он в очередной раз принялся за свои обличения. Реннер указывает, что его убили недалеко от русской границы — намек более чем прозрачен⁷.

«Русская угроза», как показано М. Б. Бессудновой и М. Маазингом, была постоянным рефреном переписки ливонских ландсгерров как между собой, так и с лидерами германского мира с конца XV в.⁸ В то же время надо заметить, что к ней привыкли и не воспринимали как реальную опасность. Несмотря на весь пафос, с которым в переписке рисовались зловещие перспективы русского вторжения, все предыдущие военные конфликты на протяжении столетий были локальными. Вопрос о завоевании Ливонии ни разу не ставился, а местные пограничные столкновения разного масштаба были составной частью русско-ливонской истории по крайней мере с XII в.

Поэтому к концу XV – началу XVI в. дискурс «русской угрозы» часто был востребован в спекулятивных целях, маскировал действия ливонских ландсгерров в их личных интересах. М. Маазинг отметил, что «...постоянное упоминание угрожающей опасности помогло ливонцам избежать уплаты некоторых имперских налогов, в особенности общеимперского налога на формирование армии для войн с Османской империей»⁹. Ссылаясь на необходимость тратить деньги на организацию обороны против русских и уплату особого налога на оборону от России (*der Steuer zur Bekämpfung*

цвета, что являлось несомненным предвестником войны (Rocznik świętokrzyski. Dopełnienie II z kodexu IX-go // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1876. Т. 3. S. 116). В 1577 г., когда появилась новая комета, немецкие и польские интеллектуалы вспоминали о ней как о несомненном подтверждении того, что комета является знаком беды (O widzeniu komety w tom niniejszym przeszłym roku Banskim 1577. Mieśiacá Listopádá y Grudni od wiela ludží widziáne. Z Niemietiego ná Polstie przełożono. Kraków, 1577. S. 7). И. Реннер пишет о второй комете, которая повисла над Ливонией 20 августа 1558 г. (*Renner J. 1) Livländische Historien... S. 39; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 77*). Об этой же комете пишет Т. Бреденбах (*Bredenbachius Tilmannus*). *Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux, anno 1558, contra Livones gessit. Lovanii, 1564. F. 39 v.*) 1 августа 1560 г. над Руеном в небе висел черный крест с длинным «хвостом» (*Renner J. 1) Livländische Historien... S. 97; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 173*). Б. Рюссов говорит о появлении кометы в 1556 г. (*Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 344*), и строит повествование «от кометы до кометы»: следующая у него появляется в 1577 г. (1-е издание вышло в 1578 г.), а во втором издании (1584) еще одна комета прилетает в 1580 г. (*Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 279, 314*).

⁷ *Рюссов Б. Ливонская хроника. I. С. 353; Renner J. 1) Livländische Historien... S. 8; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 19.*

⁸ *Бессуднова М. Б. История Великого Новгорода конца XV – начала XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009; Маазинг М. «Русская опасность» в письмах Рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 годы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1. С. 184–194.*

⁹ *Маазинг М. «Русская опасность»... С. 185.*

der Russen), они на самом деле занимались собственными финансовыми¹⁰ или политическими комбинациями¹¹. Съэкономленные суммы оседали в карманах ландсгерров. К тому же орден жил памятью о победах над русскими: с 1502 г., по свидетельству Даниила Принца, в Ливонии был установлен ежегодный праздник 14 сентября — в честь победы над москвитями в войне 1500–1502 гг.¹². Поэтому «русская опасность» порой не воспринималась всерьез и выслушивалась сторонами только как «софистический аргумент» (Scheinargument)¹³.

О чем думали в Ливонии накануне войны?

В 1550 г. истек срок предыдущего русско-ливонского перемирия, заключенного в 1535 г., и стороны должны были перезаключить мирный договор. Данная процедура воспринималась в Ливонии как рутинная, договоры перезаключались в среднем раз в шесть лет. В XVI в. они продлялись в 1509, 1514, 1521, 1531, 1535 гг.¹⁴. Однако внезапно русская сторона отказалась продлять перемирие более чем на год. Характер претензий конкретизируется в следующем послании. Царь требовал от дерптского епископа возврата отнятых у купцов соболей и куньих мехов, выплаты штрафных процентов за это преступление. Кроме этого русским купцам должны были разрешить свободную торговлю любыми товарами, в том числе свинцом, медью, доспехами и всем военным снаряжением. В Россию через Ливонию должны беспрепятственно проезжать военные специалисты. В Нейгаузе, Пернове и Нарве должны открыться общие суды. Если через год эти требования будут удовлетворены — перемирие автоматически продлится еще на 10–30 лет¹⁵.

Наиболее подробно о русских претензиях говорит составленный задним числом меморандум неизвестного автора о положении Ливонии 1552 г.¹⁶ В нем сказано, что Иван IV — такой же враг христианского мира (в лице Ливонии), как и турецкий султан (“...des Zaren gegen Livland entspricht der des türkischen Sultans gegen andere Länder der Christenheit”). Царь выдвигает к Ливонии следующие претензии: 1) перекрывание всех путей для русской торговли; 2) высокие экспортные пошлины для русских товаров; 3) препятствование ввозу в Россию военных товаров и пропуску военных и технических специалистов, желающих наняться на русскую службу; 4) конфискация товаров у русских купцов, за что следует выплатить компенсацию в 60 000 талеров; 5) умаление титула русского царя всея Руси, именование его всего лишь «великим князем московским».

Ливонский меморандум носит пропагандистский характер и отражает видение проблемы через оптику западной стороны. Обратим внимание, что четыре из пяти пунктов — экономические. Здесь в полной мере проявилась та разница культур, разница уровня развития, которая будет красной нитью проходить через все дискурсы Ливонской войны и обуславливать роковое непонимание сторон: Запад исходил из буржуазных, т. е. в первую очередь экономических критериев. С этой точки зрения

¹⁰ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1552, Januar 12, Ronneburg // HA-57. S. 28–29. Nr. 1546; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1552, April 28, Ronneburg // Ibid. S. 44–45. Nr. 1556.

¹¹ 1548 Oktober 28, Treiden. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // H-54. S. 454. Nr. 1458.

¹² Даниил Принц. Начало и возвышение Московии. М., 1874. С. 13.

¹³ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1552, März 9, Laudohn // HA-57. S. 42. Nr. 1554.

¹⁴ Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 380; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 240.

¹⁵ 1550 September 29, Lemsal. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-54. S. 496. Nr. 1503.

¹⁶ 1552 о. М. у. Т., о. О. Denkschrift eines unbekanntenen Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung // HA-57. S. 26–28. Nr. 1545.

он оценивал и мотивы России — чего она, как обычное государство, *должна хотеть* в той или иной ситуации. Того же, чего хотят европейские страны Балтийского региона: прибыли; выгодной торговли, реализации коммерческих интересов.

Проблема была в том, что Россия до такого уровня влияния экономики на политику еще не выросла. У нее была средневековая система ценностей, средневековые культурные мотивации, где конфискация товара у купцов — прежде всего бесчестье, и лишь потом — упущенная выгода. В силу этого Запад часто не понимал мотивов действий русского правительства и приписывал ему собственные желания и устремления, которых, в свою очередь, не понимали русские.

Несколько загадочным здесь выглядит пункт о непризнании царского титула. Он странен, поскольку с Ливонией не возникло титулатурных проблем. Немецкие тексты русско-ливонских договоров содержат титулование *Kaiser*, и нет примеров, чтобы из-за данного вопроса вспыхивала хоть какая-то полемика. Даже Герберштейн отмечал, что ливонцы — одни из немногих, кто признают царский титул московского государя¹⁷. Никаких следов титулатурной полемики в тексте договора 1550 г. не отражено, там стоит “Kaiser und Hercherder aller Russen”¹⁸.

Остается предположить только одно: поскольку читателем меморандума предполагался прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн, союзник польского короля Сигизмунда II Августа, как раз в начале 1550-х гг. работавший над планами инкорпорации Ливонии в состав Короны, то этот пункт был рассчитан на польского читателя (или — сочувствующего полякам). Для них тема «титулатурной войны» с Россией как раз была весьма актуальной и могла вызвать горячее сочувствие.

Анализ остальных пунктов меморандума показывает, что его целью было не столько предотвратить войну, сколько убедить читателя в ошибочности политики Ливонского ордена по сравнению с другой политической силой в Ливонской конфедерации — Рижским архиепископством. Орден провалил всю подготовку к войне, имеет нелепые территориальные споры с Литвой, его политика вызывает недовольство местного дворянства. Таким образом, тема «русской угрозы» была использована для интриг, порожденных политическим противостоянием ландсгерров внутри Ливонии.

Примечательно, что организация отпора России сразу же мыслилась ливонскими политиками, в частности рижским архиепископом Вильгельмом Бранденбургским в рамках создания антирусской европейской коалиции, к которой планировалось привлечь Польшу, Литву, Данию, Швецию¹⁹. То есть ливонские политики в 1550 г. стали размышлять о подготовке первой войны России и Европы...

Заслуживает внимания письмо рижского архиепископа Вильгельма прусскому герцогу Альбрехту от 9 декабря 1551 г.²⁰ В нем сообщается, что один слуга магистра был послан в Москву к Ивану IV, вызвал недовольство царя «невежливым» обращением, недостаточно почтительным отношением к титулу (царь требовал, чтобы его именовали «непобедимым» — “unüberwindlicher Kaiser”). Царь также был раздражен запретом на пропуск из Ливонии вооружения (Kriegsrüstung). Упоминаются и неудачные переговоры 1550 г., на которых якобы обидели русских послов. В итоге Иван IV будто бы хочет получить из Казанского ханства 80 000 татар, разместить их в Новгороде и Пскове и готовиться к нападению на Ливонию.

¹⁷ «Впрочем, титул царя он употребляет в сношениях с римским императором, папой, королем шведским и датским, [магистром Пруссии и] Ливонии и [как я слышал, с государем] турок. Сам же он не именуется царем никем из них, за исключением, разве что, ливонца» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 75).

¹⁸ *Напьерский К.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 370. № 380.

¹⁹ 1550 Oktober 20, Lemsal. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-54. S. 498. Nr. 1505.

²⁰ 1551 Dezember 9, Ronneburg. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-57. S. 18. Nr. 1541.

Вильгельм просит Альбрехта обдумать возможности противостояния России, так как военный потенциал самой Ливонии слишком мал для борьбы со столь могущественным соседом. Возможно, поможет союз с Польшей или Швецией, возможно — мобилизационные меры внутри германских прибалтийских государств (введение военного налога, поставка лошадей и кнехтов), дипломатические усилия (помириться с Россией). Вильгельм предлагает Альбрехту подумать, как можно предотвратить войну.

Гробница рижского архиепископа
Вильгельма Бранденбургского. Гравюра
К. Унгерн-Штернберга, 1826 г.

Альбрехт Гогенцоллерн,
герцог Пруссии.
Гравюра.

Насколько масштаб тревог Ливонии соответствовал реальным намерениям России? Русская версия событий известна благодаря хранящемуся в архиве тексту русско-ливонского договора 1550 г. В нем говорится о конфликте, инициатором которого выступает именно Москва:

«...благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси положил был гнев на честнаго князя Вифленского, и на арцыбископа, и на всю их державу за порубежные дела, и за гостей новгородских и псковских бесчестья и за обиды, и за торговые неизправления, и что из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропускали, и за то не велел был наместником своих отчин Великого Новагорода и Пскова дати перемирья»²¹.

Остальной текст договоров 1550 г. близок к договору 1535 г.²² и восходит к более ранним соглашениям. То есть, новизна проявилась именно в самой угрозе войны «за

²¹ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. // РГАДА. Ф. 64 (Сношения с Лифляндией). Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

²² Кашианов С. М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 237–243.

неисправление», внесенном в договор. Причины названы две: пограничные конфликты (порубежные дела) и блокада Русского государства, непропуск в Россию европейских военных и технических специалистов. Надо подчеркнуть, что все эти требования были традиционными в русско-ливонских отношениях еще со времен Новгородской и Псковской республик²³.

Договор 1550 г. Россия заключила всего на один год. За этот срок ливонцы должны были «исправитца», и тогда он автоматически продлялся бы на пять лет. Кое-какие меры Ливония намеревалась предпринять. На совещании в Вольмаре архиепископа Вильгельма со знатью ордена было решено обязать дерптского епископа заплатить компенсацию за конфискованные у русских купцов меха соболей и куницы, из-за которых и разгорелся весь спор. Что же касается отмены запретов на торговлю, то ливонцы справедливо указывали, что это зависит не только от Ливонии — такова позиция «христианского мира», это касается всей Священной Римской империи²⁴.

Ситуация 1550–1551 гг. породила первоначальный дискурс Ливонской войны, заложила те его элементы, которые будут развиваться в дальнейшем. Главных из них два. Первый — восприятие «русской угрозы» как конфликта миров и цивилизаций. При этом до знаковых, глобальных выводов европейскими пропагандистами раздувались мелкие, рядовые коммерческие интересы. Русский купец хочет купить медный котел, который теоретически можно переплавить на оружие? Христианство в опасности! Спасти его могут тоже только крупномасштабные акции: блокада России, консервация ее развития, недопущение в Московию того, что сегодня назвали бы «высокими технологиями».

Второй дискурс — в войну никто всерьез не верит, но во многих головах она уже идет, воспринимается как свершившийся факт. Она нужна. Она нужна ливонским ландсгеррам, чтобы, спекулируя на войне и «русской угрозе», плести свои интриги²⁵. Она нужна Священной Римской империи, Дании, Швеции, Польше — в письмах этого времени прямо говорится, что они спекулируют на теме войны, преследуя в Ливонии свои политические интересы²⁶. Появляется целый слой людей, которые хотят ехать в Ливонию, воевать с Россией. Авантюристы, наемники, искатели легкой наживы, юнцы, видящие в этой войне свой великий карьерный шанс. Они доставляли в Ливонии массу проблем местным властям, которые не очень знали, куда деть этих людей, требующих денег, вина, еды и войны. Если такое количество людей мечтает о войне для решения своих нужд — рано или поздно она наступит.

²³ В Ливонии намерение перейти на русскую службу в 1530-е гг. было поводом для ареста, причем арестовывали просто по доносу, по подозрению. Например, в 1539 г. беглый московский служилый иноземец Петр Фрязин сообщил, что есть в Дерпте некий «немчин», который хочет перейти на русскую службу, и оклеветанного человека тут же нашли и посадили за решетку (Отрывок розыскного дела о побеге за границу Петра Фрязина 1539 г. // АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 202–204. № 140).

²⁴ Священная Римская империя со средневековья запрещала торговать предметами вооружений и военным сырьем с народами, которые считались ею варварскими, чтобы они не научились бы современному военному делу и не представляли бы угрозы для «христианского мира». Эти запреты можно сравнить с современными ограничениями на экспорт военных технологий в страны «Третьего мира».

²⁵ Даже факт продления договора в 1551 г. явился поводом для ссоры рижского архиепископа Вильгельма и магистра: Вильгельм всячески пытался представить себя перед прусским герцогом Альбрехтом спасителем Ливонии, который сумел договориться с русскими, а магистр якобы обижал послов и вел себя неправильно. Насколько этим инвективам можно верить — неизвестно. Но показательно, что и эту критическую ситуацию ливонские политики использовали в основном «для своих нужд», чтобы поливать грязью друг друга (1551 [April 12], Ronneburg. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-54. S. 513–515. Nr. 1517).

²⁶ 1551 April 6, Ronneburg. Georg Taube, Hofdiener Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht // HA-54. S. 512–513. Nr. 1516; Postskript zu 1551 [April 12], Ronneburg. Ut in litteris // HA-54. S. 515. Nr. 1517/1; ср.: [1551, Frühjahr], o. O. Bericht Erzbischof Wilhelms über den Stand der Dinge in Livland // HA-54. S. 526. Nr. 1522.

К сожалению, неизвестно, как именно Ливония «исправилась», но в 1551 г. перемирие было продлено. Возможно, Россия в этот год как раз начала большую Казанскую войну, и ей было просто не до Ливонии, поэтому русские дипломаты не стали обострять ситуацию. Ливония же жила ожиданием войны, называлась даже конкретная дата ее начала: день святого Мартина, 11 ноября 1551 г., когда к границам Ливонии якобы подошли 100 000 русских и 18 000 татар. Ландсгерры в панике провели ревизию вооруженных сил и выяснили, что навстречу этой несметной орде могут выйти 7000: 3000 от ордена, 2000 от архиепископа и 2000 — от горожан Риги, Дерпта и Ревеля. Прогноз, чем закончилось бы подобное столкновение, был, мягко говоря, неблагоприятным. Но русские так и не напали — будто бы испугались морового поветрия, которое весь 1551 г. было в Гарриене и Вирланде и унесло много жизней²⁷.

Тема грядущего вторжения России в таком же ключе продолжала обсуждаться весной—летом 1552 г., но вяло²⁸. Постоянным рефреном шли упреки в адрес ордена в его несостоятельности и неспособности к правильным действиям. Нападения России теперь ждали зимой 1552/53 гг.²⁹ И опять напрасно.

В России же в эти годы о Ливонии немного забыли — в 1551–1552 гг. в самом разгаре было покорение Казани, до скучной ли Прибалтики тут... И в 1554 г. осмелевшие дипломаты ордена и дерптского епископа поехали в Москву, как ни в чем не бывало, продлять перемирие. Ливонский хронист Б. Рюссов изображает Ливонию инициатором мирных переговоров: узнав, что Россия покорила Казань и Астрахань, и опасаясь, «что теперь конец продолжительному миру и что теперь им будет плохо», правители ордена сами отправили в Москву посольство, чтобы урегулировать ситуацию. В русской столице «они услышали только одни несправедливости от московитского царя» — требования «невозможной и огромной дани за бесчисленные годы». Апелляции дипломатов к христианской морали, что «христианскому государю-де никак не прилично требовать того, чего ему не должны и чего он не желает самому себе», не возымели никакого эффекта³⁰.

Происхождение «Юрьевской дани» с самого начала объяснялось с помощью легенд. Имперский посол Даниил Принц, писавший в 1570-е гг., ссылаясь на письмо Готарда Кеттлера от 22 мая 1576 г., так объяснял ее возникновение. Ливонцы платили с деревьев, где были пчельники, по шесть ливонских солидов в год. Однако потом «при возрастающем множестве людей леса обратились в равнины», о плате вообще забыли. А Иван IV «распространил эту плату, на каком-то широком толковании, с каждого дерева на каждую человеческую голову». Кеттлер якобы утверждал, что

«Этот тиран, который ныне владеет государством, первым задумал то, чего... не делал ни отец, ни дед, ни другие предшественники его, мало заботясь о том, по праву он или не по праву делает это. Бог же, который видит тайные дела и которому тиранство такого рода и страсть к господству несколько не угодны, в свое время будет мстителем за эту несправедливость, и люди с здравым умом поймут отсюда, что все это направлено к той цели, чтобы... под незначительным предлогом распространить свою власть также и над заморскими странами, напасть и овладеть ими»³¹.

²⁷ 1552 o. M. u. T., o. O. Denkschrift eines unbekanntenen Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung // HA-57. S. 26–28. Nr. 1545. В другом письме излагается конкретный план нападения: из Новгорода на Динабург и далее на Нарву, а из Пскова — на Нейгауз и потом на Дерпт. Союзником Ивана IV здесь выступает ногайский князь Исмаил (1552 Januar 24, Ronneburg. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-57. S. 31. Nr. 1547).

²⁸ 1552 April 21, Karkus. Antwort des Meisters Heinrich von Galen auf das von Anthonius Wagner überbrachte Memorial Erzbischof Wilhelms // HA-57. S. 47. Nr. 1556/3.

²⁹ 1552 Juli 28, Schwanenburg. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-57. S. 53. Nr. 1562.

³⁰ Рюссов Б. Ливонская Хроника. II. С. 339.

³¹ Даниил Принц. Начало и возвышение Московии. С. 17.

Видимо, столь мизерабельная версия, с утверждением, что вопрос о дани был лишь предлогом для развязывания большой войны Московии против цивилизованного мира, сознательно распространялась ливонцами для своих потенциальных европейских заступников. Эта версия нашла дальнейшее развитие в хронике Рюссова: в пустоши, отделявшей Нейгауз от Пскова, местные крестьяне имели несколько сот пчельников. Между Дерптом и Псковом происходили постоянные стычки, кому брать дань с пасечников. Наконец, договорились, что русские будут ежегодно получать по пять пудов меду. Потом вопрос о «медовом сборе» забылся и был в 1554 г. реанимирован Грозным, но в совершенно ином виде. Вместо Дерптской области он распространялся на всю Ливонию, и вместо нескольких пудов меду Москва требовала по одной марке с каждого жителя плос недоимки за все годы. В итоге набегала весьма внушительная денежная сумма³².

Согласно другим источникам, происхождение дани связано главным образом с выделением специальных денег на постройку и содержание православных церквей в Дерпте. В 1554 г. русские потребовали от ливонцев восстановить закрытую в 1548 г. дерптскую Никольскую церковь и возместить все недоимки на содержание православных храмов, накопившиеся за многие годы. Платить их теперь должна была вся Ливония.

На самом деле происхождение дани туманно и теряется в глубине веков. Наиболее правильным, как показал А. Селарт, будет связывать ее с древней данью, взимаемой псковичами с латышей Толовы³³ (память об этом осталась в названии Толовской башни Изборской крепости). Каким образом она трансформировалась в дань, упоминаемую в псковско-дерптских договорах с 1463 г., точно не установлено. Но так или иначе, под нажимом русских дипломатов и при недвусмысленной угрозе, что «царь сам пойдет за данью», ливонцы подписали кабальные обязательства.

С подписанием договора 1554 г. связано одно любопытное обстоятельство, относящееся к практике правового нигилизма, как мы уже писали, характерного для эпохи. Ученые (Э. Тибберг и развивший его наблюдения В. Е. Попов) обратили внимание, что в немецком переводе русского текста договора русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») переведено как «исследовать вопрос о дани»: «denselbigen Zinss untersuchunge thun» («den Tinnß untersocken»). Тогда получался вполне себе безобидный договор: в нем предполагалось, что дерптский епископ исследует поднятый русскими вопрос о дани и в третий год перемирия отошлет результаты своего расследования в Москву. Если же он этого не сделает, то следствие должна будет провести вся Ливония. А в русском тексте договора стояло, что ливонцы обязуются собрать и через три года выплатить дань, а в случае неисполнения этого условия русский царь сам пойдет собирать дань! Откровенная угроза объявления войны превратилась под пером переводчика в миролюбивое пожелание царя самому принять участие в разысканиях через своих послов («sine sacke suluest undersocken mith beschickinge syner baden») ³⁴.

Перед нами ошибка переводчика или умысел русских или ливонских дипломатов? С одной стороны, такая ситуация вполне могла быть. Дипломаты больше всего боялись

³² Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 355; Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. Riga, 1847. S. 41–42.

³³ Selart A. Der “Dorpater Zins” und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen in Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands / Hrsg. von B. Jähnig, K. Militzer. Münster, 2004. S. 11–38.

³⁴ Немецкиетекстыс.: MLA. Riga, 1847. Der Livländische Kreis und die baltische Frage in der europäischen 1558–1583. Berlin, 1963. Bd 5. Подробнее см.: Tibberg E. Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // Zeitschrift für Ostforschung, 1976. T. 25. S. 589–593; Попов В. Е. Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 9. С. 52–53.

навлечь на себя гнев пославших их монархов, поэтому разница текстов договоров устраивала всех. Русские дипломаты Адашев и Висковатый отчитались перед царем Иваном Грозным, что дело сделано, Ливония обещала заплатить. Ливонские послы по возвращению могли заявить, что они отвергли страшные и необоснованные претензии московского варвара и согласились только на «расследование» вопроса о дани. В любом случае эти лингвистические игры были на руку обеим сторонам, они обе выглядели победителями в дипломатической игре.

С другой стороны, несмотря на все переводческие хитрости, ливонцы прекрасно отдавали себе отчет о реалиях происходящего и понимали, чего от них на самом деле требует русский царь. В документах Дерптского магистрата договор цитируется по-русски, это вообще единственная запись на кириллице во всей книге³⁵. И ее содержание совершенно недвусмысленно указывает на требование дани и угрозу военного вторжения в случае ее неуплаты. Уже в письме Кристофа Штурца, канцлера архиепископа Вильгельма, к своему патрону от 8 июля 1554 г. (ливонское посольство вернулось 7 июля) содержится заявление, что теперь уже ни чума, ни татары не будут преградой к русскому вторжению к Ливонии. Надо воспользоваться предоставленной трехгодичной отсрочкой и за это время достичь договоренностей с татарами, Польшей или Швецией, которые помешают Москве реализовать ее агрессивные намерения³⁶. Георг Таубе призывал на помощь Польшу, Швецию и Данию³⁷.

В Ливонии, несомненно, понимали, что послы слугавили, и что ситуация складывается не столь замечательно, как хотелось бы побывавшим в Москве дипломатам. Как показал М. Маазинг, среди ландсгерров были страх перед «русской угрозой», опасение, что неплатеж дани может привести к войне. Магистр обвинял дипломатов в превышении полномочий³⁸. Но дни шли за днями, ничего страшного не происходило, и победило традиционное для Ливонии довольно легкомысленное отношение к договорам с Россией. Перспектива войны, по крайней мере в 1554–1555 гг., ливонским обществом всерьез не воспринималась. Происходящее сочли очередным проявлением «русской угрозы», которая ничего особенного не представляет.

Даже когда в 1555 г. новгородский посланник Келарь Терпигорев прибыл в Дерпт для подтверждения соглашения, ливонские политики утвердили договор, но с «протестацией». Под ней понималось право оспорить договор в камерном суде Священной Римской империи. Сразу же обнажилась пропасть между юридической культурой европейски образованных ливонцев и дипломата московского царя. Терпигорев и понятия не имел, что такое «протестация». Канцлер Дерптского епископа Юрген Гольцшвер на переговорах советовал не делать громких заявлений и как бы признать договор, но просить рейхскаммергерихт объявить дань незаконной, и тем самым перенести спор в плоскость столкновения России со Священной Римской империей. Он утверждал, что «уж император поставит москвитов в границы». Однако, по Ниенштедту, реакция русского дипломата Терпигорева на подобные заявления была равнодушно раздраженной: «А как же дело моему государю до императора!»³⁹

Описание миссии Келаря Терпигорева в хронике Рюссова пропитано семиотическими символами. Он сообщает, что все при дворе дерптского епископа судили и

³⁵ Protokolle 1547–1555 // Ajalooarchiv (Эстонский исторический архив). F. 995. Nim. 1. Nr. 235. L. 505–506.

³⁶ 1554 Juli 8, Serben. Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Erzbischof Wilhelm // HA-57. S. 108. Nr. 1624/2.

³⁷ 1554 Juli 14, o. O. Georg Taube, an Herzog Albrecht // HA-57. S. 109. Nr. 1626.

³⁸ Маазинг М. «Русская опасность»... С. 12.

³⁹ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 344–346; Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. С. 11–12.

рядили о странных подарках, присланных московитами: «сеть или тенета, сплетенные из шелковых шнурков, за этой сетью вели двух московитских борзых псов. За собаками несли чрезвычайно пестрый и затейливый платок или простыню». В других источниках они описаны иначе: шелковая епанча, пара собак да узорами шитое сукно. Видимо, это были традиционные для московских посольств поминки — дорогие ткани и животные для охоты (дарили коней, соколов, собак). Но под пером Рюссова дар приобретает зловещий смысл: на Ливонию как бы набрасывают сеть, при этом грозя хищниками — собаками.

Поведение Келаря Терпигорева в изображении Рюссова тоже весьма символично: он кладет грамоту, в которой подтверждается обязательство ливонцев платить дань, себе за пазуху и объясняет присутствующим смысл своих действий: «Ведь это маленькое дитя, которое нужно холить и кормить белым хлебом и сладким молоком. Когда же ребенок подрастет, то, наверное, заговорит и принесет большую пользу нашему великому князю». По Ниенштедту, Терпигорев выразился еще более образно: угостив провожавших его ливонцев на радостях водкой («по русскому обычаю»), отдавая своему подьячему грамоту, он сказал: «Смотри, береги и ухаживай за этим теленком, чтобы он вырос велик и разжирел». Как мы видим, ливонские хронисты для осмысления положения Ливонии прибегли к образу беспомощного, но готового к употреблению домашнего скота, вроде дойной коровы, разжиревшего теленка, которого уловят в сеть, затравят собаками и вообще отдадут на закляние, а он ведет себя, как несмышленный теленок.

Рюссов свидетельствует, что среди ливонцев бытовали настроения: «Лучше мы сто талеров провоюем с московитом, чем хоть один талер дадим ему дани»⁴⁰. Позже, когда начнется война, ливонцы стали оценивать предшествующие ей события в новом свете. Ливонский хронист Иоганн Реннер считал, что русская сторона намеренно поставила заведомо невыполнимые условия, уже в 1554 г. планируя войну и вторжение в Ливонию⁴¹. Ему вторит другой хронист, Франц Ниенштедт:

«Достигло также его (великого князя) ушей, что в Ливонии была пагубная борьба между господами страны и прелатами, возникшая отчасти вследствие перемены религии, отчасти же вследствие вспыхнувшего раздора между орденом и архиепископом, и кроме того узнал он... что магистр вынужден унижаться перед королем польским Сигизмундом и заискивать у него, и пришло ему... на мысль при этом, что он, конечно, столь же силен, как и король польский, и потому может покорить ливонские сословия».

При этом Иван IV знал, что войско распущено, нет никаких приготовлений к обороне, а ливонцы слепы в своей спокойной жизни⁴². Дискурсивность подобных высказываний Ниенштедта очевидна — в 1554 г. Россия еще не предпринимала приготовлений к войне на уровне сбора войска и постройки дорог, все это началось спустя три года. Ливонский же хронист объединяет события 1554 и 1557–58 гг., тем самым рисуя перед читателем весьма поучительную картину: беспечные ливонцы, «больше думающие о том, как пороскошнее устроить свадьбу или крестины», окруженные врагами, готовящими злодейское нападение.

Между тем, в 1556–1557 гг. внутри Ливонии возник конфликт между рижским архиепископом Вильгельмом Бранденбургским и руководством ордена, прежде всего

⁴⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 346.

⁴¹ Renner Johannes. 1) Livländische Historien... S. 15; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 31.

⁴² Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. С. 8–9.

его коадьютором В. Фюрстенбергом. В историографии он получил название «война коадьюторов»⁴³.

Современники не очень ясно представляли себе причины конфликта и в основном питались слухами. По Рюссову, война разразилась из-за полученных известий, что Вильгельм сговаривается с маршалом Каспаром фон Мюнстером «...о том, как бы поставить всю Ливонию под покровительство польского короля». Орден, таким образом, выступил борцом за независимость Ливонии. От Пруссии при этом ожидали вторжения с моря и даже вывели на побережье наспех собранные войска ополченцев. Поскольку никакой супостат не приплыл, они вернулись домой с победой, страшно гордые, что не пустили врагов в Ливонию. Другой версией причин войны была религиозная: якобы Вильгельм не хотел принять протестантство, к чему его принуждал орден⁴⁴.

Все эти сведения легендарного характера были очень далеки от действительности. На самом деле война была вызвана интригами Вильгельма и его коадьютора Кристофора Мекленбургского, при активном участии Альбрехта Прусского и Сигизмунда II Августа. Их целью была инкорпорация Ливонии в состав Королевства Польского, аналогично подчинению Пруссии Польше в 1525 г. Ливонский орден, таким образом, в самом деле выступил на защиту суверенитета Ливонии.

О России в эти годы в Ливонии вспоминали, но по сугубо внутренним поводам. «Московская тема» использовалась в этом внутриливонском противостоянии в спекулятивном ключе. Так, маршал ордена Каспер фон Мюнстер обиделся, когда его не избрали коадьютором ордена, и послал жалобу императору Священной Римской империи, в которой обвинил руководство ордена в нарушении порядка кадровых назначений. По его словам, поспешные и злонамеренные решения магистра могут дать возможность москвитам завоевать всю Ливонию⁴⁵. Другими лицами также высказывались опасения, что борьба ландсгерров ослабит Ливонию перед опасностью нападения москвитов⁴⁶. «Русская угроза» обсуждалась среди прочих вопросов на Вольмарском ландтаге в марте 1556 г.⁴⁷ Дерптский епископ хотел, чтобы утверждение кандидатуры Кристофора на должность коадьютора увязывалось бы с решением проблемы «русской дани», проведением о ней «расследования» и снятия этого обязательства с Дерптской области⁴⁸. То есть, вновь дискурс «русской угрозы» фигурирует в контексте попыток решения собственно ливонских проблем.

О связи «русского вопроса» с внутриливонской политической борьбой рассуждает маршалок ордена Каспер фон Мюнстер в специальном послании⁴⁹. Он напоминал, что

⁴³ Подробнее см.: *Romanowski J. Wojna Zygmunta Augusta z Zakonem inflantskim roku 1557 // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. Poznań, 1860. T. I. S. 336–343; Olewnik J. Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant do Monarchii Jagiellońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // Komunikaty mazursko-warmińskie. Kwartalnik. 1979. Nr. 4 (146). S. 394–399; Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 30–32; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151–184.*

⁴⁴ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 348–349.

⁴⁵ *Renner J.* 1) *Livländische Historien...* S. 9; 2) *Johannes Renner's Livonian History...* P. 21.

⁴⁶ [1556 Januar/Februar]. *Erzbischof Wilhelm an Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, sowie die Bischöfe [Hermann II. Wesel] von Dorpat und [Johannes IV. von Münchhausen] von Kurland // HA-57. S. 235. Nr. 1766.*

⁴⁷ Выписка из постановления Вольмарского ландтага 1556 г. об охране прав и безопасности Ливонии в случае нарушения русскими мирного договора // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. Т. 3 (зарубежная часть). № 599. Л. 28–29 об.

⁴⁸ 1556 März. *Schlußartikel der Herren und Stände, die den erztiftischen Gesandten in Wolmar übergeben worden sind // HA-57. S. 261. Nr. 1797.*

⁴⁹ 1556 März 2, *Wolmar. Bedenken des Landmarschalls Jasper von Munster über die Notwendigkeit eines Bündnisses Livlands mit Polen, dem Herzogtum Preußen und Schweden gegen Rußland // HA-57. S. 263–265. Nr. 1798; ср.: Romanowski J. Wojna Zygmunta Augusta... S. 348–349.*

некоторые сановники ордена считают русских «христианскими соседями» и думают, что с ними можно договориться. Другие их ненавидят и просят у всех помощи против этих врагов. И вот эта политика конфликтов и приносит Ливонии все ее бедствия (“alles Unglück”). Надо урегулировать противоречия со всеми соседями, прежде всего решить проблему ливонско-литовской границы, правильно строить отношения с Польшей, Швецией и Россией. А главное — добиться мира внутри Ливонии, помириться магистру и архиепископу, найти хороших посредников для переговоров с внешними врагами. Защита Ливонии — это защита всего «христианского мира».

Современники расценивали происходящее как «войну», причем войну бессмысленную, ненужную («unnötige Krieg») ⁵⁰, порожденную ошибками политиков. Примечательно, что в католической Польше коадьютора В. Фюрстенберга сочли... лидером протестантов, которые хотят свергнуть католического архиепископа Вильгельма. Именно в религиозной подоплеке конфликта обвинил его польский хронист Мартин Бельский ⁵¹. Аналогичны высказывания другого польского историка конца XVI в., Мацея Стрыйковского: для него схватка за Ливонию была начата Королевством Польским в 1556 г. в ответ на злодейства Вильгельма Фюрстенберга. Последний принял лютеранскую веру, стал обижать Вильгельма Бранденбургского, родственника короля Сигизмунда II, разрушал костелы и «обращал веру в ничто» ⁵². Хотя все на самом деле было наоборот: как раз католический архиепископ Вильгельм хотел секуляризировать орден, а рыцарь Фюрстенберг пытался его спасти!

Война длилась немногим более месяца. 28 июня 1556 г. Вильгельм Бранденбургский и Кристофор Мекленбургский были осаждены рыцарскими отрядами в Кокен-

Стена Кокенгауза на берегу Даугавы. Совр. фото.

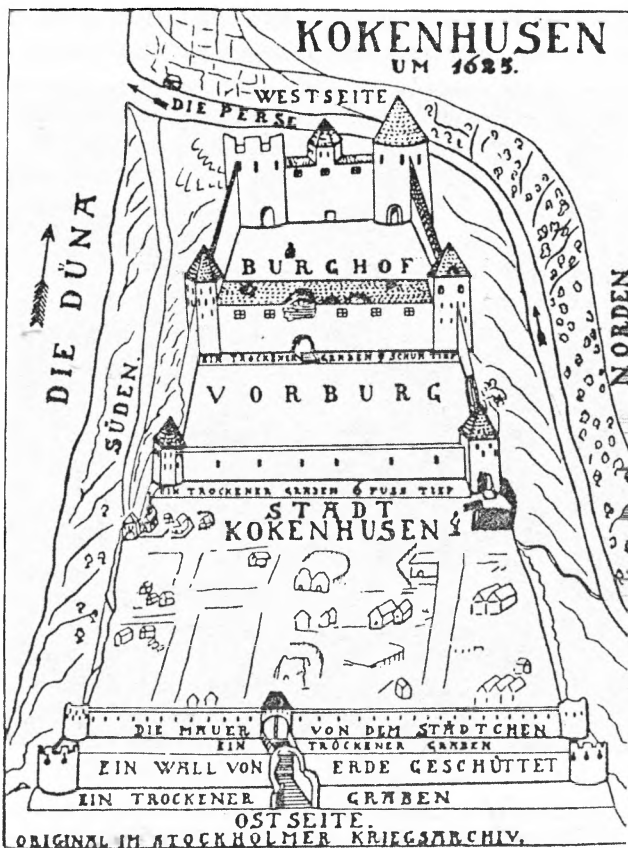
⁵⁰ 1556 November 29, Wenden. Otto Krumpke, Erich Krabbe und Johann Sträube, Gesandte König Christians III, von Dänemark, an Herzog Albrecht // HA-57. S. 405. Nr. 1942.

⁵¹ [Bielskij M.] Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. S. 1123.

⁵² Strzykowski M. Kronika Polska, Litewska. Zmodska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 409.

Остатки капителей колонн в замке в Кокенгаузе.

План Кокенгауза. Рисунок 1625 г.

гаузене. Войска Фюрстенберга, которые встали между резиденцией архиепископа и ливонско-литовской границей, чтобы не допустить слияния с литовской армией, сравнивались в Ливонии по своему героизму с борцами с вандалами, монголами и другими дикими племенами⁵³.

В краткосрочной внутренней войне, получившей название «война коадьюторов», орден оказался сильнее. Но в конфликт вмешались внешние силы — Королевство Польское и Великое княжество Литовское, а также Пруссия, Дания, Священная Римская империя (в качестве дипломатических посредников). Войска Польши, Литвы, Пруссии двинулись к ливонской границе.

Современники считали виновниками назревающей войны литовских магнатов, прежде всего Радзивиллов⁵⁴. Вильгельма оценивали как инициатора конфликта, который по недомыслию втянул в войну польского короля, прусского герцога и других сановных особ и тем подставил под удар Ливонию⁵⁵.

Общее представление о виновности Вильгельма Бранденбургского иногда получало неожиданную трактовку: так, в декабре 1556 г. был составлен памфлет против рижского архиепископа, предназначенный для сословий Священной Римской империи⁵⁶. Собственно, это одно из первых произведений, предназначенных для объяснения перед Европой, что происходит в Ливонии. Его происхождение связано с двором герцога Иоанна Альбрехта Мекленбургского. Вильгельм и его сторонники (Альбрехт Прусский) обвинялись в желании погубить Ливонию, провинцию империи, передав ее иноземцам. Они пытались лишиться ордена «страны, людей, величия и свободы» (“seiner Lande, Leute, Herrlichkeiten und Freiheiten zu berauben”). Рижская архиепископия заключила секретный агрессивный союз с московитами (sic!) и другими соседями (“mit den Moskowitem und anderen Nachbarn schädliche und heimliche Bündnisse geschlossen”). Россия здесь выступает символом абстрактного зла (что может быть крамольнее и аморальнее для католического рижского архиепископа, чем тайный сговор со схизматиками?). Фактическая сторона дела авторов памфлета не очень интересует.

До войны дело все же не дошло. 5 сентября 1557 г. были подготовлены черновые тексты мирного соглашения, и 14 сентября Позвольский договор был утвержден магистром⁵⁷. Сигизмунд II получил моральное удовлетворение: вот и Ливонский орден вслед за Тевтонским пал к ногам Польши. Были удовлетворены все королевские требования о восстановлении в правах Вильгельма Бранденбургского и т. д. Получилось, что орден, выигравший «войну коадьюторов» на полях сражений, полностью проиграл и уступил по всем пунктам за столом переговоров.

Сами ливонцы не строили иллюзий по поводу Позвольского соглашения — оно было существенным шагом на пути к утрате независимости. Некоторые уже тогда считали, «что ливонские сословия при этом мирном договоре подчинились польской короне»⁵⁸. Договор пришлось подписать только потому, что альтернативной была бы крупномасштабная война, которую Ливония не вынесла бы. Один из антигероев

⁵³ *Romanowski J. Wojna Zygmunta Augusta...* S. 368.

⁵⁴ *Postskript zu 1556 Juli 14, Wenden Ut in litteris (Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Wilhelm von Fürstenberg, Koadjutor des Meisteramts in Livland)* // HA-57. S. 321. Nr. 1866/1.

⁵⁵ 1556 Juli 16, [Smilten]. Von den erztiftischen Räten entworfene Note Erzbischof Wilhelms an Herzog Albrecht zum Verzicht auf das Erzbistum Riga // HA-57..S. 323. Nr. 1868.

⁵⁶ 1556 Dezember 4, o. O. Die vor den Reichsständen eingebrachte Schmähschrift der livländischen Gesandten gegen Erzbischof Wilhelm und seine Anhänger // HA-57. S. 409–4. Nr. 1946.

⁵⁷ Публикацию текстов Позвольского договора см.: [Dogiel M.] *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae. Vilnae, 1759. T. V. P. 210–221. Nr. CXXVI–CXXVIII*; русский перевод: *Попов В. Е., Филлюшкин А. И.* «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. С. 151–184.

⁵⁸ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 349.

«войны коадьюторов», Каспар фон Мюнстер, оценил Позвольский договор как «порчу» Ливонии. Вильгельм Бранденбургский и его сторонники заменили омерзительное кровопролитие подчиненностью польскому королю, и это разве не предательство?»⁵⁹

В тайном отдельном союзном соглашении Московия объявлялась общим врагом. В случае нападения России на Великое княжество Литовское или Польшу Ливония была обязана выступить на их стороне, и наоборот. Правда, в договоре был пункт, что ливонско-польский союз вступит в силу только через 12 лет⁶⁰.

В историографии распространено мнение, будто Позвольский мир открывал прямую дорогу к грядущей Ливонской войне: он грубо нарушал условия русско-ливонского соглашения 1554 г. Об этом говорил уже первый историограф этого военного конфликта Тильманн Бреденбах (1526–1587) в своей «Истории Ливонской войны» («Historia belli Livonicæ», опубликована в 1564)⁶¹, об этом писали ливонские хронисты — современники войны (например, И. Реннер)⁶², и это отмечалось поздними историками (В. Кирхнером, Э. Доннертом, В. Чаплинским, В. Д. Королюком, Л. А. Дербовым, В. И. Бобышевым и др.)⁶³. По выражению В. Кирхнера, это соглашение «обескуражило» Ивана IV⁶⁴, а Р. Фрост вообще назвал Позвольский договор «провокацией» в отношении Московии⁶⁵.

Вопрос о том, являлся ли Позволь для Москвы *casus belli*, довольно спорный. Построения ученых, считающих Позволь таковым, пока не получили аргументации, основанной на актовом материале. Они транслируют мнение немецких и ливонских хронистов (И. Реннера, Т. Бреденбаха и др.), отраженное в нарративных памятниках. Но ему нет доказательств в документах XVI в.

Роковая роль Позволя для Ливонии в другом. В 1556–1557 гг. ливонские ландсгерры были слишком заняты взаимными конфликтами, войнами, имущественными спорами, переговорами с Польшей, Литвой, Данией, Священной Римской империей. Они совсем забыли о висящем над их головами «дамокловом мече» русско-ливонского договора 1554 г. А когда о нем вспоминали, то использовали эту тему исключительно для иллюстрации тех или иных своих интересов или замыслов: кто-то хвастливо обещал отменить постыдный договор, кто-то пугал им оппонентов, кто-то изображал себя последним героическим радетелем за интересы Ливонии. Но *никто* из руководства ордена и окружения рижского архиепископа в эти годы всерьез не предпринимал никаких мер, никто не задумывался — а что мы скажем московским дипломатам в конце 1557 г.? Всем было не до этого.

⁵⁹ “Herzog Albrecht und Erzbischof Wilhelm vor vielen Jahren ein Bündnis mit dem polnischen König zum Verderben dieser Lande geschlossen zu haben, um Livland durch ein greuliches Blutbad in ewige Dienstbarkeit zu bringen; so hat ihn und seine Diener das Gesinde Fürstenbergs in Pozwol heftig als Landesverräter gescholten” (1557 September 26, Hof Datenow. Jasper von Munster an Herzog Albrecht // HA-60. S. 30. Nr. 2095).

⁶⁰ Politische Korrespondenz vor Ausbruch des livl. Krieges. 1552, 1554, 1556, 1557 // Ajaloorhiivi (Эстонский исторический архив). F. 230. B. P. 6. S. 60–62.

⁶¹ Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel... S. 111.

⁶² Renner J. Livländische Historien... S. 15.

⁶³ Donner E. Der Livländische Ordenstritterstaat... S. 43–44; Czaplinski W. Nowa praca o kwestii bałtyckiej w rotowie XVI w. // Zapiski historyczne. Torun, 1965. T. 30. S. 541; Королюк В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI века. М., 1954. С. 27; Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1947. Т. 17. С. 162; Бобышев В. Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1997. С. 51.

⁶⁴ Kirchner W. The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970. P. 38.

⁶⁵ Подробнее см.: Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии... С. 151–152; Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburgh, 2000. P. 4.

Собственно, все было пущено на самотек, единственным, кто хотя бы вспоминал о существующей проблеме, был дерптский епископ, что вполне понятно — в случае войны с русскими его земли располагались бы на направлении первого удара, а в «войну коадьюторов» Дерпт был вовлечен слабее, чем Рига, Венден или Кокенгауз. А после сентября 1557 г. ливонские политики не успели оглянуться и что-либо предпринять⁶⁶, как «царь сам пошел за данью»...

Польской же стороной ливонско-польско-литовский конфликт августа–сентября 1557 г. официально считался, в соответствии с *narratio* Позвольских договоров 1557 г., восстановлением фамильной чести польского короля, наказанием ливонцев за убийство королевского посла, пограничные рейды в Литву⁶⁷ и притеснения литовских купцов. Именно в таком виде — с сопутствующими конфессиональными мотивами — он и вошел в польские хроники, начинавшие отчет истории борьбы за Прибалтику в середине XVI в. вовсе не с русского вторжения в 1558 г., а с «войны коадьюторов» 1556 г. и Позвольского мира 1557 г.⁶⁸ Станислав Сарницкий назвал эти события «*Teutonicum bello*» и также связывал начало борьбы за «Инфлянтов» с действиями Вильгельма Фюрстенберга и его противостоянием с рижским архиепископом⁶⁹. Хронист называл эту войну «великой войной» («*bardzo wielka wojna*»)⁷⁰. Польский король считал себя не просто победителем, а воплощением идеала христианского правителя, протектора католической церкви и защитника справедливости⁷¹. Политика Ливонии опереждалась как ошибочная⁷². В тексте I Виленского соглашения в августе 1559 г., установившем сюзеренитет польской Короны над Ливонией, было специально указано, что оно заключено в развитие Позволя⁷³.

Но, так или иначе, несмотря на разные оценки, Позвольские соглашения поставили точку по крайней мере в «войне коадьюторов». Тогда еще никто не предполагал, что эти события — только начало гораздо более масштабного и кровопролитного конфликта.

Кто знал о том, что началась война с Россией?

Ливония вздохнула с облегчением. Казалось, что все беды позади, мир подписан. В ливонской переписке начинает звучать оптимистическое: «Мы еще выпьем холодного пива»⁷⁴. Под хмельком так сладко грезились о грядущих победах северных

⁶⁶ О московской проблеме вспомнили, и то отнюдь не политические лидеры, как раз в сентябре 1557 г., одновременно с заключением Позвольского мира: закончилась русско-шведская война, и в ливонской переписке мелькает высказывание: вот теперь-то царь всей своей мощью (“*Macht*”) обрушится на Ливонию. Некоторые ливонцы были обеспокоены слухами, что по стране ходят русские шпионы и разведывают дороги для войск ([1557 Anfang September], о. O. Erklärung Johann Wagners zu seinen eigenen Verhältnissen und zur Lage in Livland // HA-60. S. 19–20. Nr. 2082). Но, возможно, эти слухи были порождены просто самим фактом истечения трех лет после договора 1554 г. и ожиданием нападения, потому что нелепо летом разведывать дороги для зимнего похода (русская армия войдет в Ливонию в январе 1558 г.).

⁶⁷ О пограничных спорах и их значении для польско-литовского государства см.: *Kłodziński A.* Stosunki Polski i Litwy z Infantami przed zatargiem 1556–1557 r. // *Kwartalnik Historyczny.* Lwów, 1908. T. 22. S. 344–351.

⁶⁸ [Bielski M.] Kronika... S. 1131–1133; *Strykowski M.* Kronika... S. 409; *Филошкин А. И.* Мацей Стрыковский о Ливонской войне // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2005. № 3 (21). С. 112–113.

⁶⁹ *Sarnicki St.* Annales Polonorum, quibus augmenta et decrementa Regni: Mutationes item et progressions gentis explicantur. Cracovia, 1587. P. 400.

⁷⁰ Цит. по: *Romanowski J.* Wojna Zygmunta Augusta... S. 329.

⁷¹ 1556 Dezember 30, Warschau. König Sigismund II. August von Polen an die dänischen Gesandten in Livland // HA-57. S. 425. Nr. 1961.

⁷² Postskript zu 1557 Januar 12, Wenden Ut in litteris // HA-57. S. 439. Nr. 1968/1.

⁷³ Пересказ соглашения: *Renner J.* 1) Livländische Historien... S. 64–65; 2) *Johannes Renner's Livonian History...* P. 117–118.

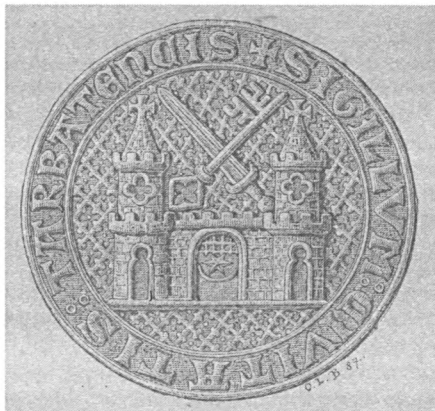
⁷⁴ 1557 November 26, Ronneburg. Antonius Wagner, Diener Erzbischof Wilhelms, an Bernt Pohibel // HA-60. S. 39. Nr. 2112.

крестоносцев. Иоганн Реннер писал, что в 1557 г. магистр высказал идею напасть на Россию и разорить ее земли, другие же влиятельные в ордене лица хотели вернуть то, что было потеряно из-за конфликта с Сигизмундом II Августом в результате «войны коадьюторов» и Позвольского мира, а потом уже строить планы захвата соседних земель⁷⁵. При этом, скажем мягко, об адекватности этих планов политическим реалиям (могла ли Ливония в военном отношении всерьез угрожать России или Польше?!) никто и не помышлял. Зато всем нравилось мечтать о будущих победах.

О чем думала, чем жила Ливония накануне русского вторжения? В Дерптской области, которая, казалось бы, должна была предпринимать какие-то меры ввиду русской угрозы, царило абсолютно безмятежное настроение. Магистр Фюрстенберг решил послать туда отряд ландскнехтов для усиления невеликих местных сил и для отражения возможной агрессии Москвы. Каково же было изумление магистра, когда дерптский епископ отказался принимать помощь — мол, он находится под защитой Бога, и московиты ему не страшны! Больше иноземных врагов епископ боялся усиления влияния магистра, поэтому отказался защищать свои земли с помощью орденских войск даже под угрозой войны.

Изумленный масштабами человеческой глупости Фюрстенберг начал уговаривать. Он дошел до того, что даже пообещал снять с дерптского епископа обязанность кормить солдат, присланных на его защиту. Магистр выразил готовность прибыть лично и руководить обороной Дерпта. Епископ Герман начал колебаться, однако его советники и местная знать стали пугать, что солдаты разграбят всю округу. Их присутствие стеснит жителей Дерпта, особенно женщин и детей. И Герман вновь написал очень вежливый отказ — войска никому не нужны⁷⁶.

Настроения в элите Ливонии передают «Разъяснения» Каспара фон Мюнстера, написанные как раз на рубеже 1557 и 1558 гг.⁷⁷ Он пытался апеллировать к теме «русской угрозы». Россия многие годы причиняет Ливонии страшный вред, это — смертельный враг. Сама Ливония не имеет шансов в военном конфликте с Московией, поэтому ей надо заручиться поддержкой соседей и прежде всего помириться с польским королем и уладить все пограничные конфликты. Этого и хотел фон Мюнстер, а его считают главным смутьяном и виновником кровопролития. А руководство ордена «уступчиво»

Печать Дерпта.

требованиям Москвы, подписало неправильный договор 1554 г. Необходимо добиваться его отмены, иначе пострадают древние свободы Ливонии, за которые проливали кровь наши предки. Наиболее виноват в таком положении магистр Фюрстенберг. Он разрешил поставку в Россию военных товаров, пропуск военных специалистов, чем нарушил древние запреты Священной Римской империи. Он хочет соблюдать обязательство платить кабальную дань. Такими уступками не достичь мира, напротив, противник убеждается, что мы слабы, и тогда война неизбежна. Исполнение взятых на себя долговых обязательств перед Россией приведет к волнениям и мятежам в городах, которые не

⁷⁵ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 2; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 2.

⁷⁶ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 15, 16; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 32, 33.

⁷⁷ [Ende 1557/Anfang 1558], o. O. Rechtfertigung des Landmarschalls Jasper von Munster gegenüber den livländischen Ständen wegen seiner polnischen Bündnispolitik // HA-60. S. 54–57. Nr. 2135.

Остатки крепостной стены Дерпта. Совр. фото.

захотят платить. Надо обсуждать, как отменить эти обязательства, а руководство ордена, и прежде всего Фюрстенберг, вместо этого враждовали с уважаемым и почтенным рижским архиепископом. Поступки фон Мюнстера, которые называют мятежом, пропаганда союза с Польшей, которую в Ливонии одобряют не все, были направлены исключительно на спасение страны и полностью соответствуют правилам и законам Священной Римской империи.

В этом послании очевидно горячее желание оправдаться. В каждой строчке сквозит ненависть к Фюрстенбергу, обошедшему бывшего ландсмаршала по карьерной лестнице. Но тем не менее кое-какие настроения среди ливонской элиты этот текст отразил. Очевидно, что Позвольские соглашения ее частью расценивались как невыгодные для Ливонии (почему фон Мюнстер так стремится оправдать свою поддержку идеи союза с Польшей). «Русская угроза» продолжает оставаться пропагандистским приемом, который стороны используют в полемике в своих интересах.

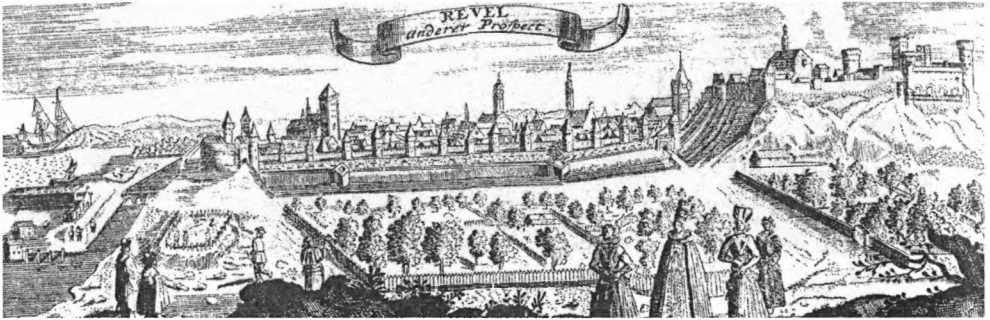
Оппоненты фон Мюнстера отвечали на его обвинения, что в сложившихся политических обстоятельствах любой бы подписал договор 1554 г. И не надо строить иллюзий, что соседи помогут Ливонии в случае конфликта с Россией — то есть помогут, наверное, но небескорыстно. Все — и Польша, и Пруссия, Швеция, Дания — предъявят территориальные претензии. За помощь надо будет расплачиваться уступкой земель, а Ливония не столь большая страна, ее ресурсы очень ограничены. Законы империи, вопреки утверждению фон Мюнстера, напротив, максимально соблюдались — недаром ратификацию русско-ливонского договора 1554 г. четко связали с подачей протестации императору. Сам фон Мюнстер рисует свою роль в событиях «войны коадьюторов» слишком светлыми красками и умалчивает о многих обстоятельствах⁷⁸.

⁷⁸ [1557/Anfang 1558], o. O. Bericht über die Gründe des Landmarschalls Jasper von Munster zur Propagierung eines Bündnisses mit Polen // HA-60. S. 57–60. Nr. 2036; 1558 Januar 4, o. O. Kurzer, den polnischen Legaten in Sachen des Landmarschalls Jasper von Munster mitgegebener Bericht // Ibid. S. 69–70. Nr. 2141.

Увлекательное выяснение отношений и переписка ливонских вельмож, кто из них более виноват в развязывании «войны коадьюторов» и кто больше радеет за Ливонию, было прервано сообщением о вторжении русских войск в январе 1558 г. Ливонская война началась.

В Ревеле, как свидетельствует хронист Иоганн Реннер, зимой 1558 г. был праздник — Герман Зойе (Zoie) играл свадьбу⁷⁹. Руссов рассказывает, что на свадьбе

«...многие дерзко похвалялись и один перед другим целыми и половинными мерами пили против русских, так как в пьянстве они были сильные бойцы. Когда же свадьба окончилась и дело дошло до боя, тогда многие из них бежали не только от русских, но от сосен и кустов, коих они издали принимали за русских. Слово и крик: “Назад! Назад!”... были сначала в большом употреблении у них, над этим словом русские очень издевались»⁸⁰.

Вид города Ревеля. Гравюра.

Современный вид старого Таллинна.

⁷⁹ И. Реннер датирует эти события как происходившие «около Сретения» (was umb lechtmissen = Mariä Lichtmeß). Сретение празднуется 2 февраля. Это свидетельствует, что в Ревеле не сразу узнали о нападении врага (*Renner J. 1) Livländische Historien... S. 16; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 33–34.*

⁸⁰ *Руссов Б. Ливонская хроника. II. С. 360.*

Сам по себе эпизод Рюссовым, видимо, вымышлен — в январе 1558 г. под Ревелем еще не было русских войск и не велось никаких боевых действий. Но для него он являлся дополнительным аргументом в подтверждение главной идеи хрониста о моральном разложении ливонцев, приведшем к государственной катастрофе.

Видимо, карательный рейд января–февраля 1558 г. в Ливонии восприняли как явление временное. Никто не увидел в нем предвестника большой войны на уничтожение. Он ничем не отличался от предыдущих военных столкновений с Новгородом и Псковом, да и с армией Ивана III. Русские пришли, разорили землю и ушли, надеясь на психологический эффект от своего нападения. Судя по темам, которые интересуют ливонскую политическую элиту в феврале, марте, апреле 1558 г., никто еще не понимал, что началась последняя война в истории Ливонии. Война, которая приведет к ее смерти.

Это видно и по поведению магистра, не говоря уже о рижском архиепископе — Фюрстенберг свалил проблему урегулирования вопроса о выплате дани на дерптского епископа, сказав, что он во всем виноват. Прелат даже обиделся — он рассчитывал на помощь остальной Ливонии, а его бросили на произвол судьбы, да еще и сделали виновником кризиса⁸¹. Вольмарский ландтаг в марте 1558 г. приступил к обсуждению нападения России только с прибытием на совещание дерптского епископа, то есть ландсгерры демонстрировали: война с Московией — это проблема в первую очередь Дерпта⁸².

Впрочем, епископ — Герман II Везель — вел себя не лучше. Он не смог начать обсуждения вопроса, потому что... у него не оказалось необходимых документов о русском вторжении! Когда по приказу магистра был наконец-то оглашен отчет посла в Москву Томаса Хорнера, то он оказался в основном переполнен эмоциями (Иван IV — тиран, турки и татары — собаки⁸³, русские плохо обращались с дипломатами), но содержал мало конструктива.

Вольмарский ландтаг марта 1558 г., как известно, принял решение о «двойной политике» (“*doppelgleisigen Politik*”) — с одной стороны, собирать средства для выплаты дани (и Священная Римская империя была вынуждена платить туркам — в такую систему координат поместили акт выплаты юрьевской дани ливонские политики). Но с другой — продолжить активные действия по поиску союзников и заступников при европейских дворах, которые смогут поставить русских на подходящее им место⁸⁴. При этом ливонцы рассчитывали дипломатическим торгом снизить размеры дани — по крайней мере, до 45 000 талеров⁸⁵. А может, и вообще путем «предъявления аргументов» удастся добиться ее отмены⁸⁶. При этом предчувствия ливонцев обуревали самые зловещие. Обсуждался слух о чудесном видении над Ливонией. 10 марта 1558 г. в девять вечера над Ливонией в небесах было великое сражение двух армий, конных и пеших, одна пришла с востока, другая с запада. Одна армия была разбита, другая после этого исчезла⁸⁷.

⁸¹ 1558 März 18, Wilna. Johann von Hoete an Ahasver von Brandt // HA-60. S. 94. Nr. 2176.

⁸² 1558 März. Bericht über die Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag // HA-60. S. 100. Nr. 2181.

⁸³ С первых месяцев войны наименование русских и татар тиранами, дикими зверями и яростными собаками (“*Tyrannen, Bestien und wütende Hunde*”) стало общим местом в переписке (например: [1558 Februar/März], o. O. Bedenken der Städte Riga, Reval und Dorpat in Anbetracht der moskowitischen Bedrohung // HA-60. S. 123. Nr. 2192).

⁸⁴ 1558 März. Bericht über die Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag // HA-60. S. 101–106. Nr. 2181.

⁸⁵ Магистр Вильгельм фон Фюрстенберг считал приемлемой суммой в 3000 венгерских гульденов, которые должен платить дерптский епископ ([1558 Februar/März], o. O. Bedenken des Meisters Wilhelm von Fürstenberg in Anbetracht der moskowitischen Bedrohung // HA-60. S. 122. Nr. 2191).

⁸⁶ 1558 März, o. O. Fortsetzung der Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag // HA-60. S. 110. Nr. 2183.

⁸⁷ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 22; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 48. — Видение в небе двух сражающихся армий повторилось и 19 августа 1559 г., после того как небеса трижды сменили цвет на красный, синий и зеленый (Renner J. 1) Livländische Historien... S. 62; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 115).

Надо сказать, что довольно скоро прежде всего среди городских кругов и Священной Римской империи, и Ливонии возникла тема вреда, который война наносит торговле⁸⁸. «Невыносимый мир нужно предпочитать справедливой войне», с Россией лучше помириться, иначе война нанесет непоправимый вред торговле на Балтике, утверждали представители ливонских городов в марте 1558 г. Русские же особо не пострадают, так как все необходимое им возят англичане⁸⁹.

Данная позиция логично вела к появлению плана покорения Ливонии Ганзой, который и возник в Любеке под влиянием русского вторжения на территорию ордена в январе 1558 г. Автором идеи выступил синдик доктор Вармбек. План предполагал установление сюзеренитета Ганзейской лиги над Ливонским орденом, городами и епископствами. Верховным господином над Ливонией должен был стать Любек, который взамен предоставлял гарантии защиты от москвитов. Предполагалось при этом, что Любек должен был либо организовать с ведома императора сбор 200 000 талеров для найма войска, либо послать в Ливонию армию на условиях получения ее офицерами поместий в отвоеванных у москвитов районах⁹⁰. Подобная организация политической структуры, когда торговый город, лидер союза подобных вольных городов, подчинял себе целую страну на правах сюзерена, была, несомненно, новым словом в типологии европейского государственного устройства⁹¹.

Однако план синдика Вармбека был неосуществим. В нем не говорилось, с помощью каких аргументов, кроме военных, Любек сможет разграничить сферу интересов с Россией, которая тоже претендует на власть над всей Ливонией. А события января 1558 г. показали, что судьба ордена будет решаться на полях сражений. Ганза же к середине XVI в. воевать была неспособна, что и показали последующие события — города даже не смогли договориться о сборе средств для найма армии. Вармбек почему-то предполагал, что все другие участники конфликта — Польша, Дания, Швеция, император — будут безучастно и спокойно взирать, как Любек подчиняет себе Ливонию. И действия Ганзы ни у кого не вызовут никаких возражений.

В марте 1558 г. масштабы разорения Ливонии русскими войсками становятся предметом обсуждения в переписке. Авторы охотно оперируют цифрами: дерптский епископ Герман пишет о 100 000 русских, вторгнувшихся в его область. Убытки и разрушения, принесенные ими Дерпту, не исправить и за 40 лет⁹². Интересно, что ливонские города, рассуждая о причиненных русскими потерях, называют ту же цифру 40, только теперь она обозначает протяженность разоренной москвитами границы⁹³.

⁸⁸ В 1564 г. на совещании в Ростокке представители Любека выглядели прямо-таки сторонниками Москвы, стремясь во чтобы то ни стало предотвратить разгорающуюся датско-шведскую войну, которая могла бы подорвать балтийскую торговлю (*Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland*, S. 168).

⁸⁹ [1558 Februar/März], о. О. Bedenken der Städte Riga, Reval und Dorpat in Anbetracht der moskowitzischen Bedrohung // HA-60. S. 123. Nr. 2192.

⁹⁰ *Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland*. S. 162.

⁹¹ *Kirchner W. The rise of the Baltic question*. P. 66–67.

⁹² 1558 März, о. О. Bischof Hermann II. Wesel von Dorpat an Wilhelm von Fürstenberg, Meister des Deutschen Ordens in Livland // HA-60. S. 111. Nr. 2184. — Библейские аллюзии на срок 40 лет весьма рискованны: «По числу сорока дней, в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, дабы вы познали, [что] [значит] быть оставленным Мною» (*Чис. 14: 34*). Это прямо переключается с вышеупомянутой идеей о наказании Ливонии русским вторжением за богоотступничество, грех Реформации.

⁹³ [1558 Februar/März], о. О. Bedenken der Städte Riga, Reval und Dorpat in Anbetracht der moskowitzischen Bedrohung // HA-60. S. 123. Nr. 2192.

«Наишествием московитов Бог покарал нас за грехи...»

В первое время информированность Европы о происходящем в Ливонии была довольно низкой. Война шла почти месяц, а сведения о ней при европейских дворах все еще были скудными⁹⁴. Послания, исходящие из Ливонии, с первых строк преисполнены в основном апокалиптическими настроениями и мольбой о помощи, адресованной более сильным соседям. 19 февраля 1558 г. Альбрехт Прусский впервые озвучил мысль, что нападение русских на Ливонию есть Божье наказание, и спасти страну может только искреннее покаяние⁹⁵. Эта же позиция была изложена в официальном предложении Вильгельма Бранденбургского, как исправить ситуацию в Ливонии — во всем виноваты грехи ливонцев: Реформация, пренебрежение к Господню Слову, угнетение бедняков⁹⁶.

Ливонские города также говорили о наказании за грехи, только видели их в католичестве (идолопоклонстве — поклонении иконам)⁹⁷. Подобное вольное обращение с понятиями Божьего наказания и греха содержится и в русской переписке с ливонцами: например, есть переведенное на немецкий письмо татарина Шигалея⁹⁸, который упрекает Ливонию в том, что своей несговорчивостью и неплатежом дани она вызвала на себя... «ярость Бога» (“Gottes Zorn”). Мусульманин упрекает католиков и протестантов, что они вызвали на себя гнев Бога, который помогает православным! Ливонские пленные в России также отмечали убежденность всех русских в том, что Ливония наказана Богом за грехи — к пленным, как отверженным Богом, и относились соответственно⁹⁹.

Идея о Божьем наказании Ливонии довольно охотно была подхвачена дипломатами и получила широкое хождение. Датский король Христиан III в письме своему наместнику Христиану Мюнхгаузену в Ревель от 1 августа 1558 г. писал, что крайне обеспокоен успехами русских, взявших Нарву и Нейгауз, а особенно последовавшими при этом злодеяниями московитов — «это, несомненно, Божье наказание»¹⁰⁰.

Первый хронист Ливонской войны, И. Реннер (писавший в 1561–1562 гг.), в качестве грехов, которые привели Ливонию к гибели, называет показное, кичливое хвастовство, пьянство, распутство, моральное разложение и коррупцию. За эти грехи Бог решил наказать землю, и эта кара прежде всего проявилась в том, что он отнял у правителей мудрость и разум. В правящих кругах возникли разногласия. Обезумевший магистр захотел напасть на Россию и разорить ее земли, другие же влиятельные в ордене лица хотели вернуть то, что было потеряно из-за конфликта с Сигизмундом II Августом в результате «войны коадьюторов» и Позвольского мира, а потом уже строить планы захвата соседних земель. О подготовке обороны своей Ливонии никто и не помышлял, и в этом легкомыслии, по Реннеру, и проявлялось Господне наказание¹⁰¹. Этот же тезис позже был развит самым известным хронистом Ливонской войны — Бальтазаром Рюссовым (1578):

⁹⁴ 1558 Februar 19, Königsberg. Herzog Albrecht an Jasper von Munster // HA-60. S. 83. Nr. 2161.

⁹⁵ 1558 Februar 19, Königsberg. Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm // HA-60. S. 83. Nr. 2162.

⁹⁶ 1558 März, o. O. Propositionen Erzbischof Wilhelms und der Herren und Stände zur Verbesserung der allgemeinen Lage in Livland // HA-60. S. 108. Nr. 2182.

⁹⁷ [1558 Februar/März], o. O. Bedenken der Städte Riga, Reval und Dorpat in Anbetracht der moskowitzischen Bedrohung // HA-60. S. 123. Nr. 2192.

⁹⁸ 1558 Februar, o. O. Sig Alej, tatarischer Kaiser und Befehlshaber der Moskowiter in Livland, an Erzbischof Wilhelm, den Meister, die Bischöfe und alle anderen Stände // HA-60. S. 133. Nr. 2200.

⁹⁹ Из письма уроженца Ревеля на родину из московского плена, получено в Ревеле 9 марта 1559 г. (Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 53; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 100).

¹⁰⁰ Да. С. 22. № 57; КА. С. 48–49. № 29.

¹⁰¹ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 2; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 2.

«Главная причина ливонских несчастий это разнообразные тяжкие грехи и злодеяния ливонцев вместе с ужасным пороком неблагодарности к всемогущему Господу за его многократно оказанные благодеяния... Ливония страшно согрешила против Бога и оказалась неблагодарной за великие милости, и даже в настоящее время в ней нет истинного сознания греха, покаяния и обращения, то можно опасаться, что христианская церковь совершенно погибнет в Ливонии»¹⁰².

Рюссов сравнивает согрешившую Ливонию с Иерусалимом¹⁰³, который был сначала прославлен Господом, а потом Господь совершенно уничтожил Иерусалим «...и предал их вечному стыду и позору... Такой же пример представляют нам Содом, Константинополь и многие другие земли и города». Рюссов указывает, что наказание над Ливонией соответствует 26-й главе Книги Чисел: «...ибо Господь сказал им, что умрут они в пустыне» (*Чис. 26: 65*) и 28-й Второзакония (подробный набор проклятий и наказаний: *Вт. 28: 15–68*)¹⁰⁴.

Английский посол в Россию, Дж. Горсей, в конце столетия рассуждал:

«Это (Ливония. — А. Ф.) самая прекрасная страна, текущая молоком и медом и всеми другими благами, ни в чем не нуждающаяся, там живут самые красивые женщины и самый приятный в общении народ, но они очень испорчены гордостью, роскошью, ленью и праздностью, за эти грехи Бог так покарал и разорил эту нацию, что большая часть ее была захвачена в плен и продана в рабство в Персию, Татарию, Турцию и отдаленную часть Индии»¹⁰⁵.

Следует обратить внимание на определенный парадокс: при довольно-таки стройном хоре голосов на тему согрешения Ливонии и Божьей кары, никто не спешил применить этот тезис к себе самому. В грехах были виноваты другие. И наказание должны нести они же. Тема личного покаяния, признания своей вины (как реальной, так и виртуальной) на страницах нарратива почти отсутствует (что очень сильно отличает европейский дискурс от русского — у православных публично горько каялся в малейших проступках даже сам Иван Грозный). Даже лица, явно виновные в эскалации конфликта, совершившие роковые ошибки (по злому умыслу или по недомыслию — вопрос другой), сопротивляются любым обвинениям и возводят их на других по принципу «сам дурак». Например, дерптский епископ Герман и его окружение активно отрицали свою причастность к конфликту и утверждали, что всему виной воля Бога и злостное стечение обстоятельств¹⁰⁶. Мысль о том, что поведи они себя иначе — может, и войны бы не было — даже не приходила в голову.

При этом, как справедливо заметил В. Урбан в предисловии к изданию ливонской «Хроники» И. Реннера, в самой идее «Божьего наказания» содержалась идея Господнего Возмездия: покаяние в грехах и возвращение к истинной вере гарантировало «людям Христа» реванш, отражение нашествия иноплемennых, разгром противника¹⁰⁷. И. Реннер обосновал эту мысль с помощью библейского эпитафа к своей хронике: «Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог:

¹⁰² Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 283.

¹⁰³ Стоит обратить внимание, что в первые месяцы Ливонской войны образ Иерусалима использовался и в прямо противоположном контексте: в записках рижского делопроизводителя Иоганна Шмидта выражается надежда, что Бог спасет Ливонию, как спас Иерусалим и народ Израйля от Синнахериба (*Die Auszeichnungen des rigaschen Rathsessecretärs Johann Schmiedt zu den Jahren 1558–1562 / Bearb. von A. Bergengrün. Leipzig, 1892. S. 19*). То есть, используется широко распространенный топос спасения богоизбранного народа от варваров.

¹⁰⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 352.

¹⁰⁵ Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 69.

¹⁰⁶ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 58; 2) *Johannes Renner's Livonian History...* P. 108.

¹⁰⁷ Smith J., Urban W. Introduction // *Johannes Renner's Livonian History 1556–1561 / Translated by J. Smith and W. Urban with J. Jones. Lewiston, 1997. P. i.*

вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера, и приведу тебя на горы Израилевы» (*Иез. 39: 1–2*).

Добавим, что при этом образ врага стереотипен, шаблонен и пассивен: в рамках данного дискурса от него ничего не зависит. Бог наказывает Ливонию нашествием иноплеменных, и Бог может ее прощить — в случае соответствующего поведения ливонцев — и уничтожить иноплеменных. Сами иноплеменные — орудие в руках Господа, не более того. Это еще раз свидетельствует о том, что в изображении Ливонской войны в европейском нарративе довели прежде всего внутриевропейские установки, идеологемы и дискурсы. Им подчинялась и под них подгонялась рефлексия событий в источниках.

Дискурсы Нарвского взятия

Резкое изменение ситуации на фронте после взятия русскими Нарвы 11 марта 1558 г. отозвалось на страницах ливонской переписки страшной растерянностью. До Нарвы происходящее можно было расценивать как традиционный русский военный рейд с целью добиться выплаты дани и заключения выгодного для России соглашения. Такие войны испокон веков вели с орденом и Новгород, и Псков. Этого ждали и от нового конфликта. Рюссов писал, что ливонцы были уверены — «московит начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев; он хотел только доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание»¹⁰⁸.

Но никогда до этого не было русской оккупации ливонской земли. Здесь же за Нарвой последовал Нейгауз, затем Кирипме и другие крепости и города. Это был новый, неведомый ливонцам тип войны — войны на завоевание, подчинение, уничтожение. Царю уже не была нужна дань — он сам брал в Ливонии ту добычу, какую хотел, в гораздо больших масштабах. Что ему жалкие 60 000 талеров — под ноги дворянского войска ложились мостовые богатых торговых ливонских городов, под копыта коней — поля сельских мыз и деревень.

Самое ужасное, что ливонцы не могли этому ничего противопоставить. Раньше была надежда, что будет уплачена дань (в том или ином виде и масштабе, после дипломатического торга), русским отдадут их же православные церкви в Риге и Дерпте, допустят московских купцов до полного объема заморской торговли — и все кончится. А теперь грозной хищной силой, которая напознала с Востока и хотела поработить, можно было противопоставить только силу. Казалось, что в жизнь внезапно воплотились все страхи, которыми пугали друг друга поколения ливонцев и к которым давно уже не относились всерьез. А силы-то и не было. Как известно, ливонские крепости не образовывали системы обороны границы, их строили в расчете на противоборство прежде всего с местным языческим населением¹⁰⁹. Теперь это сослужило плохую службу: русские беспрепятственно проходили всю страну в любом направлении, как нож через масло. Вечные свары ливонских ландсгерров не позволили им собрать единое войско, а мелкие разрозненные отряды магистра, архиепископа, епископов, городские ополчения не могли остановить хозяйничавшие в Ливонии русские войска.

¹⁰⁸ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 360.

¹⁰⁹ Общей системы обороны Ливонии просто не существовало, причем не только на уровне крепостей — не было единого войска (оно появлялось только в случае личной договоренности ландсгерров между собой), не была разработана система мобилизации ополчений в случае опасности. Все решения в этой сфере — определение квот созыва ополчения, наложение на дворян обязательства выступать со своими отрядами на защиту Ливонии и даже объявление дела обороны «общим делом», в котором все должны участвовать, произошло только в июле 1559 г. (*Renner J. 1) Livländische Historien... S. 59–61; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 111–114*). К тому времени военная катастрофа стала очевидной, и возможность отстоять Ливонию своими силами для ландсгерров была полностью утрачена.

Падение Нарвы психологически надломило ливонцев. Нарва с раннего Средневековья считалась рубежом между цивилизованным Западом и варварским Востоком, который представляла Московия. Именно бассейн р. Наровы был той территорией, в борьбе за которую между русскими и ливонцами десятилетиями, а то и веками копилась взаимные претензии, обиды, амбиции. И начавшаяся война давала возможность их безнаказанно выплеснуть.

В русских рассказах о взятии Нарвы центральное место занимает чудо, связанное с неопалимыми иконами — некий немец бросил в огонь православные иконы, и от этого поднялся пожар во всей Нарве. О пожаре Нарвы, предшествующем взятию, упоминает и Рюссов. Он пишет, что загорелось «на Корд Улькене в доме одного цирюльника», но ни о какой иконе не знает и утверждает, что возгорание было «неожиданным»¹¹⁰. Ниенштедт трактует ситуацию таким образом: загорелся пожар (причина не названа), и запыхала вся Нарва, потому что много деревянных построек:

«Как только москвиты в лагере, лежавшем по ту сторону речки, это заметили, то переправились на лодках и плотках, подобно рою пчел, на другую сторону, взобрались на стены и, так как нельзя же было в одно и то же время и пожар тушить и врага отражать, то жители и убежали в замок, а город предоставили неприятелю»¹¹¹.

Ливония осмыслила потерю Нарвы в традиционных для европейского Средневековья категориях. Рига нервно требовала защиты от «monstrum septentrionale», как был назван Иван IV. Она тут же стала платежеспособной и была готова выслать в Вольмар 60 000 талеров — сумму дани, запрашивавшейся Иваном IV¹¹². Дани, которая была уже неактуальной...

Возникла легенда об измене нарвских бургомистров — якобы Иоаким Крумгаузен, собираясь в Ивангород для переговоров с русскими, агитировал своих родственников пожечь город. С 11 мая в городе начались пожары, возможно, вызванные поджогами, которые никто не тушил. А когда Кеттлер предложил прислать солдат для борьбы с огнем, второй бургомистр — Герман фон Мюлен — отправил их назад со словами, что помощь не нужна. В результате, мол, и возник знаменитый крупный нарвский пожар, который привел к падению города. Изменою ливонцы были склонны объяснять многие свои потери в первые годы войны¹¹³.

Одновременно возникает второй дискурс — «Нарва — источник богатства и экономического процветания русских, их прорыв на европейские рынки». Победы Ивана Грозного ливонцы были склонны считать следствием экономической помощи, которую царь получал от западных купцов через балтийскую торговлю. Уже Г. Кеттлер писал императору Священной Римской империи, обращаясь с просьбой о помощи: «Нарва, которой владеют русские, это — глаз Ливонии, и ее необходимо отвоевать, ибо без Нарвы русские, лишившиеся главной опоры, не страшны».

На основе этих свидетельств, а также анализа данных о балтийской торговле, в исследовательской литературе возник дискурс «нарвского плаванья» как судьбоносного для экономики России. В. Кирхнер вообще считал «русскую Нарву» главным центром

¹¹⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 362.

¹¹¹ Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. С. 15.

¹¹² Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski: 1558–1561 roki. Poznań, 1873. S. 43.

¹¹³ Одним из первых, кроме Нарвы, городом, «сданным изменою», был назван Нейгауз: «изменою пришел в московскую руку» (1558 Juli 10, Seßwegen. Anträge des Meisters in Livland nach der moskowitischen Eroberung von Narwa und Neuhausen an Erzbischof Wilhelm im Beisein von Kapitel, Räten und dem Rit-tertschaftsausschuß des Erzstifts Riga, überbracht vom Marienburger Komtur [Evert von Syburg zu Wischlingen] und Dr. Rempert Gilsheim // HA-60. S. 165. Nr. 2236).

балтийской и одним из центров мировой торговли во второй половине XVI в.¹¹⁴ Подобные выводы звучали во многих работах, посвященных изучению истории и экономики Балтийского региона¹¹⁵. Этот тезис проник и в российскую публицистику имперского времени — для нее было характерно отстаивание идеи, что «после суровой рыцарской опеки господство русское было для Нарвы цветущим временем ее истории»¹¹⁶. Эту идею высказывали еще современники войны — Б. Рюссов так описывал процветание Нарвы и падение ее конкурента, Ревеля:

«...не только любекские города при Балтийском море, но и все французы, англичане, шотландцы и датчане большими толпами отправлялись в Нарву и вели там большую торговлю, происходившую сперва в Ревеле, различными товарами, золотом и серебром; из-за этого город Ревель стал пустым и бедным городом. Тогда-то ревельские купцы и бюргеры стаивали в розовом саду и на валах и с большой тоской и печалью смотрели, как корабли неслись мимо города Ревеля в Нарву. Однако корабли в этой нарвской поездке часто терпели неудачу: ежегодно много кораблей тонуло в море, не доходя до Нарвы, и многие ежегодно попадались в плен военным кораблям короля шведского и кораблям морских разбойников. Несмотря на то, они никак не прекращали свои поездки. В то время Ревель был печальным городом, не знавшим ни конца, ни меры своему несчастью»¹¹⁷.

Эффективность торговли московитов через Нарву часто приводили в доказательство того, что война была затеяна Россией ради прорыва к Балтийскому морю — вот Московия прорвалась, и видите, каких успехов в международной торговле сразу добилась, и как на нее ополчились за это все европейские державы!

По меткому замечанию Г. В. Форстена, «ради русской торговли ганзейцы готовы были все поставить на карту, только бы вернуть себе торговлю в России; она была их жизненным нервом, без нее вся Ганза должна была пасть». При этом Любек считал виновником войны... Ливонский орден: «Русский царь никогда бы не начал войны, раз бы он достиг свободного плавания по морю для своих подданных»¹¹⁸. Именно подобный западный дискурс породил представление о преувеличенной роли Нарвы в русской торговле.

Торговля, несомненно, оказалась прибыльной, да и ощущение контроля над торговыми путями было приятным. Но речь об этом идет в западных источниках. В русских текстах такая роль Нарвы прямо не сформулирована. К сожалению, мы не располагаем актовым материалом, который позволил бы объективно оценить масштабы и эффективность нарвской торговли при Иване Грозном. Все сведения об этом восходят к нарративным источникам и грешат оценочностью и тенденциозностью. Конечно, с нарвской торговлей России было лучше, чем без нее. Но вот насколько лучше? Нет никаких цифр, какими можно было бы подтвердить те или иные оценки.

¹¹⁴ *Kirchner W.* The Rise of Baltic Question... P. 11–17.

¹¹⁵ *Svensson S.* Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal Livländska Ordensstaten. Lund, 1951. S. 5–29; *Зумис Я. Я.* К вопросу о Ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. М., 1952. Серия истории и философии. Т. 9. № 2. С. 133–143; *Королюк В. Д.* Ливонская война... С. 20–31; *Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland... S. 8–45; *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's. Marburg, 1972. S. 3–24; *Rasmussen K.* Die Livländische Krise... S. 20–21; *Attman A.* The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500–1650. Göteborg, 1973. P. 12–26; *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland... S. 577–617; *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 23–24; *Хорошкевич А. Л.* Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1993. С. 3; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 195; etc.

¹¹⁶ *Ругодивцев.* Город Нарва: Краткий очерк. СПб., 1873. С. 6.

¹¹⁷ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 384.

¹¹⁸ Цит. по: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: (1544–1648). СПб., 1893. Т. I. Борьба из-за Ливонии. С. 148, 155.

Глава XII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБРАЗА ВОЙНЫ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ХРОНИКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ О ВОЙНАХ ЗА ЛИВонию

Рижские записки Иоганна Шмидта

Осмысление войны в Прибалтике и концептуализация описания гибели Ливонии и ее раздела между более сильными державами произошли не сразу. Большинство исторических сочинений было создано на некотором отдалении от ключевых событий. М. Линде выделил два типа ливонского исторического повествования этого периода: дидактические, поучающие сочинения и хроники с претензией на документальность, комментирование происходящих событий¹.

Самым ранним известным нам нарративным памятником, который по дате появления наиболее близок к началу борьбы за Ливонию, являются записки Иоганна Шмидта². Они были введены в оборот сравнительно поздно. В 1876 г. рукопись была обнаружена Германом Гильдебрандом в Копенгагенском архиве. Туда она попала, как можно предположить, с какими-то бумагами герцога Магнуса. Копия Копенгагенского списка была найдена в библиотеке Дерптского университета. В 1892 г. памятник по двум спискам был опубликован в Лейпциге Александром Бергенгруном. Он малоизвестен исследователям и слабо привлекался для изучения Ливонской войны.

Определенную трудность вызывает идентификация автора. Он сам себя называет Иоганном Шмидтом, городским секретарем Риги. Но в указанные годы источникам неизвестен такой городской секретарь. В 1558 г. им был Берхард Бройль (Beruhard Breul), с 1561 г. — Юрген Вибберг (Jürgen Wieberg). Шмидт, судя по всему, был одним из помощников и письмоводителей городского секретаря. Через его руки проходила огромная масса дипломатических и городских документов, реляций, писем³. Он объединял отчеты и сводки в единое изложение, правда, прерывистого характера.

¹ Linde M. Das "Christlich Gespräch" des Tilman Brakel Untersuchen zum Weltbild und Geschichtsverständnis eines livländischen Pregers des 16. Jahrhunderts. München, 1998. S. 6 (Osteuropa-Institut München, Mitteilungen. Nr. 26).

² Die Auszeichnungen des rigaschen Rathsssecretärs Johann Schmiedt zu den Jahren 1558–1562 / Bearb. von A. Bergengrün. Leipzig, 1892.

³ Ibid. S. XX–XXII.

Рассказ состоит из четырех частей: 1) с конца 1558 г. до июля 1559 г.; 2) с 22 мая по конец сентября 1560 г.; 3) с 10 февраля по 3 марта 1562 г.; 4) повествование о событиях 4 и 5 мая 1562 г.⁴

Памятник начинается с упоминания о взятии москвитями Нарвы и Дерпта в 1558 г. и с традиционных слов о несносной московской тирании, убийствах, насилии над людьми в мирной Ливонии, пролитии невинной крови. Описываются попытки военного противостояния русским, бои и осады замков с указанием количества убитых и т. д. То есть, перед нами сборник слегка систематизированных военных сводок, отчетов, реляций. В него также включались письма ливонских сановников, переведенные письма русских должностных лиц, адресованные ливонцам⁵, и даже рассказывалось о ходившем в 1559 г. в Риге памфлете пробста Бера (Behr) против бюргерства и ответе на него рижского совета⁶. Изложение носит хроникальный характер, с указанием конкретных дат и событий. Заканчивается первая, самая обширная часть, видимо, писавшаяся летом 1559 г., рассказом Шмидта о ландтаге в Риге в июле 1559 г. и разработке документов, предшествовавших I Виленскому соглашению от 31 августа 1559 г.⁷

Примечательно, что Шмидтом опущены первые несчастливые дни войны. Рассказ начинается с осени 1558 г., когда в Ливонию из германских земель, в основном из Пруссии, прибыли наемная конница и пехота, и орден перешел в контрнаступление, с которым связывалось столько надежд. Автор записок говорит об этих событиях довольно бегло, его информацию можно уточнить по другим источникам. В октябре 1558 г. орденские войска под командованием Г. Кеттлера впервые наносят серьезный контрудар. В ноябре после шестинедельной осады Кеттлер отбил у русских первый замок — Ринген — и двинулся дальше, к Дерпту. Это контрнаступление выявило слабый потенциал русской армии в Ливонии: на отражение похода Кеттлера были переброшены части из Раковера (Везенберга), Дерпта и даже с российской территории — из Вышгорода и Красного. 8 ноября 1558 г. в сражении Кеттлер получил тяжелое ранение. Войска ордена отошли к Вендену. Таким образом, во второй половине 1558 г. ливонцам удалось взять пусть небольшой, но реванш⁸.

Это вызвало появление в Европе обнадеживающих слухов: в ноябре 1558 г. в Данциге датские послы зафиксировали известия, что коадьютор с 3000 конницы, 4000 пехоты и 25 000 взявших оружие крестьян штурмует Дерпт. Испуганные русские якобы увели из города людей и увезли пушки, но вновь сосредоточивают на границе с орденом 20-тысячную армию, чтобы отбить Дерпт у Кеттлера. Среди других записанных послами слухов следует отметить известие о якобы имевшем место нападении москвитов на Ревель, благополучно отраженном, и о намерении герцога Иоанна Альбрехта Мекленбургского в случае изгнания русских из Ливонии взять власть над нею в свои руки⁹.

Таким образом, сам факт начала Шмидтом его записок и их отправная точка фиксируют еще оптимистичный настрой ливонцев в 1558 г. Судя по ним, война воспринималась как серьезная проблема, имела новые черты (никогда раньше русские не оккупировали внутри страны такие ключевые пункты как Нарва и Дерпт). Как

⁴ Ibid. S. XXVI.

⁵ Например: Ibid. S. 5–6, 30–32.

⁶ Ibid. S. 46–51.

⁷ Ibid. S. 57–91.

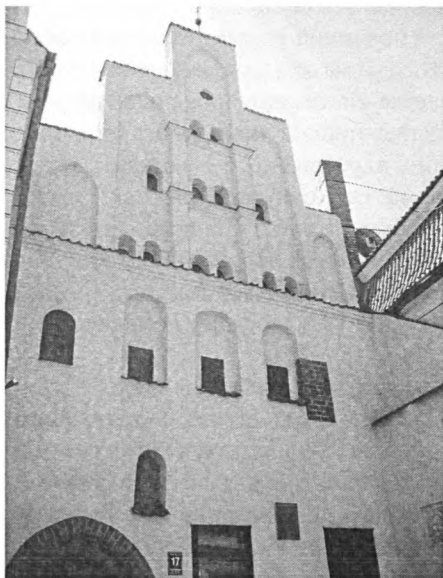
⁸ Ibid. S. 3–5; ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 312.

⁹ ДА. С.25. № 67; КА. С.70–72. № 38.

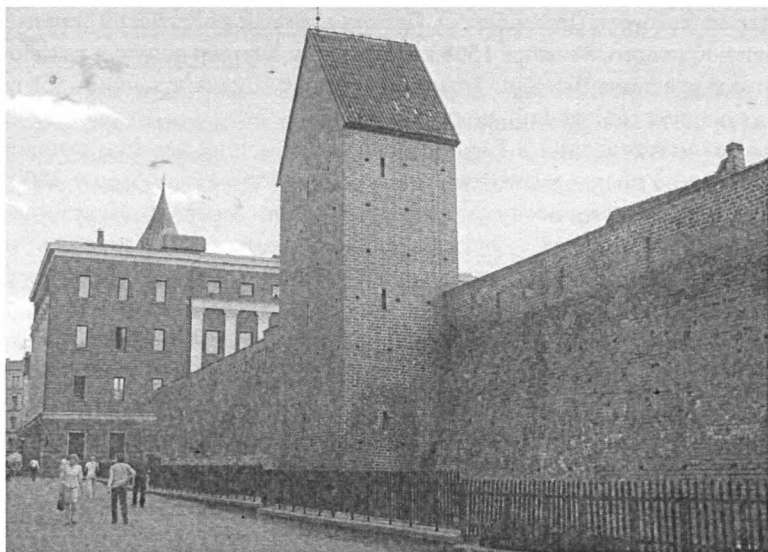
несчастье и трагедия. Но в первый год конфликта ливонцы еще надеялись на военный успех, на то, что с помощью «христианского мира» они отразят агрессию.

Правда, о германцах на страницах хроники может говориться и скептически. Шмидт приводит слова одного ротмистра: летом немцам воевать слишком жарко, зимой — холодно, они слишком любят вино, пиво и т. д.¹⁰ Впрочем, рижский хронист здесь не оригинален, подобная досада ливонских интеллектуалов на военные неудачи ордена не редкость. Невысоко хронист оценивает и усилия рижского архиепископа Вильгельма и коадьютора ордена Кетглера по защите «брошенных» ливонцев¹¹.

Далее Шмидт достаточно подробно излагает в основном военные действия (уделяя основное внимание окрестностям Риги и подходам к ней), описывает осады замков, переговоры ливонских политиков. Неудачи русских и военные успехи ливонцев он связывает с помощью, заступничеством Всемогущего Бога, который «не попускает». Его провиденциализм стандартный, довольно прямолинейный, без интеллектуальных изысков¹². Он приводит отдельные случаи чудесного спасения¹³, но достаточно ординарные. При этом русских он достаточно традиционно изображает как

Жилое здание в Риге, конец XV в.
Ул. Маза Пилс, 17.

Рига. Крепостные стены. Реконструкция.

¹⁰ Die Auszeichnungen des rigaschen Rathsecretärs Johann Schmiedt... S. 28.

¹¹ Ibid. S. 44.

¹² Например: Ibid. S. 19.

¹³ Ibid. S. 22–23.

бессмысленно жестокою, огромною, страшную, трудноодолимую силу, которая навалилась на слабую Ливонию и чинит пытки, казни, захваты и т. д.¹⁴ В изложении много описаний бедствий ливонцев.

Помимо войны и политических отношений, Шмидта волнуют международные связи Ливонии и ее соседей. Он тщательно отслеживает русско-датские, русско-татарские, ливонско-польско-имперские отношения, проявляя порой основательную осведомленность¹⁵. Видимо, это было связано с общими настроениями среди ливонских правящих кругов — надеяться на иностранную помощь, непосредственную или благодаря проблемам, которые России могли доставить нападения крымских татар. Шмидт также очень интересовался действиями и планами польского короля и Радзивилла в отношении Риги, он даже цитирует документы на польском языке. Из них видно, что польские и литовские политики пытались спекулировать на русской угрозе, обещали скорое нападение громадных сил русских на Ригу, спасти от которого может только подчинение Короне. При этом главные волнения рижан, о которых пишет Шмидт, были связаны с религиозным вопросом, опасением развязывания католическо-протестантского конфликта в случае перехода Риги под власть короля-католика, а также имущественные вопросы и сохранение прав горожан¹⁶.

Вторая часть записок Шмидта начинается с 22 мая 1560 г., с рассказа о выдвижении новоиспеченным магистром Кеттлером¹⁷ требования к городу Риге принести ему присягу на верность¹⁸. Далее описываются отношения Риги в 1560 г. с архиепископом Вильгельмом, Радзивиллом, Кристофором Мекленбургским, герцогом Магнусом и др. (интересно, что дерптское дворянство восприняло приезд Магнуса как явление мессии, способного вернуть им потерянные земли¹⁹). Описывается битва при Эрмесе 2 августа 1560 г.²⁰, осада и падение Феллина в августе 1560 г.²¹ Опять подробно рассказывается о переговорах с Ригой, на этот раз — в сентябре 1560 г., когда Кеттлер обратился за помощью²², и с Ходкевичем, который опять пытался разыграть карту русской угрозы²³. Здесь повествование неожиданно обрывается.

Третья часть записок Шмидта охватывает период с 10 февраля по 3 марта 1562 г. Имеющуюся лауну объяснить сложно. Возможно часть страниц в протографе была утрачена, или же по неизвестной причине Шмидт прервал свои записи, а потом к ним вернулся спустя полтора года. Рассказ начинается с описания переговоров с Ригой Николая Радзивилла, а затем и Готарда Кеттлера в феврале 1562 г.²⁴ Содержанием переговоров были условия подчинения Риги Короне (как известно, Рига не примкнула ко II Виленскому соглашению о полном переходе Ливонии под власть Сигизмунда II, подписанному 28 ноября 1561 г.). Шмидт опять цитирует документы, в частности, послание Кеттлера. Изложение вновь обрывается, рассказ не закончен.

¹⁴ Например: Ibid. S. 17; характеристика русских войск в сравнении с немцами: Ibid. S. 28–29.

¹⁵ Например, в Риге знали даже то, что крымские татары требовали от России возврата Казани (Ibid. S. 16, 17). Рижане следили также за переговорами Кеттлера с Краковом и Священной Римской империей (Ibid. S. 33–34), русско-польскими отношениями (Ibid. S. 38).

¹⁶ Ibid. S. 40–42, 52–57.

¹⁷ Кеттлер стал магистром 21 сентября 1559 г., сместив Фюрстенберга путем интриги и при поддержке Короны.

¹⁸ Die Auszeichnungen des rigaschen Rathssecretärs Johann Schmiedt... S. 91.

¹⁹ Ibid. S. 94.

²⁰ Ibid. S. 96–97.

²¹ Ibid. S. 99–100.

²² Ibid. S. 101–103.

²³ Ibid. S. 105.

²⁴ Ibid. S. 105–116.

Пороховая башня Рижской крепости. Нач. XVI в.

Последняя часть записок Шмидта повествует о событиях 4–5 мая 1562 г., о переговорах Риги с польско-литовскими дипломатами о принесении королю присяги на верность²⁵.

Взгляд Шмидта на конфликт интересен тем, что это — рижский взгляд на конфликт (анализируемые ниже хроники Реннера и Рюссова можно отнести к ревельским, а сочинения Бреденбаха, Левенклавия, Суриуса и др. — к внутригерманским). Здесь видна иная расстановка акцентов: если Ревель больше волнует отношения со Швецией, то Ригу, несомненно, с Польшей. Кроме того, театр боевых действий в первые годы войны был в большинстве случаев в некотором отдалении от Риги. Война у Шмидта идет отзвуком далекой бури, периодически докатывающейся до окрестностей его города. Он мало знает о событиях в Нарве и Дерпте, почти не фигурирует тот же Ревель. Зато он рассказывает о боях за Лэттляндию и перипетиях связанной с Ригой политической жизни, о чем меньше информации в других нарративных памятниках.

Хроника Ливонской войны Иоганна Реннера

Уроженец г. Текленбурга в Вестфалии Иоганн Реннер (1525–1583/84) написал свою хронику между июлем 1561 г. и июнем 1562 г. (в самой хронике стоят две даты — 1561 г. и 20 июля 1562 г.)²⁶. Источником послужили записки, которые он делал, будучи в 1556–1561 гг. на службе в Ливонии. Он сперва был секретарем фогта Иарвена, Бернта ван Шмертена, а затем комтура Пернова Рутгера Вульфа. Свою ливонскую карьеру он закончил нотариусом в Ревеле. В 1561 г. он уехал в Германию, в Бремен. Здесь он был нотариусом в городском совете, секретарем кафедрального собора и достиг должности викария. Свою хронику он посвятил графам Эдзартам, Кристофору и Иоганну.

После 1578 г., прочитав опубликованную историю Ливонии Бальтазара Рюссова, Реннер создал вторую редакцию своей «Хроники», значительно ее расширив и дополнив за счет использования труда Рюссова. Очень интересно, что он пытался иллюстрировать рукопись — наверно, эта самая первая попытка нарисовать ливонскую историю. Обзор изучения рисунков Реннера содержится в статье Й. Крийма²⁷. Как показали Р. Хаусманн и К. Хельбаум, рисунки вторичны, заимствованы из более ранних книжных изданий, в частности — из «Космографии» Себастьяна Мюнстера, и представляют собой стилизованные стереотипные изображения людей (королей, священников, воинов и т. д.) и ландшафтов XVI в.

²⁵ Ibid. S. 116–120.

²⁶ Renner J. Livländische Historien... S. 4, 7.

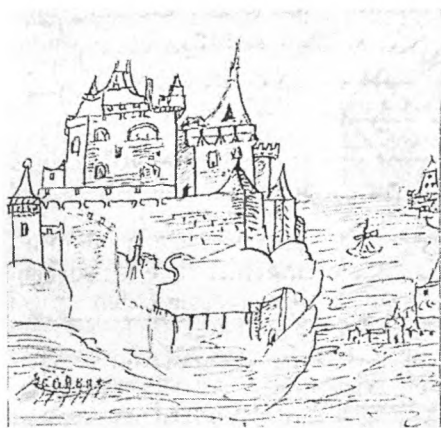
²⁷ Kreem J. Das Schedel-Paradigma? Noch einmal über die Illustrationen in Johann Renners Chronik "Livländische Historien" // Die Stadt im europäischen Nordosten. Kulturbeziehungen von der Ausbreitung der Lübschen Rechts bis zur Aufklärung / Hrsg. von R. Schweitzer & W. Bastman-Bühner. Helsinki und Lübeck, 2001. S. 183–207.

Кроме того, Реннер написал двухтомную «Хронику города Бремена»²⁸. При жизни хрониста его сочинения остались неопубликованными.

Вторая, исправленная редакция ливонской хроники бременца была издана в Геттингене в 1876 г. Р. Хаусманном и К. Хельбаумом по рукописи библиотеки Бременского музея²⁹. В 1934 г. П. Карстедт атрибутировал хранившуюся в городской библиотеке Любека рукопись как первую, начальную редакцию сочинения Реннера. Но ее изданию помешала война. Библиотека была эвакуирована из-за угрозы авианалетов англичан на Любек, потом попала в качестве трофея к советским войскам, по некоторым данным, вывезена на восток. Ее судьба неизвестна. В 1953 г. П. Карстедт издал текст по своим довоенным черновым запискам, выделив в рукописи оригинальную часть, соответствующую первой редакции³⁰. На его основе в 1997 г. был выпущен английский перевод хроники³¹.

Поскольку западный читатель имел весьма смутное представление о том, что такое Ливония, Реннер начинает свой рассказ («К дорогому читателю») с истории происхождения Ливонии. Это страна, основанная немцами, выходцами из Бремена. Они строили там крепости и начали обращать местных язычников в христиан. Язычники сопротивлялись. На помощь миссионерам пришел Немецкий рыцарский орден. Далее перечисляются подвиги рыцарей и магистров ордена, их трудная борьба за несение христианства эстонцам, эзельцам, литовцам, земгалам и русским. Если с прибалтийскими племенами обращение в истинную веру более-менее получилось, то русские усилились и стали главным врагом Ливонии на протяжении столетий³². В дальнейшем в описании русского вторжения в Ливонию Реннер всячески подчеркивает факты насилия над местными жителями, вчерашними язычниками — они обратились, стали правильными христианами и теперь тоже несут крест христианских мучеников, тоже стали жертвами нехристей и варваров. А вот русские не обратились — и результат этого каждый может видеть на примере страданий форпоста христианского мира, несчастной Ливонии...

Далее Реннер приводит географическое описание Ливонии, описывая территориальное деление, крупнейшие крепости и города, владения ландсгерров, язык и т. д. Прибалтика изображена им как часть германского мира, «христианского мира» Священной Римской

Изображение Феллина на рисунке из второй редакции хроники Реннера. Иллюстрация опубликована Й. Криимом (Kreem J. *Das Schedel-Paradigma?* S. 200).

²⁸ Johansen P. Die Legende von der Aufsegelung Livlands durch Bremer Kaufleute // Europa und Übersee. Festschrift für Egmont Zechlin / Eds. O. Brunner, D. Gerhard. Hamburg, 1961. S. 42–68; Kohl J. Johann Renner und seine livländische Chronik. I. Äußere Lebensumstände Renner's // MGGLEK. 1880. Bd. 12. S. 138–159; Berkholz G. Johann Renner und seine livländische Chronik. II. Renner's livländische Chronik // Ibid. S. 159–215; Smith J., Urban W. Introduction // Johannes Renner's Livonian History 1556–1561 / Transl. by J. Smith and W. Urban with J. Jones. Lewiston, 1997. P. xii–xiii.

²⁹ Renner J. Livländische Historien / Hrsg. von R. Hausmann und K. Höhlbaum. Göttingen, 1876.

³⁰ Renner J. Livländische Historien 1556–1561 / Zum ersten Mal nach der Urschrift hrsg. von P. Karstedt. Lübeck, 1953.

³¹ Johannes Renner's Livonian History 1556–1561 / Transl. by J. Smith and W. Urban with J. Jones. Lewiston, 1997.

³² Renner J. 1) Livländische Historien... S. 2–7; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 1–9.

империи³³. В этом плане как раз следует обратить внимание на рисунки, содержащиеся в рукописи второй редакции. Как показано их исследователями, автор рисунков не стремится воспроизвести собственно ливонские реалии, а тщательно копирует в качестве иллюстраций к истории Ливонии образцы изображений типов европейцев (королей, священников, воинов, оруженосцев и т. д.), пейзажей Франции, Португалии и др.³⁴ Можно, конечно, предположить, что подобное копирование было обусловлено скудостью фантазии художника — сам не мог ничего придумать и просто перерисовывал образцы. Но представляется, что здесь другое — копируя типичные образы «христианского мира», автор вписывал Ливонию в его контекст. Его задачей было не показать особенности, отличия Ливонии, воспроизвести ее подлинный облик, а наоборот, максимально сnivelировать эту специфику, представить Ливонию как стандартную европейскую землю.

Историю гибели Ливонии Реннер начинает с 1556 г., «войны коадьюторов» и едва не случившегося нападения Польши. Он приводит документы — перехваченную орденем переписку архиепископа Вильгельма с прусским герцогом Альбрехтом, рассказывает об условиях Позвольского договора. Реннер видел причины войны в последствиях заключения данного договора Ливонии и польской Короны в 1557 г. Когда москвиты узнали, что орден не стал воевать с Королевством Польским и Великим княжеством Литовским («война коадьюторов» 1556–1557 гг.), они тут же вспомнили о своей застарелой ненависти к ливонцам и решили взять «ливонский приз». Древняя причина спора, по Реннеру, была территориальной: Ливонский орден когда-то давно отнял у русских Кокенгауз и земли по Западной Двине. Кроме того, ливонские магистры давно и успешно нападали на Россию и громили ее города и крепости. Например, Вальтер фон Плеттенберг в 1501 г. взял Ивангород и Остров и осаждал Новгород, Изборск и Псков³⁵.

Как потенциальный союзник и спасение Ливонии рассматриваются татары — Реннер пристально следит за русско-татарскими отношениями, сетует, когда русские наносят мусульманам урон³⁶, и радуется, когда татары бьют русских — потому что любое поражение москвитов есть облегчение положения Ливонии. В августе 1559 г. татары прислали магистру письмо с предложением помощи, и Реннер охотно его цитирует³⁷. Под 1560 г. Реннер описывает мифическую отpravку 2000 русских воинов в поход на Астрахань за данью. Астраханский хан отрезал им всем носы и уши и послал обратно к Ивану IV³⁸. Очевидно, что применительно к Астрахани образца 1560 г. подобная история абсолютно нереальна, но мотивы обращения к ней Реннера понятны: многим бы ливонцам хотелось, чтобы все походы русского царя за данью заканчивались подобным образом, вот и тешили себя сказкой (вряд ли Реннер придумал эту историю, скорее он записал слух, ходивший среди горожан).

В рассказе о событиях 1560 г. бременский историк приводит еще один слух — о восстании против Ивана IV не только Астрахани, но и Казани, и об отказе платить дань. В том же году часть России якобы оккупировала Турция³⁹. Мотивы фиксации таких обнадеживающих слухов очевидны.

Описание вторжения русских войск и последующих боевых действий стоит особняком в ряду ливонских хроник XVI в. Автор поставил своей целью не про-

³³ Johannes Renner's *Livonian History*... P. 10–17.

³⁴ *Kreem J. Das Schedel-Paradigma*... S. 197–201.

³⁵ *Renner J. 1) Livländische Historien*... S. 14; 2) Johannes Renner's *Livonian History*... P. 30.

³⁶ *Renner J. 1) Livländische Historien*... S. 55; 2) Johannes Renner's *Livonian History*... P. 103.

³⁷ *Renner J. 1) Livländische Historien*... S. 66; 2) Johannes Renner's *Livonian History*... P. 120.

³⁸ *Renner J. 1) Livländische Historien*... S. 87; 2) Johannes Renner's *Livonian History*... P. 156.

³⁹ *Renner J. 1) Livländische Historien*... S. 90; 2) Johannes Renner's *Livonian History*... P. 162.

сто показать гибель Ливонии, а подчеркнуть, что она умела и могла защищаться и воевать⁴⁰. Он изображает эту страну не как несчастную жертву, растерзанную грубым тираном, но как павшего в бою воина, который имел шанс победить — если бы ему вовремя помогла Европа. В качестве исторического обоснования Реннер ссылался на победу Плеттенберга над москвитями в 1501 г.: значит, это в принципе возможно!⁴¹ Описывая походы, бои и сражения Реннер не упускает случая показать стойкость и героизм ливонцев, их военное преимущество над россиянами, которые берут в основном массой. Хронист тщательно выискивает даже самые малые военные победы ливонцев и воспевает их, особенно контрудары ливонцев, их вторжения на русскую территорию⁴².

Рассказы Реннера о боевых действиях, судя по всему, являются записями устных слухов о стычках и столкновениях, городских легенд и баек, которые ходили о боях с русскими⁴³. В них тщательно воспроизводятся имена погибших ливонцев (если их удалось узнать), что придает повествованию достоверность. Ведь названы конкретные лица, свидетели, пусть и мертвые! Описываются мельчайшие детали: кто куда пошел, сколько часов длился обстрел, сколько домов от него загорелось и т. д. При этом масштаб самих сражений невелик, в них фигурируют в лучшем случае сотни человек, а чаще — десятки и даже более мелкие числа.

Стоит подчеркнуть, что при описании военных событий Реннер уделяет большое внимание персоналиям. Он тщательно учитывает известные ему имена сражавшихся, командиров, погибших и плененных ливонцев. Автор описывает индивидуальные подвиги (часто легендарного характера) — например, рассказ о ливонском «Сусанине», который в 1559 г., будучи проводником, завел русские войска в Литву, и они там бесчинствовали (в нарушение перемирия!), пока какая-то женщина не сообщила, что они «в Польше». И испуганные русские тут же убрались восвояси⁴⁴. Реннер внимательно отслеживает судьбы тех персонажей, которые сыграли роковую роль в развязывании войны. Он упоминает о смерти в 1560 г. в Риге Иоганна Бокхоста, который подписывал русско-ливонский договор 1554 г.⁴⁵

Хронист цитирует эпитафию умершему в том же 1560 г. Иоганну Мюнхгаузену, бывшему епископу Эзельскому, который сложил с себя сан, поселился в г. Вердене под Бременом и женился, вознаграждая себя за годы celibата. Мюнхгаузен был замешан в политических интригах вокруг передачи Ревеля под власть иноземного короля, борьбе за Ревель шведской и датской короны. И вот теперь завершился и его жизненный путь, замкнулся еще один круг⁴⁶.

Катастрофические нотки в повествовании постепенно нарастают. Начиная с мая 1558 г. Реннер прекращает повествование по хронологии (по дням) и помещает большие разделы под заголовками: «Потеря Нарвы» («Narve vorlorn»), «Потеря Нейшлосса», «Потеря Кириппе» и т. д.⁴⁷ К 1560 г. кризис назрел. Но, что характерно,

⁴⁰ Smith J., Urban W. Introduction. P. i.

⁴¹ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 1, 7; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 1, 9.

⁴² Например, нападение 10 марта 1558 г. 50 розитгенских дворян во главе крестьянского ополчения на русский Вышгород (Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 22; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 48).

⁴³ Иногда Реннер указывает источник информации, например: «Это сообщил мне Генрих Штединг, комтур Голдингена» (Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 72; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 131). Но чаще его рассказ не содержит ссылки на первоисточник, и лишь сам характер нарратива свидетельствует об его особенностях.

⁴⁴ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 51–52; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 97–98.

⁴⁵ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 85; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 151.

⁴⁶ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 89–90; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 160–161.

⁴⁷ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 26–49; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 55–92.

в повествовании утрачиваются провиденциалистские мотивы. Если вначале довольно много рассуждений о Божьей каре, Господней воле, судьбе, то в 1560 г. под пером Реннера причина резкого ухудшения ситуации выглядят совсем по-земному и очень банально: кончились деньги, чтобы платить наемникам⁴⁸. Стали нарастать грабежи населения (наемникам ведь надо было что-то есть). Воины превратились в шайки мародеров, едва ли не более опасные, чем беспрепятственно рыщущие по Ливонии русские отряды.

Ливонцев, конечно, задевало, что никто из европейских стран за них всерьез не вступился. Помощь польской Короны выглядела крайне двусмысленно и по сути была оккупацией, преподносимой под видом благородного деяния. Ливония утрачивала независимость в любом случае, только вместо русских гарнизонов в ее городах размещались литовские — одно утешение, что хоть не схизматики. Также можно было оценить действия Дании и Швеции — все с охотой захватывали ливонские земли и защищали их от московитов, только это уже были датские и шведские владения. А вот защитников собственно Ливонии не находилось. Особо обижала позиция Священной Римской империи, которая считала Ливонию своей провинцией и не сделала никаких практических шагов для ее спасения, кроме говорильни на рейхстагах и незначительных дипломатических демаршей. Реннер в своей хронике фиксирует эти грустные настроения, «когда нельзя определить, кто тебе друг, а кто враг»⁴⁹.

Как писал И. Реннер, целью его сочинения было показать, «насколько жестоким, кровавым и бесчеловечным было обращение московитов с бедными христианами Ливонии»⁵⁰. Он дотошно, с натуралистическими подробностями описывает зверства московитов, их надругательства над беззащитными ливонцами: то русские поймают беременную женщину, положат ее на землю, на живот возложат камень и так выдавят из живота плод, то в какой-то деревне в руки московитов попадутся 50 детей, и их сбросят в колодец и там забьют камнями и т. д.⁵¹ Попавших в руки русских ливонских детей обезглавливают и надевают их тела на частокол изгороди⁵². Татары вырезают и едят сердца пленников, так как верят, что это придаст им мужества⁵³. Мученическая казнь пленных ливонцев сопровождается зловещими знаменьями: на их могилах 14 дней неподвижно сидели огромные черные птицы размером с гуся⁵⁴.

В то же время Реннер не щадит и ливонцев — он описывает, как вместо того чтобы заниматься обороной страны, они погрязли в интригах, склоках, взаимных обвинениях. Друг с другом они грызутся с куда большим энтузиазмом, чем воюют с захватчиками. Хронист упоминает об уничижительных песнях, которые распевал ревельский плебс, позоря ливонскую знать, которая выезжает в поле воевать с русскими, забыв ружье и порох, и которая не выдерживает никакого сравнения с честью и добродетелями римлян. Несколько человек за пение глумливых песен было расстреляно⁵⁵.

Для европейской культуры характерен феминный дискурс. Масштаб тирании определяется через произвол над женщинами, тиран обличается через «слабое суще-

⁴⁸ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 86; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 154. — О поведении наемников и их исходе из Ливонии также см.: Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 101, 104, 107; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 180, 185, 189.

⁴⁹ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 95; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 170.

⁵⁰ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 1; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 1.

⁵¹ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 40; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 79.

⁵² Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 51; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 97.

⁵³ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 101; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 180.

⁵⁴ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 106–107; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 188.

⁵⁵ Renner J. 1) *Livländische Historien...* S. 52; 2) Johannes Renner's *Livonian History...* P. 99.

ство женщины». Героизм женщин, когда они проявляют несвойственные им гендерные роли, направлен также на посрамление мужчин-политиков, их ошибок и прегрешений. Феминный дискурс в полной мере представлен в сочинении Реннера. Он противопоставляет варварских московитских женщин благочестивым женщинам «христианского мира». Он особо обращает внимание, что в татарском отряде, штурмовавшем в 1558 г. замок Асс, воевала татарская женщина⁵⁶. Хронист рассказывает о русской «кавалерист-девице» по имени Катя, убитой в бою в Ливонии в феврале 1558 г.⁵⁷ То есть, гендерные роли женщин у варваров искаженные, неправильные — они носят мужские одежды и сражаются, как воины.

Ливонские же женщины представлены в основном как беззащитные, кроткие, трогательные жертвы войны и русских варваров. Но если их довести, они выступают орудием возмездия, Божьего гнева. Реннер описывает, как дочь мстила за мать, убитую русскими под Эрмесом. В ярости она взяла на плечо дубину и 15 миль бежала на своих ногах вместе с конным отрядом ландскнехтов, преследуя русских и добывая ударами дубины тех московских воинов, которые были ранены из огнестрельного оружия и упали с коней⁵⁸. Настоящий демон мщения, дева, бегущая по полю и разбивающая дубиной головы беспомощных русских варваров — какое возмездие!

Особенностью сочинения Реннера является повышенное внимание к положению крестьян. Крестьянская тема постоянно звучит в описаниях зверств московитов и в рассказах об организации сопротивления захватчикам — с ними героически воюют крестьянские ополчения. Но Реннер отмечает, что крестьяне также страдали от бесчинств немецких наемников — последним не платили жалования, и они компенсировали это налетами и разграблением округи⁵⁹. Крестьяне изображаются носителями чужой, дикой, нередко безумной стихии — так, 26 августа 1559 г. в Пернове была сожжена 13-летняя девочка, которую некий крестьянин подговорил... поджечь город. Крестьянина также поймали и казнили⁶⁰.

Но крестьяне выступают и силой, сопротивляющейся московитам и способной им противостоять⁶¹. К сожалению, чем больше слабел орден, тем меньшим авторитетом он пользовался у крестьян, они почувствовали волю. Реннер пишет о знаменитом крестьянском восстании в Гарриене и Вике в 1560 г. Крестьяне избрали своего «короля». Его везли на телеге с эскортом из 12 воинов по бокам, а 13-й ехал перед ним и играл на волынке. Регалией «короля» была двойная шляпа — одна внутри другой, соединенные воткнутыми ветками. Крестьяне требовали свободы, убивали лордов, жгли маноры. Они обнаглели настолько, что сформировали свою дипломатическую делегацию и отправили ее заключать мирный договор между восставшими и Ревелем! Они осадили замок Лоде, где укрылось много местной знати. Восстание было подавлено силой, но впечатление произвело большое⁶².

Как автор эпохи Ренессанса и Реформации Реннер не мог пройти мимо темы: «Божья воля и происходящие события». Но она в его повествовании отнюдь не является центральной. Он в большей степени хроникер и моралист, чем теолог. Он вовсе не видит в происходящем всего лишь иллюстрацию того или иного тезиса из христианского учения, как многие его современники. Отдав дань топосу наказания Ливонии за грехи нападением московитов (что было общим местом у автором того времени), к теме

⁵⁶ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 18–19; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 42–43.

⁵⁷ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 19; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 43.

⁵⁸ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 93; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 168.

⁵⁹ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 59; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 110.

⁶⁰ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 62; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 115.

⁶¹ Ср.: Renner J. 1) Livländische Historien... S. 78; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 141.

⁶² Renner J. 1) Livländische Historien... S. 105–106; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 186–187.

богоугодности/богонеугодности он в дальнейшем обращается изредка. В частности, она звучит в пересказе письма ливонца, находящегося в русском плену, от 2 июля 1560 г. настоятелю Рижского кафедрального собора. Он рассказывает о бедствиях и мучениях пленных христиан, которых в Москве продают, как рабов, татарам и другим варварам. О мольбе и плаче, обращенным к Богу. И что русские смеются над ними, говоря, что Бог отвернулся от Ливонии, что Он на стороне схизматиков и что надежды ливонцев на Господа — пусты и несбыточны. Бог не стал защищать их страну⁶³.

Хроника Реннера в XVI в. не была опубликована и не оказала влияния на нарратив о Ливонской войне. Она ценна прежде всего как самое раннее свидетельство очевидца, попытка осмысления, трансляция самых первых дискурсов, связанных с завоеванием Прибалтики.

«*Historia belli Livonici*» Тильманна Бреденбаха

Первый печатный исторический нарратив о Ливонской войне, как и изобретение самого термина «Ливонская война», принадлежит перу Тильманна Бреденбаха (1526–1587), доктора теологии. Он был сыном школьного ректора из Эмериха, Матиаса Бреденбаха (1499–1559)⁶⁴, и с ним вместе писал свои первые теологические сочинения⁶⁵. Вскоре вышли и его сочинения в соавторстве с Иоганном Фабри⁶⁶, автором знаменитого сочинения «Религия московитов, обитающих у Ледовитого моря»⁶⁷. Бреденбах в своей жизни занимал разные должности: был каноником церкви Св. Гереона Кельнского в Кельне, в 1565 г. работал в университете Ингольштадт⁶⁸, в 1569 г. занимал административную должность в Бонне. В литературе есть также упоминания о его службах в Дерпте и Антверпене⁶⁹. Он написал и опубликовал еще несколько сочинений теологического и исторического толка⁷⁰.

История публикации его «*Historia belli Livonici*» в историографии несколько запутана. Можно встретить утверждение, что она была впервые издана в 1558 г.

⁶³ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 94–95; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 169–170.

⁶⁴ О нем см.: Recke J., von, Napiersky K., Beise T. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1827. Bd. 1. S. 246; Heinrichs R. Der Humanist Mathias Bredembach als Exeget // Der Katholik. 1893. Bd. 73. S. 345–357.

⁶⁵ Bredembachius M., Bredembachius T. 1) Hyperaspistes, pro suo de componendis in religione dissidijs libello, adversus calumnias Henrici Pilei Mindani. Coloniae, 1560; 2) In LXIX Psalmos seu Hymnos Prophetiae Davidis priores, et in Sanctum Iesu Christi Evangelium secundum Mathaeum, erudita, catholica et pia Commentaria. Secundum hebraicam veritatem et veterum orthodoxorum patrum monumenta ... elucubrata, Et nunc primum ... in lucem edita. Coloniae, 1560.

⁶⁶ Fabri J., Bredembachius T. 1) Ioelis prophetia pro concione explicata. Lovanii, 1563; 2) Via regia, quo itinere fidelis debeat ambulare, ut ad sempiternam requiem & pacem perveniat, ex verbis Hieremiae prophetae: State super vias, ... cap. 6 pro concione explicata per D. ioannem Fabrum ab Hailbrun ... Nunc primum latinitate donata per Tilmannum Bredembachium. Coloniae, 1564.

⁶⁷ Фабри И. Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997.

⁶⁸ Отметив это новым сочинением: Eisengrenius M., Bredembachius T. Concio orthodoxa quid de reliquiis, quae magna in veneratione in Papatu habentur, sententiam sit. Item, an quis salva conscientia ad diversa Sanctorum loca religiosa peregrinatione concedere queat. Ingolstadii, 1565.

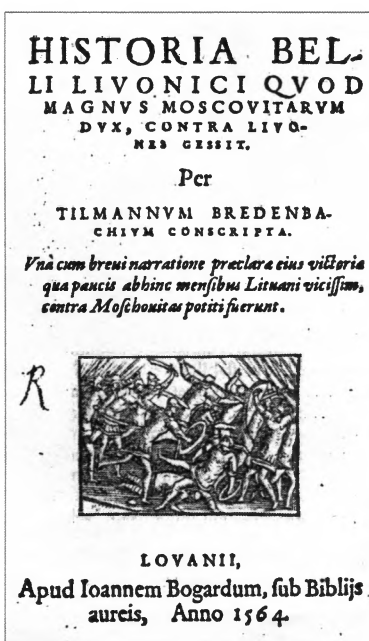
⁶⁹ См.: Mund S. Orbis Russiarum... P. 327–329; Vahre S. Tillmann Bredembachi Liivi sõdade ajalugu // Ajalooline Ajakiri. 2001. Nr. ½. Lk. 15–24; Kruus H. Eesti ajaloo lugemik. I: Valitud lugemispalad Eesti ajaloo alalt 1561. aastani. Tallinn, 1924. Lk. 223–224; Johansen P. Balthasar Rüssow als Humanist und Geschichtsschreiber. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 77–80.

⁷⁰ Bredembachius T., Ferus J., Wild J. Jobi historiae explicatio. Coloniae, 1571; Bredembachius T., Ferus J. Iobi historiae docta et catholica explicatio in CXIII conciones eleganter distribvta, non solum piam ac salutiferam Christianae patientiae doctrinam, verumetiam orthodoxam ecclesiae de praecipuis religionis controuersijs sententiam, luculenta methodo complectens. Coloniae, 1571.

в Кельне⁷¹, а в 1564 г. переиздана в Кельне, Антверпене и Лювене⁷², 1565 — в Дуэ и Нейсе. С. Ватре пишет также о существовании французского и голландского переводов, а также переизданиях 1574, 1582, 1600, 1681 гг.⁷³ Никаких следов первого издания обнаружить не удалось⁷⁴. Возможно, в каталоге К. Напьерского была сделана ошибка — в руках его составителей оказалось кельнское издание без года выпуска, и они взяли дату с обложки — 1558 г. Поскольку были издания 1564 г. — К. Напьерский и его коллеги объяснили это тем, что якобы спустя 6 лет произошло переиздание книги. В дальнейшем ошибка стала тиражироваться и кочевать из одного научного труда в другой.

Во всяком случае, появление уже в 1558 г. книги Бреденбаха было бы сомнительным — надо было собрать информацию о русском вторжении, осмыслить ее, написать и успеть издать. В издании 1564 г. сам автор ничего не говорит о существовании первого варианта, зато утверждает, что закончил книгу в октябре 1563 г.⁷⁵ Однако к ней еще делались добавления, касающиеся русско-литовских военных столкновений в 1563–1564 гг., в тексте есть дата 26 января 1564 г.⁷⁶ Типографская отметка на лювенском издании относится к 29 мая 1564 г.⁷⁷

Как отмечено А. Каппелером, в основу сочинения Бреденбаха был положен рассказ дерптского священника Филиппа Олмена, к которому Бреденбах добавил свои рассуждения о том, как Бог наказал Ливонию за грех Реформации и притеснения католической церкви, а также рассказ о начале русско-литовской войны и некоторые документы⁷⁸. Сам Бреденбах, видимо, никогда не был в Ливонии⁷⁹ (некоторые упоминания о его службе дерптским каноником ни о чем не свидетельствуют — он мог им быть, не выезжая в Ливонию).

Титульная страница лювенского издания «Historia belli Livonici» Тильманна Бреденбаха.

⁷¹ К. Напьерский (*Recke J., von, Napiersky K., Beise T.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1827. Bd. 1. S. 246) приводит следующие выходные данные этого издания: [*Bredenbachius Tilmannus*]. Belli Livonici, quod Magnus Moschoviae dux anno 1558 contra Livones gessit, nova et memorabilis historia, lamentabilem universae Torpatensis provinciae vastationem et excidium complectens. Cologne: Apud Maternum Cholinum, 1558; см. версию о существовании издания 1558 г. также: *Garber K.* Schatzhäuser des Geistes: Alte Bibliotheken und Büchersammlungen im Baltikum. Böhlau, 2007. S. 35; *Wilpert G. von.* Deutschbaltische Literaturgeschichte. München, 2005. S. 71.

⁷² [*Bredenbachius Tilmannus*]. Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux, anno 1558, contra Livones gessit. Lovanii, 1564 (Cologne, 1564; Antverpiae, 1564).

⁷³ *Vahre S.* Tilmann Bredenbachi Liivi sõdade ajalugu. Lk. 22.

⁷⁴ Относительно существования издания 1558 г. также высказал аргументированные сомнения С. Ватре (*Vahre S.* Tilmann Bredenbachi Liivi sõdade ajalugu. Lk. 16).

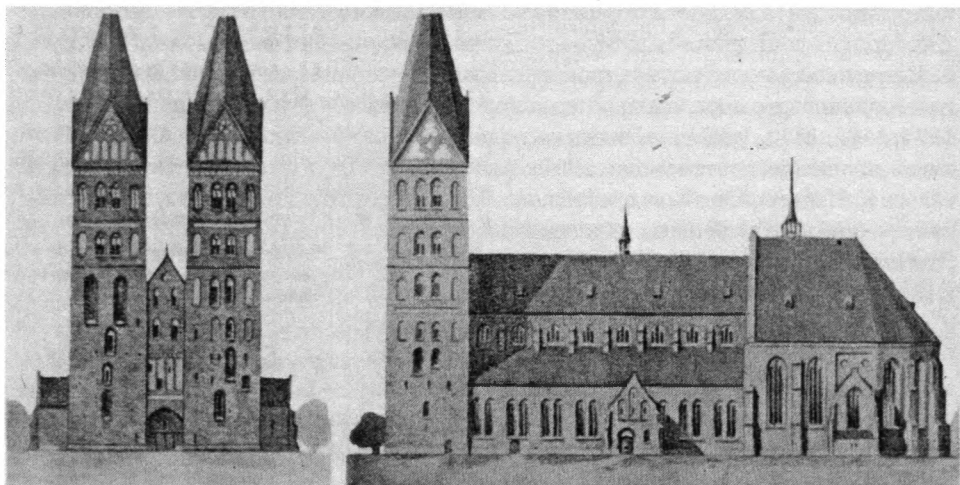
⁷⁵ [*Bredenbachius Tilmannus*]. Historia belli Livonici... F. A 4.

⁷⁶ Ibid. F. 50.

⁷⁷ Ibid. F. 55.

⁷⁸ *Kappeler A.* Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M., 1972. S. 37–38.

⁷⁹ *Vahre S.* Tilmann Bredenbachi Liivi sõdade ajalugu. Lk. 24.

Реконструкция дерптского собора Петра и Павла.
В XVI в. он считался самым высоким в Ливонии.

Современное состояние собора Петра и Павла в Дерпте.
Соборные башни разобраны в XVIII в., галереи разрушены.
В руинированном состоянии собор находился с Ливонской войны
(в 1582 г., после возврата Дерпта, его восстановление было сочтено слишком дорогим).

Филипп Олмен семь лет был проповедником кафедрального собора Дерпта, Св. Петра и Павла, который был разрушен русскими в ходе боев за город в 1558 г. Он стал беженцем, приехал в Кельн и составил рассказ о гибели Ливонии. В немецкой историографии он считается одним из историков Ливонской войны, но его история не была напечатана⁸⁰. Источником о существовании сочинения Олмена был Бреденбах, откуда это известие стало переходить из хроники в хронику. «Чистосердечный рассказ Филиппа Олмена, проповедника» завершает книгу Бреденбаха в виде отдельного раздела объемом около страницы. В нем подчеркивается, что вышесказанные страдания Ливонии Олмен созерцал лицом к лицу, своими глазами. Бреденбах украсил, оформил его рассказ, «со всей верой и врожденными свойствами натурь»⁸¹.

⁸⁰ Auserlesene Bibliothek der neuesten deutschen Litteratur. Lemgo, 1772. Bd. 2. S. 469; *Gadebusch F.* Abhandlung von Livlandischen Geschichtschreibern. Riga, 1772. S. 17.

⁸¹ [*Bredenbachius Tilmannus*]. *Historia belli Livonici*... F. 54.

Насколько это соответствует действительности, а насколько Бреденбах, как было принято, сослался на «свидетеля», «авторитета», причем реального дерптского проповедника, чьей письменной истории на самом деле никто кроме Бреденбаха не видел, — трудно сказать. В некоторых местах книги есть ссылки на «доктора Филиппа» как очевидца⁸², но при этом речь идет о нем как о персоне, участнике событий, но нет ссылки на написанный им текст.

Книга состоит из следующих разделов (в разных изданиях страницы могут различаться, здесь они даются по лювенскому изданию): посвящение последнему католическому епископу Наумбурга Плюгу (Plugh) (F. A2–A4), вступление (F. 4–10), перевод грамоты Ивана IV от ноября 1557 г. об объявлении войны Ливонии (F. 11–12), «Происхождение и принципы войны» (F. 13–25), «Открытие для всех ужасных кар, обрушившихся на Ливонию...» (F. 26–29), «История второй войны между тевтонским магистром и королем Польши» (F. 29–31), «Описание третьей войны великого императора рутенов против Ливонии в 1558 г. и завоевания Московским князем Дерптской провинции» (F. 31–49), рассказ о войне московитов и короля Польского (F. 50–53), «Чистосердечный рассказ Филиппа Олмена, проповедника» (F. 54).

Бреденбах начинает повествование с рассуждения о важности памяти о войнах для объяснения поступков людей⁸³. Ливония, объединившая благородных и преданных мужей, всегда проявляла неустранимую храбрость против варваров, идолопоклонников, приносящих жертвы языческим богам, нечестивых схизматиков. Как и Реннер, Бреденбах подозревает, что европейские читатели не очень осведомлены о существовании Ливонии, поэтому помещает ее описание с историческим экскурсом. Он объясняет, что она находится на берегу Балтийского моря, по соседству с Пруссией и Польшей. Провинция отличается тем, что в ней живут варварские племена. Их и усмиряли и приводили к благочестию Тевтонский орден (рассказывается об истории его проникновения в Ливонию) и епископы. Перечисляются владения ландсгерров, городские и крепостные центры⁸⁴.

Далее Бреденбах помещает грамоту об объявлении Иваном Грозным войны Ливонии. К настоящей грамоте, которую мы приводили выше, она имеет отдаленное отношение, хотя, судя по дате (ноябрь 1557 г.), имеется в виду именно данный документ. «Эпистолия» во многом придумана Бреденбахом (или заимствована из апокрифических «переводов» грамоты, ходивших по Ливонии) и тем ценна — перед нами воображаемый документ, показывающий, как германские интеллектуалы представляли себе акт, исходящий от варваров и схизматиков при объявлении войны. Перед нами микст из разных документов, требований, слухов.

В первых строках документ адресован одновременно магистру, архиепископу Рижскому, епископу Дерптскому и другим епископам. В дальнейшем пересказывается миссия ливонских послов 1554 г. и приводятся их имена. Рассказывается о требовании русскими дани. Бреденбах на полях так комментирует это сообщение: московиты проявили себя как турки, требуют дань с христиан — и тем явили свой антихристианский облик. Кроме дани, русские под пером Бреденбаха желали свободы торговли, в том числе военным снаряжением, и обвиняли ливонцев в связях с Польшей и Литвой и в нарушении предыдущих соглашений. Заканчивалась грамота объявлением войны и требованием сдачи на милость победителя.

Однако в следующем разделе, рассуждая о причинах войны, Бреденбах вовсе не считает русскую агрессию исходной точкой конфликта. Его истоки он выводит из 1527 г., когда из Виттемберга в Ливонию приехали протестанты и основали молельный дом для

⁸² [Bredenbachius Tilmannus]. Historia belli Livonici... F. 34 v., 40, 43.

⁸³ Ibid. F. 4–5.

⁸⁴ Ibid. F. 8–10.

своих соотечественников, которые отвратились от католических догматов⁸⁵. Начались погромы храмов — как римской веры, так и православных (в Дерпте, Риге и Ревеле). Православные церкви были превращены в общественные уборные и наполнены человеческими экскрементами. Об этом святотатстве узнали император Священной Римской империи и великий князь Московский — и оно стало одной из главных причин войны⁸⁶. Бесчинства лютеран в Дерптской области Бреденбах называет безумными, а по степени интенсивности внутренних войн и распрей сравнивает Ливонию с Испанией⁸⁷.

Лютеране вызвали кризис везде — крестьяне перестали сеять хлеб (в 1557 г. из-за смут, вызванных протестантами, было засеяно всего 12 немецких модий земли), рыба перестала идти в сети. Раньше раба из оз. Пейпус (Чудского) поставлялась даже в морские области — в Любек, в Голландию, а теперь из-за пагубного влияния лютеран добыча обеднела⁸⁸. Бесчинства скоро распространились и на духовенство — с 1556 г. дерптские католические священники стали «братъ женщин», что полностью расстроило порядок в духовном сословии⁸⁹.

Все это кончилось скверно. Нападение русских на Дерптскую область Бреденбах сравнивает с огнем, который Господь обрушивает на грешников⁹⁰. При этом он непонятно по какой причине относит конфликт магистра с рижским архиепископом — «войну коадьюторов» — к 1558 г.⁹¹, то есть хронологически совмещает с русским вторжением (о котором пока особо не говорится, оно упомянуто как фон, «Божье наказание» за ливонскую смуту)! Против рижского епископа выступили еще и другие прелаты — дерптский, гапсальский и ревельский епископы. Далее рассказывается об осаде Кокенгауза и других событиях «войны коадьюторов», которая трактуется как внутренняя религиозная война, «первая война», по выражению Бреденбаха⁹².

«Второй войной» Бреденбах называет войну орденского магистра с королем Польши. Польский король с опозданием узнал о пленении рижского архиепископа, вознегодовал на бесчестное обращение с прелатом, вступился за него. Пытался послать посредников для восстановления дружбы магистра и архиепископа, в случае, если дружбы не получится — грозил войной. Магистр выставил 7000 немецких солдат и столько же деревенских ополченцев, но и король, и орден предпочли помириться. Архиепископ Вильгельм был отпущен и получил компенсацию, король победил, и договор был заключен при недовольстве ливонцев. Так закончилась «вторая война»⁹³.

И только в «третьей войне» (и в последней трети книги) Бреденбах возвращается к теме русского вторжения и опустошения русскими Дерптской области. Московиты — давние враги Ливонии, великие сражения с русско-татарским войском *Rutenoru Imperator* были еще в 1500 г., при Вальтере фон Плеттенберге. Причем акцент делается именно на войне с татарами⁹⁴. И русские (которые сравниваются со скифами⁹⁵), и татары изображены самыми черными красками: в походе они на много миль вырезают все население вокруг себя и разбрасывают трупы. При этом московиты уважают орден, называют рыцарей «железными» и первыми присылают послов просить мира⁹⁶.

⁸⁵ Ibid. F. 12.

⁸⁶ Ibid. F. 15.

⁸⁷ Ibid. F. 17 v., 20 v.

⁸⁸ Ibid. F. 26 v., 27.

⁸⁹ Ibid. F. 23.

⁹⁰ Ibid. F. 26.

⁹¹ Ibid. F. 27 v.

⁹² Ibid. F. 27 v.–29.

⁹³ Ibid. F. 29 v.–31 v.

⁹⁴ Ibid. F. 32 v.–33.

⁹⁵ Ibid. F. 36 v.

⁹⁶ Ibid. F. 33 v.–34.

Далее Бреденбах переходит к переговорам 1550 г. и их продолжению, которое он датирует 1555 г. Русские требования он передает довольно точно: освободить православные храмы в Риге, Ревеле и Дерпте, заплатить дань, которой облагалось все население Дерптской области, кроме священников, и т. д.⁹⁷ Причем канцлер дерптского епископа, с именем которого были связаны роковые события 1558 г., интересовался лютеранскими догматами (Бреденбах опять намекает на протестантские истоки неприятностей Дерптской области). Фактически Бреденбах обвиняет лютеран в нежелании сражаться с русскими, в гнусных интригах, которыми они занимались вместо того чтобы спасти Ливонию как праведные католики, которые и в трудных условиях сохраняли свою веру. Нарву русским сдаст недавно назначенный на этот пост фогт-лютеранин⁹⁸. Лютеране-предатели и московские варвары-безбожники (*barbariem et atheismum*) в понимании Бреденбаха — почти одно и то же⁹⁹.

Во время вторжения 1558 г. русские грабят имущество, уничтожают население, опустошают земли. Рыдания, стоны, крики и скорбь погибающих не смягчают их жестокие сердца. Особо бесчеловечно ведут себя татары¹⁰⁰. Перед нами типичная для европейской книжности апокалиптическая картинка нашествия иноплеменных варваров (*barbarus*), содержащая весь набор устрашающих образов и негативных характеристик захватчиков.

В рассказе Бреденбаха все время чувствуется религиозный подтекст. Повествование о взятии Нарвы перемежается с рассуждениями о поведении католиков и протестантов, о религиозных устремлениях Ивана IV¹⁰¹. Рассказ об осаде Дерпта тоже строится вокруг описания противостояния католиков и протестантов¹⁰². Гибель Дерпта неизбежна опять-таки из-за греха: нечестивцы во время русской осады «ослепли» настолько, что закрыли католический кафедральный собор города и запретили под угрозой наказания его посещать¹⁰³.

Собственно, рассказ о войне в Ливонии у Бреденбаха ограничивается описанием взятия Нарвы и Дерпта, то есть не выходит за рамки 1558 г. Отдельно помещен рассказ о войне московитов с Королевством Польским и Великим княжеством Литовским в 1563–1564 гг. Повествование значительно отличается от предшествующего текста: здесь гораздо меньше религиозных реминисценций и рассуждений о вреде лютеранства. Зато оно насыщено фактами, датами, именами персонажей. Перед нами явно какой-то иной источник информации, чем речи проповедника Филиппа Олмена.

И это возвращает нас к вопросу о существовании издания 1558 г. Да, его следов не найдено, и его появление рядом ученых считается невероятным по хронологической причине: мол, невозможно за полгода (Дерпт, падением которого завершается основная часть книги Бреденбаха, был взят 18 июля 1558 г.), проживая в Германии, написать книжку, пусть в 100 страниц, и издать ее в далеком Кельне. Это верно, но основной текст Бреденбаха посвящен главным образом первой половине 1558 г. Рассказ о войне России с Великим княжеством Литовским в 1563–1564 гг. явно носит характер поздней вставки и написан в совершенно другом стиле. Как отметил П. Йохансен, который считает Бреденбаха редактором рассказа Филиппа Олмена, он основан на польском «летучем листке»¹⁰⁴.

⁹⁷ Ibid. F. 34 v.–35.

⁹⁸ Ibid. F. 40, 40 v.

⁹⁹ Ibid. F. 47 v.

¹⁰⁰ Ibid. F. 37 v.

¹⁰¹ Ibid. F. 40 v.–42.

¹⁰² Ibid. F. 44.–49.

¹⁰³ Ibid. F. 44 v.

¹⁰⁴ Johansen P. Balthasar Rüssow... S. 78.

Неизвестно, было ли издание 1558 г. (скорее всего, нет), но велика вероятность, что в основу сочинения Бреденбаха в самом деле лег текст, написанный летом 1558 г. кем-то из жителей Дерпта (Филиппом Олменом?) по горячим следам и впечатлениям от русско-го завоевания их дома, Дерптской провинции. Бреденбах же прикрепил к нему рассказ о войне московитов с литовцами в 1563–1564 гг. и небольшое рассуждение о Филиппе Олмене как авторе первой части. И в 1564 г. этот соединенный нарратив начал свое шествие по Европе, выйдя сперва тремя, а в 1565 г. — еще двумя изданиями.

Книгу Бреденбаха использовали многие авторы, писавшие о Ливонской войне, — с ней явно был знаком (ко времени составления второй редакции) И. Реннер, ее читали Б. Рюссов, А. Гваньини и др.¹⁰⁵ Фрагмент из книги Бреденбаха был использован в трехтомной подборке текстов по польской истории, одном из первых компедиумов такого рода, вышедшем в 1582 г. в Базеле под именем И. Писториуса¹⁰⁶. Отрывок напечатан без указания на авторство (глава “*Tertii Belli Descriptio...*”)¹⁰⁷.

Однако Бреденбах не оказал такого судьбоносного влияния на историографию, как, к примеру, Б. Рюссов, в силу своей многословности, демагогичности и неконкретности. Европейскому читателю мало было лозунгов и заклинаний, его интересовали подробности — а с ними у Бреденбаха было негусто. К тому же протестантского читателя, а их в германском мире в XVI в. было множество, отпугивала и отвращала от книги ее по-настоящему оголтелая прокатолическая и антилютеранская направленность.

Первый польский отклик: переиздание 1564 г. «Хроники всего света» Мартина Бельского

Королевство Польское стояло у истоков ливонского конфликта и было его деятельным участником. Тем не менее, как это ни парадоксально, осмысление войны за «Инфлянтов» на уровне исторического нарратива в Польше происходит сравнительно поздно. Если Россия, Ливония, германские земли откликаются на происходящее практически сразу, то ни польские, ни литовские интеллектуалы с этим не спешат.

Польская историческая мысль в XVI в. была озабочена в основном проблемой представления образа Королевства Польского на мировой арене¹⁰⁸. Это сочинения: «О двух Сарматиях» Матвея Меховского, 1517 г. издания¹⁰⁹; трилогия Иодокуса Людовика Деция, 1521 г.¹¹⁰; хроника правления Сигизмунда I Бернарда Ваповского, до 1535 г.¹¹¹; «Хроника

¹⁰⁵ *Vahre S. Tillmann Bredenbachi Liivi sõdade ajalugu*. Lk. 22, 24.

¹⁰⁶ *Pistorius J. Polonicae historiae corpus: hoc est Polonica rum rerum Latini recentiores & veteres scriptores, quotquot extant, uno volumine compraehensi, omnes, & in aliquot distributi tomas*. Basileae, 1582. T. 1–3. Об И. Писториусе (1546–1608) см.: *Günther H.-J. Die Reformation und ihre Kinder — dargestellt an Vater u. Sohn Johannes Pistorius Niddanus. Eine Doppel-Biographie*. Nidda, 1994.

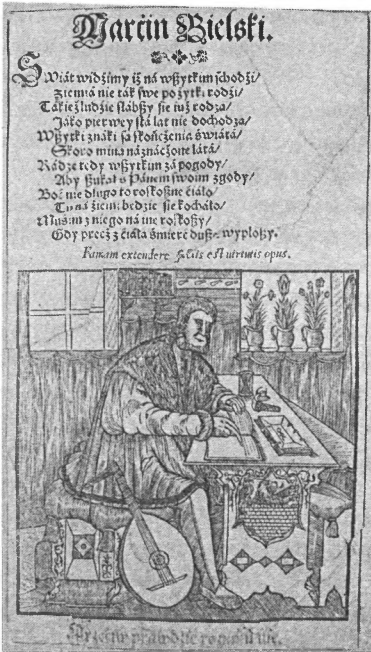
¹⁰⁷ *Pistorius J. Polonicae historiae corpus...* T. 3. S. 55–64; ср.: [*Bredenbachius Tilmannus*]. *Historia belli Livonici...* F. 32–49 v.

¹⁰⁸ Обзор формирования польской исторической концепции в первой половине XVI в. см.: *Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa...* S. 73–94.

¹⁰⁹ Современный польский перевод и научное издание см.: *Maciej z Miechowa. Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej / Wstęp H. Barycz, prz. i komm. T. Bieńkowski*. Wrocław, 1972. Русский перевод см.: *Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского*. М.; Л., 1936. Новейший обзор публикаций и историографии см.: *Карнаухов Д. В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009. С. 45–68, 210–212.*

¹¹⁰ Труд Деция был разделен на три части: “*De vetustatibus Polonorum*” (доягеллонская эпоха), “*De Jagellonum Familia*” (история периода правления династии Ягеллонов), “*De Sigismundi Regis Temporibus*” (первые 15 лет правления Сигизмунда I Старого). Издания: *Decjusz J. 1) De Sigismundi regis temporibus I. III, 1521. Kraków, 1901; 2) Księga o czasach króla Zygmunta*. Warszawa, 1960. О нем см.: *Карнаухов Д. В. История русских земель...* С. 71.

¹¹¹ Хроника Б. Ваповского, умершего в 1535 г., не была опубликована при его жизни и имела некоторое хождение только в рукописях. Первое, причем неполное издание вышло в 1589 г. (*Vapovii B.*

Польский хронист Мартин Бельский. Гравюра 1564 г.

всего света» Мартина Бельского, 1551 г.; «Происхождение и деяния поляков» Мартина Кромера, 1555 г.¹¹²; «Польша, или о положении, населении, обычаях и т. д.» его же, 1575 г.; «Описание европейской Сарматии» А. Гваньини, 1578 г.; «Хроника польская, литовская, жемайтская и всей Руси» Мацея Стрыйковского, 1582 г.; «Описание прошлого и настоящего Польши» Станислава Сарницкого, 1585 г. и др. Очень популярен был жанр космографий, мировых хроник, географических и этнографических описаний.

При этом много внимания уделялось легендарным историческим сюжетам и героям прошлого. В ряде случаев польские историки сознательно уходили от изложения хронологической последовательности событий, исторической конкретики¹¹³. По выражению Э. Ульчиняйте, некоторых авторов «больше интересует художественная и патриотическая правда, нежели документальная»¹¹⁴. Более значимыми были события в целом, Божественная поступь истории.

Еще важен следующий момент. В идеологии Королевства Польского считалось возможным и приличным воевать за Отечество, защищать его, оборонять от врагов, отстаивать его законные права¹¹⁵. Призывы к победоносной войне¹¹⁶ и приращении

земель Короны были в большей степени риторикой, нравственным ориентиром, чем руководством к действию. Русские и даже литовские земли рассматривались как потенциальный объект экспансии, распространения польского влияния¹¹⁷. Но экспансии

Fragmentum Sigismundi Senioris Regis Poloniae. Coloniae, 1589). Другие издания: [Wapowski B.] De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto a. 1508 // *Analecta Romana quae historiam Poloniae saec. XVI illustrent ex archivis bibliothecis excerpta*. Kraków, 1894. S. 153–163. О нем см.: *Dziuba A.* “Elegia orszańska” Bernarda Wapowskiego // *Roczniki humanistyczne*. Lublin, 1997. T. XLV. Z. 3. S. 117–127.

¹¹² О Кромере и его сочинении, обзор публикаций и библиографию см.: *Walewski C.* Marcin Kromer. Warszawa, 1874; *Finkel L.* Marcin Kromer. *Historyk Polski XVI wieku: Rozbiór Krytyczny*. Kraków, 1883; *Barycz H.* Dwie syntezy dziejów narodowych przed sądem potomności. Losy “Historii” Jana Długosza i Marcina Kromera w XVI i pierwszej połowie XVII wieku. Wrocław, 1952; *Radziszewska J.* Źródła Marcina Kromera do dzieła “De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX” // *Studia Warمیńskie*. 1989. T. 26. S. 225–234; *Grzybowski S.* Marcin Kromer czyli Kariera snoba // *Pisarze staropolscy*. Warszawa, 1997. T. 2. S. 43–70; *Stasiak A.* Ideał monarchy w pismach Marcina Kromera. Olsztyn, 2003; *Błażewicz P.* Polonia Marcina Kromera (Kolonia 1589) jako historyczna kreacja obrazu szesnastowiecznej Rzeczypospolitej // *Piśmiennictwo pragmatyczne w Polsce do końca XVII wieku na tle powszechnym*. Olsztyn, 2006. S. 85–99; *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 71–96, 213–214; etc.

¹¹³ *Некрашевич-Короткая Ж. В.* Художественное осмысление исторического значения Грюнвальдской битвы в героической поэме «Прусская война» (1516) Яна Вислицкого // *Studia slavica et balcanica Petropolitana*. 2010. № 2. С. 69.

¹¹⁴ *Ulčinaite E.* Literatura łacińska // *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: Analizy i obrazy / Oprac. V. Ališauskas, L. Joavaiša, M. Paknys, etc.* Kraków, 2006. С. 285.

¹¹⁵ *Osterrider M.* Das wehrhafte Friedensreich. Bilder von Kreig und Freiden in Polen-Litauen (1505–1595). Wiesbaden, 2005. S. 54–55.

¹¹⁶ Например, в поэме Яна Вислицкого, посвященной Великой победе над Немецким орденом под Грюнвальдом в 1410 г. (*Некрашевич-Короткая Ж. В.* Художественное осмысление... С. 69–70).

¹¹⁷ Подробнее см.: *Semiańczuk A., Semiańczuk H.* Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // *Oblicza Wschodu w kulturze polskiej*. Poznań, 1999. S. 59; *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 38–40.

прежде всего культурной, политической, но не военной. Король славен победами над немцами, москвитами, турками, волохами — но именно победами, а не покорением чужих земель¹¹⁸.

Война за Ливонию никакими силами не могла считаться оборонительной. Таковой ее можно было вообразить, представив короля Сигизмунда II Августа заступником за своего родственника, Вильгельма Бранденбургского. Но масштабы вмешательства превышали понятие «заступничество», платой за которое был ввод гарнизонов в чужие замки. Это вызывало неоднозначную реакцию в польском обществе — оно выбирало между войной и миром, ролью заступника за слабых перед варварской Москвией и сохранением благополучия Короны¹¹⁹. Польской мысли потребовалась утрата Полоцка 1563 г., чтобы война для Короны и Великого княжества Литовского однозначно стала «оборонительной». И то, как показал М. Остерридер, в полной мере размывание этой позиции стало возможным только в конце Ливонской войны, в годы победоносных походов Стефана Батория в глубь русской территории. Именно конфликт из-за Ливонии с Москвией способствовал ослаблению фундаментальных принципов польской политической системы (в том числе связанных с экзекуцией прав)¹²⁰.

Этим и объясняется поздняя рефлексия польской историографии XVI в. на события в Прибалтике. В отличие от Ливонии, германского мира и России, ни в Королевстве Польском, ни в Великом княжестве Литовском на рубеже 1550–60-х гг. не появилось откликов историков на начавшиеся балтийские войны. А вот когда в 1563 г. был потерян Полоцк¹²¹, когда встал вопрос о защите Великого княжества Литовского, когда в сражениях с москвитами, вроде Невеля (1562) или Улы (1564), были одержаны первые победы, прославляющие польское и литовское оружие — вот тут появился предмет для исторической рефлексии.

Первый шанс осмыслить и описать борьбу за Прибалтику появляется в 1564 г., когда в Кракове с дополнениями вышло переиздание «Всемирной хроники» Мартина Бельского (ок. 1495–1575)¹²². Это первый польский хронист, который писал свои исто-

¹¹⁸ Ср.: *Orzechowski S. Polskie dialogi polityczne (Rozmowa około egzekucyj I Quincunx). 1563–1564 / Wyd. J. Łoś. Kraków, 1919. S. 91.*

¹¹⁹ *Orzechowski S. Polskie dialogi polityczne... S. 127; Grala H. Vom bellum defensivum zum bellum externum. Die Auffassung des polnisch-litauischen Adels von den Gründen und Zeilen des Livländischen Krieges 1558–1582 // Die Wahrnehmung und Darstellung von Kriegen im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden, 2001. S. 255–269 (Imagines Medii Aevi. Bd. 6).*

¹²⁰ *Osterrider M. Das wehrhafte Friedenreich... S. 55–56.*

¹²¹ Ср. ранний отзыв «Полоцкого взятия» в польской политической литературе: *Orzechowski S. Polskie dialogi polityczne... S. 170, 202.*

¹²² О Мартине Бельском существует обширная историография, см. основные работы: *Пташницкий С. Л.* Западнорусские переводы хроник Бельского и Стрыйковского: (Библиографические занятия) // Новый сборник по славяноведению, изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 372–377; *Лев В.* Український переклад Хроніки Мартина Бельського // Праці Українського наукового інституту. Варшава, 1935. Т. 29. Кн. 4. С. 1–72; *Sieliński Fr.* Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1965. Roc. 14. Nr. 2. S. 157–162; *Панченко А. М.* Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 35–76; *Щапов Я. Н., Лимонов Ю. А.* История Руси в западно-украинской хронографической компиляции XVI в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 196–202; *Lewandowski I.* Resercja gzumskich kompendiów historycznych w dawnej Polsce. Poznań, 1976; *Касакова Н. А.* 1) Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980. С. 227–256; 2) Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марциана Бельского // АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 92–96; *Decyk-Zięba W.* Czy Marcin Bielski znał literaturę staroruską? // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1988. T. 37. Nr. 2. S. 289–293; *Śnieżko D.* “Kronika wszystkiego świata” Marcina Bielskiego. Pogranicze dyskursów. Szczecin, 2004; *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 99–122, 214–215.

рические сочинения не на латыни, а на родном языке¹²³. Он считается автором целого ряда произведений («Żywoty Filozofów» (1535)¹²⁴, «Kronika wszytkiego świata» (1-е издание — 1551, 2-е — 1554)). Третье издание вышло в 1564 г. под заголовком: «Kronika, to jest historia świata»¹²⁵. О труде М. Бельского говорят как об основании польского национального историописательного канона¹²⁶.

В первом издании Бельский изложил библейскую, древнюю и церковную историю, а также некоторые события европейской истории до 1550 г. Описание событий польской истории доведено до 1548 г. (смерть Сигизмунда I Старого). Во втором издании Бельский рассказал о всемирной истории до 1550 г., добавив историю Великих географических открытий Христофора Колумба и Америго Веспуччи. В третьем издании хронист включил сведения о Реформации и специальный раздел с описанием Московской Руси, заимствованный из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна.

Нас интересует третье издание¹²⁷ — к 1564 г. война за Ливонию шла вовсю, Польша была ее активным участником. В какой мере М. Бельский посчитал нужным отразить это в исправленной версии «Хроники»? Данный аспект покажет, насколько война за Прибалтику волновала польских интеллектуалов и считалась достойной исторического отображения, а насколько ее рефлексия относилась сугубо к пропагандистской сфере «летучих листков», наполненной слухами частной переписки и дипломатическим спекуляциям.

Бельский традиционно начинает свое повествование от Адама, излагает основные веки ветхозаветной истории, перемежаемые античными мифами о богах и историей Троянской войны. Рассказ не придерживается единой сюжетной линии — после Трои идет описание Британии (Англии, лист 61), а затем Бельский вновь возвращается к библейской истории Саула, затем к истории греческих королей и т. д. Видимо, это было связано с попыткой Бельского выстроить единый хронологический ряд, отсюда он и пытался найти место в библейской хронологии древним бриттам и мифической античной истории, а после изложения истории библейских пророков — и древнегреческой, древнеримской и древнеперсидской истории.

Средневековую историю Бельский выводит из истории позднего Рима и ранней церковно-христианской истории. Это история цезарей, королей, князей, римских пап. Она доходит до 1544 г.¹²⁸ Затем следует рассказ о Реформации. В его продолжении есть хронологически расположенные разделы, повествующие об истории «христианского мира» по годам. После 1555 г. повествование переходит к 1559 г., тема борьбы за Ливонию не поднимается¹²⁹. Хроника доводится до 1561 г.¹³⁰, в ней есть история рим-

¹²³ До М. Бельского существовал перевод на польский язык трактата Матвея Меховского «О двух Сарматиях», выполненный Станиславом Хвальчевским. Но он был опубликован только в XIX в. (Kronika Polska Stanisława Chwalczewskiego. Warszawa, 1829); см.: Карнаухов Д. В. История русских земель... С. 99.

¹²⁴ Bielski M. Żywoty Filozofów, to jest męrców Nauk przyrodzonych. I też innych męzców, cnotami ozdobionych ku obyczajnemu nauczaniu człowieka każdego, krótko wybrane. Kraków, 1535.

¹²⁵ Есть предположение о существовании изданий 1562 и 1582 гг., но оно нуждается в дополнительных доказательствах (Finkel L. Bibliografia historii polskiej. Warszawa, 1955. Vol. 1. S. 412. № 7152).

¹²⁶ Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa... S. 101–127.

¹²⁷ Bielski M. Kronika, to jest historyja świata na sześć wieków a cztery monarchije rozdzielona, z rozmaitych historyków tak w Świętym Pismie krześcijańskim, żydowskim, jako i pogańskim wybierana i na polski język wypisana dostateczniej niż pierwej, z przydaním wiele rzeczy nowych. Od początku świata aż do tego roku, który sie pisze 1564, z figurami ochędożnymi i własnymi. Kraków, 1564.

¹²⁸ Ibid. L. 192 v.

¹²⁹ Ibid. L. 238 v.

¹³⁰ Ibid. L. 239.

ских пап, германских императоров, европейских королей, борьбы с турками — но нет «балтийского вопроса».

Следующая глава посвящена истории турецких завоеваний¹³¹. За ней Бельский разместил «Космографию». Балтика, Балтийское море упоминается в контексте перечисления германских владений как месторасположение Пруссии¹³². О московской угрозе речь заходит в разделе «Финляндия», которая помещена в перечне германских земель. Здесь говорится об опасном расположении Выборга рядом с землями москвитов и об их нападениях (что можно считать отзвуком русско-шведской войны 1555–1557 гг., хотя этих дат в тексте нет)¹³³.

После описания германских земель Бельский рассказывает историю и помещает описание Венгрии и Чехии. С Л. 333 начинается описание Польского Королевства и его история. Под 1525 г. находится рассказ о присяге прусского магистра на верность польскому королю¹³⁴. Хроника доходит до 1553 г., после чего сразу же помещен раздел, рассказывающий о «народе московском, или русском»¹³⁵. Своим источником Бельский указывает сочинение Герберштейна. И география, и история (вплоть до Василия III) берутся из трактата имперского дипломата.

Именно в разделе о «народе московском» помещено описание Литвы¹³⁶ и Ливонии¹³⁷. Между тем, у Герберштейна раздел «О Ливонии» не выделен, после раздела «О Литве» следует параграф «О диких зверях»¹³⁸. А рассказ о Ливонии размещен дальше, при описании народов и земель по берегам Балтийского моря¹³⁹. Текст «О Ливонии» Бельского отличается от Герберштейна. Последний коротко описывает Ливонию как страну и сразу переходит на события русско-ливонской войны 1501–1503 гг. Польский историк рассказывает о происхождении Ливонии, о миссии епископа Мейнарда, более подробно описывает ливонские города, отношения рижских епископов с римским папой. Рига вообще особенно интересует хрониста: он приводит описание ее торговых контактов, особенностей торговли, городской жизни и т. д.¹⁴⁰

Именно здесь Бельский помещает отклик на последние события в Ливонии. Он говорит о приезде в 1547 г. в Ригу архиепископа Вильгельма Бранденбургского, брата Альбрехта Прусского (здесь ошибка, Вильгельм возглавил Рижскую архиепископию в 1539 г.). Причины и суть конфликта Бельский излагает довольно путано и нечетко. О войне коадьюторов и о самих коадьюторах нет ни слова. Он пишет о земельном споре горожан Риги и архиепископа Вильгельма (вокруг двора в 12 милях от Вендена), о желании Вильгельма перейти в подданство польского короля. Приняв его в подданство, король заступился за Ливонию и нарушил захватнические планы великого князя московского Ивана. А тот в отместку в 1563 г. обрушился страшным походом на Полоцк, перебил людей, награбил имущество, отпустил из города только поляков. Воспользовавшись ситуацией, «в то время» шведский король взял у польского замок Ревель¹⁴¹. Здесь Бельский опять-таки лукавит: под его пером переход Ревеля под власть Швеции оказывается неблагоприятным поступком: якобы он вышел из подданства Короны из-за того, что шведы воспользовались поражением под Полоцком. На самом деле

¹³¹ Ibid. L. 240–262.

¹³² Ibid. L. 282.

¹³³ Ibid. L. 294.

¹³⁴ Ibid. L. 419.

¹³⁵ Ibid. L. 426–440.

¹³⁶ Ibid. L. 436 v.–437.

¹³⁷ Ibid. L. 437–438.

¹³⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 185–193.

¹³⁹ Там же. С. 197.

¹⁴⁰ Bielski M. Kronika, to jest historyja świata... L. 437 v.–438.

¹⁴¹ Ibid. L. 437 v.

отход Ревеля к шведам был гораздо раньше: горожане Ревеля и дворяне Северной Эстляндии подписали акт о переходе в подданство шведской короны 4 июня (рыцарство) и 6 июня (городские слои) 1561 г.¹⁴²

При этом Бельский пишет, что произошедшее с Ливонией — это «дело Бога», справедливое наказание за грехи. В чем же, с точки зрения польского хрониста, согрешила эта земля? Пьянство, гордость, жестокость, несправедливость, контакты с протестантами-шведами — все это не соответствовало духовному статусу Ливонии¹⁴³. Прямо об отпадении от католицизма и грехе Реформации Бельский, в отличие от Бреденбаха, не пишет, его оценка Ливонии более морализаторская, чем религиозная¹⁴⁴, и близка скорее к будущим разоблачениям Балтазара Руссова.

Изложение событий у Бельского выглядит рваным и фрагментарным, одно вовсе не вытекает из другого. Много фактов упущено. Перед нами явно вариант польского мифа, который заключается в создании благородного облика польского короля, вступающего за подданных и не страшась злодеев. Ливония выглядит запутавшейся во внутренних проблемах, связанных с фигурой Вильгельма Бранденбургского. Способ выпутаться из них один — перейти под покровительство Польши, которая является гегемоном в регионе. А Москва предстает темной злой захватнической силой, инферно, наползающим на Прибалтику.

Собственно, все эти элементы — составная часть польского исторического мифа XVI в. вообще, отражение дискурсов, которые определяли видение поляками окружающего мира и самооценку себя в этом мире. Что еще раз подтверждает тезис, что восприятие войны за Прибалтику было в первую очередь обусловлено рефлексией внутренних проблем, дискурсами, влиявшими на мировоззрение местных интеллектуалов — но вовсе не реалиями происходивших событий. Степень их искажения и масштаб «фигур умолчания» велики.

В то же время необходимо констатировать, что в первые годы Ливонской войны степень ее влияния на польскую историческую мысль невелика. Ее первые события (до Полоцка) оказали минимальное воздействие на темы, которые занимали краковских интеллектуалов. Правда, в 1560-е гг. возрос интерес к истории Немецкого ордена¹⁴⁵.

Лишь когда война пришла на землю Великого княжества Литовского, началось переосмысление польского и литовского исторического дискурса (в котором главную роль сыграли люди, испытавшие войну, что называется, на собственной шкуре — например, Мацей Стрыйковский, Александр Гваньини). Но это уже историография 1570–1580-х гг.

«Kurtze Chronick» Лаврентия Суриуса из Кельна

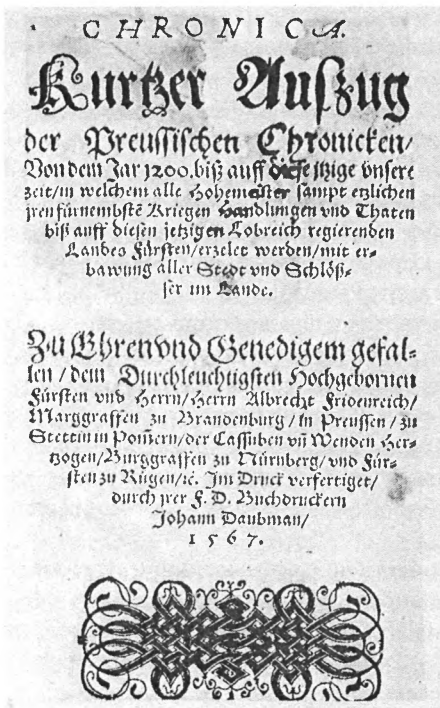
Лаврентий Суриус (*Laurentius Surius*, 1522–1578), в немецком варианте — Лоренц Зауер (*Lorenz Sauer*), был довольно известным немецким церковным историком и агиографом. Он родился в Любеке в протестантской семье, но затем обратился к католичеству. Будущий хронист учился в университетах Франкфурта-на-Одере и Кельна, в 1542 г. стал послушником картузианского монастыря в Кельне (*Kölner Kartause*). Среди его друзей был знаменитый иезуит Петр Канизий (*Petrus Canisius*, 1521–1597),

¹⁴² Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland... S. 207.

¹⁴³ Bielski M. Kronika, to jest historyja świata... L. 437 v.

¹⁴⁴ Хотя при этом вслед за описанием Риги он помещает текст молитвы «Отче наш» на польском (молитва «простого люда»), шведском и ливонском (Ibid. L. 438).

¹⁴⁵ Например, вышла история ордена до 1525 г., до подчинения Польше: Chronica. Kurtzer Auszug der Preussischen Chronicken von dem Jar 1200 biss auff diese itzige unsere zeit in welchem alle Hohemeister sampt etzlichen iren fümembste Kriegen, Handlungen und Thaten biss auff diesen jetzigen Lobreich regierenden Landes Fürsten erzelet werden mit erbawung aller Stedt und Schlößer im Lande. Królewiec, 1567.

Титульный лист краткой хроники, истории Пруссии, вышедшей в Кенигсберге (Крулевец) в 1567 г.

позже канонизированный и причисленный к лику Учителей церкви. Свою жизнь Суриус посвятил латинским переводам, написанию церковно-исторических и агиографических сочинений¹⁴⁶. Только перечисление трудов, вышедших из-под его пера, займет несколько страниц¹⁴⁷.

Интересующая нас книга Суриуса «Commentarius brevis rerum in orbe gestarum ab anno 1500 ad anno 1564» (Cologne, 1566) была написана в ответ на известное сочинение о Реформации Иоганна Слайдана (*Johannes Sleidanus*, 1506–1556)¹⁴⁸ «Commentariorum de statu religionis et reipublicae, Carolo V Caesare, libri XXVI» (первое издание вышло в Страсбурге в 1555 г., потом неоднократно переиздавалось). Труд Слайдана пользовался большим вниманием вплоть до XVIII в., хотя был принят и признан как авторитетный источник по истории Реформации далеко не всеми. Другим воображаемым оппонентом Суриуса был Иоганн Карион (*Johannes Carion*, 1499–1537)¹⁴⁹, автор «Хроники возрастов мира» («Chronik des Weltzeitalters»), опубликованной в 1531 г. в Виттенберге¹⁵⁰ и позже ставшей учебником по истории в протестантских школах.

Хроника Суриуса была издана на латыни в 1566 г., то есть через два года после появле-

ния книги Т. Бреденбаха¹⁵¹. В 1568 г. викарием Генрихом Фабрициусом она была переведена и опубликована на немецком языке, тем самым охватив множество читателей

¹⁴⁶ Главные труды: *Concilia omnia tum generalia tum provincialia*. Cologne, 1567. Т. I–IV; сборник житий святых: *De probatis Sanctorum historiis ab Al. Lipomano olim conscriptis nunc primum a Laur. Surio emendatis et auctis*. Cologne, 1570–1577. Т. 1–6. «Жития» Суриуса неоднократно дописывались, расширялись, переиздавались и были весьма популярны в западном христианстве.

¹⁴⁷ О нем см.: *Hartzheim J. Bibliotheca Coloniensis in qua vita et libri typi vulgati et manuscripti recensentur omnium archidioeceseos Coloniensis etc. Coloniae, 1747. P. 218 sq.*; *Etzrodt K. Laurentius Surius. Halle-Saale, 1889*; [*Hurter H.*] *Nomenclator literarius theologiae catholicae theologos exhibens aetate, natione, disciplinis distinctos* / Ed. tertia. Oeniponte, 1907. P. 111–115 (здесь см. перечень работ); *Kindermann U. Kunstdenkmäler zwischen Antwerpen und Trient. Beschreibungen und Bewertungen des Jesuiten Daniel Papebroch aus dem Jahre 1660. Übersetzung, Kommentar. Köln, 2002. S. 51*; *For East is East. Liber Amicorum Wójciech Skalmowski* / Ed. by T. Soldatjenkova & E. Waegemans. Leuven, 2003. P. 122 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*, Т. 126); *Barnes T. Early Christian Hagiography and Roman History. Tübingen, 2010. P. 285*.

¹⁴⁸ О нем см.: *Vekene, E. van der. Johann Sleidan, Bibliographie seiner gedruckten Werke und der von ihm übersetzten Schriften von Philippe de Comines, Jean Froissart und Claude de Seyssel; mit einem bibliographischen Anhang zur Sleidan-Forschung. Stuttgart, 1996*.

¹⁴⁹ О нем см.: *Ziegler H. Chronicon Carionis: Ein Beitrag zur Geschichtschreibung des 16. Jahrhunderts. Halle, 1898*; *Starnes, D. Richard Taverner's "The garden of wisdom", Carion's Chronicles, and the Cambyses legend. Austin, 1956*; *Osterloh E. Himmelszeichen und Erdenwege: Johannes Carion (1499–1537) und Sebastian Hornmold (1500–1581) in ihrer Zeit. Ubstadt-Weiher, 1999*.

¹⁵⁰ *Carion J. Chronica. Wittenberg, 1531*.

¹⁵¹ *Surius L. Commentarius brevis rerum in orbe gestarum, ab anno salutis millesimo quingentesimo, usque ad annum LXVI., ex optimis quibusque scriptoribus congestus. Cologne, 1566*.

Европы¹⁵². В последующие годы, в XVI–XVII вв., сочинение Суриуса неоднократно переиздавалось. Хроника охватывала период с конца XV в. (открытие Америки Колумбом в 1492 г. и деятельность римского папы Александра VI (1492–1503)) до 1565 г. (войны Священной Римской империи с Турцией), с историческими экскурсами в более ранние эпохи (при описании прошлого отдельных стран).

Появление этого памятника было связано с общей тенденцией расцвета в конце XV–XVI в. в Европе жанра исторической хроники. Открытие Нового Света, Реформация, турецкая агрессия, религиозные войны в Европе побуждали европейских интеллектуалов к интенсивным поискам объяснительных систем в виде метарассказов, среди которых историописание, создание исторической картины христианского мира в его ретроспективе занимало одно из первых мест. Это накладывалось на вышеописанный феномен «открытия России Европой».

Суриус впервые говорит о Московии, рассказывая о грамоте римского папы Александра VI (1492–1503), адресованной русским греческой веры в России и в Литве. Речь идет об обращении их в католичество. Суриус вспоминает о Флорентийской унии. Он разъясняет, что москвиты (*Moskowitzae*), рутены/русины (*Rutheni*) и руссы/русские (*Russi*) — это один и тот же народ, причем народ славянский, как далматинцы, хорваты, боснийцы, болгары, поляки и т. д.¹⁵³ Далее следует краткий рассказ о древнерусской истории от Игоря («московского князя») и Олега, крещении Ольги в Константинополе в 6463 г. от Сотворения Мира до нападения Батыя (*rex Tartaroru*) в 1237 г. Судя по всему, перед нами очень краткий, с пропуском многих подробностей, пересказ-конспект соответствующего фрагмента из сочинения С. Герберштейна¹⁵⁴.

Борьба с Батыем изображается как прежде всего религиозное противостояние с нечистыми магометанами. К татарам посылал римский папа Иннокентий IV с призывом принять веру Христову. Этих мотивов у Герберштейна нет. После рассказа о дани, которую Россия платила, подчинившись татарам, Суриус сразу переходит на историю Ивана III, который покорил Тверь и Новгород Великий. О ликвидации независимости последнего в 1479 г. (*sic!*), с акцентом на отношениях великого князя с архиепископом, помещен небольшой рассказ, отсутствующий у Герберштейна¹⁵⁵.

Далее следует опять-таки похожий на краткий конспект Герберштейна текст о военном конфликте Ивана III с литовским великим князем Александром, женатым на Елене, дочери Ивана Васильевича и Софьи, борьбе Ивана III с татарами и история падения Дмитрия-внука¹⁵⁶. После рассуждений об отношениях Василия III с империей, тирании московского правителя и его титулатурных спорах с польским королем Суриус сообщает о женитьбе Василия III на Елене в 1526 г. и рождении у него сына Ивана в 1528 г. (ошибочно, правильно — в 1530 г.). Далее он указывает на принадлежность москвитов греческой религии и рассматривает их религиозную подчиненность, отношения с Константинополем и т. д.¹⁵⁷ Крестителем Руси назван апостол Андрей Первозванный. Суриус внимательно разбирает религиозные нравы и мораль москвитов, особенности брака, нравы женщин, обряд причастия, отношение к Чистилищу, роль Троице-Сергиева монастыря как центра русской

¹⁵² *Surius L. Kurtze Chronick oder Beschreibung der vornembsten handel und geschichten so sich beide in Religions und weltlichen Sachen fast in der gantzen Welt zugetragen vom jar unsers lieben Herren MD auff das jar MDLXVIII. Übers. v. Henricus Fabricius. Cöln, 1568.*

¹⁵³ Перечисление славянских народов похоже на аналогичный фрагмент у С. Герберштейна, ср.: *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 58.*

¹⁵⁴ Там же. С. 61–64.

¹⁵⁵ *Surius L. Commentarius brevis rerum... P. 30–34.*

¹⁵⁶ Ср.: *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66; Surius L. Commentarius brevis rerum... P. 34–35.*

¹⁵⁷ *Surius L. Commentarius brevis rerum... P. 36–39.*

религиозности и т. д.¹⁵⁸ Автор приводит титул русского государя с перечислением его владений (ср. аналогично у Герберштейна, только последний больше внимания уделяет вариантам статусного титула (*государь, император, царь, белый царь*), а Суриуса этот аспект интересует гораздо меньше)¹⁵⁹.

Таким образом, Суриус решает проблему определения места России в мире через характеристику прежде всего ее религии, нравов, происхождения, образа правления. Хотя он явно в качестве одного из источников использовал сочинение С. Герберштейна, из него он заимствовал только некоторые факты и порядок их изложения. Но того антирусского пафоса и обличений, которыми пропитаны «Записки о Московии» Герберштейна, у Суриуса нет. Он стремится писать более-менее спокойно и объективно (в своем понимании). Негативные характеристики и уничижительные примеры из русской истории, которыми насыщен труд Герберштейна, кельнский хронист пропускает.

Литву, Польшу, Россию и Ливонию Суриус сводит воедино в связи с русско-ливонской и русско-литовской войнами 1500 г., политикой Вальтера Плеттенберга¹⁶⁰. Интересно, что если о Литве и Польше кельнский историк писал и раньше, то Ливония этим событием впервые вводится в повествование, то есть становится известной читателю именно благодаря конфликту с Россией (вслед за известием о войне 1500 г. помещен краткий историко-географический экскурс в прошлое Ливонии, начиная с 1190 г.¹⁶¹).

Другим государством, впервые упоминаемым и вводимым в повествование тоже только через Россию, стало Казанское ханство — о нем Суриус пишет в контексте войны Василия III с казанцами (видимо, имеется в виду поход 1506 г.). Причем, что интересно, описывая события в дуальном стиле (вслед за агрессией обязательно возмездие), Суриус путает исторических фигурантов и приписывает казанцам... реванш в виде похода на Москву 1521 г. (который на самом деле совершили крымские татары)¹⁶².

Не проходит Картезианец (как он сам себя называет в книге) и мимо войны за Смоленск 1514 г., которую он определяет как русско-польскую войну. Правда, для того чтобы европейский читатель понял, где находится Смоленск и что это такое, понадобилась ссылка на Птолема и реку Борисфен как ориентир¹⁶³.

В дальнейшем Суриус сосредоточивается на турецких завоеваниях, истории Лютера и Карла V, между делом под 1525 г. повествует о гибели Тевтонского ордена, его переходе под власть Польши и обращении Альбрехта Бранденбургского в протестантизм¹⁶⁴, конфликте Сигизмунда II Августа и Альбрехта Бранденбургского 1548 г., потребовавшем вмешательства империи¹⁶⁵.

Описание «пустошения московитами Дерптской области» в 1558 г. помещено после описания событий в Англии и Дании¹⁶⁶. Рассказ Суриуса, судя по всему, основан на пересказе книги Бреденбаха (отбор фактов аналогичен). С первоисточником Картезианец поступил так же, как с сочинением Герберштейна: опустил всю эмоциональную и идеологическую составляющую, отфильтровал только события. Он воспроизводит

¹⁵⁸ Ibid. P. 40–44. — Здесь довольно много переключек с Герберштейном (ср.: *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 90–91, 102, 103*).

¹⁵⁹ *Surius L. Commentarius brevis rerum...* P. 44; *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 74*.

¹⁶⁰ *Surius L. Commentarius brevis rerum...* P. 50.

¹⁶¹ Ibid. P. 50–53.

¹⁶² Ibid. P. 60–62.

¹⁶³ Ibid. P. 101–102.

¹⁶⁴ Ibid. P. 164.

¹⁶⁵ Ibid. P. 505.

¹⁶⁶ Ibid. P. 595–600.

фантастическую цифру — 300 000 русского войска, вторгнувшихся в Ливонию, говорят об опустошениях, резне, жестоких казнях и грабеже, которые делали варвары — москвиты и татары, о захвате Нарвы, Нейгауза и Дерпта. В отличие от Бреденбаха Суриус не акцентирует внимания на внутрививонском противостоянии католиков и протестантов. Тема лютеран у него вообще развита сравнительно мало (затрагивается только применительно к Дерпту). Вслед за Бреденбахом Картезианец утверждает, что лютеране похожи по своей религии на православных москвитов и что свершившееся над Ливонией было Божьим судом за грех лютеранства¹⁶⁷. При этом всячески подчеркивается, что Россия воевала с германцами, что Ливония — это часть германского мира. Аналогично Герберштейну, Суриус проводит аналогию между москвитами и турками как поработителями христианского мира¹⁶⁸.

Хроника Суриуса не дает никаких новых фактов по истории Ливонской войны. Ее информация, да и оценки событий, оптика их освещения полностью вторичны. Значение этого памятника для изучения нашей темы в другом. Во-первых, эта первая западноевропейская хроника (если не считать сочинения Мартина Бельского, вышедшего на польском, а не на латыни), в которой войну за Ливонию попытались включить в общеевропейский контекст (и даже шире — общемировой, поскольку Суриус пишет об Африке, Новом Свете, Азии и т. д.). И осмыслить ее, а равно и появление москвитов на мировой арене, именно через этот контекст. Более ранние памятники — и еще никому не известный Реннер, и растиражированный по всему континенту Бреденбах — были посвящены конкретному сюжету войны за Прибалтику. А вот место и роль, которую отводили современники борьбе Ливонского ордена с Россией в глобальных, европейских и мировых масштабах — об этом впервые свидетельствует именно Суриус.

Во-вторых, речь идет не только о Ливонской войне, но и о развитии процесса «открытия России Европой». Хроника Суриуса весьма интересна для изучения. Другие произведения, относящиеся к циклу памятников, объединенных топомосом «Открытие России», являются отдельными памятниками — трактатами, специальными сочинениями, тематически посвященными России. Здесь же мы имеем дело с одной из первых общеевропейских хроник, где сведения о России помещены внутрь западной исторической картины мира. Анализ принципов отбора сведений картезианским интеллектуалом сам по себе заслуживает отдельного анализа.

В качестве предварительного наблюдения заметим лишь, что «открытая Россия», в свою очередь, выступала «ключиком» для открытия других. Вряд ли Европу заинтересовали бы казанские татары, если бы не нападение на них России, нападение, иллюстрировавшее в глазах читателя превращение Московии в империю и агрессивность великих князей. Да и ливонская проблематика подробно рассматривается у Суриуса исключительно в связи с Россией. Думается, что перед нами — свидетельство раннего формирования дискурса «малых стран и народов», находящихся по соседству с Россией и являющихся объектом «русской агрессии». Европа же выступает сочувствующей стороной и на примере горестной истории этих стран обличает тиранические наклонности Российской империи. При этом, если бы не Россия, об этих странах бы и не вспомнили. Перед нами пример функционирования заранее заданной дискурсивной модели: если есть империя, должны быть имперски покоряемые народы. Это в первую очередь исторический стереотип, благодаря которому те же казанские татары попали на страницы европейской хроники. Что, конечно, не исключает реальности сложных

¹⁶⁷ Ibid. P. 599.

¹⁶⁸ Ibid. P. 600.

отношений этих стран и народов с набирающей мощь российской государственной машиной.

В-третьих, вторичность хроники Суриуса в интересующих нас аспектах позволяет проследить механизмы и пути распространения информации о Ливонской войне и дискурсов ее восприятия. Мы видим, что спустя девять лет после ливонско-польского конфликта (1556) и семь лет после русского вторжения (1558) в европейском историческом нарративе доминируют заложенные Т. Бреденбахом оценки конфликта как прежде всего религиозного, вызванного Божим наказанием за грех Реформации, за предательство католичества и обращение в лютеранство. Русские/московиты — безбожники, схизматики, агрессоры, варвары, злые, жестокие, кровопийцы и т. д. Но они в первую очередь орудие Божьего гнева, те самые иноплеменные, нашествием которых Господь с библейских времен карал нечестивцев. Больше о конфликте вокруг Ливонии европейские хронисты особо ничего не знают. Он интересует их не сам по себе, а в связи с внутриевропейскими проблемами: религиозными войнами, духовными исканиями, противостоянием «христианского мира» и варваров (недаром московитов сразу же стали отождествлять с турками) и т. д.

«*De Moscorum Bellis*» Иоанна Левенклавия

Следующим западным автором, обратившимся к теме Ливонской войны, был вновь представитель немецких интеллектуалов, уроженец Вестфалии Иоанн Левенклавий (*Lewenclavii Ioannis, (Löwenklau)*, 1533 (по другим данным, 1541)–1593 или 1594)¹⁶⁹. В юности он некоторое время жил в Ливонии, учился в университетах Виттенберга, Гейдельберга, Базеля. Потом служил преподавателем греческого языка в Гейдельбергском университете (1562–1565) и дослужился до декана факультета свободных искусств. Вел переписку с профессором Лейпцигского университета Иоахимом Камерарием Старшим, известным немецким историком, автором истории Шмалькальденской войны, что повлияло на его литературные взгляды. В 1565 г. предпринял первую поездку на Восток, а в 1584 г. отправился ко двору турецкого султана Мурада III. Свою известность среди западных интеллектуалов Левенклавий приобрел в основном благодаря своим описаниям Востока и изучению истории Турецкой империи¹⁷⁰.

¹⁶⁹ О Левенклавии см.: *Recke J., von Napiersky K., Beise T.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1831. Bd. 3. S. 101; *Horawitz A.* Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bayer, 1883. Bd. 18. S. 488–493; *Babinger F.* 1) Herkunft und Jugend Hans Löwenklaw's // Westfälische Zeitschrift. Regensburg, 1949. Bd. 98/99. S. 112–127; 2) Johannes Lewenklaws Lebensende // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. Basel, 1951. Jg. 50. S. 5–26; *Mazzarino S.* Das Ende der antiken Welt. München, 1961. S. 98–110; *Trunz E.* Der deutsche Späthumanismus um 1600 als Standeskultur (1931) // Deutsche Barockforschung / Hrsg. von R. Alewyn. Köln; Berlin, 1968. S. 147–181; *Troje H.* Die Aneignung des byzantinischen Rechts und die Entstehung eines humanistischen Corpus Iuris Civilis in der Jurisprudenz des 16. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1971. S. 110–114, 264–269; *Metzler D.* 1) Johannes Löwenklau // Westfälische Lebensbilder / Hrsg. von R. Stupperich. Münster, 1985. Bd. 13. S. 19–44; 2) Löwenklau, Johannes // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1987. Bd. 15. S. 95 f; *Pitsakis K.* Leuclavius neograecus // Rechtshistorisches Journal. 1994. Nr. 13. S. 234–243; *Kohlndorfer-Fries R.* Diplomatie und Gelehrtenrepublik: Die Kontakte des französischen Gesandten Jacques Bongars (1554–1612). Tübingen, 2009. S. 134, 135, 148, 150, 151, 253 (Frühe Neuzeit, Bd. 137).

¹⁷⁰ Сочинения, переводы, издания и переиздания трудов Левенклавия: *Lewenclavii J.* 1) Plutarch. Basel, 1565; 2) *Ecologia sive Synopsis Basilicorum.* Basel, 1575; 3) *Apologia.* Basel, 1576 (второе издание — Frankfurt/M., 1588); 4) *Annales Sultanorum Othmanidarum, A Turcis Sua Lingva Scripti...* Frankfurt/M., 1588 (второе издание — 1596); 5) *Neue Chronika türkischer Nation.* Frankfurt/M., 1590; 6) *Historiae Musulmanae Turcorum, De Monumentis Ipsorum Exscriptae, Libri XVIII.* Frankfurt/M., 1591; 7) *Paratitela.* Frankfurt/M., 1593; 8) *Xenophontos. Ta heuriskomena = Xenophontis, philosophi et imperatoris clarissimi, Quae exstant opera, in duos tomos diuisa...* Basel, 1594; 9) *Iuris Greco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo.* Frankfurt/M., 1596; 10) *Annales sultanorum othmanidarum, a turcis sua lingua scripti: Hieronymi*

Интересующее нас сочинение Левенклавия «De Moscorum Bellis adversus finitimos gestis»¹⁷¹ было одним из первых, написанных гейдельбергом. Оно было опубликовано в приложении к базельскому изданию 1571 г. «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Особого влияния на историографию раннего Нового времени оно не оказало¹⁷². Целью Левенклавия было показать, что людям воздается по их делам, рассказать о справедливости и побудить делать добро¹⁷³. Таким образом, смысл повествования сводится к моральной сентенции.

Историческая концепция Левенклавия сводится к следующему. Левенклавий вписывает гибель Ливонии в европейский контекст. Суть исторических событий для него

Вальтер фон Плеттенберг, магистр Ливонского ордена в 1494–1535 гг. Период его правления считался хронистами последним благополучным временем Ливонии, когда она успешно противостояла России.

в том, что историю творят монархи, в смене власть предержащих и их соперничестве, борьбе. Гибель Ливонии просто пришлась на целый комплекс перемен в Европе: 21 сентября 1558 г. умер император Карл V, который к тому времени фактически отошел от дел и в феврале 1558 г. был смещен Фердинандом (правил до 1564 г.). Еще в 1556 г. Карл отдал испанские владения империи королю Филиппу, своему сыну. В том же 1558 г. умерла английская королева Мария. В 1559 г. — Генрих II, король Франции. В 1560 г. умер шведский король Густав Ваза, 1559 г. — король Дании Христиан III¹⁷⁴. Низложение Фюрстенберга, переход Готарда Кеттлера в зависимость от польского короля и превращение в вассального герцога Курляндского и Семигальского — всего лишь часть этих процессов «смены монархов», которые и влекли за собой политические и исторические перемены. Историю творят короли.

Левенклавий ссылается, что сам был свидетелем некоторых эпизодов дипломатической борьбы 1550-х гг.¹⁷⁵, а также на рассказы очевидцев¹⁷⁶. Но главными источни-

Beck a Leopoldstorf, Marci fil. studio & diligentia Constantinopoli aduecti MDLI, diuo Ferdinando caes. opt. max. d. d. isussuque caes. a. Joanne Gaudier dicto Spiegel, interprete turcico germanice translati. Editio altera. Franckfurt/M., 1596.

¹⁷¹ *Lewenclavii l. De Moscorum Bellis adversus finitimos gestis, ab annis iam LXX, quibus antea per Europam obscuri paullatim innotuerunt, commentarius // Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain Rerum moscoviticarum commentarii. Basileae, 1571. S. 205–227.* — Об этом сочинении и его месте в историографии Ливонской войны см.: *Johansen P. Balthasar Rüssow... S. 80–82.*

¹⁷² В XVI в. сочинение было переиздано в подборке материалов по польской истории И. Писториуса, то есть признавалось его определенное значение (*Pistorius J. Polonicae historiae corpus: hoc est Polonicarum rerum Latini recentiores & veteres scriptores, quotquot extant, uno volumine comprahensi, omnes, & in aliquot distributi tomas. Basileae, 1582. T. 3. P. 128–136*). Но на Левенклавия практически никто не ссылается, в отличие от других авторов, писавших о Ливонской войне и опубликовавших свои тексты.

¹⁷³ *Lewenclavii l. De Moscorum Bellis... P. 227.*

¹⁷⁴ *Ibid. P. 223.*

¹⁷⁵ *Ibid. P. 216.*

¹⁷⁶ *Ibid. P. 220.*

ками его знаний о России явились трактаты П. Йовия и С. Герберштейна, о чем он заявляет в первых строках своего труда.

Чтобы объяснить причины нападения России на Ливонию, Левенклавий обращается к истории ее отношений с Европой. Они всегда были врагами. С москвитами враждовали уже Казимир («император Сарматской империи»), Ян Альбрехт и Александр Ягеллончик, наконец, Сигизмунд I. Корни вражды русских к Ливонии, европейской стране — исторические, хотя Левенклавий не хочет делать больших исторических экскурсов, считая, что все написано у Герберштейна и Йовия.

Вслед за Герберштейном и Бреденбахом¹⁷⁷, Левенклавий выводит истоки конфликта России с Ливонией и Литвой из начала XVI в., эпохи противостояния Василия III и Вальтера Плеттенберга¹⁷⁸. Он рассказывает о походе ливонского войска на Псков в 1502 г.¹⁷⁹, основываясь на рассказе Герберштейна¹⁸⁰. Оттуда же взята история русско-литовской войны и покорения Василием III Смоленска в 1513–1514 гг.¹⁸¹. Эти события Левенклавий считает наиболее заметными эпизодами войн России со своими соседями — Ливонией, Литвой, Польшей. После них он переходит непосредственно к роковым событиям в Ливонии в середине XVI в. (не забыв упомянуть и знаменитую зловещую комету, вестницу беды)¹⁸².

Рассказ о них Левенклавий начинает с русско-шведской войны, первые сражения которой состоялись «в середине зимы» 1555 г. Как обычно, говорится о грабежах и насилиях. 10 000 москвитов вторглись в Финляндию, напали на Выборг, чинили разбой и разрушения. Шведский король Густав призвал на помощь солдат из германских земель. Русские в своих агрессивных действиях сравниваются Левенклавием с турками и другими варварами (*barbarorum*). Шведы оказались сильно ослабленными войной, потрясены ее ужасами и бедствиями и запросили мира. Все это открывало путь будущим жестокостям москвитов в Ливонии¹⁸³.

Описание собственно Ливонской войны Левенклавий традиционно предваряет описанием Ливонии, ее географии, внутреннего политического устройства, владений и прерогатив ландсгерров¹⁸⁴. Описание носит достаточно лаконичный характер, перечисляются города, рассказывается об их связях, о роли Дании в истории Ревеля. Подчеркиваются связи с империей и христианский облик Ливонии. Перед нами традиционный «экспортный вариант» — зарисовка для европейского читателя, незнакомого с Ливонией, с целью дать самые основные сведения об этой стране на окраине «христианского мира».

Последующий рассказ о конфликте с участием Вильгельма, архиепископа Рижского, ливонского магистра, прусского герцога Альбрехта и Сигизмунда II Августа, известного нам под названием «войны коадьюторов»¹⁸⁵, Левенклавий начинает с указания на покорение Польшей Пруссии в 1525 г. Далее рассказывается о приглашении Кристофора Мекленбургского, конфликте коадьюторов. Причем, что интересно, ситуацию вокруг противостояния Вильгельма Бранденбургского и Вильгельма Фюрстенберга Левен-

¹⁷⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66, 68–71; [Bredenbachius Tilmannus]. Historia belli Livonici... F. 32 v.–33.

¹⁷⁸ Lewenclavii I. De Moscorum Bellis... P. 206–207.

¹⁷⁹ О боях с войсками Ливонского ордена под Псковом в 1502 г. подробнее см.: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 417–425.

¹⁸⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 197–198.

¹⁸¹ Lewenclavii I. De Moscorum Bellis... P. 208–209; Герберштейн С. Записки о Московии. С. 69–71, 78; Йовий П. Книга о посольстве... С. 286.

¹⁸² Lewenclavii I. De Moscorum Bellis... P. 223.

¹⁸³ Ibid. P. 209–210.

¹⁸⁴ Ibid. P. 210–211.

¹⁸⁵ Ibid. P. 212–215.

клавий сравнивает с недавним эпизодом, связанным с Генрихом Валуа¹⁸⁶. Последовали выступления рижан против римской веры и власти магистра, за городскую республику Ригу, Вильгельм пытался быть посредником. Далее описывается конфликт Вильгельма Бранденбургского с магистром в 1556–1557 гг., роль в нем Альбрехта Прусского и Сигизмунда II Августа, ослабление Ливонии из-за поражения в «войне коадьюторов».

В следующих строках Левенклавий возвращается назад, к «русской угрозе». Он пишет, что после Плеттенберга 50 лет был мир, а в 1550 г. уполномоченный дерптского епископа вел переговоры с московскими дипломатами о продлении перемирия на 5 лет. На первом месте среди русских условий Левенклавий называет восстановление православных храмов в Риге, Дерпте, Ревеле¹⁸⁷. То есть, причиной конфликта выступает религиозный вопрос, претензии православных и выступления протестантов, без особого разбора разрушавших и католические, и православные храмы. Судя по дальнейшему повествованию, какую-то роль в обострении конфликта сыграла резиденция дерптского епископа, монастырь Фалькенау. Именно в этой обители разрабатывались рекомендации епископу Герману Везелю, как вести переговоры с москвитями¹⁸⁸. Герман, а не магистр, под пером Левенклавия выглядит главным лицом, ответственным за переговоры с Россией.

При описании русско-ливонских переговоров 1554 г. Левенклавий вновь делает акцент на религиозной стороне вопроса: русские требовали восстановить православные храмы в Риге, Дерпте и Ревеле. Требование дани с Дерптской области идет вторым пунктом требований (и далее расценивается не как материальный фактор, а как юридический — знак желания России подчинить себе ливонский Дерпт). Действия России тут же сравниваются с практикой Турции, которая так же взимает дань с каждой головы. Так же говорится о задержках Ливонией европейских мастеров и военных специалистов. Фюрстенберг советовался с сановниками ордена, стоит ли выполнять русские условия. Мнения были разные, но ни одного в пользу того, чтобы смириться и уступить по всем пунктам. Левенклавий приводит прозвучавшее на переговорах слова (с русской стороны), что война будет очищением Ливонии от грехов, наставлением ее на истинный путь. Ливонцы же пытались апеллировать к принадлежности их государства империи и подвластности самому императору. Но на русских это не произвело впечатления. Левенклавий воспроизводит слух, что царь хотел оставить послов заложниками в Москве, пока из Ливонии не привезут дань, но они испугались и предпочли вернуться домой¹⁸⁹.

Назначив следующий раунд переговоров на февраль 1558 г., Иван IV вероломно напал на Ливонию. Далее Левенклавий помещает перевод знаменитой грамоты об объявлении войны, датированной ноябрем 1557 г. Текст отличается от ранее опубликованного Бреденбахом¹⁹⁰, хотя, перед нами, несомненно, та же самая грамота — просто разные переводы¹⁹¹. На основании письма Левенклавий делает вывод, что для русских главной причиной войны была торговая блокада, прежде всего — в отношении военных товаров, а также требование Юрьевской дани. Дальше, судя по всему, описывается

¹⁸⁶ Ibid. P. 212. — Возможно, имеется в виду резкое возвышение 16-летнего Генриха в 1567 г., когда он был назначен генерал-лейтенантом Франции, а вскоре стал генерал-интендантом короля. Это дало ему фактически неограниченные возможности военного командования при короле Карле IX. Видимо, в этом и состоит суть сравнения Левенклавием Генриха с Фюрстенбергом, ставшим вторым лицом при престарелом магистре Генрихе фон Галене.

¹⁸⁷ *Lewenclavii l. De Moscorum Bellis...* P. 215.

¹⁸⁸ Ibid. P. 216.

¹⁸⁹ Ibid. P. 216–217.

¹⁹⁰ [*Bredenbachius Tilmannus*]. *Historia belli Livonici...* F. 11–12.

¹⁹¹ *Lewenclavii l. De Moscorum Bellis...* P. 218–219.

миссия Шлитте, отнесенная к 1548 г. (имя Шлитте не фигурирует). Причем упоминается знаменитый памфлет — анонимное письмо императору Священной Римской империи, якобы переданное через Шлитте и содержащее обязательство России выставить 30 000 конницы против турок «за всю Европу»¹⁹².

Описание собственно русского вторжения Левенклавий начинает с рассказа, как в январе 1558 г. царь огнем и мечом разорил Нейгауз (как указывается дальше, его обороняло всего 70 солдат и небольшое ополчение крестьян из соседних деревень, да Дерптский епископ обещал прислать 300 ландскнехтов на подмогу¹⁹³) и напал на Дерптскую область. Затем последовала атака Нарвы. Зону боевых действий Левенклавий определяет как 280 стадий в длину и 400 в ширину. Провалились все попытки задобрить варваров подарками и заплатить им, наконец, деньги (Левенклавий называет цифру в 30 000 как «цену мира»)¹⁹⁴.

Далее Левенклавий рассказывает о Нарве: что она образует с Ивангородом одну систему (два города напротив друг друга по берегам одной реки), что Ивангород построен итальянскими архитекторами, что русские пыгались захватить Нарву и уговорами, и угрозами. Они в конце концов осадили Нарву огромным войском и вошли в нее, воспользовавшись пожаром. Силы обороняющихся были ничтожны: 300 пехотинцев и 150 всадников. Они могли оборонять только замок, и то недолго. Поэтому ливонцы выбрали почетную сдачу: оставили замок и ушли с тем имуществом, которое смогли унести с собой¹⁹⁵.

После описания потери Нарвы и Нейгауза Левенклавий переходит к описанию осады Дерпта. Дерпт пал и оказался под игом Москвы. В городе на момент взятия оставались 200 воинов, безоружные женщины и дети, погруженные в смятение. Судьба епископа Германа оказалась печальной, он стал пленником московитов¹⁹⁶.

После этого Левенклавий сообщает о поездке комтура Динабурга Георга Сибурга (*Georgium Siburgum*) в империю с просьбой о помощи против московитов в 1559 г. Империя помощи не оказала, денег не нашла. Говоря о гибели и разделе Ливонии, Левенклавий перечисляет пункты, отошедшие к Польше, Дании, Швеции, России. Описывая раздел Ливонии, он обращает внимание на коммерческий аспект происходящего, на борьбу на море, на влияние фактора войны на балтийскую торговлю, особенно для немцев и русских, на шведские морские перехваты товаров, на роль Ревеля и Любека¹⁹⁷.

Левенклавий рассказывает о взятии Полоцка (*Polozicoum*) огромной армией в 200 000 русских, принудительных переселениях пленных в Россию и сожжении города. Установление московитского ига он сравнивает с турецким, а Полоцкое поражение — со знаменитой турецкой победой 1523 г. (возможно, имеется в виду битва при Мохаче 1526 г.)¹⁹⁸. Польшу Левенклавий называет империей (*imperium Poloni*), особо подчеркивает заслуги польского короля в организации обороны Подолии от татар и турок (после ее присоединения к Польше в 1569 г.). Говоря про политику России в Ливонии, под 1569 г. он упоминает об основании королевства Магнуса, датчанина на службе Москве¹⁹⁹. Причем особо подчеркивается женитьба Магнуса на сестре царя (дочери князя Владимира Андреевича Старицкого). Из событий 1569 г. Левенклавий упоминает также осаду датчанами Ревеля, его бомбардировку, гибель части датского флота в Финском заливе

¹⁹² Ibid. P. 220. — Публикацию апокрифического текста грамоты см.: *Georg van Hoff*. Erschreckliche, gewliche und nic erhöhte Tyranny'n Johannis Basilidis. Naumburg, 1582. S. 49–73.

¹⁹³ *Lewenclavii l. De Moscorum Bellis...* P. 222.

¹⁹⁴ Ibid. P. 220–221.

¹⁹⁵ Ibid. P. 221.

¹⁹⁶ Ibid. P. 222–223.

¹⁹⁷ Ibid. P. 224.

¹⁹⁸ Ibid. P. 225.

¹⁹⁹ Ibid. P. 226.

(по другим данным, было потоплено около 90 судов)²⁰⁰. Историк заканчивает повествование рассказом о заключении мира 1570 г. польского короля с Москвией²⁰¹.

Сочинение Левенклавия — попытка подвести итоги закончившейся в 1570 г. войны за Ливонию, а также вписать ее в европейский контекст, показать значение этих событий для Европы. Автор с симпатией относится к Польше, хотя это симпатия европейца, а не панегирический тон собственно польских авторов того времени. «Российское иго» для него синонимично турецкому, Россия — однозначно враг и агрессор.

Создание Ливонской войны Бальтазаром Рюссовым

Осмысление событий в Прибалтике достигло критической точки во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг. Из Речи Посполитой европейский читатель получает сочинения Алессандро Гваньини (1578) и Мацея Стрыйковского (1582) (о них речь ниже), а германский мир создал «Chronica der Provintz Lyfflandt» (1578) Бальтазара Рюссова (1536–1600)²⁰², в которой впервые была дана целостная и подробная концепция войны за Ливонию. В ней раскрывалось, как и почему Ливония пришла к гибели, приводилась масса фактов и подробностей. В отличие от более ранних прокатолических исторических сочинений, «Хроника» Рюссова была пропитана протестантской, антикатолической идеологией, что и обусловило ее популярность и востребованность у читателей пост-реформационной Европы. Как уже упоминалось выше, даже Иоганн Реннер, прочтя Рюссова, забракковал свою собственную хронику Ливонской войны и стал ее переписывать на новой основе...

О биографии и творчестве Рюссова долгое время было мало известно²⁰³, однако несколько серьезных работ вышло именно в последние годы²⁰⁴. Он — единственный

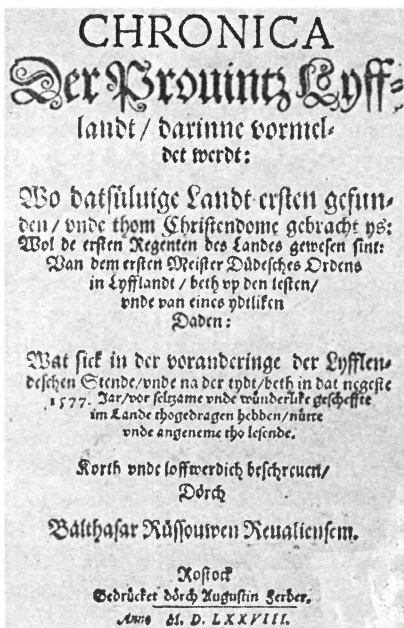
²⁰⁰ Ibid. P. 226. — Об осаде датчанами Ревеля и ответном ударе Дании см.: *Lepszy K. Dzieje Floty Polskiej. Gdańsk; Bydgoszcz; Szczecin, 1947. S. 110–111; Sacra Regia Msti [ad M. Cromera et Jana Solikowskiego]. Decembris 1569 // AGAD. Inwentarz Metryki Koronnej. Libri Legationum. LL 19. Księga prowadzowa za podkanclerstwa Franciszka Krasieńskiego, zawierająca wpisy spraw zagranicznych. 1568–1570.*

²⁰¹ В 1570 г. между Россией и Речью Посполитой было заключено временное перемирие на три года, которое потом в 1574–1576 гг. *de facto* было продлено из-за польских бескорольев и участия Ивана Грозного в выборах польского короля. Крупномасштабные боевые действия возобновились только в 1577 г. А мелкие стычки в прифронтовой и пограничной зонах не прекращались никогда, несмотря ни на какие перемирия и договоры.

²⁰² [*Rüssow Balthasar*] Chronica Der Provintz Lyfflandt, darinne vermeldet werdt: Wo datsülvice landt ersten gefunden, unde thom Christendome gebracht iis: Wol ersten Regenten des Landen gewesen sint: van dem ersten Meister Düdesches Ordens in Lyfflant, beth up den lesten, unde van eines ijdtliken Daden: Wat sick in der voranderinge der Lyfflendeschen Stende, unde na der tydt, beth in das negeste 1557 Jar, vor seltzame unde wunderlike geschefte im Lande thogedragen hebben, nütte unde angenehme tho lesende. Korth unde loffwerdlich beschreven, Dörch Balthasar Rüssouwen Revaliensem. Rostock, 1578. Русский перевод: *Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 159–404; Рига, 1880. Т. 3. С. 125–352.*

²⁰³ *Recke J. F. v., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1831. Bd. 3. S. 584.*

²⁰⁴ *Taube A. "Der Untergang der livländischen Selbständigkeit": Die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / Hrsg. von G. von Rauch. Köln; Wien, 1986. S. 21–41; Kaplinski K. Veel Balthasar Russowis päritolust // Keel ja Kirjandus. 1988. Nr. 2. Lk. 74–82; Kivimäe J. Uurimus Balthasar Russowist ja tema kroonikast // Keel ja Kirjandus. 1999. Nr. 4. Lk. 285–289; Brüggemann K. 1) Russen in Livland. Überlegungen zum Rußlandbild Balthasar Rüssows anhand seiner "Chronica der Prouintz Lyfflandt" (1584) // Erschienen in Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag / Hrsg. O. Pelc u.a. Lüneburg, 1996. S. 249–268; 2) Die "Chronica der Prouintz Lyfflandt" von Balthasar Rüssow. Ein lutherischer Pastor als Politischer Chronist // Kulturgeschichte der baltischen Länder in der Frühen Neuzeit mit einem Ausblick in die Moderne / Hrsg. J. Berns u. a. Tübingen, 2003. S. 266–281 (Frühe Neuzeit. Bd. 87); 3) Rüssow, Balthasar. Pastor und Chronist // Ostdeutsche Gedenktage. 2000 (1999). S. 238–242; *Johansen P. Balthasar Rüssow als Humanist und Geschichtsschreiber. Köln; Weimar; Wien, 1996 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 14); Kreem J. Between Public and Secret: Town Archives and Historiographic Notes // Medium aevum quotidianum. 2003. Bd. 48. S. 5–12.**

Титульный лист первого издания «Хроники» Бальтазара Рюссова, 1578 г.

прибалтийский хронист, удостоенный художественного романа²⁰⁵, то есть фигура в некоторой степени знаковая и культовая. Его считают ярким представителем европейского гуманизма в немецкой Прибалтике.

Подробно известные факты и дискуссионные страницы его биографии можно посмотреть в указанных работах²⁰⁶, здесь обозначим только основные вехи. Рюссов родился в Ревеле около 1536 г. (в литературе называют также даты 1534, 1535 и 1540, последнее, видимо, совсем ошибочно). Образование получил в 1558–1562 гг. в Штеттине, Виттенберге и Бремене, то есть Рюссов вовсе не был очевидцем первых пяти лет войны за Ливонию — он просто отсутствовал. В 1563 г. в связи со смертью отца вернулся в Ревель и стал пастором в церкви Св. Олафа (Олевисте, St. Olaikirche). С 1566 г. до самой смерти в 1600 г. являлся священником (с 1567 г. — главным пастором) протестантской общины при церкви Св. Духа на ул. Пикк в Ревеле. Благодарю женитьбе на Анне Баде, племяннице ревельского бургомистра Генриха фон Лона (Heinrich von Lohn), он вошел в круг городской элиты. В исследовательской литературе обсуждается этническое происхождение

Рюссова²⁰⁷, его считают одним из первых эстонских писателей (собственно, роман Яна Крооса и посвящен феномену адаптации Рюссова в чужую, немецкую культуру).

По всей видимости, Рюссов начал заниматься составлением своей хроники в 1575 г. Первое издание вышло в 1578 г. в Ростоке на немецком языке, было очень быстро распродано и принесло ему славу среди немецких интеллектуалов. Правда, в третьем издании Рюссов жаловался, что идеи его хроники встретили осуждение²⁰⁸. Вскоре вышло второе издание, а третье, опубликованное в 1584 г., было Рюссовым дополнено и доведено до 1583 г.²⁰⁹

Источники сочинения Б. Рюссова обстоятельно изучены, в наиболее полном виде описаны П. Йохансенем²¹⁰. Его хроника вобрала в себя как немецкую и прибалтийскую историографическую традицию, так и базировалась на документах, устных рассказах, свидетельствах очевидцев. Как показано П. Йохансенем, среди источников много

²⁰⁵ Kroos J. Das Leben des Balthasar Rüssow. Berlin, 1986. — Первоначально был опубликован в Таллинне на эстонском языке ("Kolme katku vahel") в 1969–1980 гг.

²⁰⁶ Последний и наиболее подробный очерк см.: Johansen P. Balthasar Rüssow... S. 99–196.

²⁰⁷ Urban W. The Nationality of Balthasar Russow // Journal of Baltic Studies. 1981. Vol. 12. P. 160–172.

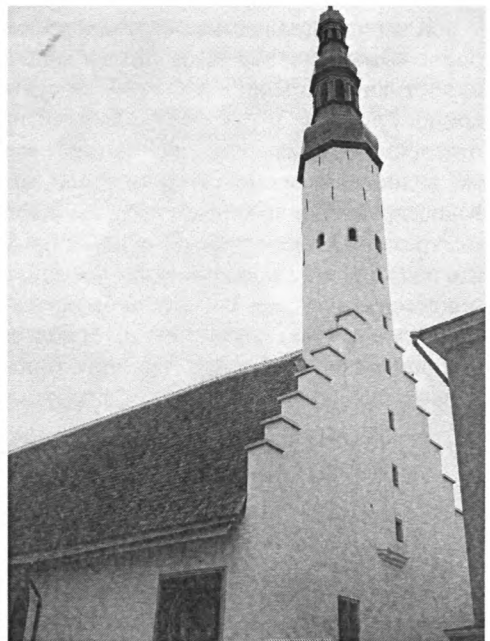
²⁰⁸ «Когда в 1578 году я издал простую, чистосердечную ливонскую хроникку... то не ожидал, чтобы некоторые, сами советовавшие мне это, так осудили меня, как я достоверно слышал. Не нахожу другой причины такой неблагосклонности, кроме той, что я не написал о горестных ливонских делах сказок на общую потеху, которыми они могли бы позабавиться за стаканом вина или пива. Некоторые говорили даже: "Какое дело проповедникам заниматься мирскими делами?"» (Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 286).

²⁰⁹ Обзор изданий хроники Б. Рюссова см.: Johansen P. Balthasar Rüssow... S. 4–5. Дополнения текста в издании 1584 г. проанализированы: Ibid. S. 221–227.

²¹⁰ Ibid. S. 13–98.

Башня Грусбекентагуне и церковь Олевисте, в которой Балтазар Руссов в 1563 г. стал пастором.

Церковь Св. Духа, в которой в 1566–1600 гг. Балтазар Руссов служил священником протестантской общины.

хроник и документальных свидетельств, но не выявлена прямая связь с пропагандистскими «летучими листками», что, безусловно, придавало в глазах читателей хронике Руссова солидность и видимость беспристрастности (он не шел за пропагандой своего времени, за идеологизированным ширпотребом).

Перед нами своеобразная квинтэссенция того интеллектуального багажа, который накопился в Ливонии на момент ее гибели, когда местные интеллектуалы, чувствуя, как почва заколебалась под ногами, искали пути интеграции в немецкий культурный мир. Им нужно было найти определенный язык, нажать на болевые точки, попасть в культурный нерв — чтобы его оценили в Ливонии и стали читать в Германии. Руссов сумел это сделать, причем так удачно, что задал оптику восприятия Ливонской войны на столетия вперед. При этом он полемицировал с существующей историографией Ливонской войны, например, с Бреденбахом, чью трактовку «войны коадьюторов» в третьем издании 1584 г. называл «недостовой»²¹¹. Это, безусловно, придавало Руссову авторитет борца за правду.

Сыграло свою роль и то, что, как отмечено П. Йохансен²¹², труд Руссова фактически был четвертым доступным публике специальным печатным сочинением, посвященным Ливонской войне, причем самым значительным. Шмидт и Реннер остались в рукописях и в XVI в. оказались неизвестны европейскому читателю. Краткий рассказ Мартина Бельского мог прочесть только знающий польский язык. Повествование Суриуса было слишком коротким и «пунктирным». Оставались «летучие листки», газеты, и насквозь идеологизированные и малосодержательные в фактологическом плане Бреденбах и Левенклавий.

²¹¹ Ibid. S. 79.

²¹² Ibid. S. 213–215.

И тут перед западным интеллектуалом появляется книга, в которой не только подробно объяснено, что такое Ливония, почему она является частью германского мира, «христианского мира» и почему ее судьба так важна для Европы, но и рассказана концептуальная, и главное — морализирующая и поучительная история войны за отдаленную германскую провинцию с варварами с Востока. Проблема была узнаваема, волновала европейского читателя, эффект от такой интеллектуальной атаки был колоссальный, и во многом по праву первопроходца Рюссов на годы вперед заставил смотреть на Ливонскую войну через призму идеологем его книги. Ведь очень важно, кто и как первым задаст дискурс восприятия исторического явления. Последователям придется его либо развивать, либо преодолевать...

Идейные основы и предпочтения летописи Рюссова сформулированы самим автором во введении, посвященном горожанам города Бремена. В истории Ливонии воплотился особый концепт миропорядка, утвержденного Богом:

«Не только Священное Писание, но и некоторый опыт доказывают, что благочестивая и верная власть составляет один из величайших даров Божиих, какими только может обладать человеческий род на земле... Но если у какой страны или города нет этого дара, там ясно можно видеть и замечать неудачи и гнев Божий».

Вначале у Ливонии был такой дар. Она служила великому делу: «Бог захотел избрать себе церковь из христианских язычников». Выходцы из немецких земель в ней процветали. По Рюссову, даже ходила поговорка: «Livland — Blivland» («Ливония — такую и останься»), потому что для германцев «там не было недостатка ни в чем, что служит на земле к удовольствиям, радости и благосостоянию человека»²¹³.

Но потом «...явился большой недостаток в таких мудрых руководителях», какими были основатели ордена. От легкомыслия новые епископы затеяли междоусобицы, да еще привлекли к ним «неверных русских и литовцев». И эти войны велись «не из-за чего более, как из-за временных почестей, верховной власти и пышности». В них вмешались рыцари во главе с магистрами, которые вообще-то должны были по определению подчиняться епископам. Увлеченные распрями, ливонцы забыли о своей главной миссии — обращении местного крестьянства, которое, лишенное пастырей, пребывало во тьме язычества: «из тысячи крестьян едва ли можно было найти одного, знавшего “Отче наш”, не говоря уже о пяти главах Катехизиса».

Началось небрежение в просвещении и в распространении веры, заброшенные крестьяне стали погружаться во тьму неверия. А при Плеттенберге наступил конец: в Ливонию пришел Сатана и посеял «плотскую гордость, негу, высокомерие, роскошь, невоздержанность и другие грубые пороки и грехи». Возросли «свобода и своеволие», которые и привели Ливонию к гибели. О церквях и школах более не заботились, с крестьянина драли три шкуры, зато погрузились в плотские утехы, хвастовство, кичливость, обжорство, пьянство и т. д. По словам Б. Рюссова,

«Как правители, так и простые дворяне не хотели ограничить роскоши в своих одеждах и нарядах. Ибо простые сановники, как командоры и фохты, подобно королям и князьям, хотели щеголять и хвастать золотыми цепями, трубами и драгоценными одеждами в противность всякому приличию».

В стране запустели школы, нет ни одного университета, так как корыстные вельможи не хотят тратить на просвещение. Весьма умножились безбрачие, сластолюбие и другие грубые пороки, даже проповеди читались от случая к случаю. Обалдевшие от безделья магистры и рыцари, по Рюссову, все больше погружались в пучину порока:

²¹³ Рюссов Б. Ливонская Хроника. II. С. 171–172.

«Некоторые орденские магистры... из праздности впали в такой разврат, что стыдно о том и вспомнить. О их наложницах нечего и говорить, так как это не считалось у них стыдом: подержавши у себя наложницу некоторое время, они выдавали ее замуж, а себе брали новую. Точно так же бывало у епископов и каноников... Этих женщин все называли не непотребными женщинами, а хозяйками и “женщинами, внушающими мужество”».

Обрисовав интересы орденской аристократии столь неприглядными красками, ливонский хронист не лучше характеризует повседневную жизнь:

«... в те времена вся жизнь их проходила... в травле и охоте, в игре в кости и других играх, в катанье верхом и разъездах с одного пира на другой, с одних знатных крестин на другие... с одной ярмарки на другую. И очень мало можно было найти людей, годных для службы где-либо вне Ливонии... или на войне».

У ливонской аристократии была своя система ценностей: «кто мог лучше пить и бражничать, драться, колоть и бороться», петь непристойные песни на пирах:

«... кто оставался последним и перепивал всех остальных, того на другой день провозглашали храбрым героем и его почитали и славили, будто он покорил какую землю... Во всех землях в то время лучшей похвалой ливонцев было то, что они — славные пьяницы».

Пьянство распространялось и на молодежь, 12–14-летних мальчиков. В Ливонии, по словам Рюссова, «среди некоторых разумных» ходила поговорка: «Да спасет нас Господь от феллинского танца, от виттенштейнского пьянства и от везенбергской чести» (знаком последней считался шрам на щеке, полученный в драке — так называемый «везенбергский коготь»). При этом боевой дух рыцарей иссяк полностью, любимой поговоркой было: «Сохрани нас Господь от немецкой войны²¹⁴, русские же нам не страшны». Интересы дворян ограничивались исключительно развлечениями: «В больших собраниях не слышно было у них разговора о важных предметах или переговорах, но только о зайцах, лисицах, собаках и борзых и о других бесполезных предметах».

Разумные нобили, видя этот «пир во время чумы», стремились не оставлять своих детей в Ливонии, а отправляли их в Германию — то есть накануне войны начался исход, эмиграция лучшей части ливонского общества²¹⁵.

По мере приближения повествования к началу Ливонской войны Рюссов продолжает нагнетать черные краски. Он рассказывает, как в 1555 г. викские дворяне собрались на ландтаг в Пернове:

«... там между другими ничтожными вещами они совещались также и о танцах: как слуга или кто другой, не принадлежащий к дворянам, должен в танцах обращаться с особой дворянского происхождения, об этом они составили постановление и объявили по всей стране. Главным развлечением жителей Везенберга оказываются диспуты и ругань в церкви местного прелата, обличающего пороки горожан, и фогта, издевающегося над церковью. Но о большой опасности, очевидно угрожавшей стране, в то время совершенно не заботились».

Все это, по мнению хрониста, происходило оттого, что «своя воля у каждого, исключая бедняков, стояла превыше всего»²¹⁶. «Если же все орденские сановники, епископы и каноники, будучи начальством, хранителями душ и пастырями овец, вели такую жизнь», то их подданные им подражали во всем. Мало того, в монастырях (например, в монастыре св. Бригитты) священники бесстыдно на праздники предоставляли

²¹⁴ То есть, отправки на фронт какой-либо войны, которую в Европе вела Священная Римская империя.

²¹⁵ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 163, 319–325, 328, 331, 366.

²¹⁶ Там же. С. 343.

площадки для чуть ли не языческих игрищ, сопровождавшихся пьянством и гульбой, будучи «в безумной уверенности, что подобное бесчинство составляет особенно приятную Богу службу и что этим они заслужат у Бога большую милость».

Такого пренебрежения обязанностями Бог уже не стерпел и просто был вынужден наказать орден. Таким образом, по Рюссову,

«Перемена и разрушение древнего ливонского господства, дворянства и вообще всех городов и замков не есть дело москвитя, а дело всемогущего Бога, который принужден был употребить москвитя как бич против Ливонии... и если бы всемогущий Бог, по особенной милости, не наказал Ливонию, то содомские грехи, описанные в 16-й главе у Иезекииля²¹⁷, казались бы в настоящее время слишком ничтожными по сравнению с ливонскими грехами...»

Лености, праздности, самонадеянности и разврату ливонцев Рюссов противопоставляет трудолюбие и прилежание москвитов, которые, пока рыцари развлекались, запасались военными припасами, учились искусству воевать у германских и итальянских мастеров, чтобы потом обрушиться на беспечную Ливонию. Легкомыслие же ордена достигло таких пределов, что он торговал с Московией медью, оловом и другим военным сырьем, из которого потом было сделано оружие, направленное против орденового государства²¹⁸.

«Главная причина ливонских несчастий — это разнообразные тяжкие грехи и злодеяния ливонцев вместе с ужасным пороком неблагодарности к всемогущему Господу за его многократно оказанные благодеяния». Это видно по всему. Дворяне не выполняют своих обязанностей по отношению к крестьянам. Брошенные на произвол судьбы крестьяне восстают и, о ужас, пытаются как самостоятельная политическая сила вести переговоры с городами о дружбе и мире²¹⁹. Именно вооруженные крестьяне наносят наибольший урон русским партизанскими действиями — то есть делают то, с чем не справились рыцари, профессиональные военные и дворянское ополчение²²⁰. Разорение деревни ужасает: «Некоторые бедные крестьяне сами должны были впрягаться в плуги, а жены их править»²²¹. Магистр Фюрстенберг попал в плен — «чего не случилось до сих пор ни с одним ливонским магистром». Мало того, следующий магистр Ботард Кеттлер

«...отдался под защиту польской короны от москвитя и сделался светским князем, каковым поступком совершенно уничтожился в Ливонии сан магистра Тевтонского ордена, которому единственно до сих пор были подчинены и обязаны клятвой все орденовские города и сословия»²²².

²¹⁷ В 16-й главе Книги Иезекииля помещено «свидетельство о беззакониях Иерусалима», который был когда-то в Завете с Богом, но теперь должен понести кару за то, что «соблудила еси во имени твоём... и содела еси себе храм блуднический... и разложила голени своя всякому мимоходящему» (*Иез. 16: 15, 24*). При этом был свершен еще и грех гордыни: «Обаче сие беззаконие Содомы сестры твоея, гордость, в сытости хлеба, и во изобилии вина, и сластолюбствоваша... и руки убогому и нищему не подаяху» (*Иез. 16: 49*). В главе содержится угроза отступникам: «И возставлю аз завет мой с тобою, и увеси, яко яз Господь» (*Иез. 16: 15, 63*). Об аналогии пророчеств о падении Иерусалима и Рима и предвестий о падении Ливонии говорит и И. Реннер: *Renner J. 1) Livländische Historien... S. 8; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 19*.

²¹⁸ *Рюссов Б.* Ливонская Хроника. II. С. 161–163, 165, 320, 326–327, 331. — Внутренние распри считал причиной нападения Московии и Даниил Принц — мол, ливонцы сами показали Ивану IV свою слабость, «во время этих распрей ему представился прекрасный повод к войне» (*Даниил Принц.* Начало и возвышение Московии. М., 1874. С. 17).

²¹⁹ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 397.

²²⁰ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. III. С. 319.

²²¹ Там же. С. 144.

²²² Там же. С. 130.

Другой бывший правитель Ливонии, коадьютор рижского архиепископа Кристофор Мекленбургский, в 1562 г. приехал в Ревель «...и не подал виду, что он князь, а отправился на постоянный двор к простым бюргерам»²²³.

Разрушаются основы семьи, принципы отношений между полами. Расцветает институт наложниц, причем среди рыцарей и скованных целибатом католических священников. «Многие уважали своих наложниц больше, чем законных жен». Оскверненных блудом надоевших девок выдавали замуж за бедных дворян, а себе брали новых. Единственное, кому подобный грех мог причинить некоторые неприятности — это братья-служители. Среди них заводить наложниц по-прежнему было не принято, поэтому «развратника» под трубы и барабаны возили по замку и близлежащему городу и в одежде бросали в колодец. После этого купания фогт служителей отпускал грехи провинившемуся брату.

Крестьяне вели себя не лучше — женой пользовались, пока она не постареет, а потом выгоняли и брали следующую. «Большая часть туземных крестьян ничего не знала о брачной жизни»²²⁴. При этом сельские жители считали виновниками подобной ситуации своих господ: если дворянам можно не соблюдать таинство брака, то какой спрос с их подданных?

Впрочем, ливонская свадьба в описании Рюссова выглядит далеко не таинством, а грандиозной мистерией, карнавалом, торжеством разврата и порока. На ней гости перепиваются и дерутся вплоть до смертоубийства, слуги садятся за стол вместе с господами, а прислуживают мальчишки-«юнги». И их детские глаза видят залитый пивом пол, на который приходится бросать солому, чтобы гости не поскользнулись, лужи крови от ран, которые нанесли друг другу дорогие гости, тела мервецки пьяных самих гостей, кучи разнообразных объедков. На фоне этой мерзостной картины, живописуемой Рюссовым, слова о том, что новобрачные слушали проповедь о таинстве брака, звучат саркастически²²⁵. Рюссов вообще пиры не любит. Образ пира у него чаще всего выглядит как «пир во время чумы» или как прелюдия к какой-то трагедии или злодеянию — например, друзья, прислуживающие за столом, превращаются в Иуд и ночных убийц²²⁶. Пьянство в изображении Рюссова — однозначно зло: «...очень вкусно было им питье, за которое они чуть не расплатились головами»²²⁷.

Подрыв церковных устоев и основ мироздания вызывал появление ересей, причем самых экзотических. В 1564 г. среди эстонских крестьян распространилось поверье, что надо праздновать «...не воскресенье, а четверг, по той причине, что, однажды, Бог находился в великой нужде и просил помощи у всех дней в неделе, но ни один не пришел ему на помощь, кроме четверга»²²⁸. Чем отказ от воскресенья мог успокоить смущенные крестьянские души, неясно. Это скорее симптом общего духовного нестроения в стране. Впрочем, не всегда церковные люди были виновны в происходящем: Рюссов описывает, как в 1575 г. русские «...взяли в плен девушек монахинь, чего до сих пор никогда не случалось»²²⁹. Превращение из послушниц монастыря Св. Бригитты в потеху грубой солдатни — не свидетельство ли того, что нарушен миропорядок?

²²³ Там же. С. 138.

²²⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 319–321.

²²⁵ Описание дворянской свадьбы: Там же. С. 321–324; бюргерской свадьбы: Там же. С. 328–329; крестин: Там же. С. 324.

²²⁶ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 152.

²²⁷ Там же. С. 227.

²²⁸ Там же. С. 151.

²²⁹ Там же. С. 238.

Такая Ливония не могла существовать долго. Рюссов ядовито замечает: вот так все и грызлись друг с другом, пока «...надо всеми не пролетел великий коршун»²³⁰. Единственное спасение — в осознании своей греховности, покаянии и обращении. Если бы Ливония «обратилась на самом деле», то всемогущий Господь всемилостиво спас бы ее²³¹. Рюссов здесь воспроизводит традиционный для эпохи провиденциалистский взгляд, что путь к победе и спасению лежит исключительно через покаяние и обращение к истинной вере.

Вышеприведенные обличения Рюссова вплоть до наших дней кочуют из книги в книгу — во многом благодаря его литературному таланту, а также тому, что ему удалось создать целостную объяснительную картину, яркий образ созревшей для гибели Ливонии (куда там Бреденбаху с его тоскливыми католическими инвективами). Однако еще раз напомним, что в 1558–1563 гг. Рюссова в Ливонии не было. Вряд ли 20-летний юноша накануне своего отъезда в Германию на учебу вел записки о моральном разложении ордена и прелатов, к которым обратился спустя двадцать лет. Хронист здесь явно «поет с чужого голоса», воспроизводя и добросовестно транслируя дискурсы, бытовавшие в определенной среде. Это были протестанты, средние и зажиточные горожане Ревеля, этнические немцы и, возможно, эстонцы (судя по постоянно демонстрируемой симпатии Рюссова к крестьянству). Они не любили и презирали орден за социальную инаковость, вырождение и неспособность защитить страну в лихую годину. Поводы для неприязни к католическому духовенству тоже очевидны.

Стоит учесть верное замечание В. Урбана, который считает критику Рюссовым порядков в ордене тенденциозной, обусловленной тем, что он был протестант, ненавидящий рыцарей-католиков. Урбан пишет, что многие аморальные явления в ордене были и раньше, но Рюссов специально сконцентрировал весь негатив в части своего сочинения, предшествующей началу Ливонской войны. Следовательно, собранные им сведения призваны не объективно отражать действительность, а служат подтверждению авторского замысла хрониста, и поэтому не могут быть признаны объективными²³².

Зато очевиден побудительный мотив для написания хроники. Рюссов сам его формулирует:

«Справедливость же требует, чтобы такой ужасающий пример Божьего праведного возмездия не был предан забвению и передан потомству письменно, в пример и предостережение, совместно с такими удивительными и чудесными происшествиями, случившимися во время перемены правления и гибели древнего ливонского правительства, дворянства и многих городов, замков и бургов, а также и великие злоключения, испытанные достохвальными христианскими королями и государями, которые из чувства христианской любви заступались за разоренную Ливонию и хотели, с большею опасностью для своих наследственных земель, вырвать ее из пасти московита и вновь устроить. Это-то побудило меня в простоте сердца кратко изложить и напечатать в летописи...»²³³

Таким образом, история гибели Ливонии для Рюссова — доказательство его этико-религиозных взглядов, его представлений о провиденциалистском характере исторического развития. В предисловии к третьему изданию он провозглашает своим писательским *credo* слова из Притчей Соломона: «Обличающий человека найдет после большую приязнь, нежели тот, кто льстит языком» (*Притчи* 28: 23). Рассказом о грехах

²³⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 315.

²³¹ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 283.

²³² Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 457.

²³³ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 165–166.

и наказании Ливонии Рюссов надеется «по справедливости возвестить всему народу Божьи дела, по завещанию святого пророка Давида: “Пойте Господеви, живущему в Сионе, возвестите в языцех начинания Его”» (Пс. 9: 12). Хронист убежден:

«Верно и истинно то, что и добро и зло, т. е. милость и наказание, исходят от одного всемогущего Господа, что доказывает Священное Писание и пример многих стран и городов. Примером таким служит также и вашей чести многоуважаемый достопочтенный город Ревель»²³⁴.

Взгляды Рюссова в самом главном можно раскрыть следующим образом. Хронист — яркий сторонник протестантской этики с ее идеей воздаяния за праведный труд. Рыцарей и прелатов он обвиняет как раз в том, что они бросили трудиться, исполнять свои обязанности, свое предназначение. В этом их главный грех! При этом путь человека предопределен. Свобода (которая для Рюссова синонимична своеволию, произволу) — это однозначно грех и бунт против Бога, Божественного предначертания. Нельзя пытаться исправить волю Господа, например, лечить болезнь лекарствами. Рюссов так комментирует эпидемию чумы в Ревеле в 1571 г.:

«Так как чума началась с аптеки, в которой люди обыкновенно ищут против болезней утешения, помощи и лекарства, то без сомнения это произошло не без особого соизволения Господня. Потому что Господь хотел указать этим, что лекарства ничего не помогают в трех главных несчастиях, а именно: в чуме, войне и дороговизне, которыми Господь обыкновенно наказует непокорные земли и города, и что в таких случаях по Божьей воле нет лучших лекарств, как покаяние, исправление и усердная молитва ко всемогущему Богу об исправлении наказания»²³⁵.

Справедливость истории, по Рюссову, в том, что странам, как и людям²³⁶, воздается по их делам. Ливония согрешила — и должна платить по счетам. Польша ввязалась в борьбу за Ливонию и потеряла Полоцк — правильно, «эту потерю наследственных земель и городов король польский должен был претерпеть из-за принятой Ливонии; потому что, приняв Ливонию, он должен был также делить и переносить ее наказания и муки»²³⁷. Русские насильничали и злодействовали в Ливонии — и вот война пришла на их землю, в 1571 г. татары сожгли Москву: «Так москвиту было отплачено за все, что он сделал с бедной Ливонией и Финляндией прошлой зимою»²³⁸.

²³⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 287. — Рюссов считал, что история города Ревеля, который на протяжении долгого времени в одиночку противостоял многочисленным врагам и пережил такие взлеты и падения, уникален: «...во всем христианском мире не знают города, с которым случилось бы то же, что и с Ревелем» (Там же. С. 290). При этом он сужает известную по многим текстам трактовку миссии Ливонии как форпоста Запада против Московии до миссии одного Ревеля: «Москвиту приходилось иметь дело... со многими землями и городами, всех их он покорил и подчинил своей власти, но ни одно из них не оказывало ему такого сопротивления, как город Ревель... если бы... с Божьей помощью не сопротивлялись бы так мужественно москвиту и не удержали бы его, то он давно завладел бы всей Ливонией и стал бы сильным владельцем Балтийского моря» (Там же. С. 291).

²³⁵ Там же. С. 207.

²³⁶ Приведем пример подобного морализаторского рассказа Рюссова: в 1571 г. Карл Гиндриксен, сын шведского (финского) рыцаря, преследовал с 300 шведскими кнехтами оберпаленских гофлейтов, наемников, занявшихся бандитизмом, «...напал врасплох на знамя Юргена Тизенгаузена Ранденского... всех их умертвил, передушил и сжег в хатах, и взял знатную добычу. Таким образом было отплачено Юргену Тизенгаузену за все то зло, которое он причинил отечеству со своими гофлейтами, и за то, что велел утопить в мешке родную свою сестру, против всякой братской любви и уважения из-за того, что она полюбила писаря, согрешила с ним и просила позволения выйти за него замуж» (Там же. С. 206–207).

²³⁷ Там же. С. 140.

²³⁸ Там же. С. 204.

Рюссов плохо относится к политической власти, что опять-таки обусловлено особенностями последней истории Ливонии, когда и орден, и Священная Римская империя, да и прочие «заступники» из числа европейских держав проявили себя хищниками, которые не столько защищали, сколько захватывали беззащитную землю. Он ядовито замечает:

«В это время в Ливонии выучились понимать слово пророка Давида, гласящее: “Не полагайтесь на князей, потому что они сыны человеческие и не могут помочь Вам”²³⁹. В самом деле, при начале войны ливонцы полагались на многих государей и князей, и очень ошиблись»²⁴⁰.

Рюссов признает, что польский, шведский и датский короли «приняли на себя защиту угнетенной Ливонии из христианской любви». Но они «ничего не могли поделать и часто терпели сильный позор от московита» — в отличие от первых «бюргерских детей» из Бремена и ранних магистров крестоносцев, которые куда меньшими силами успешно защищали Ливонию от русских²⁴¹.

Особую неприязнь у Рюссова вызывают местные городские власти, часто недальновидные, думающие только о собственной выгоде, а не о безопасности горожан. Падение Пернова в 1575 г. он комментирует следующим образом:

«...будь в Пернове хоть сотня кнехтов, то город стоял бы по-прежнему и до нынешнего дня. Они за то и понесли наказание от герцога Магнуса, что — предпочли собственную пользу общей, и в беде не снабдили своего города не только укреплениями, но и солдатами»²⁴².

Зато непьющий, честный, богобоязненный градоначальник, как, например, Гинрик Клаусен, или Карл Гириксен в Ревеле в 1577 г.²⁴³ и город защитит, и процветание обеспечит, и вдохнет в горожан надлежащий дух.

Укрепления средневекового Ревеля. Башня Толстая Маргарита и Великие морские ворота.
На заднем плане церковь Олевисте.

²³⁹ Пс. 145: 3. — Псалом утверждает идею, что надеяться надо не на светскую власть, а на Господа: «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения. Выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день исчезают [все] помышления его. Блажен, кому помощник Бог Иаковлев, у кого надежда на Господа Бога его» (Пс. 145: 3–5).

²⁴⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 231.

²⁴¹ Там же. С. 281.

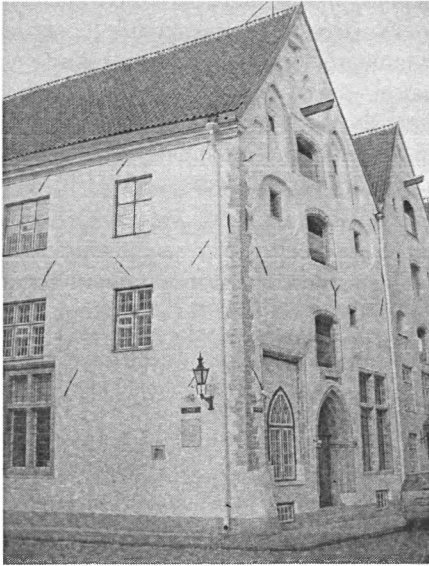
²⁴² Там же. С. 244.

²⁴³ Там же. С. 258–259.

Рюссов — патриот германского мира, носитель германской культуры. Причем культуры в неаристократическом, а городском варианте — «бюргерские дети» из Любека и Бремена, с его точки зрения, сделали для Ливонии больше, чем рыцари и дворяне. В Ливонию первыми проникают именно немецкие купцы, и только потом священники и рыцари²⁴⁴. Немцы, даже самые незнатные, даже слуги, не ходят по Ливонии пешком, а всегда путешествуют в повозках, бесплатно им предоставляемых «ради немецкого языка» другими германскими колонистами²⁴⁵.

В то же время он очень сочувственно относится к местному населению, особенно крестьянству. В миссионерской деятельности ранней Ливонии он видел шанс для этих людей войти в христианский мир. Хронист не допускает мысли о какой-то самостоятельной государственной организации этих людей, возникшей на обломках морально обанкротившейся Ливонии — это было бы столь нелюбимое им своеволие (пример коего — крестьянские бунты). Ливонии нужен праведный христианский король, который не даст варварам пожрать Ливонию, а местному населению пойти темной дорогой греха и неверия.

Рюссов — моралист (в его позднесредневековой версии, конечно). Он не любит и высмеивает глупость, предательство, некомпетентность, пустое тщеславие, бахвальство, спесь, человеческие пороки в сфере

Жилой дом — жилые дома ревелских купцов (служившие одновременно торговыми складами), современников Бальтазара Рюссова.

чревоугодия, пьянства, наслаждений, развлечений, внебрачных сексуальных отношений²⁴⁶. Здесь он не одинок — Реформация во многом побеждала за счет критики несоответствия поведения католиков моральным заповедям, их лицемерия, практики индульгенций и т. д. Рюссов просто применил данные дискурсы к критике ливонского общества.

Главный литературный прием, с успехом применяемый Рюссовым — прием антитезы. Во многом благодаря ему хроника и производила такое впечатление на читателей, будоражила умы, вызывала душевное потрясение. Рюссов добивается этого эффекта путем выворачивания наизнанку традиционных социальных ролей, опрокидывания миропорядка, переворачивания его с ног на голову. Приведем несколько примеров. Он пишет, что вайсенштейнский фогт Гирц фон Тюлен вел себя «не по чину» — носил на шее золотую цепь в 21 фунт венгерского золота, а ревелский командор водил с собой трех трубачей, которые громкими сигналами

²⁴⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 167, 171–174.

²⁴⁵ Там же. С. 171.

²⁴⁶ Например, Рюссов видит особую аморальность защитников Гапсала в том, что когда русские в 1576 г. ворвались в хорошо укрепленный, но почти не сопротивлявшийся замок, они увидели немецких воинов из дворян, которые в застолье развлекались с девками. Русские были потрясены: «Что вы, немцы, за странные люди, однако! Если бы мы, русские, так легкомысленно сдали такой замок, то не смели бы глаз поднять перед честными людьми, а великий князь наш не знал бы, какую смерть придумать нам; а немцы в Гапсале не только прямо смотрят в глаза, а еще играют с девушками, точно и в самом деле поступили, как следовало» (Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 248).

возвещали о его прибытии — «невиданная вещь даже у многих достохвальных герцогов и великих князей»²⁴⁷.

Незадолго до войны, в 1535 г., в ревельскую тюрьму был посажен дворянин Иоганн Уксель фон Розенберг за убийство своего крестьянина. Его осудили и казнили, «...и казалось дворянам большим чудом, что такой богатый и знатный человек был осужден на смертную казнь из-за крестьянина»²⁴⁸. На турнире в Ревеле в 1536 г. купеческий приказчик победил дворянина, что вызвало такие волнения, что их не мог усмирить метавшийся в окнах ратуши магистр. Он кидался в возбужденную толпу хлеба со стола и даже швырнул свою шляпу, но его никто не слушал²⁴⁹. Противоречия нарастали не только по линии «горожане — дворянство»: купцы ревниво следили, чтобы жены и дочери ремесленников не одевались слишком нарядно, вплоть до того, что с них на улице могли сорвать слишком красивое платье²⁵⁰.

В этих рассказах, очень похожих на поздний жанр городских анекдотов (легендарный характер последнего сообщения виден хотя бы из того, что недворянин просто не мог бы участвовать в турнире), отражено главное: каждый является иллюстрацией к мысли, что мир рушится, роли меняются, все встает с ног на голову. Магистр вместо меча воюет шляпой и куском хлеба, купец бьет на турнире дворянина, дворянин падает на плаху за убийство крестьянина...

Война продолжила эту тенденцию выворачивания наизнанку основ ментального мира ливонцев. Здесь можно говорить не только о художественном приеме Рюссова, но и о рефлексии реальных обстоятельств. В довольно замкнутую и гармоничную Ливонию²⁵¹, ощущавшую себя частью германского, «христианского мира», пришло слишком много иноземного народа: русские, татары, шведы, литовцы, поляки, русины, датчане, шотландцы, итальянцы, французы и др. Активность пришельцев вызывала шок, разрушала картину мира ливонских немцев. Рюссов писал в статье 1561 г.:

«В то же время, когда упомянутый князь Николай Радзивилл стоял у Риги, он в августе с большой пышностью и великолепием совершил въезд в Ригу; с ним было много людей чужих народностей, как то: армян, турок, подольцев, русских и валахов, а также много немцев, поляков и литовцев; он объезжал с ними город, причем многие благочестивые сердца в Риге, видя столько чужих народов, каждого в особенном одеянии и вооружении и с особенной музыкой, удивлялись и печалились о том, что в их отечестве и на улицах христианского города Риги появилось столько необыкновенных, чужих и варварских национальностей и народов. Смотреть на эти народы, проезжавшие дружелюбно через город Ригу, было для каждого горем и печалью; что ж бы это был за ужас и печаль, если бы они стали враждебно осаждать или управлять христианским городом?»²⁵²

Ливонцы связывали разорение страны именно с тем, что в ней хозяйничали прошлые элементы, причем разбойничало простонародье:

«И поистине Ливония в то время была так часто опустошаема собственными крестьянами из немцев, и немцев, равно как и из других национальностей, что во многих местах не осталось ни скота, ни людей, чего даже не делали русские и татары в продолжение всей войны»²⁵³.

²⁴⁷ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 163.

²⁴⁸ Там же. С. 308.

²⁴⁹ Там же. С. 309.

²⁵⁰ Там же. С. 314.

²⁵¹ Неприветливое отношение Ливонии ко всему остальному миру видно из цитируемого Рюссовым любимого проклятия ливонцев: «Чтоб тебя одолели беды со всего света!» (Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 201).

²⁵² Там же. С. 136.

²⁵³ Там же. С. 319.

Ксенофобия вообще характерна для текстов того времени, и хроника Рюссова не исключение. К русским ливонский пастор испытывает мало симпатии, что, впрочем, вполне объяснимо²⁵⁴. Как истинный европеец XVI в., он считает их недоразвитыми, варварами, неполными христианами²⁵⁵. Замыслы русских по покорению Ливонии — это замыслы Гога и Магога, и главного князя Мосоха²⁵⁶.

При этом русские — народ однозначно злой и жестокий²⁵⁷. С ними можно иметь самые простые дела, на уровне простолюдинов — торговать, воевать. При описании дипломатических контактов русские изображены Рюссовым тупыми, упрямыми, твердолобыми и злонамеренными, хитрыми и коварными (но примитивно, вся их хитрость шита белыми нитками).

Но это все контакты, так сказать, вынужденные. Визит же принца Магнуса в Москву и его присяга Ивану IV повергает хрониста в ужас: «...сын такого достохвального и христианского короля так унизился и поехал к московиту!»²⁵⁸ Подобное поведение для монархов «христианского мира» недопустимо, невозможно. Данная оценка выдает отношение Рюссова к русским как к вызывающим страх и отвращение *чужим*.

С русскими настолько ассоциируется всякое зло, что когда в Ливонию в 1570 г. пришел мор, «...глупый народ называл его русской или московитской язвой, занесенной будто бы в их страну русскими»²⁵⁹. Немцы, вне всякого сомнения, сильнее московитов: «Московит вовсе не так страшен, как воображают и рассказывают о нем многие и высокого, и низкого происхождения. Он во всю жизнь не победил в сражении и 3000 немцев, если только они сопротивлялись». Трое ливонских дворян штурмуют замок Амботен с русским гарнизоном и чуть не добиваются успеха (1576)²⁶⁰. Осажденные ревелыцы в 1577 г. каждым выстрелом из городских пушек убивают по 30–40 русских²⁶¹ (цифра, затруднительная в полевых условиях и для войн XX в.). Несколько сотен немцев (600 всадников и 100 пехотинцев) «победили более 16 000 русских, 7000 убили, остальных обратили в бегство, две мили гнались за ними и отняли у них весь обоз, около 1000 саней, нагруженных всякими припасами и добычею»²⁶². Под Венденом в 1578 г. Рюссов рисует такое же соотношение потерь: 100 поляков и шведов на 6000 русских²⁶³. Когда ливонцы вооружили и отправили на партизанскую войну отряды местных крестьян, они «...так напугали русских

²⁵⁴ К. Брюггеманн справедливо заметил, что называть взгляды Рюссова русофобией — значит, чрезмерно их модернизировать, мерить мерками XX в. Антирусские пассажи у него мало чем отличаются по духу от другого европейского нарратива того времени (*Brüggemann K. Russen in Livland... S. 257*). Но категория ксенофобии — неприязни к чужим вообще, и русским в частности, с использованием категорий «подлинные христиане» — «нехристиане» к идеологии Рюссова, на наш взгляд, вполне применима.

²⁵⁵ Русские даже не понимают христианский погребальный обряд и хотят сорвать с насмешками и поруганиями покрывало, в котором в гроб кладут умершую немку из Гапсаля (*Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 249*).

²⁵⁶ Там же. С. 284. — Рюссов отсылает к Книге пророка Иезекииля: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами» (*Иез. 38: 1–4*).

²⁵⁷ Ливонцы были уверены, что русский царь считает их «сорной травой», и пока он всю ее не вырвет, будет воевать (*Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 212*).

²⁵⁸ Там же. С. 188.

²⁵⁹ Там же. С. 201.

²⁶⁰ Там же. С. 253.

²⁶¹ Там же. С. 262.

²⁶² Там же. С. 220.

²⁶³ Там же. С. 302.

и татар, что они даже не осмеливались выглянуть из своих замков. Так они терпели позор от крестьян и нескольких рабов»²⁶⁴.

При этом Рюссов хвалит русских за их умение сражаться в крепостях. Эта их особенность объясняется им несколькими причинами:

«Во-первых, русские работающий народ: русский, в случае надобности, неутомим ни в какой опасной и тяжелой работе днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя.

Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищею; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может.

В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она не была, то не смеют показаться в своей земле, потому что их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека и скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы не жить, была бы только возможность вдоволь наесться и напиться.

В-четвертых, у русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость... но бежать в походе и спастись с поля битвы от неприятеля у русских не считалось пороком или позором»²⁶⁵.

Рюссов выделяет пять причин, почему русским удается побеждать ливонцев. «Первая причина этого несчастья» — объединение России. Объединенная Россия — это угроза Европе. Пока Ливония имела противником Новгород и Псков, она с ними справлялась. Но противостоять огромной Московии в целом невозможно.

Вторая причина — нельзя с москвитями делиться военными технологиями. Военные товары, которыми немцы в своем безумии, несмотря на все запреты, торговали с русскими — «это бич, которым великий князь хочет наказать Ливонию». Русские купцы сами говорили: «Вы, немцы, безумны и ослеплены, если сами доставляете ему такой товар». Потом русские покоряли Ливонию с помощью оружия, купленного у самих же немцев или сделанного из поставленного ими сырья...

Третьей причиной Рюссов, верный своему морализаторству, считает измену. Воины изменнически сдавали замки, предавали своих командиров, бежали, когда нужно было сражаться. Глупость и эгоизм политиков сочетались с предательством.

Четвертая причина — раскол и разобщенность христианского мира. Запад не вступился за Ливонию. В старину лучшие представители «христианского» мира сами нанимали кнехтов, ехали воевать во славу веры:

«В старину все охотно соглашались сражаться с врагами христианства, на свои собственные средства; теперь же ради христианства никто не хочет даже оседлать коня даром; даже многие из наших перебежали к москвиту и служили ему во всех коварных замыслах против христианства».

Пятая причина — разногласия правителей христианских государств.

«Христианские государи не ладят между собой, часто из-за ничтожной причины проливают много христианской крови и истребляют все запасы, которые еще долго могли бы служить бедному христианству, тяжко они будут отвечать за это всемогущему Господу»²⁶⁶.

То есть, Рюссов, как и многие ливонские интеллектуалы, считал, что европейские государи занимаются не тем делом. Если бы вместо религиозных войн Реформации,

²⁶⁴ Там же. С. 253.

²⁶⁵ Там же. С. 228.

²⁶⁶ Там же. С. 281–283.

грызны Габсбургов и Ягеллонов, противоречий монархов Швеции и Дании вся эта сила обратилась бы против Московии — Ливония была бы спасена.

Свой рассказ о падении Ливонии Рюссов традиционно начинает с описания Ливонии (надо же европейскому читателю узнать, о какой земле идет речь и что она из себя представляет). Деление страны он маркирует по племенам местного населения (Эстляндия — от эстов, Леттляндия — от летов и Курляндия — от куров). Он говорит о языке, городах, водоемах, ландшафте, возможностях для рыболовства и охоты, высокой производительности сельского хозяйства и дешевизне зерна. Описание у него чисто феодальное: он рисует богатства земли и определяет потенциал их использования для непосредственного потребления и торговли.

Излагаемая Рюссовым древняя история Ливонии носит во многом легендарный характер и часто не согласуется с данными других источников. Можно выделить несколько идей, которые проходят красной нитью через все повествование. Во-первых, немцы несли местным народам свет христианства, цивилизацию (города, торговлю), свободу от поработителей²⁶⁷ и мир²⁶⁸. Во-вторых, борьба за Ливонию шла в остром вооруженном соперничестве германцев с литовцами (язычниками) и русскими (схизматиками) и конкуренции с христианами шведами и датчанами. То есть, за эти земли изначально спорили все те народы, которые потом сойдутся здесь в схватке во второй половине XVI в. Благополучие Ливонии и ее становление на путь христианского развития и процветания связано с изгнанием из нее русских после взятия Дерпта, бывшего русского Юрьева, в 1224 г. (у Рюссова ошибочная дата 1230 г.).

Описав подвиги бременских купцов, первых епископов и ранних крестоносцев (до середины XIII в.), Рюссов довольно бегло перечисляет имена и деяния ливонских магистров и епископов с XIII до XVI в.²⁶⁹ Хронист акцентирует внимание на конфликтах — войнах и стычках с русскими и реже — с другими соседями, ливонские междоусобицы, конфликты епископов, рыцарей и горожан. На втором плане — городское строительство, торговля, освоение земель.

Уже во второй главе Рюссов переходит к главной теме — балтийским войнам XVI в. Он умалчивает о русско-ливонских договорах 1550, 1551 гг. и изображает переговоры 1554 г. как инициативу мирных ливонцев, которые боялись, что после захвата москвитями Казани (1552) и Астрахани (он датирует его 1553 г.) «конец продолжительному миру и что теперь им будет плохо». Историю переговоров Рюссов явно не знал. Он пишет, будто бы сначала в Москву поехало посольство, посланное с целью предупредить возможную агрессию. Оно вернулось и привезло известие о невозможных требованиях дани. Тогда поехало новое посольство, которое настаивало на юридическом обосновании требований дани, «чтобы им доказали грамотами и бумагами за печатями». Споры кончились заключением перемирия на 15 лет, «с условием, что все спорные дела между Россией и Ливонией, а также и дань, будут улажены в продолжение трех лет»²⁷⁰. Помимо изобретения дополнительного посольства Рюссов здесь передергивает и изображает итоги переговоров чуть ли не как успех ливонцев.

Несмотря на всю критику, которую хронист на предшествующих страницах обрушил на ливонских политиков и аристократов, при описании конкретных событий Рюссов порой трактует их в пользу Ливонии. Именно по ее инициативе Швеция напала

²⁶⁷ «Отсюда свободные люди получили свое начало в Ливонии, и многие пользуются своей свободой и поныне» (Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 189).

²⁶⁸ «...и все те, которые до сих пор долгое время скрывались в диких местах, должны были выйти, чтобы беспрепятственно возделывать свои нивы, чего они не делали уже многие годы... во всей Эстонии водворился прочный мир» (Там же. С. 189).

²⁶⁹ Там же. С. 196–310.

²⁷⁰ Там же. С. 339–340.

в 1555 г. на Россию, но магистр обманул короля Густава, не пришел к нему на помощь, и шведы были вынуждены прекратить войну на радость москвитам. Им это развязало руки в Ливонии²⁷¹.

В издании 1578 г. Рюссов, говоря о непосредственных причинах войны, основную вину вслед за современниками возвел на дерптского епископа Германа. Якобы он из-за безденежья и нежелания платить дань стал вместе со своим канцлером Юрием Гольтшуллером²⁷² искать, «как бы ему попасть под тайное покровительство москвиты». Германа не уважали дерптские дворяне и не желали помочь ему деньгами, «сочли большим унижением купить мир», хотя царь и снизил цену до 50 000 талеров. Из слов Рюссова не очень ясно, как именно епископ испортил ситуацию и вовлек Ливонию в войну, но роковые события связываются хронистом именно с ним.

В издании 1584 г. вина Германа дезавуируется, а причиной войны оказывается несговорчивость и произвол русских дипломатов, которые не желали воспринимать никаких аргументов и бесосновательно требовали выплату дани. Рюссов описывает переговоры, воспроизводит легенды о дани (в том числе знаменитую о медовом сборе псковичей с Дерптской области). Наконец, послы добились снижения размеров дани — здесь Рюссов называет цифру в 40 000 талеров, а не 50 000, как в первом издании. Но русские с их взбалмошным характером потребовали уплаты немедленно, а у ливонских дипломатов не оказалось с собой денег. Тогда царь «сам пошел за данью»²⁷³.

Как мы видим, знания Рюссова о реальных обстоятельствах начала войны нетвердые, и он моделирует свой рассказ по двум разным схемам: в первом случае воспроизводит ходившую по Ливонии легенду об измене Германа, а во втором — развивает уже примененную им ранее концепцию несговорчивости русских дипломатов, непонимания ими международного права, тирании и произвола Ивана IV. И в том, и в другом случае его оптика обусловлена соответствующими дискурсами — об этом надо не забывать при использовании хроники как исторического источника.

Рассказ Рюссова становится более подробным и компетентным с 1562–1563 гг., что, несомненно, связано с его возвращением в Ливонию из германских земель. В нем меньше сведений легендарного характера и все больше документальных свидетельств. Во второй части, когда, видимо, Рюссов больше писал как очевидец и со слов свежих свидетелей, содержится больше военных описаний. Особенно подробно расписана осада Ревеля 1577 г.²⁷⁴ Здесь много подвигов, героизма, побед, посрамления москвитов и т. д.

В целом описание войны за Ливонию до 1570-х гг. у Рюссова, если так можно выразиться, коммерческое. Его не очень интересуют сражения и тем более героические подвиги, искусство полководцев, даже смерть за веру. Война, особенно в первых двух частях, описывается им бегло — не сколько сами бои, столько грабежи, пытки и убийства пленных. Зато он подробно, с цифрами, описывает потери от войны, размеры захваченной добычи, экономический эффект от войны в области торговли, строительства, распространения закладки кладов, разбоя и грабежа на дорогах (причем «экспроприаторами» эвакуируемого добра могут выступать и благородные рыцари, и высшие сановники ордена).

Успех обороны Ревеля в 1577 г., по Рюссову, обеспечило введение платы за обранные русские огненные ядра — 3 марки (четверть талера) за ядро, подобранное

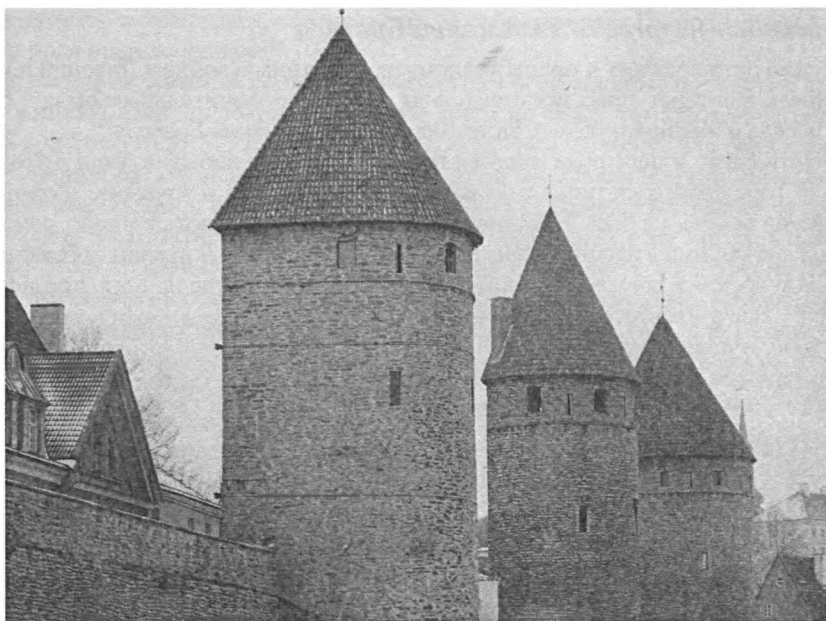
²⁷¹ Там же. С. 342–343.

²⁷² В другом месте Рюссов говорит о Гольтшуллере скорее сочувственно, как о человеке, из которого сделали козла отпущения, тогда как все дерптские власти были виновны в преступном небрежении и неподготовке к войне, а вину свалили на одного человека (Там же. С. 368).

²⁷³ Там же. С. 355–356.

²⁷⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 254–267.

Стены и башни крепости Ревель. Совр. фото.

на улице и принесенное коменданту. А если ядро извлечено из крыши бюргерского дома, хозяин которого не озаботился противопожарной стражей — то беспечный горожанин за каждое ядро платил полталера. Молодежь Ревеля впала в огромный энтузиазм: «Тогда молодцы очень развеселились и гонялись за огненными ядрами денно и ночью, подобно тому, как мальчики гоняются за камешками на улицах, так что многие печальные могли развеселиться и смеяться, глядя на них»²⁷⁵. Собранные ядра оказались выгодным городом трофеем: «...город Ревель получил так много железа в больших и малых ядрах, что в избытке был вознагражден за свои потери»²⁷⁶. На вылазках за пленного русского платили 50 марок²⁷⁷.

Рюссов со вкусом описывает довоенное богатство и процветание Ливонии, причем возвращается к этой теме и позже, уже в главах, посвященных бедствиям войны²⁷⁸. Война приводила не только к разрухе, но и к экономическому росту: хронист рассказывает, сколько прибыли и трофеев получил Ревель от побед над русскими, как шведские кнехты «ежедневно приносили на ревельский рынок на продажу много вещей, взятых в добычу»²⁷⁹.

Значение хроники Рюссова трудно переоценить. Именно она на многие годы задала оптику восприятия ливонского конфликта и во многом определяет ее до сих пор. По выражению М. Линде, она «задала масштаб» видения Ливонской войны²⁸⁰. Этот грандиозный исторический труд по заслугам занял основополагающее место в историографии балтийских войн, несмотря на всю содержащуюся в нем долю мифологии.

²⁷⁵ Там же. С. 259.

²⁷⁶ Там же. С. 267.

²⁷⁷ Там же. С. 264.

²⁷⁸ Там же. С. 204.

²⁷⁹ Там же. С. 220.

²⁸⁰ *Linde M. Das "Christlich Gespräch" des Tilman Brakel... S. 8.*

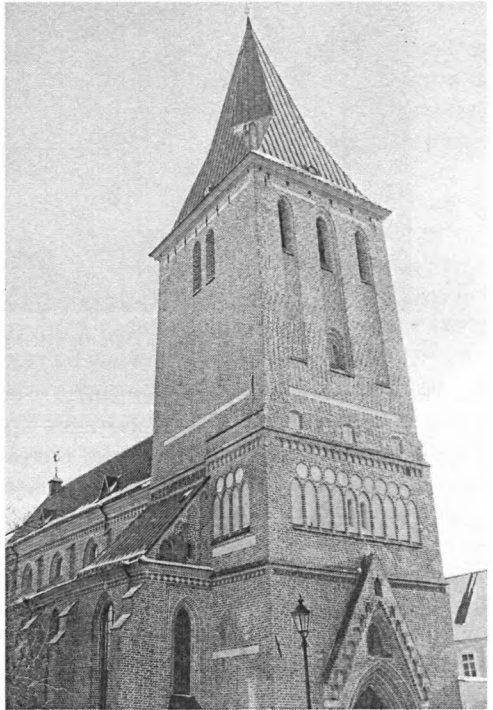
«Christlich Gesprech» Тильманна Бракеля

Помимо исторических и пропагандистских памятников война в Ливонии получила отражение и в литературных произведениях. Наиболее значительным была «Христианская беседа о жестоком разрушении Ливонии» Тильманна Бракеля²⁸¹.

Стихотворные и песенные отклики на происходящие события были в традициях немецкой городской культуры, и Ливония, переживавшая потрясения Реформации и Ливонской войны, не была исключением²⁸². Как отметил Мартин Линде, основными мотивами, звучащими в песнях, были следующие: сожаление о потерянном безмятежном, прекрасном времени довоенной «Старой Ливонии», и упование на Бога, предание себя Его воле²⁸³. Все это, естественно, сопровождалось обличениями в адрес жестоких врагов-московитов, описанием бедствий войны и сетованиями по поводу страданий, которые переживает Ливония.

Тильманн Бракель в конце 1550-х гг. был капелланом немецкой церкви Св. Иоанна в Дерпте. Судя по всему, в 1559–1561 гг. он пережил русский плен. Вернувшись в Ливонию, он переезжал из города в город (есть свидетельства его пребывания в Нарве, Дерпте и Каркусе). Около 1573 г. Бракель оказывается на Эзеле на службе у датского штатгальтера Клауса фон Юнгерна, потом там же, на Эзеле — проповедником в Пыйе (Руһа). В 1576 г. покидает Эзель, проезжает через Курляндию и Кенигсберг и оказывается в Германии, оставляет след в Любеке, Люнебурге, Антверпене, Гамбурге, возвращается в Ливонию и умирает в Риге в 1602 г.²⁸⁴

Структура сочинения Бракеля такова. Вначале следует посвящение Иерониму Земмельбекеру (Semmelbecker), затем — введение, обращение к читателю, диалог между духовными лицами *Christianus* и *Severinus*, и светскими — *Justus* (Судьей) и *Pius* (Spitalmeister, врачом), проповедь-поучение к христианам и заключительное обращение к читателю. Как отмечено М. Линде, каждая часть — это определенная ступень в развитии системы аргументации всего памятника в целом²⁸⁵. Изначально Бракель рисует идеальный мировой порядок, как он должен быть устроен Богом. Однако происки дьявола делают человеческий мир несовершенным, «обратным» Божественному порядку, и Господь просто вынужден вмешиваться в его дела для исправления и наказания. Пример такой кары Небес — судьба Ливонии и идущая в ней война. Светские власти должны нести людям правильный, установленный Богом порядок,

Церковь Св. Иоанна в Дерпте, где в 1550-х гг. служил капелланом Тильманн Бракель.
Совр. фото.

²⁸¹ *Brakel T. Christlich Gesprech von der grawsamen Zestörung in Lifland. Anvers, 1579.*

²⁸² Публикацию текстов и их обзор см.: *Mackensen L. Baltische Texte der Frühzeit. Riga, 1936.*

²⁸³ *Linde M. Das "Christlich Gesprech" des Tilman Brakel... S. 5.*

²⁸⁴ *Ibid. S. 11. Anm. 37 (здесь же см. библиографию).*

²⁸⁵ *Ibid. S. 15.*

разъяснять его и насаждать, обеспечивать службу человека Господу. Здесь особенно велика роль проповедников²⁸⁶.

Но смогла ли Ливония соответствовать этому богоугодному порядку? В трактовке этого вопроса Бракель похож на Рюссова (судя по тому, что книга Рюссова вышла в 1578 г., а Бракеля в 1579 г., последний испытал его влияние)²⁸⁷. Он обращается к облику Ливонии накануне вторжения, видя в местных нравах причину Божьего гнева. И только обращение к Богу способно остановить Господнее наказание. В тексте обличаются нравы знати, которая горазда только в доносах и на пирах. Священники пренебрегают своими обязанностями служить Богу и нести Слово Божие. Даже дети в Ливонии неделями остаются некрещеными. От Рюссова, видимо, Бракель заимствовал и сочувственное отношение к крестьянам, «рабочему скоту», угнетаемому своими господами (а это — вовсе не христианское поведение). Изложение Бракеля проникнуто эсхатологическими образами — открытых могил, мертвецов и т. д. Грядущую катастрофу, как и у Рюссова, предвещают многочисленные пророчества.

Русские традиционно изображаются Бракелем потерявшими человеческий облик варварами и язычниками (хотя одновременно и христианами, но «неправильными»), что, собственно, и делает их язычниками)²⁸⁸. Главным мотивом нападения Ивана Грозного на Ливонию явились человеческие пороки: жажда власти, добычи, жадность и корысть. При этом автор повторяет уже известный тезис о русских как «биче Божьем», инструменте Господнего наказания согрешившей Ливонии. Сами рядовые русские воины даже не особо виноваты в агрессии: они жертвы своего начальства, исполнители злой воли. Польский и шведский короли в этом контексте выступают как воплощение антирусских сил, «инструмент Бога», способный восстановить Божественный порядок и спасти Ливонию.

Один из вопросов, который волновал Бракеля: а как быть с теми ливонцами, которые не грешили? Ведь не все же были неудобны Богу. Как расценивать Господнюю кару, которая не пощадила никого? М. Линде справедливо замечает, что ответ на этот больной вопрос был найден во вполне «христианском духе». Бедствия праведных ливонцев (например, русский плен) Бракель расценивает не как наказание, но как испытание, своего рода экзамен, через который надо пройти со смирением и твердостью истинного христианина²⁸⁹. Причем судьба пленных сравнивается с библейским египетским пленением Иосифа (образ очень удачный, учитывая параллель между возвышением Иосифа как советника фараона и случаями попадания ливонцев в советники Ивану IV, как Таубе и Крузе и др.). Другой библейский образ, которым утешается Бракель, — Иов.

Военные действия рассматриваются как способ искупления, «выплаты штрафа» Богу, но и как своеобразный документ, доказательство страданий во имя искупления и спасения. В этом, собственно, Бракель и видит основную функцию и задачу войны в Ливонии²⁹⁰. От того, насколько она сможет искупить свои грехи, зависит ее спасение.

²⁸⁶ Анализ богословских взглядов Бракеля см.: Ibid. S. 16–21.

²⁸⁷ См. доказательства влияния Рюссова на Бракеля: Ibid. S. 30–31. Однако П. Йохансен отмечает и определенное воздействие Бракеля на третье издание хроники Рюссова 1584 г. (*Johansen P. Balthasar Rüssow...* S. 94–95).

²⁸⁸ М. Линде приводит такое объяснение данного парадокса (христиане и в то же время язычники): в лютеранской интерпретации язычниками оказывались те, кто не воспринимает евангельское послание Бога (*Linde M. Das "Christlich Gespräch" des Tilman Brakel...* S. 53–56). В этом плане очень интересна трактовка Линде отношения Бракеля к религиозной ситуации в России, не принявшей лютеранства и, напротив, выступавшей с «антилютеранских» позиций: критичность ситуации он видит именно в том, что русские отвергли последнее «Слово Божие».

²⁸⁹ *Linde M. Das "Christlich Gespräch" des Tilman Brakel...* S. 44–45.

²⁹⁰ Ibid. S. 50–51.

Глава XIII

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА КАК ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ВОЙНА

Удар по москвитам печатным словом

Создание европейского информационного поля, о котором говорилось выше, было неразрывно связано со стремительным распространением книгопечатания. Практически синхронно с появлением печатного наборного станка в середине XV в. возникла масса жанров и видов печатной продукции: книги, брошюры, печатные картины, газеты, листовки, календари, объявления, уведомления, официальные постановления и т. д. Печатались новостные сводки, прокламации, письма, песни, изречения и т. п.¹ Причем, что важно подчеркнуть, очень быстро печатная продукция стала массовой (в параметрах своего времени, конечно), рассчитанной на широкого читателя, на разные слои общества (прежде всего городского).

Пропагандистская эффективность всей этой информационной машины со всей силой и наглядностью проявилась в эпоху Реформации². Тут был жадно внимающий печатному слову адресат, читатель. Помимо пропаганды эпоха Реформации с ее религиозными войнами, перекройкой границ империи, постоянными изменениями политической обстановки породила у европейского общества острую потребность в новостях, на что печатные технологии откликнулись развитием во второй четверти XVI в. газетного жанра³.

Из внешнеполитических вызовов в это время наиболее актуальной была турецкая опасность (катастрофа Венгрии в битве при Мохаче в 1526 г., провал осады турками Вены в 1529 г. и т. д.). И именно турецкая тема первой заняла значительное пространство на страницах ранних европейских газет, «летучих листков», листовок, памфлетов и т. д. Турецкой опасности, по указанию С. Мунда, в конце XV–XVI в. было посвящено около 1000 подобных произведений⁴. Значительную роль в складывании военного

¹ Обзор жанров и примеры первых печатных публикаций см.: *Schottenloher K.* Flugblatt und Zeitung. Ein Wegweiser durch das gedruckte Tagesschrifttum. Berlin, 1922. (Bibliothek für Kunst- und Antiquitätensammler. T. 21). S. 16–58.

² *Ibid.* S. 59–122.

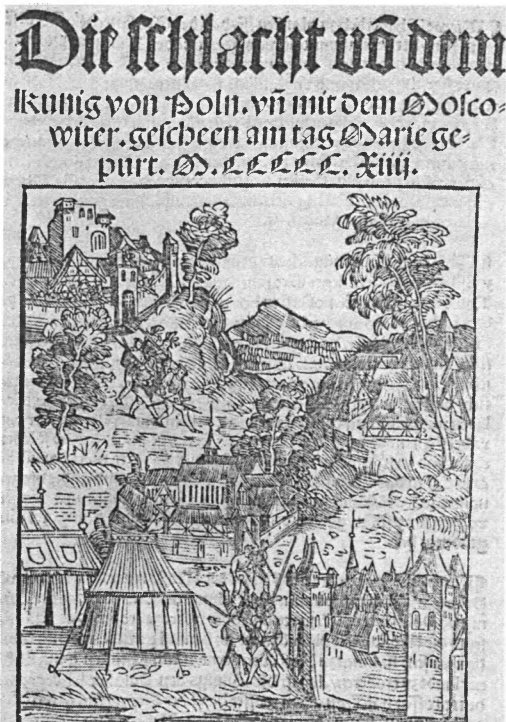
³ *Ibid.* S. 152–167, 197–218.

⁴ *Mund S.* Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. P. 338, 350.

жанра «летучих листов» сыграла именно турецкая тема и в особенности военные корреспонденции из осажденной Вены 1529 г. Петра Штерна⁵.

Главным принципом составления подобных сочинений была краткость, актуальность и скорость подачи информации, мобильность издания и хождения, ясность языка, расстановка моральных и идеологических акцентов, легко читаемые смыслы, рифмованность с культурными кодами и бытующей дискурсивной практикой в данном социуме, открытость содержания и формы. Они всегда были нацелены на убеждение адресата, пропаганду, призыв к каким-то действиям и реакциям, на формирование оценок, суждений и мнений.

Россия впервые стала фигурантом европейских «летучих листов» в связи с битвой под Оршей 1514 г. Великое княжество Литовское и Королевство Польское одержали победу над русской армией Василия III, и «оршанский триумф» стал важным элементом ягеллонской пропаганды в Европе⁶. Как известно, победа над москвитями отозвалась в германских землях и созданием монументальной картины «Битва под Оршей». Большое батальное полотно (доска, масло, 162 × 232 см) с изображением Оршинской битвы 1514 г., написанное немецким художником (круга Лукаса Кранаха Младшего) в 1534–1535 гг.⁷, выставлено на почетном месте в Национальном музее Варшавы. Как отметил исследователь этой картины, польский историк З. Жигульский,

«Летучий листок», посвященный битве под Оршей 1514 г.

«“Битву под Оршей” часто сравнивают с другими знаменитыми картинами той эпохи: “Битвой Александра” Альбрехта Альддорфера и “Битвой при Заме” Юрга Бре, но они были созданы в основном чистым воображением, в то время как “Орша” близка к репортажу. Она вызывает сравнения с такими славными памятниками истории, как колонна Траяна, ковер из Байе или серия гобеленов с битвой при Павии в неаполитанском музее Каподимонте»⁸.

⁵ Schottenloher K. Flugblatt und Zeitung... S. 168–173.

⁶ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt/M., 1972. S. 23–24; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 126–127; Граля Я. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобриня. М., 1992. С. 46; Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 168–169. Перечень листов см.: Zawadzki K. Gazety ulotne polsky i polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia. T. 1: 1514–1661. Wrocław; Warszawa; Gdańsk; Kraków, 1977. S. 1; Nr. 1–4.

⁷ Żygulski Z. (j.). Bitwa pod Orszą — struktura obrazu // Światła Sztuki. Warszawa, 1999. S. 265–290.

⁸ Żygulski Z. (j.). “Bitwa pod Orszą” — struktura obrazu // Rocznik Historii Sztuki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1981. T. XII. S. 85–132.

Картина уже в XVI в. играла важную роль в пропагандистской войне Ягеллонов против России. Резонно предположение, что ее создание было связано с успешными переговорами Ягеллонов и Габсбургов в 1515 г. Демонстрацией картины Польша показывала, как в кровопролитном бою она спасла христианский мир от нашествия варваров с Востока. Вбрасываемые в Европу польские пропагандистские сочинения, распространявшиеся в Священной Римской империи, на германских и итальянских землях, преследовали ту же цель.

После Орши наступил некоторый перерыв, когда Россия мало интересовала западную пропаганду. Начавшаяся в 1558 г. война из-за Ливонии, первая война России и Европы, вызвала резкий всплеск интереса к конфликту в пропагандистских изданиях XVI в. По поводу Ливонской войны вышло около 60 «летучих листков», выпусков газет и листовок⁹.

Учеными отмечено типологическое и стилистическое сходство антитурецких и антимосковских сочинений¹⁰. При изображении зверств москвитов и турок использовались одни и те же эпитеты, стереотипные обороты и даже изобразительный ряд, когда русских и османов рисовали одинаково. Русь стала «фактором опасности» для Запада, по аналогии с Турцией, с той разницей, что о Московии немецкие, английские, итальянские читатели почти ничего не знали — тем страшнее казался этот враг, и тем легче конструировался в европейском сознании его образ, вбивавший в себя накопившиеся за последние столетия фобии просвещенных европейцев.

По И. И. Полосину, сентенция по поводу нападения на Ливонию об общеевропейском характере русской опасности, по масштабам сравнимой с турецкой, была высказана в начале 1560-х гг. саксонским курфюрстом Августом¹¹, который развил мысль С. Герберштейна. Однако на самом деле она встречается гораздо раньше — в анонимной аналитической записке о ситуации в Ливонии, по всей видимости, адресованной прусскому герцогу Альбрехту и датированной 1552 г., говорится, что вражда Ивана IV к Ливонии по своей сути такая же, как ненависть турецкого султана к христианскому миру¹².

Повышенный интерес к событиям Ливонской войны, как отмечено Т. Оттом, был вызван и другой фобией жителей Священной Римской империи: страхом насильственного расчленения, разделения и без того непрочного германского мира¹³. Здесь налицо стереотипы, выработанные в законах жанра в эпоху Реформации.

Т. Отт выделяет три типа повествования в «летучих листках». Первый — описание жестокостей войны и бедствий жертв московитской агрессии с морализирующим и эсхатологическим подтекстом. Второй — изложение военных действий, также с этическим подтекстом, которому подчинен весь авторский замысел. Фактический

⁹ Обзор этих произведений и их перечни см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 253–258; Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii": Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges (1558–1582/83) nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit. München, 1996. S. 71–75 (Osteuropa-Institut München: Mitteilungen. 1996. T. 16); Mund S. Orbis Russiarum... P. 340–346.*

¹⁰ *Mund S. Orbis Russiarum... P. 350.*

¹¹ *Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI веке // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С. 28.*

¹² *Denkschrift eines unbekanntenen Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung. 1552 // HA-57. S. 27. Nr. 1545. — Стоит заметить, что в Москве знали о подобных инвективах. При этом русской стороной обвинения в сходстве с поступками мусульман с негодованием отвергались: «А что брат наш прикладывает нас к мусульманом, ино может то брат наш разумети, где болши вера христианская цветет и славитца и где напротивку Богови и закону христьянскому и святым иконам деетца» (Из речи В. М. Юрьева на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г. // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 71. С. 228).*

¹³ *Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii"... S. 67.*

материал выступает не более чем оболочкой, «фольгой» для нравственных сентенций. Третий — прославление не только новых мучеников, но и героев, спасающих христианский мир от русских варваров и за это достойных вечной благодарности в памяти потомков¹⁴. Стоит заметить, что своего успеха пропаганда достигла: помимо формирования в Европе достаточно однозначного настороженно-негативного отношения к Московии, в 1580-х гг., как показано С. Мундом, значительно возрастает интерес к Польше как к стране, спасшей христианский мир от московитских варваров. Это выразилось в составлении в конце XVI в. специальных сборников для ознакомления западного читателя с Польшей¹⁵.

Говоря о характере данных «летучих листов», В. Урбан заметил: в то время все европейские страны так или иначе сталкивались с ужасами войны. Любая армия ведет себя на территории противника одинаково бесчеловечно. Почему же столь обостренная реакция последовала именно на вторжение московитов в Ливонию? Ученый объясняет это уже сложившейся к тому времени репутацией русских как варваров¹⁶, а варварам по определению положено быть злыми и жестокими. Добавим, что в этих листовках чувствуется определенная провокативность: Ливония молила соседние страны о помощи, и для этого было можно и стусить краски, представить бедствия несчастных жертв «тирана Васильевича» как нечто исключительное. Ливонский хронист Соломон Геннинг подчеркивал, что имманентная враждебность России христианству как раз в качестве первого симптома и проявилась в нападении на Ливонию, прикрывшую собой христианский мир¹⁷.

Даже сама форма этих текстов задавала с первых строк определенное восприятие информации: они предварялись пространными заголовками, в которых описывалось главное событие и приводилась его моральная оценка, порой сопровождаемая подходящей библейской цитатой или исторической аналогией («полезное для христианина чтение» и т. д.). Однако, по справедливому замечанию исследователя Т. Отта, образ невинных трогательных жертв агрессии варваров-нехристей, иллюстрируемый параллелями из древней и библейской истории, для авторов «летучих листов» является всего лишь «спектаклем или объектом демонстрации», материалом, на основе которого можно морализировать на внутриевропейские темы, волновавшие германских мыслителей и без Ливонской войны: чистота веры, гуманизм, эсхатология, насилие и грех и т. д.¹⁸ Призывы о помощи бедным ливонцам, содержащиеся в листовках, не предполагали — да и не вызывали — реальных действий по оказанию этой помощи. Несмотря на сочувствие, германский мир использовал трагедию Ливонии для иллюстрирования собственных интеллектуальных и духовных исканий.

Немецкие «летучие листки» XVI в. сперва пытались, по замечанию Е. Христиансена, изобразить Ливонскую войну как «войну за веру», возродить идеологию Священной войны, но к их призывам в Европе отнеслись холодно. Причину этого ученый видит в том, что локальный конфликт двух государств, претендующих на колонизацию Прибалтики (Ливонии и России), был замещен борьбой за земли умирающего ордена Польши, Дании, Швеции и Московии — откровенно корыстным конфликтом, в контексте которого лозунг «борьбы за веру» был просто неуместен, хотя безуспешно и поднимался несколько раз воюющими сторонами¹⁹.

¹⁴ Ibid. S. 53–54.

¹⁵ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 369.

¹⁶ *Urban W. The Livonian Crusade.* Washington, 1981. P. 489.

¹⁷ *Kirchner W. The rise of the Baltic question.* Westport, 1970. P. 91.

¹⁸ *Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii"...* S. 48.

¹⁹ *Christiansen E. The Northern Crusades.* London, 1997. P. 257.

Именно польско-германская пропаганда в виде летучих листов и других разоблачительных антирусских сочинений сыграла основополагающую роль в формировании негативного образа России в европейском сознании, последствия которого ощущаются и до сего дня.

Первый акт пропагандистской войны: стон по погибшей Ливонии

А. Каппелером отмечено, что первые три года тема войны в Ливонии в Европе обсуждалась только в эпистолярных сочинениях²⁰ (не считая дипломатической документации и выступлений на имперских собраниях). Данный факт нуждается в объяснении²¹. Можно предложить несколько гипотез.

Во-первых, как уже говорилось, войну с Россией долгое время сами ливонцы считали традиционным локальным конфликтом, не заслуживающим серьезного резонанса. Так было, пока они не начали терять города и территории, то есть не ранее мая–июля 1558 г. Оставим время на неизбежную инерцию процессов осмысления происходящего — и 1558 год можно смело исключать из времени зарождения рефлексии войны.

Во-вторых, для Европы представляли интерес прежде всего европейские дела. Частные войны на далеких окраинах не находили отклика в сердцах жителей Нюрнберга и Бремена (в 1550-е гг. им хватало своих проблем). Собственно европейский характер война приобретает с начала 1560-х гг., когда ее активными участниками становятся Дания, Швеция, Польша, Литва, наемники из разных европейских стран (в том числе из германских земель), а пассивным участником на дипломатическом уровне — Священная Римская империя. Во второй половине 1550-х гг. проблемы Ливонии обсуждались в основном на ганзетагах, больше волновали Ганзу, чем имперское правительство²². Обращение весной 1558 г. ливонского магистра к императору Фердинанду I с просьбой о военной помощи было не удовлетворено. В октябре 1558 г. ходатайствовать перед императором о поддержке ордена пытался мекленбургский герцог Иоанн Альбрехт²³, на что получил понахваливающее лицемерием ответное предложение Фердинанда I — самому организовать содействие ливонцам²⁴. В январе 1559 г. с личной просьбой о помощи к императору обратился рижский архиепископ Вильгельм²⁵ — и тоже безуспешно. В этом контексте отрицания серьезности ливонской проблемы появление направленной на поддержку Ливонии германской пропагандистской литературы было маловероятным и невостребованным.

²⁰ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 29.

²¹ К. Хельбаум первой газетой о событиях в Ливонии называет опубликованную им «ревельскую рукописную газету» от 23 мая 1558 г. (*Höhlbaum K. Zeitungen über Livland im 16. Jahrhundert // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. 1876. Bd 2. H. 2. S. 116–119*). Однако данный рассказ о русском вторжении пастора церкви св. Олафа Германа ван Гроне не является печатным «летучим листком», да и подобные меморандумы о ливонских событиях — не редкость среди эпистолярных памятников эпохи. Их скорее можно сблизить с уже упоминавшимися *avvisi*. Это — другой жанр, информационно близкий, но иной прежде всего в силу рукописной технологии.

²² Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 65.

²³ Инструкция Карлу Дракстеду, послу мекленбургского герцога Иоанна Альбрехта ко двору императора Фердинанда I о защите Ливонского ордена от нападения московитов, 18 октября 1558 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 32–35 об.

²⁴ Грамота императора Фердинанда I герцогу Иоанну Альбрехту Мекленбургскому, 1559 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 42–49 об.

²⁵ Грамота рижского архиепископа Вильгельма к своему послу при императоре Асверу фон Брандту с тем, чтобы отвратить враждебность московского монарха от Ливонии, 20 января 1559 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 40–41 об.

Только после переписки в сентябре—октябре 1559 г. Сигизмунда II и императора Фердинанда I²⁶ 19 октября Фердинанд отправил Ивану IV письмо с призывом прекратить войну в Ливонии. Император писал, что она началась «под предлогом какого-то противозаконного собирания доходов или контрибуций» с Дерптской епископии. Требование этих платежей распространили на всю территорию ордена и Ливонских провинций — «с тем, вероятно, намерением, чтобы всю Ливонию отторгнуть от Священной империи Римской и власти своей подчинить». Иван IV не первый раз проявляет враждебность к ордену, нападает на отдельные пункты, штурмом берет крепости, оккупирует земли и хочет тем самым насильно отторгнуть Ливонию от владений императора. А ведь магистр

«...состоит значительным членом Священной империи Римской и не может поему, без тяжкого оскорбления нашего и Священной империи, быть беспокоимым и томим войною, и нам, по императорскому сану нашему, надлежит ревностно заботиться о том, чтобы провинций и прав сей империи Римской никто не стеснял и не отнимал».

Но за столь решительными заявлениями последовали реверансы: мы не можем и представить, чтобы Иван IV, «переменив свой образ мыслей», решил разрушить традиционно хорошие отношения с Венским двором. «Поэтому благосклонно просим и требуем, чтобы... от ведения войны совершенно воздержались» и вернули все захваченное. Фердинанд I же готов сохранить всяческое доброхотство, дружбу и соседское благорасположение²⁷.

В августе 1560 г. вопрос о денежной помощи ордену поднимается вновь. Шпейерский рейхстаг в сентябре 1560 г. принимает решение отправить обращения с просьбой о поддержке Ливонии в Англию, Польшу, Данию, Швецию и ганзейские города. В октябре повторно собравшийся рейхстаг от имени императора поручил Иоанну Альбрехту Мекленбургскому организовать сбор средств и проявление других форм поддержки путем обращения к Польше, Швеции, Англии, Дании, Испании, Франции, германским городам и наиболее связанным с Ливонией богатым нижнерейнским и вестфальским землям²⁸. Было также решено запретить экспорт в Россию боеприпасов и военного снаряжения²⁹. 1 ноября 1560 г. вышел императорский указ о запрете Нарвской торговли военными товарами³⁰.

Наконец, в декабре 1560 г. третье заседание Шпейерского рейхстага постановило прекратить снабжение Московии военной продукцией, оказывать дипломатическое воздействие на Ивана IV, обратиться за помощью к другим европейским странам, собрать 100 000 гульденов и подготовить к отправке в Ливонию наемных солдат, если

²⁶ Cesaru. 23 Septembri 1559 // AGAD. Inwentarz Metriki Koronnej. Libri Legationum. LL 17. K. 13–14; Cesari Ferdinando. 23 Septembri 1559 // Ibidem. K. 16; Ferdinando Romanorum Imperatori. 25 Oct. 1559 // Ibidem. K. 9 v.–10. — Об обращении к цезарю Сигизмунд II писал и в послании к магистру 24 октября 1559 г. (Livonie Magistro. 24 oct. 1559 // AGAD. Inwentarz Metriki Koronnej. Libri Legationum. LL 17. K. 9).

²⁷ Послание Фердинанда I несколько раз публиковалось: Сношения царя Иоанна Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах // Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 5–6; HRM. Т. I. С. 173–174; ср.: Грамота Фердинанда I рижскому архиепископу Вильгельму об условиях прекращения войны с Россией, 19 октября 1559 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 87–89.

²⁸ Грамота императора Фердинанда I Иоанну Альбрехту Мекленбургскому, 19 августа 1560 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 90–93 об.; Инструкция Иоанна Альбрехта Мекленбургского своим послам на Шпейерском рейстаге, 25 сентября 1560 г. // Там же. Л. 94–101 об.; Донесение послов императора Фердинанда на Шпейерском рейхстаге по вопросу о защите Ливонского ордена, 2 октября 1560 г. // Там же. Л. 104–112 об.

²⁹ Грамота императора Фердинанда I Иоанну Альбрехту Мекленбургскому о запрете ввоза оружия в русские морские порты, 17 декабря 1560 г. // Там же. Л. 114–115.

³⁰ Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 69.

будет дополнительно открыто финансирование в 200 000 гульденов³¹. Рейхстаг также вынес решение отправить в Московию специальное имперское посольство с требованием прекратить войну в Ливонии³².

То есть, до решительного вмешательства в конфликт империя созрела не ранее конца 1559 – конца 1560 г. Вот тут и возникает потребность в информации и пропаганде. И в 1561 г. в Нюрнберге выходит первый «летучий листок» о войне в Ливонии...

В-третьих, как уже говорилось, в распространении на Западе антирусской пропаганды была велика роль Польши. Но Польша до начала 1560-х гг. в Ливонии не вступает в прямой конфликт с Россией. И Позвольский мир 1557 г., и Первое Виленское соглашение 1559 г. о принятии Ливонии под покровительство и защиту, и Второе Виленское соглашение 1560 г., и связанные с ним решения о ликвидации Ливонского ордена и переходе его бывших земель под власть Короны были польскими шагами по постепенной аннексии Ливонии. Обвинить в них Россию было трудно. Да она и особо не противодействовала этим польским инициативам, занимаясь собственными захватами в Ливонии. А вот когда в начале 1560-х гг. Россия, Корона Польская и Великое княжество Литовское вступили в прямой военный конфликт из-за Ливонии, перейдя в 1561 г. к активным боевым действиям, — вот тут возникла потребность в запуске машины антирусской пропаганды.

Первым печатным откликом на события в Ливонии А. Каппелер называет письмо знаменитого деятеля Реформации Филиппа Меланхтона, опубликованное в предисловии к книге Иоганна Ранфца (Ranfz) «Chronicon Regni Judaei» (1560)³³. В нем он говорит о том, что московиты являются угрозой для христианской церкви, сравнивает их с турками и проводит параллель со 119-м псалмом, в котором говорится об опасности для церкви, исходящей от «ненавидящих мир» ее врагов (Пс. 119: 5: «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских»). Хотя здесь, как мы видим, оптика восприятия Ливонской войны задана в уже узнаваемой системе символов и координат.

Всего за 1561 г. известно несколько пропагандистских сочинений, посвященных Ливонской войне. Прежде всего, это четыре «летучих листка». Наиболее знаменит листок «Весьма отвратительное, ужасающее, неслыханное правдивое новое известие о жестокой тирании Московита...»³⁴. Он вышел несколькими изданиями, наиболее известна публикация нюрнбергского издателя Георга Крейдлайна (Georg Kreydlein)³⁵. На титуле размещена гравюра: лучники-московиты (в характерных шапках) расстре-

³¹ *Donmert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland der Livländische Kreig und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 109–110; *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. P. 44–46.

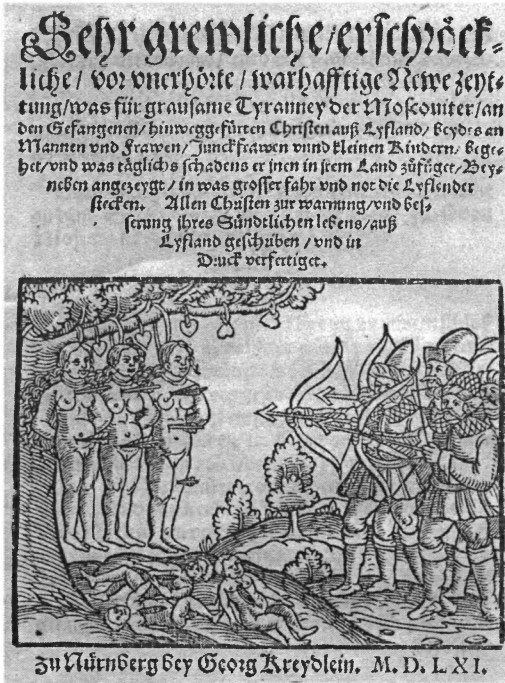
³² Постановление Шпейерского рейхстага об отправке посольства к Ивану IV с требованием прекратить войну в Ливонии, 26 декабря 1560 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 116–127 об.

³³ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 29. — На письмо Меланхтона и его ливонскую проблематику первым обратил внимание Р. Ступперих: *Stupperich R.* Melanchthon und Hermann Wittkind über den Livländischen Krieg // *Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins.* 1955. Bd. 103. S. 275; *Fraenkel P., Greschat M.* Zwanzig Jahre Melanchthonstudium: Sechs Literaturberichte (1945–1965). Genève, 1967. S. 180.

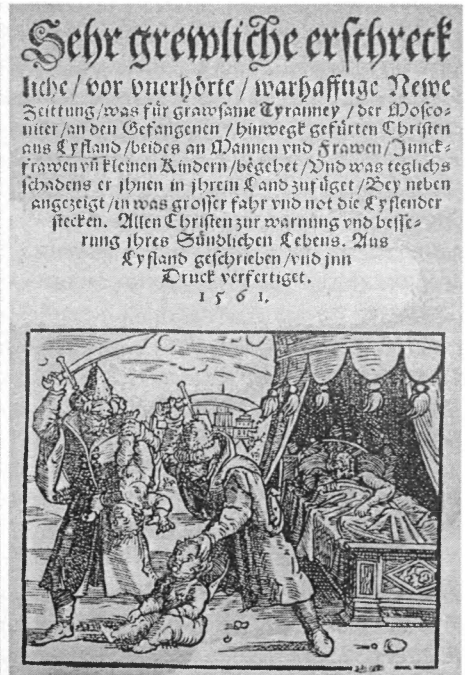
³⁴ Sehr gewreliche erschreckliche vor unerhörte warhafftige Neue zeyttung was für grausame Tyranny der Moscoviter an den Gefangenen hinweggeführten Chrsiten auss Lyfland beides an Mannen und Frauen Junckfrauen und kleinen Kindern begeh und was täglichs Schadens er jnen in jrem Land zufüget Beyneben angezeygt in was grosser gfhahr unnd noth die Lyflender stecken. Allen Christen zur warnung und besserung jres Sündtlichen lebens auss Lyfland geschriben und in Druck verfertiget. Nürnberg, 1561 (листок указан: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 253; *Ott T.* “Livonia est propugnaculum Imperii”... S. 71; *Mund S.* Orbis Russiarum... P. 340; *Poe M.* Foreign discriptions of Muscovy. An Analitic Bybliography of Promary and Secondary Sources. Bloomington, 2008. P. 59; *Zawadzki K.* Gazety ulotne polsky... S. 11–12. Nr. 42–52; текст опубликован: *Höhlbaum K.* Zeitungen über Livland im 16. Jahrhundert... S. 120–124).

³⁵ О Нюрнберге как информационном центре см.: *Sporhan-Krempel L.* Nürnberg als Nachrichtenzentrum zwischen 1400 und 1700. Nürnberg, 1968.

ливают из луков повешенных за шеи на дереве голых ливонских женщин. При этом стрелы попадают в живот (беременных женщин?) и в грудь. Под деревом валяются трупы ливонских детей с распоротыми грудью и животом. У них вырваны сердца и укреплены на той же самой ветке, на которой повесили женщин (их матерей? Число детей и казненных женщин совпадает).

Нюрнбергский «летучий листок» 1561 г., гравюра с изображением зверств московитов в Ливонии.

Другое издание этого же листка с изображением убийств московитами ливонских детей.

В другом издании этого же текста «летучего листка» изображены русские воины (в одеждах, смахивающих на турецкие), которые рубят кривыми турецкими саблями беззащитных и невинных ливонских младенцев.

Повествование в нюрнбергском листке идет от первого лица, что создает атмосферу доверительности и ощущение свидетельства очевидца. Нападение на Ливонию — проявление ужасной тирании Московита. Среди его завоеваний в первых строках названы Ревель, Рига, Пернов. Набор объектов примечателен: под Ревелем русские отряды действовали в июле–августе 1558 г.³⁶, осаждали городские стены в октябре 1558 г.³⁷ и, видимо, сентябре 1560 г.³⁸ Серьезные осады Ревель будет переживать в 1570-е гг., а до 1561 г. война его, конечно, затронула, но нельзя сказать чтобы он стоял на грани гибели. То же можно сказать о Риге. Она была целью похода русских войск в январе 1559 г.³⁹, но более крупным нападениям не подвергалась. Под Перновом серьезные бои с литовцами были как раз в августе–сентябре 1561 г.⁴⁰ То есть, рассказ начинается

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 303–306; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 369.

³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 312; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 379.

³⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 240; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 395–397.

³⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 316–317; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. II. С. 385.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 241; Сб. РИО. Т. 71. С. 236.

с бедствий городов, которые к 1561 г. не так уж и пострадали. Зато в этом первоначальном списке нет ни Нарвы, ни Дерпта, ни Феллина, на самом деле захваченных русскими в 1558–1560 гг.

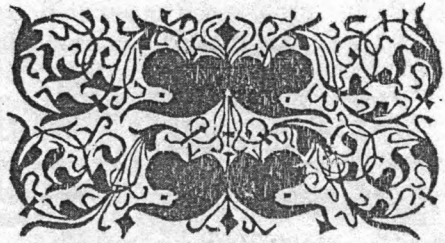
Далее говорится о нападении на Виттенштейн и другие замки (в том числе Дерпт). Основное внимание уделено боевым действиям 1560 г. В листке говорится о судьбе Фюрстенберга и Кеттлера, появлении Магнуса, помощи польского короля, зверствах русских, грабежах и убийствах, злодействах над детьми и женщинами. Царь Иван бросил против Ливонии войско в 700 000, по 100 000 из Пскова, Новгорода, Ochmer (?), Смоленской земли (подчеркнуто, что она недавно отобрана у польского короля — вот к чему ведут завоевания московитов, к росту их мощи!), Ostinau (? — Астрахани?), Казани и собственно Москвы. В качестве исторического контекста упоминаются события и лица из германских земель, Вены, Турции.

По другой схеме построен «летучий листок» 1561 г.⁴¹ В тексте пересказывается уже упоминавшаяся переписка императора Фердинанда и Ивана Грозного по ливонскому вопросу в 1559–1560 гг. Фигурирование письменного заступничества императора Фердинанда за Ливонию как основы для содержания одного из первых «летучих листков» по изучаемой проблеме подтверждает правильность вышеприведенного предположения, что именно вмешательство Священной Римской империи в конфликт вызвало рост интереса европейских интеллектуалов и пропагандистов к Ливонской войне. Тем более что переписка Фердинанда и Ивана Грозного оказалась, выражаясь современным языком, «широко разрекламирована».

Третий «летучий листок» 1561 г. вышел опять-таки в Нюрнберге, благодаря уже упоминавшемуся издателю Георгу Крейдлайну. По словам А. Каппелера, он содержал прямой призыв к заступничеству за Ливонию и противостоянию московской тирании⁴². В нем обыграно обращение главы городского совета Ревеля к датскому по-

Neue Zeytung.

So ein Erbarer Rath
der Stadt Revel von der Botschafft
des Königs auß Dennemarck/ mündlich ge-
fragt vnd angehört/ wie alle sachen yetz zwis-
 schen dem Vnschuldigen vnd Blütdürstigen Tyrannen/dem Groß-
 fürsten in Moskow/vnd den Tatern ꝛc. ein gestalt oder gelegens-
 heit hab/ Auch sonderlich/wie die Tatern dem Blütdürstige
 Großfürsten/an dreyen orten so stark im Land lye-
 gen/vñ zum theyl schier außgebrandt/sonder-
 lich des Großfürsten vergülde Palz
 läst ꝛc. Wie dann feruers vnd
 mehres hiemach volgend
 gehört vñnd anges-
 zeigt wüdt.

Gedruckt zu Nürnberg/durch Georg
 Kreydlein. M. D. L. XI.

Нюрнбергский «летучий листок» 1561 г.

⁴¹ Ein ernstlicher Sendbrief unnd gwise antwurt des grossen Moscovitischen Herrn an die Röm. Kay. Mayestet der Liefflender Sachen belangend nutzlich zu lesen unnd jetz newlich im Truck ausgangen. S. 1., 1561 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 253; *Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii"...* S. 71; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 59; С. Мунд указывает на существование других изданий этого же листка в 1561 г. в Нюрнберге, Аугсбурге и Страсбурге (*Mund S. Orbis Russiarum...* P. 340)).

⁴² *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 32; *Neue Zeytung. So ein Erbarer Rathe der Stadt Revel von der Botschafft des Königs auss Dennemarck mündlich gefragt und angehört wie alle Sachen yetzt zwischen*

солству. Говорится о бесчеловечной тирании великого князя московского, его связях с ужасными татарами, захвате русскими Везенберга и Дерпта, действиях герцога Магнуса, польских и литовских войск. Ливонцы уповают, что Бог и Небеса сжалятся над ними, но нуждаются и в помощи «христианских сердец», европейских стран.

Эти три издания 1561 г. анонимны. Четвертый «летучий листок» связан с именем Кристофора Круцайуса (Christophe Cruceius)⁴³, который в 1561 г. вел в Наумбурге переговоры о помощи Ливонии. В листке апеллируется к славному прошлому и согласию христиан в германских землях, направленному против турок и московитов.

Другое сочинение, Иоганна Рейнхарда Гравингеллиуса (Johann Reinhardus Grawingellius) в публикации не датировано, но отнесено А. Каппелером к группе листов 1561 г.⁴⁴ В нем особый акцент сделан на грехах Ливонии, приведших к ее гибели, и на морально-этических проблемах «Нарвского плавания» (поставки врагам христианства военных материалов). С. Мунд причисляет это произведение к жанру панегириков (отличались от «летучих листов») большей пространностью и литературными качествами, художественной образностью). В одном перечне с ним он указывает сочинение, приписываемое Георгу Найнеру (Georg Neiner) «Жалоба Ливонии об огромном московском разорении»⁴⁵. С последним сходен изданный в 1562 г. текст Ансельма Бока (Трагуса) «Жалоба о несчастном ливонском бедствии...»⁴⁶ Он был адресован польскому вице-канцлеру Петру Мишковскому. Ансельм писал, что Ливония находится под тиранией «скифского Циклопа», при этом московская тирания превосходит жестокостью и масштабами все предшествующие. Он поместил в тексте «Мольбу против Москвы», просил о помощи Бога и призывал Польшу к выступлению против русских.

Подводя итоги нашему обзору первого акта пропагандистской войны, можно сформулировать следующие выводы:

1) пропаганда против России на уровне массовых (в понимании XVI в.) печатных изданий начинается в 1561 г. Ее возникновение связано с вмешательством в ливонский конфликт Священной Римской империи и началом русско-литовско-польской войны 1561–1570 гг.;

dem Unchristenlichen und Blutdürstigen Tyrannen dem Grossfürsten in Moscow und den Tartern etc. ein gestalt oder gelegenheit hab. Nürnberg, 1561 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 254; Mund S. Orbis Russiarum... P. 340; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 59*).

⁴³ Christliche Erinnerung wie ein edler thewrer Schatz die Concordia und Einigkeit sey Sampt etlichen Prophezeyen der Türcken die Mahumet selbst über sie geweissaget hat Wie das der Moskoviter sich auch jetzt der Türckischen weise annemen den Christen im Deudtschen Reich gewalt zufügen und abbruch thun will Und wie jnen beyden zubegegnen sey. An die Christlichen Chur und Fürsten Graffen und Edele so au ff dem Tage zur Naumburg bey einander / und löblich versamlet durch Christophorum Cruceium. S. l., 1561 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 254; Mund S. Orbis Russiarum... P. 340; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 60*).

⁴⁴ Ein gantz erbarmlike und eelende klage des armen und hartgedrengden Lyfflandes, vor etliken wecken heruth in Preussen geschickt und itzund rymeswyse in Druck verfertigt. Dorch Johannem Reinhardum Grawingellium. S. l. et a. (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 32, 254; Mund S. Orbis Russiarum... P. 340–341; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 60*; С. Мунд замечает, что сочинение было переиздано в 1564 г.). Опубликовано: *Mackensen L. Baltische Texte der Frühzeit. Riga, 1936. S. 148–152* (Abhandlungen der Herder-Gesellschaft und des Herder-Instituts zu Riga, Bd. 5).

⁴⁵ *Neiner G. Querela Livonice de suiper Moschos vastatione, ad illustrissimos et clementissimos Principes in conventu Naumhurgensi. Wittenberg, 1561; см.: Mund S. Orbis Russiarum... P. 351; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 60.*

⁴⁶ *Boccius Anzelm (Bock). Querela de miserima Livoniensium clade; Ad magnificum ac generosum Dom. Petrum Miskowski Gnesnensem Lanciensemque praepositum ac S. R. Maiestatis Poloniae Vicecancellarium Dominum meum gratissimum. Per Anselmum Tragum Livoniensem. Item: Praecatio contra Moschos per eundem. Regiomonti. Borussiae anno 1562. w 8ce, kart 14. Przedruk faksymil. Petropoli, 1862; см.: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 32; Mund S. Orbis Russiarum... P. 352.*

2) к этому времени Ливония как самостоятельное государство и часть Священной Римской империи уже погибла, была расчленена насильственным путем и поделена между Польшей, Литвой, Россией, Данией, Швецией. Авторы «летучих листов» не затрагивают тему, предполагалось ли восстановление ливонской государственности в случае вытеснения русских из Ливонии, и что тогда делать с герцогством Курляндским и Семигальским, с территориями, отошедшими Польше с Великим княжеством Литовским, Швеции, Дании. То есть, на страницах изданий не обсуждается конкретный проект будущего Ливонии;

3) история гибели Ливонии используется как материал для антирусской пропаганды, возвышения роли в Европе Священной Римской империи и Польши, иллюстрирования различных дискурсов и моральных установок «христианского мира»;

4) эта пропаганда ведется по правилам, уже отработанным в сфере массовых печатных изданий первой половины XVI в. Внешний вид, структура и содержание «летучих листов» восходят к аналогичным памятникам антиitureцкой пропаганды и идеологической борьбы времени Реформации. В антимосковских изданиях транслируются и трансформируются дискурсы и образы, порожденные реформационной и антиitureцкой литературой;

5) Россия не просто проиграла этот этап пропагандистской войны, но даже, по всей вероятности, не подозревала о нем. В Европе начинал интенсивно формироваться ее негативный образ, накладывающийся на недавние разоблачения Герберштейна. Этот образ влиял не только на культурные и духовные установки, на менталитет и «образ чужого», но и на враждебную политику Запада в отношении Московского государства, приобретающего в глазах европейцев облик «империи зла» в понятиях XVI в. То есть, благодаря пропаганде формировалась нешуточная угроза России. А она про нее не знала и не могла ничего противопоставить. Отсталость технологий иной раз роковым образом сказывается на судьбах государств.

«Жалобный плач города Полоцка»

Следующий всплеск пропагандистской литературы породило взятие войсками Ивана Грозного Полоцка в 1563 г. По всей видимости, ему было посвящено около десятка «летучих листов»⁴⁷.

Часть из них носила в большей степени информационный характер. Это было сообщение о злодеянии тирана-Московита, который, как турок, напал на европейский христианский город. 31 января 1563 г. датирован «Краткий документ и описание огромного и могущественного похода Московита на Полоцк в Литве 31 января данного 63 года». Он был издан в Нюрнберге Николасом Кноппом (Nicolaus Knorr)⁴⁸. Он упоминает боевые действия, захваты Ивана Грозного и бездействие Великого княжества

⁴⁷ Максимович Р. «Навіны грозныя» 1563 году. Да гісторыі зачаткаў беларускіх газетных выданняў // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі і Мастацтва. Кн. 4. Мюнхен, 1966; Auerbach I. Russland in deutschen Zeitungen (16. Jahrhundert) // Russen und Russland aus deutscher Sicht 9.–17. Jh. München, 1988. S. 183–195; Белы А. Полоцк у нямецкіх «лятухых лістах» XVI ст. // Спадчына. 1997. № 6. С. 213–219; Сагановіч Г. Захоп Полоцка Іванам IV у нямецкіх «лятухых лістах» 1563 г. // Матэрыялы III міжнароднай канферэнцыі «Гісторыя і археалогія Полоцка і Полоцкай зямлі». (Полоцк, 21–23 кастрычніка 1997 г.). Полоцк, 1998. С. 263–270; Zawadzki K. 1) Gazety ulotne polsky i Polski dotyczące XVI–XVII wieku. Bibliografia. T. 1: 1514–1661. Wrocław, 1977; 2) Polonica in den neuen Zeitungen des 16.–18. Jahrhunderts in den Herzog August Bibliothek // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellockiego. 1994. T. MCXXXVIII: Prace Historyczne. Z. 3. S. 47–77.

⁴⁸ Kurtze Abschrift und Verzeichnus des grossen und gewaltigen Feldzugs so der Moschcobiter für Polotzko in Littawen den 31. Januarij dieses LXIII. Jars gebracht hat. Nürnberg, 1563 (листок указан: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 35, 254; Mund S. Orbis Russiarum... P. 341; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 61; Zawadzki K. Gazety ulotne polsky... S. S. 13. Nr. 55; опубликован: Zrodla do dziejow

Литовского, не оказавшего помощи своему городу. Николас Кнорр в том же Нюрнберге выпустил и другой листок: «Правдивое описание, как большой торговый город Полоцк, принадлежавший Литве, завоеван и захвачен Московитом 15 февраля нынешнего 63 года»⁴⁹. Тексты обоих листков связаны между собой. Анонимный автор призывает на помощь польского короля и уже традиционно сравнивает русское завоевание с бедствиями, которые приносят «христианскому миру» турки. А Иван IV смог за счет захвата Полоцка поправить финансовое положение своей казны. Об экономических мотивах позже писали и другие авторы (П. Одерборн, 1585 г.: русский царь «в высшей степени жаждал захватить этот город по причине его важного положения, славы и величия, богатств, возможности без всяких затрат содержать в нем войско и, наконец, благоприятного случая совершить нападения глубже в литовские территории»). Те же мотивы называются в других немецких и итальянских нарративных памятниках XVI в., то есть причиной агрессии считались коммерческие интересы Московита⁵⁰.

В конце текста стоит дата 9 марта — она хорошо демонстрирует скорость распространения информации. 15 февраля, как пишет автор листка, сдан Полоцк. В течение трех недель новость об этом достигла Нюрнберга, была оценена, кто-то написал об этом специальный текст и передал его в типографию. Сроки неплохие для Нового времени.

Одновременно с вбрасыванием информации в Европу об агрессии России против христианского государства, изначально преподносимой в совершенно определенном ракурсе и с обличительными оценками, появляются «летучие листки», содержавшие яркие художественные и пропагандистские тексты, направленные против Москвы. А. Каппелер оценивает данное «Письмо ужасного и страшного врага-Московита королю Польскому» как один из наиболее своеобразных текстов⁵¹. Он носит апокрифический характер. В нем фигурирует великий князь московский с фантастическим именем «Nephtalinio», а само действие разворачивается с упоминанием совершенно несурзных дат — письма Ивана Грозного королю от 9 мая 1563 г. и 9 июня 1562 г. (сам поход на Полоцк на самом деле состоялся на полгода позже).

Polski / Red. F. Nowakowski. Berlin, 1841. S. 190–198; русский перевод: Витебская старина. 1885. Т. 4. С. 119–123).

⁴⁹ Warhafftige beschreibung wie die grosse Kauffstadt Polotzko So in Littawen gelegen von dem Moschcowitter den 15. Februarij dieses LXIII. Jars erobert und eingenommen worden ist. Nürnberg 1563. — А. Л. Хорошкевич указывает, что в основе листка лежит некое анонимное письмо из Вильно (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 332). Также информативный характер носит любекский листок: Ein nye ledt van dem tyrannischen vyende, dem Moskowiter, wo he dem könige uth Palen ynth landt gefallen ys und eine Stadt, Polotzko genandt, ungenamen hefft, gestörmet, gemordet unde vordrendt allent, wat em vörgekamen ys. Lübeck, 1563 (листки указаны: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 35, 254; *Mund S.* Orbis Russiarum... P. 341; *Zawadski K.* Gazety ulotne polsky... S. 15. Nr. 61; *Poe M.* Foreign discriptions of Muscovy... P. 61). Любекский листок опубликован: *Mackensen L.* Baltische Texte der Frühzeit. Riga, 1936 (Abhandlungen der Herder-Gesellschaft und des Herder-Instituts zu Riga. Bd. 5). S. 80–83.

⁵⁰ Обзор немецких текстов см.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 254–255; итальянских: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений... С. 322.

⁵¹ Absgbriff des grausammen und erschrockenlichen Feindts des Moscoviters König Sigismundo auss Polen zugeschicket: Mitt sampt der Anthwort so von Kün. May. hierüber beschechen. Es wirt auch hierinnen ein sendtbrieff begriffen so von gemelter Kün. Mayestat Secretario auss Polen einem guten freündt zu Presslaw zugeschriben: begreifende die grausamme Tiranney und jämerlich blutvergiessen so der Moscoviter in Littaw an vilen Christen begangen hatt und noch täglich in der Wilde genant übet. S. 1., 1563 (листок указан: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 34, 254; *Mund S.* Orbis Russiarum... P. 341; *Poe M.* Foreign discriptions of Muscovy... P. 61; *Zawadski K.* Gazety ulotne polsky... S. S. 13. Nr. 54). — С. Мунд указывает, что памфлет также издавался под заголовком: Absg oderfeinds brieffe. So beyde der grossfürste der Moscoviter (etc.) und König in Poln (etc.) ain ander Irer jetzschwebeder Kriegsbandlung emstlichen zugeschrieben. Derwegen menniglich Gott den Allmechtigen zu erweiterung seiner Christenlichen Kirchen und zu abwending dergrausamen Tyranney fleissig betten solle. S. 1., 1563.

Трудно сказать, какие ассоциации должно было вызвать у читателей это имя. В античных легендах известен Неоптолем (др.-греч. *Νεοπτόλεμος*), сын Ахилла и Деидами, дочери Ликомеда. Имя переводится как «Юный воитель». Однако его нельзя назвать очень знаменитым и одиозным героем: участник Троянской войны, предсказатель Гелен объявил, что Троя без Неоптолема не может быть завоевана. Участник знаменитой операции «Троянский конь». Убийца последнего троянского царя Приама. После взятия Трои при разделе добычи получил Андромаху (супругу Гектора, вождя троянцев в их войне с греками). После войны — царь, правил в Эпире. Согласно ряду легенд, был убит в Дельфах, в этом видели возмездие за незаконное убийство Приама. Нужно сделать большое усилие, чтобы увидеть в этой биографии аналогии с Иваном Грозным и понять, к каким же семантическим рядам апеллировал автор «летучего листка». Поэтому сближение московского великого князя Нефталинио с античным Неоптолемом представляется маловероятным.

В Библии фигурирует Неффалим (*Быт. 30:8; 46:24; Чис. 1:15*). Но он вполне положительный герой, большую часть своего земного служения Иисус Христос провел в коленях Неффалима и Завулона (*Мф. 4: 13–15*). То есть, тоже вряд ли подходит.

По предположению американского профессора Д. Гольдфранка (любезно сообщенному им мне в электронной переписке), под *Nephalim* имеются в виду Енакимы, названные в честь Енака, основателя рода Арбы, «исполины», жившие вокруг Хеврона (*Нав. 11: 21; Чис. 13: 23*). В ряде переводов Библии они обозначены как *Nephalim*, в Вульгате переводится как «монстры»⁵². То есть, Иван Грозный и его армия обозначены как библейские монстры, исполины, враги израильского народа. Последний аспект особенно важен — получается, что на Полоцк напала армия анти-богоизбранного народа, то есть, в конечном счете, Антихриста. Данная интерпретация, по всей видимости, наиболее вероятна.

Правда, остается открытым вопрос, зачем эту мысль надо было передавать столь сложным путем переводческих аллюзий. Ни в Вульгате (“*ibi vidimus monstra quaedam filiorum Enach de genere giganteo quibus comparati quasi lucustae videbamus*”, *Numeri 13 : 33*), ни в Лютеровской Библии (“*Wir sahen auch Riesen daselbst, Enaks Kinder von den Riesen; und wir waren vor unsern Augen wie Heuschrecken, und also waren wir auch vor ihren Augen*”, 4 *Mose 13: 33*) *Nephalim* нет. Там это слово переведено как «великаны» или «монстры». “*Nephalim*” как обозначение Енакимов восходит еще к древнееврейским текстам. Но знали ли читатели примитивных «летучих листков» эти тексты? Это была настолько подготовленная читательская аудитория, что с ходу понимала древнееврейские образы? Вопрос, как нам представляется, еще не закрыт.

Великий князь московский Нефталинио присылает польскому королю оскорбительное послание, в котором грозит ему войной и насилием, упрекает в напрасном вмешательстве в ливонские дела. Тем самым польский король получает моральное право и ответить на русскую агрессию, и заступиться за Ливонию (это заступничество оказывается частью борьбы с московской тиранией). Листок содержит исполненный достоинства ответ польского короля, который готов выступить на бой с тираном.

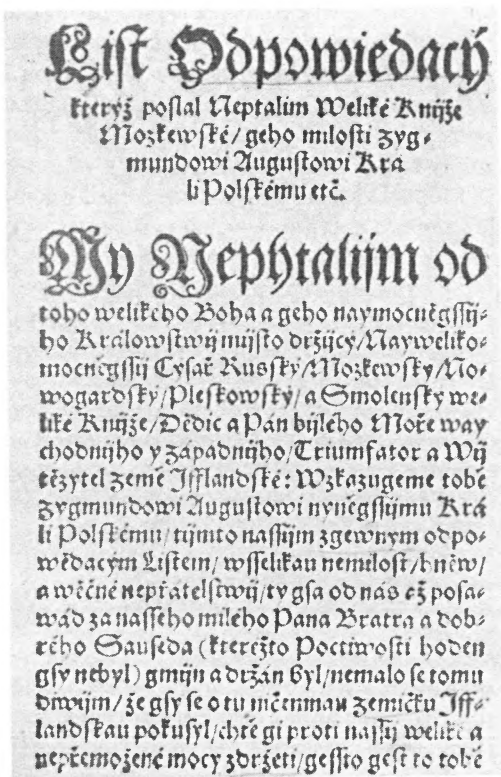
Польская антимосковская пропаганда начала распространяться по Европе уже не только в германском, но и славянском мире. Отредактированной компиляцией вышеупомянутого текста (а также некоторых других листков информационного характера) являлся вышедший в 1563 г. в Праге листок на чешском языке «Новости ужасные, грозные

⁵² «И распускали худую молву о земле, которую они осматривали, между сынами Израилевыми, говоря: земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поедаящая живущих на ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые; там видели мы и исполинов (в некоторых переводах — монстров, *Nephalim*) сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших [пред ними], как саранча, такими же были мы и в глазах их (*Чис. 13: 33, 34*).

и горестные...»⁵³ В нем фигурирует тот же великий князь московский Непталим, пишущий оскорбительное и вызывающее послание королю Польскому (довольно умелая стилизация под послания от имени Ивана IV русской дипломатической службы), и благородный Ягеллон, защита «христианского мира» от угрозы, аналогичной турецкой. Помимо воображаемого эпистолярного поединка русского царя и польского короля листок содержит описание боевых действий под Полоцком. В листке также исправлены некоторые явные ошибки (датировка послания Ивана Грозного перенесена на 9 мая 1563 г.)⁵⁴. В качестве приложения помещено что-то вроде выписок из московских разрядов Полоцкого похода (что придавало повествованию документальность). Подписана одна из частей компиляции Себастианом Оксом (Sebastian Oks).

Таким образом, придуманные и запущенные в производство германскими издателями листки о Ливонской войне начали свой путь по странам Европы в мультязычных версиях. Кроме немецких и чешских, появились тексты на латыни, причем было прямо указано, что листок переведен с немецкого⁵⁵.

Чешский «летучий листок» 1563 г. с именем «великого князя московского Непталима».

⁵³ Nowiny Hrozne strassliwe y zalostiwe kerak Neptalijm Welike knijze Mozkewske geho milosti Krali Polskemu etc. s znamenitým počtem lidu walecneho do zeme Litewske wpadł Pälentjm Mordowanijm Lidij wobogijho pohlawij ne Krestianskym a nestydatym zegijmānjm Mest a zāmkūw dobywānijm welikau a znamenitau sskodu ucinil. Praha, 1563 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 36, 254; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 341–342; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 62; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 14. Nr. 57).

⁵⁴ Послания Ивана Грозного королю Сигизмунду II, близкие к фигурировавшим в листках датам, приведены в русских посольских книгах, имеют иное содержание. Апрельское послание 1562 г. посвящено разоблачению тайных контактов польского короля с крымским ханом, что, с точки зрения царя, означало науськивание мусульман «на христианскую кровь» (Послание Ивана IV польскому королю Сигизмунду II Августу, апрель 1562 г. // Сборник РИО. Т. 71. С. 55–63). К датировке чешского листка наиболее близко послание 16 июня 1563 г., отправленное с посланником Юрием Бьковским (Послание Ивана IV польскому королю Сигизмунду II Августу, 16 июня 1563 г. // Сборник РИО. Т. 71. С. 143–147). Оно не содержит оскорбительных выпадов и вызова, которые есть в выдуманном послании «летучего листка». В нем вина за конфликт возлагается на Сигизмунда, и польско-литовская сторона приглашается к прекращению войны и заключению перемирия.

⁵⁵ Memorabilis et Perinde stupenda de crudely Moscovitarum expeditione narratio, è Germanico in Latinum conuersa. Duaci, 1563 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 36, 254; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 341–342; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 61; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 14. Nr. 56). Немецкий первоисточник листка: Warhafftige und erschreckliche Zeitung von dem grausamen Feind dem Moscoviter, Augsboung, 1563. К. Завадский указывает на существование французского перевода: Pitoyable Nouvelle et recit, digne de memoire & admirable, du voyage & enuahissement fait par les Moschouites sur le Royaume de Polonic... Lyon, 1563 (*Zawadski K. Gazety ulotny polske...* S. 14. Nr. 58).

Он был издан в нескольких вариантах в северофранцузском городе Дуэ. На обложке использованы разные гравюры, в том числе изображение человека, топором срубающего дуб. Знания автора о реалиях Восточной Европы невелики: он считает, что Полоцк и Псков — один и тот же литовский город (Polotzk и Plesk). Листок сообщает о взятии города, злодействах над мужчинами, женщинами, девственницами и детьми, рисует толпу голых пленных женщин и т. д., описывает масштабы военной угрозы Польше со стороны Московии, о сотнях тысяч воинов, сражавшихся под городом. Московиты объявлены врагами Священной Римской империи, и нужны решительные действия, чтобы выжечь эту язву, угрожающую христианам.

Сочинение автора, скрывающегося за именем Иоганн Рейнхард Гравингеллиус (Johann Reinhardus Grawingellius), было издано в 1563 г. в Нюрнберге уже известным нам Николасом Кнорром⁵⁶. Иоганн пишет, что свой текст он сочинил в Кенигсберге. Примечательно, что этот «Жалобный плач города Полоцка» был написан... в стихах. Он адресован в Эрфуртский коллегиум монахов ордена августинцев. Полоцк назван «высокородным купеческим городом», он расположен в Литве, которая «находится рядом с Пруссией». Тем самым обозначался вектор близости Литвы к германскому миру, столь важный для читателей из Нюрнберга и Эрфурта.

Сам по себе текст малохудожественный и не оригинальный по набору топосов. Перед читателем предстает богатый богобоязненный город, опущенный в бездну греха (то есть, завоевание влечет не просто утрату, но принудительное согрешение или созерцание этого греха). Гибнут преимущественно женщины и дети. В плен в Московию гонят несчастных полочан. Во всем виноваты ужасное тиранство и жестокость московитов и их страшного правителя. Полоцк кается, плачет и причитает о своем горе, которое видит следствием своих грехов. Не грешил бы — может, и не было бы Господнего наказания. На месте Полоцка может оказаться любой город, и предсказать, кто будет следующим, не может никто. Но надо сообщить об этой трагедии всему свету, особенно германскому миру, потому что ему особенно угрожает Московит. А покаяние и избавление от грехов может вернуть Полоцку его былое благополучие.

Изобразительный ряд «летучих листков», связанных с историей взятия Полоцка в 1563 г., довольно беден и банален. Изданный в Аугсбурге в 1563 г. немецкий первоисточник вышеописанного латинского «летучего листка»⁵⁷ (из Дуэ) изображает штурм войнами в европейских доспехах каменной крепости (внешние стены Полоцкой крепости, как известно, были деревянными). Причем варианты гравюры с крепостью предлагались разные. В нюрнбергском листке 1563 г.⁵⁸ изображено войско, входящее через ворота в условный город, имеющий европейский облик. Гравюра опять-таки носит совершенно условный характер.

⁵⁶ *Grawingellius J. Gar Erschröckenliche Newe Zeytung von dem Moschcowitter welcher vor wenig tagen in der Kron zu Polen Polotzko einfürneme Stadt und Vestung des Littawer Landes mit grausamer Tyranny erobert und überwältiget hat. In Klagreyme gefasset durch Johannem Reinhardum Grawingellium. Nuremberg, 1563. Переиздание: Warhafftige neue Zeytung von dem yetzigen Sieg der unsern, so da geschehen ist den 26. Januarii, von dem Littawischen Kriegßvolck wider die Muscowitter dieses 1564. Jars. Item ein schön new geistlich Lied wider den Muscowitter ... durch Johannem Reinhardum Grawingellium. Torca, 1564 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 254; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 15. Nr. 59–60; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 341; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 62). Белорусский перевод: *Сагановіч Г. «Жаласны плач горада Полацка» // Беларускі гістарычны агляд*. 2001. Т. 8. Сш. 1–2 (14–15). С. 136–144.*

⁵⁷ *Warhafftige und erschreckliche Zeitung von dem grausamen Feind dem Moscowiter. Augsbourg, 1563. См. указание на издания: *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 15–16. Nr. 62–64.*

⁵⁸ *Kurtze Abschrift und Verzeichnus des grossen und gewaltigen Feldzugs so der Moschcobiter für Polotzko in Littawen den 31. Januarij dieses LXIII. Jars gebracht hat. Nürnberg, 1563. См. указание на издания: *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 13. Nr. 55.*

Условное изображение штурма Полоцка в аугсбургском листке 1563 г. Армия Ивана Грозного изображена в европейских доспехах.

Kurtze Abschrifft vnd
Verzeichnus / des grossen vnd gewaltigen
Feldzuges / so der Moskowiter für
Poloskoin Littawen / den 31.
Januarij / dieses L. XIII.
Zars gebracht hat.

Jwan Wasylow
fürst vnd Mos

nig Grossfürst in Russ
schaw.

Войско Ивана Грозного входит в Полоцк.
Нюрнбергский листок 1563 г.

Wahrhafftige vnd Gr-
schreckliche Zeytung / von dem
grausamen Feynd dem
Moscowiter.

Другой вариант условного изображения штурма
Полоцка в аугсбургском листке 1563 г.

Взятие Полоцка получило отражение и в другом западноевропейском нарративе. В сатирической песне, сочиненной в 1563 г. Гансом Газентутером, позиция Ганзейских городов, продолжающих наживаться на торговле с москвитами, несмотря на гибель Ливонии, была сравнена с грехом Иуды⁵⁹. В Ливонии судьбу Полоцка восприняли сочувственно и в то же время с некоторым пониманием: как пишет Рюссов, «эту потерю наследственных земель и городов король польский должен был претерпеть из-за принятой Ливонии; потому что, приняв Ливонию, он должен был также делить и переносить ее наказания и муки»⁶⁰. Уже в XVI в. в Европе ходила точка зрения, что потеря Полоцка поставила Литву на грань катастрофы и способствовала ее слиянию с Польшей⁶¹.

Современники не ожидали от русской армии способности к ведению столь успешных боевых действий. Поэтому возникали самые экзотические объяснения невиданных побед москвитов: некий итальянский аноним XVI в. виновниками поражения литовцев называл... английских и немецких пушкарей, служивших москвитам. Именно они своим огнем зажгли город и принудили его к сдаче⁶². При этом размеры армии Ивана Грозного сильно преувеличивались. А. Л. Хорошкевич приводит свидетельство анонима, итальянского подданного этрусского князя Космо I, что войско Ивана IV якобы насчитывало 200 000. Эта же цифра содержится в рукописной газете, хранившейся в архиве каноника мюнстерского собора в Цюрихе Иоганна Якоба Вика. А вот послание анонима из Базеля в Цюрих от 4 марта 1563 г. определяет размеры царского войска в 150 000 человек⁶³. В немецких «летучих листках» упоминаются цифры 200 000, 260 000, 300 000 человек⁶⁴.

Данные цифры, несомненно, очень сильно завышены. Их нереальность следует хотя бы из того, что 300-тысячную армию сопровождало бы не менее 600 000 лошадей — цифра совершенно невероятная, они бы просто съели весь Полоцкий повет. Как показано А. Каппелером, для европейских «летучих листов» вообще было характерно оперировать цифрами не меньшими, чем в несколько сот тысяч человек, что было далеко от истины⁶⁵.

Рукописная газета из архива Иоганна Вика говорит об Иване IV: «Он убил много наших, многих полонил, спалил, утопил, выслал и обращался с ними совсем не похристиански»⁶⁶. Число жертв погрома Полоцка росло от сочинения к сочинению. Так, «Правдивая и страшная газета про ужасного врага Москвита» повествует, что при штурме было вырезано 20 000 горожан, в особенности женщин, девушек и детей, а 60 000 было уведено в плен. В письме к этрусскому князю Космо I его анонимный подданный сообщал, что в Полоцке 10 000–12 000 были взяты в рабство, а 50 000 убиты. В письме анонима из Кракова, хранящемся во Флорентийском архиве Медичи, говорится о 16 000 полочан, павших при штурме, и 60 000 вырезанных жителей в самом городе и его окрестностях после сдачи. Другой итальянский аноним пишет, что в городе укрывалось 60 000 человек, из которых многие были перебиты как скот, другим выкалывали глаза, и кто пережил эти издевательства и пытки — остались в московском плену безо всякой надежды на выкуп. Сходные цифры приводятся и в ряде «летучих листов»⁶⁷.

⁵⁹ *Donnert E.* Der Livändische Ordenstritterstaat und Russland... S. 165.

⁶⁰ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. III. С. 140.

⁶¹ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 33.

⁶² *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений... С. 330.

⁶³ Там же. С. 328. Примеч. 25; С. 334, 335.

⁶⁴ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 116; *Ott T.* "Livonia est propugnaculum Imperii"... S. 25.

⁶⁵ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 206.

⁶⁶ Цит. по: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений... С. 334–335.

⁶⁷ Цит. по: Там же. С. 329–330.

В некоторых иностранных сочинениях утверждалось, что Иван Грозный «...город целиком и полностью сжег до основания и 20 000 человек придал мучительной смерти на крючьях и виселицах»⁶⁸. Город, как мы знаем, пострадал от артиллерийского огня, но вовсе не был сожжен дотла. Цифры в 20 000–70 000 жертв фигурируют и в других немецких «летучих листках»⁶⁹. Население, согласно некоторым текстам, из Полоцка было вынуждено бежать в Пруссию. Следующими пунктами агрессии московитов авторы немецких «летучих листов» уверенно называли Киев и Вильно⁷⁰. Все эти выдуманные ужасы не заглались, как отмечено в самих сочинениях, «для предостережения и исправления немецкого читателя», что сопровождалось призывами обращения к Богу и укрепления веры перед угрозой «Бича Божьего», варваров с Востока.

Фантастичность этих цифр видна из того, что в Полоцке просто не было столько населения. А. Л. Хорошкевич приводит данные ревизии Полоцкого замка 1552 г., в которой в самой крепости было 110 дворов, а на Большом посаде — 771 дом, в Запологи — 119, Островском посаде — 153, Екиманском посаде — 269 и Слободском посаде — 110, и ссылается на подсчеты С. Александровича, что все население Полоцка в середине XVI в. не превышало 10 000–12 000 человек⁷¹.

Польская «Хроника» М. Стрыйковского содержит известие, что после взятия Полоцка в город вошли татары, которые порубили монахов-бернардинцев, а местные евреи были утоплены в р. Двине⁷². Эта версия из произведения М. Стрыйковского перешла в «Хронику» М. Бельского⁷³, а затем — в «Кройнику литовскую и жемойтскую» и в сочинение о Московии Александра Гваньини, а отсюда попала к Одерборну. При этом сведения о казнях монахов как-то затерялись, и в основном муссировался факт утопления евреев. Наиболее красочно он передан у Г. Штадена, который писал, что вместе с евреями, безуспешно пытавшимися откупиться от лютой казни, Грозный утопил и весь сдавшийся польско-литовский гарнизон⁷⁴.

Это известие было подхвачено и русскими летописцами. В своде Корнилия говорилось: «А которые были в городе жили люди жидове, и князь великий велел их с семьями в речную въметати и оутопил их»⁷⁵. Исидор Сназин в конце XVII в. писал в Мазуринском летописце, что государь «тамо живущих богоубивственных жидов к конечной пагубе приведе, богомерзких же латын и злейших иконоборец расплени и ростоци, и город благочестием освети, и в нем истинное православие утверди»⁷⁶.

Но история трагедии «полоцких жидов» была поставлена под сомнение уже современниками. Папский нунций А. Поссевино приводит рассказ Дж. Тедадьди, который отрицал мнение М. Стрыйковского, будто бы Иван IV убил в Полоцке католических монахов. Преследования евреев Тедадьди тоже отрицал. По его словам, царь утопил двух или трех, которые не хотели принимать крещение, и их таким варварским спосо-

⁶⁸ Цит. по: Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 105–106.

⁶⁹ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 116.

⁷⁰ Ibid. S. 117.

⁷¹ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений... С. 326–327; Alexandrowicz S. Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Polocka w 1579 r. // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1971. R. 19. Nr. 1. S. 11–12.

⁷² Или, согласно местным преданиям, в Воловьем озере, где их топили, выгнав на лед и затем убив его ([Без-Корнилович М. О.] Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855. С. 81).

⁷³ [Bielskij M.] Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. S. 1146.

⁷⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 117.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 244.

⁷⁶ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 137–138.

бом «крестили насильно». Других же представителей диаспоры государевы воеводы просто выгнали из города⁷⁷. Андрей Венгерский пишет, что был утоплен только бывший православный монах Фома, принявший протестантство⁷⁸.

Тедальди объясняет происхождение этих слухов в целом антисемитской политикой Ивана IV, которая была порождена прежде всего происками торговых конкурентов еврейских купцов. Он приводит историю о польском купце Андриане, который подбросил еврейским коммерсантам в бочку набальзамированный труп висельника («мумий»), а потом устроил так, что его нашла потрясенная русская таможня. Разгневанный московский царь хотел сперва вообще истребить всех евреев, но Андриан подговорил его сжечь все их товары и более никогда не пускать в свое царство — и тем устранил конкурентов⁷⁹.

Убийства армией Ивана Грозного полоцких евреев (реальные или выдуманные) получили отражение в еврейском фольклоре (судя по всему, позднему). Они зафиксированы в предании о семье Барканов:

«Была лютая зима. Завоевал московский царь Иоанн Грозный Полоцк и повелел всех евреев с женами и детьми, всех до единого, согнать к берегу реки Двины, к месту нынешнего Алтшодта, что близ княжеского замка. Собрали всех евреев, их жен и детей, числом 3000 душ, и поставили всех у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей — мальчик, сын одного когена, и девочка, тоже дочь когена, во время суматохи были забыты и не приведены к берегу Двины. И приказал Иоанн Грозный поставить всех евреев на лед реки и затем разрубить лед. И были все потоплены, числом 3000 душ. Спаслись только те двое детей, которых Иоанн Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли оба и сочетались браком, получив имя Бар-Коген (Баркан). Они-то и положили основание новой общине и семье Барканов».

Евреи вернулись в Полоцк только после окончания его пребывания в составе России Ивана Грозного, в 1580 г. Как отмечено И. Берлином,

«...еврейскому сказанию он (Иван Грозный. — А. Ф.) нужен, чтобы ввести в текст мотив, связанный со “снисхождением” московского царя, а это, в свою очередь, объясняет, каким образом разгромленная община сумела возродиться к новой жизни. В основе повествования лежит легенда — о чете спасшихся жителей разрушенного Полоцка, о двух подростках, по воле Провидения восстановивших целый пласт утраченного было еврейского бытия. По общей сюжетной канве это сказание приближается к другой легенде — об остатках еврейской общины Могилева (на Днепре), истребленной при вторжении царя Алексея Михайловича в Белоруссию (1655 год), а также к общеизвестной русской легенде про “Ивана да Марью”»⁸⁰.

В связи с этой легендой у полоцких евреев возникло своеобразное место памяти: старое кладбище возле урочища Салоник, где, по преданию, похоронены всплывшие на поверхность трупы еврейских мучеников 1563 г. В память о гибели общины члены полоцкой еврейской общины совершали ход к легендарным местам захоронения 300 человек (а не 3000, как говорится в сказании). Сегодня установить достоверность

⁷⁷ Шмурло Е. Ф. Известия Джованни Тедальди о России времен Ивана Грозного. СПб., 1891. С. 14; Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк... С. 104–105; ср.: Kappeler A. Ivan Groznoj im Spiegel... S. 116. Примеч. 71.

⁷⁸ Шмурло Е. Ф. Известия Джованни Тедальди... С. 28.

⁷⁹ Там же. С. 14–15.

⁸⁰ Берлин И. Сказание об Иоанне Грозном и о разгроме еврейской общины в Полоцке // Еврейская старина: Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества. Пг., 1915. Т. VIII. С. 173–175.

этого захоронения не представляется возможным. Все еврейские кладбища Полоцка были уничтожены в 1950-е гг.

Итоги нашего обзора всплеска пропаганды по поводу взятия Полоцка в 1563 г. можно подвести следующим образом:

1) в «полоцком комплексе» «летучих листков» происходит явный рост информативности. Европейский читатель ждал новостей с восточных границ «христианского мира». Но информации не любой, а именно той, которую хотел услышать, которая легко укладывалась в картину мира. Причем дискурсы этой картины мира были заданы европейскими дискурсами. Что такое, если обобщать, падение Полоцка в 1563 г. глазами европейца? На благополучный торговый город нападает несметная орда варваров с востока, бесчинствует, грабит, убивает, прежде всего женщин и детей и т. д. Власти или вообще бездействуют, или действуют вяло, нерешительно и не могут защитить Полоцк (на фоне патетических и «идеологически правильных» заявлений польского короля). Как все это похоже на окраины Священной Римской империи, на ее торговые города, подвергающиеся турецкой агрессии при бессилии, но громких и «правильных» заявлениях императора!

2) при всем соблюдении атрибутов информативности (ссылки на свидетелей, на авторство сообщений конкретных лиц, на реальные и выдуманные документы, письма) уровень достоверности невелик. События нередко моделируются и подгоняются под шаблоны (огромные армии, войны в европейских доспехах, штурмующие стены европейского города и т. д.), искажаются и сочиняются в соответствии с авторскими замыслом и пропагандистскими задачами;

3) центром сочинения и издания «летучих листков» по-прежнему остается Нюрнберг, но «эстафету» подхватывают и другие немецкие города, а также французские, чешские и т. д. Листки выходят уже на нескольких языках. Война с Россией — это уже дело не только Ливонии и германского мира, а всего «христианского мира», Европы.

От поражений — к победе: «летучие листки» о разгроме московитов в битве на р. Уле в 1564 г.

И у первой, «ливонской», и у второй, «полоцкой» волны листков в пропагандистском плане был один существенный недостаток. Страны, города, люди, подвергшиеся нападению московитов, выглядели исключительно как жертвы, гибнущие или оказавшиеся на краю гибели. Но кто остановит этих новых варваров с востока? Для завершения картины нужна была победа. Враг обозначен, теперь нужен защитник, спаситель. И повод не заставил себя долго ждать.

Поражение московских войск при Уле в январе 1564 г. вызвало целый всплеск победных реляций, пересказанных в немецких «летучих листках» в поздравительных тонах. Появилось даже несколько стихотворных произведений, восхваляющих торжество литовского и польского оружия (Лауренса Гослицкого⁸¹, Гжегоша из Самбора⁸²), связывающих с Ульской битвой реванш за потерю Полоцка и перелом в войне с ненавистным московитом.

⁸¹ *Lawrency Wawrzyniec Grimalius* [псевдоним Гослицкого (Goslicki)]. *De Victoria Sigismundi Augusti Serenissimi et Potentissimi Régis Poloniae (...) ex Moschorum quadraginta millibus caesis parla, XXVI. die Januarii, sexagesimo quarto, supra Millesimum Quingetesimum annum, Padoue, 1564* (см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 352).

⁸² *Grzegorz Samboritanus*. *Elegië, una de recenti Moscorum strage...* S. l. et s. d. (см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 352). Др. издание сочинений Гжегоша из Самбора: [*Grzegorz z Sambora; Bialobrzieski, Marcin; Wirzbięta, Maciej; Dąbrowski, Stanisław*] *Vigilantii Gregorii Samboritani, Cracoviensis [...], Elegiæ, & Epigrammata quædam. Cracoviae, 1567.*

Информация о разгроме войск Ивана Грозного была целенаправленно вброшена в Европу из Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Это был растиражированный в печатном виде и переведенный на разные языки краткий отчет о победе Николая Радзивилла над москвитями в январе 1564 г. Он был издан в 1564 г. в Нюрнберге все тем же Николасом Кнорром, и другим тиражом — в Аугсбурге⁸³. Он напечатан от имени самого Николая Радзивилла. Получалось, что герой, спасший Европу, выступает перед ней с победной реляцией. Как уже говорилось, на основе этого или какого-то сходного текста был составлен рассказ о событиях после потери Полоцка

и сражении с москвитями в «Истории Ливонской войны» Тильмана Бреденбаха⁸⁴.

Рассказ носит характер военного донесения. В нем говорится о потере Полоцка, о намерениях русских дальше завоевывать земли Великого княжества Литовского, о том, как стыд и позор, причиненный литовцам, заставил Николая Радзивилла выступить им навстречу, вступить в сражение и победить. Русских было больше, но они оказались малоискусными в военном деле. Более 9000 их было убито, военачальники оказались в плену или погибли. Была захвачена богатая добыча, литовцам помог Господь. Всего рассеяно от 17 000 до 20 000 москвитов. Они потеряли около 100 орудий. Потери литовцев составили 20 человек убитыми и 600–700 ранеными.

В разных вариантах другие известия о победе литовского войска и реванше за Полоцк вышли в Праге⁸⁵, Германии (точный город не указан)⁸⁶, Вене⁸⁷. Польский король

Copey des Brieffes:
Welchen der Lyttawische
 Haußman gen Warschau dem Herrn
 Raduill zugeschickt darinn er vormeldet wie es jme
 in Eroherung der Schlacht so er mit dem Muscovitter
 gethan ergangen Mit erklerung was für statliche
 Beuten sein Kriegsvolck die Lyttawen darvon
 gebracht vmb bekommen haben
 Geschehen den 26. Januarij/dieses) 5 6 4. Jars.

«Летучий листок» о битве под Улой, 1564 г.

⁸³ [Mikoiaj Radziwill]. Copey des Brieffes: Welchen der Littawische Hauptman gen Warschau dem Herrn Raduill zugeschickt darinn er vormeldet wie es jme in Eroherung der Schlacht so er mit dem Muscovitter gethan ergangen Mit erklerung was für statliche Beuten sein Kriegsvolck die Lyttawen darvon gebracht und bekommen haben Geschehen den 26. Januarii diëses 1564. Nurnberg, 1564 (листок упоминают: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 254; *Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii"...* S. 72; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 342; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 63; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 16. Nr. 66–67.). Листок опубликован: *Zrodla do dziejow Polski / Red. F. Nowakowski. Berlin, 1841. S. 184–190*; русский перевод: *Оболенский К. М. Копия с письма, присланного в Варшаву на имя пана Радивилла великим гетманом литовским с известием об одержанной им победе в сражении с москвитями и о том, какая богатая добыча досталась его литовской рати, 16 генваря сего, 1564 года // ЧОИДР. 1847. Кн. III. Отд. III. С. 1–3.*

⁸⁴ *Оболенский К. М. Копия с письма, присланного в Варшаву...* С. III.

⁸⁵ *Jiste Nowiny z země litewské od kupcůow i jiný hodnowěrných lidi...* Prague, 1564 (листок упоминают: См. указание на издания: *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 16. Nr. 65; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 342).

⁸⁶ *Grawingellius, Johann. Warhafftige neue Zeytung, von dem jetzigen Sieg der unsern (...)* von dem Littawischen Kriegssvolck, wider die Muscovitter Anno 1564, s. i, 1564 (сочинение упоминают: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 342). Известно другое издание: *Grawingel, Johann Reinhard. Warhafftige neue Zeytung von dem yetzigen Sieg der unsern, so da geschehen ist den 26. Januarii, von dem Littawischen Kriegßvolck wider die Muscovitter dieses 1564. Jars. Item ein schön new geistlich Lied wider den Muscovitter ... / Durch Johannem Reinhardum Grawingellium. Torca, 1564* (см. указание на издания: *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 16–17. Nr. 68–69).

⁸⁷ *Mylius, Johannes. Divina gratia imperante Sigismundo Augusto (...)* Victoria de Moschis reportata a Magnifico Domino Gregorio Chodciewitio. Vienne, 1565 (сочинение упоминают: *Mund S. Orbis*

сообщил «христианскому миру» известие о своей чудесной победе и еще раз указал, что московиты — враги христианства и европейских монархий.

На этом фоне Ливония пыталась напомнить о себе сочинением в духе 1561 года⁸⁸. В нем говорилось о жалкой, достойной сожаления участи Ливонии, захваченной московитами и ввергнутой в тяжелую войну. Текст содержит патетические рассуждения о воле Бога, о горестях Ливонии, о том, в какой помощи она нуждается, со ссылками на Св. Писание. Главным образом является рассказ Евангелия от Луки о 18 случайных жертвах обрушения башни купальни Силоам (*Лк. 13: 4–5*). Евангелист говорит, что без покаяния не спастись. Или эти 18 мужей, которые погибли под обломками башни, были самыми худшими грешниками в Иерусалиме? Нет. Кажущееся отсутствие греха само по себе не дает спасения. Не надо думать, что если сегодня погиб кто-то другой, то он грешник и сам виноват, а ты — праведник. Только искреннее покаяние дает спасение. Так же и с Ливонией. Не надо думать, что если Господь покарал ее за грехи, то так ей и надо, она сама виновата, а благополучный «христианский мир» может спокойно существовать дальше. Без покаяния он тоже обречен. Ливония, как и несчастные жертвы падения Силоамской башни, не более грешна, чем другие. Но ее судьба — предостережение всем. Стоит обратить внимание, насколько данные идеи противоречили озвученным в том же году тезисам Т. Бреденбаха о справедливом покарании ливонцев за грех Реформации.

Возможно, такая позиция была обусловлена местом происхождения текста. Автором был Каспар Хенненбергер (Caspar Hennenberger), священник из Мюльгаузена (Mülhausen), предисловие написал Ганс Люттер из Веймара (Hansen Lutter). Он известен как автор целого ряда сочинений по истории Пруссии, вышедших в 1580–1590-х гг.⁸⁹ Судя по «прусской» проблематике, он, скорее всего, был священником в знаменитой Мюльгаузенской кирхе (совр. пос. Гвардейское Багратионовского района Калининградской обл.). То есть, сигнал о бедствиях Ливонии в 1564 г. прозвучал из Пруссии. Пруссии, недавно пережившей секуляризацию, Реформацию и воспринимавшей инвективы Бреденбаха как камни в свой огород.

Но для пропаганды это был уже вчерашний день. То, насколько был растражирован листок об Уле и насколько незамеченным остался листок о проблемах Ливонии, показывает, как после Полоцка благодаря польской пропаганде сместились интересы европейских читателей. Судьба погибшего государства ливонских рыцарей была

Russiarum... P. 352). — И. Милиус был автором поэтических и литературных сочинений (ср.: *Mylius J. Oratio dominica versibus elegiacis explicata*. Eisleben, 1560; *Mylius J.; Camerarius J.; Zsámboki J. Poëmata Ioannis Mylii Libenrodensis, poetae lavreati, ex dioecesi generosorum comitum de Hoenstein...* Leipzig, 1568). То есть, на проблематику войны с Россией и побед над Россией начали реагировать европейские литераторы.

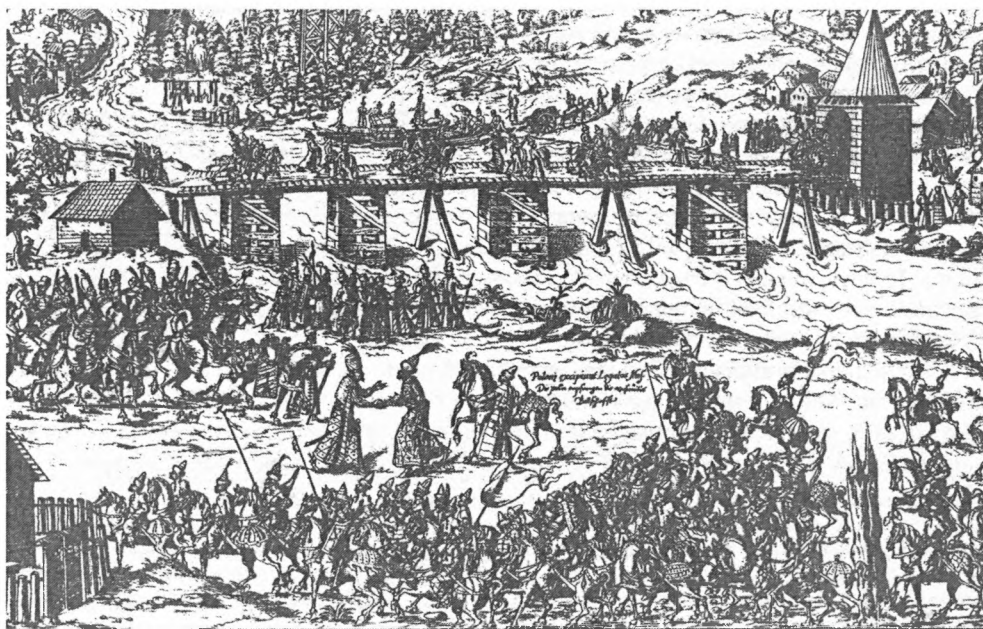
⁸⁸ Des erbermlichen Lifflandes itziger standt, was der Muscowite darinnen eingenommen und wem itzunder das ander durch die schwere krieg tzugehörig geworden, kurzte beschreibung. Mit einer vorrede an Hansen Lutter etc. Durch Caspar Hennenberger pfarher tzu Mulhausen. Anno Christi 1564 mense Februario. s. 1. n. a. (сочинение упомянуто: *Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii"...* S. 72; опубликовано: *Höhlbaum K. Zeitungen über Livland im 16. Jahrhundert // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands*. 1876. Bd. 2. Heft 2. S. 124–132).

⁸⁹ *Hennenberger C.* 1) Kurtze und warhafftige Beschreibung des Landes zu Preussen: item, der alten heidenischen undeutschen Preussen, sampt irer Religion, Göttern, Bapsten und Pfaffen... : wie sie es nach irer Gewonheit Ehe und dann sie durch den Orden bezwungen und zum Christlichen Glauben bekert worden sind... : letzlichen eine kurzte Austeilung des Landes. Königsberg, 1584; 2) Ordnung der Preussischen grössern Landtaffel oder Mappen: mit leicht erfindung aller Stedte, Schlösser, Flecken, Kirchdörffer, Orte, Ströme, Fliesser und Sen so darinnen begriffen; auch die Erbauung der Stedte und Schlösser, ihre Zerstörung und Widerbauung; s schönen auch wunderbarlichen Historien, guten u. bösen. Königsberg, 1595; совр. публикация: *Bretke J., Hennenberger C., Tolkmitt R. Chronicon des Landes Preussen*. Potsdam, 2005.

востребована уже только как иллюстрация к собственным лозунгам и идеологемам. Никому сами по себе они уже не были интересны. Этот момент показателен — он демонстрирует, что идеи, которые только-только стали излагать в книгах (Бреденбах), уже устарели для пропаганды. Видимо, тут была стадийная разница в один шаг. Идеологема сперва обкатывались в «ширпотребовской» литературе и потом переходили в книжность — те их них, которые выдерживали проверку востребованностью, конечно.

На московском фронте без перемен: «летучие листки» и газеты в 1570–1572 гг.

В 1564–1570 гг. война шла достаточно вяло. Она перешла в фазу перманентных мелких стычек в пограничье, Полоцком повете, вокруг ливонских крепостей. Соответственно, упал градус пропаганды. Польская мысль для моделирования образа войны обратилась к истории в поисках новых побед над русскими (за неимением текущих). В 1568 г. в итальянском городе Болонья появилось печатное сочинение

Встреча русского посла Ф. И. Умного-Колычева в Гродно. Гравюра 1567 г. Матиаса Цюндта. Фрагмент.

Яна Симушовского, в котором описывалось прошлое сражение с москвитями под Невелем в 1562 г., которое изображалось эпически, в виде незаслуженно забытой грандиозной победы⁹⁰. Она сравнивалась с противостоянием греков (поляков) и троянцев (москвитов). В него, как и в поэмах Гомера, вмешиваются боги, с обеих сторон есть легендарные герои. Число убитых русских достигает гигантских величин, а потери литовцев ничтожны⁹¹.

⁹⁰ *Strariconius, Johannes [Jan Siemuszowski]. Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis. Bologne, 1568 (см.: Mund S. Orbis Rūssiarum... P. 352).*

⁹¹ Описание и анализ см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 35–36, 117.*

Интерес к войне в начале 1570-х гг. поутих. Европа интересовалась опричниной (новая тема для «летучих листов») ⁹². Из опричного террора особенное внимание европейцев привлекли репрессии в Нарве (вот что бывает на оккупированных русскими территориях!). Появление описания внутренних дел в Московии было следствием фокусирования внимания на ней в первые годы Ливонской войны. Если бы не война — вряд ли московские и новгородские казни сами по себе впечатлили бы Европу. Сколько в XVI в. на континенте было такой резни, ни строчкой не упомянутой ни в одном «листочке» или газете! Но к началу 1570-х гг. место России на ментальной карте Европы было уже определено. Оставалось только найти этому как можно больше кровавых иллюстраций.

Полемика времени «польских бескоролевий». Первое бескоролевье

7 июля 1572 г. умер король Сигизмунд II Август. На польский и литовский престол после его смерти выдвигалось несколько кандидатов. Ими были: император Священной Римской империи Максимилиан, его сын Эрнест, русский царь Иван IV, его сын Федор, шведский король Юхан III, французский принц Генрих Анжуйский.

Мы не будем рассматривать политические перипетии польских бескоролевий, они достаточно изучены в литературе ⁹³. Обратим внимание только на некоторые аспекты идеологической борьбы в эти годы, связанной с Московией и Ливонской войной.

Еще в 1552 г. астрологи предупреждали, что звезды указывают: в случае смерти бездетного Сигизмунда II Августа король будет пришлым ⁹⁴. В числе других кандидатов на престол Речи Посполитой рассматривалась персона Ивана Грозного. Причем

⁹² Warhafftige Neue Zeitung vom grausamen Feindt der Christenheit dem Moscowiter wie er der Kön. Mayestat in Polen Abgesandten und zugleich jre Mitgefertden und Kauffleut empfangen und gehalten. Item wie er etliche seiner eignen Sted und Landschafften selbst Persönlich verwüestet und mit dero Einwoneren Edlen und Unedlen Bürgern und Bawren gantz jemmerlich und erbermlich umbgangen. Dem frommen deutschen Leser zur warnung und besserung in Druck verfertigt, s. l. et a.; Eigentliche Warhafftige Beschreibung etlicher Handlung so sich in Reussen zur Moscow Plesskaw Naugarten Schlaboda Narfa Revel Derpt und ändern Stätten verlossen und zugetragen. Item wie ernstlich Tyrannisch und grausamlich die Inwohner und andere diser ort mit Mord Todschlag Raub Brandt Ertrencken grosser Marter Teuerung Hunger und Pestilentz sein heimgesucht unnd überfallen worden. Dergleichen was sich mit Hertzog Magno begeben Auch wie der Grossfürst mit vielen seinen Unterthanen und Ausländischen sich verhalten Verner was sich mit dem Tartar zugetragen Meniglich notwendig zulesen und nützlich zu wissen. Franckfort am Mayn, 1572; Kurtze glaubwürdige Zeitung unnd Summarische Verzeichniss deren verlossenen Geschichten unnd Handlung so sich newlicher zeit dess EXX. unnd EXXI. Jars in der Moscovy und Reusslandt begeben. Franckfort am Mayn, 1572 (листки проанализированы: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 41–43; упоминают: *Poe M.* Foreign disriptions of Muscovy... P. 68–69. У К. Завадского этот листок датирован 1570 г.: *Zawadzki K.* Gazety ulotne polsky... S. 17. Nr. 72).

⁹³ Историография польских бескоролевий весьма обширна, назовем лишь основные работы, затрагивающие интересующие нас вопросы о роли бескоролевий в пропагандистской войне и в борьбе за Ливонию: *Pilińskii T.* Das polische Interregnum 1572–1573 und die Königswahl Heinrichs von Valois. Heidelberg, 1861; *Hüppe S.* De Poloniae post Henricum interregno 1575–76. Wrocław, 1866; *Трачевский А.* Польское бескоролевье по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869; *Уманец Ф. М.* Вырождение Польши. СПб., 1872; *Pilińskii T.* Bezkrólewie po Zigmuncie Auguście i electia króla Henryka. Kraków, 1872; *Zakrzewski W.* Po Uciecze Henryka: Dzieje Bezkrólewia 1574–1575. Kraków, 1878; *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904. С. 7–36; *Plaza S.* Próby reform ustrojowych w czasie perwszego bezkrólewia (1572–1574). Kraków, 1969; *Gruszecki S.* Walka o władzę w Rzeczypospolitej Polskiej po wygaśnięciu Jagellonów (1572–1573). Warszawa, 1969; *Elejce królów Polski w Warszawie na woli 1575–1764 / Pod red. M. Tarczyńskiego.* Warszawa, 1997; *Konopczyński W.* Dzieje Polski Nowożytnej. Warszawa, 2003. S. 168–178.

⁹⁴ Прzepowiednia astronoma o przyszłych królach Polskich po smierci Zygmunta Augusta. 1552 // AGAD. Archiwum Radziwiłłow. Dział II. Teka I. Nr. 26.

Вавельский собор, усыпальница польских королей. Краков.

инициатива этого выдвижения происходила из определенных кругов знати Великого княжества Литовского⁹⁵. Это четко видно по посольским документам. Уже в 1566 г. в наказе посольству Ф. И. Умного-Колычева говорилось:

«А нечто учнут говорити, чтоб царь и великий князь дал им на государство царевича Ивана. И Федору, и Григорью, и Василью говорити: за нами о том наказу никакова нет, и нам такое великое дело без наказу как говорити? А будет то дело надобе государю вашему или вам, паном, и коли о таком деле будут у государя нашего царя и великого князя послы, и в том волен Бог да государь наш царь и великий князь, как похочет делати»⁹⁶.

Постановка вопроса в наказе московскому дипломату была вызвана полученной информацией о слухах, которые ходят в Литве. В наказе гонцу Ф. Мясоедову в 1569 г. говорилось:

«Проведати ему того, которым обычаем то слово в Литве и в Полше в людех носитца, что хотят взяти на Великое княжество Литовское и на Полшу царевича Ивана, и почему то слово в люди пущено, оманкою ли, или в правду того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людех носится»⁹⁷.

⁹⁵ Подробнее о позиции литовской шляхты по вопросу передачи престола в конце 1560-х – начале 1570-х гг. см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 32–45.

⁹⁶ Наказ посольству в Литву Ф. И. Умного-Колычева от ноября 1566 – февраля 1567 гг. // Сб. РИО. Т. 71. С. 464. Григорий — дворецки Г. Нагой, Василий — дьяк В. Щелкалов.

⁹⁷ Наказ гонцу в Литву Ф. Мясоедову, февраль 1569 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 593.

Ян Матейко. Люблинская уния 1569 г.

В центре картины с поднятым крестом — король Сигизмунд II Август.

Намерения литовских панов были официально озвучены только 10 июня 1570 г. на переговорах в Москве посольства Я. Скратошина перед лицом самого Ивана IV. Посол заявил, что и польская, и литовская рада на совещании с королем

«...о том себе радили посполь, что у государя нашего детей нет: и доколе государю нашему Бог живота продлит, и мы во всем смотрим на государя нашего, а нечто Пан Бог милостиваго государя нашего от сего света поберет, и рады обе посполь о том не мыслят, что им государя себе взяти от бесерменских или от иных земель государя, а желают, чтоб им государя себе избрати от словенского роду по воле, а не в неволю, и прихияютца тебе великому государю и твоему потомству. И ты б, великий государю, опатрил по тому писму нашему, что есмя дали список рубежом Полотцкому повету и иным замком рубежи, велел своим бояром по тому перемирное постановление делати, чтоб меж вас великих государей могло сстати доброе постановление на избаву крестьянскую от рук бесерменских».

Последние слова изобличали неискренний характер делаемого предложения: обещание короны Речи Посполитой оказывалось лишь приманкой, польстившись на которую московский царь должен был пойти навстречу Сигизмунду II по условиям заключения долгожданного перемирия. Поэтому слова послов вызвали у Ивана IV недоверчивую реакцию:

«А у нас Божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего чего хотети? А коли уж ваше хотение к прихилности, и вам пригоже нас не раздражати, а делати так, на чем есмя велел с вами бояром своим говорити, чтоб крестьянство в покою было»⁹⁸.

Таким образом, и бояре, и царь отнеслись к предложению польского престола лишь как к риторическому приему на переговорах.

⁹⁸ Материалы переговоров в Москве с посольством Я. Скратошина в июне 1570 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 676–677.

Посол в Литву Г. Мещерский весной 1571 г. передавал новые слухи: король «хвор и бездетен»,

«...говорит обоим радам, чтоб себе государя избрали, откуда хотят, а ему быти в особных городех, в Кнышине да в Тикотине, в Полской земле. И рада литовская и полская мыслили добре, чтоб им быти за государем царем и великим князем, или б бити челом царю и великому князю, просити на королевство Полское и на Великое княжество Литовское царевича. А у турецкого взяти на государство не хотят, что он мусульманин: толко у него взяти, ино будет от турок великое утеснение. А у цысаря взяти королевича, и в нем оборони не будет же, и за свое мало могут стояти. А про государя царя и великого князя говорят, что государь воинской и сильной, может от турецкого салтана и ото всех земель оборонь держати, и прибавление государствам своим чинити. И говорили рады обе, полская и литовская добре и постановити хотели на том, что было послов летось, Яна Скратошина с товарищи, послати к царю и великому князю о том, чтобы царь и великий князь королеву сестру Захфею взял за себя, а на королевство Полское и на Великое княжество Литовское дал царевича, и Полша б и Литва с Московским государством поспол и на недругов бы да мусульманских родов были заодин»⁹⁹.

В Варшаве весной 1571 г. началась мода на русскую одежду:

«А сказывают: платья однорядки и кафтаны, и шубы, и шапки лисьи черные, и сапоги, и седла, и садаки радные паны причиняют делати и многие любят носить ныне с московского обычая, а в королевнину казну збирают бархаты и камки и сукна всякие цветные, черлены, светлозелены, белы, цененны, на платьье с московского же обычае. А хочет, сказывают, королевна добре, чтобы ей быти за государем царем и великим князем»¹⁰⁰.

Царь импонирует литовцам тем, что «умом крепок и всеми силен, людьми, и казною, и вотчиною».

Между тем в Москве на эти слухи реагировали сдержанно и недоверчиво. Слишком уж необычной была ситуация. Рюриковичи имели опыт покорения чужих земель силой, а также добровольного принятия в подданство правителей соседних княжеств и земель. Но никогда русский царевич не садился на престол в соседнем государстве, будучи на него приглашенным или избранным (практика, привычная для тех же Ягеллонов). Настораживал и масштаб акции: одно дело — присоединение Казани или принятие в подданство пятигорских черкас. А здесь под гипотетической властью Рюриковича, севшего на престол Речи Посполитой, оказывалось бы огромное государство, со сложным и неприемлемым для Руси политическим устройством, с качественно иным, чем в Московии, статусом сословий, этносов и конфессий. Русская политическая культура, для которой главным способом познания «чужих» было «познание по аналогии», не находила аналогов ситуации в собственной истории и политической практике удельного времени.

С другой стороны, был велик соблазн одним махом выиграть Ливонскую войну, присоединить все земли, за которые идет борьба, и еще многие-многие другие...

Б. Н. Флоря справедливо отметил, что не стоит преувеличивать степень реальности намерений литовской шляхты звать Ивана Грозного на престол: аристократия Речи Посполитой изначально склонялась к кандидатуре от Габсбургов¹⁰¹, а относительно русского царя Ивана IV были лишь проекты, не более, поддерживаемые лишь ограниченными группировками литовской знати. Обсуждение кандидатуры Грозного на польский престол в европейской публицистике XVI в. первоначально носило тради-

⁹⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 802. Речь идет об Анне Ягеллонке?

¹⁰⁰ Отчет посла в Литву Г. Мещерского, весна 1571 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 804.

¹⁰¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... С. 46.

ционный характер: указывалось на тиранические наклонности царя Ивана, на ужасы, которые ожидают Речь Посполитую в случае его победы¹⁰². В то же время, как указывал в своем донесении нунций Грациани в июле 1572 г., «неудача на поле брани и тирания вызывают в поляках сильную оппозицию против Ивана Грозного; тем не менее враждебное чувство к немцам заставляет многих из них, при выборе себе нового короля, склоняться на сторону второго сына царя»¹⁰³.

Германские публицисты считали, что если на престол Речи Посполитой сядет московский царь, «то произойдет всеобщий ужас и будет причиною и источником весьма важных последствий». Единственное обстоятельство, при котором может быть одобрен подобный вариант развития событий — немедленный союз с Московией против турок, «и этим путем мы избавимся от турецкого тиранства»¹⁰⁴. По замечанию В. Закржевского, с кандидатурой Ивана IV связывала свои антитурецкие устремления и часть литовской шляхты¹⁰⁵.

Не касаясь перипетий политической борьбы вокруг фигуры Ивана Грозного и его сына Федора¹⁰⁶, рассмотрим идеологическое оформление этой борьбы и ее связь с ливонским вопросом. Что касается изображения роли Ивана Грозного в годы первого бескоролья, то польский взгляд на планы русского царя как участника избирательной кампании известен по материалам переговоров с М. Гарабурдой в феврале–марте 1573 г. в Новгороде и в «главизнах», отправленных из Москвы в апреле 1573 г. К сожалению, трудно судить, насколько эти тексты отражают реальную позицию царя, а насколько — апокриф, исходящий из посольской службы Великого княжества Литовского. Русской посольской книги за 1573 г. не сохранилось¹⁰⁷, и аутентичного царского текста нет. Ответ Ивана Грозного М. Гарабурде известен только по реляции (отчете о посольстве) в латинском переводе, и неясно, насколько это точная передача слов русского царя, а насколько — изложение Гарабурдой от царского имени того, что пань в Польше и Литве хотели бы услышать¹⁰⁸.

Иван IV якобы выдвинул идею объединения в Восточной Европе Королевства Польского, Великого княжества Литовского и Московского государства в единое образование под властью одного монарха, носящего титул «Божией милостию государь и великий князь всея Руси, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский». Историк А. Щливинский увидел в этом грандиозный проект создания огромного Славянского государства, которое должно было сокрушить Турцию¹⁰⁹.

¹⁰² *Zakrzewski W. Po Uciecze Henryka...* S. 80; ср. анализ А. Каппелером взглядов Яна Соликовского и сочинения Яна Хойснина (Jean Choisy de Chastelleraud) “Discours au vray, de tout ce qui c’est faite et passe pour rentiere negociation de Telection du Roy de Polongne” (*Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 45).

¹⁰³ Донесение нунция Грациани из Вены 28 июля 1572 г. // Шмурло Е. Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1908. Т. 2. Вып. 1. С. 33.

¹⁰⁴ Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана при Московском дворе в 1575 году / Пер. с итал. М. Д. Бутурлина. М., 1876. С. 19; о трактовке имени Пернштейна см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 47.

¹⁰⁵ *Zakrzewski W. Po Uciecze Henryka...* S. 80–81.

¹⁰⁶ Подробнее см.: *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения...* С. 47–70. Здесь же см. анализ позиции и политики Ивана Грозного в отношении борьбы за польский престол.

¹⁰⁷ *Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994. С. 131.* — Известный нам список послания Ивана Грозного к панам рад о посольстве Гарабурды (НИОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 189–193 об.; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 4–7 об.), по сути дела, является верительной грамотой и не содержит никакой «избирательной программы» царя Ивана.

¹⁰⁸ *HRM. T. 1. С. 237–242.*

¹⁰⁹ *Śliwiński A. Stefan Batory. Warszawa, 1922. S. 37.*

Грозный уклонился от обещания перейти в католическую веру, зато особо оговорил себе право поощрять в Литве православие. Он также поставил ряд личных условий: хоронить членов династии правителей нового государства будут только в России, они имеют право выбирать жен из числа подданных, на старости лет монарх может добровольно отойти от дел и постричься в монастырь. По Б. Н. Флоре, ответ Гарабурде содержал три варианта дальнейших действий: династическая уния Руси и Речи Посполитой, династическая уния только с Великим княжеством Литовским с расторжением Люблинской унии и — в случае избрания Эрнеста — создание антитурецкого военно-политического альянса Священной Римской империи и Речи Посполитой. В случае своего избрания Иван IV возвращал в состав Великого княжества Литовского Смоленск, Полоцк и другие захваты от порубежных войн до Ливонской войны.

Большого о «программе» Ивана Грозного и реакции на нее польского и литовского общества неизвестно¹¹⁰. В немногих русских посольских текстах царь отреагировал на предложение М. Гарабурды прежде всего антимусульманской риторикой: «И мы, как есть Государи христианские всегда издавна того бережем, чтобы христианство в покое было, а бусурманская бы рука не высилася, и кровь бы христианская не разливалася». Само приглашение на престол он расценил как «добрую смолву», которая могла бы «на вечной покой крестьянству доброе дело постановити». На время переговоров Иван IV объявлял о продлении перемирия 1570 г.¹¹¹ Но это все общие положения, из которых невозможно составить представление о реальных планах Ивана Грозного и о реакции на них польско-литовской стороны.

Немного ясности в ситуацию вносят памятники политической полемики времени первого бескоролья. Образ «Московского» в них не всегда был окрашен в черные краски. Прежде всего, Иван рассматривался как возможный кандидат от Великого княжества Литовского¹¹². Московский правитель — “jęzek naszemu podobny”¹¹³. Царь Иван — сильный, могучий государь, который жестко правит подданными. Он богат. Он знает «справы рыцарские». Он «велик разумом». Он не допустит произвола и непослушания, в этом обратная сторона его «тиранства». Он — завоеватель, а это качество истинного правителя, который должен хотеть мира, но уметь воевать. Своей силой он может гарантировать внешнеполитическую безопасность («вечный покой»), кто осмелится с ним сразиться? Слияние трех монархий — польской, литовской и московской — позволит создать могущественнейшее государство. Ведь в Речь Посполитую вольются страны и народы, уже завоеванные Москвой. Объединение экономического и военного потенциала государств составило бы такой «Нерв войны» (*Nervus belli*), с которым бы считался любой неприятель. Избрание русского царя гарантированно завершит войну с Россией¹¹⁴. И даже шведы в Ливонии перестали бы претендовать на Ригу и Ревель.

¹¹⁰ Есть упоминание о неких «московских листах», которые посылались в Речь Посполитую с пропагандистскими целями (Rozmowa Lecha z Piastem // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906. S. 48. Nr. XII). Но что это за «листы» — необходимо дальнейшее исследование.

¹¹¹ Послание Ивана IV к панам рад от 2 марта 1573 г. // ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 189–193 об., РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 4–7 об.

¹¹² Здесь мы затрагиваем только общие идеологические моменты. Особенности политической борьбы, позиции группировок шляхты и более детальный анализ отдельных проектов, а также позиции Ивана IV см.: Флора Б. Н. Русско-польские отношения... С. 71–92.

¹¹³ Wizerunk okolicznych królów i panów... // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 405. Nr. XXIX.

¹¹⁴ Б. Н. Флора подчеркивал негативное отношение к войне шляхты Великого княжества Литовского и ее стремление закончить войну даже путем альянса с Москвой (Флора Б. Н. Русско-польские отно-

А то, что царь Иван — тиран, не так и плохо. В противостоянии его тирании польские сословия перестанут враждовать и объединятся для защиты своих вольностей, от чего Речь Посполитая только выиграет¹¹⁵. Историческую аналогию его избранию видели в приглашении на польский престол «литвина» Ягайло¹¹⁶.

Словом, кандидатура самого царя или его сына¹¹⁷ могла бы обсуждаться, если бы этому способствовали развитие обстоятельств, поведение самого Ивана Грозного, готовность московского принять условия шляхты. Но налицо было несовпадение, мало того, полное отсутствие диалога и взаимопрочтения политических дискурсов. Обсуждая кандидатуру царя, польские интеллектуалы рисовали себе его абсолютно вымышленный образ, сами придумывали проблемы, которые якобы надо решать. Например, как быть с подданством Поморья, Пруссии, Ливонии — ведь их господином является Корона, и при избрании Ивана IV не возникнет ли угроза их утраты, перехода от Речи Посполитой к новому королю?¹¹⁸ Думается, что царя Ивана в избирательную кампанию первого бескорольева подобная постановка вопроса волновала менее всего. А поляки ее обсуждали всерьез. Равно как и настойчивые и немного занудные рассуждения панов о гарантиях сохранения их прав, статуса, собственности просто не воспринимались московским государем.

Данная ситуация весьма примечательна. Перед нами даже не конфликт дискурсов, ибо они не пересекаются. Речь идет об интенсивном моделировании в польской мысли образа «другой России», с которой поляк может не просто сотрудничать, но даже пребывать в составе объединенного унийного государства. Понятно, что этот вымышленный образ целиком списывался с Польши (скажем так, воображаемой и слегка усовершенствованной Польши — с более сильным королем, большим социально-политическим порядком, более стабильным внешнеполитическим положением). Но это явно новые ноты в восприятии России в Европе. И, что характерно, они опять-таки связаны с шансом России влиться в число европейских стран путем вхождения в состав державы из «христианского мира».

Но при этом во многих текстах присутствует старый, антирусский дискурс. Московский царь — захватчик Смоленска, Полоцка, Северских земель, литовских замков. Его имя давно звенит в ушах поляков. Всем известно о его тирании, жестокостях, ограничениях прав и свобод, произволе, пролитии невинной крови. Есть проблемы с различием религий. Волк никогда не станет зайцем. Литовскому народу хорошо известно, что это за тиран и агрессивный сосед¹¹⁹. Грубость московитов по сравнению с поляками всем известна. Доказательством московского тиранства является рассказ Герберштейна, «великого человека», посетившего Москву. Избрание

шения... С. 52). См. также анализ Б. Н. Флорей проекта Петра Мычельского, связывавшего с объединением Литвы с Московской речанш на западном направлении (Там же. С. 71–73, 77–78).

¹¹⁵ *Zdanie o obieraniu nowego króla* // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 349–350, 354. Nr. XXIII; *Sententia de eligendo novo rege ex duce Moschorum* // Ibid. S. 355–357. Nr. XXIV; *Sententia cuiusdam de electione regis Polonorum cum commonstratione commodi et incommodi inde emergentis* // Ibid. S. 372–380. Nr. XXVI; *Przeztroga z pokazaniem niepożytków z wzięcia pana z poźrodzku siebie* // Ibid. S. 395. Nr. XXVII; *Kompetytorów do Korony polskiej commoda* // Ibid. S. 492. Nr. XLI.

¹¹⁶ *Komornik a burmistrz* // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 649. Nr. LXIV.

¹¹⁷ Б. Н. Флоря обратил внимание на проект Анджея Чешельского 1572 г. об усыновлении сына Грозного Федора Ивановича Сигизмундом II и его воспитании в «польском духе» с последующим выдвижением на польский престол (Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... С. 40–41).

¹¹⁸ *Sententia cuiusdam de electione regis Polonorum cum commonstratione commodi et incommodi inde emergentis* // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 373–374. Nr. XXVI.

¹¹⁹ Анализ образа Ивана Грозного как тирана в польских памфлетах времени первого бескорольева см.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... С. 80–82.

на польский престол Ивана Грозного или его сына было бы великим позором и принесло бы массу убытков¹²⁰.

Как на образ Ивана Грозного влияла пропаганда предшествующих лет и история борьбы за Ливонию? Тема военного противостояния за Прибалтику в идеологической борьбе времени первого бескоролья была не главной. Присоединение Ливонии путем договоров расценивалось как высокая заслуга Сигизмунда II Августа («Взяли под ноги без бою кровавого») ¹²¹. Иногда в полемических текстах говорится о необходимости защиты Ливонии и закрепления «справедливого» владения Польшей ее территорией¹²². Поляки также видели угрозу Гданьску в нарвской торговле¹²³. Захват Нарвы Россией расценивался как выход Москвы на морские просторы, угроза польским позициям на Балтике, открытие возможности для русских ввозить европейских специалистов, ремесленников, передовое вооружение и т. д., что опасно для Речи Посполитой и остальной Европы¹²⁴. Тираническая сущность царя Ивана проявилась как раз в агрессивном отношении к беззащитной Ливонии¹²⁵.

Для поляков в начале 1570-х гг. ливонский вопрос не играл большой роли в политическом дискурсе. О нем говорилось как о почти решенной проблеме. В основном волновало, будет ли участвовать в выборах провинция Инфлянты и как это повлияет на расклад голосов.

В первое бескоролье пропагандистская машина, связанная с осмыслением кандидатуры Ивана Грозного, еще не раскрутилась в полную мощь. На престол довольно быстро и при относительном согласии общества был избран французский принц Генрих Валуа, и некоторые протесты знати Великого княжества Литовского были связаны не сколько с неприятием французской кандидатуры, столько с противоречиями внутри «политических народов» Речи Посполитой. С избранием Генриха связывались определенные внешнеполитические надежды. Например, в одном из восхвалений новому королю говорилось, что москвиты и татары в страхе от прихода добродетельного Генриха, варвары трепещут, а в поляков вселяется мужество¹²⁶.

Тем ужаснее были последующие события — бегство Генриха, бросившего престол Речи Посполитой. Его правление продолжалось всего 16 недель, после чего в ночь с 28 на 29 июня 1574 г. он тайно сбежал во Францию¹²⁷. Генрих получил известия о том, что

¹²⁰ Rozmowa Lecha z Piastem // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 46, 52–56. Nr. XII; Przystroga z pokazaniem niepożytków z wzięcia pana z pośrodku siebie // Ibid. S. 393. Nr. XXVII; Dialog księdza biskupa, pana wojewody, posła, dworzanina, ziemienina o tym, kogoby na królestwo obrać // Ibid. S. 425. Nr. XXX; Zdanie względem wyboru króla // Ibid. S. 433–434. Nr. XXXI; Sententia cuiusdam de eligendo rege // Ibid. S. 433–434. Nr. XXXI; Sententia cuiusdam de eligendo rege // Ibid. S. 448–449. Nr. XXXIII; Kompetitorów do Korony polskiej commoda // Ibid. S. 492. Nr. XLI.

¹²¹ Króla polskiego żegnanie z królewswem polskiem // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 3. Nr. I.

¹²² Ciesielski A. Oratio (1572) // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 117.

¹²³ Sententia de eligendo novo rege ex duce Moschorum // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 356. Nr. XXIV.

¹²⁴ Rozmowa Kruszwicka de nibilissimo septentrionis regno tempore interregni post mortem Sigismundi Augusti regis X Februarii w Kruszwicy // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 480. Nr. XXXIX. — О Нарве, морском плавании и месте Ливонии во владениях польской Короны также см.: Conditions a Carolo Nono, Gallorum rege, propositae Polonis, si Henricum fratrem Andegavensem suis suddragiis deligere regem velint // Ibid. S. 504–505. Nr. XLIV.

¹²⁵ Rationes et cautelae in novi regis electione observandae // Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. S. 444. Nr. XXXII.

¹²⁶ См., например: [Chastelleraud de, Jehan Choismyn] Discours au uray, de tout ce qui s'est fait et passé pour l'entiere negociation de l'Electio du Roy de Pologne, diuisé en trios Liures. Paris, 1574. P. 114–115.

¹²⁷ См. публикацию переписки Генриха за июль 1573 г. — июнь 1574 г. в период его пребывания польским королем: Henri de Valois et la Pologne en 1572. Paris, 1867. Т. III. P. 287–353. № 823–966.

Бегство Генриха. Картина художника А. Гротгера.

французский престол стал вакантным — умер король Карл IX... И он легко отказался от польского трона и помчался захватывать французский.

«Из страны сбежал король» — это был воистину шок для польской и литовской знати, потрясенной таким пренебрежением к короне Ягеллонов. Паны были страшно оскорблены демонстративным пренебрежением французского принца к их стране. Тем более что Генрих и ее приближенные, стремясь оправдать столь беспрецедентный отказ от трона, не скупились на негативные описания Польши — представляли поляков в совершенно фантастическом свете. Французы высмеивали грубость жителей Речи Посполитой, что было особенно обидно читать польским интеллектуалам, считающим свою страну одной из наиболее красивых культур Европы¹²⁸.

В Литве возник даже комплекс «убегающего короля». За монархом ревниво следили, чтобы он опять не сбежал. В июле 1583 г. русские пленные в Орше передали московскому посланнику С. Одогурову целый комплекс слухов, будто бы Стефан Баторий хочет оставить престол. Признаком этого явилось то, что после окончания войны с Московией Стефан послал в свою родную Семиградскую землю «скарб». Подольский воевода перехватил обоз и отослал обратно к королю: «преже того у иных королев так не было, скарбу своего в иные земли не посылавали, и ты де, король, нас изражаеш» (то есть предаешь, изменяешь, от слова «израда» — измена). Король-предатель якобы «хочет утечь» с награбленным за войну имуществом, пока паны-патриоты собирают «великий съезд», чтобы решить, кого им побеждать после России — Турцию или Швецию¹²⁹.

Посланник Б. Воейков передавал другой слух: паны Стефану не верят, боятся, что он хочет «выдать» польскую и литовскую земли туркам, а сам бежать в Венгрию. Будто

¹²⁸ *Śliwiński A. Jan Zamoyski: Rancierz i Hetman Wielki Koronny. Warszawa, 1947. S. 74–75.*

¹²⁹ Грамота С. Одогурова Ивану IV, получена 14 августа 1583г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. Л. 703 об.

бы сам король пишет султану, побуждая к нападениям на Речь Посполитую¹³⁰. Причиной «наведения Турции» на свои же владения объявлялся гнев Батория на панов, которые не захотели признавать посажение «на Ливонию» племянника Стефана с закреплением Ливонии как отдельного владения за его потомками. Литовская шляхта заявила, что и у нее много «панов великих», а кому быть на «ливонском государстве — то Бог даст» (показания от 8 сентября 1583 г. купца Андрея Барышника). Вот за это непослушанье Баторий якобы и захотел навести Турцию на Речь Посполитую. Причем король ссылался на политическую практику Московии: «хочу владети, как Московской государь, не паны б были большие, яз бы, деи, был большой». Перепуганные паны будто бы даже ночью у постели стерегут короля, дабы он не сбежал, и преследуют его на охоте, когда Стефан подозрительно уклоняется с собачьей сворой в лес. Король же оправдывался перед ними: «Собаки, де, у меня загналися, за ними и ежду». Паны также стерегут, «чтоб то слово не пронеслося в ыные государства, покрываю, деи, свой сором», потому что, если Стефан сбежит, «после того не ведают, где себе государя взяти»; у себя не сыщут, а в других странах брать «соромятся». А в целом «большое у них умышленье, чтобы всем владети паном, а не королю»¹³¹.

Второе бескоролье.

Во второе бескоролье 1574–1576 гг. из числа претендентов выбыл бежавший во Францию Генрих, зато добавились чешский магнат Вильгельм из Рожмберка¹³², феррарский герцог Альфонсо д'Эсте и семиградский воевода Стефан Баторий. Это были претенденты от шляхты и панов. Рыцарство поддерживало Батория, а также Анджея из Тишины, воеводу Бельского¹³³. Позиция рыцарства Малопольши была особой: ее представители отстаивали идею не пришлого короля, а «Пяста на троне», который сможет добиться «покоя и с турком, и с Иваном»¹³⁴. В качестве кандидата рассматривался Ян Костка¹³⁵.

Основная борьба, как известно, развернулась в конце 1575 – середине 1576 г. между императором Священной Римской империи Максимилианом и семиградским князем Стефаном Баторием. Завершилась она победой Батория. Окончательная точка в этом противостоянии была поставлена 12 октября 1576 г., когда Максимилиан умер. По ехидному выражению польского хрониста М. Стрыйковского, «цесарь Максимилиан своих электоров выдал, вместо Королевства Польского в Королевство Небесное поспешил»¹³⁶.

В «программах» кандидатов (если это слово применимо к польской элекции XVI в.), описанных в «Хронике» Мацея Стрыйковского, о Ливонии и Ливонской войне говорилось мало. Среди обещаний цезаря Максимилиана указывалось, что «спор о Пруссии и Ливонии между Речью Посполитой и Священной Римской империей прекращается навечно». Следующим пунктом значилось: «Решить Нарвский вопрос

¹³⁰ Статейный список посланника в Речь Посполитую Б. Воейкова, сентябрь 1583 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. Л. 728, 729 об.

¹³¹ Статейный список посланника в Речь Посполитую С. Ододурова от 27 октября 1583 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. Л. 758 об., 759 об., 760.

¹³² О его кандидатуре см.: *Zakrzewski W. Po Ucieczce Henryka...* S. 245–248. Расклад политических сил и анализ их борьбы во время второго бескоролья также см.: *Флора Б. Н. Русско-польские отношения...* С. 83–120.

¹³³ *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszyskiej Rusi.* Warszawa, 1846. Т. 2. S. 424.

¹³⁴ Об идеологическом концепте монархии Пястов в 1570-е гг. см.: *Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nation im östlichen Europa. Das polnische Geschichtsdenken und die Reichweite einer humanistischen Nationgeschichte (1500–1700).* Wiesbaden, 2006. S. 127–141.

¹³⁵ *Zakrzewski W. Po Ucieczce Henryka...* S. 236–240.

¹³⁶ *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska...* Т. 2. S. 425.

Максимилиан II Габсбург.
Немецкая гравюра XVI в.

Стефан Баторий.
Гравюра XVI в.

с датским королем и установить союзные отношения ливонских владений Речи Посполитой с 70 немецкими «местами вольными»). Император должен был в первый год внести в польскую корону 300 000 злотых для обороны границ и выплаты жалования жолнерам, а также погасить за счет императора долги всей короны жолнерам и дворянам за воинскую службу. Баторий, если верить Стрыйковскому, не столь детализировал свои обещания, а просто сулил «добывать» великого князя московского¹³⁷.

Появилось ли что-то новое в политической пропаганде вокруг персоны русского царя и его сына, вновь участвовавших в элекционной кампании? Мотивы в сочинениях польских и литовских интеллектуалов принципиально не изменились: все те же две концепции Ивана как могучего, хотя и жесткого государя, способного принести мир и порядок Речи Посполитой, и обличительный дискурс тирана и агрессора, одна мысль об избрании которого является позором для Польши.

Однако свое развитие получает тема «вымышленной Московии как идеальной Польши», точнее, речь шла об образе идеального польского монарха, которому бы Иван Грозный, если он пожелает получить поддержку электоров Великого княжества Литовского, мог бы постараться соответствовать. Благо теперь перед глазами был идеал — король Генрих, скованный по рукам и ногам «Генриховыми артикулами», король, который обязан всем, а ему никто ничего особенного не должен.

Грамота к Ивану Грозному от 24 июля 1574 г., присланная от Яна Глебовича, является фактически манифестом литовской аристократии и ярко рисует облик идеального

¹³⁷ Ibid. S. 422–424.

для шляхты короля¹³⁸. Она начинается обращением к Грозному: «православный государю царю и христианства всего великий государю на листе вашей царской милости мне отписывати неможно, бо царскому розуменню наше безумие приравнено быти не может, для того я слуга и хлебодца вашей царской милости». Далее следуют рассуждения о том, что паны хотят «промышляти о государе», и многочисленные намеки, что хорошо бы это был Иван IV.

Наличие еще живого Генриха Валуа, который «нам присягнул», Глебовича нимало не смущает — если царь Иван четко изложит через послов свои намерения и готовность править Литвой и Польшей, то вопрос, что делать с Генрихом, решаемый. Ведь «того от Господа надежда, чтобы ваша царская милость нашей земле государем был». Следует только прислать «людей промышленных», «с великим умением», которые и обеспечат смену власти¹³⁹.

Фактически перед нами — приглашение на престол Речи Посполитой, но приглашение, содержащее, несмотря на все реверансы, совершенно определенные требования, каким должен быть король. Собственно, Грозному прямо высказаны только два условия: чтобы он был подлинно христианским государем и избавил бы народ от басурманской руки. Ни то ни другое не могло противоречить пониманию верховной власти самим Иваном Васильевичем. Единственное, что нуждалось в урегулировании, — это вопрос, кем Грозный будет прежде писаться в титуле: королем польским или царем русским?

Но в дальнейшем тексте грамоты Глебович помещает в качестве приложения текст присяги короля Генриха от 21 февраля 1574 г. с намеком, что царю Ивану было бы неплохо соответствовать этим же параметрам идеального правителя. Эмоции Грозного при прочтении условий, на которых Генрих получил трон, нетрудно представить.

Что из «Генриховых артикулов», этого манифеста вольностей литовских панов, уловил и усвоил Иван IV? Царь прочел послание Глебовича через призму собственных воззрений на сущность монаршей власти. Он одобрил стремление панов обрести себе господина и благосклонно воспринял свое приглашение на польский престол. Однако дальше начались требования соблюдения посольского ритуала: вместо обсуждения принципов, на которых он готов встать во главе Речи Посполитой, Грозный в первую очередь был озабочен, чтобы литовцы вовремя и обязательно первыми прислали больших послов. До этого предпринимать какие-либо шаги государь отказывался: «Ино тому как возможно статися, что украсти государство, украдом на государство приехати и послов своих послати? А король не ведомо будет, и нам неведомо не будет. И нам послов своих с чем послати? Лишь роздор делати, запосмешно и себе укоризну». Свою неудачу во время предыдущей элекции Грозный связывал именно с невятными действиями посольских служб: «Федарь Ворыпай первое приходил Михайла Галабурды, и взяти от нас две опасные грамоты на ваши послы. И нам было недождьдавшия ваших послов и не услышав у них речей. И с чем своих посланников и послов послати? И потому делу то дело порушилося».

Позиция Ивана IV, возможно, была вызвана недоверием к литовским панам, которые уже звали его на престол во время первого бескорольевья, а затем выбрали Генриха. Царь писал Глебовичу: «А наша царская милость не всякому духу верит, бо старая пословица: “У сих искушай, не всему уфай”. А хотя к нашей царской милости и посылат(ь) будут, и нам бы верить оглядаючися». Царь требовал точно и официально узнать, остался ли Генрих королем, хоть и беглым, или же сложил с себя польскую

¹³⁸ См. ее оценку Б. Н. Флорей: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 98.

¹³⁹ Грамота Яна Глебовича Ивану IV от 24 июля 1574 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1 (столбцы). Л. 7 об.–9.

корону. Глебовичу и его сторонникам обещалось великое жалование в случае победы Ивана IV.

Но в целом тон царского послания укоризненно-выжидательный. Грозный действовал осторожно. Очень показательно, что он ни одним словом не откликнулся на описание Глебовича, каким должен быть монарх. Ивана IV интересовали практические вопросы и политический ритуал. Он не видел необходимости в дискуссии о прерогативах королевской власти, поскольку имел свое твердое мнение и не считал необходимым его пересматривать.

Согласно гипотезе Б. Н. Флори, 2 апреля 1575 г. в Александрове слободе состоялась встреча Ивана IV с польским шляхтичем Криштофом Граевским. Он не был официальным дипломатом, а, по свидетельству современника событий С. Оржелского, отправился в Москву, чтобы выручить принадлежавшие ему товары, которые московские власти конфисковали у польских купцов. Грозный, по мнению ученого, решил воспользоваться этим случаем, поскольку «официальным путем царь действовать не мог: враждебные его кандидатуре литовские магнаты закрыли границу... приходилось искать неофициальные каналы, отсюда — интерес царя к Граевскому»¹⁴⁰.

Таким образом, по Б. Н. Флоре, государь вручил судьбу своей элекционной кампании никому не известному польскому шляхтичу, который должен был довести до участников Стенжицкого съезда волю русского монарха. Это, по мнению ученого, было вызвано двумя причинами: во-первых, Грозный якобы боялся подвоха, потому что Генрих еще не был официально лишен короны, и государь опасался попасть впросак. Во-вторых, литовцы настолько перекрыли границу, что другой возможности, как воспользоваться услугами Граевского, у Ивана Васильевича и всего Посольского приказа не оказалось¹⁴¹. Нам представляется, что такие утверждения о полной недееспособности русской посольской службы, которая для решения важнейшего вопроса отношений двух государств и судьбы Ливонской войны может только просить о помощи заезжего купца, нуждаются в дальнейшем обосновании.

Согласно сведениям, сообщенным Граевским польским шляхтичам от имени Ивана Грозного, русский царь, в случае его избрания польским королем, намеревался:

— «народ свой русский с вашими людьми объединять, сравнивать в чести и благородстве, сделать одним народом и оставить жить в мире для общего добра и славы»;

— объединение государств должно быть по образцу польско-литовских уний;

— для их управления избирается единый монарх из членов династии Рюриковичей;

— объединенные державы имеют единые вооруженные силы;

— при государе существует единый совет знати;

— устройство новой державы — федеративное: и Польша, и Литва, и Московия сохраняют свою структуру внутренних должностей, свои государственные печати, свои границы, свое законодательство;

— все права и привилегии аристократии и католической церкви, как данные при прежних королях, так и учрежденные шляхтой в последнее время, безоговорочно сохраняются и еще будут приумножены царскими «пожалованиями»;

— Грозный признает ограничения власти польских монархов панамы рады, и только просит дать ему право награждать пожалованиями отличившихся подданных;

¹⁴⁰ [Флоря Б. Н.] Иван Грозный — претендент на польскую корону // Исторический архив. 1992. № 1. С. 173–174.

¹⁴¹ Флоря Б. Н. 1) Русско-польские отношения... С. 53, 56, 66, 98; 2) Артикулы, сказанные через Криштофа Граевского — важный источник по истории русской внешней политики 70-х годов XVI в. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 334–338.

— коронация католическим митрополитом для царя неприемлема, но он готов уступить, «если мне убедительно докажут и объяснят, что это может быть без греха против совести». Тогда «и сам с сыновьями к этой вере пристану и иных много с собою приведу»;

— область Киева переходит в подчинение Московии, а новый титул Грозного пишется с Киева. В раде иерархия панов выстраивается следующим образом: воевода киевский на первом месте, затем краковский, виленский, троцкий и т. д., воеводы московских городов даже не упоминаются;

— члены династии правителей нового государства в случае их смерти будут погребены в Москве, в родовой усыпальнице Рюриковичей¹⁴².

В полной ли мере данная схема отражает позицию Ивана IV? Можно ли с ее помощью отыскать ответ на главный вопрос: почему русский царь проиграл борьбу за трон Речи Посполитой? Думается, что эта схема является неполной. Прежде всего, вызывает большое сомнение историческая адекватность «артикулов Граевского». В историографии уже высказывалась Ф. М. Уманцем точка зрения, согласно которой перед нами подделка, апокриф¹⁴³. Однако после публикаций И. С. Рябиным¹⁴⁴ и Б. Н. Флорей новых документов, касающихся пребывания Граевского в Москве, факт его поездки в русскую столицу и проведения им неких переговоров с Иваном IV и Афанасием Нагим у большинства историков не вызывает сомнения.

А вот насколько точно поляк пересказал позицию русского царя, неизвестно. Непонятно, почему столь серьезная программа была доверена случайному заезжему гостю. Почему после его неудачи не было повторных попыток сделать аналогичные предложения литовской и польской знати, что, кстати, как раз было бы характерно для русской дипломатической службы, зачастую из раза в раз повторявшей в своих декларациях одно и то же, мало считаясь с меняющейся международной обстановкой. Сомнительна история обретения данных текстов (оригинала не сохранилось, а есть лишь очень подробный, «в лицах», пересказ, претендующий на цитатное изложение). До участников Стенжицкого съезда якобы записанная Граевским предвыборная программа Грозного вообще была доведена в виде ее пересказа братом Граевского Петром.

Подозрителен и характер документов: наиболее достоверной выглядит грамота Граевского к Ивану IV, содержащая советы, с какими предложениями русский царь должен обратиться к польской шляхте. Такого рода сочинения как раз не редкость (ср. аналогичные послания Яна Глебовича и Я. Уханьского). Не могло ли тут быть обратной связи: Граевский сочинил сперва письмо Ивану IV в духе посланий Глебовича и Уханьского, а затем дополнил его вымышленным диалогом с русским царем, подтверждающим предложения шляхтича? В результате получился памятник польской политической мысли, памфлет, подобных которому тогда ходило в Речи Посполитой великое множество. Но некритически использовать его в качестве источника по элекционным планам русского царя, как это считает возможным Б. Н. Флоря, на наш взгляд, будет неосторожным.

«Артикулы» в идеологическом плане имеют слишком много сходства с откровенно прошляхетскими проектами эпохи бескоролевий. Вряд ли это можно приписать, как это делает Б. Н. Флоря, «редактуре» Граевским слов царя. Идеология документа откровенно пропольская. В ней в искаженной форме отражены и некоторые реальные планы Грозного. Например, о передаче России Киева ставился вопрос на переговорах

¹⁴² [Флоря Б. Н.] Иван Грозный — претендент на польскую корону. С. 176–179.

¹⁴³ Уманец Ф. М. Русско-литовская партия в Польше // ЖМНП. 1875. Декабрь. С. 264.

¹⁴⁴ Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву, с предисловием И. С. Рябина // ЧОИДР. М., 1905. Кн. 1. Отд. III. Материалы иностранные.

русских дипломатов об избрании на польский престол Максимилиана II¹⁴⁵. Но, с другой стороны, «киевская проблема» неоднократно поднималась русскими дипломатами на различных переговорах с Литвой и ранее, и вряд ли ее упоминание может служить доказательством адекватности «артикулов Граевского» реальным политическим планам Ивана IV.

Русский гонец Федор Елчанинов вел 15 июня 1575 г. переговоры в Берестье о кандидатуре «цесарева сына» на польский престол. Остафий Волович сообщил, что паны в принципе готовы рассматривать этот вопрос, но только в переговорах с «большими послами» и при персональном обращении Ивана IV к литовской верхушке панов рад (подчеркивалось, что она куда лояльней польской). Для этого было необходимо выслать пять грамот: к воеводе Виленскому (Николаю Радзивиллу Рыжему), старосте Жемайтскому (Яну Иерониму Ходкевичу), пану Троцкому (Стефану Збаражскому) и «ко всему рыцарству». Иначе невозможно решить «некоторые дела трудные и народу нашему незносные»¹⁴⁶.

К Елчанинову в ходе переговоров приехал государев гонец Петр Климов с грамотой Ивана IV, но ее содержание не удовлетворило литовскую сторону. Русскому дипломату вручили списки «с ляцкого листа». Они содержали примерные образцы грамот, которые должен был прислать в Литву Иван IV. Автором проекта выступал гнездинский архиепископ Якуб Уханьский.

Содержание текстов Уханьского крайне примечательно и демонстрирует «модель идеального властителя» для литовских панов рад. Прежде всего, это — государь христианский, оплот веры, чей основной долг — оборона христианского мира.

Во-вторых, перед нами — «пастырь народов», покровитель народа «сарматского или словенского». Историческая миссия такого монарха — преодоление «христианского великого упадка».

В-третьих, это правитель сословного государства — Иван IV должен был обратиться со специальными декларациями к духовенству и «рыцарству». Воеводам он обещает «великое жалование», а также гарантирует, что будет «рядить и судить с ними о всех делах». Он рад иметь многих панов «в товарищах», поскольку они «люди мудрые».

В-четвертых, Иван должен дистанцироваться от сбежавшего Генриха и объявить себя преемником политики Сигизмунда Августа, отвечать перед «тенью брата нашего».

В-пятых, Грозный обязан объявить политическую амнистию всем политэмигрантам (в том числе Андрею Курбскому и Владимиру Заболоцкому)¹⁴⁷.

Ostafiej Wolowicz Kancel. Wilenski
*Pierwszy wille polowy kancel. Litwanski.
 A przed ciezniejszymi pisaniami królowi
 Ode pod miedziem złotą wawodzie,
 I przed pisaniami wstąpił w pisanie
 A nie by Ostafiej Wole Litwanski
 Wyprzedził w sprawie y pisanie Litwanski.*

Остафий Волович, один из лидеров шляхты Великого княжества Литовского. Рисунок XVI в.

¹⁴⁵ ПДС. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 589.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–13.

¹⁴⁷ Там же. Л. 14 об.–17 об.

Декларация Уханьского рисует нам «шляхетский тип» короля, фактического слуги панов, воплощающего в своей политике исключительно их волю. По сути, от самодержавного властного дискурса здесь присутствует только признание сакральной роли монарха как охранителя веры. Государю также оставлена державная роль поводыря народов, но она полностью дезавуирована тем, что он при этом выступает проводником воли этих самых народов (в лице их лучших представителей — шляхетства). Очевидно, что подобная концепция не просто противоречила взглядам Ивана IV, она была для него непонятна и неприемлема.

В июле 1575 г. гонец Федор Елизарович Елчанинов вернулся в Россию. Он стал Грозного в Старице. Посол вручил царю декларацию Уханьского и грамоту от панов рад от 11 июня 1575 г. Содержание ее было достаточно стандартным: в ответ на очередную просьбу русской стороны о присылке для больших русских послов опасной грамоты литовцы пустились в обычные рассуждения о деле ради «покою христианского». Вновь звучали упреки в нападении на Ливонию и «чинении великих шкод» и опустошений в ней. На время переговоров «великих послов» предлагалось заключить перемирие¹⁴⁸.

Однако позиция панов рад, продемонстрированная в декларации Уханьского, не позволяла сделать дальнейших шагов в борьбе за польских престол. Грозный не мог найти общего языка с потенциальными подданными, чувствовал серьезную разницу между тем, как он себя мыслит королем Речи Посполитой, и кем его хочет видеть население Литвы и Польши. Это взаимное принципиальное непонимание ярко проявилось в так называемой миссии Л. Новосильцева¹⁴⁹. С послом Л. Новосильцевым 21 августа 1575 г. Грозный послал комплекс писем к панам рад¹⁵⁰, разъясняя свою позицию по отношению к проектам Уханьского. Она весьма примечательна и довольно выпукло демонстрирует принципиальные составляющие московского властного дискурса. Если шляхтичей волновали гарантии неприкосновенности своих прав со стороны монарха и масштабы собственного участия в политической жизни, то Грозный просто не мыслил себе иной модели отношений между царем и подданными, чем служилая: король правит, дворяне служат. Именно в этом и будет «прибыток всему христианству». Сам факт приглашения на польский престол для Ивана Васильевича в первую очередь означал то, что паны «похотели нам послужити».

Примечателен тон посланий царя: он рассматривает службу панов как одолжение, которое он делает им же: ваша главная привилегия после моего избрания — повиноваться мне и исполнять мои приказы. Сама идея дворянской вольности с возмущением отменяется, но Иван IV готов обсуждать вопрос о пожаловании за верную службу. И хотя конечное решение вопроса о размерах вознаграждения, как подчеркивает московский государь, остается за ним, но он обещает «доброе жалование».

Нельзя сказать, чтобы русская сторона оказалась абсолютно глухой к словам контрагентов. Иван среагировал на навязчивый рефрен посланий литовской стороны о стремлении к миру и «покою христианскому». Однако подход Грозного к этому вопросу довольно своеобразен: он намекает, что именно его избрание на престол Речи Посполитой — лучший способ прекратить войну. Ведь он тогда окажется правителем обеих противоборствующих держав, что разрешит все противоречия в регионе. Соединенным под московским скипетром государствам будет уже не из-за чего сражаться.

¹⁴⁸ Там же. Л. 1–4 об.

¹⁴⁹ О ней см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 109.

¹⁵⁰ Они были адресованы Якубу Уханьскому, Франциску Краинскому, Яну Костке, Петру Уборскому, Яну Томицкому, Николаю Радзивиллу, Остафию Воловичу и др., отдельным являлось декларативное послание «к шляхетству и рыцерству литовскому».

Из гарантий прав, требуемых литовской стороной, Грозный подтвердил только свое принципиальное невмешательство в религиозный вопрос и в деятельность духовенства Речи Посполитой¹⁵¹.

Статейный список русского посла С. Бастанова, вернувшегося в Москву в январе 1576 г., содержал собранные им тщательно документированные свидетельства, что «паны рад хотят бити челом тебе, государю, а опричь тебя, государя, не хотят искать никою», «и многие мещане опричь тебя, великого государя, никою не хотят». Посол записывал все случаи подобных высказываний с указанием числа, дня недели, с кем была встреча и т. д.¹⁵² Они занимают в статейном списке несколько листов. Правда, остается открытым вопрос — насколько перед нами свидетельство реального существования у Ивана Грозного некоего электората в Речи Посполитой, а насколько — посол просто выдавал желаемое за действительное, мелкие разрозненные и случайные свидетельства — за систему.

Было это результатом самообмана или искренней веры, но в 1576 г., когда Стефан Баторий вполне утвердился на троне Речи Посполитой, царь Иван продолжал слать в Великое княжество Литовское своих дипломатов для подготовки своего вступления на престол польско-литовского государства. Грозный отправил с литовскими дипломатами, отбывшими домой 4 марта 1576 г., свое послание к панам рад, которое проливает свет на мотивы столь вялого, с точки зрения аристократии Речи Посполитой, ведения избирательной кампании. В соответствии со стилистикой посольских документов в грамоте излагается история вопроса: бегство Генриха, обращение панов к Ивану IV, что им «без государя долго быти не можно», переговоры с Максимилианом II (посольства Даниила Принца и Яна Кобенцля), выдвижение согласованной кандидатуры сперва самого кесаря, а затем его сына Эрнеста. Однако паны захотели «нашего над собою государства» или — звать на престол Федора Ивановича. Это необходимо обсудить, оформить в «о тех делех докончанье», выработать единую позицию со Священной Римской Империей, прежде всего, еще до «больших переговоров» достичь компромисса по военным вопросам и по Ливонии¹⁵³.

Что здесь двигало русской дипломатией? Чрезмерная осторожность, желание учесть все нюансы и заранее их обговорить? Нерешительность, заставлявшая искать все новые и новые поводы для оттягивания решительных шагов? Думается, что помимо этих факторов, которые, вероятно, также имели место, большую роль играла приверженность российской стороны к определенному ритуалу. И у Грозного, и у Посольского приказа было определенное представление, КАК полагается занимать престол в чужих государствах. Оно во многом вытекало из политической доктрины «Сказания о князьях Владимирских»: государь должен быть официально и торжественно ПРИЗВАН на государство по желанию «всего посольства». Ситуация, когда за корону надо бороться, добываясь благосклонности знати, не укладывалась в существовавшие представления о том, каким должен быть порядок восшествия на трон.

Иными словами, ситуация, в которой пришлось вырабатывать свою линию отечественной дипломатии, была непривычной и нестандартной (до этого были прецеденты с декларативными претензиями Василия III¹⁵⁴, но они никогда не переходили в плоскость практических действий). Москва оказалась способной действовать только в соответствии со своим властным дискурсом: пытаться воплотить на международной арене собственную модель, как надо занимать престол в соседнем государстве.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 48–50 об., 53–55, 68 об.–70.

¹⁵² Там же. Л. 95, 95 об., 96 об., 97 об., 100.

¹⁵³ Там же. Л. 121 об.–128.

¹⁵⁴ В 1506 г., после смерти Александра Ягеллончика, Василий III обращался к литовской раде, чтобы они позвали его на государство (Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... С. 32).

Грозный поступал не по ситуации, а по стереотипным представлениям. Такая негибкая политика обуславливала близорукость русских посольских служб. Они не были отзывчивы на шаги контрагентов, пытались переиграть оппонентов за счет досконального соблюдения ритуала. Возможно, это и дало бы результат, если бы соперником был такой же связанный традициями государь, а не семиградский «выскачка» Стефан Баторий, руководствовавшийся не только политическими обычаями, а тем, что обычно называют «здравым смыслом».

«История не терпит сослагательного наклонения», но мог ли Иван IV добиться успеха в случае более решительных действий? Например, как Баторий — лично отправиться за польской короной, или же быть более настойчивым на дипломатической арене? Судить о конечных перспективах подобных действий трудно, но несомненно, что шансы по крайней мере осложнить положение Стефана и политически расколоть Литву у Грозного были. В условиях Ливонской войны это явилось бы фактором, работающим в пользу России. И этот шанс был упущен.

Единственная выгода, которую Россия извлекла из польских бескоролевий, — это возможность апеллировать к ним как к историческому эпизоду, в котором Москва проявила благородство, «пощадила» Речь Посполитую в трудное для последней время и не стала ее завоевывать. Например, на переговорах в августе 1580 г. посол И. В. Сицкий говорил панам рады:

«Да и то вам, панове рада, пригоже государя нашего к себе и ко всей земле Литовской жалованье помнити, как Божиим судом государя вашего, Жигимонта Августа короля, не стало, а вы без государя остались. А в то время у государя нашего рать была наготове собрана. А вы, панове рада, ко государю нашему прислали своих гонцов, Федора Разенкова с товарищи, чтоб государь на вашу незгуду не стоял, видя вас в безгосударных. И государь наш, как есть государь крестьянской, о преставленьи брата своего, Жигимонта Августа королю, зельно скорбел, и о вас, что вы безгосударные остались, и над вами свою государскую милость показал, и того, что годна государю крестьянскому. Сам с коня ссел, и людей своих посылати не велел, и по всем границам рати и войны всчиняти не велел, и вам, панове, таких дел забывати непригоже»¹⁵⁵.

Правда, с точки зрения литовских панов, они полностью расплатились за эту милость Ивана Грозного, якобы целый год удерживая Стефана Батория от немедленного нападения на Россию. Так что «цена вопроса» в Литве была признана невысокой:

«И мы к себе и ко всей земле Полской и Литовской государя вашего жалованье помним, что когды государь ваш, видя нас безгосударных, на нас ратью не наступил, и то государь ваш учинил, как годится государю хрестьянскому, и мы, паны рада, государю своему за то государя вашего жалованье били челом, и государь наш для нашего челобитья сам на государя вашего землю не пошел, и рать свою позадержал мало на целый год. И мы то государя вашего жалованье отправили»¹⁵⁶.

Зато к своему новому государю паны предъявляли высокие требования, главным из которых была победа в войне с Москвией. На переговорах с посольством И. В. Сицкого в Варшаве в феврале 1581 г. они заявили: «А у нас государство поволное, обираем себе государя кого захотим», и он без совета со знатью ничего не делает, «а что и захочет делати, то мы не дадим». При избрании Баторий получил «наказ», что он обязан возратить земли предков, от которых литовцы были насильно

¹⁵⁵ Статейный список посольства И. В. Сицкого, март 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 91–91 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 92 об.

отлучены москвитами. И король на том присягал. Правда, в список этих исконно литовских земель попала и Ливония. И теперь Стефан был «обязан присягою» пообещать Московию¹⁵⁷.

Германия и Россия делят Европу. «Летучие листки» 1576 г.

Москва и Габсбурги в годы польских бескоролевий во многом действовали совместно, во всяком случае, были одинаково заинтересованы в разделе наследства Ягеллонов. Это обусловило их сближение. В 1576 г. Россия совместно со Священной Римской империей создают геополитический проект, который хоть и не был реализован, но во многом предвосхитил будущее. Речь идет о русско-германском проекте о разделе Речи Посполитой между Россией и Габсбургами. Проект подробно изложен в грамоте, хранящейся в AGAD в Варшаве в фонде Радзивиллов¹⁵⁸. Это выписка о переговорах в Москве Даниила Принца и Яна Кобенцля¹⁵⁹. Переговоры с ними вели московский дворецкий Никита Романович Юрьев и дворянин Ближней Думы Афанасий Федорович Нагой и дьяки Щелкаловы.

Максимилиан предлагал России военно-политический союз на следующих условиях:

- на трон Речи Посполитой избирался Эрнест;
- Россия и Священная Римская империя вместе с находящейся под их властью Речью Посполитой совместно выступают против Турции;
- Россия прекращает войну в Ливонии и выводит оттуда войска, Ливония при этом освобождается от польской оккупации и переходит под юрисдикцию Священной Римской империи.

Иван Грозный выдвинул встречные предложения:

- на польский престол избирается Эрнест, на литовский — Федор;
- Россия готова вывести войска из Ливонии при условии, что Ливония получит статус особого вольного королевства (т. е. не окажется в сфере влияния ни Священной Римской империи, ни Швеции, ни Дании);
- Россия поддерживает идею совместного выступления против Турции.

Таким образом, предполагаемые границы сфер влияния России и Германии оказывались удивительно похожи на те, которые будут реализованы уже в XX веке печально известным пактом Молотова—Риббентропа: Германии доставалась Польша, России — Прибалтика и земли Великого княжества Литовского, то есть современная территория Центральной и Западной Украины и Беларуси.

Насколько реалистичен был этот проект и мог ли он быть воплощен в жизнь? В принципе, и Россия, и Германия располагали силами для военного вторжения, а свои сторонники были и у Максимилиана и Эрнеста в Польше, и у Ивана Грозного в Великом княжестве Литовском. Думается, что этот сценарий мог бы стать вполне реальным, если бы не две исторические случайности, которые отодвинули на два столетия раздел Речи Посполитой. Первый аспект — это смерть Максимилиана II в октябре 1576 г., а сменивший его Рудольф II не считал Россию военно-политическим партнером. Второй аспект — это удивительный талант и характер нового польского короля Стефана Батория, который смог в кратчайшие сроки объединить Речь Посполитую, подавить прогабсбургские выступления и нанести военное поражение России.

¹⁵⁷ Статейный список посольства И. В. Сицкого, март 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 157 об.—158.

¹⁵⁸ AGAD. Archiwum Radziwiłłow. Dział II. Dokumenty Historyczne. Teka I. Nr. 89a. L. 1—15.

¹⁵⁹ Об обсуждении этого вопроса на переговорах в Москве см. материалы переговоров: ПДС. Т. 1. Стб. 534—536.

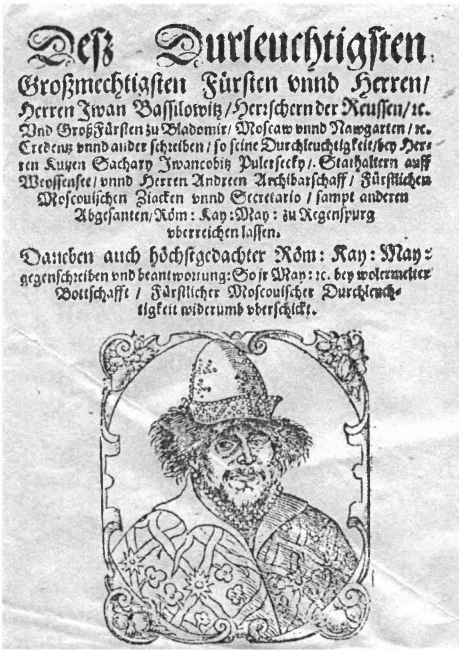
Тем не менее русско-германское сближение в 1576 г. имело эффект для дискурсивных практик восприятия России в Европе. Оно дало новый всплеск печатных пропагандистских сочинений, посвященных московитской проблематике. Непопулярность этой темы на страницах европейской печати в 1573–1575 гг. объясняется, видимо, тем, что польские интеллектуалы были заняты полемикой бескорольевья, в которой тема Ивана Грозного и Ливонской войны хоть и звучала, но была отнюдь на самой главной¹⁶⁰. А с ливонского фронта судьбоносных вестей не поступало, и германский мир в эти годы мало интересовался Москвитией.

В 1576 г. Речь Посполитая определилась с монархом и теперь могла вернуться к активной борьбе против России (тем более что это был один из предвыборных тезисов Стефана Батория). А Священная Римская империя в 1576 г. делает шаги по сближению с Москвой, обсуждает проект раздела между союзными державами Восточной Европы. Рюриковичи и Габсбурги практически совместно борются за наследство Ягеллонов, польский трон. Все это вызвало новый виток роста интереса к русской проблематике, как обычно, через различные легенды и мифы. Во Франкфурте на Майне в 1576 г. вышло очередное «Правдивое новое известие...»¹⁶¹, в котором царь Иван изображался даже с симпатией, говорилось, что он может оказать помощь против турок и поляков (и даже приводилась легенда, будто Иван Грозный подверг мучениям турецкого посла).

Новый миф развивался стремительно. Для его подтверждения и распространения было напечатано сконструированное послание Ивана IV императору (в основу кон-

¹⁶⁰ Единственным исключением, как отмечено А. Каппелером, был «летучий листок» 1575 г.: Ein new Lied von dess Moscowitzers grewlicher Tyranny unnd wüten so er wider die Christen zu Refell in Lifland durch listig und falsche fürschräg geübet hat. Gemachet und gestellet durch Alexander Egendörffer von Presslaw. Im Thone kompt her zu mir spricht Gottes Sohn etc. S. 1., 1575 (*Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 48*). Это стихотворное произведение, рассказывающее легендарную историю о том, как «нехристь» московский царь Иван IV хотел захватить Ревель и принять во взятом городе христианство, а город героически сопротивлялся осаде врагов. В рассказе, по мнению современного немецкого историка, видны следы описания некоторых реальных зверств, которые совершали войска Ивана Грозного при осаде Пайды (Вассенштейна), имевшей место в 1573 г. А. Каппелер также указывает на свидетельство о существовании сочинения “«Warhafftige und Erschreckliche Newzeitung, von dem grausamen Feind und Tyrannen des Muscovitzers, wie er so erbärmlich und jemmerlich, viel Volcks umbs Leben, inn Lietland hat bringen lassen ... 9. July 75. Jars”, которое, судя по всему, не дошло до нас. К. Завадский называет еще один листок, в котором затрагивалась московская тема: Nuovi avisi venuti a Venetia, dove se intende, la gran Fortuna che a havuta l'Armata del Turco presso Cöstantinopoli, con altri particolari della Coronatione del Re, di Romani, et del Re di Polonia, et similmente se intende un'altra rotta che a dato i Moscoviti al Turcho, forsi di venti milla persone, tra cavalli, e pedoni. Bologna, 1575 (*Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 24. Nr. 98*).

¹⁶¹ Warhafftige Neuwe Zeitung Welcher massen die Römische Kais.Mt. unser Allergnedigster Herr von den Polnischen Abgesandten in Wien zu einem König in Polen declariert und aussgeschryen worden: Was auch die Türkische Botschafft vor beschener Wahl daselbsten geworben und anbracht: Folgends wie der GrossFürst auss der Moscaw die an jnen abgesandte Türkische Legation tractirt und gehalten: Letzlich was Bäpstliche heiligkeit und der Grossfürst auss der Moscaw auch andere Fürsten und Herrn höchst gedachter Rom. Kais. Maiest. für Steuer und Hülff wider jre Feind zugesagt. Franckfurt am Mayn, 1576 (листок указан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 47, 255; Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 26–28. Nr. 106–115*). — А. Каппелер указывает, что этот листок был отпечатан другим изданием в Лейпциге. В том же году в Бреслау вышел листок с обзором текущих событий: приездом русского посольства в империю, отношений Ивана Грозного и герцога Магнуса, новостями из Пруссии: Corey und Abdruck zweyer Warhafftigen Schreiben aus der Wilde in Littaw wie es die Kauffleut mit sich gen Bresslaw bracht haben. Darinnen gründlicher bericht zufinden ist Wie es jetzt mit dem Königreich Polen eine gelegenheit habe... Bresslaw, 1576; см. также: *Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 25–26. Nr. 104–105; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 72.*

Титульный лист с портретом Ивана Грозного из «летучего листка» 1576 г.

Изображение русского дьяка в немецком «летучем листке» 1576 г.

структа были положены некоторые подлинные русские дипломатические тексты)¹⁶². Московит изображался готовым к союзу с империей для решения польского вопроса, но упорствующим в своих претензиях на Ливонию. В этом же листке помещен ответ императора Максимилиана II от 24 июля 1576 г., в котором говорилось о возможности братской дружбы между монархами, но указывалось на противоречия по решению судьбы Ливонии и проблемы с титулатурой Ивана Васильевича в дипломатических документах. То есть, Россию были готовы принять в альянс и совместно делить ягеллонское наследство. Но для этого она должна была соблюсти ряд условий, в том числе — прекратить агрессию против Ливонии как части германского мира.

В 1576 г. вышли и иные листки и даже гравюры, посвященные русскому посольству в империю и выражавшие надежду на помощь России против турок¹⁶³. В них проявлял-

¹⁶² Desz Durlleichtigsten Groszmächtigen Fürsten unnd Herren Herren Jwan Bassilowitz Herrschern der Reussen etc. und GrossFürsten zu Bladomir Moscau unnd Nawgarten etc. Credentz unnd ander schreiben so seine Durchleuchtigkeit bey Herren Kutzen... Rom: Kay: May: zu Regensburg überreichen lassen. Daneben auch höchstgedachter Rom: Kay: May: zu Regensburg überreichen lassen. Daneben auch höchstgedachter Rom: Kay: May: zu Regensburg überreichen lassen. S. I. et a. (см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 46–47, 255).

¹⁶³ Warhaffte neue Zeitung. Auff dem Reichsstag zu Regensburg gehandelt und fürgebracht nemlich wie der Türck in Crabaten widerumb einen einfall gethan und ettliche Schlösser und Flecken eingenommen. Wie auch des Moscowiters Gesandten alda ankommen und was sie für gebracht... Cöln, 1576; Warhafftige Contrafactur der Legation oder Gesandten des Gross Fürsten ausz Moscau an die Römische Kayserliche Mayestat: Auch in was kleydung und gestalt ein jeder gen Hof gezogen da sie der Romischen Kayserlichen Mayestat den Credentz Brieff und Geschenck überantwortet haben Zu Regensburg auss diesem Reichstag den achtzehenden Julij dieses M.D.LXXVI. Jars. Praga, 1576 (см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 47–48, 255; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 72).

Изображение русского посольства ко двору германского императора.
Немецкая гравюра 1576 г.

ся явный интерес к русским церковным обычаям (то есть возрождались идеи первой четверти XVI в. о перспективах обращения русских в истинную веру)¹⁶⁴.

В пропагандистской кампании 1576 г. четко просматриваются несколько дискурсов. Первый и главный — самооправдательный. Империи надо было как-то объяснить, почему она идет на союз с тем, кого недавно на страницах европейских печатных изданий называли тираном, кровопийцей, захватчиком, чуть ли не библейским чудовищем. Почему империи вдруг стал выгоден альянс с варварами и схизматиками? Ведь германские интеллектуалы при этом не отказывались от того, что русские — дикие, нецивилизованные, страшные, опасные для христианского мира. Они не замалчивали, а, напротив, поднимали тему Ливонии как жертвы русской агрессии.

Но при этом надо было подвести обоснование, что с москвитями можно и даже выгодно иметь дело. Отсюда и внимание к православной религии — возможно, ее носителей удастся обратить в истинную веру. Отсюда и антитурецкая тема — в борьбе с этим врагом христианского мира был хорош любой союзник. Отсюда и пристальное, чуть ли не этнографическое внимание к москвитам, причем на уровне не только текстов, но и визуального ряда. Очень показательно, что и царь Иван, и дьяк, и русское посольство на этих гравюрах изображены волосатыми, косматыми (признак дикарства, варварства, дьявольских сил). К ним присматриваются, как к дикарям, которые могут стать союзниками и преобразиться. Отсюда и подчеркивание доброй воли Москвиты, публикация его конструированных писем — демонстрация, что русские сами хотят войти в Европу.

Второе — перед нами некоторая реанимация дискурсов «открытия России» первой четверти XVI в. Можно констатировать, что в 1570-е гг. происходит вторая фаза сближения России и Запада. Она, как и в первом случае, носила не гомогенный ха-

Изображение религиозных обрядов москвитов. Немецкая гравюра 1576 г.

¹⁶⁴ Contrafactur: Der Kirchen Ceremonien so die Moscovitter bey jrem Gottesdienst gebrauchen wie auff dem jetzigen Reichstag zu Regensburg ist gesehen worden. Praga, 1576.

ракти (Европа искала формулу альянса, а для царя Ивана отношения с «латинянами» и «люторами» были очевидны и однозначны). Как и в первом случае, она реализовывалась в парадигме «свой — чужие». Русские могли бы стать своими для империи, если бы помогли ей покорить, расчленить и разделить Речь Посполитую и стали бы щитом Европы против турок. Если бы при этом они бы еще обратились в истинную веру и начали усваивать европейскую культуру, то из категории союзников они встали бы на путь вхождения в «христианский мир». То есть, стали бы «своими».

В 1570-е гг. в Священной Римской империи в это на какой-то момент опять поверили и попытались воплотить в жизнь. Дискурсы и стереотипы правила политикой. Но эта реанимация «открытия России» продолжалась очень недолго и не успела набрать культурного влияния. Как только изменилась политическая конъюнктура — все вернулось к парадигме России как анти-Европы.

Катастрофа в Ливонии 1577 г. и ужас Европы

Все эти планы и положительные образы русских вдребезги разлетелись в 1577 г. В октябре 1576 г. умер Максимилиан II, а союзных отношений Иван IV и новый император Рудольф II (1576–1612) наладить не смогли. Да и у империи в значительной мере пропал к этому интерес, было ясно, что Рудольфу слишком сложно сместить укреплявшего с каждым днем свои позиции Стефана Батория. Альянс с русскими становился не очень нужен. Тем более что московиты преподнесли внезапный сюрприз, в одночасье реанимировав все те негативные характеристики, которыми их в 1560-е гг. награждали на страницах «летучих листков». В 1577 г. русская армия во главе с самим Иваном Грозным пошла в последний победоносный решительный поход на еще непокоренные земли бывшей Ливонии. Целью был полный захват Прибалтики, вытеснение оттуда польской Короны¹⁶⁵.

В 1577 г. русские войска безуспешно осаждали Ревель. Вскоре вышел «летучий листок», повествующий об этих событиях¹⁶⁶. В нем опять зазвучали мотивы русского нашествия как Господней кары на согрешивших ливонцев, рифмовались московиты и турки, мужество и стойкость защитников Ревеля ставилось в пример. Вслед за Ревелем на фронт пропагандистской войны выступила Рига. А. Каппелер назвал, и весьма справедливо, «летучий листок», написанный от имени очевидцев событий из Риги, «бестселлером» — в том смысле, что он в 1577–1578 гг. вышел восемь (!) изданиями с разными обложками и заголовками¹⁶⁷. Листок состоит из двух отдельных рассказов.

¹⁶⁵ О походе 1577 г. см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 47–64; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 21–52.

¹⁶⁶ *Warhafftiger Bericht des Revelschen Kriegs Belegerung und fürnembsten Scharmützeln auch was sich von beiden teilen jnnen und ausserhalb der Statt von anfang biss zum end zugetragen hat ordentlich und gründlich verfasst durch einen Studiosum so in solchen hendeln bey und mit gewesen.* S. 1., 1577. — Как показали А. Каппелер и С. Мунд, в 1578 г. он лег в основу обновленного издания в Нюрнберге под другим заголовком: *Moscovittische Tyranny. Eigentliche warhaffte beschreibung und bericht der weiterübmbten Handelstätt Revel in Liffland an der Ostsee wie dieselbige von dem Moscovittischen Tyrannen mit grosser macht belagert Unablessigem ernstlichem schiessen Feuerwerck und anderer Tyranny Tag und Nacht beschwert. Item was sich von Tag zu tag die zeyt jrer Belagerung mit Scharmützeln... verlossen.* Auch wie wunderbarlich der liebe Gott die Statt vor diesem grausamen Tyrannischen Feind gnediglich erretet. Nürnberg, 1578 (*Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 48–49, 255; *Mund S.* Orbis Russiarum... P. 343; *Poe M.* Foreign discriptions of Muscovy... P. 74).

¹⁶⁷ *Neue Zeytung. Warhafftige Erbärmliche und klägliche Beschreibung und Bericht einer fürnemen Personen von der grewlichen Tyranny des Moscowiters auss Riga geschriben den 30. Augusti im Jar M.D.LXXVII.* Dantze, 1577 (также: München); *Zwo warhafftige erbärmliche und klegliche Zeitungen und bericht einer fürnemen personen von des Muscowiters grausamen und gewaltigen tirannei...* S. 1., 1577; *Warhafftige Erbärmliche und Klägliche Zeitung und Bericht einer fürnemen Personen von der grewlichen Tyranny des Muscowiters auss Riga geschriben den XXX. Augusti im 1577. Jar.* Rostock, 1578 (*Kappeler A.* Ivan

Первый описывает события с 13 июля по 30 августа 1577 г., поход войск Ивана IV по Ливонии. Во втором внимание сосредоточено на осаде Вендена. Автор листка апеллирует к дискурсу Господней кары, наказания через нашествие иноплеменных, ссылается на Книгу Чисел (Гл. 26 — в ней перечисляются колена Израиля, пораженные Богом за грехи). Он просит о прощении и милости Бога к его христианским людям. Мотивы покаяния, послушания, молитвы за бедную гибнущую Ливонию, описание жестокостей москвитов звучат и в других сочинениях, посвященных походу 1577 г.¹⁶⁸

Neue Zeitung/
Warhafftige/Erberm-
 liche vnd klegliche Beschreibung vnd Bericht/
 einer fürnemen Person/ von der greuelichen
 Tyranney des Muscoviters / auß
 Riga geschrieben/ den 30.
 Augusti / im
 Jar

M. D. LXXVII.

Gedruckt zu Danhge.

Титульный лист «летучего листка» из Риги, 1577 г., данцигское издание. Стилизованное изображение москвиты.

Warhafftige Erberm-
 liche vnd klegliche Zeitung / so aus
 Riga geschrieben/wie der Muscoviter das ganze Wbers
 dänische Fürstenthumb/ darin viel Städte vnd Schloffer
 eingenommen/semmerlichen zerföhret/ Vnd wie er mit
 dem Volck Sprannischer weise vmbgangen / Auch wie
 er Herzog Magnus gefenglichen angenommen/
 vnd seiner Reiche in die dreissig hat
 zu fñden hawen laß
 fen / etc.

M. D. LXXVII.

Титульный лист с изображением битвы переиздания этого же листка в Любеке, 1577 г.

Очень любопытно кельнское издание рижского «летучего листка», вышедшее в 1578 г.¹⁶⁹ Здесь издание начинается с рассказа о походе Хуана Австрийского против нидерландских повстанцев и о победе над ними 31 января 1578 г. в битве при Жамблу (нидерл. Slag bij Gembloers) в бельгийской провинции Намюр, а затем помещены рижские листки. Тем самым поход Ивана Грозного на Ливонию 1577 г. оказывался вписанным в контекст последних европейских новостей, актуализировался в ряду событий, волновавших западных читателей. Изобразительный ряд — публикация на титулах рижских листов гравюр, изображающих европейские битвы и походы,

Groznyj im Spiegel... S. 49; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 32–33. Nr. 129–135; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 74). Издания в 1577 г. вышли также в Любеке (дважды) и Кенигсберге.

¹⁶⁸ Klegliche erbermliche Zeytung und eygentlicher Bericht ansehnlicher fürnemer und warhaffter Personen auss Wenden Riga und ändern Liffländischen orten geschrieben. Darinnen angezeigt mit was grausamkeit und Tyranney unerhörter Marter Peyn und nothzwang der Moscovittische Feind gegen Adels und ändern Personen Item Frawen und Jungfrewlein auch den unschuldigen Kindlein sich erzeigt... Nürnberg, 1578 (описание см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 49; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 33. Nr. 136; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 76).

¹⁶⁹ Warhafftige Zeitung von der Grossen Schlacht bey Namen an der Masz geschehen den 31 Jenner in diesem 1578 von Don Johan de Austria und den Algementen Staten des Niederlandes. Ein ander: Erbermliche und Klegliche Zeitung und Bericht ausz Riga zugeschrieben. Cöllen, 1578.

должен был усилить этот эффект. Нападение русских на Ливонию в 1577 г., таким образом, оказывалось в центре внимания всей Европы.

Конфликту надо было подводить итог, к 1577–1578 гг. он длился уже около 20 лет. Это было сделано в специальном печатном сочинении: «Краткий и правдивый рассказ

**Warhafftige / er-
barmliche vnd fleghliche Zei-
tung vnd Bericht / einer fürnemmen
Personen / von der grewlichen Tyranny
des Muscoviters / aus Riga geschrie-
ben / den 30. Augusti / im
1577. Jar.**

**Aus einem Königspreusschen Exem-
plar nachgedruckt / durch Jo-
han Balthorn.**

Второе любекское издание 1577 г. рижского «летучего листка» со стилизованным изображением армии, марширующей ввиду европейского города.

о раздоре между москвитами и ливонцами, также о жестокой неслыханной тирании, так он бедным невольным христианам доньше в течение 20 лет по-прежнему постоянно читит». В нем была дана историческая ретроспекция важнейших событий и этапов развития ливонского конфликта с 1553 г., при этом вся вина возлагалась на коварство и лукавство Ивана Грозного. Именно москвиты были инициаторами агрессии против ливонского магистра и епископов. Они требовали Юрьевской дани и выгодных условий торговли. В качестве главных потерь в начале войны называются Дерпт, Нарва, Феллин, говорится о нападениях на Везенберг и Пернов. Особо выделены осада 40 000-м войском Вайссенштейна в 1573 г., гонения на нарвских купцов в том же году. Интерес автора листка привлекла также фигура герцога Магнуса, избравшего сотрудничество с Москвитом, участвовавшего в осаде Ревеля, женившегося на москвитке, родственнице царя. Подчеркивается интернациональный характер войны в Ливонии, в ней участвуют русские, поляки, шведы, немцы и т.д. После осады Ревеля следующей вехой в листке назван поход 1577 г., осады Вольмара и Вендена.

Заканчивался листок описанием осады Ревеля и судьбы датского герцога Магнуса, вступившего в конфликт с царем Иваном. Листок, как справедливо замечает А. Каппелер, был прямо направлен на то, чтобы «открыть глаза» германскому императору на истинную жестокую и злодейскую сущность тирана-Москвиты. Ливонию оставили христианские правители, в этом причина ее трагедии, но они должны ей помочь. Господь дарует Ливонии спасение, как некогда даровал спасение Израилю от фараона¹⁷⁰. Автор ссылается на 59-й псалом¹⁷¹ и 16-ю главу Евангелия от Иоанна¹⁷².

¹⁷⁰ Kurtzer und warhafftiger Bericht des Zwitrachts zwischen dem Moscowiter und den Liffländern auch von der grausamen unerhörten Tyranny so er an den armen gefangenen Christen bisher in die 20. Jahr und noch stets für und für übet. Unnd mit was list er auch die beyde Stedte Revell und Riga unter seine gewalt zubringen bedacht dem gantzen Deutschenland und Rom.Reich zu einem ewigen unüberwindtlichen schaden. Allen frommen Christen zur trewen Warnung und hertzlichem mitleiden beschrieben von einem guten Freunde der solch unglück selbst gesehen und zum theil hat erfahren müssen. S. 1., 1578 (описание см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 50; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 76*).

¹⁷¹ Ср.: «Боже! Ты отринул нас, Ты сокрушил нас, Ты прогневался: обратись к нам. Ты потряс землю, разбил ее: исцели повреждения ее, ибо она колеблется. Ты дал испытать народу твоему жестокое, напоил нас вином изумления. Даруй боящимся Тебя знамя, чтобы они подняли его ради истины, чтобы избавились возлюбленные Твои; спаси десницею Твоею и услышь меня» (Пс. 59: 3–7)

¹⁷² В ней говорится об изгнании, скорбях, отречении от Господа и возвращении к Богу, победе над Миром.

Таким образом, в 1577–1578 гг. в европейской антимосковской пропаганде наступает решительный перелом. Она окончательно приобретает разоблачительный характер, к Московии прилагаются исключительно негативные характеристики. Причинами этого были провал планов альянса России и Священной Римской империи, агрессия русской армии против Ливонии и стабилизация положения в Речи Посполитой, которая в ближайшие годы поставит победу над Россией своей главной задачей.

Рождение в европейской мысли «тирана Васильевича»

К 1570–1580-м гг. формируется европейская иваниана. При ее анализе сложно соблюдать хронологический принцип, поэтому в данном разделе мы перейдем от хронологического построения материала к тематическому. Также необходимо оговорить условия привлечения источников. При изучения памятников пропаганды для нас был важен не только факт появления, но и «слышимость» источников, степень и формы их востребования и распространения. То есть, принципиально было не только что говорят источники, но как и что из этого слышат современники. В случае с иванианой мы будем привлекать как печатные памятники, имевшие широкое хождение, так и остававшиеся долгое время только в рукописях, известных крайне ограниченному кругу современников. В данном случае это не столь существенно, потому что неопубликованные рукописные источники все равно усваивали и фиксировали в себе дискурсы эпохи. Для изучения иванианы важен сам факт появления той или иной идеи.

Среди наиболее заметных сочинений иванианы можно назвать, помимо уже проанализированных нами сочинений И. Реннера, Б. Рюссова и др. хроник о Ливонской войне, записки Ф. Тьеполо (1560 г.)¹⁷³, А. Шлихтинга (около 1571–1572 гг.)¹⁷⁴, И. Таубе и Э. Крузе (около 1572 г.)¹⁷⁵, Г. Штадена (1578 г.)¹⁷⁶, Даниила Принца из Бухова

¹⁷³ Издания текста: *Discurso della Moscovia // Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zu ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs / Hrsg. von B. von Wichmann*. Berlin, 1820. Bd I. S. 363–398; HRM. T. I. C. 162–172; *Romanin S. Storia documentata di Venezia*. Venezia, 1857. T. VI. S. 505–522; *Relazione della Moscovia attribuita al serenissimo sier Francesco Tiepolo, fatta l'anno 1560*. Venezia, 1877.

¹⁷⁴ Основное сочинение А. Шлихтинга называется «О нравах и жестоком правлении тирана Московии Василия» “*De moribus et imperandi crudelitate Basilii Moschoviae tyranni brevis enarratio*”). Оно было издано по рукописи Ватиканского архива в русском переводе А. И. Малеина (*[Шлихтинг А.] Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и примеч. А. И. Малеина. Л., 1934*). Другая редакция текста называется “*Narratio de moribus et imperandi crudelitate Basilii Moscoviae magni ducis in anno 1569 usque ad 1570 partim*”. Существовала еще краткая редакция сочинения Шлихтинга, известная в немецком (*Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de principis Iwani vita et tyrannide // Scriptores rerum Polonicarum*. Cracoviae, 1872. T. I. P. 145–147) и латинском (“*De his quae nunc in Moschovia agantur anno Domini 1570 1 Octobris*”) переводах. Сочинение Шлихтинга ходило в списках, о них см.: *Grala H. Zur Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland / Hrsg. von H. Beyer-Thoma*. Wiesbaden, 2000. S. 131–159; *Горшков И. Д. Немецкий список «Сказания» Альберта Шлихтинга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 2 (16). С. 43–45; *Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного*. Рукопись Выражаю благодарность Игорю Владимировичу Дубровскому за возможность ознакомиться с его статьей в рукописи.

¹⁷⁵ *Zar Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Johann Taube und Elert Kruse. 1572 // Beiträge zur Kenntniß Rußlands und seiner Geschichte / Hrsg. von G. Ewers und M. von Engelhardt*. Dorpat, 1818. S. 185–238; *Bericht des Dörptschen Stiftsvogts Eilert Kruse an den Erzbischof Wilhelm in Riga über die Uebergabe der Stadt Dorpat, vom 5. August 1558., nebst ... // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. 1840. Bd I. S. 469–480; *Johann Taube und Eilard Kruse. Zwei Veräther // Theodor Schiemann: Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts*. Hamburg; Mitau, 1885. S. 1–30. Русский перевод: [*Таубе И., Крузе Э.*] *Послание Иоганна Таубе и Элэрта Крузе / Пер. и вступ. ст. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал*. Пг., 1922. Кн. 8. С. 8–59.

¹⁷⁶ “*Moscowiter Land und Regierung Beschriben durch Henrichen v. Staden*”; русский перевод: *Штаден Г.* *О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника / Пер. и вступит. ст. И. И. Полосина. М., 1925.*

(1577 г.)¹⁷⁷, А. Гваньини (1578 г.)¹⁷⁸, Г. ван Гоффа (практически полностью повторяющего Таубе и Крузе, 1582 г.)¹⁷⁹, Пауля Одерборна (1585 г.)¹⁸⁰ и др.

К следующей группе интересующих нас нарративных памятников XVI в., содержащих дискурсы о Ливонской войне, относятся отчеты и записки послов европейских держав, в годы конфликта посетивших Россию с дипломатическими миссиями. Думается, что работа по выявлению подобных текстов далеко не закончена. Среди введенных в научный оборот сочинений стоит назвать записки посетившего Москву в 1553 г. англичанина Р. Ченслора¹⁸¹, дневники ливонского посла Т. Хернера (1557–1558 гг.)¹⁸², датского посла Клауса Угрое 1559 г.¹⁸³, английского дипломата и путешественника Антонио Дженкинсона (в 1557–1560, 1561–1564, 1566–1567 и 1571–1572 гг.)¹⁸⁴, анонимного спутника Дженкинсона (возможно, Роберта Беста, 1557–1558 гг.), англичан-путешественников Томаса Соутема (1566 г.), Эдварда Вебба и посла Томаса Рандольфа (1568–1569 гг.)¹⁸⁵, «Путешествие в Московию» Рафаэля Барберини (1565 г.)¹⁸⁶, вати-

¹⁷⁷ *Moscoviae ortus et Progressus, Aythore Daniele Prinz a Bucchuu, Augustissimo rum imperatorum Maximilian et Rudolphi ubivis secundi Consiliario nec non bis ad Johannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae Legato exstraor di nario. Niessae Siles, 1668* (перизд. 1679, 1681, 1687 гг.; см.: *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение. путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 196). Русский перевод: *Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии* / Пер. И. А. Тихомирова. М., 1877.

¹⁷⁸ *Sarmatiae Europaeae descriptio, quae regnum Poloniae, Letvaniam, Samogitiam, Russiam, Massoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Mosehoviaae, Tartaraeque partem complectitur. Cracowia, 1578*; русский перевод: *Гваньини А.* Описание Московии / Пер. с латинского, вводящая статья и комментарии Г. Г. Козловой. М., 1997.

¹⁷⁹ *Georg van Hoff. Erschreckliche, grewliche und nic erhörte Tyranny'n Johannis Basilidis. Naumburg, 1582.* — Исползуемый нами перевод этого сочинения выполнен Н. Науменко, за возможность работы с ним приносим ей глубокую благодарность.

¹⁸⁰ *Oderbornio P. Johannis Basilidis Magni Moschviae Ducis Vita, tribus libris conscripta. Witerbergae, 1585.* — В 1588 г. вышел немецкий перевод: *Oderborn P. Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte vnd warhaffte Historien: Nemlich Des nechst gewesenenen Grossfürsten in der Moschkaw Joan Basilidis (auff jre Sprach Iwan Basilowitz genandt) Leben. In drey Bücher verfasst Vnd aus dem Latein verdeutschdt Durch Heinrich Räteln zu Sagan. Görlitz, 1588.* Биография Ивана Грозного на немецком и латинском языках переиздавалась в 1589, 1596, 1600, 1698 гг. Полного перевода сочинения Одерборна на русский язык нет, наиболее полный обзор — у И. И. Полосина: *Полосин И. И.* Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 192–218. Есть современный перевод на литовский: *Didžiojo Maskvos kunigaikščio Ivano Vasiljevičiaus gyvenimas. Vilnius, 1999.*

¹⁸¹ *The newe Nauigation and discouerie of the kingdome of Moscouia, by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and performed by Richard Chancelor Pilot maior of the voyage: Written in Latine by Clement Adams // Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation. Edinburg, 1886. Vol. III. North-Eastern Europe and adjacent countries. Part II. The Muscovy Company and the North-Eastern Passage; русский перевод: *Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе России и князе московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 47–67.*

¹⁸² Первая часть в русском переводе: *Чушков А.* Дневник ливонского посольства к царю Ивану, веденный Томасом Хернером // ЧОИДР. 1836. Кн. 4. С. 5–18. Продолжение дневника издано М. Б. Бессудновой: *Бессуднова М. Б.* К предыстории Ливонской войны: Продолжение дневника ливонского посольства 1557 г. в Москву в Шведском государственном архиве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2012. № 1. С. 59–77.

¹⁸³ *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение... С. 143–144; рукопись на немецком языке хранится в Копенгагене: *Russische Acto de Ao. 1558 et 1559. Ihro Königl. Maytt. Gerechtsawe in Leiffand betreffend.*

¹⁸⁴ Обзор изданий см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 47–48; русский перевод: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937.

¹⁸⁵ Обзор изданий см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 48–49; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 50–57.

¹⁸⁶ *Relazione di Moscovia scritta da Raffaele Barberini; русский перевод: Барберини Р.* Путешествие в Московию // Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб.,

канского посла Руджери (1568 г.)¹⁸⁷, Джерио, бывшего в составе польского посольства 1570 г. (его сочинение дошло в выписках Яна Альбертранди)¹⁸⁸, записки шведского посла П. Юстена (посетил Россию в 1569–72 гг.)¹⁸⁹, вымышленную реляцию Иоанна Пернштейна 1575 г.¹⁹⁰, датского дипломата Я. Ульфельдта (1578 г.)¹⁹¹, имперских послов Ганса Кобенцля (1575–1576 гг.)¹⁹², Даниила Принца фон Бухова¹⁹³, Филиппа Пернеста (1579 г.)¹⁹⁴, записки Джованни Паоло Кампана (1581 г.)¹⁹⁵, запись А. Поссевино бесед с итальянским купцом из Флоренции Дж. Тедальди, более 10 раз посещавшим Россию (1581 г.)¹⁹⁶, компиляция записок самого Поссевино, бывшего в России в 1581–1582 гг.¹⁹⁷, отчет английского посла Иеронима Боуса (1583–1584 гг.)¹⁹⁸, путешествие Самуила

1843. С. 1–64. Обзор иностранных публикаций см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 174; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 63.

¹⁸⁷ *Relazione della Moscovia fatta al Papa Pio da Monsignore Ruggerio. 1568.* Публикация: HRM. Т. I. С. 207–210. № CXLVIII; см.: *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 65–66.

¹⁸⁸ *Discorso di Monsignor Gerio, Priore d'Inghilterra, mandato di Venezia, del trattamento che usò il Duca di Moscovia alli Ambasciatori Pollachi, e d'ina invasione che fecero gli Tartari in quei paësi, al Doge di Venezia* (описания см.: *Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение...* С. 161; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 67).

¹⁸⁹ *Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. / Пер. с финского Л. Э. Николаева, сост. Г. М. Коваленко, вступит. ст. С. Н. Богатырева. СПб., 2000 (Juusten P. Matka moskovaan 1569–1572. St.-Peterburg, 2000).*

¹⁹⁰ *Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана при Московском дворе в 1575 году / Пер. с итал. М. Д. Бутурлина. М., 1876. — Уже в первом издании памятника в 1611 г. было отмечено, что имперского посла с таким именем никогда не было. Видимо, перед нами публицистическое произведение, написанное в подражание отчету послов, по всей видимости, на основе сочинения Даниила Принца. С. Мунд сближает его с отчетом Ганса Кобенцля (*Mund S. Orbis Russiarum...* P. 50). Ф. Аделунг, однако, считал реляцию подлинной и связывал ее составление с именем имперского посла 1579 г. Филиппа Пернестайна (*Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение...* С. 184–185, 198–200). Сочинение Пернестайна было опубликовано: *Philippi Pernisteri Relatio de Magno Moscoviae Principe. Francofurti, 1579* (переиздано в 1610 г.)*

¹⁹¹ *Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой, отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002.*

¹⁹² *Epistola Clarissimi viri Joannis Cobenzl a Prosek Equitis Mariani, Archiducis Austriae Caroli Cancellarii etc., de legatione sua nomine Maximiliani II. Imperatoris apud Magnum Moscoviae Ducem obita; ad N. Drancovitium etc., Archiepiscopum Colossensem, et Episcopum Zagradiensem scripta et eius iussu ab homine quodam Hungaro ex lingua Illyrica seu Croatica latina facta, anno 1577.* Обзор публикаций см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 49–50.

¹⁹³ *Ausführliches Journal über den Empfang des von Cobenzel als Rom. Kay. Abgesandten zu dem Grossfürsten in Moscau samt beigefügter umständlicher Beschreibung, was für besondere Ehren Bezeugungen demselben unter wegs von dem Herzog in Preussen zu Königsberg angediehen sind.* Обзор публикаций см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 174.

¹⁹⁴ *Relazione di Filippo Pernesta Imperiale ambasciatore della Maesta Cesarea al Gran Principi di Moscovia l'anno 1579, напечатано в I томе сборника: Philippi Honorii j U. D. Thesaurus politicus opus collectum ex Italicis tum publicatis, tum MSS. Variis variorum Ambasatorum observationibus et discursibus accurate cum dialecto concinnatum et in Gratiam politicae sapientiae et lihguarum studiosorum nung latine sinuul, et Italice editum. Francofurti, 1617.* Описание сборника см.: *Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 17.*

¹⁹⁵ *Relatio itinere moscovitico.* По замечанию С. Мунда, в XVI в. этот текст не был издан, но его следы видны в компиляции “*Missio Moscovitica*”, опубликованной в 1584 г. (*Mund S. Orbis Russiarum...* P. 50).

¹⁹⁶ *Шмурло Е. Ф. Известия Джованни Тедальди о России времен Ивана Грозного. СПб., 1891.*

¹⁹⁷ Речь идет о компиляции “*Missio Moscovitica*”, опубликованной в 1584 г. Текст Поссевино был издан в 1841 г. под заголовком: *Litterae Antonii Possevini, presbyteri Societatis Jesu, ad R. P. Generalem ejusdem societatis, de actis ejus missionis in Moschoviam. Высказывавшееся мнение о поддельности “Missio Moscovitica” С. Мунд отрицает (*Mund S. Orbis Russiarum...* P. 50, 52).*

¹⁹⁸ *A briefe discourse of Sir Jerome Bowes knight, her Majestie ambassadour to Ivan Vasilivich the Emperour of Muscovia in the yeere 1583.* Обзор изданий см.: *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 51.

Кихеля по Польше, Ливонии и России 1585–1589 гг.¹⁹⁹, Дж. Флетчера (1591 г.)²⁰⁰, Дж. Горсея (1589 г. — редактирование текста до 1626 г.)²⁰¹ и др.²⁰²

Безусловно, представленный обзор неполон и может быть расширен, особенно за счет поздних изданий и переизданий источников²⁰³. Но даже в таком виде он показывает масштабы иностранного нарратива об эпохе Ивана Грозного. Вплоть до Петра I последующие эпохи (за исключением Смуты) и правители вряд ли могут похвастаться подобным вниманием. Иностранцы не писали биографий первых Романовых, подобных сочинению Одерборна. Как отметил А. Каппелер, оценка роли личности и деяний Ивана IV с XVI в. по наши дни образует «нерв» русской истории²⁰⁴.

Запад познавал Россию через деяния ее первого царя. Через Ливонскую войну, через нападение на Ливонию, Литву и Польшу Россия впервые заставила заговорить о себе всю Европу. Как писал А. Шлихтинг:

«Никто не мог знать ранее, каким характером и умственными способностями обладал московский князь Васильевич, какой у него был произвол власти и какая жестокость по отношению к подданным... деяния его стали известными только с тех пор, как он взял Полоцк. С этого времени, при непрерывном продолжении войн, приобрели огласку, отчасти от бежавших пленников, отчасти от москвитов, не имевших никакой возможности переносить власть тирана и перешедших на сторону короля, жестокость князя и его тирания, превосходившая Неронову и сокрытая ранее в силу человеческого неведения»²⁰⁵.

Место в иерархии правителей мира для Ивана Грозного было определено четко и однозначно: *тиран*. Как показано С. Мундом, до Ливонской войны на тиранию правителей Московии наибольшее внимание обращали М. Меховский и С. Герберштейн. Первый считал признаками русской тирании ограничение выезда за границу и въезда в Россию иностранцев, произвольные переселения населения с место на место и запрет

¹⁹⁹ Обзор см.: *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение... С. 235–238; издание: Aus Samuel Kiechel's Reisen vom Jahre 1585 bis 1589 // Archiv zur Geographie, Historie, Staats-und-Kriegeskunst. 1820. Bd. 10. S. 64–149.

²⁰⁰ *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth. London, 1591; Giles Fletcher, Jerome Horsey Russia at the close of the sixteenth century / Ed. by E. Bond. New York, 1856; *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth. With an introd. by Richard Pipes and a glossary-index by John Fine. Cambridge, 1966; русский перевод: *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии: (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 25–138; *Флетчер Д.* О государстве Русском. М., 2002. О сочинении Дж. Флетчера см.: *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891.

²⁰¹ *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVI в / Комментарии и пер. А. А. Севастьяновой. М., 1990; здесь же см. обзор изданий и литературы о Горсее. См. также: *Croskey R.* The Composition of Sir Jerome Horsey's "Travels" // JGO. Wiesbaden, 1978. Bd. 26. H. 3. S. 362–375; *Колобков В. А.* Мемуары Джерома Горсея о России XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг: (Воспоминания и дневники): Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 122–141.

²⁰² Полный список сочинений иностранных послов нуждается в уточнении, поскольку следует отделять официальные отчеты от нарративных памятников, сочинений послов дневникового или мемуарного характера, компилятивных памятников. Ф. Аделунг упоминает тексты, связываемые с именами польского посла Федора Ворыпая (*Slowa wielkiego księdza Moskiewskiego do Ich mci Panow Rad Korony Polskiej Księstwa Litewskiego*), реляцию Михаила Гарабурды 1573 г., описание посольства 1573 г. датчанина Захарии Феллинга из родового архива Мекленбургских, отчет Илии Эйзенберга, секретаря немецкой канцелярии в Копенгагене, бывшего в России в 1571 г. в связи с делом о бракосочетании Магнуса (*Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение... С. 175–185). С. Мунд называет анонимное сочинение, написанное, вероятно, иезуитом по следам миссии Поссевино 1581–1582 гг. (*Mund S.* Orbis Russiarum... P. 50, 52).

²⁰³ Подробнее см.: *Poe M.* Foreign descriptions of Muscovy... P. 57–86.

²⁰⁴ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 9.

²⁰⁵ *Шлихтинг А.* Новое известие... С. 15.

свободного употребления спиртных напитков. Герберштейн добавил к этим признакам сравнение москвитями воли государей с волей Господа Бога, обязанность всеобщей службы для всех, от князей до мелких дворян, обязанность русских дипломатов сдавать полученные ими от иностранцев подарки в казну и произвольный принцип материального вознаграждения подданных, из-за которого они не могут быть уверенными в завтрашнем дне, а всецело зависят от настроения монарха, контроль государя над жизнью церкви, вплоть до кадровых назначений, произвол в судопроизводстве и нарушении властями права собственности торговцев²⁰⁶.

Как отмечено А. Каппелером, очень показательное устойчивое использование термина *тиран* применительно к Ивану IV: так в европейской публицистике до того называли преимущественно турецкого султана, а также Лютера²⁰⁷. Присвоив это имя русскому правителю, западные гуманисты синхронно перенесли на него всю семантическую нагрузку понятия *тиран*, сформировавшуюся еще на античной и экзегетической традиции. Поэтому им не надо было углубляться в изучение качеств и поступков москвитов: заранее было известно, как держат себя тираны и каковы модели поведения их несчастных подданных.

Естественно, что подобный подход сопровождался морализированием: по Одерборну, народы, у которых великодушные государи, счастливы, и «несчастливы те народы, которые принуждены терпеть такого тирана... нельзя хвалить власть, если ее осуществляет недостойный власти». «Государь, не умеющий управлять своей страной, не может и мечтать об укреплении своей власти в чужих странах»²⁰⁸.

Ивана Грозного сравнивали с античными деспотами — Аяксом, Эпитатом, Нероном, Калигулой, Тарквинием и Юлианом-отступником, а также с библейскими персонажами — Навуходоносором, Иродом и Фараоном²⁰⁹. Один из самых обширных списков содержится у Гваньини: «ныне тот, кто владеет Московитской державой, превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу, Гелиогабала, Максимиана, Фаларида Агринтенского или даже Бусирида или Мезенция, и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами»²¹⁰.

Принцип рассуждений европейских авторов о политическом устройстве Московии был основан на контрасте, противопоставлении позитивного политического опыта в своей стране и негативного — в России. Таково сочинение Дж. Флетчера²¹¹. Таково и произведение шведа Эрика Фалька «Панегирик», в котором совершенному шведскому строю противопоставляется московская тирания²¹². Эта же идея, только в противопоставлении с европейским (прежде всего германским) устройством, составляет основу творческого замысла Пауля Одерборна, автора первой биографии Ивана IV (1585), вышедшей на Западе после смерти царя²¹³.

Некоторые европейцы отмечали, что корни тирании Грозного — в ее поддержке и одобрении народом. Так, Даниил Принц писал: «Главная сила великого князя заключается в том, что во всех его владениях нет ни одного человека, который дерзнул бы послушаться его повеления или запрета, но подданные волю его считают за Божию,

²⁰⁶ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 270–274. — Анализ на примерах из «летучих листков» эволюции определения «тиран» применительно к Ивану IV от эпитета к нарицательному понятию, обозначающему всех правителей Московии в принципе см.: *Ott T. "Livonia est propugnaculum Imperii"...* S. 7–8, 63–65.

²⁰⁷ *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 237.

²⁰⁸ Цит. по: *Полосин И. И. Немецкий пастор Одерборн...* С. 192–194.

²⁰⁹ *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 239; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 162.

²¹⁰ *Гваньини А. Описание Московии.* С. 159.

²¹¹ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 275–282.

²¹² *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 69.

²¹³ *Ibid.* S. 78.

а его принимают за наместника и исполнителя Небесных определений»²¹⁴. Это одобрение во многом вынужденно. А.Поссевино объяснял его властью царя над имуществом подданных:

«Князь признает и называет себя наследником всех своих владений и того, что в них находится, земли и имущество, он передает, кому захочет и у кого захочет, в любое время отнимает. По этой причине они не осмеливаются отойти от своей схизмы и каждый идет на войну, не получая жалованья. Они настолько зависят от воли великого князя, что сразу отправляются, куда бы ни послали... таким образом, он хочет быть полным господином имущества, тела, души и даже как бы мыслей подданных»²¹⁵.

Первая западная биография русского тирана

Своеобразную «антипохвалу» Грозному, исполненную самых жестоких эпитетов и сравнений, сочинил П. Одерборн, назвавший царя «диким, бессмысленным тираном». На этом сочинении стоит остановиться подробнее — как-никак первая иностранная биография русского правителя, долгое время остававшаяся вообще единственным западным жизнеописанием российского персонажа.

Пауль Одерборн родился около 1556 г., умер около 1604 г. Известно, что он учился в Ростке, где в 1579 г. получил степень магистра, с 1580 г. служил проповедником в Ковно в Великом княжестве Литовском, с 1587 г. — в Риге, с 1599 г. — жил в Митаве в Курляндии, где оказался связан с иезуитами²¹⁶. Известен как церковный поэт, автор ряда стихотворных произведений, в частности, церковного гимна “*Der Tag hat sich geneiget, die Sonn' mit ihrem Schein*”.

Как Одерборн строит свою биографию Ивана IV, на что он обращает внимание? Сперва он немного рассказывает читателю о Московии, что она представляет из себя в географическом отношении, чтобы было понятно, в какой стране правит герой повествования²¹⁷. Затем следует довольно пространный рассказ о Василии III, отце, истории его женитьбы на Соломонии Сабуровой, о его отношениях и предательстве героя Михаила Глинского, победителя Смоленска, женитьбе Василия III на дочери брата Глинского Елене и т. д.²¹⁸ Текст здесь явно имеет своим источником «Записки» Сигизмунда Герберштейна и во многом следует им. Основной мыслью, доносимой до читателя, является мотив греховности, развратности, преступности нравов московского двора, в котором и появился на свет будущий тиран. Его испорченность прямо проистекает из происхождения, с детства он впитал дух жестокости к ближнему, неблагородства, предательства, использования других в собственных эгоистических целях и т. д. Неблагочестие женщин, матерей и жен, тоже является важным «штрихом к портрету».

²¹⁴ Цит. по: *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение... С. 186.

²¹⁵ *Поссевино А.* Москва. С. 24.

²¹⁶ О нем см.: *Gadebusch F.* Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung. Riga, 1777. II Theil. S. 298–303; *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / Hrsg. von J. von Recke, K. Napiersky.* Mitau, 1831. Bd. 3. S. 339–340; *Аделунг Ф.* Критич-литерарische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Eggers, 1846. S. 356–358; *Napiersky C., Beise T.* Nachträge und Fortsetzung. Mitau, 1861. Bd. 1. S. 82; *Matthes E.* Das veränderte Russland. Lang, 1981. S. 32, 70, 206; *Die evangelischen Prediger Livlands bis 1918 / Hrsg. von M. Ottow und W. Lenz.* Böhlau; Köln; Wien, 1977. S. 359–360; *Wilpert G.* Deutschbaltische Literaturgeschichte. München, 2005. S. 56; *Gottmann C., Hörner P.* Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin; New York, 2007. Bd. 3: N–Z. S. 980–981.

²¹⁷ *Oderborn P.* Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte... Bl. Aii–Aiii.

²¹⁸ *Ibid.* Bl. B–Diii.

Одерборн — протестантский пастор, и его очень интересует вопрос о религии (недаром более раннее произведение, приписываемое Одерборну, было посвящено именно описанию верований и обрядов русинов, «русской» религии)²¹⁹. После описания корней злого нрава Ивана IV в его происхождении пастор долго и подробно описывает его отношение к религии, прежде всего к протестантству, в том числе знаменитый диспут с Яном Рокитой²²⁰. Этим заканчивается первая книга (раздел) сочинения Одерборна.

Вторая книга начинается с рассказа о русском царе-завоевателе. Иван завоевывает Казань, Астрахань, воюет с турками²²¹. Тон повествования двойственный: с одной стороны, «Васильевич» бьет мусульман, с другой — он агрессор и тиран, чинит насилие и жестокость. По предположению А. Л. Хорошкевич, устно высказанном ею на конференции памяти А. А. Зимина, возможным источником Одерборна здесь могла быть «История о великого князя Московского делех» А. М. Курбского. В начале 1580-х гг. пастор жил в Великом княжестве Литовском, то есть теоретически мог познакомиться с рукописью Курбского. Однако рассказ о взятии Иваном Грозным Казани и Астрахани — не столь уж уникальная информация, об этом писал в печатной хронике Бальтазар Рюссов (1578), упоминалось в переписке и т. д.

Затем Одерборн переходит к описанию русского вторжения в Ливонию, в котором опять-таки проявляется тирания Ивана. Он в традициях ливонских хронистов (И. Реннера, Б. Рюссова) сперва кратко описывает историю Ливонии и ее современное состояние. Рассказ о ливонском конфликте пастор начинает с повествования о «войне коадьюторов», угрозе вторжения 50-тысячной польской армии, и заканчивает переговорами в Яме Запольском и миссией Поссевино. Текст перемежается рассказами о репрессиях против русской знати, «новгородском погроме», деятельности Малюты Скуратова и т. д. В качестве легенды, еще более высвечивающей всю глубину морального падения «Васильевича», приводится рассказ о якобы существовавшем брате Ивана Грозного Георгии, за которым кровавый тиран гонялся много лет и в конце концов настиг и убил²²². Кроме брата он впоследствии убьет и своего сына Ивана²²³. Далее следуют рассуждения о тирании «Васильевича». Заканчивается последняя, сдвоенная третья и четвертая книга сочинения Одерборна сюжетом о позорной смерти «Васильевича» и воцарении мирного Федора Ивановича.

Стоит заметить, что обвинения Одерборна весьма серьезны — он пишет, будто бы царь заставлял играть с собой в шахматы, кто отказывался, убивал, а проигравшим партнерам велел отрезать уши, носы и губы²²⁴. Здесь содержатся довольно рискованные аллюзии: образ отрезанных губ, носов и ушей тесно связан с эсхатологическими пророчествами пророка Иезекииля (*Иез. 23: 25*). Отсюда и до отождествления Ивана IV с Антихристом было недалеко...

Таким образом, перед нами рожденный от греховного корня аморальный братоубийца, сыноубица, тиран и кровопийца, который всю жизнь занимался только агрессивными войнами против соседей, религиозными репрессиями против подданных. При этом отличался сомнительным отношением к правильной религии. Таков был образ первого русского правителя, с которым познакомилась Европа.

²¹⁹ *Oderborn P. De Rvssorum religione, ritibus nuptiarum, fverum, victu, vestitu, &c.: et de Tartarorum religione ac moribus: vera & luculenta narratio ad D. Davidem Chytraeum recens scripta; Alia eiusdem argumenti de religione et sacrificiis veterum Borussorum ad CL. V. Georgium Sabinum olim missa. Spiraе, 1582, другое издание: Rostock, 1582.*

²²⁰ *Oderborn P. Wunderbare Eruischreckliche Vnerhörte Geschichte... Bl. Fii–K.*

²²¹ *Ibid. Bl. K–M.*

²²² *Ibid. Bl. Oiii–R.*

²²³ *Ibid. Bl. Aiii.*

²²⁴ *Ibid. Bl. Dd v.*

Связь тиранства и завоевания Ливонии

По мнению некоторых авторов, завоевательная политика царя на первом этапе одобрялась многими его подданными, однако мотивы этого были довольно своеобразными. Шлихтинг пишет, что «бояре или дворяне и их сыновья недовольны, что великий князь заключил мир... они боятся, что пока он живёт в мире... он захочет их истребить, но надеются, что великий князь не примет этого мира или нарушит его»²²⁵.

Отдельной трактовкой темы было установление связи Ливонской войны с качественным изменением характера Русского государства, которое напало на орден в силу своей новой агрессивной внутренней сущности. Ливонский хронист Бальтазар Рюссов прямо разъяснял, что со взятием Казани и Астрахани «москвиты стали чересчур сильны не только для провинции Ливонии, но и для других соседних держав; князь их стал называться царем казанским и царем астраханским. — Слово царь значит по-татарски король; но немцы сделали из этого слова император»²²⁶. И. Реннер связывал качественное изменение России с захватом Новгорода (которое он датирует 1479 г.), Пскова (1509) и Смоленска (1514)²²⁷.

Цель нападения на Ливонию Ивана IV, по словам Таубе и Крузе, — «все последующее было направлено им к окончательному разрушению и опустошению всего христианского мира, королевства Польского, Литвы и нашей злополучной родины... и все эти действия были против Бога, против чести, против христианской церкви»²²⁸. Ульфельдт также называет Ивана IV «злейшим врагом христианского имени». В результате нападения русского царя от некогда цветущей страны остается мрачная пустыня. Ульфельдт рисует страшненькую обстановку в г. Оберпалене, захваченном русскими: «трупы повешенных на виселицах терзали собаки и догрызали вплоть до костей. При этом повсюду на дороге можно было увидеть головы убитых, надетые на колья заборов, так же как и валявшиеся по дороге непогребенные мертвые тела»²²⁹.

Правда, не все авторы согласны с оценкой политики Ивана IV как агрессивной. Француз Губерт Ланге в письме от августа 1558 г. оценивал русское вторжение в Ливонию как появление на европейской арене новой политической силы, свежей крови, и после описания могущества московского царя замечал: «Если какому-нибудь народу в Европе суждено расти, так это русскому»²³⁰. Фр. Тьеполо указывал, что причиной войны с Ливонией было ее обращение к королю польскому с передачей ему семи крепостей, чего Иван IV не мог стерпеть²³¹. Дж. Флетчер считал, что расширение России, в том числе в Прибалтику, связано не столько с Иваном IV, сколько с Иваном III и Василием III, а Грозный как раз потерял захваченные ими земли из-за неправильной политики в отношении местного населения и поражения от Стефана Батория²³².

²²⁵ Шлихтинг А. Новое известие... С. 60.

²²⁶ Рюссов Б. Ливонская хроника. II. С. 337. — Интересно, что эта точка зрения оказалась усвоена в историографии Нового времени: так, белорусский историк В. И. Бобышев утверждает, что Литва расценивала захват Россией Поволжья как нарушение геополитического *status quo* в Восточной Европе и боялась, что Москва теперь начнет «удовлетворять свои аппетиты» на западе, за счет Великого княжества Литовского (Бобышев В. И. Международные отношения в Восточной Европе в 30–80-е гг. XVI в. / Автореф.... дис. канд. ист. наук. Минск, 2001. С. 12).

²²⁷ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 7; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 3, 8.

²²⁸ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 56.

²²⁹ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 353, 359.

²³⁰ Цит. по: Donner E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland... S. 104.

²³¹ Тьеполо Ф. Рассуждения о делах Московии // Иностранцы о древней Москве / Сост. М. М. Сухман. М., 1991. С. 65.

²³² Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 85–86.

Некоторые авторы даже частично усваивали или, по крайней мере, воспроизводили (хоть и в искаженном виде) логику русской стороны в пользу прав москвитов на Ливонию. Так, Даниил Принц пишет: «сами русские утверждают, что было время, когда ливонцы назывались древлянами (*Dreulianorum nomine*) или древенцами от множества лесов», причем явно путает их с древлянами Повести временных лет. Впрочем, по его же убеждению, именно ливонцев на р. Неве разбил князь Александр, за свою победу прозванный «Невским». Таким образом, германский дипломат усвоил главную составляющую московского политического дискурса: истоки русско-ливонского конфликта — в глубине веков, а не в сиюминутной царской прихоти (автор подробно описывает войны с Ливонией при Иване III и Василии III, утверждая, что уже тогда москвиты хотели покорить Ливонию своей властью). Впрочем, сочинение Даниила не отличается точностью в передаче исторических фактов: по его мнению, Псков и Новгород якобы в 1430–1480 гг. находились под властью великих князей литовских²³³.

Интерес Запада к ливонскому конфликту был вызван не столько беспокойством за Ливонию (пусть и мелкомасштабную, но все же часть «христианского мира»), сколько ощущением, что на Востоке нарастает и наливается силой новая великая держава, которая заставит Европу считаться с собой. Об этом очень откровенно сказал А. Гваньини:

«...москвиты были вначале малым и незначительным народом русских, но теперь уже благодаря прибавлению многих государств к России... она начала сильно расти за счет завоеванных и захваченных областей соседних народов, так что может считаться обширнейшей державой»²³⁴.

Итак, именно завоевания Грозного, точнее, их распространение на сферу интересов западных держав в Ливонскую войну, вызвали и подогрели популярность иванианы в европейской исторической мысли XVI–XVII вв., пока она не поблекла перед темой завоеваний Петра Великого.

Эти завоевания, по А. Шлихтингу и А. Гваньини, прямо вели к установлению тирании в России: «В 1560 году от Рождества Христова, после того как великий князь Московский Иоанн Васильевич отнял у литовцев знаменитый город Полоцк (*sic!* — А. Ф.), довольный успехом удачно проведенной кампании, он очень возгордился». Поэтому царь, продолжая дело деда и отца, «всех князей и некоторых других вельмож он начал лишать их крепостей, владений и укреплений, а затем и всех мужчин из знатных и древних фамилий, которые, по его предположению, были враждебны его тирании, стали убивать и устранять»²³⁵. Далее следует описание опричных зверств.

Этой же логической схеме, только с большими фактическими ошибками, следует и Горсей: Иван IV

«...покорил всех татарских князей и их земли и обратил в свое подданство многих знатных людей... посредством этих завоеваний он приобрел могущество и славу... по мере того, как он мужал и росла его слава, увеличивались и его завоевания: он отнял у польского короля знаменитые города... Полоцк, Дорогобуж, Смоленск, Вязьму — на 700 миль вглубь, покорил Белую Русь и Литву... он очень усилился, возгордился, стал могущественным, жестоким и кровавым в своих завоеваниях... раздувшись от честолюбия, хвастаясь, вопреки здравому смыслу, своими будущими великими завоеваниями, он выступил в поход к границам Ливонии и Швеции — пределам христианского мира с той стороны...»²³⁶.

²³³ Даниил Принц. Начало и возвышение Московии. С. 3, 7, 8, 11–13.

²³⁴ Гваньини А. Описание Московии. С. 11.

²³⁵ Шлихтинг А. Новое известие... С. 16; Гваньини А. Описание Московии. С. 95–97.

²³⁶ Горсей Дж. Записки о России... С. 51–52.

Царь Иван по пути разгромил Новгород и Псков, у Нарвы построил Ивангород, а его архитектору выколол глаза, чтобы более нигде он не смог возвести столь великолепной крепости. Здесь перемешаны в одну кучу завоевания Ивана III, Василия III и Ивана IV, но показательно, что все они приписаны Грозному. При этом русский монарх меняет облик мира: И. Реннер подчеркивал, что Иван Грозный не просто поработил Казань и Астрахань, но заставил татарских царей воевать на его стороне против европейцев²³⁷.

Общим местом многих работ является описание издевательств московитов над иноземными послами, а некоторые авторы, как Юстин и Ульфелдт, посвятили этому свои произведения почти полностью (правда, при этом главными признаками надругательства над дипломатами часто, наряду с воровством и произволом охранников, называют отсутствие снабжения посольства спиртными напитками в требуемых масштабах, беспричинные задержки послов, плохое обслуживание и т. д.)²³⁸. Джерио красочно описывает, как Грозный пригрозил мирное польское посольство изрубить на куски, надел на своего шута польскую шапку и велел «кланяться по-польски», а когда тот не сумел убедительно изобразить пана, русский царь соскочил с трона и стал сам показывать, как следует высмеивать гостей²³⁹. В 1580 г. в Нюрнберге появился стихотворный памфлет, в котором Иван IV был изображен турецким деспотом, убивающим в присутствии своих сыновей польских послов так, что кровь брызжет на лица царя и его детей, и они наслаждаются этим кровавым умыванием²⁴⁰.

Европейцев интересовала реакция русского царя на ходившие о нем слухи, и это породило свои легенды. Дж. Тедалди свидетельствует, что великий князь расспрашивал его, что говорят «о нем в христианском мире». Тедалди отвечал, что

«Его считают одним из величайших государей Европы, так как владения его простираются от Ледовитого океана вплоть до Каспийского моря. Но великий князь возразил: “Я спрашивал не об этом, но спрашиваю, что говорят обо мне самом”. Осторожный купец ответил: “Извините меня, Ваше Величество, Вас считают немного жестоким”. Он же тогда ответил: “Это правда, но таковым я бываю для злодеев, но не для добрых”»²⁴¹.

Наконец, сочинения использовались для агитации и пропагандистских акций: по легенде, Стефан Баторий послал Ивану IV сочинение Гваньини, чтобы русский царь знал, «что о нем думают в Европе»²⁴².

Европейцы о московитских мучителях и новых христианских мучениках

Раз Иван Васильевич — эталон тиранства, то, во-первых, должны быть христианские мученики — жертвы тирании, во-вторых, необходимо отыскать сопротивление деспоту.

Особое внимание европейские авторы уделяли бесчинствам русских, разорению ими Ливонии и казням плененных. «Летучие листки» полны таких описаний. Поведение слуг Ивана IV в Ливонии отнюдь не рыцарское: если они натываются на сопротивление, то, вместо того чтобы уважать мужество противника, наоборот, расправляются

²³⁷ Renner J. 1) Livländische Historien... S. 16; 2) Johannes Renner's Livonian History... P. 35.

²³⁸ Примеры также см.: Mund S. Orbis Russiarum... P. 75–76, 83–84. — Мунд считает ограничения свободы послов переносом византийских порядков на русскую почву.

²³⁹ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение... С. 161.

²⁴⁰ Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. S. 143.

²⁴¹ Шмурло Е. Ф. Известия Джованни Тедалди... С. 18.

²⁴² Козлова Г. Г. «Описание Московии» Александра Гваньини // Античность и современность: К 80-летию Федора Александровича Петровского. М., 1972. С. 444.

с ним еще более жестоко. Московиты проявляют большую изобретательность в способах казни: распинают, жгут заживо, вешают, расстреливают из луков, вырезают сердца и забивают их в рот трупа. Причем рассказчики обращают особое внимание на семиотику русской жестокости: она направлена прежде всего против наиболее беззащитных (детей и женщин), против людей мужественных и благородных (стойких защитников городов), против священников²⁴³.

Дж. Горсей в своем сочинении отразил легенды о бедствиях ливонцев, широко ходившие по Европе:

«Ужасны были вопли гибнущих в жестокой резне, пожарах и опустошениях, полуживых, заливая кровью дороги и улицы, полные мертвых тел стариков, женщин, младенцев, среди которых были и знатные люди, одетые в бархат, камку и шелк (только что они были раздетые донага. — *А. Ф.*), украшенные драгоценностями, золотом и жемчутом; люди этого края — красивейший в мире народ как по своей породе, так и благодаря сухому и холодному климату страны. Бесчисленные толпы этих людей были уведены в Россию. Богатства, взятые деньгами, сокровищами и вывезенные из этой страны, ее городов, а также из 600 ограбленных церквей, не поддаются перечислению»²⁴⁴.

Здесь налицо все европейские штампы, связываемые с изображением завоевания варварами цивилизованного народа: тщета земных богатств, попираание завоевателями символов благополучия чужого мира, феминный аспект (порабощение женщин), нагие пленницы, привязанные к хвостам коней, убийства не знающими пощады дикарями самых беззащитных — стариков и детей, святотатство, попираание и разграбление святынь — портрет нехристей, московских варваров, получается вполне однозначный и, главное, легко прочитываемый, легко узнаваемый и помещаемый в западнохристианскую картину мира.

Шлихтинг рассказывает о расчленении на 500 кусков пленных поляков, которые содержались в заточении в Твери и Торжке²⁴⁵. Участник датского посольства 1578 г. пишет:

«В то время как мы стояли в Новгороде, туда вошла целая толпа бедных ливонцев, которые были приведены как пленные из области герцога Магнуса Оберпален. Тех же бедных пленников, среди которых были мужчины, женщины и дети, [привели] для продажи и передачи московитам за небольшую цену; тех же, которых они не могли продать, тех вели с собой в Татарию и Казань, чтобы там погубить»²⁴⁶.

Под впечатлением от увиденного датчанин восклицает:

«О Дания, Дания, насколько ты и твои жители могли бы чувствовать себя более счастливыми, если бы они только знали, насколько несчастны другие. О тех несчастьях, поразивших этих бедных ливонцев, никакой человек не сможет написать по-настоящему, или рассказать о них, если он сам этого не видел»²⁴⁷.

Я. Ульфелдт описывал голод, царящий в оккупированной царскими войсками Ливонии:

«... голод столь жестокий, что, как мы видели, они ели хлеб, приготовленный из измельченных отрубей, сена и соломы, подобно тому, как во многих местах на нашем пути люди ели траву, собранную на лугах и пастбищах... Достойны

²⁴³ *Отт Т.* "Livonia est propugnaculum Imperii"... С. 36.

²⁴⁴ *Горсей Дж.* Записки о России... С. 53.

²⁴⁵ *Шлихтинг А.* Новое известие... С. 33.

²⁴⁶ *Ульфелдт Я.* Путешествие в Россию. С. 75.

²⁴⁷ Там же. С. 76.

сожаления невыразимые бедствия ливонцев и достойна проклятия жестокость русских, которые, подобно львам рыкающим²⁴⁸, свирепствуют против них и жестоко преследуют, чтобы захватить, а захваченных, как бешеные собаки или свиньи, терзают и пожирают»²⁴⁹.

В сочинении Ульфельдта также встречается описание ливонских пленных, которых насильно гонят в глубь России:

«Некоторых из них татары везли в Московию, других распродавали в городе, поставив у входа в храм, чтобы все могли их рассмотреть. А покупатели и продавцы собирались перед нашим домом. Первые, выбрав тех, кого хотели, приобретали по низкой цене. Эти несчастные люди шли такие грязные, обнаженные, оборванные, что, поверь мне, вызывали у нас величайшее сострадание»²⁵⁰.

Торговля у стен христианской церкви невольниками — вот оно, истинное лицо варварского москвиты!

Гваньини уделил большое внимание изображению подвергшихся казням ливонских, литовских и польских пленнх как новых христианских мучеников. Этой теме он посвятил целую главу своего сочинения, причем это единственная глава, целиком посвященная сюжету из истории Ливонской войны в его произведении (еще он упоминает об убийстве пленнх поляков и немцев в описании московских казней 1570 г.). Автор рассказывает, что в 1569 г. литовский отряд под началом Александра Полубенского обманом захватил Изборск: «Великий князь, видя, что он потерял столь мощную крепость, вне себя от гнева и ярости, приказывает жестоко умертвить всех литвинов, русских и поляков, которые были в тюрьме». Семь пленнх, собранных в тюрьмах в Москве, Переяславле, Угличе, Ростове и Костроме, были коварно разлучены. Несчастливым обещали, что их отпустят на родину. Но вместо этого сначала утопили в Волге всех мужчин, потом — женщин и детей. Жертвы попросили время на подготовку к смерти, «два часа предавались благочестивым молитвам, с горячими обетами умоляя пощадить их в своей божественной доброте и кротости и допустить их к себе. Пропев религиозные гимны, они поручили свои души Христу-искупителю... обменявшись взглядами, они утешились и решили, что перенесут все храбро и терпеливо». Но, придя на место казни, литовки «поднимают такой ужасающий вой и плач, что он достиг самого неба».

Слуги московского царя изображены носителями абсолютного зла: «врываются приспешники, руки которых были еще в крови их мужей и источали смерть... бесчеловечные же приспешники стали им [литовцам] угрожать, заставляя их самих броситься в воду». Народ сочувствовал гибнущим пленникам, «когда приспешники услышали печальные слова народа, тяжело переносившего такой род казни, они с угрозами стали избивать народ палками, приговаривая: «Ах вы, бунтовщики против великого князя! Мы ясно видим, что вы оплакиваете этих казненных пленников, но знайте, что скоро и вас постигнет такая же судьба!»²⁵¹

²⁴⁸ Рыкающему льву, жаждущему поглотить человека, в Святом Писании уподобляется дьявол, ищущий погибели человеческой души: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ дьяволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, иский кого поглотити» (1 Пет. 5: 8). Сравнение пагубного влияния и преследования черных сил с челюстями льва, от коих избавит слово Божие, есть и в другом послании: «Господь же мне предста, и укрепи мя, да мною проповедание известно будетъ, и услышатъ вси языцы: и избавленъ быхъ отъ усть лъвовъ» (2 Тим. 4: 17). Таким образом, москвиты объявлены Ульфельдтом приспешниками дьявола.

²⁴⁹ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 290, 340.

²⁵⁰ Там же. С. 339.

²⁵¹ Гваньини А. Описание Московии. С. 129–131, 139. — Источником этого рассказа, видимо, было краткое известие об этих казнях А. Шлихтинга, которое Гваньини украсил красочными подробностями

Примерно так же о казнях полоцких пленных писал и Штаден:

«Мещане, равно как и многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, залитые свинцом. Когда же великий князь вместе со своими опричниками осаждал некоторые города [в Лифляндии], все они были убиты вместе с их женами и детьми. И всем еще для устрашения были отсечены ноги, а тела их брошены потом в воду»²⁵².

Масштабы террора Ивана IV против своих подданных иностранные авторы раздували необычайно. Так, Шлихтинг пишет, что русские «мрут сильно в 28 городах, где ежедневно гибнет 600 человек, а то и тысяча»²⁵³. Таубе и Крузе говорят, что в Твери было 90 000 задушено и 270 000 умерло после опричного погрома от голода, а в Новгороде от рук опричников погибло 27 000 человек²⁵⁴. Джерио свидетельствует, что, пока он в составе польского посольства 1570 г. был в Москве, «величайший тиран» казнил 18 000 человек²⁵⁵. Данные цифры многократно превышают реальную численность населения и совершенно нереалистичны.

Таубе и Крузе, описывая систему московского террора, указывали, что «все улицы, рынки и дороги были наполнены трупами, так что местные жители и чужестранцы не только пугались, но и не могли никуда пройти вследствие большого зловония». По словам лифляндцев, Иван IV

«...сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать... и ничто не было им пропущено из того, что когда-либо испробовала тирания».

Рюссов пишет, что по приказу царя в Ливонии уничтожался хлеб на полях, а в Новгородской земле во время погрома 1570 г. из прудов спускалась вода, чтобы подохла обитавшая в них рыба²⁵⁶. Ульфельдт утверждает, что после опричного погрома Новгорода «река заполнилась трупами сверх всякого человеческого ожидания и была настолько ими запружена, что не могла течь по своему прежнему руслу, но разлилась по зеленеющим лугам и плодородным полям и все затопила водой»²⁵⁷.

Георг ван Гофф вслед за Таубе и Крузе говорит о 12 000 бояр Ярославской и Костромской земель, из которых в опричину взяли не более 570–770, «а другие должны были уехать в холода и снега, женщины рожали прямо в снегах... умерших в пути не должны были хоронить, а они пожирались собаками и птицами»²⁵⁸. Матиас Шуберт в рассказе о злоключениях шведского посольства 1569 г. в России писал:

Опасен путь наш был в Москву,
Кругом лежало много замерзших трупов,
И это зрелище было ужасным.
Великий князь был беспощаден

(ср.: Шлихтинг А. Новое известие... С. 34–35). Шлихтинг приводит только одну деталь, которой нет у Гваньини: женщины привязывали своих детей к плечам. Большое сходство с этими произведениями имеет рассказ Одерборна о жестокостях Ивана IV (*Oderborn P. Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte...* S. Pi–Piüü).

²⁵² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 117.

²⁵³ Шлихтинг А. Новое известие... С. 59.

²⁵⁴ Послание Иоганна Таубе и Элэрта Крузе. С. 49, 50; ср.: *Georg van Hoff. Erschreckliche, grewliche und nic erhörte Tyranney'n Johannis Basilidis*. S. 33–34.

²⁵⁵ Цит. по: *Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение...* С. 161.

²⁵⁶ Рюссов Б. 1) Ливонская хроника. II. С. 395; 2) Ливонская хроника. III. С. 185.

²⁵⁷ Послание Иоганна Таубе и Элэрта Крузе. С. 41–42, 43; *Ульфельдт Я. Путешествие в Россию*. С. 300–301.

²⁵⁸ Послание Иоганна Таубе и Элэрта Крузе. С. 36; *Georg van Hoff. Erschreckliche, grewliche und nic erhörte Tyranney'n Johannis Basilidis*. S. 14.

К мужчинам и женщинам — ко всем,
Кто попадался ему на глаза.
О Господи, лишь ты воздашь за все.
Недели три мы шли под стражей,
Кто отморозил ноги,
А иных болезнь скрутила от грязной той воды,
Что пили мы в пути.
В нее бросали мертвецов,
И запах был невыносимый.
О Господи, ты все мог это видеть²⁵⁹.

Шведским дипломатам вторят датские. Анонимный дневник датского посольства 1578 г. повествует о казни двух советников Магнуса, Йоргена Вильда и Фольмера Платтенбурга:

«...сначала их безжалостно высекли, потом он [Иван IV. — А. Ф.] повелел поджарить их живьем на огне, пока они довольно хорошо не поджарились; потом снова он повелел вынуть их из огня, и повелел заново сечь их, затем он повелел привязать их к двум медведям, которые должны были бежать с ними, пока те не умерли; потом он приказал посолить их; Всемогущий Боже, сохрани меня и всех верных христиан от таких кровожадных тиранов, которые так жестоко поступают со своими несчастными ближними из-за ничтожной причины»²⁶⁰.

Как особый грех многие иностранцы отмечают то, что палачи Грозного не просто убивали своих жертв, а понуждали их к самоубийству, то есть — к погублению души²⁶¹.

Гонения Грозного на своих подданных привели к запустению страны. Многие иностранцы отмечают разорение, которое они видели своими глазами во время путешествий в Московию²⁶². Ульфельдт так описывает Северо-Запад России:

«На всем этом пути почти все деревни разрушены Московитом и сравнены с землей таким же образом, как и по другую сторону от Новгорода, так как он считал, что [их] жители были на стороне его убитого брата и что они замыслили его [царя] убийство... во всех местах, где мы проезжали, были пустые дома, брошенные людьми и скотом, так что едва можно поверить, что существует какое-либо государство, не подвергшееся нападению врагов, которое было бы в большем разорении, чем это царство»²⁶³.

Штаден пишет, что из-за разорения русские дошли до людоедства, а Иван IV специально придерживает хлеб и не дает его бедствующим людям. Немецкий автор вообще считает, что главной причиной гонений царя на земщину была коммерческая сторона — государь хотел извлечь из террора экономическую выгоду, увеличить свои богатства за счет казнимых подданных, и злодеи-опричники пользовались этой ситуацией для своего личного обогащения²⁶⁴.

Впрочем, стоит отметить, что мученики у европейских авторов — преимущественно европейцы, пленные или жители оккупированных территорий. Жители Московии в основном выступают в виде арифметических жертв. В целом москвиты авторам малосимпатичны. При их описании западные хронисты часто подчеркивали их языческое варварство: так, Б. Рюссов рассказывал, что в 1560 г. русские хоронили своих

²⁵⁹ Юстен П. Посольство в Московию. С. 195.

²⁶⁰ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 75.

²⁶¹ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 47.

²⁶² Даниил Принц. Начало и возвышение Московии. С. 27.

²⁶³ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 312–313.

²⁶⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 92, 96.

воинов, погибших в боях под Ревелем, следующим образом. Они свезли трупы в соседние деревни (трупов якобы было так много, что они заполнили *несколько* деревень) и сожгли их вместе с деревнями. Помимо трупосожжения неискушенный читатель мог тут усмотреть и языческое жертвоприношение, поскольку о предварительном изгнании населения деревень Руссов ничего не говорит²⁶⁵.

Много внимания авторы уделяют наивному хвастовству москвитов. Так, и Шлихтинг, и Гваньини приводят рассказ о похвальбе вернувшегося из плена князя Бярятинского, будто бы он свидетельствует, что «оробевший король польский до такой степени боится оружия князя московского, что у него нет выхода, куда обратиться». Что характерно, авторы пишут, что Иван IV разгневался и наказал Бярятинского за этот заведомо ложный слух. Шлихтинг также упоминает о сне, когда русским снится польский король в оковах²⁶⁶. При этом на самом деле москвиты — трусы, Ульфельдт описывает, как после поражения от поляков «невозможно сказать, какой страх охватил русских», и проводники посольства настолько потеряли присутствие духа, «что не осмеливались вести нас прямым путем, но отклонялись от прямой дороги и много времени шли по бездорожью»²⁶⁷.

В восприятии иностранцами русских большую роль играли этические и эстетические критерии. Москвиты по быту, морали, манере поведения и внешнему виду не выдерживали никаких сравнений с Западом, что удивляло, раздражало и вызывало презрение европейцев. Например, Ульфельдт пишет:

«...мы прониклись столь большим отвращением к их поведению, что невозможно этого даже сказать, не то что написать... суп же они ели, вызывая у нас отвращение, слизывая его с пальцев, так что нас чуть не рвало, как мальчишки или нищие, принимающие пищу у порога... не только они демонстрировали эту грубость нравов, ежедневно мы видали ее у других»²⁶⁸.

С эстетизмом был тесно связан пресловутый феминный аспект: Барберини пишет, что «одно только, что женщины обыкновенно употребляют румяны и белила, к тому же так неприятно, что стыд и срам»²⁶⁹.

Поведение русских не соответствовало и важнейшим европейским этическим категориям. Европейцы охотно пишут про склонность подданных Ивана IV к бесчестию: «нет почти ни одного там из чиновников, который бы хоть раз на роду своем не был высечен, но они не гоняются за честью, и больше чувствуют побои, чем знают, что такое стыд... А то очевидно, что они очень склонны ко злу» (Барберини)²⁷⁰.

Авторы любят указывать как на признак варварства на «затворение» России, ее закрытость перед иностранцами²⁷¹. Причиной этого, по Барберини, является боязнь русских показать себя слабее иноземцев. В качестве примера он приводит легенду, как на судебном поединке некий литовец хитростью победил тяжеловооруженного русского воина, бросив ему в глаза горсть песка. «С той поры не дозволено уже иностранцам вступать в сражения с москвитянами»²⁷². О том, что в России приезжие немцы играют роль экспертов, профессиональных специалистов, писал и Левенклавий²⁷³.

²⁶⁵ Руссов Б. Ливонская хроника. II. С. 397.

²⁶⁶ Шлихтинг А. Новое известие... С. 38, 40–41; Гваньини А. Описание Московии. С. 153.

²⁶⁷ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 348.

²⁶⁸ Там же. С. 302–303.

²⁶⁹ Барберини Р. Путешествие в Московию. С. 18–19.

²⁷⁰ Там же. С. 33.

²⁷¹ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение... С. 235.

²⁷² Барберини Р. Путешествие в Московию. С. 23.

²⁷³ Lewenclavii L. De Moscorum Bellis... P. 220.

Тиран и женщины

Отдельное место в изображении тиранства Грозного занимали феминистические сюжеты. Европейцы видели в отношении царя к женщинам особо показательные примеры его тирании. Шлихтинг даже выделяет в своих разоблачениях особый раздел: «Тиранство над женщинами»²⁷⁴. Авторы подробнейшим образом описывают убийства, изнасилования, похищения опричниками и самим царем понравившихся женщин у законных мужей, которых при этом, чтобы не мешали, могли и утопить. Надоевших наложниц нередко возвращали мужьям в виде трупов, которые вешали прямо над обеденным столом, и несчастный муж должен был вкушать пищу в обществе раскачивающейся над ним мертвой супруги. Знатные женщины, встретившиеся на пути царю, подвергаются поруганию: они должны задрать подол и, выставив напоказ свою наготу, так стоять, пока не проедет вся государева свита. Многие авторы приписывают Грозному наличие гарема из 50 женщин, причем надоевших наложниц опять-таки убивают²⁷⁵. Широко распространен сюжет об охоте опричников, стреляющих из луков в бегущих по полю нагих девушек (которых, согласно некоторым авторам, заставляют в таком виде ловить кур). Сюда же, видимо, относятся и тщательные описания свадеб Грозного, с их выбором невест, осмотром нагих девушек, надругательствами над женщинами и т. д. Тирания царя проявлялась и в том, что он творил произвол над женами, легко их ликвидировал, чтобы вступить в новый брак²⁷⁶. Для Одерборна аргументом, обличающим царя, является его седьмой брак: русскую армию бьют в Ливонии, а царь в это время женится!²⁷⁷

Возможно, здесь авторы, сознательно или нет, прибегали к параллелям с миром враждебного Востока: в описании татар и турок феминный аспект (подчиненное положение женщины, многоженство) также занимает одну из центральных позиций²⁷⁸. Так, Ульфельдт в своем рассказе о встрече датского посольства с татарским войском акцентирует внимание именно на том, сколько у татар бывает жен (к ужасу цивилизованного европейца, до 10, немецкого, русского и татарского происхождения!)²⁷⁹. Когда он пишет о ливонских пленных, он обращает внимание на то, что среди них «я заметил множество знатных женщин и девиц, выражения их лиц и жесты свидетельствовали о величайшей скорби». О действиях русских войск в Ливонии датский посол пишет: «И здесь москвит проявил по отношению к знатым женщинам и девушкам такую жестокость, что, когда слышу об этом, а уж тем более говорю, я содрогаюсь всем телом»²⁸⁰. Одерборн, описывая брак у «восточных» русских, трактует его как вакханалию, обращая внимание на оргиастические элементы (растление девства до брака, из-за чего церемония превращается в циничный обман, безудержное пьянство и рас-

²⁷⁴ Шлихтинг А. Новое известие... С. 37, 51; сходные сюжеты см.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 41–42, 47; Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 77; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 87, 91.

²⁷⁵ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 77.

²⁷⁶ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 55; *Georg van Hoff*. Erschreckliche, grewliche und nie erhörte Turanneyn Johannis Basilidis. S. 22, 43; *Даниил Принц*. Начало и возвышение Московии. С. 28. — Тирану вторили его подданные: Рюссов описывает, как русские и татары дрались из-за женщин во время взятия Оберпалена в 1578 г. (*Рюссов Б.* Ливонская хроника. III. С. 299).

²⁷⁷ *Oderborn P.* Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte... Bl. F v.

²⁷⁸ Как отмечено Э. Саидом, Восток — это место «сексуальных фантазий» европейца (*Said E.* Orientalizm. N. Y., 1978. P. 190). При описании московских традиций отношения к женщинам, в частности, смотря невест для государевой свадьбы, некоторые авторы прямо сравнивали этот обычай с турецким: *Йовий П.* Книга о московитском посольстве. С. 286; см. также: *Франческо да Колло*. Доношение о Московии. С. 66.

²⁷⁹ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 295, 352.

²⁸⁰ Там же. С. 338, 345.

путство гостей на свадьбах etc.)²⁸¹. В описаниях бесчинств опричников особый акцент делался на массовых изнасилованиях и изощренных казнях, ср. у Рюссова в рассказе о «Новгородском погроме»:

«Опричники также обесчестили многих красивых женщин и девушек, они были до того дерзки и бессовестны, что многие женщины лишили себя из-за этого жизни. Затем он взял в плен несколько тысяч человек, связывал мужьям и женам руки вместе, а маленьких детей привязывал к груди матерям, и затем целыми кучами бросал их в воду, так же большая река Волхов, имевшая в глубину около восьми сажен, до дна совершенно наполнилась трупами, так что их кольями проталкивали под лед, чтобы они могли уплыть дальше. Затем несколько сот женщин и девушек раздели донага и привели на мост, а когда вышел великий князь и проезжал мимо, то для его потехи этих женщин толкали в воду»²⁸².

Причину интереса к феминному аспекту можно опять-таки, усмотреть в европейских христианских и даже античных дискурсах. Как заметили Таубе и Крузе, «видно, Бог захотел обличить его злобу и тиранство через слабое существо женщины»²⁸³.

Одерборн рассказывает, что в 1579 г. после падения Полоцка женщины подняли в Москве мятеж, требуя вернуть их мужей с фронта или же дать им взамен других мужей. Усмирявший бунт дьяк Щелкалов обратился за помощью к мужчинам-посадским, говоря, что иначе «эти амазонки» объединятся и вообще «свергнут власть». И посадские разогнали женщин мечами и батогами²⁸⁴.

За подобные злодеяния следует неизбежная кара — молитвы невинно убиенных достигли ушей Господа. По словам Одерборна, Грозный, «молчаливо осужденный гражданами и осмеянный врагами, умер, унесенный болезнью из-за угнетенного состояния духа, на второй год после войны». Тут сыграли свою роль призывы к Богу пленных, молившихся, что «пока он живет и неистовствует, мир в своей основе не может существовать». В России уничтожены дружба, союзы и мир, попраны церкви и алтари, не соблюдаются законы. Смерти тирана все ждут, надеясь на улучшение, но рабский по психологии русский народ пугается, когда царь умер — теперь усилятся враги России, придут и нас завоюют! В день погребения 30 марта 1584 г. тело Грозного исчезло, и его никто не видел. Как только «бестия погибла» — восстановились законы, святость, союзы, мир и дружба. Мирный царь Федор, которого Одерборн изображает антитезой

Грозному, отменил введенную тираном опричнину и восстановил в стране благополучие и спокойствие²⁸⁵.

IOANNIS
BASILIDIS MA-
GNI MOSCOVIAE

Ducis vita,

PAVLO ODERBORNO
tribus libris scripta.

AD

HENRICVM PVLIYM EPISCO-
pum Halberstadensem, Brunonisianorum
& Lunenburgum Ducem magnanimi
& illustrissimum.

ANNO M. D. LXXXV

Титульный лист латинского издания биографии Ивана Грозного авторства Пауля Одерборна издания 1585 г. с условным портретом русского царя.

²⁸¹ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 285.

²⁸² Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 185.

²⁸³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 47.

²⁸⁴ *Oderborn P. Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte...* Bl. Vii–Viii.

²⁸⁵ *Ibid.* Bl. Bbii–Ddiiii v.

«Борцы с деспотизмом»: миф об оппозиции Ивану Грозному в сочинениях иностранцев

Для европейских авторов было характерно разделение враждебных московитов на представителей добрых и злых сил. Наличие тирана и его прислужников автоматически предполагало существование оппозиции режиму²⁸⁶. В январе 1558 г. во время первого ливонского похода в Опочке было восстание против воеводы²⁸⁷.

«Хорошие» бояре в европейском нарративе отделялись от царя-тирана. Одерборн рассказывал о заговоре миролюбивых бояр уже против развязывания Грозным Казанской войны, для борьбы с которым царь окружил себя охраной из 2000 стрельцов. Он также пишет о росте в Швеции с началом Ливонской войны ожиданий, что полководцы Московита вот-вот изменят ему. А в ответ на успехи Батория в 1579 г. бояре И. Ф. Мстиславский и Н. Р. Юрьев обратились к Ивану IV с письменным призывом закончить войну²⁸⁸. В одном флорентийском тексте 1572 г. рассказывается о заговоре «благородных» русских против кровавого деспота, причем для реализации своих замыслов они завязали связи с польским королем. А. Каппелер называет этот рассказ «легендарным», созданным с прицелом на дешевую сенсацию, но в то же время указывает, что в нем, как и в ряде других сходных произведений, видимо, был отражен слух о боярской оппозиции Грозному, порожденный провокацией литовской разведки 1567/68 г., когда она рассылала письма с предложением сотрудничества к видным русским аристократам²⁸⁹. Даниил Принц пишет, что бояре хотели отнять у Грозного власть и передать Россию крымскому хану²⁹⁰. Здесь, видимо, получили отражение какие-то официальные мотивировки репрессий Ивана IV против своих «изменных» подданных.

Образ русского боярина, тайно ищущего союзников среди польских и литовских аристократов с целью заключения мира, не раз встречается в европейской публицистике того времени (например, в 1579 г.)²⁹¹ и, по всей видимости, служит символическим воплощением идеи «ужасной московской тирании». Ведь где тиран, там должны быть и недовольные его деспотизмом, и было очень важно показать европейскому читателю, что эти недовольные ищут друзей и единомышленников в стане врагов своего царя. Штаден убежден, что при нападении на Россию

«...можно подослать к ним пленного, который завел бы с ними разговор на их языке и изложил бы им всю великую тиранию великого князя... когда русские увидят, что наше войско пребывает в их стране и зиму, и лето, они поймут, что мы сумеем их защитить от великого князя... Как только великий князь засядет в каком-нибудь городе, его нужно тотчас же осадить. И когда русские увидят, что дело касается только великого князя, то они же, его собственные русские, немедля окажут нам поддержку»²⁹².

Шлихтинг пишет, что «кроме опричников, никто не расположен к тирану. Если бы его подданные знали, у кого они найдут безопасность, они наверное отпали бы от него». Он упоминает о заговоре 30 бояр во главе с И. П. Шуйским, которые в 1567 г. письменно (*sic!*) поклялись друг другу выдать Ивана IV польскому королю, если толь-

²⁸⁶ *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 283.

²⁸⁷ *Renner J. 1) Livländische Historien...* S. 21; 2) *Johannes Renner's Livonian History...* P. 47.

²⁸⁸ *Oderborn P. Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte...* Bl. X.

²⁸⁹ *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 43.

²⁹⁰ *Даниил Принц. Начало и возвышение Московии.* С. 22.

²⁹¹ *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel...* S. 62.

²⁹² *Штаден Г. О Москве Ивана Грозного.* С. 72–74.

ко он двинется в пределы России²⁹³. Но Сигизмунд II подвел, не стал наступать, и шанс избавить Россию от тирана был упущен... Сходный сюжет есть и у Штадена²⁹⁴.

Поэтому европейские авторы тщательно отслеживали все попытки бегства русских за границу и тем более репрессии, которым подвергались неудачливые беглецы (например, князя Горинского посадили на кол). Про воеводу, сдавшего литовцам Изборск и за это по возвращении из плена расстрелянного стрелами у столба, Шлихтинг пишет: «вот какую награду получил воевода, для которого лучше было быть изгнанником в Польше, чем позорно погибнуть, вернувшись на родину»²⁹⁵.

Встречаются также изображения «разумных» москвитов, которые отговаривают Ивана IV от войны, ссылаясь на то, что орденские войска ранее часто били русских. Но упрямый царь не внял совету умных людей и упрямо напал на Прибалтику (рассказ об этом эпизоде помещен у Б. Рюссова)²⁹⁶. Шлихтинг писал, что царь

«...считал таких лиц себе врагами за то, что они часто советовали ему править, как подобает справедливому государю, не жадать в такой степени христианской крови, воздерживаться от несправедливых и недозволенных войн, а, довольствуясь своими владениями, жить жизнью, достойной христианского государя; если же он хотел быть благородным и великодушным и стремился к войне, то должен был обратиться свои замыслы и оружие против врагов креста Христова, татар и турок...»²⁹⁷.

Тема раскола в русском обществе по вопросу Ливонской войны вообще была популярна в европейской мысли. Одерборн и некоторые другие связывали с ней убийство Иваном Грозным своего сына Ивана: к царевичу явилась делегация из Владимира, которая говорила о плачевном положении России из-за польских побед и требовала немедленного победоносного похода на Речь Посполитую. Три года враги громят родину, кто же ее спасет и защитит? Иван Иванович стал требовать у отца войско, а мнительный царь отказал, боясь измены. Иван IV вышел на площадь, сбросил под ноги корону и потребовал от народа, что если он считает, что царь действует неправильно — пусть изберет себе другого государя. Но народ высказался за царя против изменников, упрямый Грозный остался на царстве, и начались гонения на предателей (все это очень сходно с предыдущими рассказами Одерборна про опричнину). В ходе этих преследований в ссоре царевич был смертельно ранен ударом царского посоха, хотя он не был никаким заговорщиком. Сын перед смертью призывал отца к победе над чужеземным врагом, и он «пусть обнажит меч на врага с большим счастьем, чем на сына»²⁹⁸.

Об исключительности масштабов злодейств говорит то, что даже подданные царя спят и видят, как бы свергнуть мучителя. Но при этом москвиты сами — первые жертвы своего государя, это он — «начальник злу», а с русским народом вполне можно договориться, например, о заговоре против царя и его выдаче полякам. Надо только разбудить народ — по Одерборну, все русские изумлялись бездействию царя и его непротивлению врагу в последние годы войны, но страх перед тираном, легкомыслие

²⁹³ Шлихтинг А. Новое известие... С. 61.

²⁹⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 87.

²⁹⁵ Шлихтинг А. Новое известие... С. 36, 40.

²⁹⁶ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 112.

²⁹⁷ Шлихтинг А. Новое известие... С. 16.

²⁹⁸ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 145; Oderborn P. Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte... Bl. Aaii–Aaiii. — Эта версия разделялась не всеми, но переосмыслялась опять-таки в европейских дискурсах: М. Шаум писал, что царевича убили за то, что он вступался за европейских пленных (*Шаум М. Tragoedia Demetrio-Moscovitica // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России / Сост. К. М. Оболенский. М., 1847. Т. 1. С. 4*).

Титульный лист немецкого издания книги Пауля Одерборна 1588 г. с изображением русского царя, бояр и православных религиозных обрядов.

и взаимное подозрение не давали им организовать — в русском обществе царил «безумное молчание»²⁹⁹.

Вышеописанные взгляды и ожидания от русского общества показывают полное непонимание иноземцами сути отношений между властью и подданными в Московской Руси. Русские дворяне видели смысл своей жизни в государственной службе: «И государю нашему воля, он государь, а мы холопе, как ему государю годно, так и посылает, а нам его государево хотенье как рассуждать — куды он, государь великий, едет, туды и мы едем»³⁰⁰. На попытку литовцев подкупить его русский посол в Крыму Афанасий Нагой гордо заявил: «А мы от деди от прадеди холопи московских государей и служим московским государем з веку прямо»³⁰¹. Задержанный в Дании русский посол А. М. Ромодановский, описывая выступление датского короля против шведского 7 августа 1563 г., потрясенно писал, что в датском войске было 6000 конных и 15–20 000 пеших, из них датчан 300 человек, «а без найму никто не пошел» — ситуация, невыносимая для «государевых служилых людей»³⁰². Московское дворянство в своем большинстве служило

²⁹⁹ Oderborn P. Wunderbare Erschreckliche Vnerhörte Geschichte... Bl. Siii–T.

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 134 об.

³⁰¹ Там же. Л. 326 об.

³⁰² Статейный список российского посольства в Данию в 1562–1563 гг. // Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 540.

преданно, искренне и честно и видело в этом свою свободу. Западные же трактовки *liberty* были ему чужды.

Для исправления московитов их надо завоевать

Высшей точкой развития дискурсов данного направления было появление планов военной интервенции в Московию, причем их авторы были уверены, что вся проблема в свержении Ивана IV и нейтрализации его ближайшего окружения, а русский народ в целом поддержит оккупационные войска. Еще Таубе и Крузе в своем сочинении обещали рассказать про

«... жестокого тирана из Москвы... каким путем он ослабел в своих средствах... и каким образом он ныне... мог бы быть сломлен и завоеванные земли в ничто обращены и возвращены обратно... следует обратить внимание на то, что он почти лишен самого состояния власти, опустошил свою страну и людей, уменьшил свои сокровища, и люди, вследствие неслыханной тирании, неверны ему и желают другой власти, поэтому достаточно серьезного намерения и натиска, чтобы взять большую, доблестную, полную сокровищ и тем не менее не укрепленную страну, сила и могущество христианской церкви, утерянные в Греции, Родосе и Венгрии, могли бы возрасти, и впоследствии могли бы быть уничтожены турки»³⁰³.

Этот пассаж с призывом к нападению на Россию повторен и в сочинении Георга ван Гоффа³⁰⁴.

Но здесь прежде всего надо отметить деятельность группы пфальцграфа Георга Ганса графа Фельденцкого (графа Эльзасского) после Шпейерского рейхстага 1570 г. В 1578 г. в окружении графа возник «План превращения Московии в имперскую провинцию», главным автором которого выступал Генрих Штаден. В 1578–1579 гг. этот проект рассылался императору, прусскому герцогу, шведскому и польскому королям³⁰⁵. Он обсуждался на Любекском ганзетаге 1581 г. и при дворе Рудольфа II в 1588 г., но был отклонен. Возможно, здесь сыграли роль нежелание империи действовать самостоятельно и политическая традиция загребать жар чужими руками. Так, император Рудольф II в письме к Иоанну Георгу, курфюрсту Бранденбургскому, говорил о необходимости создания имперских военно-морских сил, но тут же писал о том, что для войны с Московией необходим союз с татарами, которые и атакуют московитов со стороны Азии и разобьют их.

«План обращения Московии в имперскую провинцию» Генриха Штадена начинается тоже с темы крымской угрозы: русских хочет завоевать Крым, а он — вассал Турции, и если это случится — страшная опасность нависнет надо всем христианским миром. Признаком наступления Стамбула является воцарение в Речи Посполитой ставленника султана Стефана Батория. Поэтому турок и татар надо опередить и завоевать Московию самим!

Для этого необходимо всего 200 кораблей, 200 орудий и 100 000 человек («так много надо не для борьбы с врагом, а для того, чтобы занять и удержать всю страну»). «Это должны быть такие воинские люди, которые ничего не оставляли бы в христианском мире, ни кола, ни двора. Таких ведь много найдется в христианском мире». Сама империя пусть выделит половину судов, остальные одолжить у Ганзы, или у Испании,

³⁰³ Послание Иоганна Таубе и Элерга Крузе. С. 30, 56.

³⁰⁴ *Georg van Hoff*. Erschreckliche, gewliche und nic erhörte Tyranny'n Johannis Basilidis. S. 44.

³⁰⁵ Переписку Георга Ганса по ливонскому вопросу см.: *Schiemann T.* Des Pfaltzgrafen Georg Hans Anschlag auf Livland // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurland. Riga, 1892. Bd. XV. Heft. I. S. 117–159; см. также сборник писем Георга Ганса в Таллинском городском архиве: F. 230 (Tallinna magistraat), nimistu 1B.P.13. Georg Hans, Pfalzgraf bei Rhein, Herzog von Bayern, Schreiben an Fürsten und Städte, einen Anschlag wider den Moskowiter betreffend 1578, 1579. 48 s.

или у Франции. Таким образом, вся операция обойдется в 100 000 талеров. С войском отправляются 100 проповедников, которых наwerben в университетах.

Необходимо учитывать, что, высказывая свой план, Штаден явно ориентировался на внутриевропейскую ситуацию. В 1570-е гг. в Центральной Европе скопилась большая масса военных наемников, оказавшихся не у дел. Наступила «катастрофа мира», характерная для XVI–XVII вв., которая была обусловлена самим наемным принципом комплектования западных армий: окончание войны высвобождало огромную массу агрессивных, стремительно нищающих людей, умевших только воевать и в мирные периоды создающих серьезную угрозу для остального населения, мечтающего оправдать их на новую войну. Вот о «трудоустройстве» этой военной массы и писал Штаден: «Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось, что с ними можно было бы взять не одну страну».

Штаден предлагал выступить из Гамбурга, Бремена или Эмдена 1 апреля и первым делом атаковать г. Колу в Лапландии. Затем должны быть взяты Соловки, Холмогоры, Кий-Остров в устье р. Онеги, потом Турчасов и Каргополь. «До сих пор можно не опасаться появления врага». Затем должны быть взяты Вологда и Кирилло-Белозерский монастырь, потом Устье (населенный пункт при впадении в Волгу р. Шексны). Далее Штаден впадает в азарт: «Отправляйся дальше и грабь Александрову слободу, заняв ее отрядом в 2000 человек! За ней грабь Троицкий монастырь!». Потом придет черед Волока Ламского, Иосифова монастыря, Звенигорода, Коломны, Девичьего монастыря, Коломенского, слобод Немецкой, Болвановки и Стрелецкой, «и Москва может быть взята без единого выстрела».

На этапе осады Троице-Сергиева монастыря с москвитями можно и вступить в переговоры: «Можно подослать к ним пленного, который завел бы с ними разговор на их языке и изложил бы им всю великую тиранию великого князя». Москвитам стоит только предложить закрепить все их поместья в собственность — и больше им ничего не нужно, сражаться за Ивана IV они не будут:

«Когда русские увидят, что наше войско пребывает в их стране и зиму, и лето, они поймут, что мы сумеем их защитить от великого князя... Как только великий князь засядет в каком-нибудь городе, его нужно тотчас же осадить. И когда русские увидят, что дело касается только великого князя, то они же, его собственные русские, немедля окажут нам поддержку».

Казну и сокровищницу Ивана IV надлежит увезти в империю. Что же касается судьбы Ивана Грозного, что процитируем предложения Штадена целиком:

«А великого князя вместе с сыновьями, связанных как пленников, необходимо увезти в христианскую землю... отправить его в горы, где Рейн и Эльба берут свое начало. Туда же... свезти всех пленных из его страны и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы они [то есть великий князь и его сыновья] видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, посадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов... Бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы — лишь один грех! Великий князь будет тогда звать к Богу через посредство Николая и других усопших святых, а наши будут этим укрепляться и поучаться и скажут, что они-то и суть подлинные христиане...»

Иван IV и его дети должны получить в германской части империи в графство область, и в ее пределах могут свободно передвигаться, но за пределы выехать не смогут. При царе должны неотлучно находиться два-три проповедника, которые должны его

обратить в истинную веру, а то наивный государь думает, «что он служит Богу праведно, ибо Бог помог ему взять Лифляндию».

Управлять новой провинцией будет один из братьев императора. На захваченных территориях власть принадлежит имперским комиссарам, главной задачей которых должно быть обеспечение войска всем необходимым за счет населения. Для этого

«К каждому укреплению необходимо приписывать крестьян и торговых людей — на 10 или 20 миль вокруг — с тем, чтобы они выплачивали жалованье воинским людям и доставляли бы все необходимое... у русских надо будет отобрать, прежде всего, их лучших лошадей, а затем все наличные струги и лодьи».

С русскими пленными обходиться сурово: «они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах, их можно будет отпускать и на работу, но не иначе как в железных кандалах, залитых у ног свинцом, за то, что они наших пленных продают турку». По всей стране должны ставиться каменные немецкие церкви, а москвитам разрешить строить только деревянные. Они скоро сгниют, и в России останутся только германские, каменные. Так безболезненно и естественно произойдет для москвитов смена религии.

Благодаря реализации этого плана, по Штадену, изменится карта мира: «Когда Русская земля вместе с окрестными странами, у которых нет государей и которые лежат пустыми, будет взята, тогда границы империи сойдутся с границами персидского шаха». Через эти страны можно будет пройти до Америки и в союзе с Персией «совсем легко» расправиться с Турцией³⁰⁶.

Однако сочинение Штадена оказало влияние на сходный оккупационный план английского капитана Чемберлена 1612 г. Кроме того, в 1575 г. француз Дансе также выступил с идеей французской оккупации Ливонии и скандинавского Севера³⁰⁷.

---

³⁰⁶ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 60–77.

³⁰⁷ Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI веке. С. 36–37, 51.

Глава XIV

ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЬ — СПАСИТЕЛЬ ЕВРОПЫ ОТ РУССКИХ ВАРВАРОВ: МОСКОВСКАЯ ВОЙНА СТЕФАНА БАТОРИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ НАРРАТИВЕ

Плагиат или не плагиат? «Sarmatiae Europae descriptio» Александра Гваньини.

Принципиальные изменения в восприятии войны за «Инфлянтов» и, соответственно, непосредственно связанной с ней войной с Московией происходят в польской и литовской исторической мысли в конце 1570-х – начале 1580-х гг. Они были связаны с целым рядом обстоятельств.

Произошла смена этапов развития польской исторической мысли. Как справедливо отмечено Д. В. Карнауховым, большинство предыдущих польских хроник были доведены либо до рубежа XV и XVI вв. (смерть Александра Ягеллончика (1506) и Ивана III (1505), либо, в лучшем случае, затрагивали эпоху Сигизмунда I Старого и Василия III¹. Даже 1530–1540-е, не говоря уже до 1550-х гг., освещены или очень кратко, или не описаны вообще. В 1560–1570-е гг. переиздавались новые редакции хроники М. Бельского (рассмотрено выше) и описание Польши М. Кромера (1575)², но в них в лучшем случае были небольшие хронологические вкрапления о вышеуказанном периоде³.

¹ Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010. С 5.

² Kromer M. 1) Poloniae gentisque et Republicae Polonicae descriptionis libri duo. Frankfurt nad Menem, 1575; 2) Polonia siue de situ, populis, moribus, magistratibus et republica, regni Polonici libri duo. Colonia, 1577. P. 5. Ливония и Курляндия в ней просто изображены частями Речи Посполитой, такими же, как Волынь и т.д. (Ibid. P. 9, 37). Другое издание: Martini Cromeri Polonia, sive de situ, populis, moribus, magistratibus et Republica regni Polonici libri duo, 1578 / Wydał W. Czermak. Kraków, 1901. Современный польский перевод: Kromer M. Polska czyli o położeniu, ludności, obyczajach, urzędach i sprawach publicznych Królestwa Polskiego księgi dwie / Przekład S. Kazikowskiego, wstęp i oprac. R. Marchwińskiego. Olsztyn, 1977. Здесь см. обзор изданий (S. XLVI – XLVII).

³ К сожалению, нам осталось недоступным издание, которое С. Мунд обозначает как продолжение «Хроники» М. Кромера: Ante complures annos, post editum opus id, quod de origine et rebus gestis Polonorum conscripsi, cum essem in aula et ministerio D. Sigismundi Augusti regis, operae precium me facturum esse existimavi, si de situ quoque et natura terrae Poloniae, et de moribus, magistratibus, atque omni Republ. Gentis aliquid conscriberem, quod quasi clavis foret ad annales illos nostrates facilius intelligendos. Обзор изданий см.: Mund S. Orbis Russiarum: Genèse et développement de la representation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. P. 229–230.

В польской историографии происходила смена поколений. Ее новый подъем пришелся на 1570–80-е гг. (творчество М. Стрыйковского, А. Гваньини, Й. Бельского, С. Сарницкого, Р. Гейденштейна и др.). В их числе были люди, повоевавшие на фронтах Ливонской войны, для которых она стала фактом биографии и важным жизненным переживанием (А. Гваньини, М. Стрыйковский). Соответственно, менялись акценты, оценки. Война серьезно отразилась прежде всего на переосмыслении облика Восточной Европы и судеб населявших ее народов.

Для польских интеллектуалов характерно было восприятие восточных земель польско-литовской унии как менее развитых. Они были законным древним владением Короны и являлись объектом колонизации, распространения польского культурного, политического и социального влияния. Это подчиненное положение объяснялось прежде всего с помощью этногенетических мифов и легендарной древней истории. Я. Длугош считал, что русские происходят от поляков и уже в силу этого являются «младшим» народом (их «прародитель» Рус был потомком Леха). Причем польский хронист указывал, что «русские в своих анналах гордятся тем, что происходят от рода князя Леха» (само собой, следов этой «гордости» в русских летописях не прослеживается). М. Меховский выдвинул предположение о происхождении русских от сарматов-роксолан, которые, однако, были полностью ассимилированы славянскими руссами / рутенами, во главе которых «стоят знатные люди из поляков». Сарматскую версию подхватил С. Оржеховский, который считал Россию землей, пожалованной некоему Роксолану Александром Македонским. М. Бельский также отождествлял русских и сарматов-роксолан. М. Кромер разделил «русских» (жителей Великого княжества Литовского), московитов и «волынов» со ссылкой на упоминаемых в Библии народы «Роса, Мосоха и Тубала», а также вслед за традицией первой половины XVI в. сближая московитов с древними ближневосточными народами — амаксобитами и модоками. При этом московиты, по Кромеру, появляются на исторической арене сравнительно поздно, и поэтому их претензии на гегемонию на землях «всей Руси» совершенно бесосновательны и являются тиранией и агрессией⁴.

В целом тенденции польской исторической мысли раннего нового времени в отношении Руси и России можно охарактеризовать словами Д. В. Карнаухова:

«В польских концепциях содержание достаточно противоречивых польско-русских отношений сводится лишь к одной тенденции: доминированию Польши. Такой эффект был достигнут благодаря ярким художественным рассказам об осуществлявшихся на протяжении четырех столетий успешных военно-политических акциях польской монархии, направленных на установление политического господства на русских землях, в которых прежде всего были акцентированы победоносные “русские” войны польских королей. “Польская” политика русских князей, напротив, изображалась лишь как череда преимущественно неудачных попыток освободиться от “польского ига”. Правители Руси при этом четко разделялись в его сочинении на лояльных по отношению к польской монархии князей и бунтовщиков... Функциональность данной мифологизированной концепции трудно переоценить, поскольку благодаря ее утверждению в историческом сознании не только польских, но и европейских элит на многие столетия закрепился стереотип необратимости подчинения русских земель Польше, что способствовало развитию комплекса превосходства польских политических и культурных ценностей, обернувшегося в свою очередь принижением роли цивилизационного потенциала восточного славянства польскими интеллектуалами нового времени»⁵.

⁴ Подробнее см.: Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси... С. 60–73, 124.

⁵ Там же. С. 224–225.

Теперь же данные оценки менялись. К 1570–1580-м гг. Ливонская война и проблема политического выбора во время «бескоролевий» обострили проблему идентичности славянского населения Восточной Европы и его отличия или родства по отношению к населению Московского государства. И те и другие — православные, называют себя русскими / русинами, почему же русские, которые *московиты*, суть враги русинов, которые *подданные Великого княжества Литовского*? Если они единоверцы и происходят из одного корня, то почему они столь враждебны друг к другу? Эта постановка вопроса оказывалась особенно актуальной в контексте трений, которыми сопровождалось заключение Люблинской унии в 1569 г., и поддержки частью шляхты Великого княжества Литовского кандидатуры Ивана Грозного на польский престол в годы первого и второго польских бескоролевий. В формулировании и актуализации этих вопросов и проявилось влияние Ливонской войны на польский исторический дискурс. Данный процесс наиболее точно был охарактеризован Д. В. Карнауховым:

«Возвышение Москвы, начало активного военного противостояния польско-литовского союза с русско-московским государством заставило польских интеллектуалов пересмотреть свои взгляды на происхождение восточного славянства. С началом Ливонской войны восточный вектор внешней политики Польши становится определяющим фактором пересмотра устоявшихся этногенетических представлений. В рамках развернувшихся на страницах польских исторических произведений дискуссии, начиная 50-х гг. XVI в., статус восточного славянства постоянно повышается и, в конечном итоге, в польской историографии оно занимает почетное место насельников древней славянской прародины — Сарматии»⁶.

Именно Европейской Сарматии было посвящено вышедшее в 1578 г.⁷ в Кракове сочинение ветерана войны с Московией, коменданта Витебска, итальянца по происхождению Александра Гваньини (1534–1614)⁸. Латинский язык обеспечил легкое проникновение его труда в Европу: в 1581 и 1582 г. выходят переиздания в Шпейере⁹ и Базеле¹⁰, в 1584 г. отредактированное издание во Франкфурте¹¹, в 1590 г. — перевод на чешский в Праге, 1600 г. — новое издание во Франкфурте¹².

⁶ Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси... С. 86.

⁷ [Guagnini A.] Sarmatiae Europaeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Guagnini Voronensis, equities aurati, peditumque praefecti, diligenter conscriptae. Cracoviae, 1578.

⁸ О нем см.: Козлова Г. Г. Александр Гваньини и его сочинения / Гваньини А. Описание Московии / Пер. с лат., вводная статья и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 5–8; Дячок О. Хроніст Алессандро Гваньїні // Український археографічний щорічник. 2004. Новая серия. Вип. 8. С. 299–321; Карнаухов Д. В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009. С. 169–195.

⁹ [Guagnini A.] Sarmatiae europaeae descriptio quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam... complectitur, Alexandri Guagnini... cui, supplementi loco, ea quae gesta sunt superiori anno inter... regem Poloniae et magnum ducem Moschoviae breviter adjecta sunt, item genealogia regum Polonorum. Spiraе, 1581.

¹⁰ Фрагменты из сочинений Гваньини вошли в подборку текстов по польской истории, изданных И. Писториусом: Pistorius J. Polonicae historiae corpus: hoc est Polonica rum rerum Latini recentiores & veteres scriptores, quotquot extant, uno volumine comprachensi, omnes, & in aliquot distributi tomas. Basileae, 1582. Т. 1. С. 20–73; Т. 2. С. 341–397.

¹¹ [Guagnini A.] Rerum Polonicarum tomi tres, quorum primus omnium Poloniae regum, a Lecho primo gentis duce, ad Stephanum Bathoreum, etiamnum regem: tum principum Lithuaniae, chronologicam recensionem, ac singularum res gestas complectitur: adiecta reces historiarum in nostrum aetatet incidentium continua narratio. Secundus provinciarum, quae uno Sarmatiae Europaeae nomine vulgo veniunt, chronographicam descriptionem continent. Tertius res singulariter a Polonis in Valachia gestas, orationes item et epistolas, sceпти Polonici negocia concernentes habet. Francfort, 1584.

¹² Обзор изданий см.: Карнаухов Д. В. История русских земель... С. 216–219.

Вопрос об авторстве сочинения «О Европейской Сарматии» мы здесь не рассматриваем. Вкратце напомним, что М. Стрыйковский обвинил своего военного командира, итальянца А. Гваньини, в плагиате, будто бы тот украл у него текст «Европейской Сарматии» и опубликовал под своим именем. Король, разобрав дело, признал правоту Стрыйковского и даже выдал ему соответствующую грамоту. Однако ученые спорят о степени авторства Стрыйковского и редакторства Гваньини. Вопрос пока не получил однозначного решения¹³. Нам представляется, что правы те исследователи, которые допускают вероятность использования А. Гваньини материалов Стрыйковского, но в то же время они подверглись редактуре и авторской обработке, то есть это был не чистый плагиат.

Александр Гваньини. Гравюра XVI в.

Нас же интересует, в какой мере в сочинении итальянца на польской службе (или его плодovitого польского подчиненного) проявилось влияние Ливонской войны. Сложность работы с текстами, приписываемыми Гваньини, в том, что их состав нестабилен. Итальянец, видимо, и сам постоянно работал над своим сочинением, и пользовался рекомендациями издателей, и привлекал чужую помощь. Так, первое издание на польском языке — краковский перевод Мартина Пашковского 1611 г. — имеет столько много дополнений, что многие ученые считают Пашковского фактическим соавтором Гваньини¹⁴.

Тема войны за Ливонию под пером Гваньини оказывается центральной для истории правления Сигизмунда II Августа. Об остальных важных событиях его

монархии говорится скороговоркой или вообще умалчивается. О Ливонии впервые речь заходит применительно к 1557 г., когда Сигизмунд собрал 100 000 всадников и пехотинцев, поляков, литовцев, русских и двинул на Ливонию. Магистр понял, что трудно переть против рожна, запросил мира и был взят под покровительство (дословно — «clientelam», то есть перешел под патронат, стал клиентом) польского короля. О причинах конфликта, архиепископе Вильгельме и прочем не говорится ничего¹⁵.

Гваньини здесь преувеличивает масштаб позвольских соглашений, ни о каком покровительстве Короны в них не говорилось. В Позволе еще договаривались два равноправных субъекта международного права, только один был победитель, другой

¹³ См. историографию: *Radziszewska J.* Maciej Strykowski: historik-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978. S. 71–79; *Wojtkowiak Z.* Maciej Strykowski — dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1990. S. 178–179; *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 170–171, 174–179, 184–192; *Дячок О. О.* Проблема авторства «Опису Европейської Сарматії» в історіографії // Осягнення історії. Остроп; Нью-Йорк, 1999. С. 251–262; *Jurkiewicz J.* Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa *Sarmatiae Europaeae Descriptio* (1578) // *Lietvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija.* Vilnius, 2007. S. 71–90.

¹⁴ [Gwagnini A.] Kronika Samarceyey Europejskiej w której się zamyka Królestwo Polskie ze wszystkimi Państwami Xięstwami y Prowincjami swemi ... przez Alexandra Gwagnina z Werony... Pierwey roku 1578. po Łacinie wydana. A teraziaż z przyczyniem tych Krolów, których w Łacinskiej niemasz : ...a przez Marcina Pażowskiego za staraniem Autorowym z Łacinskiego na Polskie przelożona. Kraków, 1611.

¹⁵ [Gwagnini A.] *Sarmatiae Europaeae Descriptio*... 1578. Fol. 43.

побежденный. Но подобная расстановка акцентов нужна Гваньини для объяснения последующей истории. В 1558 г. великий князь Московский вторгается войной в Дерптскую область. Король с благочестивыми намерениями и вступил в войну для защиты Ливонии. А Иван IV, нечестивец, в дни перед Великим Постом напал на Полоцк с 300 000-й армией, взял его и всю злодействовал, некрещеных евреев топил в Двине. Были отпущены только польские наемники. Примечательно, что Гваньини называет неверную дату — 23 февраля 1562 г. ее происхождение непонятно, так как на самом деле Полоцк пал 15 февраля 1563 г. Итальянский хронист перепутал и день, и год¹⁶.

Далее Гваньини немногим более подробно повествует о разгроме в 1564 г. русских войск под Улой¹⁷, победе в том же 1564 г. витебского воеводы Станислава Паца под Озерищем над войском Юрия (у Гваньини — Георгия) Томакова¹⁸. Под 1567 г. Гваньини перечисляет боевые столкновения под Ситной и Витебском, под 1568 г. описывает сбор королевской армии под Радошковичами, военную деятельность Романа Сангушко, боевые столкновения под Витебском¹⁹. В таком духе, с перечислением дипломатических контактов и боевых конфликтов, зачастую прямо или опосредованно связанных с Витебском (где служил Гваньини), составляется дальнейшее повествование до смерти Сигизмунда II Августа²⁰.

Таким образом, Ливонская война, по Гваньини, составила основное содержание правления этого монарха. При этом схема изложения ее истории стереотипна. Польша ввязывается в войну, благородно вступившись за Ливонию, злодейский Московит мстит ей за благородство кровавым взятием Полоцка — на что Польша отвечает целым рядом побед разного масштаба. Их перечисление создает у читателя впечатление, что война в 1560 – нач. 1570-х гг. шла для Короны исключительно победоносно, Московит терпел поражение за поражением и вот-вот должен был наступить полный триумф. Как известно, в действительности дело обстояло совершенно иначе.

Далее хронист переходит к описанию польского бескорольевя по пресечении династии Ягеллонов в 1572 г. Он считает бескорольеве девятым в истории Польши. Описание событий сделано достаточно подробно, явно с использованием документов (например, чина коронации Генриха)²¹. На этом заканчивается историческая часть в издании 1578 г. На л. 52 об.–56 об. помещено описание обрядов коронации «старых» польских королей. Далее идет описание земель Королевства Польского.

В издании 1584 г. описания древних обрядов коронации здесь нет²², зато помещено несколько панегирических текстов в честь Генриха Валуа, отсутствующих в издании 1578 г.²³. Затем помещено сочинение о Польше Иоанна Ласицкого 1577 г.²⁴. Далее сле-

¹⁶ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 43; [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 130.

¹⁷ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 43 v.; [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 130–131.

¹⁸ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 43 v.; [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 131–132.

¹⁹ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 44–44 v.; [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 132–133.

²⁰ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 44 v.–45; [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 134–135.

²¹ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 45–52.

²² Оно включено после многочисленных вставок о победах польского оружия: [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 274–291. После него автор компиляции помещает описание Великого княжества Литовского.

²³ Ibid. P. 160–185.

²⁴ Ibid. 1584. P. 186–211.

дует описание взятия Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г. (с публикацией декретов Батория)²⁵ и Великих Лук²⁶. Завершается раздел похвалой Баторию за победы над москвитями в 1579–1580 гг. Кристофора Варшевицкого²⁷. Ливония как «новое управление» польского короля Стефана²⁸ описывается далее.

К теме захватов Ивана IV Гваньини обращается при описании Ливонии, «которая раздроблена» между Московией и Швецией. Он говорит о продолжающейся оккупации Россией Дерптской области, которую в 1558 г. захватил великий князь московский. Сигизмунд II Август занял области, прилежавшие к Риге, шведский король — Ревель, датский принц Магнус — остров Эзель²⁹. Захваты и нападения москвитов упоминаются и в дальнейшем при описании конкретных замков и местностей, но информация краткая и не несущая каких-то примечательных оценок. Повествование Гваньини здесь достаточно стандартно.

Отдельным параграфом Гваньини описывает «войну коадьюторов» 1556 г., которую он изображает как конфликт магистра и польского короля. В основе столкновения лежит религиозный вопрос, неприятие магистром намерений Вильгельма Рижского. Фюрстенберг в союзе с остальными ливонскими епископами и дворянством напал на Вильгельма. Архиепископ занял оборону в Кокенгаузе, но сдался на восьмой день осады. Фюрстенберг начал совершенно неприличные репрессии и гонения на близкое к Вильгельму духовенство и дворянство, их представители жалуются королю Сигизмунду. Он озабочен, тут Фюрстенберг подтвердил свою злобредность — его сторонники убили польского посла. Король сначала пытался привести магистра в чувство мирными переговорами, но в 1557 г. по решению сейма собрал войско и двинулся на Ливонию. Магистр испугался, от страха у него обмерло сердце. Сигизмунд изображен в высшей степени благородным и мудрым правителем, не желающим пролития невинной крови, усмиряющим безумства несправедливого магистра, принимающего посредничество послов императора Священной Римской империи и т.д. Затем довольно подробно излагаются условия Позвольского соглашения³⁰. Из концовки текста у читателя складывается впечатление о подчинении магистра воле короля уже в 1557 г. Поэтому его вмешательство в конфликт из-за Ливонии в 1558 г. под пером Гваньини выглядит абсолютно легитимным, благородным и необходимым.

В разделе «О Московии» хронист уделяет мало внимания собственно Ливонской войне. Поскольку основное повествование посвящено конструированию облика «Московского тирана», он о ней вспоминает эпизодически. В рассказе о землях «Княжества Новгорода Великого» он вспоминает об Ивангороде и взятии Иваном IV Нарвы, которое «отодвинуло границы» России³¹. Опять неверно Гваньини датирует взятие Полоцка — на этот раз 1560 г., причем от этого события он ведет отсчет «начала тирании» московского государя, которому победа ударила в голову и «он очень возгордился»³². В разделе содержится рассказ о погроме опричниками Нарвы в 1570 г.³³

²⁵ [Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 212–249.

²⁶ Ibid. P. 249–254. К теме походов Батория Гваньини (или автор компиляции) возвращается и в дальнейшем, ср. P. 357–364.

²⁷ Ibid. P. 255–273.

²⁸ Ibid. P. 346.

²⁹ [Guagnini A.] Sarmatiae Europaeae Descriptio... 1578. Fol. 2.

³⁰ Ibid. Fol. 8–9.

³¹ Гваньини А. Описание Московии. С. 37.

³² Там же. С. 95. В рассказе о территориях Литвы Гваньини приводит дату взятия Полоцка Иваном IV — 1562 г. ([Guagnini A.] Sarmatiae Europaeae Descriptio... 1578. Fol. 27 v.). Зато дата взятия Полоцка Стефаном Баторием — 1579 г. — приводится правильно ([Guagnini A.] Rerum Polonicarum... 1584. P. 86).

³³ Гваньини А. Описание Московии. С. 115.

Витебский комендант, как ни странно, демонстрирует слабую осведомленность о событиях (или «забывает» о них в угоду красивым легендам). Казалось бы, ему не мог остаться неизвестным такой яркий эпизод, как гибель Малюты Скуратова при штурме Пайды в 1573 г. с последующим сожжением Иваном Грозным живьем немецких солдат гарнизона в качестве мести за любимца. Но Гваньини воспроизводит совсем другую легенду — об убийстве Малюты в тверской тюрьме 1570 г. пленными татарами, которые решили дорого продать свои жизни и напали на тюремщиков с ножами. Малюте «...пропорол живот, так что вытекли внутренности». 19 бунтовщиков были усмирены только специальной командой из 500 лучников и пищальников, которые просто расстреляли их с безопасного расстояния³⁴. Убийства заключенных — вообще любимый сюжет Гваньини. Он помещает пространный рассказ о злодейских казнях пленных литовцев в московских тюрьмах в качестве мести Ивана Грозного за взятие Изборска А. Полубенским в 1569 г.³⁵.

Взгляды Гваньини на трактовку Ливонской войны можно обобщить следующим образом (в данном случае не углубляясь в вопрос, насколько это взгляды Гваньини, насколько — Стрыйковского и др. компиляторов). Он во многом заложил основы польского историографического мифа о Ливонской войне, создав ее стройную рамочную концепцию: Ливония есть легитимное владение Короны, Польша вступила в войну за Ливонию из законных и благородных побуждений, за это была наказана агрессией Москвы и потерей Полоцка, но затем выправилась, одерживала победу за победой, в конце концов вернула Полоцк и обрушилась на Московию во всем блеске и величии военного гения короля Стефана Батория. При этом акцент делается на победных походах (на Полоцк и Великие Луки), об осаде Пскова говорится скороговоркой или вообще не говорится. Зато подчеркивается переход Риги под власть Короны, который преподносится как результат военных успехов Стефана. Все «Инфлянты», кроме шведской территории, стали подвластными Польше.

Ливония изображается как богатая, христианская, цивилизованная страна, запутавшаяся в религиозном вопросе, борьбе католиков и протестантов, а также в междоусобных распрях ландсгерров. Переход под власть Короны для нее несомненное благо, спасение. Этот переход — сугубо добровольен, даже инициирован частью ливонского общества, а противники его суть злодеи и преступники. Московия — грубая, варварская сила, агрессивность которой вытекает из внутренней русской тирании и нецивилизованности и во многом связана с персоной Ивана IV, жестокого деспота и кровопийцы.

В области этногенетических легенд Гваньини придерживается теории о происхождении русских от сарматов-роксолан, древних обитателей берегов Танаиса и Меотидских болот. Но, что интересно, под русскими — потомками роксолан он понимает исключительно население Львовщины, Галиции и русских областей Прикарпатья. Претензии Великого князя Московского на титул «вся Руси» означают как раз стремления захватить эти земли, «всю Русь», хотя это законные владения Короны³⁶. Сами же московиты, хотя и являются славянским народом, потомком «Мошка», брата Иафета, по меткому замечанию Д. В. Карнаухова, «не удостоены “собственной” генеалогии»³⁷.

Вообще взгляды Гваньини по данному вопросу довольно эклектичны и недооформлены³⁸, но стоит подчеркнуть следующее: из его сочинения исчез полоноцентричный взгляд на Восточную Европу. Она уже не предстает историческим придатком и куль-

³⁴ Там же. С. 120–121.

³⁵ Там же. С. 129–130.

³⁶ [Gwagnini A.] Sarmatiae Europae Descriptio... 1578. Fol. 70.

³⁷ Карнаухов Д. В. История русских земель... С. 175.

³⁸ Ср.: Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси... С. 84–85.

турным полигоном Польши, как у Длугоша, Кромера и Бельского. Подробнейшие описания Великого княжества Литовского, Пруссии, Ливонии, Московии, Татарии, ничуть не уступающие «хорографии» Королевства Польского, демонстрируют все разнообразие народов региона, разноплановость их происхождения (например, литовцев Гваньини выводит от кимров) и исторического пути. И в этом росте внимания к русским, литовцам, татарам и другим народам Восточной Европы, признание за ними исторической специфики и «своего пути» — несомненное влияние Ливонской войны.

Начало польского триумфализма: прославление победы под Венденом.

Баторий с первых лет своего правления рассматривал пропаганду как действенное оружие политической борьбы. В 1577 г., во время Гданьского кризиса, звучали обвинения, что новый король Речи Посполитой является тайным сторонником турок. Баторий действовал умно — он не стал ничего опровергать, зато после победы над турками под Любешовом 17 апреля 1577 г. по его приказу была выпущена газета «Clades Dantiscana»³⁹. В данном тексте была опробована схема, характерная для последующих пропагандистских текстов времени Стефана Батория: в нем говорилось, как 2007 жолнеров под командованием Ганса Винкельбрука (Winckelbruk) разгромили 13 000 турок, потеряв при этом 62 человека убитыми и 130 ранеными. Зато 1000 турок попало в плен, было захвачено также 6 хоругвей, 150 возов с добром и множество доспехов. Данное сочинение быстро было переведено на немецкий язык и в 1577–1579 гг. несколько раз издавалось в Европе⁴⁰. Помимо прославления собственных подвигов для Батория было важно приобретение имиджа борца с мусульманством, защитника «христианского мира», что в значительной степени ему удалось.

Кроме того, нужно было преодолеть нежелание шляхты воевать и поднять ее на борьбу с москвитями. Знать Великого княжества Литовского не хотела идти на войну по двум причинам. Во-первых, до сих пор она проигрывала противостояние с противником, и ей совсем не хотелось бесславно погибнуть, претерпевая поражение за поражением. Во-вторых, сама система отношений между землевладельцами, когда всюю практиковались нападения, своз крестьян, угон скота, захват чужих имений, не располагала панов к оставлению своих владений надолго. Можно было потерять слишком многое. Феодалы предпочитали сидеть в имении и оборонять его от appetитов соседей, а оборона государства от внешнего врага оказывалась второстепенным делом. Известен скандальный эпизод, когда после захвата Полоцка Иваном Грозным в 1563 г. русская конница вышла на виленский тракт и возникла угроза самому существованию Великого княжества Литовского. Отечество было воистину в опасности, но король Сигизмунд II Август не смог собрать «посполитое рушение». Шляхтичи в своей массе не пожелали оставлять имения. Великому княжеству Литовскому сильно повезло, что царь Иван Грозный на самом деле был не таким агрессором, каким его рисовали «летучие листки», и Вильно завоевывать не собирался...

Поскольку оправдывать свое поведение эгоизмом и страхом за свой кошелек было бы неприлично, под пацифистские настроения подводились высокоморальные обоснования, что мир лучше войны и т.д. Лаврентий Крышковский в 1564 г. в изданном в Несвиже сочинении «Разговоры Св. Юстина» писал, что Бог создал железо не для того, чтобы делать из него мечи и копья, но для изготовления кос, топоров и лемехов. Андрей Волян в поэме «Про политическую и гражданскую свободу» писал, что война

³⁹ Clades Dantiscana 17 Aprilis anno 1577. Poznań, 1577.

⁴⁰ Обзор изданий см.: Zawadzki K. Gazety ulotne polsky... S. 29, 34. Nr. 120, 137.

является причиной порабощения людей. В 1599 г. Беньаш Будный скажет, что убийство человека, даже на войне — это не подвиг, подвиг — вернуть ему жизнь. Франтишек Градовский, воспевая победы Криштофа Радзивилла в Ливонской войне, жаловался, что для него непривычно славить войну: он привык петь гимны миру⁴¹. Недаром темой для воспевания деяний шляхтичей были не только воинские подвиги, но и... исполнение миротворческих миссий в посольствах в Московию (сочинение Иоанна Милиуса (Мылия) о посольстве Ю. Ходкевича к Ивану Грозному в 1563 г., поэма Г. Пельгримовского «Посольство до великого князя московского»)⁴².

Аристократия Речи Посполитой признавала право на ведение только одной войны — справедливой, оборонительной, по защите Отчизны. Об этом ярко написал Семен Будный в своем несвижском «Катехизисе» в 1562 г.:

«Да ведже не кажное войны христианин служити можеть, бо часто война бываеъ несправедлива. Яко коли тыран или мучитель какой гордый, не переставаячи на своем панстве, чужие города, князства или земли силою забираеъ, таковое войны служити христианину не годитьсѧ, бо таковая война ест разбой. А кто бы тамо человека, хотя жь не христианина, убил, вредил або обидил, той противу шестому слову божьему убийство пополнил. <...> Опять справедливая война ест, коли не для гордости, не для лакомства, але для обороны пределов своих король или княз оружие противу врагом своим беретъ, атпераючи им, абы подданных его не мордовали, не вязали, в полон не гнали, женам и девицам насилия не чинили, церкви не потребили, детей не споганили або не побили, градов не спустошили, учителей не разгонили и всякого чину доброго не помешали. С тых причин, — а на таковых людей слушная бываеъ война, — можеть ее христианин з доброю совестию служити»⁴³.

Эти настроения нужно было перебить, сподвигнуть шляхту на московский поход, доказать, что война на русской территории не противоречит моральным императивам Речи Посполитой. Для этого была нужна именно интенсивная пропаганда. С одной стороны, — соблазнительное для шляхетского уха восхваление побед, подвигов, доблести, военной добычи, такое изображение войны, чтобы в ней захотелось бы поучаствовать, чтобы вернуться прославленным героем и с богатой добычей. С другой — надо было, чтобы воины уверовали в свою высокую миссию «последнего оплота христианства», чтобы гнали схизматиков не как просто противников, а громили их как исчадий ада, грешников, еретиков, почти что турок, слуг тирана. Чтобы войско Речи Посполитой осознавало себя спасителем Европы и «христианского мира» от новых варваров с Востока. При такой постановке вопроса пацифистский и «оборонительный» дискурсы бледнели и отходили на второй план. При этом мало заботились даже о малейшем правдоподобии. С. Пиотровский свидетельствует, что литовский контингент в войске Батория в 1581 г. распространял слух, будто бы русские в походе под Могилев сожгли 2000 деревень⁴⁴. Какие злодеи! Вопрос о том, откуда в пригороде Могилева взяться двум тысячам деревень, даже не ставился...

Именно в силу необходимости решения вышеобозначенных задач Стефан Баторий уделял такое колоссальное внимание пропаганде. Как уже говорилось, за четыре года Московской войны (1579–1582) вышло больше газет, «летучих листков», панегириков и других печатных материалов, чем за все предыдущие балтийские войны начиная

⁴¹ Цит. по: Ковалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск, 2010. С. 21.

⁴² Там же. С. 109.

⁴³ Цит. по: Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – начала XIX в. Минск, 1962. С. 58.

⁴⁴ Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) / Пер. О. Н. Милевского. Псков, 1882. С. 34.

с 1556 г., то есть за 23 года! Антимосковская пропаганда Батория впервые полномасштабно развернулась в связи с взятием польскими войсками Вендена в 1578 г.

2 июня 1578 г. в Литву прибыло русское посольство во главе с Тверским дворецким М. Д. Карповым, казначеем П. И. Головиным и дьяком К. Г. Грамотиным. Оно должно было подтвердить перемирие, подписанное в 1578 г. в Москве литовским послом С. Крыским, закрепить русский вариант договора, который считался единственно правильным. В случае, если этому будут препятствовать территориальные споры, предписывалось утвердить грамоту «в принципе», а на спорные рубежи послать специальных «судей»⁴⁵.

Особое внимание в инструкциях Карпову уделялось имиджу Ивана IV и державы. Прежде всего, это был наболевший вопрос о царском титуле. На него было велено отвечать:

«То государю вашему и вам всем ведомо: и что государю нашему Бог дал, и то хто у него может взяти? Братья государя нашего родные: салтан турецкой и цесарь хрестьянской, великие государи. И те пишут ко государю нашему по докончанию по прежнему царем и великим князем»⁴⁶.

Послам предстояло нейтрализовать те обвинения несправедливого поведения Ивана Грозного, которые распространяли за границей русские политэмигранты: Андрей Курбский, Тимоха Тетерин и др. На вопросы, правда ли, что царь Иван отличается злым нравом и чинит несправедливые репрессии и гонения, надлежало говорить:

«Да волен государь в своих людех, добрых государь жалует, а лихих казнит. А делитца Государь с кем? А и во всех государствах тому быти пригоже, добрых государю жаловат(ь), а лихих казнити. Те у вас слова панов от нашего государя изменников, что затеют и вас лжею оболстят, и вы тому верите, а ставите такие безделные слова все в дело»⁴⁷.

Поскольку до Речи Посполитой дошли сведения о казнях представителей рода Старицких князей, Карпову поручалось на это заявить: «Володимерь был с матерью, учал умышляти над его государьскими детьми всякое лихо, хотел гсударя и его гсударьских детей спортити, да воры из бояр к ним пристали, и государь наш сыскал и потому тако учинил»⁴⁸.

Русскую дипломатию беспокоило, что отъезды царя в Александрову слободу будут за границей восприняты как возобновление опричнины. Также было необходимо опровергнуть слухи, будто бы «государь ставит по городам дворь». Послу было велено сказать, что государь устраивает загородную резиденцию «для своих прохладов, потому что весенюю пору на Москве государю не прохладно жити»⁴⁹.

Судьба посольства Карпова — Головина оказалась крайне неудачной. Прежде всего, изменился политический контекст. Если в марте 1578 г. Стефан еще искал мира с Россией, то уже 28 апреля он выступил с обращением к епископам, князьям и сенаторам Великого княжества Литовского. В нем он обвинял Грозного в присвоении царского титула и в претензиях «быть дедичем» и над Коронай Польской, и над Великим княжеством Литовским. Обвинение явно вымышленное, поскольку столь далеко амбиции Ивана не простирались. Но оно сработало. Тем более что данную

⁴⁵ Наказ посольству М. Д. Карпова и П. И. Головина, 1578 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 415, 441 об., 447 об., 453 об.

⁴⁶ Там же. Л. 466 об.

⁴⁷ Там же. Л. 444 об.–445.

⁴⁸ Там же. Л. 457.

⁴⁹ Там же. Л. 454 об., 456 об.

претензию Стефан увязывал с узурпацией царского титула, а это для русского правителя был действительно актуальный вопрос. В качестве подтверждения кровожадной и захватнической сути Московита приводилось нападение на Ливонию⁵⁰ — и портрет врага был готов. Ясно, что в контексте подобной политической установки рассчитывать на успех дипломатов было бы наивным.

Более полугодом посольство продержали в разных городах: Слониме, Львове и др. Послы искали встречи со Стефаном, но каждый раз по приезде в новый город им сообщали, что короля здесь нет, но вот в следующем пункте маршрута он их встретит непременно. В ходе этих мытарств в Люблине 4 сентября 1578 г. умер глава миссии М. Д. Карпов⁵¹. Паны в переписке так прокомментировали его смерть: «Из послов Московских один недавно умер в Люблине, жаль, что не сам князь в Москве»⁵².

На пути следования русские дворяне собирали сведения об обстановке в Речи Посполитой. Послы интересовались, как к Стефану обращались другие государи, им был важен международный прецедент: Они узнали, что французские дипломаты сперва звали Стефана «староста коруны польские и великого княжества литовского», а вовсе не королем⁵³. Послы также собрали свидетельства, что «у литовских панов с польскими панами великая нелюбовь», поскольку литовцы поддерживали при элекции «цесарева сына» и Ивана IV, а поляки — Батория. В подавлении Гданьского мятежа участвовали в основном представители польской шляхты, а литовские дворяне поддержали их весьма слабо⁵⁴. Во многом это было обусловлено тем, что турецкий султан присылал свои рекомендации — избрать Батория «за приятеля»⁵⁵.

По пути в Польшу в г. Мстибогове русские послы говорили с пленными — Афанасием Рязановым и Иваном Мунзориным, попавшими в руки литовцев во время боев в Ливонии. Они сообщили слух, что «Стефан король с Полши поехал проч(ь), не хотя быти на королевстве, и паны, деи, ево полские не пустили». Они также рассказали, что паны литовские не хотят воевать за Ливонию и чуть ли не отзывают оттуда свои войска⁵⁶.

Однако надежды, пробужденные этими сведениями, развеялись в дым от грохота артиллерийского салюта с крепостных стен г. Уряндова 10 ноября 1578 г. На вопрос послов, по какому случаю праздник, они услышали ошеломляющее: «мы под Кесью разбили русских и хвалу Богу воздаем». Московские дипломаты отказывались верить, ссылались на то, что между Россией и Речью Посполитой перемирие, скрепленное крестоцелованием. Но им с гордостью называли раздутые цифры потерь армии Ивана Грозного: 6000 татар, 4000 стрельцов, «ездового люду» и посохи 12 000⁵⁷.

⁵⁰ List Stefana Batoroego do Biskupów, Kniazów i senatorów W. Ks. Litewskiego, 28 kwietnia 1578 r. // ANP. T. XI. S. 101–103. Nr. LXXXIII.

⁵¹ Отчет посольства П. И. Головина, 1579 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 26 об.–32 об.

⁵² List od jednego przyjaciela od dworu do p. Marszałka koronnego, 10 września 1578 r. // ANP. T. IX. S. 136. Nr. XCVII.

⁵³ Отчет посольства П. И. Головина, 1579 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 109.

⁵⁴ Там же. Л. 114.

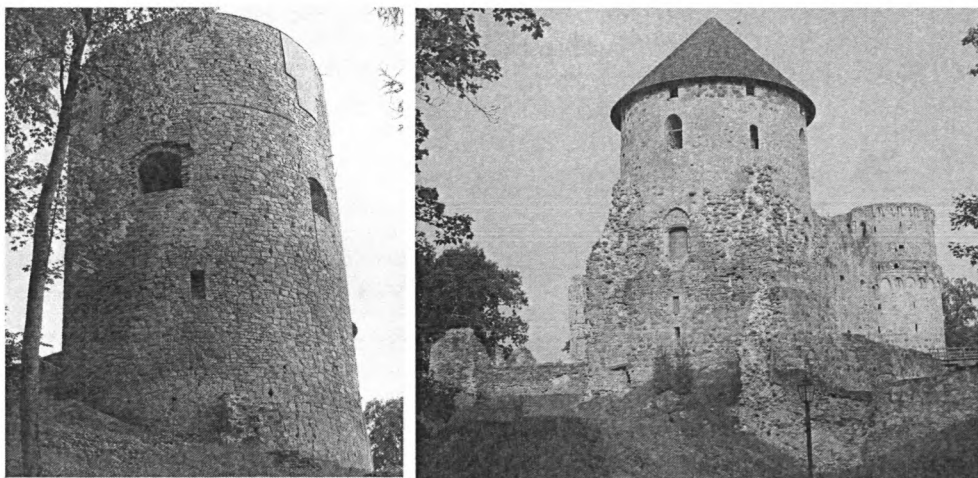
⁵⁵ Там же. Л. 110 об.–111 об. Дружба с султаном считалась компрометирующим для Батория обстоятельством и в Священной Римской империи. Послание из Варшавы саксонскому курфюрсту от 12 февраля 1577 г. фиксирует слух, будто бы Стефан специальным посольством разрешил свободный проход турецким войскам по территории Речи Посполитой вплоть до Балтийского моря (*Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland...* S. 141).

⁵⁶ Отчет посольства П. И. Головина, 1579 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 119 об.–120 об.

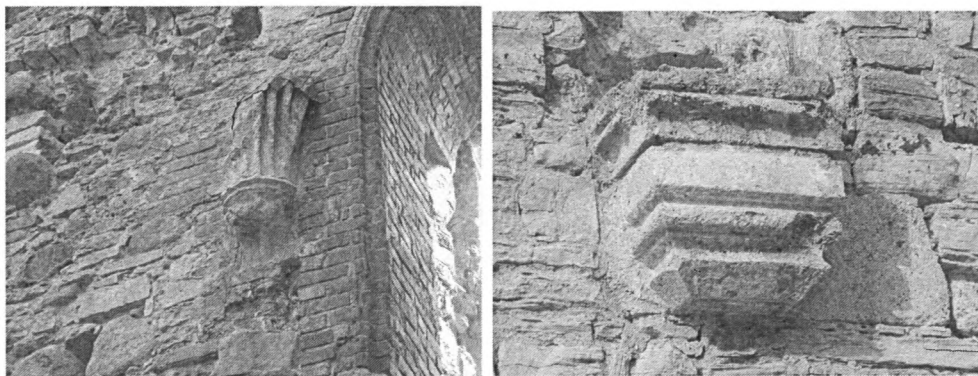
⁵⁷ Там же. Л. 39–40.

Неудачные бои под Венденом были непрекращающимся кошмаром русской армии весь 1578 г. Собственно говоря, удар на Венден был задуман в качестве московского ответа на потерю Динабурга и Вендена в ноябре 1577 г. В феврале 1578 г. состоялся первый поход, войска четыре недели безрезультатно простояли под стенами крепости и отступили. 27 июня полки вновь выступили к Вендену, но по неясной причине (в документах говорится, что «воеводы замешкались») до него просто не дошли. В октябре 1578 г. состоялась третья, пятидневная осада Вендена. Сперва успех способствовал русским — артиллерия пробила пролом в крепостных укреплениях. Но потом на помощь гарнизону подошли крупные силы: литовцы Андрея Сапеги, поляки Матвея Дембинского, ливонцы Николая Корфа, шведы Георга Бойе. Они провели успешную конную атаку. Русский строй сломался, первыми бежали татары. Войска Ивана IV отступили в осадный лагерь, который противник взял штурмом на следующее утро.

Погибли командиры — боярин В. А. Сицкий, окольный В. Ф. Воронцов. В плен попали высокопоставленные чины — окольный П. И. Татев, князь П. И. Хворости-

Башни замка Венден (совр. Цесис в Латвии). Совр. фото (2010 г.).

Остатки белокаменных капителей, украшавших дворец и другие постройки замка Венден. Совр. фото (2010 г.).

нин, дьяк А. Клобуков. Сумели спастись бегством только боярин И. Ю. Голицын и дьяк А. Я. Щелкалов. Русские потеряли более 30 орудий.

Победа под Венденом была воспринята в Речи Посполитой как знак перелома, грядущих побед: «... это известие принесло с собою как бы предзнаменование о ходе всей войны»⁵⁸. Европа откликнулась на нее «летучими листками», славящими победу польского оружия над «ужасным сверхтираном». Они пошли в Европу из Польши через германские города. Названия говорят сами за себя: «Новое известие о великолепной победе польских, шведских и немецких воинских людей под Венденом в Лифляндии в настоящем 1578 году...»⁵⁹, «Московитское поражение и осада города Вендена...»⁶⁰. Примечательно, что известия о поражении москвитов под Венденом в «летучих листках» объединялись с рассказом о «падении» турок (конфликте с Персией) под заголовком «хорошая счастливая новость»⁶¹.

Рассказ о победе под Венденом начинается с создания страшного образа врага-москвиты:

«Известно всем, какую бесчеловечную жестокость, какие бедствия и скорбь еще недавно испытали от московского тирана города, крепости, с еления, которые он покорил своему ужасному владычеству, но в особенности, к сожалению, очевидно, как отвратительный неприятель в год тому назад поступал в Лифляндия,

Титульный лист «летучего листка», в котором новость о взятии поляками Вендена и поражении русских объединялась с рассказом о поражении турок от персов.

⁵⁸ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 35.

⁵⁹ Neue Zeitung. Vonn der herrlichen victori und Sieg welchen die Polnischen Schwedischen unnd Deutschen Kriegsleut für der Stadt Wenden in Lyfflandt in diesem 1578. Jar wieder den schrecklichen Feind und Ertztyrannen den Moscoviter In eröberung jhrer Schantz und auffschlagung jres Eagers durch sonderliche Verleihung des lieben Allmechtigen mit wenigem Volck am 21. tag des Monats octobris manlich erhalten. Dantzick, 1578 (листок описан: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 256; Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 35. Nr. 140; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 76; Mund S. Orbis Russiarum... P. 343).

⁶⁰ Moscovische Niederlag und Belegerung der Statt Wenden. Kurtze und ordenliche beschreibung jüngster belegerung der Herrlichen und grossen Handelstatt Wenden in Liffland gelegen wie solche der Moscovitter mit 28000. Mann betragt unablässigen schiessen uffs eusserste geengtet und gar zum stürm beschossen doch endtlich von den Schwedischen und Polnischen den 23. Septembris nechst verflussner zeit umb 1. uhr nach mittag entsetzt die Moscovitter übereilt mit ernst in sie gefallen etlich tausent darunter Fürsten Boiarn und Herrn erschlagen und gefangen alles Geschütz Proviand und Munition gross schätz werth erobert das Feld mit sieghafter hand behalten und den Rest mit grossem ernst in die flucht getriben. Nürnberg, 1579 (листок описан: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 256; Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 37. Nr. 148; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 77; Mund S. Orbis Russiarum... P. 343). Русский перевод: Оболенский К. М. Поражение москвитян и осада Вендена в 1579 году // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. С. 1–6.

⁶¹ Такое издание указано: Gute gluckliche Newzeitung: Und ware Beschreibung von der jetzigen Turckischen Niederlag (...) Sampt angehengten Bericht der Niederlag dess Moscovitters vor der herrlichen Handelstatt Wenden in Liffland gelegen... Nuremberg, 1579 (Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 36. Nr. 146; Mund S. Orbis Russiarum... P. 343).

но только разоряя в той стране крепости, города и замки, но даже не соглашаясь никого щадить, как бесчеловечно и ннизко проявлял он свой тиранский гнев без всякого различия над полководцами, над лицами благородными, над знатными воинами, над особами духовными, женщинами и девицами, даже над малыми невинными детьми, приказывая их рубить на куски, четвертовать, втыкать на колья, раздирать лошадьми, сдирать с них кожу, равно как мучить другими ужасными способами и насиловать женщин и девиц»⁶².

28 000 москвитов осадили несчастный Венден, в котором было всего 1500 защитников, и начали уничтожать город артиллерийским огнем. Но 23 сентября 1578 г. совместный героический удар польских и шведских войск на осадные укрепления русских оказался успешным. Было убито 6000 москвитов, захвачено 24 орудия, множество пленных.

Победа под Венденом богоугодна. В листках неоднократно говорится, что это дело Божье, а не человеческое: со столь малыми силами победить многотысячное войско неприятеля⁶³. Цитируется 119-й псалом по Лютеровской Библии (стих 137: «*Neig, du bist gerecht, und dein Wort ist recht*», в русском варианте это *Пс. 118: 137*: «*Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои*»). Псалом посвящен воскресению души, которая повержена в прах, истомилась ожиданием праведного Господнего суда, возрождается соблюдением Божьих заповедей — и к ней приходят милости и благодать, и ею овладевает ужас при виде нечестивых, не соблюдающих закон Божий. Душу окружали сети нечестивых, но молитвой и праведностью она от них спаслась. Повержение в прах души было правильным, Господь наказал ее за грехи, но она покаялась, встала на праведных путь и теперь возрождается, а ее враги повержены праведным Божьим судом. Контрнаступление антирусской коалиции, начало изгнания москвитов из Ливонии, триумф польского оружия воспринимались в 1578 г. именно в этом идеологическом контексте.

«Венденские» листки дали свой изобразительный ряд, весьма примечательный. На титуле издания, объединявшем рассказы о поражении турок и москвитов, был изображен, естественно, турок — тем самым в умы читателей и текстуально, и визуально закладывалась мысль о тождественности москвитов и турок. На одном из листов очень подробно изображена осада европейского города с применением осадных укреплений и артиллерии.

В другом листке на титуле изображен москвит в защитном снаряжении (тигиляе?),

Титульный лист «летучего листка» с изображением осады Вендена, 1578 г.

⁶² Цит. по: *Оболенский К. М. Поражение москвитян... С. 3.*

⁶³ «Слава и честь всемогущему и всеблагому Богу, который, без всякого сомнения, как милосердный Отец, ниспослал для этой победы свою милость, благословение, силу и святых своих ангелов, дабы столь ужасного неприятеля хотя сколько нибудь ослабить и милостиво избавить многа сегоущия и сокрушенныя сердца от тех ужасных мучений, каким он подвергает несчастных своих побежденных» (*Оболенский К. М. Поражение москвитян... С. 4.*)

на заднем плане — видимо, тоже москвит (судя по одежде), повисший на руках на орудии, и противник наносит ему удар топором. Рисунок примечательный, поскольку с известия Р. Гейденштейна пошла гулять легенда, что русские пушкари под Венденом, не желая сдаваться врагу, повесились на собственных орудиях. Хотя на рисунке изображен не повесившийся пушкарь, а один из двух начальников наряда: согласно тому же Гейденштейну, командиры русской артиллерии, видя, что дело проиграно, не пустились в бегство, а обхватили руками стволы орудий и оставались в обнимку с ними до тех пор, пока их не пленили. Этим они как бы продемонстрировали верность своему государю, что они не бежали, но до последнего защищали пушки⁶⁴. Судя по неоднократным упоминаниям, такой (или подобный) эпизод, действительно имел место под Венденом раз он произвел такое впечатление на современников.

В том же нюрнбергском листке 1579 г. была использована гравюра с изображением московского дьяка Афанасия Монастырева из серии иллюстраций о русском посольстве в империю в 1576 г. Но если в 1576 г. она носила позитивно-ознакомительный характер, то теперь тот же самый рисунок тиражировался как изображение пленного дьяка Андрея Клобукова. Издателей не смущало, что на гравюре изображен не в коем случае не несчастный пленный, а москвит в парадных одеждах, преподносящий послание Ивана IV, свернутое в большой квадратный сверток с большой печатью сверху. Но, думается, заимствование гравюры здесь было отнюдь не механическим. Нюрнбергский издатель Леонард Хойсслер (Leonard Heussler), на наш взгляд, печатая под разными заголовками одну и ту же гравюру спустя всего три года, как бы зачеркивал позитивный ряд изображения москвитов 1576 г.: вот такой дьяк к нам приезжал, когда мы чуть не стали друзьями, но вот теперь он же — наш поверженный враг. Из изданий 1576 г. в нюрнбергском листке 1579 г. также было взято «косматое» изображение Ивана Грозного.

Венденская победа положила начало контрастному пленению на Россию, а ее освещение оказалось первым отблеском польского триумфализма, в духе которого будут освещаться события 1579–1582 гг. Изменению характера войны была посвящена брошюра Франтишека Гослава (Franciszek Goslaw) «Война против Московитов, обращение к рыцарям польским», вышедшая в Познани в 1578 г. (хотя сам текст в ней датирован апрелем 1577 г.). Издание было посвящено Станиславу Горке (Stanislaw Gorka) из Познани. Автор рассуждает о необходимости защиты государства, о долге подданных, о законе, обороне и справедливости. Он перечисляет потери, которые принесли «христианской республике» (Repub. Christianorum) москвиты⁶⁵: Смоленское, Новгородское и Северское княжества (Ducatus), говорит об агрессии против «молящих о помощи» ливонцев. Надо остановить тирана, который хочет захватить всю Ливонию и оккупировать Великое княжество Литовское. Целью

Русский ратник под Венденом, на заднем плане — русский пушкарь у своего орудия в момент взятия в плен. С «летучего листка» из Нюрнберга, 1579 г.

⁶⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. С. 35–36.

⁶⁵ Goslaw F. De bello adversus Moschoſ ad equites Polonos oratio. Poznan, 1578. F. A. iij v. (Издание упомянуто: Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 75; Mund S. Orbis Russiarum... P. 352).

войны объявлены также экономические устремления Польши: выгодная торговля, достижение портов на берегах Балтийского моря. Московская тема обсуждается вместе с турецкой⁶⁶. Франтишек Гослав апеллирует к древней истории Польши (упомягая Мешко, Болеслава и других королей) и говорит, что потеря мужества приводит к падению государства — так пусть рыцари проявят это мужество перед лицом тирана-Московита⁶⁷. Московия характеризуется как *Imperium Moschouitarum*, чьи владения угрожающе простираются от Каспия до Северного океана⁶⁸ (здесь уместно вспомнить географическо-цивилизационное деление «Юг-Север» в космографических представлениях XVI в., о котором говорилось выше, и отнесение Московии к «Северным варварствам»). Гослав рассуждает о проблеме «Азия против Европы» и видит угрозу Европе именно в наступлении Севера и воздействии Азии. «Христианская республика» и ее рыцари должны встать на пути этого кошмара, который несут народам московиты. Это будет угодно Богу. Повествование не обходится без эсхатологических мотивов, упоминания Гога и Магога⁶⁹. Гослав цитирует Псалтырь: «Поддай нам помощь в тесноте, ибо защита человеческая суетна» (*Пс. 59: 13*, в издании указана как цитата из *Пс. 60*), но в Вульгате это *Ps. 59: 13*: «...da nobis auxilium in tribulatione vana est enim salus ab homine»). Совпадений в Вульгате со второй цитатой, которая указана как цитата из 31-го Псалма, обнаружить не удалось⁷⁰.

Данный пропагандистский текст показывает, что уже в 1577 г. в отдельных местностях Речи Посполитой началась идеологическая подготовка контрудара, контрнаступления на Россию. Эта война расценивалась как выгодная для усиления Польши, как своеобразный моральный и политический долг ее рыцарства, отстаивающего свои права и свободы, и как определенная культурно-цивилизационная миссия, как часть общеевропейского противостояния варварам, мусульманам, туркам, даже Гогу и Магогу. Войну с Московией вписывали именно в этот контекст. В 1577 г. познанский призыв оказался не востребуемым — Стефан Баторий подавлял Гданьское восстание и не противодействовал победному шествию русских войск по неспособной к сопротивлению Ливонии. Но в 1578 г. он был напечатан как актуальный призыв к польскому рыцарству. Такого рода изданий вскоре появится очень много.

Замыкая круг: освобождение Полоцка в 1579 г. и его воспевание в европейском нарративе.

1579–1582 гг. дали небывалый всплеск нарративных памятников пропагандистского и информационного типа, посвященных Ливонской войне. За эти пять лет их вышло больше, чем за предыдущие 20 лет кампании. Этот феномен нуждается в объяснении. Конечно, проще всего посчитать его проявлением духовного подъема, вызванного победным окончанием войны, восторгом от поражения московитов и спасения Европы от русских варваров. До 1579 г. действительно общий баланс побед и поражений был в пользу России. Перелом в войне сопровождался массовой пропагандистской кампанией, развернутой Речью Посполитой. Походная типография для производства «летучих листов» ехала прямо в обозе Стефана Батория...

В то же время все не так просто. По наблюдениям ученых, именно в 1580-е гг. в Европе происходит буквально информационный взрыв⁷¹. Количество *avvisi*, «летучих

⁶⁶ *Goslaw F. De bello adversus Moschos...* F. B ij–Bij v., C ij.

⁶⁷ *Ibid.* F. B iij.

⁶⁸ *Ibid.* F. C iiij.

⁶⁹ *Ibid.* F. D v.–D ij.

⁷⁰ «Viriliter agite & confortetur cor vestrum, omnes qui speratis in Domino. *Psal. 31*) (*Goslaw F. De bello adversus Moschos...* F. D iij).

⁷¹ За это замечание благодарю И. В. Дубровского.

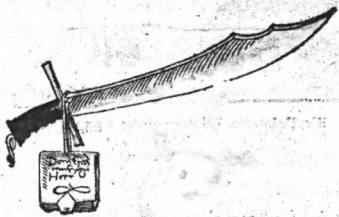
лисков», газет, писем с обменом информацией возрастает в разы. Это был общеевропейский процесс, порожденный, помимо внешних обстоятельств, самим развитием информационных систем раннего Нового времени, в которых именно к последней четверти XVI в. накопилась некая критическая масса, давшая всплеск активности в 1580-е гг. Поражение России в Ливонской войне пришлось на этот момент культурного и интеллектуального развития Запада и благодаря ему получило широчайшую огласку. Произошло как бы «третье открытие» России, но если первое носило вполне благожелательный и любопытствующий характер, второе оказалось кратковременным и невнятным, то во время третьего Россия просто вписывалась в стереотипные схемы и дискурс врага. То было даже не открытие, термин не совсем корректен, а скорее — окончательное оформление образа России как сущностного врага Запада и «христианского мира», принципиально чуждой европейцам страны, народа и культуры.

Нельзя сказать, что доминирование черных красок в изображении Ивана Грозного было совсем несправедливо. Он действительно был тираном, виновным во многих злодеяниях. Но европейцев мало интересовало, что происходило в России на самом деле. Они создавали о ней негативный миф на основе своих, привычных и понятных дискурсов, и на многие годы (в чем-то даже и до наших дней) определили место русских и России в мировоззрении западного человека.

Первым шагом к пропагандистской войне Стефана Батория было издание официальных манифестов, в которых провозглашались благородные и богоугодные цели и задачи войны, противник изображался на победы. Главной причиной борьбы с Москвитом была названа необходимость противостояния его жестокому тиранству, которым он хочет всех поработить. Первые такие манифесты на латыни вышли в 1579 г.⁷² В 1580 г. на их основе была издана в Нюрнберге немецкая брошюра, оформленная в виде официального вызова, объявления войны Стефаном Баторием московскому тирану. На титуле был изображен меч с подвешенным к нему письмом, содержание брошюры, видимо, представлялось ее

Absag Brieff!
Königlicher Mayestat in
Polin etc dem Moscovittischen abscheulichen
Tyranischen Feind / durch einen fürnemen vom Adel
Lopacinski genant / von hochermelter Kö: Mayst:
vor seinem Auszug / mit bloßem Säbel
jüngst überschickt.

Neben sonderer Vermeidung / der grausamen
unmenschtlichen Tyranney / so der Moscovitter bisshero
an den armen Christen / auch an Frawen und Jungfrawen /
über natürlicher weiß begangen.

M. D. LXXX.

Титул «летучего листка» об объявлении Стефаном Баторием войны московскому тирану.

составителям грозным ударом по Ивану IV, аналогичным удару мечом⁷³.

Содержание грамоты об объявлении войны известно по русской копии (в самом листке послание пересказано конспективно). Для Ивана Грозного оно оказалось крайне неприятным. Грамота датируется 26 июня 1579 г. Стефан Баторий жаловался на продолжение войны в Ливонии, много рассуждал о «взнях», «мордовании подданных»,

⁷² Edictum Svirene de causis belli contra Moscum. Warsaviae, 1579. О его изданиях см.: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 60; Zawadski K. Gazety ulotny polsky... S. 33. Nr. 136; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 77; ср.: Edictum regium de supplicationibus ob rem bene adversus Moschum gestam. Cracoviae, 1579.

⁷³ Absag Brieff Königlicher Mayestat in Polin etc dem Moscovittischen abscheulichen Tyranischen Feind durch einen fürnemen vom Adel Lopacinski genant von hochermelter Kö: Mayst: vor seinem Auszug mit bloßem Säbel jüngst überschickt. Neben sonderer Vermeidung der grausamen unmenschlichen Tyranney so der Moscovitter bisshero an den armen Christen auch an Frawen und Jungfrawen über natürlicher weiss begangen. Nürnberg, 1580. О нем см.: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 60; Zawadski K. Gazety ulotny polsky... S. 39–41. Nr. 157–158, 162; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 77.

не одобрял предлагаемый Россией принцип территориального раздела. Он ругал содержание грамот Грозного: что за непотребные вещи содержатся «в том же неслухном листе своем перемирном». Баторий изложил свое понимание принципов верховной власти: Иван IV неправедно карает подданных за «оборону», поскольку

«...что есть навпристойность Государей помазонцов Божих, абы мели обоны панства и подданных своих отстоповати, к гдыж мы, яко детям властным всю добровость зверхностима еста, ту нашего ласкове всим подданым наши и отдавати повинни есма».

Польский король также писал, что «небывалые речи з стороны твоее подаются звышеною мыслью над пристоинности и звыклым обычаи, с чего значат их умсль твои, ни до чего ся иного не склыняет, толко до розлитья крови хрестьянской пожадливим посяганьем панства, тебе не належного». Он издевался, что Иван IV пишет себя «братом» Августа кесаря — «и в том непевную ведомость маешь — гды ж Август цесарь брата и потомства не мел, и Прус если есть в яком письме, тогды змышленным братом Августа описан». Баторий потребовал, чтобы русская сторона предъявила документальные свидетельства существования Пруса, мол, он совершенно неизвестен по историческим документам⁷⁴.

Стефан отказался соблюдать перемирие и заявил, что он будет «чинить» то, что «пригоже государю христианскому». Фактически эта грамота обозначала объявление войны. В ее разжигании обвинялась русская сторона: Стефан упоминал недавние нападения казаков под командованием Дмитрия и Александра Языковых от Усвята на оз. Сесете, увод большого полона⁷⁵. Король лукавил: в пограничье, как всегда, шла непрекращающаяся война, в которой были повинны обе стороны. Буквально через несколько дней после получения в Москве его гневных обличений, 31 августа 1579 г. князь К. К. Острожский поздравлял Ф. Кмиту с удачным нападением на русских и предлагал привезти взятых шестерых пленных во главе с воеводой В. Ф. Потемкиным в Киев, где можно будет устроить торжественное празднование победы над москвитями⁷⁶.

Примечательно, что здесь был идеологически востребован дискурс рыцарского объявления войны⁷⁷. Война началась в 1557 г. с грамоты Сигизмунда II Августа об объявлении войны Ливонскому ордену (тогда не востребованной из-за стремительной капитуляции ордена и заключения Позвольского договора). Как и в грамоте 1557 г., в 1579 г. в новой грамоте война объявлялась священным правом короля, восстановлением справедливости, борьбой за торжество истинного христианства и защиту его интересов. Враг считался воплощением зла, антимодали, антисвободы, антихристианских сил. Солдаты Батория превращались в своего рода крестоносцев — не в том смысле, что они несли свет истинной веры, а в том, что Бог был на их стороне, они сражались за его волю и правду против чуть ли не сил Антихриста.

Право короля было прежде всего в восстановлении справедливости силой. Замыкая исторический круг, в боях, длившихся с 11 по 30 сентября 1579 г., армия Стефана

⁷⁴ Грамота Стефана Батория Ивану IV от 26 июня 1579 г. // КИМ-П. № 22. С. 42–47; АНР. Т. XI. S. 162–169. Нг. СХIV; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 139–152 об.

⁷⁵ Грамота Стефана Батория Ивану IV от 26 июня 1579 г. // КИМ-П. № 22. С. 45.

⁷⁶ 1579 г., августа 31. Письмо Константина Константиновича князя Острожского к Филону Семеновичу Кмите, старосте Оршанскому, с поздравлением победы, одержанной Кмитой над московскими войсками, и с приглашением прибыть в Киев с старшими пленниками // АСДСЗР. Вильно, 1867. Т. 1. С. 154. № 52.

⁷⁷ Ср.: Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как московские монархи в XVI веке объявляли войны: модели поведения и семантика церемониалов и нарративов // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция. 23–25 июня 2009 г. Тезисы докладов / Отв. ред. А. К. Левыкин, В. Д. Назаров. М., 2009. С. 133–135.

Батория отвоевала у России потерянный в 1563 г. Полоцк. Ян Замойский говорил, что эта победа как бы лишила Ивана Грозного всей предыдущей военной славы:

«Мы одержали столь славную победу над неприятелем, которого все страшлись вследствие высокого мнения о его могуществе и о его воинской доблести, о его победах над другими народами; никто не думал, что он сам может быть побежден. Случилось, однако, по особенной милости Божией, то, что неприятель не только побежден, но лишен Полоцка, который будет служить вечным памятником этой победы, лишен славы своих прежних побед; все его трофеи, какие он только получил продолжение стольких лет над Ливонцами, Шведами, над покоренными Казанцами и Астраханцами, над Татарами и Турками, пытавшимися было соединить Дон с Волгою и Каспийское море с Черным, над другими воинственными и дикими народами, все эти трофеи с него сняты этою победою; их будут нести впереди при настоящем триумфальном военном торжестве»⁷⁸.

О взятии Полоцка был немедленно выпущен целый ряд листов информационно-пропагандистского характера⁷⁹. В них подробно рассказывалось об осаде, с указанием имен воевод, размеров войска, описанием боевых действий. Особо подчеркивалась выдающаяся роль польского короля Стефана — организатора побед над тираном-Московитом. Некоторые листки были подписаны именем короля. Все это должно было произвести впечатление на европейского читателя.

В Падуе в 1580 г. вышла поэма о взятии Полоцка, автором которой был выпускник Виленской иезуитской коллегии Базель Гиацинт⁸⁰. Она была посвящена прославлению подвига Батория и его полководцев, прежде всего Николая Радзивилла Рыжего. Панегирическое сочинение состоит из прозаического посвящения Радзивиллу и стихотворной 50-страничной поэмы, содержащей традиционный дискурс освободительной борьбы против московского тирана.

Вид Полоцка и Заполотья. Фрагмент гравюры Дж. Кавальеро по рисунку С. Пахоловицкого (1579 г.).

⁷⁸ Из речи Я. Замойского в 1580 г., цит. по: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). С. 87–88.

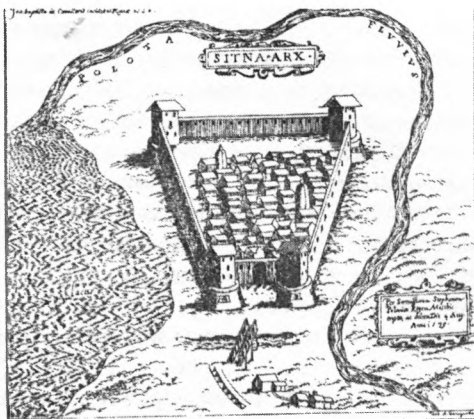
⁷⁹ *Warhafftige Zeitung wie und wasserley gestalt die Königliche Mayestat zu Polen etc unser aller gnedigster Herr die Vestung Polotzko durch Göttliche hülfte erobert und eingenommen den 30. Augusti dieses laufften den Jahrs 1579.* Dantzig, 1579; *Stephani regis Poloniae epistola: Historiam susceptae a se superiori aestate adversus Moschum expeditionis et expugnatae civitatis et arcis Polotzko recitans. Ad ordines Regni Poloniae scripta.* S. l., 1579; *Newe Zeitung. Eine warhafftige und gewisse newe Zeitung von der gewaltigen Festung und Grentzhaus Polocky auff der Littawischen Grentzen gelegen welchs der Polnische König den letzten tag Augusti im 79. Jar dem Moscowiter erobert und eingenommen hat. Königlich Mandat Belangende dancksagung zuthun wegen des gehabten glucks wider den Moscowiter.* S. l., 1579; *Polnische Zeitung. Summarische und Warhaffte Beschreibung von jüngster bekrriegung und eroberung etlicher lurnemer Stadt und Vestungen so König: Mayst: zu Polin etc. dem Moscovittischen Tyrannischen Feind mit sieghaffter hand glücklich aherhalten. Es werden auch hierinn vermeldt die zeit dises ausszugs.* Nürnberg, 1580. Обзор см.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 60–61, 256; *Zawadzki K.* Gazety ulotne polsky... S. 38–39, 42–43. Nr. 149–156, 167, 168; *Poe M.* Foreign discriptions of Muscovy... P. 77–80.

⁸⁰ [*Hyacinthus Basilus Vlnensis*] *Panegyricus In Excidium Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriā Stephani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam.* Patavii, 1580. Обзор см.: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 68–69.

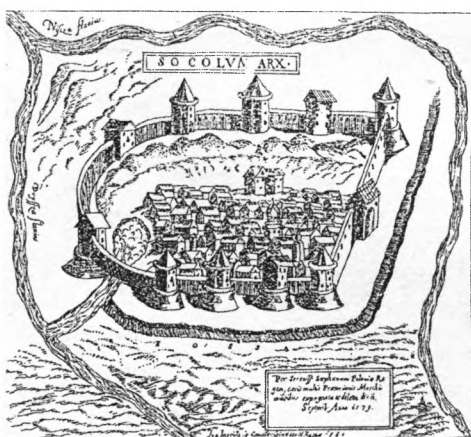
Изображения русских крепостей (с рисунков С. Пахоловицкого):

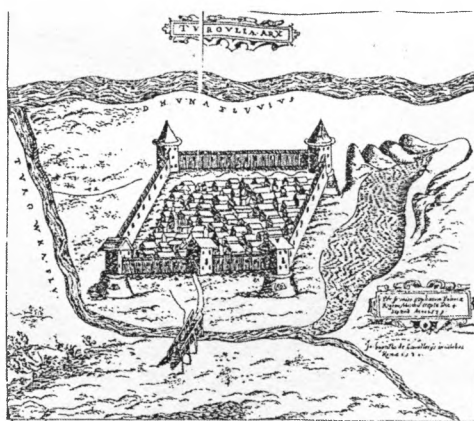
Красный.

Ситна.

Сокол.

Туровля.

В памятнике также присутствует сарматский дискурс. Про само взятие Полоцка сказано немного, в основном присутствуют общие панегирические мотивы.

В Варшаве в 1580 г. вышла небольшая «песня» Яна Кохановского на взятие Полоцка. Она была посвящена Яну Замойскому. Иван Грозный назван «тираном полночной стороны» (т.е. северным), который «зывается грозным», но «утекает» от победоносной польской армии⁸¹. Кохановский прославляет непобедимого Батория и говорит, что победой под Полоцком он стяжал себе славу.

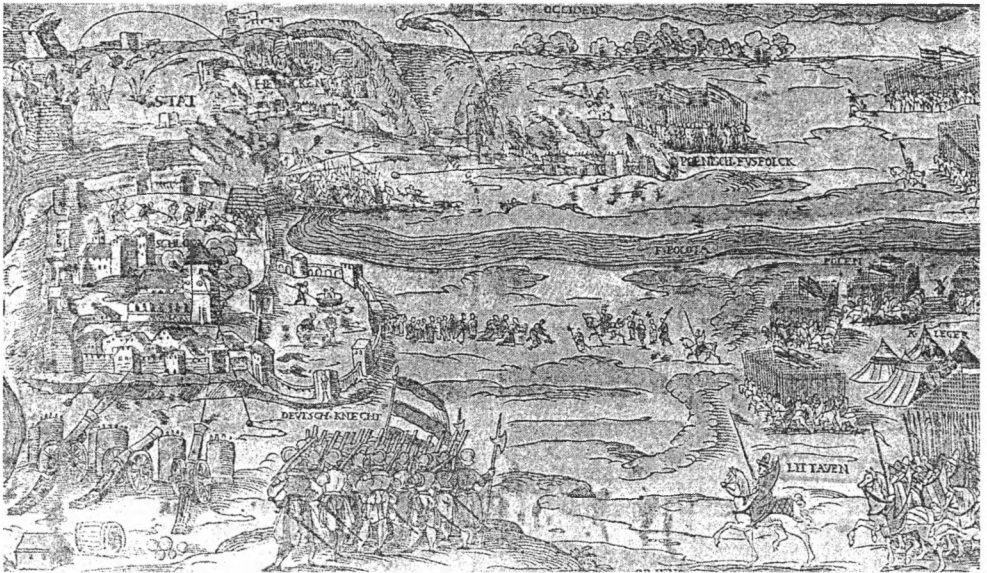
Взятие Полоцка в 1579 г. имело и свой визуальный ряд, было представлено в европейской гравюре. Изображения были составлены очевидцами, бывшими вместе со Стефаном под Полоцком. Это знаменитые зарисовки С. Пахоловицкого русских крепостей⁸² (Сокола, Туровли, Красного, Суши, Касьяна и Ситны) — полоцких при-

⁸¹ [Kochanowski J.] Piesni trzy Iana Kochanovskiego : O wzięciu Połocka. O statecznym sludze R. P. O vczciwey małżonce. Warszaw, 1580. K. Aij.

⁸² Pacholowiecki S. 1) Turovlia Arx Per Sereniss. Stephanum Poloniae Regem Moschis exeptha [...] / Print. Cavalieri G., Aut. wzoru: Korkunov M., Davignon J. Wrocław, 1837–1840; 2) Crasna Arx Per Serenissimum Stephanum Poloniae Regem Moschis erepta [...] / Print. Cavalieri G., Aut. wzoru: Korkunov M., Davignon J. Wrocław, 1837–1840; etc.

городов, взятых войсками Батория, его же зарисовка штурма Полоцка 29 августа 1579 г.⁸³, карта Полоцкого княжества, план осады Полоцка Стефаном Баторием⁸⁴. Эти изображения известны и неоднократно публиковались. Примечателен их документализм: если раньше мы наблюдаем очевидную условность и стилизацию иллюстраций, посвященных Ливонской войне, то группа рисунков и гравюр, посвященных взятию Полоцка 1579 г., демонстрирует нам высокую степень достоверности и детализации. Крепости полоцких пригородов измерялись Пахоловицким аксонометрически вместе с инженером П. Фракусом. План осады Полоцка сделан в европейских традициях военной картографии. Следует обратить внимание, что завоевания польского короля теперь сопровождалась картой, какие, собственно, земли отбиты у москвитов. Тем самым утверждалась принадлежность этих территорий польской Короне.

На достоверность изображения претендует также рисунок, изданный в виде «летучего листка» в Нюрнберге Г. Маком (G. Mack), изображавший последний штурм и сдачу Полоцка⁸⁵. Таким образом, кроме текста, начал активно использоваться иллюстративный ряд, причем не выдуманный, как в начале Ливонской войны, а с претензией на «картинку с натуры».

Нюрнбергское издание «летучего листка» с изображением сдачи Полоцка.

⁸³ План хранится в архиве Дрездена: *Pacholowiecki St.* Plan der Eroberung der Stadt Polozk durch den polnischen König Stephan IV. Bathory 1579 // Hauptstaatsarchiv Dresden. Inventar-Nr. VII. 90. 17.

⁸⁴ *Wereszczyński J.* Polish Cartography in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of Navigation. 1976. Vol. 29. P. 380–384; *Mikoś M.* The Polish Kings and Cartography // Imago Mundi. 1989. Vol. 41. P. 76–86; *Alexandrowicz S.* Źródła kartograficzne do wyprawy połockiej Stefana Batorego roku 1579 // Od armii komputowej do narodowej (XVI – XX w.). Toruń, 1998. S. 45–56; *Black J.* A Revolution in Military Cartography?: Europe 1650–1815 // The Journal of Military History. 2009. Vol. 73. Nr. 1. P. 49–68.

⁸⁵ Warhaffte Contrafactur und gewisse Zeitung, welcher massen die Königliche Wirden in Poln [King Stephen] die Stat und das Schloss Polotzko in Littawen gelegen, sampt andern Heusern, die der Moscowiter vorder zent der Kron unbillich abgedrungen widerumben beleget und eigenommen. Auch was sich in solchem Zug verlossen hat. Nürnberg, 1579.

Впрочем, без стереотипов европейские интеллектуалы тоже не обошлись, причем довольно курьезных. В издании 1611 г. сочинения А. Гваньини к рассказу о взятии Полоцка была присоединена гравюра, изображающая штурм города, полководцев у шатров, русских пленных и т. д. Она неоднократно публиковалась как аутентичная иллюстрация взятия Полоцка в 1579 г. Между тем, как совершенно ясно показано М. М. Кромом, это гравюра из «Хроники всего света» Мартина Бельского издания 1597 г., которая достаточно точно воспроизводит осаду и взятие совсем другой крепости — взятие литовцами в 1535 г. Стародуба, обороняемого русским гарнизоном. На гравюре с высокой степенью достоверности даже идентифицируются некоторые персоналии осады 1535 г., а сам рисунок «последовательно изображает все этапы сражения»⁸⁶. Но издателям Гваньини в 1611 г., видимо, было все равно — на изображении шатра польского командования остался даже герб гетмана Яна Тарновского, который к моменту осады Полоцка 1579 г. уже умер в 1561 г. и, следовательно, воевать в армии Стефана Батория никак не мог.

Пропагандистский удар, нанесенный России по материалам взятия Полоцка 1579 г., оказался успешным и эффективным. Настолько, что в Европе создаются первые сбор-

Гравюра, изображающая осаду Полоцка 1579 г., из издания А. Гваньини.
Копия с изображения взятия литовскими войсками Стародуба в 1535 г.
из «Хроники...» М. Бельского издания 1597 г.

⁸⁶ Кром М. М. Стародубская война 1534–1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 77–80.

ники, посвященные Московской войне⁸⁷. Вербовщики европейских наемников в армию Стефана Батория не испытывали недостатка в желающих отправиться в Россию повоювать — кто ради добычи, кто за торжество истинного христианства. Европа превозносила польского короля — ее спасителя от московских варваров и схизматиков. Добро торжествовало над злом, и это говорило, что завершающий акт драмы с «тираном Васильевичем» в главной роли уже не за горами. Объявленная европейскими интеллектуалами «Московская война» в том виде, в котором она разворачивалась на страницах западной пропагандистской литературы, могла иметь только один исход — победу «христианского мира» и посрамление москвитов.

Великолуцкий триумф.

Второй — Великолуцкий — поход Стефана Батория в 1580 г., как и предшествующий полоцкий поход, сопровождался изданием королевских манифестов и воззваний, в которых объяснялись цели и задачи войны⁸⁸.

Поход на Великие Луки получил подробное освещение в несколько неожиданном по происхождению памятнике — венгерском нарративе. Ударную силу армии Стефана Батория в годы Московской войны (1577–1583) составляли наемники из Германии, Швейцарии, Италии, Франции и других стран. Среди них особенно выделялись наемники из Венгрии, которым король Речи Посполитой был обязан многими победами. Впервые с эпохи средневековья столь значительный венгерский контингент действовал на восточном фронте против русских. Тем интереснее венгерский взгляд на походы

⁸⁷ Такой сборник объемом 53 страницы, содержавший материалы королевских манифестов и воззваний за 1579 г., был издан в 1580 г. в Кельне (Edictum seren. mi Poloniae regis ad Milites, ex quo causae suscepti in magnum Moscoviae ducem belli cognoscuntur. Item edictum eiusdem de supplicationibus ob captam Polociam habendis: cum Epistola, qua Ordines ad Comitata convocantur: rerum post captam Polociam gestarum narratione. Hisce adiecta sunt quaedam de Magni Moscoviae Ducis genere, quod se nescio qua auctoritate ab Augusto Caesare ducere iactitabat. Coloniae, 1580. О нем см.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ...* S. 61; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 40. Nr. 160). В него вошли: 1) Edictum regium Svirense, ex quo causae suscepti in Magnvm Moscoviae Decem belli cognoscuntur (P. A2–B4 v.); 2) Edictum regium de Sypplicationibus ob captam Poloniam (F. C–C3 v.); 3) Epistola, qua ordines ad Regni Comitata conuocantur (F. C4–D2 v.); 4) Rerum post captam Polociam contra Moscvum gestarum narratio (F. D3–E4); 5) Magni Moscoviae Ducis Genealogiae, brevis epitome, ex ipsorum manuscriptis annalibus excerpta (F. F–G3, датирована 22 мая 1576 г.). Сходная подборка (пропущено «Epistola, qua ordines ad Regni Comitata conuocantur» и нет «Magni Moscoviae Ducis Genealogiae») в том же 1579 г. была издана в Варшаве Николаем Шарффенбергом (Scharffenbergij) и, возможно, легла в основу кельнского сборника: Edictum regium Svirense ad milites. Ex quo causae suscepti in Magnum Moscouaiae Ducem belli cognoscuntur. Edictum regium de Sypplicationibus ob captam Polotiam. Rerum post captam Polotiam contra Moscvum gestarum narratio. Varsaviae, 1579.

⁸⁸ Stephani Poloniae Regis literae ad ordines Regni Polonici, de rebus a se in bello aduersus Moscos superiori aestate gestis. Anno 1580, die 6. VIIbr. ad Vielicolukum scriptae. S. L., 1580. В конце листка напечатаны известия об Орше от 18 октября 1580 г., поэтому можно говорить о его выходе из печати осенью. Эти же тексты вошли в сборник: Stephani Poloniae regis literae. Quibus res a se in bello Moschico, post captum Vielico Lukum, gestas; et consilia rerum deinceps gerendarum explicat: et Comitata Warsoviensia indicit. item de legatione Turcicj et Tartaricj Imp. mense Novembri, Vilnae audita. Et alia lectu non iniucunda. S. l., 1581. А. Каппелером отмечено, что этот сборник использовался европейскими историками XVI в., в частности, Д. Хитреем (*Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ...* S. 63). Ученые упоминают также другие выпуски эдиктов Батория в связи с великолуцким походом: Edictum de supplicationibus, a Serenissimo Poloniae Rege Stephane, Vvielicoluco ex Moschovia missum. Die 5. Mensis Septembris Anno Domini 1580 (*Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ...* S. 62–63, 257; *Zawadski K. Gazety ulotne polsky...* S. 40–41. Nr. 159, 161, 163; *Poe M. Foreign discriptions of Muscovy...* P. 80–81). Эдикты Батория также были выпущены в Риме в 1582 г. с посвящением гнезненскому архиепископу Станиславу Карнковскому (De Rebus gestis Stephani I. Régis Poloniae magni dvcis Lithuaniae etc. contra Magnvm Moschorvm Dvcem narratio. Edictum regium etc. ad milites. Romae, 1582).

Стефана Батория, известный нам благодаря небольшому сочинению Пауля Гиуля (1550–1592), увидевшему свет в 1581 г.⁸⁹.

О самом Гиуле и его сочинении известно немного. Венгр из Трансильвании, происходил из небогатой семьи. Учился в Италии, в Падуанском университете. В 1572 г. вернулся в Трансильванию, был связан с известным военным и политическим деятелем Гаспаром Бекешем. Около полутора лет работал у него секретарем, проживал в Вене. С 1577 г. на службе у Стефана Батория, участвовал в осаде Гданьска, где и обратил на себя внимание монарха-завоевателя. В 1579 г. участвовал в осаде и взятии Полоцка, в 1580 г. был направлен Баторием в Трансильванию для сбора средств для войны. В 1581 г. в Риме вышла брошюра Гиуля о втором походе Батория в Россию, 1580 г. (Великолукском). В 1582–1583 гг. исполнял королевские дипломатические миссии. В 1586 г. после смерти Батория вернулся в Трансильванию, женился, занял высокое место среди венгерских дворянских родов⁹⁰.

Поход Батория Гиуль рисует как выступление против варваров. Его историю он начинает с прибытия Стефана в Вильно. Цель выступления — большие и густонаселенные русские города Смоленск и Великие Луки. Автор рассуждает — ведь они далеко от Ливонии, почему удар направлен сюда? Но в конфликте из-за Смоленска, возможно, крылась причина всей войны. Великие Луки расценивались как важный стратегический пункт, который давал бы контроль над ближайшими землями и обеспечивал бы дальнейшие успехи в Ливонии. Как направление удара упоминаются Псков, Усвят (*Usuiata*), Велиж (*Velisa*)⁹¹.

К Велижу выступил 7000-й отряд Яна Замойского, город был взят после осады с использованием осадных укреплений. Затем та же участь постигла Усвят. Пленных, кто изъявил желание, отпустили в Московию. Гиуль описывает переговоры о мире и условия сторон (в довольно общих выражениях)⁹², при этом проявляет знание посольских документов (что следует из присутствующих в тексте скрытых цитат — «разлитие крови христианской», ссылка на псалмы, цитируемые в грамоте и т.д.).

Автор также знаком с военными подробностями. В частности, он со знанием дела описывает осадные укрепления, рассуждает о безнадежности положения деревянных крепостей под артиллерийским огнем, приводит детали штурма Великих Лук. Описание осады Гиуль строит через изображение действий польских и венгерских отрядов, их конкуренцию и соперничество на ниве воинской доблести, захвата добычи, борьбы за трофеи и королевскую награду⁹³.

Повествование о военной стороне великолукского похода в рассматриваемом сочинении достаточно подробное. Гиуль упоминает неудачную вылазку детей боярских под Торопцом⁹⁴. Собственно, им изложена вся военная кампания 1580 г., заканчивая взятием Невеля и Заволочья⁹⁵. Приводимые им сведения в целом подтверждаются

⁸⁹ *Giulianus P. Commentarius rerum a Stephano rege, adversus magnum Moschorum Ducem gestarum. Claudiopoli, 1581.* Обзор изданий см.: *Zawadzki K. Gazety ulotny polske...* S. 44. Nr. 172; *Mund S. Orbis Russiarum...* P. 327.

⁹⁰ О нем см.: *Szàdeczky L. Báthory István Könyvészetéhez // Magyar Könyvszemle Tizenkettedik évfolyam* 1–6. füzet, 1887. Január. 50 о.; *Gárdonyi A. Abafáji Gyulay Pál. Századok, 1906; Szabó G. Abafáji Gyulay Pál. Budapest, 1974.*

⁹¹ *Giulianus P. Commentarius rerum a Stephano rege...* F. 2–3.

⁹² *Ibid.* F. 4–7.

⁹³ *Ibid.* F. 8–12.

⁹⁴ Статейный список посольства И. В. Сицкого, март 1581 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 99 об., 101, 101 об. Под Торопцом в плен попали Г. Нащокин, Д. Черемисинов, В. Пивов.

⁹⁵ *Giulianus P. Commentarius rerum a Stephano rege...* F. 18–22.

другими источниками, в частности, о добровольной сдаче Заволочья и отпуске воинов гарнизона, кто куда захочет — кого в Литву, кого в Московию⁹⁶.

Изложение Гиуля скучноватое, мало окрашенное эмоциями, описывающее фактическую сторону событий. Язык и стиль повествования ренессансный, с использованием античных образов (дуновение ветра-Борея раздувает вожар в осажденном городе). Король Стефан изображен могучим, умным, справедливым (отпускал с пожалованиями гарнизоны русских крепостей, которые сдались сами, но покарал строптивых — воинов Великих Лук). Ратный труд венгров показан с явной симпатией к ним, но без особой гиперболизации их успехов и доблести. Главными героями рассказа являються вожди, военные командиры, прежде всего Ян Замойский, Иоанн Борнемисса и др.

В 1580–1582 гг. происходит буквально взрыв в издании манифестов, газет, «летучих листов», посвященных победоносной Московской войне. Изображение великолукского похода 1580 г. было довольно детализированным. Франкфуртский листок с известием об осаде Великих Лук состоит из двух частей⁹⁷. В первой излагается история похода, во второй — пересказывается письмо Ивана Грозного Стефану Баторию от 2 августа 1580 г. Предыстория переписки царя и короля во время осады Великих Лук примечательна. В первой грамоте от 2 августа (которая и пересказывается в листке) Иван IV грозил Стефану карой небес, если король не дожидется послов и сорвет переговоры. Он писал о капризном поведении Стефана («нам почому то угадати, что тебе любо»), подчеркивал, что пошел навстречу нарушающим обычай требованиям Батория и первым посылает послов. Окончание послания звучало очень пафосно:

«Будет же так не учинишь, и наше грамоты не послушаешь, и через сию нашу грамоту захочешь кровь хрестияньскую проливати и хрестиянство пленити, ино Бог всех Сотворитель, имъже дана бысть лержава и сила и власть от Вышнего, яко же речи пророк: Слышите убо цари и разумейши, накажитесь вси судящии земли и гордящиися о народах язык, яко дана бысть вам держава от Господа и сила от Вышнего, и яко же птенцом врановом Бог питатель, такоже и всим человеком от находящих враг их заступник есть. И с чьих рук тое крови хрестиянское неповинные и пленение Бог всих Сотворитель поишет, сам то можешь розсудити»⁹⁸.

Тогда же, 2 августа, царем была отправлена еще одна грамота, в которой Стефан обвинялся в срыве перемирия, нападении на Усвят, Велиж, Невель и т.д.⁹⁹. Судьба последнего послания любопытна: оно было получено Стефаном лишь в начале сентября, уже после взятия Великий Лук, и, видимо, было прочитано королем с особым чувством победителя, торжествующего над побежденными.

В грамоте, в литовской посольской книге также датированной 2 августа (видимо, неточно), Баторий привел ответ на предыдущие царские послания. В нем Новгород, Псков, Смоленск, Северская земля, Великие Луки, Ливония и пригороды на волостях Полоцкой и Витебской объявлялись исконными землями Великого княжества Литовского. Поэтому действия на этих территориях войск Речи Посполитой не могут считаться войной и нарушением перемирия — армия просто идет по своим законным

⁹⁶ List króla JMKści Stefana Batorego da obywateli miasta Zawołoczja upominając je, aby się dobrowolnie poddali. 10 Października 1580 r. // АНР. Т. XI. S. 273–275. Nr. CXXX.

⁹⁷ Warhaffte unnd gründtliche Zeitung welcher massen die Kon. May. zu Poln etc. bewogen den Krieg gegen dem Erbfeind dem Moscowiter vorzunemen: Wie sie gegen demselben hiebeur wie auch inn diesem jtzit lauffenden 1580 Jare im Monat Augusto gesieget vnd was ferner dabey zu hoffen und zuermuten . . . Franckfurt an der Oder, 1580. Листок упоминается: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel . . . S. 63. Обзор изданий на немецком и польском: *Zawadzki K.* Gazety ulotne polsky . . . S. 43. Nr. 169, 170; *Poe M.* Foreign discriptions of Muscovy . . . P. 81.

⁹⁸ Грамота Ивана IV Стефану Баторию от 2 августа 1580 г. // КПМ-II. С. 78. № 46.

⁹⁹ Грамота Ивана IV Стефану Баторию от 2 августа 1580 г. // КПМ-II. С. 109–110. № 55.

землям. Король объявлял себя хранителем «покоя хрестияньского» и парировал апелляции Грозного к Св. Писанию:

«А што пишешь, приводечи с писма Пророцкого, иж кровопролитья хрестияньского Пан Бог с рук того, от кого ся на то причина дает, позысковати будет, то кгда бысть первой писма светые на памети мел, и таковыя sprawy перед очи свои пере-кладал, тогды б еси николи у чужое жниво своего серпа не выкладал, а што не твоего, того себе не привлачал из местц широко з воли Божье людьми засажонных округным сгустошеньем, звератом жилища не чинил, и крови невинное не проливал, в чом и теперь мы меж собою и тобою вси sprawy на суд и узнанье мощы всемогущого Бога и справедливого суду его припускаем, перед которым сердца и мысли у сих отвороны суть... якож и нашего сердца мысли перед маестатом его скроты не суть, иж семо и теперь ни для чого иньшого, одно за презреньем его светым чинечи досыть повинности нашей ку обороне панств и ку освобоженю з неволи подданных наших з войсками есмо своими вытягнули, и за вспоможением Божиим то чинити будем»¹⁰⁰.

Осаде Велижа и боям под Великими Луками был также посвящен другой листок, изданный в Гданьске и датируемый в тексте 8 сентября 1580 г.¹⁰¹. Он содержит по-

денное описание боевых действий с 12 августа по 7 сентября. Возможно, в Торунь в 1580 или 1581 гг. вышли на польском языке «Истинные и основательные новости», подробно рассказывающие предысторию и события Великолуцкого похода¹⁰². Кроме польских листков¹⁰³, продолжали выходить немецкие, например, в Марбурге¹⁰⁴.

В нем поденно описываются события великолуцкого похода с 24 сентября по 5 октября, говорится о 20 000 погибших москвитях. А. Каппелер считает содержание листка во многом фантастическим, хотя он и выдержал в 1581–1582 гг. пять изданий и повлиял на другой германский исторический нарратив.

На примере похода 1580 г. мы видим, как стремительно пропагандистские памятники превращались в памятники историографии и уже своим авторитетом письменной истории влияли на европейскую политику. В 1581 г. вышла брошюра, первая часть которой содержала «Brevi Narratio regim a Regia M. Po-

Титульный лист и гравюра гданьского листка 1580 г. о великолуцком походе Стефана Батория.

¹⁰⁰ Грамота Стефана Батория от 2 августа 1580 г. // КИМ-И. С. 78–81. № 47.

¹⁰¹ Warhafftige Zeitung wie die Kön. May. zu Poln. etc. nach eröberter Vestung Vielischka ferner dem Moscoviter ins Land gerücket entlich auch die Statt vnd Schloss Vielkiluki eröbert. Danzig, 1580. Листок описан: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 63, 256; Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 44. Nr. 171.

¹⁰² Prawdywe y gruntowne Nowiny iáko Jego Mość Krol Polski do tego iest porujzony że woyna przeciwko Nieprzyjácielowi Moskwie zaczął y iáko łońskiego y tego 1580. Roku w Miesiacu Sierpniu y Wrzeszniú zá pomoca Boza zwiectstwo otrzymał y czego sie potym trzebá spodziewác. S. l. (Torun?), 1580. Листок описан: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 63, 256; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 81.

¹⁰³ Litterae Stephani, regis Poloniae, quibus res a se in bello Moschico post captum Vielico Lucum gestas explicat. S. l., 1581. Листок описан: Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 45. Nr. 175.

¹⁰⁴ Neue Zeyttung von der grossen Schlacht und Scharmützel so Königliche Maiestat zu Poln gegen dem Erbfeindt dem Moscoviter nach eröberung der schönen grossen und reichen Stadt Wilickiluki und Ausswitz genandt gehalten hat welche Victoria sich zugetragen hat den 3. Octobris 1581. Marburg, 1581. Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 64, 257; Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 45–46. Nr. 176, 179–183; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 83.

loniae, contra Moscum, Iulio, Augusto, Septembri & Octobri mensibus bello gestarum, anno 1580» (P. A2–C2)¹⁰⁵. Это была подробная история великолукского похода. Здесь же был помещен рассказ о религии восточных народов и о московском посольстве в Рим.

В этом издании проявилась важная тенденция печатного нарратива начала 1580-х гг.: в нем навязчиво и гораздо более интенсивно, чем раньше, рифмовались турецкая, персидская и московская темы. Известия о Московской войне объединялись с сообщениями с Востока под одной обложкой¹⁰⁶. На титуле издания, рассказывающем среди других известий о России, были нарисованы перс и турок.

В 1582 г. в Наумбурге вышло сочинение Георга ван Гоффа о тирании Ивана Грозного¹⁰⁷. Его содержание очень напоминает известное «Послание» И. Таубе и Э. Крузе и заслуживает анализа для изучения эволюции иванианы. Нас же в данном контексте исследования больше интересует обложка: Иван Грозный изображен

Изображение перса и турка на нюрнбергском листке с московскими известиями 1580 г.

Титул книги Георга ван Гоффа о преступлениях Ивана Грозного, царь Иван изображен турецким деспотом.

¹⁰⁵ Historia rerum a Poloniae Rege in Moscovia superiori anno fortiter & feliciter gestarum. Item Ex litteris Constantinopoli hoc anno 1581. die 14. Ianuarij datis, descriptae Narrationes De bello Persico, quod a Turcis in Media geritur, et de Armeniis et aliis rebus, cognitu non inutiles nee iniucundae. S. l., 1581. A. Кappelер связывает появление этого издания с деятельностью Д. Хитрея и замечает, что оно привлекалось для информации на немецком рейхстаге в январе 1581 г. (Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 63, 256; Zawadzki K. Gazety ulotne polsky... S. 44–45. Nr. 174; Poe M. Foreign discriptions of Moscovy... P. 83).

¹⁰⁶ Persische Türckische und Moscovitische Zeitung. Summarische warhafftige Verzeichnuss wie der grossmechtige Fürst und Herr Ismael Sophi König in Persia... Folget auch ordenliche glaubwürdige Copi dess Schreibens so die Moscovitischen Kniasch auss anregung jres GrossFürsten an die Woiwoden der Cron Polin nach erlittenem schaden gethan und zugeschickt. Nürnberg, 1580 (листок упоминается: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 62, 256; Zawadzki K. Gazety ulotne polsky... S. 42. Nr. 165, 166).

¹⁰⁷ Hoff van, Georg. Erschreckliche, greuliche vnd vnerhorte Tyranny Iwan Wasilowitz, itzo regierenden Großfürsten in Muscow, so er vorrückter Jar an seinen Blutsverwanten Freunden, Underfürsten, Baioaren vnd gemeinem Landtuolck vnmenschlicher weise, wider Gott vnd Recht erbermlich geübet. Naumburg, 1582.

Изображение преступлений турок в книге Леонарда Фронспергера.

как восточный деспот, сажающий казнимых на кол, продающий несчастных в рабство туркам и т.д. Панорама России — это виселицы на горизонте, человеческие головы, одетые на пики и т.д. Что примечательно — в основе гравюры лежит изображение турецкого деспота и преступлений турок из знаменитой «Книги войны» Леонарда Фронспергера¹⁰⁸.

Примечательно, что в уже упоминавшемся нюрнбергском листке 1580 г., описывающем вызов, посланный Стефаном Баторием Ивану Грозному, в обрамлении стихов изображена сцена вручения вызова послом Венцлавом Лопацинским (Lopacinski, в русских источниках — Лопатинский) русскому царю — и московитский тиран изображен в восточных турецких одеждах и даже в тюрбане¹⁰⁹. На титуле одного из изданий вышеупомянутого марбургского листка 1582 г. изображено столкновение европейской рыцарской армии с восточной¹¹⁰.

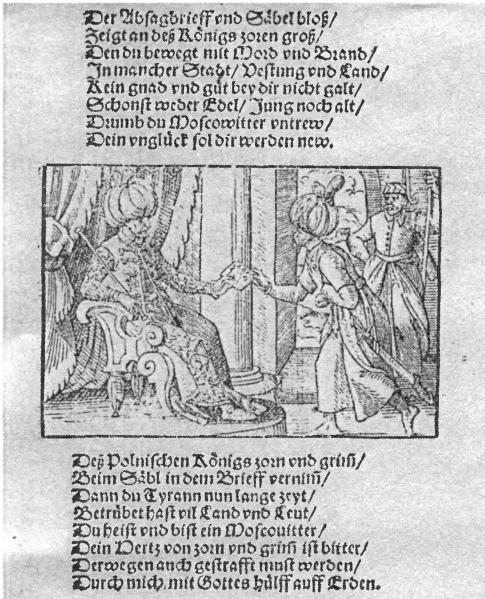
А. Каппелер справедливо замечает, что объектом внимания авторов «летучих листов» был в основном русско-польский конфликт. А вот война со шведами оказывалась за кадром. Первый листок, подробно посвященный действиям шведов в Прибалтике, вышел в Ростове в 1581 г. Его авторство приписывается Бальтазару Рюссову¹¹¹, но, судя по всему, это просто попытка прикрыться именем авторитета. Что является любо-

¹⁰⁸ Frönsperger L. Kriegsbuch. Frankfurt, 1596. К сожалению, нам оказались недоступны более ранние издания, поэтому последовательность выхода гравюр предстоит установить (1-е изд. — 1564, затем книга выходила в 1566, 1571, 1573, 1578).

¹⁰⁹ Absag Brieff Königlicher Mayestat in Polin etc dem Moscovittischen abscheulichen Tyrannischen Feind durch einen fürnemen vom Adel Lopacinski... F. Ai v.

¹¹⁰ Neue Zeyttung von der grossen Schlacht und Scharmützel so Königliche Maiestat...

¹¹¹ Warhafftige Nye Tyding wo de Kön.Mait. tho Schweden de Stadt Carelegorodt up Düdesch Kecksholm in Rüslandt und darnach de Hüser und festinge Padis Wesenberch und Tolszborch in Lyffflandt gelegen dem Muscowiter mit gewalt genamen und affgedrungen hefft. Uth Revel in Lyffflandt van einem Prediger darsülvest na Rostock geschicket mit einem schrivende darinne begeret wert dewyle man flytigen vor de Lyffflender aldar gebeden nu ock unserm Heren Godt vor se dancken und wyder vor se bidden wolle. Uth

Вручение польским послом вызова Стефана Батория русскому тирану, изображенному в восточных одеждах. Нюрнбергская гравюра, 1579 г.

Изображение столкновения европейской и восточной армий на обложке марбургского листка 1582 г.

пытным штрихом к портрету читательской аудитории: Рюссов не назван по имени, он фигурирует как «проповедник из Ревеля». Это означает, что составители листка предполагали: их читатели знакомы с «Хроникой» Рюссова настолько, что подобного намека достаточно для «узнавания» автора. Потребители пропагандистских «летучих листков» и пространных печатных хроник оказываются единой аудиторией. Мало того, данный факт свидетельствует, что потенциальные авторы тоже объединялись в одну группу. В культурных установках эпохи, таким образом, не разделялись «высокие интеллектуалы», писавшие большие книги, и авторы более примитивных «летучих листков» и газет.

Песнь славы польскому оружию в исполнении Мацея Стрыйковского.

Мацей Стрыйковский (1547–1590) — дипломат, военный, ученый, путешественник, историк, поэт — оставил большой след в польской и литовской культуре эпохи Возрождения¹¹². Как певец Ливонской войны, он начал с довольно стереотипной

dem Original in Sassescher sprake... Rostock, 1581 (листок упоминается: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel*... S. 64, 257).

¹¹² О нем см.: *Рогов А. И.* Русско-польские связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его хроника. М., 1966; *Radziszewska J.* Maciej Strykowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978; *Михайловская Л. Л.* Жизнь и творчество Мацея Стрыйковского // Вопросы истории: Межвузовский сборник. Минск, 1978. Т. 5. С. 140–150; *Wojtkowiak Z.* Maciej Strykowski — dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1990; *Kuolys D.* Asmuo, tauta, valstybe Lietuvis Did. iosios Kunigaik. tystes istorijese literaturoje (renesansas, barokas). Vilnius, 1992; *Кавалёв С. В.* 1) Становление польскомоунай паззіі ў полілінгвістичнай літаратуры Беларусі эпохі Рэнесансу. Минск, 2002. С. 72–88; 2) *Кавалёв С.* Шматмоуная паззія Вялікага княства Літоўскага... С. 160–179; *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 125–166. В этих же работах см. библиографию.

по сюжету и его трактовке поэмы, посвященной битве под Улой (1564), под длинным заголовком:

«Стихотворение о поражении 30 000 московитов с князем Петром Шуйским, воеводою Полоцким, в поле Иванским над Улой рекою, при действиях и управлении Ясновельможного Пана, Пана Николая Радзивилла [Рыжего], на Биржах и Дубинках князя, гетмана великого войск Великого княжества Литовского, и при важном командовании Ясновельможного Пана, Пана Григория Ходкевича, пана [кастеляна] Виленского и польных войск гетмана бдительного, года от Спасительного Рождения Христа Господа 1564, января»¹¹³.

Памятник датирован О. И. Дзярновичем 1574 г. (по филиграммам 1573 г. и упоминания турецкого посольства М. Стрыйковского, как раз имевшего место в 1574 г.). Исследователь дал следующую характеристику поэмы:

«Это историческая фреска, в центре повествования которой действительно находится битва под Улой, но это событие включено в широкий контекст истории Великого княжества Литовского с аллюзиями на ренессансный стандарт историописания — обращениями к античной истории... метафорический художественный и историографический прием Стрыйковского — это помещение военной истории Литвы в контекст мировой истории, что в категориях образованного европейца XVI в. соответствовало параллелям с античными событиями»¹¹⁴.

О. И. Дзярнович отмечает важную особенность поэмы: центральной в ней оказывается понятие Отчизны. Воины воюют не за короля, а за Отчизну: «... всегда Отечество общее защищать приятно». При этом, что принципиально, понятие Отчизны объединяется с понятием свободы. Николай Радзивилл призывает «защищать Отечество, которое нас воспитало, а свободы с достоинством все необходимы дальше». Таким образом, война с Московией воспринималась не просто как конфликт двух государств, но в более широком контексте, противостояния тирании и свободы, следовательно, Добра и Зла. Недаром литвины сравниваются с античными греками и их героями (Фемистоклом и др.), а московиты — с азиатами, с персами (Ксеркс).

В поэме прославляются подвиги Николая Радзивилла и Григория Ходкевича. Они изображены не только искусными и мудрыми полководцами, но и благородными рыцарями. Так, Радзивилл приказывает казнить крестьянина, который убил русского воеводу Петра Шуйского из-за золотой цепочки, из грабительских побуждений. Рыцарь уважает врагов и ненавидит мародеров. Радзивилл, узнав о грехе крестьянина, «Горюя от бесчестия, возвел он в небо очи / Плакал, а слеза за слезой выжимается из влажных зрачков»¹¹⁵.

¹¹³ Рукопись хранится в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге (Коллекции Онацевича. X, №. 33. Л. 15–32). Данный памятник был известен исследователям сравнительно давно (Николаев С. И. О коллекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских народов: Литература, фольклор, история. М., 1983. С. 140–157). Однако подробному исследованию он подвергся только в последние годы в работах З. Войтковяка и О. И. Дзярновича, см.: *Wojkowiak Z. Odnaleziony tekst Macieja Strykowskiego o bitwie z Moskwą 1564 roku i inne rewelacje w zbiorach rosyjskich i nie tylko. Poznań, 2010; Dziarnowicz A. „Nieznany Strykowski”*: Nieopublikowany tekst poematu Macieja Strykowskiego „Bitwa pod Ułą” (1564 r.) w źródłach Doma Puszczyńskiego w Sankt-Petersburgu // *Žalgiriui – 600. Istoriniai mūšiai Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės raštijoje / 600 Year Anniversary of Žalgiris: Historical Battles in the Writings of the Grand Duchy of Lithuania. VIII JURGIO LEBEDŽIO SKAITYMAI / 8th JURGIS LEBEDYS READINGS. Pranešimų santraukos / Abstracts. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2010. P. 8–9; Дзярнович О. Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.): образный ряд и событийная конкретика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2 (8). С. 127–134.*

¹¹⁴ Дзярнович О. И. Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой»... С. 130.

¹¹⁵ Там же. С. 134.

Особого следа в историографии данное сочинение Стрыйковского не оставило, так как не было опубликовано и осталось в рукописи. Его можно рассматривать как этап творчества, повлиявший на дальнейшее становление Стрыйковского как поэта и историка. Поэма показывает, что в 1574 г. не всех поляков полновали только проблемы бескорольевья — в творчестве писателей закладывались литературные основы для будущего ответного удара по России. Другое дело, что это были зерна, которые взойдут только через несколько лет и на общее развитие нарратива периода бескорольевий не оказавшие влияния.

Основы своей исторической концепции Стрыйковский сформулировал в окончательном виде в двух своих произведениях — т. н. «Началах» (при его жизни также не опубликовано) и «Хронике». Относительно первого («О началах, происхождении, доблестных рыцарских и гражданских деяниях славного народа литовского, жемоидского и русского») идут споры, написано оно раньше (называется дата около 1578 г.) или позже «Хроники» (1582)¹¹⁶, является ли оно кратким стихотворным конспектом «Хроники» или отдельным самостоятельным произведением. Ряд оценок и положений, высказанных в ней, отличается от трактовки тех же тем в «Хронике».

Стрыйковский выступил автором ряда новых этногенетических легенд, по мнению ученых, навеянных как раз Ливонской войной. Д. В. Карнаухов отметил, что польский историк довольно неожиданно объявил Рюрика и его спутников, основателей Древнерусского государства, выходцами из Ливонии («Лотевской страны», или «Варагии») ¹¹⁷. Правда, неясно, чем можно объяснить появление подобных симпатий к России в анти-московском сочинении Стрыйковского (ведь тем самым Москва приобретала пусть и косвенные, но легитимные права на Ливонию).

Стрыйковский идет дальше и заявляет, что все славянские народы происходят от древнего народа мосхов, непосредственным потомком которых выступают московиты. То есть схема Кромера ставилась с ног на голову, и теперь уже московиты оказывались предками русских, поляков, чехов и т. д. Хронист был тут не совсем оригинален: версия о «первенстве Мосха» звучит в редакции 1554 г. хроники М. Бельского. Но у Стрыйковского она была наиболее развита и аргументирована.

К. Ю. Ерусалимский считает данную концепцию Стрыйковского отражением политической ситуации времени польского бескорольевья, когда в обществе Великого княжества Литовского бытовали некоторые симпатии к московскому государю — претенденту на польский трон, и даже «... подчеркнуто комплиментарное отношение к имперским амбициям царя». К. Ю. Ерусалимский заметил, что Стрыйковский чуть ли не первым в польской историографии признает права Москвы на Новгород и Псков, и даже на Финляндию¹¹⁸. Однако, как отметил московский историк, данная схема присутствует только

¹¹⁶ *Strykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych Krain Krolestwa Polskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodów z rozmaitych historików y autorów postronnych, y domowych, y kijowskich, moskiewskich, sławańskich, liflantskich, pruskich starych, dotąd ciemnochnumą nocą zakrytych kronik, y latopiszów ruskich, litewskich, y u Długosza Ojca dzieiów Polskich z inszymi, z wielką pilnością y wężłowatą pracą (osobliwie około dzieiów Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych). Krolewec, 1582.

¹¹⁷ *Карнаухов Д. В.* Концепции истории средневековой Руси... С. 93.

¹¹⁸ *Ерусалимский К. Ю.* Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 602, 627–628, 630, 635. Полемику с концепцией К. Ю. Ерусалимского см.: *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 162–163. Судь возражений Д. В. Карнаухова сводится к тому, что взгляды Стрыйковского были более запутанными и менее стройными и прямолинейными, чем их трактует К. Ю. Ерусалимский. Поэтому выводы московского ученого об эволюции взглядов Стрыйковского от фактически «промосковских» в «Началах»

в «Началах» как более раннем произведении Стрыйковского, и к 1582 г. исчезает в «Хронике», поскольку во времена блистательных побед Стефана Батория говорить о каких-то московитских приоритетах и правах стало неуместно (в отличие от 1570-х гг.).

Стрыйковский приводит крайне оригинальное доказательство связи современных московитов с их древнерусскими предками, имевшими легитимное право господства над Восточной Европой. В 1575 г., будучи с посольством в Турции, он своими глазами видел над Галатскими воротами Константинополя герб на щите. Это память о щите, прибитом древним князем Олегом над «вратами Царьграда». И герб на щите Олега полностью соответствует современному гербу Москвы¹¹⁹. Апокрифичность этого сообщения очевидна (у язычника Олега никакими силами не мог быть изображен на щите св. Георгий, изображение которого стало гербом Москвы не ранее XV в.).

Стрыйковский также, возможно, сам того не желая, наносит удар по польскоцентричной концепции истории Восточной Европы, предполагавшей, как говорилось выше, целесообразность и правильность объединения славян и русских земель только под эгидой Короны. Главными героями объединительного процесса у него выступают

не польские короли, а литовские князья, не Польша, а Великое княжество Литовское¹²⁰. Именно последнее рассматривается как альтернативная Руси модель слияния Восточной Европы в единое государство. Несомненно, это также было связано как с Люблинской унией (желанием литовских элит отстоять свою роль в новообразованной Речи Посполитой), так и с Ливонской войной (основную тяжесть которой все же вынесла именно Литва, а не Корона).

Для Стрыйковского в «Хронике» схватка за Ливонию была начата Королевством Польским в 1556 г. в ответ на злодейства магистра Вильгельма Фюрстенберга. Последний принял лютеранскую веру, стал обижать Вильгельма Бранденбургского, родственника короля Сигизмунда, разрушал костелы и «обращал веру в ничто»¹²¹. Фюрстенберг созвал Венденский сейм, на котором было принято решение воевать с Вильгельмом из-за того, что опальный архиепископ хочет передать Ливонию королю польскому, а Курляндию — герцогу прусскому.

Чувствуя, что силы неравны, прелат бежал в Кокенгауз, который был осажден и взят ливонскими рыцарями через восемь дней осады.

Сигизмунд послал к магистру гонца для переговоров об освобождении Вильгельма. Но, поскольку ливонцы «забыли право Божье и людское», они убили посланника. Из-за «немецкой гордости» была сорвана попытка переговоров и с другим посланцем Сигизмунда — епископом Жмойтским. Сочтя все случившееся оскорблением, король

до «опровержения исторической легитимации великого князя московского» в «Хронике» не во всем находят прямое подтверждение в источниках.

¹¹⁹ Анализ этого сообщения Стрыйковского и его соотношения с другими известиями о Древней Руси см.: Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси... С. 125.

¹²⁰ Анализ «литовской» доктрины Стрыйковского см.: Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси... С. 225–263.

¹²¹ *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska. Zmodska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 409.*

двинул на Ливонию 100 000-ую армию (sic!). Вторжением командовал троцкий воевода Николай Радзивилл. Фюрстенберг же, «упорствуя в своей гордости», противопоставил польской силе (в действительности численность польского войска Стрыйковский сильно преувеличил) 7000 рейтаров, 6 отрядов («прапорцов») пеших кнехтов и сколько-то тысяч «мужиков». Свои отряды против Польши прислали еп. Дерптский, Гапсальский и Ревельский. Одновременно вероломный Фюрстенберг обратился с просьбой о помощи в Священную Римскую империю, просить «ласки и мира», которые сам же и разрушил.

Сигизмунд по совету с панами рады выдвинул ультиматум: магистр должен явиться с повинной в обоз польской армии и привезти с собой живого и невредимого Вильгельма. Струсивший Фюрстенберг приехал, упал в ноги королю. Вильгельм оказался восстановленным во всех правах, а король отвел войска от ливонской границы. Так к 1558 г. мир был восстановлен¹²².

Король просто был вынужден пригрозить вторжением, чтобы исправить ситуацию, и Ливония тут же сдалась на милость Польши. Вся история изображена как триумф Сигизмунда, вступившегося за своего родственника и наказавшего зарвавшегося соседа-грешника.

Король счел проблему решенной и занялся внутренними делами: участвовал в работе сейма, ездил в Варшаву и Краков. А в это время Иван IV внезапно напал на Ливонию и стал штурмовать Нарву, право сбора дани с которой он якобы унаследовал. На территорию ордена вторглась 130 000-ная армия московитов, под ударами которой пали 30 замков, в том числе Нарва, Везенберг, Оберпален (Heberpol), Тарваст (Taurnest), Фалькенау (Folkenach), Нейгауз (Neinhaus), Кирипме (Kiremppe), Дерпт и др. Дерптский епископ был пленен и увезен в Москву.

Фюрстенберг обратился к Сигизмунду с просьбой о помощи, и король созвал в Вильно сейм. Шляхта постановила оборонять Ливонию и для этого ввести специальный налог — по 10 грошей литовских от сохи. За это магистр отдавал шесть замков стоимостью 100 000 злотых. В них были посланы гарнизоны — по 500 конных и 500 пеших солдат. Командирами польско-литовских войск в Ливонии назначены стольник Великого княжества Ян Ходкевич и староста пропойский и чечерский Юрий Зинович. Москва же в 1560 г. напала на Мариенбург и другие земли ордена, которые Корона обязалась защищать.

Не потерпев этого, перед Святками жмудский староста Иероним Ходкевич собрал несколько тысяч воинов, восемь поветовых маршалков, шляхту из Жмодского, Ковенского и Завилийского поветов, перешел под Зельбургом Двину и обрушился на московитов. 50 000 последних в панике бежали при приближении победоносного литовского войска. Была снята осада Вендена (Кеси). Под той же Кесью и под Мариенбургом Москву бьет Александр Полубенский. Он «поразил» 400 врагов и пленил воеводу Ивана Мещерского.

В 1561 г. армия под командованием Николая Радзивилла, Иеронима и Григория Ходкевичей, Павла Сапеги освободила всю Ливонию, выгнала из нее 108 000 московского войска. Правда, из дальнейших слов Стрыйковского выясняется, что под «всей Ливонией» имеется в виду ее часть, аннексированная короной: так, говоря о походе 1561 г. Юрия Тишкевича и Григория Тризни (Trizn) от Ронненбурга (польск. Румборка) под «замки московские», в числе последних назван Дерпт как «принадлежащий Москве». Описание боевых действий 1561 г. завершается повествованием о нападении войска Н. Радзивилла и полоцкого отряда каштеляна Яна Волминского на Тарваст (Taurusem)¹²³.

¹²² Ibid. S. 410.

¹²³ Ibid. S. 411–412.

Осенью 1561 г. новый магистр, Готард Кеттлер, избранный в Феллине вместо неразумного Фюрстенберга, и рижский архиепископ Вилгельм со всеми подвластными им землями подались в подданство короля Сигизмунда и принесли ему присягу. Н. Радзивилл поехал приводить к повиновению Ригу, но горожане отказались приносить клятву, хотя и обещали «подданность и верность».

Заметим, что Стрыйковский, рассказывая о падении ордена, почти ничего не пишет о ливонцах. Будто и не было безнадежного, но героического сопротивления рыцарской армии, погибшей под Эрмесом, не было других попыток спасти государство, кроме перехода в состав Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Мало того, хронист говорит, что сами ливонцы обсуждали со Священной Римской империей проекты раздела своей страны. По Стрыйковскому, только аннексия Ливонии Сигизмундом позволила, насколько это было вообще возможно в той ситуации, спасти единство страны.

Оскорбленный вмешательством в свои планы, Иван IV в 1562 г. напал уже на Великое княжество Литовское, одновременно требуя приезда литовских послов для заключения мирного договора. Московиты обрушились на Витебск, Дубровну, Оршу, Копысь, Шклов. Тогда под Оршу из Ливонии переброшено наиболее боеспособное войско Н. Радзивилла, которое нанесло контрудар и опустошило земли, не дойдя 4 миль до Смоленска. Из Витебска Радзивилл ходил под Велиж, но не взял его и вернулся. Вместо передислоцированных войск в Ливонию с наемниками («людьми пенежными») и отрядами жмудской шляхты послан Гр. Ходкевич¹²⁴.

Далее Стрыйковский рассказывает о битве при Невеле, где полуторатысячный отряд Станислава Лесневельского и Флориана Зебжидовского, в которой также входили 200 литовских жолнеров, казаки и дворовые люди полоцкого воеводы Довойны, сдержал натиск 45 000-ного русского отряда. Московитов пало 3000, «а наших только 15 незнатных людей погибло», пишет хронист¹²⁵. Соотношение потерь сторон под его пером выглядит совершенно фантастическим.

Стрыйковский постоянно подчеркивает вероломство Ивана IV, который одновременно затевает переговоры с королем и тут же нападает на его земли. Прислав очередных послов, великий князь московский двинул на Полоцк 200 000 конных, 80 000 пеших при 200 орудиях. Замок оказался беззащитен, Сигизмунд в то время «сеймовал» в Польше и ничем не помог осажденным. На выручку двинулся все тот же Н. Радзивилл, но у него было всего 2000 литовских конников и 1400 поляков, поскольку поветы не хотели присылать положенное количество людей для ополчения. Отряд Радзивилла расположился в 8–14 милях от Полоцка и стал ловить и уничтожать московские «загоны», оторвавшиеся от основных сил.

В Полоцке среди осажденных возник раскол. Отряд под началом Яна Глебовича, Григория Голубского, Петра Дорогостинского, состоявший в основном из казаков и польских ротмистров, выгнал из замка 20 000 местных жителей и сам спрятался за крепостными стенами (видимо, речь идет о внутреннем замке). Москва сожгла посады и начала артиллерийскую бомбардировку. Не выдержав ее, город сдался. Стоять до конца решили только поляки во главе с ротмистром Вершлинским и некоторые представители полоцкой шляхты. Иван IV разрешил им выйти из замка с почетом и оружием в руках¹²⁶.

¹²⁴ Ibid. S. 412.

¹²⁵ Ibid. S. 413.

¹²⁶ Ibid.

Московские татары поймали и «посекли» монахов-бернардинцев и утопили в Двине всех «жидов». Пленных литовцев погнали в Москву, как евреев в Вавилонский плен. Героических поляков великий князь одарил собольими шубами, чествовал и отпустил. В 1564 г. литовское войско пыталось отбить Полоцк и пробыло под ним несколько недель, но не преуспело.

Далее Стрыйковский поместил довольно пространный рассказ под заголовком «О поражении 25 тысяч Москвы на Уле». Он начинается с того, что 50 000-ное войско из москвитов и татар под началом Петра Серебряного и анонимного «татарского царевича» вторглось в Литву. На соединение с ним на Друцких полях шел 30 000-ный отряд Петра Шуйского. Силы русских оказались разбросаны: обоз Серебряного стоял за две мили до Орши на р. Крапивне, а Шуйского — на Чашницких полях. Н. Радзивилл узнал об этом от своих «шпионов». 26 января он выступил навстречу москвитам. В тот же день 25 000 московского войска было наголову разбито, лишь 5000 едва убежало в Полоцк, «да и то раненых». А войско Серебряного остановил Филон Кмита. Москвит перехватил победные реляции об Ульской битве, прочел и в ужасе пытался спастись бегством. Кмита с двумя тысячами литовцев гнал и сек 50 000 русских. При бегстве последние бросили 6000 доспехов («панцырей и бехтерцев»). 25 000, то есть половина московского войска, попала в плен. Спустя почти десять лет на поле битвы еще можно было видеть «стог» из костей московских воинов (сокрушительный образ, символизирующий победу Литвы!).

Это были не все успехи 1564 г. Из Витебска Станислав Пац с 2000 жолнеров, шляхты и казаков витебских напал на Озерище, под которым стоял 13 000-ный отряд русского воеводы Юрия Токмакова. 5000 русских было убито, остальные обращены в бегство, захвачена огромная добыча, само Озерище оказалось в руках литовцев¹²⁷.

Далее Стрыйковский переходит к перечислению мелких стычек, победы в которых неизменно одерживают поляки и литовцы: в 1565 г. осада литовцами псковского пригорода Красный, в 1565 г. Николай Талваш разбил шведов при Може (Moiz) и Кирипме, гнал их до Ревеля и прислал в Вильно 400 пленных шведов. Лукаш Болко штурмовал Каркус и Гельмет — крепости, занятые к тому времени москвитами. В 1566 г. витебские казаки под началом Бирули (Birula) по приказу Ст. Паца «великие шкоды» Москве чинили. В 1567 г. на Ситне (Sitnie) 300 москвитов разбито, 120 пленено. 12 декабря 1567 г. русский отряд наголову разгромлен под Велижем¹²⁸.

Казалось бы, что это триумфальное шествие польского и литовского оружия должно привести к победе в войне. В 1568 г. король Сигизмунд собрал 100 000-ное войско и сам прибыл к нему, став лагерем в Радошковичах, в 24 милях от Вильно (на самом деле никогда в истории Великое княжество Литовское не собирало войско таких размеров). Но, негодует Стрыйковский, простояв несколько недель, как «обжоры ленивые», воины были распушены. Часть ушла вслед за королем в Гродно, часть отправилась участвовать в стычках с москвитами на р. Улу. Продолжилась мелкая порубежная война, в которой все сражения под пером Стрыйковского развивались по одной схеме: небольшие, но героические отряды поляков и литовцев громят многотысячные орды москвитов, при этом почти без потерь.

Под 1569 г. Стрыйковский рассказывает о Люблинской унии, подчеркивая ее объединительный характер для всех народов Речи Посполитой: поляков, литовцев, ливонцев, пруссаков. На заседаниях присутствовали послы из Ватикана, Священной Римской империи, Турции, Поморских земель и даже «гонимый московский». Особо отмечен подарок собранию князей Легницких (Legnickie) — два молодых льва¹²⁹.

¹²⁷ Ibid. S. 414–415.

¹²⁸ Ibid. S. 416.

¹²⁹ Ibid. S. 418.

После Люблинской унии Стрыйковский больше сосредоточивается на внутренней истории государства. По его свидетельству, в 1569–1570 гг. в Литве был великий голод, ели трупы. Далее следует рассказ о перемирии с Москвой¹³⁰, татарских набегам на Подолье в 1573 г. и Воынь с Подолем в 1575 г.¹³¹ Но в центре изложения у Стрыйковского находятся события первой и второй элекции, причем, что примечательно, он даже не упоминает об участии в этих событиях Ивана IV и выдвижении его кандидатуры на престол Речи Посполитой¹³².

В 1577 г. Иван IV одновременно вел переговоры о мире и напал на Ливонию. Стрыйковский описывает ход событий следующим образом: Иван перед послами провозгласил претензии на Курляндию, «польские и литовские панства до Прус» как наследник Октавиана Августа. Стефан для урегулирования ситуации послал нового дипломата — Петра Гарабурду¹³³. Но «от великой гордости» великий князь московский не стал слушать посла, сорвал переговоры и задержал Гарабурду, как пленника. Тогда литовские паны и рыцарство решили нанести ответный удар и отбивать захваченные московитами ливонские замки. Как мы видим, Стрыйковский сильно «спрямляет» историю 1577–1578 гг., даже не упоминая о перемирном договоре, который заключило в Москве посольство Крыского и который был потом дезавуирован Стефаном.

13 декабря 1577 г. над Московией повисла страшная комета, — несомненный знак грядущих бед. Казаки Жабы атаковали Динабург и взяли Венден. Зимой 1578 г. под Венденом Анджеем Сапегой было разгромлено 20 000-ное войско московитов. Иван IV пошел на попятную, освободил Гарабурду и отпустил его с предложением мира. Однако московские послы, прибывшие в Краков, вели себя странно и вызывающе: например, требовали, чтобы король первым встал и их приветствовал¹³⁴.

Переговоры не удалась по вине московской стороны, и Стефан стал готовится к войне. Советы с панами и рыцарством проходили в Варшаве и Гродно. С объявлением войны в Москву послан гонец В. Лопатинский. Первый удар был направлен на Полоцк. Далее следует описание Стрыйковским полоцкой кампании 1579 г.¹³⁵

В 1580 г. в Вильно Стефан совещался с литовскими панами о дальнейших планах завоевания России. 29 мая послы от римского папы привезли Баторию от понтифика меч и шапку, которые торжественно вручили в костеле Виленского замка. То есть его наступление на московитов получило благословение папского престола. Ян Замойский во главе 8000-ного отряда 6 августа 1580 г. взял Велиж, простые воины все отпущены домой. Вскоре взят Усвят, по этому поводу Стрыйковский замечает: «А Усвят был древней столицей Ольгерда, и из этого замка он ходил на Дмитрия Московского, доходил до самой Москвы»¹³⁶.

8 августа 1580 г. Николаем Дорогостайским-Монивидом осажден Невель, а Яном Замойским — Великие Луки. Иван IV шлет одного за другим послов с мирными предложениями. Стрыйковский по этому поводу полон сарказма. Он писал, что Иван, «человек набожный и миролюбивый», призывал короля не лить христианскую кровь, при этом обильно цитировал Св. Писание, особенно «псалмы Давидовы», а уста русских послов при этом «отыгали яд». 1 сентября начался штурм Великих Лук. Первыми в огонь пошли литовцы, венгры и отряд Яна Замойского. Город был подожжен, вен-

¹³⁰ Ibid. S. 419.

¹³¹ Ibid. S. 424–421.

¹³² Ibid. S. 420, 422–425.

¹³³ Ibid. S. 426.

¹³⁴ Ibid. S. 427.

¹³⁵ Ibid. S. 428–431.

¹³⁶ Ibid. S. 432.

гры и поляки стали подводить к крепостным стенам осадные укрепления — шанцы. 5 сентября Великие Луки пали¹³⁷.

Стрыйковский не скрывает, что в городе была устроена страшная резня, когда погибло более 7000 русских, и кровь их, текущая по улицам, покрывала копыта лошадей. Однако виновниками этой расправы он называет венгров. Затем самими же в панике бегущими русскими сожжен Торопец, литовцами взяты Невель, Заволочье, Озерище. На Варшавский сейм 1581 г. прибыли московские послы с предложением перемирия на два года. Пока шли переговоры, был взят Холм и сожжена Русса. На этом повествование «Хроники...» Стрыйковского заканчивается¹³⁸.

Как мы видим, его сочинение весьма комплиментарно и во многом заложило основы «польского» и «литовского» мифов о Ливонской войне. Основные его положения — благородство Королевства Польского и Великого княжества Литовского, выступивших защитниками Ливонии от московской агрессии, однозначное военное преимущество польско-литовских войск на всех этапах кампании, изображение москвитов жестокими и бесчеловечными захватчиками, обманщиками, злодеями и совершенно бездарными воинами. Под пером Стрыйковского Ливонская война для Речи Посполитой — благородная, освободительная, победоносная война. Также надо подчеркнуть, что «Хроника» Мацея Стрыйковского — это первый польский исторический нарратив летописного типа о Ливонской войне, в котором дан ее пространный и цельный очерк от начала почти до самого конца.

Воспевание поэтами побед Батория.

Война заканчивалась для Речи Посполитой триумфально. Логика пропаганды требовала прославления короля-победителя не только в новостях, но и в литературных трудах. Отдельные сюжеты Ливонской войны и раньше вдохновляли поэтов Великого княжества Литовского, Королевства Польского, Речи Посполитой. Их произведения были посвящены не столько самой войне, столько персоналиям, подвигам и судьбам конкретных героев. Так, Б. Раизий (ум. 1571) в конце 1560-х гг. в панегирическом тоне писал о воинских деяниях Яна и Григория Ходкевичей, Николая Радзивилла, Романа Сангушки. В сочинении, адресованном Я. Ходкевичу, в рассказе о кампании 1568 г.¹³⁹ Иоанн Милиус (Мылий) воспел Филона Кмиту-Чернобыльского¹⁴⁰. Но в 1580-х гг. эти отдельные «пробы пера», как отметил С. Ковалев, превращаются в целое литературное направление, темой которого было воспевание подвигов Речи Посполитой и ее народов в борьбе с Московией¹⁴¹.

Здесь стоит выделить деятельность немецкого поэта Даниила Германна (1543–1601)¹⁴². Он учился в университетах Кенигсберга, Базеля, Страсбурга, Виттенберга. Служил секретарем в Вене при императорском дворе. В 1578 г. переехал в Данциг, был представителем города в свите Стефана Батория. Себя называл Даниилом Германном Прусским (Danielis Hermannii Borussi). Позже Германн переехал в Вильно, а скончался в Риге в 1601 г. В 1579 г. он издал в Братиславе стихотворную поэму в честь взятия Полоцка¹⁴³, в 1582 г. в Гданьске — поэму о победах над москвитами Стефана Батория¹⁴⁴,

¹³⁷ Ibid. S. 434.

¹³⁸ Ibid. S. 435.

¹³⁹ Ковалёв С. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага... С. 103–104.

¹⁴⁰ Там же. С. 109–110.

¹⁴¹ Там же. С. 216.

¹⁴² О нем см.: Schieman T. Hermann, Daniel // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1880. Bd. 12. S. Danielis Hermannii Borussi 166 f.; Kappeler A. Ivan Groznyi im Spiegel ... S. 66).

¹⁴³ Hermann D. Musae marti coniunctae: Ex regis ad captam Polociam castris, missae. Vratislaviae, 1579.

¹⁴⁴ Hermann D. Borussi. Stephaneis Moschovitica. Sive, De Occasione, Causis, initijs, & progressibus, Belli, à Serenissimo potentissimoque Polonorum Rege, Magno Dice Lithuaniae etc. Stephano primo, Contra Ioannem Basilium Magnum Moschorum Ducem gesti et hoste represso, fractoque ad aequas pacis condiciones feliciter

в 1586 г. в Вильно — поэму на смерть Стефана Батория¹⁴⁵, в 1594 г. в Риге — сочинение о Георге Фаренсбахе¹⁴⁶.

Для нас наибольший интерес представляет его поэма о московских походах Стефана Батория. Король изображен заступником за «оставленную без помощи Ливонию», для ее спасения он и выступил против московского тирана (F. A). Далее рассказывается о подготовке короля к войне и о ее причинах. Они делятся на дальние и ближние. Первые выводятся с древних времен: еще с захвата Московией Новгорода и Пскова, права на которые имело Великое княжество Литовское. Ближней причиной является ливонский вопрос и длящаяся война с Московией (F. A2). Сперва король пытался добиться правды и справедливости мирным путем, через послов (миссия Станислава Крыского, F. A3–A4). По вине московитов переговоры успехом не увенчались, и через Василия (так в поэме — *Vasilium*) Лопатинского король объявил войну великому князю. Далее прославляется Николай Радзивилл как герой войны с Московией и рассказывается о роли Радзивиллов в истории Великого княжества Литовского с XIV в. (F. B v.–B2). В связи с подвигами Николая Радзивилла и Каспара Бекеша рассказывается об осаде и взятии Полоцка (F. B2 v.–D2 v.). Отдельно выделяется роль венгерских, польских и немецких отрядов в боях за Полоцк и его пригороды. Изложение построено по персоналиям, описывается роль отдельных командиров во взятии Полоцка. Король изображен набожным: после взятия города молится в храме с благодарностью Богу за победу (F. D2 v.). Далее изложение становится более подробным — описываются поездки короля между Варшавой и Гродно, смерть Каспара Бекеша в Гродно в 1579 г., дипломатические переговоры и переписка с Московией (F. D3–D4). На этом заканчивается первая книга.

Вторая книга начинается с выступления Яна ЗамоЙского в Сенате. Говорится о преступлениях московитов, об их генеалогических легендах (легенда о Прусе и кесаре Августе), о претензиях на земли Ливонии и Литвы. Далее пересказываются переговоры и переписка с московскими дипломатами, дело Григория Осцика (F. D4–E3)¹⁴⁷. Канва изложения очень сходна с сочинением Р. Гейденштейна. Германн описывает выступление войск ЗамоЙского и Фаренсбаха под Велиж в 1580 г. (F. F2 v.–F3), Радзивилла под Усвят (F. F4.–G) и, наконец, Великолукский поход с боевыми действиями и дипло-

---

deducti, libri duo priores. Gedani, 1582. Ссылки на страницы даны в скобках в основном тексте. Сочинение вышло в двух книгах. Переиздано в 1856 г.: *Stephaneis Moschovitica, Libri duo*. Lemberg, 1856.

¹⁴⁵ *Hermann D. Stephano I. Regi Poloniae maximo, sapientiss fortiss, immatvra morte praerepto*. Vilnae, 1586.

¹⁴⁶ *Hermann D. Conterfei und leben des wolgeborenen, gestrengen, edlen herrn, herrn Georgen Farensbachs*. Riga, 1594.

¹⁴⁷ Григорий Осцик был осужден в 1580 г. королевским судом за изменнические сношения с Москвой. Впервые он был обвинен в этом преступлении в 1573 г., но был оправдан, поскольку его контакты с Иваном Грозным были расценены как связь с одним из претендентов на престол Речи Посполитой. Через несколько лет обвинение повторилось (из-за полученных Осциком от русского посла писем), и он был казнен. Событие произвело впечатление на общество Речи Посполитой — к перебежчикам из Московии они привыкли, а вот шляхтичи, в 1580 г. сотрудничавшие с Москвой, были редкостью. Был ли Осцик предателем — неизвестно, его обвинили по самому факту передачи ему письма от русского посла. Ждал ли его Осцик и сотрудничал ли он как-то с русскими — источники молчат. Современников волновали вопросы, справедливо ли был он осужден или по подозрению (в последнем случае Речь Посполитая сильно смахивала бы на Московию Ивана Грозного, и мысль об этом смущала панов). Их ужасало предположение, что кто-то из шляхтичей мог вступить в контакты с тираном, с врагом. Дело Осцика получило отражение в ряде нарративных и даже стихотворных памятников (о последних см.: *Ковалёв С. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага...* С. 180–202). Известия о перебежчиках в Московию возникали периодически, но носили малодостоверный характер: например, под 4 июля 1580 г. в дневнике С. Пиотровского помещена запись о перебежчике Невенгловском из Лукова, доказательством вины которого оказалась... некая речь (!), которую он якобы записал на бумаге, чтобы произнести перед московитами. Иезуиты насильно обратили Невенгловского в католическую веру, в ответ он просил его повесить. Его казнили, а потом четвертовали (*Пиотровский С. Дневник последнего похода...* С. 29, 31, 39).

матическими дебатами (F. G–I2). Изложение построено опять-таки по национальностям, участвовавшим в походе (поляки, венгры и т. д.) и персоналиям военачальников. В конце книги описано начало Псковского похода (F. K4 v.–L).

Сочинение Даниила Германна не является образцом высокой латинской поэзии, мало насыщено образами. В целом в нем рисуется многонациональная Речь Посполитая, которой служат многие знаменитые европейские мужи (перечислены с описанием их подвигов поименно). Враги-московиты, несмотря на упоминающиеся в тексте имена, безлики и шаблонны. Большого влияния «Стефанаида» в последующие годы не получила и остается малоизвестным литературным памятником завершающего этапа Московской войны.

В 1582 г. в Вильно вышло небольшое панегирическое сочинение Франтишека Градовского (1545–1599), посвященное подвигам в войне представителей рода Радзивиллов, в частности, Криштофа и Николая¹⁴⁸. В основу его жанра был положен античный *hodoeporikon* — путевой дневник, описание путешествия. Автор рисует историческую картину довольно широко, от падения Полоцка в 1563 г. и битвы под Улой 1564 г. (F.1 v.) до знаменитого рейда Криштофа Радзивилла под Старицу в августе–сентябре 1581 г. (F. 28 v.–29). Помещен лишенный существенных подробностей, зато пронизанный героической патетикой рассказ о взятии армией Батория Усвята, Велижа, Сокола, Великих Лук, Невеля, Заволочья, осаде Пскова.

Отдельно рассказывается о рейде Радзивилла в глубь русской территории. Война сравнивается с Понтийскими войнами Митридата, а Криштоф Радзивилл — с Ксерксом и Ганнибалом (F. 6 v.). Причем переход Радзивилла через одно из болот на его пути сравнивается с переходом Ганнибалла через Альпы. Градовский намекает, что Радзивиллу недаром дано имя Криштоф (Христофор) — «несущий Христа». По справедливому замечанию С. Ковалева, поэма проникнута идеей мести московитам за все предыдущие военные тяготы и бедствия Великого княжества Литовского: как русские жгли литовские города и веси, так и Криштоф Радзивилл подверг погрому их деревни и крепости. Их настигло божественное возмездие. Царя Ивана карает и человеческий, и Господний гнев¹⁴⁹.

4 июля 1582 г. в Виленской иезуитской академии был представлен театральный «Диалог о мире для короля Стефана» К. Пентковского¹⁵⁰. Подвигам в войне Криштофа Радзивилла была посвящена вышедшая в 1583 г. в Кракове поэма Яна Кохановского «Поход на Москву»¹⁵¹. В этом, как обозначено в подзаголовке, «правдивом описании» повествуется о высоких намерениях молодого Радзивилла:

O zasny Radziwile z napirwszýy mlodości
Mysliłeś zǎwżdy slawy domowéy poprǎwić
I o miłǎ Oyczyzne śmieie sye zǎstǎwić.

Герою помогает Бог, своей «лаской» покровительствующий планам похода на Москву. Уже московское войско было разбито и поля наполнены трупами московитов, уже пал сам Шуйский (S. 2) и множество других «гетманов». Радзивиллы добыли великую

¹⁴⁸ *Gradovius Fr. Hodoeporicon Moschicum ... Christophori Radiwilonis, ducis in Birza et Dubinga, castellani Troensis, vicecancellarii et campudictoris in Magno Ducatu Lituaniae. Vilno, 1582.* Ссылки на страницы даны в тексте в скобках. Переиздание: *Gradowski F. Hodoeporicon moschicum. Wyprawa moskiewska. Warszawa, 2011.* Обзор истории изучения см.: *Ковалёв С. Шматкоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага... С. 214–224.*

¹⁴⁹ *Ковалёв С. Шматкоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага... С. 223.*

¹⁵⁰ *Ковалёв С. В. Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 166; текст издан: *Petkowski K. Dialog o pokoju dla krola Stefana // Dramaty staropolskie / Oprac. J. Lewański. Warszawa, 1961. Т. 4. S. 385–418.**

¹⁵¹ *Kochanowski Jan. Iezda do Moskwy. Kraków, 1583.* Ссылки на страницы даны в тексте в скобках.

славу, за то, что гонят москвитин и татар (заметим, что эти народы под пером Кохановского объединены в одинаковых врагов Речи Посполитой) и грозят туркам (С. 3). После взятия Полоцка великим королем русский царь перестал быть грозным (С. 3). Стефан освобождает Инфлянтов, приносит им мир и покой, спасает от тирана (С. 4). Далее воспеваются подвиги Радзивилла под Полоцком (С. 6), взятие Усвята, Невеля, Озерниц, Заволочья и Великих Лук (С. 7). Кохановский отдельно выделяет поход под Туровлю и «забег» под Старицу (С. 8), в котором Радзивиллу помогают Филон Кмита и Гарабурда, битву под Соколом (С. 8–9), осаду Печерского монастыря (С. 10). Великий князь московский Иван уstraшен натиском поляков:

Goźie sam Kniáz ná ten czás strwożony
Z woyskiem swoim ulégał y z milemi syny:
I widzac gesté ognie y bliskie pérzyny
Tei że nocy żone swa y Kniázia Fiedorá
Z żona iego y z bratka z Stáryckiégo dworá
Do Moskwy wysłał... (С. 10)

Отряд Радзивилла тем временем выходит к Волге (С. 10), действует под Торопцом (С. 11–12). Московское войско для отражения похода собралось под Коломной (С. 12). Далее очень бегло говорится об осаде Пскова (С. 13), деяния Радзивилла сравниваются с борьбой с циклопом (С. 13). И поэма заканчивается похвалой князю и его королю (С. 14).

В том же 1583 г. участник рейда Радзивилла Елиаш Пельгримовский (1550–1604) создал свой панегирик о походе на Москву («Panegyrika Apostrophe»)¹⁵². Его содержание сходно с другими текстами, посвященными этому сюжету. Другим автором, также посвятившим свое сочинение восхвалению Радзивиллов и данному походу, был Анджей Волан (1530–1610)¹⁵³.

В 1585 г. было написано сочинение Андрея Рымши (ок. 1550 – ок. 1599): «Deketeros akroama, to est Dzisiećgoczna powieść wojennych spraw... Krysztofa Radziwiłła»¹⁵⁴. Помимо восхваления Радзивилла, в ней говорится о некоем постельничем Ивана Грозного Данииле мурзе (!?), который бежал к Стефану Баторию и выдал ему все планы своего господина. Пафосом поэмы является противопоставление вольных шляхтичей рабам-москвитам. Панов не победить именно потому, что они «вольные». Москвиты ужасно боятся и литовцев, и поляков, но более всего для них страшен король Стефан. Главная заслуга Радзивилла в том, что он — тираноборец, спаситель Отчизны и воин свободы. Как и Градовский, Рымша считает поход Криштофа Радзивилла в глубь русских территорий возмездием агрессорам: пусть война придет на их земли, пусть они почувствуют, каково это — вторжение врага, пусть заплатят своей кровью за нападение на Великое княжество Литовское! У Рымши в полной мере присутствует и античная традиция, сравнения с Ганнибалом, Ксерксом, Цезарем, Александром Македонским и т.д. Само пространство пути войска Радзивилла по Московии насыщено античной символикой, разного рода мифологическими аллюзиями. Литовский полководец для придания ему облика античного героя помещается в соответствующий контекст. После победы над

¹⁵² Pielgrzymowski Elias. Panegyrica Apostrophe ad... Christophorum Radivilum. Kraków, 1583.

¹⁵³ Wolan A. Oratio gratulatoria. Ad illustriss. dominum principem D. Christophorum Radivilum. Wilno, 1584.

¹⁵⁴ Кавалеў С. В. 1) Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 122–132; 2) Шмагтоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага... С. 224–244. Текст издан: Rymsha A. Deketeros akroama, to est Dzisiećgoczna powieść wojennych spraw... Krysztofa Radziwiłła // Archiwum Literackie. Wrocław, 1972. Т. XVI. S. 133–233.

москвитами наступает мир, в котором играют свадьбы, отпущены по домам воины, гуляют дети, пасется на полях скот и т. д. — идиллическая картина. В конце поэмы помещена похвала миру.

В поэзии Речи Посполитой, посвященной первым годам Московской войны, ярко проявилось несколько тенденций. Прежде всего, стоит отметить существенную разницу между русским нарративом и нарративом Королевства Польского и Великого княжества Литовского: в изображении русских авторов воины Ивана Грозного совершают подвиги во имя Бога и Государя, а также городов, которые они защищают (локальный патриотизм). Герои польских и литовских авторов сражаются прежде всего за Отчизну, за идеалы свободы, которым угрожает тирания, за христианскую веру и за своего господина, командира, которым не обязательно выступает король, а чаще — магнат (Радзивилл, Ходкевич и т. д.).

Панегрическая литература о Московской войне в эти годы развивается в русле прославления не только Стефана Батория, но прежде всего Радзивиллов, и является частью целого литературного направления глорификации этого магнатского рода (с сер. XVI в., сюда же можно отнести часть «летучих листков» 1560-х гг.). Именно поэтому главным сюжетом, вышедшим на первый план, явился рейд Криштофа Радзивилла под Торопец и Старицу, малозначимый в военном отношении (он ничего не изменил на театре военных действий). Но это был поход самого Радзивилла в глубь Московии, и о нем быстро стали говорить как о грандиозной победе, что польская кавалерия вышла на берег Волги и т.д. Война моделировалась прямо по ее ходу: под пером поэтов померкли действительно значительные военные победы (те же Великие Луки удостоились куда меньшего внимания), зато проход по русским тылам небольшого отряда был превознесен до небес.

«Летучие листки» в конце войны.

Пафосные ноты и победные реляции во время Псковской осады несколько поутихли. За первый и второй походы Московской войны в «летучих листках» выработалась определенная схема подачи материала. Сперва описывалась московская тирания, преступления Ивана Грозного, потом обрисовывалась роль справедливого заступника — короля Стефана. Рассказывались мотивы и цели нападения Речи Посполитой на Россию для восстановления правды. Хронологически излагались события (иногда поденно), иной раз прилагались пересказанные документы или их имитация — письма, дипломатические грамоты и т.д. В конце провозглашался триумф польского короля.

Со Псковом эта схема дала сбой, поскольку выпадало главное, среднее звено — третий поход на москвитов был провозглашен, но за весь 1581 г. так и не завершился долгожданным триумфом. Королевские войска завязли под псковскими стенами. Победа никак не наступала. Листки о третьем походе в 1582 г. вышли в Аугсбурге и Шпейере¹⁵⁵. В них описывались события похода на Псков с 29 апреля по 19 июня 1581 г. и начало осады Пскова. Но вот описать успешное завершение осады и взятие Пскова никак не получалось, что, впрочем, не мешало триумфальным восхвалениям¹⁵⁶...

¹⁵⁵ Zeitung Von der jetzund dritter vorgenommener Kriegsrüstung desz Polnischen Königs Stephani gegen den Moscowiter. Augsburg, 1582 (листок описан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 64, 257; Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 47. Nr. 184, 185; Poe M. Foreign discriptions of Muscovy... P. 84*).

¹⁵⁶ Warhafftige Beschreibung des Herrlichen Triumphs so von Kön: May: zu Polen etc. vnserm gnedigsten König vnd Herrn wegen hiebeur erlangten Moskowitterischen Victoria zu Crackaw in des H: Gros Cantzlers Köstung vffm Marckt öffentlich ist gehalten worden. *Królewiec, 1583* (листок описан: *Zawadski K. Gazety ulotne polsky... S. 47. Nr. 187*).

Поэтому пришлось объединять осаду Пскова с миром в Яме Запольском, чтобы обрести видимость победы и завуалировать невзятие Пскова. П. Одерборн написал на латинском языке брошюру о подведении итогов войны и условиях перемирия, заключенного польской делегацией во главе с Антонио Поссевино¹⁵⁷. Акцент делается на освобождении Польшей Ливонии как результате войны. Европа ждала этих результатов: краткий пересказ условий Ям-Запольского перемирия вышел в Магдебурге с датой на обложке — 15 января 1582 г.¹⁵⁸. К нему прилагался рассказ о мире Кристофора Варшевицкого¹⁵⁹. Перед нами панегирический памфлет, изображающий торжество справедливости над кровавым и бесчеловечным тираном. Он поставлен в один ряд с Калигулой и Нероном. Подвиги Батория сравниваются с деяниями античных героев и великих легендарных польских королей — Леха, Казимира, Болеслава и др. Конкретным условиям Ям-Запольского мира уделено всего несколько страниц из 22. Перед нами опять-таки один из нарративов, который послужил основанием создаваемого «Баториева мифа».

Большой интерес в плане трансформации образов и вторичном использовании иллюстративных материалов представляет собой нюрнбергская «Польская и русская газета. Подлинное и краткое описание некоторых свершенных боевых действий во время осады могущественного русского торгового города

Обложка нюрнбергского листка 1582 г. с портретом Ивана Грозного.

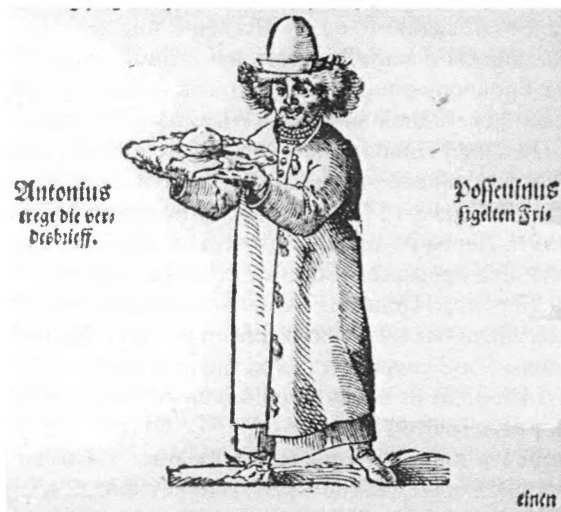

Изображение князя Оболенского в нюрнбергском листке 1582 г.

¹⁵⁷ De Plescoviae obsidione et pacificatione secuta, illiusque conditiones. Item. De Livonicis et Turcicis rebus, narrationes lectu non indignae: proxime praeterito mense ex Lithuania scriptae. S. l., 1582 (листок описан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 64–65, 257; Zawadzki K. Gazety ulotne polsky ... S. 45. Nr. 178).*

¹⁵⁸ *Conditiones pacis, a Magno Moscoviae Duce petitae, a serenissimo Rege Poloniae concessae, in praesentia legati summi pontificis a Moscho venientis transactae Zapolska Jania. A.D. MDLXXXII. die XV. Jan. Magdeburg, 1582* (листок описан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 65, 257).*

¹⁵⁹ *Warszewicij Ch. Ad Stephanum Regem Poloniae Oratio: Qva cvm Ioanne Magno Moscorvm Dvce XV. Ianuary ad Zapolsciam confectam pacem gratulatur. Magdeburg, 1583. P.1–19.*

Изображение А. Поссевино в образе русского дьяка в нюрнбергском листке 1582 г.

Пскова»¹⁶⁰. Здесь использованы опубликованные в 1576 и 1578 гг. в немецких листках гравюры: портрет Ивана Грозного, русский ратник в тегиле (теперь это не абстрактный ратник, а воевода Оболенский). Но самая парадоксальная трансформация происходит с изображением русского дьяка. В 1576 г. подпись гласит, что перед нами Афанасий Монастырев. В 1578 г. в листке о взятии Вендена эта же гравюра изображает пленного русского дьяка Андрея Клобукова. В 1582 г. эта же гравюра атрибутируется как... портрет папского легата Антонио Поссевино! Возможно, это было связано с тем, что Поссевино, с точки зрения поляков, откровенно подыгрывал русским на переговорах в Запольском Яме и помог им заключить мир на куда более выгодных условиях, чем могло бы быть. И как бы стал русским посольским дьяком, почти что москвитом.

В Ливонии победы над русскими в конце войны отмечали благодарственными молебнами. По свидетельству Рюссова, в церкви Св. Николая в Ревеле в 1581 г. в честь победы шведских войск под Вайсенштейном на специальной службе читалась 20-я глава Второзакония¹⁶¹. Из нее видно, в каком дискурсивном контексте мыслилась борьба за Ливонию:

«Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы [и] народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской. Когда же приступае к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу, и скажет ему: слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет

¹⁶⁰ Polnische und Reussische Zeittungen. Eigentliche und kurtze Beschreibung etlicher ergangener Kriegsübungen auch die Belagerung der gewaltigen Reussischen HandelsStatt Plesskaw. Neben ordentlicher Verzeichnuss dess gemachten und bestettigten Fridens zwischen beden Potentaten als KönigiMaye: in Polen erstes und dem Grossfürsten in der Moscaw anders theils mit sonder unterschiedlicher Vermeidung der Fridens articul. Dergleichen von Lifflendischen und Türckischen in newligkeit verloffenen Sachen etliche warhafftige Vermeidung und anzeigungen nützlich und notwendig zu wissen und lesen alles in kurtz auss Littaw geschriben. Nürnberg, 1582 (листок описан: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 65, 257*).

¹⁶¹ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 330.

сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими [и] спасти вас» (Вм. 20: 1-4).

Наступление на русских представлялось в контексте библейского описания священной войны Израиля против язычников:

«Если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его, и [когда] Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча; только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой; так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из [числа] городов народов сих. А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Вм. 20: 12-16).

После проповеди пели «*Te deum laudamus*» — «Тебя, Бога, хвалим», католический гимн, исполнявшийся по особо торжественным случаям.

После 1582 г. тема войны в Ливонии на страницах газет и «летучих листков» быстро замирает. К ней иногда возвращаются, вспоминая о былых сражениях и преступлениях московитов в Ливонии¹⁶², но особого развития она не получает. Провал псковской осады в какой-то степени сорвал развитие темы Московской войны в «летучих листках»: писать о Ям-Запольском перемирии было не очень интересно, хотя материалы переговоров в неожиданно ставшей знаменитой псковской деревушке Киверовой горе несколько раз издавались.

А долгожданной военной катастрофы московитов не случилось. Авторы газет переключились на другие темы. Ливонской войне не повезло: она с самого начала попала в категорию незначительных, быстро забываемых войн.

Личные мотивы: дневники (диариуши) о Московской войне.

В эпоху Возрождения в Королевстве Польском, а затем и в Великом княжестве Литовском получают распространение так называемые *itinerarium* — путевые дневники, записки дневниково-хроникального характера, которые все чаще на польский манер называли диариушами (*diariusz*). С 1548 г. встречаются подобные сеймовые дневники (за XVI–XVII вв. их известно более 900)¹⁶³. Их количество к концу XVI в. росло, и в годы Московской войны мы имеем несколько диариушей, посвященных военным походам в Россию. Рост интереса к подобным путевым дневникам объясняется как общей ренессансной тенденцией обращения к личности, в том числе ее личной биографии, переживаниям, так и нарастанием потребности в информации с полей сражений. Дневники писались как пространные, развернутые письма, и эти жанры развивались параллельно.

О степени интенсивности эпистолярного творчества в 1580-е гг. свидетельствует такой факт: автор одного из дневников Второго Московского похода, Л. Дзялынский, с 14 августа по 10 сентября получил из Польши 4 письма (три от тещи и одно от жены)

¹⁶² *Newe Zeyttung aus Lyfland* Wie alda einer vom Mosskowiter verwüsten Kirchen ein Musica von Menschen stimmen und Instrumenten von dreyssig Newlicher zeyt Gestorbnen personen gehört worden. S. 1., s.a. Возможно, этот листок можно датировать 1584 г. Другой листок — *Warhafftige Gewisse Newzeitung aus Reval in Liefelandt von einem neuen Cometen*. Auch wie der Muscowiter wieder die armen Liefender tobet unnd wüetet wie er Derps belagert aber widerumb hat abziehen müssen wie er vor dem Haus Loda geschlagen und wie er wegen der weissen Tartern und des jtzigen Königs Sigismundi in Polen gewichen. Erfordt, 1593. О листках упоминается: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ...* S. 65.

¹⁶³ За консультацию по истории диариушей благодарю Ларису Михайловну Аржакову.

и отослал в ответ два¹⁶⁴. Шесть писем в месяц, да еще и в походных, фронтовых условиях, при отсутствии почтовой службы (все послания передавались с оказией) — подобные темпы были бы неплохими и для XX века! Дневник с его фиксацией повседневных событий был серьезным информационным подспорьем для такой переписки.

О чем шла речь в диариушах? Участие в войнах за Прибалтику во второй половине XVI в. стало фактом биографии для представителей целого поколения и в России, и в Речи Посполитой. Московские (Баториевы) походы привнесли то новшество, что польская армия впервые столь массово вторглась на территорию своего восточного соседа (до этого с Москвией воевала преимущественно Литва, а поляки участвовали в боевых действиях в качестве добровольцев или наемников). Походы в сознании современников носили колониальный характер — не даром королевский секретарь С. Пиотровский в своем дневнике назвал Псковщину «Индией»¹⁶⁵. Судя по сообщениям авторов, процветала мифология, характерная для колониальных захватов: территория, которую завоевывают, полна богатств и сказочных чудес. По войску ходил слух, что около Старой Руссы, за Порховом, деревни так же «густы, как в Мазовии», а хлеб (рожь, ячмень и овес) стоит в таких больших скирдах, что человек не в состоянии перебросить через них камнем¹⁶⁶. Как «территория чудес», на которой не действуют обычные воинские законы, изображается Псково-Печерский монастырь, который не смогли взять королевская армия и великолепно обученные европейские наемники¹⁶⁷.

Пафосом всех дневников является обращение с русскими как с туземцами: авторы подчеркнуто пишут, что им предлагалось перейти на сторону Речи Посполитой, что многие хотели бы это сделать, но единственно страх перед Иваном Грозным удерживал их от этого. То есть Речь Посполитая изображалась как более высокоразвитая и привлекательная для людей держава, стать подданной которой есть мечта, желание для детей боярских, стрельцов, крестьян русских гарнизонов. В этом, несомненно, видны отголоски колониального дискурса.

Характерный штрих: когда русские в Велиже просят два часа перемирия, чтобы решить, сдаваться им или нет, то поляки посылают им часы, чтобы они смогли точно определить, когда же закончатся эти два часа¹⁶⁸ — у русских даже нет способов определять время... Пленных русских кормят хорошей едой, которой они и не видывали — мальвазией, белым хлебом и «другими лакомствами»¹⁶⁹. Сдавшиеся русские целуют руки гетману Замойскому¹⁷⁰ — тоже штрих, указывающий на уничижительное отношение к москвитам (никто из польских или литовских пленных в русских источниках не целует рук своим победителям). В побежденных крепостях ставились костелы¹⁷¹ — такой же маркер «своей территории», как и православные храмы во взятых ливонских горо-

¹⁶⁴ Получил письма: 14, 28, 31 августа — от тещи, 2 сентября — от жены, 9 и 10 сентября отправил им ответы (*Дзялынский Л.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г., введённый Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // *Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию 1580–1581 гг.* / Вступ. ст. и комм. А. А. Михайлова. Псков, 2005. С. 183, 194, 197, 198, 206, 207).

¹⁶⁵ *Пиотровский С.* Дневник последнего похода... С. 242. Причем для поляков колониальный дискурс проявлялся не только по отношению к Московии, но даже к Великому княжеству Литовскому. Так, когда полоцкая шляхта стала протестовать против приезда иезуитов, Баторий заявил: «Я завоевал эту страну, отчего же мне не позволено проводить перемены, какие захочу?» (Там же С. 42).

¹⁶⁶ Там же. С. 190. Все войско жило слухами, хотя их распространение каралось посаживанием на кол (Там же. С. 72).

¹⁶⁷ Там же. С. 232, 241.

¹⁶⁸ *Дзялынский Л.* Дневник осады и взятия Велижа... С. 176.

¹⁶⁹ Там же. С. 228.

¹⁷⁰ Там же. С. 177.

¹⁷¹ Там же. С. 178.

дах. С. Пиотровский пишет об основании рядом с Псковом целого города для армии Речи Посполитой — «только ратуши нет, но рынок и улицы уже устроены», так что без малого образовался чуть ли не «другой Псков»¹⁷².

Походы Батория в Московию воспринимались и как реализация воинской доблести, и как некое приключение, проявление и выражение каких-то божественных и жизненных тенденций. Наконец, эти акции были проверкой короля и его соратников, достоин ли недавно избранный монарх быть правителем Речи Посполитой.

Все факторы — знаменательное событие, колониальный дискурс, воинская слава и «испытание короля» — сошлись, как в фокусе, в Московской войне Стефана Батория, в его втором и третьем походах (в первом в 1579 г. освобождалась земля Великого княжества Литовского — Полоцкий повет). И именно тогда появляются дневники (диариуши), посвященные этой войне.

Прежде всего, это дневники гнезненского каштеляна Яна Зборовского¹⁷³ и военачальника Лукаша Дзялынского¹⁷⁴, посвященные великолукскому походу 1580 г. В центре повествования — описание маршрута похода, станов, ночлегов, королевского войска (с подробной персонификацией военачальников), перечисление захваченных трофеев, количества пленных и т.д. Зборовский подробно описывает походный порядок построения и прохождения армии Речи Посполитой. Рассказы о захваченных пленных помещаются столь часто, что возникает ощущение — вся русская армия сдалась без боя. Автор обращает внимание на должности, назначения, пожалования по результатам воинских заслуг и итогам войны. Подробно рассматриваются русские посольские миссии, речи и поведения послов, пересказываются условия мира. Третий, Псковский поход находится в центре внимания автора третьего широко известного дневника — королевского секретаря С. Пиотровского¹⁷⁵.

Примечательны образы монархов. У Зборовского король стойко переносит тяготы (ночует не в городе, а в военном лагере), лично осматривает укрепления. Король ест в крестьянских избах, спит на тюфяке из березового хвороста и проявляет иной бытовой героизм (тщательно описываемый)¹⁷⁶. Он милосерден к падшим: лично приказывает отпустить всех русских, плененных в Велиже¹⁷⁷. На указание на трудности походной жизни и опасности от неприятеля король отвечает стереотипной фразой:

¹⁷² *Пиотровский С.* Дневник последнего похода... С. 165.

¹⁷³ Дневник Зборовского был напечатан: *Dyaryusz zdobycia zamków: Wielża, Uświaty, Wielkich Łuk w liście Jana Zborowskiego kasztelana Gnieźnińskiego do Piotra Zborowskiego, Wojewody Krakowskiego. 1580 r.* // АНР. Т. XI. S. 189–203. Nr. CXXVIII. Русский перевод: [*Милевский О. Р.*] Дневники Второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) (Яна Зборовского и Луки Дзялынского). М., 1897. Перевод О. Р. Милевского переиздан: *Зборовский Ян.* Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, каштеляна Гнезненского, к Петру Зборовскому, воеводе Краковскому // *Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию 1580–1581 гг.* / Вступ. ст. и комм. А. А. Михайлова. Псков, 2005. С. 134–170.

¹⁷⁴ Дневник Дзялынского был напечатан: *Dyaryusz oblężenia i zdobycia zamków: Wielża, Wielkich Łuk i Zawołocia od dnia I Sierpnia do 25 Listopada 1580 r.* Pisany przez Łukasza Działyńskiego starostę Kowalskiego i Brodnickiego // АНР. Т. XI. S. 203–273. Nr. CXXVIII. Русский перевод: [*Милевский О. Р.*] Дневники Второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) (Яна Зборовского и Луки Дзялынского). М., 1897. Перевод О. Р. Милевского переиздан: *Дзялынский Л.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г., вехенный Лукою Дзялыным, старостою Ковальским и Бродницким // *Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию 1580–1581 гг.* / Вступ. ст. и комм. А. А. Михайлова. Псков, 2005. С. 171–242.

¹⁷⁵ [*Коялович М. О.*] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582). СПб., 1867. Русский перевод первой части: *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) / Пер. О. Н. Милевского. Псков, 1882.

¹⁷⁶ *Пиотровский С.* Дневник последнего похода... С. 55.

¹⁷⁷ *Зборовский Ян.* Дневник взятия замков... С. 134.

«Конечно, это ничего, друзья мои»¹⁷⁸. Король — источник благ и наград. Доблесть и воинское прилежание должны быть продемонстрированы прежде всего в его глазах, вплоть до спектаклей — после взятия Велижа, когда Баторий приехал осматривать крепость, войска были расставлены по окопам в том порядке, в котором занимали свои позиции при штурме, дабы Стефан мог воочию все увидеть и вообразить¹⁷⁹.

Совсем иными красками рисуется образ русского царя: он очень боится Батория, боится войска Речи Посполитой, не доверяет своим людям, много молится о своих грехах, надеясь, что Бог тем самым спасет его и избавит от поляков. Не в силах победить в честной войне, Иван IV прибегает к подлым приемам: якобы засылает лазучиков поджечь Вильно и устроить покушение на Стефана Батория¹⁸⁰. Он малодушно плачет, стоя на стене крепости в Старице и смотря на далекие пожары русских деревень, зажженных во время рейда Криштофом Радзивиллом. Свой страх и гнев он вымещает на боярах, избивая их за то, что они не смогли одержать победу над Великим княжеством Литовским¹⁸¹.

«Бедняжки русские» все равно верят своему царю, после чего он опять стал надменным, и только угроза польского наступления (войска Батория идут «плотно, как мошки») его опять испугала¹⁸². Русские понесли большие потери, все годные к делу люди мобилизованы, а все лучшие свезены в центр государства, на окраинах остались только «старые да слабые»¹⁸³. Русские вообще в расстройстве от наступления Речи Посполитой: их гонцы настолько встревожены, что — небывалое дело — даже забывают перечислить все титулы своего государя, мнутя в нерешительности у богатого ковра и т. д.¹⁸⁴ Московиты боятся вступать в полевые стражения с королевским войском, могут только нападать исподтишка¹⁸⁵.

При этом король невиновен в воинских преступлениях — о резне в Великих Луках Зборовский говорит очень невнятно, что в ней «досталось невинным», но при этом сама резня была следствием какой-то ошибки, Баторий ее не хотел¹⁸⁶. Дзялынский пишет о резне как о позорном и ужасном событии, но оправдывает ее тем, что воины «мстили за своих»¹⁸⁷. Пиотровский говорит, что масштаб опустошения королевской армией Псковщины был столь ужасен, что даже русские перебежчики на сторону Батория передумали и стали мстить литовцам и полякам¹⁸⁸.

Судьбы русских, отказавшихся принять подданство Стефана Батория, трагичны: после взятия Велижа меньшая часть гарнизона перешла на службу королю, а большая была отправлена в Россию. При этом люди отдавали полякам и литовцам своих детей, потому что они бы не дошли пешком до русской границы, погибли бы в пути, и их лучше было бы оставить, при этом расставаясь навсегда — драматическая картина!¹⁸⁹ Русские дворяне отказываются от своего оружия, знака их чести — поскольку честь потеряна самим фактом сдачи в плен¹⁹⁰. Русские гарнизоны, сдавшие крепости, были большей частью опущены, в том числе — без оружия и в одних рубахах. Вину за

¹⁷⁸ Зборовский Ян. Дневник взятия замков... С. 143.

¹⁷⁹ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа... С. 181.

¹⁸⁰ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 17.

¹⁸¹ Там же. С. 126.

¹⁸² Зборовский Ян. Дневник взятия замков... С. 139.

¹⁸³ Там же. С. 140.

¹⁸⁴ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 3.

¹⁸⁵ Зборовский Ян. Дневник взятия замков... С. 142.

¹⁸⁶ Там же. С. 151.

¹⁸⁷ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа... С. 203.

¹⁸⁸ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 83.

¹⁸⁹ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа... С. 182.

¹⁹⁰ Там же. С. 180.

эти бедствия авторы дневников возлагают на царя Ивана, который довел свой народ до такого состояния¹⁹¹.

Успех в войне полезен для королевства и народов Речи Посполитой¹⁹². Другим мотивом вступления в войну является противодействие «несправедливости», допущенной Россией в отношении Польши и Литвы¹⁹³.

Дневник на то и дневник, чтобы транслировать личные мотивы, доносить до нас менталитет воина Речи Посполитой XVI в., завоевателя другой страны. Все авторы отмечают соперничество поляков и венгров. Над воинами Великого княжества Литовского, по свидетельству Зборовского, в войске посмеивались¹⁹⁴. Все ревниво следят за наградами, все уповают на Бога. Дзялынский приводит войсковые пароли: «Господи Боже, веди нас!», «Господь наш защитник», «Господь Бог с нами — наша сила» и т.п.¹⁹⁵. В моде кураж, лихачество, меткое словцо. Это ценится не меньше, чем мужество и воинская доблесть. Венгерский военачальник Боремисса под Великими Луками в столкновении с русским отрядом потерял шубу — «епанчу, отороченную мехом». «Боремисса кричал им после, чтобы они хорошенько берегли его шубу, потому что он сам скоро явится за нею в крепость»¹⁹⁶.

Дальность российских расстояний пугает шляхтичей. Зборовский сетует: «Сказать правду, я опечален и грущу, что так далеко идем»¹⁹⁷. Для шляхты вообще характерна склонность к блицкригу: одним из воинских паролей было: «Господи, сделай так, чтобы это продолжалось недолго»¹⁹⁸. С. Пиотровский писал накануне Псковского похода: «Мы с нетерпением ожидаем конца этой войны, а каков он будет — Бог знает»¹⁹⁹. Всеми авторами отмечен ужасный характер российских дорог: по этой стране трудно даже просто передвигаться²⁰⁰. В то же время места не столь уж и незнакомые. Зборовский восклицает: «Давно уже короли польские не заглядывали в эти страны»²⁰¹, стало быть, когда-то заглядывали, и поход Батория — это воскрешение славы предков.

Описания походов, осад, боев проникнуты пафосом и трагизмом. Это трудный быт, враждебная природа, масса лишений и угроз жизни и здоровью («в Польше нет такого холода!»)²⁰², которые приходится претерпевать. Это постоянное дезертирство (причем доходит до абсурда — некоторые из воинов Речи Посполитой бегут в осажденные ими же крепости — там, за стенами, тепло и есть еда. Бежали в Заволочье, даже в осажденный Псков)²⁰³. Не хватает одежды, солдаты дерутся из-за нее. Не хватает еды. Нет дров. «Мы подобно лисицам роемся в земле и прячемся в ямах... попомнит наше войско этот Псков», — писал Пиотровский, рассказывая, что он тоже строит себе лачужку, «нужда заставляет некоторых из нас работать»²⁰⁴.

Воины Батория живут в очень непростой внешней среде. Кругом только одни падшие женщины, их даже казнят за чрезмерное приставание к солдатам, но не помогает — на их месте тут же появляются новые. Шинкари и перекупщики дерут

¹⁹¹ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 90.

¹⁹² Зборовский Ян. Дневник взятия замков... С. 138.

¹⁹³ Там же. С. 148.

¹⁹⁴ Там же. С. 138.

¹⁹⁵ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа... С. 171, 172, 175.

¹⁹⁶ Зборовский Ян. Дневник взятия замков... С. 145.

¹⁹⁷ Там же. С. 136.

¹⁹⁸ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа... С. 221.

¹⁹⁹ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 153.

²⁰⁰ Дзялынский Л. Дневник осады и взятия Велижа... С. 183.

²⁰¹ Зборовский Ян. Дневник взятия замков... С. 141.

²⁰² Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 207.

²⁰³ Там же. С. 35, 98.

²⁰⁴ Там же. С. 145, 147.

немилосердные цены²⁰⁵. Все кругом грабят, причем нередко своих же, более удачливые грабители (в этом особенно преуспевал венгерский контингент) — объект зависти окружающих²⁰⁶.

Национальный вопрос, о котором пишут все авторы, вообще, видимо, был особенно болезненным. В войске постоянно соперничали поляки, венгры, литовцы и т.д. Все считали себя творцами победы, а остальных — лентяями, примазывающимися к чужой славе. Причем существует угроза даже не походу, а самой Речи Посполитой: «Бог знает, не вытеснили бы нас эти венгры из Польши!»²⁰⁷.

При этом шляхта сталкивается с уничтожительным обращением со стороны командования, власти. Воины королевской армии — пушечное мясо, воспринимаются начальством как сброд. Основные претензии тут были к канцлеру Яну Замойскому, видимо, действительно не отличавшемуся деликатностью. Он обращался к воинам, мечтавшим о конце войны, с лозунгом: «Домой, неженки, домой, скупые, домой, лентяи!»²⁰⁸ Может, гетман был и прав, но слышать это неженкам и лентяям все равно было обидно.

Походы в Россию изображаются вовсе не как яркая и легкая прогулка. Это испытание, тягота. Впрочем, подобное восприятие войны и походов было вообще характерно для Речи Посполитой. Дневниково-мемуарные записки новогрудского шляхтича Федора Михайловича Евлашовского (1546 – около 1616 г.), написанные в 1603–1604 гг., как вехи и события жизни отмечают в основном бесконечные поездки с различными поручениями. Эпизоды из Ливонской войны преподносятся как несущие в основном трудности и лишения, частые болезни, кого-то Бог сохранил, кто-то погиб²⁰⁹. Для шляхтичей Великого княжества Литовского от войны было привычнее откупаться деньгами и имуществом, а не собственной шкурой. Пиотровский описывает, как они отказывались идти в караул, возмущаясь, что они уже поставили в счет армии столько-то лошадей, а их еще заставляют идти «в ружье»!²¹⁰

На страницах дневников и король, и сановники, и шляхта, и сами авторы постоянно рассуждают, а стоит ли воевать. Ведь воинская слава так хрупка: «Как бы не потерять здесь и ту частичку славы, которую мы добыли в последнее время» (рассуждения во время псковской осады)²¹¹. Задача, стоящая перед войском, кажется невыполнимой: «Мы с мотыгой пускаемся на солнце»²¹².

Мотив смерти в походе или в бою иной раз звучит чисто регистраторски (перечисление имен павших), а порой очень пронзительно: Пиотровский описывает сцену прощания друг с другом «охотников» (добровольцев), которые вызвались идти в первых рядах на штурм русских укреплений. Они ходили по лагерю в белых рубахах (уже отмечены смертью!), прощались друг с другом, обнимались, писали завещания — «как грустно и весело было смотреть на это!»²¹³. Пиотровский приводит мысли о загробной жизни, посещавшие воинов королевской армии все чаще и чаще: «Мы заживо

²⁰⁵ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 99.

²⁰⁶ Там же. С. 153.

²⁰⁷ Там же. С. 121.

²⁰⁸ Там же. С. 235.

²⁰⁹ *Свяжынскі У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990. С. 91; См. также: Таранеўскі В. У. Штрыхі да «Успамінаў» Ф. Еўлашоўскага і «Реестра списань...» Ф. Кміты-Чарнабыльскага: прысвечана мемуарнай літаратуры Беларусі другой паловы XVI – пачатку XVII ст. // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных статей. Витебск, 2007. Т. 6. С. 177–190.*

²¹⁰ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 121.

²¹¹ Там же. С. 120.

²¹² Там же. С. 123.

²¹³ Там же. С. 115.

погребаем себя в этом лагере, быть ли нам в Чистилище?»; «Положение наше довольно бедственное, поистине мы достойны Рая»²¹⁴.

В этом плане очень интересны наблюдения В. И. Ульяновского над новооткрытым им памятником: хроникой-дневником Станислава и Якуба Ориховских (конец XVI в.)²¹⁵. Ученый справедливо отмечает, что

«В автобиографическом ряду информация о Ливонской войне у данного автора присутствует только в одной смысловой парадигме: оставление фронта, освобождение от необходимости сидеть под Псковом. Автор явно подчеркивает, что для него и его социальной группы важна не сама война и победы, а возвращение домой, уход от фронтовой жизни и дистанцирование от войны вообще. В его карьере и жизни война является препятствием, тормозом, довольно неприятным событием, изменившим весь устоявшийся уклад жизни... ни одно из событий этой войны не заслуживало памяти о ней, кроме... оставления передовой и возвращения домой»²¹⁶.

Королевский секретарь Пиотровский ехидно замечает по поводу Псковского похода, что «Здесь каждый может научиться тому, что войну легко начать, трудно кончить»²¹⁷. Впрочем, и возвращение домой с этой войны нерадостно. Пиотровский так передал мысли шляхтичей по этому поводу:

«Мы здесь пожнем только тот плод, что славу добудем: но бедным и этого не достанется. Разве только, когда придем домоц, поговорят дня два – три, что мы были на войне, что нас нужно наградить, а кто же вознаградит нас за потерю здоровья и денег? А потом те, кто оставались дома, сидели в теплых избах, сравняются с нами и будут одинаково чествоваться»²¹⁸.

Пафос преодоления бесконечных трудностей в годы войны отразился не только на страницах диариушей, но и в переписке. Знаменитые письма оршанского старосты Филона Кмиты 1570-х гг. проникнуты жалобами на скудность средств, угрозы от неприятеля, тяжелую жизнь. Для них характерны подобные пассажи:

«В(аши) м(илости), панове мои милостивые, рачте о том ведать. А штом в листе моем до в(аших) п(анских) м(илостей) писал и завжды пишу о неидзы моей оршанской, прошу покорне, абы то в(аших) м(илостей) панов моих милостивых, не ображало, бо голодному смерть на уме, и в таком опатреньи лепшей ми ест умереть, нижли жыву быть. А то ж вже, кому хотечи, оставляйте Оршу, а я уже до государа е(го) м(илости) еду. Большой силы моей стать не може, бо юж в обетницах старость зашла, а потом смерть найдет, а сором пропал. А естли каждый о себе мыслить, и я пак, милостивые панове, чы бестыя, абы о жывоте моим промышлять не мел? Будет добро — будет. А не будет — горш сего не будет. А ничего! Межи людей, а не на стороне згину»²¹⁹.

²¹⁴ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 258.

²¹⁵ Ульяновский В. И., Яковенко Н. М. Родинна хроніка останньої чверті XVI ст. // Український археографічний щорічник. 1999. Нова серія. Вип. ¾. С. 406–433.

²¹⁶ Ульяновский В. И. Ливонская война в событийных, ценностных и временных координатах двух люблинских подкомориев: новонайденная хроника-дневник // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. М., 2010. С. 363–364.

²¹⁷ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 144.

²¹⁸ Пиотровский С. Дневник последнего похода... С. 152.

²¹⁹ Филон Кмита до панов рад Великого княжества Литовского. 13 апреля 1574 г. // Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / Уклад., уступ. артыкулы, каментарыі А. Ф. Коршунава. Мінск, 1975. Цит. по сайту: <http://starbel.narod.ru/kmita/10.htm> (последнее посещение 10 декабря 2011 г.). О эпистолярном наследии Ф. Кмиты см.: Саверчанка І. Эпістэлярная спадчына Філона Кміты-Чарнабыльскага // Беларускі гістарычны часопіс. 2006. № 5. С. 29–33.

Таким образом, восхваление воинских подвигов короля Стефана и его полководцев было больше характерно для печатной книжности и пропагандистской литературы. Даже при поверхностном обращении к эпистолярным памятникам и литературе дневниково-мемуарного характера мы видим, что в восприятии Ливонской войны даже в сравнительно спокойные 1570-е гг. и в победные 1580-е гг. присутствовали и критические, пессимистические ноты.

Диариуши в XVI в. не были опубликованы (равно как и переписка), и ареал их влияния на польских интеллектуалов был ограничен узким, практически семейным кругом чтения. Но они выступают индикатором, срезом, фиксирующим определенное состояние душ и умов участников войны с Москвией.

«Московская война» Рейнгольда Гейденштейна.

Рейнгольда Гейденштейна (1556–1620) считают членом интеллектуального кружка, сложившегося в 1580-х гг. вокруг коронного канцлера и великого коронного гетмана Яна Замойского²²⁰. Он получил образование в Германии, Франции и Италии и приложил полученные ренессансные представления к истории Польши, ее восточным походам в конце XVI в.²²¹. Он стремился быть писателем, а идеалом для него была латинская литература Великого Рима, прежде всего «Записки» Цезаря.

Первое известное нам опубликованное сочинение Гейденштейна — похвала, написанная на бракосочетание Яна Замойского с Гризельдой, племянницей Стефана Батория²²². Вторым историческим произведением этого автора стала «De Bello Moscovitico quod Stephanus Rex Poloniae gessit Commentarium libri VI», напечатанная в Кракове в 1584 г.²²³ (второе изд.: Basileae, 1588). Книгу Гейденштейна о Московской войне включали в состав конволютов, подборок текстов по польской и русской истории. Такой конволют в 1589 г. вышел в Кельне²²⁴ и иного состава — во Франкфурте в 1600 г.²²⁵

²²⁰ Р. Гейденштейн сочинил его биографию, изданную только в XIX в.: *Heidenstein R.* 1) *Vita Joannis Zamoisicii*. Paris, 1855; 2) *Vitae Joannis Zamoisicii libri tres*. Posnaniae, 1861. Ср.: *Batowski A.* *Rajnold Hajdensztajn i Franciszek Bokomolec, Pisarze żywota Jana Zamojskiego kand. i Hetm. W. K. przez Alexandra Batowskiego Wyjatek z Dziennika literackiego z dodaniem pism...* Lwów, 1854. Впечатления, полученные при службе при коронной канцелярии, Гейденштейн отразил в другом сочинении: *Reinold Heidensteinii Cancellarius sive de dignitate et officio Cancellarii Poloniae Regni, liber singularis*. Brunsbergae, 1610. Современное издание: *Heidenstein R., Kempfi A.* *Cancellarius sive de dignitate et officio cancellarii regni Poloniae* [lat. u. pol.] (O godności i obowiązkach kanclerza królestwa polskiego). Warsaw, 1960. По наиболее вероятным предположениям, это сочинение написано в 1603 г.

²²¹ О Гейденштейне и его творчестве см.: *Nehring W.* 1) *De Reinholdo Heidensteinio*. Vratislaviae, 1862; 2) *O historykach polskich szesnastego wieku*. Cz. 1. O życiu i pismach Reinholda Heidensteina. Poznań, 1862; *Frydrychowicz R.* *Zur Kritik R. Heidenstein*. Halle, 1880; *Barycz H.* *Jak Heidenstein został historykiem: (na marginesie lat szkolnych R. Heidensteina)*. Lwów, 1929.

²²² [*Heidenstein R.*] *De nuptiis illustrissimi Joannis de Samoscio ac Griseldis Bathoreae ad illustrissimum principem Georgium Fridericum Marchionem Brandenburgicum in Prussia Decem*. Cracoviae, 1583.

²²³ *Reinoldi Heidensteinii, secretarii Regii, De bello Moscovitico, quod Stephanus Rex Poloniae gessit, Commentationum libri VI*. Cracoviae, 1584.

²²⁴ *Martini Cromeri, ... Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Oratio funebris Sigismundi primi regis... ; [Bernardi Vaponii Fragmentum Sigismundi... res gestas Cromeri descriptione posteriores continuans ; Martini Cromeri Epistola ad regem, proceres... Polonos in comitiis Varsaviensibus congregatos ; Philippi Callimachi de Rebus gestis a Wladislae, ... libri tres ; Reverendissimi D. Stanislai Karnkovicii... Epistola de modo... electionis... novi regis... habitae 1573 ; Ejusdem ad Henricum Valesium... Panegyricus. Item in funere D. Sigismundi... oratio... D. Joannis Demetrii Solicovicii ; Reinoldi Heidensteinii, ... de Bello moscovitico ab Stephano Io, ... gesto, commentationum libri sex ; Christophori Varsevicii in obitum Stephani Ii, ... oratio]. Coloniae Agrippinae, 1589.*

²²⁵ *Rerum Moscoviticarum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti : quibus & gentis historia continetur : et regionum accurata descriptio: additus est index rerum & verborum in primis notabilium copiosus*. Francofurti, 1600.

Франкфуртское издание имело следующее содержание: 1) *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii*; 2) *Iovii P. De legatione Basilii magni principis Moscoviae ad Clementiaum VII. Pontificem*; 3) *Fabro I. Moscovitarum religio auctore*; 4) *Adams C. Anglorum navigatio ad Moscovitas*; 5) *Gwanini A. Omnium regionum Moscoviae Monarchæ*; 6) *Mattiae à Michovia. De Moscovia*; 7) *Bredenbachio T. Historia belli Livonici, quod gessit magnus Moscovitarum Dux*; 8) *Oderbornio P. Ioannis Basilidis ... Moscoviae Ducis vita*; 9) *Heidensteinii R. De bello Moscovitico, quod Stephanus Rex Poloniae gessit*.

В 1590 г. вышел немецкий перевод сочинения Р. Гейденштейна о Московской войне²²⁶. Польский и русский переводы появились уже в новое время²²⁷.

Исторические сочинения Р. Гейденштейна были объединены в труд в 12-ти книгах о Королевстве Польском после смерти Сигизмунда II Августа. Его Гейденштейн писал как свое главное историческое сочинение, но в историографии он остался малопопулярным. Возможно, это объясняется его поздним изданием: «История» Гейденштейна была написана в 1611 г., но увидела свет только в конце XVII века²²⁸. По своему содержанию она была довольно ординарной, не выделялась среди других исторических сочинений, и поэтому, войдя в историографию в конце XVII в., не смогла занять сколько-либо заметного места.

Гейденштейн предпринял попытку концептуального выстраивания польской истории. Польша рисуется как высокоразвитое государство в окружении как постоянных «природных» врагов (Турция, Крымское ханство, Московия), так и ситуативных соперников (Священная Римская империя, в которой выделяются австрийские Габсбурги, Швеция). Сама польская государственность — это конфедерация, в которую входят далеко не самые лояльные земли, периодически выступающие против короля, вразрез с общим государственным курсом, в своих узких своекорыстных интересах и т.д. В особенности этим отличается Великое княжество Литовское, паны которого под пером Гейденштейна постоянно «мутят воду». Свой курс пытаются проводить Пруссия, Инфлянты, Русские земли на Волыни и т.д. Только Корона и ее опора (в лице канцлера Яна Замойского) выступают централизующим, объединяющим, стабилизирующим и прогрессивным началом. Как и «История Московской войны», этот труд Гейденштейна также посвящен глорификации Яна Замойского. Он — творец королевских побед, усмиритель страстей на сейме, талантливый полководец, благородный и умный человек.

История Московской войны в этом сочинении Гейденштейна неоригинальна и представляет собой несколько сокращенный вариант «*De bello Moscovitico*» варианта 1584 г. Первая книга из двенадцати посвящена бескорольеву после смерти Сигизмунда II Августа, элекции Генриха Анжуйского и заканчивается описанием его бегства²²⁹. Вторая книга рассказывает о втором бескорольеве, элекции Стефана Батория и заканчивается историей усмирения Гданьска²³⁰. Примечательно, что и в первой, и во второй книгах крайне тускло звучит тема Москвы, участия Ивана IV в элекционной кампании и т.д. Основное противостояние, по Гейденштейну, разворачивалось между

²²⁶ *Heidenstein R. Warhaffte, gründtliche und eigenttliche Beschreibung, des Krieges, welchen der nechstgewesene König in Polen Stephan Batori, &c. etliche Jahr nach einander, wider den Großfürsten in der Moschkaw, Iwan Wasilewizen, geführet. Görlitz, 1590.*

²²⁷ Польский перевод: *Heidenstein R. Pamiętniki wojny moskiewskiej w 6 księgach / Izd. J. Czubek. Lwów, 1894.* Русский перевод: *Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889.*

²²⁸ [*Heidenstein R.*] *Reinhold Heidenstein rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti [to 1603] libri xii. Francofurti ad Moenum, 1672.* Польский перевод: *Rajnolda Hejdensztejna, sekretarza królewskiego, dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Książ xii / Per. i wyd. M. Głiszczyński, V. D. Spasovich. Petersburg, 1857. T. I, II.*

²²⁹ *Rajnolda Hejdensztejna, sekretarza królewskiego, dzieje Polski... T. I. S. 1–156.*

²³⁰ *Ibid. S. 157–279.*

«Австрийцем» и «Французом», а затем «Австрийцем» и Стефаном Баторием. Об Иване Грозном говорится пунктиром, и в основном в аспекте его связей с панями Великого княжества Литовского. О его претензиях на польский трон упоминается, но очень кратко и невнятно.

Зато сразу после восхождения на трон Стефана помещен раздел «Планы войны Московской»²³¹. Собственно, эта война объявлена исторической миссией Батория, судьбой Речи Посполитой. Через нее новый король доказывал правильность своего избрания, свой королевский статус в глазах современников. История Стефана под пером Гейденштейна — это история монарха-героя, конкистадора на троне. Вопрос, почему оказался востребован именно такой образ, в общем-то нехарактерный для нарратива Речи Посполитой (в которой куда популярнее король-защитник, король-строитель), остается открытым. Возможно, проявились латентные имперские и открытые антиросийские тенденции (ведь прославляли же поздние авторы Болеслава Храброго за взятие древнерусского Киева в 1018 г.). Но все же ностальгически-хвалебное жизнеописание деяний польских королей-завоевателей больше характерно для польского нарратива и художественного творчества нового времени, как реакция на разделы Польши, временную ликвидацию польской государственности и т.д. Гейденштейн тут или опередил время, или не попал в струю. Возможно, с этим и было связано общее неприятие его сочинений в Речи Посполитой.

Рассказ о Ливонской войне в «Истории Польши после смерти Сигизмунда Августа» занимает третью (Полоцкий поход 1579 г. до взятия Сокола)²³², четвертую (от взятия Усвята до взятия Великих Лук и присоединения Риги)²³³, пятую (осада Пскова, поход Радзивилла к берегам Волги)²³⁴ и шестую (продолжение и снятие осады Пскова, переговоры в Яме Запольском, освобождение Ливонии)²³⁵. Содержательно и дискурсивно он мало чем отличается от более подробной и более ранней «De bello Moscovitico», поэтому при анализе взглядов Гейденштейна на борьбу за Прибалтику мы обратимся именно к данному изданию. Вышеописанные четыре из двенадцати книг в «Истории...» имеют скорее историографическое значение.

Свое *credo* историка Гейденштейн сформулировал в предисловии к первому изданию своей «Московской войны». Он признавал за историческими сочинениями великую важность и в то же время говорил об огромной трудности их написания. Поэтому хронист заявлял, что не будет писать историю, а только комментарии (преклонение перед «*Commentarii de Bello Gallico*» здесь очень заметно). Правда, это подражание сыграло с ним дурную шутку: по словам В. Г. Васильевского, «стремление подражать “недостигаемому” образцу, то есть Комментариям Юлия Цезаря, очень заметно; но именно это самое придает речи какой-то школьный искусственный характер»²³⁶. Комментарии отличаются тем, что в них надо просто и лаконично описать события, в простом стиле, но не лишенном при этом литературных достоинств и изящества изложения. Их главное достоинство — правдивость. Критерием истины выступают свидетельства очевидцев и документы, которые использует историк при написании своего сочинения. История же предполагает высокий стиль, мораль, ораторские приемы и соблюдение правил риторики. Гейденштейн не претендует на это, он всего лишь комментатор, хронист, фиксировавший для современников и потомков правду о Московской войне.

²³¹ Ibid. S. 276.

²³² Ibid. S. 280–340.

²³³ Rajnolda Hejdensztejna, sekretarza kroólewskiego, dzieje Polski... T. II. S. 1–45.

²³⁴ Ibid. S. 46–85.

²³⁵ Ibid. S. 86–131.

²³⁶ Васильевский В. Г. Предисловие. С. XXVII.

Пикантность состояла в том, что, создав самое подробное из существующих сочинение о войне Стефана Батория с Московским государством в 1579–1582 гг., сам Гейденштейн на войне не был. Его текст производил впечатление убедительности, свидетельства очевидца, создавал «иллюзию присутствия», эффект «рассказа ветерана» — но он целиком написан с чужих слов.

Хронист в своих сочинениях опирался на широкий круг произведений, созданных его современниками²³⁷, как компилировал их, так и использовал в качестве источников фактического материала. Также он привлекал документы, которые обильно пересказывает близко к оригиналу. Тем не менее вопрос о «соавторах» Гейденштейна остается открытым. Количество сообщаемых им деталей и мельчайших подробностей, описание боев и сражений, происходивших в разных местах в разное время, расстановки войск, конфигурации осадных укреплений и т.д. предполагает или опрос слишком большого количества очевидцев, или — домысливание происходившего автором или его информаторами.

Самым осведомленным источником мог выступать Ян Замоийский, входивший в высший эшелон командования войск Речи Посполитой и владевший большей частью информации, приводимой Гейденштейном. Недаром его в 1587 г. обвинили чуть ли не в соавторстве. Также высказывалось мнение, что «Записки» Гейденштейна читал и правил сам король Стефан Баторий. Однако ссылки на помощь Замоийского и Батория звучали в контексте полемики современников вокруг труда Гейденштейна, и остается непонятным, рассказ об этих «соавторах» был призван защитить хрониста от нападок с помощью имен высоких покровителей или в самом деле отражал их реальное вмешательство в текст.

Дело в том, что в феврале 1587 г. на конвокационном сейме в Варшаве сторонники Зборовских потребовали уничтожения тиража сочинения Гейденштейна как книги лживой и вредной. По неподтвержденным слухам, Зборовские даже скупали экземпляры издания и сжигали. За этим требованием стояла неприязнь к Яну Замоийскому, воспетому в «Записках». Обвинители утверждали, что «честь польского народа умалена», поскольку заслуги многих приписаны одному лицу — Замоийскому. Также сторонники Радзивиллов обижались на недостаточное, с их точки зрения, прославление роли своих патронов в победе.

Замоийский дал для сейма письменный ответ, в котором заступался за Гейденштейна, говорил о «честном духе» записок, о том, что критикам следовало бы не требовать уничтожения книги, а написать собственные полемические сочинения, и «истина скажет сама за себя». Преследовать крамольный текст глупо — чем больше его запрещать, тем больше будет желающих его прочесть, запреты только поднимут популярность произведения, о чем свидетельствуют примеры из истории литературы Великого Рима²³⁸. Сейм выслушал аргументы Замоийского, во всяком случае, никаких достоверных свидетельств последующих гонений на Гейденштейна и его книгу нет.

Означали ли в данном случае ссылки на участие короля в составлении текста и авторитет Замоийского их реальное «соавторство», или об этом говорилось ради

²³⁷ Перечень параллелей работ Гейденштейна с другими памятниками (сочинениями Мартина Бельского, Гиуля и др.) см.: *Frydrychowicz R. Zur Kritik R. Heidenstein...* S. 35–45; *Васильевский В. Предисловие // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582).* СПб., 1889. С. XXIII – LXXXVI; *Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках.* Л., 1978. С. 168–198.

²³⁸ *Васильевский В. Г. Предисловие.* С. XVI–XVII. Ученый указал, что наиболее подробно эта история изложена в сочинении, приписываемом Кристофору Варшевицкому: *Rerum Polonicarum ab excessu Stephani regis ad Maximiliani austriaci captivitate liber singularis in lucem editus cum additamentis Sebastiano Ciampi in Italia ab negotiis literariis pro regno Poloniae.* Florentiae, 1827. P. 7–13.

заступничества за Гейденштейна? Если бы Стефан Баторий в самом деле «освятил» своим вмешательством «Записки», почему сам автор не упоминает об этом обстоятельстве, которое автоматически возносило его труд до небес? И оно «всплывает» только в 1587 г., уже после смерти Батория?

Нет в тексте и прямых указаний, что та или иная информация получена от Замойского²³⁹. Хотя несомненно, что роль последнего в книге гиперболизирована. Гейденштейн иногда говорит о себе в третьем лице²⁴⁰, следовательно, мог включить в текст фрагменты рассказа, автором которого был сам канцлер, тоже именовавший бы себя в третьем лице. Целый ряд сюжетов, в центре которых изображен Замойский, изложен столь подробно, что предполагает его личное свидетельство. Поэтому его соавторство, возможно, в форме устного рассказа, далеко не исключено.

Так или иначе, книга Гейденштейна ударила в болевую нерв и без того непростых отношений польской и литовской знати. Они делили победу. Литовцы, и без того чувствовавшие себя ущемленными в Речи Посполитой после Люблинской унии и «неуважительного» отношения к ним при королевской элекции в годы бескоролевий, решили, что Гейденштейн слишком возвеличил поляков и венгров и незаслуженно забыл о подвигах литовцев. В частности, он якобы мало уделил внимания полководческому таланту и подвигам Радзивиллов и рейду Криштофа Радзивилла в глубь русской территории, к Старице, который-то якобы и принудил москвитов к признанию своего поражения, а вовсе не военные усилия Батория и тем более Замойского. Оскорблены были и представители других литовских фамилий, о героизме которых якобы было сказано «недостаточно». По справедливому замечанию В. Г. Васильевского,

«...уже вследствие своего полунемецкого происхождения Гейденштейн был отчасти чужд собственно польскому магнатскому и шляхетскому обществу, польским национальным увлечениям и страстям: он мог относиться с известной холодностью и объективностью к соперничеству и вражде, которые все-таки существовали между различными составными частями польско-литовского государства»²⁴¹.

Гейденштейн мог не знать (или не хотеть учитывать) амбиции панов, не смог взглянуть на войну через шляхетские очки. Он писал не для их восхваления, а подражая Цезарю²⁴². Как и в «Комментариях» Цезаря, главный герой — монарх, король. Король, ставший таковым не случайно, по праву рождения, но избранный на престол потому, что он лучший, «как избирается папа кардиналами» (С. 188; здесь и далее ссылки приводятся по русскому переводу). Это полководец, чей меч специально освящен римским папой, тем самым благословившим Московскую войну (С. 105). Врага пугает одно его имя (С. 123). Он умный и расчетливый стратег, выслушивающий мнение подданных и потом принимающий единственно — верное решение, приводящее к победе над врагом. Например, он защищает на захваченных русских землях православие, чтобы не возбуждать против себя религиозного противостояния («...понимал, как много значит религия для возбуждения умов в том или другом направлении, он не хотел, чтобы из любви к вере, из опасения, что от нее нужно будет отречься, побежденные отказывались от сдачи ему и покорности» — С. 74).

²³⁹ Вопрос о роли Я. Замойского и Стефана Батория в создании труда Гейденштейна обстоятельно рассмотрен в работе: *Kocowski B. Trzej padawczyzy: wpływ Batorego i Zamoyskiego na działalność Reinholda Heidensteina. Lwów, 1939.*

²⁴⁰ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне... С. 281.

²⁴¹ *Васильевский В. Г.* Предисловие. С. XXVIII–XXIX.

²⁴² Даже исчисление дат Гейденштейн иногда приводит на римский манер: «Отправившись из Вильны накануне июльских календ, король...» (С. 42). Здесь и далее ссылки на страницы даны в скобках по русскому переводу: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне...

Король не ставит себя над остальными, он такой же слуга своего дела, своей страны, как и обычные воины. Как и у Цезаря, у короля есть мудрые советники и полководцы, прежде всего, конечно же, Замойский. Стефан заботится о государстве, стремиться быстрее прекратить смуты, «возникшие вследствие избирательной борьбы» (С. 1). «Образ мыслей короля таков, что он при настоящем положении государства предпочитает частной выгоде общую пользу и честь государственную» (С. 92). Стефан, хоть и иноземец, лучше многих польских аристократов понимает проблемы и нужды Польши, которая стала его новой Отчизной:

«...он одушевлен таким же горячим желанием устроить надлежащим образом домашние дела, как и окончить войну согласно со своими видами, и хотя он не смотрит с пренебрежением на славу военных подвигов, однако имеет тем больше желания как можно дольше оставить память у потомства хорошим внутренним устройством королевства, чем яснее видит, что без этого даже прежняя слава его не может быть прочною и постоянною. Часто размышляя о временах безкоролевья, о том, в какой опасности находилось королевство в прежние времена, когда избирательные интриги и честолюбивые происки как волны потрясали государством; ясно сознавая, что он должен любить Польшу не меньше, как и родину свою, и даже должен почитать ее для себя дороже, потому что она, приняв его, почтила наивысшею честью и чином: он содрогается в душе и признает, что только благодаря особенной милости Божией республика достигла в настоящее время лучшего положения» (С. 169).

Гейденштейн неоднократно подчеркивает, что монарх отдавал личные деньги на войско в трудные минуты, своих лошадей и свои повозки (С. 46). Если добыча не соответствует солдатским ожиданиям — Баторий раздает воинам подарки (С. 73). Он переносит наравне со всеми тяготы походов и т. д. Свое личное присутствие в войске он считает необходимостью: тогда в него придет больше воинов-добровольцев, которые захотят сражаться на глазах короля (С. 95). Он бывал под обстрелом неприятеля, совсем рядом со Стефаном вражеские ядра разили людей (С. 67).

Король милостив, гонит из сердца озлобление на тех, кто его не поддерживает, и осыпает их почестями, несмотря на крамольные поступки (С. 84). Поддерживая любовь к подвигам и желание воинской славы, Баторий заботится о том, чтобы в обществе не возникло раздора из-за разного вклада каждого его члена в войну: «... пусть бы и те, которые останутся дома, и те, которые пойдут на войну, вели свои дела так, чтобы потом с радостными поздравлениями встретить друг друга взаимными объятиями» (С. 170).

Признаком добродетели короля является и возводимая на него злыми людьми напраслина (некоторые были склонны «... даже славные дела короля извращать, истолковывать их в дурную сторону» — С. 85). Среди аристократии встречались разные точки зрения, в том числе и весьма меркантильные («...кто станет служить ради величия и славы своего отечества, если ему не будет обещано за то никаких выгод» — С. 92). Обвинения в адрес Стефана были парадоксальны: победу над Московией кое-кто из панов считал губительной: «Хотя бы и вся Московия поступила под нашу власть, то, спрашивали они, найдется ли надлежащее средство при таких обширных границах управлять такою громадой; и какая будет польза от того, когда уже давно раны республики заставляют искать необходимого и более надежного врачевания?» (С. 87). Под пером Гейденштейна защитником королевских планов выступает Замойский:

«Перед нами враг очень могущественный; всякий из нас знает, каковы и сколь велики его силы, о них свидетельствует огромное множество побежденных им народов. Можно ли думать, что он равнодушно перенесет обиду, нанесенную ему отнятием провинции, или что он останется в покое? Он уже

в ярости и, как какой-нибудь дикий зверь, запертый в клетке, ищет всевозможных средств и способов возмездия себе потерянное и отомстить за нанесенные ему оскорбления. Неужели мы дадим ему свою медленностью, своею готовностью заключить с ним мир, — время собраться с силами, поправить причиненный вред, залечить домашние раны, восполнить недостаток знаний, все то, что обнаружила эта война? Будет ли кто из нас столь беззаботен, чтобы не предвидеть с его стороны нападения на нас с гораздо большими силами, с целью загладить свои потери? Власть его столь сильна, что его не может отклонить от войны никакая трудность, и вероломство его столь велико, что его не может удержать в мире никакая святость договора. Поздно тогда будет искать средств для борьбы; тогда как теперь, если бы мы и не легко могли вполне совладеть со врагом напуганным и устрешенным, все-таки легче могли бы победить его. О, если бы Бог дал нам уверенность, что нам не следует его опасаться, и что он, потерпев урон, успокоится совершенно, и что нам никакой опасности не грозит от него? Кто другой, кроме Бога, мог бы в таком деле быть достаточною порукою? Разве, раз достигнув такой славы в этой войне, мы впредь будем совершенно равнодушны ко мнению о нас людей? И как мы могли бы сохранить репутацию, приобретенную этою войною, если бы мы взявшись за предприятия столь великие, вдруг остановились бы на середине пути? Не приишет ли тогда всякий эти успехи скорее счастьем, чем нашей доблестью?» (С. 88–89).

Вторым обвиняемым в стиле «нет пророка в своем Отечестве» был Замойский. Он действует правильно, по морали и науке, жесткими и непопулярными мерами спасая положение и удерживая в повиновении разношерстную и строптивую воинскую массу. За это она его ненавидит, от наемника до шляхтича-волонтера:

«Среди таких обстоятельств особенную ненависть возбуждал Замойский; про него говорили, что он один виновник такого положения, что этот человек, с детства предавшийся изучению наук и долго врашавшийся в итальянских школах, погубит все войско своими советами и упорством... Ненависть к Замойскому увеличивалась еще вследствие его сильного старания соблюдать военную дисциплину, к чему он был наклонен с того времени, когда стал держать своих солдат, и всего более это старание проявилась у него против тех, которые отличались знатностью: так как, говорил он, их положение высоко, то и проступки их важнее и наказание за их проступки должно быть сильнее, чтобы устрешить других. На него роптали, что он уже приказал не только весьма тяжело наказывать женщин, пробиравшихся в лагерь, и некоторых даже предал смертной казни, но даже держал в оковах королевского придворного, провинившегося в чем-то против военных законов, и не хотел простить его, не смотря на просьбы всего войска; негодовали и на то, что некоторых знатных юношей, слишком вольно живших в лагере, он, привязав публично к столбу, выставил на позор; повесил одного подхорунжего (наместника хорунжего), а некоторых шляхтичей за несоблюдение чистоты в лагере избил палками. Вследствие этого против Замойского даже сочинялись пасквили и распространялись по лагерю; в этих пасквилях ему ставили в упрек его схоластическую ученость» (С. 226–227).

Замойский платил войску той же монетой:

«Давая по военному обычаю пароль, Замойский большею частию избирал такие слова, что в них порицалась бездеятельность, трусость и праздность тех, которые спешили домой, или восхвалялось постоянство и твердость, качества достойные благородного человека; в двух-трех словах заключалось увещание перейти от уныния к терпеливости, если кто из них не был достаточно бодрым» (С. 228).

Таким образом, под пером Гейденштейна армия Речи Посполитой выглядит как полигон борьбы самолюбий и амбиций, причем эта борьба связана с правом влияния на короля и с раскладом политических сил внутри страны. Автора «Московской войны» волнует прежде всего ситуация внутри самой Польши и судьба Замойского. Поход,

псковская осада, война — не более чем фон, сцена, на которой разворачивается драма, истоки которой вовсе не в военной ситуации и не в противостоянии с Москвией.

Гейденштейн много пишет и об офицерах низшего и среднего звена, прославившимися тем или иным подвигом, воинской смекалкой, победой над неприятелем. При этом иной раз хитрить приходится и в отношении своих солдат: так, Дембинский под стенами Вендена в ночной тьме подводит свой отряд под стены, а потом объявляет, что они уже видны неприятелю, и спасение от уничтожения одно — атаковать и победить (С. 17). Поляки — прекрасные воины, воюют по всем правилам военного искусства (С. 45). Воины Батория способны проходить непроходимое («после того, как нами были быстро пройдены столь дремучие леса... нет ничего непреодолимого для наших войск» — С. 120)

В то же время при столкновении с трудностями в войске уже в 1580 г., накануне Великолуцкого похода, вспыхивают антивоенные настроения:

«Когда король собирался из Варшавы в Гродно и весь был занят заботами о будущем походе, он встретился с двумя главным образом препятствиями: во первых препятствие было в деньгах, так как они поступали слишком медленно; во вторых в наборе солдат, ибо многие из тех, которые были в первом походе, потерпев большой урон и лишившись лошадей и всего вооружения вследствие непогод и дурного состояния дороги, теперь слишком ясно представляли себе все тягости столь отдаленной службы и потому очень не охотно многие записывались в нее; даже те из них, которые не желали подать вида, будто они уклоняются от службы, тем не менее отговаривались недостатком времени, вследствие чего им будто бы делалось невозможным приготовиться к походу» (С. 97–98).

Причем нежелание воевать быстро выливается в дезертирство и саботаж:

«...новобранцы и те, которые недавно поступили в военную службу по доброй воле, но не имели большой опытности в военном деле, считая себя лишенными той опоры, на которую преимущественно надеялись, испугавшись вместе с тем трудностей дороги и громадных лесов, по которым, как слышали, их поведут, почти совершенно упали духом, а очень многие разбежались в разные стороны» (С. 124).

Как и в записках Цезаря, королю противостоит могучий, сильный, коварный враг. Гейденштейн, в отличие от многих современников, не склонен преуменьшать воинскую доблесть и опасность москвитов как врага (потому что этим умалилось бы значение победы). Русские в его изображении дикие, примитивные, хитрые и коварные — например, для устрашения королевского войска под Полоцком они убили польских и литовских пленников, привязали трупы к бревнам и пустили по Двине по течению навстречу армии Батория (С. 53).

Москвиты удивляются человеческому благородству и почти не имеют о нем понятия. Замойский под Великими Луками отпустил несколько плененных красивых знатных русских женщин, «...так как он опасался, что во время столь долгого похода и при таком множестве солдат они могут подвергнуться грубым оскорблениям». Русские страшно удивлялись его поступку:

«Москвитяне удивляясь такому поступку Замойского, сознавались, что не возвратили бы нашим таких молодых и красивых женщин; поняв же причину, по которой Замойский это сделал, говорили, что не должно потому нисколько и удивляться, если при таком различии нравов и счастье двух сторон также другое» (С. 160).

Однако москвиты какие угодно, но только не слабые (хотя и хуже поляков, отчего избегают вступать с ними в сражения — С. 29). Они крайне выносливы «при всякого рода трудах» и испытывают «презрение к самой смерти» (С. 31, хотя выносливость

и непонимание сущности смерти всегда считались признаком дикарей). Автор приводит примеры самопожертвования русских пушкарей под Венденом (не желая сдаться и отдать врагу орудия, покончили с собой прямо на позиции), рассказывает о подвигах защитников Полоцка в 1579 г. (которые под огнем спускались на веревках по внешней стороне стены и под пулями тушили пожары). Он много пишет о воинском искусстве, приемах и ухищрениях воинов Ивана Грозного. Гейденштейн восхищается верностью русских и их способностью к самопожертвованию: пленные избирают возвращение в Московию, где их ждут репрессии и казни, но не судьбу перебежчика: «...большая часть избирала возвращение в Отечество и к своему царю. Замечательна их любовь и постоянство в отношении к тому и другому; ибо каждый из них мог думать, что идет на вернейшую смерть и страшные мучения» (С. 70).

Но Московия у него все равно, совсем в стиле антирусского дискурса второй половины XVI в., «Антиевропа», «Антимир». Страна трудна для доступа, на 120 миль от литовской границы до Великих Лук русские «...развели самые густые леса» (С. 122). Это жуткое место, чтобы попасть в Россию, войску Батория нужно преодолеть непроходимую пустыню:

«...здесь были те же лесистые местности, едва проходимые для одного человека, при том, вследствие многочисленных повсюду разбросанных болот, по большей части до того топкие, что лошади только с трудом проходили по ним. К этому присоединилось еще то, что, по истреблении всех пастбищ, какие только тут были, передними отрядами, у более значительной части войска чувствовался сильный недостаток сена» (С. 122).

Страна, в отличие от Европы, покрыта деревянными крепостями (С. 29), которые чудесным образом оказываются эффективнее каменных. В Москве иностранцу невозможно купить себе пропитание (С. 16). Даже секс у русских ненормален: «Мужчины склонны к любострастию и предаются любви не только с женщинами, почему даже в юношеском возрасте женятся, но и с мальчиками» (С. 31). Обычные люди от страха кричат, для москвитов характерно другое поведение («...он в величайшем молчании, что обыкновенно делалось москвитянами только при господстве сильнейшего страха, держался...» — С. 152). Даже питание в этой стране экзотическое, люди, попадая в Россию, начинают есть непривычные блюда (поляки и венгры питались в походе мясом падших лошадей, «и не столько казалось удивительным это само по себе новое и непривычное кушанье, сколько то, что питающиеся им не замечали, чтобы им от этого приключилась какая-нибудь болезнь» — С. 64).

Необычна и война, которую приходится вести в России, в ней встречаются разные чудесные эпизоды. Например, москвитянин Сабин Носов был контужен двумя ядрами в лоб и третьим, «которое прошло пред ногами его» (С. 136–137). Остается лишь удивляться крепости лба москвитянина, выдержавшего два ядра.

Россия — закрытая, автаркическая страна, в нее никто по доброй воле не ездит, а ее жителям запрещено ездить за границу и общаться с иностранцами (С. 29). «Вследствие этого Москвитяне, ходя как бы в постоянных потемках невежества, не видев обращения других народов и не понимая вообще приятности свободы, настоящее предпочитают более лучшему, известное сомнительному» (С. 27) — не страна, а европейское Зазеркалье. Русские и не хотят считаться полноценными людьми, что видно из принятого у них письменного обращения к великому князю (имеется в виду формула «холоп твой государев») ²⁴³:

²⁴³ О происхождении этой формулы см.: *Хорошкевич А. Л.* Великий князь и его подданные в первой четверти XVI века // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. М., 1994.* Ч. II. С. 165.

«...пиша же к государю, они не только не употребляют имени отца, но даже не пишут своего, разве только в некотором испорченном виде, свойственном тому языку (в уменьшительном), для того, чтобы показать, что они в сравнении с государём не только рабы, но как бы маленькие человечки, а не люди» (С. 28).

Московиты — ужасно странные люди: несмотря на то что ими правит тиран и убийца, они его любят, они ему верны:

«Тому, кто занимается историею его (*Ивана IV. — А. Ф.*) царствования, тем более должно казаться удивительным, как при такой жестокости могла существовать такая сильная любовь к нему народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться та необычайная верность его к своим государям. При чем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще весьма мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность к князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам» (С. 26–27).

Эту верность царю Гейденштейн объясняет с помощью парадоксов из «антимира»: русские сами варвары, но считают варварами всех остальных, кто не разделяет их веру:

«Они считают варварами или басурманами всех, кто отступает от них в деле веры, даже и тех, кто следует обрядам Римской церкви, и отвращаются от них, как от какой-то язвы, считая непозволительным иметь что либо общее с ними; вследствие такого убеждения явился обычай, что всякий раз, когда князья выслушивают иностранных послов, они имеют пред собою таз с водою, чтобы ею тотчас обмыть руки, как бы оскверненные от прикосновения иностранцев» (С. 27)²⁴⁴.

Именно вере, православию русский царь обязан таковой верностью и преданностью своих подданных:

«По установлениям своей религии, считая верность к государю в такой же степени обязательною, как и верность к Богу, они превозносят похвалами твердость тех, которые до последнего вздоха сохранили присягу своему князю, и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас переселяются на небо и наслаждаются небесным блаженством наравне с душами тех учеников нашего Спасителя, которые до конца остались тверды в своем благочестии и вере. Князья поддерживают суеверие, сколько это зависит от их власти» (С. 27).

При этом в ситуациях, когда русские вынуждены уступать противнику, обстоятельствам, здравому смыслу, если их отступление противоречит приказам Ивана Грозного — они просят врагов (!) заставить их. Гейденштейн приводит рассказ о том, как царские дипломаты отказывались для осуществления посольства заехать на территорию, контролируемые войсками Батория, и когда выяснилось, что их дипломатическая миссия в этом случае проваливается — стали умолять поляков, «...чтобы потащили их в таком случае силою, но их предложение было встречено смехом» (С. 129). Автор «Московской войны» здесь противопоставляет свободолюбивых поляков и московитов, не имеющих представления о свободе, обладателей весьма извращенных представлений о том, как надо хранить преданность государю.

²⁴⁴ Мифологический характер данного известия о «рукомойнике», с помощью которого русский царь якобы смывал со своих рук скверну, исходящую от прикосновений иноземных послов, раскрыт Л. А. Юзефовичем (*Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»*. М., 1988. С. 198–203).

Наименее уважительно Гейденштейн отзываясь о самом царе Иване Васильевиче. Он изображен как антипод Батория: вместо ума — примитивная хитрость и лукавство (С. 2), вместо благородства — коварство и обман, вместо полководческого искусства — невежество («многие прекрасные открытия в военном искусстве до сих пор остаются ему неизвестными» — С. 189). Вместо смелости — трусость (король вызывает царя на личный поединок, тот трусливо уклоняется С. 189). Вместо преданности свободных подданных — их подчинение страхом:

«От тех, кого князь выбирает начальниками войск или крепостей, или вообще назначает на какие либо должности, он всегда держит в виде заложников жен, детей, родственников и все то, чем всего более тот дорожит. Если кто-либо из таких лиц изменит ему, или если какое-либо дело сделает не по его желанию, или не по его воле, он предаст заложников страшным мучениям» (С. 28).

Царь — гнусный развратник (Гейденштейн описывает шестое (!) сватовство царя в таких красках, что любой читатель преисполнился бы отвращения к нравам государя — С. 162). Царь незнаком с правильными понятиями о долге, защите страны, государстве. Он их приобретает только ввиду поражения, «...делом убедившись, что единственную крепость государства составляет мужество и верность народа» (С. 81). Иван IV проявил себя бездарным полководцем: «...или же тут было то, что обыкновенно делает Господь, отнимающий сначала разум и мужество у тех, кого Он хочет наказать за их злодеяния, то есть, что страх, постоянный спутник и мститель жестокости, не позволял ему (*Ивану IV. — А. Ф.*) надлежащим образом позаботиться о своих делах, ни мужественно за них взяться» (С. 267).

Характеристика царя ужасает:

«Он совершил бесчисленное количество убийств, и между прочим замучил самыми изысканными пытками своего двоюродного брата Андрея, на основании каких-то подозрений в мятежных замыслах, со всеми его детьми и всем родом, за исключением только одной дочери, которую он потом сосватал за герцога Магнуса; он почти совершенно истребил Новгородское знатное дворянство, которое он подозревал в расположении к брату. Где попадалось, он не щадил также простолудинов, избивая их массами, так что иной раз попавшие ему на встречу толпы несчастных людей, умолявших его о расположении и милости, по его приказанию избивались его сателлитами или же в большом числе утопляемы были подо льдом, которым там бывают покрыты большую часть года озера и реки» (С. 26).

Оригинален здесь хронист не был, он скорее воспроизводил принятый в Речи Посполитой взгляд на Московита, причем еще не в самом резком и нелюбимом варианте. Но стоит подчеркнуть, что этот дискурс был основан именно на противопоставлении Стефана Батория как идеального монарха и Ивана IV как идеального антимонарха. Гейденштейн, как и другие его современники, подчеркивает абсурдность притязаний царя Ивана:

«Московский князь... написал королю письмо, чтобы тот совсем отказался от Ливонии. В письме он выводил свой род от какого то Прусса, брата Августа Цезаря, никому раньше неизвестного, о котором он утверждал, будто бы он управлял в Хвойнице и Мариенбурге и на обширном пространстве в остальной Пруссии, для того, чтобы тем заявить притязание на господство до самых границ Пруссии» (С. 5).

Гейденштейн фиксирует и критику Батория, звучавшую у современников. Поведение шляхты, противопоставляющей себя королю, эгоистично (С. 12–13).

В целом в изображении Московии, ее народа и правителя у Гейденштейна преобладает уже хорошо известный нам колониальный дискурс. Завоевание России необходимо прежде всего для возлагания на нее колониальной эксплуатации: присоединив к Польше новые владения, «...по образцу всех бывших великих империй; установив в них подати и пошлыны, мы могли бы освободить себя от некоторой значительной доли общих тягостей» (С. 90). Русских пленных дарят важным персонам как туземцев в Новом Свете, как вещь (С. 183).

Русские такие ужасные, потому что необученные, нецивилизованные: «Они отличаются лживым характером, вследствие дурной привычки, чрезвычайно извортливы во всякого рода обманах и кознях; но может быть столько же способны к быстрому усвоению и добрых художеств, если бы кто наставил их в таковых» (С. 31). То есть москвиты изображаются как объект ученичества, наставления, цивилизуемости. Они не знают многих вещей, принятых в цивилизованном мире: так, в европейских армиях практиковалось срезывание жира у трупов. Он использовался для приготовления снадобий, врачующих раны. Немецкие маркитантки в войске Батория делали так же, что вызвало обвинения со стороны Ивана Грозного к королю в надругательстве над убитыми и чуть ли не в языческих мистериях. Гейденштейн описывает этот случай, чтобы показать всю нецивилизованность русских: не понимают столь распространенных вещей (С. 79).

Гейденштейн много пишет об этнических противоречиях, раздиравших и армию Батория, и саму Речь Посполитую. Он укоряет литовцев в жестоком обращении «с туземцами» в Ливонии, отчего, мол, власть Речи Посполитой там была непопулярна, и возникла возможность для московской агрессии и для феномена Магнуса (С. 3).

Законность власти Польши над Ливонией вытекала из ее желания найти защиту от московитов: «Московский князь делал затем постоянные вторжения в Ливонию, нанеся ее жителям множество вреда, и тем заставил их отдаться под власть и покровительство Сигизмунда Августа и польских королей» (С. 4–5). Мотивы развязывания Московской войны Гейденштейн рисует следующим образом. Прежде всего, это обиды и оскорбления, нанесенные царем Иваном и лично Стефану, и польским королям²⁴⁵. Далее

«...Баторий питал весьма справедливое желание каким-нибудь великим подвигом оказать услугу, не только людям своего государства, но множеству других, которым московская власть, соединенная с ужасною жестокостию, внушала страх или была невыносима, и тем самым стяжать своему имени в потомстве такую славу, чтобы все знали, что он не только по имени был королем, но и был достоин этого сана. Сверх того он рассчитывал, что сломив Москву, он получит возможность обратиться к другим еще более великим предприятиям, которые у него были на уме» (С. 6).

Тем самым под пером Гейденштейна Московская война выступает как «делатель короля». Она необходима Стефану, чтобы стать настоящим королем, но она необходима и Речи Посполитой, чтобы преодолеть внутренние смуты и раздоры, чтобы стать полноценным государством, чтобы стяжать славу. Это ключ к великому будущему,

²⁴⁵ Тема мести за обиды поднимается Гейденштейном и при рассмотрении мотивации, почему с Баторием пошли на Россию разные народы: «Поляки, Литовцы и Шведы поощряли друг друга, чтобы отомстить за свои оскорбления, а Ливонцы, чтобы достичь свободы, все же вообще стремились к чести и славе» (из описания осады Вендена, С. 36). Об обиде и оскорблениях как причине войны говорится и в пересказе Гейденштейном грамоты к Ивану IV, отправленной с послом В. Лопатинским (С. 40).

«еще более великим предприятиям», которые благословит римский папа. Ставки в игре высоки:

«...молва приписывала несравненно больше могущества Московскому государству: тем большую славу в настоящем и в потомстве можно получить победою над ним; наградою победы будет служить Ливония, провинция цветущая, некогда богатая средствами и городами, представляющая и теперь множество выгод, особенно вследствие своего приморского положения» (С. 11).

Показательно, что «призом» в войне выступает не Московия (Гейденштейн слишком много описывает ее варварство и дикость, чтобы эту убогую страну можно было бы считать достойной добычей²⁴⁶), а именно Ливония. Она — «достойная награда за труды» и «памятник своего мужества», которую Баторий и его воины оставят потомкам (С. 165).

Впрочем, хронист называет и внутреннюю причину вступления Речи Посполитой в войну, которая звучит несколько неожиданно и, насколько нам известно, более ни у кого не встречается: «Таким образом решена была война против Москвы, и при этом положено было вести ее в пределах неприятельских, так как *прежний способ держать войска внутри собственных границ* и только обороняться от врага *был осужден на основании происходящего отсюда домашнего вреда*» (С. 11, курсив наш. — А. Ф.). Данная мотивация звучит прямо-таки в духе описания «катастрофы мира» времени европейской «военной революции»: войска должны быть заняты на войне, а когда мирное время и они хозяйничают в собственной стране — это катастрофа и бедствие. Надо срочно искать войну, куда бы их отправить. Правда, Гейденштейн под «домашним вредом», видимо, имел в виду не домашние бесчинства бездельничающих солдат, но мятежи и смуты Второго бескоролья (Гданьское восстание и т.д.). О внутренних причинах войны с Московией говорит и цитируемый Гейденштейном Ян Замоиский: «Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если только мы хотим иметь пружину дел (нерв войны) и если желаем сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое королевство» (С. 90). «Какое-нибудь» — значит, не столь важно, объектом наступления будет Россия или нет...

Стройную историческую и идеологическую концепцию Гейденштейна, конечно, разрушает Псков. Последняя треть «Истории Московской войны» в дискурсивном плане довольно невнятна, потому в ней не получают развития принципы, заложенные в начале сочинения. До сих пор русские крепости сдавались, потому что поляки искуснее в боевом отношении, они цивилизованнее и потому должны победить, имя короля наводит ужас на москвитов, их воинская стойкость зиждется только на страхе перед своим государем, а когда его заступает страх смерти во время штурма — они немедленно сдаются. Первые два похода Батория, под пером Гейденштейна — собственно, это триумфальное шествие от одной сдавшейся крепости до другой (исключая Великие Луки, которые просто не успели сдать, были взяты маркитантами по недоразумению). Иван IV последовательно ведет свою стану к краху, катастрофе. А Стефан Баторий Речь Посполитую — к триумфу, победе, славе и главному призу — Ливонии.

Вся эта логичная и стройная концепция разбивалась о нежелание Пскова сдаться, о стойкость его защитников, о провал польского наступления, пробуксовку осады.

²⁴⁶ «Не могу утверждать, от самой ли природы, или по их неумению находить, в Московском государстве нет золота, серебра и других металлов, все это у них привозное; из Персии они получают вышитые одежды, шелк, драгоценные камни, жемчуг» (С. 31).

Русские проявляют слишком много воинского искусства, изобретательности и мужества, чтобы это можно было бы объяснить их страхом перед царем. Цивилизованные и искушенные в воинском искусстве поляки и венгры оказываются не в состоянии взять даже Печерский монастырь, обороняемый невежественными и необученными монахами. Гейденштейн как добросовестный автор не мог уж слишком искажать истину и выдавать неудачи за победу. Но его авторская концепция терпела то же поражение, что и Баторий под Псковом. Проблемы испытывала и польская пропаганда. В «Московской войне» сообщается, что

«Замойский давал для списывания экземпляры письма жителей Пскова, перехваченного нами, для того, чтобы распространением его сделать известным трудное положение осажденных и тем уничтожить впечатление слишком неприятных слухов о нашем неудачном приступе, имеющих достигнуть Польши» (С. 212).

Гейденштейн искал объяснение происходящему. Одно он нашел в либеральном дискурсе: Псков — это древняя самоуправляющаяся республика, «...имел свои законы и своих правителей, но, что может быть еще более достойно удивления в той стране, превосходно даже управлялся ими» (С. 195). Одно время им управляли литовцы — князь Довмонт. В этом отличие Пскова, он не совсем «московитский» город, а, напротив, «приведен в зависимость отцом этого царя Василием», Москва по отношению к нему поступала и поступает тиранически (С. 198). Немосковское происхождение, демократические традиции и влияние Литвы в глазах Гейденштейна делают Псков особенной крепостью, к которой неприложима его схема «блицкрига Московской войны».

Мотив «особости» Псковской осады у Гейденштейна звучит по нарастающей. На страницах его сочинения все чаще появляются чудеса: то русские прячутся в траве, как туземцы, невидимые для солдат (С. 216). То поляк Станислав Жолкевский скачет под псковскими стенами, по нему в упор стреляют чуть ли не из 500 пищалей и пушек — и ни одна не попала (С. 250). От безделья поляки начинают изобретать разные военные хитрости, например, засылают в Псков особым образом сделанную мину, на которой будто бы подорвался весь русский штаб (С. 252). Необычным выглядит и вызов на поединок, который Шуйский якобы отправил Замойскому, и потом канцлер напрасно ждал в условленном месте. Трусливый русский воевода, естественно, не явился (С. 252).

Иррациональную, небывалую обстановку в лагере осаждающих создают псковские морозы:

«Морозы были так сильны, что лишь только кто-нибудь выходил из палатки, как отмораживал все члены, в особенности же те, которые преимущественно открыты для действия воздуха: нос, уши, лицо, и затем умирал. Что писалось удивительного об этом свойстве русского климата некоторыми, будто морозы в тех местностях бывают таковы, что и вода замерзает при своем падении, когда ее выливают, то теперь многие испытали на деле. Но всего более страдали от этих жестоких морозов, что по необходимости и должно было быть, наши караулы, и потому вообще их редко выставляли, а когда это делалось, то только немногие из караульных возвращались назад с неотмороженными членами. Особенно замечательный случай был с одним знатным всадником из хоругви Сигизмунда Розена: когда у него совершенно были отморожены обе голени, и он впал в лихорадку, а затем в беспамятство, то в это-то время доктор отрезал ему обе ноги, и когда тот пришел в себя, то стал спрашивать о потерянных ногах так, как будто искал какую-либо часть одежды» (С. 243).

Морозы изменили мир, в котором оказалась польская армия. Даже дикие животные преобразились чудесным образом:

«Так как вся Московская область находится под самым созвездием Большой Медведицы, то обыкновенно ни в каком почти другом месте, за исключением лежащих около Ледовитого моря, не бывает морозов более сильных, какие бывают в Псковской области. Вследствие того и всякого рода животные, как замечено, имеющие в прочих местностях черный или рыжий цвета, как например: прежде всего вороны, совы, дикие куры, медведи, волки, зайцы и другие подобного рода животные, или от влияния климата, или от силы морозов здесь обыкновенно все белого цвета. Длина же здесь ночей такова, что во время самой большой долготы день вообще не продолжается более 5-ти часов» (С. 244).

Победить в таком климате невозможно. Можно только держаться и стойко переносить лишения — что, собственно, и делала армия Батория под Псковом.

Вторым объяснительным фактором, который Гейденштейн выводит на первое место, является нежелание войска Батория воевать, во время Псковской осады принявшее катастрофические масштабы. Уже в начале псковского похода подкарбиями было заготовлено слишком мало пороха «вследствие предвзятой мысли о мире» (С. 202), и тезис о нехватке боеприпасов для осадных орудий красной нитью проходит через весь рассказ о сражениях под Псковом.

Внутри войска обостряется межнациональная вражда:

«Среди простых солдат распространялись слухи, будто король хочет разделить всю Ливонию, как только присоединит ее, между Венграми, или сыновьями своих братьев. Вследствие такого говора даже и войско, состоявшее на жалованье, стало волноваться; для чего оно сражается с опасностью жизни ради чужих выгод за провинцию, от которой не достанется ни ему самому, ни государству никакой пользы; неужели только для того, чтобы другие обогатились, оно подвергает опасности свою жизнь и проливает кровь?» (С. 224–225).

Третьим фактором неудачи является неблагоприятная международная обстановка. «Между тем, как все это происходило у Пскова, шведский король извлекал выгоды из чужих побед» (С. 216). Это страшно несправедливо: «...король Стефан мог предполагать, что после того, как он сам с большим трудом и издержками принудил неприятеля к переговорам о мире, к уступке всей Ливонии, а затем почти к совершенному очищению ее, ему нужно будет делиться со шведским королем плодами приобретенной им победы» (С. 218). Призом в войне является Ливония, а этот приз ускользает из рук, поскольку, пока королевское войско буксует под Псковом, Прибалтику прибирает к рукам Швеция. Тем самым Гейденштейн исподволь подводит читателя к мысли, что войну надо было быстрее заканчивать любой ценой, а то могли потерять куда большее, чем славу покорителей Пскова.

Поэтому Гейденштейн подчеркивает, что Ям-Запольское перемирие было необходимо, и приветствует его. Он восхищается масштабами одержанной победы (убито более 300 000 русских, 40 000 взято в плен (С. 267)). Цифры абсолютно фантастические, столько войск у Ивана Грозного просто не было. В то же время автор подчеркивает, что война не закончена (и с этим связана и незавершенность его произведения):

«На таких-то условиях было заключено перемирие на десять лет. При этом московского царя, крайне огорченного потерей провинций, не оставляла надежда вернуть назад в более удобные времена отнятое у него, воспользовавшись

какими-нибудь беспорядками во время бескоролья или другими случаями. А с другой стороны, и король, нанеся такое поражение и разорение Московскому государству, что оно не могло никоим образом в немного лет поправиться, не совсем был недоволен тем, что не исключается для него возможность совершить еще более великие дела в случае, если бы Московский царь вздумал возобновить войну» (С. 255).

Для Гейденштейна вообще характерны большие, длительные периоды, «длящаяся история». Война за Ливонию понимается Гейденштейном как единая, продолжавшаяся со времен Сигизмунда II Августа: «Эта война, иногда прерываемая перемирием, большей частью веденная с переменным успехом как в Ливонии, так и в Литве, досталась по наследству и королю Стефану» (С. 5). Интересно, что главный результат победы над Москвией рассматривается с точки зрения дискурса прорыва к морю:

«Из всех этих потерь может быть самой важною была та, что, уступив все гавани на Балтийском море, московский царь, уже и раньше отрезанный оружием Турок от судоходства по Днепру, был как бы изгнан почти со всех морей, за исключением только Ледовитого, не имеющего никаких пристаней и весьма опасного; он как бы оттеснен был от всех торговых сношений с другими западными и южными народами в глубь Московского государства, и на него наложены были как бы оковы, мешающие ему двигаться в ту или другую сторону» (С. 268–269).

Сочинение Гейденштейна было самым развернутым и наиболее популярным польским нарративом о Московской войне. Его оценки оказали большое влияние на историографию, на восприятие этой войны потомками. Современниками же его книги считались как минимум спорными.

Последняя попытка Запада европеизировать Россию: «Новая апостольская миссия» Антонио Поссевино и ее провал.

Связанная с окончанием Ливонской войны миссия Поссевино 1581–1582 гг., отраженная в многочисленных нарративных памятниках, занимает особое место в развитии темы «Изобретая первую войну России и Европы». Как уже отмечалось выше, «Открытие России» Западом сопровождалось попытками (пусть и оставшимися большей частью в проектах европейских интеллектуалов) европеизировать Россию, сделать ее в том или ином виде составным элементом «христианского мира». Так было и на пике интеллектуальных исканий, сопровождавших это «Открытие», в конце XV – начале XVI в. Эти же мотивы звучали, правда, неотчетливо, и в робкой попытке «Второго Открытия России» в 1570-е гг.

К 1580-м годам, благодаря пропагандистскому аспекту Ливонской войны, открывать стало нечего. Облик России и русских в глазах Запада был сформирован прочно и однозначно негативно. Однако, как ни странно, оказалась очень сильна инерция иллюзии, что с этой страной можно что-то сделать, наставить на путь истинный, католицизировать и принять в «христианский мир», где она будет истово служить интересам папского престола и истинной веры. Чем негативнее обрисовывался облик Московии, тем более необходимой и грандиозной представлялась задача ее обращения. Это была бы воистину апостольская миссия!

Когда, проигрывая Московскую войну Стефану Баторию, Иван Грозный отправил в 1580 г. в Рим посольство Истомы Шевригина, он ведь ничего не обещал. Речи послов содержали лишь туманные намеки, что Россия готова рассмотреть вопрос о более

тесном сближении с империей и папским престолом, особенно в аспекте совместной борьбы с Турцией. В грамотах и наказе говорилось о необходимости «...о любви и соединенье ссылатися», «...в докончанье на всякого недруга стояти заодин». Шверигин должен был просить папу посодествовать, чтобы Стефан соблюдал перемирие, заключенное в 1578 г. в Москве с послом С. Крыским. Выражалось желание вместе с Империей «...против бесерменских всех государей стояти заодин хотим, чтобы мусульманская рука впредь на крестьяны не высилася, и кровь бы крестьянская не разливалася, и крестьянство б в тишине и в покое было и выслобожено из рук мусульманских»²⁴⁷. Ничего более!

Тем не менее эти намеки были почему-то восприняты при папском дворе как готовность России к обращению в католичество и подчинению папскому престолу. Эта новость вызвала огромный всплеск энтузиазма, и горячие головы закружились от предвкушения Великой Победы католичества над схизматиками, обращения русских, радикального переустройства всего восточноевропейского мира. И с этой апостольской миссией в Россию отправился легат А. Поссевино. Интересы Речи Посполитой учитывались в меньшей степени. Своей победоносной войной Стефан Баторий мог помешать обращению России — значит, он должен немедленно закончить войну!

История миссии Поссевино и ее дискурсивная практика логически завершают Ливонскую войну, рассматриваемую как первое крупномасштабное противостояние России и Европы. Этот конфликт как цивилизационно-культурологический достиг наивысшего накала именно в проекте полного переустройства Российского государства по католическим лекалам, ради которого под нажимом папского легата заключался мир. После остановки военных действий должно было начаться реформирование Московии и превращение ее в католическую европейскую страну. Ради этого итальянец Поссевино сидел в холодных псковских лесах, убеждал Батория, ссорился с польскими дипломатами, уговаривал московских послов. Война и ее исход должны были выступить создателями нового мира, новой исторической реальности на землях восточнее Речи Посполитой.

Здесь, конечно, был очень силен личный аспект: Поссевино всерьез видел себя новым апостолом, которой совершает подвиг, по масштабам сравнимый с деяниями великих христианских миссионеров²⁴⁸. Спасти москвитя от ереси, распространить христианство на огромные просторы за Дон, за Волгу, до Персии и Азии!²⁴⁹ Пафос, с которым посланник папы говорит о перспективах свершения данных великих планов, впечатляет: «...этот наш подвиг отмечен был бы благочестием христианина и поистине в своем сладком благоухании явился бы приятнейшей для Господа жертвой всесожжения»²⁵⁰.

Можно сказать, что легата обурежала гордыня. Он постоянно подчеркивал, как к нему прислушивались невежественные русские, какое впечатление его слова производили на Ивана Грозного и т.д. Конечно, в какой-то степени этот эгоцентризм был вызван необходимостью убедить высокопоставленных читателей трактата Поссевино

²⁴⁷ Отправление гонца Истома Шверигина к римскому папе Григорию XIII... Август 1580 г. // Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италиянскими государствами. Т. X (с 1580 по 1699 год). СПб., 1871. Стб. 9, 11.

²⁴⁸ *Поссевино А.* Московия // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 34.

²⁴⁹ Там же. С. 64–65.

²⁵⁰ Там же. С. 36.

в правильности его действий и адекватности предлагаемой программы преобразования России. Но иногда речь легата звучит как хвастовство:

«К этому можно добавить весьма почетный прием, оказанный великим князем, который нам ни в чем не отказывал... почти невероятно, что я, ничтожнейший из людей, смог бы в другое время поговорить об этом деле... если бы Божественное провидение не указало, что пришло удобное время приняться за это предприятие (обращение России. — А. Ф.) и что, наконец, оно само этому помогает. Я сказал великому князю...: пусть он подумает, может быть, Господь справедливо возложил бремя такой войны на его плечи, раз он ничего не отвечает наместнику Христа о деле религии... Было видно, что мои слова на него сильно подействовали».

Поссевино изображал себя христианским героем при дворе варвара-тирана. Он смело, по-апостольски обличал несправедливые деяния царя, причем успешно («Когда у упрекал его в этом... он пытался оправдаться, но не смог этого сделать») ²⁵¹. Легат отказывался участвовать в обрядах схизматиков:

«...мы по некоторым соображениям не захотели ни присутствовать на богослужениях, совершаемых их епископами (если их можно назвать епископами), ни войти в храм вместе с московитом. А так как мы смело отказались от этого перед лицом государя и великого множества народа, кое-кто стал думать, что с нами будет. Многие московиты стали колебаться в своем слишком высоком мнении о собственной религии» ²⁵².

Поссевино считал, что за эти выступления царь Иван его только больше уважал. Грозный организовал ему пышные встречи, два месяца принимал его у себя и беседовал с ним. Если тебя два месяца слушает правитель огромной державы, возникает иллюзия собственной значимости и нужности переговоров. Поссевино в самом деле представлял себя новым апостолом.

При этом легат совершенно не понимал, с кем имеет дело. Папский посол собирался изменить мир. Но он выдумал этот мир. Он придумал свою Россию, которая совершенно не соответствовала реалиям Московии Ивана Грозного. Поэтому у него ничего и не вышло: Поссевино способствовал скорейшему заключению перемирия (тут интересы всех сторон совпадали). А вот обращение русских не задалось. Намеки на союз с Римом оказались не более чем дипломатическим маневром, блестящей операцией посольских служб Ивана Грозного, сумевших вывести Россию из войны с минимальными потерями при помощи обманувшегося в своих самых заветных надеждах папского престола.

Истинный облик Ивана Грозного проявился в его беседе с Поссевино, когда царь объявил римского папу «волком» ²⁵³. В русском обществе никакого сочувствия просветительским потугам итальянского мессии не наблюдалось. За миссией Поссевино с тревогой и надеждой следили в польском лагере. Королевский секретарь С. Пиотровский писал: легат собирается обратить великого князя московского в католичество,

²⁵¹ *Поссевино А.* Московия. С. 63.

²⁵² Там же. С. 52.

²⁵³ «...и тот папа волк есть, а не пастырь!» И посол Антоней и престал говорити, — коли дей уж папа волк, и мне что уж и говорити» (Прием А. Поссевино при дворе Ивана Грозного 21 февраля 1582 г. // Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италиянскими государствами. Т. X. Стб. 308). Поссевино не решился в своем отчете процитировать это катастрофическое заявление Ивана Грозного и смягчил его до: «Знай же, что папа не пастырь!» (*Поссевино А.* Беседы о религии // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 80–81).

«чудо, если это удастся»²⁵⁴. Чуда не свершилось... Мало того, поляки зафиксировали и совсем обидный слух: будто бы Иван Грозный за глаза называл Поссевино «сивый папа»²⁵⁵.

Фактическая сторона миссии Поссевино достаточно подробно изучена в исторической литературе, и мы не будем на ней останавливаться²⁵⁶. Наша задача — рассмотреть проект Поссевино как проект завершения войны с Москвой путем радикального переустройства восточноевропейского мира и попытаться выявить в нем дискурсы Ливонской войны. Стоит сразу заметить, что нарратив Поссевино, посвященный собственно ливонскому вопросу, находился под сильным влиянием «Истории Ливонской войны» Тильманна Бреденбаха, откуда легат черпал сведения по предыстории конфликта и его идеологической составляющей²⁵⁷. Вслед за Бреденбахом он определяет войну как религиозную по своей сути, изначальный конфликт протестантов и католиков, в который в качестве Господней кары вмешались русские, а в качестве носителей благодати и защитников истинной веры — поляки. И эта война получила неожиданное развитие, дав миру шанс к обращению схизматиков и осуществлению апостольского подвига, равного которому человечество не знало уже много веков.

Причиной вторжения в Ливонию Поссевино считал желание Ивана IV самоутвердиться: «Обладая пылким нравом и желая возвеличить свое достоинство, он по достижении высшей власти решил отомстить за беды, причиненные татарами, и стать прочной ногой в Ливонии»²⁵⁸. При этом легат плохо знал историю конфликта: он был убежден, что русских в начале XVI в. на 50 лет усмирил магистр Плеттенберг («...их войско было почти все перебито под Псковом при ливонском магистре Плеттенберге»), и вот спустя полвека мир был нарушен²⁵⁹. Поводом к войне было невыполнение ливонцами условий договора с русскими (каких именно, легат не пишет) и разрушение православных церквей в Ливонии лютеранами²⁶⁰. Из-за этого царь Иван и напал на Ливонию. Для последней это нападение оказалось Господней карой за грех про-

²⁵⁴ *Пиотровский С.* Дневник последнего похода... С. 24.

²⁵⁵ Там же. С. 149.

²⁵⁶ *Дахнович С.* Иезуит Антонио Поссевин // Труды Киевской духовной Академии. 1865. № 1 (январь). С. 101–138; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1897; *Пирлинг П.* 1) Восточная идея Поссевино // Пирлинг П. Из смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902. С. 1–57; 2) Из Смутного времени: Бареццо Барецци или Поссевино? СПб., 1902; 3) Россия и папский престол. СПб., 1912. Т. I; *Лихачев Н. П.* 1) Антонио Поссевин и Истома Шевригин. М., 1900; 2) Дело о приезде Поссевина. СПб., 1903; *Karttunen L. A.* Possevin un diplomate pontifical en XVI-e siècle. Lausanne, 1908; *Снесаревский П. В.* Миссия Поссевино (Происки Ватикана в России во второй половине XVI в.) // Ученые записки Калининградского педагогического института. 1955. Вып. 1. С. 72–83; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1973. С. 239–247; *Годовикова Л. Н.* Предисловие // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 5–20; *Делиус В.* Антонио Поссевино и Иван Грозный. К истории церковной унии и Контрреформации в XVI столетии // Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве / Пер. С. П. Гиждеу, Л. Н. Годовикова; предисл. и сост. И. В. Курукин. М., 2005 (перевод с немецкого издания: *Delius W.* Antonio Possevin SJ and Ivan Groznyj: ein Beitrag zur Geschichte der kirchlichen Union und der Gegenreformation des 16. Jahrhunderts. Stuttgart, 1962). В 1963 г. вышел указатель европейских трудов Поссевианы: *Stökl G.* Posseviانا // JGO. Wiesbaden, 1963. Bd 11. Hf. 2. S. 223–236.

²⁵⁷ *Поссевино А.* Ливония // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 219.

²⁵⁸ *Поссевино А.* Московия. С. 41.

²⁵⁹ *Поссевино А.* Ливония. С. 217.

²⁶⁰ Примечательно, что в целом порица Иван Грозного за нападение на Ливонию, Поссевино ничуть не возражал против истребления царскими войсками в Ливонии протестантов и даже упрекал Ивана IV, что он не уничтожил лютеран до конца: «...те многочисленные ереси, которые пошли от Лютера, а вот ты разрешаешь сохраняться их остаткам в Ливонии» (*Поссевино А.* Беседы о религии. С. 79).

тестантизма (здесь Поссевино следует за Бреденбахом)²⁶¹. Тем самым она нарушила свое историческое предназначение быть католической державой.

В истории Ливонии Поссевино не очень силен, хотя и посвятил ей особый трактат. Он следует за теми авторами, которые выводили происхождение Ливонии от переселенцев из Великого Рима, возможно, изначальных носителей демократического свободолобивого начала²⁶². Поссевино подчеркивает, что Ливония с первых лет своей истории была полигоном для миссионеров и борьбы различных верований и конфессий. Уже с XIV в., согласно сочинению итальянского легата, складывается своеобразный ливонско-русский дуализм: ливонцы грешат и проявляют слабость в делах истинной веры, а русские выступают Божьей карой, орудием Господнего гнева («Конечно, его (*московского государя*. — *А. Ф.*) против ливонцев послал Господь, чтобы в свое время наказать их за грехи»). Чудеса, связанные с москвитями и вмешательством Бога, происходили издревле. Самым ранним Поссевино, вслед за Бреденбахом, называет чудо 1381 г.:

«Московский князь в 1381 г. от рождения Христова огромным войском осадил Нейгаузен, крепость дерптского епископа, отстоящую от Дерпта на 18 миль, так что у осажденных не осталось никакой надежды. Но комендант крепости, обратившись в душе к Богу, послал во имя господина Бога стрелу в русский лагерь и пронзил сердце самого московского князя. Впоследствии эта стрела была возвращена в качестве трофея и, как свидетельство о божественном милосердии, находилась в главном храме до тех пор, пока лютеранская ересь не уничтожила святого порядка божественного богопочитания. Москвитов удивительным образом объял страх, они вернулись в свои владения, а ливонцы стали жить в мире»²⁶³.

Отступничество ливонцев от истинной католической веры и впадение в лютеранскую ересь привело к ужасному результату: на них в лице москвитов обрушился Бич Божий. Мало того, что их постигло нашествие иноплеменных, разорение и насилие: Иван IV стал внедрять в Ливонии православную схизму. Хуже этого нельзя было и придумать. Поссевино красочно рисует беды ливонцев, которые вполне заслужили подобную кару за свои грехи:

«Ливонцев же, отбросивших истинную религию, перебивших или изгнавших католиков и думающих, что они обрели свободу, поразил жесточайшими пытками и казнями. Толпы пленных ливонцев пригнал в Московию и большими группами приписал их к отдаленнейшим областям, расположенным близко от татар; в Казани и Москве назначил за них огромный выкуп и приказал содержать в отвратительных темницах. Позже многие из них, с его разрешения, приходили к нам и простирались у наших ног. Когда был заключен мир с польским королем Стефаном от имени вашей милости, мы позаботились об их освобождении, но, с Божьей помощью, заставили их увидеть в этом покровительство святого апостольского престола, который они раньше нечестиво презирали и отвергали»²⁶⁴.

²⁶¹ *Поссевино А.* Московия. С. 48.

²⁶² Такие этногенетические легенды о происхождении балтийских народов получили популярность в XVI в., ср. легенды о происхождении литовцев от римлянина Палемона, бежавшего от тирании императора Нерона (подробнее см.: *Филошкин А. И.* 1) Сравнительный анализ генеалогических легенд XVI в. о происхождении великокняжеских династий Российского и Литовского государств // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 133–136; 2) Легендарные родословцы великих князей литовских и великих князей московских // Русский родословец. М., 2001. Вып. 1. С. 6–14).

²⁶³ *Поссевино А.* Ливония. С. 216. По всей видимости, имеется в виду нападение новгородцев на Нейгауз в 1370 г. В 1381 г. боевых действий не велось, и уж тем более в этом году под стенами далекого ливонского замка не могло появиться войско московского князя Дмитрия Ивановича Донского. Последний умер в 1389 г., а вовсе не был поражен стрелой под Нейгаузом восемью годами ранее.

²⁶⁴ *Поссевино А.* Ливония. С. 220.

Впрочем, и для русских война ничем хорошим не закончилась. Характеристика Поссевино последствий и результатов Ливонской войны для России заслуживает иностранной цитаты:

«Некоторое время его (*Ивана IV. — А. Ф.*) действия имели хороший результат, но впоследствии принесли москвитам величайшие беды. Московскому князю нужно было размещать гарнизоны в чрезвычайно удаленных друг от друга областях и в многочисленных крепостях, а войну вести почти только с помощью своих солдат в разных местах и в течение многих лет. Защитники крепостей оставляли дома жен бездетными. Если кто-нибудь из них погибал, его место занимал другой, — в результате народ очень поредел. К тому же нужно было еще обучать стрельцов (или, как их обычно называют, фистулаторов, или склопетариев), которые пользуются небольшими ружьями. Этот вид оружия был неизвестен его предкам, пользовавшимся почти только луками и стрелами. В войско набирают каждого десятого. Они становятся либо княжескими телохранителями, либо служат на войне, либо размещены по гарнизонам крепостей. Дома они оставляют жен и детей, и иногда, в случае их гибели, дома мало-помалу лишаются людей. Многих погубила чума, о которой никогда до этого времени не было слышно в Московии из-за очень сильных здешних холодов и обширных пространств. Многочисленные войны, казни многих тысяч людей (даже знатных), постоянные набеги татар, сожжение ими 12 лет тому назад столицы (к этому можно прибавить постоянные победы короля Стефана в течение последних 3-х лет) довели князя до такого состояния, что его силы можно считать не только ослабленными, но почти подорванными. Известно, что иногда на пути в 300 миль в его владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты»²⁶⁵.

Таким образом, по Поссевино, главной причиной поражения России в войне была демографическая: царю просто перестало хватать воинов.

Поссевино придерживается распространенного в Европе дискурса о резком росте благосостояния России благодаря ее выходу к Балтийскому морю. Потеря этого выхода ослабит Россию²⁶⁶. Легат рисует апокалиптическую картину последствий войны для Московии:

«Храмы, где возносились хвалы имени Божьему, разрушены или обращены в конюшни, святые иконы нечестиво брошены в огонь, и для тех, кто не считает святых членами самого Христа, они служат предметом насмешек и забавы. Трупы взрослых и детей валяются повсюду, и на дорогах их уже топчут копыта коней. Происходит много убийств и грабежей мирных сельских жителей обоего пола; на них охотятся с величайшим азартом в лесах, забыв об охоте на диких зверей. Девицам наносится бесчестье и даже еще больший позор. На обширнейших пространствах видны следы пожаров и невероятного опустошения твоих владений. Впрочем, это уже везде не имеет значения, так как там не осталось ни земледельцев, ни скота; однако это на многие годы затруднит торговлю иноземных людей с твоими (*людьми Ивана IV. — А. Ф.*)»²⁶⁷.

Выходом из ситуации Поссевино видел обращение России в католичество и постепенное приобщение ее к ценностям «христианского мира». Московия рассматривается им через призму колониального дискурса. Поездка в нее — приключение цивилизованного человека в дикой пустыне, населенной разбойниками:

«Всадники же, которые сопровождали нас в качестве охраны, оставили нас, как только прибыли к границам Московии, так как боялись оказаться убитыми москвитами, которые имели обыкновение постоянными набегами опустошать

²⁶⁵ *Поссевино А.* Московия. С. 42.

²⁶⁶ Там же. С. 46.

²⁶⁷ Антонио Поссевино — великому князю московскому Ивану Васильевичу, из дер. Бешковичи под Порховом, 7 декабря 1581 г. // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 108.

польские границы. Кроме того, в лесу едва можно было различить дорогу, так как стволы деревьев настолько прочно переплелись между собой, что дорогу всюду нужно было пробивать топорами, повозки приходилось тянуть руками или даже переносить на плечах, а между тем измученным людям нужно было ночевать на мокрой земле под непрерывным дождем. Страх увеличивали казаки (это род наглеших разбойников), которые в лесу подражали голосам различных зверей, чтобы испугать нас»²⁶⁸.

«Вообще это неприветливая страна, во многих местах она не имеет жителей, и земля там не обработана. К тому же вокруг простираются огромные пустыни и леса, не тронутые временем, с вздымающимися ввысь деревьями. Для путешественников она особенно неприветлива. На таком огромном пространстве земель иногда нельзя найти никакого постоянного двора, но, где застала ночь, там и приходится ночевать, на голом, неподготовленном месте. У кого какая пища есть, тот, по-видимому, и возит ее с собой. Города встречаются редко, и жителей в них немного, построены они из дерева... Большая часть страны занята болотами, ее пересекают многочисленные реки, поэтому она более доступна для проезда зимой, чем летом, так как зимой вода скована морозами и по ней можно проехать даже в повозке. Хотя на реках по большей части и сделаны деревянные мосты (все они обычно сооружаются по случаю приезда послов), однако сделаны они из грубого неотесанного материала, на них часто ломаются повозки, а путешественников это невероятно утомляет и обессиливает»²⁶⁹.

При этом страна богата ресурсами, земля плодородна, леса изобилуют пушными зверями и т.д. Поэтому-то и имеет смысл ее обращать в истинную веру и присоединять к «христианскому миру»: своими богатствами она преумножит его благосостояние.

Россия населена народом, происходящим от скифов и татар, отравленным схизмой, в которую «...с трудом проникает сила какого-нибудь довода»²⁷⁰. Легат дает русским такую характеристику:

«Можно с полной уверенностью утверждать: народы северных областей, и в особенности те, из сердец которых истинная религия не изгнала дикости, чем более чувствуют себя лишенными разума, тем более становятся подозрительными. Поэтому то, чего они не умеют добиться разумной деятельностью, того они стремятся достичь хитростью и силой (а москвиты также и упорством). Это в особенности наблюдается среди скифов и татар, от которых многие москвиты или ведут свое происхождение, или близки к ним. Не удивительно, если они не избавились от этой природы, которую у других народов изменило и победило благочестие»²⁷¹.

Воспроизводятся уже ставшие стереотипами дискурсы о дикости русских («Если покажется, что кто-нибудь захочет продвинуться в учении дальше или узнать другие науки, он не избежит подозрения и не останется безнаказанным»), о закрытости страны, в которой все тайно мечтают сбежать на Запад («Не разрешается даже иметь кораблей, чтобы никто не сбежал таким путем, и, наконец, считается, что слишком тесным общением с иностранцами можно принести какой-то вред князю»)²⁷². При этом «о себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех»²⁷³ — опять-таки, мысли, согласно колониальному дискурсу, типичные для варваров...

²⁶⁸ Поссевино А. Московское посольство // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 192.

²⁶⁹ Там же. С. 205–206.

²⁷⁰ Поссевино А. Московия. С. 31.

²⁷¹ Там же. С. 61.

²⁷² Там же. С. 25.

²⁷³ Поссевино А. Московское посольство. С. 207.

Русские примитивны настолько, что, завоевав Ливонию, они не хотят жить в каменных европейских домах, возведенных рижским архиепископом и магистрами ордена, «московиты отвергли их и предпочли скорее жить в выстроенных ими деревянных домиках, полных копоти». Поссевино здесь прямо сравнивает их с варварами, разрушившими Рим: «Вспомнив также о разрушениях, причиненных готами Колизею, триумфальным аркам и всему Риму, я уже не удивлялся тому, что остается в сердцах людей, которые не могут вынести блеска и величия других народов»²⁷⁴.

Звучат и уже знакомые со времен Герберштейна слова:

«Могло бы показаться, что этот народ скорее рожден для рабства, чем сделан таким, если бы большая часть их не познала порабощения и не знала, что их дети и все, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они перебегут куда-нибудь. Привыкнув с детства к такому образу жизни, они как бы изменили свою природу и стали в высшей степени превозносить все эти качества своего князя и утверждать, что они сами живут и благоденствуют, если живет и благоденствует князь. Что бы они ни видели у других, этому не придают большого значения, хотя мыслящие более здраво и побывавшие за границей без особого труда признают силу и могущество других [государей], если не приходится опасаться доносчика»²⁷⁵.

В религиозном плане Россия — это невозделанная ойкумена: «имеет только 11 епископатов»²⁷⁶. При этом легат не рассматривал православие как серьезную силу, а только как заблуждение, ересь, порок. Схизму «нельзя считать религией»²⁷⁷ (то есть Поссевино отказывает русским в принадлежности к христианам). Редкие непорочные люди среди московитов «не чуждаются католиков»²⁷⁸. Дикость русских и их примитивная простота как раз позволяют надеяться на успех внедрения католичества: «...я имею в виду простоту, воздержание, покорность, отвращение к богохульству, а это дает большую надежду, что они могут быть еще более постоянными в благочестии католической церкви»²⁷⁹. То есть если они столь истово верны несправедливой религии — то с такой же преданностью будут следовать и истинной, католической²⁸⁰ вере!

К тому же русская церковь угнетена, подвержена репрессиям со стороны властей, и привыкла к покорности. Ее служители «...удивительно невежественны в науке, касающейся происхождения их вероучения»²⁸¹. Нужно «...выждать, пока их умы созреют для благочестия»²⁸². Правда, Поссевино подчеркивает невежественную ксенофобию русских по отношению к католикам (воспроизводит дискурс о любимом русском проклятии «Увидеть бы тебя в латинской вере», легенду о злополучном рукомоинике

²⁷⁴ Поссевино А. Московия. С. 58.

²⁷⁵ Там же. С. 49.

²⁷⁶ Там же. С. 21.

²⁷⁷ Там же. С. 62.

²⁷⁸ Там же. С. 24. В другом месте он пишет: «Но были и такие московиты, которые стонали от этого рабства и говорили, что, пока князь не начнет другого образа жизни, нет надежды на распространение благочестия истинной веры» (Там же. С. 54). Легат также воспроизводит распространенный в войске Батория дискурс, что русские хотели массово сдаваться полякам, и только боязнь расправы со стороны царя удерживала их от перехода на сторону Речи Посполитой («...королевские люди смело говорят о своей надежде на то, что твои народы, отложившись от тебя, отдадут этим королям, то есть польскому и шведскому, не только свою волю и желания, но свое имущество и свою жизнь» (Антонио Поссевино — великому князю московскому Ивану Васильевичу, лагерь под Псковом, октябрь 1581 г. // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 97)).

²⁷⁹ Поссевино А. Московия. С. 35.

²⁸⁰ Поссевино А. Московское посольство. С. 211.

²⁸¹ Поссевино А. Московия. С. 22.

²⁸² Там же. С. 23.

на дипломатических приемах)²⁸³. В силу этого ксенофобного невежества продвижение истинной веры в Московию «будет очень трудным делом».

Инструментами внедрения католицизма в России будут просвещение (семинарии, обучение за границей²⁸⁴, печатное слово, иностранная торговля как фактор цивилизации) и сила оружия («...король польский Стефан открыл доступ католикам в Московию силой оружия: он правильно понял, что это продвижение не помешает ни его достоинству, ни благу государства»)²⁸⁵. Необходимо готовить «партию влияния» в соседних странах — на эту роль предлагались православные иерархи из русских земель Великого княжества Литовского («...будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки Королевской Руси присоединятся к католической церкви»)²⁸⁶. Миссия в России будет очень трудна, но возможна, она по перспективам и трудностям обращения сравнивается Поссевино с недавней миссией Андреа Овието в Эфиопии²⁸⁷. То есть русские XVI в. в глазах просвещенного итальянца были почти что средневековые эфиопы...

Главным препятствием к успеху апостольской миссии в России Поссевино видел царскую власть. У московитов культ государя, они ему безоглядно и безоговорочно верят и подчиняются, и пока русский царь исповедует православие, русские будут следовать за ним. Недаром он «...хочет быть полным господином тела, души и даже как бы мыслей подданных»²⁸⁸. Легат довольно раздраженно рисует масштабы авторитета Ивана Грозного, замечая, что он

«...решительно хочет казаться чуть не первосвященником и одновременно императором. Самой своей одеждой, окружением и всем прочим он старается выказать величие даже не королевское, а почти папское. Можно сказать, что все это заимствовано от греческих патриархов и императоров, и то, что относилось к почитанию Бога, он перенес на прославление себя самого»²⁸⁹.

Эти слова показывают, что вызывало особый протест у европейцев в личности и самом факте существования московской монархии. В их сознании император был один, император Священной Римской империи. Высшим авторитетом была власть первосвященника, римского папы. Сталкиваясь буквально рядом с Европой с порядком, при котором правитель государства, считающегося недоразвитым и варварским, позволял себе «незаслуженное» величие²⁹⁰, западные интеллектуалы испытывали сперва культурный шок. А потом — возмущение и острое желание исправить этот вызов правильному миропорядку. Откровения Поссевино здесь очень симптоматичны.

Русский царь — агрессор, который более всего угрожает Империи и «христианскому миру». Это видно из того, что Иван IV выводит свое вымышленное происхождение

²⁸³ Поссевино А. Московия. С. 22–23.

²⁸⁴ Московитам, попавшим за границу, например, дипломатам, купцам, надо устраивать специальные посещения наиболее красивых мест, угощать и т.д., чтобы они почувствовали все преимущество Запада. Ср. обращение с русскими дипломатами в Риме: «...возили их в экипажах по городу, и московиты видели все самое красивое. Более всего они удивлялись тщательному уходу, огромным расходам и милосердному отношению, проявлявшимся в отношении к больным, затем лавкам, расписным залам, но в особенности замку Св. Духа и прочим большим богатырям. Посещая одну за другой семинарии и коллегии разных городов, они стали думать, что уже самой религией Рим господствует во всем мире, и что не они единственные христиане» (Там же. С. 60).

²⁸⁵ Там же. С. 33, 34.

²⁸⁶ Там же. С. 39.

²⁸⁷ Там же. С. 35.

²⁸⁸ Там же. С. 24, 26.

²⁸⁹ Там же. С. 23.

²⁹⁰ Поссевино подчеркивает, что Иван Грозный сам себе присвоил цесарский титул (Там же. С. 32).

от Пруса, родственника цесаря Августа, из попыток установить дружбу с германскими императорами: из этого «...можно понять, что в душе он лелеял мысль о дальнейшем продвижении в Германию и на Запад»²⁹¹.

Поэтому обратиться надо в первую очередь самого царя, а за ним последуют и его подданные. Отсюда и старания Поссевино, и его стремление к беседам лично с государем и т.д. Результаты миссии Поссевино польскими политиками, не питавшими особых иллюзий насчет свершения «чуда» обращения московского государя в католичество, расценивались в целом положительно: «эта часть христианского мира умиротворена» (Ян Замойский)²⁹². Поссевино тоже пытался сделать хорошую мину при плохой игре:

«Итак, с помощью Божьей свершилось то, что эта миссия помогла прекратить кровопролитную войну, положила конец всем страхам и, наконец, заставила московитов возобновить связи не только с поляками, но, даже более того, и с самой римской церковью и заставила стремиться к истинной религии и вере»²⁹³.

Слова о стремлении московитов к католичеству были выдаванием желаемого за действительное. Мир был, несомненно, заключен. А вот апостольского подвига не вышло. Поссевино не простил этого России и остаток жизни посвятил обличению этой «неправильной страны».

---

²⁹¹ *Поссевино А.* Московия. С. 62.

²⁹² Ян Замойский — Антонио Поссевино, лагерь под Псковом, 18 января 1582 г. // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 137.

²⁹³ *Поссевино А.* Московское посольство. С. 205.

Глава XV

КАК ЗАТУХЛА ПАМЯТЬ О ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ В КОНЦЕ XVI–XVII вв.

Во второй половине 1580-х гг. осмысление уже прошедшей Ливонской войны вступает в спокойную, историографическую фазу. Она стремительно стиралась из исторической памяти. Причины этого лежали как в объективной, так и субъективной сферах. Для поляков в начале XVII в. более актуальным стало противостояние в Прибалтике со Швецией, а затем и участие в гражданской войне в России. Перед захватывающими событиями Смуты (1604–1618) сравнительно блеклая Ливонская война, к тому же невнятно завершившаяся, быстро тускнела. Среди авторов, так или иначе писавших о войнах за Прибалтику во второй половине XVI в., не нашлось ярких и оригинальных нарративистов. Все сочинения в значительной степени вторичны, перепевают на разные лады Бреденбаха, Руссова, Гейденштейна и т.д.

Немецкая «История» Л. Мюллера об окончании Ливонской войны

Лаврентий Мюллер (?–1598), гофрат курляндского герцога, подвел итоги борьбы за Ливонию с акцентом на историю ее перехода под власть Речи Посполитой в своей книге: «Польская, ливонская, московская, шведская и прочая история...», изданной в 1585 г. во Франкфурте-на-Майне¹. Описание этого и других изданий XVI–XVII вв. было сделано Ф. Аделунгом². Сочинение Мюллера получило популярность,

¹ Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische vnd andere Historien, so sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen, das ist Warhafte eigentliche und kurtze Beschreibung, welcher Massen dieser jetzt regierender König in Polen, Stephanus des Namens der Erste, Zum Regiment kommen, was für Krieg er geführt, und wie in dieselben geendiget, was sich zu seiner Zeit hiss daher begeben, unnd auf den Reisstagen zu unterschiedlichen mahlen abgehandelt, und was von den Türcken und Moschowitern für Werbungen und andere Anschläge fürgelaufen: Und was jetzund für ein zustand in Liffland, Polen, Littawen und der Mosckaw sey. Darinnen auch die Schwedische Kriege wider den Moschowiter, und andere Schwedische und Dennemärckische hieher nothwendig gehörige Händel mit vermeldet und beschrieben werden. Ingleichen von der Undeutschen Völcker in Liffland Sitten und Leben, so wohl lauch der Tartarey, Fluss Boristhenis, der alten Stadt Kyoff gelegenheit, und vom warhafften ort des Exilii Ovidiani, sehr nützlich und lustig zu lesen. Mit fleiss zusammengezogen durch D. Laurentium Müller, damals Fürstlichem Churländischen Hoffrath, wie auss der Vorrede zuuernemen. Frankfirt am Mayn, 1585.

² Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С.225–226; Mund S. Orbis Russiarum Genèse et development de la representation du-monde “russe” en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. P. 326.

в 1586 и 1606 гг. оно вышло в Лейпциге, в 1595 г. — в Амберге³, в 1629 г. появилось стокгольмское издание на шведском языке⁴. В XIX в. был сделан польский перевод, опубликованный в Познани в 1840 г.⁵, и фрагменты переведены на русский⁶. Фигура Мюллера как историка конца Ливонской войны привлекала ученых мало, в основном в связи с конкретными сюжетами его хроники⁷.

Мюллер воспел победителя Ливонской войны — польского короля. Его сочинение является апологией короля Стефана Батория. Курляндский хронист развивал распространённую в Европе идею польской пропаганды, что Речь Посполитая, выиграв войну, спасла западный мир от нашествия «новых турок», варваров-московитов. Баторий у него изображён легендарной фигурой, героем своего времени, победителем и внешних, и внутренних врагов.

Такой идеальный монарх если и ошибается, то только из-за наветов злых советников или происков неприятелей. Мюллер пишет, что в начале своего правления Баторий оказался вовлечен в элекционную кампанию в Польше в качестве соперника императора Священной Римской империи Максимилиана II «из-за панов Зборовских и их подданных». Обстоятельства прихода Стефана к власти (отказ признать выборы Максимилиана II польским королем частью шляхты, откровенная опора на поддержку Турции, подавление Гданьского прогабсбургского восстания и т.д.) не могли не смущать германских читателей. Мюллер преподносит борьбу Стефана за престол Речи Посполитой как сочетание воли Высших Сил, проявление личного гения Батория и влияния неблагоприятного для Максимилиана II стечения обстоятельств.

«Честным избранием» под Варшавой на престол был избран Максимилиан II. У него было много сил и большая поддержка шляхты. А Стефана никто не знал и почти никто не поддерживал, кроме аристократов, бежавших от Ливонской войны из Ливонии, Курляндии, а также эмигрировавших в Польшу из Пруссии. Гнездинский архиепископ провел торжественную праздничную службу и провозгласил цесаря новым королем Польши. Однако Максимилиан II, по необъяснимым причинам, промедлил лично прибыть в Речь Посполитую и принять королевский венец. Максимилиан II не явился из-за болезни или еще каких причин, несмотря даже на то что Московит его усиленно склонял к восхождению на престол и разделу Восточной Европы между Священной Римской империи и Россией.

Баторий же, «не желая отступить от своего кандидатства», не мешкая, сам прибыл в Польшу. Он за короткий срок склонил на свою сторону руководителей Королевства Польского и с их помощью добился поддержки шляхты. Это было тем легче, что поляки плохо относились к немцам, зато симпатизировали венграм. Стефан объявил

³ Septentrionalische Historien Oder Warhafft Beschreibung der fürnembsten Polnischen, Liffländischen, Moscowiterischen, Schwedischen vnd andern Geschichten : So sich bey Regierung beeder Königen in Polen Stephani vnd Sigismundi deß dritten dises namens, von Anno 1576. biß auff das 1593. Jar zugetragen; In zwey Bücher kurtz verfasst. Deren Das Erste ... durch D. Laurentium Müllern ... beschrieben vnd in Druck geben; Das ander aber, sampt einem Appendice vnd continuation deß Ersten, jetzt newlich durch einen Liebhaber der Historien ... zusammen gezogen worden ... Amberg, 1595.

⁴ Korte och Sanfärdige Beskrifwelse om någre Förmåglighe och tänckwärdighe saker, som vti, K. Johan then III. til Swerige, K. Stephani Battori til Polen, theslikes Storförstens Iwan Wasiliewitz til Muskow, Regementz tidh vthi Swerighe, Polen, Rysland, Lijfland och Littowen förlupne äre / Laurentius Müller; Vthtolcade aff Erico Schrodero. Stockholm, 1629.

⁵ Müller L. Pamiętniki Millerowe do panowania Stefana Batorego, ku poşpolitemi pożitkowi na ojczysty język wyłożył: J. J. L. Poznan, 1840.

⁶ Записки курляндского герцогского гофрата Лаврентия Миллера о временах Стефана Батория // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 125–186.

⁷ Мицук Ю. А. Україна в описі німецького мандрівника XVI ст. Лаврентія Мюллера // Наукові записки. Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія». 2003. Т. 21. Історичні науки. С. 54–60. Здесь см. небольшую библиографию.

о сохранении всех привилегий шляхты (даже «отчасти варварских»). Сильным ходом Батория была инспирированная панами женитьба короля на Анне Ягеллонке, последней и, по меркам того времени, уже престарелой (более 50 лет) представительнице рода Ягеллонов. После этого, как утверждает Мюллер, «каждый, один за одним, оставили цесаря и обратили свои очи и сердца к Стефану».

Законность избрания Батория не признали находившиеся под польской оккупацией земли Пруссии и Ливонии, которые, как древние немецкие провинции, больше симпатизировали Максимилиану II. Восстание против нового монарха поднял Гданьск, объявленный Стефаном «врагом Отчизны». Под Гданьском были тяжелые бои, горожане очень рассчитывали на помощь датчан, со Стефаном их замирило посредничество Священной Римской империи. Действиями бывшего «семиградского воеводы» были недовольны и в Великом княжестве Литовском. Иван IV активно пытался заключить союз с Максимилианом II против Речи Посполитой, апеллируя к тому, что законным королем этого государства является цесарь, а не выскочка из зависимых от турок малозначимых земель.

Борьба за власть в Польше спровоцировала эскалацию конфликта в Ливонии. Московиты, надеясь, что королевским войскам сейчас не до войны, перешли Двину и начали широкое наступление. Администратор Ливонии Ян Ходкевич лично прибыл в лагерь Батория под Гданьск и сообщил, что провинция Речи Посполитой Ливония на краю гибели. Между тем секретарь Ходкевича, Ян Биринк из Брауншвейга собрал остатки войск и стал бить московитов, отбирать у них замок за замком.

Армия Ивана Грозного тем временем осадила и взяла Венден. Мюллер мало рассказывает о маневрах войск и собственно военных действиях. Зато в его труде помещены пространные панегирические описания подвигов новых христианских мучеников — ливонских девственниц, которых московиты секли саблями, а они тут же возносились на Небо, и Господь принимал их в свои объятия. Оборонявшие город жители стояли на стенах, держа на руках детей, и крестились, «и тем сами себя на небеса возносили». Они сами взорвали себя порохом, «такой поступок навел ужас на соседние города и замки, и московиты весьма дивились ему». Это произвело впечатление даже на невежественных и диких московитов. Самоубийство осудили рижские богословы как греховный поступок — надо было принять мученическую смерть от рук безбожных варваров. Но Мюллер склонен сочувствовать погибшим жителям Вендена: «Пусть всякий рассудит, что им было делать при угрожающем посрамлении, после которого смерть все-таки заглянула бы им в глаза».

Другим общим местом европейских сочинений, посвященных Ливонской войне, является изображение армии московитов как огромной, но тупой и злобной силы, во все неисконной в военном деле. Немцы бьют русских не числом, а уменьем. Описывая сражение под Венденом, Мюллер пишет, как уже упоминавшийся Биринк с отрядом в 400 человек атаковал многотысячное московское войско, стоявшее в деревянных осадных укреплениях (больверке), которые были возведены вокруг осажденной крепости. Люди Биринка прорвались через укрепления, и русские не смогли их разбить, «московиты позапирались в каменных домах, окопались и забаррикадировались, разобрали черепицу с крыш, защищались этой черепицею и в то же время стреляли из ружей». После целого дня боев русские были перебиты, а Венден взят.

Мюллер далее описывает, как Стефан проявил свой полководческий талант, нанеся России неожиданный удар. Вместо того чтобы идти в Ливонию и прогонять оттуда захватчиков, Баторий с войском, состоявшим из поляков и венгров, напал сперва на «княжество Полоцкое», а затем на Великие Луки, взял их и «тем самым восстановил справедливость». «Поляки и венгры справедливою мерою воздали московитам за

совершенные последними в Ливонии убийства, пожары и другие тиранства». Король ведет себя героически и отвечает москвитам, приехавшим просить мира, что даст им ответ только на поле боя («в Московской земле»).

Согласно версии Мюллера, когда Стефан обратился к датскому и шведскому королям для совместного нападения на Россию, они предложили план вторжения морем, через Норвегию, Карелию, Белое море и Архангельск, путем захвата Холмогор и Соловецкого монастыря, а далее — наступления с севера на Москву. Захватив значительную часть русской территории, можно будет начать переговоры о мире. Примечательно, что Мюллер здесь конспективно воспроизводит уже упоминавшееся нами сочинение Генриха Штадена: «План превращения Московии в имперскую провинцию».

Баторий двинул армию под Псков. Значение этого похода расценивалось высоко: Мюллер пишет, что «Псков, как свидетельствуют пленные, сделался Москвой, и если бы королевские люди овладели Псковом, то овладели бы всем Московским государством». Восхваляя богатства Пскова, хронист традиционно сравнивает его с Парижем.

Но кампания оказалась неудачной с самого начала: назначенный главнокомандующим канцлер Ян Замойский оказался малоискусным полководцем, среди аристократии были брожения и недовольства и т.д. Мистические вещи происходили под Псковом-Печерским монастырем: «какой-то черт причинял неудачи осаждающим немцам и другим». Печерские старцы, по словам Мюллера, просто смеялись над воинами Стефана: неужели они думают, что судьба героев в печерских пещерах во власти короля, а не в Руце Божьей? Пусть Баторий сперва возьмет Псков, это будет знак того, что Бог на его стороне. И тогда монахи сдадутся сами. А пока Бог на их стороне, они будут держать оборону и искренне верят, что никто не в силах с ними ничего сделать.

Мюллер приводит в своем труде несколько примеров мистических событий, демонстрирующих, что монахи имели основание быть уверенными в Божьем покровительстве. Впечатляет само описание Псковского Печерского монастыря: он стоит на горе, обнесен крепостной стеной и рвом, внутри которых — лесная чаща из «великих черных деревьев», несколько строений и пещеры. В обители засели чернецы «веры якобы греческой». Господню волю о том, что старцам надо стоять до последнего, дабы «не сдать благочестия церквам немецким», в Печоры принес неизвестный ребенок, перелезший через крепостную стену. Призрак младенца пообещал, что через три дня осада будет снята с посрамлением и бегством немцев. Так и случилось. Как только осада была снята, «дитя исчезло».

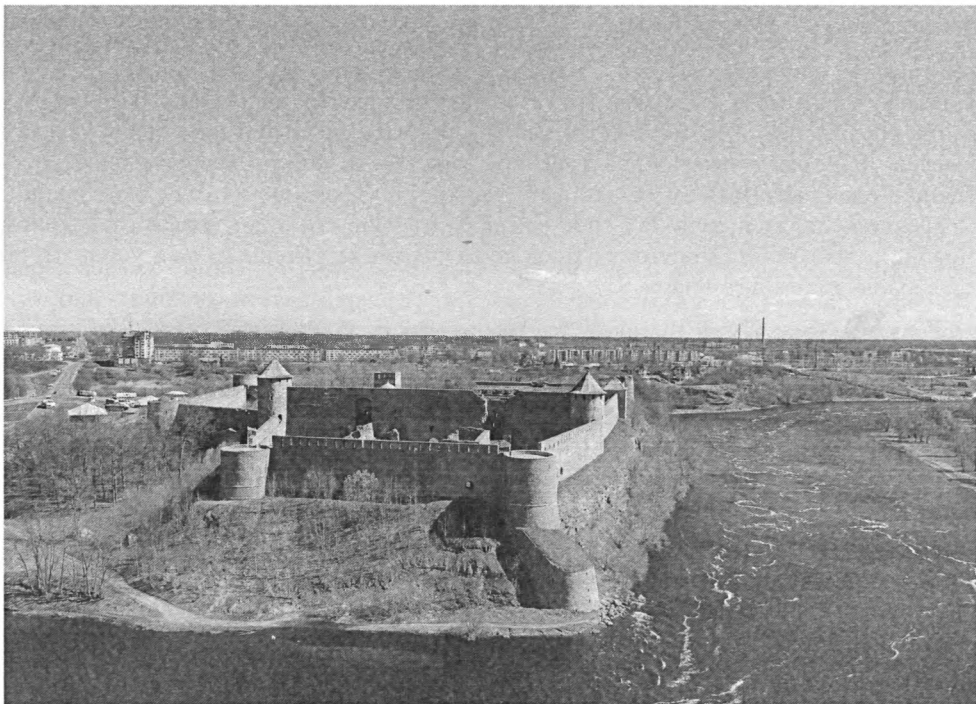
Пока Стефан «лежал под Псковом», шведский король тайно послал войска под командованием Понтуса Де ла Гарди для захвата как можно больших владений в Карелии, Финляндии, Ливонии. Была взята Корела, затем 6 сентября 1581 г. — Нарва, потом — Ямгород. Интересно, что Мюллер описывает зверства шведских войск в Нарве почти в тех же выражениях, как еще недавно — злодеяния москвитов: они вырезали в Нарве 5000 мирных жителей, «молодых и старых». Силы поляков скованы в сражениях у стен Пскова, поэтому они были бессильны помешать бесчинствам шведов. Стефан был обманут и фактически предан союзниками, что не позволило ему полностью разбить москвитов.

Вслед за этим Де ла Гарди осадил «Московскую Нарву» — Ивангород. Сражение под Ивангородом Мюллер описывает также с помощью набора различных историографических штампов. Это неоднократно муссируемое на страницах его труда противопоставление рядовых москвитов, «народа», и «их великого князя». Защитники и Пскова, и Печерского монастыря, и в данном случае — Ивангорода ждут помощи от Ивана IV и не могут дожидаться, чувствуют себя брошенными и оставленными своим монархом.

Европейцы не понимали, как при таком отношении правителя к подданным можно оставаться верными подобному господину, и всячески склоняли русских к сдаче. Ивангородцы сдали крепость, но гарнизон выговорил себе право быть отпущенным к русской границе. Когда шведы вошли в Ивангород, выяснилось, что на стенах было всего шесть боеспособных орудий, остальные вывезены для обороны Пскова. Тем самым гарнизон Ивангорода в самом деле был обречен.

Мюллер описывает, что русские

«...выходили из крепости опечаленные, и когда им пришлось проходить между двумя рядами шведских ратников, то никому в глаза не смотрели, а глядели на небо и знаменовали себя, по их обычаю, крестом на лоб, грудь и оба плеча, наклоняли голову к земле и снова смотрели на небо».

Вид Ивангорода с галереи башни Герман, Нарва. Совр. фото.

Картина, конечно, получается щемящая и впечатляющая⁸.

Шведы под Ивангородом поймали двух московских бояр, с помощью которых Де ла Гарди вел переговоры с русскими гарнизонами, стоявшими в ливонских городах, и легко склонял их к сдаче. Так пала крепость Вайссенштейн (Пайда). После этих успехов шведский полководец распустил своих людей до весны.

Поляки между тем терпели неудачу под Псковом. Армия Речи Посполитой замерзала и таяла на глазах. Причиной неполной победы Стефана в войне Мюллер считает предательство и союзников-шведов, и нежелание поляков принять помощь шведов и объединиться с казанскими и астраханскими татарами и другими врагами московитов. Был упущен великий шанс, тем более, что в это время рейд по террито-

⁸ Записки курляндского герцогского гофрата Лаврентия Миллера... С. 138–139.

рии России делал отряд Криштофа Радзивилла, подошел к окрестностям Москвы, «палил» их — вот тут бы и выступить всем вместе, но, увы, из-за трусости, жадности и предательства момент был упущен. С помощью Антонио Поссевино был подписан мир с москвитами: «княжество» Великие Луки в обмен на Ливонию. Примечательна оценка Мюллером этого договора, которая, видимо, отражает мнение курляндского дворянства, явно рассчитывавшего на большее:

«Москвитам этот мир был очень выгоден, но полякам не принес большой славы: они имели было москвита точно в мешке, и последуй только разумному совету военных людей, озаботясь в свое время устранением недостатка в порохе, снарядах и деньгах и не отвергай из высокомерия и из зависти шведской помощи, то, конечно, заключили бы мир на более почетных и выгодных для себя условиях»⁹.

Вообще Мюллер мало симпатизирует полякам — он отдает им должное, что они все-таки так или иначе победили русских и изгнали их из бывшей Ливонии¹⁰. Но он упрекал их в корысти (покорили Ригу)¹¹ и в неудачливости (не до конца разбили русских), порожденной чрезмерной гордыней и той же корыстью и завистью к успехам шведов. Действия поляков в послевоенной Ливонии во многом несправедливы, особенно в плане возврата земельной собственности, утраченной в годы оккупации¹². Особенно неприятен хронисту спор «освободителей», кто будет новым господином Ливонии, поскольку амбиции поляков неадекватны затраченным ими усилиям, по сравнению даже с литовцами:

«...литовцы говорили, что Ливония принадлежит им и их канцелярии, а поляки говорили, что принадлежит им. И та и другая сторона имела свои резоны, но большая справедливость, однако, была на литовской стороне: за много лет до подчинения и соединения ливонцы заключили союз с литовцами, и всякий раз, когда москвит вторгался в Ливонию или предпринимал поход на ливонцев, литовцы действовали больше, чем поляки»¹³.

Шведы для Мюллера куда более симпатичны. Они успешно воюют, они благородно предлагают помощь полякам, они готовы в коалиции воевать против москвитов. Мюллер цитирует посольские речи, определяя место шведов в мировой истории:

⁹ Записки курляндского герцогского гофрата Лаврентия Миллера... С. 140.

¹⁰ Интересно замечание Мюллера об организации в 1583 г. в Вильно триумфа Стефана: 10-летний мальчик должен был читать орацию следующего содержания: «...ребенок поздравляет короля с победой над северным чудовищем москвитом, король мир и согласие снова восстановил, чему он, мальчик, тем более радуется, что чрез то свободные искусства снова пойдут в гору» — то есть победа рассматривалась как спасение цивилизации, прогресса, культуры, всего лучшего, что есть у христианских людей (Там же. С. 174).

¹¹ «...плачевно древний, знаменитый город Рига, не покорившийся перед тем всей силе москвита, через сурокорытие и честолюбие своих же представителей, был унижен и в настоящее время вынужден подчиниться принуждению, угнетению и подчиненности» (Там же. С. 141).

¹² «...не только многие сотни вдов и сирот не получают того, что им следует к возврату, но и несравненно большее число вдов и сирот, которые при упомянутом враге (*русских*. — А. Ф.) спокойно владели своими усадьбами, впадут в нищету при исполнении королевского предположения, и заключенным миром не только не будут утешаться, но будут ужасаться этого мира, а королевскую честь и хвалу будут тушить у иноземных государей и господ и во всех христианских сердцах. И подобные тиранские поступки некоторые будут проклинать, а прежние молитвы лишившихся крова подданных и несчастных пленников в Москве заменятся на проклятия и жалобы, и, быть может, все прежнее счастье переменится и поворотится в несчастье» (Там же. С. 156). Мюллер даже употребляет выражение «польское иго» (Там же. С. 160). Ср. описание конфликта польских властей с замком Пильтен: Там же. С. 161–162.

¹³ Там же. С. 149.

«И Господь Бог и весь свет не осудят, если шведский король будет домогаться своего другими средствами. Да к тому же разве король польский не читал, как кимвры и готы вторглись в Италию, Рим разрушили и смелые подвиги совершили. Он ведь король тех самых народов, и с Божию милостию владеет землями, которым присвоил титул королевства, а народ его, благодаря Господа Бога, имеет такое же мужественное сердце, какое было у его предков, чтобы не поддаться ни москвиту, ни поляку»¹⁴.

И, наконец, совершенно никакого сочувствия Мюллер не испытывает к венграм и другим наемникам, которые для него не более, чем пушечное мясо. Как только заканчивается одна война, их надо сразу посылать на другую¹⁵. Еще одна однозначно негативная для него категория — ливонские коллаборационисты, в годы войны сотрудничавшие с русскими¹⁶. Реакция Мюллера показывает, что окончание войны резко обострило эту проблему: в Ливонию и Курляндию вернулись не только невинные беженцы и жертвы войны, но и те, кто сотрудничал с оккупантами. То, что было простительно в годы войны, после нее оказалось обстоятельством стыдным и дискредитирующим. Но конфликт был шире, между возвращающимися в Ливонию беженцами и всеми пришельцами, которые за годы войны наводнили Ливонию, приобрели там собственность от разных королей и вовсе не желали возвращать ее. Этой проблеме были посвящены королевские ревизии в Ливонии, описываемые Мюллером¹⁷.

Дальнейший рассказ Мюллера посвящен истории политики Стефана в Ливонии, переговорам с Ригой и другим внутренним деяниям короля. Как и Рюссов, хронист с сочувствием пишет о местных крестьянах (ливах и эстонцах), о королевских реформах, направленных на облегчение их существования. Ливонцы сохранили право на свободу выбора религии и подтверждение прав на земельные пожалования, сделанные Вильгельмом Бранденбургским, последними магистрами ордена, а также Сигизмундом II Августом. Мюллер подробно описывает споры о землях на ландтагах, столкновения с королем. По его замечанию, опять большую роль в противостоянии ливонцев и поляков стал играть религиозный фактор: немцы не любили иезуитов и с подозрением относились к их деятельности в послевоенной Ливонии. Тем более что сами католики напрямую увязывали свою победу над москвитами и торжество католичества. Мюллер рассказывает, как в рижском архиепископском замке были написаны на стенах стихи на эту тему. Новый епископ венденский сделал подобное высказывание надписью на своем гербе¹⁸.

¹⁴ Записки курляндского герцогского гофрата Лаврентия Миллера... С. 147.

¹⁵ Там же. С. 148.

¹⁶ Ср: Там же. С. 158.

¹⁷ Там же. С. 157. Материалы ревизий: Черновые тетради ревизии некоторых Инфлянтских замков, произведенной в 1582 году комиссарами Николаем Фирлеем, Яном Соликовским и др. (Raptury rewisiey niektórych zamkow Inflantskich, w roku 1582 odprawionej przez commissarze ś p. króla Stephana Pana Mikołaja Firleia z Dąbrowice, Jana Dimitra Solikowskiego, Pana Lwa Sapiehy, p. Ierzego Tysenhaus, p. Szymona Brąszwika). 1582 г. // РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Д. 574. 176 л.; Генеральная ревизия документов, относящихся к Ливонии и Риге (Revisio generalis litterarum provinciae Livoniae, Rigae Anno Domini 1583 peracta). 1583 г. // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 575. 304 л.; Дела и протоколы комиссии, производившей в 1584–1586 гг. ревизию Ливонии. 1586 г. // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 576. 163 л.; Ревизия ливонских замков (Revizia zamkov Inflantskich roku 1590 odprawiona). 1590 г. // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 577. 412 л. Описание материалов ревизий см.: *Дорошенко В. В.* Акты Литовской метрики как источник по истории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. 1957. № 12. С. 61–72; *Филлошкин А. И.* Описание социальных процессов на бывших землях Ливонского ордена в годы Ливонской войны (1558–1583 гг.) в документах Литовской Метрики // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija / Sudarė A. Dubonis (redkol. pirm.) ir kt. Vilnius, 2007. P. 329–338.

¹⁸ Записки курляндского герцогского гофрата Лаврентия Миллера... С. 163.

Особые протесты ливонцев вызвали намерения срыть и разрушить некоторые замки и крепости. Во-первых,

«...у всех имперских князей так: если который ленный вассал уничтожит и сроет свой замок, то такой вассал считается шельмой и изменником. Потому-то у них с испокон веков не водится уничтожать замков, и они скорее позволят себе отрубить голову, чем дозволить срыть замок и тем осрамиться на весь свет»¹⁹.

Во-вторых, судя по всему, срытие замков воспринималось глубоко символично: без них ливонские помещики, бывлые рыцари и вассалы, превращались в заурядных помещиков Речи Посполитой. Замки были символом их власти над краем, памятниками былой колонизации, воинской и миссионерской славы. Думается, что данный акт замышлялся при дворе Стефана также в сугубо феодальном ключе: уничтожить замки как символы независимости и самостоятельности Ливонии, как приют антипольской оппозиции, возможность запереться за крепостной стеной от польского воина-«освободителя». Ливонцы жаловались:

«...его королевское величество все королевские должности и крепости замищает исключительно поляками, а поляки не только не расположены к немцам, но часто пахолки господ старост выходят и забирают у немцев скот, и от поляков немец только и видит, что убыток, да оскорбления, да насмешки. Если бы немцы поуничтожали свои дворы и замки, то им пришлось бы опасаться, что за столом или в постели на них нападут и убьют»²⁰.

Книга Мюллера интересна прежде всего отображением дискурсов, волновавших послевоенную Ливонию. В ней отражена эйфория победы, но присутствует и горечь «неполной победы», а также большая досада на облик победителей. Мюллер одним из первых фиксирует понимание, что война не принесла свободы и процветания собственно ливонцам — их земля и их судьба остались разменной картой в чужих играх, пусть и не таких кровавых, как при Иване Грозном, но тоже обидных. Ливонский взгляд на освобождение куда менее оптимистичен, чем оценки польских и литовских идеологов.

Прославление победы Станиславом Сарницким.

В 1587 г. в Кракове вышли «Анналы» Станислава Сарницкого (1532–1597). Он учился в Кенигсберге, Виттенберге и Женеве, был хорошо знаком с протестантским движением и его лидерами, затем служил на разных должностях в Польше. Оставил довольно большое творческое наследство²¹. Обращался он и к военным подвигам короля Стефана²², о которых позже подробнее написал в своих «Анналах».

В его изложении правление Стефана Батория и его победы над москвитями оказались высшей точкой истории, к которой Речь Посполитая шла издревле. Эти успехи, несомненно, обусловлены богатым и славным прошлым народов, основавших это государство. Повествование Сарницкий, в духе теории сарматизма, начинает с рассказа о связях славян и сарматов во времена Александра Македонского. При этом изложение истории человечества он ведет с библейских времен, с Вавилонского столпотворения

¹⁹ Записки курляндского герцогского гофрата Лаврентия Миллера... С. 156.

²⁰ Там же. С. 156.

²¹ Основные сочинения: *Sarnicki St.* 1) *O uznaniu Pana Boga wszechmogącego troje kazanie*. В. I., 1564; 2) *Oratio pro lege electionis ad maiestatem regiam amplissimum senatum et ordines regni. Cui addita est in fine Ratio creandi Romani Pontificis Deliberatioque de bello turcico*. Kraków, 1575; 3) *Descriptio veteris et novae Poloniae*. Kraków, 1585; 4) *Statuta i metrika przywilejów koronnych językiem polskim spisane*. Kraków, 1594.

²² *Sarnicki St.* *Triumphus moschoviticus regis Stephani carmine heroico*. Kraków, 1581.

и раздела Вселенной Ноем²³. Тем самым у него рифмуется священная, древняя история и история Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которая как бы выступает их непосредственным продолжением. Происхождение московитов он, не будучи здесь оригинальным, увязывает с библейским Мосохом (Р. 24–25). После рассказов о Дарии, Артаксерксе, Александре Македонском, императорах Великого Рима (Траяне, Валериане, Аврелии, Валенте и др.), Константине Великом анналист переходит к повествованию о Королевствах готов и вандалов в Европе (Р. 128–165). После изложения легендарной истории древних польских королей — Лехуса (Лешко), Пржемысла и др. Сарницкий переходит к описанию деяний династии Пястов в эпоху Карла Великого и императора Оттона (Р. 192–211). Здесь у него проскакивают фрагменты из древнерусской истории, например, рассказ об «Ольге, императрице русских» (*Historia de Holga Imperatrice Russirum*, Р. 213–215), или о крещении Руси Владимиром (*De Russorum Conversione*, Р. 217–218). Затем следует рассказ о Болеславе Храбром, Казимире I, Болеславе II и др. правителях Польши и о войне с Древней Русью (*De Bello Russico*, Р. 243–244). Потом автор возвращается к истории польских королей, приступает к описанию их противостояния с Тевтонским орденом (Р. 255–256). С 1185 г. повествование уже строится в жанре летописных статей по годам (Р. 262). В центре внимания — отношения Польши, Литвы, России, Пруссии, Мазовии и Ливонии в XIII–XIV вв. (Р. 272–342). Особо выделена Грюнвальдская битва 1410 г. (Р. 343–346). Причем Ягайло уделено гораздо больше внимания, чем Витовту. После этого следует рассказ о польской и литовской истории в XV – начале XVI в., разделяемый на периоды по времени правления королей.

Для нас представляет наибольший интерес предпоследняя (посвященная Сигизмунду II Августу) и последняя (повествующая о Стефане Батории) части заключительной, VII главы сочинения Сарницкого. Рассказ состоит из нескольких частей. В первой описываются события правления Сигизмунда с 1552 по 1569 г., среди которых, хотя и не на первом месте, названа Люблинская уния (Р. 394). О войне в Ливонии вообще не упоминается. После этого помещен раздел «*Descriptio Reipub. Vabiniensis exhilarandi lectoris gratia*» (Р. 395–398). Затем Сарницкий возвращается к 1557 г., в котором, по его мнению, в Ливонии началась «*Teutonico bello*». Это было связано с действиями Вильгельма Фюрстенберга и его противостоянием с рижским архиепископом. Сигизмунд поддерживал своего родственника архиепископа (Р. 399). В описание хода «войны коадьюторов» Сарницкий каких-то принципиально новых фактов не вносит, но важно, что, для него, как и для М. Стрыйковского, борьба за Ливонию началась в 1557 г. с конфликта Вильгельма Бранденбургского и Фюрстенберга, а не с вторжения России в 1558 г.

STANISLAI SARNICII
ANNALES, SIVE DE ORI-
GINE ET REBUS GESTIS
POLOKORVM ET LI-
TVAKORVM,
LIBRI OCTO.

Habes hęc priorem partem horum Chronicorum, hactenus omif-
fam & neglectam ab alijs authoribus: quę incipit ab Afarmoth
conditore Sarmaticorum populorum, & continetur ad Le-
chum ipsum, rerum ordine secundum temporum
fetięn fetuato.

Et tandem i Lecto ad restes tempora, quidē ipis terris
atqum sit fideliter exponatur.

Cetera, quę in hoc libro continentur, ipsius libri argumentum
eisdem preficium indicabit.

ANNO DOMINI M. D. LXXX. VII.

Титульный лист издания «Анналов»
Ст. Сарницкого, 1587 г.

²³ *Sarnicki St. Annales Polonorum, quibus augmenta et decrementa Regni: Mutationes item et progressions gentis explicantur. Cracovia, 1587. P. 1–7.* Далее страницы по этому изданию воспроизводятся в тексте в скобках.

Рассказ о 1558 г. хронист начинает с указания на вмешательство в конфликт московитов. Война у него становится «bella Moscovitica». Из ее событий он называет поход русских войск в Ливонию и взятие ими Дерпта в 1558 г., нападение на Полоцк в 1562 (sic!) г. и поход на Невель 1563 г. В 1564 г. войско великого князя московского потерпело поражение под Улой (Р. 400). Затем для Сарницкого война с Россией отходит на второй план, хотя и идет постоянным «фоном» ко всем событиям. Под 1567 г. помещен рассказ о шведском короле Эрике и его женитьбе на Катерине Ягеллонке. (Р. 401–402). В том же году весной были столкновения с Москвией, но ее победы храбрый князь Сангушко. В 1572 г. умер Сигизмунд Август. В описании бескорольевя Сарницкий упоминает, что «Московский» хотел сесть на польский престол (Р. 402).

Далее начинается VIII глава – «после Августа». Описываются первое и второе бескорольевя. На Варшавском сейме принято решение воевать против татар и «Московского», они «зарифмованы». Началась «Moscho Bellum». Стефан как король и полководец противопоставляется Генриху. Под 1579 г. говорится об отвоевании Полоцка (Р. 404). На Варшавском сейме 1581 г. принято решение о большом наступлении на Московию. Главный удар был направлен на Великие Луки. Действия Батория названы «королевским триумфом», сравниваются с подвигами античных героев (Р. 406).

В целом сочинение Сарницкого в отношении Ливонской войны малооригинально и вторично. Это свидетельствует, что уже во второй половине 1580-х гг. в Речи Посполитой сформировался устойчивый историографический стереотип восприятия и трактовки этого конфликта, который в дальнейшем вплоть до нового времени оставался стабильным и почти не менялся.

Слава героям Ливонской войны в нарративе конца XVI в.

После смерти Стефана Батория в Базеле в 1588 г. вышло его жизнеописание, автором которого являлся уже упоминавшийся Кристофор Варшевицкий (1543–1603). Начав повествование с рассказа о правлении Стефана в Семиградской земле, его отношениях с Турцией, Священной Римской империей, Венгрией, автор называет в числе главных подвигов и заслуг Стефана его войну с великим князем московским Иоанном Васильевичем, которая началась из-за Ливонии²⁴. Упоминается победоносное наступление на Полоцк и его пригороды (Р. 9), Великие Луки, Смоленск, Невель, Заволочье (Р. 10), осада Пскова (Р. 11). Рассказывается о миссии Гарабурды в Москву, переговорах с Ригой, переходе Ливонии под власть Стефана и связанных с этим проблемах подчинения городов (Р. 12–13). Перед нами набор побед, славный боевой путь армии Батория и его полководцев.

Традиции прославления героев Московской войны были продолжены в героическом эпосе Яна Радавана, посвященном подвигам в войнах с московитами представителей рода Радзивиллов — «Radviliada»²⁵. Он был напечатан в Вильно в 1592 г.²⁶. Поэма

²⁴[Warsewicky K.] Vita, Res Gestae, et Obitus Stephani Regis Poloniae: Oracione Funebri exposita à Christophoro Warsewicio. Basileae, 1588. P. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках.

²⁵Radvanas J. Radviliada. Vilnius, 1997. P. XVII. Наиболее подробный анализ данного сочинения см.: Narbutas S. Tradicija ir originalumas Jono Radvano "Radviliadoje". Vilnius, 1998; Ковалёв С. Шматкоўная пазыя Вялікага княства Літоўскага... С. 245–256. Фрагменты перевода с латинского на белорусский см.: Некрашэвіч-Кароткая Ж. Паэтычны помнік беларускай гераічнай мінуўшчыне // Маладосць. 2011. № 686. С. 93–100; Радаван Я. Радзівіліяда // Маладосць. 2011–2012. № 687–699.

²⁶Radvanas J. Radvilias, sive, De vita, et rebus praeclearissime gestis, immortalis memoriae, il lustrissimi principis Nicolai Radvili Georgii filii, ducis in Dubinki ac Bierge [...] libri quatuor, Ioannis Radvani Lit[uani]; iussu ac auctoritate mag. d. Ioannis Abramowicz, in Wormiany [...] Addita est oratio funebris, generosi d. Andreae Volani, secretarii sacrae regiae magestatis, et quorundam auctorum epigrammata, vilnae metropoli lituanorum: ex officina ioannis kartzani. Vilna, 1592.

носит эпический характер, содержит прямые подражания произведениям Вергилия и «Илиаде» Гомера. Николай Радзивилл предстает наследником славы победителей Грюнвальда Ягайло и Витовта, героем истории Великого княжества Литовского, вставшего в один ряд со знаменитым легендарным Палемоном, основателем Литвы. Слава его не только земная, но и «в небесных сонмах». Как отметила Ж. Некрашевич-Короткая, Ян Радаван использовал для восхваления Радзивилла поэтические приемы, восходящие еще к Аристотелю: вписывание повествования в «космографию земли и моря», обыгрывание имени (Николай — «победитель народов»), перечисление героических предков и описание героической традиции, подчеркивание народности и патриотичности героя. По мнению белорусского филолога, поэма сыграла большую роль в становлении идентичности населения Великого княжества Литовского, и, в частности, национальной идентичности белорусов²⁷.

Поэма начинается с описания хода небесных светил, обращения к памяти Трои и Вавилона, к Марсу, музам Каллиопе (покровительница эпической поэзии) и Эрато (муза любовной поэзии). Затем помещена похвала Великому княжеству Литовскому, Отчизне (красота которой описывается в античных образах) и ее народу, великим предкам — правителям Литвы в древности. Московиты объявлены врагами Великого княжества, начиная с битвы при Ведроши. Радаван грозит Ивану IV ответным вторжением, вспоминает Стародубскую войну, сравнивает мастерство литовских военачальников с античными полководцами (Ганнибалом, Суллой, Алкивиадом и т.д.).

В описании войн второй половины XVI в. доминирует описание русско-литовского конфликта, причем с акцентом на победах над московитами (Ула / Чашники, события Московской войны). Проникновение на Балтику изображено как оформление великой державы (Речи Посполитой, но все же у Радавана на первом плане Великое княжество Литовское) от Венедского моря до Эвксинского Понта (Черного моря). Славу Великому княжеству приносят подвиги его героев, первым из которых является Радзивилл. Радаван здесь использует множественные античные образы, подражает классическим образцам, что характерно для литературы Речи Посполитой эпохи Возрождения. Благороден и сам характер изображаемой войны: это война за мир, за справедливость и торжество шляхетского демократического государства над московской тиранией. Московиты изображены воплощением зла. Они трусливы и лживы. Они сильны и воинственны, но их стойкость в бою вытекает исключительно из страха, что в случае бегства с поля боя Иван Грозный казнит малодушных. Поражение в войне с литовцами для него — несомненная вина своих же воевод, признак их измены. Сам же царь Иван — «чума народов», исчадие Ада, средоточие зла. Его негативные характеристики традиционны, может быть, несколько более разнообразны по сравнению с другими памятниками.

Из особенностей поэмы стоит указать на отмеченное С. В. Ковалевым повышенное (по сравнению с другими поэтами) внимание к описаниям природы²⁸. Это сделано явно для создания поэтического облика Отчизны, умереть за которую — главная доблесть шляхтича. Другая своеобразная черта — Радаван уделил внимание не только войнам России и Литвы, России и Речи Посполитой, но сделал экскурс в историю и посвятил несколько строф конфликту в Ливонии. В его трактовке поэт не был оригинален: он пишет о вторжении в Ливонию как проявлении тиранической сущности Ивана Грозного, оплакивает разорение Ливонии, человеческие жертвы, разрушение городов и т. д.

Одним из условий элекции на польской трон в 1586 г., после смерти Батория, Сигизмунда III, представителя шведской династии Вазов, была надежда решить проблему

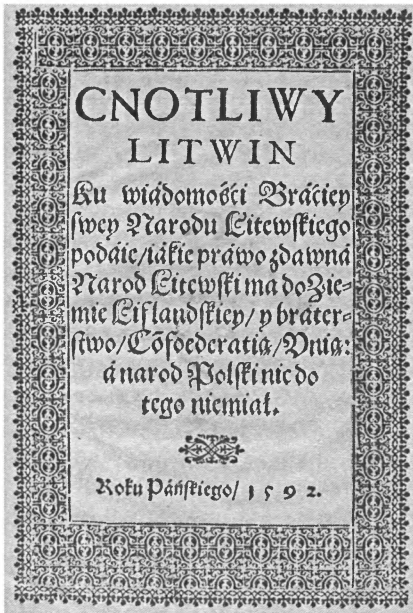
²⁷ Некрашевич-Короткая Ж. Паэтычны помнік... С. 95–96.

²⁸ Ковалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага... С. 249.

Прибалтики. Россию оттуда удалось вытеснить, но Северная Эстляндия осталась за шведами, и они явно не собирались останавливаться на достигнутом. Избрание короля, связанного и с Ягеллонами, и с Вазами, могло бы решить эту проблему по той модели, которую в свое время предлагал Иван Грозный для Речи Посполитой («изберите меня своим королем, и этим мы закончим войну»). Однако Сигизмунд III на первых порах чаяния поляков не оправдал и Прибалтику им не преподнес. Король из династии Вазов сел на польский трон, но очень быстро утратил свои позиции в Швеции, а к 1599 г. лишился шведского трона, что в начале XVII в. привело к вооруженному конфликту Речи Посполитой и Швеции из-за Прибалтики.

Все эти события вызвали большой резонанс в польском обществе. Прежде всего, его волновал вопрос о легитимности обладания землями бывшей Ливонии. На чем основано право Речи Посполитой на эти территории? Только ли на Виленских соглашениях, просьбе Ливонии о протекторате и на победе над Московией? В 1590-е годы выходит целый ряд сочинений, посвященных этой теме.

В 1592 г. в Вильне была напечатана брошюра жемайтского земского писаря Хризостома Володковича (Chryzostom Wołodkowicz), содержащая рассуждения о правах «народа Литовского» на «землю Инфлянтскую»²⁹. Она представляет собой подборку документов по истории отношений между Ливонией, Великим княжеством Литовским, Королевством Польским, с конвойным текстом и комментариями. Володкович приводит текст на латыни Позвольского договора 1557 г. короля Сигизмунда II и Вильгельма Фюрстенберга (S. 2–6), рижский договор от 14 февраля 1560 г. между Г. Кеттлером и королем Сигизмундом II об обороне Ливонии (S. 7–14), соглашение от 14 февраля 1560 г. с рижским архиепископом Вильгельмом (S. 14–16). Затем приводится текст Второго Виленского соглашения от 28 ноября 1561 г. (S. 17–29), Венденского договора 26 декабря 1566 г. (S. 33–44), привилегия Рижскому магистрату 26 декабря 1566 г. (S. 46–51), привилей Сигизмунда II Августа Ливонии 6 августа 1569 г. (S. 57–59). Кроме латинских документов на польском печатаются два решения Гродненского сейма 1567 и 1568 гг. (S. 30–32). Все эти документы, по Володковичу, свидетельствуют о весомой роли Великого княжества в защите Инфлянтов от московитов, в управлении Ливонией, в оказании ей помощи и тем самым обосновывают преимущественные права Великого княжества Литовского на получение владений и привилегий в провинции Инфлянты Речи Посполитой.

Титульный лист издания сочинения Х. Володковича, 1592 г.

неприятелей Литвы и Ливонии в 1436 и 1501 гг. Тем самым Литва имеет преимущество перед поляками, которые вмешались в ливонский вопрос позже. Далее Володкович

Свое изложение автор начинает с исторического экскурса во времена Витовта, в 1422 г. Упоминаются также совместные действия против

²⁹ Wołodkowicz Ch. Cnotliwy Litwin Ku wiadomości Bracicy swey Narodu Litewskiego podać iakie prawo zdawna Narod Litewski ma do Ziemię Liflandzkiej y braterstwo Co[n]foederatią Unią a narod Polski nic do tego niemiał. Wilno, 1592. Ссылки на страницы этого издания даются в скобках в тексте.

перечисляет сеймы (Варшавские 1563 и 1564 гг., Петроковский 1565 г., Гродненский 1567 г., Люблинский 1569 г.), на которых обсуждался ливонский вопрос. Их решения подтвердил Гродненский сейм 1568 г. Автор говорит о роли Яна Ходкевича как администратора Ливонии, о роли Литвы в походах Батория и в освобождении Ливонии в конце войны. Вывод из всех этих фактов однозначный: прав на Ливонию больше у Литвы, чем у Польши (S. 56).

Особое место среди антимосковского нарратива 1590-х гг., посвященного войнам Московии с Литвой и Ливонией, занимает творчество Гелияша Пельгримовского³⁰. Он уже упоминался в предыдущей главе — его литературный дебют в 1583 г. был связан с сочинением «*Ranegugika Apostrophe*», в котором он восхвалял героический рейд по русским тылам Криштофа Радзивилла 1581 г. В 1594 г. на польском языке было напечатано сочинение Пельгримовского: «Диалог шляхтича литовского, [участника] Инфлянтской войны [в войске] короля Стефана, с московским священником»³¹. Название не совсем точное: на самом деле шляхтич как участник диалога там появляется на 56-й странице, а основной диалог идет между некими Чехом и Гонцом.

«Диалог» представляет собой как бы стихотворную хронику основных событий борьбы за Прибалтику с 1556 г. (от «войны коадьюторов» до Ям-Запольского перемирия 1582 г.)³². Начинается она с монолога Чеха — небо в клубах дыма и сполохах огня, не признак ли это Конца Света? Появляется Гонец (Cursor), который говорит — это знаки войны с Московией. Он рассказывает, что эта война началась из-за Ливонии во времена Сигизмунда Августа (F. 12). Он вмешался в конфликт рижского архиепископа Вильгельма с магистром в 1556 г., после пленения Вильгельма рыцарями в Кокенгаузе и убийства польского посла К. Ланского. С помощью имперских послов в 1557 г. был заключен мир Короны и Ливонии. При этом оговаривалась возможность выступления против Московии, которая недавно через послов запросила с Ливонии большую дань. Нападение москвитов на Дерпт в 1558 г. было вызвано как раз неплатежом дани (F. 13). Далее перечисляются замки, захваченные москвитами, обращение Ливонии за поддержкой к Священной Римской империи, переход Инфлянтов под покровительство Сигизмунда в 1559–1560 гг., вмешательство в войну Швеции. Приводится краткий пересказ легенды о происхождении Ивана Грозного от рода кесаря Августа через Пруса (F. 14 v.). Легенда приводится с ошибками, как и другие экскурсы в русскую историю. Далее, отвечая на вопрос Чеха, Гонец пускается в рассуждения о тирании Ивана Грозного и его сходстве с античными тиранами (Нероном, Калигулой и т. д. — F. 15). Тирания ярко проявляется в поступках царя

Титульный лист «Диалога» Г. Пельгримовского.

³⁰ Обзор биографии и ссылок на литературу о нем см.: *Ковалёв С.* Штамтоўная паэзія Вялікага князства Літоўскага... С. 268–269.

³¹ *Piligrimorius El.* Dialog szlachcica litewskiego prawdziwy woyny Iflanskiej krola Stephana... z księdzem moskiewskiem od początku do końca krótko zebrany roku 1594. S. I. 1594. О нем см.: *Ковалёв С. В.* Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 157–161.

³² Анализ содержания памятника приведен в работе С. Ковалева, но он опускает события 1556–1558 гг. и ошибочно указывает, что хроника событий в «Диалоге» начинается с 1558 г., с вторжения войск Ивана Грозного в Ливонию (*Ковалёв С. В.* Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 270–275).

в годы войны (история Полоцка, приница Магнуса, отношение москвитов к послам). Со стороны Польши война справедливая, это заступничество за попросившую помощи Ливонию и выступление за свободу, против ужасного тирана.

С описания Полоцкого похода 1579 г. изложение становится более подробным. Гонец рассказывает об осаде Полоцка, Сокола, Туровли, Красного, Суши, походе Филона Кмиты под Смоленск и т. д. (F. 18 v.–19 v.). Сарматия потрясена мощью войск Стефана. Упоминается даже дело Осцика (F. 19 v.–20). Довольно пространным является повествование о подготовке Великолуцкого похода и осаде Великих Лук (F. 23 v.–28 v.). В нем присутствуют античные образы (Вулкан, Марс и т.д.). Особо обличается тирания Ивана Грозного, убийство им своего сына (F. 28 v.).

На листе 33 об. Гонец исчезает, и его сменяет Рыцарь (Шляхтич). Он рассказывает об усилиях короля польского в его праведной борьбе с москвитами. В центре повествования — Псковский поход 1581 г. Рассказ пафосный, с обильным привлечением античных образов, но небогатый на конкретику. О великой войне Стефана знает вся Европа, слышали Африка и Азия (F. 34 v.). Она сравнивается с войнами прошлого (с войнами Тамерлана и Баязида, F. 36; с борьбой против Турции, F. 38). Она показана в европейском контексте — в ней участвуют германцы, венгры и т.д. Ее события сравниваются с сюжетами из античной мифологии и истории. Набор образов довольно хаотичен — от Марса и Вулкана до Трои, Афин, Югуртинской войны. Среди параллелей упоминается даже албанский герой Сканденбег (F. 41 v.)³³. Если с Гонцом у Чеха был диалог, то речь Рыцаря фактически выглядит монологом. Упоминаются герои — Радзивилл, Филон Кмита и т.д. Переход королевскими отрядами русской границы — все равно что знаменитые походы Ахилла и Одиссея (F. 41). В этом контексте упоминается знаменитый Старицкий рейд К. Радзивилла, достигший Волги. Примечательно, что о собственно осаде Пскова, штурмах, боях под стенами города почти не говорится, все поглощено высокой риторикой и победным пафосом. Факт, что Псков так и не был взят, за этим потоком слов ускользает от читателя, у которого формируется однозначное впечатление, что король, «равного которому не бывало в Сарматии», одержал под Псковом очередную блестящую победу. Изложение переходит к описанию миссии Поссевино (F. 42 v.–44) и радости по поводу достигнутой победы и наступившего мира, посрамления москвитов.

По верному наблюдению С. Ковалева, перед нами нестандартный диалог, нехарактерный для ренессансного жанра диалогов. Обычно в них персонажи представляют разные точки зрения, и в ходе дискуссии побеждает одна из них. Здесь же герои различаются не по мнениям, а по степени информированности о войне³⁴. Поэтому, определив жанр своего текста как диалог, Пельгримовский на самом деле создал что-то вроде упрощенной небольшой хроники о войне, хотя (и здесь надо возразить С. Ковалеву) перед нами не сколько хроника событий, столько перечень образов, очередной ренессансный панегирик Стефану Баторию и его полководцам, а также Короне Польской, Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой в целом. Заметим также, что, вопреки утверждениям С. Ковалева³⁵, в тексте «Диалога» не чувствуется значительного противопоставления Польши и Великого княжества Литовского в контексте их противоречий из-за Ливонии (Инфлянтов) в 1590-е гг. Изложение достаточно ровное, без явного предпочтения той или иной стороне.

³³ Сканденбегом в Польше вообще очень интересовались, в 1569 г. была издана печатная книга о его подвигах: *Barletius M. Historia o ziwocie u zasných správách Jérzego Kastrjota, którego pospolicie Szkándenbergiem zowa... Brzeście, 1569.*

³⁴ *Ковалеў С. В. Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 273–273.*

³⁵ Там же. С. 271.

В 1597 г. Пельгримовский издал сборник латинских и польских стихов «Любящий Родину — к Сенату и народу Литвы»³⁶. Примечательно, что сборник был двуязычным: с 1 по 11 страницы стихи были на латыни, а с 13 по 24-ю — те же самые, только на польском. На эту особенность неоднократно обращалось внимание исследователей³⁷. При этом перевод не идентичен: латинский текст, содержащий много античных образов и аллюзий, был рассчитан на более образованного читателя, который способен понять и вообразить античный образный ряд. В польском переводе высокие образы упрощались, заменялись более понятными. Он был рассчитан на читателя попроще, из городских слоев. Московия в «Любящем Родину...» объявлена врагом Речи Посполитой, от нее исходит разорение некогда могучей державы — Великого княжества Литовского. Тиран (Иван Грозный) причинил ему огромные страдания, принес лишения. Причем спасения от порабощения от московской тирании также хотят Новгород и Псков, и надеются, что им поможет Литва (в свете событий осады 1581 г. — парадоксальное заявление, показывающее, как велика инерция геополитических дискурсов).

Впрочем, это не единственная нестандартная мысль Пельгримовского. В этом же сочинении он приводит жалобу Ливонии, что, попав под покровительство Речи Посполитой, она спаслась от московского рабства, но оказалась вовлечена в политическую борьбу внутри польско-литовского государства и спокойствия и мира так и не добилась. На фоне обычных для польских авторов восторгов по случаю освобождения Инфлянтов такая неблагодарность звучала откровенным диссонансом. Также автор писал о вреде для христианства вражды Московии и Великого княжества Литовского, потому что этим противостоянием пользовались язычники и мусульмане — татары и турки.

Появление подобных высказываний, противоречащих «генеральной линии» освещения Ливонской войны в европейском, и особенно польском нарративе конца XVI в., говорит о неустойчивости дискурсов Ливонской войны в этом нарративе. Слова Пельгримовского являются симптомом понимания среди польских интеллектуалов, что парадно-помпезный образ войны как триумфа короля Стефана долго не продержится и нуждается в переосмыслении (в силу противоречивости результатов войны и очевидного нарастания в Прибалтике нового, польско-шведского кризиса). Правда, надо также и признать, что это переосмысление особого развития не получило, интеллектуалы скоро отвлекутся на иные, более увлекательные события Русской Смуты, и тема Ливонской войны просто начнет потихоньку затухать.

Из-под пера Пельгримовского также вышел «Диалог Поляка с Москалем на замке московском в 1601 г.»³⁸. С. Ковалев определяет его жанр как политическую сатиру и связывает его появление с другим сочинением Пельгримовского — о дипломатической миссии Льва Сапеги в Москве в 1600–1601 г.³⁹ В нем высмеиваются московские дипломатические обычаи, обличается российская монархия как тирания, упоминаются эпизоды военного противостояния с Московией прошлых лет. Это сочинение, безусловно, было реакцией на посольство Л. Сапеги, недавняя история русско-литовских отношений в нем выглядит только фоном.

³⁶ *Pilgrimorius El. Philopatris ad Senatam populumque Lituani. S. 1., 1597.*

³⁷ *Некрашэвіч-Кароткая Ж.* Слава і плач патрыёта і прарока: паэма «Philopatris» (1597) // *Acta Albaruthenica.* 2003. № 3. С. 8; *Ковалев С. В.* Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 276–280; *Ulčiniaiė E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės XVI–XVII amžiaus dvikalbis tekstas: Adresatas ir kalbinė raiška. Lithuanian Academic e-Library (eLABa) Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 2006.

³⁸ Публикация: *Пельгрымоўскі Г.* 1) *Rozmowa Polaka z Moskałem na zamku moskiewskim...* / Публ. У. Казберука // *Спадчына.* 1992. № 4. С. 49–53; 2) *Гутарка аднаго паляка з маскалем на маскоўскім замку ў годзе 1601* // *Згукі Бацькаўшчыны: Зборнік* / Укл. У. М. Казбярुक, А. М. Янушкевіч. Мінск, 1998. С. 172–179.

³⁹ *Ковалев С. В.* Станаўленне польскамоўнай паэзіі... С. 287.

Как видно из данного краткого обозрения, в 1590-е гг. началась некоторая беллетризация образов Ливонской войны, которая была призвана как завершить конструирование образа войны в умах ее современников и потомков, так и привлечь этот образ для решения иных художественных и интеллектуальных задач (развитие темы Отчизны, проблема противостояния Польши и Литвы, судьбы Инфлянтов и т. д.). Это делалось в рамках развития ренессансных направлений в литературе, с широким привлечением античных образов. Содержательно данный процесс не противоречил официальной концепции войны, практически не предлагал (за исключением мелких эпизодов) ее альтернативного видения. Он также был составной частью глорификации Радзивиллов в конце XVI – начале XVII вв. Постепенно эти новые темы и задачи начали вытеснять собственно образ Ливонской войны, он стал тускнеть, для авторов появились более привлекательные и актуальные сюжеты, в том числе и связанные с борьбой с Россией, с новым противостоянием в Прибалтике. Мемориализация Ливонской войны в польском и европейском нарративе оказалась краткой и нестойкой.

Вспомнить о Ливонии: хроника Соломона Геннинга.

В 1590 г. в Ростоке вышло посмертное издание «Лифляндской хроники» Соломона Геннинга (1528–1589)⁴⁰. Об ее авторе известно не очень много: родился в Веймаре, учился в нескольких немецких университетах (Виттенберге, Лейпциге, Эрфурте и др.). В 1553 г. после встречи в Любеке он стал секретарем будущего последнего магистра ордена Готарда Кеттлера, принимал участие во многих политических событиях (в том числе в разработке и подписании Виленских соглашений), выполнял дипломатические миссии⁴¹, в конце жизни занимался миссионерством. Позже Геннинг написал свою хронику как апологию и оправдание деятельности герцога Курляндского.

Дебют Геннинга на ниве прославления первого правителя Курляндии состоялся в 1589 г., когда в том же Ростоке вышла его подборка похвальных речей, сочинений о Кеттлере, документов о Курляндии (в частности, посланий польских королей), датированных 1570–1587 гг., изображающих в выгодном свете Курляндию и ее первого правителя⁴². Это было своего рода посмертной эпитафией Кеттлеру, скончавшемуся в 1587 г.

После издания в Ростоке хроника была переиздана в 1594 г. в Лейпциге и неоднократно публиковалась в последующие годы⁴³. Внимание ученых и историков Ливонской войны она привлекала мало. В 1874 г. небольшое исследование посвятил ей

⁴⁰ *Henning S. Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscoviterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieflland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieflland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwürdiges zugetrage.* Rostock, 1590.

⁴¹ Их перечень см.: *Recke J.; Napiersky K. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland.* Zweyter Band. G.-K. Miitavi, 1829. S. 237–239.

⁴² *Warhafftiger vnd bestendiger Bericht wie es bißhero vnd zu heutiger stunde in Religions sachen Im Fürstenthum Churland vnd Semigaln in Lieflland ist gehalten worden : neben dem leben vnd seligen sterben Weylarlds des letzten Herrn Meisters vnd ersten Hertzogen zu Churland etc. so wol einer Paraenesi, Christlicher vnd trewhertziger Warnunge vnd vermanunge an die Herrn Rätthe Ritter vnd Landtschafft desselben löblichen Fürstenthumbs Wie sie sich auch hinfuro gegen Gott ... erzeigen sollen ....* Rostock, 1589. Переиздано в: *Scriptores Rerum Livonicarum.* Riga; Leizig, 1858. Т. II. S. 291–330.

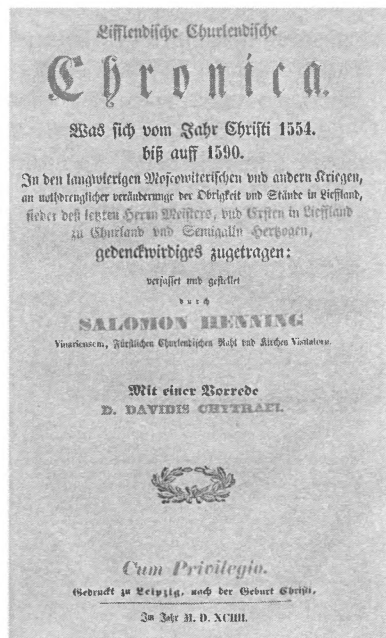
⁴³ В 1594 и 1595 гг. хроника вышла в Лейпциге. Другие переиздания: 1) *Liffendische churlendische Chronica : was sich vom Jahr Christi 1554 biß auff 1590 gedenckwürdiges zugetragen; mit einer Vorrede von D. Davidis Chytrael.* Riga, 1848; 2) переиздание Т. Кальмейера (Theodor Kallmeyer): *Henning S. Salomon Henning's liffendische churlendische Chronica von 1554 bis 1590 und Bericht in Religionssachen...* Riga, 1857; 3) опубликована в 1858 г. в: *Scriptores Rerum Livonicarum.* Т. II. S. 195–289; 4) в 1968 г. факсимильное издание лейпцигской публикации 1594 г. вышло в Ганновере: *Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscoviterischen vnd andern Kriegen ... Gedenckwürdiges zugetrage.* Hannover, 1968.

Т. Шиманн⁴⁴. Его книга до недавнего времени оставалась единственной, специально посвященной данной хронике. В 1990-е гг. одновременно с переводом на английский язык коллективом под руководством В. Урбана были созданы пространные фактологические комментарии⁴⁵. Но место «Хроники» Геннинга в нарративе Ливонской войны так и остается малоизученным.

Главная ценность хроники в оптике взгляда ее автора — это взгляд ливонца, напряженно ищущего выход из сложной политической ситуации, в которой оказалась Ливония во второй половине XVI в. Сохранить суверенитет невозможно, потому вопрос — какую модель избрать, под чье покровительство перейти. Геннинг на страницах своего сочинения⁴⁶ рассматривает несколько возможных путей выбора политической судьбы. Есть путь Кеттлера, и не пытавшегося спасти орден, но сразу выбравшего своим сюзереном польского короля и получившего взамен Герцогство Курляндское, в котором пытался, насколько это возможно, сохранить остатки ливонской культуры и социума. Есть путь Магнуса, который сначала хотел построить в Ливонии датскую колонию, а затем захотел собственное Ливонское королевство, решил построить его с помощью русских и в итоге претерпел политический крах⁴⁷. Есть путь Северной Эстонии, перешедшей под власть Швеции. Есть робкие попытки найти помощь в Пруссии, Священной Римской империи.

Единственная альтернатива, полностью отрицаемая Геннингом, — это московитская. Русские для хрониста — однозначно жестокие, беспощадные, кровавые враги, которые могут нести Ливонии только смерть и разрушение. Сотрудничество с ними невозможно — как с Дьяволом.

Геннинг выступает апологетом модели Кеттлера — спасти старую Ливонию было нереально, поэтому он где-то даже осуждает Фюрстенберга и других рыцарей, пытавшихся противиться неизбежному. За это Бог наказал их трудной судьбой⁴⁸ — тот

Факсимиле титульного листа лейпцигского издания хроники С. Геннинга 1594 г.

⁴⁴ Schieman T. Salomon Hennings Livländischkurländische Chronik. Mitau, 1874.

⁴⁵ Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia / Translated, with introduction and notes by J. Smith, J. Ward Jones, and W. Urban; ed. by V. Zeps. Dubuque, Iowa: Baltic Studies Center, 1992. Книга в онлайн-версии: <http://department.monm.edu/history/urban/books/Henning.html> (последнее посещение 12 декабря 2011 г.)

⁴⁶ Ссылки на текст хроники мы даем по ее лейпцигскому изданию 1594 г. в тексте в скобках.

⁴⁷ Геннинг описывает прозрение Магнуса — когда он, не в силах вынести русскую агрессию, в ответном письме к Ивану Грозному называл свое герцогство «маленькая страна Бога» и перед подданными выразил убежденность в том, что Господь больше не позволит угнетать его народ (F. 63b).

⁴⁸ Тема наказания и Воздаяния вообще одна из центральных у Геннинга — Россия за нападение на Ливонию также была наказана нашествием татар и московским пожаром 1571 г. (F. 52a). В другом месте, рассказывая о болезни русского посла, Геннинг пишет, что русские виноваты и так им и надо, это им месть за злодеяния, совершенные в Ливонии (F. 57b). Русский царь Иван IV закончил свои дни трагически и позорно, как это часто бывает с тиранами: убил своего сына (поспорив с ним о войне в Ливонии) и умер сыноубийцей, больше не зная ни одной счастливой минуты (F. 73b).

же Фюрстенберг умер в московском плену. А Кеттлер, который вовремя понял необходимость обменять суверенитет на защиту Короны Польской, поступил правильно и сумел создать в Курляндии для своих подданных благополучную жизнь, максимально сохранив остатки древней Ливонии. Отсюда и апологетика Кеттлера.

Это настоящий панегирик со стороны верноподданного и соратника. Автор помещает в начале своей хроники предисловие Д. Хитрея⁴⁹, в котором Кеттлер изо-

Готард Кеттлер, последний магистр Ливонского ордена. Немецкий портрет XVI в.

бражен олицетворением Божественного миропорядка, когда гармонию на земле обеспечивают установленные Богом власти земные (F. Ia). Их праведная власть, во-первых, славит Господа, во-вторых, сама по себе является свидетельством Божьей мудрости и благоволения. Успешность правителя — в руках Божьих. Именно таким богобоязненным и достойным похвалы правителем был Кеттлер. Его приход к власти можно называть Божественным благословением, через которое Бог милостиво исцелял Ливонию от страшных бедствий и разрушений, причиненных войной, восстанавливал рухнувший социальный порядок, истинную мораль и справедливость. Кеттлер стал инструментом восславления Бога, а Господь его наставлял и помогал во

всех делах, наделил его мудростью, щедростью, добротой, чувством справедливости и т.д. (F. IIa). Он защитил его от московского уничтожения не через меч и лук, но через особое покровительство Господа и ангелов. Символом судьбы Кеттлера может быть цитата из Псалтыри: «Милость же Господня от века и до века к боящимся Его, и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их» (Пс. 102: 17–18). Его можно сравнить с Давидом, Ионафаном и другими великими библейскими правителями.

Подобной канонизации не знал даже Стефан Баторий, которого восхваляли все-таки большей частью в светском контексте. К тому же реальные дела Кеттлера, выступившего фактическим ликвидатором Ливонского ордена и инициатором передачи своей страны под власть иноземцев, далеко не во всем соответствуют такому святому

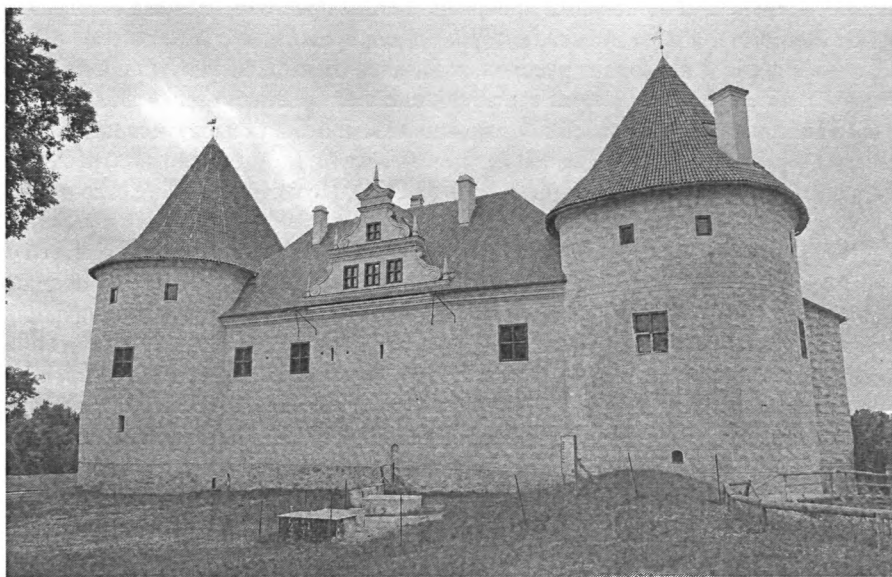
⁴⁹ Девид Хитрей (David Chytraeus, 1530–1600), немецкий теолог, историк, ректор Ростоцкого университета, в своих сочинениях неоднократно обращался к ливонской проблематике. Он приводит краткое описание Ливонии в «Вандалии и Саксонии» (*Chytraeus D. Vandaliae et Saxoniae A. Cranzii continuatio, ah anno Christi 1500, ubi ille desiit; per studiosum quandam historiarum instituta. Accessit Metropolis seu Episcoporum¹ in viginti dioecibus Saxoniae catalogus, usque ad praesentem annum 1585 deducta. Wittenberg, 1586. F. 22–24. Сочинение является продолжением «Вандалии» Альберга Кранца, вышедшей в 1519 г.). В его «Саксонской хронике» Ливонской войне уделено несколько страниц, в основном компилятивных (*Chytraei D. Chronici Saxoniae i vicini orbis Arctoi: Par Tertia. Ab anno Christi 1550 vsq ad 1580. Lubecae, 1593. S. 99–101, 103–107, 118–126, 155–156, 160–168, 230–235, 262–309 (условия II Виленского соглашения), 322–324, 325–344, 396, 433–435, 459–469, 507–511, 527–528, 537–538, 547–549, 554–559 (бескорольевья), 567–568, 570–580 (война за Данциг Батория), 606–612, 626–661; Chytraei D. Chronici Saxoniae i vicini orbis Arctoi: Par 4. Ab anno Christi 1580 vsq ad 1593. Lubecae, 1593. S. 19–23). О нем см.: *Detloff K. David Chytraeus als Geschichtslehrer und Geschichtsschreiber. Rostock, 1908; Keller R. Die Confessio Augustana im theologischen Wirken des Rostocker Professors David Chyträus (1530–1600). Göttingen, 1994; David Chytraeus (1530–1600). Norddeutscher Humanismus in Europa. Beiträge zum Wirken des Kraichgauer Gelehrten / Hrsg. von K.-H. Glaser. Ubstadt-Weiher, 2000.***

облику. Но оптика хрониста-историка может быть разной, и очень разной. Для Хитрея (как и для Геннинга) было важно, что Кеттлер хоть как-то пытался сохранить культуру, социальные стандарты, образы Ливонии — пусть и в виде вассального Курляндского герцогства. За этот поступок ему прощалось все остальное...

Хронист добивается такого эффекта несколькими способами. Прежде всего, Кеттлер под его пером — христианский миссионер, который заботится о распространении веры Христовой среди аборигенов, эстов, латышей и куров, думает об открытии школ, поощряет ценными подарками внимание крестьян к церкви. Переход под покровительство Короны Польской — шаг вынужденный и в какой-то степени знак христианского смирения, то есть этот поступок, наоборот, характеризует Кеттлера положительно⁵⁰. Ведь северная Эстония была у шведов, часть страны захвачена москвитями, некоторые ливонцы не желали подчиняться магистру, польский король требовал замки в обмен на предоставление защиты — что еще оставалось делать? Главное, что приверженность христианству, отстаиваемая Кеттлером, удерживала страну в рамках «христианского мира», Священной Римской империи (F. IVb, VIa, VIb).

Второе — Кеттлер идеальный правитель, потому что своим личным поведением служит примером для подданных (доблестный воин, праведный судья, добропорядочный семьянин (о семейных делах в хронике вообще говорится довольно много), истовый верующий и т. д.). Это воплощенная во плоти сама христианская добродетель (F. VIa, VIb). Это образцовый правитель, в жизнь которого, как в зеркало, стоит глядеться молодым правителям (предисловие Хитрея адресовано Вильгельму Кеттлеру, сыну Готарда, следующему курляндскому герцогу, правившему совместно с братом Фридрихом).

Замок Бауск, резиденция Г. Кеттлера в 1562–1587 гг.

⁵⁰ Геннинг вообще большой моралист именно с позиций христианской нравственности. Описывая двойное предательство Таубе и Крузе (предали ливонцев, а потом изменили и Ивану Грозному), он осуждает их и за сотрудничество с врагом, и за то, что принес ему клятву верности (хронист ее даже цитирует), потом цинично ее нарушили, погубив свои души (F. 52a–53 b). То есть их грех клятвopепреступления затмевает то, что они его сделали во имя интересов Ливонии.

Свое историческое изложение Геннинг начинает с 1554 г., когда был заключен роковой для Ливонии договор о Юрьевской дани. Но главным событием года для хрониста, которое стоит в центре повествования, оказывается вовсе не этот договор (который даже не упоминается), а избрание Кеттлера комтуром Динабурга. Здесь же рассказывается о его выдающихся качествах политика и человека и искусстве дипломата, умеющего наладить отношения прежде всего с соседними Польшей и Литвой (в отличие от других ливонских политиков) (F. 4b). Кеттлер — единственный, кто отважился противостоять москвитам зимой 1558 г., когда руководство ордена было растеряно, а святые отцы Дерптского архиепископства погрязли в интригах и жадности. Кеттлер со своим отрядом героически преследовал врага и непременно догнал бы и разбил, да русские успели уйти за реку Нарову (F. 11b)⁵¹.

Кеттлер выступает спасителем страны, в июле 1558 г. фактически став правителем ордена⁵². Он не хотел занимать столь высокий пост, скромничал, говорил, что недостойн принять такую ношу, но он был лучший, и его избрали и заставили править. Он тут же обнаружил, что казна пуста, все деньги делись неизвестно куда. Следовательно, Ливония сама не сможет нанять солдат для обороны. Кеттлер поступил мудро, стал искать защиты у иностранных монархов (F. 14b–15a). Обращение к польскому королю состоялось в зимнее время, когда все морские пути сообщения с Европой были прерваны, а помощь из-за нового нашествия москвитов была нужна срочно (тем самым его поведение вполне оправданно).

Польский монарх, Сигизмунд II Август, оказался единственным физически доступным правителем, способным оказать такую помощь, в обмен на замки, которые он обещал вернуть после войны за соответствующую финансовую компенсацию (F. 18b). Он единственный, кто не погряз в прекрасноразговорах, «как бы нам спасти бедную Ливонию», а ввел войска, которые стали сражаться с москвитами (F. 29a). Король ненавидит и презирает русских, отказался от выдачи замуж своей сестры за Ивана IV, хотя тот обещал ему за этот брак «половину Ливонии» (F. 30a). Наконец, из слов Геннинга следует, что ливонцы рассчитывали на подконтрольность Короны Польской Священной Римской империи, что Сигизмунд II будет действовать с оглядкой на императора и во многом в его интересах (F. 29b). Поэтому они так легко и согласилась на переход под сюзеренитет Короны.

Кеттлер получил герцогский титул и Курляндию не совсем по своей воле: его упрости остаться правителем хотя бы части бывших ливонских земель его подданные, боявшиеся быть брошенными на произвол судьбы (F. 30a–30b). Он сделал правильный выбор, не соблазнившись на горы золота, которые ему сулил Иван IV (в отличие от датского принца Магнуса — F. 51a). Победа над Москвией в 1582 г. — «мир, который сотворил Господь» (F. 71b)⁵³, и одержать ее могли только хранители истинной веры, не павшие духом и не соблазнившиеся на искушения судьбы — такие, как Кеттлер (он фигурирует в числе победителей, хотя, учитывая реальные обстоятельства конца войны, говорить о роли Курляндии в разгроме москвитов странно).

Примечательны оценки Геннингом принципиальных моментов ливонской истории. Саму Ливонию он называет «яблоком Эриды» (яблоком раздора) и «золотом Тулузы»

⁵¹ В других хрониках роль Кеттлера как спасителя Отечества оценивалась гораздо скромней. Ф. Ниенштедт пишет, что Кеттлер не решился выступить против русских и беспомощно топтался в трех милях перед Нарвой (*Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 355–400; Рига, 1883. Т. 4. С. 15).

⁵² Речь идет о неформальном политическом лидерстве. Кеттлер официально занял должность магистра в мае 1559 г.

⁵³ По приказу Кеттлера день 15 января был объявлен в Ливонии ежегодным праздничным днем в честь победы над москвитами (F. 71b).

(*aurum tolosanum*)⁵⁴. Захват этой земли всем приносил только несчастья: Немецкий орден занял эти земли и погряз в междоусобицах, внутренних войнах, конфликтах рыцарей и епископов, которые в итоге и привели к его гибели. Пруссия и Мекленбург, пытавшиеся вмешаться в ливонский вопрос, ничего не приобрели. А Пруссия незадолго до этого вообще потеряла суверенитет. Польша из-за Ливонии вступила в войну с Московией и потеряла Полоцк. Потери и разорения в Прибалтике понесла Швеция (точнее, Княжество Финляндское). Свой урон понесли датские владения в балтийских землях. И даже Россия, которая так хорошо начинала в 1558 г., закончит огромными потерями крепостей и земель в 1582 г.

Вывод Геннинга из всего этого несколько неожиданен: а вот если бы вместо раздела несчастной Ливонии все эти страны объединились бы и воевали бы с турками, то они нанесли бы им поражение и обеспечили торжество «христианского мира» (F. 37b). Турки здесь традиционно выступают мерилom истинно «христианского поведения», совершенно необходимым компонентом картины мира европейского интеллектуала, критерием «правильности» политических решений.

Ливония же, по Геннингу, и в этом он не оригинален, виновата и понесла ответственность за свои грехи. Она изображается островком христианства на границе бушующего моря московского варварства, последним форпостом Запада. Русские постоянно нападали и причиняли страшный урон христианам. Но их усмирил в 1501 г. выдающийся полководец, магистр Плеттенберг, уничтоживший в битве 40 000 русских. И они после поражения заключили перемирие на 50 лет (F. 1a). Как мы видим, Геннинг продолжает тиражировать распространенную ошибку, исключая из истории русско-ливонских отношений все русско-ливонские договоры первой половины XVI в. Вряд ли он мог, как высокопоставленный чиновник, о них не знать. Значит, он сознательно шел на поддержание мифа о 50-летнем мире, достигнутом благодаря грандиозной победе ливонского оружия.

Плеттенберг сдерживал русских, но после его смерти Иван IV стал активно завоевывать соседние государства, покорил «империи» Казань и Астрахань. Это было результатом его кровожадности, молодости, жажды власти. Он упивался своей тиранией, и, несмотря на это, был любим народом — перед смертью большинство русских произносило: «Боже, благослови великого князя». Геннинга, как и других европейцев, мучает вопрос: почему же москвиты любят тирана, если он их жестоко угнетает, вплоть до казней и смертоубийства? Ответ прост: русские страшно напуганы и живут в вечном страхе (F. 58a). Поэтому у них в голове и нет других мыслей, кроме службы своему деспоту, так похожему на восточных сатрапов (Геннинг приводит несколько легенд о тирании и жестокостях восточных правителей).

Итак, тиран-Московит устремил свой взор на Ливонию — ее захват давал прекрасные возможности двигаться дальше и покорять себе все новые и новые христианские страны и народы. Для этого царь должен был цивилизовать свой варварский народ, завезти из Европы знания, технологии, ремесленников, артиллерию и т.д. Далее Геннинг излагает дело Шлитте и даже цитирует грамоту о его полномочиях (F. 1a–2a).

Русские использовали 50 лет мира для подготовки к войне, а Ливония погрязла в грехах, разврате, обжорстве, пьянстве, междоусобицах (как пример приводится война

⁵⁴ Согласно легенде, в 684 г. от основания Рима (около 70 г. до н. э.) на город Тулузу напали римляне во главе с консулом Сципионом. Среди трофеев было золото, возможно, из святилища. Однако на обратном пути на флот Сципиона напали враги, золото до Рима не доехало, а сам Сципион попал под суд. Все, кто имел отношение к золоту, получили несчастливую судьбу, их всю жизнь преследовали бедствия. В средние века ходила поговорка: «*Habet aurum Tolosanum*» («У него золото из Тулузы»). Так говорили о человеке, на котором печать несчастья, у которого ничего не выходит, хотя, казалось бы, сначала он сумел разбогатеть.

на Эзеле), религиозном нестроении и преступлениях отдельных должностных лиц. Неизбежно было наказание Господне за такие грехи, и Бог в качестве первого знака наслал эпидемии и голод. И хотя много людей погибло, для вразумления ливонцев этого оказалось недостаточно. Их судьба описана в 26 главе Книги Левит⁵⁵ (F 2b–3b). Символом грядущих бедствий выступает повисшая над Ливонией комета (F. 5b). Здесь очевидны реминисценции и заимствования из «Хроники» Рюссова, по своему идейному содержанию восходящие еще к Бреденбаху. В дальнейшем Геннинг возвращается к этой мысли, подчеркивая, что судьбы многих из участников событий, приведших Ливонию к вражескому вторжению, сложились трагически (напр., F. 10a).

Конкретным поводом, ввергшим страну в хаос, Геннинг считал решение Вольмарского ландтага 1546 г., по которому иностранный принц мог теперь занимать в Ливонии высшие должности. Это, по его мнению, нарушило традиции, создало угрозу суверенитету и вызвало брожение среди ливонских ландсгерров. Это решение спровоцировало действия архиепископа Вильгельма, вызвавшие вмешательство Короны Польской и «войну коадьюторов» (F. 3a–3b), хотя инициатором последней Геннинг считает магистра фон Галена (F. 5b).

Хронист также утверждает, что Иван Грозный узнал о Позвольском договоре 1557 г. и о секретном соглашении о ливонско-литовском антирусском союзе, очень рассердился, и это было одной из причин его агрессии. Именно из-за этого он выдвинул требование «юрьевской дани», чтобы принести вред Ливонии (здесь у Геннинга явно нарушена хронология событий). Далее он приводит взаимоисключающие высказывания: с одной стороны, он подтверждает версию об «ошибке переводчика», пишет, что дерптский епископ и его люди согласились только провести расследование, насколько законны требования о дани. Но через несколько строк утверждает, что ливонцы были готовы пойти на все, чтобы избежать войны, собрали дань и отвезли в Москву деньги. А следующее посольство ливонцев во главе с Крузе приехало без денег, хотя они были собраны. А царь Иван в своей злобности и несправедливости все равно напал на Ливонию. Вторжение началось 22 февраля, за 14 дней до этого он прислал объявление войны. Здесь явно спутаны разные события, посольства и т.д., и из их смешения вырисовывается сконструированная картина противостояния благородных и миролюбивых правителей Ливонии с агрессивной Московией (F. 10b–11b).

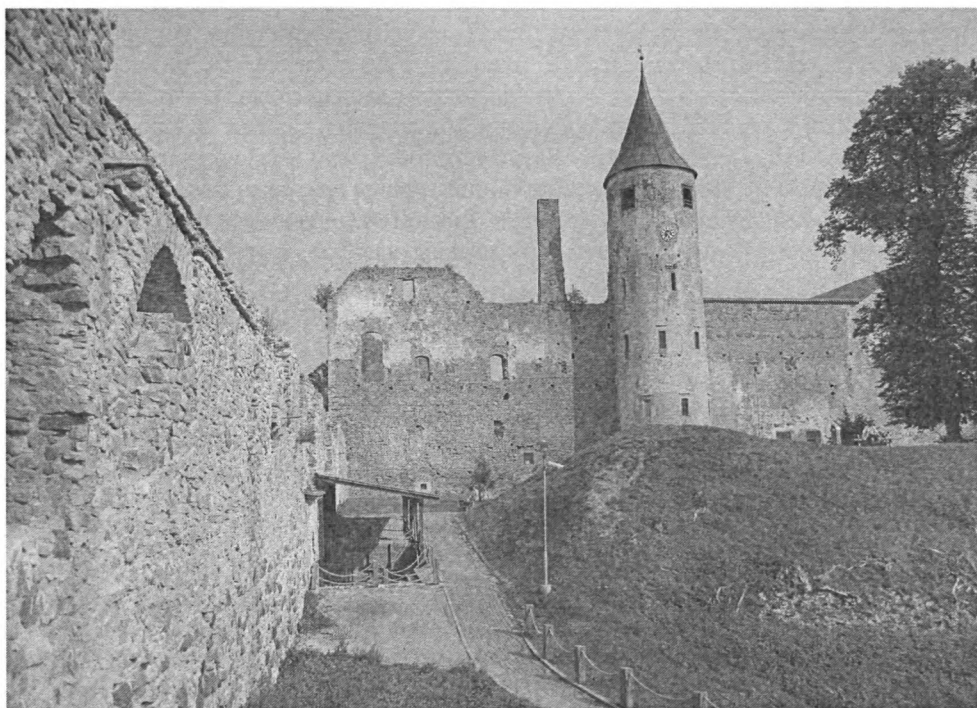
При описании «войны коадьюторов» (F. 5b–9b), которую он называет гражданской войной — «третьей язвой», которая может поразить народы — хронист сочувственно отзываясь о Каспере фон Мюнстере⁵⁶, указывая на то, что все его пророчества и обвинения в адрес Фюрстенберга сбылись. Фюрстенберг же ему несимпатичен, поскольку позорно и неуважительно вел себя при аресте Вильгельма Бранденбургского и вообще явился виновником многих бедствий. Из оригинальных оценок следует отметить негативные высказывания Геннинга в адрес дипломатической миссии Священной

⁵⁵ 26-я глава Книги Левит призывает не впадать в грех беззакония, не поклоняться лживым Богам и внимать предупреждениям Господа. Если же этого не происходит, то Бог наказывает народ нашествием иноплеменных: «Оставшимся из вас пошло в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует, и споткнутся друг на друга, как от меча, между тем как никто не преследует, и не будет у вас силы противостоять врагам вашим; и погибнете между народами, и пожрет вас земля врагов ваших; а оставшиеся из вас исчахнут за свои беззакония в землях врагов ваших и за беззакония отцов своих исчахнут; тогда признаются они в беззаконии своем и в беззаконии отцов своих, как они совершали преступления против Меня и шли против Меня, [за что] и Я шел против них и ввел их в землю врагов их; тогда покорится необрезанное сердце их, и тогда потерпят они за беззакония свои» (Лев. 26: 36–42).

⁵⁶ Ниже Геннинг описывает страшную смерть фон Мюнстера в Ашерадене в 1577 г., когда русские просто выкинули старика умирать за стены замка (F. 63a), и при этом замечает, что каждого человека, независимо от того, каких высот он достиг, настигает его судьба.

Римской империи при Позволе — послы не смогли заступиться за Ливонию и не спасли ее (F. 10b). Любопытно, что Геннинг вообще придает повышенное значение Позволю — последующие Виленские соглашения и превращение Ливонии в вассала Короны он считает логическим следствием и развитием Позвольского договора, особенно в отношении совместного военного противостояния России (F. 34a).

Пессимистические оценки в отношении Ливонии и ее правителей переносятся и на историю войн за Прибалтику. Геннинг изображает поведение ливонцев в войне с русскими bestолковым: например, их войска, выдвинувшиеся на защиту Нарвы, не могут найти дорогу и беспомощно топчутся в нескольких милях от нее, пока русские захватывают город. Процветает предательство, в том числе высокопоставленных нарвских горожан (F. 12b). Ливонцы похожи на многоголовую змею, оказавшуюся в пылающем кусте: все головы тянут в разные стороны, кричат о своем пути спасения, и в итоге змея может погибнуть (F. 50a). Ландсгерры и их чиновники бесконечно совещаются, склочничают и не могут предложить ничего путного для обороны, а тем временем москвиты наступают, а ливонская армия небоеспособна и не может их удержать (F.13b). Ливонцы дошли до того, что предпочитают сдаваться русским, чем ждать помощи от ландсгерров, потому что их никто не защищает, а добровольная сдача в плен гарантирует жизнь (F. 14a). Возникает проблема неуплаты наемникам положенного жалования, из-за чего они бросают крепости и не хотят сражаться (F. 22b, 23b–24a). Наемники пьянствуют и веселятся с девочками вместо обороны и в итоге сдают русским даже такую первоклассную крепость, как Гапсаль — русские командиры потрясены, они не представляют, что с ними сделал бы царь, если бы они не удержали столь мощную твердыню (F. 58b).

Гапсаль. Совр. фото.

В описании зверств русской армии в Ливонии Геннинг по колориту превосходит многих предыдущих хронистов. Особенно досталось от него Шигалею, который лицемерно лил «крокодиловы слезы» над страданиями ливонцев, несущих муки и кару за их измену и неповиновение Ивану IV. А сам приказывал мучить людей: вспарывать животы беременным женщинам и убивать младенцев, насыпать порох в раны и взрывать людей, надрезать горло и заставлять людей лежать и захлебываться в собственной крови, обмазывать связанных живьем смолой и поджигать. Изнасилования, в том числе малолетних девочек, приобрели массовый характер. Наконец, татары отнимали детей от груди матери, разрубали их на части, отрывали руки и ноги, вспарывали животы, доставали внутренности, жарили и ели детское мясо. Таким образом Шигалей надеялся вразумить ливонцев и принудить их к миру (F.11b–12a).

Подробные описания зверств московитов в Ливонии, написанные, впрочем, достаточно стандартно, с перечислением разных видов убийств, издевательств и мучений, с акцентом на изнасилованиях и убийствах детей, встречаются и в других частях хроники (F. 18a, 24a, 24b, 53a, 54b, 56b, 62a, 63a, 65a, 66a, 68a, 69b–70a). Русские традиционно сравниваются с турками и язычниками. Они ведут себя в Ливонии, как пантера с обезьянами: притворяются добрыми и милосердными, «ждут, когда обезьяны спустятся с деревьев», а потом нападают на них и являют свою звериную сущность (F. 47b). Особенно масштабный грабеж происходил при выводе русских войск из Ливонии. Геннинг комментирует это цитатой из Эразма Роттердамского: «Солдаты всегда становятся хуже от запаха мира» (F. 76b).

Очевидна дискурсивность многих описаний ливонских трагедий у Геннинга. Например, он рассказывает о том, как жители Вендена решили подорвать себя, чтобы не попасть в руки московитов (F. 66a, сюжет явно заимствован у Гейденштейна). И пишет: «Надо было видеть...» скорбь людей, собравшихся в круг на коленях с молитвою над пороховым погребом. Все так, только потом эти несчастные жители Вендена, согласно хронике, взорвались — откуда же тогда известны подробности их молитвы, кто же видел эту душераздирающую сцену, описанную с такими подробностями, от которой, по словам Геннинга, сердце тысячекратно могло выскочить из груди? Ведь никто не остался в живых... Факт самоубийства группы прихожан Вендена упоминается многими хронистами и весьма вероятен. Только вот подробности, похоже, Геннинг сочинил по литературному шаблону: «Как должны погибать истинные христиане перед лицом варваров и нехристей».

Жестокость русского царя распространяется и на своих подданных. Геннинг рассказывает о репрессиях 1568–1569 гг., когда группа русской знати якобы хотела сбежать в Польшу. Царь в ответ приказал убивать их, членов их семей, детей, слуг, скотину, собак, кошек и вплоть до рыбы в прудах, чтобы любая память о них была стерта с лица земли (F. 46b). Царь вообще ведет себя как школьный учитель, палками вбивающий любую провинность в головы нерадивых подданных. У тех же, кто служит московитам, «даже советъ в плену» у царя (F. 55b).

На страницах своей хроники автор хвалит Польшу и критикует позиции европейских стран в отношении Ливонии, изображает их враждебными к бедной Ливонии, корыстными и предвзятыми (Швеции — F. 19a, 25–26 a, 27b, 28a, 35a, 38b, 39b, 56a; Дании — F. 23a–23b, 25a, 36b, 76a–76b; Священной Римской империи — F. 29a, 50a) Именно Швецию он считает виновницей раскола Ливонии: в 1561 г., когда страна еще считалась частью Священной Римской империи, а союз с Польшей предполагал только военную помощь в обмен на замки, которые после войны можно было бы выкупить, Швеция пользуется ситуацией и в ответ на обращение дипломатов из Ревеля захватывает Ревель и другие пункты в Северной Эстонии (F. 28a–28b). Несмотря на попытки

ливонских политиков сохранить целостность страны, было поздно, началось ее растаскивание по владениям отдельных монархов.

После 1561 г., по Геннингу, конфликт перешел в плоскость военного противостояния России и Польши. Их вражда описывается очень пафосно. Приводится обмен грамотами (или вымышленными, или сильно искаженными при пересказе), якобы имевший место между Иваном Грозным и Сигизмундом II сразу после перехода Ливонии под сюзеренитет Короны. Русский царь негодовал, что поляки осмелились захватить Ливонию, объявлял о «вечной вражде», обещал войны, кровопролития и опустошения (F. 34b). В ответ Сигизмунд заявил, что тоже обрушится на москвитов войной, обратит их в бегство и будет безжалостно преследовать, и нанесет главный удар прежде всего под Смоленском, там, где предки блистательно выиграли сражение (видимо, имеется в виду битва под Оршей в 1514 г., F. 35a).

Впрочем, высказывания Геннинга о Польше и Литве иногда настолько наивны, что граничат с презрением и уничижением в отношении этих стран. Рассказывая о взятии Иваном Грозным Полоцка в 1563 г., он приводит рассуждения ливонцев: ничего страшного, деревянные города в силу их незначительности можно терять. Наступление русских войск на Вильно, по его мнению, не состоялось из-за того, что русским пообещали пригласить на польский престол либо самого Ивана, либо кого-то из его детей после смерти бездетного Сигизмунда II Августа (F. 38a). Литву он откровенно называет «отсталой страной» (F. 46b).

В целом хроника Геннинга заслуживает гораздо большего внимания историков, чем это было до сих пор. По информативности она немного уступает Руссову и превосходит Реннера в силу большего хронологического охвата. По обращению к апологетике Кеттлера и преимущественному вниманию к Герцогству Курляндскому она занимает свою особую историографическую нишу. Другие хроники уделяют куда меньше внимания многим сюжетам, раскрытым Геннингом. В некоторых оценках хронист оригинален и позволяет нам более полно высветить весь спектр дискурсов, бытовавших в ливонском обществе во второй половине XVI в. То, что это взгляд из 1580-х гг., позволяет говорить о некоторой завершенности, конечности осмысления войны в Ливонии в конце XVI в.

«Хроника Польская» Мартина и Иоахима Бельских.

В 1597 г. в Кракове вышла «Хроника польская» Мартина Бельского (1475–1575)⁵⁷. В отличие от уже известной нам «Хроники всего света», здесь в фокусе внимания была именно история Королевства Польского. Ее издал сын Мартина, Иоахим Бельский (ок. 1550–1599), участник Ливонской войны. Несмотря на то что творчество М. Бельского привлекало⁵⁸ и продолжает привлекать исследователей⁵⁹, остается открытым вопрос, в каком соотношении в хронике находятся тексты, созданные отцом и сыном. Точно

⁵⁷ *Bielski M.* Kronika polska Marcina Bielskiego, nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Krakowie, 1597. Наиболее известно переиздание этой книги Казимиром Туrowsким: [*Bielskij M.*] Kronika Polska Marcina Bielskiego / Wyd. K. Turowskiego. Sanok, 1856.

⁵⁸ *Chrzanowski I.* Marcin Bielski: studjum historyczno-literackie. Lwów; Warszawa, 1926.

⁵⁹ *Decyk W.* Pomiedzy wschodem a zachodem, czyli o interkulturowych uwarunkowaniach nazewnictwa geograficznego w Kronice M. Bielskiego // Назвы własne na pograniczach kulturowych. Materiały z międzynarodowej konferencji onomastycznej / Red. Z. Abramowicz. Białystok, 2000. S. 173–184; *Nowicka-Jeżowa A.* Le mythe des trois frères ou la communauté slave programmée dans l'historiographie du moyen âge et de la renaissance // Mythes et symboles politiques en Europe centrale / Réd. D. Celsol. Paris, 2002. P. 51–65; *Śnieżko D.* 1) Swojskie i obce w kronice uniwersalnej (przykład Marcina Bielskiego) // Stereotypy w literaturze (i tuż obok) / Red. W. Bolecki. Warszawa, 2003. S. 305–321; 2) *Kronika wszystkiego świata Marcina Bielskiego: pogranicze dyskursów.* Szczecin, 2004; *Krajewska M.* Integracja i dezintegracja państwwa Piastów w kronikach polskich Marcina Kromera oraz Marcina i Joachima Bielskich. Warszawa, 2010.

известно, что перу Иоахима принадлежит продолжение истории с 1587 по 1598 г.⁶⁰ Мартин Бельский умер в 1575 г., соответственно, тексты за 1575–1587 гг. также явно писал Иоахим. В 1575 г. ему исполнилось 25 лет, а в момент выхода «Хроники всего света» в 1564 г. — 14 лет. Следовательно, напрашивается предположение, что участие отца в составлении частей хроники за 1564–1575 г. было неизбежно в силу малолетства сына. Далее автора описываемой хроники мы будем обозначать условным обобщающим наименованием «Бельский».

Изложение хроники представляет собой погодную фиксацию событий вокруг персоны короля, сеймов, в области международных отношений и т. д. Изложение довольно суховатое, в нем мало церковных и библейских реминисценций — автора интересует чисто светская тематика. Тема борьбы за Прибалтику при Сигизмунде II Августе впервые возникает в 1554 г. В Польшу приехал прусский герцог Альбрехт, который обсуждал с Сигизмундом территориальные проблемы в Прибалтике (S. 1118)⁶¹. Бельский сообщает также о приезде в 1554 г. русского посла на сейм в Люблине. Дипломат изображен инициатором политического торга: если Корона признает за великим князем московским титул «царя всея Руси», то Россия готова вместо перемирия заключить вечный мир на выгодных условиях. Предложение было отвергнуто, правда, почему, Бельский не пишет (S. 1119). Русско-ливонский договор 1554 г. как фактор борьбы за Ливонию хронистом не упоминается.

Ливония в изображении Бельского — это будущая провинция Инфлянты, новое направление внешней политики Польши. Это новая тема и для читателя, поскольку хронист пускается в объяснения, где находится Ливония, что она из себя представляет и т. д. Бельский помещает отдельный раздел «Об инфлянтах» (S. 1123–1130), описывая местоположение, административное деление, главнейшие замки, народы, населявшие Ливонию, краткую историю этих земель, начиная с Мейнарда до Стефана Батория, когда Ливония «до нас пришла». Хронист рассказывает о богатствах этой земли, которая процветала, пока «московит все не попустишил». Причем описание случаев агрессии «князя великого московского» против Ливонии он начинает с уже знакомого нам фантастического сюжета: нападения войск Дмитрия Донского (по имени

Сигизмунд II Август. Гравюра из хроники Бельского, издание 1597 г.

⁶⁰ Bielski J. Joachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598 r. Warszawa, 1851.

⁶¹ Ссылки на страницы публикации хроники даются в скобках по санокскому изданию 1856 г. К. Туровского.

не назван, но речь идет о «великом князе московском») в 1381 г. на Нейгауз! Причем московский князь был убит старостой Нейгауза метким выстрелом со стены. После этого москвиты пустились бежать, и множество их было избито храбрыми ливонскими рыцарями.

Следующим эпизодом торжества ливонцев над русскими, по Бельскому, был поход в 1500 г. магистра Вальтера Плеттенберга и войск рижского и других епископов под Псков. 7000 ливонцев и 1000 курляндского ополчения сразилась со 100 000 москвитов и татар. Трупы разбитого русского войска лежали огромной кучей друг на друге на пространстве более двух миль, а у ливонцев погиб один рейтар, хотя и было много раненых. Иван III так был поражен этим постыдным разгромом, что тут же заключил с опасными ливонцами перемирие (S. 1130).

В 1555 г. начались «великие шкоды» между Ливонией, Жмудской землей и Литвой (S. 1120). В 1556 г. они получили развитие. Бельский достаточно стандартно описывает подробности «войны коадьюторов». Причиной конфликта он видит поведение Вильгельма Фюрстенберга. Орден напал на Вильгельма, рижского архиепископа, из-за разногласий по религиозным вопросам. Основное противостояние происходило вокруг Кокенгауза. Сигизмунд вступился за своего родственника Вильгельма, послал с требованием его освобождения Каспера Ланского. Но ливонцы, забывшие «закон Божий и закон человеческий», убили посла (S. 1123, 1131).

Вмешательство Короны стало неизбежным. Сигизмунд II созвал Варшавский сейм, который одобрил решение об отправке войск. Польский король изображен радетелем о «христианском покое»: он ласково говорит ливонским послам, что только и думает о мирном решении конфликта, которое, несомненно, возможно, если магистр лично явится в обоз королевской армии и привезет с собой Вильгельма. Посредниками выступили имперские послы. В результате переговоров в 1557 г. был заключен Позвольский договор, эскалации войны удалось избежать благодаря мудрости короля. Его родственник, рижский архиепископ Вильгельм, был восстановлен во всех своих правах (S. 1132–1133).

Бельский пишет о внезапном нападении зимой 1558 г. великого князя московского на Ливонию, на Дерпт и Нарву. О причинах он не говорит, москвиты выступают носителями немотивированной, злой, ничем не оправданной агрессии. Русские убивают ливонцев различными способами, грабят, жгут, чинят всякие насилия и т.д. Польша в лице короля Сигизмунда II считала, что ливонцы сами виноваты в своих несчастьях и что более правильной политикой их можно было бы избежать (S. 1134–1135).

В 1559 г. гнущий орден просил помощи у империи, но она оказалась бессильной. Имперские власти сами обратились к королю Сигизмунду с просьбой вступить за Ливонию. Фюрстенберг к тому времени был пленен москвитами в Феллине из-за измены своих солдат, и нашел свою судьбу — позже умер в плену⁶². Новый магистр, Готард Кеттлер, согласился отдать Ягеллону часть замков в обмен на военную защиту. Сигизмунд II тут же послал гонцов в Москву с требованием прекратить наступление в Ливонии, потому что она отныне находится под покровительством польской Короны. Собственно говоря, Бельский считает Ливонию входящей во владения Короны с этого момента. Ни о каких дополнительных соглашениях более не упоминается, только под 1562 г. сказано, что Сигизмунд «учинил» Кеттлера герцогом курляндским (S. 1135–1136, 1143).

⁶² Бельский здесь перечисляет события, на самом деле растянутые на несколько лет. Фюрстенберг попал в плен в августе 1560 г.

Таким образом, перед нами каноническая польская версия событий, восходящая еще к Стрыйковскому, изображающая благородную роль польского короля — заступника за Ливонию перед агрессорами-московитами и вознагражденного за это добровольным переходом этой земли под его покровительство. Неизбежно столкновение заступника с агрессором. К 1560 г. Бельский относит штурм московитами Мариенбурга и их первые стычки с литовскими войсками — под Мариенбургом и Венденом отряд Александра Полубенского нанес врагу несколько поражений и торжественно прислал в Вильно первых русских пленных (S. 1138). Хронист также рассказывает о вторжении в Ливонию шведского короля Эрика, захвате шведами Ревеля, Пярну, Толчбора, Падиса, Каркуса и Леала (S. 1140).

Надо подчеркнуть, что события в Инфлянтах для Бельского — вовсе не центральные. Он описывает их в общем контексте дипломатических акций, военных конфликтов, отношений между европейскими монархами и эпизодов из жизни представителей наиболее знатных и влиятельных польских родов. Повествование очень спокойное и, если употребителен этот термин, конструктивное. Для Бельского вовсе не характерно раздувание антимосковского дискурса. Русские (московиты), татары, турки, в какой-то степени шведы — однозначные враги Короны, но они именно враги, соперники, но не носители дьявольских сил, не ищадыя Ада. Возможно, такой спокойный тон связан с общим светским характером хроники.

Однако при этом хроника не свободна от мифов (причем хорошо видно, как именно миф создается). Обратим внимание на хронологию событий. В августе 1562 г. происходит неудачная для русской армии стычка с литовцами под Невелем. Его округу стали грабить литовские отряды. Преследовать их был послан князь Андрей Михайлович Курбский. Крупных сражений не случилось: «Того же лета, августа, приехали литовские люди под Невлю, городок великого князя, и волости воевали и пошли прочь, и ходил за ними князь Андрей Курбской и с иными воеводами, и мала была помощь, с обеих сторон потернулись и языков наши взяли у них»⁶³. Позже, в 1564 г., в своем первом послании Иван Грозный обвинит Курбского в бездарном командовании: «Како же убо под градом нашим Невлем пятьюнадесят тысяч четырех тысяч не могосте побити, и не токмо убо победисте, но сами от них язвлени едва возвратистесь, сим же ничто не успевшим?»⁶⁴.

Цифры, названные царем, сомнительны, вряд ли для погони за мародерами Курбскому дали целых 15 000 — чуть ли не треть или четверть всей действующей на фронте русской армии в середине XVI в.⁶⁵. Однако согласованные показания двух независимых источников говорят о том, что столкновение с литовцами под Невелем нельзя назвать победой войск Ивана Грозного, хотя и поражения тоже не произошло. Видимо, русские имели численный перевес, но из-за ошибок командования и нерадения войска не смогли разбить гораздо меньшие силы противника и сами понесли обидные потери.

Мы выше писали, что информация доходила до заинтересованных лиц буквально за одну-две недели. После потери Полоцка Короне и Великому княжеству Литовскому позарез нужна была победа, чтобы поднять дух войска, — и таковой оказалась победа в январе 1564 г. под Улой, о которой сразу же было выпущено несколько «летучих листков».

⁶³ Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 314.

⁶⁴ Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текст Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993. С. 42–43.

⁶⁵ Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 45–77.

Невельская же битва осталась неизвестной. О ней молчали почти год. И лишь на Варшавском сейме, не ранее ноября 1563 г.⁶⁶, спустя 14 месяцев (sic!) после событий под Невелем, вдруг было объявлено, что год назад была одержана чудесная и грандиозная победа над москвитями. О ней писал М. Стрыйковский, чья хроника вышла в 1582 г. Он рассказывает, что полуторатысячный отряд Станислава Лесневельского и Флориана Зебржидовского, в которой также входили 200 литовских жолнеров, казаки и дворовые люди полоцкого воеводы Довойны сдержал натиск 45 000-ного русского отряда. Москвитов пало 3000, «а наших только 15 незнатных людей погибло», пишет хронист⁶⁷.

У Бельского рассказ приобретает уже все черты легенды (приводим его полностью по переводу Н. Г. Устрялова):

«В 1563 году осенью на сейме Варшавском получено из Литвы радостное известие о поражении нашими 40.000 россиян под московским замком Невлем. Коронный гетман Флориан Зебржидовский, сам будучи болен, отрядил из Озерич Черскаго каштеляна Станислава Лесневельского с 1.500 польских воинов и с десятью полевыми орудиями к Невлю, близ которого расположилось сорокатысячное войско неприятелей. Лесневельский, узнав достоверно о силе их, приказал ночью развести во многих местах огни, чтобы отряд его казался многочисленнее, и стал на выгодном месте, имея с двух сторон воду; рано утром устроил свое войско, расставил орудия в скрытых местах и ждал нападения. Вскоре показались москали: их было так много, что наши не могли окинуть их взором. Русские же, видя горсть поляков, дивились их смелости, и московский гетман Крупский говорил, что одними нагайками загонит их в Москву. Наконец, сразились. Битва продолжалась с утра до вечера. Сначала москали, имея превосходные силы, одолевали, но наши устояли на поле сражения и перебили их весьма много: пало по крайней мере семь или восемь тысяч, кроме утонувших и побитых во время преследования. Так Господь Бог даровал нам свою удивительную победу, к великому удивлению москалей. Товарищ Крупского, приписывая ему всю неудачу, упрекал его в проигранной битве. Он же, указав на наше войско, отвечал на упреки: Они еще здесь: попробуй, не удастся ли тебе лучше, чем мне. Я же не хочу измерять своих сил вторично: ибо знаю поляков. Крупский был ранен, и, опасаясь, что товарищ обвинит его перед великим князем, бежал к нам: король дал ему поместье Ковель и другие. В гербе его был лев»⁶⁸.

Очевидно, что этот рассказ был написан уже после 1564 г., бегства Курбского, потому что все повествование подчинено двум идеям: восхвалению польского оружия и подведению обоснования под «прозрение» русского воеводы Курбского и его бегство к полякам. Князь постигает всю мощь польского оружия и готов изменить своему царю из-за открывшейся ему истины.

Рассказ Бельского о Невельской битве слишком подчинен логике текста, сюжетным линиям, чтобы во всем соответствовать действительности. Ведь на этом история не кончается. По Бельскому, узнав о позорном поражении под Невелем, Иван приказал собрать еще большее войско, и оно под командованием Петра Серебряного двинулось на Литву. В нем было дважды по 50 000, и целью удара являлось Вильно. Еще 30 000 шло с Шуйским. Обоз Серебряного стоял в двух милях от Орши над р. Крапивной, а Шуйского — на Чашницких полях. Собрав сведения от шпионов, Николай Радзивилл и Григорий Ходкевич решили ударить на Шуйского. Под их началом был

⁶⁶ Варшавский сейм проходил с 22 ноября 1563 г. по 1 апреля 1564 г. (*Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich. 1493–1793. Kraków, 1948. S. 140, № 68).

⁶⁷ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska. Zmodska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 413.

⁶⁸ Цит. по: *Устрялов Н. Г.* Сказания князя Курбского / Изд. 3-е. СПб., 1868. С. XII–XIII. Польский текст: [*Bielski M.*] Kronika Polska... S. 1151–1152.

10 000-ный отряд. На р. Уле москвиты были наголову разбиты. Убито 20 000, а остальные убежали к Полоцку. Шуйский погиб от холопшей секиры, Радзивилл въехал с триумфом в Вильно на коне Шуйского. Секира теперь хранится в церкви Божьей матери в Вильно как военная реликвия, символ торжества над москвитами (S. 1153–1154).

Таким образом, создав историю о двух чудесных победах — под Невелем и под Улой, — Бельский в своей хронике полностью завуалировал Полоцкое взятие 1563 г. и катастрофическое положение армии Великого княжества Литовского в 1560-е гг. Под его пером эти годы стали временем славных побед и торжества над москвитами. При этом, если Ульская битва была в самом деле поражением русской армии (хотя его масштабы и сильно преувеличены, а приводимые цифры потерь не имеют ничего общего с действительностью), то в отношении Невеля, судя по всему, был создан миф. В нем «непобеда» Курбского над малыми силами врага превратилась в его сокрушительное поражение. Об этом, видимо, в самом деле было объявлено на сейме — но сделано это было год спустя. Ничем другим, как «выдумкой победы», нельзя объяснить это «скрывание победы» от своих в течении 14 месяцев, когда хорошие новости с фронта были так нужны.

Перечень этих успехов польского оружия Бельский продолжает и дальше. В 1564 г. Станислав Лесневельский совершил набег под Смоленск, побили много людей и взяли полон. В 1565 г. состоялось литовское нападение на Красный городок, а Филон Кмита сжег Озерище. Среди захваченной им добычи оказался обоз торговавших в России турецких купцов, о чем Бельский упоминает как об обличающем русские нравы обстоятельстве. В 1565 г. Николай Талваш в Ливонии разбил шведское войско, громил врагов до Кириппе и до Ревеля. Дембинский в 1566 г. спалил занятые москвитами Адзель (Hadzel), Ракобор и Феллин (Afelin) (S. 1163). Под 1568 г. рассказывается о «миссии Козлова» — перебежчика, отправленного в Полоцк с письмами к московским боярам, и об успешном нападении Филона Кмиты на Смоленск. Роман Сангушко сжег «московский замок» на Уле, казаки Бирули громили окрестности Велижа, Усвята. Русские ответили нападением на Витебск, но оно было отбито (S. 1165–1167). Далее излагается сюжет о блокировании гданьскими пиратами «нарвского плаванья» (S. 1167–1168).

Таким образом, по Бельскому, война развивалась более чем успешно, и он переходит к описанию борьбы на Петроковском и Люблинском сеймах и перипетий внутривосточных событий в Польше, истории татарской и турецкой войны 1569 г. (когда турки были разбиты русскими под Астраханью). Большой раздел посвящен польским бескорольвям, о московской

Генрих Валуа. Гравюра из издания хроники Бельского 1597 г.

кандидатуре на престол Речи Посполитой практически не говорится (S. 1223–1332, 1361–1389).

К теме войны за Инфлянтов Бельский возвращается в рассказе о 1577 г., после описания усмирения Стефаном Баторием Гданьска. Пока король решает столь трудную задачу, «Московский» вторгается в Ливонию, а там польских жолнеров было мало, и жалование им не плачено. Результат предсказуем: русские и татары завоевывают почти всю Ливонию, без поляков ливонцы сами сопротивляться не могут (S. 1425–1427). Именно поляки смогли переломить ситуацию, в 1578 г. разбив московитов под Венденом (Бельский называет его на латышский манер Кесью: *Kies*, S. 1438). Вероломство Ивана IV познал Магнус. Он понял, что царь хочет отдать его замки татарам, и решил перейти под знамена польского короля (S. 1439).

Стефан Баторий. Гравюра из хроники Бельского издания 1597 г.

Далее следует достаточно традиционное описание походов Батория на Россию: полоцкого 1579 г. (S. 1445–1458), великолукского 1580 г. (S. 1464–1480), псковского 1581 г. (S. 1486–1507). Упоминаются рейд Криштофа Радзивилла, шведское наступление в Прибалтике (S. 1492). Король Стефан везде изображен мудрым правителем, искусным полководцем, объединившим народы, самоотверженным вождем своих воинов. Наступление Польши изображается

как восстановление высшей справедливости. «Москва» отчаянно сопротивляется, но сила Речи Посполитой ее превосходит.

Но в целом конец войны у Бельского скомкан так же, как и у других авторов. Скороговоркой оглашаются условия Ям-Запольского перемирия, территориальные обмены. Миссия Поссевино изображается Бельским как деятельность посланника папы, отправленного для замирения короля с царем по наущению русских послов, которые пообещали римскому папе участие России в борьбе с турками (S. 1483). Бельский прямо не осуждает Поссевино, но говорит о нем без восторга. И стремительно переходит к другим сюжетам. Такое ощущение, что хронист хочет быстрее проскочить конец войны. Он говорит о нем как о несомненной победе Речи Посполитой, но без особых панегирических восхвалений (их даже больше в повествовании о войне в 1560-е гг.). 1582 г. для Бельского — не итог, не порог, но скорее перевернутая страница. Здесь видна эволюция образа войны: от восхвалений по свежим следам, эйфории от недавней победы в произведениях, созданных по свежим следам, до превращения войны в важный, но пройденный эпизод польской истории.

Последнее слово ливонца: Франц Ниенштедт о Ливонской войне.

Судьба последней крупной хроники, написанной очевидцем Ливонской войны, хроники рижского бургомистра Франца Ниенштедта (1540–1622), примечательна. Она является одним из авторитетнейших источников по истории конфликта, хотя была написана не ранее 1604–1609 гг.⁶⁹ При этом автор написал не мемуары, а историческое сочинение, опирающееся на личный 50-летний опыт. В этом сочетании несомненного персонального свидетельства с попыткой осмысления происходившего с Ливонией во второй половине XVI в., с учетом историографии⁷⁰ — особенность хроники Ниенштедта как исторического источника.

Ратуша г. Риги. Совр. фото.

Будущий хронист Франц Ниенштедт (Franz Nyenstaedt, Nyenstede) родился в 1540 г. в графстве Гоя в Вестфалии. В 1554 г. переехал в Дерпт, был торговцем, в том числе вел торговые дела с Россией. В 1571 г. перебрался в Ригу, с 1583 г. стал членом Рижского магистрата, с 1585 г. — бургомистром Риги (с перерывами до конца жизни). В 1590, 1594, 1598, 1605 гг. — бургграф Риги. Умер в 1622 г. и похоронен в своем поместье на г. Св. Анны⁷¹.

⁶⁹ Дата 1604 г. стоит в предисловии, но повествование в хронике доходит до 1609 г.

⁷⁰ Ниенштедт несомненно читал Б. Рюссова и делает на него прямые ссылки, называя его сочинение «ревельской хроникой». Приводимая им легенда об убийстве Иваном Грозным своего сына по содержанию похожа на текст П. Одерборна, хотя, возможно, ходила и в устном виде.

⁷¹ О нем см.: *Gadebusch F. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung*. Riga, 1777. Zweyter Theil. S. 298; *Napiersky C., Recke J. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland*. Mitau, 1831. Bd. 3. S. 333–334; *Beise T., Napiersky C. Nachträge und Fortsetzung*.

К творческому наследию Ниенштедта относятся два его главных произведения. Это автобиографические заметки календарно-дневникового плана (*Handbuch*)⁷² и «Ливонская хроника»⁷³. Оба произведения, написанные на немецком языке, были опубликованы в 1839 г. Г. Тилеманном в «*Monumenta Livoniae Antiquae*».

«*Handbuch*» охватывает период с 1571 по 1607 г. Изложение не всегда выдержано хронологически, автор периодически возвращается назад. В основном это заметки о делах и событиях в жизни членов семьи Ниенштедта (сестры Софии, брата Дитриха и т.д.). Немало записей о денежных и кредитных делах. Политика на страницах заметок отражается нечасто, например, Ниенштедта взволновало избрание королем Стефана Батория⁷⁴. Бюргер сообщает, что он на свои деньги содержал несколько кнехтов в армии⁷⁵. Но в целом Ливонская война в его записях почти не оставила следа, исключая редкие упоминания о ее последствиях (например, ушерба от похода 1577 г.)⁷⁶.

Другое сочинение Ниенштедта, «Ливонскую хронику», много привлекали в качестве исторического источника, особенно русскоязычные исследователи в силу существования перевода на русский язык, изданного в «Прибалтийском сборнике». Однако само по себе творчество Ниенштедта изучалась мало⁷⁷. Самым обстоятельным можно считать недавнее диссертационное исследование эстонского историка К. Райк⁷⁸.

«Ливонская хроника» не производит впечатления законченного произведения. Во-первых, в предисловии стоит дата его написания 1604 г., а повествование на самом деле доходит до 1609 г. Значит, книга дописывалась после сочинения предисловия как минимум пять лет. Во-вторых, различается структура текста: первая часть, до 1557 г. года, разбита на 24 небольшие главы. Видно, что их структура и содержание хорошо продуманы и прописаны (исключая последнюю, 24-ю, где уже чувствуется некий хаос).

Mitau, 1861. Bd. 2. S. 81; [Тилеманн Г.] Предисловие издателя летописи г. Тилеманна // Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края. Рига, 1880. С. 355–358; *Redlich M.* Lexikon deutschbaltischer Literatur. Eine Bibliographie. Köln, 1989. S. 243; *Wilpert G.* Deutschbaltische Literaturgeschichte. München, 2005. S. 73; *Gottzmann C., Hörner P.* Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 3: N–Z. Berlin; New York, 2007. S. 978–979;

⁷² Подробнее см.: *Uustalu K.* Niederdeutsche Einflüsse in Bürgermeister Nyenstedes “Handbuch” (1607) // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum. Stuttgart, 1996. Bd 1. T. 1. S. 15–22. Издание текста: [Nyenstädt F.] Des Bürgermeisters Frahz Nyenstede Handbuch... // *Monumenta Livoniae Antiquae*: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland’s dienen. Zweiter Band. Riga, Leipzig, 1839. S. 129–163 (переиздание: Osnabrück, 1968).

⁷³ *Nyenstädt F.* Livländische Chronik // *Monumenta Livoniae Antiquae*: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland’s dienen. Zweiter Band. Riga, Leipzig, 1839. S. 1–128. (переиздание: Osnabrück, 1968). Неполный русский перевод и публикация хроники были сделаны по этому же изданию: *Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 355–400; Рига, 1883. Т. 4. С. 7–124.

⁷⁴ [Nyenstädt F.] Des Bürgermeisters Frahz Nyenstede Handbuch... S. 135.

⁷⁵ Ibid. S. 134.

⁷⁶ Ibid. S. 136.

⁷⁷ *Leimus I.* Franz Nyenstede — humanist ja “kulturträger”? // *Ajalooline ajakiri*. 1999. H. ¾. L. 177–180; *Garleff M.* Stereotypen im wechselseitigen deutsch-baltischen Kulturtransfer // Stereotyp, Identität und Geschichte. Die Funktion von Stereotypen in gesellschaftlichen Diskursen / Hrsg. von H. Henning. Frankfurt/Main, 2002. S. 349–363 (Mitteleuropa — Osteuropa. Bd 5).

⁷⁸ *Raik K.* 1) Franz Nyenstede Liivimaa ajalugu. Tartu, 1999; 2) Eesti- ja Liivimaa kroonikakirjutuse kõrgaeg 16. sajandi teisel poolel ja 17. sajandi alul. Tartu, 2004. L. 45–201.

Остальное же повествование не имеет разбивки на главы, текст сплошной, иной раз весьма подробный, но под конец все больше похожий на стиль телеграфных сообщений. Видимо, начало своего сочинения Ниенштедт писал обстоятельно, с опорой на другие хроники. А вот потом излагал свои личные записки, и не смог (или не захотел) придать повествованию первоначальный вид с разбивкой на главы (выделял лишь отдельные разделы — условия сдачи Дерпта, конфликт в Риге и т. д.). Ниенштедт и сам об этом пишет:

«Если бы я захотел описывать дальнейшие события, которые произошли между королями польским и шведским, и описывать, что происходило... если бы я захотел все это рассказывать, то потребовалось бы много времени, а так как все это находится в «ревельской хронике», то я, ради краткости, удовольствуюсь следующим...»⁷⁹.

И далее следует беглое перечисление событий. В конце хроники помещены исторические дополнения, черновые заметки, которым, видимо, предполагалось в дальнейшем найти место в основном тексте⁸⁰.

О мотивах, почему он взялся за перо, хронист говорит следующее:

«...Господь Бог во все времена посылал таких драгоценных мужей, кои ради потомков описывали похвальный события, и оставили их в достояние потомству, в назидание другим; подобно тому как и мудрый король Альфонс в крайней своей слабости ничем лучшим не умел себя подкреплять, как приказывая читать себе описанную историю короля Александра Великого. Потому что мы должны знать, что история прошлого не только занимательна, но и полезна и пригодна для нас, дабы мы чрез истинное раскаяние и искреннее покаяние избавились вместе с невинителями палящего гнева. Божьего. Так как я прожил с юности моей почти 50 лет в этой стране Ливонии, и имею право считать ее не иначе как своим отечеством, и в этих прошедших 50-ти годах я пережил в ней не мало перемен и бедствий; поэтому я и решился в этом своем изгнании рассказать вкратце о той древности, когда немцы открыли эту провинцию Ливонию и о случившихся при этом распрях и происшествиях. Я не имел намерения пространно повествовать о всех случившихся событиях, в виду того, что другие прежде меня писали о том с большими дарованием и искусством: я вздумал передать то же самое вкратце, и только хотел по возможности точно передать то, что случилось в последние сто лет, в особенности же, что я сам пережил в последние пятьдесят лет, насколько то мне было возможно по моей простоте, не как искусный историк, который хотел выказать свое искусство и уменье, но только потому, что я в свои преклонные годы имею свободное время»⁸¹.

В отличие от Реннера и Геннинга, Ниенштедт в период Ливонской войны не имел доступа к официальным бумагам. Поэтому он не очень осведомлен и делает ошибки — например, Ниенштедт добросовестно воспроизводит распространенный миф о 50-летнем русско-ливонском перемирии, предшествовавшем войне. То есть о существовании других русско-ливонских договоров в первой половине XVI в. он просто не знает⁸². Равно как и не имеет представления о размерах и условиях возложенной на Ливонию в 1554 г. «Юрьевской дани», и даже замечает по этому поводу: «...осведомлюсь об этом и впоследствии напишу»⁸³. Ошибочна у него и дата первого русского вторжения в Ливонию в 1558 г. (25 января, у Геннинга — 22 января)⁸⁴. Ниенштедт

⁷⁹ *Nienumedt F.* Ливонская хроника. IV. С. 46.

⁸⁰ *Nyenstädt F.* Livländische Chronik. S. 127–128.

⁸¹ *Nienumedt F.* Ливонская хроника. III. С. 360.

⁸² *Nienumedt F.* Ливонская хроника. IV. С. 9.

⁸³ Там же. С. 10.

⁸⁴ Там же. С. 14.

утверждает, что Стефан Баторий «...вторгся в Россию, все грабил и жег и без всякого сопротивления подошел близко Москвы»⁸⁵. Масштабы Псковского похода Батория были все же поскромнее...

Для Ниенштедта характерно «ролевое мышление». Его герои ведут себя в соответствии с определенной, предписанной им ролью, нередко театрально и даже картинно. Например, русский посол Келарь Терпигорев, приехавший утверждать договор 1554 г., вел себя символично:

«...он поднес гоф-юнкерам, провожавшим его от замка, водки, по русско-му обычаю, и, вынув грамоту из-за пазухи, передал своему служителю, велел завернуть ее в шелковую ткань и положить в обитый сукном ящик, при чем сказал: “Смотри, береги и ухаживай за этим теленком, чтобы он вырос велик и разжирел!”»⁸⁶.

Символики у Ниенштедта много. Он в какой-то степени мистик. В конце хроники он приводит перечень чудесных знамений, символических событий, смысл которых проявился в ливонской истории. Например, первым епископом Дерпта был Герман Буксгевден (1224–1248), и при нем в 1230 г. (на самом деле в 1224 г.) русские (на самом деле эсты и славяне во главе с князем Вячко) были изгнаны из Дерпта. И последним епископом в 1558 г., когда русские вернулись, был тоже Герман Везель (1552–1560)⁸⁷. Ниенштедт упоминает кометы в 1556 и 1576 гг., символические повреждения храмов в Ревеле, Риге и т.д. После наступления мира в Ливонии

«...рыцарство в 1582 году собралось на совещание в дом Ганса Баумана, на который как раз в это самое время сели журавли, которых никогда не видели ни много лет раньше, ни много лет позже в Ливонии, что, конечно, всех собравшихся дворян чрезвычайно изумило»⁸⁸.

Протестантская этика Ниенштедта очень озабочена идеей воздаяния. Негодяи у него, как правило, получают по заслугам. Наемники, предавшие и ограбившие магистра Фюрстенберга, сначала были ограблены русскими, а потом, когда нагими и босыми вышли к своим в Ригу, «их всех перевешали на деревьях»⁸⁹. Виновники и праздно любопытствующие в отношении казни графа Иоанна фон Арца мрут как мухи:

«...его предатели, которые взяли его в плен, большею частью кончили худым: некоторые из них вскоре после этого случая на всю свою жизнь ослепли. Также при его казни случилось много знамений. Один ратсгер Винцент Клаудорф, видя что Арц должен умереть позорною смертью, пошел домой, скинул сюртук и тотчас же умер. Одна женщина взобралась на чердак посмотреть на муки Арца, как его привязанного к телеге везут вдоль по улице и рвут клещами, упала сверху и умерла; один немецкий крестьянин (латыш) смотрел на эту ужасную пытку, ударил себя ножом в грудь и умер; слуга палача, раздувавший уголья для накаливания клещей, по окончании экзекуции сошел с телеги, положил голову на раздувальный мех и тут же умер. Неисповедим суд твой, Господи!»⁹⁰.

С идеей воздаяния был тесно связан вопрос «Кто виноват в несчастьях Ливонии?», характерный, впрочем, не только для Ниенштедта. Этот мотив периодически возникает

⁸⁵ *Niенштедт Ф.* Ливонская хроника. IV. С. 52.

⁸⁶ Там же. С. 12.

⁸⁷ *Nyenstädt F.* Livländische Chronik. S. 126–127.

⁸⁸ *Niенштедт Ф.* Ливонская хроника. С. IV. 58.

⁸⁹ Там же. С. 31.

⁹⁰ Там же. С. 35–36.

на страницах хроники. Она описывает печальное заседание в Дерпте в 1558 г., когда дерптский бургомистр Антоний Тиле обратился к епископу Герману Везелю:

«...прошу вашу высокодостоянную милость дать мне письменное изъяснение: кто учинил эту сдачу, сделали ли то вы, ваша высокодостоянная милость, или рыцарство, или капитул, или высокопочитаемый магистрат; или община, или Теннис Тиле, чтобы я мог оправдаться по крайней мере от напрасных клевет и сохранить свое доброе имя»⁹¹.

Ответ епископа и капитула звучал сакраментально: не виноват никто, «...все это было сделано только вследствие неизбежной и крайней необходимости».

Ниенштедт повторяет характерные для прибалтийских хронистов рассуждения о легкомысленности ливонцев, которая привела к катастрофе:

«Уже слышно было, какие приготовления шли у границы, а также и то, что бояре приказали отправить вперед по воде и по сухому пути снаряды для похода в Ливонию; но ливонцы все-таки оставались слепыми по-прежнему и больше думали о том, как бы устроить пороскошнее свадьбу или крестины, чем о мерах к отражению врагов»⁹².

Особенно несимпатичен Ниенштедту Ливонский орден. Мало того, что он в военном отношении оказался несостоятельным, не смог защитить свою землю. Ниенштедт обвиняет его руководство в расхищении имущества горожан (русские выпустили их из Дерпта с вещами, «...а что эти бедные люди и могли вывезти из Дерпта, то все дорогой у них отобрал и разграбил магистр со своими помощниками»⁹³). Орденские фогты бегут, бросая замки на произвол судьбы. Наемники предают и даже не стыдятся выдать москвитам самого бывшего магистра Фюрстенберга⁹⁴.

Ниенштедт воспроизводит традиционные негативные дискурсы в отношении русских. Они невежественны — с самого Крещения Руси, больше 500 лет хранят ценнейшую библиотеку книг, которые сами не могут читать в силу незнания языков⁹⁵.

⁹¹ *Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника. IV. С. 18–19.

⁹² Там же. С. 9.

⁹³ Там же. С. 27.

⁹⁴ «...эти каналы и изменники не согласились на предложение Фюрстенберга и заявили, что сдадут крепость москвиту. Это они и сделали, поставив условием свободный выход себе. Они разграбили сокровища магистра, взломали и разграбили сундуки и ящики (снесенные в замок для хранения) многих знатных дворян, сановников ордена и бюргеров и забрали себе столько, сколько мог каждый, а забранное составило бы жалованье не только за один год, но и за пять или десять лет, и они могли бы защищать очень долго крепость, потому что в снарядах и съестных припасах недостатка не было. Но не таково было желание этих негодяев: они предали москвиту своего доброго господина со всеми его верными слугами и сдали крепкий замок Феллин с его укреплениями» (Там же. С. 30–31).

⁹⁵ Речь идет о легендарной библиотеке Ивана Грозного, «...которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда москвит принял христианскую веру по греческому исповеданию. Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах» (*Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника. IV. С. 37). Рассказ Ниенштедта сыграл немалую роль в складывании мифа о библиотеке (см.: *Амосов А. А.* «Античная» библиотека Ивана Грозного. К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей // *Книжное дело в России в XVI–XIX веках.* Л., 1980. С. 6–31; *Зарубин Н. И.* Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982; *Стеллецкий И. Я.* Мертвые книги в московском тайнике. Документальная история библиотеки Грозного. М., 1993; *Козлов В. П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. М., 1996. С. 113–132; *Филошкин А. И.* Как пройти в библиотеку Грозного? // *Родина.* 2003. № 4. С. 50–53).

Они лентяи, не хотят переводить эти книги. Тиран-царь убивает сына за критику своих полководческих талантов⁹⁶.

Но, в отличие от других авторов, Ниенштедт не столь уж негативно настроен по отношению к русским. Он, конечно, говорит об их агрессии и военных жестокостях («Как только перешли они границу, сейчас засверкали топоры и сабли, стали они рубить и женщин, и мужчин, и скот, сожгли все дворы и крестьянские хаты и прошли знатную часть Ливонии, опустошая по дороги все»)⁹⁷. Но при этом подчеркивает корректное поведение оккупационных войск в Дерпте:

«Затем князь (Шуйский, командовавший русскими войсками, взявшими Дерпт. — А. Ф.) велел объявить, что под страхом смерти никто не смеет ничем обижать жителей города. Велел он также объявить, чтобы бюргерские люди не продавали в своих домах никаких напитков для ратных людей, в предупреждение несчастья. Всех русских ратников разместили в замке, в соборных помещениях и в оставленных жителями домах, и строго смотрели, чтобы они никого не обижали, а кто в этом провинился, того князь велел постыдным образом бить и плетью наказывать; князь назначил также нескольких бояр со стрельцами для объездов по городу, которые ежедневно ездили кругом и забирали всех нетрезвых людей и всех, кто только неподобающе себя вел, и тотчас сажали в тюрьму. Видя это, бюргеры несколько успокоились в своем несчастье и не боялись уже открытого нападения и насилия»⁹⁸.

Таких пассажей нельзя найти у других авторов, в отличие от Ниенштедта, писавших о русских «на большом расстоянии» и не сталкивавшихся с ними лично. В этой разнице повествований отчетливо видно, какой хронист следовал за стереотипами («кровавые картины» Геннинга), а какой основывался на собственном опыте очевидца.

Именно многочисленные зарисовки очевидца являются главной ценностью хроники Ниенштедта как исторического источника (например, обсуждения ливонцами условий кабального договора 1554 г.⁹⁹, обстоятельств сдачи Дерпта в 1558 г.¹⁰⁰, событий мятежа в Дерпте в 1571 г.¹⁰¹ и т.д.). Что же касается отраженных на страницах его сочинения дискурсов, то перед нами оптика ливонского горожанина. «Ливонская хроника» Ниенштедта — это взгляд бюргера, узнававшего о происходившем из многочисленных слухов и добросовестно пересказывающего их в своем сочинении. Его хроника содержит целый ряд историй, пересказ различных сюжетов и т.д. Их происхождение стоит искать не сколько в книгах, столько в устных рассказах, ходивших по Ливонии. Бюргерские предпочтения видны и в объяснениях, часто сугубо житейских, повседневных. Например, нападение Ивана Грозного на Полоцк в 1563 г. он в первую очередь объясняет тем, что «...ему отказала в руке своей принцесса Екатерина», и только во вторую — тем, «что король польский присвоил себе Ливонию»¹⁰².

Сюжетность повествования (в тексте много зарисовок, миниатюрных новелл — о Курбском, графе фон Арце, пасторе Веттермане и т.д.) приводит к тому, что на страницах хроники оказываются представлены разные социальные роли: бюргер, рыцарь, крестьянин, пастор, перебежчик, неудачник, авантюрист, несостоявшийся

⁹⁶ «...сказал ему его старший сын: до каких пор будет он губить свою отчизну, пусть заключает мир, или же пусть назначит его главою армии, или же наконец пусть сам пойдет встретить врага. Это до такой степени раздражило отца, что он проколол его своим посохом, на котором был железный наконечник, от чего тот и умер» (*Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника. IV. С. 52).

⁹⁷ *Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника. IV. С. 14.

⁹⁸ Там же. С. 26.

⁹⁹ Там же. С. 9–13.

¹⁰⁰ Там же. С. 16–26.

¹⁰¹ Там же. С. 41–45.

¹⁰² Там же. С. 41.

король, предатель, заговорщик, мятежник, палач и жертва, подвижник и т.д. В этом сочинение Ниенштедта дает нам важные сведения о стиле мышления и восприятия действительности ливонских бюргеров во время войн за Ливонию во второй половине XVI в.

Затухание интереса к теме Ливонской войны в европейской историографии XVII-XVIII вв.

В XVII в. восприятие истории борьбы за Прибалтику меняется. Для западной историографии оставалась актуальной фигура Ивана IV как символа тиранического правления, но его изображение строилось в основном на описаниях внутренних злодейств русского царя. Европейские авторы помещали на страницы своих сочинений красочные и насыщенные эпитетами обличения царя-тирана. Например:

«Иван Васильевич, царь и великий князь всех московитов, стяжал повсюду победы, и все больше земель и народов попадало к нему под власть, страшась его великого могущества, вследствие чего он чрезвычайно превознес самого себя, возомнив, что во всем свете нет ему равного, и никого не боялся; к тому же, не доверяя никому из своих вельмож, жестоко обращался с ними; тех, о ком доходил до него какой-либо слух, хотя бы самый невероятный, он предавал позорно смерти, одних сажая на кол, других изводя разными другими нечеловеческими мучениями. Он даже приказывал поджигать собственные города и топить своих подданных тысячами и, слыша их жалобные стоны и крики, громко смеялся, восклицая: “Вот как вы славно запели!”» (Исаак Масса)¹⁰³.

О неоднозначности личности Грозного говорит и врач царя Алексея Михайловича, англичанин Самуэль Коллинз (1667), мечтавший написать историю деяний Ивана IV: «...с тех пор, как цари на земле царствуют, никто не слыхивал ни о таком ужасном тиране, ни о таком счастливом государе»¹⁰⁴.

Войны Ивана Грозного потеряли актуальность, тем более что раздел Прибалтики свершился без участия России, в ней хозяевами были Польша и Швеция. Ливонская война перестает интересовать европейских авторов, хотя и выходили отдельные переиздания сочинений о ней XVI в. Бытовало мнение, что о ней главное написано — например, голландец Исаак Масса (1587–1635) прямо говорит:

«О войнах, веденных им со шведами, а также о совершенном разорении и бедствиях, причиненных Ливонии, я не расположен писать, ибо об этом довольно подробно говорится в других исторических сочинениях... О всех войнах, веденных великим князем со Стефаном Баторием, королем польским, которые сделали его весьма боязливым, было бы бесполезно рассказывать, так как они весьма обстоятельно описаны Рейнгольдом Гейденштейном»¹⁰⁵.

Для европейских авторов XVI–XVII вв. был характерен принцип преемственности излагаемого материала. Как для западных историков XVI в. высшим авторитетом в изображении Московии являлся Герберштейн, так для сочинителей XVII в. историографическим ориентиром выступали немецкие «летучие листки», опубликованные произведения Бреденбаха, Одерборна, Гейденштейна, Руссова и др. Их избл

¹⁰³ Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и Смута в Московии / Сост. А. Либерман. М., 1997. С. 24–25.

¹⁰⁴ Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии / Сост. А. Либерман. М., 1997. С. 218.

¹⁰⁵ Масса И. Краткое известие... С. 25, 28.

ная направленность перешла из XVI в XVII в. О войне Ивана Грозного вспоминается в основном как о бессмысленной и кровавой, бесполезной акции:

«...царь Иоанн Васильевич причинил много бесчеловечных смертей и много пролил крови внутри государства и в Лифляндии погреб великое число своего народа во рвах и при безрассудных штурмовых осадах...»¹⁰⁶.

История Ливонской войны, а точнее, рассказы о злодействах войск Ивана Грозного в Прибалтике, в XVII в. привлекались для иллюстрации к обличениям царя-тирана. В 1668 г., во время очередного польского бескорольевья, в памфлете «*Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum*», посвященном критике русского кандидата царя Алексея Михайловича, среди прочих приводились исторические аргументы, разоблачающие тирана-московита. Одним из признаков варварского и деспотического облика русской государственности называлось нападение Ивана IV на Ливонию, продемонстрировавшее весь антихристианский характер России¹⁰⁷.

В сочинении шведа Петра Петрея (швед. Peer Persson de Erlesunda, лат. Petrus Petrejus; 1570–1622) приводится целый ряд красочных описаний жестокостей русских в Прибалтике. Они предвзвешены характеристикой Ивана IV:

«Ни один человек не выскажет вполне страшного, нехристианского и варварского образа действий этого тирана в Ливонии с попавшими в его руки бедняками и этой, сильно заметной в нем, ненасытной жадности до христианской крови, также и других дел его произвола. Потому что не бывало и не рождалось еще на свете ни одного ужасного и гнусного кровопийцы, которого можно было бы сравнить с этим лютым зверем. Все, что не писали о других тиранах, царствовавших в мире, пустяки по сравнению с этим. Его лучшая отряда и удовольствие состояли в том, чтобы смотреть, как казнят людей позорной казнью, рубят их, вешают, варят, жарят, тиранят и подвергают другим страшным мукам».

Далее Петрей описывает конкретные преступления армии Грозного в Ливонии: изнасилование татарами и казнь 500 благородных женщин и девушек при взятии г. Ашерадена (Ашерота), казнь в Москве 378 ливонских и литовских пленных. При этом во время последней экзекуции храбрые и прекрасные ливонские девушки в лицо обличали злодейства русского монарха, за что он велел их мучить все более жестоко и разнообразно (топить, перебивать колени, вырезать куски мяса, зажимать между досками и брусьями, пороть кнутами, насиловать, жарить на вертеле), «но девушки тем более призывали своего Бога сердцем и душою и, будучи не в состоянии говорить, давали ж, однако, понять глазами и видом, что безбожный тиран причиняет им насилие и несправедливость и за то получит свое воздаяние».

Петрей приводит стихи, сложенные в честь женщин, казненных русскими после взятия Вайссенштейна:

Две женщины, еще одна девица
Взяты были тираном неповинно,
Мужчины разделяли их неволю,
Он приказал подвергнуть пленных мукам
И для того разжечь костры большие,
Чтобы на них они дотла сгорели.
Когда же подошла к костру девица,
Бесстрашная, сказала смело князю:
«Жестокий, ты стоишь и с наслажденьем

¹⁰⁶ Шаум М. *Tragoedia Demetrio-Moscovitica* // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России / Сост. К. М. Оболенский. М., 1847. Т. 1. С. 4.

¹⁰⁷ Отт Т. «*Livonia est propugnaculum Imperii*». S. 7–8.

Любуешься страданиями несчастных.
Не предавай же слов моих забвенью:
Как явится на Страшный Суд сын Божий
И скажет приговор свой правосудный
И станешь ты на лютые мученья,
Я, вместе с этими детьми живого Бога
Тебя в руках мучителей увижу,
И весело мне будет любоваться,
На казнь твою и вечные страданье».
Окончив речь, невинная девица
Пошла на казнь с смирением высоким
И умерла потом, — для вечной жизни,
Как исповедница святой и правой веры¹⁰⁸.

Петрей (вслед за Геннингом) пишет, что

«Этих твердых и богобоязненных женщин и девиц с полной справедливостью можно уподобить святым и неколебимым девам-мученицам: Бландине, Доротее и той женщине в книгах Маккавейских, которая утешала и услаждала словом Божиим своих семерых сыновей, безжалостно, но невинно замученных тираном Антиохом».

Согласно Петрею, жители г. Вендена предпочли взорваться сами в заминированном соборе, чтобы не быть отданными на поругание тирану, при этом были посрамлены иезуиты, смеявшиеся над протестантами, у которых не было вина для последнего причастия — Бог явил чудо и дал несчастным перед смертью бочонок вина для причащения¹⁰⁹.

Память о Ливонской войне получила отражение в сочинении посла императора Леопольда Августина Мейерберга. Он посетил Россию в 1661–1663 гг. и оставил описание своего путешествия. Он изображает поляков и литовцев главными врагами русских на протяжении всей истории:

«Русское государство, которое мы ныне называем Московским, некогда простиралось широко по обоим берегам Днепра (Борисфена). Но в начале XI столетия... с одной стороны сперва напали на него поляки, а потом, с другой стороны, литовцы, оно сильно уменьшилось в продолжение чуть ли не 400-летней войны».

О войне за Ливонию в 1550–1560-е гг. Мейерберг почти ничего не говорит, зато пишет, что

«Стефан Баторий так смирил гордость Ивана Васильевича младшего в своих трех походах в Московию, под личным храбрым и счастливым начальством, что этот хитрый лицемер умолял о миротворном посредничестве римского первосвященника Григория XIII, надававши ему блестящих обещаний».

Конфликт был погашен благодаря вмешательству папы¹¹⁰. Таким образом, русский царь изображен трусом, поляки — блестящими воинами, победившими московитов,

¹⁰⁸ Данные стихи восходят к сочинению Т. Бракеля 1578 г. и цитировались С. Геннингом (*Henning S. Liffländische Churländische Chronica...* F. 54b). Правда, у Геннинга данный сюжет связан не с Вайсенштейном, а с Нарвой.

¹⁰⁹ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах // О начале войн и Смут в Московии / Сост. А. Либерман. М., 1997. С. 242–245. Этот же сюжет есть у Геннига.

¹¹⁰ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Сост. А. Либерман. М., 1997. С. 45.

а римский папа — человеком, способным вершить судьбы народов Восточной Европы.

Мейерберг считает, что причиной гибели Ливонии была Реформация, которую ливонцы приняли из-за сексуальной неудовлетворенности и стремления к наживе:

«Лютеранское учение, прокравшись из Пруссии, зашло и в Ливонию: все солловие рыцарей, а вскоре и сами епископы, приняли его с такой жадностью, что все взяли себе по подруге, в противность правилам первоначального их устава, и стали продавать имения и поместья...».

Ливонцы сами ликвидировали свое государство:

«В заботах же о том, как бы закрепить за собою все свои захваты сильным покровительством, они нашли польского короля Сигизмунда Августа пригоднее всех для своих смелых попыток, зная его равнодушие к делам веры...».

Далее Мейерберг довольно точно описывает I и II Виленские соглашения, приобретения в Прибалтике Дании, которые также отошли потом Польше. Но «успех показал, что эти договоры Сигизмунда Августа не были одобрены верховным владыкою всех ленных владений в мире». Бог покарал зарвавшегося польского короля нападением московитов, которые захватили большую часть Ливонии и пошли бы дальше, если бы не отвага и военное счастье Стефана Батория. Но, пока поляки воевали с русскими, территорию ордена захватили шведы. «Так ускользнуло у поляков владение всей Ливонией»¹¹¹.

Во время путешествия Мейербергу, видимо, местные жители показывали разные места, связанные с легендами о противостоянии русских и ливонцев. Так, под Печорами дипломаты проезжали поля, на которых магистр ордена Вальтер фон Плеттенберг с 12 000 воинов «истребил чуть ли не всех наповал» 100 000 русских и 30 000 татар из войска Василия III, потеряв при этом одного человека¹¹². Запись подобной легенды

Титульный лист хроники Х. Кельха, 1695 г.

¹¹¹ Мейерберг А. Путешествие в Московию. С. 60.

¹¹² Там же. С. 71.

показывает, что в сер. XVII в. у ливонцев жила память о былом крушении ордена, и вызванный ею комплекс неполноценности возмещался созданием компенсационных мифов, подобных вышеописанному. Для этого обращались к славным временам Плеттенберга, раздувая миф о его победе над москвитями до совершенно небывалых масштабов.

В XVII в. были созданы новые ливонские хроники и исторические сочинения: Т. Гиарна (Hiärne, швед. Tomas Hjärne, 1638–1678)¹¹³, Христиана Кельха (1657–1710)¹¹⁴ и др. Они являются в значительной степени компилятивными, основанными на печатных хрониках авторов XVI в.¹¹⁵ Принципиальных изменений в память о войне за Ливонию они не привнесли, а вскоре завоевания Петра Великого окончательно затмили события XVI в.

¹¹³ *Hiärne T. Ehist-, Lyf- und Lettländischer Geschichte // Monumenta Livoniae antiquae: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden ... welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehist- und Kurland's dienen.* Riga; Dorpat; Leizig, 1835. Bd 1. Ливонской войне посвящены S. 202–352.

¹¹⁴ *Kelch C.* 1) *Liefländische Historia, Oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth- Lief- und Lettlandes: Vornehmlich in sich begreifend Einen kurtzen Bericht von den Nahmen Eintheilung und Beschaffenheit der Provintz Liefland von deroselben ältesten Einwohnern der Ehsten und Letten Ursprung Heydenthum und erster Bezwingung: Von des Schwerd-Brüder und Marianischen Teutschen Ritter Ordens Anfang Regierung und Untergang: Von denen zwischen Schweden Polen Moscau und Dennemarck [et]c. des Landes wegen geführten langwierigen Kriegen und viel andern biß auff 1690. Jahr vorgelauffenen denckwürdigen Dingen mehr.* Reval, 1695. О Ливонской войне см.: S. 192–223 (предыстория конфликта), S. 223–382 (собственно война); 2) *Livländische Historia, Continuation 1690–1707 / Hrsg. von J. Lossias.* Dorpat, 1876; 3) *Liivimaa ajaloo järg / Ed. by I. Leimus; V. Lõhmus; K. Tafenu.* Tartu, 2009.

¹¹⁵ Т. Гиарн, говоря об Иване Грозном, сразу же ссылается на труды П. Петрея и П. Одерборна. Несомненно его знакомство с сочинениями Бреденбаха и Рюссова. Х. Кельх в первых строках своей книги упоминает Левенклавия, Рюссова, Гваньини, Меховского, Длугоша и др.

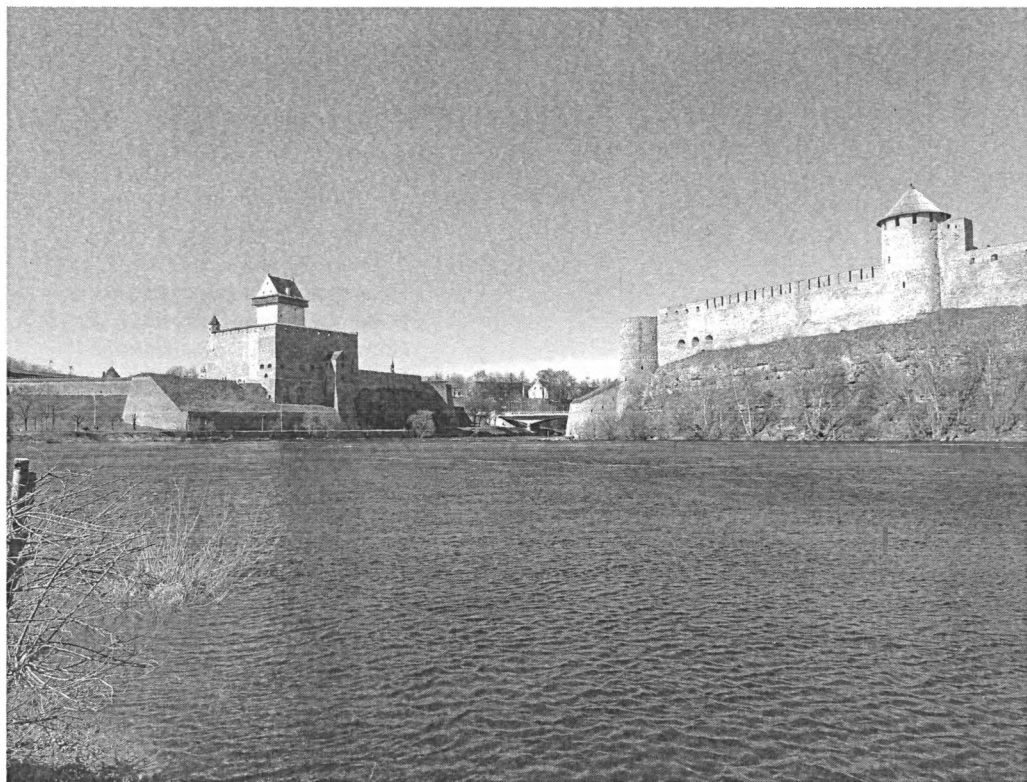

Часть III

ДИСКУРСЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

А. С. Пушкин. «Медный всадник»

Граница двух миров: Нарва и Иваңгород, река Нарова.

Глава XVI

ГЛАВНЫЙ ДИСКУРС ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ.

*Как можно 400 лет ломиться в открытую дверь,
или об отчаянной борьбе России за выход к морю, который у нее был*

В образе каждого значительного события в истории есть семантическая доминанта. Она выражается в словосочетаниях, которые автоматически возникают в голове при напоминании об этом событии. Ливонская война Ивана Грозного представляется как война за выход к Балтийскому морю, как попытка прорыва страны на морские просторы, предвосхитившая великие деяния Петра I. Необходимость такого прорыва была обусловлена требованиями русской торговли, насущными потребностями экономического развития России. Без моря русская торговля задыхалась. И Иван Грозный, верный защитник интересов отечественного купечества, пошел войной на Ливонию, блокировавшую русским выход к морю.

Парадоксальность данного дискурса в том, что совершенно непонятно, за какой выход к морю боролась Россия, если он у нее был? Советские историки очень изящно обходили этот факт путем замалчивания или словесной эквилибристики, например, у Ю. В. Готье: Россия «...почти не владела ни одним клочком балтийского побережья»¹. Это «почти не владела» заключалось в том, что Московия контролировала все южное побережье Финского залива от Ивангорода до Невы². Это примерно половина того, чем Российская Федерация владеет в наши дни (кроме того, ей сегодня принадлежит и северный берег Финского залива от Санкт-Петербурга до Выборга, включенный в состав СССР по итогам советско-финской войны 1939–1940 гг.).

Безусловно, южный берег залива не был приспособлен для торговли: отсутствовали порты, коммуникации и т. д. Но если бы действительно существовала необходимость в развитии балтийской торговли, это вызвало бы освоение побережья, строительство здесь торговых факторий, флота и т. д. Однако ничего подобного на русском балтийском берегу в XVI в. мы не видим. Дикие, пустынные места. Причем возможности-то были: построила же Россия между 1536 и 1577 гг. три укрепле-

¹ Готье Ю. В. Балтийский вопрос в XIII–XVI веках // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 92.

² Э. Тибберг назвал мнения об отсутствии у России выхода к морю в XVI в. «фундаментальными заблуждениями» («fundamentale Irrtümer») историографии (Tiberg E. Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. Т. 25. S. 613).

ния в устье Наровы, чтобы взять под контроль проход торговых судов³. Только это почему-то не получило никакого развития и не вылилось в создание здесь крупного русского морского порта.

Русская Балтика на море и на суше

Даже те немногие русские города, которые располагались возле Балтийского моря, не проявляли никаких тенденций к росту, к превращению в крупные центры международной торговли. В раннем Средневековье таким центром была Ладога, принимавшая и направлявшая большие транзитные торговые потоки из Балтики через Неву, Ладожское озеро и далее по Волхову или путем «из варяг в греки» через Великий Новгород, или — через бассейн Волги и затем саму Волгу — далеко на Восток, через Волжскую Булгарию и Каспий. Но к XVI в. эти маршруты сошли на нет, Ладога превратилась в малозначимую крепость, русский опорный пункт на Ладожском озере, перекрывавший для соседней Швеции путь по Волхову в глубь русских территорий. Никакого международного торгового значения Ладога в XVI в. не имела, из нее в Европу не отправлялись никакие корабли. Маленькая, несовременная, хотя и довольно неплохо укрепленная крепость — и все.

Практически весь период Средневековья русские контролировали на Балтике значительную часть морского побережья — южное побережье Финского залива от устья реки Наровы до устья Невы. Известно, что знаменитый ливонский городской центр — Дерпт (совр. Тарту) — был основан Ярославом Мудрым в 1030 г. В XIII–XIV вв.

Крепость Старая Ладога. Вид с древнейшей улицы России — Варяжской, возникшей в IX–X вв.

эти территории принадлежали Новгородской республике, а в 1471–1478 гг., после присоединения земель Новгородской республики к Москве, невские земли и южное побережье Финского залива вошли в состав единого Русского государства. Для их закрепления здесь развернулось крупное каменное крепостное строительство. В 1492 г. на р. Нарове основана новая крепость — Ивангород. В 1490-е гг. были перестроены

³ Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI в. у устья Наровы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 52. С. 25–32; Носов К. С. Русские крепости конца XV–XVII в. СПб., 2009. С. 28.

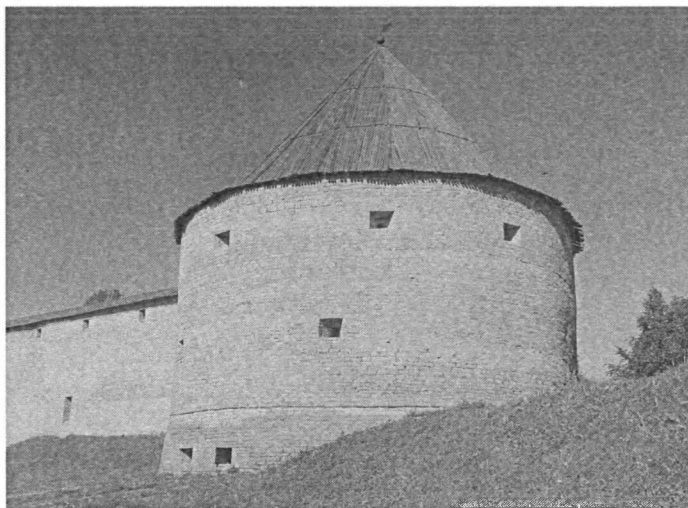
укрепления Ладоги, после 1496 г. — Ямгорода, в 1514–1525 гг. — Орешка, в 1520–1525 гг. — Копорья. Большинство этих укреплений сохранилось до наших дней.

Наугольная башня крепости Копорье.

В начале XVI в. в устье р. Охты возник первый русский город на р. Неве — Невское устье, или Невский городок. Именно через него порой везли свои товары из Ревеля новгородские купцы — здесь товары с морских кораблей перегружались на насады и дальше уже через Неву, Ладогу и Волхов перевозились в Новгород⁴. Невское устье как торговая фактория известно с 1521 года, от которого сохранилось известие о нападении на этот населенный пункт морских пиратов. Поселение в устье Охты, видимо, на протяжении XVI в. несколько раз разрушалось и восстанавливалось, переходило из рук в руки. Так, в 1555 г. в нем пытался укрыться после неудачного штурма Орешка шведский отряд Якова Багге, то есть городок принадлежал шведам. Однако, видимо, русские его вскоре отбили, потому что в 1574 г. шведский король Юхан III приказал офицеру Герману

Флемингу уничтожить Невский городок и Орешек. Но город пережил эту угрозу — в 1599–1603 гг. он упоминается в Выборгских таможенных книгах⁵. Неизвестно, был ли здесь какой-то флот, но о нем упоминается в источниках как о военной силе: в письме пленного ливонца (получено 9 марта 1559 г.) говорится, что русские хотят напасть

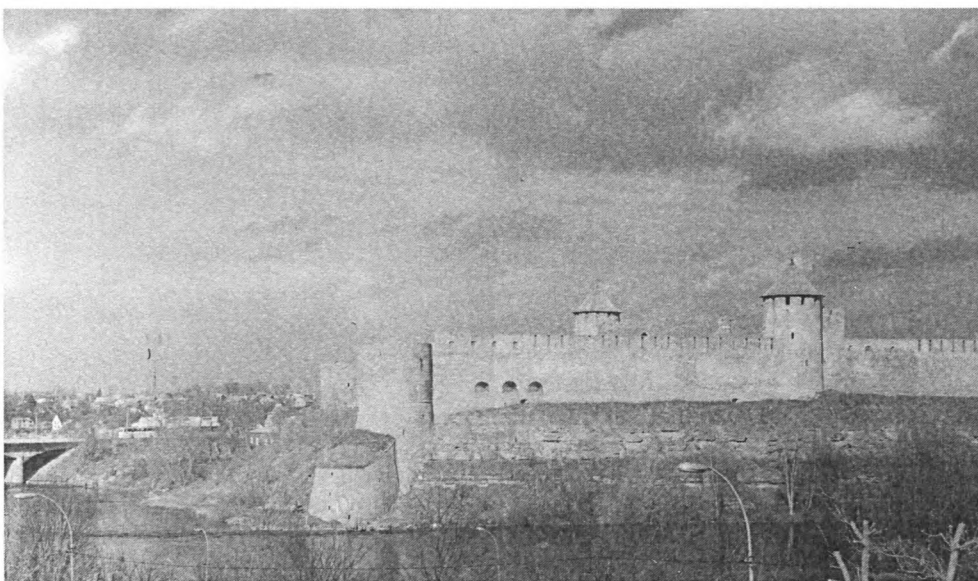
Ладога. Клементовская башня и остатки вала земляного городка 1586 г.

⁴ Грамотка из Кольвани в Великий Новгород, от Лукьяна Мануйлова Верещагина к жене Наталье о торговых делах и распоряжениях по дому, около 1530–40-х гг. // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. Стб. 75–76. № 39.

⁵ *Сорокин П. Е.* Под властью шведской короны. Невские берега в истории России и Швеции // Родина: Российский исторический журнал. 2003. № 1. С. 8–9.

Ладога. Воротная башня и р. Ладожка.

Ивангород. Вид с р. Наровы.

на Ревель на 70 кораблях (Jachtenn), построенных на р. Неве под началом английских мастеров⁶. В строительстве участвовало 800 плотников. Неясно, перед нами очередная пугающая слух или отражение каких-то военноморских реалий, но это — одно из самых ранних упоминаний собственно русского военного флота на Неве.

Стоит заметить, что, несмотря на наличие русских владений на Балтике, они были плохо развиты в экономическом отношении. Здесь преобладали военные крепости, но города как центры ремесла и торговли были развиты слабо. Отметим, что Россия не имела ни одного города-порта непосредственно на морском побережье и только три крепости на судоходных реках, впадающих в Балтику — Ивангород (считая здесь же форпосты в устье Наровы), Орешек и Невское устье. Ладога стояла на Волхове, впадавшем в Ладожское озеро. Из них только об Ивангороде можно

Крепость Ивангород. Воротная башня.

Крепость Орешек. Башня Головина.

⁶ Renner J. Livländische Historien 1556–1561 / Zum ersten Mal nach der Urschrift hrsg. von P. Karstedt. Lübeck, 1953. S. 53.

говорить как об имевшем торговое значение (по А. Л. Хорошкевич, с 1514 г.). Причем А. Л. Хорошкевич склонна сравнивать по своему значению основание Ивангорода с основанием Петербурга⁷ и считать ивангородскую торговлю в 1520-е гг. «наследницей» псковской и новгородской, а Н. А. Казакова называет его русским центром торговли со Скандинавией⁸. Однако, как показано Э. Тибергом, нет свидетельств, что русские пытались до 1557 г. сделать Ивангород собственным, автономным центром морской торговли. Он всегда действовал в паре с Нарвой. Даже после взятия Нарвы в 1558 г. русский торговый двор был сделан здесь, а не в Ивангороде. Последний весь XVI в. играл роль только в локальной торговле⁹.

О значительной роли других городов в балтийской торговле говорить не приходится. Посад Орешка был небольшой по размерам и развит слабо¹⁰. Известно, что в Невском устье была торговая пристань, но судя по ее единичным упоминаниям, по своему значению ей было далеко даже до Ивангорода¹¹. В Ладоге в начале XVI в. было 116 дворов, в основном населенных крестьянами и рыбаками — помещиками ладожского Успенского монастыря и Спасской церкви. К 1540 г. их стало 138 (из них 32 пустых), а к 1568 г. — 126. Городские ярмарки (Успенская и Рождественская), проводившиеся дважды в год, носили локальный, а не международный характер. Очевидно, что в XVI в. Ладога не являлась крупным центром транзитной балтийской торговли (отдельные визиты иностранных судов, как, например, в 1556 г. корабля англичан Томаса Соутема и Дж. Спарка, ситуации принципиально не меняли)¹².

Практически вся русская торговля с Европой через Прибалтику шла через сухопутные центры — Великий Новгород и Псков¹³. Она была высокоразвитой и отлаженной, но поскольку она шла через ливонские города, именно последние определяли правила торговли — и, как правило, отнюдь не в пользу русских гостей.

Позиция Ливонии здесь была проста: ливонцы нуждались в русской торговле, но не хотели пускать «гостей» на балтийский рынок, чтобы они могли через ливонские порты торговать непосредственно с Европой. Периодически возникали проблемы с русскими купеческими колониями, которые упорно возникали в ливонских городах и столь же упорно притеснялись местными властями, которые видели в них

⁷ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 139.

⁸ Хорошкевич А. Л. 1) Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – XVI вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 28–29; 2) Русское государство в системе международных отношений... С. 61–62; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 303.

⁹ Tiberg E. 1) Om Villkoren för Moskoviens Baltiska handle 1487–1547 jch handelns roll i utrikespolitiken. Stockholm, 1975. Bd. I. S. 229–236; 2) Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487–1550. Stockholm, 1995. [Akta Universitatis Stockholmiensis. Stidia Baltica Stockholmensia. Bd.15]. P. 141, 147–150.

¹⁰ Вересов А. И. Крепость Орешек. Л., 1967; Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Л., 1980; Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1962; Власов А. С., Элькин Г. Н. Древнерусские крепости Северо-Запада. СПб., 2007. С. 294–305.

¹¹ Подробнее см.: Сорокин П. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001.

¹² Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 173–175; Селин А. А. Ладога при московских царях. СПб., Старая Ладога, 2008. С. 9–11, 22.

¹³ Подробнее см.: Jenš J. Rīgas pilsētas tirdzniecība ar Pliskavu XVI un XVII gs. // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1937. Nr. 1 – 2. S. 24; Хорошкевич А. Л. 1) Значение экономических связей с Прибалтикой... С. 13; 2) Русское государство в системе международных отношений... С. 59–65; Казакова Н. А. Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV – начала XVI в. // ВИД. Л., 1968. Т. 1. С. 269–276.

конкурентов. Ливонцы настаивали на своем посредничестве — пусть русские продают свои товары им, а уж ревельцы, нарвцы, рижане будут их затем втридорога перепродавать в Европу. Потери русской стороны от такой коммерческой схемы были очевидны.

Ливония. Фрагмент немецкой карты XVII в.

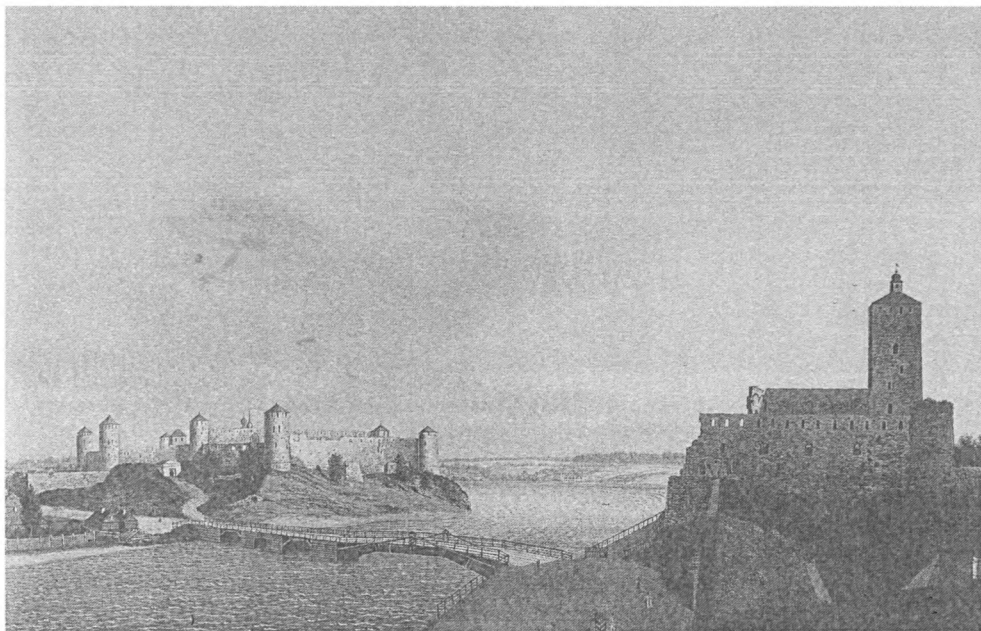
Корабли, на которых «за море» везли товары, были ливонскими, ганзейскими или шведскими. Русские суда были, но использовались большей частью на вспомогательных маршрутах — перевезти товары из Нарвы в Ивангород, доставить их в соседний Ямгород по р. Луге, отвезти в Великий Новгород... Существовала морская торговля через Финский залив с Выборгом, хотя остается вопрос, сколько в ней участвовало русских купцов на арендованных шведских судах, а сколько собственно русских моряков.

Русское торговое мореходство губила ситуация, когда рядом были Нарва или Выборг. Было проще нанять чужой корабль и команду, чем построить свой и обучить своих матросов. Тем более что к посредничеству ливонцы относились положительно и охотно за него брались, а вот в случае выхода русских на море как перевозчиков-конкурентов пришлось бы преодолевать значительное сопротивление, в том числе — военное. Петр в XVIII в. добился места на Балтике для русского флота во многом

благодаря тому, что он военным путем «зачистил» для него место, разбив Шведскую империю. Могла ли Россия совершить такое же в XV–XVI вв.? Русские купцы не хотели строить свои корабли, не желали основывать собственную морскую торговлю. Им было проще бороться за открытие своих дворов в иноземных гаванях и использовать для торговли наемный иностранный флот.

Сколько серьезны были помехи иноземцев русской торговле на Балтике? Документы Ревельского архива полны свидетельств о препятствиях, которые чинили московским купцам шведы, ливонцы, ревельские каперы¹⁴. Л. А. Дербов считал, что это — неоспоримое свидетельство невозможности существования русской коммерческой деятельности на Балтике¹⁵. Но данные факты скорее говорят об обратном: раз пиратам было кого регулярно арестовывать и грабить, то значит — торговля шла, несмотря ни на что, и не желала прекращаться. Э. Тибберг, убедительно оспаривая взгляды Н. А. Казаковой и А. Л. Хорошкевич, после всестороннего анализа источников по балтийской торговле в первой половине XVI в. пришел к выводу, что выгода от переноса центра ганзейской торговли из Новгорода в Ливонию в конце XV в. была одинаковой и для России, и для Ливонии, и даже для Ганзы¹⁶.

Почему-то считается, что захват Нарвы, находящейся через реку от Ивангорода (около 200–300 метров!), давал русским негодьям принципиально новые возможности и путь на балтийские просторы¹⁷. Но, заняв прибалтийские порты в начале войны, Россия ими воспользовалась паразитически. Объем балтийской торговли России

Нарва и Ивангород, разделенные р. Наровой. Рисунок неизвестного художника первой четверти XIX в.

¹⁴ Акты Ревельского архива // РИБ. Т. 15. № 17, 20, 34, 40, 61, etc.

¹⁵ Дербов Л. А. К истории падения Ливонского Ордена // Ученые записки Саратовского ГУ. Саратов, 1947. Т. 17. Вып. исторический. С. 157.

¹⁶ Tibberg E. 1) Om Villkoren för Moskoviens Baltiska handle... S. 187–228; 2) Moscow, Livonia and the Hanseatic League... P. 152–154, 186–211.

¹⁷ Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1947. S. 9.

в годы «Нарвского плавания» действительно вырос в несколько раз. Но ведь торговая инициатива при этом принадлежала в основном английским, голландским, немецким торговым компаниям¹⁸. Это они плыли в русскую Нарву (как раньше плавали в Нарву Ливонскую), а не русский торговый флот, вырвавшись на морской простор, заполнил своими товарами европейские порты.

По поводу «Нарвского плавания» между немецкими городами велась интенсивнейшая переписка, издавались запреты торговли, которые, впрочем, тут же нарушались и т. д. Но в этом процессе мы не видим российских купцов — за судьбы нарвской торговли переживают торговцы из Любека, Ревеля, Дании, Швеции, Польши — но совсем не слышно голоса русских¹⁹. Показательно, что мы имеем множество европейских документов, посвященных балтийской торговле с Россией, исходящих из европейских коммерческих структур XVI в. Но аналогичных документов, исходящих от российских негодичантов, практически нет. Их интересы упоминаются только в дипломатических, то есть официальных, правительственных документах. Каковы на самом деле были чаяния русского купечества, как оно хотело налаживать торговые отношения в Прибалтике, умело ли оно их строить в контексте международной торговли — мы не знаем. Увы, русские торговцы своего слова до нас не донесли, а опираться только на политические декларации московских послов рискованно из-за их очевидной конъюнктурности.

Зачем русским море?

В XVI в. русское дворянство вело войны за землю — за захват новых территорий, из которых потом следовали поместные раздачи. Идеолог продвижения на Восток Иван Пересветов даже называл территорию Казанского ханства «подрайской землицей», на которой измученные в сражениях дети боярские наконец-то смогут отдохнуть от ратных трудов и получить заслуженные земельные пожалования. Но представляли ли себе московские дворяне, что им делать с морем?

Очень показательна морская лексика русских документов. Так, в статейном списке посольства в Данию А. М. Ромодановского сентября 1562 г. путешествие из Нарвы в Копенгаген описано так: «...и носило, государь, нас по морю четыре недели, и пришли, государь, к Капнагафу»²⁰. То есть, море воспринимается не как «путь», по которому можно пройти из одного пункта в другой, а как некое пространство, в котором тебя «носит», и, пережив это, человек оказывается в другом месте. Море выступает как некий рубеж между мирами, при этом не принадлежащий к тому или иному миру, что затрудняет появление в русском менталитете понятия «морские владения».

Входили ли морские владения в систему ценностей российского феодализма XVI в.? На наш взгляд, положительного ответа на данный вопрос в источниках найти нельзя.

На переговорах с датскими послами в июле 1562 г., в ответ на угрозу короля Фредерика применить военный флот для решения ливонской проблемы, А. Д. Басманов

¹⁸ О роли Нарвы см.: *Tiberg E.* Moscow, Livonia and the Hanseatic League... P. 211–227; лучший анализ структуры и развития нарвской торговли в XVI в. с экономико-статистическими выкладками помещен в книге: *Attman A.* The Russian and Polish Markets in international trade: 1500–1650. Göteborg, 1973. P. 73–83, 116–118.

¹⁹ Обзор очень характерной переписки по вопросу нарвской торговли между ганзейскими городами в конце 1550-х – начале 1560-х гг. см.: *Rasmussen K.* Die livländische Krise. 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 200–203.

²⁰ Статейный список русского посольства в Данию в 1562–1563 гг. // Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой, отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 522.

и дьяк А. Васильев от имени царя, видимо, слабо понимавшего, что такое «военный флот», разразились целым манифестом:

«А что есте в своей челобитной написал, что государь ваш Фредерик король датцкой в своей земле мощен морем всяким оружием сотворити, ино Божию благодатию осмое на десять лето как есмя против врагов своих на конь свой всели, и все наши бояре и воеводы, и все наше воинство [столько] же лет с Божией помощью на враг своих своими победы приемлет, горою и водою, зимою и летом, и всякие обычаи нашим воинским людям искусны. И то ведомо, которые нам не в свершенные лета грубили, и над теми как нам Бог милосердые свое даровал»²¹.

Единственное упоминание «морских пристаней» как ценностей содержится в инструкции посольству Д. П. Елецкого и Р. В. Алферьева от ноября 1581 г. Убедая папского легата Антонио Поссевино выступить посредником в переговорах на стороне России, Елецкий должен был говорить: если

«Стефану королю поступитися все Вифлянские земли, и не будет у государя нашего пристаней морских, и государю нашему нельзя будет сылаться с папою и цесарем и с ьными поморскими государи, и в складке и в стоянье с ними государю нашему против бесерменских государей быти нельзя»²².

Но здесь морские порты явно воспринимаются не как реальное «окно в Европу», а как предмет шантажа императора и папы: если правители «христианского мира» не позволят Стефану захватить всю Ливонию, то Россия поможет им войсками против турок. А если нет — не обессудьте, русским войскам до вас будет даже не добраться, потому что нет «пристаней морских». Ни предшествующим, ни по-

Русский торговый корабль. Гравюра 1598 г.

²¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 113 об.–114.

²² [Успенский Ф. И.] Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами / Изд. Ф. И. Успенский. Одесса, 1885. С. 13.

следующим контактам с империей и Ватиканом отсутствие «морского хода» не мешало, и тут вдруг о нем вспомнили!

Папский легат А. Поссевино объяснял отсутствие у русских флота их политикой культурной и политической изоляции: «Не разрешается даже иметь кораблей, чтобы никто не сбежал таким путем»²³. Понятно, что это дискурс, работающий на идею о тотальном рабстве москвитов, но показательно, что отсутствие флота расценивается как результат государственной политики.

В отечественных документах XVI в. — будь то посольские грамоты, полемика сторон об объявлении войны, публицистические сочинения, летописи — ни слова не говорится о необходимости прорыва на морские просторы. Ни в одном русском тексте XVI в. невозможно найти свидетельства, что Иван Грозный или российские политики его времени желали прорыва России к Балтийскому морю.

Кто придумал, что русские хотят выйти к морю?

Честь создания дискурса о стремлении России к прорыву к Балтийскому морю принадлежит дипломатам и торговым людям Ливонского ордена. Они стремились сохранить за собой очень коммерчески выгодную монополию посредника на море между Россией и Ганзой. Поэтому нежелание пустить русских на море сначала выливалось в попытки их отсечь от непосредственных контактов с капитанами кораблей. Вольмарский ландтаг 1537 г. принял постановление о запрете допуска русских на торговые корабли под угрозой «кораблю, телу и имуществу капитана»²⁴. Затем боязнь возникновения русской конкуренции на море вылилась в политическую фобию. Ливонский дипломат Филипп фон дер Брюгген в 1551 г. писал императору Священной Римской империи:

«Уже Россия так опасна, что все христианские государи склоняют голову перед ее венценосцем... Нет сомнения, что он замышляет овладеть Ливонией и Балтийским морем, дабы удобнее покорить все окрестные земли: Литву, Польшу, Пруссию, Швецию»²⁵.

Избежать страшной угрозы для всего «христианского мира» можно, только не допуская русских до моря и блокируя их доступ к передовым технологиям, особенно военным, не допуская их контактов с европейскими мастерами военного дела и т. д.²⁶.

В 1550 г. в Европе появился авантюрист Иоанн Штейнберг, который распространял слухи о намерении Ивана Грозного заключить католическую унию и напасть на турок в обмен на получение королевской короны из рук императора Священной Римской

Русский купец. Немецкая гравюра XVI в.

²³ Поссевино А. Московия // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 25.

²⁴ Tibergh E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League... P. 246.

²⁵ Цит. по: Дербов Л. А. К истории падения Ливонского Ордена. С. 162.

²⁶ [1550 Dezember, o. O.]. Philipp von der Brügggen, Gesandter des Meisters in Livland, an Kaiser Karl V // HA-54. S. 505–506. Nr. 1511.

империи. До сих пор неизвестно, была ли это самодеятельность Штейнберга или — непонятная тайная политическая игра русской дипломатии. Вена и Рим не отнеслись к подобным предложениям всерьез, зато переполошилась Польша. В 1553 г. в Империю и Ватикан едут посольства из Кракова с требованиями в случае заключения подобного союза дать Ивану корону не «русского», а всего лишь «московского» короля, при этом католицизацию в России должны были проводить польские священники.

Однако главной задачей этих миссий было убедить римского папу и германского императора, что с Москвией вообще не стоит иметь дела. В числе других аргументов (принципиальная несовместимость католичества и православия, ненадежность русских как союзника против Турции) звучал и следующий. Послы указывали на «совершенную неподготовленность русских в морском деле и прибавляли: если москвитин научится и морскому делу и сделается обладателем моря, то это послужит к великому вреду всех народов; на море они будут более грозны, чем на суше»²⁷. Так дискурс о прорыве русских к морю прозвучал во второй раз. Правда, мрачные пророчества польских политиков остались без внимания.

Но вскоре данный тезис приобрел новое звучание: в атмосфере нарастающего напряжения перед грядущей схваткой за господство в балтийской торговле на исторической арене возникает новый персонаж, абсолютно не нужный другим участникам политической игры. В 1553 г. происходит знаменитое «открытие англичанами России». Прокладывается Северный торговый путь в Архангельск, в Лондоне вскоре основывается Московская торговая компания. У европейских правителей тут же возникло опасение: не захотят ли налаживающие тесные связи Англия и Россия осуществлять их кратчайшим путем, через Балтику, минуя опасные северные моря? И чем тогда грозит шведской, немецкой, польской балтийской торговле появление здесь таких неприятных конкурентов, как английские купцы, пользующиеся столь бездонным рынком сбыта, как Россия?

Первым забеспокоился Густав Ваза. Шведский король назвал сношения Англии с Москвой «неслыханными». В 1554 г. он активно стыдит в своих письмах королеву Марию, призывая ее немедленно прекратить торговлю с варваром-москвитом. В отношении Британии Стокгольм мог только взывать к высоким материям, на санкции против Лондона Густав не решался. А вот против восточного соседа можно было применить решительные меры.

В 1554 г. в г. Вольмар прибыло шведское посольство с сообщением: Густаву доподлинно известно, что Иван Грозный в ближайшее время нападет на Ливонию, потому что ему нужен выход к Балтийскому морю. Поэтому ордену предлагается, пока не поздно, в союзе со Швецией самому напасть на Россию. Аналогичные обращения последовали в Данию и Польшу. В послании 1555 г. в Ливонию из Стокгольма прямо говорилось: «вполне спокойными соседние державы могут считать себя только в том случае, если московские владения будут совершенно отрезаны от моря». В других сочинениях Густава утверждалось, что если Россия закрепится на Балтике, то она станет такой же грозой Европе, как и Турция²⁸. Однако балтийские государства оказались неотзывчивыми на пламенный призыв начинать превентивную войну против прорыва русских к побережью. Отказался даже Ливонский орден, хотя в том же 1554 г. Иван Грозный предъявил ему претензии по уплате Юрьевской дани.

Данная идеологическая кампания вспыхнула с новой силой в 1558 г., когда полки Ивана Грозного вторглись в Ливонию. В декабре 1558 г. на Петроковском сейме Сигизмунд поставил перед польскими панами вопрос о необходимости противодей-

²⁷ Цит. по: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. 47.

²⁸ Подробнее см.: Там же. С. 17–21.

ствия России в Ливонии, потому что русские рвутся к морским портам, и если они их захватят, над Польшей, Литвой и Пруссией нависнет опасность. Но, по замечанию К. Расмуссена, такая постановка вопроса мало озаботила шляхту, интересующуюся своими внутренними, а не международными проблемами²⁹.

В 1560 г. в дипломатической переписке немецких княжеств активно обсуждался вопрос о грядущем нападении России на Саксонию, а также об участии в боях на стороне Ивана IV английских стрелков³⁰. Слухи о поддержке Англией нападения на Ливонию особенно активно муссировались протестантскими публицистами³¹. В связи с религиозным противоборством в Европе они во всем видели козни Испании. Поэтому среди них царило убеждение, что Московию побудил напасть на Ливонию испанский король Филипп II (он был одновременно английским монархом). Отсюда легко следовал вывод: война затеяна для того, чтобы ослабить позиции на Балтике Дании и Швеции, потенциальных союзников ордена, и достичь гегемонии в регионе Испании и Англии. В перспективе же инициаторы войны, по мнению немецких авторов, хотели задушить восстание в Нидерландах и аннексировать протестантские германские княжества³².

11 октября 1560 г. начал работу депутационстаг в Шпейере. Там активно обсуждалось донесение мекленбургских депутатов, что Иван IV нагнал в Ливонию множество турецких и татарских войск, которые в походе ловят и едят маленьких детей. Пруссия, Померания, Мекленбург и Вестфалия напряженно ждут нападения московского царя. Альбрехт Мекленбургский объявил, что русские хотят захватить господство на Балтийском море, для чего уже принялись строить флот³³.

Император Священной Римской империи Фердинанд I Габсбург (1556–1564).

Поскольку бытовало убеждение, будто нецивилизованная Россия не в состоянии самостоятельно конкурировать с европейскими армиями, то причины военных успехов москвитов видели в покупке оружия и секретов у Англии, Нидерландов, Франции. Одним из первых сформулировал данный тезис польский король Сигизмунд II в письме к Елизавете Английской от 6 декабря 1559 г. Он писал, что «Московит, враг всякой свободы», не знаком с передовым оружием, науками и искусствами, и только поэтому до сих пор не представлял серьезной опасности для остальных стран. Если же он добьется доступа к новым знаниям, товарам и технологиям, то перед миром встанет угроза порабощения. Борьба с Иваном IV, таким образом, — первейшая задача всех истинно христианских монархов и угодна Богу.

²⁹ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 129.

³⁰ Об этом упоминал и Реннер (ср.: Renner J. Livländische Historien... S. 77).

³¹ Ср.: Ibid. S. 57.

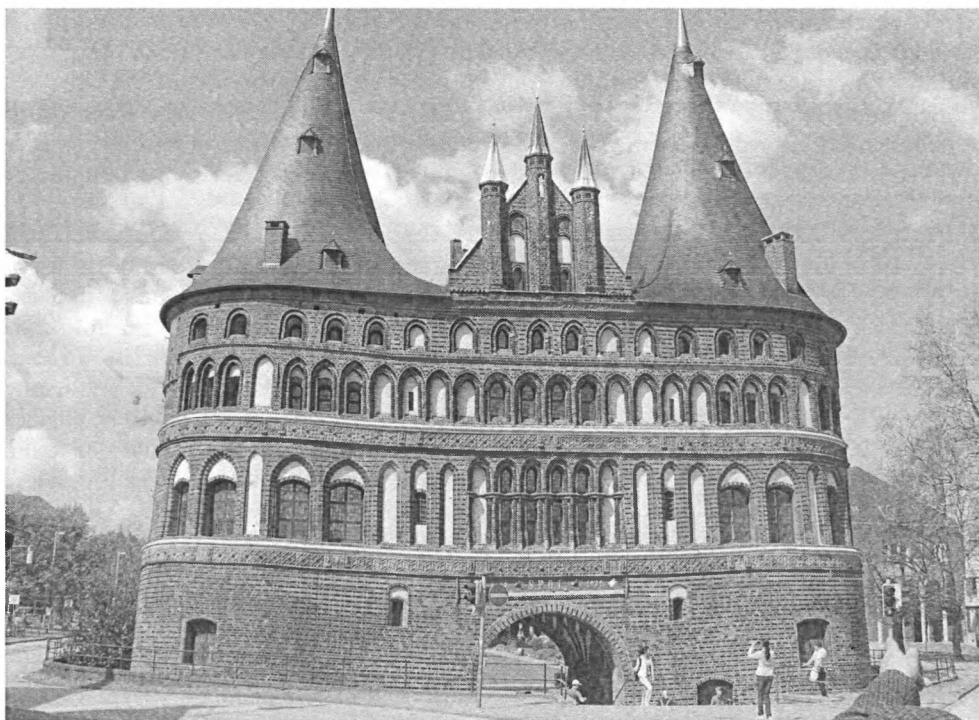
³² Цит. по: Форстен Г. В. Балтийский вопрос... С. 108–109, 114, 116; ср. цитировавшееся выше известие хроники Реннера, что именно англичане в 1559 г. помогают русским строить флот на Неве для нападения на Ревель. В этом же письме звучит предостережение о катастрофических последствиях для Прибалтики выхода русских на морские просторы (Renner J. Livländische Historien... S. 53).

³³ Форстен Г. В. Балтийский вопрос... С. 131.

Как первоочередной шаг необходимо закрыть любую торговлю с Россией через Балтийское море³⁴.

Шпейерский депутативонстаг 1560 г. запретил торговать с Россией всем немецким городам. 26 ноября 1561 г. вышел указ императора Фердинанда о запрете «Нарвского плавания», причем Вена одновременно обратилась к Дании, Швеции, Англии, Нидерландам и Любеку издать аналогичные распоряжения. Швеция решила вопрос по своему: Эрик XIV в 1561 г. захватывает Ревель и начинает борьбу против Нарвы, стремясь перевести в свой новый форпост балтийскую торговлю. Когда это не получилось, в мае 1562 г. шведский военный флот перекрыл нарвский фарватер и объявил о начале каперской войны против любой державы, которая попытается торговать с Россией.

В ответ ганзейские моряки стали топить шведских купцов, торгующих с Северной Германией. Священная Римская империя отменила для Любека запрет торговли с Россией (кроме военных товаров). Как только решение о запрете торговли было кассировано, сама Ганза стала лидером по продаже в Москву вооружения. Любек об-

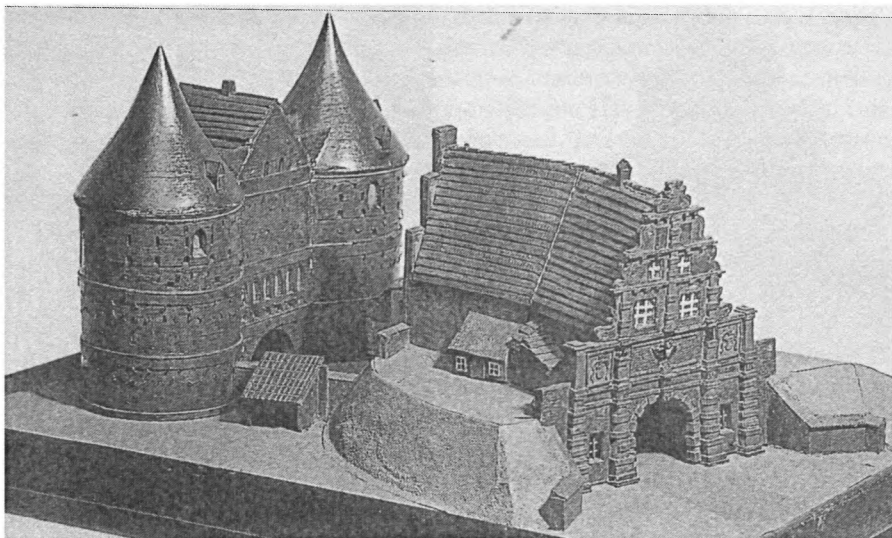

Городские ворота Любека (1466–1477).

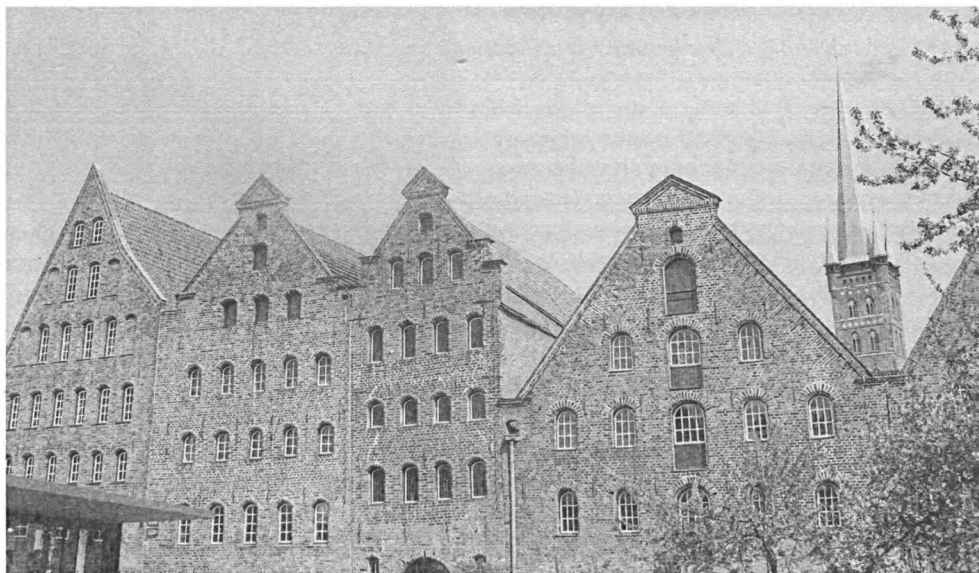
внялся в поставках Ивану IV военных наемников. Летом 1563 г. этот город заключил с Данией военный союз против Швеции и объявил ей войну за свободу балтийской торговли. В 1570 г. имела место бурная переписка Любека со Швецией и Франкфуртским рейхстагом, добивавшимися прекращения любекской торговли с Россией, впрочем,

³⁴ Цит. по: *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow, 1903. Vol. 2. P. 485–487.* Правда, у ученых возникают вопросы относительно аутентичности этого письма и его датировки.

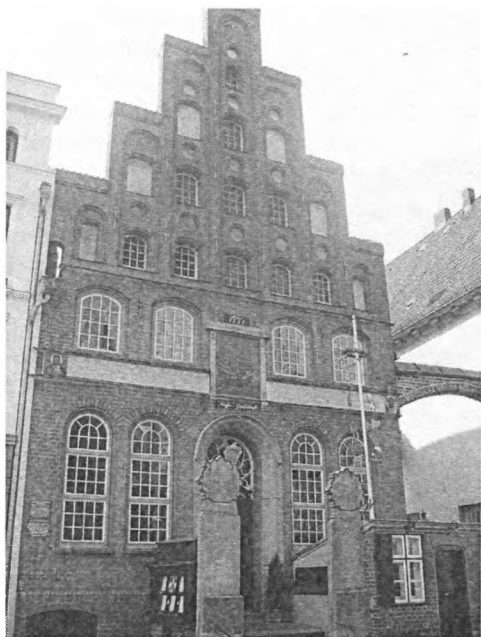
Городские ворота Любека в 1585 г. Реконструкция.

«Соляные дома» — городская застройка Любека. Построены в 1579–1745 гг.

малоуспешно³⁵. Шла *морская* война за обладание Балтикой — война, которая и делала в глазах европейцев конфликт за Ливонию прежде всего *соперничеством за обладание морем*. Россия в этой войне не участвовала, но сам характер конфликта экстраполи-

³⁵ Переписка Любека со шведским посольством о прекращении торговли с Россией, 1570 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 206–245; Постановление Фракфуртского рейхстага о запрете Любеку продавать русским серебро и военные припасы, запрещающее их ввоз из Испании, Франции, Англии и др. стран, 1571 г. // Там же. Л. 200–204.

Дом Любекской корабельной компании, 1535 г.

ровался и на нее. И ей приписывались «морские» цели и чаяния других участников столкновения, которых на самом деле в русских источниках найти невозможно.

По меткому замечанию Г. В. Форстена, «ради русской торговли ганзейцы готовы были все поставить на карту, только бы вернуть себе торговлю в России; она была их жизненным нервом, без нее вся Ганза должна была пасть»³⁶. Прорыв России к морю и превращение ее в самостоятельного торговца и морехода в этих условиях представлял бы страшную угрозу и смерть старой ганзейской системы. Это меняло бы всю схему балтийской торговли, и современники это отчетливо понимали. Так, Даниил Принц (1576) писал, что если Иван IV сделает соляные склады для снабжения Ливонии, Курляндии, Пруссии, Швеции, это нанесет большой вред и убыток Испании и Франции, «которые доселе снабжали солью все эти места»³⁷.

Отсюда — европейская фобия, что Ливонская война затеяна русскими для выхода к морю, и неприязнь к Ливонии, которая своей бездарной политикой умудрилась разжечь конфликт, вовлечь в него Россию и тем поставила под угрозу все европейские страны Балтийского мира. Любек заявлял: «Русский царь никогда бы не начал войны, раз бы он достиг свободного плавания по морю для своих подданных»³⁸. Последний тезис получил особое развитие в сочинениях Вейта Зенга из Любека (1567). Он писал, что германским городам и княжествам надо искать дружбы с Россией. Иван IV — прекрасный, цивилизованный правитель, который хочет посылать русских учиться в европейские университеты. Ему, как передовому государю, было тяжело чувствовать себя отрезанным от общения с Западом. Поэтому он всего лишь хотел, чтобы ливонцы

³⁶ Анализ роли русского сегмента в ганзейской торговле в XVI в. см.: *Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland*. Berlin, 1963. S. 159–169, здесь же смотри обзор историографии.

³⁷ Цит. по: *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 186.

³⁸ Цит. по: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... С. 148, 155.

выделили ему торговый пункт на Балтике. А они не оценили его порыва, и тогда царь вынужден был захватить у них Нарву и Дерпт. Этим воспользовались враги Германии — Франция, Англия, Нидерланды, которые стали торговать с Московией, а немецкие купцы оказались в проигрышном положении. Необходимо срочно и самыми решительными мерами добиваться союза с Россией, тем более что русский рынок — бездонен, подданные Ивана IV — талантливы и восприимчивы ко всему передовому, а московские девицы — самые красивые³⁹.

С 1568 г., после свержения в Швеции Юханом III Эрика XIV, ситуация на Балтике меняется. Во-первых, нарастает польско-шведское сближение, антимосковская политика этих стран в регионе делается сходной. Во-вторых, свою борьбу за господство на Балтике активизирует Польша. В 1569 г. Сигизмунд II обратился к датскому королю Фредерику II с просьбой прекратить торговать с Россией и начать торговать с Польшей — «ради общей пользы христианства». Он писал: «Раз русские научатся морскому

делу, они захватят в свои руки господство на Балтийском море и будут препятствовать свободному плаванию на нем; они не будут спокойно пользоваться плодами своей морской торговли, а — как варвары — начнут захватывать все корабли, какие только завидят».

6 апреля 1569 г. Краков выпустил «открытый лист» к европейским державам с требованием: немедленно порвать торговые отношения с Россией и не поставлять ей вооружение и боеприпасы. В Балтийском море в 1560-е гг. хозяйничали «королевские спекуляторы» — польские пираты-каперы, в чью задачу входило разрушить нарвские торговые коммуникации⁴⁰. С 1570 г. борьбу с ними начинают «корсары Ивана Грозного» — нанятые в Дании каперы Карстен Роде, Клаус Тодде и Ганс Дитмерсен⁴¹. Их деятельность вызвала беспокойство немецких городов: Данциг (Гданьск) писал Любеку, что «никогда раньше не было

Датский король Фредерик II

слышно о появлении москвитов на море»⁴².

Изменение позиции Германии в отношении «нарвского плавания» отразилось в крайне любопытном «Diskurs»'е («Рассуждении») «о страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех при-

³⁹ Подробнее см.: Там же. С. 468–477.

⁴⁰ Первые патенты на каперство были выставлены Сигизмундом II в Вильно уже 10 июля 1560 г. Ими воспользовались прежде всего ливонские военные моряки. В 1561 г. патенты выкупили каперы Матеуш Шарпинг, Михаэль Фиген и Марцин Преус (*Lepszy K. Dzieje Floty Polskiej. Gdańsk; Bydgoszcz; Szczecin, 1947. S. 67, 68*); см. также: Каперское свидетельство капитану Герту фон Ольденбургу, данное Сигизмундом II, 8 января 1564 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 158–162 об. Наиболее полная характеристика польского каперства содержится в работе С. Бодняка: *Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. S. 17–36*.

⁴¹ Каперское свидетельство капитану Карстену Роде, выданное Иваном IV, 30 марта 1570 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 174–179.

⁴² *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Вып. 2. № 8. С. 17–21.

лежащих королевств и земель, как скоро москвит утвердится в Ливонии и на Балтийском море». Сочинение распространялось на Шпейерском рейхстаге, открытом Максимилианом II 13 июля 1570 г. Оно заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, так как в наиболее развернутом виде содержит обоснование «дискурса о прорыве России к морю».

Согласно документу, отношения Запада с варварами издавна запрещались под страхом высоких штрафов и даже казней, и это было правильно. Такие ограничения сдерживали агрессию диких народов против цивилизованных стран. Теперь же Франция, Англия, Шотландия, некоторые немецкие и голландские города везут в Московию оружие и боеприпасы, в особенности соль, без которой Иван Грозный давно запросил бы мира. Сношения с Веней, Лондоном, Амстердамом вдохновляют русского царя и внушают ему мысль о его величии и непобедимости.

Угроза утверждения русских на Балтике вполне реальна — Иван Грозный ведет успешную войну в Ливонии, Россия изобилует лесом для строительства кораблей и населением, из которого можно набрать множество матросов, русские — «крепки, сильны и отважны и наверное будут отличные мореходы».

Поэтому москвитов надо искусственно сдерживать в развитии, чтобы они не могли избавиться от экономической зависимости от европейских рынков. Нет оправдания тем, кто неразумно нарушает этот принцип и торгует с Россией. «Сильный подрыв будет нанесен всем прибалтийским городам и государствам, как скоро московский царь завяжет самостоятельные торговые отношения с Европой на своих кораблях». Последствия ожидаются катастрофическими: русские до сих пор даже не умели ткать настоящие ткани, а теперь научатся производить их самостоятельно и перестанут покупать, что вызовет захирение западной экономики. Инфляция, безработица, утрата значения торговых путей, падение роли немецких ярмарок — вот самое малое, что в таком случае ждет Европу.

Не надо рассчитывать на симпатии Грозного к немцам — он отправит их на войну с турками, а германские города заселит переселенцами из Московии. Как можно вообще связываться с тем, «в ком нет ни истинной религии, ни чести, ни воспитания»? А возможный союз Ивана IV с Турцией грозит Европе совершенной гибелью. Выход только один — немедленный полный запрет торговли с Московией⁴³.

Вышеприведенные высказывания показывают, что понималось на Западе под «борьбой Московии за выход к морю». Средневековые немецкие авторы этого дискурса исходили из собственной логики. Для существования их городов и государств была необходима морская торговля. На месте Руси они обязательно бы стремились к захвату побережий, портов, фарватеров и факторий. Они не мыслили своего существования без цивилизованного европейского мира и считали, что все должны обязательно хотеть стать его частью⁴⁴. Других причин войны они просто не могли себе представить. «Выход к морю», по словам В. Кирхнера, был в ту эпоху фундаментальной ценностью для страны, претендующей на место на карте мира⁴⁵. Других причин войны они просто не могли себе представить.

⁴³ Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. Вып. 1. № 10. С. 16–19; анализ см.: Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland... S. 111–115.

⁴⁴ В этой связи примечательно высказывание Г. В. Форстена в отношении взглядов Вейта Зенга: Московский царь, варвар, под его пером «преобразовывается в мягкого, поддающегося культуре монарха, все честолюбие которого состоит в единственном желании войти в непосредственные сношения с Европою» (Форстен Г. В. Балтийский вопрос... С. 476.)

⁴⁵ Kirchner W. The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970. P. 88.

Историки, объясняющие конфликт в Ливонии исключительно экономическими причинами, в значительной мере модернизируют исторический процесс. Они приписывают событиям XVI в. мотивы, которые приемлемы для европейского Нового времени, но России XVI в. были попросту присвоены искусственно. Р. Фрост считал, что подобный подход был вызван популярной в науке Нового времени идеей географической предопределенности захватов более сильным государством (как «историческим абсолютом») более слабых соседей⁴⁶.

Разделял ли эти принципы Иван Грозный и его дипломаты? Еще раз повторим — ни в одном русском источнике XVI в., ни в летописях, ни в посольских документах, ни в эпистолярных памятниках невозможно найти данного дискурса. Его проникновение в политическую мысль было довольно поздним и связано с историками Нового времени, прежде всего с М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным.

Дискурс о выходе к морю в трудах историков Нового и Новейшего времени

Утверждение в исторических трудах дискурса Ивана Грозного как борца за выход к Балтийскому морю во многом было обусловлено презентизмом историков-позитивистов XIX в. Для людей, живших в эпоху становления Великих колониальных империй, было очевидно влияние на исторический процесс таких факторов, как наличие у государства морских портов, международной торговли водным путем, военно-морского флота. Без них было невозможно превращение страны в «морскую державу», а в XIX в. определения «морская держава» и «великая держава» являлись синонимами. Без выхода на оперативный океанский простор считалось невозможным достичь значимой роли в международной политике. Данные взгляды, бесспорно справедливые для своей эпохи, экстраполировались историками на прошлое.

Возможно, сыграло роль и то, что именно историки Нового времени для написания своих трудов впервые в качестве источников использовали сочинения иностранцев, где, как мы показали выше, этот дискурс фигурировал еще даже до начала Ливонской войны. Пока русская историография Ливонской войны развивалась исключительно на основе национальных источников, то есть вплоть до второй половины XVIII в. — мы не можем привести ни одного примера влияния дискурса о необходимости выхода к морю на исторические труды. Как только отечественные историки обратились к иностранному нарративу — этот дискурс появляется. Стоит заметить, что он возникает в конце XVIII — начале XIX в. одновременно с созданием самой концепции Ливонской войны как 25-летней (с 1558 по 1583 гг.) войны за Прибалтику.

Думается, эти процессы были амбивалентны: именно концептуализация западной политики Ивана Грозного как реализации серьезной внешнеполитической стратегии, «выхода к морю», породила историографическую необходимость в поиске практических воплощений данной стратегии. И тогда под пером историков Нового времени прерывистая череда разноплановых событий за 25 лет оказалась объединена в рамках одной кампании — Ливонской войны.

Желание Ивана Грозного выйти к Балтийскому морю считали причиной войны основатели классической исторической науки в России — М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев⁴⁷. Они придерживались тезиса, что нападение России на Ливонский орден было средством достижения более тесных культурных и торговых контактов с Западом. По словам Соловьева, «при сильной потребности иметь непо-

⁴⁶ Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 14.

⁴⁷ Щербатов М. М. История Российская с древнейших времен. СПб., 1903. Т. 5. Ч. 2. С. 826; Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1903. Т. 8. С. 125.

средственное сообщение с Западною Европою, иметь гавани на Балтийском море взоры московского царя необходимо обращались на Ливонию, добычу легкую по ее внутреннему бессилию»⁴⁸.

В новейшей историографии данный дискурс получил дальнейшее развитие. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, в гуманитарном знании первой и второй трети XX в. доминировал экономический детерминизм. Поэтому на первый план выходит трактовка причин Ливонской войны как экономических. Русские купцы нуждались в морских торговых путях в Европу, и для обеспечения перспектив развития страны царь Иван и развязал 25-летнюю войну, чуть не начал, по выражению польского историка К. Лешего, «рубить окно в Европу». Подобные выводы звучали во многих послевоенных работах, посвященных изучению истории и экономики Балтийского региона⁴⁹.

Шведский историк Свен Свенссон говорил даже о «торговой войне» между Московией и Ливонией, с особой интенсивностью развернувшейся как раз накануне Ливонской войны, при этом проводил параллели между агрессивной политикой Ивана Грозного и «советским империализмом» в Прибалтике. По его мнению, стремление русских к Атлантике (sic!) было вызвано прежде всего желанием экономической экспансии⁵⁰. Русские купцы в Ревеле, Риге, Дерпте желали расширения своих возможностей, что противоречило генеральным принципам международной посреднической торговли и политике Ганзы. Этот тезис справедлив, но шведский историк не показывает, насколько центральная российская власть была отзывчива на данные устремления своего купечества. Для Свенссона это само собой разумеющийся факт. В данной теории проявляется мышление историка Новейшего времени. Но что было аксиоматичным для европейских стран XX века, вовсе не очевидно для России XVI в.

Отдельные возражения, сделанные в 1936 г. Г. Холлином, в 1966 г. Т. Эспером и в 1972 г. Н. Ангерманном, указавшим, что причина нападения царя на Ливонию не была связана с экономическим фактором, не были услышаны⁵¹.

Примечательно, что польские историки также считали главным мотивом вступления Польши в Ливонскую войну ее стремление к Балтийскому морю⁵². При этом, к примеру, С. Бодняк утверждал, что Россия стала прорываться к Балтийскому морю в подражание Польше⁵³. Историки Великого княжества Литовского также считали, что одним из мотивов вступления Литвы в борьбу за раздел Ливонии было желание получить расширенный выход к Балтийскому морю, «поскольку небольшая приморская

⁴⁸ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III. Т. 6. С. 481, 483.

⁴⁹ *Lepszy K. Dzieje Floty Polskiej.* Gdańsk, 1947. S. 64; *Зумус Я. Я.* К вопросу о Ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. М., 1952. Серия истории и философии. Т. 9. № 2. С. 133–143; *Коралюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 20–31; *Паушто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 63; *Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat... S. 14, 31–34; *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. P. 1, 33–34; *Attman A.* The Struggle for Baltic Markets: Powers in Conflict 1558–1618. [Acta Societatis Scientiarum et Litterarum Gothoburgens. Humaniora 14]. Göteborg, 1979. P. 10–11; *Rasmussen K.* Die livländische Krise... S. 20–21, 75–76; *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 473; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 195; *Mund S.* Orbis Russiarum... S. 30; etc. Обзор других работ, содержащих данный историографический дискурс, см.: *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik. Ivan Groznych's. Marburg, 1972. S. 1–4.

⁵⁰ *Svensson S.* Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal på den Livländska Ordensstaten 1558: En studie till den Ryska Imperialismens uppkomsthistoria. Lund, 1951. [Skrifter utgivna av vetenskaps-societeten Lund = Publications of the New society of letters at Lund. Nr. 35]. S. 120–130, 173–178.

⁵¹ *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik... S. 5–7, 106; *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 6.

⁵² *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. S. 11; *Lepszy K.* Dzieje Floty Polskiej... S. 57.

⁵³ *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. S. 8.

Паланга» не могла удовлетворить потребности литовцев в морской торговле⁵⁴. Этот же тезис принят и в современной белорусской историографии: по А. Н. Янушкевичу, мотивом вступления в войну для короля Сигизмунда было «создание широкого наступательно-оборонительного плацдарма» против России путем захвата Ливонии, а также выход к Балтийскому морю, что открывало бы для Речи Посполитой новый геополитический простор⁵⁵.

Э. Тиберг в своей диссертации подверг сомнению два принципиальных положения данной концепции: что Ливония выступала «барьером» для России на пути к морю (поскольку был выход к значительной части Финского залива и к Белому морю), и что торговый фактор в Московии мог влиять на внешнюю политику. По его мнению, в Московии не торговля управляла политикой, но политика использовала торговлю для собственных интересов⁵⁶. Главной задачей московской внешней политики было территориальное расширение. На востоке и юге оно было достигнуто, и поэтому Ливония стала следующей целью⁵⁷. Тиберг подчеркнул, что Москва имела выход к морю и до Ливонской войны, и что никакие экономические потребности не побуждали Грозного к нападению на орден⁵⁸. Ученый утверждал, что проблема *Dominium maris Baltici* была не причиной, а результатом Ливонской войны⁵⁹.

В. Урбан вносил уточнения в общепринятую точку зрения: Иван IV действительно, стремился к морским портам, но море как таковое и морская торговля вряд ли могли послужить поводом к войне, что явствует из пренебрежительного отношения царя к купечеству вообще. Но порты и гавани давали возможность для культурных контактов с Западом, и это-то и было стимулом к их захвату⁶⁰.

В современной российской исторической мысли говорить о войне за Прибалтику как способе воссоединения братских народов как-то уже не принято. Но тезис о необходимости прорыва к Балтийскому морю как причины Ливонской войны парадоксальным образом уцелел. Отказавшись от политизированных идеологем, ученые вернулись к экономическому детерминизму. Для дальнейшего развития стране был нужен выход к морю — данного высказывания считалось (и считается!) достаточным. Очень популярны декларативные заявления, непонятно на чем основанные: царь «...буквально рвался к берегам Балтийского моря» (А. Л. Хорошкевич)⁶¹. Подобный подход присутствует в работах А. А. Зимина, А. Л. Хорошкевич, Р. Г. Скрынникова,

⁵⁴ Шайцой Ю. «Літоўскі сэпаратызм» канца XVI ст. // Спадчына. 1995. № 2. С. 112–136; Дзярновіч О. І. «...in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз. Мінск, 2003. Т. 1. С. 41. Обзор историографии также см.: *Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges...* S. 14–15.

⁵⁵ Янушкевіч А. М. Інфлянцкі напрамак знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XVI ст. // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: Материалы международной научной конференции. Минск, 2002. С. 126.

⁵⁶ *Tiberg E. Om Villkoren för Moskoviens Baltiska handle...* S. 1–14, 272–289.

⁵⁷ *Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges...* S. 80.

⁵⁸ *Ibid.* S. 8, 208.

⁵⁹ *Ibid.* S. 11. — Здесь Э. Тиберг не учитывает показания источников: по В. Кирхнеру, определение происходящего на Балтике как «*Dominium maris Baltici*», борьбы за господство на Балтийском море, обладание выгодными торговыми путями и развитыми морскими факториями стран балтийского региона (Швеции, Дании, Польши, германских орденов, княжеств и городов, Ганзейского торгового союза, России) было впервые дано Сигизмундом II Августом в письме курляндскому герцогу Готтарду Кетлеру от 8 апреля 1563 года (*Kirchner W. The rise of the Baltic question.* P. 3).

⁶⁰ *Urban W. The Livonian Crusade.* P. 473.

⁶¹ *Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений...* С. 205. — В этом тезисе взгляды А. Л. Хорошкевич парадоксально совпадают с идеями критикуемого ею романа Костылева, с его знаменитой сценой, когда Иван Грозный поит Адашева и Сильвестра морской водой.

А. В. Виноградова и др.⁶² Иногда к нему добавляется несколько цитат из европейских источников о значении «Нарвского плавания», или стремление к Балтике объясняется модным словом: «геополитика» (без пояснения, что под ней следует понимать в XVI в.). Например, современный автор В. А. Малинин заявляет: «Московские геополитики XVI в. привыкли мыслить континентами...» (sic!)⁶³. Интересно, знал ли посольский дьяк Иван Висковатый, что он «мыслит континентами»?

Изображение Ливонской войны как войны за выход к Балтийскому морю продолжает оставаться доминантой образа этого конфликта в истории. Перед нами дискурс, мифологема (хотя и оказывавшая реальное влияние на политику некоторых участников борьбы за Прибалтику). Но многие мифы, видимо, куда реальней, чем история, бывшая на самом деле.

---

⁶² Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 89–93; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 130–131; Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1999. С. 134, 191.

⁶³ Малинин В. А. Русь и Запад: Хроника времен Ивана Грозного. М., 1997. С. 76–85.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Войны, как правило, начинаются безымянными. Свое название они получают уже после того, как высохнут чернила, которыми подписан мирный договор, а то и позже»⁶⁴. Эти слова эстонского историка М. Лаидре в полной мере справедливы в отношении комплекса войн за обладание Прибалтикой во второй половине XVI в., получивших название Ливонской войны.

Образ этой войны претерпел значительную эволюцию в XVI–XXI вв. То, как ее воспринимали современники, *что* для них было главным в этой войне, вовсе не обязательно совпадало с точкой зрения потомков. Восприятие войны сильно различалось с разных сторон фронта, причем можно говорить о несовпадении уровней этого восприятия: Россия только в XVIII–XIX вв. усваивает западную оптику видения конфликта, имевшую место еще в XVI в.

Эта война началась еще до своего начала. Для России она была прогнозируема в концепте государевой вотчины, которая должна была расширяться до потенциально возможных пределов, то есть до границ, куда с древнейших времен ступали копыта коней русских дружинников. Походы Ярослава Мудрого обеспечили легитимность претензий на Прибалтику Ивана Грозного, а запутанная история новгородско-псковско-ливонских договоров и таинственной «Юрьевской дани» придала этой легитимности не только историческое, но и юридическое обоснование. Проникновение в Ливонию Реформации с ее погромами храмов, в том числе православных, придало грядущему конфликту окраску борьбы в защиту церкви, чувство абсолютной правоты православному воинству. Прибавьте к этим факторам заинтересованность в материальной добыче (будь то захваты земельных наделов, ключевых позиций на торговых путях или банальный грабёж городских богатств) — и российская мотивация вторжения в Прибалтику получит свое полное оформление.

Эти процессы совпали по времени с достижением кульминации процесса утраты Ливонией собственной идентичности. Орден выродился, утратил заложенные в средневековье смысл и цели своего существования. Некрещеных язычников в Прибалтике не осталось. Католические епископства Прибалтики нуждались в защите не от врагов христианства, коих уже не наблюдалось, а от междоусобиц местных ландсгерров. За секуляризацией Пруссии в 1525 г. логично должна была последовать секуляризация Ливонии как младшей ветви низвергнутого Тевтонского ордена. Священная Римская империя раздиралась на части Реформацией, и попытка Ливонии обрести свою судь-

⁶⁴ Лаидре М. Северная война и Эстония: Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллинн, 2010. С. 10.

бу в качестве пусть отдаленной, но все же провинции германского мира принесла ей больше проблем, чем приобретений, и во всяком случае совершенно не оправдала ожиданий.

Одновременно на Ливонию устремляются взгляды и других претендентов на участие в разделе Прибалтики. Вслед за Пруссией обратить Инфлянтов в вассальную провинцию хочет Королевство Польское, его интересы совпадают с намерениями Великого княжества Литовского. На свою долю в прибалтийских землях рассчитывает молодое Королевство Швеция, ищущее пределы своего расширения на балтийских землях, и Дания, которой нужна компенсация территориальных потерь после распада Кальмарской унии в 1523 г.

Исходя из всех этих факторов, война была неизбежна, круг участников определен. Вопрос был только в том, кто ее начнет. Шанс выступить собственным могильщиком был у самой Ливонии — ее маленький внутренний конфликт, «война коадьюторов» в 1556–1557 гг., чуть не вылился в межгосударственное военное столкновение, иностранное вторжение. Но своевременной капитуляцией в Позволе в 1557 г. перед Польшей и Литвой Ливония сумела на полгода отодвинуть свою агонию. И начало активной фазы борьбы за раздел Прибалтики связывается с русским вторжением в Ливонию в январе 1558 г.

Война, ставшая делом жизни целого поколения людей Восточной Европы во второй половине XVI в., воспринималась ими по-разному. В России то, что мы привыкли называть Ливонской войной, не считалось какой-то особенной единой войной, длящейся 25 лет. Это был ряд блистательных побед: завоевание территории Ливонии в 1558–1560 гг., взятие Полоцка 1563 г., победоносный ливонский поход 1577 г., героическая оборона Пскова в 1581 г. Все остальное — рутина, повседневный ратный труд, которому для русского воинника не было видно ни конца, ни краю. Складывается впечатление, что для современников война «в Инфлянтах» была всего лишь составляющей непрерывающихся войн Российского государства при Иване Грозном. В летописях не зафиксировано даже время окончания кампании — почти все русские хроники XVI в. молчат о Ям-Запольском перемирии 1582 г. и Плюсском мире 1583 г., лишь Соловецкий летописец вскользь упоминает, что «царь с королем помирился».

В летописях XVI в. намечены два дискурса в характеристике войны. Первый и наиболее распространенный — дискурс Священной войны, нападения на Ливонию как богоугодного дела, возвращения царской вотчины, достойного наказания ливонцев за их преступления. Р. Фречнер справедливо пишет, что в картине мира Ивана Грозного Ливонская война как Священная война была составной частью борьбы за построение всемирной православной империи, Православного Царства, непосредственно предстоящего Апокалипсису, Последней Битве⁶⁵. Это так, но заметим, что в середине XVI в. любая война, которую вела Россия, была прелюдией к Последней Битве, борьбой за торжество над неверными Нового Израиля, нового богоизбранного народа — русского православного.

Второй дискурс — критический, менее распространенный, но возникший тоже в XVI в. Война в нем трактуется как ошибка и прихоть русского царя, не жалеющего своих людей. Царя Ивана критикуют за тяготы войны, которые он немилосердно заставляет нести своих подданных.

В других областях дискурсивной практики (агиография, эпистолография, восприятие военной повседневности) борьба за Ливонию не привнесла ничего принципиально

⁶⁵ Frötschner R. Der Livländische Krieg (1558–1582/83) — ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen of fiziellen moskauer Historiographie // Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, begründungen, Bilder, Brüche, Recht. Wiesbaden, 1999. S. 381.

неизвестного. Наоборот, дискурсы Ливонской войны диктовались внутренней традиционной практикой и культурой. Даже новые для русского воина жизненные ситуации (оккупация чужой христианской страны, по уровню социально-экономического развития явно превосходящей Россию, эвакуация русской армии из Ливонии в 1580-е гг. и т.д.) не оставили следа в духовной жизни и культуре. Вообще, возникает ощущение, что Ливония как среда обитания русской армии в течение более 20 лет ничего не изменила в менталитете воинов и в дискурсах нарративов. Возможно, сыграл свою роль и общий неудачный итог кампании — Ливонию завоевать не удалось. А все остальное не выходило за рамки привычного опыта русского воинника.

Осмысление Ливонской войны как исторического феномена начнется, видимо, уже даже не при Иване Грозном, а гораздо позже. Как минимум, должно было смениться социально активное поколение. Впрочем, так было не только с Балтийскими войнами. Если мы обратимся к освещению русскими средневековыми историками главных военных предприятий великих князей, то очевидно, что понимание их значения приходило не одновременно, а спустя какое-то время после описываемых событий, от нескольких десятилетий (например, «Казанская история», на страницах которой изложена концепция покорения Казанского ханства в 1552 г., видимо, создана в конце XVI в. — первая редакция, по Л. А. Дубровиной, после 1584 г.)⁶⁶ до нескольких веков (к примеру, красочная и концептуальная история Куликовской битвы была оформлена только в XV–XVI вв.)⁶⁷.

Балтийским войнам здесь не повезло: когда пришло время их осмысления, они оказались в тени бурных перипетий Смуты, гражданской войны и интервенции начала XVII в. Поэтому процесс их историографической концептуализации растянулся на многие годы. В летописании XVII в. можно выделить следующие тенденции. По-прежнему нельзя говорить о выделении в русской истории особой концепции войны за Прибалтику. Повествование о ней все еще представляет собой традиционный перечень походов и сражений. Возрастает, если так правомерно выразиться, «утилитарный» интерес к ливонским походам: в летописи включаются разряды этих походов, что явно отражает практические интересы дворянских родов по возвеличиванию служб своих предков.

Однако примечательно, что получает распространение оценочность в отношении политики Ивана Грозного, причем большей частью с негативным подтекстом: он осуждается за то, что уступил польскому (шведскому) королю и отдал ему уже завоеванные земли. В XVII в. в летописном повествовании увеличивается количество сюжетов, когда примеры из истории войны привлекаются для иллюстрирования религиозно-моральных сентенций, растет количество связанных с ней исторических легенд.

В то же время общий вектор остается провиденциалистским. Например, повесть об осаде Пскова дополняется «Видением псковского кузнеца Дорофея», о которой рассказывалось в главе об агиографических памятниках. Именно в XVII в. повесть об обороне Пскова от Стефана Батория получает популярность — большинство известных списков относится именно к XVII в. Конечно, во многом это было связано

⁶⁶ Дубровина Л. А. История о Казанском царстве: Казанский летописец: Списки и классификация текстов. Киев, 1989.

⁶⁷ Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406–448; Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 3–39; Сказания и повести о Куликовской битве. М., 1982; Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998; Филюшкин А. И. «Куликовский цикл»: Опыт герменевтического исследования // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Труды научно-практической конференции «Куликово поле — уникальная культурно-историческая и природная территория». Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России (Москва — Тула, 25–27 октября 1999 г.). Тула, 2000. С. 172–186.

с рецепцией Смутного времени, после которого поляки в отечественном сознании стали вековыми русскими врагами, захватчиками и оккупантами. И историческая мысль стала искать события прошлого, когда еще они нападали на Русскую землю. Рассказ об осаде Пскова в 1581 г. в этом контексте был весьма кстати.

Эта инерция продолжается и в эпоху Петра I. Хотя, казалось бы, Иван Грозный с его борьбой за покорение Прибалтики должен был особенно заинтересовать первого российского императора — однако этого не произошло. Образы, связанные с Ливонской войной, в культуре петровского времени периферийные. И только в конце XVIII — XIX вв., когда, собственно, и появляется национальная российская научная историография, возникает концепция Ливонской войны как войны имперской, направленной на захват бывших земель Лифляндской и Эстляндской губерний, а также владений ненавистной Речи Посполитой (которые только что, к 1795 г. Россия окончательно захватила). Провозглашенная историками цель этой войны — выход к морю — тоже вполне согласовалась с ценностными установками нового времени.

Как мы видим, данные определения сущности войны за Прибалтику далеко не полностью совпадали с реальными мотивациями, целями, задачами и дискурсивной практикой русских современников схватки за Ливонию. Но это было уже несущественно: с начала XIX в. и вплоть до наших дней в концепции Ливонской войны довлеет имперский дискурс в его различных вариациях. Даже его противоположности, такие как советские концепции «дружбы народов Прибалтики и России», или либеральный дискурс постсоветской историографии, все равно появились на свет как «антиимперская идея», то есть имеют то же самое происхождение.

Таким образом, применительно к России мы имеем несколько Ливонских войн, каждая из которых является историографической реальностью: 1) реальные кампании 1550-х — 1580-х гг., 2) отражение этих кампаний в дискурсах современников, 3) их осмысление и развитие в XVII–XVIII вв., 4) имперский дискурс, воплощенный в концепте Ливонской войны как войны за выход России к Балтийскому морю; 5) различные варианты современных историографических дискурсов (например, либеральный). При этом наименее изучена первая война, бывшая в действительности.

В европейской мысли ситуация несколько иная. Прежде всего, здесь шло гораздо более интенсивное осмысление войны за Прибалтику современниками. Это было связано с процессами обретения идентичности участниками конфликта. Ливония перестала существовать как конфедерация Ливонского ордена, ливонских епископств и прибалтийских городов. Но на этих землях остались люди, теперь жившие под властью Швеции, Польши, Дании или в Курляндии, вассальной Польше. Многие из них пережили еще два десятилетия русского владычества, помнили подданство Священной Римской империи (пусть во многом и формальное). Для раннего нового времени характерна локальная идентичность, когда человек определяет ее по месту жительства на конкретной земле и подчиненности определенному правителю. Но для жителей Ливонии, от эстонских и латышских крестьян до немецких бюргеров и церковного клира, подданство поменялось радикально, а среда обитания преобрела новые черты.

Отсюда и напряженное внимание самих ливонцев к своей недавней истории. За 50 лет ими было написано шесть хроник (Шмидта, Реннера, Рюссова, Геннинга, Мюллера, Ниенштедта), специально посвященных одному событию — Ливонской войне. Это много. Никто из других участников конфликта не может похвастаться подобным. Специальных шведских и датских текстов нет. И в Польше, и в России сведения о Ливонской войне включались в состав общеисторических хроник. В Польше также было создано немало специальных пропагандистских произведений, в России — две литературные повести (о взятии Полоцка в 1563 г. и об обороне Пскова в 1581 г.). Но шесть

исторических хроник по одной проблематике — такое было только у ливонцев. По словам Е. В. Калмыковой, которые можно отнести и к изучаемым нами хроникам,

«Сочинения хронистов и историографов, даже если они писались по специальному правительственному заказу... не могли являться для современников основным рупором пропаганды. Поэтому произведения историографического жанра следует воспринимать не столько в качестве инструмента пропаганды, которая в этом случае выглядит действительно малоэффективной из-за очень узкого круга ее реципиентов, а скорее как ее продукт... хронисты, создавая свои произведения, пребывали в том же пространстве заданных представлений о войне и находились в той или иной степени под воздействием источников, создававших это представление: королевских прокламаций, церковных проповедей, разъясняявших прихожанам смысл и ход ведущихся боевых действий... анализ содержания исторических произведений позволяет понять, как преломлялись... официальные взгляды при проекции на более широкую плоскость обыденной ментальности»⁶⁸.

Как это ни печально, но последнее слово собственно Ливонского ордена нам неизвестно. Не осталось ни орденских хроник, ни исторических сочинений, ни даже сколь-либо заметных деклараций. Авторами хроник и иного нарратива выступали городские чиновники, бюргеры, пасторы, лица, приближенные ко двору курляндского герцога. А вот ливонских рыцарей слишком быстро повыбили, и они не оставили никакой хроники. Осколки ордена, сконцентрировавшиеся вокруг Кеттлера и его курляндского герцогского двора, пытались выставить себя культурными наследниками орденской Ливонии (ср. хронику Геннинга). Но совсем нельзя сказать, что они остались носителями ливонского рыцарского духа. Последние рыцари полегли на поле при Эрмесе. А их выжившие коллеги восхваляли могильщика ордена Кеттлера...

В выборе новой идентичности, помимо курляндской, ливонцы могли бы рассматривать польскую и шведскую. Шведский Ревель, Северная Эстония, Вик поляков не любили. Проблемы были и в Риге. Ниенштедт живописно рассказывает, как ливонцы не хотели присягать полякам-освободителям⁶⁹. Ситуацию усложняли противоречия между протестантскими ливонскими городами и возвращавшимися с польской властью католиками. Рюссов пишет, что власти Речи Посполитой далеко не сразу возвращали имущество, права, городские свободы:

«...они (*ливонцы*. — А. Ф.) не могли уже вернуть себе старое управление, свободу, суд и права вместе с ключами от городских ворот, но должны были жить между поляками не иначе, как пленные люди, и сносить также брань и насмешки от иезуитов и папистов, которые вторглись во все города и местечки и распространяли между простыми людьми великое лицемерие и неосновательные вещи против общественной Божеской истины и своей собственной совести»⁷⁰.

Совсем другое отношение мы видим к шведам. Панегирик шведскому королю — концовка третьего издания (1584) хроники Рюссова. Он изображает шведского короля Юхана III высокоморальным и благородным, щедро помогавшим Ливонии деньгами, продовольствием, солдатами на протяжении всей войны. Он даже пожертвовал для этого столовые драгоценности шведских королей. Монарх ведет себя в соответствии с ожиданиями, восстанавливает в Ливонии прежний порядок — раздает дворянам земли, на период войны освобождает дворян и бюргеров ото всех налогов. При этом король — средоточие личных добродетелей:

⁶⁸ Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего средневековья. М., 2010. С. 37–38.

⁶⁹ Ниенштедт Ф. Ливонская хроника. IV. С. 60.

⁷⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника. III. С. 344.

«...он был очень искусный, очень умный, богобоязливый и ученый государь, знавший многие языки, кроме того любил свободные искусства и всех ученых... всюду он преследовал всякие пороки, наистрожайше наказывал их и во всякое время старался быть умеренным и справедливым и соблюдать все королевские добродетели... ради таких королевских добродетелей его подданные, высокого и низкого происхождения, больше любили его, чем боялись, и во всякое время были готовы отдать за него жизнь и имущество».

Шведские солдаты не только храбры и искусны, но прямо-таки идеальны: от них «...не слышно было ни одного бранного слова, а также не замечалось ни одного насильственного поступка ни днем, ни ночью в продолжение всей войны». Они вели себя, «будто дали, под страхом лишения спасения души, обет всемогущему Господу умереть за город Ревель и за Ливонию»⁷¹.

Понятно, что данные оценки субъективны. Но, возможно, они помогут понять, почему польская власть в Инфлянтах с трудом продержалась около двух десятилетий, а наступивший за ней «шведский XVII век» воспринимался и современниками, и потомками как «золотой век Прибалтики».

Второй по масштабности и значению процесс становления идентичности под влиянием Ливонской войны происходил в Речи Посполитой. Если первые годы войны, до середины 1570-х гг., воспринимались достаточно отстраненно и рутинно, как очередной русско-литовский конфликт, то Московская война Стефана Батория расценивалась как военный триумф, торжество польского и литовского оружия. Речь Посполитая на самом деле ощутила себя форпостом «христианского мира», Запада перед варварами-схизматиками с Востока. И с этой ролью она справилась, разбила московитов, освободила Инфлянтов и свои утраченные земли, и вообще, польская конница дошла до Волги. Несомненно, именно здесь закладывались основы политических принципов Речи Посполитой, которые в начале XVII в. приведут ее к вмешательству в русскую Смуту и к военной интервенции в Россию. Которая закончится уже не столь успешно, как Ливонская война.

Третьей идентичностью, которая сформировалась именно в годы Ливонской войны и под ее влиянием, была идентичность России в глазах Запада как «антиевропы», средоточия всего политического и культурного негатива, изобретенного европейской культурой. Этот имидж, обретенный в XVI в., оказывает влияние на дискурсы восприятия России и сегодня. И это, возможно, и есть главное поражение русских в Ливонской войне. Ее последствия в военной и политической сферах были не так уж и катастрофичны. А вот приобретенную репутацию не удастся обелить до сих пор. Такую силу убеждения и культурную инерцию имеют европейские нарративы XVI в.

Возможно, это связано с тем, что осмысление Ливонской войны Европой достигло своего апогея именно в XVI в.⁷², и затем шло по нисходящей. Вектор европейского процесса концептуализации этого конфликта противоположен российскому. Для российской мысли характерна восходящая эволюция образа войны, от летописных средневековых стандартов до имперских, геополитических и социально-экономических концепций XIX–XXI вв. Для европейской — наоборот. Одновременно с боевыми действиями, во второй половине XVI в., была создана развернутая всеобъемлющая историческая концепция (или, точнее, концепции) войны. А потом уже она на разные лады склонялась на протяжении веков, при этом в нее не привносилось ничего принципиально нового, что не было бы уже сказано европейскими интеллектуалами

⁷¹ Рюсов Б. Ливонская хроника. III. С. 339–343.

⁷² На это работала (и работает) уже упомянутая нами уникальная ситуация консервации «мест памяти» Ливонской войны в Прибалтике.

в XVI в. Даже экономический детерминизм XIX – XX вв. опирался на высказывания немецких авторов XVI в.

Поэтому на Западе происходило гораздо более стремительное забывание войны. Она просто растворилась в череде других европейских войн. Западная историография XVII–XXI вв. этой войной интересовалась мало, а если и интересовалась, то в профессиональном историческом ключе, без идеологической концептуализации и вписывания этого конфликта в те или иные исторические схемы. Это, конечно, было связано не с каким-то особым историографическим совершенством Запада, а просто с тем, что Ливонская война для Европы оказалась куда интереснее для ее современников, чем для потомков. Потомки если историки и транслировали ее мифологию, то уже созданные в XVI в., а не утруждались изобретением новых.

Если Ливонская война стала заметной вехой в истории Прибалтики, Польши, Великого княжества Литовского, то нам представляется, что нельзя говорить о значительном влиянии дискурсов Ливонской войны на культуру европейских земель западнее Одера. Они продолжали жить своей жизнью, в них происходили свои внутренние культурные, социальные и экономические процессы. Интерес к Ливонской войне был у них постольку, поскольку примеры из ее истории хорошо иллюстрировали внутриевропейские дискурсы, давали богатый материал для осмысления европейскими интеллектуалами и читателями. Многие из них мы перечислили и с той или иной степенью полноты попытались проанализировать в данной книге. Некоторые — дискурсы европейской эпистографии, феномен *avvisi* и т.д. — только обозначены и ждут дальнейших исследований. Как и собственно фактологическая история борьбы за Прибалтику во второй половине XVI в., продолжающая оставаться малоизученной.

Feci, quod potui, faciant meliora potentes.

Приложение

Новые документы по истории Ливонской войны

Русско-ливонские договоры 1554 года

Конфликты в Прибалтике, пограничные войны Новгорода Великого и Пскова с Ливонским орденом, Дерптским епископством, ливонскими городами, традиционно были связаны со взаимными обвинениями в нарушениях существующих договоров. Они нередко предпринимались как раз для коррекции этих договоров, внесения в них изменений, выгодных той или другой стороне. Или наоборот, внесение в договор неприемлемых пунктов влекло войну¹.

В этом плане крупномасштабный конфликт России и Ливонии в 1558 г. мало отличался от предыдущих по своей типологии. В то же время, в содержательном плане он имел свою специфику, связанную прежде всего с неожиданной для ливонской стороны актуализацией требования выплаты т. н. юрьевской дани в 1554 г. Но механизм реализации этого требования русской стороны все равно первоначально был традиционным, через пересмотр содержания существующих договоров.

Спецификой русско-ливонских отношений в первой половине XVI в. было то, что после присоединения к Москве Новгорода Великого и Пскова формально осталась неизменной система юридического оформления взаимоотношений. По-прежнему заключались три отдельных соглашения: Новгорода с Ливонским орденом (магистром), Пскова с Ливонским орденом (магистром) и Пскова с Дерптским епископством. При этом переговоры велись как наместниками Новгорода и Пскова, так и московскими посольскими службами, и в любом случае утверждались великим князем и государем всея Руси.

Тем самым получалось, что ливонская сторона договаривается как бы не со всем Российским государством, а только с наместниками двух его окраинных провинций, и только через посредничество этих провинций выходит на центральную власть. Хотя в реальности, конечно, за договором стояла воля московского государя, и все стороны это прекрасно понимали. Но Москве было выгодно сохранять новгородско-псковско-ливонский формат переговоров. Зачем? В основе лежало непризнание великими князьями равными себе ливонского магистра, рижского и тем более дерптского архиепископов. Переговоры между государями предполагали их более или менее равный статус, что в данную эпоху определялось через понятия «братство» или, в крайнем случае, «соседство». «Братьями» русского государя считались крымские ханы (Гирей), короли Польши (Ягеллоны), императоры Священной Римской империи (Габсбурги), турецкие султаны, английские и французские монархи. В случае прихода к власти в этих странах сомнительных правителей, вроде избранного «не Божьим соизволе-

¹ Впервые опубликовано: *Попов В. Е., Филошкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. (7). С. 109–130. Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а / Э.

¹ Подробнее см.: *Goetz L.* Deutsch-russische Handelverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916; *Cosack H.* Livland und Rußland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag // *Hansische Geschichtsblätter*. 1923. Bd. 28. Jg. 48. S. 1–60; 1926. Bd. 31. Jg. 51. S. 72–115; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Angermann N.* Nowgorod und seine Beziehungen zur Hanse // *Europas Städte zwischen Zwang und Freiheit*. Regensburg, 1995. S. 189–202; *Бессуднова М. Б.* История Великого Новгорода конца XV – начала XVI века по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009.

нием, а мятежным человеческим хотением» польского короля Стефана Батория, они из «братьев» превращались в «соседей»².

Ливония считалась младшей ветвью Немецкого ордена (более известном как Тевтонский орден). Тевтонского великого магистра Василий III называл «высокий магистр Прусский»³, но ни о каком «братстве» речи не было. Глава Немецкого ордена, по сравнению с великим князем и государем всея Руси, в глазах и Василия III, и Ивана IV несомненно стоял на куда более низкой ступени в иерархии правителей Европы. А уж ливонский магистр, формально подчинявшийся великому магистру — и подавно. Их расценивали как «князей», правителей отдельной территории, по статусу близких к русским удельным князьям. Общаться с таким мелким правителем на равных означало бы допустить «поруку» государевой чести. А вот новгородский наместник для него в самый раз, примерно равен по статусу, как правитель отдельной земли, поставленный более значимым государем.

Стоит обратить внимание на то, что Ливония не рассматривалась Россией как единое целое, но как конгломерат владений ландсгерров (каким она и была), в число которых входили, прежде всего, магистр ордена, рижский архиепископ и епископы Дерпта. Признавать их ровней великому государю всея Руси было совершенно невозможно.

Впрочем, на наш взгляд, не стоит видеть в сохранении новгородско-псковского формата переговоров какой-то особо злой умысел русской стороны. Характерно, что ливонская сторона — в отличие, например, от шведского короля Юхана III, — никогда не настаивала на изменении существовавшего протокола. В пользу новгородско-псковского варианта говорила и его практичность. В средневековой дипломатии многое зависело от традиции. У Москвы не было никакого опыта заключения договоров с представителями Ливонской конфедерации — в начале XVI в. имели место соглашения с Тевтонским орденом, но не с Ливонией. При этом урегулирование отношений с далекой Прибалтикой для нее вовсе не было актуальным, особенно в конкретной плоскости — что делать с рыбаками, которых ветром занесет на другой берег Псковского озера, на каких землях по реке Нарове можно косить сено и стоит ли разрешать перегружать товары из немецкой ладьи непосредственно в русскую? Все эти и им подобные вопросы интересовали ливонское, новгородское и псковское население, имели определенную историю решения и договорно-правового оформления. Московские дипломаты не могли здесь проявить необходимую компетентность и квалификацию, а новгородские и псковские могли. Поэтому одним из главных мотивов сохранения за этим регионом переговорных прерогатив с Ливонией была элементарная практичность — Москва не смогла бы компетентно урегулировать текущие торговые и экономические вопросы, а Великий Новгород и Псков имели богатую традицию отношений с Ливонией.

В этом плане договоры 1550-х гг. как раз и были переменной существующей системы отношений, поскольку в их оформление властно вмешалось центральное правительство России. В договоре 1535 г. сказано, что он заключен «По Божьей воле и по великого государя велению...», но далее следует в своей основе традиционный текст новгородско-псковско-ливонских соглашений⁴. В договоре же

² Филошкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 231.

³ Грамота Василия III Альбрехту, магистру Прусскому, март 1517 г. // Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 19.

⁴ Каиштанов С. М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. Москва, 2006. Вып. 1 (12). С. 237–243.

1550 г. говорится о резком обострении отношений, инициатором которого выступает именно Москва:

«...благодарный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси положил был гнев на честнаго князя Вишленского, и на архиепископа, и на всю их державу за порубежные дела, и за гостей новгородских и псковских бесчестья и за обиды, и за торговые неисправления, и что из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропускали, и за то не велел был наместником своих отчин Великого Новагорода и Пскова дати перемирья»⁵.

Остальной текст договоров 1550 г. близок к договору 1535 г. и восходит к более ранним соглашениям. То есть новизна проявилась именно в самой угрозе войны «за неисправление», внесенном в договор. Причины названы две: пограничные конфликты (порубежные дела) и блокада Русского государства, непропуск в Россию европейских военных и технических специалистов. В договоре Пскова с дерптским епископом 1550 г. этот перечень чуть более подробен:

«...за порубежные дела и за гостей новгородских и псковских бесчестья, и за обиды, и за торговые неисправления, и за дань, и за старые залогов, и что из Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали...»⁶.

То есть тут акцент делается на обидах, нанесенных новгородским и псковским купцам и на неплатеже «дани и старых залогов». Надо подчеркнуть, что все эти требования — и в договоре с магистром, и в договоре с дерптским епископом — были традиционными для русско-ливонских конфликтов второй половины XV – первой половины XVI в.⁷ И пограничные споры, и притеснения купцов, и непропуск мастеров и стратегических товаров — все это были «факторами раздражения» в русско-ливонских отношениях еще со времен Новгородской и Псковской республики.

И даже упоминание некоей дани и «старых залогов», под которой, несомненно, имеется в виду знаменитая юрьевская дань, тоже было ритуальной традицией. Об истории этой дани написано немало, но нельзя сказать, что в данном вопросе достигнута полная ясность⁸. Выдвигаемые еще средневековыми хронистами экзотические версии о «медовом сборе» (неких русских пчельниках на ливонской территории) и тому подобные надлежит признать несостоятельными. Вероятнее всего, наиболее правильны версии, выводящие происхождение этого платежа из древней дани, взимаемой Псковом с латышей Толовы в XIII веке. Так или иначе, несомненны два факта: что дань

⁵ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. // РГАДА. Ф. 64 (Сношения с Лифляндией). Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

⁶ Договор псковских наместников с Дерптским епископом, 23 августа 1550 г. // Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 2 об.

⁷ А. Л. Хорошкевич почему-то считает, что в 1554 г. «...требование дани основывалось на тексте перемирия 1550 г.» (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 149). Это недоразумение, требование дани фигурировало в псковско-дерптских договорах с 1463 г., уже почти полвека. Хотя дальше она пишет о требованиях дани с 1463 г., фактически дезавуируя собственное же утверждение о значении пункта о дани в договоре 1550 г.

⁸ Подробнее см.: *Юрьенс И. И.* Вопрос о ливонской дани // Варшавские университетские известия. 1913. № 6. С. 1–8; № 7. С. 9–16; № 8. С. 17–32; № 9. С. 33–57; *Stern C.* 1) Der Vorwand zum grossen Russenkrige 1558. Riga, 1936. S. 6–10; 2) Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448–1463 // JGO. 1940. Jg. 5. N. 3/4. S. 413–418; *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 376–381; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 135–137; *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. T.25. S. 593–594; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: карьера государственного деятеля в России. М., 1994. С. 197–199; *Selart A.* Der „Dorpatener Zins“ und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / Hrsg. von B. Jähnig und K. Militzer. Münster, 2004. S. 11–37.

была изначально связана с областью Дерптского епископства и что она много лет не собиралась. Она фигурировала во всех известных псковско-дерптских договорах с 1463 г., но ливонцы ее никогда не платили, а русские не настаивали. Упоминание дани в договоре 1550 г. было лишь данью обычаю.

На «исправление» по договору 1550 г. ливонцам отводился год:

«И благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, для бояр своих челобитья, князя маистра и архыепископа и всю их державу пожаловал, гнев им свой отложил, и велел боярину своему, и наместнику псковскому, дати перемирие к старому перемирию на год. А маистру, и архыепископу, и всей их державы людем по перемирной грамоте, и по крестному целованью во всех делех по ответному списку исправитися на съезде перед вопчими судьями. И исправитца в тот год маистр и архыепископ и вся их держава во всех делех по перемирной грамоте и по крестному целованью, о которых делех от государя в ответех говорили его бояре, и диаки, и благоверный царь и великий князь пожаловал, велел наместником своим х тому годовому перемирию прибавити перемирья на пять лет, от Покрова Святей Богородицы лета семь тысящ шестьдесят перваго, до Покрова ж Святей Богородицы, лета семь тысящ шестьдесят шестага. А то годовое перемирие на розправу во всяких делех. И после исправы, и се прибавленое пятилетние перемирье, благовернаго царя и великого князя жалованье, за прошеньем князя маистра Ливонского, и архыепископа Ризского, и всей их державы, по сей грамоте держати крепко на обе стороны»⁹.

Поскольку в истории русско-ливонских отношений подобные требования и нередко следовавший за ними военный конфликт, как правило, актуализировались для ревизии существующего соглашения, встает вопрос: зачем Россия в 1550 г. выступила с подобным демаршем? Почему она грозила войной? Чего, собственно, добивалась Москва?

Предположить наличие у дипломатов Ивана Грозного уже в 1550 г. далекоидущих планов аннексии Ливонии мешает полное отсутствие каких-либо свидетельств на сей счет. Не существует абсолютно никаких источников за 1550-е гг., которые могли бы пролить свет на «кухню» работы российской посольской службы. Гипотетически такие планы могли быть. Первым шагом в их реализации, возможно, являлся договор 1550 г., содержащий заведомо невыполнимое требование за год «исправиться во всех делех» и полностью соответствовавший традициям предшествующих новгородско-псковско-ливонских пограничных войн. Но реализации этих планов помешала начавшаяся в 1551 г. крупномасштабная Казанская кампания. О Ливонии было настолько забыто, что когда по истечении указанного года ни магистр, ни епископ не прислали послов и не доказали своего «исправления», на это просто не обратили внимания¹⁰. Никого даже не смутило, что по истечении годичного перемирия без его продления стороны юридически в 1552–1554 гг. оказались в состоянии войны¹¹. Царь брал Казань, реша-

⁹ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. Л. 11–11 об. — Публикацию немецкого текста договоренностей 1550 г. см.: *Нагельский К. Е.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 369–374. № 380. — Он представляет собой грубый и дефектный в ряде мест практически подстрочник к русскому тексту.

¹⁰ Впрочем, из переписки архиепископа Вильгельма с герцогом Альбрехтом известны сношения ливонцев с царем через гонцов (характерно, что магистр и архиепископ посылали их отдельно и в разное время — так сильно было взаимное недоверие между ними), а также немецкий список послания Ивана IV магистру Галену апреля 1552 г. с требованием прислать посольство. — Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551–1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearbeitet von *Stefan Hartmann*. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preußischer Kulturbesitz. Bd. 57). Köln; Weimar; Wien, 2005. Nrr. 1541, 1547, 1556/1, 1569 и др.

¹¹ В современной эстонской историографии можно встретить подобное мнение: *Laidre M.* Dorpat 1558–1708: linn väe ja vaenu vahel. Tallinn, 2008. Lk. 38. За указание этой работы благодарю М. Маазинга.

лась историческая судьба его царствования¹², до ничтожной Ливонии ли тут... Э. Тиберг очень точно заметил, что русская активность в отношении Прибалтики в 1550 г. «не гармонировала» с борьбой на татарском направлении¹³.

Однако, повторимся, существование таких планов недоказуемо, о них можно говорить только в плане предположения. Но зададимся вопросом: а чего Россия добивалась в 1550 г., ради чего затевался конфликт? При сравнении русских текстов договоров 1535 и 1550 гг. выясняется, что по всем положениям они практически идентичны. Ничего принципиального нового русская сторона в договоре 1550 г. по сравнению с 1535 г. не внесла. Поэтому гипотеза о провокативном характере русских претензий в 1550 г. не может быть легко отвергнута: просто непонятно, иначе зачем затевалась история с годичным испытательным сроком? Э. Тиберг обратил внимание, что в 1550 г., также как и в 1557 г., накануне русского вторжения 1558 г., царь Иван Грозный издал запрет русским купцам ездить в Ливонию¹⁴. Это тоже косвенно может свидетельствовать о каких-то военных приготовлениях.

Далее в русско-ливонских отношениях возникает некий правовой вакуум. Ни Ливония, ни Россия продлять истекшее в 1551 г. годичное перемирие не спешили, но и реальную войну не начинали. Для России это годы покорения Казанского ханства, и ей было явно не до Ливонии. Ливонские же ландсгерры, раздираемые внутренними противоречиями, больше занимались борьбой друг с другом, чем предохранением от возможного конфликта с Россией. Все возможные проекты «спасения Ливонии» (заключение военно-политического союза с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, введение чрезвычайного военного налога по аналогии с европейским налогом на войну с Турцией, сбор войска и наем солдат и т. д.) были в начале 1550-х гг. благополучно провалены¹⁵.

Переговоры с Россией возобновились только в 1554 г.¹⁶ Главным и печально известным событием на них была внезапное для Ливонии актуализация требования юрьевской дани. Остальные пункты договора 1554 г., как подчеркнул И. П. Шаскольский, практически повторяют соответствующие положения договора 1550 г.¹⁷ Существует мнение, что для России в 1554 г. был важен сам факт платежа дани: кто платит, тот является подданным, и если бы Ливония заплатила дань — то тем самым она бы признала свою политическую зависимость от России, а царя Ивана Грозного — сво-

¹² Об историческом и идеологическом значении Казанского взятия 1552 г. для русской государственности см.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 177–202; *Pelensky J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). Mouton, 1974. P. 65–138.

¹³ *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984. S. 111.

¹⁴ *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 10.

¹⁵ Единственным успехом ливонской дипломатии можно считать, пожалуй, лишь удовлетворенное ходатайство орденского посланника на аугсбургском рейхстаге 1550–1551 гг. Филиппа фон дер Брюнгена об освобождении Ливонии от уплаты турецкого налога под предлогом грозящей Ливонии опасности со стороны Москвы. (Supplikation des J. von der Recke, Deutschmeister in Livland // Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe. Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Karl V. Bd. XIX: Der Reichstag zu Augsburg 1550/51. Bearbeitet von *Erwein Eitz*. München, 2005. Nr. 277. S. 1473–1474.)

¹⁶ О ходе переговоров см.: *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 389–391; *Tiberg E.* Die politik Moskaus... S. 581–591; *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 21–26; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе... С. 149–153.

¹⁷ *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры... С. 382. Из других нововведений ученые иногда акцентируют внимание на принятии Ливонией на себя обязательств не вступать в соглашения с Великим княжеством Литовским, но, как подчеркнул И. П. Шаскольский, этот пункт не был новым, а фигурирует в русско-ливонских договорах с начала XVI в. (Там же. С. 397). По Н. А. Казаковой, данные требования Россия предъявила Ливонии в 1505 г. (*Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 243), а в 1509 г. они были включены в договор (Там же. С. 248–251).

им сюзереном. Впрочем, данная трактовка не исключает и вымогательский характер действий Московии — в 1554 г. по отношению к Ливонии она вела себя как государство-рэкетир, под угрозой насилия вымогающий деньги. Неизвестно, состоялась бы война, если бы Ливония заплатила требуемую сумму.

Во всяком случае, содержание публикуемых переговоров говорит о том, что они были рассчитаны на какой-то период действия. Ничто в них не указывает на то, что целью России было исключительно найти *casus belli*. Москва выстраивала новую архитектуру отношений в Прибалтике, где Ливония выступала как зависимое государство, эксплуатируемое как прямым (сбор дани), так и косвенным образом (использование ливонской торговой инфраструктуры для коммерческих связей России и Европы). Именно это было целью Ивана Грозного, а вовсе не поиск повода для военного вторжения¹⁸.

Ливонские послы на переговорах 1554 г. пытались дезавуировать требование платежа дани, но русские дипломаты, Алексей Адашев и Иван Висковатый объяснили, что в случае отказа царь «сам пойдет за данью», то есть начнет войну. Делать было нечего, и обязательство выплаты всех сумм до 1557 г. было включено в новгородско-ливонский договор (до этого с 1463 г. оно фигурировало только в псковско-дерптских договорах)¹⁹.

И вот здесь начинается интрига. Почему Ливония, взяв на себя обязательство в течение трех лет собрать и выплатить дань России, отнеслась к этому требованию столь беспечно? В роковом 1557 г. дань не была собрана. Ответ, видимо, содержится в том, что Россия и Ливония по-разному понимали (или делали вид, что понимают) заключенные соглашения. Как показал В. Е. Попов, имело место некое лингвистическое недоразумение, допущенное случайно или сознательно. Переводы текстов договоров были выполнены разными переводчиками: псковско-дерптский — Гансом Фогтом, новгородский — Мельхиором Гротхузеном. Оба они перевели русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») как: «исследовать вопрос о дани»: «denselbigen Zinns untersuchunge thun» и «den Tinns undersocken» соответственно.

Теперь игра слов в новгородском договоре меняла его смысл до неузнаваемости. Согласно немецкому тексту, предполагалось, что дерптский епископ исследует поднятый русскими вопрос о дани и в третий год перемирия отошлет результаты своего расследования в Москву. Если же он этого не сделает, то следствие должна будет провести вся Ливония. В русском тексте договора стояло, что ливонцы обязуются собрать и через три года выплатить дань, а в случае неисполнения этого условия русский царь сам пойдет собирать дань! Откровенная угроза объявления войны превратились под пером переводчика Мельхиора в миролюбивое пожелание царя самому принять участие в разысканиях через своих послов... («sine sacke suluest undersocken mith beschickinge syner baden»)²⁰.

¹⁸ Точка зрения о договоре 1554 г. как основе мирного сценария экспансии России в Прибалтику в свое время была высказана С. В. Бахрушиным и И. П. Шаскольским (*Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры... С. 376). О том, что «... Масква бачила і мірныя альтэрнатывы падпаркавання прыбалтыйскай дзяржавы», писал А. Н. Янушкевич (*Янушкевич А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 25). А. Л. Хорошкевич несколько загадочно считает результат переговоров 1554 г. «Несомненной победой русской дипломатии над здравым смыслом» (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе... С. 153). Аргументов в пользу такой уничижающей оценки она не приводит. Нам эти слова представляются не соответствующими реалиям 1554 г.: русская сторона в дипломатической дуэли, несомненно, добилась успеха и поставленных целей. Никакого противоречия «здравому смыслу», во всяком случае, в том, как его понимала московская посольская служба, в переговорах 1554 г. не наблюдается.

¹⁹ Отчет о переговорах ливонских посланников с «князем» Алексеем Федоровичем Адашевым и с дьяком Иваном Михайловичем (Висковатым). 28 апреля – 1 июня 1554 г. // Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. М., 1915. Вып. 1. С. 23–38. № 20.

²⁰ Немецкие тексты см.: Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und

Перед нами ошибка переводчика или умысел русских или ливонских дипломатов? Для средневековых договоров вообще-то характерна подобная терминологическая двусмысленность. Дипломаты больше всего боялись навлечь на себя гнев пославших их монархов, поэтому нередки случаи, когда каждая сторона писала в своем варианте договора то, что велел монарх. Разница текстов договоров устраивала всех. Русские дипломаты Адашев и Висковатый отчитались перед царем Иваном Грозным, что дело сделано, Ливония обещала заплатить. Ливонские послы по возвращению могли заявить, что они отвергли страшные и необоснованные претензии московского варвара, и согласились только на «расследование» вопроса о дани. В любом случае это было на руку обеим сторонам, и 24 июня 1554 г. в Новгороде они скрепили договоры печатями.

В Ливонии, несомненно, понимали, что послы слугавили, и что ситуация складывается не столь замечательно, как хотелось бы побывавшим в Москве дипломатам. Переписка орденского магистра Генриха фон Галена, рижского архиепископа Вильгельма с их адресатами в Ливонии и Европе свидетельствует, как показал М. Маазинг, что среди лансгерров были страх перед «русской угрозой», опасение, что неплатеж дани может привести к войне. Магистр обвинял дипломатов в превышении полномочий²¹. Но дни шли за днями, ничего страшного не происходило, и победило традиционное для Ливонии довольно легкомысленное отношение к договорам с Россией.

Даже когда в 1555 г. новгородский посланник Келарь Терпигорев прибыл в Дерпт для подтверждения соглашения, ливонские политики утвердили договор, но с «протестацией». Под ней понималось право оспорить договор в камерном суде Священной Римской империи. Сразу же обнажилась пропасть между юридической культурой европейски образованных ливонцев и дипломата московского царя. Терпигорев понятия не имел, что такое «протестация». Когда же ему объяснили, с трудом скрывая ликование («уж император-то поставит москвитов в границы!»), он равнодушно ответил: «А какое моему государю дело до императора?».

Заключительное поведение Келаря Терпигорева в изображении ливонского хрониста Бальтазара Рюссова весьма символично: он кладет грамоту, в которой подтверждается обязательство ливонцев платить дань, себе за пазуху, и объясняет присутствующим смысл своих действий: «Ведь это маленькое дитя, которое нужно холить и кормить белым хлебом и сладким молоком. Когда же ребенок подрастет, то наверно заговорит и принесет большую пользу нашему великому князю». По Ниентшедту, Терпигорев выразился еще более образно: угостив провожавших его ливонцев на радостях водкой «по русскому обычаю», отдавая своему подьячему грамоту, он сказал: «Смотри, береги и ухаживай за этим теленком, чтобы он вырос велик и разжирел». Как мы видим, ливонские хронисты, для осмысления положения Ливонии прибегли к образу беспомощного, но готового к употреблению домашнего скота, вроде дойной коровы, разжиревшего теленка, которого уловят в сеть, затравят собаками и вообще отдадут на заклание, а он ведет себя, как несмышленный теленок²².

Следующие полгода ливонцы занимались архивными изысканиями, результатом которых стали пять старых договоров: два из городского архива Дерпта и три — из епископского, в которых о дани не было ни слова. Посчитав, что они таким образом

Kurlands dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd 5. № 184. S. 508–515. Подробнее см.: *Tiberg E.* Die politik Moskaus... S. 577–617; *Понов В. Е.* Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 9. С. 52–53.

²¹ *Маазинг М.* «Русская опасность» в письмах Рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 годы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2010. № 1. С. 184–194.

²² *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 344–347; *Ниентшедт Ф.* Ливонская летопись // Там же. Рига, 1881. Т. 4. С. 12.

«сыскали дань», дерптский епископ и магистр направили в начале 1557 г. посольство в Москву, снабдив его обнаруженными документами.

Аргументы послов не произвели на царя никакого впечатления: он посоветовал им «отставить их безлепичные и не прямые речи» и исправиться во всех делах. Как показано В. Е. Поповым, напрасно орденские послы убеждали Ивана Висковатого, будто магистр

«...и вся ливонская земля поняли тот пункт, который записан в последней грамоте не иначе как «расследование, наведение справок» (нем.: *nachforschung, erkundigung*), а не «собрание» (*sammlung*), как это толкует царь и государь всея Руси: поэтому это недоразумение, будто дерптский епископ обязан давать царю всея Руси подать или дань...» (*перевод В. Е. Попова*)²³.

В марте 1557 г. послы были «бездельно отпущены с Москвы». Ливония занервничала, и было от чего — призрак войны приблизился неожиданно близко. «А теперь из-за глупого недопонимания одного слова все зашло так далеко», — говорилось в инструкции новым дерптским послам в Москву в сентябре 1557 г.²⁴ Только теперь ливонская дипломатия решила начать торг о сумме выплат. Но было уже поздно: в ноябре 1557 г. при дворе Ивана Грозного выйдет русская грамота об официальном объявлении войны Ливонскому ордену²⁵, а в январе 1558 г. поместная конница перейдет реку Нарову, и начнется первая война России и Европы...

* * *

Комплекс договоров 1554 гг., непосредственно предшествовавших войне за Ливонию, на русском языке не издавался. Российские варианты двух самых важных договоров — новгородско-ливонского и псковско-дерптского публикуются нами впервые, по хранящимся в Российском государственном архиве древних актов в фонде 64 (Сношения с Лифляндией, Эстляндией, Восточной Финляндией) писарским копиям второй половины XVIII в. (у грамот указан переписчик — Мартын Соколовский²⁶) с оригиналов XVI в., находящихся в плохой сохранности²⁷.

Договор № 1 подготовлен к печати А. И. Филюшкиным, № 2 — В. Е. Поповым. Вступительная статья написана совместно А. И. Филюшкиным и В. Е. Поповым.

²³ *Bienemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1876. Bd V. S. 462–463. № 910.

²⁴ 1557. – vor Sept., 29. Der Dörptischen Meinungsäusserung über die nach Moscau abzufertigende Gesandtschaft // *Ibid.* Riga, 1865. Bd. I. S. 30, 35. № 44.

²⁵ Оригинал грамоты опубликован: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Как начиналась Ливонская война? // *Единогор* / Ред. А. В. Малов. М., 2010. Вып. 2. С. 192–201.

²⁶ Мартын Никифорович Соколовский, переводчик Иностранной коллегии, статский советник и кавалер, сотрудничал с Н. Н. Бантыш-Каменским.

²⁷ С. М. Каштанов обратил внимание, что при директоре Московского архива Государственной Коллегии иностранных дел Г. Ф. Миллере между 1766–1783 гг. был составлен сборник копий русско-ливонских договоров 1509–1554 гг. (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Оп. 1. № 299. Ч. V. Рукопись указал К. В. Баранов. — См.: *Каштанов С. М.* Договор России с Ливонией... С. 168). Можно предположить, что происхождение копий М. Соколовского, отложившихся в Ф. 64, было связано с составлением этого копийного сборника Г. Ф. Миллера.

Договор новгородских наместников с ливонским магистром, 24 июня 1554 г.

// Л. 7. 1554 года Июня. Договорная запись Лифландского магистра Генриха фон Галена послов Иогана Бокгорста с товарищи, и Германа бископа Юрьевского послов Вольмера Врангеля с товарищи, учиненная в Новьгороде с боярином и наместником Новгородским князь Дмитрием Федоровичем, и с наместником Псковским боярином Иваном Петровичем о постановлении между обоих держав перемирия на 15 лет, считая с 1 октября 1554 года.

По Божьей воле и по великого государя велению Ивана Божию милостию царя и государя всея Руси и великого князя Володимерского, и Московского, и Новгородского, и Казанского, и Псковского, и Смоленского, и Тверского, и Югорского, и Пермского, и Вятцкого, и Болгарского, и иных, что Индрик Гална маистр Ливонской, и арцыбискуп Риской²⁸, и Гарман бископ Юрьевской, и иные бископы, и вся земля Лифленская прислали своих послов к великому государю Ивану Божьею милостию царю и государю всеа Руси и великому князю бити челом о том, чтоб великий государь Иван Божьею милостью царь всеа Руси и великий князь, Индрика маистра²⁹, арцыбископа, и бископа Гармана³⁰ и всю землю Лифленскую пожаловал, велел бы наместником своим ноугороцким, и своей отчине Великому Новугороду // Л. 7 об. и наместником своим псковским, и отчине своей Пскову с маистром Ливонским и с арцибискупом Риским, и з бискупом Юрьевским, и з бископы, и со всею землею Вифленскою взяти перемирье по старине, да и торг бы тех своих отчин людем велел с ними держати то старине. А что благоверный царь и великий князь по челобитью гостей ноугороцких и псковских и порубежных людей, отчин его Великого Новагорода и Пскова положил был гнев на маистра Ливонского, и на арцыбископа Риского, и на бископа Юрьевского, и на иных бископов и на всю землю Вифленскую за церкви Руские и за концы, и за порубежные дела, и за гостины грабежи, и за обиды, и за торговые исправленья, и что людей служилых и всяких мастеров из Литвы и из заморья не пропускали, и за Юрьевские дани, и за старые залогы, и за те за все неисправленья не велел был наместником своих отчин Великого Новагорода и Пскова дати перемирья, и мы послы Индрика маистра Ливонского Иван Бокостр³¹ и Ортем Грутгус³² и писарь Бенедикт, и томач Мелхер³³, и бископа Юрьевского Гармана послы Володимер Франгел³⁴ да Тимофей Ковер³⁵, и Власей Бека били челом благоверному царю Рускому и великому князю // Л. 8. Ивану его бояры за маистра, и за арцыбископа, и за бископа Юрьевского, и за всю Вифленскую землю, чтоб государь пожаловал, гнев свой отложил, и велел бы отчин своих наместником Великого Новагорода и Пскова дати перемирье, а маистр Ливонской, и арцыбископ Риский, и бископ Юрьевский, и вся земля Вифленская по сем перемирным грамотам и по крестному целованью во всех делех исправятца; и благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси для бояр своих челобитья маистра Ливонского, и арцыбископа Риского, и бископа Юрьевского,

²⁸ Вильгельм маркграф Бранденбург-Кульмбах, рижский архиепископ в 1539–1563 гг.

²⁹ Генрих (Хейнрих) фон Гален, магистр Ливонского ордена в 1551–1557 гг.

³⁰ Герман II Везель, дерптский епископ в 1552–1558 гг.

³¹ Иоганн Бокхорст.

³² Отто фон Гротхузен.

³³ Мельхиор Гротхузен.

³⁴ Вольдемар Врангель.

³⁵ Дидерик Кавер.

и всю Вифленскую землю пожаловал, гнев свой им отложил, и велел бояром своим и наместником Великого Новгорода князю Дмитрею Федоровичу³⁶ и своей отчине Великому Новгороду, и боярину своему и наместнику Псковскому Ивану Петровичу³⁷, и околничему и наместнику Псковскому Василью Петровичу³⁸, и своей отчине Пскову, маистру, и арцыбскопу, и бископу Юрьевскому, и всей Вифленской земле дати перемирье на пятнатцать лет, на то, что маистру Ливонскому, и арцыбскопу Рискому, и бископу Юрьевскому, и бископом и всей земле Вифленской х королю Полскому и великому князю Литовскому // **Л. 8 об.** не приставати никоторыми делы, ни которою хитростью, или хто иной будет государь на Полском королевстве, и на Великом княжестве Литовском, и маистру, и арцыбскопу, и бископом, такъже и всей земле Лифленской к ним не приставати никакими делы; а и дело дудет великому государю Ивану Божию милостью царю и государю всеа Руси, и великому князю с королем Полским и с великим князем Литовским, и маистру Ливонскому, и арцыбскопу Рискому, и бископу Юрьевскому, и бископом и всей земле Вифленской х королю Полскому и к великому князю Литовскому никак не приставати, никоторыми делы, никоторою хитростью по сем перемирным грамотам и по сему крестному целованию. А торг великого государя царя Руского отчин Великого Новгорода и Пскова людем торговати с ливонские земли людьми со всеми, и з заморцы со всеми торговати добровольно всяким товаром по старине, опричь воску да сала. А торговати им своими товары на золото, на серебро, и на мед, и на олово, и на свинец, и на сукна, и на иные всякие товары без вывета, опричь одних пансырей. А что благоверный царь и великий князь Иван // **Л. 9.** Васильевич всеа Руси дань свою Юрьевскую, и старье залоги со всее Юрьевские державы со всякие головы по гривне по немецкой положил на бископове душе, сыскати бископу та дань со всее Юрьевские державы как изстари бывало, и прислати к благоверному царю Рускому в третьей год сего перемирья. А вперед бископу та дань давати на всякой год без перевода по старине и по крестному целованью. А не учнет бископ тое дани сыскивати, и маистру, и арцыбскопу, и бископам, и всем людем Ливонские земли по сей перемирной грамоте и по крестному целованью та дань сыскати самим, и на бископе та дань доправя по старине, прислати к благоверному царю и великому князю Ивану с своими людьми по сему крестному целованью в правду. А у русских гостей у всех, немецким людем товары не барышничати, торговати им своими товары со всякими людьми и з заморцы без барышников. А вес им немцем платити по старине, а церкви русские, и концы, и земли церковные все маистру, и арцыбскопу, и бископу очистити по старине, и отдати гостем ноугородским и псковским первой год сего перемирья. А служилых людей и всяких мастеров // **Л. 9 об.** всяких земель, отколе хто ни поедет, пропускати в благовернаго царя руского державу без всякого задержанья. А великому государю благоверному царю Рускому сослатись о техлюдех с цесарем по своим докончалным грамотам, и толко от цесаря тем людем отпуску не будет, и благоверному царю Рускому на чеснаго князя Лифленского, и на арцыбскопа, и на бискупов, и на всю землю Лифленскую в том гневу не полагаги, и на том на всем повелением великого государя Ивана Божию милостию царя и государя всеа Руси и великого князя приехаша в великого государя царя Руского отчину в Великий Новгород к великого государя бояром и наместником ноугородским ко князю Дмитрею Федоровичу, и к бояром, к житеим, и х купцом, и по всему Великому Новгороду отчине великого государя царя Руского послове немецкие от князя Индрика Гална маистра Неметцкого закона иже в Ливленте, и от его кумен-

³⁶ Дмитрий Федорович Палецкий, новгородский наместник

³⁷ Иван Петрович Федоров, псковский наместник.

³⁸ Василий Петрович Борисов, псковский наместник.

дерев, и от архыепископа Риского, и от бископа Юрьевского, и от бископа Островского, и от бископа Курского, и от бископа Кольванского, и от бергоместеров, и от ратманов, и от всее маистрове державы, и от всех его городов, и от всех добрых людей, // **Л. 10.** и от бископлих людей и от всее Лифленские земли, и добиша челом великого государя царя Руского бояром и наместником ноугородцким князю Дмитрею Федоровичю послове немецкие Иван Бокостр, да Ортем Грутгус, да писарь Бенедикт, да толмач Мелхер, да бускупли послы Володимер Франгел, на Тимофей Ковер, да Власей Бека, и упросиша перемирья у великого государя царя Руского наместников ноугородцких за великого государя отчину за всю Ноугородцкую землю на пятнадцать лет, от Покрова Святей Богородицы лета сем тысяч шездсят третьяго, до Покрова Святей Богородицы лета семь тысяч семьдесят осмаго, и прикончаша перемирье за всю маистрову державу, и за архыепископлю, и за бископа Юрьевского державу, и за всех бископов, и хза всю землю Лифленскую на том, держати это перемирье крепко на обе стороны, как в сей перемирной грамоте писано. А не будет Ливонские земли людей по сему крестному целованью исправленья, и благоверному царю Рускому за их крестное преступление искати своего дела самому, обослав своими посланники. А будет исправление, ино земле // **Л. 10 об.** и воде Великому Новугороду со князем маистром старой рубеж, из Чюцкого озера стержнем Норовы реки, и поперек отсрова, что ниже Ивана города и Ругодива на реке на Норове, да в Солоное море, по старым грамотам по крестным, по княж маистрове грамоте и по крестному целованью. А великого государя Руского царя людем ноугородцом через тот рубеж через стержень Норовы реки, и в половину острова, что ниже Ивана города и Ругодива в маистрову сторону не вступатись, ни пожень не косити, ни леса не сечи, ни земли не орати, ни воды не ловити. Так же и маистру и его людем через стержень Норовы реки в великого государя Ивана Божию милостью царя и государя всеа Русии и великого князя в вотчину в ноугороцкую половину Наровы реки в правую сторону, и в половину острова, что ниже Ивана города и Ругодива не вступатися ничем, ни пожень не косити, ни леса не сечи, ни земли не орати, ни воды не ловити, знати комуждо своя половина по кресному целованью. А из великого государя царя Руского отчины из Ноугородцкие земли людем его по маистрове державе, и по архыепископли земли, и по бископлим землям в Юрьев, и в Ругодив, и на Ригу, и в Кольвань, и во все города Лифленские земли ездити добровольно, и купити и продати гостем ноугороцкие земли добровольно всякий товар без вывета по старине, на чом // **Л. 11.** благоверному царю и великому князю маистровы послы добили челом, а маистру, и архыепископу, и бископу через сю перемирную грамоту товару никакова никак не заповедывати во княж маистрове державе, в Юрьеве, и на Кольвани, и в Риге, и в Ругодиве, и во всех городех маистровы державы, и в архыепископлих и в бископлих городех. А сторгует ноугородец с немчином на Ругодиве, а будет товар у немчина Лифленские земли или у заморца в бусе, ино ноугородцу тот товар у немчина добровольно взятии из бусы через край в лодью. А от того ругодивцем кун не имати. А у купчин у ноугодцких немцом воску не колупати, оприче того, что укулупив на опыт немного, да отдаст назад ему же. А вощаной вес спустити с ноугороцкими капми. А весити вперед по крестному целованью. А весче имати от вздыма от скалового и дутшкилики против трех денег по старине, а приедет ноугородец на Ругодив с воском, или з белкою, или с ыным с каким товаром, а похочет ехати на Ригу, или на Юрьев, или на Кольвань, или в ыной которой город, а положит товар на телегу, ино от того товару весчего не имати, а наймет ноугородец // **Л. 11 об.** которого извощика, ино тому на телегу и с телеги класти, а похочет ноугородец на Ригу, или на Юрьев, или на Кольвань ехати, или в которой в ыной город, ино вольно наняти гороженина или селянина. А свернет ноугородец с пути, ино в том ноугородцу пени нет, а путь указати.

А понадобитца ноугородцу конь купити в маистрове державе, и в арцыбископлих, и в бископлих городех, и во всей их земле, ино ноугородцу дати от грамоты верник, а на Ругодиве судье объявити, а выводного дати денга, а на пути ноугородцу конь купити добровольно, а в Ругодиве датив ерник, а выводного денга, а которой ноугородец конь купит в маистрове державе, и в арцыбискупове, и в бископлих, а приведет того коня судье объявити, ино судье коня ти не отимати, а денег сильно не намetyвати. А так-же княж маистровым гостем по великого государя царя Руского отчине, по Ноугородцкой земле горою и водою путь им чист безо всяких зацепок, и торговати им всяким товаром без вывета добровольно и солью. А в дворех им в своих в Новегороде торговати по старине, а корчем немцом в Новегороде и по по пригородом в Ноугородцкой земле // **Л. 12.** не продавати. Так же и послом государевым Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, и послом наместников Ноугородцких, и послом Иванегородцкого наместника по княж маистрове державе, и по арцыбискупове земле, и по бискуплим землям горою и водою путь им чист безо всяких зацепок на Ригу, и на Юрьев, и на Кольвань, и на Ругодив, и по всем их городом, иди поедут от великого государя Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Руси, и великого князя послы его к иным государем за море, или к государю к Ивану Божьею милостью царю и государю всеа Руси и великому князю пойдут от иных государей послы их, и тем обоим послом через Лифленскую землю по княж маистрове державе и по арцыбискупове земле и по бискуплим землям горою и водою путь им чист безо всяких зацепок на Ригу, и на Юрьев, и на Кольвань, и на Ругодив, и по всем их городом во всю землю Ливонскую, и послов не задерживати, и постоянного, и перевозов, и проводного не имати на обе стороны. А блюсти немцом великого государя Ивана Божьею милостию царя и государя всеа Руси и великого князя послов, и наместников ноугородцких послов, и Иванегородцкого наместника послов, и людей, // **Л. 12 об.** и гостей всех Ноугородцкие земли земли на своих городех, и на земле, и на море как своего немчина безо всякие хитрости. Так же и маистровым ливонского, арцыбископлю, и бискуплим послом к великому государю Ивану Божьею милостью царю и государю всеа Руси и великому князю по его отчине по всем городом, и к его наместником ноугородцким, и к иванегородцкому наместнику горою и водою путь чист безо всяких зацепок, и послов не задерживати и отпущати без мешканья. А блюсти великого государя наместником маистровых, и арцыбископлих, и бископлих послов и гостей и всей земли Ливонской на великого государя городех на земле и на воде, как своего ноугородца безо всякие хитрости. А о обидных делех о всяких наместником ноугородцким великого государя со князем маистром ссылатися послы с вели [...] ³⁹ с ноугородцкими, и управа дати всяким обидным делом на обе стороны по крестному целованью в правду безо всякие хитрости в третей год сего перемирья. А вперед на кором городе почнетца какво дело ноугородцу в маистрове державе [...] ⁴⁰ и в бискуплих // **Л 13.** державах, и во всей земле Лифленской, ино туто ему управа дати по исправе и по крестному целованью, не в великих делех до десяти рублев ноугородцких, а выше десяти рублев какво будет дело, ино в тех [...] ⁴¹ и в арцыбискуплих и в бискуплих городех ноугородца с немчином не судити, а дати ответчика ноугородца на поруку, а по котором не будет поруки, ино его дотоле держати на крепости, да о том им сослатися с наместники ноугородцкими. А в Ноугородцкой земле какво будет дело немчину Лифленские земли, ино также ему туто управу дати по исправе и по крестному целованью не в великих же делех, до десяти рублев ноугородцких, а выше десяти рублев какво дело

³⁹ В тексте пропуск половины строки. Судя по смыслу — «с великого князя наместниками».

⁴⁰ В тексте пропуск 1–2 слов, судя по смыслу — «в арцыбископовой».

⁴¹ В тексте пропуск 2–3 слов.

будет, ино в Новегороде немчина с ноугородцом не судити ж, а дати ответчика немчина на поруку, а по котором не будет поруки, ино его дотоле держати на крепости, да о том наместником ноугородцким сослаться с маистром, да срок учинити обоим истцом, с обеих сторон стати на съезде [...] ⁴² на вопчем острове, а наместником ноугородцким, и маистру, и арцыбископу, и бископу, и бергомейстером, и ратманом, где будет то дело в чьей державе, сослати по тому сроку // **Л. 13 об.** на съезд судей, а судьям те дела судивши судом вопчим, да и управа им тем делом чинити с обыском по крестному целованью. А дойдет которой немчин до казни в каком деле ни буди в Ноугородцкой земле, ино его в Новегороде не казнити, а сослаться о том наместником ноугородцким с маистром, да срок учинити поставити того немчина на съезде перед судьями, а дойдет в какове деле ни буди ноугородец до казни в немецких городех в маистрове державе, и в арцыбискупных, и в бискупных городех, и того ноугородца в немецких городех также не казнити, а обослаться маистру, или арцыбископу, и бископом с наместники с ноугородцкими, да срок учинити поставити того ноугородца на съезде перед вопчими судьями, а судьи вопчие учинят тем делом конец на съезде с обыском по крестному целованью. А взышет ноугородец на немчине, а досудят до целованья, ино целовати ответчику немчину, а взышет немчин на ноугородце ж, а досудят до целованья, ино целовати ответчику ж ноугородцу; а судити немчина как своего ноугородца, а знати истцу // **Л. 14.** истца по своей исправе, а порубу в том не бытии на обе стороны. А что написано в первых перемирных грамотах великих государей Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Русии и великого князя, и великого государя Василья Божьею милостью царя и государя всеа Русии и великого князя, которые купцы ноугородцкие в Юрьеве, и во княж маистровых городех, и в арцыбискупных, и в бискупных, и во всей земле Лифленской поиманы, и товар у них поотиман, и маистру, и арцыбископу, и бископу Юрьевскому, и всем бископом тех купцов ноугородских всех со всем их товаром отпустить, а которых будет купцов ноугородских не стало в том нятстве, или которой утек ис того нятства, а товар их остался в маистрове державе, и в арцыбискупле, и в бископове Юрьевского державе, и в ьных бископов державе, и во всей земле Лифленской, или которой товар ноугородцкой у кого положен в их державах, и князю маистру, и арцыбископу, и бископу Юрьевскому, и иным бископом тот товар весь отдати // **Л. 14 об.** ноугородцким купцом, и сего будет того товару маистр, и арцыбископ, и бископ Юрьевской, и все бископы, и их люди по тем перемирным грамотам в те годы ноугородцам не отдали, и тем делом всем великого государя наместником ноугородцким обослався с маистром, и с арцыбископом, и з бископы учинити срок на съезде в третьей год сего перемирья, да ноугородцом на том съезде целовати крест, кому будет того товару не отдали, и маистровым людем, и арцыбискупным, и бискупным людем то платити, а наместнику Иванегороцкому целовати крест на том, каково будет дело ругодивцом до иванегородцов, и ему того обыскивати, и управа давати всяким обидным делом напярме по крестному целованью. Также ругодивскому князю и судьям крест целовати на том, каково дело будет иванегородцом до ругодивцов, и им того обыскивати и управа давати всяким обидным делом напярме по крестному целованью. А татя, беглеца, и холопа, и робу, по крестному целованью обыскав, по исправе выдати. А церкви Божьи Руские, и концы, и земли церковные в маистрове державе, и в арцыбискупле, и в бискупных державах где ни буди, и те церкви очистити // **Л. 15.** совсем, и держати по старине, а их не обидити, а которые дела промеж великого государя

⁴² В тексте пропуск 1–2 слов.

отчины Ноугороцкие земли с Лифленскою землею делались до сего перемирья, и тем делом всем дерт⁴³ на обе стороны, опричь тех дел, которые в сей перемирной грамоте имянно писаны. А в котором городе в маистрове державе, и в арцыбискуплих землях, и в бископлих землях у ноугородца бороду выдерут, ино того немчина с ноугородцом поставити на съезде перед судьями на вопчем суде, а доведут на того немчина на вопчем суде перед судьями судом и исправою, и судьям то немчину учинити вина и казнь по суду. А что было преж сего поедет наместников ноугороцких посол ко князю маистру, или в Ригу, или в Колывань, ино маистров проводник в Ругодиве имал на наместничих послах рубль; также маистров посол поедет к великому государю, или к его наместником в Новгород, ино ноугороцкой проводник на Яме городке имал у маистрова посла рубль, и того рубля не имати на обе стороны ни в Ругодиве на наместничих послех, ни на Иванегороде на маистровых послех, а проводника давати на обе стороны безкунно, в Ругодиве великого государя послом, и наместничим послом, и Иванегороцкого наместника послу до князя маистра, и до Риги, и до Колывани, // **Л. 15 об.** а на Иванегороде княж маистрову послу до Новагорода до Великого. А что в Новегороде в Великом имали на маистровых послех подворное, а в немецких городех в маистрове державе, и в арцыбископле, и в бископлих городех имали подворное на послех ноугороцких наместников, и впредь послом на обе стороны давати подворья, а подворного на послех не имати, а порубу не бытии ни в чем на обе стороны. А хотя будет промеж великого государя отчин Великого Новагорода и Пскова с Лифленскою землею и дело каково, ино в обеих сторонах в великого государя отчинах в Великом Новегороде, и во Пскове, и во всех городех, а в немецких в маистрове державе, и в арцыбискуплих, и в бископлих городех, и во всей земле Лифленской посла и гостя в том не порубати и не грабити, и товару у гостей не отнимати, а отпустить послов и гостей со всем на обе стороны добровольно безо всякие зацепки. А на том на всем на сей грамоте повелением великого государя Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Руси и великого князя боярина и наместника ноугороцкого князя Дмитрея Федоровича, целовали крест боярин ноугороцкой Василей Иванович Квашинин, да староста купецкой Олексей Дмитриев сын Сырков, да Иван Борзунов, а боярин и наместник князь Дмитрий Федорович на сей перемирной грамоте руку дал, и печать свою привесил, а от князя маистра, и от арцыбископа Риского, и от бископа Юрьевского, и от всех бископов которые в сей грамоте писаны, и от всее земли Вифленские маистровы державы на сей грамоте целовали крест послы немецкие Иван Бокостр, да Ортем Грутгус, да писарь Бенедикт, да толмач Мелхер, да бископли послы Володимир Франгель, да Тимофей Ковер, да Власей Бека, да и печати свои к сей грамоте привесили, а как великого государя и царя Руского наместники ноугороцкие пошлют своего посла ко князю маистру, и князю маистру перед тем послом на сей грамоте самому крест целовати, и за арцыбископа, и за бископов, и за все свои города, и за всю свою державу за Лифленскую землю, и печать своя маистру к сей грамоте привесити // **Л. 16 об.** а арцыбископу Рискому, и бископу Юрьевскому руки дати за свои державы, и печать своя к сей грамоте привесити. А кончали перемирье в Великом Новегороде лета 7062.

РГАДА. Ф. 64. Он.2. Д.11. Л. 7-16 об.

⁴³ Так в рукописи.

**Договор псковских наместников с дерптским епископом,
24 июня 1554 г.**

Копия с перемирной грамоты учиненной в Новегороде на пятнадцать лет, между бискупа Юрьевского и псковскими наместники, на которой крестъ целовали юрьевские послы Володимер Франгель да Тимофей Ковер с товарищи, а с государеву сторону старосты псковские Иван Никитин сын Ковырин, да Григорий Семенов сын Покрышкин.

Л. 1. По Божией воле, и по великого государя велению царя Руского Ивана Божию милостию государя всеа Руси, и великого князя Володимерского, и Московского, и Ноугородского, и Казанского, и Псковского, и Смоленского, и Тверского, и Югорского, и Пермьского, и Вятцкого, и Болгарского и иных. Се приехаша в великого государя царя Русаго отчину в Великий Новгород, к великого государя и царя Руского к боярину и наместнику ко князю Дмитрею Федоровичу из великого государя и царя Руского отчины изо Пскова от его боярина и наместника псковского Ивана Петровича и от околничего и наместника Василия Петровича⁴⁴, и от всего великого Пскова отчины великого государя и царя Руского послы наместников псковских старосты псковские Иван Никитин сын Ковырин, да Григорей Семенов сын Покрышкин. Так же приехаша от чеснаго бискупа Юрьевского и от посадников и от ратманов и от земных бояр и от всех юрьевцов послы юрьевские Володимер Франгел, да Тимофей Ковер, да Власей Бека в Великий Новгород. И добиша челом великого государя царя Руского боярину и наместнику в Великом Новегороде князю Дмитрею Федоровичю. И прикончаша перемирье с послы псковскими отчины великого государя и царя Руского с старостами псковскими на пятнадцать лет от Покрова святыя Богородици, лета 7063, до Покрова святыя Богородици лета 7078 за чеснаго бискупа Юрьевского, и за посадников, и за ратманов и за всех юрьевцов, и за их земных // **Л. 1 об.** бояр и за все города и за всю юрьевскую державу на то, что благоверный царь, князь Иван Васильевич всеа Русии положил был гнев на чеснаго бискупа Юрьевского, и на ратманов, и на посадников за порубежные дела, и за гостей ноугородцких и псковских бесчестыя и за обиды и за торговые неисправленья, и за церкви руские, и за концы, и за дань, и за старые залогы, и что из Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали. И за то не велел был наместником своих отчин Великого Новогорода и Пскова дати перемирья. И мы, послы бискупа Юрьевского, Володимер Франгел, да Тимофей Ковер, да Власей Бека били челом благоверному царю Рускому и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, его бояры за чеснаго бискупа Юрьевского, и за посадников, и за ратманов, и за всю юрьевскую державу, чтоб Государь пожаловал, гнев свой отложил, и велел отчин своих наместником Великого Новогорода и Пскова дати перемирье на колко лет пригоже. А бискуп Юрьевский и вся держава Юрьевская в те лета по перемирной грамоте, и по крестному целованью во всех делех исправятца. А дань и старые залогы собрав по крестному целованью пришлют благоверному царю Рускому в третей год сего перемирья. А вперед ту дань учнут присылати на всякой год бес перевода. И благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии для бояр своих челобитья бискупа Юрьевского и всю юрьевскую державу пожаловал, гнев им свой отложил. И велел бояром своим и наместником Великого Новогорода и Пскова дати перемирье на пятнадцать лет, от Покрова святыя Богородици, лета 7063

⁴⁴ Окольничий В. П. Борисов.

// **Л. 2.** до Покрова святых Богородицы лета 7078. А то перемирье по сей грамоте держати крепко на обе стороны. А рати и войны неподымати. А дань благоверного царя Руского со всею Юрьевские державы со всякие головы по гривне по немецкой, опричь церковных людей богомолцов, и старые залогы, как бывало изстари. И благоверный царь и великий князь ту свою дань и старые залогы положил на бископле душе, и бископу Юрьевскому та дань сыскати самому в правду по крестному целованью, как изстари бывало. Да собрав та дань по старине, прислати к благоверному царю и великому князю в третей год сего перемирья по сему крестному целованью. А вперед та дань давати бископу Юрьевскому на всякий год бес перевода по старине по крестному целованью. А великого государя и царя Руского наместником псковским и отчины его великому Пскову в те перемирные лета бископа Юрьевского земли и всей его державы не воевати, ни зацепляти ничем, ни на воды его, ни на земли не наступати. Так же бископу Юрьевскому и изо всей его державы в те лета великого государя царя Руского отчины, Псковские земли, не воевати, ни зацепляти ничем, ни на земли их, ни на воды не наступати. А промеж великого Пскова и Юрьева земле и воде старой рубеж по старым грамотам. А озеро Великое псковичем ловити к своему берегу, а за озеро Великое псковичем ловити не ездити на немецкую сторону. А станет по грехом изнеможенье, ветром занесет псковского ловца на немецкую сторону, ино в том пени нет. Так же и немцом озеро // **Л. 2 об.** Великое ловити к своему берегу, и за озеро за Великое немцом ловити не ездити на псковскую сторону. А по грехом станет изнеможение, занесет ветром немецкого ловца на псковскую сторону, ино в том пени нет. А во Псковское озеро немцом ловити не ездити. А на Измене⁴⁵ немцом норных тенет не имати. А псковичем на Измене тенет норных не имати ж. А что отчина великого государя Псковь били челом Ивану, Божию милостью царю и государю всеа Руси и великому князю о том, что бископли люди юрьевского вступились в псковские земли и воды через старой рубеж, и великий государь наместником ноугородским на ту землю послати судей на съезд. А великого государя наместником псковским, и отчине великого государя Пскову, з бископомъ с Юрьевским учинивши срок, да на ту землю сослати людей честных на съезд. А бископу Юрьевскому х тому сроку на ту землю послати своих людей честных на съезд. И те судиа великого государя, и люди добрые с обеих сторон на ту землю съехався, да обыскав по крестному целованью, учинят земле и воде рубеж по старым перемирным грамотам и по сему крестному целованью. А вперед на чужую землю и воду не полести на обе стороны. А хто с которые стороны полезет на чужую землю или воду, ино тому живота не дати. А из великого государя и царя Руского отчины, изо Псковские земли, гостем с купцами по бископове державе Юрьевского на Юрьев, и на Ригу, и на Кольвань, и на Ругодив и во все города и в державу бископа Юрьевского горою и водою путь чист, приехати и отъехати безо всякие зацепки, и купити доброволно // **Л. 3.** всякой тавар у всяких гостей Вифлянские земли, и у заморцов золота, и серебро, и медь, и олово, и свинец, и сукна, и иные тавары, опричь одних пансырей. Также и продавати всякие свои тавары без вывета, опричь воску да сала, да и на Матерую реку псковичем ездити торговати доброволно по старине, и на розницу или вместе продавати псковичем тавар свой доброволно же всяким гостем Лифленские земли и заморцом. И ис погребов псковичем торговати доброволно по старине по крестному целованью. А конопля и лен любити немцов на подворье или на учане, или на берегу. А толко ся скалавницы приведут, ино от скалавницы конопель или лну не ворочати, и по весем не вымежывати. А колоде во всей Юрьевской земле не быти нигде, и гостинца от того не имати. Такъ же бископа Юрьевского людем и изо всех городов его державы великого государя отчину во Псковскую

⁴⁵ Имеется в виду так называемая Узмень — пролив между Псковским и Чудским (Великим) озерами.

землю во все города или к Новгороду к Великому по Псковской земле горою и водою путь им чист, приехати и отъехать безо всякие зацепки. И купити и продати доброволно всякой тавар без вывета, и соль, опричь воску и сала. А корчмы немцом во Псковской земле не продавати. А весчее имати у гостей и у купцов у псковских в немцах в бископове державе по старине, от скалового веса по денге. А во Псковской земле у немецких гостей бископовы державы имати от скалового веса по четыре любетцких по старине. А воску у псковских гостей немцом не колупати, опричь того, что, уколупив на опыт, да ему отдати ж назад. А что написано в первых // **Л. 3 об.** перемирных грамотах великих государей Ивана Божию милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, и сына его, великого государя Василья, Божию милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, которые купцы псковские в Юрьеве и в ыных городех во всей бископове державе поиманы, и тавар их поотниман, и бископу Юрьевскому тех купцов псковских всех со всем их таваром отпустить, а которых купцов в том нятстве не стало, или которые ис того нятства утекли, а тавар их остался в Юрьеве, или которой тавар псковской у кого положен в Юрьеве и в ыных в бископовых городех, и бископу Юрьевскому тот тавар весь отдати псковичем. А чего буде того тавару бископ и его люди после тое грамоты перемирные в те годы псковичем не отдали, и тем делом всем великого Государя наместником псковским и псковичем, обослався бископом с Юрьевским учинити срок на съезд в третей год сего перемирья. Да псковичем на съезде на том целовати крест, кому будет того тавару чего не отдали, а бископлим людем то им платити. А на котором городе почнетца каково дело псковитину в бископове державе Юрьевского во всех его городех, ино туту ему управа давати по исправе, и по крестному целованью не в великих делех до десяти рублей псковских. А выше десяти рублевъ будет каково дело, ино в техъ городех бископове державе псковитина с немцином не судити, а дати ответчика псковитина на поруку. А по котором не будет поруки, ино того дотоле // **Л. 4.** держати на крепости, да о том сослатися с великого государя наместники псковскими. А во Псковской земле каково будет дело немчину бископовы державы Юрьевского, ино также туту ему и управа дати по исправе и по крестному целованью не в великих делех, до десети рублей псковскихъ. А выше десети рублев каково дело будет, ино во Пскове немчина со псковитином не судити, а дати ответчика немчина на поруку, а по котором не будет поруки, ино его дотоле держати на крепости, да о том великого государя наместником псковским сослатися з бископомъ с Юрьевским, да срок учинити обоимъ исцем с обеих сторон стати на съезде. А великого государя наместником псковским и бископу Юрьевскому и ратманом и бояром земным Юрьевским сослати х тому сроку на съезд судей, и судиам те дела судити на съезде судомъ вопчим, да и управа им тем делом всем учинити с обыском по крестному целованью. А дойдет которой немчин до казни в какове деле ни буди во Псковской земле, ино его во Пскове не казнити, а сослатца о том великого государя наместником псковским з бископом с Юрьевским, да срок учинивши, поставити того немчина на съезде перед судьями. А дойдет в какове деле псковитин до казни в бископове державе Юрьевского во всех его городех, и того псковитина в бископове державе Юрьевского так же не казнити, а обослаца бископу Юрьевскому с великого Государя наместники псковскими, да срок учинивши поставити того псковитина на съезде перед вопчими судьями. А судьи // **Л. 4 об.** вопчие учинят тем делом конец на съезде с обыском по крестному целованью. А съезду быти на рубеже под Новым городком⁴⁶. А възыщет псковитин на немчине, а досудят до целованья, ино целовати ответчику немчину. А възыщет немчин на псковитине, а досудят до целованья, ино целовати ответчику псковитину. А судити немчина как своего пско-

⁴⁶ Ливонский город Нейгауз.

витина. А в немцах судити псковитина как своего немчина. А знати истцу истца по своей исправе. А порубу в том не быти на обе стороны. А намеснику изборскому и людем добрым изборчаном целовати крест на том, каково будет дело Новагородка людем до изборчан, и им того обыскивати, и управа давати всяким делом обидным на пряме по крестному целованью. Также и Новагородка наместнику, бископле Юрьевского бископа, и судьям Нового городка крест целовати на том, каково дело будет изборчаном до людей Нового городка, и им того обыскивати и управа давати делом обидным на пряме, по крестному целованью. А татя и беглеца и холопа и робу по крестному целованью, обыскав, по исправе выдати. А церкви руские, и земли церковные и конец русской в Юрьеве бископу Юрьевскому очистити, и отдати гостем псковским держати по старине, а не обидити. А взятое церковное отдати все. А в котором городе в бископове державе Юрьевского у псковитина бороду выдерут, и того немчина со псковитином поставити на съезде перед судьями на вопчем суде. А доведут на того немчина на вопчем суде перед судьями судом и исправою, и судьям тому немчину учинит вина и казнь по суду. А порубу не бытии // **Л. 5.** ни в чем на обе стороны. А хотя будет промеж великого государя отчины Пскова, з бископлею землею Юрьевского и дело каково, ино в обеих сторонах в великого государя отчине во Пскове, а в немцах в бископове державе Юрьевского во всех его городех посла и гостя в том не порубати и не грабити, и тавару у гостей не отнимати, а отпускати послов и гостей со всем на обе стороны доброволно безо всякие зацепки. А в те перемирные лета наместников псковских послу по бископле державе Юрьевского по всемь его городом путь чисть горою и водою приехати и отехати доброволно безо всяких зацепокъ. И толмачем Юрьевским от толкованья у псковских послов гостинца неимати. И дрова псковичем под Юрьевом имати по старине по крестному целованью доброволно. А блюсти бископу Юрьевскому великого государя царя Руского отчины послов наместников псковских, как своего немчина, безо всякие хитрости. Так же и бископа послу по Псковской земле путь чист горою и водою, или к Новому городу по Псковской земле приехати и отъехати доброволно безо всяких зацепок. А о обидных делехъ о всяких посылати послов управы просити до трижды на обе стороны, и учинят в чем управу, ино Бог дай так. А не учинят с которые стороны обидным делом управы, и тем делом срок учинити на съезде, да учинят тем делом конец судьи на съезде по крестному целованью. А что по первым перемирным грамотам, которым делом с которые стороны конца не учинят, и псковичи с немцы в том промеж себя порубалися, а имали за свое на рубеже, и вперед которым делом с которые стороны сами конца не учинят, и тем делом всем быти на съезде // **Л. 5 об.** перед вопчими судьями. А судьям вопчим на съезде всем делом чинити конец обыском по крестному целованью, и по сей перемирной грамоте. А порубу не быти ни в чем на обе стороны. А посла и гостя и их тавар в том непорубати и миру тем не рушити, тот мир держати до урочных лет по сей перемирной грамоте крепко. А рати и войны не починати никоторою нужею на обе стороны, и грамот перемирных в те лета не отсылати на обе стороны. А старым делом всем дерт на обе стороны, опричь тех дел, которые в сей перемирной грамоте писаны. А се перемирье бископу держати крепко безо всякие хитрости по крестному целованью, и по сей перемирной грамоте. А как отоидут се лета по сей перемирной грамоте, ино быти месяцу на обе стороны. А в том месяце рати и войны не подымати на обе стороны по крестному целованью. А послом в том месяце ездити путь чист на обе стороны по крестному целованью. А не порубати посла и гостя и с их таваром ни в великом деле, ни в малом, никоторою нужею по крестному целованью. А за татя, и за разбойника, и за головника не стояти по крестному целованью на обе стороны. А с которые стороны не учнут правити крестного целованья, ино на того Бог, и крестное

целованье, и мор, и голод, и огонь, и меч. А отойдут лета, и нам жити в старом миру. А коли будет нелюбовь великого государя царя всеа Русии отчины наместников псковских, и отчины его Пскова до меня, юрьевского честнаго бископа, и до посадников, и до ратманов, и до всех юрьевцов. Или мне, честному бископу Юрьевскому, и посадником, и ратманом и всем юрьевцом будет нелюбовь, до великого государя наместников псковских, // Л. 6. и отчины его Пскова, ино мир нам отказать. А потомъ олиже месяц пройдет, четьре недели, то на обе стороны воиватися. А в том месеце послом ездити на обе стороны безо всякие пакости. А на сей перемирной грамоте руку дал и печать свою приложил великого государя царя Руского боярин и наместник Великого Новгорода княз Дмитрий Федорович, также великого государя царя Руского боярин и наместник псковский Иван Петрович. И околничей и наместник Василей Петрович руки дали, и печати свои приложили. А старостам псковским крест целовати за Псков, и за все псковские городы и за всю Псковскую державу, и за отчину великого государя царя Руского. А честному бископу Юрьевскому рука дати и печать своя приложити. А посаднику юрьевскому и всем добрым людям крест целовати за Юрьев, и за всю юрьевскую державу, и печать юрьевская приложити. А на сей перемирной грамоте крест целовали старосты псковские великого государя царя Руского отчине, в Великом Новгороде Иван Никитин сын Ковырин, да Григорей Семенов сын Покрышкин. Также послы бископа Юрьевского Володимер Франгель, да Тимофей Ковер, да Власей Бека, крест целовали за Юрьев и за всю юрьевскую державу. А как пошлют великого государя царя Руского бояре и наместники псковские Иван Петрович и Василей Петрович своего посла к бископу Юрьевскому, и честному бископу Юрьевскому рука дати, и печать своя приложити. А посаднику юрьевскому и людям добрым бископа Юрьевского державы крест целовати за Юрьев, и за всю Юрьевскую державу, и печать юрьевская приложити. А кончали перемирие в великого государя царя Руского отчине в Великом Новгороде. Лета 7063, месяца июня.

*РГАДА. Ф. 64. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–6.
Список (дефектен, с пропусками слов);
РГАДА. Ф. 64. Оп. 2. Д. 11. Л. 27–37.*

Позвольские соглашения 1557 года

В 1556 г. в Ливонии вспыхнула так называемая «война коадьюторов»¹. Она стала результатом попытки реализации планов Пруссии и Королевства Польского по аннексии Ливонии или, по крайней мере, подчинению ее влиянию польской Короны (по образцу Пруссии, ставшей вассалом Ягеллонов в 1525 г.). Главным организатором интриги был прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн, давно мечтавший покончить с ливонской ветвью Тевтонского ордена: еще в 1526 г. он советовал Сигизмунду I Старому договориться с Москвой о разделе Ливонии². В 1529 г. ему удалось при помощи короля добиться для своего младшего брата Вильгельма должности коадьютора при рижском архиепископе Томасе Шеннинге³, которому Вильгельм и наследовал десять лет спустя. Гарантировав таким образом польско-прусское влияние в Рижском диоцезе, Альбрехт готов был продолжить агрессивную ливонскую политику, но только в сентябре 1552 г. он получил принципиальное одобрение нового польского короля Сигизмунда II Августа, предложившего герцогу разработать конкретный план присоединения Ливонии⁴. По всей видимости, изначально речь шла о заключении союзного договора между польской Коронай и орденом, на необходимости которого в должен был настаивать Вильгельм и пропольски настроенные советники в самом ордене⁵. Но серьезным препятствием к тому были неурегулированные пограничные споры между Ливонией и Великим княжеством Литовским: осенью 1553 г., как раз накануне заседания ливонского ландтага, на котором должен обсуждаться вопрос о союзе, троцкий воевода Николай Радзивилл устраивает крупный набег на район Бауске. И в январе 1554 г. ливонские сословия вместо альянса с польским королем решают продлить перемирие с Москвой, желательно на 30 лет⁶.

Между тем еще в октябре 1553 г. к архиепископу Вильгельму обратился с просьбой молодой мекленбургский герцог Ян Альбрехт: пристроить его брата Кристофа в орден или на должность рижского коадьютора, так как сам герцог не может содержать многочисленное потомство своего отца⁷. Альбрехт Гогенцоллерн довольно скоро оценил перспективы подобного назначения и в глубокой тайне принялся за разработку так называемого «коадьюторского плана». В феврале 1554 г. по совету Альбрехта архиепископ Вильгельм дает свое согласие на кандидатуру Кристофа. В течение последующих полутора лет прусскому и мекленбургскому герцогам удалось заручиться поддержкой императора Карла V, римского папы, князей Священной Римской империи. Неудачей закончились только переговоры с королем Дании Кристианом III, который не высказался резко против, но и не выразил полной поддержки кандидатуре Христофа Мекленбургского⁸.

* Впервые опубликовано: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151–184. — Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 09-01-95105 а / Э.

¹ Современники называли ее также «кokenхузенская война». (Das Buch der Aeltermänner grosser Gilde in Riga // *MLA*. Riga; Leipzig, 1844. Bd. 4. S. 105).

² *Instructio a duce Prussiae data nuntio ad regem Poloniae misso* // *Acta Tomiciana*. Posnaniae, 1876. T. 9. F. 313. Nr. 312.

³ *Botschaft des Königs von Polen an den EB. und OM., die Wahl des Markgrafen Wilhelm zum Coadjutor etc. betreffend* (1529) // *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des letzten Erzbischofs von Riga, Markgr. Wilhelm von Brandenburg, und seine Zeit* // *MLA*. Riga; Leipzig, 1847. Bd. 5. S. 667–668. Nr. 267.

⁴ *Olewnik J.* Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant do monarchii Jagiellońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // *Komunikaty mazursko-warmińskie*. *Kwartalnik*. 1979. Nr. 4 (146). S. 396–397.

⁵ 1552, December, o. O. Erzbischof Wilhelm an Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland // *HA-57*. S. 61–62. Nr. 1570.

⁶ *Wolmarscher Landtagabschied vom 17 Januar 1554* // *MLA*. Bd. 5. S. 506–508. № 183.

⁷ 1553 October 18, Kokenhusen. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // *HA-57*. S. 76–77. Nr. 1590.

⁸ *Olewnik J.* *Op. cit.* S. 402; *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. København, 1973. S. 30–32.

Таким образом, план Альбрехта, окончательно подготовленный к июню 1555 г., был прост. Назначение Кристофа, «многообещающего юноши 18 лет» (род. 1538), должно будет вызвать недовольство руководства ордена. Возможно, расчет был также и на то, что Кристоф окажется несовместим с суровым миром северных крестоносцев в нравственном отношении. Потеряв отца в 10 лет, юноша получил «женское воспитание» при дворе его матери в обществе придворных дам. В 16 лет он впервые оказался игрушкой в руках политиков — был послан в Париж в качестве заложника от протестантских князей. В 17 лет стал обладателем титула епископа Ратцебургского. По словам Г. В. Форстена, Кристоф был

«...изнеженный, под постоянной опекой боготворившей его матери, для своих лет слишком рано вкушивший всех мирских удовольствий в бытность свою во Франции, религиозно индифферентный, без надлежавшего образования, занятый одною только мыслью, как бы веселее и беспечнее провести жизнь...»⁹.

Такой легкомысленный коадьютор не мог не вызывать раздражения у ордена. Но главное — кандидатура Кристофа противоречила рецессу Вольмарского ландтага 1546 г., по которому представитель наследственной аристократии не мог быть назначен коадьютором или епископом, поскольку это грозило секуляризацией ордена¹⁰.

По мнению Альбрехта, коадьюторство Кристофа должно было спровоцировать выступление ордена против Рижского архиепископства — и тогда Сигизмунд II получил законное право вмешаться в конфликт как протектор и родственник архиепископа Вильгельма. Вмешательство может иметь любые формы, вплоть до отправки войск на защиту архиепископа и его коадьютора, т. е. фактически — военного вторжения и интервенции. 1 сентября 1555 г. на встрече с Альбрехтом Сигизмунд II принял план и обещал оказать Кристофу полную поддержку¹¹.

25 ноября 1555 г. Кристоф прибыл в Ригу. Две недели спустя, 9 декабря, Вильгельм отправил магистру Генриху фон Галену (избран главой ордена в 1551 г.¹²) письмо, в котором извещал о прибытии Кристофа и о своем желании назначить его своим коадьютором. Этот выбор поддержан римским королем Фердинандом, мекленбургским герцогом Яном Альбрехтом, а также князьями империи. Все эти сановники не признают решения Вольмарского ландтага 1546 г., и с этим ордену придется считаться. Поэтому Вильгельм просит магистра или согласиться с кандидатурой Кристофа, или четко и недвусмысленно обозначить свою позицию по этому вопросу.

12 января 1556 г. на заседании конвента в Вендене выступил польский посол Каспар Ланский, еще в декабре прибывший ко двору архиепископа Вильгельма, где уже находились послы из Мекленбурга и Пруссии (Ян Гофман, Иоахим Кляйнов, Иоахим Краузе и Бальтазар Ганс). Ланский предъявил требование Сигизмунда II как протектора рижского архиепископа избрать коадьютором Кристофа. При этом, согласно донесению Бальтазара Ганса, магистр издевательски принял Ланского: не уступил ему почетного места за столом, силой заставлял его пить, а затем не пускал «по нужде», так что королевскому посланнику пришлось перепрыгивать через стол¹³. Конвент же подумал два дня и 14 января пришел к выводу, что он неправомочен принимать какие-либо решения, а утвердить или отклонить кандидатуру коадьютора может

⁹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. I. С. 73. — Ср.: Schirmacher F.W. Johann Albrecht I. Herzog von Mecklenburg. Bd. I. Wismar, 1885. S. 284–285.

¹⁰ Thomae Hiörn's Ehist-, Liv- und Lettlaendische Geschichte / Hrsg. C. Napierski // MLA. Riga; Dorpat; Leipzig, 1835. Bd. 1. S. 201.

¹¹ Rasmussen K. Die Livländische Krise... S. 29, 31, 33; Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 400–401, 403.

¹² Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 1551, August 11. Wilna // HA-57. S. 2. Nr. 1527.

¹³ 1556 Januar 18, Ronneburg. Balthasar Gans an Herzog Albrecht // HA-57. S. 227. Nr. 1755.

только Ливонский ландтаг¹⁴. Ланский попытался настоять и получить более четкий ответ — неважно, положительный или отрицательный. Возможно, отрицательный для реализации планов Альбрехта—Сигизмунда II был бы даже лучше. Но руководство ордена проявило стойкость и продолжало отделяться туманными высказываниями¹⁵.

И. Олейник считает, что именно нерешительность фон Галена подтолкнула Вильгельма к действиям. 28 января 1556 г. рижский капитул, собравшийся в замке Лемзаль, избрал Кристофа коадьютором. Тем самым магистр просто был поставлен перед фактом¹⁶. Таким образом, реализация плана Альбрехта началась.

8 марта 1556 г. собравшийся в Вольмаре ландтаг рассмотрел вопрос о коадьюторстве Кристофа Мекленбургского¹⁷. Орден выступил против, ссылаясь на Вольмарский рецесс 1546 г. Ливонское духовенство поддержало Вильгельма и Кристофа¹⁸. Тогда было принято компромиссное решение: признать Кристофа коадьютором, но ограничить его полномочия особыми условиями, состоящими из 21 требования. Ему запрещалось жениться, слагать с себя сан, секуляризировать архиепископство, занимать какие-либо другие должности, кроме коадьюторской, заключать какие-либо договоры с польской Короной, действовать во вред независимости Ливонии и т. д.¹⁹.

Компромиссные решения, призванные, казалось бы, устроить обе стороны, на самом деле часто усугубляют противоречия, так как сам факт компромисса зачастую эти стороны и не устраивает. Орден остался недоволен тем, что ему фактически навязали кандидатуру Кристофа Мекленбургского. А Вильгельм с Кристофом и стоявшая за их спинами Корона сочли эти требования неприемлемыми и отказались их выполнять. Тем самым Вольмарский ландтаг марта 1556 г., вместо того чтобы разрешить назревавший конфликт, лишь усугубил его. Напряженности ситуации добавлял спешный отъезд в феврале в Германию дюнабургского комтура Готарда Кетлера для вербовки наемников: по официальной версии, на случай обострения отношений с Москвой; но, как справедливо опасался архиепископ, наемные войска должны были придать вес аргументам ордена в его споре с Вильгельмом. Во всяком случае, у рижских архиепископа и коадьютора теперь появился повод обвинить орден в «нападении» на них.

Вольмарский ландтаг принял еще одно решение, обострившее обстановку до крайности. Генриху фон Галену также был нужен коадьютор. На этот пост претендовали аполитичный голдингенский комтур Кристоф Нойхоф, ландмаршал Каспер фон Мюнстер, известный своими пропольскими симпатиями, и придерживавшийся противоположных внешнеполитических взглядов феллинский комтур Вильгельм фон Фюрстенберг, при этом шансы последнего оценивались архиепископом еще в начале 1555 г. как наилучшие²⁰. И несмотря на почти вековую традицию, согласно которой ландмаршал всегда наследовал магистру, коадьютором был избран именно

¹⁴ Politische Korrespondenz vor Ausbruch des livl. Krieges. 1552, 1554, 1556, 1557 // Ajaloorhiivi (Эстонский исторический архив). F. 230. B. P. 6. S. 7–10.

¹⁵ Rasmussen K. Die Livländische Krise... S. 34; Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 405.

¹⁶ Olewnik J. Op. cit. S. 403–404.

¹⁷ OM Heinrich von Galen übersendet dem Rathe zu Reval die Artikel in Bezug auf die Einsetzung des Cadjuters, Herzogs Christoph zu Meklenburg, und auf die Zerhältnisse mit Russland, über welche Sonntage Reminiscere (8. März) zu Wolmar auf dem Landtage verhandelt worden sole und über die er sich mit dem Erzbischof verlichen habe. D. D. Wenden, den 30. Januar 1556 // MLA. Bd. 5. S. 667–668. № 267.

¹⁸ Выписка из инструкции рижского арх. Вильгельма депутатам Вольмарского ландтага. 21 февр. 1556 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. Т. 3 (зарубежная часть). № 599. Лл. 22–26 об.

¹⁹ Rasmussen K. Op. cit. S. 34, 50; Olewnik J. Op. cit. S. 405.

²⁰ Postscript zu 1555 Januar 19, o. O. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // HA-57.S. 135. Nr. 1660/1.

Фюрстенберг²¹. Это вызвало раскол ордена на сторонников Мюнстера и союзников Фюрстенберга. К тому же между Фюрстенбергом и Вильгельмом давно сложились неприязненные отношения: еще в 1551 г., когда новоиспеченный коадьютор был дюнабургским комтуром, у него произошел серьезный конфликт с советником Вильгельма Иеронимом — Фюрстенберг обвинил его в государственной измене²². Так комтур и архиепископ стали врагами, чем, видимо, и было обусловлено избрание Фюрстенберга в 1556 г. в противовес Вильгельму и Кристофу Мекленбургскому. Но это означало, что магистр фон Гален намерен противостоять рижскому архиепископу и его заграничным покровителям — пусть и чужими руками.

Разъяренный Мюнстер покинул Вольмарский ландтаг, уехал в Зегевольд, откуда сообщил о своем провале Вильгельму. Реннер свидетельствует: последний сразу же написал Сигизмунду II Августу, что планы мятежников рухнули. Король послал к магистру фон Галену с Каспаром Ланским письмо с сообщением, что с тревогой услышал о затруднительной ситуации, в которой оказался маршал Мюнстер. С ним обошлись слишком дурно. Обиженный Мюнстер послал жалобу императору Священной Римской империи, в которой обвинил руководство ордена в нарушении порядка кадровых назначений. Поспешные и злонамеренные решения ордена могут дать возможность москвитам завоевать всю Ливонию. У Ланского также была и секретную миссию: заверить Мюнстера, что ландмаршал должен проявить твердость, и тогда поддержка польской Короны не заставит себя ждать²³.

Сигизмунд II Август лукавил. В нарушении политических традиций как раз можно было обвинять архиепископа Вильгельма и его компанию. Россия же здесь была вообще ни при чем — в 1556 г. Иван Грозный решал проблемы русско-шведской войны, и ему было не до Ливонии. Нет никаких признаков, что выборы Фюрстенберга могли спровоцировать русское вторжение. Польский король здесь выступал откровенным политическим провокатором, который спекулировал на застарелых фобиях ливонцев, благо, Россию можно было обвинять в любых, самых фантастических, злодейских планах.

Руководство ордена не было искусным в дипломатических делах. Ланский получил прямолинейный сухой ответ, что избрание коадьютора состоялось, и его результаты пересматриваться не будут. Был избран силовой вариант. Дальнейшие события нарастали, как снежный ком. 5 мая сторонники Мюнстера предприняли неудачную попытку захватить Дюнамюнде²⁴. 10 мая 1556 г. мятежники отправили Сигизмунду зашифрованное письмо с официальной просьбой о польской военной интервенции, но оно было перехвачено орденом²⁵.

²¹ Renner J. Livländische Historien 1556–1561 / Zum ersten Mal nach der Urschrift hrsg. von Peter Karstedt (Veröffentlichungen der Stadtbibliothek Lübeck N. R. Bd. 2). Lübeck, 1953. S. 8. — О том, какое внимание в ливонском обществе в это время привлекала фигура Фюрстенберга, свидетельствует сочинение: *Münster Jasper*. Wunderbarliche Handlung ds jetzigen Meysters auss Leyffland und seines Stellbruders oder Coadjutorn W. Fürstenberg und irem Anhang. 1556 // LVVA. F. 4038. Apr. 2. Nr. 326.

²² Собственно, измена заключалась в коммерческих махинациях и спекуляциях зерном, что подрывало поставки для ордена. (Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1551, August 14, Ronneburg // HA-57. S. 2–3. Nr. 1528).

²³ Renner Johannes. Livländische Historien. S. 9. Документы миссии Ланского: Instructio... Regiae Poloniae... Ioanni a Donaniow nominato Episcopo Samogitiae ad Magistrum Henreu de Gallen, Liunioniae Magistru. 28.IV.1556 // AGAD. Inwentarz Metryki Koronnej. LL (Libri Legationum) 14. Księga prowadzowa za podkanclerstwa Jana Ocieskiego, zawierająca wpisy spraw zagranicznych. 26.11.1547–10.04.1557. S. 344–346; Instructio... Nicolao Lanczki nuncio Regio... ad Archiepiscopu Rigen. 28 aprilis 1556 // Ibid. S. 346–349.

²⁴ Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 405.

²⁵ Grefenthal B. Liffendische Chronica // MLA. Bd. 5. S 126.

Орден начал наступление. Отряды рыцарей и наемников нападали на замки, гарнизоны которых были готовы поддержать Мюнстера. 8 июня о неподчинении мятежному архиепископу заявила Рига, а 16 июня ее действия поддержали все епископы ордена. 16 июня Вильгельм получил официальный акт объявления войны. 18 июня орденским отрядом был атакован замок Ронненбург и взят к вечеру 21 июня. 24 июня орденские войска взяли Зербен, резиденцию секретаря Вильгельма Кристофора Штурца, и замок Пибальг (*Pebalg*), принадлежавший коадьютору Кристофу Мекленбургскому. Сам коадьютор вместе с Вильгельмом были осаждены 28 июня в Кокенгаузене.

М. Стрыйковский, чтобы предать событиям больший драматизм, писал о восьмидневной осаде Кокенгауза²⁶. На самом деле, большого сражения не получилось: не успели войска занять позиции вокруг Кокенгауза, как к их передней линии выехал Кристоф Мекленбургский с сообщением, что Вильгельм страстно желает сдаться и требует немедленно начать переговоры о своей капитуляции. Уже 30 июня обоих высокопоставленных пленников вывезли из Кокенгауза к местам их содержания: Вильгельма сперва в Шмильтен, а позже перевели в тюрьму г. Адзеля; а Христофора — в Трейден (он остался на свободе). Также были арестованы, но позже отпущены сторонники Вильгельма Кристофор Штурц и Иоганн Вагнер²⁷.

Не ожидавший, что одряхлевший орден перейдет к столь радикальным и решительным действиям, Сигизмунд II тем временем пытался продолжить переговоры с Вильгельмом. В Ливонию вновь отправился Каспар Ланский с тайными письмами и инструкциями для мятежников. Однако розитгенский командор Вернер Шалль фон Белль (*Schall van Bell*) перехватил гонца. Ему помогли местные крестьяне. Ланский отказался остановиться и пошел на прорыв. Возникла стычка, несколько людей польского посланника погибли, а его самого взяли в плен и убили — один крестьянин, не слыжавший о тонкостях дипломатии и неприкосновенности послов, нанес ему удар сзади.

Хуже всего для Польши было то, что ливонцы конфисковали письма Сигизмунда. Их содержание совершенно недвусмысленно указывало на поддержку Короной ливонских мятежников. Закрывать глаза на это было невозможно. Орден оказался на грани войны с Королевством Польским и Великим княжеством Литовским²⁸. Тем более, что Корона была страшно возмущена убийством посла, — по М. Стрыйковскому, ливонцы совершили это злодеяние, «забыв Божье и людское»²⁹. Тогда же появились пугающие слухи о смерти не перенесшего оскорбления и дурного обращения архиепископа, да к тому же ливонцы конфисковали корабли и товары литовских купцов в Динабурге³⁰.

В августе 1556 г. в конфликт впервые вмешались представители германских княжеств: послы померанских герцогов Барнима и Филиппа — Андреас Блюменталь, Матиас Бесс и Иоганн Вольф. И хотя их предложение вынести все разногласия на суд датского короля, герцогов Померании и города Любека было отклонено польским

²⁶ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. II. S. 410.

²⁷ *Renner Johannes.* Livländische Historien... S. 12.

²⁸ *Ibid.* S. 13.

²⁹ *Strykowski M.* Op. cit. S. 410.

³⁰ *Instructio Nomine Sacrae Regiae Maiestatis ad Henricum de Galen Livoniae Magistrum Generoso Samostrzelski data // [Dogiel M.] Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae.* Vilnae, 1759. Т. V. P. 205. Nr. CXXII. — Впрочем, как уверяли сами ливонцы, эти меры были приняты в порядке репрессалий в ответ на задержку полоцким воеводой уже оплаченного ливонцами зерна. (*Mandata Legatis Statuum Livoniae, Vilnam die Dominico post Decollationis S. Joannis [2 сентября] 1556. a Magistro Ordinis transmissa, coram Sacra Regia Maiestate Poloniae exponenda // Ibid.* P. 208. Nr. CXXIV.)

королем, им все же удалось добиться перемирия и тем самым законсервировать конфликт³¹.

В ноябре 1556 г. в Ливонию прибыли датские послы. Они пытались заступиться за рижского архиепископа перед делегатами ландтага. Однако их миссия, как отметил К. Расмуссен, имела неожиданный эффект: орденские политики решили, что раз к ним приехали для урегулирования ситуации послы датского короля, в успокоении ливонской смуты заинтересованы Дания и Священная Римская империя. А поэтому угрозы вторжения прусско-польских войск более не существует, раз конфликт получил столь высокий международный резонанс.

Датские посланники с условиями мира в Ливонии от 10 марта 1557 г. на обратном пути в Данию проводили в Вильно переговоры с Сигизмундом и Альбрехтом Прусским³². На этой встрече Альбрехт настаивал на необходимости создания тесного союза Польши, Литвы и Ливонии вплоть до фактической инкорпорации последней. Сигизмунд же высказывался в крайне воинственном тоне, обещая заступиться за «безвинно страдающего» Вильгельма. Эта позиция была во многом вызвана действиями ордена, который лишь письменно уведомил Сигизмунда о разборе на ландтаге дела рижского архиепископа, но не стал дожидаться приезда для участия в заседаниях польских дипломатов.

В результате миссия датских посредников оказалась провалена: в мае 1557 г. им дали понять, что Сигизмунд не подтвердит достигнутых ими договоренностей. К. Расмуссен видит главной причиной этого осознание Ягеллоном перспективы возникновения противостояния Польши и Дании по ливонскому вопросу, а поэтому было решено сразу не давать Копенгагену никаких шансов стать влиятельным игроком в разыгрываемой партии.

Правда, практически одновременно ко двору Сигизмунда 11 мая 1557 г. прибыли послы Священной Римской империи, которые привезли решение по делу рижского архиепископа как подданного империи, принятое германским рейхстагом 20 декабря 1556 г. Оно касалось в основном имущественных условий освобождения Вильгельма и подробно оговаривало как возмещение ущерба ордену за «войну коадьюторов» из бывших владений архиепископа, так и земли и замки, которые должны быть отданы на содержание бывшему мятежнику. 24–25 июля 1557 г. прошли вялые польско-имперские переговоры, которые не привели ни к какому решению³³.

Еще на варшавском сейме 1557 г. было принято решение о созыве «посполитого рушения». Войска собирались в Вильно, после чего двинулись к границе. Летом 1557 г. литовская армия, под общим командованием троцкого воеводы Николая Радзивилла³⁴, в которой также были 4000 коронной пехоты и 2000 конников под командованием коронного маршалка Яна Малецкого, прошла маршем от Вильно до Аникшты и была сосредоточена у границ ордена³⁵. Одновременно от замка Рагнит к ливонским границам

³¹ Henning S. Livländische Churländische Chronica // Scriptorum rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Bd. II. S. 219; Formula Induciarum Livoniensium. Dat. in Venden die Dominico post Decollationis S. Joannis [2 сентября]. Anno 1556 // [Dogiel M.] Codex... T. V. P. 204. Nr. CXXI; Schreiben des Revalschen Gesandten auf dem Landtage zu Wenden an den Revalschen Rath, mit Nachrichten über die Verhandlungen und politischen Neugkeiten. 16 Nov. 1556 // Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des letzten Erzbischofs von Riga, Markgr. Wilhelm von Brandenburg, und seine Zeit // MLA. Bd. 5. S. 684–685. Nr. 281.

³² Материалы посольства отложились в деле: AGAD. Inwentarz Metryki Koronnej. Libri Legationum. LL 24. Księga prowadzowa za kanclerstwa Jana Ocieskiego, zawierająca wpisy spraw zagranicznych. K. 27–29.

³³ Rasmussen K. Die Livländische Krise... S. 67, 69–70.

³⁴ Strykowski M. Kronika Polska... S. 410.

³⁵ Дзярновіч А. «...in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і

двинулись прусские отряды Альбрехта, которые планировали соединиться с силами Сигизмунда под Биржами и Салатами³⁶.

Преувеличивая угрозу, современники писали о якобы 100 000-ном войске поляков против 7000-го орденского отряда Фюрстенберга (римский нунций в Польше Бонджиованни). М. Бельский свидетельствовал, что у магистра было 7000 рейтаров, шесть отрядов кнехтов плюс несколько тысяч ополчения из простолюдинов³⁷. Такую же численность приводит и М. Стрыйковский, но он добавляет, что еще свои отряды прислали гапсальский, дерптский и ревельский епископы³⁸.

Данные цифры, видимо, преувеличены. Если бы Фюрстенберг располагал подобной армией, то он вполне мог бы защитить Ливонию от польско-литовского вторжения. На самом деле, главной силой, которая выступила против возможного вторжения неприятеля, был небольшой отряд немецких наемников, собранный Готардом Кетлером и выдвинутый в район Бауска³⁹.

К. Расмуссен считает, что реальной угрозы вторжения летом 1557 г. не было, и ссылается при этом на послание Сигизмунда II Альбрехту от августа 1557 г., в котором предлагалось на три-четыре месяца отсрочить все дела по Ливонии. По его мнению, Польша готовилась к военному решению вопроса, но в перспективе, а пока в 1557 г. Сигизмунд обсуждал с сеймом введение новых налогов для сбора армии против Ливонии. Сейм против военных налогов особенно не возражал, но шляхта высказывала мнение, что эти деньги могут скорей пригодиться для возможной войны с Московией⁴⁰.

2 августа 1557 г. Сигизмунд выступил с новым предложением мира, главными условиями которого было возмещение Ливонией ущерба, причиненного Литве и Польше, а также реституция имущества рижского архиепископа. Принятие магистром этих требований денонсировало бы решения Вольмарского ландтага 1546 г. о порядке назначения рижского коадьютора, т. е. означало бы уступку ордена вмешательству в его суверенные дела другой державы. Переговоры с польской стороны вел Миколай Милецкий⁴¹. В них в качестве посредников участвовали дипломаты Священной Римской империи, к которой посылали за помощью епископы гапсальский, ревельский и дерптский⁴².

Под угрозой вторжения новое ливонское правительство (умер магистр фон Гален, и его место занял Фюрстенберг) заявило, что готово к переговорам на любых условиях. В назначенный день Фюрстенберг со свитой из 300 конников прибыл к Сигизмунду. Он передал ему пленного архиепископа Вильгельма и коадьютора Кристофа Мекленбургского. Мартин Бельский писал, будто бы магистр на коленях просил Сигизмунда

актавы анализ. Мінск, 2003. Т. 1. С. 43–44; *Karwowski S.* Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558–1561. roku. Poznań, 1873. S. 29.

³⁶ *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 348, 351–353; *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер. с нем. В. Бука. СПб., 1912. С. 150–151; *Lowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 562–566; *Olewnik J.* Polsko-Pruski plan... S. 401–406; *Rasmussen K.* Op. cit. S. 60. — О роли прусской дипломатии в конфликте подробнее см.: *Wijaczka J.* Prusy ksiązce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544–1558. Kielce, 1992. S. 95–103.

³⁷ *Bielskij M.* Kronika / Wyd. K. J. Turowski. Sanok, 1856. Т. II. S. 1132.

³⁸ *Strykowski M.* Op. cit. S. 410.

³⁹ В 1557 г. орден отправил несколько посольств в Германию, а также обращался в Данию и Швецию с просьбой о найме солдат (*Rasmussen K.* Op. cit. S. 36).

⁴⁰ *Ibid.* S. 63–64.

⁴¹ *Bielskij M.* Op. cit. S. 1132.

⁴² *Ibid.* S. 1132–1133.

о прощении⁴³, а Мацей Стрыйковский — что король приказал магистру для большего унижения явиться в обоз польско-литовской армии и пасть в ноги королю, и струсивший Фюрстенберг исполнил требуемое⁴⁴. Насколько достоверны эти сообщения польских хронистов, неизвестно. Но известно, что переговоры Короны с орденом не шли гладко, 19 августа по приказу Сигизмунда даже была подготовлена грамота об официальном объявлении войны Ливонскому ордену⁴⁵.

К сожалению, информация о том, как именно проходили переговоры, довольно скупа. Парадоксально, но об этом не сообщают даже их непосредственные участники — так, будущий ливонский хронист Соломон Геннинг, лично присутствовавший в Позволе в момент переговоров⁴⁶, мало того что почти ничего не пишет об их ходе, так даже путает дату заключения договоренностей (декабрь 1557 г. вместо сентября)⁴⁷.

Более-менее известен лишь один аспект дебатов, почти не замеченный исследователями (на что обратил внимание В. Е. Попов). Это — требования Сигизмунда II Августа, чтобы побежденная Ливония оплатила все военные издержки польской армии⁴⁸. 23 августа 1557 г. Фюрстенберг извещал городской совет Ревеля о том, что после внушительной военной демонстрации со стороны польского короля послы Священной Римской империи и Ливонии «уладили» (*abgericht*) почти все противоречия относительно реституции архиепископа, пограничных споров и убийства посла К. Ланского, но:

«...поскольку его королевское величество уже приступил к вооружению и заметно в этом продвинулся, его королевское величество желают, чтобы его издержки и военные расходы были покрыты значительной суммой денег, выплаченной нами и всеми сословиями» (*перевод В. Е. Попова*)⁴⁹.

5 сентября Сигизмунд потребовал уплатить 60 000 талеров. Дальнейшая история похожа на детектив: 14 сентября представители ливонских сословий в Риге подтвердили готовность выплатить эти деньги⁵⁰. Однако из текста Позвольского договора, подписанного одновременно — 14 сентября 1557 г. — упоминание о выплате репараций исчезло! О них сказано следующее:

«А поскольку Священное Королевское Величество Польское считает, что имел справедливые причины для начала и подготовки этой войны, и он выдвинулся с войском и воинским снаряжением к самым границам Ливонии, то с полным основанием полагает, что ему должно быть предоставлено возмещение военных издержек. Каковое Уважаемый и Вельможный Господин Магистр и Сословия Ливонии хоть и не отказываются предоставить, однако его Величество,

⁴³ *Bielskij M. Kronika...* S. 1133.

⁴⁴ *Strykowski M. Kronika Polska...* S. 410.

⁴⁵ *Bello contra Liuonienses ex Sentencia Consiliariorum Regni et Magni Ducatus Lituaniae, apud Oppidum Kupiski decreto Literae infrascriptae bellum Magistro denunciantes nomine Regiae Maestatis fuerant missae // Acta Livonica 1556–1557 // Biblioteka PAN w Kórniku. Rps. 263. F. 236–238.*

⁴⁶ *Schiemann T. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Berlin, 1887. Bd. II. S. 290; Форстен Г. В. Балтийский вопрос... С. 78*

⁴⁷ *Henning S. Livländische Churländische Chronica...* S. 222.

⁴⁸ Только польский историк Й. Ясновский обратил внимание на то, что результаты, достигнутые Сигизмундом I, не соответствовали его расходам. (*Jasnowski J. Mikołaj Czarny Radziwiłł // Travaux historiques de la Société des Sciences et des Lettres de Varsovie. Warschau, 1939. Vol. 22. S. 187.*)

⁴⁹ *Derselbe giebt demselben Nachricht von dem Rüstungen des Königs von Polen, von den Geldforderungen desselben für die Kriegskosten, von dem Tage zu Ekow an der Grenze, den er mit den Feinden und den kaiserl. Gesandten halten wolle und zu dem die Revalschen ihre Gesandten mit der Post "im Angesichte des Briefes" senden sollen, nebst einem Fähnlein Knechte. D. D. zur Newmulen, 23 Auf. 1557 // MLA. Bd. 5. S. 702–703. Nr. 292.*

⁵⁰ *Die livl. Stände bewilligen die an den König von Polen zu zahlenden Kriegskosten mit einer Summe von 60, 000 Thalern. D. D. Riga, den 14. Sept. 1557 // MLA. Bd. 5. S. 703–705. Nr. 293.*

после Нашего ходатайства, которое мы сделали перед ним как можно прилежнее от имени Священного и Непобедимейшего Римского Королевского Величества, а также в своей милости, и чтобы тем угодить Сословиям Священной Римской Империи, обещал освободить их от необходимости всего этого возмещения» (*перевод В. Е. Попова*)⁵¹.

Что же произошло с 5 по 14 сентября, и почему Сигизмунд отказался от финансовых претензий? На самом договоре стоят две даты: 5 сентября — время, когда он был составлен в королевской ставке, и 14 сентября — день ратификации договора Фюрстенбергом. При этом предполагалось, что Фюрстенберг заранее ознакомится с текстом документа, который он ехал подписывать. Но десять дней между 5 и 15 сентября (когда в Риге еще не знали о прощении) — срок более чем достаточный, чтобы оповестить ландтаг в Риге, специально обсуждавший этот вопрос.

Значит, это изменение появилось в тексте документа совершенно неожиданно для ливонских сословий и в самый последний момент, и наиболее вероятная дата здесь — 14 сентября, т. е. самый день ратификации. В пользу этой датировки свидетельствует сохранившийся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН один из пергаментных оригиналов этого документа (по всей вероятности, тот, что предназначался для польской стороны) со следами печатей и подписями Фюрстенберга и голдингенского комтура Генриха Штедингга. Он не имеет никаких следов правки и явно написан одной и той же рукой и теми же чернилами как в основной своей части, относящейся к 5 сентября, так и в заключительной ратификационной от 14 сентября⁵². Таким образом, документ был составлен одновременно 14 сентября, скорее всего, в присутствии самого магистра Фюрстенберга. Дата 5 сентября была оставлена, возможно, в силу того, что изменения коснулись относительно небольшой части текста.

Итак, договор был в последний момент изменен в пользу ливонской стороны, и для польского короля с его вечно пустующей казной это была очень заметная уступка. Сам договор гласит, что сделано это было под давлением императорских посредников. Но эти же посредники вели переговоры с самого начала августа, значит, был еще какой-то фактор, повлиявший в короткий срок на решение короля.

В этой связи едва ли можно считать совпадением, что только третий из позвольских договоров, направленный против Москвы, не имеет предварительной даты — все тот же день 14 сентября. Более того, по своему содержанию этот договор совершенно выпадает из логики предшествующих событий — «войны коадьюторов» — и выглядит несколько странно на фоне предыдущих двух соглашений.

Нам представляется, что 14 сентября, скорее всего, после предварительных консультаций, в королевском лагере в Позволе стороны заключили своеобразную сделку: военный союз в обмен на освобождение от уплаты денег. Выгоды Фюрстенберга были очевидны: через несколько недель истекал срок, отпущенный Россией по договору 1554 г. для сбора дани, и поэтому и деньги, и военный союз (на случай, если царь вздумает «сам идти за данью») были весьма кстати. Для польского же короля этот договор стал в некотором роде компенсацией за его отказ от претензий на возмещение издержек. Подобная сделка кажется совершенно логичной: богатый союзник лучше разоренного недруга, который может, к тому же, в ближайшем будущем попасть

⁵¹ *Conditiones Pacis inter Sacram Regiam Maiestatem Poloniae, & Magistrum Livoniae, de restitutione in integrum Archiepiscopi Rigensis in itae...* // [Dogiel M.] Codex... Т. V. P. 217. Nr. CXXVII.

⁵² Архив СПбИИ РАН. Ф. 32. Л. 74. Еще 3 октября секретарь польского короля Адам Конарский писал Фюрстенбергу о недостающих печатях (1557. Oct. 3. Kokenhusen. Adam Conarski, ko M. zu Polen Secr. u. Gesandter in Livland an den OM. Wilh. Fürstenberg // Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken / Hrsg. von C. Schirren. Dorpat, 1861–1868. S. 43. Nr. 560).

под власть вечного врага — московского царя, так же выдвигающего прежде всего финансовые требования.

Тем не менее остается открытым вопрос, от кого исходила инициатива заключения военного союза. Более того, такая проблема вообще не ставилась в историографии: по умолчанию предполагалось, что этот договор был если не целью всей затеи с рижским коадьютором, то определенно результатом агрессивного давления польского короля на ливонского магистра⁵³.

Как мы уже отмечали, на самом договоре стоит только дата 14 сентября, и в нем нет упоминания об императорских посредниках. На этом основании Э. Тибберг исключал их участие в составлении этого соглашения⁵⁴. Совершенно противоположную этому утверждению картину представляет один из документов Корникской библиотеки, озаглавленный «*Postulata Legatorum Romanorum Regis*»⁵⁵. Это поздняя (1737) копия, содержащая перечень из одиннадцати пунктов, без даты и каких-либо указаний на происхождение оригинала, что затрудняет однозначное установление как источника содержащихся в нем требований (поскольку неясно, являются ли сами послы авторами этих требований, или же они просто передавали их от одной стороны другой), так и адресата.

Но тот факт, что список отложился среди бумаг польской стороны, а также его содержание, все же склоняют к предположению, что этот документ зафиксировал позицию императорских посредников на самой последней стадии переговоров, вероятно, после консультаций с ливонской стороной, и адресован он польскому королю. Так, п. 1–3 касаются титулатурных вопросов, при этом в п. 2 настаивается на том, чтобы за магистром признавался *titulus Reverendissimi*⁵⁶, а п. 3 требует для Римского короля титула «*Священное и Непобедимое Римское Королевское Величество*»⁵⁷; пп. 4–5 относятся к арбитражу пограничных споров Гнезненским архиепископом: п. 4 выражает желание (*si obtineri posset*) заменить развернутый пассаж о его посредничестве кратким, а п. 5 проясняет, о какой фразе договора конкретно идет речь: если п. 4 будет отвергнут, фразу «что бы он ни постановил по своему суду и решению» требуется заменить на: «что бы он ни постановил по справедливому и законному суду»⁵⁸; п. 6–8 касаются пограничных споров и содержат соответственно требования предварительного размежевания, подтверждения границ Римским королем и выбора иного места, кроме Позволя, для приграничных совещаний⁵⁹; п. 9 настаивает на смягчении фразы, относящейся к убийцам посла Ланского⁶⁰; п. 10 утверждает, что ни Рижский архиепископ со своим коадьютором, ни прочие епископы и сословия Ливония не обязаны приносить клятву в вечном мире, но только магистр⁶¹.

⁵³ Kirchner W. The Rise of the Baltic Question. Westport, 1970. P. 205–206; Rasmussen K. Die Livländische Krise... S. 85–89.

⁵⁴ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984 [Acta Universitatis Upsalensis. Studia Historica Upsaliensia. Bd.134]. S. 91. Заметим здесь же, что один из последних пунктов договора предусматривал его утверждение императором. А корникский документ вообще сообщает о том, что послы императора восседали подле польского короля. (Acta Livonica seu epistolae legationum, tum responsa Sigismundi Augusti... 1555–1737 // Biblioteka PAN w Kórniku. Rps. 264. F. 427).

⁵⁵ Ibid. F. 402–403.

⁵⁶ Этот пункт был отклонен польской стороной: во всех договорах магистр довольствуется титулом *Reverendus* («Почтенный»), в отличие от своего недавнего виз-а-ви, Рижского архиепископа, за которым признается *titulus Reverendissimi* («Достопочтенный»).

⁵⁷ Этот пункт соблюдается только в тех частях договора, которые составлены непосредственно императорскими посредниками.

⁵⁸ Судя по всему, п. 4 был одобрен: в договоре фраза укорочена до: «что бы он ни постановил».

⁵⁹ П. 6 и 8 были приняты, п. 7 – нет.

⁶⁰ Это условие было отклонено, и фраза осталась без изменений.

⁶¹ Насколько известно, клятву действительно приносил только магистр. Текст ее сохранился (Acta Livonica... // Biblioteka PAN w Kórniku. Rps. 264. F. 436).

Наконец, наиболее интересен п. 11: магистр должен будет собственной клятвой подтвердить союз против князя Московского. Далее утверждается, что магистр желал бы обсудить этот вопрос с ливонскими сословиями, но существует опасность того, что об этом станет известно князю Московскому. К тому же нельзя поручиться за успех этого предприятия. Поэтому кажется более осмотрительным, чтобы король лично обсудил с ними этот вопрос. Магистру же надлежит приложить все усилия к тому, чтобы уладить это дело.

По всей вероятности, уже первый русский нажим на Ливонию в 1550 г. и в 1554 г., а затем и «война коадьюторов» обнажили беспомощность империи в отношении защиты своих дальних провинций. Поэтому совершенно естественным кажется стремление переложить эту обязанность на соседей Ливонии. Еще в январе 1551 г. император отвечал на жалобы магистра фон Брюггена на давление Москвы, что Империя не в состоянии предоставить Ливонии поддержку, но в случае необходимости магистр должен просить помощи у соседей⁶². В 1553 г. император Карл V дал согласие на польско-ливонский союз при условии сохранения сюзеренитета империи над Ливонией⁶³. Весной 1557 г. ближайший сподвижник Сигизмунда II на ливонском направлении прусский герцог Альбрехт в беседе с датскими посредниками выразил пожелание заключить между короной и Ливонией антимосковский союз⁶⁴. Появившиеся в первой половине 1557 г. слухи о ливонско-московском сближении вызвали беспокойство польского короля и также склоняли его к заключению военно-политического альянса с орденом и сословиями Ливонии.

Между тем в самом ордене по этому вопросу не было согласия. И если сам Фюрстенберг имел у современников (как, впрочем, и у потомков) недвусмысленную репутацию человека, настроенного враждебно к Короне, то некоторые орденские функционеры — как, например, мариенбургский комтур и будущий ландмаршал Филипп Шалль фон Белль — активно поддерживали идею польско-литовско-ливонского союза⁶⁵.

Подавление сторонников рижского архиепископа Вильгельма и К. Мюнстера не означало гибели в ливонской элите пропольской «партии». С большей или меньшей уверенностью к ней можно причислить дюнамюндского комтура Г. Кеттлера и, возможно, голдингенского комтура Г. Штедингга. Именно подпись последнего стоит рядом с подписью Фюрстенберга на самом договоре, и по всей видимости, именно Штединг и, возможно, Раимперт Гильсхайм вели большую часть переговоров, в то время как

⁶² *Exhibitum Statibus Imperii anno MDLI. XX Januarii // Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 379. Nr. 382.*

⁶³ *Kampf W. Preussen, Polen und das Reich im 16. Jahrhundert // Altpreussische Forschungen. 1942. Bd 19. S. 219.*

⁶⁴ *Rasmussen K. Op. cit. S. 59.*

⁶⁵ *Rathsclag des Comthurs zu Marienburg über eine Alliance mit Polen gegen Rußland (vor dem Sept.). 1557 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischer Reichsarchiv zu Stockholm / Hrsg. C. Schirren. Reval, 1861. Bd. I. (Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Neue Folge. Bd. I). S. 1–2. Nr. 1. — К. Ширрен датировал этот документ временем до сентября 1557 г. Между тем из упоминания в тексте венденского рещесса, находящегося на рассмотрении польского короля, следует, что документ мог быть составлен между 10 марта, т. е. датой утверждения рещесса (MLA. Bd. 5. S. 698. Nr. 288) и 25 мая 1557 г., когда немецкие послы уведомили ливонские сословия о своем посредничестве (MLA. Bd. 5. S. 700–701. Nr. 290), что означало окончательное отклонение польским королем венденского рещесса. Должность мариенбургского комтура исполнял тогда будущий ландмаршал Филипп Шалль фон Белль (Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens / Hrsg. von Lutz Fenske und Klaus Militzer. Köln, 1993. S. 565–566. Nr. 761). Возможно, этот документ появился в результате переписки Филиппа Шалля фон Белля с Кристианом Шредером: судя по письмам последнего, они обсуждали в первой половине мая этот круг вопросов (Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken / von C. Schirren. Dorpat, 1861–1868. S. 41. Nr. 534, 538, 539).*

сам магистр ожидал их исхода в переездах между Ригой и Бауском⁶⁶. Интересно также заметить, что впоследствии, в феврале 1559 г., двое из тех, кто должен был поставить свою подпись под союзным позвольским договором: Г. Штединг и К. Зиберг, а также Ф. Шалль фон Белль, подпишут документ о сложении Фюрстенбергом магистерских полномочий в пользу Г. Кеттлера, мотивируя это решение, кроме всего прочего, необходимостью получить защиту у польского короля⁶⁷.

Итак, 14 сентября 1557 г. Позвольский мир был заключен. Как отмечено в тексте соглашения, оно состоялось благодаря посредничеству и по инициативе римского короля Фердинанда, герцогов Штетина и Померании Барнима и Филиппа, которым Священная Римская империя поручила урегулировать споры между Ливонией и Коронной. В переговорах участвовали послы Фердинанда Вацлав де ново Кастро и Валентин Зауерман Гельше, а от герцогов Штетина и Померании — доктор права Лаврентий Отто и Геннинг Вальде Лозенский.

Позвольский мир заключал в себе несколько соглашений. Первое касалось отношений между магистром и рижским архиепископом. В нем причиной войны назывались разногласия (*controversiae*) между магистром фон Галеном и архиепископом Вильгельмом. Сигизмунд II не мог не вступить за Вильгельма в силу родственных уз, а также в силу своего долга протектора Рижского архиепископства. О заступничестве за Вильгельма просил и герцог Альбрехт. Эти мотивы традиционны и очевидны, но примечательно, что появляется и новый: Сигизмунд II также хотел «оружием отомстить за свои обиды и несправедливости, совершенные ливонцами против всех подданных Великого княжества Литовского». В этих словах явно звучит месть за деятельность Фюрстенберга в литовско-ливонском пограничье, но несомненен и другой подтекст: достигнут исторический реванш, вот и второй немецкий орден — бывшие надменные меченосцы, веками заливавшие кровью литовские земли — преклонили колена перед польской Коронной и ВКЛ.

Вильгельму и Христофу обещали восстановление в должностях, полномочиях и владениях. Христоф объявлялся официальным наследником Вильгельма на Рижском архиепископстве, если на это будет воля самого Вильгельма. Главным здесь было получение Вильгельмом юрисдикции над половиной Риги. Ему возвращались символы архиепископской власти, грамоты, книги и акты личного хозяйства. Магистр давал гарантии, что если какой-то документ при конфискации был случайно утрачен, то он будет восстановлен. Полностью возмещались все материальные убытки, в том числе — военные трофеи рыцарской армии, захваченные при взятии городов, защищаемых мятежниками. В качестве компенсации захваченного провианта (который был уже съеден) орден выплачивал архиепископу 100 ластов пшеницы. Еще 50 ластов получали Вильгельм и Христофор в качестве погашения ущерба их личному имуществу, который трудно точно подсчитать.

Имущество не передавалось Вильгельму и Христофору сразу. Были назначены посредники, — епископы Курляндский (от архиепископа) и Дерптский (от магистра), которые должны были следить за процессом реституции, пока магистр не урегулировал отношения с польской Коронной. Причиной этого в договоре называлось то обстоятельство, что Сигизмунд II выступил против ордена не только из-за заступничества

⁶⁶ 1557. Sept. 5. Poswol. Des O. Gesandte in Litauen (Rembert Gilsheim etc.) an den OM. Wilhelm Fürstenberg // Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken / von C. Schiren. Dorpat, 1861–1868. S. 42. № 556; *Toll R.* Chronologie der Ordensmeister über Livland, der Erzbischöfe von Riga und der Bischöfe von Leal, Oesel-Wiek, Reval und Dorpat. Riga; Moskau; Odessa, 1879. S. 117.

⁶⁷ Consensus ordinis in cessionem Firstenbergi. 1559 22 Febr. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 34. Л. 79.

за Вильгельма, но и по своим причинам. И, пока между королем и магистром не будут сняты все вопросы, процесс реституции будет в руках посредников.

Одним их сложных был вопрос о перебежчиках — за время войны коадьюторов от Вильгельма и Христофора перешло в стан врага много подданных. Было решено, что если они успели добровольно принести оммаж другому господину, то их нельзя принудить вернуться. Исключение делалось только для тех, с кого сторонники магистра силой брали присягу на верность. Естественно, все — и перебежчики, и раскаявшиеся «отступники» — официально получали полное прощение. Лица, потерявшие в ходе «войны коадьюторов» свое имущество, могли рассчитывать на возмещение ущерба.

Однако не получили прощения убийцы посла польского короля Каспара Ланского. Розиттенский командор Вернер Шалль фон Белль должен был явиться на королевский суд, представить доказательства случайности убийства и умолять Сигизмунда II о пощаде. Крестьяне, непосредственно виновные в смерти Ланского, были схвачены. Их выдали на суд королю, который намеревался их казнить. Это обстоятельство было особо оговорено во втором соглашении, между Фюрстенбергом и Сигизмундом II.

Единственное, что удалось сделать в пользу ордена Фюрстенбергу, — включить в соглашение ряд положений из 21 пункта требований Вольмарского ландтага от марта 1556 г. о полномочиях Христофа Мекленбургского. Он не мог секуляризировать Рижское архиепископство и передавать его по наследству. Он должен был гарантировать невмешательство во внутренние дела ордена и отказаться от политики силы — все спорные вопросы пусть решаются в суде. Христоф должен сохранять миролюбие и доброжелательные отношения с орденом, прелатами и городами.

Второе соглашение было заключено между магистром и польским королем и содержало в себе условия мира между Ливонией, Королевством Польским и ВКЛ. Это, во-первых, восстановление в должности и реституция в отношении Вильгельма и Христофа, о чем подробно говорилось в первом документе. Во-вторых, учреждение специальных комиссий для разбора пограничных дел. Здесь Корона пошла по традиционному пути: учреждались комиссары, которые должны были зафиксировать границу по ее демаркации 1473 г. (так называемая «Радзивиллова граница»)⁶⁸. Демаркацию предполагалось произвести повторно. Арбитром в случае возможных «споров на меже» должен был выступить гнезненский архиепископ Николай Дзирковский. Также учреждался суд по пограничным конфликтам из трех литовских и трех ливонских дворян. Раздел предполагалось начать 1 августа 1558 г., и в дальнейшем его собирались подвергать ревизии каждые пять лет. В конце 1557 г. были назначены специальные комиссары для пересмотра границ между орденскими и литовскими землями⁶⁹.

Помимо земель, предполагался возврат и движимого имущества. Ливонцы должны были вернуть торговые корабли, захваченные у ВКЛ, а литовцы — пшеницу (или деньги за нее). Провозглашался отказ от репрессалий (то есть демонстративных актов насилия и устрашения) в пограничной зоне.

Более всего выигрывали от соглашения купцы Польши, ВКЛ и Ливонии. Они получали право свободной торговли на территории и Ливонии, и Королевства Польского, и ВКЛ. Для подданных Сигизмунда II стала доступна торговля в Риге. Отменялись многие недавно введенные пошлины.

⁶⁸ Так называемая «Радзивиллова граница» была установлена актом демаркации 1473 г., и с тех пор, естественно, постоянно нарушалась. В составе Литовской метрики сохранились более поздние книги демаркации литовско-ливонской границы в 1541–1542 гг., которые издал О. Дзярнович: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга № 560 (1542 год) / Падр. А. І. Дзярнович. Мінск, 2007.

⁶⁹ Распоряжение об этом см.: Acta Livonica: Сборник документов, относящихся к Рижскому архиепископству и Ливонии. 1263–1561 гг. // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 525. Л. 261 об.–264 об.

Фюрстенберг принимал на себя обязательство компенсировать все военные расходы, понесенные армией Сигизмунда во время похода к границам Ливонии. Точная сумма компенсации в соглашении не указывалась.

Орден и Корона заключали мир, брали на себя обязательство не выступать против друг друга, не участвовать в военных союзах и не оказывать никакой поддержки сторонам, выступающим против Ливонии, Польши и ВКЛ.

Кроме того, 14 сентября 1557 г. в присутствии все тех же имперских посредников Фюрстенберг подписал с Сигизмундом третье, отдельное союзное соглашение, направленное против России. Московия объявлялась общим врагом. В случае нападения России на ВКЛ или Польшу Ливония была обязана выступить на их стороне, и наоборот. Стороны не могли заключать сепаратное мирное соглашение с Россией без консультаций друг с другом и одобрения принятого решения обеими сторонами. Правда, в договоре был пункт, что ливонско-польский союз вступит в силу только через 12 лет. В этот 12-летний промежуток Корона могла самостоятельно воевать с Россией или продлить на какой-то срок литовско-русское перемирие без консультаций с ливонской стороной.

Таким образом, совместная война Польши, ВКЛ и Ливонии против России планировалась на 1568 г. Если по тем или иным причинам перемирия будут прекращены досрочно (например, умрет магистр, польский король, или великий князь Московский, и договоры потребуются перезаключать заново), то стороны вольны продлить перемирие или начать войну немедленно. Союзники также обещали друг другу не пропускать в свои земли перебежчиков (кто с недобрыми целями едет из России в ВКЛ через Ливонию и кто пытается сбежать из ВКЛ в Россию)⁷⁰.

В историографии распространено мнение, будто Позвольский мир открывал прямую дорогу к грядущей Ливонской войне: он грубо нарушал условия русско-ливонского соглашения 1554 г. Об этом говорил уже первый историограф этого военного конфликта Тильман Бреденбах (1526–1587) в своей «Истории Ливонской войны» (*Historia belli Livonici*, опубликована в 1564)⁷¹, об этом писали ливонские хронисты — современники войны (например, И. Реннер)⁷², и это отмечалось поздними историками (В. Кирхнером, Э. Доннертом, В. Чаплинским, В. Д. Королюком, Л. А. Дербовым, В. Бобышевым и др.)⁷³. По выражению В. Кирхнера, это соглашение «обескуражило» Ивана IV⁷⁴, а Р. Фрост вообще назвал Позвольский договор «провокацией» в отношении Московии⁷⁵.

Правда, ряд исследователей, склонных либо преуменьшать в балтийской политике роль Польши в пользу Дании (К. Расмуссен), либо оправдывать и смягчать

⁷⁰ Politische Korrespondenz vor Ausbruch des livl. Krieges. 1552, 1554, 1556, 1557 // Ajaloorhiivi (Эстонский исторический архив). F. 230. B. P. 6. S. 60–62.

⁷¹ Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M., 1972. S. 111.

⁷² Renner J. Livländische Historien... S. 15.

⁷³ Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 43–44; Czaplinski W. Nowa praca o kwestii bałtyckiej w potowie XVI w. // Zapiski historyczne. Torun, 1965. T. 30. S. 541; Королюк В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI века. М., 1954. С. 27; Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1947. Т. 17. С. 162; Бобышев В. Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1997. С. 51.

⁷⁴ Kirchner W. The Rise of the Baltic Question. P. 38.

⁷⁵ Подробнее см.: Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии... С. 151–152; Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 4.

позицию Королевства Польского (Й. Ясновский, В. Урбан⁷⁶) и ВКЛ (В. Станцелис)⁷⁷, считают Позвольский мир «незначительным», компромиссным и слабо повлиявшим на развитие ситуации вокруг Ливонии. В доказательство К. Расмуссен ссылается на переговоры орденского посланника Михаэля Бруннова с Н. Радзивиллом Черным в ноябре 1557 г., на которых литовский дипломат уклонился от ответа, окажет ли Литва Ливонии военную помощь в случае вторжения русских войск. Радзивилл ссылался на существующее перемирие с Россией и обещал дипломатическую поддержку⁷⁸.

Э. Тиберг полагал, что Москва просто не знала о существовании Позвольского договора, а что касается позиции Сигизмунда, то, по мнению ученого, ничто в текстах соглашения не указывает на их антирусскую направленность. Даже перспектива военного союза отнесена на 12 лет⁷⁹.

Вопрос о том, являлся ли Позволь для Москвы *casus belli*, довольно спорный. Собственно говоря, заключение военного союза Ливонии и Короны против Московии, с отложенным сроком вступления в силу на 12 лет, вряд ли могло настолько разозлить Ивана Грозного, что он немедленно начал войну. Скорее Россию мог возмутить сам факт заключения договора с Коронай — по итогам русско-ливонских переговоров 1554 г. Ливония брала на себя обязательство не вести переговоров с Сигизмундом II и уж тем более не подписывать с ним союзнических соглашений. Но вылилось бы это возмущение в войну?

В грамоте об объявлении войны, датированной ноябрем 1557 г., в перечислении нарушений клятвы, допущенных ливонцами, говорится, что они обещали:

«...к Жигимонту королю Полскому и Великому князю Литовскому или иному хто Государь будеть на Полском королевстве и на Великом княжестве Литовском, и вам к нему не приставати ни в чем, никоторыми делью»⁸⁰.

Но это условие названо самым последним, после обязательства платить дань, упоминания о разорения православных церквей, препятствиях торговле в Ливонии русским купцам и т. д. И о его нарушении не говорится конкретно, просто приводится общая фраза о «преступлении крестного целования». Русские дипломаты ни разу не упомянули о Позвольском соглашении в перечислении причин войны — по крайней мере, его нет в документах московского происхождения⁸¹. А это говорит о том, что, даже если о Позволе в Москве знали, — ему явно не придавали такого уж судьбоносного значения. Поэтому построения ученых, считающих Позволь *casus belli*, пока не получили аргументации, основанной на актовом материале. Они транслируют мнение немецких и ливонских хронистов (И. Реннера, Т. Бреденбаха и др.), отраженное в нарративных памятниках. Но ему нет доказательств в документах XVI века.

Польской же стороной ливонско-польско-литовский конфликт августа-сентября 1557 г. официально считался, в соответствии с *narratio* Позвольских договоров 1557 г.,

⁷⁶ Jasnowski J. Mikolaj Czarny... S. 186–187; Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 484.

⁷⁷ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies // Lithuanian Historical Studies. 2000. Nr. 5. P. 22.

⁷⁸ Rasmussen K. Die Livländische Krise... S. 87, 101, 103–104.

⁷⁹ Tiberger E. Zur Vorgeschichte... S. 92, 95, 97, 213.

⁸⁰ Грамота царя Ивана Васильевича магистру Ливонского ордена Вильгельму, архиепископу Рижскому, епископам и всем людям Ливонской земли с перечислением их неправд и объявлением войны. 1557 г., ноябрь // Архив СПбИИ РАН. Колл. 124 (Собрание С. В. Соловьева). Оп. 1. № 128. Столбец. Л. 1.

⁸¹ Если только не считать таковыми косвенные указания позднего происхождения. См., например: 1558, Juni 5. Moskau. Antwort des Grossfürsten auf die Werbung der Gesandten des OM. und des B. von Dorpat // Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562 / Hrsg. von Friedr. Bienemann. Bd. 1. Riga, 1865. S. 223, 226. Nr. 125; 1560, апреля – октября 1. Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу Никиту Семеновича Суцева с грамотою в ответ на грамоту, присланную к Мартыном Володкевичем // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 610–611. № 41.

восстановлением фамильной чести польского короля, наказанием ливонцев за убийство королевского посла, пограничные рейды в Литву⁸² и притеснения литовских купцов. Именно в таком виде — с сопутствующими конфессиональными мотивами — он и вошел в польские хроники, начинавшие отсчет истории борьбы за Прибалтику в середине XVI в. вовсе не с русского вторжения в 1558 г., а с «войны коадьюторов» 1556 г. и Позвольского мира 1557 года⁸³. Станислав Сарницкий назвал эти события *Teutonico bello* и также связывал начало борьбы за «Инфлянтов» с действиями Вильгельма Фюрстенберга и его противостоянием с рижским архиепископом⁸⁴.

Однако Позвольскому миру было не суждено остановить эскалацию конфликта. По образному выражению О. Дзярновича, «войну коадьюторов» и Позвольский мир, которые могли бы положить конец разделу Ливонии, «теперь помнят только историки» — все затмила начавшаяся в 1558 г. Ливонская война⁸⁵. По справедливому замечанию Я. Вички, она поставила крест на дальнейших планах Альбрехта и Сигизмунда II в отношении Ливонии: теперь события развивались в совершенно новом контексте⁸⁶.

В приложении впервые на русском языке публикуются Позвольские соглашения. Необходимость их публикации назрела давно, так как до сих пор историки изучают их по редкому и малодоступному изданию М. Догиеля 1759 года. Перевод выполнен В. Е. Поповым по латинскому тексту, изданному М. Догиелем⁸⁷. Рукописные тексты соглашений хранятся в польских архивах⁸⁸. В Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН хранится один из пергаментных оригиналов этого документа (по всей вероятности, тот, что предназначался для польской стороны) со следами печатей и подписями Фюрстенберга и голдингенского комтура Генриха Штедингга⁸⁹. В российских архивах отложились и другие копии этого договора⁹⁰.

Вступительная статья написана совместно А. И. Филлюшкиным и В. Е. Поповым.

⁸² О пограничных спорах и их значении для польско-литовского государства см.: *Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556–1557 r.* // *Kwartalnik Historyczny. Lwów*, 1908. Т. 22. S. 344–351.

⁸³ *Bielski M. Kronika...* S. 1131–1133; *Strykowski M. Kronika Polska...* S. 409; *Филлюшкин А. И.* Мацей Стрыйковский о Ливонской войне // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2005. № 3 (21). С. 112–113.

⁸⁴ *Sarnicki St. Annales Polonorum, quibus augmenta et decrementa Regni: Mutationes item et progressions gentis explicantur.* Cracovia, 1587. P. 400.

⁸⁵ *Дзярнович А.* «In nostra Livonia...» С. 45.

⁸⁶ *Wijaczka J.* Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544–1558. Kielce, 1992. S. 105.

⁸⁷ [*Dogiel M.*] *Codex...* T. V. Nr. CXXXVI–CXXXVIII. P. 210–221.

⁸⁸ Przywrócenie Wilhelma Margrabiego Brandenburskiego na Arcybiskupstwo Ryskie. 5. IX. 1557 // AGAD. *Archiwum Radziwiłłow. Dział I. Nr. 7731. K. 1*; Текст Позвольского договора см.: *Tractatus Pacis inter Regiam Mtem Poloniae et Magistru Liuoniae de restitutione... ac Rendissimi dni Archiepiscopi Rigensis* // AGAD. *Inwentarz Metryki Koronnej. Libri Legationum. LL 24. Księga prowadzowa za kanclerstwa Jana Ocieskiego, zawierająca wpisy spraw zagranicznych.* K. 48–53.

⁸⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 32. Л. 74.

⁹⁰ Например: проект текста договора «о восстановлении в правах рижского епископа», датированный сентябрем 1557 г. (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 525. Л. 245–248. См. также: Сборник документов о Ливонской войне из Мекленбург-Шверинского архива. Копии 1821 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. Т. 3. № 657. Л. 1–45).

№ 1

Соглашение между Священным королевским Величеством Польским и магистром, а также сословиями Ливонии. Все имущество, движимое и недвижимое, которое принадлежало архиепископу Рижскому, прежде чем было захвачено магистром и сословиями Ливонии, возвращается ему, а тем временем передается посреднику, выбранному с общего согласия, пока не утихнет война между королем Польским, защитником Рижского архиепископства, и магистром Ливонии. Кристоф Герцог Мекленбургский, в случае смерти или цессии архиепископа, будет возведен в сан архиепископа и признан законным архиепископом, и проч. Дан в Позволе из королевского лагеря 5 сент. 1557 г. Утвержден Вильгельмом Фюрстенбергом магистром Ливонии. Там же в королевском лагере 14 сент. Из архива Великого княжества Литовского

Во Имя Господа Аминь.

На вечную память.

Мы, Вильгельм Фюрстенберг, Магистр Тевтонского ордена в Ливонии. Извещаем настоящим нашим актом всех и каждого, перед кем это когда-либо предстанет. Поскольку между достопочтенным и ясновельможным господином Вильгельмом рижским архиепископом, маркграфом Бранденбургским, герцогом Штетинским, Померанским, Кашубским и Вендским, бургграфом Нюрнбергским и князем Ругенским и проч., и между почтенным и вельможным господином Генрихом фон Галеном, некогда магистром Тевтонского ордена в Ливонии, а затем нами и сословиями Ливонии возникли некоторые разногласия, и ясновельможный государь и господин, господин Сигизмунд Август Божьей милостью король Польский, великий князь Литовский и проч., в силу братских уз, которые связывали его Священное Величество с достопочтенным и ясновельможным родителем его, и по долгу покровительства, оказываемого им архиепископству и Рижской церкви, встал на сторону архиепископа и начал войну против почтенного и вельможного господина Генриха фон Галена, некогда магистра Тевтонского ордена в Ливонии, и сословий Ливонии, которая продолжилась и в наше время: светлейший и превосходнейший государь и господин, господин Фердинанд Божьей милостью Король Римский, Венгерский, Богемский и проч., а также ясновельможные государи, господа Барним и Филипп, герцоги Штетинские и Померанские и проч., назначенные сословиями Священной Римской Империи уполномоченными по этому вопросу, ходатайствовали через своих послов перед нами и сословиями Ливонии, чтобы мы позволили уладить это дело путем соглашений и не доводить до войны. Затем и светлейшее королевское Величество Польское объявил свое стремление к сохранению мира в христианстве, и мы, а также сословия Ливонии желаем установить вечный мир с его Священным Величеством и не хотим со своей стороны дать ему какой-либо повод для обиды. При содействии же послов Священного и превосходнейшего Римского королевского Величества и их сиятельств по поводу достопочтенного и ясновельможного господина рижского архиепископа было условлено и решено на тех условиях, которые записаны в грамоте тех самых послов, содержание которой дословно таково.

Мы, Вацлав Вржешович де ново Кастро, камерарий светлейшего господина Фердинанда, эрцгерцога Австрийского, и Валентин Зауерман Гельтше со стороны светлейшего и непобедимейшего государя и господина, господина Фердинанда Божьей милостью Короля Римского, Венгерского, Богемского и проч., и Лаврентий Отто, доктор обоих

прав, а также Геннинг Вальде Лозенский со стороны ясновельможных государей и господ, господина Барнима и господина Филиппа герцогов Штетинских и Померанских и проч., послы уполномоченных сословиями Священной Римской империи уладить эти ливонские смуты, делегаты к Священному королевскому Величеству Польскому. Настоящим извещаем всех заинтересованных. Поскольку между ясновельможным и достопочтенным господином Вильгельмом, архиепископом Рижским, маркграфом Бранденбургским, герцогом Штетинским, Померанским, Кашубским и Вендским, бургграфом Нюрнбергским и князем Ругенским, и почтенным и вельможным господином Генрихом фон Галеном, некогда магистром Тевтонского ордена в Ливонии, и сословиями Ливонии по некоторым вопросам появились разногласия, и они пошли на ясновельможного и достопочтенного господина архиепископа войной и пленили его. Священное королевское Величество Польское, в силу кровных уз, связывающих его с его сиятельством, а также по долгу покровительства, которому вверены архиепископу прежнее положение и оружием отомстить за свои обиды и несправедливости своим подданным в Великом княжестве Литовском, совершенные ливонцами. И поскольку также ясновельможный господин Альбрехт, сеньор маркграф Бранденбургский, герцог в Пруссии, Штетинский, Померанский, Кашубский и Вендский, бургграф Нюрнбергский и князь Ругенский побуждал отомстить братские обиды, ясновельможный и непобедимейший государь, господин Король Римский, а также сословия Священной Римской империи тщательно обговорили через нас с его Священным Величеством, чтобы он, отложив мысли о войне, позволил уладить дело мирными соглашениями. На что его Священное Величество охотно объявил свое стремление и склонность к сохранению христианского мира и одновременно удостоверил, какое влияние на него имеет требование ясновельможного и непобедимейшего государя, господина, господина Римского Короля, а также сословий Священной Римской империи: ибо он согласился, чтобы мы приняли меры к примирению, обещая подчиниться, если с нашей помощью будет условлено о полном восстановлении в правах достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа; и чтобы ливонские сословия отправили послов, которые обговорят возмещение за его обиды и несправедливости его подданным. Итак, когда мы вернулись из Ливонии, и с нами прибыли ливонские послы, и изложили его Священному Величеству то, что было оговорено нами о реституции ясновельможного и достопочтенного господина архиепископа, и хотя мы не пренебрегли старанием и усердием, каковое могло быть приложено нами к этому делу, все же его Священное Величество отказался утвердить постановленное, поскольку условия реституции не могли во всем совпасть с формулой, переданной нам его Священным королевским Величеством; поэтому, в силу наложенной на нас ясновельможным и непобедимейшим государем господином Римским Королем и сословиями Священной Римской империи обязанности, мы опять провели переговоры с ливонскими послами, чтобы ради установления мира прийти к новому соглашению относительно тех пунктов, которые расходились с формулой его Величества: вследствие чего с уполномоченными советниками его Величества и с вышеназванными ливонскими послами, имеющими на то полные мандаты, которые мы признаем здесь включенными, о реституции достопочтенного и ясновельможного господина рижского архиепископа было согласовано и решено таким образом.

Прежде всего. Восстанавливается в изначальном положении так, чтобы сохранялось им (*архиепископом*. — В. П.) неотъемлемо, как его достоинство, так и юрисдикция, верховенство, суверенитет, власть, собственность, прерогативы в его владениях и диоцезе, и возвращаются ему города, крепости, замки, деревни, земли и все доходы,

которые складываются из их рент и выгод, чтобы вносились обычные ежегодные подати и выплаты, налоги, пошлины, сборы и как бы то ни называлось, для чего должно вернуть так, чтобы у него были все полные права, касающиеся как личности и достоинства и полномочий, так и его собственности, поскольку он обладал всем этим, пока не был пленен почтенным и вельможным господином магистром и сословиями Ливонии. Особо также предусмотрено, что ему возвращается его часть юрисдикции над городом Ригой, поскольку он пользовался ею, пока не был пленен почтенным и вельможным господином магистром, и орден не должен препятствовать ему в этом. Если же когда-либо возникнут какие-нибудь разногласия по поводу этой юрисдикции, когда ею будет обладать достопочтенный и ясновельможный господин архиепископ, они должны быть решены по закону и надлежащим судом, но никак не вооруженным покушением друг на друга. Также возвращается ему все, что относится к его движимому имуществу. В этом отношении, прежде всего, то, что принадлежало по праву самому архиепископу и Рижской церкви, как следует, все церковные и епископские украшения, предназначенные для каких-либо целей, и какое бы то ни было имущество, а именно митра и посох архиепископа, привилегии, грамоты, книги личного хозяйства и официальных актов, и если что-либо из этого оказалось утраченным, то предусмотрено, чтобы было восстановлено и возобновлено. Также должно быть возвращено то, что было похищено из укреплений замков, все виды орудий и вооружения, большие и малые бомбарды, ядра, порох, копья, железные орудия, панцири и все военное снаряжение. Также сто ластов пшеницы провианта. И, наконец, возвращаются и все вещи, которые были личной собственностью достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа и которые были похищены, все согласно инвентарю, так, как подобает между сторонами. Если же что было похищено из недвижимого имущества его прелатов и подданных, возвращается со всеми доходами и выгодами. Также, что было оставлено кем-либо у архиепископа на хранение и затем захвачено, то, если было засвидетельствовано, полностью возвращается. Что касается доходов, полученных после пленения достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, до того момента, как имущество архиепископства будет секвестрировано, решено так: поскольку утверждалось, что немалая часть их была предоставлена сиятельному господину Кристофу, герцогу Мекленбургскому, на содержание его самого и его семьи и также немалая часть потрачена на достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, а также на его замки и семью, то, если что из них осталось и ввиду неопределенности подсчет для реституции будет труден, должно дать им пятьдесят ластов пшеницы. О доходах в остальное время, а именно как только имущество архиепископства будет секвестрировано, предусмотрено, чтобы все было возвращено, за исключением того, что предоставлено достопочтенному и ясновельможному господину архиепископу и сиятельному господину, Кристофу, герцогу Мекленбургскому, и их семьям на их содержание.

Но поскольку королевское Величество Польское и сиятельный господин Альбрехт, маркграф Бранденбургский и герцог в Пруссии, начали войну не только из-за достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, но также по собственным причинам, и почтенный и вельможный господин магистр, и прелаты, а также ливонские сословия не считают для себя возможным восстановить в правах достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, пока не будут устранены все эти причины и им будет гарантирован мир, и тогда только вернут все достопочтенному и ясновельможному господину архиепископу. Посему решено, чтобы с общего согласия сторон были выбраны секвесторы, которым передавалось бы архиепископство и которые бы охраняли его, пока не будет достигнут компромисс относительно этих причин и по

поводу смут между ясновельможным королевским Величеством Польским и почтенным и вельможным господином магистром, прелатами и сословиями Ливонии, им же передаются все доходы, пользы и то, что касается реституции, дабы они все сохранили в целости.

Этих секвесторов же обе стороны, и достопочтенный и ясновельможный господин архиепископ, и почтенный и вельможный господин магистр себе выбрали достопочтенных господ епископов Курляндского и Дерптского. Достопочтенный и ясновельможный господин архиепископ со своей стороны — епископа Курляндского, почтенный и вельможный господин магистр со своей — Дерптского, и поскольку они с начала мирных переговоров будут владеть имуществом архиепископства, пусть им будут известны все его доходы. Итак, теперь их выбрали и утвердили. Они же теперь сохраняют замки, поместья, дома архиепископства, которые они беспрепятственно займут до установления мира, кроме тех замков, которые отданы сиятельному господину Кристофу, герцогу Мекленбургскому и достопочтенному и ясновельможному господину архиепископу, из доходов которых они будут себя содержать. Эти же господа секвесторы сохраняют все остальные ценности, которые касаются реституции и которые поименно обозначены.

Также от этих секвесторов мы, как организаторы, именем ясновельможного и непобедимейшего государя господина, господина Римского Короля и обоих государей требуем и повелеваем им, чтобы в силу повиновения, которым они обязаны Священному и непобедимейшему Римскому королевскому Величеству, и ради сохранения мира, общего спокойствия, они приняли эту обязанность, и честно исполняли, чтобы ни выгоды архиепископства, ни семейные узы не имели перевеса. Также префекты входящих в архиепископство замков должны подчиняться одним только секвесторам, а не магистру, не прелатам и не сословиям Ливонии. Когда же будет достигнуто согласие относительно причин раздоров, которые произошли между Священным королевским Величеством Польским и почтенным и вельможным господином магистром, прелатами и ливонскими сословиями, а также когда Священное королевское Величество Польское и сиятельный господин Альбрехт, Маркграф Бранденбургский, герцог в Пруссии и проч., заключат с ними твердый и нерушимый мир и утвердят этот договор: немедленно восстаноят в прежнем достоинстве Достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, и замки, поместья, дома, а также все, что включено в этот договор. Все, что названные господа секвесторы потратят в пользу архиепископства и свою сверх его доходов на необходимые нужды, то, если надлежащим образом засвидетельствуют, а также предъявят счета, будет им возмещено из его доходов. Также подданных достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, которых во время этих смут почтенный и вельможный господин магистр, а также сословия Ливонии с общего согласия и постановления привели к присяге себе, сделают свободными и вольными, а также подтвердят отпускными письмами, что они передались им по принуждению. Также и расторжение присяги, которую некогда приносили достопочтенному и ясновельможному господину архиепископу его подданные устно или письменно, будет недействительным, и они останутся связанными прежней ему присягой. Однако они не должны быть принуждаемы к новому оммажу, если отложились от достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа и предались власти почтенного и вельможного господина магистра и остальных сословий Ливонии не по своей воле, но вынужденно.

И хотя среди них есть некоторые, которые, несмотря на то что достопочтенный и ясновельможный господин архиепископ все еще сохранял звание и свое положение, добровольно перешли к почтенному и вельможному господину магистру и сословиям

и которых достопочтенный и ясновельможный господин архиепископ считает нужным сурово покарать, однако из любезности к ясновельможному и непобедимейшему господину Римскому Королю, а также Священному королевскому Величеству Польскому, для установления прочнейшего мира, прощает вместе с прочими своими подданными, капитулом, нобилитетом, горожанами, которые были принуждены это сделать, и обещает за себя и своих наследников, что ни он, не его наследники не будут упоминать впредь об этом деле.

Со своей стороны, почтенный и вельможный господин магистр и сословия Ливонии должны будут искренне отпустить все обиды тем, кто присоединился к достопочтенному и ясновельможному господину архиепископу или каким-либо образом содействовал ему. И если кто из подданных рижских горожан и подчиненных господина архиепископа в течение этих волнений был изгнан, все недвижимое имущество должно быть им возвращено. Движимое также, если сохранится, будет возвращено. Остальное же может быть потребовано назад у захватчиков или удерживающих его за собой через законный суд. Если же они заключены в тюрьму или связаны залогом, порукой и другими гарантиями, то им предоставят свободу, безопасность и неприкосновенность, а также, по возвращении прежних почестей и достоинства, позволят им свободно решить, захотят ли остаться в Ливонии, покинуть ли ее, и они не обязаны предоставить иной гарантии невиновности, если от них потребуют, кроме поручительства.

Также сиятельного господина Кристофа, герцога Мекленбургского, с одобрения ясновельможного и непобедимейшего государя господина Римского Короля, а также Священного королевского Величества Польского, выборщиков, государей и сословий империи, а также за его заслуги должно признать коадьютором архиепископства. А после того, как последует цессия или смерть достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, признать его новым законным архиепископом, и не препятствовать в этом деле под какими-либо вымышленными предложениями.

Когда же достопочтенный и ясновельможный господин архиепископ состарится, он будет волен, если захочет, передать тому сиятельному господину Кристофу, герцогу Мекленбургскому, должность, а также управление архиепископством, с которым же с общего усмотрения договорится о доходах и выгодах.

Если же принято, что подданные Рижского архиепископства одновременно с выбором коадьютора приводятся к присяге ему, должны будут принести ее также сиятельному господину Кристофу, герцогу Мекленбургскому, когда только это будет угодно достопочтенному и ясновельможному господину архиепископу. Если же такого обычая нет, но это принято только тогда, когда избранный коадьютором унаследует полное достоинство архиепископа, то не обязаны этого делать, пока вследствие либо цессии достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа, либо его смерти он наследует полностью достоинство архиепископа.

Также сиятельный господин Кристоф, герцог Мекленбургский, должен дать достаточные гарантии сословиям Ливонии, что полностью сохранит их права, статуты и привилегии, подтвержденные католическим, императорским и Священным, а также непобедимейшим Римским королевским Величеством, кроме постановлений Вольмарского рессенса, и те их части, которые нарушают право архиепископа, а также Рижской церкви, может объявить недействительными и пересмотреть в ходе судебного разбирательства. Также он должен им гарантировать, что не обратит архиепископство в светское и наследственное владение, и не нанесет поэтому какого-либо ущерба Священной Римской империи, и так же, как он будет по-доброму относиться к почтенному

и вельможному господину магистру, прелатам, а также сословиям Ливонии, так и они, со своей стороны, — к нему, чтобы сохранялся обоюдный мир и вечное согласие. Но поскольку сиятельный господин Кристоф, герцог Мекленбургский, не достиг еще совершеннолетия, то, чтобы кто-нибудь не чинил препятствия правам и привилегиям подданных, если достопочтенный господин архиепископ решит уступить ему достоинство архиепископа, сам достопочтенный господин архиепископ должен выбрать двух из духовного сословия и двух — из нобилитета этого архиепископства, которые бы управляли архиепископством, пока тот не достигнет положенного возраста, не дольше. Точно так это обещали и сиятельный господин Кристоф, герцог Мекленбургский, и его именем также достопочтенный господин архиепископ, а также он согласился, чтобы это было внесено в настоящий рецесс. Если Рижская городская община что похитила у капитула и Рижской церкви, она должна это вернуть, и если у них возникнут какие споры, то пусть будут решены надлежащим судом. Также и почтенный и вельможный господин магистр, и ясновельможный и достопочтенный господин архиепископ, и прелаты, сословия, дворянство, города Ливонии, какая бы неприязнь или вражда между ними ни привела к этой войне, должны друг друга простить и навсегда забыть, чтобы между ними установился верный, прочный и вечный мир.

Это соглашение о реституции достопочтенного господина архиепископа королевское Величество Польское, а также сиятельный господин Альбрехт, маркграф Бранденбургский, герцог в Пруссии должны своими подписями одобрить и утвердить, что также должен сделать сам достопочтенный господин архиепископ. В верность и подтверждение их собственноручно поставили настоящие подписи и привесили наши печати. Дано в Позволе из королевского лагеря, дня пятого месяца сентября, в год тысяча пятьсот пятьдесят седьмой. Вацлав Вржешович, Валентин Зауерман, Лаврентий Отто, Геннинг Вальде собственноручно.

Итак, этот акт соглашения и примирения мы вместе с сословиями Ливонии, утверждая, этой нашей подписью навечно одобряем так, как одобрили их же нашей клятвой; обещая за нас и наследников наших то, что в них содержится, соблюдать на вечные времена свято и нерушимо. В верность и подтверждение этого дела своей рукой подписали и привесили Печати наши и комтуров. Дано в Позволе из королевского лагеря, дня четырнадцатого сентября. В год тысяча пятьсот пятьдесят седьмой. В присутствии почтенных, славных и благородных Христофора де Лева именуемого иначе де Нова Вилла, провинциала маршала Ливонии, Генриха Штединга, коммендатора Голдингского, Христофора Сибера Кандамского, Николая фон Штридгоффа Грубенского, префекта, Гвальтера Плеттенберга, Раимперта Кульдесхайма доктора права, Михаила Брунау, советников. И многих других здесь находящихся.

№ 2

Условия мирного договора между Священным королевским Величеством Польским и магистром Ливонии о восстановлении во всех правах Рижского архиепископа. Все города, замки, крепости, ренты и доходы возвращаются названному архиепископу вместе со всеми его юрисдикцией, суверенитетом и властью. Избираются присяжные уполномоченные, которые установят границы между Литвой и Ливонией и уладят споры между сторонами, и если не будет между ними согласия, то Гнезненский архиепископ будет иметь полное право вынесения окончательного решения. Прочее. Дано в Позволе из королевского лагеря дня 5 сент. 1557 года. С утверждением Вильгельма Фюрстенберга, магистра Тевтонского ордена в Ливонии. Дан там же дня 14 Сент. из Архива Королевства. Кн. посл. Лит. У. л. 52.

Во Имя Господа Аминь.

На вечную память.

Мы, Вильгельм Фюрстенберг, магистр Тевтонского ордена в Ливонии, прелаты и сословия Ливонии извещаем настоящим нашим актом всех и каждого, перед кем это когда-либо предстанет. Поскольку светлейший государь и господин, господин Сигизмунд Август Божьей милостью Король Польский, Великий князь Литовский и проч. по известным причинам начал войну сперва против почтенного и вельможного господина Генриха фон Галена, нашего предшественника, затем против нас, а также сословий Ливонии, светлейший и превосходнейший государь, господин, господин Фердинанд Божьей милостью Король Римский, Венгерский, Богемский и проч., а также ясновельможные государи господа, Барним и Филипп, герцоги Штеттинские и Померанские и проч., назначенные сословиями Священной Римской империи уполномоченными по этому вопросу, побуждали нас и сословия Ливонии, чтобы мы позволили путем соглашений договориться и устранить все те причины, которые привели к войне. Посему, поскольку и его Священное Величество заявил об искренней склонности к сохранению христианского мира, и мы, а также Сословия Ливонии прежде всего стремимся к миру с его Священным Величеством, и желаем во всем, что служит его сохранению, проявить, насколько можно, все наше рвение и усердие, при содействии этих же послов светлейшего и превосходнейшего Римского королевского Величества и ясновельможных господ герцогов Померанских стороны договорились на тех условиях, которые изложены в грамоте этих послов. Содержание которой таково. Мы, Вацлав Вржешович де Ново Кастро, камерарий светлейшего господина Фердинанда эрцгерцога Австрийского, и Валентин Заурман Гельтше со стороны светлейшего и непобедимейшего государя и господина, господина Фердинанда Божьей милостью Короля Римского, Венгерского, Богемского и проч., и Лаврентий Отто, доктор обоих прав, а также Геннинг Вальде Лозенский, со стороны ясновельможных государей и господ, господина Барнима и господина Филиппа, герцогов Штеттинских и Померанских и проч., послы уполномоченных сословиями Священной Римской империи уладить эти ливонские смуты, делегаты к Священному королевскому Величеству Польскому. Настоящим извещаем всех заинтересованных. Поскольку светлейший государь и господин, господин Сигизмунд Август Божьей милостью Король Польский и проч. приготовлялся к войне против почтенного и вельможного господина Генриха фон Галена, некогда магистра Тевтонского ордена в Ливонии, а также его наследника

господина Вильгельма Фюрстенберга и прочих его прелатов и сословий Ливонии из-за пленения ими достопочтенного и ясновельможного господина Вильгельма Рижского архиепископа, с которым он сам и через своих предков связан братскими узами, и который доверился вместе со своей Рижской церковью его протекции, и захвата ими всех владений архиепископства, затем вследствие собственных обид и несправедливостей своим подданным, из-за убийства ими его посла, нарушения границ, частых набегов, ущерба, причиненного его подданными, и конфискации их товаров, — и побуждаемый именно этими причинами, его Величество решил начать с ними войну, и светлейший и непобедимейший государь и господин, господин Фердинанд Божьей милостью Король Римский, Венгерский, Богемский и проч., советуясь с ясновельможными господами выборщиками, государями и сословиями Римской империи и с их послами, отправил нас к его Священному Величеству и по-отечески просил его позволения договориться мирным путем о достопочтенном и ясновельможном господине архиепископе и по поводу его собственных обид, и чтобы он не стал прибегать бы к войне, которая принесет кровопролитие. Посему его Священное Величество из сыновней преданности и почтения к Священному и непобедимейшему Римскому королевскому Величеству и по долгу христианского государя заявил нам о склонности к сохранению христианского мира и обещал воздержаться от войны, если сперва достопочтенный и ясновельможный господин Рижский архиепископ будет восстановлен в прежнем достоинстве и положении. Затем почтенным и вельможным господином магистром и сословиями Ливонии были бы приняты условия возмещения обид ему и его подданным.

Итак, после того как мы обсудили эти вопросы в Ливонии и снова — с его Священным Величеством, вместе с послами почтенного и вельможного господина магистра, прелатов и сословий Ливонии, отправленными вместе с нами к его Священному Величеству из Ливонии, после долгих и продолжительных проволочек было решено на таких условиях. Прежде всего о реституции достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа Вильгельма было постановлено согласно формуле соглашения о реституции, выработанной при нашем посредничестве и одобренной его Священным Величеством как покровителем самого достопочтенного и ясновельможного господина архиепископа и Рижской церкви, и по поводу которой составлен другой документ. А поскольку уже давно источником и рассадником всех распри являются спорные и неопределенные границы между Великим княжеством Литовским и Ливонией, вследствие чего не раз случалось, что подданные обеих сторон совершали отсюда частые набеги, решено, что в силе остаются постановления, называемые обычно Радзивилловы, а также немедленно избираются уполномоченные, которые устаноят границы, следуя описанию мест этими самыми постановлениями, и все они присягнут в том, что будут справедливо и честно по совести судить, следующим образом.

Я, N. N., клянусь в этих разногласиях, которые касаются вопроса и спора о границах между Великим княжеством Литовским и этой провинцией Ливонией, несомненно, дабы границы согласно линии Радзивилла, по которой они проходят посередине между двумя крайними пограничными пунктами Шедборы и Вейквилли, были бы исследованы тщательным и честным изысканием и установлены и обозначены ясными и вечными знаками, что ничего из этой клятвы, которой я обязался светлейшему государю и моему милостивейшему господину и подвластной ему страны, я не исполню с оглядкой на или ради кого-нибудь, из благосклонности или ненависти, но после тщательного исследования указанных выше пограничных пунктов я честно отмечу границы посередине заметными и вечными знаками. Но если вследствие неясности и неопределенности этих пограничных пунктов середина, предложенная упомянутым декретом Радзивилла, не может быть точно определена, я буду судить обоим сторонам

по справедливости и совести и буду решать все так, как посчитаю справедливым и честным по моему убеждению. И да не помешает мне ничто исполнить этот долг, разве только недуг или сама смерть. Да поможет мне Бог.

Однако, чтобы вышеназванные уполномоченные легче могли бы достичь согласия по всем делам, с общего одобрения Священного королевского Величества Польского, а также почтенного и вельможного господина магистра и послов сословий Ливонии, имеющих на то полный мандат, достопочтенный Отец во Христе, господин Николай Дзирзковский архиепископ Гнезненский, назначенный легат и примас Польской Церкви, или кто другой, являющийся временно господином архиепископом Гнезненским, избирается арбитром, и ему предоставляется полное право судить о тех делах, в которых, возможно, между уполномоченными не будет согласия. И они добросовестно, в священном месте клятвенно обяжутся, что бы он ни объявил, постановил и решил, то будет свято и нерушимо соблюдаться, и они подчинятся его решению и постановлению, и обещали притом, ясно отказавшись от общих и частных протестов, возражений, апелляций, пересмотров и других каких бы то ни было правовых — как гражданских, так и канонических — льгот и привилегий, а также от судебного освобождения и восстановления в изначальном положении, что, если кто из них под каким-либо предлогом или неким другим надуманным образом или способом захочет противодействовать упомянутому арбитражу или постановлению и не захочет безоговорочно подчиниться, он тем самым должен уступить всю власть и права, которыми, по его мнению, он обладал в пограничных областях, и противной стороне будет позволено в соответствии с названным решением и постановлением занять их и присвоить. Однако, поскольку при такого рода арбитраже требуется, чтобы он не был связан ни с одной из сторон, Священное королевское Величество Польское полностью (насколько относится к настоящему делу) освободил его от присяги, которой тот был обязан ему, Королевству и его землям, дабы не руководствовался в этом деле ничем — ни данной ему клятвой, ни долгом повиновения — но только справедливостью и правосудием, а также чтобы он принес бы клятвенную присягу обеим сторонам в вопросе о границах, как подтверждено отпускной грамотой Священного королевского Величества Польского. Утверждена же следующая формула его клятвы:

Я, архиепископ Гнезненский, клянусь в этих разногласиях, которые касаются вопроса и спора о границах между Великим княжеством Литовским и провинцией Ливонии, что ничего из этой клятвы, которой я обязался светлейшему государю и моему милостивейшему господину и подвластной ему страны, я не исполню ради или для кого-нибудь, из благосклонности или ненависти, но обо всем, в чем не смогут достичь согласия присяжные уполномоченные, выбранные обеими сторонами для очерчивания Радзивилловой границы, которая проходит посередине между пределами Вейсквилли и Шедебор, после тщательного рассмотрения дела и изучения обстоятельств буду решать и судить так, как посчитаю справедливым по моему убеждению. Но поскольку вследствие неясности и неопределенности пограничных пунктов эта середина, предложенная упомянутым декретом Радзивилла, не может быть точно определена, я буду судить обеим сторонам по справедливости и совести. Да поможет мне Бог.

Уполномоченные же, а также избранный с общего согласия достопочтенный господин архиепископ Гнезненский должны собраться на границе первого августа следующего тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года и начать проводить межу от реки Лунида, вплоть до которой границы не являются спорными. Если же Священному королевскому Величеству Польскому это время по каким-либо причинам покажется неудобным, то остается на усмотрение его Священного Величества назначить

другое и известить почтенного и вельможного господина магистра, который к тому времени должен отправить своих уполномоченных. При этом настоящий компромисс останется в силе во всех отношениях и всех своих пунктах так, что, согласно нему, и достопочтенный господин архиепископ, назначенный арбитром, и уполномоченные будут иметь те же полномочия, которые им полагаются, как если бы они собрались к тому времени, которое было установлено изначально, то есть к первому августа тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года. Также прежде чем уполномоченные и достопочтенный господин архиепископ Гнезненский придут на границу, с обеих сторон должны быть назначены люстраторы, честность и бескорыстие которых проверены, и которые, насколько возможно, хорошо знают местность. А между тем и Священное королевское Величество Польское, и почтенный и вельможный господин магистр и сословия Ливонии должны позаботиться, чтобы их подданные поступали согласно долгу поддержания общего мира и чтобы не посягали каким-либо образом на собственность друг друга. Поскольку же этот компромисс касается также границ между отрогом Комодра и замком Бауске, решено с тем, чтобы таким образом эти соглашения в хоть какой-то своей части начали исполняться, чтобы уже сейчас были посланы уполномоченные, которые согласно вышеуказанному Радзивиллову постановлению определили бы границы, и эти границы будут для обеих сторон прочными, твердыми, вечными. Что же сверх того занято ливонцами из литовских земель, или, наоборот, литовцами из ливонских земель, то должно быть немедленно возвращено и очищено. А также, чтобы из-за ветхости эти границы не были бы разрушены и уничтожены и вопрос вновь не стал бы запутанным, постановлено, что каждые пять лет префекты пограничных областей будут собираться на месте и, если потребуется, обновят знаки так, что не будет когда-либо нужды в них сомневаться. А чтобы их установка была более удобной, следует созвать с обеих сторон небольшое число крестьян, которые покажут нужные пути, ведущие к границам, в труднодоступных лесистых местах, как в Великом княжестве Литовском, так и в Ливонии, и соорудят мосты и подготовят необходимые условия для ведения этого дела.

Поскольку же почти все споры и несправедливости происходили по причине границ, после их установления Священное королевское Величество Польское должен назначить трех уполномоченных, и таких же трех — почтенный и вельможный господин магистр Ливонии, которые будут иметь полномочия расследовать и судить все несправедливости. При этом в первый день ливонские уполномоченные будут судить подданных Священного королевского Величества с ливонцами. Затем на следующий день — литовские уполномоченные судят их людей, и так по очереди через день будут судить взаимные несправедливости, дабы обе стороны в равной степени обладали правом суда, или, если возможно будет подсчитать, причиненный обоим сторонам ущерб будет справедливо возмещен. Если же в будущем случится одной из сторон какая-нибудь новая несправедливость, местные префекты, когда им доложат, должны незамедлительно объявить суд и позаботиться, чтобы по причине затягивания не был бы дан повод для частного насилия, которое может поколебать всеобщее спокойствие, и постараются, чтобы в течение одного месяца — если не появится какого законного препятствия — с такого рода поводами было бы покончено. Если же кто окажется не-радивым в своей службе, то, после передачи дела вышестоящему, должен быть наказан. Корабли, а также товары подданных Священного королевского Величества Польского, захваченные ливонцами под видом репрессалий во время этих смут, будут возвращены полностью со всеми вещами до дня Святого Луки настоящего года. И наоборот, пшеница, купленная ливонцами в землях его Священного Величества, или деньги, которые они заплатили, должны быть им возвращены. Впредь же ни одна сторона не будет

употреблять репрессалии, если только государь или в его отсутствие тот, кто займет его место, не потребует этого в суде. Также часто возбуждает большие раздоры то, что люди как Светлейшего королевского Величества Польского, так и почтенного и вельможного господина магистра Ливонии, считающие кого-либо из противной области чем-либо себе обязанным, обычно не судятся о своих правах по закону на месте, но взаимно угоняют крестьян и обыкновенно жестоко с ними обходятся. И поскольку это происходит взаимно, давая серьезные поводы для нарушения соседских прав, то для их устранения следует, чтобы тот, кто почитает себя потерпевшим какую-нибудь несправедливость от кого-либо, не отвечал бы таким же насилеи, но обратился в законный суд, так, что если кто действительно захочет судиться с крестьянином, обратился бы к его господину. И если господин окажется нерадивым или сам как-нибудь участвовал в какой-либо несправедливости, потерпевший должен обратиться к местным префектам, и это должно соблюдаться подданными равно как Священного королевского Величества Польского, так и вельможного господина магистра Ливонии. И чтобы разрешение всех споров, которые могут возникнуть между подданными с обеих сторон, было легким и удобным, следует, чтобы, как постановлено предыдущим договором о проведении каждые три года пограничных встреч, то же повторялось и здесь, а также чтобы заседали советы в Обелие и Курчмах, которые должны вершить суд и выносить приговоры по всем делам и несправедливостям. И дабы все, что служит делу добрососедства, устроилось как можно лучше, то, что предусмотрено прежними договорами о праве свободного проезда подданных Священного королевского Величества Польского через Ливонию, решено здесь повторить и подтвердить, так же, как и их освобождение от уплаты любых сборов и пошлин, которые были вновь установлены после прежних договоров, но согласно с прежними договорами им предоставлено право и полная свобода и возможность вести торговлю как в городе Риге, так и в других местах, так же, как и ливонцам в землях Священного королевского Величества. Поскольку же его Священное Величество давно уже считает тяжелейшей обидой убийство своего секретаря, благородного Гаспара Ланского, которого он отправил послом в Ливонию для восстановления мира между достопочтенным и ясновельможным господином архиепископом и почтенным и вельможным господином магистром и сословиями Ливонии, а послы вельможного господина магистра и сословий Ливонии объяснили его убийство никак не государственным заговором, но случайностью, то по этому делу решено, что командор Розиттенский, который обвиняется в этом, предстанет перед очами королевского Величества и либо опровергнет доказательствами свою вину и обвинение в убийстве посла, либо оправдается клятвой, и объявит себя невиновным, и будет умолять снять с него подозрение, и искать милости Священного королевского Величества. Остальные же виновники убийства, которые были схвачены, будут приговорены к законной казни или будут оставлены на усмотрение его Священного Величества, что бы он ни решил на их счет.

А поскольку Священное королевское Величество Польское считает, что имел справедливые причины для начала и подготовки этой войны, и он выдвинулся с войском и воинским снаряжением к самым границам Ливонии, то с полным основанием полагает, что ему должно быть предоставлено возмещение военных издержек. Почтенный и вельможный господин магистр и сословия Ливонии не отказываются его предоставить, однако его Величество, после нашего ходатайства, которое мы сделали перед ним как можно прилежнее от имени Священного и непобедимейшего Римского королевского Величества, а также в своей милости и чтобы тем угодить сословиям Священной Римской империи, обещал освободить их от необходимости всего этого возмещения.

Поскольку же между Светлейшим королем Польским, великим князем Литовским, и королевством и его владениями и между почтенным и вельможным господином

магистром и сословиями Ливонии существуют старые договора, и они по обычаю подтверждены клятвой как светлейших господ королей польских и великих князей литовских, так и вельможного господина магистра и сословиями Ливонии, постановлено, чтобы ничто из этих разногласий и этих новых соглашений не считалось в будущем ограничивающим их, но, при том что первые остаются незабываемыми и действительными, эти вторые установлены отчасти для их прояснения, отчасти для обновления и расширения. И чтобы светлейшим государем и господином, господином Королем Польским и его наследниками, как королями Польскими, так и великими князьями литовскими и всеми их владениями, а также между почтенным и вельможным господином магистром и сословиями Ливонии и их владениями сохранялся твердый, прочный и вечный мир, пусть один на другого не пойдет войной, и не окажет услуг врагам другого ни при каких обстоятельствах, и не предоставит им со своей стороны совета или чего бы то ни было; также не заключит союза один против другого, и во всех делах сохраняют свято и нерушимо вечные мир и союз, и не станут противиться им прямо или косвенно, или еще как-нибудь. Эти договора, все и каждые, для их нерушимости, прочности и долговечности, должны быть подтверждены клятвой Священного королевского Величества Польского и советников литовских в присутствии послов вельможного господина магистра, сословий Ливонии вместе с возобновлением давних соглашений. Это же должны сделать сами послы, а также сам почтенный и вельможный господин магистр Ливонии с комтурами прибывает 14 сентября сюда, в лагерь, к Священному королевскому Величеству для их одобрения и утверждения и принесения клятвы и утвердит эти соглашения в присутствии Священного королевского Величества клятвой и собственноручной подписью и привесит печати. То же должен сделать своей подписью Священное королевское Величество Польское с литовскими советниками. В случае, если какие-либо советники литовские, или равно комтуры Ливонии в это время не смогут присутствовать, они должны будут на ближайших конвентах своих земель принести такую же клятву для подтверждения этих соглашений, если таковая требуется с их стороны. Также советники Великого княжества Литовского, как и сословия Ливонии, должны будут обязаться по формуле старых договоров, чтобы если либо великий князь литовский, либо вельможный господин магистр Ливонии, или кто-либо другой захочет отступить от этого союза, то не предоставляли бы ему ни помощи, ни совета, ни оставались бы в покорности ему. В верность и подтверждение этого собственноручно настоящие подписи поставили и привесили наши печати. Дано в Позволе из королевского лагеря, дня пятого месяца сентября, в год тысяча пятьсот пятьдесят седьмой.

Итак, эти акты, соглашения и примирения мы вместе с комтурами и сословиями Ливонии будем считать незабываемыми и прочными, и этими нашими подписями навечно подтверждаем и одобряем клятвой нашей и комтуров Ливонии; обещая за нас и наследников наших то, что в них содержится, на вечные времена свято и нерушимо соблюдать. В верность и подтверждение этого дела своей рукой подписали и привесили печати наши и комтуров. Дано в Позволе из королевского лагеря, дня четырнадцатого сентября. В год тысяча пятьсот пятьдесят седьмой. В присутствии почтенных, сиятельных, славных и благородных Христофора де Лева именуемого иначе де Нова Вилла, провинциала, маршала Ливонии, Генриха Штедингга, коммендатора Голдингенского, Христофора Сиберия Кандамского, Николая фон Штридгоффа Грубенского, префекта, Гвальтера Плеттенберга, Раимперта Кульдесхайма, доктора права, Михаила Брунау, советников. И многих других при этом присутствующих.

№ 3

Союз между Вильгельмом Фюрстенбергом, магистром Тевтонского ордена в Ливонии, и Сигизмундом Августом, королем Польши, против князя Московского. Дан в Позволе из Королевского Лагеря 14 сентября 1557 года

Во Имя Господа Аминь.

На вечную память.

Мы, Вильгельм Фюрстенберг, магистр Тевтонского ордена в Ливонии, извещаем настоящим нашим актом всех и каждого, перед кем это когда-либо предстанет. Поскольку между светлейшим государем и господином, господином королем Польским, великим князем Литовским и его владениями и между почтенным и вельможным господином магистром и сословиями Ливонии и их владениями издавна существовали старые договора, которые до сих пор свято и нерушимо соблюдались, но возникшие с недавних пор некоторые раздоры между светлейшим государем и господином, господином Сигизмундом Августом Божьей милостью королем Польским, великим князем Литовским и проч. и почтенным и вельможным господином Генрихом фон Галеном, магистром Тевтонского ордена, нашим предшественником, и сословиями Ливонии, которые продолжились и в наше время, подорвали и разрушили эти договора, после вмешательства послов светлейшего и высочайшего государя господина, господина Фердинанда Божьей милостью короля Римского, Венгерского, Богемского и проч., а также ясновельможных государей и господ Барнима и Филиппа, герцогов Штетинского и Померанского и проч., уполномоченных сословиями Священной Римской империи по этому вопросу, они были возобновлены, а также подтверждены на вечные времена так, как это предписано на вечную память в других грамотах. К ним для большей уверенности и прочности единодушного согласия мы полагаем нужным добавить, чтобы, поскольку как Великому княжеству Литовскому и владениям Его Величества, так и нашим провинциям и ливонским сословиям угрожает общий московский враг, обе стороны были бы соединены и объединены вечным союзом против него таким образом, что если когда-либо светлейший государь и господин, господин король Польский от своего имени, то есть великого князя Литовского, решит начать против него войну либо будет вынужден защищаться от него, то мы, а также сословия Ливонии обязаны либо со своей стороны пойти войной, либо послать его Священному Величеству помощь конную и пешую. В свою очередь, если мы, а также сословия Ливонии начнем против него войну или должны будем защищаться, то его Священное королевское Величество от имени великого князя Литовского обязан сделать так же, чтобы либо пошел войной на князя Московского, либо поддержал нас равной конной и пешей помощью. Если когда-либо Священное королевское Величество Польское, великий князь Литовский и его наследники, или мы и наши наследники, и сословия Ливонии заключат союз с князем Московским, то он должен быть заключен Священным королевским Величеством Польским, великим князем Литовским и его наследниками с ведома и одобрения нашего и наших наследников, и сословий Ливонии, и, в свою очередь, нами и нашими наследниками, и сословиями Ливонии — с ведома и одобрения Священного королевского Величества Польского, великого князя Литовского и его наследников. Священное королевское Величество Польское, великий князь Литовский и его наследники будут навечно связаны этим союзом с нами и нашими наследниками и сословиями Ливонии, и, в свою очередь, мы и наши наследники, а также сословия Ливонии будем связаны с ним и его наследниками. Однако тому,

чтобы настоящий союзный договор уже мог вступить в силу и начал исполняться, мешает то, что Священным королевским Величеством Польским заключено пятилетнее перемирие с князем Московским, и, в свою очередь, нами, а также сословиями Ливонии — на двенадцать лет, в течение которого времени ни Священному королевскому Величеству Польскому, ни нам и сословиям Ливонии не позволено предпринимать что-либо враждебное против него, подобает, чтобы пока этот заключенный нами союз был бы отсрочен таким образом, что он хотя и остается в силе, действительным и священным, однако исполнение его откладывается до того времени, пока не истечет вышеупомянутое перемирие, заключенное нами и сословиями Ливонии на двенадцать лет, в течение которого времени, если Священное королевское Величество Польское начнет войну против князя Московского, нам, а также сословиям Ливонии нет необходимости посылать ему помощь, и если он решит продлить с ним перемирие, ему не требуется для этого наше одобрение. Однако в случае такого продления его Священному Величеству должно назначить такой срок, который по продолжительности совпадал бы с остатком тех двенадцати лет, на которые у нас и сословий Ливонии существует перемирие с князем Московским, чтобы по его истечении Священное королевское Величество Польское, великий князь Литовский и его наследники, а также мы и наши наследники и сословия Ливонии либо начали бы общими силами войну против князя Московского, либо в соответствии с условиями настоящего договора из соображений обоюдной выгоды заключили бы с ним перемирие, и таким образом впоследствии навеки для Священного королевского Величества Польского, великого князя Литовского и его наследников, и для нас и наших наследников и сословий Ливонии и мир, и война против князя Московского были бы совместным и общим делом. В случае если в течение этих двенадцати лет, на которые у нас и сословий Ливонии существует с ним перемирие, с нами случится нечто обычное для человека, тот, кто станет нашим наследником, прежде чем возобновить то перемирие, обязан известить об этом Священное королевское Величество Польское, которое свободно в решении, если пожелает, начать совместно войну, но если мы будем живы и пятилетнее перемирие его Священного Величества истечет, тому должно позаботиться, чтобы заключить другое на такой срок, который совпадал бы с оставшимся временем нашего перемирия, а если в течение этих двенадцати лет он решит начать войну против князя Московского, мы или сословия Ливонии не обязаны предоставить ему никакой помощи. Если в случае смерти князя Московского мы оба освободимся от договора с ним, тогда этот наш союзный договор вступает в действие и силу, и либо мы соединенными силами начнем против него войну, либо вместе возобновим договор. Между тем и мы, и наши наследники в тех делах, которые могут быть у Священного королевского Величества Польского с москвитями, будем предоставлять первому свои услуги и участие, а именно препятствовать проезду через наши владения тем, кто хочет проехать через них для грабежа земель его Священного Величества, а также ловить и отправлять обратно к его Священному Величеству тех, кто пытается из его владений бежать в Московию; наконец, уведомлять его Священное Величество о планах князя Московского. Равно в тех же делах Священное королевское Величество Польское и его наследники будут предоставлять свои услуги нам и нашим наследникам. Этот союзный договор должен быть скреплен на вечные времена присягой, подписями и печатями как Священного королевского Величества Польского, великого князя Литовского и советников литовских, так и нашей и Ливонского ордена. Наследники Священного королевского Величества Польского, великого князя Литовского, а также наши в течение шести месяцев с момента своего избрания должны будут подтвердить этот союз личными клятвами. Чтобы этот союз был более прочным,

незыблемым и долговечным, подобает, чтобы мы просили утвердить его католическое императорское Величество, или Священное и высочайшее Римское королевское Величество, которое занимает сейчас место католического императорского Величества. Эти соглашения, все и каждые, дабы были незыблемыми, долговечными и прочными, будут скреплены клятвой Священного королевского Величества Польского и советников литовских в присутствии послов наших и сословий Ливонии вместе с возобновлением прежних договоров, и так же мы поклянемся в присутствии Священного королевского Величества в его лагере в Позволе. То же должны сделать ясновельможный и достопочтенный господин архиепископ Рижский, а также сиятельный господин Христофор, герцог Мекленбургский, коадьютор ясновельможного и достопочтенного господина архиепископа, затем комтуры достопочтенного господина архиепископа, а также через своих посланников сословия и главные города Ливонии, и этот союзный договор будет скреплен нашими собственноручными подписями и печатями на этой грамоте. То же в свою очередь со своей грамотой сделает Священное королевское Величество Польское, великий князь Литовский с литовскими советниками. В случае если кто-либо из литовских советников, или же комтуров архиепископа и сословий Ливонии в этот момент не смогут быть в лагере у Священного королевского Величества Польского, они должны будут на ближайших конвентах своих земель принести такую же клятву для подтверждения этих соглашений, если таковая требуется с их стороны. Также советники Великого княжества Литовского, равно достопочтенного господина архиепископа, комтуры и сословия Ливонии должны будут обязать себя по формуле старых договоров, чтобы, если либо Священное королевское Величество Польское, великий князь Литовский и его наследники, либо мы и наши наследники, или кто-либо другой захочет отступить от этого союза, то не предоставляли бы ему ни помощи, ни совета, ни оставались бы в покорности ему. В верность и подтверждение этого, перед присутствующими, собственноручно подписали и привесили печати наши и комтуров. Дано в Позволе из лагеря короля дня четырнадцатого месяца сентября, год от Р. Х. тысяча пятьсот пятьдесят седьмой. В присутствии почтенных, славных и благородных Христофора де Лева именуемого иначе де Нова Вилла, провинциала, маршала Ливонии, Генриха Штединга, коммендатора Голдингенского, Христофора Сиберия Кандамского, Николая фон Штридгоффа Грубенского, префекта, Гвальтера Плеттенберга, Раимперта Кульдесхайма, доктора права, Михаила Брунау, советников. И многих других при этом присутствующих и проч.

Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г.*

Традиционно считается, что Ливонская война (1558–1583) началась с январского 1558 г. вторжения русских войск в Ливонию. Военной акции предшествовали трудные переговоры с орденом в декабре 1557 г., когда ливонская делегация прибыла в Москву и попыталась договориться о новой отсрочке выплаты юрьевской дани (срок ее уплаты, согласно договору 1554 г., истек 29 сентября 1557 г.¹). Царь, якобы раздраженный откровенными проволочками и нарушением обязательств, принятых орденом по договору 1554 г., отдал приказ о карательной акции, целью которой было вразумить ливонцев и заставить их выплатить дань.

Однако существуют документы, которые ставят под сомнение подобную схему развития событий. Прежде всего, Россия не была первым государством, в конце 1550-х гг. объявившим войну ордену. Мы уже писали, что традиционная хронология Ливонской войны должна быть пересмотрена², и неправомерно отделять от нее так называемую «войну коадьюторов» 1556 г. и последовавшее в 1557 г. выдвижение польско-литовских войск к ливонской границе³. Завершилась эта военно-политическая демонстрация фактическим поражением ордена и заключением Позвольского мира в сентябре 1557 г., написанным под диктовку Короны.

В историографии получило распространение мнение, будто Позвольский мир открывал прямую дорогу к грядущей Ливонской войне: он грубо нарушал условия русско-ливонского соглашения 1554 года. Об этом говорил уже первый историограф этого военного конфликта Тильман Бреденбах (1526–1587) в своей «Истории Ливонской войны» («*Historia belli Livonici*», опубликована в 1564)⁴, об этом писали ливонские хронисты — современники войны (например, И. Реннер)⁵, и это отмечалось поздними историками (В. Кирхнером, Э. Доннертом, В. Чаплинским, В. Д. Королюком, Л. А. Дербовым, В. Бобышевым и др.)⁶. По выражению В. Кирхнера, это соглашение «обескуражило» Ивана IV⁷, а Р. Фрост вообще назвал Позвольский договор «провокацией» в отношении Московии⁸.

* Впервые опубликовано: Попов В. Е., Филошкин А. И. Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени / Гл. ред. А. В. Малов. М., 2011. Вып. 2. С. 192–201. — Работа выполнена при поддержке РФГФ, грант 09-01-95105 а / Э.

¹ *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1976. Т. 25. С. 589.

² Подробнее см.: *Filjushkin A.* Ivan the Terrible: a Military Policy. London, 2008. P. 142–174; *Филошкин А. И.* Ливонская война или Балтийские войны? // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. / Отв. ред. А. И. Филошкин. СПб., 2010. С. 80–94.

³ Подробнее см.: *Филошкин А. И.* Орден раздора. Кто развязал Ливонскую войну? // Родина. Российский исторический журнал. 2002. № 3. С. 46–51.

⁴ *Kappeler A.* Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M., 1972. S. 111.

⁵ *Renner J.* Livländische Historien 1556–1561 / Zum ersten Mal nach der Urschrift hrsg. von Peter Karstedt (Veröffentlichungen der Stadtbibliothek Lübeck N.R. Bd 2). Lübeck, 1953. S. 15.

⁶ *Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 43–44; *Czaplinski W.* Nowa praca o kwestii bałtyckiej w potowie XVI w. // *Zapiski historyczne.* Torun, 1965. Т. 30. С. 541; *Королюк В. Д.* Ливонская война. Их истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI века. М., 1954. С. 27; *Дербов Л. А.* К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1947. Т. 17. С. 162; *Бобышев В.* Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // *Старонкі гісторыі і культуры Беларусі.* Минск, 1997. С. 51

⁷ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970. P. 38.

⁸ Подробнее см.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер с нем. В. Бука. СПб., 1912. С. 151–152; *Frost R.* The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 4.

Правда, ряд исследователей, склонных либо преуменьшать в балтийской политике роль Польши в пользу Дании (К. Расмуссен), либо оправдывать и смягчать позицию Королевства Польского (Й. Ясновский, В. Урбан⁹) и ВКЛ (В. Станцелис)¹⁰, считают Позвольский мир «незначительным», компромиссным и слабо повлиявшим на развитие ситуации вокруг Ливонии. В доказательство К. Расмуссен ссылается на переговоры орденского посланника Михаэля Бруннова с Н. Радзивиллом Черным в ноябре 1557 г., на которых литовский дипломат уклонился от ответа, окажет ли Литва Ливонии военную помощь в случае вторжения русских войск. Радзивилл сослался на существующее перемирие с Россией, и обещал дипломатическую поддержку¹¹.

Э. Тиберг полагал, что Москва просто не знала о существовании Позвольского договора, а что касается позиции Сигизмунда, то, по мнению ученого, ничто в текстах соглашений не указывает на их антирусскую направленность. Даже перспектива военного союза отнесена на 12 лет¹².

Вопрос о том, являлся ли Позволь для Москвы *casus belli*, довольно спорный. Собственно говоря, заключение военного союза Ливонии и Короны против Московии, с отложенным сроком вступления в силу на 12 лет, вряд ли могло настолько разозлить Ивана Грозного, что он немедленно начал войну. Скорее Россию мог возмутить сам факт заключения договора с Короной — по итогам русско-ливонских переговоров 1554 г. Ливония брала на себя обязательство не вести переговоров с Сигизмундом II и уж тем более не подписывать с ним союзнические соглашения. Но вылилось бы это возмущение в войну? Русские дипломаты ни разу не сослались напрямую на Позвольское соглашение в перечислении причин войны — есть только косвенные ссылки, которые можно *интерпретировать* как упоминание Позволя. А это говорит о том, что о Позволе в Москве знали (о чем косвенно могут свидетельствовать хранящиеся в РГАДА захваченные в Ливонии документы по Позвольскому соглашению¹³), но ему явно не придавали такого уж судьбоносного значения.

Во всяком случае, ливонско-польско-литовский конфликт августа-сентября 1557 г. официально считался, в соответствии с *narratio* Позвольских договоров 1557 г. (по которым орден признал свое поражение и обязался выполнить условия, продиктованные королем Польши), восстановлением фамильной чести польского короля, наказанием ливонцев за убийство королевского посла, пограничные рейды в Литву¹⁴ и притеснения литовских купцов. Именно в таком виде — с сопутствующими конфессиональными мотивами — он и вошел в польские хроники, начинавшие

⁹ *Jasnowski J.* Mikolaj Czarny Radziwiłł // *Travaux historiques de la Société des Sciences et des Lettres de Varsovie.* Warschau, 1939. Vol. 22. S. 186–187; *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 484.

¹⁰ *Stancelis V.* The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies // *Lithuanian Historical Studies.* 2000. Nr. 5. P. 22.

¹¹ *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 87, 101, 103–104.

¹² *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984 [Acta Universitatis Upsalensis. Studia Historica Upsaliensia. Bd 134]. S. 92, 95, 97, 213.

¹³ Проект текста договора «о восстановлении в правах рижского епископа» (датированный сентябрем 1557 г.) см.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 525. Л. 245–248. Оригинал договора: Архив СПб. Ин-га Ист. РАН. Ф. 32. Ливония. Л. 74–76. Публикация: [*Dogiel M.*] *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae.* T. V. Vilnae, 1759. Nr. CXXVI–CXXVIII. P. 210–221.

¹⁴ О пограничных спорах и их значении для польско-литовского государства см.: *Kłodziński A.* *Stosunki Polski i Litwy z Infantami przed zatargiem 1556–1557 r.* // *Kwartalnik Historyczny.* T. 22. Lwów, 1908. S. 344–351.

отсчет истории борьбы за Прибалтику в середине XVI в. вовсе не с русского вторжения в 1558 г., а с «войны коадьюторов» 1556 г. и Позвольского мира 1557 года¹⁵.

При этом важно подчеркнуть, что при дворе Сигизмунда II Августа в августе 1557 г. был составлен документ, официально объявлявший войну Ливонскому ордену¹⁶. Крупномасштабного конфликта не случилось, стороны сели за стол переговоров в Позволе и заключили мир. Однако документ об объявлении войны существует. Корона намеревалась объявить ее ордену в августе 1557 г.

Когда же готовилась объявить войну ордену Россия? Ниже публикуется подлинник грамоты Ивана Грозного об объявлении войны Ливонскому ордену в ноябре 1557 г. О его существовании было известно, однако он до сих пор не был опубликован и введен в научный оборот.

Проблема в том, что грамота датирована ноябрем 1557 г. Означает ли это, что январский поход 1558 г. не был спонтанным, вызванным провалом миссии ливонских послов в конце 1557 г.? Что принципиальное решение о начале войны было принято еще ДО приезда ливонских послов, и декабрьские переговоры 1557 г. в Москве уже ничего не могли изменить? Что царь и его посольская служба разыграли целый дипломатический спектакль, который и ввел в заблуждение историков?

Как же развивались события, предшествовавшие январскому 1558 г. вторжению русских войск? Ливония удивительно беспечно отнеслась к русским угрозам 1554 г. относительно того, что если дань за три года не будет собрана и выплачена — царь «сам пойдет за данью». Только в сентябре 1557 г., когда встал вопрос о сборе денег для выплаты Сигизмунду II Августу (обычная практика средневековья, когда побежденный оплачивал «ратный труд» победившего), на ландтаге в Риге было решено ввести специальный налог, часть которого должна была удовлетворить претензии Сигизмунда II Августа, а остаток (*vorrat*) предполагалось употребить в случае необходимости для заключения прочного мира с царем. Средства должны были быть собраны в начале 1558 г. (*sic!*) на ландтаге в Пернове¹⁷.

Вероятно, именно в это время (во всяком случае, до 29 сентября) была составлена инструкция дерптским послам¹⁸. В ней указывалось на ошибку при переводе договора 1554 г.: утверждалось, что дерптский епископ неправильно понял пункт договора о дани (расценив его не как обязательство, а всего лишь как «расследование» (*Inquisition*) вопроса о дани). И поэтому он и не собрал дань вовремя, поскольку не считал себя связанным какими-либо обязательствами¹⁹.

Если же великий князь не удовлетворится таким ответом, послам следовало обратить его внимание на то, что размер дани доподлинно неизвестен, т. к. у ливонцев

¹⁵ *Bielski M. Kronika / Wyd. K. J. Turowski. Sanok, 1856. Т. II. S. 1131–1133; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. II. S. 409; Филошкин А. И. Мацей Стрыйковский о Ливонской войне // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 112–113.*

¹⁶ К. Расмуссен считал этот шаг короля указанием на нелегкий характер переговоров, которые еще со 2 августа вели имперские посредники в ставке королевских войск. К сожалению, нам почти ничего не известно о самом ходе переговоров августа – начала сентября 1557 г. (*Rasmussen K. Op. cit. S. 84*).

¹⁷ *Die livl. Stände bewilligen die an der König von Polen zu zahlenden Kriegskosten mit einer Summe von 60,00 Thalern. D. D. Riga, den 14 Sept. 1557 // Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des letzten Erzbischofs von Riga, Markgr. Wilhelm von Brandenburg, und seine Zeit // Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd 5. S. 705. Nr. 293. (1557? vor Sept. 29.) Der Dörptischen Meinungsäusserung über die nach Moscau abzufertigende Gesandtschaft // Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1865. Bd I: 1557–1558. S. 30–35. Nr. 44.*

¹⁹ *Попов В. Е. Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 9. С. 52–53.*

нет данных как о численности населения епископства, так и о сумме недоимок — и эту сумму неизвестна и самому великому князю. Послы должны были апеллировать к христианскому чувству царя и начать торговаться о сумме выплат. Затем послам следовало просить о возобновлении торговли без ограничений на воск, сало и «панцыри». При этом дерптцы были согласны вернуть русским купцам церкви и даже позволить им напрямую торговать с иностранцами.

Заканчивается документ пространными рассуждениями о необходимости любой ценой заключить как можно более долгий мир с царем, поскольку он сильнее, у него налажены торговые связи со многими европейскими странами, а соседи Ливонии заботятся скорее о своей выгоде, чем об этой провинции. Интересно также замечание, что для ливонцев нет лучших торговых партнеров, чем купцы великого князя.

Ливонское посольство — Элерт Крузе (*Kruse*) от Дерпта, Клаус Франке (*Francke*) и Томас Хернер (*Horner*) от магистра начало переговоры в Москве 7 декабря 1557 г. Им удалось договориться о снижении размеров дани до 18 000 рублей, плюс ежегодно Юрьев должен был вносить по 1000 венгерских золотых. Царь согласился, но потребовал немедленной уплаты, а у дипломатов денег с собой не оказалось. Они пытались занять необходимую сумму на месте, у московских купцов, но получили отказ. По Ф. Ниенштедту, москвичам запретил дать ссуду сам Грозный. Иван IV разгневался, решив, что попытка заплатить через заем и уменьшение платежей есть очередная проволочка ордена²⁰. Результаты этого нетрудно было предвидеть: «царь сам пошел за данью». Перед отъездом ливонцев, по Д. Фабрицусу, была разыграна символическая сцена: послов позвали к столу и подали им пустые блюда²¹.

Согласно непереведенной в публикации А. А. Чумикова части дневника ливонского посольства 11 декабря 1557 г. — 26 января 1558 г., когда послы уже покинули Москву, их догнал пристав, заявивший: «Оставляйте в залог свои драгоценности и сами сидите в Москве заложниками, пока не привезут дань — тогда войны не будет». Но послы испугались, отказались и поспешили уехать из России²².

Между тем в самой Ливонии в течение последних двух месяцев 1557 г. продолжался обмен мнениями по поводу русской угрозы. Уже в конце октября магистр призывал рижан начинать вооружаться, т.к. перспективы мира с царем весьма неопределенны²³, а 10 ноября сообщал им даже дату предполагаемого вторжения — 6 дека-

²⁰ И. В. Курукин считает это известие недостоверным на том основании, что в дневнике ливонского посольства этот эпизод не упомянут (*Курукин И. В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России.* М., 1981. С. 35). Однако это аргумент не является решающим.

²¹ *Рюссон Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т.2. С. 358; *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1881. Т. 4 С. 14; *Чумиков А.* Дневник ливонского посольства к царю Ивану, веденный Томасом Хернером // ЧОИДР. 1836. Кн. 4. С. 5–18; *Fabricus D.* Livonicae Historiae // *Scriptores rerum Livonicarum.* Riga; Leipzig, 1848. Т. II. S. 467. О переговорах см.: *Kirchner W.* Op. cit. P. 99–100. Обзор датских отчетов о русско-ливонских переговорах 1557 г. см.: *Щербачев Ю. Н.* ДА. С.16. Nr. 37–45; 1557, Oct. 25 – Dec. 16. Bericht der livländischen Gesandten in Moskau // Schirren C. Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem dänischer geheimen Archive zu Kopenhagen. Bd. I. Reval, 1883. (Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Neue Folge. Bd. IX). S. 8–30. Nr. 2; 1557, Dec. 23. Twer. Die livländischen Gesandten an den Grossfürst // Ibid. S. 33–36. Nr. 4; 1557, Dec. 11. bis 1558, Jan. 26. Tagebuch und Bericht der livländischen Gesandten in Moskau // Schirren C. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischer Reichsarchive zu Stockholm. Bd. I. Reval, 1861. (Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Neue Folge. Bd. I.). S. 20–33. Nr. 8.

²² *Курукин И. В.* К изучению источников... С. 34.

²³ 1557, Oct. 29. Ermes. OM. Wilhelm Fürstenberg an Bürgermeister und Rathmannen der Stadt Riga // *Bienemann F.* Briefe und Urkunden... Bd. I. S. 27–28. Nr. 26.

ря²⁴. Архиепископ разделял тревогу Фюрстенберга и просил ускорить возвращение ему военного снаряжения, которое задерживалось по причине осенней распутицы²⁵. 23 ноября магистр пишет в Ревель о решимости царя начать вторжение, если все его требования не будут удовлетворены, и призывает горожан к оружию²⁶. Тогда же Нарва обращается к Ревелю за помощью оружием и людьми, каковые и были предоставлены в самом конце декабря²⁷.

Означает ли принятие Иваном Грозным решения о войне в ноябре 1557 года то, что декабрьские переговоры со стороны Москвы были уже лицемерием? Представляется, что нет. В ноябре было уже ясно, что Ливония дань платить не хочет. Поэтому необходима карательная акция, целью которой было «выбить» дань из неаккуратного должника. К ней и стали готовиться в ноябре 1557 года. Появление в декабре 1557 г. в Москве делегации вот главе с Элртом Крузе было событием приятным, но сути дела не изменило: денег-то ливонцы не привезли. Применительно к январю 1558 г. ничто не указывает на то, что, если бы Ливония заплатила, русское вторжение все равно бы состоялось. Но Ливония не заплатила и надеялась неизвестно на что... В конце декабря 1557 г. — начале января 1558 г. концентрация русских войск на границе, угроза русского нападения и подготовка к отпору становятся главной темой переписки внутри Ливонии²⁸.

Русская грамота об объявлении войны была доставлена в Нарву только 24 января 1558 г.²⁹ То, что в ней при этом осталась дата «ноябрь 1557 г.», породило некоторые недоразумения уже у современников. Так, ливонский хронист Бальтазар Рюссов связывал отправку в Москву ливонского посольства с объявлением Иваном Грозным войны Ливонии в ноябре 1557 года³⁰. Очевидно, Рюссов при составлении своей хроники пользовался доступными ему архивными материалами, среди которых был датированный немецкий перевод этой грамоты (опубликованный К. Ширреном³¹), и связал эти события по принципу *post hoc, ergo propter hoc*.

Датский историк К. Расмуссен, которому был известен не подлинник, а немецкий перевод грамоты, опубликованный К. Ширреном, усомнился в точности ее датировки.

²⁴ 1557, Nov. 10. Fellin. OM. Wilhelm Fürstenberg an Bürgermeister und Rathmannen der Stadt Riga // Bienemann F. Briefe und Urkunden... Bd. I. S. 28–29. Nr. 28.

²⁵ 1557, Nov. 13. Ronneburg. EB. Wilhelm an den OM. Wilhelm Fürstenderg // Schirren C. Quellen... Bd. I. S. 5–6. Nr. 4; 1557, Nov. 19. Wenden. Rembert Gilsheim an den OM. Wilhelm Fürstenderg // Ibid. S. 6–17. Nr. 5.

²⁶ 1557, Nov. 23. Fellin. OM. Wilhelm Fürstenberg an Bürgermeister und Rath der Stadt Reval // Bienemann F. Briefe und Urkunden... Bd. II. S. 22–23. Nr. 214.

²⁷ 1557, Nov. 21. (Narva.) Bürgermeister und Rath der Stadt Narva an Franz Selking und die Mitältesten der Schwarzhäupter zu Reval // Bienemann F. Briefe und Urkunden... Bd. II. S. 19–20. Nr. 212; 1557, Dec. 9. (Narva.) Bürgermeister und Rath der Stadt Narva an Franz Selking und die Mitältesten der Schwarzhäupter zu Reval // Ibid. S. 26–27. Nr. 218; 1557, Dec. 18. (Reval.) Die Ältesten der Schwarzhäupter zu Reval an Bürgermeister und Rath der Stadt Narva // Ibid. S. 27–30. Nr. 220; Dec. 26. (Narva.) Bürgermeister und Rath der Stadt Narva an die Ältesten der Schwarzhäupter zu Reval // Ibid. S. 30–31. Nr. 221.

²⁸ См., например: 1557, Dec. 24. Neuschloss. Dirich von der Steinkul, Vogt zum Neuen Schlosse, an den OM. Wilhelm Fürstenberg // Schirren C. Quellen... Bd. II S. 45–46. Nr. 129; 1557, Dec. 26. Fellin. OM. Wilhelm Fürstenberg an Hermann B. zu Dorpat // Ibid. S. 47–49. Nr. 131; 1557, Dec. 27. Fellin. OM. Wilhelm Fürstenberg an Gebietiger und Ritterschaft in Harrien und Wirland // Ibid. S. 49. Nr. 132; 1558, Jan. 9. Kokenhusen. EB. Wilhelm an den OM. Wilhelm Fürstenberg // Ibid. S. 67–69. Nr. 143; и др.

²⁹ 1558, Jan. 24. Koniull. (?) Der Vogt zu Narva an den Vogt zu Wesenberg // Schirren C. Quellen... Bd. II. S. 88–89. Nr. 153. — К 28 января магистр Фюрстенберг уже знал о приезде московского гонца с грамотой об объявлении войны, саму же грамоту он получил только 31 января и спустя три дня выслал немецкий перевод с нее в Ригу: Auszüge aus Briefen des livl. O. M. Wilhelm von Fürstenberg an den Rig. Rath, vom Jahre 1558 // Napiersky C. E. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Bd. II. Riga und Dorpat, 1835. S. 320–321. Nr. 3572: 2) Vellin, 28. Jan.; 5) Teruest, den 3. Febr.

³⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника... С. 354–356.

³¹ 1557. (7067.) Nov. Moskau. Fehdebrief des Grossfürsten an Livland // Schirren C. Neue Quellen... Bd. I. S. 30–33. Nr. 3.

Впрочем, его сомнения были вызваны главным образом тем, что датский исследователь подгонял дату начала войны под свою гипотезу о роли в принятии этого решения нападения Крыма на Литву, которое состоялось в конце 1557 года, и в ноябре о нем в Москве могли еще не знать³². Поэтому стоявший в грамоте «ноябрь 1557 г.» никак не вписывался в построения ученого.

Публикуемые грамоты и история их появления свидетельствуют о том, что ослабевший Ливонский орден находился в эпицентре борьбы за Прибалтику сразу нескольких держав, и агрессия против него со стороны более сильных соседей была лишь вопросом времени. Предыстория этого конфликта, как явствует из публикуемых документов, была более сложной, чем следует из традиционной историографической схемы, которая давно уже нуждается в пересмотре.

Грамота Сигизмунда II Августа переведена и подготовлена к печати В. Е. Поповым, грамота Ивана Грозного — В. Е. Поповым и А. И. Филюшкиным. Вступительная статья написана совместно А. И. Филюшкиным и В. Е. Поповым.

№ 1

Bello contra Liuonienses ex Sentencia Consiliariorum Regni et Magni Ducatus Lituaniae, apud Oppidum Kupiski decreto Literae infrascriptae bellum Magistro denunciantes nomine Regiae Maestatis fuerant missae

Sigismundus Augustus Dei gratia Rex Poloniae Reverendo et Magnifico Magistro, quicumque ille sit atque Statibus Liuoniae, ac aliis Status et conditionis cuiusvis hominibus, terrae Liuoniae incolis et quocumque modo in ea existentibus, caeterisque illis adhaerentibus. Cum multae grauesque iniuriae, a uobis profectae in nos essent. Inprimisque Reverendissimus Dominus Archiepiscopus Rigensis Cliens et Consobrinus noster iniusto bello, ultra a uobis impetitus, atque cum ditione sua, ad indignam seruitutem redactus, deinde uero in nosmet ipsos per uos cumulatae, Nam ad ueterem finium nostrorum, a uobis occupatorum iniuriam, ea recentia accesserunt. Primum Legatus noster aduersum foederum gentiumque iura, ab hominibus uestris caesus est, idque tantum facinus uel iubentibus uobis, uel certe comprobantibus perfectum est; cum in eos quos caedem illam fecisse constabat, non modo nullis suppliciis uindicatum sit: sed etiam omnes illius res in publicum redactae atque ad id usque tempus retentae fuerint. Deinde uero naues subditorum nostrorum cum illis pro communium foederum iure, libera commerciorum consuetudo esset, apud Duneburgum interceptae adhaec subditis nostris per frequentes incursiones in fines nostros factas multa damna illata. Cumque nos ita in eis se se exhibuissemus, ut pro studio pacis quam nobis perpetuam, cum Christianis constare cupiebamus parati fuerimus, ut de eis iniuriis per pacatas rationes decerneretur, a uobis omnes aequae conditiones projectae sunt. Nam neque Reverendissimi Domini Archiepiscopi restitutionem, qualem opportuit fieri, neque de nostris offensionibus subditorumque nostrorum iniuriis uindicandis et sarcieendis, per aequas et conuenientes condiciones transigi uoluistis. Itaque quod a nobis cum in Reverendissimi Domini Archiepiscopi causa, ex protectionis et fraternae necessitudinis officium, tum in nostris offensis iuribus, subditorumque nostrorum iniuriis uindicandis, fides nostra, dignitasque exigit, posteaque per uos stetit, ut nullis aequis conditionibus res componi potuerit, bello armisque ea in uos ditionemque Vestram persequi statuerimus, spem in

³² Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 94.

benignitate Dei optimi Maximi collocantes, eum iustae nostrae causae armisque necessario officio susceptis auxiliatorem adfuturum, cui iniurias nostras committentes, bellum uobis hisce literis indicimus, renunciamusque foederibus, quae iam pridem tot causis per uos sunt uiolata. In cuius rei testimonium sigillum nostrum est praesentibus subimpressum, Dat ex Castris nostris apud fluuium Lauenam 19 Augusti Anno 1557 Regni uero nostri XXVIII.

Acta Livonica 1556-1557 // Biblioteka PAN w Kórniku. Rps. 263. F. 236–238.

№ 1а

**После решения о войне по приговору советников королевства
и великого княжества литовского было послано
нижеприведенное письмо об объявлении войны магистру
от имени королевского величества**

Сигизмунд Август Божьей милостью король польский почтенному и благородному магистру, кто бы им ни был, а также сословиям Ливонии и прочим людям какого бы то ни было сословия и положения, жителям ливонской земли и при каких-либо обстоятельствах там находящимся и прочим, с ней связанным. Поскольку вы нанесли нам многие и тяжкие обиды, прежде всего, вы самовольно пошли на почтеннейшего господина рижского архиепископа, нашего клиента и двоюродного брата, несправедливой войной и незаслуженно пленили его и его владения, затем же вы преумножили [обиды] и нам самим, а именно, к старой обиде за наши границы, захваченные вами, добавились недавно следующие. Во-первых, ваши люди вопреки договору и международному праву убили нашего посла, и это серьезное преступление было совершено либо по вашему приказу, либо с вашего ведома; поскольку, как известно, тот, кто совершил это убийство, не только не понес никакого наказания, но даже все вещи убитого были конфискованы и до сих пор не возвращены. Затем, несмотря на то, что наши подданные в силу общих договоров имеют свободу торговли, корабли их были захвачены под Динабургом, сверх того, нашим подданным нанесен большой ущерб частыми набегами в наши пределы. И хотя мы из стремления к миру, который мы желали навечно установить с христианами, выразили готовность разрешить все обиды мирными средствами, вы отвергли все справедливые условия. Ибо вы не захотели договориться на справедливых и подходящих условиях ни о реституции почтеннейшего господина рижского архиепископа, каковая была необходима, ни о наказании и возмещении наших обид и несправедливостей нашим подданным. Поэтому, как того требует наша честь и достоинство, как в деле почтеннейшего господина архиепископа, по долгу протекции и братских уз, так и по поводу нарушения наших прав и отмщения обид наших подданных, и поскольку вы противитесь тому, чтобы уладить дело на справедливых условиях, мы постановили начать войну против вас и ваших владений, уповая на милость Всевышнего Всемогущего Бога, что он будет помощником нашему справедливому делу и вооруженному по необходимости предприятю, ему же поручая наши обиды, объявляем вам этим письмом войну и расторгаем договора, которые вы уже прежде нарушили столькими делами. В удостоверение чего мы к настоящему приложили ниже нашу печать. Дан в нашем лагере на реке Лавуне 19 августа в год 1557, нашего правления 28.

(перевод В. Е. Попова).

№ 2

1557 г. в ноябре. Грамота царя Ивана Васильевича магистру Ливонского ордена Вильгельму, архиепископу рижскому, епископам и всем людям Ливонской земли с перечислением их неправд и объявлением войны

Божиим велениемъ великого Государя Ивана Божиею милостию Царя всеа Русии и великого князя Володимерского, Московского, Новгородского, Царя Казанского и Царя Астраханского, Государя Псковского, Великого князя Смоленского, Великого князя Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского, и иных, Государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Волотцкого, Ржевского, Белского, Ростовского, Ярославского, Белозерьского, Удорского, Обдорского, Кондинского и иных, и всея Сибирские земли и Северные страны повелителя, Вилгелму маистру Ливонские земли, и арцыбископу Ригскому, и бископу Юрьевскому, и иным бископом и всемъ людем Ливонские земли.

Прислали есте к нам своих послов добрых людей Ивана Бокостра да Артема Грудгуса да Володимера Франгела с таварищи бити челомъ, чтобы мы маистра, и арцыбископа, и бископа Юрьевского, и всех людей Ливонские земли пожаловали, велели б намесником своим Великому Новагорода и Пскова учинити с ними перемирья по старине. И мы были за ваши многие неисправленья намесникомъ своимъ перемирья с вами делати не велели, а хотели есмь ваших неправдъ на вас искати. И послы ваши Иван Бокострь с таварищи нам за вас добили челом на том, что маистру Ливонские земли, и арцыбископу Ригскому, и бископу Юрьевскому и всемъ людем Ливонские земли к нам во всех неправдах исправитись. Церкви руские и концы все и гридни и земли церковные очистити, и отдати нашим купцом часа того, а гостем нашим и купцом торговати с ливонскими людми и с заморцы всякими тавары без вывета на всякой товар, опричь воску да сала и пансыреи. А бископу Юрьевскому собрати наша дань и старые залогы со всею Юрьевские державы на всякой прошлой год со всякие головы по гривне по неметцкой, и прислати та дань в третей годъ перемирья. А вперед бископу та наша дань давати нам на всякой годъ безпереводно. А которые люди служилые заморцы всяких земель к намъ ни поедуть служити и тех к нам пропускати безо всяких зацепокъ и задержаная. А к Жигимонту королю Полскому и Великому князю Литовскому или иной хто Государь будетъ на Полском королевстве и на Великом княжестве Литовском, и вам к нему не приставати ни в чем, никоторыми делы. И в перемирные грамоты те слова все имянно отписали, и крестъ за вас за всех на техъ грамотах целовали, что вам те дела все исправити по тому какъ в техъ грамотах писано. А намесники наши Великому Новагорода и Пскова те грамоты перемирные посылали к вам с своим послом с Келарем Терпигоревым. И маистрь, и арцыбископ, и бископ Юрьевский, и иные бископы за всех людей Ливонские земли, на тех грамотах крестъ целовали и руки дали и печати свои к темъ грамотам приложили перед Келарем Терпигоревым. И те грамоты прислали к намесникомъ нашимъ с вих³³ посломъ Келаремъ на томъ, что вамъ по темъ грамотам всякие дела к нам и к нашим намесникомъ правити по тому как в тех грамотах писано. Да и по се время в техъ во всехъ делехъ никоторого есте исправленья к нам, и к нашим намесникомъ не учинили. И мы жалея розлития крови христьянская многижды вас напоминали своими грамотами, чтобы есте во всехъ делехъ по перемирным грамотамъ к нам исправилися. Также и с вашими посланники с Герьтом Флямином и с послы с Фалентином и с Мелхером с таварищи, и с посланником с Ындриком Винтерем к вамъ отказывали, чтобы есте свои безлепичные непрямые речи

³³ Так в тексте.

отставили, а исправились бы естя к нам во всехъ делехъ по перемирнымъ грамотамъ и по крестному целованию. Да и то есмя вам своимъ ответомъ с вашими послы и посланники многижды напоминали, что от начала преступникомъ чеснаго креста за их неправды мстимъ сколко нам Богъ поможеть. И много время ожидая вашего исправления по вашихъ послов и посланниковъ прошению многие свои опасные грамоты на ваши послы к вам есми посылал с вашими послы, и посланники, нороя тому, чтоб есте в своих винахъ позналися и не розлив невинные крови к нам исправилися. И вы себе наше жалованье ни во что поставили, а опасные наши грамоты имали есте себе на то, чтоб дале дело изволочити. И коли уж Божеи закон и всю правду отставили есте и крестного целования не помните и наше жалованье ни во что поставили есте, и мы за свою правду призывая всемогущего Бога в помощь и силу честнаго и животворящего креста ваших неправдъ за ваше крестное преступление на вас искати хотим сколко нам всемогии Богъ помочи подасть. А которые крови ни прольютца, и то не от нас, от ваши неправды прольются. Такъ бы есте ведали. А мы как есть Государи крестьянские николи есмя того хотели видети, чтоб коли от нас которая невинная кровь розливалася не токмо христьянская, но и поганская. А за все во всехъ своих недрузехъ того оберегали есмя и на долгие времена откладывали, чтоб в своих неправдах позналися. И ныне государьского своего повелительства наворачая перемирные грамоты сю свою грамоту о ваших неправдах к вам послал есми с своим паробкомъ. И вы б его по перемирнымъ грамотамъ неиздержав к нам отпустили. Писана въ государьства нашего дворе града Москвы. Лета 7066-го ноября месяца.

*Архив СПбИИ РАН. Колл. 124 (Собрание С. В. Соловьева).
Оп. 1. № 128. Столбец. Подлинник. Следы красной печати 6 х 6 см.
Филигрань: Лихачев 4065).*

Жалованная грамота Ивана IV Дерпту, 6 сентября 1558 г.*

Л. 1 Перевод с немецкого письма з жалованной грамоты какову жаловалную грамоту дал блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии города Юрьева Ливонского бурмистром ратманом и всяким жилецким людем¹ а переведен тот лист в нынешнем во 165м году марта в 13 день².

Божиею милостию царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных царь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий³, Севский⁴, Белский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, Цыцылиенский⁵ и Северныя страны повелитель, государь Ливонский над Юрьевым Ливонским⁶ // Л. 2 и иных.

Пожаловали есмя людей своих лифлянский города Юрьева Ливонского бурмистра господина Эверта Нистета, ратмана господина Детмера Мейера, олдермана Д[...]бракла⁷ и всех мещан ратманов, бурмистров, жилцов и меских людей и все

* Впервые опубликовано: *Филошкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 78–83.

¹ Дерпт (Юрьев) запросил переговоров о сдаче 15 июля 1558 г., после осады и артиллерийских обстрелов, которые велись с 11 июля. 18 июля город принял условия, предложенные русским командованием во главе с князем П. И. Шуйским, и капитулировал (*Ниеунтедт Ф.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 4. Рига, 1881. С. 16–27; *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 367–370; [*Renner J.*] *Johannes Renner's Livonian History 1556–1561 / Translated by J. Smith and W. Urban with J. Ward Jones.* Lewiston, 1997. P. 66–68). 17 июля на переговорах горожан с русскими были согласованы условия сдачи Дерпта. Ливонцы представили две группы условий: от епископа и от магистрата и городской общины. Они были записаны по-немецки и переведены на русский, и Шуйский отправил их на утверждение Ивана IV (*Рюссов Б.* Указ. соч. С. 371). Однако царь их сразу не принял, а в конце июля 1558 г. потребовал прибытия в Москву епископа и именитых горожан (ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 305). П. И. Шуйский выехал из Дерпта с отчетом к царю в августе, был принят и пожалован наградами за успешную кампанию в сентябре 1558 г. (Там же. С. 306, 312). Видимо, в это время и была оформлена жалованная грамота Юрьеву, в данном списке датированная 6 сентября 1558 г. Большинство требований горожан, принятых Шуйским в июле 1558 г., в нее не попало, а многие из попавших были сильно искажены (см. дальнейший постатейный комментарий). При составлении жалованной грамоты Москва руководствовалась не договоренностями между Шуйским и магистратом Дерпта, а сугубо российскими интересами, традицией составления жалованных грамот присоединенным областям и русской юридической практикой.

² По И. В. Курукину, перевод был сделан в московском Посольском приказе в связи с русско-шведской войной 1656–58 гг. В списке перевод датирован 1656/57 гг. (*Курукин И. В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*. М., 1981. С. 36.

³ Титулатуры «Полоцкий» в грамоте 1558 г. быть не могло, она появляется только после взятия Полоцка в 1563 г. Видимо, ошибка либо переводчика, либо переписчика — в этом месте в титуле должно стоять «Волоцкий». «Полоцкий» действительно в титуле русских государей заменило собой определение «Волоцкий», но произошло это после 1563 г.

⁴ Написание «Севский» ошибочно, в титуле Ивана Грозного в этом месте должно стоять «Ржевский».

⁵ Такой титулатуры при Иване Грозном не существовало. Явная ошибка переводчика или переписчика.

⁶ Определение «государь Юрьевский Ливонской земли» встречается уже в грамоте от имени П. И. Шуйского датскому королю Христиану III от 13 августа 1558 г. — *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского архива // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стб. 37. № 14.

⁷ В рукописи клякса. Согласно свидетельству Юрьевского епископа Германа, переговоры с Шуйским вели именитые горожане: Элерт Крузе, Отто Икскуль, Фридрих Дуккер и Тониес Врангель (ДА. С. 33. № 96; КА. С. 121–128. № 61). Бургомистром Дерпта до его сдачи в июле 1558 г. был Антоний Тиль (*Рюссов Б.* Указ. соч. С. 369).

посполство⁸ города Юрьева Ливонского костелми на имя его Святые Девы Марии, костелом Святого Яна, Святой Катерины, костелом Святого Августина, костелом Францышка и богаделнею у Духа Святого.

А те костелы все им держать по старому во всем как-преж сего у них бывало. А пребывати им в своей вере⁹.

А нам никакими мерами // Л. 3 их от веры своей против воли их не отвести и из Юрьева Ливонского в иные земли не ссылатъ¹⁰.

А в Юрьеве Ливонском быти им по своим обычаем¹¹.

А в торговых делах имети им свой суд и судитися им по старому, а в суде с ними быть нашему стряпчему для русских людей. А бурмистром, ратманом и жилцом во всяких судах судити их по правдеи и по своим правам как у них издавна повелось и бывало¹².

А немцом також и руским людем нашему намеснику Юрьева Ливонского и стряпчему в то им не вступатца, а немецкому слуге по немчина, а рускому приставу по руского человека ходить, которого наш намесник поставит, и тому быть¹³.

А коли когда смертную казнь осудят, хотя русина или немчина, а он [в] той казни государю и его на смерть осу // Л. 4 дит через нашего стряпчего, а бурмистром, ратманом и иным о том меж собою поговорить, а з животов его по старому нашему стряпчему третью часть взять. А третью часть ему отдать по давному извычаю¹⁴.

А будет дело какое великое у них не осудится, о чем наперед сего до Риги апелляция была, и в тех делах розсудить Юрьева Ливонского наместнику по правам и по правде рижские апелляции, а до Риги апелляция не быть. Також бурмистром и ратманом до Риги не опелевать¹⁵, а в которых судных делах наместник наш управы по правде не даст, и у них спор станет, и о тех делах наместнику нашему нам объявить, чтоб мы их разсудили. А которые в судных делах хотят помирится, и им дать на волю¹⁶.

⁸ «Посполство» — полонизм (ср.: *Речь Посполитая*), указывающий на близость переводчика грамоты к Польше.

⁹ Эти пункты соответствуют первому и второму пункту требований магистрата и горожан Дерпта оставить их в аугсбургском вероисповедании и сохранить протестантскую церковную организацию — ср.: *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись... С. 20.

¹⁰ 26-й пункт требований магистрата и горожан Дерпта — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 22.

¹¹ Этот пункт без расшифровки вместил пространные требования магистрата и горожан, изложенные ими в пункте четвертом (о городском самоуправлении и привилегиях) — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 20.

¹² В искаженном виде здесь отражено требование горожан (пункт 21-й) о сохранении за магистратом инспекции и суда над цехами и общиной рыбаков. Однако жалованная грамота совершенно отвергла шестой пункт требований магистрата, по которому суд «над немцами и не-немцами» мог совершать только городской фогт, а представители русской власти не могли в него вмешиваться. Здесь же мы видим обязательное присутствие в суде русского стряпчего — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 21–22. — Русское законодательство этого периода предусматривало особый порядок суда с участием иностранцев: при исках между иноземцами вопрос решался с помощью принесения клятвы, а при исках русских к иноземцам, кроме клятвы, еще бросался жребий — признать иск действительным или нет (ст. 27 Судебника 1550 г.). См.: Судебники XV–XVI веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М.: Л., 1952. С.148.

¹³ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной.

¹⁴ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной.

¹⁵ Т.е. апеллировать.

¹⁶ Этот пункт, внесенный русской стороной, прямо противоречит 31-му пункту требований горожан и магистрата, в котором содержалось требование сохранить возможность апелляции к Рижскому суду в сложных делах — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 23.

А что бурмистром и ратманом преж сего у ратуши бывало, се есть деревни, первая деревня Алавакула, а в ней земли пять волок, другая деревня Великая Тайдер, а в ней шесть волок, // Л. 5 третья Малые Тайдер, а в ней семь волок, также убогих костел Святого Григория назван, а при нем деревня Араз, а в ней две волокы, а те три деревни к ратуше, а четвертая убогим держать им по старине, и с них подати и доходы имать, а никому в них не вступаться¹⁷.

Тако же вдаем весам, локалем, денежному двору и заморским торговым промыслом быть по старому. Толко на дестах быть на единой стране нашему клейму, а на другой стране градцкому клейму¹⁸.

А будет хто бурмистра, ратмана и товарищей их или посполитого человека обесчестит и ударит у какова нибудь дела, и в том нашему наместнику дать управу и суд без всякие хитрости. А ис посполитых людей хто учнет дуровать и им казнь по делом их чинить¹⁹.

А нашим ратным людем или гонцом бурмистров и ратманов и их товарищей и у мещан или у лутчих меских людей подвод на дворех не ставить. А стоять им в городе и в тех домех, которые после тех, что из города съехали, и на нас взяты суть. А как...²⁰ // Л. 6 в городе и в тех дворех не вместятца, и их поставит у худых людей на дворех²¹.

А всем бурмистром, ратманом, мещаном и всяким торговым юрьевским людем в наших вотчинах в Новгороде, во Пскове, в Иванегороде и в Ругодиве торговать без всяких податей и пошлин. А будет юрьевские торговые люди с той стороны Москвы до Казани и до Астрахани и до иных наших государств для промыслов ехать похотят, и им, как и руским людем в том воля. И за море им ехать и торговать всяким товары волно будет. Також и из заморья к ним с товары ехать²².

А дочери свои им за море выдавать и самим за морем женитца по их воле²³.

А дворы их с обоих сторон по наследству имать по старому на их воле будет. А будет которой из заморья или жилец которой в Юрьеве [...л]²⁴ побрав животы наследством него [...]²⁵ // Л. 7 [...]²⁶ жить в Юрьеве Ливонском, но з животами своими

¹⁷ В требованиях магистрата источники доходов ратуши не конкретизированы, хотя в пункте четвертом утверждается, что городские власти должны сохранить в полном объеме все источники дохода. Правда, магистрат Дерпта при этом желал сохранить отчисления от городских налогов и сборов. Русская же сторона заменила это требование подтверждением земельных пожалований, но о городских сборах просто умолчала — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 20.

¹⁸ Восьмой пункт требований магистрата посвящен сохранению доокупационной системы мер и весов (ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 21). Русская сторона добавила здесь пункт о собственном клеймении товаров и эталонов.

¹⁹ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной. Введение суда русского наместника над ливонцами означало, что с сентября 1558 г. Юрьев расценивался как внутренняя территория Российского царства. Ср. пункты о суде над иноземцами (ст. 14, 15, 17) в русско-ливонском договоре 1535 г. — *Каушанов С. М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 240–241.

²⁰ Утрачена строка.

²¹ Соответствует пункту 25-му требований магистрата, с уточнением, внесенным русской стороной, о возможности постоя войск в домах, покинутых горожанами, или в домах бедняков — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 22.

²² Соответствует 11-му пункту требований магистрата о беспошлинной торговле дерптских купцов по всей России, Германии и Ливонии. Русская сторона ограничила это требование, разрешив беспошлинную торговлю только в конкретных областях — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 21.

²³ Соответствует 13-му пункту требований магистрата — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 21.

²⁴ Утрачено одно-два слова.

²⁵ Утрачен конец строки, несколько букв.

²⁶ Утрачена одна строка.

за море ехать, и ему поехать волно будет, толко изо всех животов ево дать ему десятую часть в нашу казну²⁷.

А будет шкуты или карбосы на руское пристанище занесет, и им те суды со всем товаром назад отдать беспошлинно и без почесты²⁸.

А двунатцати румеником²⁹ юрьевским волно будет от псковских рыбу покупать по старому, и в верх реки до верем бетма волно им рыбу ловить, и им десятину дать по старому.

А которые из юрьевских людей в каковую нибудь измену попадутца и достойней смерти и их казнить в месте Юрьеве по вине их³⁰.

А ежели дворы, огороды и вотчины в записех в долгах написаны, и те долги платить из нашей казны. А дворы и животы и огороды на нас отписати. А которые должники за море уйдут, а тх животы и дворы и огороды // Л. 8 в долгах написаны, и в меских книгах записаны будут, и такие долги платити из их животов, а остатки взять в нашу казну³¹.

А будет хто з животами своими уйдет за море, с дворы и огороды и вотчины их за их вины на нас отписати³². А исцам ничего не платить для того, что они виноватых людей не стерegli³³.

А в Великом Новгороде и во Пскове и в Иванегороде и в Ругодиве [и в иных городех нашего государства]³⁴ юрьевским людем волно будет дворы и огороды купить и в них жить, а новгородским и псковским и иванегородским и ругодивским и всяким руским людем також волно в Юрьеве дворы и огороды купити везде, и в них жить. А руским людем меж местом и Юрьевском, и на меском месте и огороде лавок и шелашов не ставить, також дорогу за городом не заседать. А делать им дворы и лавки, где им наш наместник и юрьевские люди покажут, и они, меж собою поговоря, зговорятца. // Л. 9 [...] ³⁵ А где преж сего ратманы юрьевские хлеб свой складывали, и теми вежами и ныне им владеть, и хлеб на них складывать по старому, толко чтоб они ружья не засыпали и всходов не портили. А питье им держать для себя. А руским гостем и торговым людем волно будет на дворех есть и пить купить у тех людей, у

²⁷ Частично соответствует пункту 28-му требований магистрата. Русская сторона в целом подтвердила ливонское наследственное право. Однако она дополнила его требованием уплаты налога на имущество при эмиграции и отказалась включить в текст жалованной грамоты пункт 29-й требований магистрата о переходе выморочного имущества магистрату, если оно не будет востребовано родственниками умершего в течении года и одного дня — ср.: *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись... С. 23.

²⁸ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной.

²⁹ Рыбаки, или крауменинги, упоминаются в 21-м пункте требований магистрата, но в совершенно другом контексте — магистрат настаивал на сохранении за ним права суда и налагания пошлин на крауменингов. В этом ему было отказано, в остальном пункт полностью сочинен российской стороной.

³⁰ Соответствует пункту 27-му требований магистрата, однако в гораздо более жестком варианте. Ливонцы просили права суда магистрата и фогта даже над лицами, совершившими преступление против оккупационных властей. Русский пункт обходит вопрос о том, какие именно органы власти полномочны судить подобных провинившихся, зато однозначно требует для них самого серьезного наказания! вплоть до смертной казни — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 23.

³¹ Вопрос о финансовых обязательствах затрагивал пятый пункт требований магистрата, в котором предлагалось сохранить порядок и все обязательства дооккупационного периода — ср.: *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 21. Русская сторона изложила решение вопроса в собственной редакции.

³² Конфискация имущества преступников против государственной власти как мера наказания характерна и для грамот внутреннего управления, ср.: Уставная земская грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 233. Статья 28. Грамота была дана 25 февраля 1552 г.

³³ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной.

³⁴ В ркп. зачеркнуто.

³⁵ Оборвано начало листа, утрачено примерно пять-шесть строк.

ково они стоят и с кем торгуют, а будет к ним в дом придут юрьевские или немецкие люди и им ка[...]»³⁶ на дворе волно себе купить есть и пить, толко из двора питья не выносить и у мещан на дворех не начевать»³⁷.

А в тех русских ратных [...]»³⁸// **Л. 10** пушкарей и стрельцов и воротников во дворех юрьевских нигде кабаков не держать. А юрьевским людем держать один двор, ис которого питье продавать. А будет юрьевские люди станут кабаки держать и ратным людем и воротником питье продавать, и наместнику от них взяти пеня, как по уложению»³⁹.

А для начального человека кому ворота приказаны будут, пехоте, стрелцом и воротником у всяких ворот иметь двор»⁴⁰.

А ливонским от русских людей в обиде не быть, а немцом по вечерем и в ночи с огнем с фонари ходить и сказыватца, кто есть и где ему идти. А без фонаря в ночи ему из двора во двор нигде не ходить. А коли кто учнет без огня ходить, и наместнику на том похоженую пеню управить»⁴¹.

А во всем нашим наместником и ливонским бурмистром и ратманом и товарищем их и мещаном и всяким ливонским людем быть пожалованым как в сей нашей грамоте написано»⁴². Также и в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Иванегороде и в

³⁶ Утрачено две-три буквы.

³⁷ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной. Некоторое соответствие ему можно найти только в пункте 34-м требований магистрата, в котором говорится, что купцы из России и из Германии могут беспошлинно иметь склады в Дерпте, только при этом обязаны платить магистрату за взвешивание и бракование товаров. 19-й пункт разрешал русским и германским купцам становиться на постой у бюргеров и временно хранить у них товары. Таким образом, требования магистрата были в Москве сильно отредактированы. Ср.: *Ниеншtedт Ф.* Указ. соч. С. 22–23.

³⁸ Одно слово в три-пять букв обрезано.

³⁹ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной. 12-й пункт требований магистрата звучал прямо противоположно: свобода производства спиртного при освобождении от акцизов для всех горожан — *Ниеншtedт Ф.* Указ. соч. С. 21. Традиция не давать иноземцам заниматься производством и торговлей спиртными напитками для эпохи, ср. 15-й пункт русско-ливонского договора 1535 г.: *Каиштанов С. М.* Договор России... С. 239. Контроль над производством и торговлей спиртными напитками обязательно устанавливался местными властями во внутренних областях Российского государства, ср.: Уставная земская грамота волостей Малой Пенезжки, Выйской и Суры Двинского уезда. С. 232. Статья 23.

⁴⁰ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной.

⁴¹ Такого пункта в требованиях горожан не было. Он внесен русской стороной.

⁴² В грамоту не было включено 20 из 34 статей требований горожан Дерпта, предъявленных П. И. Шуйскому в июле 1558 г. Остальные в своем большинстве были сильно отредактированы. Не попали в русский текст: требование сохранить школы для юношества (п. 3), право судебного поединка (суда мечем — п. 7), сохранение гильдий и цехов (п. 9), сохранение гильдии черноголовых со всеми их правами (п. 10), свобода производства и торговли спиртными напитками для жителей Дерпта (п. 12), свобода продажи недвижимого имущества и возможность беспрепятственно покидать город в любое время со всеми деньгами, не платя никаких отчислений (п. 14, 18), свобода покидать город, оставляя имущество на хранении у друзей с возможностью вывезти его позже (п. 15), свобода возвращения в Дерпт с восстановлением всех прав горожанина (п. 16), запрет прямой торговли на территории Дерпта иностранных купцов, они могли совершать свои сделки только через магистрат (п. 20), магистр сохраняет право суда над цехами (п. 21), ярмарки проводятся в традиционное время, инспекцию над торговлей осуществляет магистрат (п. 22), магистрат обладает правом прощения лиц, признанных виновными судом (п. 23), магистрат по-прежнему выдает въездные и выездные паспорта (п. 24), оккупационные власти не будут выселять бюргеров в Россию (п. 26), выморочное имущество, если оно не востребовано в течении года и одного дня, достается магистрату (п. 29), магистрат контролирует вступление в гильдии новых бюргеров (п. 30), сохраняется верховенство рижской юрисдикции над дерптскими законами (п. 31), лица, сделавшие в Депте долги, не могут быть арестованы во время их выезда в Россию, их дела могут рассматриваться только дерптским судом (п. 32), свобода вывоза

Ругодиве, и во всех городех нашего государства в торговых делах чинить по сей нашей жаловальной запечатаной грамоте. А хто против сей нашей жаловальной грамоты хто нибудь бесчестье Юрьева Ливонского людем делати учнет, и тому быть от нас в опале и в жестоком наказанье⁴³.

Дана ся наша грамота в нашем государстве Москве лета [165...]⁴⁴ 1558-го сентября 6-го дня. А к сей грамоте мы, царь и великий князь на подтверждение нашу непременною печать приложить велели в 25-м году нашего государствования.

РГАДА. Ф. 64 (Сношения с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией). Оп. 1. Д. 3. 12 л. Скоротись, середина XVII в. (около 1656 г.)

из России для ливонских купцов хлеба, меди и хмеля, а также продовольствия (п. 33) — *Ниенштедт Ф.* Указ. соч. С. 20–23.

Шуйским был удовлетворен 17-й пункт требований магистрата — свободный выход из города гарнизона, оборонявшего его в 1558 г. ввиду неактуальности требования в жалованную грамоту этот пункт уже не был включен.

⁴³ Данный пункт внесен русской стороной.

⁴⁴ В ркп. зачеркнуто.

Опасная грамота Ивана IV ливонскому магистру с предложением прибыть для капитуляции в Москву. 11 апреля 1559 г.*

Л. 68 об. Божию милостию от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Владимирского, Московского, Новгородского царя Казанского и царя Азстраханского, государя Псковского, великого князя Смоленского и великого князя Тверского, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские // **Л. 69** земли Черниговского, Резанского, Волотцкого, Ржевского, Белского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и иных и всей Сибирские земли и Северная страны повелителя и государя Ливонские земли града Юрьева и иных Вилгелму маистру ливонскому¹ и арцыепископу рижскому и бископу Колыванскому и иным бископом и всем людем ливонские земли.

Присылал к нам за вас бити челом² Фредерик король Датцкий своих послов Клауса Вернембилтемьберского да Водислава Бобисерова да Петра Билденя да Еронима Тенера³, чтоб нам // **Л. 69 об.** для его челобития вас пожаловати, гнев свой и меч уняти,

* Впервые опубликовано: *Филлюшкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 83–85.

¹ Речь идет о магистре Ливонского ордена Вильгельме Фюрстенберге.

² Переговоры, которые привели к датскому вмешательству в ливонский вопрос, проходили с 20 августа по 16 сентября 1558 г. в Рандерсе и Альборге между датским королем Христианом III и посольством магистра. Ливонцы требовали датского посредничества в переговорах с Москвой, а если они завершаться неудачно — настаивали на вмешательстве датских войск, которые должны выгнать русских из Ливонии. 18 сентября было достигнуто соглашение, что король отправит в Россию послов и даст 20 000 талеров одновременно и будет выделять 15 000 талеров ежемесячно в течение полугода, если переговоры с Иваном IV будут неудачны. Правда, выплата этих сумм и более весомое заступничество Дании за Ливонию зависело от перспектив взимания датской дани с Гарриена и Вирланда и их перехода под власть Копенгагена. 26 сентября 1558 г. была подготовлена соответствующая королевская грамота, в которой Ивана Грозного призывали прекратить войну в Ливонии, и Христиан III заявлял о своих территориальных претензиях на Гарриен, Вирланд и Ревель (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.—8 об.). В грамоте Хр. Мюнхгаузену от 5 июля 1558 г. упоминаются еще две королевские грамоты: к Ивану IV и некоему «русскому военачальнику», в которых упоминается о претензиях Дании на Нарву (ДА. С. 18. № 53; КА. С. 44–45. № 25). Видимо, к началу русско-датских переговоров эта претензия была снята. К. Расмуссен, проанализировавший проекты датско-ливонских соглашений, обсуждавшиеся в сентябре 1558 г., пришел к выводу, что Христиан III был противником военной интервенции в Ливонию из-за трудоемкости этой операции, отдаленности театра боевых действий, нежелания ссориться с Москвой и т.д. При этом король не мог игнорировать требования придворных группировок воспользоваться шансом и присоединить к Дании Гарриен и Вирланд. Компромисс предлагался в виде оказания ордену дипломатической и финансовой помощи в обмен на Североэстляндские провинции. Магистр считал эти условия невыгодными: скромный масштаб датской помощи не соответствовал запрашиваемой за нее цене (*Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 110–112).

³ Датские дипломаты во главе с Клаусом Урне и Петером Билле 5 декабря прибыли в Ригу, и 23 декабря 1558 г. выехали в Москву. По пути 19–22 декабря они провели переговоры с магистром, на которых выдвинули резко ужесточенные требования. Орден должен был в обмен на помощь уступить Дании не только Гарриен и Вирланд, но еще и Иарвен и Феллин. Магистр был готов отдать Гарриен, Вирланд, Иарвен, Ревель, Везенберг, Нейшлос, Нарву, Тольсбург и Виттенштейн, только бы оставить за собой орденскую резиденцию Феллин. Нереальность и лукавство предлагаемого обмена было очевидным: ряд пунктов (например, Нарва) уже были в руках Ивана IV, и тем самым магистр толкал Данию к войне с Россией (ср.: *Rasmussen K.* Die livländische Krise. S. 117). Датчане же, в свою очередь, были готовы разделить Ливонию с Россией. В наказе посольству Клауса Урне от 26 сентября 1558 г. говорилось, что если Иван IV признает датские приобретения в Эстляндии, то взамен король готов уступить Нарву и Нейшлос (ДА. С. 23–24. № 62, 63; КА. С. 54–65. № 33–34). Однако действия посольства сильно осложнила смерть Христиана III в декабре 1558 года, что и привело к затяжке переговоров до апреля

а дати бы вам тихое престояние на колко пригоже, чтоб вам как возможно в то урочное время нам добити челом и дело свое в постановление вечном учинити. И мы для Фредерика короля вас пожаловали, дали вам тихое престояние наше, шесть месяць от месяца маиа перваго числа до месяца ноября перваго числа⁴. В те месяцы земли вашия воевати есмя не велели. И от вашия бы стороны нашим юрьевским и ракоборским и всем нашим взятым местом и чюхном и латышем потому ж обид никаких не было. А в те бы урочные месяцы ты, маистр, приехал // Л. 70 к нам за свои вины бити челом, своєю головою, или в свое место болших своих послов лудчих людей к нам прислал, которые бы могли за вас дело ваше в том постановление вечном учинити⁵.

А ся наша жалованная грамота тебе, Вилгелму маистру и твоим болшим послом лутчим людем, и опасная приехати им к нам и назад отъехати доброволно безо всякие обиды, и задержанья никому нигде никак не будет, того для на утвержение и печать свою есмя приложили. Лета 7067, апреля 11 день.

Посольская книга сношений России с Данией 1559–1565 гг. // РГАДА. Ф. 53 (Сношения с Данией). Оп. 1. Д. 1. Л. 68 об. –70. Скоротись. Вторая половина XVI в.

1559 года, пока новым королем Фредериком не были подтверждены полномочия дипломатов (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 22об.–24 об., 33–35 об.; РАКА. Стб. 39–40. № 15; ДА. С. 27. № 73, 74).

⁴ Перемирие России с Ливонией было заключено «по челобитью» датских послов в апреле 1559 г. на срок с 1 мая по 1 ноября 1559 года. Россия стремилась выставить Данию гарантом капитуляции Ливонии, что должно было выразиться в личном прибытии в Москву магистра и архиепископа с униженным «челобитьем» о пожаловании. Это прибытие и должна была обеспечить датская сторона (Речь А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого датскому послу Клаусу Урне 4 апреля 1559 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 об., 58 об. –59). Надежда на помощь Фредерика, видимо, была столь велика, что в итоговой речи А.Ф. Адашев объявил о согласии на перемирие в Ливонии с 1 мая по 1 ноября 1559 г., заключаемом «по челобитью» датских послов (Ответ А. Ф. Адашева, И. М. Висковатого и К. Дубровского датскому посольству от 5 апреля 1559 г. // РАКА. Стб. 51. № 16; ДА. С. 31, 32, 33, 34. № 90, 92, 98; КА. С. 128–129, 131–138. № 63, 65). Судя по материалам русской посольской книги, датская сторона на перемирии особенно не настаивала. Эту идею подхватил и развил Адашев, что, видимо, впоследствии и стало причиной его отставки, когда шестимесячное перемирие 1559 г. было признано ошибкой.

⁵ Сценарий грядущих московских переговоров с магистром по русским документам нам неизвестен. Некоторые подробности содержит отчет королю Фредерику II датских послов. Согласно ему, Иван IV был готов в случае личного обращения магистра и архиепископа сохранить за ними их владения в Ливонии пожизненно, при условии введения русских гарнизонов в Ревель, Пернов, Динабург, Розитген, Каркус, Тарваст, Лаюс, Оберпален и уплаты дани (КА. С. 108–113. № 58). Насколько это отражает реальные планы Ивана Грозного — судить трудно. В письме датских послов в Ревель Хр. Мюнхгаузену от 13 мая 1559 г. перечисляются уже другие города, в которые царь требовал ввести своих наместников при условии личного челобитья магистра: Ревель, Феллин, Пернов, Вайсенштейн, Вольмар, Венден, Мариенбург, Трикат, Тарваст, Каркус, Динабург, Кокенгауз (ДА. С. 36. № 105; КА. С. 137–139. № 68).

Грамота И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского в Кольвань (Ревель) от 29 августа 1560 г. о взятии русской армией Феллина и с предложением сдаться*

Л. 21 Божию милостию царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, Володимерского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, царя Азстороханского, государя Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Пермьского, Югорского, Вяцкого, Болгарского и иных, и государя Низовские земли Великого Новгорода Нижнево, Черниговского; Резанского, Ростовского, Белского, Белозерского, Ржевского, Удорского, Обдорского и Кондинского и всея Северныя страны и Сибирские земли повелителя и обладателя Ливонские земли города Юрьева и иных. От бояр и воевод князя Ивана Мстиславского да от князя Петра Ивановича Шуйского и от всех бояр и воевод в Кольвань бискупу и бергоменстером и ратманом и полатником, и всем людем города Кольвани. Божию волею и его праведным судом и государя нашего царя и великого князя Ивана правдою пред ваши маистры, князи Ливонские земли за их неисправление город Вильян взяли и маистра князя Вилема Фюрстенберха и наряд весь¹. А заморских и посадцких людей по их челобитью из города выпустили со всем, опричь ратного оружья.

И мы таких Божиих великих даров не таим, хвалу Богу воздаем, и вам ведомо чиним. Доколе вам на себя гнев Божий наводити и государя нашего на Ливонскую землю зиме и лете? Грады ваши многие поиманы, а иные разорены, люди многие побиты, и земля пуста учинена. И мы, как есть крестьяне, уповая на Бога совет, добро и даем вам, ещо пишем к вам приятное слово, шадя и жалую, чтоб досталных немецких людей неповинных с повенными кров не лилася, и конечного б себе разоренея не дождали, государю царю били челом и на его волю далися. И что ваше умышление и челобитье ко государю, и вы б нам ведомо учинили встречу добрыми люди. А кого к нам пошлете, тем людем ся грамота и опасная, приехати и отъехати добро // **Л. 21 об.** волно.

К сей грамоте бояре и воеводы князь Иван Федорович Мстиславского да князь Петр Иванович Шуйского печати свои приложили. Писана в Вильяне лета 7060 осмаго августа в 29 день².

Грамоты Новгородские и московские в Кольвань (Ревель) по торговым и перемирным делам // ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). Оп. 1. № 44. Л. 21–21 об. Писарская копия XIX в.

* Впервые опубликовано: *Филлюшкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 85–86. Аналогичная грамота, известная в немецком переводе, с призывом к сдаче была послана в Ревель П. И. Шуйским сразу после взятия Дерпта, которое произошло 18 июля 1558 г. — ср.: 1) 7066 (1558). Juli. 20. Dorpat. — Der Bojar, Statthalter zu Pleskau, Fürst Peter Ivanowicz Szuiski fordert den B. von Reval auf, sich dem Grossfürsten zu ergeben // *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Aus dem schwedischen Reichsarchiv zu Stockholm / Hrsg. von C. Schiren. Bd. VI. Reval, 1879. S. 65–66. Nr. 18; 2) 1558, Juli 21. Dorpat. Knäs Peter Ivanowisch Schuiski u. A. fordern die Stadt Reval zur Unterwerfung auf // *Ibidem*. Bd. II. Reval, 1862. S. 318. Nr. 278.

¹ Феллин был взят 21 августа 1560 г. В плен попал бывший магистр Вильгельм Фюрстенберг — самое крупное должностное лицо Ливонии, оказавшееся в руках русских (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 239).

² Аналогичные грамоты были из Феллина посланы в другие ливонские крепости, Каркус и Гельмет (*Курукин И. В.* К изучению источников... С. 42). Рассылка подобных грамот практиковалась Россией с самого первого вторжения в Ливонию в январе 1558 г. Ср. опасные грамоты о беспрепятственном пропуске ливонских послов, которые якобы обратились в январе 1558 г. к Шигалею с просьбой о мире (ДА. С. 18. № 49; КА. С. 40–41. № 23).

**Грамота Юрьевского наместника И. П. Федорова в Колывань
о размене пленных, 28 июля 1561 г.***

Л. 25 Божьим велением великого государя Ивана Божию милостью царя всеа Руси и великого князя Володимерьскаго и Московскаго, Ноугородцкаго, царя Казанскаго, царя Астраханскаго, государя Псковскаго и великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Пермьскаго, Вятцкаго, Болгарскаго и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговскаго, Резанскаго, Полотцкого¹, Ржевскаго, Белскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Белозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго и всея Сибирские земли и Северные страны повелителя, и государя Ливонские земли града Юрьева и иных, от боярина и воеводы и наместника Юрьевского от Ивана Петровича Федоровича² в Колывань Ирика короля свейскаго наместнику³ Клаус[у] Крестенсон[у]⁴.

Били челом государю нашему царю и великому князю государя нашего сын боярской Ляпун Григорьев сын Терпигорев да немчин Кашпир Маидер, а сказывал Ляпун, што брат его Иван Григорьев сын Терпигорев в полону, а нынеча сидит в Колывани. А Кашпир бил челом государю нашему, царю и великому князю, чтоб ево государь пожаловал, ослободил, дал его на обмену Ивану Григорьеву сыну Терпигореву. А сказывает Кашпир, что у него в Колывани брат родной Дирик Маидель, а тетка у него игуменья. И государь наш царь и великий князь пожаловал, ослободил Кашпира, дал ево на обмену Ивану Терпигореву. И как к тебе наша грамота придет, и ты б велел кашпирова брата Дирика Маиделя и тетки ево игуменьи допытати, и государя нашего сына боярскаго Ивана Терпигорева. Да и к нам бы еси отписал, на которой день государя нашего сына боярскаго Ивана Терпигорева на обмен вышлещ[ь], и на которое урочища. А мы на тот же срок Кашпира Маидера вышлем, в коем месте вы нам на розмену государя нашего сына боярскаго вышлете. А Кашпир нынеча у нас в Юрьеве. Писано в Юрьеве лета 7069 июля в 28 день.

*Грамоты Новгородские и московские в Колывань (Ревель)
по торговым и перемирным делам //*
ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцеве).
Оп. 1. № 44. Л. 25. Писарская копия XIX в.

* Впервые опубликовано: *Филюшкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 86–87.

¹ Ошибка переписчика поздней копии грамоты. Должно быть «Волоцкий». Определение «Полоцкий» появляется в титуле только в 1563 г.

² И. П. Федоров стал Юрьевским наместником после сентября 1561 года (Статейный список российского посольства в Данию в 1562–1563 гг. // *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой; Отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 520). Он покинул этот пост до ноября 1563 г., когда в этой должности упоминается уже А. М. Курбский (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 391).

³ Шведский король Эрик XIV (1560–1568).

⁴ Ревель (Таллинн, русское название — Колывань) присягнул Швеции 6 июня 1561 года (*Donnert E.* Der Livländische Ordenstriftenstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558-1583. Berlin, 1963. S. 207).

Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны (1563–1564, 1578 гг.)*

Объектом исследования в настоящей статье являются две попытки в 1560–70-е гг. заключить русско-крымский военный союз, направленный против Великого княжества Литовского. В историографии они традиционно оцениваются как составная часть феномена, афористично названного С.М. Соловьевым «крымский аукцион»¹. Речь идет о своеобразном треугольнике Перекоп—Вильно—Москва, внутри которого поддерживалось неустойчивое равновесие. И, как справедливо отметил К. Расмуссен, именно от Крыма зависело его сохранение. Нападение татар на Россию развязывало руки для продвижения в Ливонию Литве, и наоборот². Поэтому во время Ливонской войны (1558–1583 гг.) и Россия, и Литва, и Польша прилагали усилия, чтобы склонить симпатии хана в свою сторону, а Крым пытался извлечь из этого максимальную прибыль для себя, вымогая «поминки», взятки и подарки.

Если обстоятельства, связанные с крымской политикой в начале Ливонской войны, более-менее изучены, как и ход «аукциона»³, то перипетии дипломатической борьбы вокруг русско-татарского союза в 1563–64 и 1578 гг. известны гораздо меньше. Чего, в действительности, хотело русское правительство от Бахчисарая в начале 1560-х гг.? Какие усилия оно прилагало для заключения союза с Гиреями, чем было готово поступить ради него? Сколь велика была антилитовская направленность данного союза?

До последнего времени проекты союзных договоров не были даже опубликованы⁴. Настоящей работой, основанной на хранящихся в Российском государственном архиве древних актов Крымских делах (ф. 123), мы пытаемся восполнить этот пробел. В приложении к статье публикуются тексты проектов русско-крымских договоров 1563 и 1578 гг.

Как показано А. В. Виноградовым, российское военно-политическое давление на Крым в 1556–1561 гг. «стало уменьшаться по причинам объективного характера». К 1561 г. были потеряны практически все базы для проведения операций против татар. Отказался выполнять свои союзнические обязательства ногайский мурза Исмаил. Угрожало войной Великое княжество Литовское. Под влиянием этих объективных факторов, а не по чьему-либо «неправильному» умыслу Россия в конце 1561 г.

* Впервые опубликовано: *Филошкин А. И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века Т. II). С. 309–337. — Работа выполнена по проекту AZ 08/SR/04 “Der historische Diskurs um den Livlandkrieg (1558–1583)”, подержанному Gerda Henkel Stiftung.

¹ *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 580.

² *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 10, 48.

³ Ср.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 19–27; *Шмидт С. О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 366–375; *Виноградов А. В.* К изучению крымского вопроса во внешней политике России накануне и в первые годы Ливонской войны // *Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода.* М., 1992. С. 28–52.

⁴ Исключая небольшой отрывок из 10 крымской посольской книги (лл. 398 об.–402 об.), включающем в себя фрагмент шерстной записи Ивана IV, совершенной в Москве и отправленной в Крым с посланником Григорием Злобиным, который умер, не доехав до Крыма – *Виноградов А. В.* Крымские книги как источник по истории русско-крымских отношений 60-70-х годов XVI века // *Внешняя политика России: Источники и историография.* М., 1991. С.12, 16. Данный отрывок издан Ф. Лашковым в сборнике документов: 24 шерстных грамоты крымских ханов, 26 шерстных записи татарских послов, 10 документов, исходивших из Москвы. Из них к изучаемому периоду относится только клятвенная запись Ивана IV от 9 марта 1564 г.: *Лашков Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 7, 26–28.

вынуждена пересмотреть свою наступательную политику в отношении Крыма, апогей развития которой пришелся на 1559 г.⁵

Этапной в русско-крымских отношениях должна была стать миссия А. Ф. Нагого, подготовка к которой проходила в марте-апреле 1563 г.⁶ Он отправлялся в Крым с предложениями мирного договора. Главным пунктом в нем было заключение антилитовского союза⁷. Однако, если хан предложит Москве совместное наступление на владения Сигизмунда, посол должен был отреагировать сдержанно, заявить, что Россия, конечно, готова выступить на своего недруга, литовского короля. Но для нее принципиально важно, чтобы это были военные действия союзников, а не «пособление царю»⁸.

Из наказа Нагому не видно, чтобы Москва рассчитывала действительно заполучить хана в союзники⁹. Главной целью, видимо, было добиться мира на южной границе, получить гарантии ненападения татар и напугать Сигизмунда. Пусть при этом Девлет-Гирей еще и сделает несколько грабительских походов по южным землям Великого княжества Литовского. Фантазия Ягеллона, что может случиться с его страной, если Москва и Крым будут действовать совместно, довершат остальное. Литва станет сговорчивой и быстро заключит с Россией мир на выгодных условиях, что позволит победоносно завершить Ливонскую войну.

При чтении наказа Нагому не покидает ощущение, что в Москве осознавали противоестественность русско-татарского союза против христианской Литвы. Поэтому, с одной стороны, добиваясь такого союза, русские дипломаты сопровождали свои действия таким количеством условностей, что поневоле кажется: Москву больше интересовал свой статус в двусторонних отношениях с Крымом, чем перспективы антилитовского русско-крымского союза. Хотя этот союз был для Грозного необычайно важен, конструктивные предложения о совместном нападении на Сигизмунда утонули в массе мелочных условий, которые А. Ф. Нагой должен был соблюсти при заключении договора. Ему предписывалось добиться, чтобы хан первым присягнул на шерти и прислал больших послов, то есть выглядело, будто бы инициатива мира исходит от Крыма, а русский царь всего лишь соглашается на просьбу «брата своего»¹⁰. К грамотам должны были быть приложены золотые печати (как символ равенства

⁵ *Виноградов А. В.* Внешняя политика Ивана IV Грозного // *История внешней политики России. Конец XV–XVII век.* / Отв. ред. Г.А. Санин. М., 1999. С. 157–158.

⁶ Общий обзор миссии и связанных с ней документов см.: *Виноградов А. В.* Посольство А. Ф. Нагого в Крым (1563–1573) // *Российская дипломатия: История и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа 29 октября 1999 года.* М., 2001. С. 65–75.

⁷ Проект шерстной грамоты России с Крымом, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 102 об.–103. Полный текст грамоты: см. приложение к статье.

⁸ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 87.

⁹ Главным способом добиться от Крыма нужной политики были подарки и взятки. Иными словами, дружбу, или по крайней мере лояльность хана можно было купить. В отличие от Великого княжества Литовского, Москва здесь не предпринимала практически никаких усилий. С посольством Ф. Загрязского (предшествовавшем миссии А. Нагого) поминки прибыли, «а поминке де на одной телеге и те средние», и татарские дипломаты даже устыдились показать их хану. А. Нагой привез в Крым только частные подарки и обещания «великих поминок», что и вызвало оценку крымцами русских договорных грамот как «сухих грамот» (Отчет посла в Крым А.Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 132).

¹⁰ Мнение А. Л. Хорошкевич, будто бы титулование хана «братом» «свидетельствует о крутом повороте в отношениях с южным соседом России» (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений в середине XVI в. М., 2003. С. 394), является недоразумением — определение «брат» прилагалось русскими правителями к крымским ханам, начиная с конца XV в., никакое новшество в его употреблении в документах 1563–64 гг. нет. Ср.: «приказал еси ко мне... свое жалованье... жалуючи мене, братом себе и другом назвал еси... хочешь меня жаловати, в братстве и в дружбе и в любви держати» (Грамота Ивана III к Менгли-Гирею, 1474 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 1-2).

государств). Нагому велели проследить, чтобы ни в коем случае хан не повесил «алый нишан» — красную печать, символ подчинения.

О поминках Нагой вел мелочный торг, больше отделяясь обещаниями несметных богатств и сравнительно скромными подарками. Поведение русского дипломата было заносчивым и вызывающим (не есть за одним столом с послами других государств, не платить никаких пошлин, мелочно жадничать в подарках и т.д.).

Одним словом, как это, увы, часто бывало в русских дипломатических миссиях, форма победила содержание, а сиюминутная жадность — достижения антилитовского союза с Крымом. В результате Москва промедлила, дала развиваться сомнениям и нерешительности Девлет-Гирея до чрезмерной степени — и проиграла литовской дипломатии борьбу за дружбу с Крымом. Личной вины Нагого, связанного в своих инициативах получаемыми из Москвы строгими инструкциями, в таком исходе немного.

История не знает сослагательного наклонения, но при ином поведении русского царя его альянс с ханом был возможен, а эффективность подобного союза доказали события конца XV в. — Крым и Москва совместно уничтожили господство Большой Орды, былого хозяина Восточной Европы! Недаром Иван IV в своих посланиях к Девлет-Гирею постоянно подчеркивал, что в русско-крымских отношениях начинается новая эра, что он бы хотел быть в такой дружбе с ханом, как его дед, Иван III с Менгли-Гиреем¹¹.

Причиной же плохих отношений с Крымом в предыдущие годы, в соответствии с русским политическим дискурсом, царь объявил измену своих подданных, которые «ссорили» его с ханом. Тема государевой измены как причины плохих отношений России и Крыма в 1550-х гг. впервые зазвучала в послании Ивана IV Сулешу от октября 1562 г.: «...а которые наши люди ближние промеж нас з братом нашим з Девлет Кереем царем ссорили, мы то сыскали, да на них опалу положили есмь, иыне померли, а иных разослали есмь, а иные ни в тех, ни в сех ходят»¹².

В Наказе А. Ф. Нагому в марте 1563 г. эта тема уже конкретизирована: зазвучали имена конкретных изменников. Сперва всю вину возложили на Ивана Полева и Федора Загрязского: «и ныне тех дел поминати не надобе, занеже те дела делались от изменников, занеж с государем ссору зделали, государь сыскал, которые его ближние люди ссорили с царем, и опалу положил». Правда, Загрязский успел умереть своей смертью до опалы. Его обвиняли в том, что он якобы утаил от Ивана IV, что хан требует поминок¹³.

В последующих строках царь объявил всю южную политику второй половины 1550-х гг. ошибочной, а ее инициаторов — И. В. Шереметева, героя битвы при Судьбищах¹⁴, А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого, руководителей русского посольского ведомства — государственными изменниками, которые «царя и великого князя с царем (крымским ханом — А. Ф.) ссорили»¹⁵.

¹¹ Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 133 об.

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

¹³ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 75–75 об., 83.

¹⁴ В 1563 г. на переговорах с А. Ф. Нагим татары заявили, что главным недругом Крыма был государев изменник Дм. Вишневецкий, а другим — Иван Шереметев, который «был послан» на Крым и сражался с Девлет-Гиреем на Поле. Хан с тех пор и держит гнев на Ивана IV (Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 131). В послании к турецкому султану о битве на Судьбищах, Девлет-Гирей трактовал сражение как свою грандиозную победу над русскими, которых было избито и пленено до 60 000. В Крыму же обсуждали личность «проклятого гяура» по имени *Ширмерд* или *Ширмед*, которого сочли персидским армянином, принявшим православие (Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 425–426). Таким образом, фигура Шереметева в русско-крымских отношениях, действительно, была знаковой.

¹⁵ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 98; анализ данного фрагмента см.: *Виноградов А. В.* Крымские посольские книги как источник по истории русско-крым-

Кроме того, для задабривания хана царь принял беспрецедентное и необъяснимое решение: в 1562 г. он велел снести Псельский город, удачное стратегическое положение которого до этого фактически парализовывало военную активность крымцев¹⁶. В ставке хана необычайно изумились решению царя, и русскому послу А. Нагому в 1563 г. было велено передать им объяснение, что город, мол, непригоден для сельского хозяйствования, и вообще: «Государю нашему города новые не нужны. Божиим милосердием и старые города емлет». Е. Ржевскому осенью 1563 г. уже было поручено давать более пространное объяснение: «Сказали были государю нашему украинские люди, что то место пригодитца к пашням и иным угодиям». Для того государь и велел поставить город. Однако выяснилось, «то ся место х такому делу не пригодило, и того для государь наш велел его и разорити»¹⁷.

25 июня 1563 г. А. Нагой был принят Девлет-Гиреем и начал переговоры о мире и антилитовском союзе. Хан воспринял предложения Москвы настороженно. Он опасался, что сегодня русские воюют с литовцами, а завтра они помирятся и объединятся против татар — так что лучше не связывать себя никакими соглашениями. Нагой писал, что от Ивана IV в Бахчисарае «боялись обманки»¹⁸. Хан на переговорах однозначно поставил решение вопроса о мире и дружбе в зависимость от московских денежных выплат. Русские платежи должны по своим масштабам сравниться с литовскими и превзойти их¹⁹, тогда можно будет говорить и о союзе («да и сверх королевь казны поминки дай»)²⁰. Сулеш прямо заявил Нагому, что «татарин любит тех, кто ему больше даст, тот ему и друг»²¹.

Нагой оказался в сложном положении. Отстаивая честь своего царя, он сразу же гордо заявил, что «государь наш дружбы не выкупает». Но сам дипломат понимал, что такая позиция абсолютно неконструктивна. Поэтому он пытался убедить хана, что главное — отравить больших татарских послов для заключения договора, а там уж царь «за поминками не постоит»²². Эти обещания звучали достаточно бесцветно на фоне прибывшей в Крым 23 июля литовской казны на 36 телегах²³.

Хан же считал, что Сигизмунд недодал 4000 золотых. Кроме того, пользуясь случаем, он требовал от Литвы двойных поминок, а не то грозил заключить союз с Иваном IV²⁴. В своем послании к хану от 3 августа 1563 г. Сигизмунд упоминал о других причинах напряженности в литовско-крымских отношениях: нападения на улусы каневских черкас (которых король обещал покарать), обида правителя Литвы на хана, что последний недостаточно активно напал на русские земли, что позволило Ивану IV совершить поход под Полоцк (т.е. в глазах Сигизмунда в поражении Литвы в 1563 г.

ских отношений 60–70-ых годов XVI века // Внешняя политика России: Источники и историография. М., 1991. С. 11–12.

¹⁶ Об истории Псельского города и его значении см.: *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 138–143.

¹⁷ Наказ Е. Д. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 281–281 об.

¹⁸ Грамота А. Ф. Нагого Ивану IV, получена в сентябре 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 124–124 об.

¹⁹ По данным 1563 г., Сигизмунд регулярно платил в Крым 15 000 золотых, да 27 серебряных ковшей, бархат и шубы из камки (Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 160).

²⁰ Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 153–153 об.

²¹ Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 161 об.

²² Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 154.

²³ По слухам, зафиксированным А. Ф. Нагим, литовские поминки состояли из 15 000 золотых по 20 алтын московских, и половину, 8000, дает серебром, серебряной посудой и шубами, а остаток — «сукнами всякими». Богатые подарки и взятки были вручены каждому представителю ханского двора (Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 165–165 об.).

²⁴ Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 166 об.

оказался виноват неоказавший надлежащую помощь Крым!)²⁵. Масла в огонь подлило нападение в августе белгородских татар под Браславль и Винницу²⁶.

Привезенная в Москву в сентябре 1563 г. грамота Девлет-Гирея четко продемонстрировала позицию Крыма: хан подробно перечислил, какие поминки и подарки должен получить каждый представитель татарской аристократии (кречеты с обслугой, шапки меховые черные, шубы и т.д.). Калге на свадьбу полагался подарок в 1000 рублей. Девлет-Гирей подчеркивал, что Сигизмунд, в отличие от Ивана Грозного, постоянно присылает поминки и подарки, поэтому русскому правителю надо еще постараться, чтобы заслужить дружбу «великого царя Великой Орды»²⁷. Кроме того, гонец Ян Магмет привез несколько грамот от царевичей, мурз, членов ханской семьи и т.д., в которых каждый из них просил подарок в уплату за ходатайство перед ханом о мире. Средние размеры взяток, помимо шапок, шуб и т.д., колебался от 100 до 230 рублей²⁸.

Россия здесь предприняла несколько жестов, призванных смягчить позицию хана. 18 сентября 1563 г. вызванному в Москву ранее задержанному в России послу Ян Болдую было объявлено, что Иван IV отпускает посла, и отправляет Ф.И. Салтыкова-Морозова с великими поминками. Ян Болдуа и гонца Ян Магмета пожаловали шубами и «государевой чаркой серебряной»²⁹.

1 октября в Крым с новыми инструкциями Нагому выехал гонец Елизар Девятиович Ржевский³⁰. Несмотря на риторику, ласкающую слух хана, Иван IV позволил себе и несколько резких выпадов. Во-первых, в своей грамоте к Девлет-Гирею он постарался представить дело так, что это хан хочет дружбы и мира, а Россия только идет ему навстречу. Царь даже заявил, что «дружбы нашей мы к тебе не приказывали», но раз уж предводитель татар хочет дружить — то русский монарх готов выразить свое согласие. Поминками Грозный предложил «обменяться», как истинным друзьям. Первым поклясться на договоре царь предложил хану³¹. В грамоте к Мустафе-аге от имени Ивана IV на слова, чтобы царь потешил хана и прислал поминки, был дан ответ: пусть хан сам потешит царя и нападет на Литву³². В принципе, как отмечено А. В. Виноградовым, царь обещал поминки, но после «шертования» хана. Тем самым они «превращались в средство давления на правящие круги Крыма»³³.

Ржевский привез в Крым подарки, которым татары сперва обрадовались. А затем с ними стали возникать разные казусы. Нагой описывает один из них: «Мурату мирзе также вручили грамоту твою государеву, ярлык и жалование, шапку черну червею и шубу кунью. Мурат мирза на твое государево жалование челом бьет, и шапку и шубу взял, и говорил Елизарию про шапку. Государь, де, ко мне прислал женскую шапку, и ты б мне ее обменял. А Елизарий говорил, что государь мой к тебе прислал, то я к тебе и привез». Подобных эпизодов было немало. Татары оказались недовольными маленькими подарками и требовали их «второе»³⁴.

Для объяснений с ханом в конце 1563 г. в Крым отправился литовский посол Ю. Быковский. Он сообщил, что с Москвой заключено перемирие до 6 декабря, и пред-

²⁵ Грамота Сигизмунда Девлет-Гирею от 3 августа 1563 г. // КПМ-I. № 152. С. 226–227.

²⁶ Грамота Сигизмунда Девлет-Гирею от 2 сентября 1563 г. // КПМ-I. № 160. С. 241–242.

²⁷ Грамота Девлет-Гирея Ивану IV от августа 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 173 об.–175 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 176–188.

²⁹ Материалы переговоров с Ян Болдуюем в сентябре 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 188 об., 191, 192 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 193 об.

³¹ Грамота Ивана IV Девлет-Гирею от сентября 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 209–210 об., 212, 216.

³² Грамота Ивана IV Мустафе-аге от сентября 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 242.

³³ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 180.

³⁴ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 291, 294 об.

ложил в срок до 21 ноября собрать войска с совместно напасть на Россию. Быковский убеждал, что вся русская армия под Полоцком, границы оголены. Крымцам отводилась зона нападения: Северская земля и Смоленщина³⁵. Однако русские дипломаты в Крыму оказались искуснее: 24 ноября 1563 г. хан обещал русским послам выступить против Сигизмунда совместно с Россией и заключить договор, для чего к отправке в Москву готовится посольство мирзы Мурата³⁶.

Однако буквально в течении недели столь многообещающе начавшиеся переговоры расстроились³⁷. Крымская знать буквально забросала и хана, и послов требованиями больших поминок. Девлет-Гирей из-за этого даже поругался со своим сыном, считая его аппетиты чрезмерными. Нагой оказался обвиненным в шпионаже, что якобы подтверждали имеющиеся у русского дипломата на Москве 60 лавок. 23 декабря 1563 г. татары заявили, что отказываются от своих слов, в том числе и от антилитовского союза, и предлагает заключение русско-крымского договора на тех условиях, на которых предлагает Иван IV. Пусть царь сам первый присягнет на собственной грамоте, тогда хан готов подумать о перспективах мирных отношений с Москвой. В качестве наблюдателя за присягой Ивана IV отправляется гонец Ашибаш Фрух.

А пока 2 января 1564 г. хан присягнул на шерстной грамоте, но в ее «крымском» варианте. Она содержала пункт о совместных действиях против литовского короля, но это сопровождалось условием выплаты Русью больших поминок. После присяги на этой же грамоте Иван IV перед митрополитом и боярами документ должен вернуться в Крым, где на нем присягнет татарская аристократия, и он вступит в силу³⁸. А. В. Виноградов справедливо отмечает, что шансы на это были невелики: антимосковская группировка набрала силу, и заблокировала бы любую попытку ратификации соглашения³⁹.

Ситуация в какой-то степени зашла в тупик. В ожидании новых инструкций из Москвы Нагой занимался сбором разведывательных данных. Ему удалось собрать много интересной информации разной степени достоверности: что татары хотят увидеть в Крыму присланных Иваном IV пленных поляков, чтобы поставить их перед королевским послом и «поглумиться», что весной 1564 г. по инициативе турецкого султана планируется турецко-татарский поход на Астрахань, «к Бахметьеву гробу». Причем

³⁵ Инструкции послу в Крым Ю. Быковскому, 1563 г. // КПМ-1. № 163. С.244–246.

³⁶ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 295, 295 об., 297 об.

³⁷ Мнение А.А. Новосельского, будто бы переговоры расстроились из-за боязни крымской знати поставить под угрозу «само существование Крымского государства», надлежит признать преувеличением, комплиментарным для российской политики XVI в. (*Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами...* С. 18–28). Новосельский выстраивает логическую цепочку, будто бы соответствующую рассуждениям хана: в результате договора с Крымом у России окажутся развязанными руки в борьбе с Великим княжеством Литовским, она его легко победит, после чего обязательно обрушится всей боевой мощью против татар и разобьет их. Таким образом, мирный и союзнический договор с русскими якобы открывал путь к уничтожению Крымского государства. Рассуждения историка, к сожалению, не находят никакого подтверждения в документах того времени. В них речь идет о «коммерческих» условиях, выдвинутых татарами и неприемлемых для России.

³⁸ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 299, 300–301, 306 об., 313, 314–315. — А. А. Новосельский считал, что хан «шертовал» под влиянием известий о взятии русскими Полоцка: соглашение «было, несомненно, плодом победы русских под Полоцком» (*Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами...* С. 19). К сожалению, ни в одном источнике не зафиксирован даже слух о подобной мотивации действий хана. Как справедливо отметил А. В. Виноградов, сеунч о взятии Полоцка был формальным поводом к отправке посольства А. Ф. Нагого (*Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 179*), но, как на наш взгляд, четко видно из посольских источников, этот факт являлся скорее ритуальным моментом, чем решающим аргументом на переговорах.

³⁹ *Виноградов А. В. 1) Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 181; 2) Посольство А. Ф. Нагого в Крым. С. 70–71.*

хан не хочет нападать на Астрахань, но на него в этом вопросе давит Турция. К числу врагов России в этой акции могут присоединиться пятигорские черкасы и ногаи⁴⁰.

Более важной была информация, полученная Нагим путем угощения спиртными напитками литвина Федора Савостьянова (на которого дармовая выпивка так подействовала, что он изъявил немедленное желание бежать в Московию и поступить на службу к Ивану IV). Савостьянов рассказал, что Сигизмунд посылает в Крым гонца за гонцом, в основном католических священников (?!), чтобы предотвратить союз Москвы и Крыма. Литовцы «нашептывают» хану, что Грозный пытается его обмануть, а сам хочет зазвать Киев и «спустить» Девлет-Гирея с пятигорскими черкасами, Астраханью и Казанью (то есть завоевать Крым). Вместо этого Сигизмунд уговаривает татарского правителя напасть на Москву, и шлет для этого богатые подарки и поминки. Сама же Литва намеревается напасть на Русь ближе к «Великому дню». Ей оказывает помощь Турция, которая, во-первых, побуждает Крым заключить военный союз с Великим княжеством Литовским против России; и во-вторых, султан приказал 80.000 сербам («сербянам») отправиться на фронты Ливонской войны и воевать на стороне короля против России⁴¹.

Получив отчет Нагого, царь принял решение согласиться на выдвинутые ханом условия. 26 февраля 1564 г. в Москве встречали Ашибаша Фруха. Переговоры протекали трудно: во-первых, Крым игнорировал русскую грамоту и навязывал свой вариант шерти⁴². Во-вторых, русскую сторону не устраивало увязывание в крымском варианте шерти антилитовского союза с платежом поминок. В-третьих, московские дипломаты протестовали против предлагаемой схемы заключения соглашения: присяга хана — присяга царя — присяга крымской аристократии («земли»). В-четвертых, позиция хана в отношении русско-татарского союза против Литвы оставалась неотчетливой. Царь так и не получил ясных гарантий вмешательства Крыма в войну на стороне России. Грозный опасался, что Девлет-Гирей ограничится декларациями, и так и не перейдет к практическим действиям⁴³.

Ашибаш на переговорах всячески подчеркивал намерение хана напасть на Сигизмунда, «хотя з братом своим со царем и великим князем дружбу совершити и пойти на литовского короля»⁴⁴. Но условием этого ставил получение Крымом больших поминок. Здесь обращает на себя внимание титулование «царь». Крым вообще-то игнорировал царский титул Грозного. К сожалению, из данного контекста не очень ясно, перед нами дьячий пересказ речи Ашибаша, в который русский писец привычно вставил титул своего государя, или же — цитата из речи посла. Второй вариант мог бы быть интереснее. Он свидетельствовал бы о дипломатических маневрах Крыма, готового поступиться своим неприятием царского титула в обмен на шерть. К сожалению, из текста посольской книги однозначных выводов сделать нельзя.

⁴⁰ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 321, 321 об., 323–324. Разведанные были получены путем спаивания Нагим янычара Багмут-аги, который в подпитии красочно расписывал приготовленный для осады Астрахани великий пушечный наряд, «а для подкопов буравы и заступы, и топоры, и заступа и корыта». Впрочем, очень вероятно, что это была сознательная дезинформация, «вброшенная» Нагому уже татарской разведкой. Н. А. Смирнов на основе этих известий пришел к выводу, что «с этого года война России с Турцией была предreshена» (*Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 94. Т. 1. С. 92*).

⁴¹ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 324 об.–325 об., 327.

⁴² Вряд ли верна оценка А. Л. Хорошкевич крымского варианта соглашения как «неравноправного» (*Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений... С. 395*): речь шла не об уравнивании или иерархизировании «прав» Руси и Крыма, а о процедурных вопросах, гарантиях и цене военного союза.

⁴³ Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 341, 365 об., 367.

⁴⁴ Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 368 об.

После совещания царя с боярами⁴⁵ было решено «учинить клятву» на крымской шертной грамоте 9 марта 1564 г. Однако гонец Г. П. Злобин должен был отвезти в Крым очередной вариант грамоты, уже отправленной ранее с Нагим, и добиваться присяги муруз именно на этом экземпляре! А потом Грозный готов был еще раз принести крестоцелование на данной грамоте⁴⁶. Таким образом, присяга царя на крымской шерти оказалась лишь маневром. Русский царь упрямо гнул свою линию, добивался, чтобы Крым присягнул первым, а Москва — второй, и чтобы в основе договора лежал бы русский вариант соглашения. Решено было также отправить поминки в размере, посланном с князем А. Кашиным в 1542 г. Как подчеркнул А. В. Виноградов, «заключенное соглашение не стало надежной гарантией от крымских нападений, но это был определенный шаг вперед в урегулировании русско-крымских отношений»⁴⁷.

Г. П. Злобин умер в дороге, и вместо него в апреле 1564 г. в Крым был отправлен новый гонец, Ф. А. Писемский. 5 июня начались его переговоры с ханом. Девлет-Гирей сперва говорил о своем желании «стоять заодин» против литовского короля, но при этом для «некоторого умышления» он не хочет включать в шерть отдельным пунктом свое обязательство напасть на Литву⁴⁸.

Колебания при дворе хана⁴⁹ подробно описаны в «Большом разговорном списке» А. Ф. Нагого, увы, доставленном в Москву слишком поздно — 20 июня 1565 г. Список содержит подробное описание русско-татарских переговоров в Крыму с 31 мая 1564 г. по весну 1565 г. Согласно сведениям Нагого, сторонниками мира с Россией были сам Девлет-Гирей, Мустафа-ага, Аликази Куликов, Зенги-Хозя-ших. За союз с Литвой против Москвы выступали калга Мухаммед-Гирей, его брат Адыл-Гирей, Азей князь Ширинский, Аспад князь, Ямгурчей, Ахмамер и все представители казанской знати, в свое время бежавшие в Крым. Последняя группировка обвиняла Ивана IV в агрессии, в захвате Казани и Астрахани, в том, что он «хочет идти на Крым Днепром», и даже в нападении на Ливонию, а затем и на Литву, вступившую за орден⁵⁰.

Трактовка Нагим борьбы внутри крымской знати крайне любопытна. Он осмыслял ситуацию строго в рамках московского политического дискурса. Ранее сообщалось, что дружбе Ивана IV с ханом мешали злые советники, изменники. Теперь Нагой решил,

⁴⁵ На нем присутствовали бояре: И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, В. М. Глинский, В. С. и П. С. Серебряные, И. П. Федоров, В. М. Юрьев, И. П. Яковля, А. Д. Басманов, Ф. И. Умной-Кольчев, Л. А. Салтыков; казначей Н. А. Фуников-Курцев; думные дворяне: А. П. Телятевский, П. И. Горенский, П. В. Зайцев, И. Черемисинов, Ширяй Кобяшов. При принесении присяги также присутствовали митрополит Афанасий, новгородский архиепископ Пимен, дьяк Андрей Васильев (Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 369 об.–370).

⁴⁶ Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 371 об.

⁴⁷ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 182.

⁴⁸ Отчет А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, присланный в Москву в октябре 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 136, 137.

⁴⁹ А. В. Виноградов отмечает наличие двух группировок – антимосковски настроенных казанских эмигрантов и враждебных Исмаилу ногайских муруз, а также противников союзных Москве черкесских князей, а промосковскую группировку крымской знати во главе с Сулешем, руководившим крымским посольским ведомством (Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 179–180).

⁵⁰ Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 231 об., 232, 233. На основании этих свидетельств А. А. Новосельский делает вывод, что отказ Крыма от мира был обусловлен не тем, что Сигизмунд поминки заплатил, а Иван IV не выплатил требуемых сумм. Ученый утверждал, что «дело заключалось не в поминках», а в польской пропаганде: король «энергично и настойчиво разъяснял опасность усиления Московского государства не только для Польши, но и для Крыма». Поэтому хан делал не меркантильный, а политический выбор (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 21). Думается, что значение материального фактора здесь незаслуженно преуменьшается, чтобы нарисовать образ татар как извечных врагов России. Неизвестно, как бы сложилась ситуация, если бы Иван IV заплатил больше Сигизмунда. Нет оснований утверждать, что хан и в этом бы случае разорвал мирный договор.

что и хану мешают плохие советники, нашептывают в уши антирусские речи приближенные. Русский посол тщательно фиксирует слух, как хан, уставший припираться со знатью, на совете 21 июля 1564 г. воскликнул: «К чему де яз на Крыму и царь, коли меня ныне дети и болшие улусные люди не слушают» (высказывание — совсем в духе Ивана Грозного в предопричный год!), и дает ему выгодную для Руси интерпретацию: хан не желает нарушать данную клятву, да вот советники вредят.

В переговорах с Ян-Магметом и Сулешем Нагой прямо сравнил этих преступников с теми, кто до 1563 г. на Руси ссорил хана с царем, и был за это репрессирован Грозным. Исполненный самых добрых намерений, Нагой предложил Девлет-Гирею... свои услуги в качестве консультанта, как надлежит поступать с плохими советниками, а то в Москве на этот счет накоплен богатый опыт, наверняка неизвестный хану!⁵¹ Столь неожиданное предложение было воспринято, скорее всего, с недоумением, но очень показательна сама стереотипность мышления русского посла.

В июне 1564 г. крымский гонец Караш прибыл на Русь с сеунчем о победе татар над волохами. В отправленной с ним шерти, как считает А.В. Виноградов, ссылаясь на донесение А. Ф. Нагого, все также не было пункта о войне татар с королем⁵². Его включение по-прежнему зависело от присылки поминок. По словам Караша, хан, в свою очередь, отправил для государя специальные поминки, аналогичные «полоцкому поминку» Ивана IV. Однако на поле на крымцев напали казаки, отобрали поминки и якобы даже новую, исправленную шертную грамоту, которую Караш вез от Девлет-Гирея (при этом все другие грамоты, в том числе и послания царевичей, Караш благополучно довез). В нападении подозревались литовские казаки, и московские дипломаты пытались всячески раздуть этот конфликт, преподнести его как свидетельство недобрых намерений Сигизмунда. Это соответствовало и настроениям Крыма. Караш рассказал, что одновременно с отправкой на Русь Ашибаша было послано посольство в Вильну. Но король его не принял и чести послам не оказал. Сигизмунд также отказался отвечать за нападения на крымцев казаков и черкас. Поэтому хан «на короля гневен» и готов к союзу с Москвой против Литвы⁵³.

Крым также пытался изобразить себя защитником Руси от агрессивных планов Турции. Караш рассказал, что турецкий султан требует пошлин с городов: Кафы, Мангупа, Инкермана, Судака и других. Это фактически дань, которую хан платит султану. Последний готовит нападение на Астрахань, для чего планирует прокопать канал в узком месте между Доном и Волгой, и по нему переправить осадные орудия. А Девлет-Гирей всячески сопротивляется этим планам султана, потому что идти в поход «не мощно», и «нынче учинились с московским в дружбе»⁵⁴.

Реакция Ивана IV на проявление Крымом готовности к достижению соглашения труднообъяснима. С одной стороны, 30 июня посольство Караша одарено богатыми подарками (шубами), что свидетельствует об одобрении царем хода переговоров. Но, с другой стороны, в тот же день Грозный уехал на Верею в Вышгород, а послов «безделно» продержали в Москве на посольском дворе до 3 августа. То есть заключать антилитовское соглашение Россия не спешила. Вместо этого в августе на переговорах русские дипломаты повторили свою старую позицию о необходимости присягнуть первым хану на московском варианте грамоты. Никаких других заявлений сделано не было, и 16 августа Караш уехал из Москвы, не увозя с собой ничего, кроме подарков.

⁵¹ Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 233, 234, 248 об.

⁵² Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 183.

⁵³ Отчет о приеме крымского гонца Караша, 20–27 июня 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 6, 12 об., 15, 34–34 об.

⁵⁴ Речь посла Караша 28 июня 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 32 об.

С ним отправился гонец А. Н. Мясной с царскими грамотами, в которых повторялись старые требования принесения ханом присяги на образце шерти, присланном с А. Ф. Нагим⁵⁵.

Практически одновременно сорвались и переговоры в Крыму. 25 июля стало известно о приказе султана готовиться к походу на Астрахань⁵⁶. Переговоры с Нагим относительно заключения мира хан «начал влочить», и 28 июля А. Ф. Нагому и Ф. А. Писемскому сообщили о серьезных разногласиях о размерах поминок, возникших между ханом и крымской аристократией. Царевичи и мирзы настаивали на том, что главным условием мира с Русью должно быть получение «казны великой». 1 августа русские дипломаты узнали причину затяжки времени: Девлет-Гирей ждал результатов переговоров с Сигизмундом о размерах поминок. Нагой пытался доказать, что Иван IV потому не идет войной на короля, что ждет ответа Девлет-Гирея о союзе, и поэтому этот союз надо заключить как можно быстрее. Но Крым уже сделал ставку на Литву.

4 августа 1564 г. татары заявили, что они колеблются, потому что на Россию «пошел король с великим собраньем», и он обещает большие деньги, если Крым присоединится к этому нападению. Одновременно распространились слухи о присылке Сигизмундом «двойной казны», чтобы побудить хана к нападению на Россию. Причиной литовского похода крымцы считали измену князя А. М. Курбского: «Отъехал, деи, от тебя, государя, к королю князь Андрей Курбской, а с ним, деи, отъехали многие люди; и короля, деи, на тебя, государя, он поднял, и царя и царевичей велел он поднять»⁵⁷. А 28 июля крымская знать выдвинула новое требование, при котором соглашение может быть заключено: уступка Казани и Астрахани и поминки в размере, который был при Мухаммед-Гирее I.

Несговорчивая позиция России и жадность Крыма привели к срыву соглашения. 5 августа в ответ на требование «Магмет Киреевых поминок» Нагой дал категорический отказ. Русская сторона была согласна только на «Сагиб Киреевы» поминки. Историки, помимо спора о размере поминок, называют и более глубинные причины провала переговоров: русско-татарские противоречия на Северном Кавказе, утрата «казанского юрта», казачьи угрозы Азову и т.д. Свою роль сыграла и активность польско-литовской дипломатии и обещания Сигизмунда не только прислать двойную «казну», но и сверх того заплатить за Москву Сагиб-Гиреевы поминки⁵⁸.

Видимо, срыв переговоров татарами предвиделся (планировался?) заранее. Уже 6 августа⁵⁹ хан выступил в карательный поход на Русь. Нагой в тот же день послал на Русь две грамоты, чтобы предупредить: одну с татаринном Гамзой, который продвигался

⁵⁵ Отчет о приеме крымского гонца Караша, 30 июня – 16 августа 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 34 об., 36, 38 об., 40; Грамота Ивана IV к Девлет-Гирею от августа 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 52. — Судьба посольства Мясного была печальной. На р. Самаре его перехватили литовские черкасы, отряды Ф. Волошанина и Л. С. Пожаткевича. В бою убит крымский посол Караш, потеряны лошади с государевым кормом, поэтому посольству пришлось пешком идти обратно. В Крым Мясной прибыл только 22 октября 1564 г. Хан в это время был в походе против Литвы, и вернулся только 13 ноября. Успешных переговоров Мясного с Девлет-Гиреем неизвестно (Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 256). 20 июня 1565 г. Мясной вернулся в Москву, одновременно с возвращением посольства Байберея от имени Ивана Ивановича (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 165, 170).

⁵⁶ Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 240а.

⁵⁷ Отчет А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, присланный в Москву в октябре 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 138–140; Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 253 об., 254, 254 об., 255 об.

⁵⁸ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 184.

⁵⁹ По другим данным, 6 августа было принято решение о походе, а хан вышел из Крыма 31 августа (Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 256).

в войске Девлет-Гирея, другую — с бывшим русским пленным Якушем Власовичем Окиншиным через Кафу в Азов и далее к донским казакам; третью 9 августа увезли ногаи Ишкар Азиенгариневич и Кел-Магмет Янышев⁶⁰. По адресу попала только грамота Гамзы, да и то слишком поздно — уже после начала боевых действий. Так бесславно закончилась первая попытка заключения русско-крымского антилитовского союза.

А. В. Виноградов отметил, что Крым настаивал на реализации своего проекта соглашения. 16 июля 1566 г. хан в присутствии А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского повторно присягнул на своем варианте шерти. Послы отказались подтвердить договор, потому что в нем было неотчетливо прописано обязательство Крыма воевать вместе с Москвой против Великого княжества Литовского⁶¹. На этом первый этап русско-татарских переговоров о мире и союзе, который имел место в 1563–1566 гг., можно считать законченным.

Вторая попытка достижения русско-крымского договора имела место в 1578 г. Однако она имела уже принципиально другой характер. На наш взгляд, отказ от понимания роли Крыма как потенциального союзника против Литвы в 1570-е гг. в Москве произошел не только из-за военного обострения 1571–1572 гг., но и из-за того, что в 1572–1576 гг. Москва хотела решить литовский вопрос и выиграть войну с Речью Посполитой через элекцию Ивана IV или его сына на королевский престол. Во второй половине 1576 г. стало ясно, что эта концепция оказалась ошибочна. Рюриковичи проиграли борьбу за польский трон. И в самом начале 1577 г. Россия вернулась к идее русско-крымского союза, благо, Девлет-Гирей неоднократно демонстрировал свое желание реанимировать процесс заключения шерти, прерванный после 1563–1564 гг.

Непременным условием для России, как уже говорилось, был первый шаг со стороны хана — именно он должен прислать больших послов, то есть как бы попросить Ивана IV заключить договор, выступить его инициатором. А царю оставалось только милостиво согласиться на своих условиях. Однако 2 февраля 1577 г. на совещании с Боярской думой было решено, не дожидаясь крымского посольства, готовить большое русское посольство В. Мосальского и дьяка А. Шапилова. С ними отпущался задержанный крымский посол Девлет-Килдей. Русские дипломаты должны были сидеть в Боровске и ждать известия о выезде больших татарских послов, которые все-таки должны были выступить первыми. Однако на этот раз, в отличие от недавних лет, их ждали с нетерпением. Бояре даже сами заговорили о готовности отправить поминки — еще недавно это было запретной темой⁶².

Однако и эта попытка заключения русско-крымского союза была сорвана, правда, на этот раз по независящим от России обстоятельствам. В Крыму скончался Девлет-Гирей. Было неясно, как поведет себя новый хан, Мухаммед-Гирей II, бывший калга, неоднократно высказывавшийся в отношении Москвы весьма радикально. Поэтому вместо большого посольства в Крым в июле 1577 г. было решено отправить «лехкого гонца» С. Кобелева с грамотами и поминками. Его миссия называлась «братство проведать». Он был должен новому хану «челом ударити», сообщить о готовности к переговорам русского большого посольства⁶³. Стоит отметить резкое увеличение количества грамот к разным представителям крымской аристократии, отправленных с Кобелевым. В них Иван IV активно звал служить и обещал высокое жалование⁶⁴. Таким

⁶⁰ Отчет А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, присланный в Москву с Гамзой Елдышевым 3 октября 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 140, 140 об.

⁶¹ Виноградов А. В. Посольство А. Ф. Нагого в Крым. С. 71.

⁶² Отчет о заседании царя с Боярской думой по крымскому вопросу, 2 февраля 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 381, 381 об.

⁶³ Отпуск гонца в Крым С. Кобелева, июль 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 385, 386, 387 об., 395.

⁶⁴ Перечень грамот см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 392 об. – 411.

образом, после смены хана русская дипломатия стремилась сформировать и закрепить поддержку при дворе прорусски настроенных татарских вельмож.

Настороженность России имела свои основания. Сразу после прихода к власти в окружении нового хана вновь заговорили о необходимости возврата Астрахани⁶⁵. В сентябре 1577 г. в Крым обратился Стефан Баторий. Он надеялся побудить татар к нападению на Россию, апеллируя к поддержке Турции, и тем самым облегчить положение в Ливонии⁶⁶. Поэтому от первого посольства нового правителя «Великой Орды» зависело очень многое. Прибывший в Москву в декабре 1577 г. посол Халил-Челибей приехал с мирными намерениями. В своей речи он даже назвал Ивана IV «царем и великим князем» (кажется, это первый случай, когда официальное лицо из Крымского ханства назвало русского правителя «царем», то есть ханским статусным титулом). Впрочем, о признании Крымом титула речь не шла: в грамоте от Мухаммед-Гирея Грозный написан «государем, братом нашим» (что вообще-то тоже выше привычного обращения «великий князь»)⁶⁷. В грамоте от Мусли-аталыка Иван IV назван «Великого улуса многие Руси и всего христианства великий государь»⁶⁸.

Что же касается содержательной части переговоров, то Мухаммед-Гирей предлагал вернуться к обсуждению вопроса о мирном договоре России и Крыма на условиях, близких к неудавшемуся соглашению начала 1560-х гг. Правда, антилитовская направленность договора уже не акцентируется, хотя и подразумевается (исходя из декларируемого принципа: «твой враги — мои враги»)⁶⁹.

10 декабря 1577 г. было решено с ответной миссией послать в Крым гонцов В. Непейцына и И. Маркова. 20 декабря они вместе с Халил-Челибеем уехали из Москвы⁷⁰. В отправленных с ними грамотах царь выражал готовность к переговорам и указывал на необходимость обмена большими послами, чтобы «дело делалось». На возврат сторон на позиции начала 1560-х гг. указывает и сходство наказа, данного И. Маркову, с наказами 1560-х гг.⁷¹.

В Крыму с интересом воспринимали рассказы русских дипломатов о победоносном царском походе в Ливонию в 1577 г. В 1578 г. татары и сами напали на Литву во главе с царевичем Адыл-Гиреем. На Украине они не встретили сопротивления войск великого княжества, громили пограничные города практически беспрепятственно. Небольшая стычка была только у г. Острога. Василий Острожский «откупил» нападение татар за 2000 золотых — получив выкуп, крымцы оставили посад нетронутым. Целью похода было добиться от Литвы присылки поминок, и чтобы «свели казаков с Днепра».

⁶⁵ Грамота Е. Д. Ржевского Ивану IV, привезенная в Москву 27 ноября 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

⁶⁶ List króla Stefana do Mikołaja Radziwiłła, Wojewody Wileńskiego, 14 września 1577 r. // Acta Historica res gestes Poloniae illustrantia. Kraków, 1887. Т. XI: Sprawy wojenne Stefana Batorego z lat 1576 – 1586 (далее – АНР). Т. IX. S. 97. Nr. LVII.

⁶⁷ Отчет о приеме посольства Халил-Челибея, декабрь 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 65, 65 об., 72 об.

⁶⁸ Грамота Мусли-аталыка к Ивану IV, ноябрь 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 94 об. – 98 об.

⁶⁹ Грамота Мухаммед-Гирея Ивану IV, ноябрь 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 72 об. – 78.

⁷⁰ В Крым уехал только И. Марков. В. Непейцын и Залешенин Волохов задержались. Их отпуск готовился в апреле 1578 г. (материалы отпуски — РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 271–274а об.). Однако в реальности В. Непейцын отбыл в Крым только с посольством В.В. Мосальского после августа 1578 г. Задержка связана с ожиданием посольства из Крыма — посольства Куремши, которое прибыло в Москву только в августе – сентябре 1578 г.

⁷¹ Отчет о приеме посольства Халил-Челибея, декабрь 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 101, 113, 116 об.; Грамота Ивана IV к Мухаммед-Гирею от декабря 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 107–111; Наказ гонцу в Крым И. Маркову, январь 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 123 об.–126 об., 137–148. — В Крым в январе 1578 г. с Путивля ушел один И. Марков, С. Непейцын остался ждать новых распоряжений царя.

Однако новый польский и литовский король, Стефан Баторий, не стал дожидаться, пока Россия и Крым поймут все выгоды антилитовского союза. Баторий пожаловался Турции, ставленником которой он, по сути, являлся. И султан одернул хана, приказав поумерить пыл и оставить литовские земли в покое⁷². В июне 1578 г. литовские паны надеялись на нападение татар на Москву⁷³. Из Крыма как раз вернулся посол Тарановский, и на турецко-татарскую дипломатию Стефана возлагались большие надежды.

Крым откровенно играл двойную игру. Татарский посол, приехавший с Тарановским, сообщил, что хану вольно стать с Москвой в дружбе. В Литве это расценили как абсурд (*absurda et similia powiada*)⁷⁴. 9 августа (по другой записи, 10 сентября) 1578 г. в Москву прибыл крымский посол Куремша. Посольство приехало с сеунчем об успешном литовском походе: взяли 30 городов, разбили в полевом сражении польскую королевскую рать. Хан обещал в случае заключения договора с Россией еще больше воевать Литву. Грозный ждал приезда крымцев, надеясь, что наконец-то из Бахчисарая прибыли большие послы.

Однако текста шерти Куремша не привез. Вместо этого он вручил грамоту Мухаммед-Гирея, написанную в достаточно жестких интонациях. Хан опять требовал Казань и Астрахань, напоминал об обещании Ивана IV отдать Астрахань, причем грозил «войной и ратью» между двумя «юртами» — Крымом и Русью. Вместе с традиционным требованием поминок в грамоте фигурировали и две новых претензии: усмирить донских казаков и не посылать казаков на Днепр. Правда, хан пошел на некоторые уступки в титулатурном вопросе: Грозный назван: «многие Руси всего христианства государем, братом нашим великим князем»⁷⁵.

10 сентября 1578 г. В. Г. Зюзин, А. Я. и В. Я. Щелкаловы дали Куремше ответ, содержащий отказ по всем пунктам, кроме необходимости заключения мирного договора. Было твердо сказано, что если «царь хочет с нами доброго дела, и прошение о Казани и Астрахани оставит». От связи с донскими, и тем более днепровскими казаками, царь отказался⁷⁶. 19 сентября татарам было объявлено об отправке к ним гонца А. Я. Измайлова. В наказе выражалась готовность к переговорам о мире, но реакция на литовский поход татар продемонстрирована довольно сдержанная. Первостепенной темой диалога с Крымом царь недвусмысленно назвал необходимость мирного договора⁷⁷.

Этот договор должно было заключить большое русское посольство В. Мосальского, дьяка Арменина Шепилова и гонца В. Непейцына⁷⁸. Инструкции для него разрабатывались в августе – сентябре 1578 г., и неоднократно корректировались. Его целью было заключение мирного договора между Россией и Крымом. В наказе посольству особо подчеркивался принцип «адекватности действий»: подарки, которые

⁷² Instrukcyja do Machmet Gieria cara przekopskiego... urodzonemu Marcinowi Broniowskiemu... do tegoz cara posłowi, 4 kwietnia 1578 r. // *Raczyński E.* Pamietniki do historyi Stefana, króla Polskiego, czyli korespondencya tego monarchy, oraz Zbiór wydanych przez niego urządzeń z ręcopismów zebrine i wydane. Warszawa, 1830. S. 134–138. Nr. 1; Грамоты Е. Ржевоты Е. Ржевооты Ивану IV, после марта 1578 г., привезены в Москву в ноябре 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 158, 170 об., 171 об., 172 об., 173 об.

⁷³ List od p. Kanclerza koronnego do p. Marszałka koronnego, 13 lipca 1578 r. // АНР. Т. IX. S. 120. Nr. LXXXIV.

⁷⁴ List od jednego przyjaciela od dworu do p. Marszałka koronnego, 3 sierpnia 1578 r. // АНР. Т. IX. S. 124. N.XC.

⁷⁵ Отчет о приеме крымского посольства Куремши // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 183, 353 об., 362, 374–375 об.; Грамота Мухаммед-Гирея Ивану IV от июня 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 363–370 об.

⁷⁶ Отчет о приеме крымского посольства Куремши // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 416, 418 об., 419.

⁷⁷ Наказ гонцу в Крым А. Я. Измайлову, сентябрь 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 452 об., 456 об.

⁷⁸ Отчет о приеме крымского посольства Куремши // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 186.

делают русские послы, должны точно соответствовать подношением, получаемым русскими, и ни в коем случае не превышать татарских подарков. Пошлин, как всегда, предписывалось не платить, но в то же время об этом «говорити смирно», чтобы «в государеве деле порухи не было».

В наказе по сравнению с 1560-ми годами серьезно изменилась позиция России в отношении антилитовского союза с Крымом. Россия хотела шерти с Крымом, в которой был бы традиционный пункт о войне против недругов «заодин». Но при этом в наказе подчеркивалось, что Россия не должна заключать обязательство участия в боевых действиях именно против Литвы. Дипломаты должны завуалировать свои обязательства в общей формуле: «кто нам недруг, тот и вам недруг»⁷⁹.

В этом плане очень примечателен проект шерти, который был приготовлен для миссии В. Мосальского. В нем, в отличие от проектов договоров 1563–1564 гг., опущен пункт о союзе против литовского короля. Этот вопрос вообще не поднимается. Москве, в общем-то, от ханства ничего не было нужно, кроме ненападения. Зато через заключение договора русская сторона пыталась юридически оформить международное признание ряда принципиальных вопросов. В тексте шерти Иван IV многократно фигурирует с царским титулом, именуется «всея Руси». Татары должны дать обязательство не нападать на русские пограничные города — но основное место в этом списке занимают (впрочем, как и в грамотах 1563–1564 гг.) города, недавно отобранные у Литвы. Тем самым Россия получила бы важное международное признание их принадлежности к державе Ивана Грозного. Очень интересен фрагмент, где Россия берет на себя обязательство не нападать на татарские улусы, причем в этих нападениях не должны участвовать «ливонские люди». В случае принятия шерти Крым стал бы вторым государством (первым была Дания, признавшая по договору 1562 г. русские захваты в Ливонии, сделанные в 1558–1561 гг.), которое тогда бы признало вхождение Ливонии в состав России⁸⁰.

Тем временем пытается изменить крымскую политику и Стефан. 12 сентября 1578 г. подготовлены инструкции для отправки «к царю перекопскому» посольства Марцина Броневского. Ему поручалось напомнить о договоренностях Батория с Турцией, что Крым будет его союзником, обговорить размер высылаемых поминок и склонять к нападению на москвитов⁸¹. Однако усилия Стефана оказались тщетными. Не оправдались и надежды на посредничество султана: в мае 1579 г. королевский посол в Стамбуле Ян Дрогоевский сообщил, что Турция не может повлиять на Крым в данном вопросе⁸².

И русско-крымские, и польско-литовско-крымские дипломатические инициативы 1577–78 гг. закончились безрезультатно. Можно видеть причины неудач переговоров в конкретных эпизодах политического противостояния. Стороны были бы готовы рискнуть за большие деньги или за гарантии военных акций против общих врагов. Но ни Россия, не Литва с Польшей не захотели заплатить Крыму столько, чтобы он однозначно стал бы реальным союзником одной из сторон. А военные акции носили скорей демонстрационный, чем действительный характер. Татар, несмотря на всю риторику, на самом деле устраивала ситуация перманентного противостояния России и Великого

⁷⁹ Наказ посольству в Крым В. Мосальского и А. Шапилова, август 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 212, 214 об., 229 об.–230 об., 231.

⁸⁰ Вариант шертной грамоты, отправленный в Крым с посольством В. Мосальского, август 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 258 об.–263.

⁸¹ Instrukcja JKMści дана Marcinowi Broniewskiemu posłowi do Cara Przekopskiego, 12 września 1578 r. // АНР. Т. IX. S. 140–143. Nr. XCIX.

⁸² List Jana Drohojowskiego posła JKMści w Konstantynopolu do Mikołaja Mieleckiego, Wojewody Podolskiego, 4 vaja 1579 r. // АНР. Т. IX. S. 161. Nr. CXIII.

княжества Литовского, поскольку она обеспечивала бесперебойное функционирование «крымского аукциона». Оказание серьезной союзнической помощи одной из сторон могло привести к ее победе, что автоматически бы ликвидировало сам аукцион, чего в Бахчисарае совершенно не хотели.

В то же время, стоит подчеркнуть, что надежды России на союз с татарами были не столь уж и беспочвенны: в конце XV в. военно-политическое партнерство с Крымским ханством сыграло очень важную роль в ликвидации зависимости Руси от Большой Орды и в противоборстве с Великим княжеством Литовским. То есть прецедент был⁸³. И сама по себе идея использовать альянс с Крымом как военно-политический раздражитель для Ягеллонов была правильной. Насколько реалистичной – другой вопрос. В любом случае, Россия оказалась не готова платить ту цену и идти на те уступки, которые требовал Бахчисарай, чтобы проверить цену слова Гиреев.

Проект договора Московского государства с Крымским ханством в 1563-64 гг.

Л. 102. ^{1 3}Список шертной грамоте цареве и великого князя слово таково, дана Офонасию Нагово, нечто учнетца делати доброе дело⁸⁴.

Бога в Троицы славимаго милостию великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слово своим братом, ²великим царем Великой Орды⁸⁵, з Девлет Киреем царем⁸⁶.

От сего дни⁸⁷ вперед быти нам ⁵в добрей⁸⁸ любви от детей на внучата⁸⁹, ⁷братом⁹⁰ и другом быти впрок, где ни будем⁹¹, другу другом быти, а недругу недругом быти, и на всякого нашего недруга // **Л. 102 об.** обема нам заодин быти, хто мне, царю и великому князю друг, тот и Девлет Кирею ⁹брату⁹² моему друг, а хто мне недруг, тот и Девлет Кирею царю брату моему недруг. А хто Девлет Кирею царю брату моему друг, тот и мне, царю и великому князю, друг, а хто Девлет Кирею царю брату моему недруг, тот и мне, царю и великому князю, недруг.

А на Жигимонта Августа короля полскаго и великого князя литовского, или иной хто государь будет на Великом княжстве Литовском и на полском королевстве, на них обема нам быти заодин. Мне, царю и великому князю на них тебе пособляти, // **Л. 103** а тебе, Девлет Кирею царю, на них мне пособляти. А коли скопят рать свою корол полской и великий князь литовской, пойдет на тебя, Девлет Кирея царя, и мне, царю и великому князю, в то время ¹⁰своее стороне⁹³ идти на его землю и воевати королева

⁸³ Как отмечено А. В. Виноградовым, русско-крымский договор, ратифицированный обоими сторонами, был заключен, но только в 1593 г. (*Виноградов А. В.* Судьба резидента: Афанасий Нагой, дипломат и шпион // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 71).

⁸⁴⁻¹ З: нет

⁸⁵⁻² З: Великие Орды великим царем.

⁸⁶⁻³ Р: Бога всеми владеющего милостью, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слово с своим братом Великие Орды великим царем з Девлет Киреем царем.

⁸⁷ Р: дня.

⁸⁸⁻⁵ Р: о доброй.

⁸⁹ Р: внучат.

⁹⁰⁻⁷ Р: а братом.

⁹¹ Р: будет.

⁹²⁻⁹ Р, З: царю брату

⁹³⁻¹⁰ З: с своее стороны

земля. А поидет король, скопся, на меня царя и великово князя, и тебе, Девлет Кирею царю брату моему в то время с своее стороны идти на королеву землю и воевати королева земля.

А мне, царю и великому князю, и моим детем и моей братье и моим боярам и воеводам и всем воинским людем твоих, брата моего // **Л. 103 об.** Девлет Кирея царя земель и улусов не воевати, также и тех людей, которые на тебя, брата моего Девлет Кирея царя смотрят. И нам на их землях и ¹¹улусах⁹⁴ не стояти и не воевати, а которые наши люди без нашего ведома, и без детей наших веданья, и без ¹²братьев наших⁹⁵ веданья твои, брата нашего Девлет Киреевы царевы земли и⁹⁶ улусы повоюют, и к нам те наши люди придут, и нам их казнити, а взятое отдати, и полон людцкой⁹⁷ без окупа назад отдати.

А тебе, брату моему Девлет Кирею ¹⁵царю⁹⁸, и сыну тво // **Л. 104** ему калге Магмет⁹⁹ Кирею царевичу и сыну твоему царевичу Адыл Кирею и иным твоим детем царевичем и карачеем и уланом и князем и казаком и всем твоим людем моих царя и великого князя Ивана земель не воевати. Также и князей, которые мне царю и великому князю служат, и моим детем и моей братии¹⁰⁰. И тебе, брату нашему Девлет Кирею царю и твоему сыну ¹⁸калге Магмет Кирею царевичу¹⁰¹, ¹⁹и¹⁰² Адыл Кирею царевичу, и иным твоим детем царевичем и карачеем твоим и уланом твоим и князем и мирзам и казаком и ближним и дальним // **Л. 104 об.** и всем воинским¹⁰³ людем на их землях не стояти, и не воевати их земель, также¹⁰⁴ и наших украинских городков¹⁰⁵ не воевати: Путивля, Рылска, Новагородка, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почапа¹⁰⁶, Трубчевска¹⁰⁷, Карачева, Брянска, Козелска, Нугри¹⁰⁸, Белева, Одоева, Мценска, Тулы, ²⁶Дедилова¹⁰⁹, Рязанские украины, Михайлова, Пронска, Рязкого и Мещерские украины все, также и оприч того, которые князи нам служат, и нашим детем, и нашей братье, и на нас которые смотрят. И тебе, брату нашему Девлет Кирею царю и ²⁷твоему¹¹⁰ калге Магмет Кирею царевичу, ²⁸и¹¹¹ Адыл // **Л. 105** Гирею¹¹² царевичу и иным твоим царевичем, и карачеем твоим, и уланам¹¹³ твоим, ³¹и мирзам¹¹⁴, и казаком, и ближним и дальним, и всем ³²твоим¹¹⁵ воинским людем¹¹⁶ тех наших князей, которые на нас смотрят, земель их не воевати. А без твоего брата нашего веданья и без ³⁴калгина¹¹⁷ веданья и без

⁹⁴⁻¹¹ З: в улусех

⁹⁵⁻¹² З: братьи нашей

⁹⁶ Р, З: или

⁹⁷ Р: люцкой

⁹⁸⁻¹⁵ З: нет

⁹⁹ Р: Магмед

¹⁰⁰⁻¹⁷ З: моей братии

¹⁰¹⁻¹⁸ Р: нет

¹⁰²⁻¹⁹ З: и сыну твоему

¹⁰³ З: воинским

¹⁰⁴ Р: также

¹⁰⁵ З: городов

¹⁰⁶ Р, З: Почёпа

¹⁰⁷ Р, З: Трубческа

¹⁰⁸ Р, З: Нугря

¹⁰⁹⁻²⁶ Р, З: Дедилова, Новосили, Пловы и Соловы

¹¹⁰⁻²⁷ Р, З: твоему сыну

¹¹¹⁻²⁸ Р, З: и сыну твоему

¹¹² Р, З: Кирею

¹¹³ З: уланом

¹¹⁴⁻³¹ Р, З: и князем и мирзам

¹¹⁵⁻³² Р, З: нет

¹¹⁶ Р, З: людем

¹¹⁷⁻³⁴ Р: без сына твоего царевича Магмет Кирея калги; З: без сына твоего калги царевича Магмет Киреева

детей³⁵ твоих¹¹⁸ веданья ваши люди наших людей повоюют, или наших князей, которые нам служат и на нас³⁶ смотрят¹¹⁹, а к тебе, брату нашему³⁷ Девлет Кирею¹²⁰ царю ваши люди с наших украин придут, и тебе их казнити, а взятое отдати, и полон людцкой без окупа¹²¹ назад отдати // **Л. 105 об.** Также мои царя и великого князя послы или³⁹ гости куды пойдут от нас, или к тебе Доном и Подем, или¹²² от иных государей от кого ни буди¹²³ пойдут к нам, и твоим людем тех наших послов и гостей, которые к нам или от нас пойдут к тебе, не имати и не грабити. А которые твои люди наших послов или гостей, и тех послов, которые пойдут к нам от иных государей, от кого ни буде¹²⁴, твои люди их их ограбят, а к тебе придут, а¹²⁵ тебе тех людей казнити, а взятое отдати, и полон людцкой¹²⁶ без окупа отдати назад // **Л. 106** А мне, великому князю, и моим детем, и нашей братии¹²⁷ и нашим боярам¹²⁸ и всем нашим воинским людем по тому же¹²⁹ взятое куны и полон людцкой назад отдавати¹³⁰.

А коли посол наш или гонец поидет¹³¹ к тебе, брату нашему, и он идет⁴⁹ прямо к тебе¹³² беспошлинно. А твой посол брата нашего Девлет Кирея царя ко мне, царю и великому князю придет, и он идет прямо ко мне безо всяких пошлин.

А которая обида учинитца у тебя у брата нашего у Девлет Кирея царя над нашим послом, и мне против того⁵⁰ учинить и¹³³ над твоим послом. А котора¹³⁴ обида учинитца и нас // **Л. 106 об.** над твоим послом, и тебе⁵² потому ж учинити¹³⁵ над нашим послом.

А в сей нашей докончалной грамоте, кои слова есми молвили, инако тому не быти. Того для аз¹³⁶, царь и великий князь Иван Васильевич всеа¹³⁷ Руси на сей докончалной грамоте⁵⁵ целовал есми брату моему крест¹³⁸, и печать свою золотую к сей грамоте велел привесити.

Писано в¹³⁹ государства нашего дворе града Москвы лета от Создания Мира¹⁴⁰ 7071¹⁴¹.

*Первый вариант, составленный в Москве в марте–апреле 1563 г.
и посланный в Крым с послом А. Ф. Нагим
(РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 102–106 об.)*

¹¹⁸⁻³⁵ Р, З: твоих царевичей

¹¹⁹⁻³⁶ Р, З: смотрят, повоюют

¹²⁰⁻³⁷ Р: к Девлет Кирею

¹²¹ З: окупу

¹²²⁻³⁹ Р, З: или гости поидут х тебе, брату нашему, или и куды куды поидут от нас подем или Доном, или

¹²³ З: будь

¹²⁴ З: буди

¹²⁵ Р, З: и

¹²⁶ Р: люцкой

¹²⁷ З: братье

¹²⁸ З: бояром

¹²⁹ Р, З: ж

¹³⁰ З: отдати

¹³¹ Р: придет

¹³²⁻⁴⁹ Р: к тебе прямо

¹³³⁻⁵⁰ З: учинити

¹³⁴ З: которая

¹³⁵⁻⁵² Р, З: учинити потому ж

¹³⁶ Р, З: яз

¹³⁷ Р, З: всея

¹³⁸⁻⁵⁵ Р, З: тебе, Девлет Кирею царю, брату своему целовал есми крест

¹³⁹ Р, З: во

¹⁴⁰ Р, З: Миру

¹⁴¹ Р, З: 7072

Разночтения:

Р — второй вариант, составленный в Москве в сентябре 1563 г. и посланный в Крым с послом Е. Д. Ржевским (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 259–263 об.)

З — третий вариант, составленный в Москве в марте 1564 г. и отправленный в Крым с гонцом Г. П. Злобиным (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 476–479 об.)

**Проект договора Московского государства
с Крымским ханством 1578 г.**

Л. 258 об. Великие Орды великого царя Магмет Киреево цареву слово с своим братом со царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси от сего дни быти нам в добрый любви от детей и на внучага, братом и другом быти.

Впрок, где ни будем, другу другом быти, а недругу недругом быти, и на всякого нашего недруга обема нам заодин быти. Хто мне, Магмет Кирею царю, друг, тот и царю и великому князю // **Л. 259** брату моему друг. А хто мне, Магмет Кирею царю, недруг, тот и царю и царю и великому князю Ивану, брату моему, недруг. А хто царю и великому князю ивану, брату моему, друг, тот и мне, Магмет Кирею царю, друг. А хто царю и великому князю Ивану, брату моему, друг, тот и мне, Магмет Кирею царю, друг. А хто царю и великому князю брату моему недруг, тот и мне, Магмет Кирею царю, недруг.

А мне, Магмет Кирею царю, и моему брату, калге Адыл Гирею царевичу и братьям моим царевичем и моим детем царевичем и карачеем и князем и мурзам и казаком и всем нашим людем, ближним и далним, и всем нашим воинским людем, твоих // **Л. 259 об.** брата нашего царя и великого князя земель не воевати. И также и князем, которые тебе служат, и на тебя служат, и нам на их землях не стоять и их земель не воевать.

Также мне, царю Магмет Кирею, и брату моему калге царевичу Адыл Гирею, и иным моим братьям царевичем и моим детем царевичем и карачеем моим и уланом и князем и мурзам и казакам и всем ближним людем и далнем и всяким воинским людем твоих, брата моего, царя и великого князя Ивана // **Л. 260** украинных городов не воевати: Путивля, Рылска, Новгородка северского, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почепа, Трубъческа, Брянська, Карачева, Козелска, Нугря, Белева, Одоева, Мценска, Тулы, Дедилова, Новосили, Плавы и Соловы, Рязанские украины Михайлова, Пронска, Донкова, Рязского города, Мещерские украины вся.

Также опричь того, которые князи брату моему царю и великому князю служат, и на него смотрят, и мне, царю Магмет Кирею царю, и моему брату калге царевичу Адыл Гирею // **Л. 260 об.** и иным моим братьям царевичем и моим детем царевичем и карачеем моим и уланом и князем и мирзам и казаком ближним и дальним и всем воинским людем, тех земель не воевати, и на их землях не стояти.

А которые люди без нашего веданья, и без наших братьев веданья, и без наших детей веданья наши люди ваших людей повоюют, а к нам придут, а нам их казнити, и взята отдати, и полон людъцкой без окупа нам тебе // **Л. 261** брату нашему, царю и великому князю назад отдати.

И также и тебе, брату моему, царю и великому князю и твоим бояром и воеводам и всем воинским людем моих, Магмет Кирея царя, и наших братьей царевичей, и наших детей царевичей земель не воевати, и в улусах не стояти. А которые твои воеводы и ливонские люди, без твоего ведома, а нашу землю и улусы повоюют, а к вам те люди придут, и тебе, царю и великому князю, брату моему, их казнити, а взятое отдати,

а полон людцкой без окупа назад отдати // **Л. 261 об.** Так же твои, брата нашего и великого князя послы или гости куды пойдут от тебя, или к тебе, Доном или Подем, или от иных государей от кого ни буди пойдут к тебе, брату нашему, послы или гости, и нашим людем твоих послов или гостей, которые к тебе или от тебя пойдут, ни имати, ни грабити. А которые наши люди твоих послов или гостей, и тех послов, которые к вам пойдут от иных государей, от кого ни буди, наши люди пограбят, а к нам придут, и нам их казнити, а взятое отдати, // **Л. 262** и полон людцкой нам отдати тебе без окупа.

А тебе, брату нашему и великому князю потому ж нашим людем взятое, куны и полон людцкой нам назад отдати, а лихих казнити. А инако ти того не учинити.

А коли наш посол от меня пойдет к тебе, брату нашему царю и великому князю Ивану, мой идет прямо к тебе безошлинно, а твой посол брата нашего ко мне, Магмет Кирею царю, придет, и он идет прямо ко мне безо всяких пошлин.

А которая обида учинитца у нас твоим послом, и тебе, царю // **Л. 262 об.** и великому князю, брату моему, то учинити против над нашим послом, а которая обида учинитца у тебя, царя и великого князя брата моего над нашим послом, и мне потому ж учинити над вашим послом.

А в сей нашей шертной грамоте, кои слова есмя молвити инако, тому не быти. Того для яз, Магмет Кирей царь в головах, и брат мой калга Адыл Гирей царевич, и иные мои братья царевичи, и дети мои царевичи, и карачеи наши, и уланы, и князи, и мирзы крпко шерть дали есма, и печать есми свою золотую к сей грамо // **Л. 263** те приложил. Лета 7000 [...]

Составлен в Москве в августе 1578 г. и отправлен в Крым с посольством В. Мосьского и А. Шатилова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 258 об.–263). Отражает вариант, на котором должен был присягнуть хан. Вариант, предназначенный для царской присяги, дефектен, перепутаны листы, отсутствует конец грамоты (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 263–266).

Донесение князя А. М. Курбского польскому королю. 1564 г.*

Существование публикуемого ниже документа уже давно известно многим исследователям эпохи Ивана Грозного. Честь его открытия в Рижском архиве принадлежит Г. А. Новицкому¹, однако он ограничился лишь пересказом сопутствующего архивного описания. Несколько лет спустя Р. Г. Скрынников обратился к этому свидетельству при описании бегства Курбского и привел небольшую цитату из него, касающуюся сношений князя с графом фон Арц². Наиболее полно содержание этого донесения представлено в книге немецкого ученого И. Ауэрбах³. Но на русский язык текст целиком не переведен и никогда ранее не публиковался. Между тем — это первое по хронологии появления иностранное свидетельство о бегстве Курбского в апреле 1564 г., проливающее свет на деятельность Курбского в Ливонии и обстоятельства этого бегства.

Подлинник документа хранится в Государственном историческом архиве Латвии (Latvijas Valsts vēstures arhīvs), F. 673 (Rīgas Rītes Ārējais Arhīvs = Рижский магистрат, внешний архив), Ар. 3, К. 8, № 35, К. 1–6. Это — беловая копия с оригинального известия, составленная в первой половине 1565 г. Большая часть текста написана одним почерком готическим курсивом, бумага датируется по водяным знакам 1550-ми гг. (Piccard, № 31421). Оригинал написан на немецком языке. Перевод с немецкого выполнен В. Е. Поповым, вступительная статья и комментарии — А. И. Филюшкиным и В. Е. Поповым. Приносим благодарность дирекции Государственного исторического архива Латвии за разрешение публикации перевода документа.

Донесение князя А. М. Курбского польскому королю. 1564 г.

Донесение о том, что сообщил господин Андрей Михайлович Курбский о ливонских и московских делах.

Первым делом он высоко превозносил свою верность и службу своему господину, великому князю Московскому, в частности, что он не пренебрегал своими обязанностями и не упускал ничего, что могло бы принести его господину славу, честь, процветание и прибыль, и теперь, поскольку он примкнул к королевскому величеству, он хотел бы так же служить и ему. Поэтому он решил предупредить королевское величество о вещах, которые не терпят промедления, но, напротив, исключительно срочные, и настоятельно хотел бы явиться к нему для встречи.

Затем он поведал и рассказал, что сословия, дворянство и города ливонской земли уже согласились и обещали великому князю свою верность, и что это он подговорил и склонил их к этому посредством переговоров и заключенного тогда договора. Произошло же это следующим образом: Вейланд, господин архиепископа Рижский и проч.⁴, воспитывал при своем дворе одного молодого человека по имени Иоганн Таубе, который позже был взят в плен, отправлен в Москву и находился там некоторое время⁵.

¹ Новицкий Г. А. Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестник МГУ. История. № 3. С. 37–38.

² Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 59–60.

³ Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985. S. 98–103.

⁴ Вероятно, описка: Герман Вейланд (Везель) был епископом Дерпта.

⁵ Род Таубе (или Туве) принадлежал к высшей ливонской знати и располагал огромными именьями. Его представители служили советниками в ордене (Отто Таубе), а также в Рижском архиепископстве (Георг Таубе) и епископстве Дерптском (возможно, этим объясняется путаница с титулом Г. Вейланда: см. выше, прим. 13.). Иоганн Таубе принимал участие в посольстве в Москву в 1558 г., в январе 1559 г.

Тогда же его отец⁶ приложил много труда и усилий, чтобы его высвободить, в частности, добивался и просил обменять на него боярина Темкина, взятого здесь в плен⁷. Но после того, как этот Темкин не был отпущен его королевским величеством, Иоганн Таубе был вынужден связать себя с великим князем присягой и вместе с тем обещал предоставить свои услуги в Ливонии. За это он тогда получил много больших подарков именьями и из казны⁸, и все потому, что его отец, как утверждали, был известный и уважаемый в Ливонии человек. Иоганн Таубе обещал великому князю позаботиться о том, чтобы при посредничестве его отца все ливонское дворянство склонилось к тому, чтобы сдать Московиту, и потому упомянутый Таубе был послан великим князем к отцу, в Дерпт, чтобы он через него мог начать и вести переговоры как с рижанами, так и с рыцарством, общее собрание которых проходило тогда в Берзоне⁹ на границе. И после переговоров, проведенных с рижанами и дворянами, упомянутый Иоганн Таубе написал воеводе Андрею ответ, что они все вместе решили подчиниться великому князю, как только он снарядит и пошлет двадцать тысяч человек к Риге, а также обещали великому князю передать в руки и во власть его величества всех комендантов и чиновников королевского величества, плененных и связанных, а также замки. И они обещали, среди прочего, принести для большей верности его царскому величеству

был взят в плен. (*Таубе М. А.* Иоганн Таубе, советник царя Ивана Грозного // Новый журнал. 1963. № 71. С. 160–170; *Schiemann T.* Johann Taube und Eilard Kruse. Zwei Veräther // Schiemann T. Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts. Mitau, 1877. S. 1–30). Значительная часть того, что рассказывает далее Курбский, находит подтверждение в письмах Таубе 24 ноября 1563 г. (Два письма Иоганна Таубе // Исторический архив. 1962. № 3. С. 141–156).

⁶ Вольмар Таубе был советником Дерптского епископа (*Bienemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1865. Bd. 1. № 89. S. 150, 154.). Родственные и дружеские связи в среде ливонского нобилитета делали его действительно значимой фигурой в политической жизни страны.

⁷ Вероятнее всего, имеется в виду князь Василий Иванович Темкин-Ростовский. О времени и месте его пленения точных сведений нет: официальные переговоры о его освобождении велись в 1566 г. (Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 71. С. 413, 420 и след.), однако уже после упоминания в послушной грамоте 4 февраля 1561 г. (*Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 76, прим. 402.) имя его надолго исчезает со страниц источников. Интересно, что в этой грамоте Темкин назван боярином, что отчасти подтверждает наше предположение: если ливонские источники зачастую именуют боярами всех русских командиров или детей боярских (*Schirren C.* Quellen zur Untergang der livländischen Selbstständigkeit. Reval, 1862. Bd. 2. № 129. S. 45; № 146. S. 74; ср. у И. Реннера: «боярин (по-немецки знатный человек)» — *Johann Renners Livländische Historien / Hrsg. von R. Hausmann, K. Höhlbaum.* Göttingen, 1876. S. 161), то для Курбского, самого имевшего боярский чин, подобный титулярный вопрос едва ли мог быть второстепенным. См. также: *Володихин Д. М.* Честолюбивый каратель: карьера князя Темкина в опричнине // Родина. 2009. № 10. С. 105–107.

⁸ По словам самого Таубе, 1000 десятин земли, именья под Дерптом, 200 руб. ежегодного жалованья, а также шубы и платья (Два письма Иоганна Таубе... С. 152.).

⁹ Замок Берзон (ныне Берзауне в Латвии), находившийся на территории Рижского архиепископства, с XIV в. принадлежал влиятельному роду фон Тизенгаузен (*Baltisches historisches Ortslexikon.* Köln, 1990. Teil 2: Lettland. S. 71–72), с которым Иоганн Таубе состоял в близком родстве: он был женат на Елизавете Тизенгаузен (*Schiemann T.* Johann Taube... S. 10.). Именно Генриху фон Тизенгаузену цур Берзон, управляющему замками в Рижском архиепископстве, И. Таубе направил одно из своих писем с предложением перейти на сторону великого князя. Но как ни велико было влияние Тизенгаузена в Ливонии, трудно считать общим собранием рыцарства родственный круг, собравшийся тогда в замке (Вольмар Таубе, Генрих фон Тизенгаузен, Лоренц Оффенберг, Юрген Прейсс, Кристофер фон Тизенгаузен — *Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1560–1564): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv / Hrsg. von S. Hartmann.* Köln; Weimar, 2008. S. 471. № 3252/1). Тем более, что о письме Таубе было сразу сообщено Кеттлеру (*Ibid.* S. 471. № 3252). Несколько преувеличенным оказался также масштаб переговоров Курбского с Ригой: во время устроенного польским королем по горячим следам разбирательства выяснилось, что князь имел в виду лишь нескольких купцов: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 102.

присягу¹⁰, но в обмен на это великий князь должен был прислать им с воеводой Андреем лично большую особую привилегию с подвешенной позолоченной печатью, каковая привилегия, однако, до сих пор не была им вручена, хотя великий князь был готов отослать таковую наряду с войском в 20 000 человек, как говорилось выше. Но один человек по имени Иван Петров¹¹, который теперь там заседает в правительстве и пребывает в большом почете и милости, помешал этому, потому что он как-то тоже был главой Дерпта и, тем не менее, не сделал и не совершил ничего для славы своего господина, великого князя, и потому не желал ему [Курбскому] такой или подобной чести. Великий князь, однако, последовал его совету и послал вышеупомянутое войско не на Ригу, но в земли его королевского величества¹², которое затем и погибло вместе с воеводой Шуйским¹³, и это стало помехой к исполнению того, что было обговорено с рижанами и рыцарством, и упомянутая привилегия не была им [Курбским] передана рижанам. И, рассказывая об этом, он в то же время вспомнил графа фон Арца, а именно, что он его также уговорил связать себя клятвой с великим князем и сдать залоговые замки герцога Финляндского¹⁴. Об этих делах, по его словам, ему много

¹⁰ Надо полагать, что где-то в этом предложении переписчиком допущена описка: либо он дважды по недосмотру называет Ивана IV «величеством», причем во второй раз «царским величеством», что, хотя и нехарактерно для этого документа в частности и ливонской традиции вообще (см., напр.: *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt/Main, 1972. S. 220–222.*), но все же встречается в источниках (ср., напр., в дневнике ливонского посольства в Москву в декабре 1557 г.: *Schirren C. Quellen zur Untergang... Reval, 1862. Bd. 2. S. 19. № 117*). Здесь фраза «die Promotorial schriftten dem Kayser zu vberandtwordtenn» не является, — в отличие от других многочисленных случаев употребления царского титула в этом документе, — передачей прямой речи; или же здесь пропущено отрицание, и тогда фразу надо понимать в том смысле, что рижане и дворянство обещали не приносить присягу польскому королю (к последней трактовке склоняется И. Ауэрбах: *Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 98*). Последнее представляется менее вероятным, поскольку, во-первых, в тексте исправлены все прочие пропуски, но не описки (см. прим. 1–7 и 8.), и, во-вторых, к описываемому моменту ливонское дворянство и Рига уже присягнули на верность Сигизмунду Августу (*Dogiel M. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae, 1758. T. V. P. 236. № 136; P. 256. № 143.; Bienemann F. Briefe und Urkunden... Riga, 1876. Bd. 5. S. 452–453. № 905–906*).

¹¹ Конюший боярин Иван Петрович Федоров-Челяднин был воеводой в Дерпте в 1561–1563 гг., т. е. непосредственным предшественником Курбского на этом посту (Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 92, 139.). Позже Курбский назовет его «мужем светлым в роде» (История о великом князе Московском // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 406).

¹² Согласно летописи (ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 373) в декабре 1563 г. польским послам было отказано в краткосрочном перемирии на том основании, что «великого князя собрана в Литовскую землю зимняя рать». О том, что рать эта отправлялась именно в Литву, косвенно свидетельствует тот факт, что отказ последовал несмотря на предложение послов не включать в перемирие ливонские земли. Возможно, решение о направлении зимней кампании стало следствием неудачи Курбского под Гельметом (см. ниже, прим. 23). Добавим также, что И. П. Федоров был в это время в Москве и принимал участие в переговорах (Сб. РИО. Т. 71. С. 168–169, 281–282.).

¹³ Имеется в виду битва при Уле (Чашникаев) 26 января 1564 г. и гибель князя Петра Ивановича Шуйского. Противник Шуйского в этой битве, гетман Н. Радзивилл, оценил в победной реляции русское войско в 17 000–18 000 человек, притом что сами русские пленные называли цифру в 20 000 (Копия с письма присланного в Варшаву на имя пана Радзивилла великим гетманом литовским // ЧОИДР. М., 1847. № 3. С. 2.). Эти цифры, видимо, преувеличены. (Ср.: *Янушкевич А. М. Вялікія Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 74–90*). Р. Г. Скрынников полагает, что виновниками этого поражения царь считал бояр М. П. Репнина и Ю. И. Кашина (*Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 147*). И. П. Федоров же вообще не упоминается в связи с этими событиями.

¹⁴ Об этой авантуре сообщают все без исключения ливонские хронисты. Граф фон Арц, происхождение которого туманно (*Henning S. Livländische Churländische Chronica // Scriptorum rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Bd. 2. S. 245*), был назначен герцогом Финляндским Юханом управляющим семью замками в Ливонии (Гельмет, Каркус, Эрмес, Трикат, Руйен, Буртнек, Вайссенштейн), которые он получил от польского короля в залог ссуды и приданого сестры Сигизмунда Екатерины. Уже в апреле 1563 г. шведы отмечают добрососедские отношения между Дерптом и Гельметом (*Schirren C. Ver-*

было известно, и они были свежи в его памяти, но он многое позабыл во время своего опасного бегства. И хотя он сильно подорвал свое здоровье, когда бежал из замка, ибо он никак иначе не мог спасти свою жизнь, кроме как быстрым и спешным бегством, он все же хотел бы открыть и сообщить его величеству главные статьи и основные пункты упомянутой выше привилегии¹⁵.

Раз и навсегда великий князь обещал сохранить принятую и исповедуемую сейчас религию, не менять ничего в церквях, не перекрещивать никого против воли, сохранить привычные права, суды и привилегии, и чтобы наместник великого князя не судил бы без участия ливонских сословий. И в особенности если между ним и кем-нибудь из ливонцев возникнут споры, и они сами не смогут договориться, то эти споры должны быть доставлены к самому великому князю по скорой почте, бесплатно через всю Московию. Рижский замок великий князь оставит рижанам. Наместник же его, который должен заседать в резиденции ливонских магистров, должен иметь право продавать и отпускать любые товары кому угодно, а также позволять их вывоз за море, и великий князь так же и рижанам разрешает свободную торговлю, без пошлин и податей по всей своей стране. И именно это и было, по его [Курбского] мнению, основной причиной принятого ими решения сдаться и подчиниться, так как некоторое время спустя рижане жаловались великому князю на то, что после того, как он завладел Полоцком, откуда они получали свое пропитание и прибыль, причем такую, что, как он сам говорил, вся Ливония была осыпана золотом, они были лишены этой прибыли и торговли, да к тому же после завоевания Полоцка прекратились поставки из Витебска, которые были для них не менее выгодными¹⁶. Поэтому они, в надежде поспособствовать своему благу, обратили свои сердца к великому князю и заключили с ним сделку и пакт, что они ежегодно будут содержать для него на собственные средства пятьсот всадников, или же, если они не захотят послать их в войско великого князя, выплатят столько наличных денег, сколько требуется для содержания такого числа воинов, каковая сумма должна была бы составить в крайнем случае двадцать шесть тысяч талеров¹⁷. Они также хоте-

zeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1861–1868. S. 103. № 1685). 8 ноября 1563 г. датируется царская жалованная грамота графу на замок Тарваст в обмен на передачу залоговых замков герцога Юхана (Ibid. S. 108. № 1741). И. Таубе утверждал, что графу было обещано также 7000 марок годового жалованья. (Два письма Иоганна Таубе... С. 154.). В самом конце ноября Курбский, надеясь на выполнение договоренностей, подошел к Гельмету, но был встречен выстрелами со стен и должен был отступить: как выяснилось позже, граф фон Арц был схвачен собственными людьми, выдан Кеттлеру и жестоко казнен в Риге месяц спустя. (Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. СПб., 1881. Т. 4. С. 35–36, *Böhtführ H. Jürgen Padel's und Caspar Padel's Tagebücher // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Ehst-, Liv- und Kurlands. 1886. Bd. 13. S. 360ff.*).

¹⁵ Описанные ниже в общих чертах пункты привилегии вполне согласуются с тем, что нам известно о политике московских властей в Ливонии на примере Дерпта (Ср.: *Филлошкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (Новые документы) // *SSBP. 2008. № 1 (3). С. 78–83*).

¹⁶ Торговый оборот между Полоцком и Ригой действительно увеличивался на протяжении всей первой половины XVI в. (*Angermann N.* Nowgorod — das Kontor im Osten // *Die Hanse — Lebenswirklichkeit und Mythos. Hamburg, 1989. Bd. 1. S. 105*). О связях Витебска с Ригой см.: *Дзярновіч А.* Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі. Мінск, 2005. Вып. 1. Дакументы гаспадарча-гандлёвага XV–XVI ст.

¹⁷ Эти цифры как будто заслуживают доверия в том отношении, что в то же самое время содержание одного рейтара обходилось литовской казне ежемесячно в 180–360 грошей (*Lesmaitis G.* LDK samdomosios kariuomenės dydis ir išlaikymo kaštai Livonijos karo pirmojo etapo metu (1557–1569 m.) // *Lietuvos istorijos metraštis. 2004. № 2. Vilnius, 2005. P. 51*), что составляет приблизительно 6–12 рейхс-талеров или несколько меньше, т.к. ценность грошей по отношению к талеру в это время падала (*Wörterbuch der Münzkunde. 2. Aufl. / Hrsg. von F. v. Schrötter. Berlin, 1970. S. 759*). Несколько позже Сигизмунд Август платил отряду из 500 наемников в Пернове 4000 талеров в месяц (*Kirmis M.*

ли сдать и передать во власть и на усмотрение великого князя все замки и крепости в стране. Что же касается герцога курляндского¹⁸, то, хотя рижане дали ему [Курбскому] знать, что тот не склонен к такому союзу и им нельзя довериться ему и открыться, он, тем не менее, как только дворянство, коменданты, наместники и горожане предадутся великому князю, волей-неволей будет вынужден последовать за ними и согласиться на это. И хотя курляндский герцог в этом случае не вел с ним переговоров, он, тем не менее, когда королевское величество Дании направил посла доктора Захария¹⁹ к великому князю, обратился к нему [Курбскому] и просил, чтобы он наилучшим образом рекомендовал его своему господину, великому князю²⁰, и между прочим сообщил, что он заслужил у римского императорского величества и всех князей и сословий империи большую благодарность и похвалу за то, что подчинил эту императорскую провинцию королевскому величеству²¹, но за все это он до сих пор не получил большого вознаграждения от королевского величества. Еще он хранил при себе много ливонских писем,

Handbuch der polnischen Münzkunde. Posen, 1892. S. 56.), а Стефан Баторий во время осады Пскова выплачивал 1500 валлонцам и шотландцам Юргена Фаренсбаху 10 000 венгерских гульденов, т.е. примерно 15 000 талеров (*Schiemann T. Jürgen Fahrensbach. Ein Bild baltischen Kriegerlebens // Schiemann T. Charakterkörpe... . S. 59.*). Цифра 5 талеров в месяц на одного кнехта следует из счета, приложенного к письму Иоганна фон Гете прусскому герцогу Альбрехту от 12 сентября 1567 г. Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1565-1570): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv / HRSG. von S. Hartmann. Berlin, 2008. S. 122. № 3532/1). Шведские источники 1563 г. называют цифры в 6–8 талеров (*Schirren C. Verzeichniss... . S. 105. № 1719, 1720*). Таким образом, расчеты рижан — 52 талера на одного рейтара в год — кажутся хоть и заниженными (что, впрочем, легко объяснимо), но вполне оправданными. Интересно, что в 1586 г. один из предводителей горожан во время календарных смут, Мартин Гизе, спасаясь в Швеции, рассказывал герцогу Карлу Седерманландскому, что «... в мирное время город имеет по крайней мере 40 000 талеров дохода и в случае нужды можно во всякое время иметь в распоряжении четыре или пять сотен кнехтов» (Ливонская летопись Франца Ниенштедта... . С. 71.).

¹⁸ Готтард Кеттлер, герцог Курляндии в 1562–1587 гг. и наместник задвинской Ливонии в 1562–1566 гг. Последней должности он лишился в пользу Яна Ходкевича из-за подозрений польского короля в его связях с царем. Удивительно, но жизнь последнего магистра Ливонии до сих пор не стала предметом монографического исследования. См.: *Mattiesen H. Gotthard Kettler und die Entstehung des Herzogtums Kurland // Baltic History. Columbus (Ohio), 1974. P. 49–59; Klocke F. v. Gotthard Kettler (um 1517–1587) // Westfälische Lebensbilder. 1931. Bd. 2. S. 411–438.*

¹⁹ Хорошо известный по русским источникам датский посол доктор Захариас Феллинг прибыл, согласно посольским книгам, из Эрмеса (находившегося в это время еще под управлением графа фон Арца) в Дерпт около 14 ноября (РГАДА. Ф. 53 (Сношения с Данией). Оп. 1. Д. 1. Л. 391–391 об.) и оставался там по крайней мере до 24 ноября (Два письма Иоганна Таубе... . С. 153).

²⁰ Ровно с такой же просьбой Г. Кеттлер обратился в сентябре 1563 г. к возвращавшемуся из Дании посольству князя А. Ромодановского: «Он бил челом, чтобы мы об нем печаловались тебе, государю». Сверх того, герцог там же безвозмездно отпустил плененного сына боярского Федора Грозного и одарил послов вином (Статейный список российского посольства в Данию в 1562–1563 г. // Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 453–455.).

²¹ 4 декабря 1561 г. Кеттлер отправил саксонскому курфюрсту и, вероятно, прочим князьям империи письмо, в котором извинялся и оправдывал свой поступок крайней необходимостью и просил заступиться за него перед императором (*Reimann E. Das Verhalten des Reiches gegen Livland in den Jahren 1559 bis 1561 // Historische Zeitschrift. München, 1876. Bd. 35. S. 380.*). Между тем первой реакцией императора Фердинанда стала фактическая отмена в мае 1562 г. запрета на торговлю с Россией, мотивированная тем, что ливонцы сами сносились с русскими и так мало ценили свою связь с империей, что отделились под покровительство иноземных государей (*Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. 1. С. 269–270.*). Впоследствии император призывал коадьютора Рижского архиепископа Кристофа Мекленбургского выступить против подчинения Ливонии любому из соседей (Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1560-1564)... . S. 178–179. № 2928; S. 179. № 2930) и поддерживал планы ордена восстановить свою власть в Ливонии при помощи Москвы (Два письма Иоганна Таубе... . С. 150, 155.). Безусловной поддержки Кеттлер мог ожидать только от курфюрстов из рода Гогенцоллерн (бранденбургский курфюрст Иоахим II и прусский герцог Альбрехт) и некоторых протестантских князей империи (мекленбургский герцог Иоганн Альбрехт). Ср.: *Schirmacher F. Johann Albrecht I. Herzog von Mecklenburg. Wismar, 1885. Bd. I. S. 637ff.*

в которых сообщалось, каким образом курляндский герцог будто бы часто при своих жаловался на королевское величество, и ему жутко, что король увидит своими глазами, какие слова, недостойные того, чтобы стоять здесь на бумаге, были произнесены. Но он сразу попросил, чтобы королевское величество из-за этого его свидетельства не подвергал бы курляндского герцога опале, и не гневился бы на него и не наказывал, ибо ни единого слова или буквы из того он не слышал от него самого. Кроме того, комендант Гермета²², который приходится курляндцу родственником, когда он [Курбский] бежал туда из дома, пристал к нему и выпрашивал, не узнал ли он чего от посла датского короля доктора Захарии и о чем они разговаривали, на что тот коротко ответил, что ни о чем особенном они не разговаривали и быстро отделился от коменданта, так как боялся узнать от него что-нибудь такое, что ему было бы не сносить головы. Тем более что там же, в Гельмете, или Гермете, его жизнь была в большой опасности, у него отобрали все его речи и все, что он еще при себе имел, а комендант Гермета хотел послать его в Ригу, а не в Вольмар²³, но он через одного немца²⁴ добился того, что об этом доложили Полубенскому²⁵, после чего он безбоязненно мог отправиться в Вольмар. Затем он рассказал, что ко двору королевского величества были направлены пять шпионов из ливонцев, которые должны были осведомиться о королевском войске и кампаниях, из которых трое снова прибыли к нему, а двое со временем не вернулись, и они написали ему, что они получили должность отца Иоганна Таубе и капитанство в Зесвегене²⁶, и там им было удобнее и сподручнее вести с ним переговоры.

И он рассказал еще много такого и подобного об этих делах, но описанное выше — это главное, что необходимо знать королевскому величеству. Напоследок же и в довершение всего он прибавил, что, если королевское величество после этого его увещания и предостережения не улучшит надзор в этой земле, то надо опасаться, что она в течение нескольких месяцев сдастся врагу, а полковник Полубенский же и все прочие как их там, будут пойманы, как птицы, и выданы великому князю. И пусть королевскому величеству будет угодно считать, что эта провинция, так сказать, ему заново преподнесена и спасена благодаря нему и сделанному им откровению. Поэтому он Богом просил, чтобы королевское величество незамедлительно отправил в эту землю несколько тысяч солдат.

²² Замок Гельмет (ныне Хельме в Эстонии) был одним из нескольких замков, которые польский король выговорил себе в обмен на помощь ливонцам в уплату военных издержек, но уже в 1562 г. передал их в залог герцогу Финляндскому. Интересно, что в свое время граф Арц избрал именно Гельмет своей резиденцией (*Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. СПб., 1879. Т. 2. С. 139; *Heinrich von Staden.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hrsg. von F. Epstein. Hamburg, 1964. S. 173). Комендантом замка был в это время Георг фон Вальсторп, с которым Курбский некоторым образом состоял в переписке: 10 декабря 1563 г. дерптский наместник требовал у Вальсторпа освобождения графа Арца, на что гельметский комендант отвечал неделей позже решительным протестом от своего лица и от лица всего дворянства области Гельмет против предательских замыслов графа, добавив, что они признают своим господином только польского короля либо герцога Финляндского (*Schirren C.* Verzeichniss... S. 108. № 1747, 1750).

²³ В Вольмаре (ныне Валмиера в Латвии) находилась ставка А. И. Полубенского (*Schirren C.* Verzeichniss... S. 99. № 1662), где Курбский мог чувствовать себя в безопасности, в то время как в Риге он имел все основания опасаться встречи со своими недавними партнерами по тайным переговорам.

²⁴ Ауэрбах осторожно предполагает в этом немце Александра Кенига, бывшего слугу графа Арца (*Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij...* S. 101.).

²⁵ Литовский князь Александр Иванович Полубенский, региментарь войск гетмана Радзивилла, староста Вольмарский.

²⁶ Ядром владений семьи Таубе на территории Рижского архиепископства был замок Зесвеген (ныне Цесвайне в Латвии), вновь пожалованный Иоганну Таубе польским королем в 1572 г. (Ливонская летопись Франца Ниенштедта... С. 45.).

Грамота Нарвского наместника Ф. И. Чулкова в Колывань о нападениях на нарвских торговых людей, 16 октября 1565 г.

Л. 27 Божьею милостью царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, Володимерскаго, Московскаго, Ноугородскаго, и царя Казанскаго, и царя Асѣтроханскаго, и государя Псковскаго и великого князя Смоленскаго, и великого князя Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкаго, Болгарскаго и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговскаго, Резанскаго, Вологодскаго¹, Ржевскаго, Белскаго, Ростовскаго, Ярославскаго и Белозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Конденскаго и Себерские земли Северские страны повелителю и государя Ливонские земли града Юрьева и Полотцкаго и иных.

Из Ругодива² от воеводе от Федора Ивановича Чулкова³, Свейскаго, Готцкаго и Венденскаго короля в город Колывань, бурмистром и посадником и ратманом и полатником города Колывани. Били нам челом государевы царевы великого князя Ивана Васильевича всея Руси ругодивские немцы ратманы Захария Дядинда полатник, // Л. 27 об. Родивон Лимборх и все ругодивские немцы. Посылали, деи, они сего лета, 7073, корабли свои с товары за море. И вашего, деи, города Колывани колыванские воинские люди те их корабли с товары имали и товары грабили, и в Колывань, а иных в Стеколно⁴ водили.

А нонеча ругодивские немцы били нам челом, что они посылаю из Ругодива за море воих четыре корабли с своими товары, Да в тех жо, деи, в четырех караблех голянских да анбарских немец товар. И идее и слух дошел, что колыванские немцы стоят заставою на море и хотят, деи, на те их корабли приходи и товары их грабити, и за море, деи, они тех ругодивских немец на караблех и с товары не хотят пропустити. И то вы чините не горазно, что государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси ругодивских немец колыванские воинские люди на море корабли имают и товар грабят и в заморские их города торговати не пропущают.

А мы по царя своего государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси на казу вашим колыванским немцом торговым людем даем в Ругодиве торг поволной, всякими товары торговати, и их в Колывань отпушаем безо всякаго задержанья, // Л. 28 и шкоты их и обиды некоторые и управу им даем во всяких делех без волокит, — но и вы б такожа государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси ругодивских немец карабли и с их товары за море пропущали безо всякаго задержания с нашими воеводцкими и проезжими грамотами и за нашими печатми, шкоты б им и обиды не чинили никоторые.

А которые и иные карабли заморских городов из государевы царевы великого князя Ивана Васильевича всея Руси вотчине из города из Ругодива пойдут за море, а у них будут наши воеводцкие проезжие грамоты с нашими печатми, и ваши б колыванские воинские люди и тех заморских городов торговых людей и с их товары на караблех

* Впервые опубликовано: *Филлюшкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 87–88.

¹ Ошибка переписчика. Вместо «Вологодского» должно быть «Полоцкого».

² Ругодив — русское наименование Нарвы.

³ Ф. И. Чулков стал нарвским наместником в мае 1564 г. (РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 423), и оставался им, как доказывает публикуемая грамота, по крайней мере до октября 1565 года. В таком случае утверждение Н. Ангерманна, что уже в 1564 г. его сменили воеводы Ф. И. Хилков и А. И. Яхонтов, является ошибкой. — Ср. *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's. Marburg, 1972. S. 44.

⁴ Стокгольм.

в заморские города пропускали безо всякого задержания. У которых наши грамоты проезжие будут, шкоты б и обиды не чинили никоторые ни в чом. Да и нам бы есте о том отписали с тем жо с ругодивским латышем с Юркою часа сего, что б нам было о том известно.

Писана в государеве Цареве великого князя Ивана Васильевича всяя Руси в вотчине в городе Ругодиве Ливонском лета 7074 октября в 16 день.

*Грамоты Новгородские и московские в Колывань (Ревель)
по торговым и перемирным делам //
ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева).
Оп. 1. № 44. Л. 27–28. Писарская копия XIX в.*

**Послание Ивана IV Сигизмунду Августу
об обмене пленного литовца М. Ежовского
на русского сына боярского Я. Болтина, сентябрь 1569 г.**

Л. 3 Милосердия ради милости Бога нашего в них же посети наш Восток звыше, воеже направить ноги наша на путь мирен, сего убо Бога нашего во Троицы славимого милостию, мы, великий государь цар(ь) и великий князь Иван Васильевич всея Русии, Влодимерский, Московский, Ноугородский, царь Казанский, царь Азтараканский, государь Пъсковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и вси Сибирские земли и Северные страны повелитель и государь вотчинные земли Вифлянские и иных брату нашему Жигимонту Августу Божию милостью королю Полскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жомоитскому, Мазовецкому и иных, что прислал еси к нам брат наш свою грамоту с полоняники.

И в грамоте своей писал еси, что служебник твой Миколай Ежовский взят в Полоцку и за чоломьбитем брати того Миколая Ежовского дал еси им отмену нашего сына боярского Якова Болтина и отпустил его за присегою до нашего царьства. А тот Яков изязался прислати за себе отмену того Миколая Ежовского, а не будет Миколай Ежовский высвобожон, какову тогды самому до панства твоего воротисе назад.

И Миколай Ежовский до панства твоего не отпушон, а тот Яков Болтин за присегою в твое панство брата нашего назад не пришол и нам бы велети в нашем государстве того Миколая Ежовского сыскати и в твое панство к тебе, брату нашему отпустить. А толко Миколая Ежовского за того Якова Болтина не дадим и нам бы Якова Болтина за его присягою в панство твое брата нашего назад прислати.

И мы грамоту твою выслушали, и вразумели гораздо, ино преже сего яко Полоцкого взятъя все вязни полоцкие через бояр наших нам били чолом, чтоб нам им повелити послати к тебе, брату нашему, бити челом из своих товарищев, кого пригоже, и том чтож бы иных на отмену, а иных на окуп. И мы как есть государь хрестиянские жалеем и хрестиянстве приказа(ли) бояром своим с ними договор учинити // **Л. 3 об.** кому на кого пригожо быти. И с тым списком отпустили есми к тебе брату своему своего вязня полоцкого, а твоего, брата своего, дворянина доброго пана Ивана Ивановича Юрьевича Глебовича, воеводича Виленского, а на него взяли многую отмену: Захара Очина Плещеева да князя Иоана Охлябинина. А он есть панства роду великого не такие версты, як есть вязни наши, и к нему ласку свою государьскую являючи. Так есмя его к тебе, брату своему, высвободили.

И ты, брат наш, по том розменном списку и о своих вязнях и по се время к нам никакова своего слова не присказывал и гонцы своими и послы и грамоты не присылывал. А по розменному списку, каков есмя список послали к тебе, брату своему, з Яном Ивановичом воеводичом Виленским и в тое списку Миколаю Ежовскому написана отмена Федор Лапата Баскаков, а Якову Болтину написана отмена Федор Богдановский Кублицкой, а за жону Кублицкого и за дети триста золотых угорских.

А после того учили твои, брата нашего воеводы, наместники и державцы наших людей за присягами отпускати и называти наших молодых людей добрыми бояры и шляхтичи, а они нашим молодым пахолком одва в службу пригодятся. Не толко што нам, а твоих брата нашего учили просити добрых дворян, и шляхты, а иные у тебе, брата нашего, родство их вчинены, в болших кравчие и подстолие и подчашие. И то все делалось не по пригожу, чому непригожо быти без твоего брата нашего ведома и без

нашого. Подданные наши с обе стороны чинят самоволство, твои приводят присягать, а наши присягаются самовольно опять из земли входити без нашего без государского ведома.

А как были у нас твои послы брата нашего пан Троцкий староста Белский Юрий Александрович Ходкевича с товарищи, и мы веси с ним о тех вязнях договор же учинити, что будеть не переменилос(ь), которые повымерли, которых безвестно нет, ино на тех место иных кого будеть пригоже написати в розмен. И по договору боярина нашего и наместника Ръжевского Василия Михайловича Юрьевича Захарьина с товарищи с твоими брата нашего послы с паном Троцким и з старостою Белским Юрием Александровичом // Л. 4 Ходкевича с товарищи.

Тои розмене по тому было розменному списку быти. И Якова Болтина в ваше государство отпустил(и), и твоего панства за присекою не на свою обмену не по розменному списку, и не по договору бояр наших с твоими брата нашего послы. И после того твои брата нашего воеводы, наместники и державцы украиные самовольно, без твоего брата нашего ведома, не поставя ни во что наш список, что есмь посылали к тебе з Яном Ивановичом Глебовичом, своем воеводитичем Виленским о розмене. Также и приговор бояр наших с послы твоими, брата нашего, ни во чтоже поставили, опять почали посылати за присегами невольных людей, не по пригожу.

И ты б, брат наш, сам то розсудил: гараздо ли ся так деети подданные наши с нас, со государей нашо государство чести и волю снявши самовлством безчинно водятца, и против нашой государской воли свою волю поставляют и невольных людей приводят к присегам не по пригожу. Такие присяги делают зрадцы, а прамыи слуги государские таких присяг не делают.

А от тебе, брата своего, есмь о вязнях никакого слова ни грамоты не слыхали и по ся мест. А ныне еси, брат наш, прислал к нам свою грамоту о нашем вязни Миколаю Ежовском, а просиш(ь) его на Якова Болтина. Ино хотя Яков Болтин и не по пригожу вышел, не на свою отмену и за присекою, и коли уж твое слово брата нашего, и мы для твоего слова, брата своего, Миколая Ежовского к тебе, брату своему отпустили, зан(е) же мы государь и братскою любовью, что хотим п(р)омеж себе говорили, и зсылаемься и пишем. А подданным нашим так не пригоже делати, что без твоего, брата нашего, и без моего ведома которие приговоры и уложенья рушити самоволством.

А о чом ты, брат наш, к нам пишеш(ь), или прикажеш(ь) своими послы или посланники, ины твое слово учнем наполняти, как будеть пригоже как чему стати вместно. А ты б, брат, наш, своим воеводом и наместником и державцам приказал, чтоб вперед таких безлепичных дел в наших государствах // Л. 4 об. не делали и вязней неволеюк присегам и израдным не нудили и их зрадному обычаю не учили.

А учнути и вперед так делати, и ты б, брат наш, то ведаичи, что по присегам никак розменне не бывати, кроме обсылки к тебе, брату нашему, с нами, или товим паном з бояри нашими. А то лише хрестянству истома будеть и мученье. А не по пригожу розмены не будеть, а тем присегам здесь смеются. Ето преже того в наших государствах не бывало, что ныне паны твои вонсчали ново не по пригожу.

Писано в царствия нашего степене дворе града Москвы от создан(и)я миру 7078 сентября день индикта 13 государствия нашего 35, а царьств наших Росиского 22, Казанского 17, Астороханского 15.

*Архив древних актов (Вавельский филиал, г. Краков, Польша)
(Archiwum Państwowe w Krakówe (Oddział I (na Wawelu)
Sang.rkps.10. Roku 1569. Gramoty. XVI w. List 35-38 (3-4 об.)*

Послание Ивана IV к панам рад от 2 марта 1573 г.

Л. 189 об. Милосердия ради милости Бога нашего в них же посети наш Восток свыше, воеже направить ноги наша на путь мирен и смиренен благочестивне. Его милосенрдием осмотрение сотворити к покою христианскому, сего убо Бога нашего во Троицы славимаго милостью, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Азтароханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вязкий, Болгарский и иных, государь // **Л. 190** и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирская земли и Северная страны повелитель и государь отчинные земли Лифляндские и иных нашего государского повеления слово.

Великого княжства литовского панам радам Валерияну, бискупу Виленскому, Миколаю, паце бискупу Киевскому, Миколаю Юрьевичу Радивилу, княже на Дубинсках и Биржах, воеводе Виленскому канцлеру Великого княжства Литовского, старосте Литцкому и Мозырскому, державцу Борисовскому // **Л. 190 об.** Стефану Ондреевичу Збаражскому, воеводе Троцкому Остафью Воловичю, пану Троцкому подканцлеру Великого княжства Литовского старосте Берестенскому и Кобринскому Яну Еронимовичу Хоткеевича Грабе на Шклове и Мыши, старосте Жемотцкому маршалку земскому Великого княжства Литовского старосте Ровенскому державце Плотцкому и Темшовскому Станиславу Миколаевичу Паце, воеводе Витебскому державце Сурожьскому Юрию Семеновичу¹ Тишкевича, Логоньскому воеводе Берестенскому державцу Волковицкому Яну Миколаевичу Талвашу, каштеляну // **Л. 191** земли Жомоитцкие Юрью Миколаевичу Зиновьева, державцу Лепенскому Григорью Воловичю, каштеляну Витепскому Миколаю Нарушевичю, подскарбью земскому Великого княжства Литовского, державце Марковскому и ушпольскому, Пенянскому и Мяцельскому Миколаю Криштофу Радивилу, княже на Ольце и несвижу, маршалку дворному Великого княжства Литовского Яну Станиславовичю Кишке, краичему великого княжства Литовского.

Что есте присылали до нас урядника присеглово, до рады писаря Великого княжства Литовского Михаила Богдановича Галабурду, // **Л. 191 об.**, а в грамоте с ним своей к нам писали есте, что наши воинские люди всего восемьдесят первого году в декабре месяце вшедши воинским обычаем в перемирное время в Лифляндскую землю в Тройденской повет, в котором городе сидят ваши люди. Тройденского повету села и деревни пожгли, и маетности их, что ни было в тех именях побрали, и иншую пожгли, и нам бы велети того сыскати. И сее зимы наши воинские люди непослушни, как нашего Свейского короля в Ливонской земле воевали.

А про ваши про литовские места, в которых городех ваши литовские люди приказывали есмь накрепко // **Л. 192**, чтоб оне вашим людем задоров и обид не делали, и нам про то ведома нет, и мы про то сыскати велим, и виноватых казним, и взятое отдати велим.

А которые наши воинские люди в затонех латышей поимали, бых с тех мест, в которых городех ваши люди сидят, и по нашему крепькому заказу наши воеводы, сыскав со всеми их животы, поотпускали.

И до вашии к нам грамоты, а что есте в той же своей грамоте к нам писали, которые речи Михайла Галабурда учнет от вас нам словом говорити, о добром деле, и нам бы

¹ В варианте сборника РГАДА — «Васильевичу» — РГАДА. Ф. 79. Реестр 2. Оп. 1. Д.1 (столбцы). Л. 5 об.

ему верить, и которые речи Михаила нам говорил, и мы Михаила посольство и ре // Л. 192 об. чи его послушали. И мы, как есть Государи христианские всегда издавна того бережем, чтобы христианство в покое было, а бусурманская бы рука не высилася, и кровь бы христианская не розливалася. А ныне и наипаче того хотим, чтоб Бог дал покой христианству навеки, и хотим того видети, чтоб з Божию помочью христианство оборонено было и высвобождено от рук бусурьманских. И вы, панове Посполиты, с обема радами короны Польские и великого княжства Литовского к доброй смолье присылали к нам великих послов от коруны Польские и от Великого княжества Литовского, которые б могли на вечной покой крестьянству доброе дело постановити.

А наместником заказати велели, чтоб оне до коих мест послы ваши у нас будут, по добром деле договор учинять, к панствам Государя вашего коруны Польские и Великого княжества Литовского рати и войны не подносили и городов и земель не заседали и новых городов не ставти. И вы б по тому жь заказали воеводам и державцом, чтобы оне по тому же мирная заховали // Л. 193 об. до того перемирного сроку и за срок, до коих мест послы ваши у нас будут и о добром деле постановление учинят.

Писана в нашей отчине в Великом Новгороде, лета от создания миру 7081, марта во 2 день, индикта перваго, государствия нашего 39, а царств наших Росийского 26, Казанскаго 21, Астороханьсково 18.

*ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 189 об.–193 об.
Списки: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 4–7 об.;
ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. Л. 9–11.*

Послание Ивана IV Яну Глебовичу от августа 1574 г.

Л. 212 об. Божию милостию великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, царь Астороханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вяцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския // **Л. 213** земли и Северныя страны повелитель и государь отчинные земли Лифлянская и иных Яну Яновичу Глебовичу, отчичу Добровенскому, каштеляну Менскому, державцу Онитенскому слово наше.

Писал еси до нашего царьского величества, что начашься того, что уже нашей царской милости ведомо, что уж король, выведавши о смерти брата своего короля Французского от вас во Францы поехал, а вас без пана застановил, зачиму уж придется вам о ином пане мыслити. Для того же, значечи нашей царской милости нам всего добра и того, абы Бог рачил нашу царскую милость // **Л. 214** на месце королевском посадити умысленне, о том нашей царской милости ознамуешь.

Анже бысть наше царская милость могла до того приитти, на чта на первее Бог нашу царскую милость, снать, презрел, и хут(ь) многих вас есть для того тые жниливости своей радишь нашей царской милости. Ознаменуешь, абы наша царская милость послы мудрые и годные приготовили, которые б в тое потрафить могли. А коли ты нашей царской милости ознайме, чтоб наша царская милость их сам послал, же бо нашей царской милости моглося // **Л. 214 об.** к доброму концу привести.

Бо ведаешь ты, для нашия царские милости великую неприязнь терпишь от старших ваших бояр для нашей царской милости, а то для того, иж ты о тосе с пильностию стараешь, або мог нашей царской милости послужити. Яко же и тепер с паном виленским, старостою жемойтцким поеднались есте, умыслене для того, абы мочь нашей царской милости послужити. А о се(м) старати будеш(ь) водлуг наболшого преможенья твоего, толко наша царская милость рачил на то памято // **Л. 215** вати. А возде обещанья своего мне нагородит, бо ты веле шкот утрал, неприспечнати здоровья для нашей царской милости и подъял, и тепер понимаешь, але маючи надею властце нашей царской милости и ничего страшивого не маешь.

Яко же и первее того пильнейшее старанье чинил бы одно несмело если, бо тебя вести о неласце нашей царской милости доходили. Але коли тебе дошел лист от нашей царской милости и ты у полном в себе надею о ласце нашей царской милости одно в том нашу царскую милость перестерегаеш(ь) // **Л. 215 об.**, абы наша царская милость не рачил без панов полских ни во что ся вдавати, которых много есть сприязливых нашей царской милости, и того нашей царской милости помогаги будут. Меж которыми отец жены твоей пан воевода Влоцлавский есть зычливый нашей царской милости. У ссей напершией елекцы и наказывало значне, а теж бы то зне учтвостию нашей царской милости было, и не мог бы наша царская милость к грунтовне на королевстве полском усести. и так зычным королем слынуть. А так когды тех послов своих наша царская милость // **Л. 216** нехай ничего без ведомости твоей не чинит, але во всем нехай с тобою поразумеваю.

А наша царская милость не всякому духу верит, бо старая пословица: «У сих искушай, не всему уфай». А хотя к нашей царской милости и посылат(ь) будут, и нам бы верить оглядаючися. Веть того наша царская милость и сами уже достатов не ведаем. Якою неправдою с нашею царскою милостию и перед тым чинили! Ведь же наша царская милость никого не отрекали, але о тебе наша царская милость можем

собе спевне обещоват(ь), иж правого верного // **Л. 216 об.** слугу с тебя месту рачим. И потомство нашей царьской милости, о чом когды дасть Бог нашу царьскую милость оглядаючи, ширей и лепей поведаеш.

Едно те же наша царьская милость тебя, старого слугу, на потом запоминати и не рачити бы ласткою своею и поратованьем в том убожстве, в которое еси впал для нашей царьской милости. Которой к тебе принес нашей царьской милости посланец, иже на тот час принесена вашего кроля, и наши сподеваютца, чтоб ся вернуть (...) // **Л. 217** сподевается¹.

Бы многие, о чом бы много бы писати надобе, але не смееш, иж бы кому листы в руки не достались. Всяко же есть ли, что поновитца у вас не омешкаючи нашей царьской милости даш(ь) знаги. А чтоб наша царьская милость вборзе до тебя на тое твое писание отписати и розсказати, и наше слово то, что еси писал к нам в своей грамоте, чтоб верити оглядаючися. Ино тому как возможно статися, что украсти государство, украдом на государство приехати и послов своих послати. А король не ведомо будет, и нам // **Л. 217 об.** неведомо не будет. И нам послов своих с чем послати? Лишь роздор делати, запосмешно и себе укоризну.

А будет похощ нам служити и похощ нашего государства на короне Полской и на Великом княжестве Литовском, и ты б поверил и подымал на то панов полских и литовских, чтоб оне похотели нашего государства. И то все с теми послы объявили, пилне каково нашего жалованья хотят. И дали б нам полную мощь и науку, как то дело меж нас, и обоих земель постановити, и как нашему жалованию к ним быти, и их служебникам и всем на том договорився, душами // **Л. 218** утвердитца.

А будет годно наши послы у вас быти, ино б нам панове рада обе коруны Послкие и Великого княжества Литовского то пил(ь)не объявили, что у них государя нет. И мы тогда пошлем послов своих и велим о всяком деле договор учинити. А не доведався нам про кроля, послов своих послати невместно, бо не яким было тротством. Как нам приходил Михайла Галабурда, а что есть писал, что б нам памятовал подле своего обещанья тебе нагородити, что ты терпишь великие шкоды (...) ² здоровья для нашей царьской милости поднял, и теперь // **Л. 218 об.** подымаеш.

И наше тебе слово так. Толко нам Бог благоволит быти на коруне Полской и Великом княжестве Литовском, а твоя нам служба в том будет, или ино кого, ино не токмо что нагородити города и волости, и села, и именья, и скарбом и уряды и учтивостию, хоти и одна кошеля будет у нас, мы и тую с тым ради разделить. А что тебе нашего жалованья, толко Бог благоволит нам там быт(ь) нагородит, и что ж досыт твое хотенье будет, а мы безо всякочи отречения тем тебя пожалуем.

А что еси писал в своей грамоте, что тебя всети доходили о неласце нашей // **Л. 219**, и мы за то было на тебя покручинилися, что ведаеш сам, как которым обычаем ты от нас поехал, а мы тебя отпустили. А ты был у нашего жалобанья и имени и по ся места забыл. И мы тебя потому и оистом тоим гонцом навелили, коим еси наше жалованье на себе держиш(ь). И мы нынеча на тебе жалованье тое держим, как есть на своем прираженной милом слуге. И тебя жаловат(ь) и миловат(ь) будем. А ту ж кручина вся минулася, и ты б сумневания себе никоторого не держав. Мы тебя хотим сердечно жаловати.

А что еси писал // **Л. 219 об.**, чтоб нам с панов полских ни во что же не вдавати, а мы и сами то ведаем, что тому тайно нелзья зделат таким баламутством, как прежь того здеяло(сь). Толко и ныне не от вас тому делу делати нелзья, потому что не проведав про короля как послов послать? А и тогда то дело от вас же ся порушило(сь),

¹ Место испорчено.

² Место испорчено.

потому как Федарь Ворыпай первое приходил Михайла Галабурды, и взяти от нас две опасные грамоты на ваши нослы. И нам было недождьдавшись ваших послов и не услышав у них речей. И с чем своих посланников и послов послати ?

И потому делу то // **Л. 220** дело порушилося. А ныне толко от вас не будет послы, ино тому делу не статижся. И вы б о том проведывали подлинно, ещо ли король фрянцовской ваш или не ваш? И будет король не ваш, и вы б к нам по слову ранее присылали, или бы нам ведомость учинили. Чтоб нам послов своих беспечално послати, чтоб от короля нашим послом гоньбы и утраты не было, как нашим послы ганьба была от Свейского короля.

А что тебя держати бы нам управым и верным слугою, так же и дети наши хотят тебя держати правым и верным слугою и жаловати. А коли дасть // **Л. 220 об.** Бог наши очи видети, и мы тебя и болши того учнем жаловать. А тебя не хотим запоминати ласкою своею. А что еси на лист наш, что есмя к тебе посылали з гонцом своим, и нам не отписал, а то еси учинил гораздо мудростию. И ты б и вперед тако мудростию же делал.

А которые грамоты учнешь нам посылать, и ты б их посылал на Смоленеськ, потому же как еси нынешнюю прислати с торговыми людми, а словом бы еси не приказывал ничего, так будет крепче. И на тех бы еси грамотах подписывал, чтоб недонесчи тех листов твоих до нас не ропеча // **Л. 221** тьвати.

А писана твоя грамота в июне, а к нам пришла в августе. И потому твоя грамота поизпоздала.

Писана на Москве лета 7082 месяца в 23 день, индикта 3, государства нашего 31, а царств наших Российского 28, Казанского 22, Асторохансково 20.

ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 213–221 об.

Списки: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Регестр 2.

№ 1. Л. 22–25 об. (дефектный, без окончания);

ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. Л. 25–31.

**Отрывок из грамоты архиепископа Якуба Уханьского 1575 г.,
содержащий образец послания, с которым Иван IV должен был
обратиться к польско-литовскому «рыцарству»**

Л. 16 об. ... Бог сотворил небо и землю и всего // **Л. 17** видимаго и невидимаго дела, и то промеж людей учинил, что мудрый с мудрым, бражник з бражником, пьяница с пьяницею, сернищен с сернюшниками дружбу имеет. Мы, государь, сведавши то, что в короне полской людей мудрых много есть, а вас, люда рыцерского, много, которого собранья рыцерского Аз буду рад иметь болшую в товарищех. И мыслил еси давно о том, чтоб ести меня себе запановал (и) для покрасы вашей.

Не хотячи с вами войны учиняти головной, а можете тои поразуметь и осмотрить, что был [2–3 буквы утрачены], коли ести пана имели, и тепер(ь) коли брат наш для королевства французского съехал от вас, а ему не быват(ь) у вас. И ныне // **Л. 17 об.** не запомятаючи, ежие хочу у вас быти панам, а не тако паном, але рыцерским людем как братом. Так же и иным добрым быти.

Толко меня себе королем отберети, о ом стану думат(и), чтоб вас сделал своими с оденачит, а что надо за платы желнырям, дворяном и иным слугам брата нашего славна памят(и) Августа¹. И мне перед тенею брату, коли Яз милость вашуею против себя увижу, Курпской и Володимер² и иные, все, которые там суть [2–3 буквы утрачены] бежали до упокойника, брата моего, чтоб ся о них не торонул и иные многие клясце для стике [?] будут превернены.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 16 об.–17 об.

¹ Сигизмунд II Август.

² Владимир Заболоцкий, эмигрант в Речь Посполитую.

**Рассказ о посольстве Захарии Угорского
к императору Максимилиану в 1576 г. из летописца,
рукопись которого принадлежала
Нижегородскому Благовещенскому монастырю**

Л. 9 об. ...В лето 7084. Государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России о том послал¹ // **Л. 10** к ближнему своему благоприятелю и Римскому и цысарю христианскому королю Максимиану царю, как ему писати турскому царю, и посла своего послал, дьяка Андрея Арцыбашева, и велел о том доложить и допросити, которым королем и царем турской пишет свои титулы и каким обычаем в государстве посланный наречен, область данную власть всея западные страны над цари царю, держаше скиптр непобедимья державы. А от Августа кесаря родителя царски рожения римского престола повелителю, Шпанскому, Французскому, Прусскому, Венецейскому и подлунныя страны восточныя и всея цесарския области своему благоутробию и ближнему приятелю, сродичу во плоти от Августа кесаря римского царя, цесарь царю Максимиану королю.

Государь наш и великий князь Иоан // **Л. 10 об.** Васильевич всея Руси от своего царского величества, Владимирский, Московский, Новгородский (да тут пишут титула прежние). Велел тебе, государю цесарю Максимиану королю, поклонитися. И король, восстав, принял лист. А как посол до листа князь Захар Сугорский его титулу говорил и государя нашего челобитье и посольство исправлял. А король Максимиан в те поры все стоял, и держали его под руки сын его Филипп да племянник Андрей, потому что он добре стар, во сто девять лет.

Обычай у него таков: мудрые философы избраны, многих орд и земель. А служат ему всякие люди за нем же, он силен вельми. Думные его философы стоят избранные, и великие люди по своим статьям.

В цесарях первое посольство было в град Веун, на реке Веун, у моря на берегу город, Полаты у него каменные, все аспид. Крыльцо чрез стану на реку от полат царевых аспидно. А на крыльце пять // **Л. 11** рундуков, мощены аспидным камнем. Потому что крыльцо добре высоко, из всякаго крыльца решетки большия медныя. На рундуках что ворота позолочены. А в концех у брусков медных затирено камение драгое, а у них хрустали по гусину яйцу. А верхнее крыльцо стекольчето мурчато, а все на красно позолочено. Подле город и по обе стены города, и среди крыльца нердик, стекольчат, высоко вознесен остро верх. А палаты все с подзоры золотыми, в навесех писаны всякие орды и земли и царства и бытии многие. А крыть царевы палаты зазорными кровлями кругом, крайния палаты золочеными, стальными и лужеными. А в середках палаты востроверхи, а крыты медью и на красно позолочены. А царева палата среди всех палат, а крыта Арапскою медию, не узнати, что не золото. Только не скажут, а турчане, которыи у царя Римского, человек их с восем или з девять и больши, те себе стоят и ездят в обном месте. И пред царем вместе все ставятся и един // **Л. 11 об.** Не без одинаго, а Гречине тогда человек з десять или сколько будет. Также пред царем стоят и ездят вместе и жида, и поляки, и русь, и немцы, и Литва, и Волынцы и угряне, и волохи все по своим статьям становятся и ездят. А в статьях понемногу, по семи человек, и по семи и по девяти, а больши двенитцати нет, а меньше семи не бывает же.

А философы у него избраны, и великие люди. А Максимиан цесарь поедет в объезд, или в Виноград гуляти, или в Савмур град на Дунай отвед на девяноста верст. И те думные его дворяне, избранные люди, по тому же едут, по сторонам каждо с своим

¹ О взятии Сибири казаками Ермака — на самом деле поход Ермака имел место в 1582-85 гг. .

вместе едит. А иной земли не вмещается, и едут по обе стороны по статьям, а подле царя едет по сторону сын его Филипп. А по другую сторону племянник его Андрей и за ним подпоручник его Михайло Даносов государя нашего, а позади за ним идет полк его, а в нем // **Л. 12.** всех земель люди потому ж, да за зятем идет сына, его полк. А воеводы в нем потому ж, да племянники его Андрей полк, а земель разных люди и воеводы и головы потому ж. А ставятся по полкам кииждо себе полк, а в полках людей и в выезде ходит на конех. Служилых людей тысяч стотретьятцать, кроме кошевников и кошевых мало въедсили. 7085 году в Винограде, езда, царь посла царева расспрашивал сам, сколько велика Русская земля и сколь сильно ходит государь ваш и сродичь. И князь Захария сказал: Земля Русская велика, и чудотворцев в русской земле много, и милость на них, и церквей много же. А за государем нашим царем ходит силы в собранье четыреста тысяч головками. Король подивился и похвалил Бога, и изрече: Распространится впредь Русская земля.

*Летописец краткий из собрания
Нижегородского Благовещенского монастыря //
ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). Оп. 1. № 260. Л. 9 об.–12.*

Послание Ивана IV Миколаю Талвашу от 10 августа 1577 г.

Л. 235. ...Милосердия ради милости Бога нашего в них же посети наш Восток свыше, воеже направить ноги наша на путь мирен трисиятелного Божества властиво и силою // **Л. 235 об.** и благоизволением удержажом скифетръ и христонсныя херугви Росийского царьствия, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевичь всея Руси, Владимирский, Московский, Ноугоротцкий, царь Казанский, царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговьский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирский земли и Северныя страны повелитель и государь отчинные земли Лиф // **Л. 236** лянския и иных многих земель з Божию волею обладатель.

Стефана, Божией милостию короля Полскогво и великого князя Литовского, Русково, Прусково, Жемоййтцково, Мазовецкого и иных пану Миколаю Талвашу, каштеляну земли Жемойтцкие, что преж сего был еси у нас от брата нашего Жигимонта Августа короля посольством [был]. И мы велели на себя у тебя лошадей смотрити своим приказным людем, и у тебя лошад была, была лошадъ, пригодилася на нашу конюшню. И ты ея цену поставил неподобну, чаючи того, что у нас на Руси лошадей нет.

И мы тогда тебе // **Л. 236 об.** велели за нее и две цены заплатити, а ее велели стяти. И нынеча есмя пришли тое отчины Лифлянские езмли очищати и без ваших без литовских коней, каковы у нас лошади лучилися. А ты был взял у короля наши отчины Лифлянские земли город Денемборх. И ныне тот город Бог нам в руки дал, и ты бы о том не сумневался, занеже есте в чужую землю вступилися. И вам о том тужити и для того на кровопролитие прагнути не пригоже, аky как есть Государи христианские, государственным обычаем свою вотчину очищаем, а вашево Государя короля полсково Стефана земли ничему не зацепляем, а все б // **Л. 237** потому ж к нашей земле, которые нам Бог поручит.

Городы Лифлянские земли ратью и войною не приходити и к городу к Дынемборху ратью не приходили же, а мы Стефаном королем хотим добраго пожития и покою. И что он осечне к нам гонцов своих прислал, и мы к нему гонцов его отпустили, и опасную есми грамоту на его послы дали. И от него и посля места послов его ждем. А с ним хотим доброво пожития и згоды, и ты б о Динемьборхе кручину отложил, занеже то есте держали излишнее, а вам есть чем полнитися в Полской земле, и в Литовской, опричь наши отчины Лифлянские земли.

Так же бы еси // **Л. 237 об.** и Яну Ернимовичю Хоткевича к Грабе на Шклове и Мыши, старосте Жемойтцкому, маршалку земскому Великому княжства Литовского, старосте Ковенскому и державце Плотельскому и Телишовскому говорил, чтоб он непригожее дело отставил и что к нему неприлишно, и он бы то отложил, а на кровопролитие бы с нашими вотчинами не прагнул.

И Государю бо есте своему Стефану королю говорили, чтоб он похотел с нами доброво пожития и згоды с ним. также хотим добраго пожития и згоды, как будет пригоже.

Писана в нашей отчине в Лифлянской земли в го // **Л. 238** роде в Дынемьборхе, иже есть именуется Невгин, лета 7085, месяца августа в 10 день, индикта 5, государствия нашего 43, а царств наших Росийского 31, Казансково 25, Асторохансково 24.

ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 235–238.

Списки: РГАДА. Ф. 79. Он. 1. Реестр 2. № 1. Л. 33–33 об (дефектный, без начала);
ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. Л. 41–42 об.

**Послание Ивана IV к пану Криштофу Радзивиллу
с его человеком Станиславом Андреевым от 26 августа 1577 г.**

Л. 237. Милосердия ради милости Бога нашего в них же посети наш Восток свыше, воеже направить ноги наша на путь мирен, сего убо в Троицы славимаго Бога // **Л. 238 об.** нашего милостью, одержахом скифётры Росийского Царьствия, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский и царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болъгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель и государь отчинные земли Лифляньские и иных Стефана, Божиею милостию короля // **Л. 239** Полсково и Великого князя Литовского, Русково, Прусково, Жемоитцково и иных, пану Криштофу Миколаевичу Радзивилу, княжати на Биржах и Дубинках, подчашему великого княжства Литовского, гетману дворному, державцу Жижрорскому слово наше то.

Мужу добрый и храбрый и гладливый, роскошный, уставишный и разсудный! Что преж сего при брате нашем Жигимонте Августе короле паны рады вступилися в нашу отчину в лифляньскую землю словом, а то все поволность старым немцам дана была, а брат наш Жигимонт Август король мало того и ведал, // **Л. 239 об.**, а Гендрику было того и смотри неколи же, а Стефан по ся места того не ведает же, а то делали паны без королевского ведома.

И ныне город Коконус Бог нам в руки дал. И ты б о том не сумневался, а тебе убытка ни в чем не учинилося. А о том бы не досадовал, занеже то з Божией воли творитца. И ты б к городу Коконусу ратью не приходил, а мы Литовские земли и литовских людей ничем не зацепляли, а с Стефаном королем миру и доброго пожитья хотим, как пригоже.

А ты б отцу своему, Миколаю Юрьевичу Радивилу, воеводе виленскому, канцлеру Великого княжства Литовского, старосте Мозырскому, Литцкому и борисовскому и иным паном радным, своей братье, старшим и молодчим, говорил, чтоб государь ваш Стефан король такъже похотел с нами згоды и доброго пожития, и посолов своих слал к нам не омешакаючи, по нашей опасной грамоте, которую есмя к нему послали с его гонцы с Юрием Городенским да со Львом з Буховицким.

Писана в нашей отчине Лифляньские земли в городе Куконосе лета 7085, августа 26, индикта 5, государствия нашего 43, а царств наших Росийского 31, Казанского 25¹, Асторохансково 24.

*ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 238–240.
Стиски: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 33 об.–35 об.;
ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. Л. 43–43 об.*

¹ В варианте ОР РГБ слова «31, Казанского» пропущены, восст. по рукописи РГАДА.

Послание Ивана IV Стефану Баторию из Вольмара от 12 сентября 1577 г.

Л. 247. Троице пресущественная и пребожественная, во единстве поклоняемая, преневедымый и пресветлый крайний върх, християном дател премудрости, настави нас на истинну твою и научи нас на оправдания твоя, да возглаголем повелення твоя по воле твоеи, сего убо тричисленного Божества милостию и властию и хотением удержажом скифетры Россейского царьствия, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугороцкий, царь Казанский, царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговъ // **Л. 247 об.** ский, Резанский, Полотцкый, Ростовский, Ярославский, Белоозерский и государь отчинные обладатель Лифляндские земли неметцко чину, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель, и иных многих земель государь, любимейшему Стефану, Божию милостию королю Полскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитцкому, Мозаветцкому, княже Семигратцкому и иных, после поклона с любовию слово то.

Что не от коликих времен Лифляндская земля вотчина наша, и что в нынешнее время брат наш Жигимонт Август король поступилъ был в нашу отчину в Лифляндскую землю. И которым обычаем ему дань давати, // **Л. 248.** И того ныне писати не потребно. И после того оне нам не почали дани давати, и старых залогов, и мы того на них поискали, и оне почали воровати, а нам того платити не стали, и мы потому на них гнев свой положили, и огонь и мечь свой на них послали. И как та наша отчина от наших людей обезсилела, и брат наш Жигимонт Август в тое нашу отчину вступилъ. А те мужики лифляндские земли на болшую свою израду являючи, подклонилися под литовскую руку.

И ныне з Божию волею мы ту тою отчину, Лифляндскую землю, очистили. И ты б о том досаду отложил, // **Л. 248 об.** И для того б еси с нами нежития не хотел, занеже то не при тебе делалось. При ком то делалось, ино Жигимонт Август брат наш на Божию же волю отшел, ино то уже дело поминовалось. И тебе б в том кручинитися не о чем, что до тебя делалось.

А мы Великого княжества Литовского и литовских людей ничем не зацепили. Так же и ротмистра литовского Олескандра Ивановича Полубенсково со всеми литовскими людми отпустили есмь к тебе. И ты б как есть государь государский о том кручину и досаду отложил, а на кровопролитие был еси крестьянское не прагнул, и послов своих с почестливо // **Л. 249** стью к нам для братцкие приязни посылал не омешкаючи. А мы с тобою дружбы и любви и братцкие приязни хотим, как будет пригоже. А в нашу б еси в отчину в Ливляндскую землю и во все наши места пограничные вступати не велел, и рати и войны не замышляти. А мы также приказали в твоей во всей земле не велели вступатися, и рати и войны не замышляти, доколе меж нас послы великие доброе дело постаноят.

Писан в нашей отчине во граде Волмере, лета 7086, сентября в 12 день, индикта 6, Государствия нашего 43, а царств наших Росийского 21, Казаньского 25, Астороханского 24.

*ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 247–249.
Списки: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 25–27 об.;
ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. Л. 49–50.*

Послание Ивана IV в Ригу от 29 августа 1577 г.

Л. 244 об. Того ж лета такова грамота послана // **Л. 245** в Ригу, а дана та грамота леневардському воеводе князю Ивану Селезневу Елетцкому. А велено ему такова грамота отослати из Леневарда в Ригу¹.

Бог наш Троица, Отец, Сын и Святыи дух, во единстве покланяемый, о нем же живем и движемся и есмы, им же царие царствуют и силнии пишут правду, сего властию и хотением и милостию, удержихом скифетры Росийского Царствия, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугороцкий, царь Казанский, и царь Астороханский, государь Псковский и великий князь // **Л. 245 об.** Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский и государь отчинный и обладатель земли Лифляньские неметцкого чину, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель, и иных многих земель государь и обладатель, нашего царского повеления и честные наши заповеди слово то в Ригу, буиммистром и ротманом и полатником и всем чиновным людем и всему посполитству рижьскому.

Что не от коликих лет вся Ливонская земля // **Л. 246** вотчина наша, и в наша времена свою старину порушивали, и нам непослушне учинилися, и ко многим государем прикладывались. И мы многожда их напоминали, их послы, чтоб оне узналися, и от нас, и от извечных своих государей не отставали. И нас, извечных своих государей держали себе государем. И оне в том не узналися, и от нас отклонялися, и за то по Ливонской земле наш гнев распростерся, и огонь, и меч ходит. И ныне мы з Божию волею пришли своеи отчины Лифляньские земли созрити² и очистити ото всех от тех, которые татебным обычам и украдом нашу по себе были розделили. И мы з Божию волею те все города под свою державу // **Л. 246 об.** случили и в своей воле учинили.

А нас вас, есмя, гнев свой удержали, меч свой поцняли, а дали вам время к познанию. И ныне которые з Божию волею города учинилися в нашей воли, и вы б тех городов и земель не воевали и не зацепляли ничем, а нашево б есте гневу на себя тем не раздражили и нашего меча на себя не наводили и наших городов и люди ничем не обидели.

Дана сия честная грамота в нашей отчине Лифляньские земли в городке в Ерли, лета лета 7085, августа в 29 день, индикта 5-го, государствия нашего 43, а царств наших Росийского 31, Казансково 25, Асторохансково 24.

ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17. Л. 244 об.—246 об.

Списки: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 39 об.—40 об. (список дефектен);

ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. Д. 21. Л. 47—48 об.

¹ В списке РГАДА— «в Ругодив», что явно ошибочно.

² В копии А.Н. Попова более правильное чтение: «дозрити».

**Грамота апсельского наместника Г.И. Долгорукого в Колывань
об обмене пленными, 1579 г.**

Л. 29. Божию милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанского и царя Астараханского, государя Псковского, великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вязьского, Болгарского и иных, государя великого князя Новгородского Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославского, Удорского, Обдорского, Кадинского и всея Северные земли и Северные страны повелителя, государя земли Вифлянской и многим землям восточным и северным и западным отчича и дедича от апсельского наместника и воеводы от князя Григория Ивановича Долгорукова Оболенского в Колывань, старейшим думцем и всему рыцарству, // **Л. 29 об.** бурмистром и ратманом от города Колывани.

Писал ко мне государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси. Пожаловал государь детей боярских помещиков, Василия да Семена, да сына Васильева Ивана Молвянинова, дал за них обмену полчевских немец, Билголта да Ивана Андреева сына Стражбора, да Анцуфрантиля, а Семена. Вы Молвянинова отпустили из Колывани на том, чтобы ему бити челом государю царю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии о Немчине о Рене Отинхсе, и того немчина Рена на Москве от ран не стало. И вы ко мне о том отпишите, где учинити съезд, и о которой день. Писана в государя нашего вотчине в земле в Вифлянской, в городе Апсле от создания миру лета 7087.

ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). Оп. 1. № 44. Л. 29–29 об.

Книга посольства Станислава Крыского 1578 года*

Перемирие России с Речью Посполитой, заключенное в 1570 г. на три года, истекло в годы польских бескоролевий. Поскольку царь Иван Грозный принял участие и в первой, и во второй элекционных кампаниях, в 1573–1577 гг. Россия не возобновляла войну против своих соседей. Мелкие стычки в приграничных районах не прекращались никогда, равно как происходили и мелкомасштабные боевые действия в Ливонии. Но официально был мир, о чем русские дипломаты позже неоднократно напоминали польской стороне: мол, когда у вас было безвластие и бескоролевье, наш государь вел себя благородно и не начал войну, хотя перемиренные года вышли...

К 1576 г. стало ясно, что Иван Грозный не станет королем Речи Посполитой. Россия решила извлечь максимум возможного из ситуации, в виду крайнего ослабления своего врага. Москва попыталась одним махом решить ливонский вопрос. В 1577 г. состоялся знаменитый завоевательный поход в Прибалтику, в ходе которого в руках Ивана Грозного и его вассала «ливонского короля» Магнуса оказалась почти вся Ливония — до р. Западной Двины, кроме Северной Эстонии и собственно владений датского принца на Эзеле.

Новый польский король Стефан Баторий в 1577 г. сумел решить внутренние проблемы страны, погасить Гданьский мятеж и теперь мог приступить к реваншу в борьбе за Прибалтику. Сперва была сделана попытка достичь результатов дипломатическим путем. Для этого в 1577 г. в Россию отправилось посольство во главе со Ст. Крыским.

Полтора месяца Крыский с товарищами сидели в Орше, не решаясь перейти русскую границу и ожидая хоть каких-то шагов со стороны Грозного. Царь же увлеченно воевал в Ливонии. Наконец, 12 октября 1577 г. смоленскому воеводе Юрию Константиновичу Курлятеву была вручена грамота послов, написанная от имени Стефана Батория. В ней выражалась обида на непонятные действия русской стороны — дипломатов не пустили в Ливонию, и неизвестно зачем держат на границе. Адресатами послания выступали царь, Н. Р. Юрьев, А. Ф. Нагой¹.

Грозный получил эти документы 23 октября, после возвращения в Новгород из ливонского похода. Он отдал распоряжение Юрьеву и Нагому «по государеву наказу» сочинить ответ, в котором позвать послов «к Смоленску не мешкая». В тексте грамоты говорилось, что царь не мог принять дипломатов раньше, поскольку ходил «дозрители и очищати своєї отчины Лифляньские земли», поэтому для послов нет никакого бесчестья в ожидании, и обижаться нечего².

Иван IV трактовал происходящие события совершенно иначе, чем литовская сторона. 10 ноября 1577 г. дьяк А. Щелкалов известил государя, что польская сторона вместо посольства Крыского отправила гонца Мартина Полуянова. В инструкциях русской разведке, которая обеспечивала прием иноземного гостя, было велено «проведать накрепко», а почему, собственно, литовские послы так долго «в Орше стояли»³. Трудно сказать, было это лукавством или организационной неразберихой. Во всяком случае, Москва считала, что переговоры затягивает литовская сторона.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а/Э

¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 281–285 об.

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об.–288 об.

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 290–292 об.

Политическую близорукость и эгоцентризм русского царя не развеяли даже прямые претензии, привезенные Полюяновым — Стефан оскорблен такой демонстрацией «великой неприязни» к своим дипломатическим службам. Польскую сторону очень задело и то, что пока она пыталась вести переговоры и по традиции ограничила боевые действия на этот период, Московия, напротив, воспользовалась передышкой для эскалации войны в Прибалтике (грамота Стефана от 24 сентября 1577 г.)⁴. Не насторожило и то, что вместо «великого посольства» Крыского в Москву прибыл рядовой гонец.

10 декабря 1577 г. Полюянова отпустили из столицы, вручив опасную грамоту для «великого посольства» и послание Ивана IV к Баторию. Русский царь обрушился на польского короля с критикой — почему король не дает своим послам вести переговоры, зачем Стефан задержал в Орше дипломатов, которые ехали в Москву? Таким образом, вся ответственность за срыв миссии Крыского ложилась на Краков. Точно также Грозный отмел обвинения в эскалации войны в Ливонии — Баторию «в Лифлянскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли из княжества Семиградского на коруну Полскую и Великого княжества Литовского, а не на Лифлянскую землю». Таким образом, война за наследие ордена объявлялась легитимной исключительно для русского царя, а польско-литовской стороне незачем и заикаться об этом. Литовцы также обвинялись в развязывании войны — их король «городок Дынемборх ночью украдом взял». Но Москва в принципе согласна мириться, только пусть Речь Посполитая поумерит свои претензии (грамота Ивана IV от 7 декабря 1577 г.)⁵.

От переговоров 1578 г. зависела дальнейшая судьба России в Ливонской войне. К этому времени Стефан добился стабилизации внутри Речи Посполитой, и теперь ему предстояло определить свой внешнеполитический курс. Будет ли он столь же активно вмешиваться в ливонский вопрос, как последний Ягеллон Сигизмунд? На каких принципах новых польский король будет строить взаимоотношения со своим восточным соседом? Наконец, смогут ли московские дипломаты найти общий язык со своими польско-литовскими коллегами, или опять начнется поединок амбиций? И позиции сторон будут определять не практические нужды, а довлеющие стереотипы и традиции? К тому же стороны, несмотря на переговоры, не отказывались от «запасных вариантов»: в том же 1578 г. Иван IV пытался завязать контакты со Священной Римской империей об антипольском союзе, и они были дезавуированы только потому, что в обмен на союзный договор империя захотела прекращения войны в Ливонии⁶.

Москва очень серьезно готовилась к приему посольства Крыского. Были приняты, если говорить языком современных спецслужб, «беспрецедентные меры безопасности»: на улицах столицы установлены многочисленные рогатки и караулы против разбойников и уголовных элементов, детям боярским строго-настроено наказано в эти дни «не быть пьяну». Нарушителей служебного долга было велено отдавать дьяку Андрею Щелкалову, в распоряжении которого находился особый штат кнутабойцев для расправы над нерадивыми подданными⁷.

В русском посольском ведомстве подробно разрабатывались варианты ответов на возможные вопросы и действия гостей. Самую неприятную ливонскую проблему предполагалось разъяснить весьма примечательным образом: мол, прибалтийские

⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 299 об.–301 об.; Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 41; Ф. 79. Оп. 2. Д. 3; ОР РГБ. Ф. 304. Доп. II. № 17. Л. 262–265.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 303 об.–311 об.; Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 41–49; ОР РГБ. Ф. 304. Доп. II. № 17. Л. 265–274 об.

⁶ Ответ императора Рудольфа II на предложение Ивана IV о союзе с Москвой, 7 февраля 1578 г. // ОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 595. Л. 250–255.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 325–327.

города с энтузиазмом сдавались Грозному сами. А которые вздумали сопротивляться и «задуrowали», «то всем ведомо — немцы в сечу идут пьяни»⁸.

1 января 1578 г. огромное литовское посольство — 470 человек на 528 лошадях — выступило из Орши. Его возглавляли Станислав Крыский, Тимофей Казарин, Федор Скумин Тишкевич, Ян Златковский, Адам Ромоцкий, Павел Красовский, Миколай Сапега, Станислав Дерновский⁹. 16 января переговоры начались. Они протекали очень трудно и завершились составлением проекта перемирной грамоты.

Проект перемирия, составленный в Москве в январе 1578 г., был обречен на неудачу. Он предполагал трехгодичное прекращение военных действий на условиях «кто чем владеет» на момент заключения договора¹⁰. После победоносного похода 1577 г. значительная часть Ливонии оказалась под контролем войск Грозного, и это, естественно, не могло устроить Батория.

Русский и литовский списки грамот оказались различными. В русском содержался пункт о «невступлении» Стефана в Ливонию и Курляндию, правах Ивана IV на Ригу, Динабург, Кокенгауз. Официально утверждалось, что граница между Литвой, Пруссией, Курляндией и Ливонией проходит «по старым рубежам». Таким образом, перемирие 1578 г. аннулировало бы I и II Виленские соглашения о переходе Ливонии и Курляндии в подданство правителей Великого княжества Литовского.

Литовские послы сразу же исключили из своего варианта грамоты пункт о Ливонии в русской трактовке и вообще любое упоминание о Ливонии. Она содержала только роспись русско-литовских рубежей, по которой Полоцк временно, до конца перемирия, оставался в составе России. В результате стороны добивались совершенно разных целей: Иван Грозный чувствовал себя победителем, предъявившим Речи Посполитой договор, в котором признавались не только его фактические завоевания Полоцкой и Ливонской земель, но и права на Курляндию. Стефан же ждал от Крыского вполне приемлемого документа, в котором до лучших времен откладывался возврат Полоцка, зато вопрос о Ливонии просто обходился. И, следовательно, все завоевания русских в Прибалтике оказывались незаконными.

Недаром Стефан даже стал торопить царя с подтверждением столь выгодного перемирия — 12 марта 1578 г. была выдана грамота гонцу П. Гарабурде, который должен был отправиться в Россию с напоминанием о готовности Стефана принять «больших московских послов». Стефан же русскую сторону упрекал в хитрости: взяли перемирие с Литовской землей, но не решили ливонского вопроса. От новых русских послов с большими полномочиями, которые приедут утверждать перемирие, Баторий ожидал прежде всего обсуждение проблемы Ливонии¹¹.

30 апреля 1578 г. в Вильно для утверждения перемирной грамоты должна была выехать миссия во главе с Тверским дворецким М. Д. Карповым, казначеем П. И. Головиным и дьяком К. Г. Грамотиным. Никаких новых инструкций о Ливонии послы не получили, им было велено не ввязываться в дискуссии по проблемным вопросам (о «братстве», о «царском титуле»), а только закрепить русский вариант договора, который считался единственно правильным. В случае, если этому будут препятствовать территориальные споры, предписывалось утвердить грамоту «в принципе», а на спорные

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 333 об.

⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 315 об.—317.

¹⁰ Тексты перемирных грамот см.: КППМ-II. № 17, 18. С. 29–38; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 469–481; Ф. 79. Оп. 1. Реестр 2. № 1. Л. 55–62 об.; Ф. 79. Оп. 3. Д. 32; ОР РГБ. Ф. 304. Доп. II. № 17. Л. 276 об.—287 об.

¹¹ Грамота Стефана Батория Ивану IV от 12 марта 1578 г. // КППМ-II. № 19. С. 38–39.

рубежи послать специальных «судей»¹². Посольство Карпова—Головина полностью провалилось, и вернулось в Россию уже после начала в 1578 г. «Московской войны», полномасштабных боевых действий между Россией и Речью Посполитой.

Таким образом, посольство Ст. Крыского можно оценить как своего рода «упущенный шанс» достичь решения ливонского вопроса мирным путем. Оно слегка подзабыто историками, так как оказалось в тени событий предшествующих (победоносный поход 1577 г. Ивана Грозного на Ливонию) и последующих (вторжение Стефана Батория и возвращение им Полоцка в 1579 г.). Между тем, послы заключили трехлетнее перемирие, которое в случае его соблюдения было бы выгодно России и могло бы поставить точку в затянувшемся русско-литовско-польском противостоянии. Собственно говоря, готовя перемирие, Россия использовала прием, благодаря которому в XVI в. она закрепила за собой Северские и Верховские земли, Смоленск, Полоцк. Он заключался в следующем: уловить момент, когда Великое княжество Литовское будет не в состоянии продолжать боевые действия, и подписать временное перемирие, которое потом раз за разом продлять и тем самым закреплять за собой земли, так сказать, *de facto*. А через несколько лет добиться признания и *de ure*.

Историки уделяли посольству Ст. Крыского удивительно мало внимания. Первое его описание, построенное на кратком пересказе посольской книги с акцентом на пограничные споры было сделано М. М. Щербатовым¹³. Еще короче, только несколько более пафосно, пишет о посольстве Н. М. Карамзин¹⁴. Одну страницу уделил ему С. М. Соловьев¹⁵. Очень беглый обзор хода переговоров и перемирных документов присутствует в работе В. Новодворского¹⁶. Однако в отечественной историографии новейшего времени интерес к миссии С. Крыского упал еще больше: в работе А. А. Зимина ей уделено уже несколько строк (даже не страниц)¹⁷, а в современном обобщающем труде по истории внешней политики России изучаемого периода¹⁸ о ней даже не упоминается. Несколько раз упоминает миссию С. Крыского в комментариях к посланиям Ивана Грозного Я. С. Лурье¹⁹.

Возможно, это связано с тем, что материалы посольства не опубликованы. Они сохранились в составе русско-польской посольской книги 1575–1579 гг.²⁰ Также существует отдельная тетрадь, специально посвященная посольству, писарская копия с посольской книги, снятая в XVII в. и ныне хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Основное собрание, Q IV-33. Эта рукопись и публикуется ниже²¹. Особую благодарность за помощь в ее подготовке к печати хочется выразить Д. В. Боднарчуку.

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 415, 441 об., 447 об., 453 об.

¹³ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V. Ч. II. С. 427–431.

¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. С. 281–282.

¹⁵ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III. Т. 6. С. 626.

¹⁶ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 65–67.

¹⁷ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 51–52.

¹⁸ История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Отв. ред. Г. И. Санин. М., 1999. — О других событиях 1578 г. речь идет на С. 190–191.

¹⁹ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 196, 203, 215–216, 379, 386, 397.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 10. Л. 336–408.

²¹ Публикация посольской книги № 10 — отдельная исследовательская задача. За 1575–1576 гг. она опубликована Л. В. Соболевым (Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2004. Т. VII). Остальная часть неопубликована.

Текст

Л. 1. Лета 7086го у государя царя и великаго князя Ивана Василиевича всея Русии были на Москве литовские послы Станислав Крыской воевода Мазовецкой, да Миколай Сопега воевода Менской да подскарбей надворной, Федор Скумин, а пришли к Москве генваря въ 9 день, а в приставех у них велел государь быти Остафию Пушкину да Федору Писемскому да дияку Семейке Фомину.

И генваря в 12 день в неделю велел царь и великий князь литовским послом Станиславу Крыскому и Миколаю Сопеге и Федору Скумину быти у себя на дворе.

// **Л. 1 об.** А посылал по них пристава Остафия Пушкина²² с товарищы.

И как послы на двор приехали и по государеву приказу люди их ссели с коней против Казенные полаты первого угла от Архангела, и дворяне королевские ссели с коней против Казенные полаты в полы, а послы из саней вышли не доезжая мостков маленько, и шли послы мимо Благовещения папертью.

А царь и великий князь, и сынъ его царевич князь Иван Иванович седели в столовой избе в брусной. Государь был в царском платие в саженом в руской шубе и в дия // **Л. 2.** диме и в царской шапке. А царевич князь Иван Иванович былъ в саженом платие. А на боярех и на дворянх были золотые шубы.

А встречали послов на переходе на повертке от у Сретения к царским хоромам околничей князь Тимофей Иванович Долгорукой да дияк Андрей Шерefeldинов да Ерш Михайлов. И шли послы к государю в ызбу за встречу, а королевские дворяня шли после послов.

А как послы пошли в ызбу явил их государю челом ударити околничей Федор Василиевич Шереметев.

// **Л. 2 об.** И послы Станислав Крыский правил царю и великому князю от Стефана короля поклон.

И царь и великий князь спросил сидя: Стефан король здорово ли? И Станислав молвил: Мы поехали от своего государя, а он добр здорово;

И царь и великий князь звал послов к руце и о здоровье их спрашивал и велел им сести;

И звал Иван к руце королевских дворян.

А царевич Иван к руце послов²³ не звал для того, что к государю царевичю князю Ивану от Стефана короля с послы поклона не было;

// **Л. 3.** И как дворяне у государя у руки были, и царь и великий князь велел дияку Андрею Щелкалову послом молвити, что с ними от Стефана короля речи, и они бе говорили.

И послы, встав, царю и великому князю подали верующую грамоту. И царь и великий князь велел грамоту взяти дияку Ондрию Щелкалову. И говорили посольства своего речи. Статию говорил Станислав, другую статию говорил Миколай, третью статию говорил Федор. И как посольство изговоря.

И царь и великий князь велел дияку // **Л. 3 об.** Ондрию Щелкалову послов спросити: иные за ними речи опричь того есть ли? И послы подали посольства своего список. И царь и великий князь велел у них посольства список взятии Ондрию же Щелкалову, а молили²⁴ послы опричь того иных речей за ними нет.

И царь и великий князь послом велел сести. И как послы присели, и являл царю и великому князю и царевичю князю Ивану и царевичю князю Федору от послов

²² «Пушкина» в тексте пропущено, написано на полях.

²³ Слово написано над строкой.

²⁴ Так в рукописи.

поминки околничей Федор же Шереметев, и как поминки их явил, и царь и великий князь молвил послом: // **Л. 4.** Станислав, Миколай, Федор. Будьте у нас у стола. И велел послом сести. А после пословых поминков являл околничей Федор царю и великому князю и царевичем поминки от королевских дворян. И царь и великий князь дворян королевских ести звал.

А что пословых поминков и королевских дворян, и то писано у казначея на Казенном дворе. А аргамаки и кони велел государь взяти на конюшню.

И посидев немного, велел царь и великий князь идти приставом с послы в Набережную в малую // **Л. 4 об.** полату.

А провожали их из избы до тех же мест, где их встретили околничей князь Тимофей Долгорукой и дьяки Ондрей Шерефединов да Ершь Михайлов.

А стол был у царя государя и великого князя в Набережной в Большой полате.

А какъ послы шли к столу, и встречали их в сенех перед Набережною полатою князь Тимофей ж, и дьяки Ондрей и Ершь.

А сидели послы в кривом столе // **Л. 5** а у послов сидели королевские дворяне, а против послов в скамье сидели Остафей Пушкин с товарищи и смоленские приставы.

А подача Станиславу Крыскому была после бояр, а Миколаю после болших дворян, а Федору Скумину подача была з дворяны вместе.

А люди пословы лутчие сидели в кривом столе, а досталные люди сидели в полате перед малою полатою где послы сидели. А приставлены // **Л. 5 об.** были у них дьяки дворцовые Офонасей Демьянов да Дружина Петелин.

А после стола послов провожали ис полаты в сени до тех же мест где встречали околничей князь Тимофей же Долгорукой да дьяки Ондрей же и Петр Ершь.

А после стола ездил послов подчивати на подворье с меды Остафей Пушкин.

А се грамота верующая с королевыми послы Станиславом Крыским с товарищи.

// **Л. 6.** От великого государя Стефана Божию милостию короля Полскаго и великаго князя Литовскаго, Руского, Прусково, Жемотцково, Мазовецкого, Лифлянскаго, княжати Седмиградцкого и иных. Великому государю Ивану Васильевичю Божию милостию государю всеа Руси и великому князю Володимерскому, Московскому, Ноугородцкому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных. Перве сего з воли и ласки всемогущаго Бога оседши нам столицу тых панств Коруны Поль // **Л. 6 об.** ское и Великаго князства Литовского и всех государств ку нам належачих, а прилежность границам с панствы вашими маючи не заехали, есмо того учинити што нам яко государу християнскому належало, наведивши вашего здоровья через посланцов наших ознамили есмо иж надо все по ласце Божой прежней то у себя поважати хочемъ же бы есмо видели все доброе и успокоенье в християнстве, як же особливе открыли есмо вдячность нашу в том же границами панства наши з вашими злучоны суть и объявляючи волно // **Л. 7.** Нашу на пожитье межи нас и на успокоенье християн. А на тот час хотячи то вам явно показати за посланьем листу вашего кплетовного то есть опасного посылаем до вас послов наших великих с панов рад наших велеможных пана Станислава Крыскаго з Дробнина воеводу мазовецкого²⁵ и добрынского пана Миколая Павловича Сопегу воеводу менского, а пана²⁶ Федора Скумина подскарбега дворного Великаго князства Литовского, и поручили есмо шире от нас вам мовити. И што они именем нашим царевым говорити будут, // **Л. 7 об.** и вы б им в том веру дали, бо то суть речи от нас

²⁵ После «мазовецкий» знак вставки, на полях напротив этих слов красными чернилами: «и старосту Плотцкого»

²⁶ «Пана» вписано красными чернилами над строкой.

через них ку вам всказанные. Писано у Бытигощи лета Божого нарочения тысяча пятсот семдесят седмого месяца марца десятого дня.

А се посолство Станислава Крыского с товарищи литовских послов.

Инструкция на посолство до великаго князя Московскаго послом великим велмодным пану Станиславу Крыскому з Дробнина воеводе земли Мазовецкие старосте Плотцкому и Добрынскому, // **Л. 8.** Пану Миколаю Павловичю Сопеге воеводе Менскому пану Федору Скумину подскарбею дворному Великаго княжства Литовскаго. Лета Божия нарочения 1577.

Наперед привитанью старший посол мает мовити: Наяснейшии государь наш Стефан Божьею милостью король Полский и великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жемоитский, Мазовецкий, Ифлянский, княжа Семкиградское и иных тебе великому государю Ивану Василиевичю Божию милостию государю всеа Руси и ве // **Л. 8 об.** ликому князю Володимерскому, Московскому, Ноугородцкому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгорскому и иных велел поклонитися, а здоровье вашей милости велел нам послом своим видети зычачи вашей милости в ласце Божеи и щасливом панованье до веку долгово, пребывати яко многих панств в христианстве не последнеишему государю.

А затем верующий лист мают отдати.

// **Л. 9.** А кгда вжо будут посолство отпраовати, старший посол мает молвити.

Его королевская милость пан наш милостивый розсказал вашей милости повидет, что перве сего через посланцы его и государские Юрья Кгруденского Труксаса и дворянина своего Лва²⁷ Буховитцкаго ознамил вашей милости тую ласку Божую королевству Полскому и великому княжству Литовскому показаную по тых трудных часех заставши им бес пана короля сщасливым приправаженем его ко // **Л. 9 об.** ролевской милости на столицу оных панств з волного обрания всих станов а особливе незмерным своим Бозским милосердием справил згодным умыслы народов так великое великости людей и подпанованье его королевское милости их сердца склонити рачил, за что его с тое милости дяки чинячи аже даючи на всем постерегаючи воли его Бозское, и яко его королевскую милость государем и королем над людом своим преложити рачил так. А бытеже вси sprawy его королевской милости, воли его святой были подданы // **Л. 10.** То завсегда паметати хотячи за собы свое жадное причины таковое не хочет его королевская милость дать которояго ку ближенью в чом народу христианскому бытии мела.

Абачачи его королевская милость иже много на згоде панов христианских всему христьянству належит про то зо всею пристойною учтивостью якоже ся меж первшими государи панств его королевские милости и вашей милости заховывало и меж иными государи пограничными заховывает лист // **Л. 10 об.** свой государский до вашей милости писати рачил и через посланцы свои всказовати о том же его королевская милость вдячон того бытии рачил же з государьствывшой милости тако и прилеглости границ государств своих есть зачим за вспоможеньем Божьим да за згодным панованьем ваших милостей великий пожиток не одно государствам забополным, алев сим народом христианским сстатися может тому достаточны моч ваша милость выразумети з листу и посланцов его королевской милости яко всего добро его королевская // **Л. 11.** Милость зычет христьянству.

Другий посол мает мовити:

Анже ваша милость прислал кглейт на великих²⁸ его королевское милости через посланцы тым волю свою до братства милости и добраго помешканья объявляючи, и к тому то ознамующи же по всих границах своих розсказал ваша милость ку панству его

²⁷ Так в рукописи.

²⁸ На полях напротив этой строки красными чернилами: *послов.*

королевское милости покой заховати, абы его королевская милость такъже з государств своих розказал рачил ку государствам вашей милости покой заховати, // **Л. 11 об.** а послов своих великих абы его королевская милость ку постановенью доброго дела до вашей милости послал.

Его королевская милость то обачаючи и зросужаючи на умысли своем яко за немерным милосердием Бозским есть государем и королем тых великих государств, и вси речи, которые б могли затрудненье приносити, оным панством за ласкою его святою вже отдалены и успокоены суть.

Про то и з вашою милостью за его ж // **Л. 12.** Святою волею ку поровнанью речи давно зашлые привестися могут кгда ваша милость так яко²⁹ и его королевская милость до доброго крестьянского умысл свой склонный обернути рачишь.

Третий посол мает молвити:

И для того посылает его королевская милость за тым кглетом листом ваше милости опасным до ваше милости послов своих великих с Коруны Польские и Великого князства Литовскаго панов рад своих велеможных пана Станислава Крынского з Дробнина воеводу земли Мазове // **Л. 12 об.** цкие старосту Плотцкого и Добрынского, пана Миколая Павловича Сопегу, воеводу менского, а меня, Федора Скумина, подскарбиго дворного Великаго князства Литовскаго, давши нам моц, абы те речи с которых не одно межи особами наших и ваших милости предков, а летех и межи государствами ростырки и неприязнь множилася в соседанью государств ку успокоенью и лепшему тых панств привестися могло.

А и постановенья которое с продков его королевское милости // **Л. 13.** Славное памяти королем его милостью Жигимонтом Августом было и по отъеханью короля Генрыка покоем обещанным через лист ваше милости упевнено не застало в своей целости, а в жой запонаванья его королевское милости были у ваше милости шкода немалая стала через люди ваше милости княжатею Магнушом, и о том всем нам послом своим его королевская милость поручил мовити и объявити тую речь вашей милости и становити о успокоенью меж государству всими своими и вашей милости так Коруны Полское // **Л. 13 об.** и Великого князства Литовскаго яко в земли Лифлянской злетцы рачил же бы приязнь межи вашими милостями на доброе помешканье по христианстве дойти могло и пристойнее яко будет належало.

Да чего по всех границах панств своих его королевская милость розказати рачил воеводам старостам и иным врядником своим, абы ся с покоем заховали и войны не всчиняли, до того часу аж послове межи вашей милости ходят и ку служному постановенью привести будут могли все для чего ся невинная кровь // **Л. 14.** христианская розливалася.

О том бы ваша милость ведаючи абачачи склонность его королевское милости ку всему доброму и ку успокоенью христианскому, а повожаючи то у себе яко великий упадок зо всех сторон на христианство от немалого часу приходит потому ж ваша милость обмышлял яко бы все доброе на успокоенье и свободу крестьяном статися могло.

Того ово королевская милость постерегаючи до всего того чтобы было злепшим тых государств волю свою открывати рачит же зо всеми // **Л. 14 об.** государи христианскими а в особливе с вашею милостию в доброй приязни и помешканью бытии и о свободе, а успокоенью христианства намовати, хочет зычачи обоим панствам и народом в них христианским спокоиного згодного помешканья.

И генваря в 15 день в середу были послы литовские у государя и великого князя на дворе.

²⁹ Яко написано над строкой.

А государь царь и великий князь был в столовой избе в саженой шубе и в царской шапке з диядимою, а царевич князь Иван был в саженой шубе, а бояре и дво // **Л. 15.** ряне были в столовой избе и в сенех и по крылцу в золотом платье а на крылце от Благовещения были дети боярские в чистом платье.

А от Благовещения и Грановитой палате по крылцу и по лестницам были стрелцы.

А как пошли послы ко государю в столовую избу, явил их околничей Федор Васильевич Шереметев.

И послы и дворяне били челом государю на его государево жалованье. Что были у государя у стола.

// **Л. 15 об.** И царь и великий князь велел послом сести и как посидели немного и царь и великий князь велел приставом с послы ити в Набережную полату.

А с ответом царь и великий князь послал к послом боярина и намесника ноугородцкаго Микиту Романовича Юрьева, оружейничего Богдана Яковлича Белского, дворян Ближние думы Василия Григорьевича Зузина, Дементия Ивановича Черемисинова Караулова да дияков Ондreja да Василия Щелкаловых, Ондreja Шереметина, Петра Ерша Ми // **Л. 16.** хайлова.

И как боярин Никита Романович с товарищи в полату к послом пошли и велели приставом и королевским дворяном и служебником пословым ис полаты выти.

И как дворяне королевские и служебники ис полаты вышли.

И боярин Никита Романович с товарищи послом говорили ответ.

А се ответной список.

Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правеве // **Л. 16 об.** рующим в тя истинным крестьяном, дателю премудрости преневедомыи и пресветлыи и крайний верх, направи нас на истину твою и настави нас на повеления твоя и научи нас оправдания твоя. Сии убо Бог наш в Троицы славимый благоизволи скифетродержание в Росии царьстве утвердит и подаст первое по святом Крещении царя и владителя великаго Владимира просветившаго святым Крещением всю Росийскую змлю нареченнаго по святом Крещении Василия. Таже потом прародителя нашего царя и великаго // **Л. 17.** князя Владимира Манамаха иже от грек высокодостойнейшую честь царьствия восприимшаго и потом храбраго и великаго государя Александра иже своею храбростию всю Рускую землю от всех противных немец и латын в покое сохраняше. И хвалам достойнаго великаго государя Дмитрея иже над безбожными агаряны велию победу за Доном показавшаго, да ж дойдей до мстителя неправдам деда нашего великаго самодержца Ивана и до блаженные памяти отца нашего великаго государя Василия царя всея Русии законенным прародителствия // **Л. 17 об.** землям обретателя. Таже по сем в Троицы певаемыи Бог своим милосердием и благостию и пречистыя Богородица матери своя милостию и всех святых молитвами и прародителей наших благословением своим благосердием благоволи нам восприяти скифетродержания Росийского царствия. Мы же хвалим благословим поклоняемся Господови и Троицы славивому поем и превозносим его вовеки за премногую его милость произшедшую на нас. И иже христоносную хоруговию надо многими враги нашими нам недостойным велию победу даровавшаго сего мило // **Л. 18.** стию утвердившася сие наше повеление пишем. Мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии, Владимирьскийи, Московскийи, Ноугородскийи, царь Казанскийи и царь Астороханскийи, государь Псковскийи и великий князь Смоленскийи, Тверскийи, Югорскийи, Пермскийи, Вятцкийи, Болгарскийи и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговскийи, Резанскийи, Полотцкийи, Ростовские, Ярославскийи, Белозерскийи, и государь отчинныйи и обладатель земли Лифлянский неметцкаго чину, Удорскийи, Обдорскийи, Ко // **Л. 18 об.** ндинскийи и всея Сибирскийи земли и Северныя

страны повелитель и иных многих земель отчич и дедич и наследник и обладатель. Сие наше ответное слово даем с своими бояры боярином и наместником Великого Новагорода Никитою Романовичем Юрьевича Захарына, да оружеиничим своим и наместником Ржевским Богданом Яковличем Белским, да дворянином своим думным и наместником Суждалским Василием Григорьевичем Зузиным, да дворянином своим думным и наместником Зубцовским Дементием Ивановичем Черс // **Л. 19.** мисиновым Карауловым да дияки своими Ондреем да Василием Яковлевыми детми Щелкалова да Ондреем Василиевым сыном Шерефединова да Петром Ершом Михайлова. Стефана, Божию милостию короля полскаго и великого князя Литовскаго, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мазовецкого, княжети Семиградцого пану Станиславу Крыскому з Дробнина воеводе земли Мазовецкие старосте Плотцкому и Добрынскому, пану Миколаю Павловичу Сопеге, воеводе Менскому, пану Федору Скумину, подскарбею на // **Л. 19 об.** дворному Великога княжства Литовскаго.

Никите Романовичю.

Бог наш Троица, Отец и Сын и Святыи Дух, о нем же живем и движемся и есмы, им же цари царствуют и силнии пишут правду, сего милостию великой государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии и многих земель государь обладатель вам послом Стефана короля полскаго и великаго князя литовскаго пану Станиславу Крыскому воеводе Мазовецкому с то // **Л. 20.** Варыщи велел говорити: пришли есте к нам от государя своего Стефана и правили есте нам посолство и спрашивали есте нас от своего государя о здоровье, и велел государь ваш здоровье наши милости вам послом своим видети зычачи наши милости в ласце Божьей и счастливом панованья до веку долгово пребывати, яко многих панств во християнстве непоследнейшему царю.

Богдану Яковличю.

Тричисленаго Божества воединыствено поклоняемыго милостию // **Л. 20 об.** великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии велел вам говорити. А речю есте говорил, что государь Ваш розказал вам нам сказати что первое сего через посланников своих Юрия Кгруденского Труксаса и дворянина своего да Лва Буховисткаго ознаменил нам тое милостию Божью х Королевству Полскому и великому княжству Литовскоиму показанную по тех нужных часех оставшим бес пана и короля сшастливым приправеженьем ево королевства на стол тех панств з волного обранья всих станов, а особливе неме // **Л. 21.** рным своим Божиим милосердием справил згодныя умыслы на родов так великое великости людей, и подпанованья его королевству их сердце склонити захотел.

Василию Григориевичю.

Бога Троицы славимаго милостию великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии велел вам говорити: За что его святой милости дяку чинячи, а жадаючи на всем постерегати воле его Божие и яко его королевскую милость государем и королем // **л. 21 об.** над людом своим приложити хотел, также вси sprawy его королевские милости воли его святой подданы то завсетгы памятовати хотячи за собы своя, а жадныя причины не хотячи дати которая б ку ближенью в чом народу християнскому быти мела обачачи государь ваш иже много незгод панов християнских всему християнству належит про то со всею пристойною учтивостью яко меж первыми государи панств наши милости и его королевские заховывает и межи государи пограничные заховати лист свой до нас писати за // **Л. 22.** хотел и через посланники свои сказати о том, что король ваш вдячен, того быти хочет, что государствы наши такое прилегли к границам государств его. Зачем с помощью Божьею за годным панованьем наших милостей великий пожиток не одно государством, а бо полным але всем народом

христианским сстатися может тому достаточне мы могли вразумети с листу и посланников его королевски как всего доброго государь ваш король хочет христианству.

Дементию Ивановичю.

Бога Троицы славимаго милостию // **Л. 22 об.** великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси велел вам говорити, а что мы прислали лист свой на великих послов государя вашего через те посланники тем волю свою до братства государя вашего и добраго помешканья объявляючи, и к тому ознаумючи иже во всех границах своих розказали есмья х панствам государя вашего покой не заховатися, а государь бы ваш также по границам розказати велел покой не заховатися и послов бы своих великих для доброго дела до нас слал, разсужаючи в мысли своей // **Л. 23.** Яко за незмерным милосердием Божиим тех великих государств которые могли приносить тем панствам за ласкою его святою отдалены и успокоены суть, про то и с нами за его святою волею давно зашлые речи привестися могут, иже мы также и государь ваш доброго христианского умыслы свой споклонныи обернути хотел.

Дияку Андрею Щелкалову.

Бога Троицы славимаго великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси велел // **Л. 23 об.** вам говорити и для того посылает государь ваш за тым кглейтовным листом опасным к нам послов своих великих с Коруну Полские и Великаго князства Литовскаго пана Станислава Крыйскаго з Дробнина воеводу земли Мазовецкие старосту Плотскаго и Добрынскаго, пана Миколая Павловича Сопегу, воеводу Менского, пана Федора Скумина, подскарбего дворнаго Великого князства Литовскаго, давши вам мочь, абы тые речи с которых не одно меж особами предков наших и межи государств розни и не // **Л. 24.** приязни множилися, и межи б панств ко успокоенью к лепшему привестися могло, а которое постановенье с предком нашим з Жигимонтом Августом королем было и по еханью короля Гендрика через лист наш покой обещанныи не зостало в своей целости а под тым часом и посланцы были у нас государя вашего и шкота немалая сталося через людей наших Магнусом королем о том вам послом государь ваш поручил молвити и объявити и становити межи нами как Коруну Полские и Великого князства Литовскаго как бы и в земли Лифлянской на доброе по // **Л. 24 об.** мешканье в христианстве дойти могло пристойно.

Дияку Василию Щелкалову.

Бога в Троицы славимаго милостию великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси велел вам говорити: а государь ваш по всем границам панств своих розказати рачил воеводам старостам и иным урядником своим чтоб с покоем заховалися и воины не всчинали с нашими украинами да того часу до коих мест вы послов меж нас сходите и ку слушному по // **Л. 25.** становенью привести будете могли для чего невинная кровь христианская розливалися.

Дияку Ондрею Шерефединову.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси велел вам говорити и о том бы нам ведаючи и смотрячи склонность государя вашего ко всему доброму и ку спокоенью христианскому. А повожаючи о том яко велики упадок со всех сторон на христианство от немалого часа приходит // **Л. 25 об.** и нам бы по тому ж обмышляти яко бы все доброе на успокоенье и на свободу христианству сстатися могло.

Дияку Ершу Михайлову.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси велел вам говорити. А что государь ваш того стережет всего чтоб было с лепшим тех государств свою волю открывати хочет иже со всеми государи христианскими а особливе с нами в доброй приязни и в помешканью бытии // **Л. 26.**

хочет. И о свободе оспокоенью христианства намолвляти хочет и хотячи обоим панствам и в них народом христианским спокойного згодного помешканья хочет.

Никите Романовичю.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великий князь и великий Иван Василивичь всеа Руси велел вам говорити: и что есте говорили, что государь ваш просячи Божьей милости и осматряючи в своем королевстве и хотячи всего доброго // **Л. 26 об.** во христианстве да сам же с вами приказывал, что к доброму делу не пристоит. Велел вам нас вспросити о здоровье, и в тех речех написано, что мы не последнииши государи и то есть нашей парсуне укорительно, что нас прировнял не к великим государем, а з Божьею волею у деда нашего и у отца нашего и у нас многие государи служивали с великих государств. А княжество Семиградское нигде есма не слышали в государских титлех. И государю было вашему так написати не пригоже, и мы б умели также укорительные слова писати, // **Л. 27.** да как есте государи христианские для христианства того писати не хотим.

Богдану Яковличю.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великий князь Иван Василивичь всеа Руси велел вам говорити. А что государь ваш приказывал о своих посланниках о Юрью о Груденском да о Льве Буховитцком и о своем сидение на королевство и то нам ведомо. А что мы присылали лист свой опасной на великие послы государя // **Л. 27 об.** вашего и государь ваш того хочет, чтоб вами давно зашлые дела постановити и для того посылает государь ваш за тою нашею опасною грамотою вас послов своих великих, что межи особами предков наших и меж государства неприязни множилися, ино наши предки отец наш и дед наш великие государи также и прежние короли Королевства Полскаго и Великого княжства Литовскаго и королевич Гендрик францовской также и брат наш Жигимонт Август король и отец его Жигимонт, и дед его Казимер, и прадед // **Л. 28.** Его Егайло были великие государи, и таких великих государей вашему государю Стефану княже Семиградскому в предки писати непригоже, заиже не от их роду ни паки от их ровности великих государей.

Василию Григорьевичю.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великий князь Иван Василивичь всеа Руси велел вам говорити. А что государь ваш дал вам мочь как межи нашего государства и Коруны Полские и Великим княжеством Литовским и з государем Вашим с Стефаном королем // **Л. 28 об.** к пожитию христианскому к лутчему покою привестися могло, и вы б то бояром известили, которым обычаем тому статися мочно, и как государь ваш вам приказал то дело на которой мере постановити. А что лист наш которой послан был до короля Гендрика и в целости будто не остал через наших людей Магнусом королем, ино то лист потому в целости не остал, что Гендрик король от вас съехал государство отставя ино то во всех землях в обычае ведется покаместа государь жив или не переменитца // **Л. 29.** по та места и крепость утвержена. А как государя не станет или переменитца ино так крепость живет не в крепость, тогда живёт новая крепость, ино потому тот лист в целости не стал. А голдовник наш король Арцымагнушь ни своими людми, ни нашими людми того листа ничем не порушил, потому занже нигде наши люди ни голдовника нашего короля Арцымагнуса в литовской земле войною люди не бывали, и то опасному листу *некоторые*³⁰ порухи не учинилося. А о Лифлянской земле нигде о том // **Л. 29 об.** писма не бывало ни с кем, занже вся Лифлянская земля из давних лет вся отчина наша, так и тот опасной лист, которой есмя послали с посланникигосударя вашего ничем не нарушен, потому что в Литовской земле жадным словам рати и войны некоторые обиды не учинилося. Также

³⁰ Написано на полях, в строке — знак вставки, где должно читаться пропущенное слово.

и мы ходили своей отчины Лифляньские земли ззирати. И по нашей заповеди наших людей ништо Литовские земли ничем не зацепил.

Дементию Ивановичю.

// **Л. 30.** Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великии князь Иоан Василиевичь всея Руси велел вам говорити. А что государь ваш велел вам послом своим меж нашего царства и Коруну Полские и Великого княжства Литовскаго на доброй покой меж христианства постановенье учинити как пригоже, и мы бояром своим велели с вами говорити с Корунною Полскою и Великим княжеством Литовским о постановенье и говорити и учинити как пригоже и вы б государя своего и панов рад хотенье объявили. И как вам приказано о том делати // **Л. 30 об.** а о Лифляньской земле о том говорити нечего, та вся земля отчина наша. А что государь ваш велел по границам своим спокойнесь заховати, доколева вы послове меж нас сходите, и то государь ваш учинил гораздо. А мы по тому ж приказали по всем своим пограничным местом спокойнесь заховати.

Да дияку Андрею Яковлеву.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великии князь Иоан Василиевичь всея Руси велел вам говорити. И похочет ли // **Л. 31.** государь ваш с нами доброго жития и покою, и он бы попаметавши нашу грамоту которую есмя к нему послали ис своей вотчины Лифляньской земли с ротмистром Александром Полубенским, толко он с нами похочет братцкие приязни и любви, и он бы вас послов своих посылал к нам не омешкаючи. И нам бы учинил почестливость. Также присылали есте к нам с Павлом с Красовским в нашу отчину в Лифляньскую землю на Двину и мы к тому вашему посланнику посылали своего ближнево дворянина Михаила Ондреевича // **Л. 31 об.** Безнина. И к вам есмя лист свой и указ послали. А бояре наши к вам писали по тому ж о почестливости. А после того вы писали с Орши к нашим бояром, что к вас писали наши бояре, боярин наш и наместник Великого Новгорода Никита Романович Юрьевича Захарьина с товарищи, а почестливости нашим посланником с Павлом с Красовским, и вы о том послали до короля указу просити. А затем стоите, а ждете в Орше. И вы б то нашим бояром ныне объявили, что с вами о той нашей почестливости от вашего // **Л. 32.** государя приказ есть.

Дияку Василию Щелкалову.

Бога в Троицы славимаго милостию великии государь царь и великии князь Иван Василиевичь всея Руси велел вам говорити. Ино в обычае ведетца первое о болших делех говорят, и опосле того о менших делех. Ино первое то дело не уговоривши, того как вашему государю с нами в дружбе и в любви и о землях, делати дела нелзя. И в братстве ли ему с нами быти или не в братстве? И будет бытии ему с нами в братстве, и нам с ним // **Л. 32 об.** в братстве бытии непригоже, потому что наше государство почен от Августа цесаря Римского севаста, всей вселенной ведомо, так же и от Пруса от Августова брата, обладавашаго во граде Милборке и Торуй и Хвоинице и Гданску по реку, поглаголему Немон, яже течет в море Варяжское. И от Пруса четвертое на десеть колена прародителей наших: князь великии Рюрик, и был в Великом Новгороде, и сын его Игорь, иж в Киеве государство воздвиже, и сын его Святослав, иже государствовал в Переаславце Дунайстем, иже есть ныне Веднаибен, и вели // **Л. 33.** кий князь Володимер, иже просветил всю Рускую землю святым крещением, нареченный во святом крещении Василей, и царь и великии князь Владимир Манамах, иже отрек царствия скифетры приобрене, и храбрый великии Александр Невский, и хвалам достойнии великии Дмитрей, иже противу огарян по правой вере брася и победи. И великии государь дед наш и отец наш, и мы. И как Бог своим милосердием нас, смиренных раб своих, прослави, то во всей вселенной ведомо, также и братия наши, короли полские

и великие князи // **Л. 33 об.** литовские от ведомого государства и ведомые государи были. Почон от великаго Владимире, просветившаго Рускую землю святым крещением, что взял город Полотцк, и Рогволодову пототцкого князя дщерь Рогнедь взя за себе. И от тое Рогнеди родил сына Изяслава и посади его опять на Полотцку. А у Изяслава сын Бречислав, а у Бречислава сын Всеслав, а у Всеслава дети Борис да Ростислав, а у Бориса сын Рогволод. А рогволодовых детей Василия да Ивана да Ростислава князь великий Киевской Мстислав // **Л. 34.** Володимирович Манамах Смоленской за непослушанье поймавши да сослал в Царьгород в заточенье. А гетманы литовские со страхованья великаго князя Мстислава приложишася дань лавиты королю Угорскому. А города, которые ныне за королем Полским, те были обладаны князьями черниговскими и галицкими и смоленскими и киевскими. И оттоле вилянне взяли себе ростиславлих детей Рогволодовича на государство, Давила да Мовколда, а давилон сын Вид, его ж люди Волком звали. А Видов // **Л. 34 об.** сын Проиден, а Проидене сын Витин, а Витиненев сын князь великий Гедиман Литовской. А Гедиманов сын князь великий Олгерд. А Олгердов сын король Ягаило, а Ягаилов сын Андрей Казимер. А Казимеров сын Жигимонт. А Жигимонтов сын Жигимонт Август по ся места. И те были славные великие государи, наша братия, по всей вселенной ведомы. И по коленству нам братия. И по потому и Корона Полская и Великое княжество Литовское наша вотчина, что того роду не осталось никого. А сестра // **Л. 35.** королева государству не отчич. А Полская земля почон от княжства Болеслава лятцкого Толстого, которой помогал Святополку против великаго Ярослава. И потом Болеслав Пудикос, при котором Батый Кракоу и Содомер обьвоевал, и всю Полскую землю вывоевал, и потом Лекса Черной, монарх Полский. И потом иные князи и короли были на Полском государстве, и до королевы Ядвиги, которую понял король Ягайло и королем ся учинил на Полском королевстве. И по тех мест князи и короли Полские // **Л. 36.** были в равенстве и в дружбе и в любви со князми с галитцкими и с ыными тое украины, а с киевскими великими князми и в послушенстве были, также и угры пособствовали великим князем Киевским, великому князю Изеславу Мстиславичю на Володимерка на галитцкаго на реке на Сану. А ягайлов сын короля Полского и великаго князя Литовскаго Владислав был на королевстве на Угорском. А после того Казимеров сын Владислав же был на королевстве на Угорском. А сын его Лодовик, // **Л. 36.** которого турецкой убил и посадил на угрех Януша Седмиградцкого. А Яныш был угорского короля у Лодовика гетман навьшшой. А Януш по ссылке с турецким Лодовика короля подал и всем своим полком отступил. И для тое израды турецкой его на королевстве на Угорском учинил. А Седмиградцкаго государства нигде есмя не слыхали. А будет государь ваш Стефан Янушу по сродству имаецца, и по тем по всем случаем государю вашему Стефану с нами в ровном братстве бытии непригоже, а похочет с нами братства // **Л. 36 об.** и любой, и он бы нам почестливость учинил.

Дияку Ондрею Шерефединову.

Бога в Троицы славимаго милостию великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всяя Руси велел вам говорити. Ино говорити о болших делех наперед, а большое дело то, похочет государь ваш наши любви и приязни, и в землях христианству покой, и с нами братцкие приязни, и государь бы ваш Стефан первое велел описовати наше царское имя по нашему царскому венчанию и наши титла // **Л. 37.** описовати сполна. Так же и Великое княжество Смоленское и княжество Полотцкое тебе велел описовати сполна в нашем титле, потому что Великое княжество Смоленское из давных лет Руское государство, Бог его дал в руки великому государю отцу нашему блаженные памяти великому государю Василию. А тот род, у ково Бог взял да отдал отцу нашему великому государю в руки, извелся. А государю вашему не есть то вотчи-

на. Так же к Великому княжеству Смоленскому которые пригороды, город Мстиславль с волостями, город Кричев // **Л. 37 об.** с волостями, город Дубровна с волостями, город Орша с волостями, город Друческ с волостями. А Полотцкое княжество также Бог нам поручил, за неправду брата нашего Жигимонта Августа короля, что вступился в нашу отчину в Лифлянскую землю. И ныне Божья воля ссталося, брата нашего Жигимонта Августа короля в животе не стало, и той вотчине Полотцкой вотчича оприч нас никого нет. А государь ваш той вотчине не есть вотчичь. И он бы к той нашей вотчине к городу к Полотцку поступился Полотцкого повету города Луко // **Л. 38.** мля с волостями, города Белмаки с волостями, города Чашников с волостями, города Бобынич с волостями, города Голубича с волостями, города Улы с волостями, которой в незгуду Божия посланья взяли, города Копца, той ж Дисна с волостями, города Мерешковичи с волостями, города Дрыси с волостями, города Лепля с волостями, города Лебедка с волостями, города Ушача с волостями, и весь Полотцкой повет.

Дияку Ершу Михайлову.

Бога в Троицы славимаго милостию // **Л. 38 об.** великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всея Руси велел вам говорить. Да государь же бы ваш не вступался в нашу отчину во всю Лифлянскую землю. Так же и в княже Курлянской и со всею Курлянскою землею не вступался. А королю Стефану до тое земли до всее дела нет, за иже из давних лет николи отлучена Курлянская земля от Лифлянские земли не бывала, все то слысла одна Лифлянская земля. Так же бы государь ваш Стефан король поступился нам для нашего царскаго имени города Киева с волостями, // **Л. 39.** Города Канева с волостями, города Черкасец с волостями, города Остри с волостями, та же для братства и любви поступился б нам государь ваш города Вышегорода с волостями, Белого городища с волостями, города Любеча с волостями, городища Лоевы горы с волостями, города Житомера с волостями, города Чичерска с волостями, города Пропойска с волостями, города Чернобыли с волостями, города Речицы с волостями, города Стрешеня с волостями, города Рогачева с волостями, города Радомля с волостями, // **Л. 39 об.** города Магилева с волостями, города Шклова с волостями, города Копоси с волостями, города Быхова с волостями, города Гомья с волостями, города Витепска с волостями, города Сурожики с волостями, города Лутцкой Великаго с волостями, Переславскаго городища, а Красное городище тож с волостями, Треполскаго городища с волостями, Белая Церковь на реке Нарси с волостями, городища Звенигородскаго с волостями, города Слободища с волостями, города Жеславля с волостями, города Глушеска с волостями, // **Л. 40.** города Случеска с волостями, города Мозыря с волостями, города Вручей с волостями, города Звечма с волостями, города Давыдова городка с волостями, города Петроковича с волостями, города Турова с волостями, города Пинеска с волостями, города Кобрына с волостями, города Берест с волостями, города Горвола с волостями, города Боброеска с волостями, города Свислача с волостями, города Борисова с волостями, города Меньску с волостями, города Друя с волостями, города Кнажня с волостями, // **Л. 40 об.** города Логоеска с волостями, города Тетерина с волостями.

Никите Романовичю.

Бога в Троицы славимаго милостию великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всея Руси велел вам говорить. И похочет государь ваш с нами братства и любви, и христианству покоя, и толко того всего нам поступитца, и мы с ним потому братства и любви хотим. И что будет за вами о тех делех от государя вашего приказано, и вы бы тот государя вашего приказ нашим бояром явили.

// **Л. 41.** И как бояре послом ответной список прочли, и послы Станислав с товарищи, выслушав ответ, от бояр с места поотошли, и поговоря себе, говорили боярину Никите Романовичю с товарищи: Говорили есте нам от государя своего великие дела

широко, и мы иных дел в том вашем ответе не уразумели. И вы б государю своему о том известили, что вас с ответом пришло к нам восемь человек, а нас всего три, и мы того государева ответу вскоре не уразумели, и государь бы царь // **Л. 41 об.** и великий князь велел нам дати ответ писмом, и мы, выразумев государя вашего ответной список, против ответу известим.

И боярин Никита Романович Юрьева с товарищи те их речи сказывали царю и великому князю.

И царь и великий князь литовским послом ответной список велел дати и велел их отпустить на подворье.

И по государеву приказу дьяки Ондрей да Василей Щелкаловы послом ответной список дали и отпу // **Л. 42.** стили их на подворье, а приставы с ними ехали Остафей Пушкин с товарищи.

И генваря в 18 день в субботу царь и великий князь велел послом литовским Станиславу Крыскому и Миколаю Сопеге и Федору Скумину бытии на дворе. А ездили по ним приставы Остафей Пушкин с товарищи.

А как приставы с литовскими послы на двор ехали, и высели послы из саней, и дворяне королевские, и послы служебники с коней ссели по пре // **Л. 42 об.** жнему, и встреча им была по тому же, как и на приезде.

А явил их околничей князь Петр Иванович Татев.

И царь и великий князь велел послом сести.

И велел им с приставы идти в Набережну полату.

И выслал послом боярина Никиту же Романовича с товарищи.

И послы говорили против ответу, что дан им ответной список, да дали речем своим список, а в списке пишет.

// **Л. 43.** Великого государя Ивана Василиевича Божию милостию государя всея Руси и великого князя Володимерскаго, Московскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астороханскаго, Псковскаго, Тверскаго, Югорьского, Пермскаго, Вятцкого, Болгарскаго и иных, бояром думным боярину и наместнику Великаго Новагорода Никите Романовичю Юрьевича Захарьина да оружейничему государскому наместнику Ржевскому Богдану Яковличу Белскому, дворянину государскому думному и наместнику Зубцовскому Дементию Ивановичю Черу // **Л. 43 об.** мисинуву Караулову да дьяком государским Андрею и Василию Яковлевым детем Щелкалова да Ондрею Василиеву сыну Шерешединову да Петру Ершу Михайлову отказна мовение их, список, который нам подали, будучи первый раз з нами великими послы его королевские милости государя нашего на розмове.

Говорили есте нам именем великого государя Ивана Василиевича Божью милостию государь всея Руси и великого князя Володимерскаго, Московскаго, Новго // **Л. 44.** родскаго, Казанскаго, Астороханскаго, Псковскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкого, Болгарскаго и иных, государя вашего припоминаючи нам посолство наше, с которым есмо от государя нашего великого короля Стефана до вашего государя пришли и перед его государскую милостию по науце и розказанью его королевское милости правила, которое мы все посолство до его милости государя вашего через нас в сказаное добре помним, а потом мовили есте нам именем его милости государя вашего, иже то государь ваш з нелюбостию от его королевское милости государя нашего при // **Л. 44 об.** мовати рачит, якобы государь наш король его милость якое укорительное слово парсуне его милости государя вашего через нас на³¹ поселстве всказати имел, зовучи его государскую милость многих панств в христианстве не последнем государем. Ино того слова есть ваша милость на поселстве нашем не зразумели бо великий

³¹ Вписано над строкой.

государь Стефан король Польский и великий князь литовский государь наш чинячи почестливість его милости государю вашему засобы своей государской, что не вемы есть ли коли перве сего от перших королев государей наших так // **Л. 45.** приятельское и зычливое поздоровенье всказавано бывало тыми словесы всказати до государя его милости вашего³² рачил зычачи государя вашего милости в ласце Божьи и счастливом панованью до веку долгово пребывати яко многих панств во христианстве не последнему государю, што сказует последнему государю всим великим государям христианским ровному государю про то нехай его милость государь ваш того всказанья от государя нашего иначей разумети не рачит одно так власне яко суть выложило бо ся толко и с того познати // **Л. 45 об.** может иже по так великим зычливом поздоровенье от великого государя до великого государя есть ли бы ся сошло якое укорительное слово писати токо ж до того мудрово баченью припушаем. Але мы великое послове его королевское милости государя нашего. Болшеи в том мовенье в нашем слышали и на списку видели есмь укорительных слов парсуне государя нашего где поведаете иже государю нашему его королевской милости королев полских и великих князей литовских предков своих государских продками писати непригоже и на дру // **Л. 46.** гом месце мовити иже его королевской милости государю нашему з государем вашим в ровном братстве быти не пригоже. Так же и на иных месцах ино такие укорительные слова к делу доброму межи великих государей трудно приводити могут. А великий государь наш Стефан Божью милостию король полский и великий князь литовский есть правдивым потомском обычаем королеванья всим великим государем славное памяти королем полским и великим князем литовским з воли и призрения Бога в Троицы // **Л. 46 об.** славимаго от народу полного Коруны Полские и Великого княжства Литовского и иных многих земель к тым государствам належачих. Одно с тайным умыслом изгодливыми усты обраны водлуг прав волности извычею тых волных народов будучи панов с прародителей своих не толко народу государского высококого в Земли Угорской всему христианству добре знакомого, але храброю должностью прародителей своих многих манархов превышающого из давных часов яко суседством // **Л. 47.** так у прямою приязню з народами нашими злучоною с которыми себе против ко иным народом влща поганским помогали исполом, аже в Земли Мацыдонской воевали с которого народу перед тым короллю ис в нас пановал а у них за ся з нашего народу три короли пановали. Яко о том и в том списку через вас думных бояров его милости государских нам дано есть поменено про то есть от нас государем княжа Седмиградцкой разумом великим мужеством и беглостью в справах рыцерских от Пана Бога обдарованый которого государя нашего // **Л. 47 об.** дед на том же панстве будучи болшей крови поганская а нежели которы крестьянский боевник от трех веков пролил, и не толко в Земли Седмиградцкой албо Угорской то ся оказывало але о том много сот лет доли кого о свете ж в Земли Святой сарацынам давался знати з влща коли у оной для великости войск срацынских на страшливой битве при горе Таборе их наголову поразил чего всего лацно с кроник доискатися можете бо так разумеет иже тут в панстве его милости государя вашего // **Л. 48.** Много кроник маете о чом ширшими словы вас небавячи до иншей речи звернутися мусим. Говорили есте нам от его милости государя вашего абых мо первой з вами говорили которым обычаем государю нашему з вашим государем в братстве и в любви бытии, а после того о землях дело делати, и доложили есте того иже государю нашему з государем вашим о братстве бытии непригоже выличаючи многмы словы род, яко их милость блажены памяти прародителей государя вашего также прародители славной па // **Л. 48 об.** мяти их милости государей наших ино и в том месцу парсуне государя нашего укорительное слово причтено есть которого

³² Вписано над строкой.

е доброго дела не зозидает к тому припоминаете же для злученья кривностью государу вашему з нашими государи з мерлыми короли полскими и великими князи литовскими, иже по смерти Жикгимонта Августа государя нашего сына его государскаго сына его не остало Коруну Полскую и Великое княжество Литовское. Государь ваш спадком себе привлащает. А так мы будучи от государя нашего великого короля // **Л. 49.** до великого государя вашего послами великими, не приехали есмо тут яко родов их милости государских считати, так сяких новых а не слыханних спадков слухати, чога иже от государя нашего так на поселстве яко в науце нашей не мает о том не толко мовити, але и мыслити ничего не можем, кгда ж государь наш яко прудкове его королевское милости *государя нашего королеве полские*³³ и великие князи литовские Жикгимонт Первши и сын его Жикгимонт Август, и иншие пред ними будучи е хотя же государями прироженными Короне Полской и Великому княжеству Литовскому // **Л. 49 об.** были пред ся не правом дединым але с волных всих станов рыцерьских обранья водлуг звычайо прав и волности наших Коруну Полские и Великого княжества Литовского на тые государства входили тым же обычаем и государь наш теперешней Стефан Божью милостью король Полский и великий князь литовский на тые государства уступивши Коруну Полскую и Великое княжество Литовское от самага всемогущаго Бога в мощь, справу и владность его государские милости з верную и порученую со всеми землями и панствь // **Л. 50.** ку тым государством прислухаючими за волным поданье всех народов обывателей тых государств держит и вживает одно приехали есмо от государя нашего великого короля послами, дела государские водлог з выслого стародавнаго обычаю меж ими великими государьми и меж государствы делати, и иже мовили есте нам именем его милости государя вашего, яко и в списку есть, а бых мовам ознамили которым бы обычаем дело доброе меж государи ку пожитью христианскому и лепшому покою статися могло, мы хотя ж бых мо то стороны его милости государя ва // **Л. 50 об.** шего от вас бояр думных его милости государских слышити хотели которым бы обычаем тому делу статися, але иж именем его милости государским нас пытаете. Мы вам бояром думным сказываем, похочет ли великий государь ваш з нашим государем королем Стефаном приязни и любви на вси пришлые часы жити нехай бы все города от Великого княжества Литовского, так и земли Лифляньское предков его королевское милости и за самого его королевскую милость в земли Лифляньской побраные были ку пан // **Л. 51.** ством его королевской милости привернены, яко власная власность тых государьств водле сего списку, которой вашей милости даем.

Як же и в княже Курляйтцкое и в землю его Курляньскую яку властного голдовника и подданного его королевские милости нехай бы ся его милости государь ваш не вступал.

Кгда ж и сам его милость государь ваш в листе своем пишучи до княжати курляньского признавает быти тую землю // **Л. 51 об.** Курляньскую властную землю Курляньского княжати так те ж и воеводы его милости государские князь Семен Дмитриевич Булгаков да князь Михаило Васильевич Обеленской пишучи лист свой земли Ифляньской до войска его королевское милости государя нашего то признавают иже земля Курляньская есть земля государя нашего великаго короля. Говорили есте те ж нам именем его милости государя вашего иж побранье городов Ифляньской земли постановенье и покой обещаныи не нарушился.

// **Л. 52.** Ино мы так помним и ведаем иже его милость великий государь ваш через посланцы великого короля государя нашего Юрья Кгруденского а Лва Буховитцкого в листе своем государском до государя нашего написал, обещаючи по всих границах держанья своего государскаго разказати покой неся заховати и ки лет нна великие

³³ Вставка на полях.

послы послал тут кожды обачити может где в тот час граница вашего государя в тых замков Лифлянских государя нашего тепер недавно за посланьем к клеиту на великие послы побранных была што есть тех именем его милости государя // **Л. 52 об.** вашего вам мовили о почиливость его милость государскую. Ино мы тую почестливость государу вашему от великого короля государя нашего через нас до его государские милости всказаную водлуг воли и порученья его королевские милости государя нашего за всякую пристойною учтливостью его милости государу вашему от его королевской милости отнесли, и объявили кгда государь наш король ни в чом не зменшил тытулу государя вашего. Здавна от королев полских и великих князей литовских писати звыклого не упускаючи государством своим чего сте // **Л. 53.** речи повинен. А иже и о том от его милости государя вашего мовили есте, абы государь наш вашего государя государским тытулом почестил, так теж и преписаньем инших титулов, ино так великие а важные речи есть ли бы ся что нового межи государи становити мело непоходяте, одно за доброе, а статечне утвереную приязню про то есть ли его милость государь ваш вь яких делех чево потребовати будет, его милость через свои послы до его королевское милости государя нашего всказовати волно. А его королевская милость для доброго христианского што // **Л. 53 об.** слушнаго к ученью будет прихилным ку всему тому штобы пристойно королеве христианскому вчинити належало.

И боярин и наместник ноугородкии Никита Романович с товарищи речи их сказывали и список речей их чли государю царю и великому князю.

И государь царь и великий князь, говоря з бояры, велел идти к послом дияком Ондрею да Василию Щелкаловым, да Ондрею Шерефединову, да Петру Ершу Михайлову, а велел им послом молвити.

// **Л. 54.** Царьского величества боярин и наместник Великого Новагорода Никита Романович Юрьев с товарищи ваши речи и письмо вашим речем доносили до царьского величества.

И царьское величество велел вам сказати: которые есте речи бояром против государева ответного списка говорили, к своим речем писмо дали. И те речи к добру не пристоят, большое есте от своего государя с безделием приехали, и вы поедете на подворье, а как вам время будет, и вам и отпуск ска // **Л. 54 об.** жут да кликнул дияк Ондрей Щелкалов приставов Остафья Пушкина с товарищи, чтоб с послы ехали на подворье.

И послы Станислав Крыской с товарищи дияком Ондрею Щелкалову с товарищи говорили: Повышлите приставов, некую речь хотим вам молвити.

И дияки Ондрей Щелкалов с товарищи приставов выслали.

И послы Станислав Крыский с товарищи говорили: Мы к великому государю от своего государя приеха // **Л. 55.** ли посолством, а ты речи, которые мы говорили бояром и письмом дали не есть так будет как писано. Мы писали против вашего писма, что вы в ответном списке написали много, и мы против того писма потому ж много написали, и вы, писари государские, донесите наше слово до бояр, чтоб бояре были у нас. Мы, послы велике своего государя, приехали есмя не на то, что сидети на подворье. Приехали есмя для доброво дела. И будет не сойдетца к доброму, что мы писмо дали вам, а то писмо что выдали потому // **Л. 55 об.** же не сойдется, мы писмо дали против вашего писма, и мы иное будем говорити. Бояре государя вашего люд цнотливы и умны, и они б осматривали на добро, чтоб х покою христианскому привести. А мы государя своего послы потому ж учнем говорити, как бы кровь христианская уняти. А на добро привести будет покой вечной не соидетца, ино б на перемирье делати. И мы, послове от своего государя у государя вашего с вами поговорим, и смолву чиним. А вашего б государя послы, будучи у государя нашего, потому же делали. И говорили // **Л. 56.** что покою христианскому, а те речи не есть потому стстатися могут, что мы

писмом дали вам бояром. И вы, государьские дьяки, те наши речи донесите до бояр до думных, чтоб у нас бояре были, с нами говорили.

И дьяки Ондрей и Василей Щелкаловы с товарищи речи их сказывали государю, а послом велели себя с пристава дожидатися.

И государь царь и великий князь с сыном своим с царевичем с князем Иваном и з бояры говоря велел идти к послом боярину Ни // **Л. 56 об.** ките Романовичю с товарищи да послом молвити: Которой они список ответу своего речи против государьского ответу дали, и в том списке писаны многие непригожие слова, за которыми словы делу доброму никоторому постановитися не мочно. И бес почестливости государю царю и великому князю з государем из с Стефаном королем в братстве никак бытии непригоже. И дела никоторого не делати, и они б все бе поискали как им о добром деле делати наказано. Что б как дело доброе на // **Л. 57.** покой христианской постановитися могло, до что от послов отродитца, ино с ними говорити. А будет ничего не отродитца, и бояром отпустить послов на подворье, а речи их сказати государю.

И по государеву приказу боярин Никита Романович с товарищи послом речь говорили. И послы, выслушав речь, говорили: Давеча есмь нам писарем государским говорили, чтоб вы наши речи до государя своего думных бояр донесли, чтобы бояре государя вашего с нами о государьских // **Л. 57 об.** делех переговорили, как бы делу доброму на покой христианской сстатися мочно. А которой ответной список дан вам от государя вашего, а в том списке много высоких слов непригожих ко государю нашему написано. И мы по государя своего приказу потому ж написали. И будет дело на покой вечной делати зачем не соидетца, и мы учнем делати промеж государей на перемирье. И как послы государя вашего у государя нашего будут, и тогда послы великие промеж промеж государей на обе стороны найдут, как дело доброе на покой христианской постано // **Л. 58.** вити. И боярин Никита Романович с товарищи послом говорили, опричь того иные речи за вами, которые б сходителные к доброму делу были есть ли? И мы ваши речи скажем государю.

И послы говорили: Которые за нами речи были, и мы речи свои по государя своего приказу вам, государевым бояром, изьявили, и что будет на то воля государя вашего, и вы б нам то изьявили.

И бояре послов отпустили с пристава на подворье, а речи их сказывали государю царю и великому // **Л. 58 об.** князю.

И генваря в 20 день в понедельник велел царь и великий князь литовским послом Станиславу Крыскому с товарищи быти на дворе, а посыланы по них пристава их Остафей Пушкин с товарищи.

А приезд их и встреча им была потому ж, как преже того.

И как к государю пошли в ызбу, явил их челом ударити околничей князь Петр Иванович Татев.

// **Л. 59.** И царь и великий князь велел послом сести, и, посидев немного, велел послом молвити дьяку Андрею Щелкалову, чтоб шли в Набережную полату, и высылал к ним говорити боярина Никиту ж Романовича с товарищи, а речи велел прочести дьяку Василию Щелкалову о его государстве, о царском имени, и о землях договор.

И боярин Никита Романович Юрьев с товарищи послом речи говорили по списку, а список чел лияк Василей Щелкалов.

А се таковы речи бояре послом го // **Л. 59 об.** ворили.

Божию милостию великий государь царь и великий князь Иван Василиевич всея Руси велел вам говорити. Говорили есте нашим бояром и писмо дали, а писали есте что к доброму делу не пристойит. А сказываете, что будто вы и государь ваш нас больши почтили. А вы и в том своем писанье поправлявая тож написали, что не

последнейшей, а сказываете то похвала, и нам бы то поразумети, и мы то поразумели гораздо, что то укоризна, а не похвала, что не последнейшей мало что не худой, // **Л. 60.** где толко дватцать человек или болши того, ино не последнейший то любо десятой или пятонацатой. А во се вас три, ино Федор Скумин третей, а болшей Станислав, а мы з Божьею волею над собою болшого не ведаем никого, а не токмо что пятонацатые или десятые или пятыя ни шестыя, ни паки другия, но везде Божьим милосердием первые есмь в государех. Цысарь и турской те нам братья, а те всех государей болши. А отговариваете бесерменских государей честь и величеством вы Божью повелению противитесь, яко же рече апостол Павел: Всяка душа // **Л. 60 об.** владыкам предвладущим да повинуетца, никакая ж бо владычества от Бога учинена суть, не было бы Божье изволение. Ино бы и царство не было, хотя они во глубину прелести поползнулись, не познав Божия на себе благодарения, но однако государи. А тово о чем забыли есте как бесермяна те пленят и воюют и связанных перед собою государей и бояр держат и государства емлют, и женами их и богатством владеют и всякия человеческия чести и славы и высоты и царствия доступают и испровергаю и то ни во что же ли положити. А их самих // **Л. 61.** казнят и поругаютца и бьют, ино ведь кто бьет, тот лутче, а ково бьют да вяжут, тот хуже. Большое гордово с послухи бити, били его, а он сказывает не бивали, а Салманасар царь Асирииский город его Ниневгии каков величеством семь ден ходу через него было, а Сенахерим, а Навходоносор, а великий Александр Македонский, и Август кесарь римский, и те все были нехристианские государи. А ещо и до Христова пришествия да много тех великих государств было, те все худы ди были и безчестны, и вы то говорите негораздо пи // **Л. 61 об.** шете, чтоб нам поразумети, а вы сами того что говорити не разумеете. А что хотите чтоб государь ваш нам брат был без всякого прекословия как прежняя наша братия короли полские и великие князи литовские, ино тому быти непригоже, потому что Коруна Полская и Великое княжество Литовское нашему государству брат, а Стефан Семиградцкой нам не брат ни по государству, ни по роду. А Семиградцкое княжество прислухало к Угорскому королевству. А Маттияж король Угорский ссылался з делом нашим блаженным // **Л. 62.** памяти великим государем Иваном, и нам то ведомо гораздо, а Седмиградцкое княжества тогда было и не слышать. А славный воевода Стефан Воложской каков был Семиградцким княжеством, и которому королю он был брат? А каков был дороден, да могли у которого государя браство взятии. И после того Петр и Богдан и Ильяш и Александр и Мутьянский воеводы и Прусской маистр и Брунсвитцкой князь Исашское великое княженье и Кроновы князи которые цесаря обирают на государство и все ли те нам и королем полским братия // **Л. 62 об.** и Седмиградцкое княжество каково с теми государьствы сами ведаете. А и Слутцкое княже у вас не хуже Стефана, потому что от роду славных великих государей литовских. А к отцу нашему блаженные памяти великому государю Василию, царю всея Руси, присылал брат ево цесарь Римской послов своих Леонарда комита, а комит дукс, а дукс князь великий. И коли б то наше самодержжество было посреднее, ино бы такие великия люди с таких великих держав в посолстве к нам не ходили. А Седмиградцкое княжество каково с теми са // **Л. 63.** ми разсудите. А припоминаете Давида царя, ино Давида царя Бог избрах, а не люди, не похотели, тогда ходи волимы быти архиреи, да просили царя, и Бог на них прогневался, да дах им Саула. И после того Бог, видя скорби их, на них умилосердился, да послал Самуила пророка, и дал им Давида. А в Самарии много мятежеством человеческим избрание царем было. Да что было, благо? А вы хвалитесь, что вы его в государи полюбили. И вы слышите Саломона ещо да преступления духом святым глаголюще вся суета су // **Л. 63 об.** етию. И буде горе дому им же жена обладает. И горе граду им же мнози обладают. То вам воля мятежеством человеческим хотя б есте и хуже то, городом

выбрали, ино то вам государь, а нам с кем пригоже быти в братстве, тот нам брат, а с кем непригоже, тот нам не брат. А здесь слухи были, и Яна Костку посадить на королевство хотели есте, а и воевода виленской Миколай Янович хотел на государство. И тем было нам по вашему избранию братьями же ли быти? А сказываете, что мы вашего государя укоряем, и мы ва // **Л. 64.** шего не укоряем, пишем про него правду. А было б нам что и хуже того писати про него, то для христианства не хотим. А государь ваш сам себя укоряет, да и вы его укоряете во всех своих грамотах пишет, и в речех приказывает, что Бог его своим³⁴ немерным милосердием помиловал, что вы его на государство взяли также. И вы тем хвалитесь, что великим Божьим милосердием полюбили есте его. Ино то знатно, что он такого великого государства недостойн бых, да Бог его так³⁵ помиловал, да вы полюбили не по его достоинству и вы его чем // **Л. 64 об.** хвалите, и вы его тем хулите. Да что о том много говорити? И мы как есть истинные государи христианские о том говорити не хотим. Для христианства вся та государя вашего недостойнства на сторону отложили есмя. И хотя было нам и непригоже быти з государем вашим в братстве, и мы для покою христианского з государем вашим братства и любви хотим как пригоже. И вы скажите нашим бояром, как государь ваш с нами велел делати о дружбе и о любви.

И послы, выслушав речи, и от бояр // **Л. 65.** отшедши меж себя поговоря, пришед, говорили боярину Никите Романовичю с товарищи, что написано в речах, что государь ваш з государем нашим с Стефаном королем полским бытии в братстве не хочет, и то на государя вашего на воли, как похочет в своем титуле пишет государя нашего и без братства. А что в речех в последней строке написано, что государь хочет з государем нашим доброго пожитья, и нам бы вам бояром известит, что государя нашего приказ, на чем нам делати велено о царском титуле и во всех делех. И нам государь наш // **Л. 65 об.** Стефан король наказал з государем нашим делати на вечное постановление и на перемирье, и коли меж государя вашего и нашего государя постановенье вечное не станетца, ино б на перемирье зделати, и войны и рати по границам не всчинати. А вперед послы и посланники в те урочные лета меж государей ходят и дела делают.

И бояре послов спрашивали: государь ваш вам как наказал, отписати государя нашего вь его царском титуле, и как вам государя своего в перемирные грамоты отпи // **Л. 66.** сати и что государь ваш с вами о почестивости наказал. А государю нашему царю и великому князю его царскому величеству з государем вашим Стефаном королем закрепить перемирья з братством никак не возможно без почестливости и без городов бес тех, которые за государем вашим государя нашего вотчина старинная, о которых и писмо прежде сего вам дано.

И послы бояром говорили: наука нам от государя нашего дана делати о перемирье, а титуло свое государь ваш как хочет, так в своем слове и пишет, а нам в государя // **Л. 66 об.** нашего грамоте титула царского отписати не наказано. А титуло нам отписати государя вашего так, как есмя на посолстве говорили. Болши того нам о царском имени наказу нет.

И бояре речи их сказывали царю и великому князю.

И государь царь и великий князь велел бояром послов спросити: говорите, что государя вашего государю нашему з братом бы не отписати, да как в грамотах в перемирных государя вашего имя отписати с нашего государя царским именем.

// **Л. 67.** И послы говорили: чтоб государь ваш велел государя нашего писати в перемирной грамоте соседом, або просто Стефаном королем полским и великим князем литовским.

³⁴ Вставлено на полях.

³⁵ Вписано над строкой.

И бояре то сказывали государю царю и великому князю.

И государь царь и великий князь велел послем говорить, чтоб в обеих грамотах в перемирных государя царя и великого князя имя наперед писати.

И по государеву приказу бояре послем говорили.

И послы, выслушав, речь говорили.

// **Л. 67 об.** Так име писати не мочно, чтоб царское имя писати в королеве грамоте наперед. А писати им в королеве грамоте имя государя своего наперед по прежнему обычею без царского имени, толко не братом отпишем, соседом как есмя преже сего вам молвили. А в своей грамоте государь волен свое царское имя писати велит как похочет. А нам болши того никак ничего писати не возможно.

И бояре с послы о том говорили много, чтоб государское имя наперед писати в обеих грамотах.

// **Л. 68.** И послы бояром говорили, что отнюдь мимо прежной обычаю писати в их грамоте государского имени наперед Стефана короля никак невозможно, то уже им своего государя отписываться, а написаться государя вашего подданными, и им никак болши того написати невозможно.

И бояре то сказывали государю царю и великому князю.

И государь царь и великий князь послал к послем боярина Никиту же Романовича с товарищи, а велел // **Л. 68 об.** послем молвити как им от государя их наказано в рубежах и в землях делати на перемирье, да что послы скажут. И государь речи их велел себе сказати, а послов велел отпустить на подворье.

И по государеву приказу бояре послем говорили, что им наука от государя их в перемирье как в рубежах и в землях перемирье записати им велено.

И послы говорили, что им о перемирье наказано делати в рубежах по старине, как перемирье преж того зделали послы // **Л. 69.** государя их здесь на Москве Ян Скратошин с товарищи, а которые новые города ливонские ныне государь побрал, и государь бы те города вернул назад государю их Стефану королю, так им наказано делати от государя их.

И бояре послем говорили: те слова и говорили есте напрасно и поминати не пригодятся. Лифлянская земля искони вечная вотчина государя нашего, о том и говорити нечего. Да и к государю нам с тем идти не мочно, и вы б, послове, говорили так, как бы было которому делу мо // **Л. 69 об.** чно статися.

И послы, поговоря меж себя бояром говорили: коли есте о ливонских городех поотмолвили. Ино мы о том говорити не будем. Федор молвил, не будем говорити ныне. А Станислав молвил: и вперед говорити не будем. А границам писмо к вам привезем иным временем, как нам государь велит быти у себя. А ныне есмя писма с собою в рубежах не взяли.

И бояре послов отпустили с приставы на подворье, а речи // **Л. 70.** их сказывали государю.

И генваря же в 22 день в среду были у царя и великого князя на дворе литовские послы Станислав Крыский с товарищи, а приезд их и встречи им были по тому ж, как преж того к государю на двор приезжали.

И как послы пошли ко государю в ызбу, и явил их государю челом ударить околничей князь Петр Иванович Татев.

И царь и великий князь велел послем сести.

// **Л. 70 об.** И как присели немного. И царь и великий князь велел послем итти в Набережную полату.

И посылал к послем боярина Никиту же Романовича с товарищи.

И бояре послом говорили: хотели есте привести с собою письмо, на которой мере в землях договору быти.

И послы Станислав Крыский с товарищи говорили прежние дела многие речи по письму // **Л. 71.** и своим речем список дали, а в списке пишет.

Говорили есте нам именем государя вашего, и список дали, в котором широко выписываетца величество его милости государя вашего. Так меж государей христианских яко и меж и бесурманских докладываючи того, иже его милости государь ваш того всказаня от его королевской милости государя нашего через нас на поселстве всказаня и на чом примовати не рачит одно за слово укорительное. Ино государю его милости вашему разумети // **Л. 71 об.** волно его государьская воля, одно мы то пене ведаем же государь наш не толко абы то для укоризны, а не для похвалы государю вашему чинити мел, але о том его королевская милость не мыслит. Абы чим его милость государя нашего укарыти мел, в том же списке написано есть, и которым бо обычаем меж их милостями великими государи дружбе и братству бытии, абых мы сказали к тому говорили есте нам именем государя вашего, абых мы вам певне ознакоми, что бых моза науку от его королевские милости государя нашего // **Л. 72.** о почестливости государя вашего и о приписанью тытулу царьского государю вашему от его королевское милости государя нашего мели менячи то бытии початком доброго дела меж государей бес которое приписки тытулу делу доброму статися нельзя.

И мы вам на то сказываем, что ся дотычит о тытул государьский, мы яко послове, что через нас до его милости государя вашего от его королевские милости было сказано все достаточне есмо, его милости государю вашему донесли и объявили. А о тытулах новых государю // **Л. 72 об.** вашему никоторого всказаня не маем. И гды же яко есмы не одно кровам повелили же ки в чем звечному тытулу государя вашего наш государь зменшити не рачил. И потому яко первей государь ваш от королей полских и великих князей литовских был писан, так и теперь от его королевской милости есть отписан тытулу государя вашего. А похочет ли его милость государь ваш дружбы и братства зь его королевскою милостью государем нашим, яко есмы то списку зразумели, ино его государьская милость в яких колвек делех своих // **Л. 73.** государьских до государя нашего великого короля писати. Албо въсказати через послов своих будет хотетит, его милость въчинити волно, а государь наш што будет *на учиненье*³⁶ слушного до того всего для доброго в христианстве прихилным будет, что государю христианскому вчинити будет належало. А до того бы часу покул послы на обе стороны сходят и что доброго меж государей постановят покой меж их милостью великих государей и государьствы постановитися мог кгы ж то через людей мудрых, которые при государех сидячи о до // **Л. 73 об.** бром христианском обмышливают так тож через послы великие обсылаючися так в речех велико затрудненных и завасненных меж государей может ся найти обычай приязни ку лепшому христианскому, а мы извернувшись даст ли Бог до земли нашей до его королевской милости хочем и будем о том з братьею нашею паны радами так Куруны Полское яко и Великого княжства Литовского намовляти же яко на тот час его королевскую милость мудрыми радами своими до приязни и згоды государем нашим ведут, так и наперед о том старатись могут завлащи обачи // **Л. 74.** вши прихилность государя вашего ко доброму христианскому запритием послов государя вашего до его королевской милости которые будут ли мети порученное становити речь до чего есть ли справедливость государь ваш мает и дедичством себе что привлащает то час лепший зауважения и рады мудрых людей может зьеднати потешнейше тым панствам звлаща его королевская милость и ужого не прянет одно своего постерегает. А что есте за другим и за третьим приходом вашим от государя его милости именем его

³⁶ На полях исправлено на: «ко учиненью».

милости государьским нам мовили которым // **Л. 74 об.** бы обычаем вашему государю нашего государя писати в грамотах и кгда ж братом писати государь ваш не хочет к тому теж ябы имя и тытул государя вашего в тых грамотах перемирных было первой поменено, а потом его королевское милости о границы теж пытали есте нас именем государским, по которые границы замирити бых мо меж государы на сей час хотели ино штоб дотычет тое речи которым обычаем вашему государю нашего государя писати нам бы ся то видело иже бы по звыклому, обычаю государя нашего яко и прежних государей наших королей полских и великих князей // **Л. 75.** литовских государь ваш братиею отписывал потому ж и теперешнего государя нашего великого короля Стефана братом писал чего иже государь ваш чинити не хочет неровность в братстве быти государю нашему причитаючи, то на воли его государской, нам того силоу у государя вашего не взять. А которым обычаем пристойным соседом ли похочет на сесь час государь ваш его королевскую милость написати, мы того государю вашему заборонити не можем, и он мя и тытул государя вашего, або первее был помянен, в грамотах в перемирных, нежели государя нашего короля его // **Л. 75 об.** милости что есте нам мовили, ино нам того над обычаи стародавны писати нельзя. Вы у своей грамоте пишете имя государя вашего як хочете, а мы у своей грамоты так жо. О границы которые бых мо замерити хотели иже нас пытаете, вам сказуем, абы замки земли Лифлянской перед перемирьем первой сего побранные, так те же и за понования его королевское милости Стефана короля теперяжного, поселые вси были поворочаны. А и нашии границы, по которых бы ся замирити мело вам на списку *по*³⁷ скажем. А что есте // **Л. 76.** нам на тое поданье наше о землю Лифлянскою повидели, иже о том мовити не хотите, привлащаючи ей бытии звечным дедичством государю вашему, ино ж и мы то ведаем, иже государь наш его королевская милость, будучи, однако, государем земли Лифлянские, яко иным землям, панством своим. А иже не толко земли Лифлянской, але на Великом княжестве Литовском ещо быти не рачил, про то не есть ведомо, што которым правом государь ваш посел кгда ж заных панств, все заваснене межи государи пошло. А коли будут речи зноситися через послы, тогды заразом // **Л. 76 об.** его королевская милость взявши ведомость достоточную о всем, яко паки мудрый, которого паки Бог вшили, якоми дары обдарыл, а особливи милостию ку всему доброму и славному всего христианству будет ведати, якобы всему угоджалку лепшему народов христианских непрягнучи розлития крови христианское.

А про земли послы говорили о Вифлянской земле, которые города в Вифлянской земле государь ваш поймал, и государь бы ваш то вернул назад государю нашему, а граница б в рубежах по прежнему // **Л. 77.** во всех местех. А в Полотцком бы повете по Янову писму Скраतोшина. А что внове за рубеж з государя вашего стороны кривды поделали, то б направить.

И бояре говорили послом: хотели есте привести к нам писмо в землях, и ныне писмо привезли есте, о своих речех от третьево днешних, что есте с нами говорили, а землям писма есте не вывезли, по чему мочно договор учинити на перемирье. А говорите то, чему и на мысли статься непригоже, а поминаете о вотчине государя нашего, Лифлянской земле, // **Л. 77 об.** а вотчина государя нашего Вифлянская земля изначала государя нашего. А ни с кем государю нашему в ней деловщика не бывало, а вперед не будет. А государю вашему, и прежнему Жигимонту Августу королю не за что за иное, кроме Вифлянские земли, кровопролитие многое христианское поделалось. А вы ныне о том же, о вотчине государя нашего, о Вифлянской земле говорите, и о государеве вотчине о Вифлянской и о Курлянской земле говорить нечего, то вся вотчина государя нашего. И вы, послове, скажите нам, с чем бы к государю нашему идти возможно было,

³⁷ Вписано над строкой.

на чем вам // **Л. 78.** делать наказано, и как писать грамота перемирная о царском имени и о всякой почтливости ко государю нашему от вашего государя.

И послы говорили о Вифлянкой земле: коли вы говорити не хотите о Вифлянкой земле, и мы по государя своего приказу что нам молвити велено. И мы штом молили. А вперед и мы говорити об ней не будем, ни описывать ее ни в рубежах ни будем, а в своей грамоте государь ваш как хочет, так пиши. А о царьском имени того нам не наказано. А вперед о том государи обошлютца послы. И Коруна Полская и Вели // **Л. 78 об.** кое княжество Литовское намоверя о том договор учинят.

А кали государь ваш государя нашего братом писати в перемирные не хочет, и то на государственкой воли. И государь пишет суседом государя нашего. А в своей перемирной грамоте пишет государь ваш как похочет титло свое. А государь наш пишет в своем титле по прежнему обычею. Да много о том слов говорили, а все одно говорили. А на мере не приговорили, на чем им делати перемирье. И бояре те речи сказывали государю и великому князю.

// **Л. 79.** И царь государь и великий князь велел послом молвити, что они слов говорят много, а г делу ни х которому не приговорят. Большое за ними дела нет. Да велел прочести, что для христианства поступает государь Стефану королю о которых городех преж сего письмо дано.

А которых городов государь просит, и те отписаны в том же списку.

И выслушав послы письмо о городех говорили бояром: прежнее широко письмо дали есте // **Л.79 об.** нам. И мы было то поотмолили меж себя. А ныне вы мало не таково же письмо чли. А просит государь ваш многих городов у государя нашего для братцкие любви. И государь наш братцкой любви ни у кого выкупати не хочет. Хоти б государь наш похотел что дать которому брату своему, которых земель, или мы что запишем, и Коруна Полская и Великое княжество Литовское не может поступатися не токмо города, ни границы одной з города.

А будет государь ваш похочет з государе нашим братцкие любви и приязни и // **Л. 80.** государь бы ваш государю нашему поступилс Великому Новагорода со всеми волостми, и Пскова со всеми пригороды, и Лифлянские земли, и Смоленска, и Северских городов.

И бояре послом говорили: что о том много говорити, те слова неплодные. И не одна есмя о том вам отказывали не токмо что государю нашему вашему государю чего своего поступатися. И государю нашему и братства и любви без почистливости и без отданья земель з государем вашим никак делати невозможно, и что будет, послове, у вас иные речи есть, кото // **Л. 80 об.** рые к доброму делу сходны, и вы б говорили. А тех непригожих речей и говорити не надобе.

И послы говорили: Преж того есте с нами говорили на отмове о которых делех широко. И мы с вами против ваших речей потому ж широко говорили. И список есмя вам тому дали. А ныне с нами о тех же делех говорите, о которых есте преж того говорили. И мы с вами потому ж о том говорим и коли те дела к вечному постановенью промеж государей не сойдутся, и мы учнем делати на перемирье.

// **Л. 81.** И бояре послом говорили: Как же им наказано от государя их делати перемирье?

И послы говорили, что им перемирье наказано делати на время, на колко лет пригоже, а рубежи в землях писати по старине, а полотцкой и полотцких пригородов рубежи написати потому, как рубежи написали здесь государя нашего послы Ян Скратошин с товарищи. А которые задоры новые в полотцких рубежах, и тех рубежов сослати с обе стороны зозорщиков рубежев прямых сыскати, да по тому и рубежь учинити. // **Л. 81 об.** А Вифлянских городех, которые города государь ваш ни побрал, отговариваете, и мы

о том не будем говорить. А которые новые дела нас встретили в государя вашего в ответном списке, и мы о тех делех донесем до государя своего. И государь наш о том прирадя с своими радами впредь, и в те перемирные лета меж собя о тех делех государи договор учинят с своими послы. А болши того нам перемирье делати не наказано.

И бояре Никита Романович с товарищи речи их сказывали государю.

// **Л. 82.** И царь государь и великий князь послал к послам боярина Никиту же Романовича с товарищи, а велел послом молвити: Что было государю царю и великому князю з государем их Стефаном королем непригоже, потому делати на перемирье, да для покою христианского велел государь с государем их и с Стефаном королем перемирье делати. А в королеве грамотеи непригоже было наперед государя их Стефана короля написати напередь. Да для крестьянского покою. И на то государь царь и великий князь сшел, велел государя их Стефана короля в его грамоте писати наперед, толко б в ко // **Л. 82 об.** ролеве грамоте написати государя съ его царьским именем. А без царьского имени государю никак перемирья делати не мочно.

Да что послы учнут о том говорить, и государь речи их велел себе сказати.

И по государеву приказу боярин Никита Романович с товарищи послом речь говорили.

И послы, выслушав речь, говорили бояром: О том есмь с вами, бояры, много говорили. И тому ся как стати, чего им делати не наказано? А наказано им делати и писати государево имя не // **Л. 83.** уменьшая ничем, по старине. А о том государи вперед обошлютца, и те дела промеж государей постановят вперед великие послы. А им болши того никак делати не мочно.

И бояре речи их сказывали государю царю и великому князю.

И царь и великий князь послов велел отпустить на подворье. А приговорил с литовскими послы делати перемирья на пять лет. А писати грамоты по старине, как преж того были.

// **Л. 83 об.** И генваря в 24 день в пяток были у государя царя и великого князя на двре литовские послы.

А приезд их и встреча им была потому как преж того.

А как ко государю пошли в избу, и явил их государю челом ударити околничей князь Петр Иванович Татев.

И царь и великий князь велел послом сести. И как посидели немного, и царь и великий князь велел послом идти в Набережную полату.

И высылал к ним говорить боярина Ни // **Л. 84.** киту Романовича с товарищи.

И по государеву приказу боярин Никита Романович с товарищи послом говорили: Говорили есте нам от государя своего от Стефана короля о постановенье вечнаго миру. И то меж государя нашего и вашего государя сстатися не могло. А вы говорили о перемирье. И государь наш для покою христианского перемирья з государем вашим похотел. И на котором есмь слове с вами третьево дни разошлись, что есте с нами говорили, чтоб в перемирной грамоте в государя вашего слове написати имя государя вашего наперед, и мы то // **Л. 84 об.** доносили до государя своего царя и великаго князя. И государь наш на то сшел, в государя вашего грамоте велел имя его писати наперед. А вам есмь говорили, чтоб вы в государя своего грамоте писали государя нашего его царьской тытул с полным именованьем. Да с вами ж есмь говорили о Вифлянской земле, как вам в перемирных грамотах государя нашего отчину, Лифлянскую землю писати. И вы с нами говорили, чтоб те города, которые государь нашъ з Божию волю ныне взял, вернул назад государю вашему. И мы вам, послом, то отмоляли, что отчина Вифлянская земля государева изнача // **Л. 85.** ла. И вам о вотчине государя нашего о Вифлянской земле и говорити нечево, и вы сами о том нам говорили, что вы

о Вифлянской земле не будете говорить. И вы о тех о дву делех, от государя нашего царьском титуле и о Лифлянской земле что есте себе подумали, как те два дела нам в грамотах писати. А государю нашему без своего царского имени и без вотчины Лифлянские земли и с Курлянскою землею з государем вашим никак дела не делати и вы б нам про то изъявили.

И послы боярину Никите Романовичу с товарищи говорили:

// **Л. 85 об.** Приезжаем ко государю на двор многижда, а говорим одно слово, о которых делех наука нам от государя нашего дана. И мы о тех делех вам изъявили. А государя вашего о царьском имени нам наука не дана, а велено нам делати по старине, по прежнему обычаю, как от прежних королей наших государей с вашими государи велося. А о Лифлянской земле есмь с вами говорили по государя своего приказу, что государь ваш государя нашего оплоша листом кглеитовным города в Лифлянской земле у государя нашего многие поимал, и государь бы те города вернул назад // **Л. 86.** Государю нашему, и вы нам то отговорили, и мы ныне о том не будем говорить.

И бояре послом говорили: Да как же вам ныне Вифлянскую землю в перемирных грамотах написать наказано? Да и о том послом говорили: в государеве слове в своей грамоте государь наш отпишет про все Лифлянскую землю, что государю вашему Стефану королю Лифлянские земли не воевати ни зацепляти ничем до того перемирного сроку. А вам в своей грамоте как про Вифлянскую землю про все с Курлянскою землею отписать.

// **Л. 86 об.** И послы говорили: Последняя нам наука дана о Вифлянской земле. Государь ваш как хочет, так в своей грамоте пишет. А нам отписать в своем листу про Лифлянскую землю. А что Лифлянской земле дотычется, и о том вперед договор послом чинити. А любо не писати ничего о Лифлянской земле, а науки болши того не маем. Государь наш Стефан король послал нас своих послов, а чаял государь наш делати по старине, и потому им о тех делех и науки не дал. А как будут государя вашего великие послы у государя нашего, а нашего государя послы // **Л. 87.** будут у государя вашего, и тогда о том о всем меж себя государи договор учинят. А им болши того никак дела делати не наказано.

И бояре, шед, речи их сказали государю.

И царь и великий князь послал к послом боярина Никиту Романовича с товарищи, а велел послом мольги: то нам ведомее, речи ваши, а как запись совершать по договору? И на записи креста не целовати нам, а целует крест в наше место болшей боярин князь Иван Федорович Мстиславской.

// **Л. 87 об.** И послы, отшед, себе поговоря, бояром говорили: пришли, есмь, от своего государя от Стефана короля к царю и великому князю, а не к его государской раде, к бояром, и того обрасца не бывало, чтоб за государя крест целовати бояром, целовал бы государь по прежнему обычаю. А как будут у государя нашего послы вашего государя, и государь наш потому ж сам крест целует к государю вашему по прежнему обычаю, а им инако болши того делати не мочно.

И бояре пословы речи сказывали царю и великому князю.

И царь и великий князь велел послов // **Л. 88.** отпустить на подворье.

И генваря ж в 26 день в неделю были у царя и великаго князя на дворе литовские послы. И приезд их был на двор ко государю по-прежнему.

А как вошли к государю в ызбу явил их государю челом ударити околничей князь Петр Иванович Татев.

И царь и великий князь велел послом сести.

И как посидели немного,

И царь и великий князь велел послом идти в Набережную полату.

// **Л. 88 об.** А выслал к ним говорити боярина Никиту Романовича с товарищи.

И боярин Никита Романович с товарищи по государеву приказу с послы говорили о тех же делех, о которых с ними преж того говорили, и договор учинили о перемирье на три годы. А государю царю и великому князю х королю на перемирных грамотах самому крест целовати по-прежнему обычаю.

И бояре, шед, сказывали государю.

// **Л. 89.** И царь и великий князь велел грамоты пописати, каковым грамотам быти, государеву и королеву слову. А послов велел отпустить на подворье. А как списки поспеют, и тогда послом быти на дворе у государя.

И генваря в 28 день во вторник были у царя и великаго князя на дворе литовские послы Станислав Крыский с товарищи.

А приезд их на двор был по-прежнему.

А как послы вошли ко государю в избу, явил их государю челом ударити окопничей князь Петр Иванович Татев.

// **Л. 89 об.** И царь и великий князь велел послом сести.

А как посидели немного,

И царь и великий князь велел с послы идти в Набережную полату.

И высылал к ним боярина Никиту ж Романовича с товарищи, а велел послом списки с перемирных грамот прочести, государево цареву и великаго князя слово и королево слово.

И литовские послы Станислав Крыский с товарищи список *слушали*³⁸ и приговорили таковы грамоты писати.

// **Л. 90.** И боярин Никита Романович с товарищи послом говорили, чтоб послы Станислав и Миколай ехали к себе на подворье, а у грамот бы остался Федор Скумин з дьяки с Андреем да с Василием Щелкаловыми.

И послы Станислав и Миколай поехали на подворье, а у грамот остался Федор Скумин.

И грамоту цареву и великаго князя слово писал подъячей Захар Григорьев.

А королево слово грамоту писал дворянин королевской Тимофей Казаринов.

// **Л.90 об.** И того дни писарь Федор Скумин на дворе ел в Набережной полате в малой, а с ним сидели дьяки Ондрей да Василий Щелкаловы. Писарь сидел в большом месте в заседках, а по угле сидел Василей, а по конец стола сидел Ондрей, а по конец скамьи сидел пристав Федор Писемской.

А литовские люди, которые остались на дворе с Федором Скуминым, а дети боярские государевы сидели в скамье.

А как грамоты написали.

// **Л. 91.** И писарь Федор Скумин поехал к себе на подворье.

И генваря в 30 день в четверг велел царь и великий князь литовским послом быти на дворе. А как приедут на двор, и велел царь и великий князь послом наперед в Набережной полате у боярина у Никиты Романовича с товарищи. А велел послом говорити, что грамоты перемирные пописаны, и они б печати свои к грамотам привесли.

И как послы ко государю на двор приехали и шли наперед в Набережную // **Л. 91 об.** полату к боярину Никите Романовичю с товарищи.

А приезд их был по-прежнему.

А как послы вошли к бояром в полату, и бояре против их встали. И сев по своим местом по государеву наказу боярин Никита Романович с товарищи послом говорили, что грамоты готовы. И они б печати свои привесли.

И послы бояром говорили, чтоб им грамоты вычести.

³⁸ Слово вписано на полях.

И боярин Никита Романович // **Л. 92.** с товарищи послом грамоты велел чести.

И послы, выслушав грамоты, печати свои к грамотам привесли.

И как послы к грамотам печати свои привесли,

И бояре, шед, сказали государю.

И царь и великий князь велел послом итти к себе, а крест воздвизалной на пелене положе на блюдо велел принести дьяку Петру Григорьеву и поставить на верхнем окне.

И как послы шли ко государю, и встре // **Л. 92 об.** ча им была по-прежнему.

А как вошли ко государю в ызбу, явил их государю челом ударити околничей князь Петр Иванович Татев.

И царь и великий князь велел послом сести. Да говорил царь и великий князь послом: Станислав, Миколай, Федор! Приходили есте к нам от своего государя от Стефана короля и говорили есте с нашими бояры о постановении вечнаго покою, и то меж нас с суседом нашим, а с вашим государем, с Стефаном королем не сталось. И вы с нашими бояры приговорили о перемирье // **Л. 93.** на три годы.

И мы хотим на перемирных грамотах к суседу своему к Стефану королю крест целовати.

А дворян своих и королевских из ызбы выслати не велел.

И велел царь и великий князь грамоту свое слово чести дьяку Василию Щелкалову.

А крест на блюде держали боярин Никита Романович да оружничей Богдан Яковлевич Белской.

// **Л. 93 об.** А послы стояли блиско государя.

А бояре были блиско государя и дворяне все тутож были.

И как дьяк Василей Щелкалов грамоту прочел,

И царь и великий князь велел грамоту королево слово чести Федору Скумину. И как Федор грамоту прочел, и царь и великий князь велел грамоты сложити вместо, свое слово наверх, а королево под испод. Да велел их положить на блюдо. Да на грамотах велел крест положить.

// **Л. 94.** И, встав, царь и великий князь молвил: Станислав, Миколай, Федор! Целую крест суседу своему Стефану королю, на том правити ми ему о всем потому, как в сей нашей перемирной грамоте писано. А Вифлянские ми земли свое отчины и Курлянские не отступатися и ее доставати.

И целовав крест велел царь и великий князь королеву дьяку Федору Скумину чести припись у грамоты у королева слова на чем им, послом, крест целовати.

И Федор припись чел, а послы го // **Л. 94 об.** ворили с ним припись слово в слово, и как припись прочел, и послы на приписи перед царем и великим князем крест целовали.

И царь и великий князь королеву перемирную грамоту за пословыми печатями, которую послы писали, велел взятии дьяку Ондрею Щелкалову, а свое слово, перемирную грамоту за своею печатью велел дати королевым послом Станиславу с товарищи перед собою,

Да велел послом сести. Да пода // **Л. 95.** вал послом мед вишневой, мед малиновой, мед белой в золотых ковшех и в чарах из своих рук.

А дворяном королевым подавал из своих же рук.

А людем посольским чашники подавали в ызбе и в сенех.

И царь и великий князь молвил Станиславу: Суседу нашему Стефану королю от нас поклонитися, а молил сидя.

Да звал послов к руце, и отпустил их того дни.

А дворян королевых жаловал, к руце звал же.

// **Л. 95 об.** И говорил послом царь и великий князь: Посылаем к соседу своему к Стефану королю своих послов дворецкого своего Тверскаго и наместника Муромского Михаила Долматовича Карпова да казначея своего Петра Ивановича Головина, да дьяка своего Курбата Григорьева. И велел послом Михаила и Петра и Курбата объявити.

И как царь и великий князь послов отпустил.

И говорили царю послы, Станислав Крыский: По изволению государя нашего Стефана короля // **Л. 96.** Приходили есмь к тебе великому государю, и грех ради наших и фартуною нашею несчастливою промеж тебя великого государя и нашего государя Стефана короля вечного дела на покой христианской ныне не сталося, а те речи, которые им в ответе были, донесут оне до государя своего. И вперед же даст Бог которые послы твои великого государя будут у нашего государя, а после того государя нашего послы будут у тебя у великого государя, и о тех о всех делех промеж вас, государей, на покой христианской договор учинят.

// **Л. 96 об.** И царь и великий князь послом говорил: которые послы преже того приходили к нам от брата нашего от Жигимонта Августа короля, и они говорили то ж, что вперед великие послы дело доброе на покой христианской постаноят. А послы многие ходят, а дело большое о покое христианском некоторое не здельвалось.

И вы ныне пришли от своего государя от Стефана короля, а Стефан король у вас на королевстве неприрожденной государь, и пришел к вам с невеликаго государьства, и в рове // **Л. 97.** нстве ему с нами быти непригоже. А вам было пригоже нас, великих государей, от своего государя почтити, и в нашем в царьском имени сполна отписывати, и у нас того просити, чтоб мы похотели з государем вашим доброго дела и вечного покою. А вашему государю с нами, с великими государи бес почестливости быти в ровенстве непригоже. Да мы для покою христианского з государем вашим ныне перемирья похотели, и по тому правити хотим, а от государя вашего впредь ждем пред собою исправленья. А вы поедте к государю своему здорово.

// **Л. 97 об.** И того дни царь и великий князь послов и отпустил.

А с Москвы послы поехали февраля в 1 день в субботу.

А провожали их до всполия пристава Остафей Пушкин с товарищи.

А до Смоленска и до рубежа послов провожати Федор Писемской да смоленские приставы Игнатей Зубов да Григорей Полтев.

Список сокращений

ААЭ	—	Акты Археографической экспедиции.
АСДСЗР	—	Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.
АЕ	—	Археографический ежегодник.
АЗР	—	Акты Западной России.
АИ	—	Акты исторические.
АФЗХ	—	Акты феодального землевладения и хозяйства.
БЛДР	—	Библиотека литературы Древней Руси.
ВИ	—	Вопросы истории.
ВИД	—	Вспомогательные исторические дисциплины.
ВКЛ	—	Великое княжество Литовское.
ГВНП	—	Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
ГИМ	—	Государственный исторический музей (г. Москва).
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека (г. Ленинград).
ДА	—	<i>Щербачев Ю.Н.</i> Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326–1690 гг. М., 1893.
ДАИ	—	Дополнения к актам историческим.
ДРВ	—	Древняя российская вивлиофика.
ДРВМ	—	Древняя Русь: Вопросы медиевистики.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОР	—	Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.
ИЗ	—	Исторические записки.
КА	—	<i>Щербачев Ю.Н.</i> Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. М., 1915. Вып. I: 1326–1569.
КПМ-I	—	Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год) / Изд. М. Оболенским и И. Даниловичем. М., 1843.
КПМ-II	—	Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / Изд. М. Погодиным и Д. Дубенским. М., 1845.
ЛГПИ	—	Ленинградский государственный педагогический институт.
ЛЗАК	—	Летопись занятий Археографической комиссии.
ЛОИИ	—	Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
ЛХ	—	Летописи и хроники.
МГПИ	—	Московский государственный педагогический институт
Ниенштедт Ф. Ливонская хроника. III	—	Ниенштедт Ф. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 355–400.
Ниенштедт Ф. Ливонская хроника. IV	—	Ниенштедт Ф. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей, относящихся к истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 7–124.
НИОР РГБ	—	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).

- ОД РГБ — Отдел диссертаций Российской государственной библиотеки (г. Москва).
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДС — Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными
- ПИВЕ — Памятники истории Восточной Европы.
- ППСБГП — Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подг. текста и ст. В. И. Малышева. М.; Л., 1952.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РАКА — *Щербачев Ю.Н.* Русские акты Копенгагенского архива // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва).
- РД — Русский дипломатарий.
- РИБ — Русская историческая библиотека
- Рюссов Б. Ливонская хроника. II — Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2.
- Рюссов Б. Ливонская хроника. III — Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3.
- Сб. РИО — Сборник Русского императорского исторического общества.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (РАН).
- УЗ ЛГПИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
- АНР — Acta Historica res gestes Poloniae illustrantia. Kraków, 1887. Т. XI: Sprawy wojenne Stefana Batoroga z lat 1576 – 1586.
- AGAD — Archiwum Glowne Akt Dawnych (Warszawa).
- BU — *Bienemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1876. Bd V.
- FOG — Forschungen zur osteuropaischen Geschichte.
- HA-54 — Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1540–1551). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearbeitet von St. Hartmann. Köln; Weimar; Wien, 2002. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preussischer Rkulturbesitz. Bd 54).
- HA-57 — Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551–1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearb. von St. Hartmann. Köln; Weimar; Wien, 2005. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preussischer Rkulturbesitz. Bd 57).
- HA-60 — Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1557–1560). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearb. von St. Hartmann. Köln; Weimar; Wien, 2006. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preussischer Rkulturbesitz. Bd 60).
- HA-61 — Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1560–1564). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearb. von St. Hartmann. Köln; Weimar; Wien, 2008. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preussischer Rkulturbesitz. Bd 61).

- HRM T. 1 — Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым (Historia Russia Monumenta). СПб., 1841. Т.1.
- JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.
- LVVA — Latvijas Valsts vestures arhivs (Государственный исторический архив Латвии, г. Рига).
- MG GLEK — Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands,
- MLA — Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen.
- Quellen-I — Quellen zur Geschichte des Unergangs livländischer Selbständigkeit aus schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / Hrsg. von C. Schirren. Reval, 1861. Bd. I.
- SEER — The Slavonic and East European Review.
- SR — Slavic Review.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон 150, 180, 181
Абецедарский Л. С. 278
Аванесов Р. И. 85, 86
Август Саксонский, курфюрст 412
Август, цезарь 110, 150, 151, 161, 499, 517, 542, 556, 569, 734, 753, 761
Августалий, стратиг 151
Аверинцев С. С. 180
Авраам 142, 280
Аврелий, император 565
Агеева О. Г. 328
Агнезе Б. 313
Адальберт, епископ 159
Адамс К. 460, 533
Адашев А. Ф., окольный 26, 34, 134, 135, 157, 234, 262–264, 279, 280, 284–287, 342, 621, 635, 636, 683, 689, 696, 701
Адашев Д. Ф., окольный 118
Аделунг Ф. 91, 460–462, 464, 468, 471, 473, 557, 616
Адрианова-Перетц В. П. 215
Адыл-Гирей 706, 710, 714, 716, 717
Азбелев С. Н. 226, 250
Акинчей, гонец 153
Алабухин Ж., писец 209
Александр I, император 266
Александр II, император 269
Александр VI, римский папа 318, 383
Александр Казанский, царевич 27
Александр Казимирович, великий князь 132, 135, 383, 388, 449, 482
Александр Македонский, царь 216, 217, 219, 222, 241, 243, 249, 483, 521, 564, 565, 590, 761
Александр Ярославич Невский, князь 36, 71, 142, 159, 170, 181, 243, 258, 273, 467, 749, 753
Александров Д. Н. 58, 129, 427, 428
Александрович С. 427
Алексеев В., дьяк 196, 201
Алексеев Ю. Г. 388
Алексей Михайлович, царь 220, 237, 238, 242, 244, 428, 594, 595
Алексий, дьячок 257
Алексий, митрополит 59, 142

- Алкивиад 567
Алтатов М. А. 550
Алферьев Р., посол 37, 121, 156, 191, 201, 281, 610
Альберт Компьенский 314, 316–319, 323, 325
Альбертранди Я. 461
Альбрехт Гогенцоллерн, магистр 322, 334, 336–340, 342, 344, 345, 347, 348, 354, 355, 366, 380, 384, 388, 389, 412, 582, 631, 633, 649–651, 654, 655, 659, 660, 666–668, 670, 719, 722
Альбрехт Мекленбургский 613
Альварус П. 298
Альтдорфер А. 411
Альфонсо д'Эсте, герцог 442
Альшиц Д. Н. 175, 210
Амалик 180–182, 187, 242
Амелькин А. О. 66
Амосов А. А. 26, 592
Анастасия, царица 221, 242, 283
Ангерманн Н. 10, 110, 124, 146, 284, 359, 391, 620, 721, 724
Анджей из Тишины 442
Андреев А., писатель 262
Андреев И., дьяк 170
Андреев Н. Е. 39, 46, 48, 49, 175
Андреев С., гонец 737
Андрей Венгерский 428
Андрей Иванович Старицкий, князь 19, 542
Андрей Первозванный, апостол 383
Андрей Стратилат 142
Анриан, купец 428
Анисимов Е. В. 239
Анна Петровна, принцесса 236
Анна Иоанновна, императрица 257
Анна Ягеллонка, королева 12, 436
Анненков И. П., помещик 248
Аннинский С. А. 314, 376
Антиох IV Эпифан, царь 190
Антоний Сийский, святой 221
Антоний, митрополит 50, 65, 145
Антонов А. В. 194
Анхимюк Ю. В. 192, 210, 211, 227
Аракчеев В. А. 204
Арби Р., наемник 72
Арбузов А. А. 10
Арбузов Л. А. 256, 334, 348, 655, 662, 680

- Аржакова Л. М.* 525
Аристотель 567
Артаксеркс 565
Арц фон, И., граф 591, 593, 718, 720–723
Арцыбашев А., дьяк 734
Арциховский А. В. 32, 33, 36
Ауэрбах И. 718–720, 723
Афанасий Великий 81, 83, 148, 184, 190
Афанасий, митрополит 20, 144, 706
Ахундов М. Ф. 172
Ашибаш, посол 140
Аякс 463
- Багалея Д. И.* 283
Багге П. 302
Багге Я. 603
Багмут-ага 705
Багров Л. 304–306, 308, 310, 312
Баде А. 392
Бадигин К. С., писатель 265
Базилевич К. В. 302, 322
Байберей, посол 119, 708
Байков В. 255
Банионис Э. 11
Бантыш-Каменский Н. Н. 637
Баранов К. В. 211, 637
Барбаро И. 316, 318
Барберини Р. 328, 460, 473
Барканы, род 428
Барним, герцог 653, 660, 665, 666, 671, 677
Барсуков А. 113, 155, 193
Бартоломей Английский 304
Барышников А., купец 442
Баскаков Ф. Л. 726
Басманов А. Д., воевода 45, 102, 103, 105, 121, 136, 153, 220, 224, 610, 706
Бассель Н. 255
Бастанов С., посол 449
Батори Анна, графиня 266
Батори Елизабета, графиня 266
Батый, хан 66, 71, 283, 383, 754
Батюшков П. Н. 60
Бауман Г. 591
Бахрушин С. В. 12, 274, 277, 635

- Баязид 295, 570
Беда Достопочтенный, хронист 298
Без-Корнилович М. О. 427
Безнин М. А., воевода 193, 220, 753
Бек В., посол 638, 640, 643, 644, 648
Бекеш К. 505, 519
Белеутов Д. А., сын боярский 205
Белль фон, Ф., ландмаршал 95–97, 653, 659–661
Белоконь Е. А. 26
Белы А. 129, 307, 420
Бельский Б. Я., оружничий 170, 749, 750, 752, 756, 770
Бельский И., хронист 483, 581–587
Бельский И. Д., боярин 126–128, 706
Бельский М., хронист 222, 300, 345, 349, 376–381, 385, 393, 427, 482, 483, 489, 503, 512, 535, 581–587, 655, 664, 682
Бельский С. Ф., воевода 19
Бенедикт, писарь 638, 640, 643
Бененентан М. 310, 311
Бер, пробст 361
Бергенгрюн А. 11, 356, 360
Берлин И. 428
Берлингьери Ф. 307, 310
Берхгольц Ф. В., камер-юнкер 236
Бесс М. 653
Бессуднова М. Е. 335, 460, 630
Бест Р. 460
Бестужев-Рюмин К. Н. 100
Бецольд Ф. 316
Бианко А. 306
Билле П., посол 695
Биргер, ярл 243
Биринк Я. 559
Бируля 516, 586
Благово Е., посол 167
Блок М. 288
Блюменталь А., посол 653
Бобышев В. И. 131, 348, 466, 662, 680
Богатырев С. 8, 14, 17, 24, 43, 44, 56, 58, 60, 110, 115, 140, 211, 461
Богданов А. И. 220, 223, 224, 226
Богдановский-Кублицкий Ф. 726
Боднарчук Д. В. 744
Бодняк Ст. 10, 609, 617, 620
Бойе Г. 493

- Бок А. 419
Бокхост И. 367, 638, 640, 643, 687
Болеслав II, король 565
Болеслав Лысый 754
Болеслав Храбрый, король 497, 523, 534, 565, 754
Болко Л. 516
Болтин З., гонец 165
Болтин И. Н. 251, 252
Болтин Я. 726, 727
Болховитинов Е. 259
Бомелий Е., астролог 224, 262, 263
Бонджиованни, нунций 655
Боремисса И. 506, 529
Борзунов И., новгородец 643
Борис Владимирович, князь, святой 27, 59, 62, 69, 142, 243
Борис Всеславич, князь 754
Борисов В. П., окольничий 644, 648
Бороздин Ф. Б., сын боярский 206
Бортенев С., гонец 121
Ботвинд Дж. 326
Боус Е., посол 102, 461
Бочкарев В. Н. 332
Бракель Т. 360, 408, 409, 596
Брандт фон, А., посол 11, 353, 414, 655
Бре Ю., художник 411
Бреденбах М. 370
Бреденбах Т. 154, 335, 348, 364, 370–376, 382, 384–386, 388, 389, 393, 430–432, 533, 550, 551, 557, 578, 594, 598, 66, 663, 680
Бройль Б., городской секретарь 360
Броневский М. 711–712
Бротце И., художник 268
Брукс Дж. 253
Брунау М. 670, 676, 679
Бруннов М. 663, 681
Брюггеманн К. 14, 255, 256, 391, 403
Брюгген фон дер Ф. 611, 634, 659
Брюллов К. П., художник 71, 259, 260, 272
Брячислав, князь полоцкий 754
Буганов В. И. 193, 210, 211, 226
Будилович А. С. 48
Будный Б. 490
Будный С. 490
Бук В. 10, 334, 655, 680

- Булгаков Вислый 129
Булгаков В. Ю. 199
Булгаков И. Ю. 165
Булгаков С. Д. 758
Бундов Г., писец 209
Буре А., картограф 7
Бутурлин М. Д. 437, 461
Буховецкий Л. 737, 747, 750, 752, 758
Быковский Ю., гонец 423, 703, 704
Бэкон Р. 303
Бэкон Ф. 298
Бэр Д., наместник 153, 160
- Вагнер И. 653
Валеева-Сулейманова Г. Ф. 121
Валент, император 565
Валериан, епископ 165, 728
Валериан, император 565
Валишевский К. 287
Валк С. Н. 41
Вальде Г. 670
Валуев Г. М., сын боярский 205
Вальдземюллер М. 308, 312
Вальсторп Г. фон 723
Ваповский Б. 310, 313, 323, 325, 376, 377, 532
Варлаам, епископ 62
Варлаам Хутынский, чудотворец 142
Вармбек, синдик 354
Варфоломей, архимандрит 45
Варшевицкий К. 487, 523, 532, 535, 566
Василий (Варлаам), священник 48, 49
Василий III, государь 60, 61, 104, 114, 140, 141, 143, 150, 159, 244, 318, 322, 323, 325, 326, 380, 383, 384, 388, 411, 449, 464, 466–468, 482, 533, 545, 597, 631, 642, 646, 749, 754, 761
Василий Великий 142
Василий, иконописец 63, 66, 71–73, 75, 80, 87, 88, 90–92
Василий Рогволодович, князь 754
Васильев А., дьяк 610, 706
Васильев М. Е. 206
Васильевский В. В. 10, 12,
Васильевский В. Г. 535, 536
Васнецов А. М., художник 195
Васпергер А., монах 306

- Вассиан Рыло, епископ 183
Вассиан Топорков, епископ 244
Ватре С. 370, 371, 376
Вебб Э. 460
Вельяшев Д. Б., сын боярский 195
Вергилий 567
Вересов А. И. 606
Верещагин Л. М. 603
Верещагина Н. 603
Вермут Х., медальер 247
Вершлинский, ротмистр 515
Веспасиан, император 91
Веспуччи А. 379
Веттерман, пастор 593
Вешняков В., воевода 48
Виберг Ю., городской секретарь 360
Вид А. 313
Вид Давилович (Волк), князь 754
Вик И. 426
Вилмас Д. 14
Вилси Ю., военачальник 149
Вильгельм Бранденбургский, архиепископ 153, 334–340, 342–345, 347–349, 354, 355, 358, 362, 363, 366, 374, 378, 380, 381, 388, 389, 414, 415, 459, 485, 487, 513–515, 563, 565, 568, 569, 578, 583, 633, 636, 638, 649–655, 659–661, 664–666, 672, 682, 683
Вильгельм Завоеватель 224
Вильгельм из Рожмберка 442
Вильд И. 472
Винкельбрук Г. 489
Виноградов А. В. 11, 286, 621, 622, 699–701, 703, 704, 706–709, 713
Винтль М. 313
Виппер Р. Ю. 275, 283
Вирсавия 190
Вирский Д. 14
Висковатый И. М., дьяк 1 1, 34, 100, 101, 108, 136, 157, 285, 342, 359, 622, 632, 635–637, 696, 701
Вислицкий Я. 377
Витовт, великий князь 565, 567, 568
Вишневецкий Д. И., князь 19, 701
Владимир Александрович, великий князь 267
Владимир Андреевич Старицкий, князь 62, 232, 390, 491
Владимир Всеволодович Мономах, князь 150, 151, 183, 749, 753
Владимир Святой, князь 19, 50, 142, 150, 151, 158, 223, 565, 749, 753, 754

- Владислав II (Уласло), король 754
Владислав III Варненьчик, король 754
Владислав IV, король 532
Власов А. С. 606
Внуков М., сын боярский 200
Внуков-Пушкин В. И., сын боярский 205
Воейков Б., посол 441, 442
Войтковьяк З. 485, 510
Волян А. 489, 521
Волатерранус Р. 306
Волков В. А. 10, 131
Волминский Я., каштелян 514
Волович Г. 728
Волович О. 164, 165, 447, 448, 728
Вологдин Л., летописец 251
Володимерко, галицкий князь 754
Володихин Д. М. 58, 427, 428, 663, 719
Володкович Х. 568
Волохов З. 710
Волошанин Ф. А. 708
Волчок Я., посол 37, 134
Волынский И., воевода 195, 200
Волынский П., воевода 161
Вольф Г. 320
Вольф И. 653
Вопель К., картограф 130, 313
Воробьев М. В. 211
Воронцов В. Ф., окольный 493
Воронцов И. М., посол 100
Воротынский А., князь 197
Воротынский М. И., князь 219
Ворыпай Ф., посол 444, 462, 732
Врангель В., посол 638, 640, 643, 644, 648, 687
Врангель Т. 689
Вржешович В. 670
Всеволод Мстиславич, князь, псковский святой 27, 50, 64, 71, 79, 87
Всеслав, князь полоцкий 754
Вульф Л. 296, 297, 303, 319, 330, 331
Вульф Р., фогт 364
Выродков И., дьяк 249
Вяземский П. П. 219, 220, 250
Вячко 591

- Газентутер Г. 426
Гаклюйт.Х. 253, 460, 614
Гальцов В. И. 43, 99
Гамза (Елдышев) 708–709
Ганнибал, полководец 520, 521, 567
Ганс Б., посол 650
Гарабурда М., дипломат 41, 437, 438, 444, 462, 521, 566, 728–730, 732
Гарабурда П. 517, 743
Гастальди Дж. 313
Гастингс М. 102
Гваньини А., хронист 376, 377, 381, 391, 427, 460, 463, 467, 468, 470, 471, 473, 482–489, 503, 533, 598
Гебарович М. 182
Гедеон 142
Гедеонов С. 254
Гедимин, великий князь 754
Гейденштейн Р. 91, 206, 320, 329, 483, 494, 496, 500, 520, 532–547, 557, 580, 594
Гелиогабал 463
Гельше Зауерман В. 660, 665, 670, 671
Геннинг С. 413, 572–581, 590, 593, 596, 626, 627, 654, 656, 720
Генрих II, король 387
Генрих III Валуа, король 11, 389, 433, 437, 440–444, 447, 449, 486, 532, 533, 566, 586, 748, 751, 752
Георг Ганс, граф Фельденцкий 479
Георг Фридрих Барденбургский 532
Генрих фон Гален, магистр 340, 344, 347, 389, 578, 633, 636, 638, 639, 649–653, 655, 660, 665, 666, 671, 677
Герасимов Д., посол 313
Герберштейн С., дипломат 114, 189, 296, 312, 313, 325–329, 331, 337, 379, 380, 383, 384, 387, 388, 412, 420, 439, 462–464, 533, 554
Геремек Б. 298
Герман Буксгевден, епископ 591
Герман Везель, епископ 344, 350, 353, 354, 356, 389, 390, 406, 591, 592, 638, 689, 718
Герман Д. 518–520
Германус Д. 307, 310
Геродот 314
Гете И. фон 722
Гжегош из Самбора 429
Гиарн Т. 598
Гиацинт Б. 500
Гиждеу С. П. 550
Гизе М. 722
Гизель И., историк 223

- Гильдебранд Г. 360
Гильсхайм Р. 659
Гильфердинг А. Ф. 254
Гиндриксен К. 399
Гириксен К. 400
Гиуль П. 505, 506, 535
Глеб Владимирович, князь, святой 27, 59, 62, 69, 142, 243
Глебович Я. Ю., посол 132, 133, 443–446, 515, 726, 727, 730
Глинская Елена, великая княгиня 187, 383, 464
Глинский В. М., воевода 126, 706
Глинский М., князь 464
Глинский М., воевода 41
Говорунов А. В. 297
Годовикова Л. Н. 100, 106, 108, 109, 326, 461, 550, 609, 698
Годунов Борис, царь 93, 217, 263
Голицын И. Ю., боярин 494
Голланд М., наемник 72
Головин В. П., воевода 200
Головин П. И., казначей 162, 164, 491, 492, 743, 771
Головин С., сын боярский 199, 201
Голохвастов Д. П. 74, 174, 182
Голубский Г. 515
Гольдберг А. Л. 295
Гольдфранк Д. 422
Гольцшуер (Гольцшуер) Ю., канцлер 342, 406
Гомер 432, 567
Горенский П. И. 706
Горинский, князь 477
Горка Ст. 496
Горлов В. П. 257
Городенский Ю. 737
Горсей Дж., посол 356, 462, 467, 469
Горшков И. Д. 459
Гослав Ф. 496, 497
Гослицкий, Л. 429
Готье Ю. В. 236, 273, 274, 297, 460, 601
Гофман Я. 650
Гофф ван, Г. 390, 460, 471, 474, 479, 508
Гравингеллиус И. 419, 424, 430
Градовский Ф. 490, 520, 521
Граевский К. 445–447
Граевский П. 446
Граля И. 11, 14, 101, 284, 323, 359, 411, 459, 620, 632

- Грамотин К. И., дьяк 162, 491, 743, 744
Гранстрем Е. Э. 72
Грациани, нунций 437
Гребенюк В. П. 257
Греков Б. Д. 690
Греков И. Б. 217
Грибоедов Ф. А., дьяк 220, 221, 226
Григорий Богослов 142, 148
Григорий XIII, римский папа 548, 596
Григорий, монах 49, 50, 52, 53
Григорович И. 322
Григорьев З., дьяк 769, 770
Григорьев К., дьяк 771
Гризельда 532
Гро Д. 295, 296
Гробовский А. Н. 190, 263
Грозный Ф., сын боярский 722
Гроттгер А., художник 441
Гротхузен М., переводчик 635, 638, 640, 643
Гротхузен О., фон 638, 640, 643, 687
Груденский Ю. 747, 750, 752, 758
Губин С., гонец 110
Губин Т., гонец 112
Гудериан Г., генерал-полковник 266
Густав Адольф, король 9, 271
Густав Ваза, король 10, 136, 138, 139, 387, 388, 406, 612
Гуттер фон, У. 315
- Давид 184, 187–190, 400, 761
Давил (Давид) Ростиславич, князь 754
Даниил, митрополит 26, 202
Даниил Принц, дипломат 336, 340, 396, 447. 451, 459–461, 463, 467, 472, 474, 476, 616
Данилевский И. Н. 31, 90
Данилов П. Е., сын боярский 202
Даносов М. 735
Дансе 481
Дарий 565
Дахнович С. 550
Дашков А. Я., летописец 224
Дворниченко А. Ю. 14, 100, 129, 699
Де ла Гарди, П., военачальник 47, 193, 560, 561
Девлет-Гирей, хан 101, 102, 104, 108, 113, 115, 117, 119, 124, 144–146, 153, 280, 282,
700–709, 713–715

- Девлет-Килдей, посол 709
Деден фон, А. 36
Дединд З. 724
Делюс В. 550
Дембинский М. 493, 538, 586
Демин А. С. 172, 173
Демокрит 315
Демьянов А., дьяк 746
Дербиш-Али, хан 112
Дербов Л. А. 348, 608, 611, 662, 680
Державина О. А. 215
Дерновский С. 743
Детков Ю. Л., писатель 266
Деций И. 376
Джакомо из Бергамо 314
Джеймс П. 303
Дженкинсон А., дипломат 16, 460
Джеро 461, 468, 471
Дзирковский Н., архиепископ 661, 673
Дзмітрачкоў П. Ф. 129
Дзялынскі Л. 525–529
Дзярновіч А. І. 11, 110, 333, 511, 621, 654, 661, 664, 721
Дианова Т. В. 56, 217
Дитмерскен Г., капер 617
Дичков Ю., сын боярский 203
Длугош Я. 377, 483, 489, 598
Дмитриев Л. А. 625
Дмитрий Иванович Донской, князь 27, 59, 69, 73, 131, 183, 517, 551, 582, 749, 753
Дмитрий Иванович, великий князь, внук Ивана III 109, 383
Дмитрий Иванович, царевич, сын Ивана IV 245
Дмитрий Солунский, святой 71, 81, 142
Доброхотов П., епископ 269
Добрынин В., сын боярский 196
Довмонт, князь 50, 79, 545
Довойна С. 515, 585
Долгов С. О. 42
Долгорукий Г. И. 740
Долгорукий Т. И. 192, 698, 745, 746
Дорогостайский Н. 517
Дорогостинский П. 515
Дорофей, кузнец 49–52, 64, 258, 263, 625
Дорошенко В. 276, 563
Дракстед К., посол 414

- Дрогоевский Я., посол 712
Дубровина Л. А. 625
Дубровский И. В. 292, 459, 497
Дубровский К. 696
Дудин Б., сын боярский 199
Дуккер Ф. 689
Дундулис Б. 278, 279
Дьяконов М. А. 103
Дячок О. 484, 485
- Евлашовский Ф. 530
Евлогий 298
Едигер, хан казанский 120, 281
Едигер, хан сибирский 113
Ежовский М. 726, 727
Езбулуков А., черкасский князь 113
Езекия, царь 74, 182
Екатерина II, императрица 255, 283
Екатерина Ягеллонка, принцесса 566, 720
Елдегин И. Г. сын боярский 202
Елдегин М. Ш., сын боярский 202
Елдышев Гамза — см. Гамза
Елена Ивановна, великая княгиня 383
Елецкий Д., князь 100, 170, 191, 610
Елецкий И. С., князь 739
Елизавета, королева 102, 103, 224, 292, 613
Елчанинов Ф., посол 141, 447, 448
Ермак В. Ю. 198
Ермак, воевода 264
Ерусалимский К. Ю. 14, 93, 95, 96, 101, 110, 112, 120, 131, 149, 158, 244, 280, 512
Ефрем, игумен 144
Ефремов Н., учитель 254
Ефросинья Полоцкая, княгиня 59, 60
- Жаба, казачий атаман 517
Жемайтис С. 14
Жиглевич И. И., купец 51, 258
Жигульский З. 411
Жидимонт, посол 132
Жолкевский С. 545
Журавель О. Д. 17
Жучкова И. Л. 257

- Заболоцкий В. 180, 447, 733
Заболоцкий И., воевода 118
Завадский К. 411, 416, 420, 421, 423, 424, 430, 433, 451, 457, 489, 494, 498, 500, 504–508, 522, 523
Загоровский В. П. 285, 702
Загрязский Ф., посол 700, 701
Зайцев П. В., дворянин 153, 706
Закржевский В. 437, 442
Закхей 190
Замойский Я. 91, 92, 266, 441, 500, 501, 505, 506, 517, 519, 520, 526, 530, 532, 533, 535–539, 544, 545, 556, 560
Зарубин Н. И. 592
Зауер Л. — см. *Суриус Л.*
Зауервейд Н. А., художник 239
Захарьин М. Ю., боярин 132
Захарьин П. 254
Збаражский С., князь 141, 165, 281, 447, 728
Збаражский Я., посол 135, 136
Зборовский П. 527
Зборовский Я. 527–529, 535
Звенигородский Г. П., князь 206
Звенигородский И. П., князь 206
Зебжидовский Ф. 515, 585
Зелль Г. 313
Земмельбекер И. 408
Зенг В. 616, 618
Зенги-Хозя-Ших 706
Зиберг К. 660
Зиборов В. К. 40, 215
Зимин А. А. 26, 93, 109, 194, 209, 279, 285, 322, 456, 465, 621, 622, 719, 744
Зинович Ю. 514
Зиновьев Ю. М. 728
Златковский Я. 743
Злобин Г. П., посол 699, 706, 716
Змеев Я., гонец 146
Зойе Г. 352
Зорин А. 283
Зубов А., гравер 238
Зубов И. 771
Зутис Я. Я. 276, 277, 359, 620
Зюзин В. Г. 711, 749, 750, 752

- Ибак, царевич 119
Ибреим, мурза 119
Иван, новгородец 43
Иван III, государь 109, 114, 131, 135, 140, 143, 150, 159, 225, 244, 249, 275, 295, 302, 325, 353, 383, 466–468, 482, 583, 642, 646, 700, 701, 749, 761
Иван IV Грозный, царь 10–13, 19, 20, 24, 26–29, 31, 34–43, 45, 47, 56, 57, 59–62, 64–66, 70–72, 74, 75, 81, 84, 86, 89, 90, 92–94, 96, 100–114, 116–121, 123–128, 131, 132, 135, 136, 138–151, 153–162, 164–170, 174–191, 195–197, 199, 211–217, 219–222, 224–226, 228–233, 235–239, 242–245, 247–257, 261–265, 273–277, 279, 280, 283–288, 293, 328–330, 336, 337, 340, 342, 343, 348, 356, 358, 359, 366, 371, 373, 375, 380, 383, 389, 391, 396, 403, 406, 409, 412–416, 418, 420–428, 430, 432–441, 443–453, 455–468, 471, 472, 474–477, 479–481, 484, 486–494, 496, 498–501, 504, 506–509, 512, 514, 515, 517, 519–526, 528, 529, 533, 534, 540–544, 546–552, 554, 555, 559, 560, 564, 566–571, 573, 576–578, 580, 581, 584, 587, 588, 592–596, 598, 601, 610–614, 616–621, 623–626, 631–638, 641, 643–645, 652, 662, 663, 681, 683, 684, 687, 689, 695–716, 718, 720, 724–726, 728, 730, 733, 734, 736–747, 749–756, 760
Иван Иванович, царевич 27, 214, 225, 232, 250, 434, 465, 477, 708, 745, 749, 760
Иван Калита, великий князь 131
Иван Рогволодович, 754
Иванов Д. И., депутат 272
Иванов С., художник 196
Игорь, князь 383, 753
Иезекия 142, 396, 403
Измайлов А. Я. 711
Изяслав, князь полоцкий 754
Изяслав Мстиславич, князь киевский 754
Иисус Навин 142, 180
Иксуль О. 689
Иларион, митрополит 172, 173
Иловайский Д. И. 283, 287
Иннокентий IV, римский папа 300, 383
Иннокентий VIII, римский папа 318
Иоаким, патриарх 143
Иоанн Альбрехт Мекленбургский, герцог 347, 361, 414, 415, 722
Иоанн Богослов, апостол 24, 44, 92, 142
Иоанн Дамаскин 148
Иоанн Предтеча 142
Иоанн Георг, курфюрст Бранденбургский 479
Иоанн Златоуст 90, 142, 148
Иоанн Креститель 188
Иоанн из Сеговии, переводчик 301
Иоанн, дьякон 257

Иоасаф, патриарх 58
Иоахим Гогенцоллерн 722
Иов, патриарх 42
Йовий П. 312, 315, 316, 319–323, 325, 388, 474, 533
Иоганн фон Мюнхгаузен, епископ 344, 367
Иогансен К., посол 136
Иона, митрополит 59, 142
Иракий I, император 182
Ирод Антипа 188
Ирод Великий 188, 463
Иродиада 188
Исаченко А. Г. 303
Исидор Твердислов, юродивый 55
Исидор Юрьевский, святой 48
Исмаил, князь 340, 699, 706
Истрин В. 301
Ишкар Азиенгаринович 709
Иуда Маттафий 190

Йохансен П. 365, 370, 375, 376, 391–393, 409

Кабардеев Г., гонец 170
Кавальеро Дж. 500
Кавер Д., посол 638, 640, 643, 644, 648
Каган М. Д. 55
Казакевич А. Н. 39
Казакова Н. А. 100, 226, 336, 378, 606, 608, 630, 632
Казарин Т. 743, 769
Казберук У. М. 571
Казимир I, король 523, 565
Казимир Великий, король 305, 388
Казимир IV, король 752, 754
Кайбула, царевич 20, 119
Калачев Н. 15, 254
Калашников П. П., городской голова 261, 269
Калигула 463, 523, 569
Каллимах 532
Калмыкова Е. В. 627
Калугин В. В. 68
Кальмейер Т. 572
Каменцева Е. И. 68
Камерарий И., Старший 386
Кампана Дж. 461

- Кандамский Х. 670, 676, 679
- Каптелер А. 153, 328, 330, 371, 411, 412, 414, 416, 418–421, 423, 424, 426–429, 432, 433, 437, 451, 453, 456–458, 462, 463, 476, 477, 494, 498, 500, 504, 506–509, 518, 522–525, 662, 680, 720
- Каравашкин А. В. 81, 90, 94, 150, 178, 179, 182, 183
- Карамзин Н. М. 221, 248, 251, 253, 254, 259, 262, 263, 282, 283, 285, 287, 619, 744
- Караш, гонец 102, 707–708
- Карвовский С. 9, 277, 358, 655
- Карион И. 382
- Карл IX, король 389, 441
- Карл V, император 382, 384, 387, 611, 634, 649, 659
- Карл Великий, король 565
- Карл XII, король 240, 244
- Карл Седерманландский 722
- Карнаухов Д. В. 376–379, 482–485, 488, 510, 512, 513
- Карнковский С. 504, 532
- Карпов Г. Ф. 58, 99
- Карпов М. Д., дворецкий 162, 491, 492, 743, 744, 771
- Карстедт П. 364, 365, 605, 652, 680
- Кастро В. 660, 665, 671
- Катырев-Ростовский И. М. 215, 249, 250
- Катя, женщина-воительница 369
- Кашин А. 706
- Кашин Ю. И. 720
- Каштанов С. М. 176, 177, 336, 631, 637, 691, 693
- Квашнин В. И., новгородский боярин 643
- Квашнин Ж., посол 219, 222, 226, 249
- Кельх Х. 597, 598
- Кениг А. 723
- Кеттлер В., герцог 575
- Кеттлер Г., магистр 24, 160, 340, 358, 361–363, 387, 418, 459, 515, 568, 572–576, 583, 621, 627, 651, 659, 660, 719, 721, 722
- Кибинь А. С. 307
- Кинан Э. 17, 120, 718
- Кирилл Белозерский, чудотворец 142
- Кирилл, епископ 181
- Кирилл, митрополит 142, 145
- Киртчников А. Н. 606
- Кирхнер В. 8, 10, 107, 110, 236, 348, 354, 358, 359, 413–416, 618, 620, 621, 658, 662, 680, 683
- Кихель С. 91, 462
- Кишка С. Г., посол 132, 133
- Кишка Я. С. 728

- Клаудорф В., ратсгер 591
Клаусен Г. 400
Клеарх, полководец 194
Клейст Э., фельдмаршал 266
Климент VII, римский папа 316, 533
Климов П., гонец 447
Клобуков А., дьяк 494, 496, 524
Клодт фон Юренсбург П. К., художник 261
Клосс Б. Н. 25, 26, 216, 221, 222
Клюг Э. 310, 325
Ключевский В. О. 132, 256, 332
Кляйнов И. 650
Кмита Ф., староста 168, 499, 516, 518, 521, 530, 531, 570, 586
Кнорр Н. 420, 421, 424, 430
Кобенцль Я., посол 449, 451, 461
Кобрин В. Б. 323, 411
Кобелев С. 709
Коваленко Г. М. 461
Ковалёв С. 490, 510, 518–521, 566, 567, 569–571
Ковырин И. Н., псковский староста 644, 648
Ковяшов Ш. 706
Козлов В. П. 592
Козлова Г. Г. 460, 468, 484
Коллинз С. 594
Колло да, Ф., посол 315, 316, 318–321, 474
Колобков В. А. 219, 462
Колумб Х. 253, 283, 295, 315, 379, 383
Комынин И., гонец 179
Конарский А. 657
Константин Великий, император 143, 180, 183, 222, 565
Константин Мономах, император 151
Контарини А., посол 316, 318
Копанев А. И. 225, 226
Корецкий В. И. 39–42, 58, 161, 209, 219–221, 223
Коркодинов С. И., сын боярский 199
Корнилий, игумен 39, 50, 427
Королюк В. Д. 10, 12, 275, 276, 283, 348, 359, 620, 662, 680
Корсак Б. посол 128
Корф Н. 493
Коршунов А. Ф. 531
Космо I, князь 426
Костка Я. 442, 448
Костомаров Н. И. 12, 256, 288

- Косточкин В. В.* 602
Костылев В. И., писатель 264, 265, 621
Кохановский Я., поэт 501, 520, 521
Коялович О. М. 527
Краинский Ф. 448
Крамер, купец 100
Кранах Л. Младший, художник 411
Кранц А. 574
Красовский П. 743, 753
Краузе И., посол 650
Краузе И. В., архитектор 266
Крейдлайн Г. 416, 418
Крестенсон К., наместник 698
Кришм Й. 364, 365, 392
Кристоф (Христофор) Мекленбургский, коадьютор 11, 344, 345, 363, 388, 397, 649–651, 653, 655, 660, 661, 665, 667–670, 679, 722
Кром М. М. 14, 121, 129, 503
Кроммер М., хронист 122, 377, 482, 483, 489, 512, 532, 581
Кроос Я. 392
Крузе Э. 175, 329, 409, 459, 460, 466, 471, 474, 475, 479, 508, 575, 578, 683, 684, 689, 719
Крумгаузен И., ратман 36, 358
Круцайус К. 419
Крыский С., посол 152, 164, 234, 491, 517, 519, 548, 741–748, 750, 751, 755, 756, 759–761, 763, 764, 769–771
Крышковский Л. 489
Ксеркс, царь 254, 511, 520, 521
Кубасов С. 215
Кудрявцев О. Ф. 314, 315, 317–320, 370
Кузьмин А. В. 14
Кузьминский А. И., посол 112, 147
Куликов А. 706
Кульдесхайм Р. 670, 676, 679
Курбский А. М., князь 13, 31, 66, 68, 81, 90, 93–97, 124, 150, 161, 174–178, 180, 190, 196, 197, 219, 221, 223, 233, 244, 245, 249, 263, 264, 279, 280, 282–284, 447, 465, 491, 584, 586, 593, 698, 708, 718–723, 73
Куремша, посол 710–711
Курлятев Ю. К., воевода 741
Курукин И. В. 234, 253, 285, 550, 683, 689, 697
Курчев И. И., сын боярский 203
Кутузов П. Е., воевода 196, 201
Кучкин В. А. 69, 625
Кушева Е. Н. 281

- Лаврентьев А. В.* 121, 219
Лавров Н. Ф. 26
Лагорио Л. Ф., художник 247
Лазарь Богша, мастер 59, 60
Лазницкий Я. 316
Лаидре М. 10, 623, 633
Ламанский В. И. 378
Лампрехт К. 315
Ланге Г. 466
Ланский К., посол 569, 583, 650–653, 656, 658, 661, 675
Лапустин А. 48, 258
Лапчинский В., типограф 293
Ласицкий И. 486
Лаский Я., архиепископ 316, 321, 324, 325
Латышева Г. Г. 219
Лашков Ф. 699
Ле Гофф Ж. 139, 203
Леардо Дж. 306
Лебедев Г. 75
Лев В. 378
Лев X, римский папа 322
Лев де, X. 670, 676, 679
Левенклавий И. 364, 386–391, 393, 473, 598
Левин Н. Ф. 54, 259, 269–271
Левина С. А. 26
Левкий, архимандрит 62
Левыкин А. К. 24, 499
Лейбниц Г. 296
Лекса (Лешек) Черный 754
Лемберг Г. 331
Ленин В. И. 219
Ленхофф Г. 17, 19
Леонид 74, 174, 182
Леонид, игумен 62
Леонтий, епископ¹ 142
Лепший К. 11, 391, 617, 620
Лепявко С. 14
Лесневельский С. 515, 585, 586
Лжедмитрий I 266
Либерман А. 594, 596
Либкнехт К. 272
Лимборг Р. 724
Лимонов Ю. А. 378, 535

- Линд Дж.* 100, 106, 108, 461, 609, 698
Линде М. 360, 407–409
Лихарев К. О., сын боярский 195
Лихачев Д. С. 27, 49, 109, 175, 744
Лихачев Н. П. 26, 100, 175, 550
Лихачева О. П. 72
Лобанов-Ростовский П. С., воевода 201
Лобанов-Ростовский Ф. М., воевода 201
Лобин А. Н. 14, 323, 411, 584
Лозенский Г. В. 660, 666, 671
Ломоносов М. В. 172, 173, 237
Лон фон, Г., бургомистр 392
Лопатинский В., посол 166, 509, 517, 519, 543
Лошилов И. Н., писатель 266
Лугуй, князь 93
Лука, евангелист 148
Лурье Я. С. 41, 72, 100, 175, 176, 183, 233, 584, 744
Лучицкая С. И. 298, 299
Лыков М. Ю., воевода 196
Лыков Ф. И., воевода 199, 246
Любич-Романович В. 158, 328, 415, 460
Людовик II (Лайош), король 754
Люстров М. Ю. 141
Лютер М. 384, 463, 550
Люттер Г. 431
Ляцкий И. В., окольный 19, 313
- Маазинг М.* 335, 342, 633, 636
Мавродин В. В. 12, 274
Магмет-паша 147
Магнус, герцог 41, 153, 160, 161, 219, 277, 329, 360, 363, 390, 400, 403, 418, 419, 451, 458, 462, 469, 472, 487, 542, 543, 570, 573, 576, 587, 741, 748, 752
Маидель Д. 698
Маидель К. 698
Майер К. 14
Майков В. В. 100, 221
Мак Г. 502
Макарий, митрополит 17, 57, 68, 74, 113, 141, 142, 144, 145, 150, 151, 182, 183, 217
Макиавелли 240, 241
Максімовіч Р. 420
Максенций (Максентий), император 180, 183, 187
Максим Грек, монах 326, 327
Максимилиан I, император 114, 141, 322

- Максимилиан II, император 216, 217, 219, 222, 249, 250, 433, 437, 442, 443, 447, 449, 451, 453, 456, 460, 461, 558, 559, 618, 734
- Малеин А. И.* 153, 325, 459
- Малецкий И., маршалок 654
- Малинин В. А.* 622
- Малков Ю. Г.* 49
- Малов А. В.* 333, 637, 680
- Малый И., толмач 114
- Малышев В. И.* 63, 64, 70, 82–85, 87, 91, 92
- Мамай, полководец 59, 71, 73
- Манкеев А. И., историк 245, 246
- Марзалиук И. А.* 14, 131
- Мария, королева 387
- Марков И. 710
- Маркелл (Маркеллин) 81, 83, 184, 190
- Маркс К.* 273, 274, 295
- Мартелл Г. 308, 310
- Мартин Дж.* 303
- Мартирий, игумен 79
- Мартынович В. Ю.* 321
- Мартынюк А. В.* 198
- Масса И. 594
- Матвей, епископ 144
- Магейко Я., художник 435
- Матгяш Корвин, король 761
- Матузова В. И.* 299, 300, 304
- Матфей Парижский, хронист 299, 300
- Машеров П. М. 530
- Медведев Д. А. 272
- Мейерберг Л. 596, 597
- Мейнард 380, 582
- Меланхтон Ф. 416
- Мелихов М. В.* 69
- Менгли-Гирей, хан 115, 700, 701
- Меркатор Г. 313
- Мефодий Патарский 301
- Мехмед II, султан 301
- Меховский М. 312, 314–316, 319, 324, 325, 330, 376, 379, 462, 483, 533, 598
- Мешко, король 497
- Мещерский Г., посол 436
- Мещерский И. воевода 514
- Мещерский Ф. С., воевода 199, 200
- Мигунов Ю. В.* 204

- Микулинский-Пунков С. И., князь 41
Милевский О. Н. 52, 490, 527
Милецкий М. 655, 712
Милиус И. 430, 431, 490, 518
Миллер А. И. 298, 331, 332
Миллер Г. Ф. 637
Милоков П. Н. 210
Митрофан, монах 50
Михаил Клопский, святой 144
Михаил Федорович, царь 237, 242
Михаил Черниговский, князь 84
Михайлов А. А. 526, 527
Михайловская Л. Л. 510
Михайловский Н. М. 216
Мицик Ю. А. 558
Мицкунайте Г. 14
Мишковский П. 419
Млашик, черкасский князь 20
Мовколд Ростиславич, князь 754
Молвянынов В. 740
Молвянынов И. 740
Молвянынов С. 740
Моисей 143, 180–183, 242, 243
Молотов В. М., нарком 451
Монастырев А., дьяк 496, 524
Морозов В. В. 26, 56
Морозов И. С., посол 102
Морозов И., купец 248
Морозов М., купец 248
Морозов С. А. 26
Мосальский В. В., посол 118, 709–712, 717
Мстислав Владимирович, князь, Мономахович 754
Мстиславский И. Ф., боярин 127, 165, 185, 476, 697, 706, 768
Мстиславский Ф. И., боярин 165
Мунд С. 302, 306, 314, 316, 318, 319, 321, 325, 327–331, 370, 410, 412, 413, 417–421, 423, 424, 429, 430, 432, 456, 460–463, 468, 475, 476, 482, 494, 496, 505, 557, 620
Мунзорин И., сын боярский 492
Мурад III, султан 386
Мурат-мирза 115, 703, 704
Муромцев Вассиан, инок 93, 174
Мусин А. Е. 110
Мусли-Аталык 710

- Мустафа-ага 703, 706
Муххамед-Гирей I 708
Муххамед-Гирей II 706, 709–711, 714, 716, 717
Мухедим, гонец 282
Мычельский П. 439
Мюлен фон, Г., бургомистр 358
Мюллер Л., хронист 557–564, 626
Мюллер Ф. А., художник 261
Мюллер Ф. Г., медальер 246
Мюнстер И. 310, 350
Мюнстер С. 308, 313, 320, 321, 327, 364
Мюнстер фон, К., маршал 344, 348, 351, 355, 578, 651, 652, 653, 659
Мюнхгаузен Х., наместник 355, 695, 696
Мясной А. Н., гонец 112, 119, 708
Мясоедов Ф., гонец 434
- Навуходоносор 189, 275, 463, 761
Нагой А. Ф., посол 104, 112, 115–117, 119, 121, 140, 146, 156, 446, 451, 478, 700–702, 704–709, 713, 715, 741
Нагой Г., дворецкий 434
Назаренко А. В. 325
Назаров В. Д. 14, 499
Назаров Е. И. 257
Найнер Г. 419
Наполеон Бонапарт, император 6
Напьерский К. Е. 93, 193, 256, 337, 370, 371, 386, 391, 464, 572, 588, 633, 650, 659, 684
Нарушевич М. 728
Насонов А. Н. 39, 219, 236, 244, 246
Науменко Н. 460
Наумов И., казначей 79
Нафан 190
Нащокин Г. А., посол 167, 505
Невенгловский, перебежчик 519
Неволин К. А. 204, 209
Ней И., житель Нарвы 44
Некрашевич-Короткая Ж. В. 377, 566, 567, 571
Нелидов-Ракитин Ф. Г., сын боярский 205
Неофит, митрополит 151
Непейцын В. 710–711
Непейцын О. М., сын боярский 31
Нерон 462, 463, 523, 551, 569
Несмеянова В. Н. 43
Нестурх Ф. П., архитектор 270

- Нечаев В. А., художник 262
Нечаев В. В. 209
Нечаев Г. К., житель Ивангорода 46
Нечаев Ю., воевода 53
Нидзильский К. 10
Ниенштедт Ф., хронист 44, 159, 256, 342, 343, 358, 576, 588–594, 626, 627, 636, 683, 689–694, 721, 722
Никита, епископ 43, 44
Никифоров И., священник 257
Никола Зарайский 27
Никола, юродивый 50, 79
Николаев Л. Э. 461
Николаев С. И. 511
Николай I, император 243, 262
Николай Кузанский 305
Николев И. Н. 27
Никон, патриарх 219
Нифонт, епископ 50
Новицкий Г. А. 194, 718
Новодворский В. В. 10, 433, 456, 744
Новосельский А. А. 284, 699, 704, 706
Новосельцев А. В. 257
Новосильцев Л., посол 119, 146, 147, 156, 157, 448
Ногтев-Суздальский А. И., воевода 193, 202–205
Нойхоф К., комтур 651
Норман Д. 298, 299, 301
Носов К. С. 602
Носов Н. Е. 44
Носов С. 540

Оболенский К. М. 430, 477, 494, 495, 595
Оболенский М. В., воевода 193, 758
Оболенский Ю. А., сын боярский 205
Овиедо А., миссионер 555
Огородников В. 321
Одерборн П., пастор 328, 421, 427, 460, 462–465, 471, 474–478, 523, 533, 588, 594, 598
Ододуров С., гонец 441, 442
Окиншин Я. В. 709
Окс С. 423
Окулич-Казарин Н. Ф. 63, 269, 271
Олевник И. 344, 649–652, 655
Олег Рязанский, князь 71
Олег, князь 383, 513

- Олмен Ф., священник 371–373, 375, 376
Ольга, княгиня 383, 565
Ольгерд, великий князь 517, 754
Ольденбург фон, Г. 617
Онацевич И. 511
Ор 180, 181
Оржельский С. 445
Оржеховский С. 483
Ориховский С. 531
Ориховский Я. 531
Ортелий А., картограф 137, 308
Остерридер М. 13, 293, 300, 310, 377, 378
Острожский В., князь 710
Острожский К. К., князь 281, 499
Осцик Г. 519, 570
Отинхс Р. 740
Отт Т. 412, 413, 418, 426, 430, 431, 463, 469, 595
Отто Л. 660, 665, 670, 671
Оттон, император 565
Оффенберг Л. 719
Охлябинин И. 726
Охотникова В. И. 49, 64
- Павел, апостол 43, 90, 142, 178, 761
Павлов А. П. 44
Пайнс Р. 132, 462
Палецкий Д. Ф., боярин 228, 638–640, 643, 644, 648
Палицын А., священник 64
Палицын В., келарь 222
Панченко А. М. 236, 378
Пафнутий Боровский, чудотворец 142
Пахоловицкий С. 500–502
Пац Ст., воевода 170, 486, 516, 728
Пашковский М. 485
Пацуро В. Т. 93, 177, 620
Певтингер К. 310
Пекарский П. 138, 237, 240, 242
Пелгусий, воин 243
Пеленский Я. 58, 60, 120, 634
Пельгримовский Г. (Гелияш, Элиас) 490, 521, 569, 571
Пелю М.-Л. 330
Пентковский К. 520
Пересветов И. С., дворянин 26, 94, 109, 150, 609

- Пернест Ф., посол 461
Пернистайн Ф. 461
Пернштейн И. 437, 461
Перфильев Н., дьяк 195
Петелин Д., дьяк 167, 746
Петр, апостол 142
Петр I Великий, император 235–237, 239, 241–246, 250, 253, 255, 256, 265, 269, 462, 467, 598, 601, 626
Петр, митрополит 59, 142
Петр Канизий 381
Петр Фрязин 339
Петрей П. 595, 596, 598
Петров А. 239
Петров А. В. 45–47
Петров К. В. 198, 210, 211
Петровский Ф. А. 468
Пешич С. Л. 235, 237, 244–246, 248, 250–252
Пивов В., сын боярский 505
Пивов Р. М., посол 121, 134, 157, 167, 169
Пий II, римский папа 297, 301, 306, 314
Пий V, римский папа 461
Пикарт П., гравер 242
Пиккио Р. 81, 90
Пикколомини Эней Сильвий — см. *Пий II*
Пикуль В. С., писатель 265, 266
Пилат 188
Пимен, архиепископ 43–45, 49, 141, 143, 144, 183, 706
Пиотровский С., секретарь 52, 490, 519, 526–531, 549, 550
Пиркгеймер В., гуманист 315
Пирлинг О. 322, 550
Писемский Ф. А., посол 102, 103, 112, 118, 170, 706, 708–709, 745, 769, 771
Писториус И. 376, 387, 484
Платонов С. Ф. 221, 275, 283, 359
Платтенбург Ф. 472
Племянников В. С., дьяк 114
Плеттенберг фон, В., магистр 366, 367, 374, 384, 387–389, 394, 550, 577, 583, 597, 598
Плеттенбург Г. 670, 676, 679
Плещеев Д. Г., сын боярский 205, 206
Плещеев И. Д., воевода 195
Плещеев З. О. 726
Плиний 314
Плутарх 386
Плюг, епископ 373

- Плюханова М. Б.* 68, 120, 182, 183, 634
По М. 56, 211, 332, 416, 418–421, 423, 424, 430, 433, 451, 453, 456–458, 460–462, 494, 496, 498, 500, 506–508, 522
Погодин М. П. 64
Погосян Е. 235–237, 244
Подобедова О. И. 32
Пожаткевич Л. С. 708
Покровский Н. Н. 17, 19
Покрышкин Г. С., псковский староста 644, 648
Полев И. 701
Поликарпов Ф., историк 244, 245
Полосин И. И. 237, 275, 283, 328, 412, 459, 460, 463, 481
Полтев Г. 771
Полубенский А., князь 124, 126, 175, 177, 220, 470, 488, 514, 584, 723, 738, 753
Полубенский И., князь 124
Полуянов М., гонец 741, 742
Помпонию Мела 314
Попов А. Н. 101, 216, 221, 233
Попов В. Е. 153, 333, 341, 344, 347, 499, 630, 635–637, 649, 656, 657, 680, 685, 686, 718
Поссевино А., легат 90, 108, 109, 140, 146, 219, 225, 265, 266, 326, 329, 427, 461, 462, 464, 465, 523, 524, 547–556, 562, 570, 587, 610, 611, 664
Постников А. В. 303, 304
Потемкин В. Ф., воевода 499
Потемкин В. П. 215
Прейс Ю. 719
Превоский М., посол 185, 191
Преус М. 617
Приимков-Ростовский Д. Б. 192
Приимков-Ростовский Н. Б. 200
Проселок Б., посол 165
Прутченко М. Б., губернатор 268
Пташицкий С. Л. 378
Птолемей 307, 308, 310, 330, 384
Путятин М. М., воевода 200
Пушкин А. С., поэт, 601
Пушкин О. М., посол 170, 745, 746, 756, 759, 760, 771
Пущин С., сын боярский 199
Пчелов Е. В. 213

Радаван Я. 566, 567
Радзивилл К., князь 490, 520–522, 528, 534, 536, 562, 567, 569, 570, 587, 720, 737
Радзивилл Н. князь 165, 202–204, 363, 402, 430, 447, 448, 500, 511, 514, 515, 516, 518–521, 567, 585, 586, 649, 654, 656, 663, 681, 710, 728, 737, 762

- Разенков Ф. 450
Раизий Б. 518
Рандольф Т., посол 460
Ранфц И. 416
Расмуссен К. 10, 284, 344, 359, 609, 613, 620, 649–651, 654, 655, 658, 659, 662, 663, 681, 684, 695, 699
Реннер И., хронист 294, 334, 335, 343, 344, 348–350, 352, 353, 355–357, 364–370, 373, 376, 385, 391, 393, 396, 459, 465, 466, 468, 476, 581, 590, 605, 613, 626, 652, 653, 662, 663, 680, 689, 719
Ретина Л. П. 96
Репнин М. Н., боярин 720
Рерих Н., художник 261, 262
Ржевский Д. Г., сын боярский 201
Ржевский Е. Д., посол 112, 115, 119, 121, 146, 702, 703, 710–711, 716
Риан В. 188
Риббентроп И. фон 451
Ридингер Н. А. 257
Рип Ц. 313
Робинсон А. Н. 67
Рогволод, князь 754
Рогволод Борисович, князь 754
Рогинский М. Г. 459
Рогнеда, княгиня 754
Рогов А. И. 510
Рогожин Н. М. 98, 99, 437, 462
Роде К., капер 617
Розен Г. Ф., драматург 262–264
Розен С., командир 545
Розенберг Т. 255, 256
Розенберг фон, И. 402
Рок Б. 14
Рокита Я. 140, 465
Роменская О. Я. 176
Ромодановская Е. К. 220
Ромодановский А. М., посол 100, 103, 107, 108, 478, 609, 722
Ромоцкий А. 743
Россели Ф. 307
Ростислав Всеславич, князь 754
Ростислав Рогволодович, князь 754
Ростовский В., князь 200
Ростопчина О. С. 203
Ругодивцев 359
Рудаков В. Н. 66

- Руджери, посол 460
Рудольф II, император 451, 456, 460, 479
Румянцев Н. П. 127, 221, 697, 698, 725, 735, 740
Рыбаков Б. А. 69, 312, 625
Рыков Ю. Д. 175, 233, 584
Рымша А. 521
Рыстенко А. В. 72
Рюрик, князь 110, 150, 512, 753
Рюссов Б., хронист 44, 154, 157, 160, 256, 274, 295, 329, 334, 335, 340–344, 347, 352, 353, 356–359, 364, 370, 376, 381, 391–406, 409, 417, 426, 459, 465, 466, 471–475, 477, 509, 510, 524, 557, 563, 578, 581, 588, 594, 598, 626–628, 636, 655, 683, 684, 689, 723
Рябинин И. С. 446
Рязанов А., сын боярский 492
- Сабуров И., воевода 195, 200
Сабурова С., великая княгиня 464
Саверчанка И. 531
Савин А. Г., посол 224
Савков В. М. 606
Савостьянов Ф. 705
Саганович Г. 420, 424
Сагиб-Гирей, хан 156, 708
Саид Э. 297, 299, 302, 314, 323, 474
Саип-булат, князь 119
Салмина М. А. 226, 625
Салтыков В. Г., воевода 246
Салтыков И. Л. 192
Салтыков Л. А. 706
Салтыков П. Я. 192
Салтыков Я. 192
Салтыков-Морозов Ф. И. 703
Салтыков-Щедрин М. Е., писатель 175
Самарин Ю. Ф. 255, 256
Самойлова Т. Е. 24
Самуил 761
Сангушко Р. 486, 518, 566, 586
Санин Г. А. 11, 286, 700, 744
Сапега А. 493, 517
Сапега Л. 563, 571
Сапега М. 743, 745–748, 750, 751, 756, 769, 770
Сапега П. 514
Сарвар 180, 182, 183

- Сарницкий С., хронист 349, 377, 483, 564–566, 664
Саул 184, 187, 379, 761
Свенссон С. 10, 359, 620
Свирский Я., староста 168
Свяжынскі У. М. 530
Святополк, князь 181, 754
Святополк-Четвертынский И. А. 67
Святослав, князь 753
Севастьянова А. А. 462
Селарт А. 14, 44–47, 341, 632
Селезнев Ю. В. 66
Селим, султан 146, 147
Селин А. А. 14, 606
Сен-Пьер де, Ш.-К. 298
Сербина К. Н. 42
Сергий Витая Брада, рыбак 52
Сергий Радонежский, святой 27, 142
Серебряный В. С. 706
Серебряный П. С. 516, 585, 706
Серебрянский Н. И. 49, 84
Середонин С. М. 462
Сибок, князь 20
Сибург Г., комтур 390
Сигизмунд I Старый, король 19, 115, 132, 323, 324, 376, 377, 379, 388, 482, 617, 649, 658, 752, 754, 758
Сигизмунд II Август, король 11, 12, 57, 61, 62, 94, 101, 112, 116, 121, 123–128, 135, 136, 149, 150, 157–160, 169, 178, 265, 281, 282, 286, 333, 337, 343–345, 347, 349, 350, 355, 378, 384, 388, 389, 415, 421, 423, 429, 430, 433, 435, 439, 440, 447, 450, 477, 485–487, 489, 499, 513–515, 525, 533, 534, 543, 565, 566, 568, 569, 576, 581–583, 597, 613, 617, 621, 650–657, 659–663, 665, 671, 677, 681, 682, 685–687, 700, 702–708, 713, 720, 721, 726, 733, 736–738, 742, 748, 751, 752, 754, 755, 758, 765, 771
Сигизмунд III Ваза, король 567, 568
Сильвестр, игумен 27
Сильвестр, протопоп 74, 124, 125, 174, 177, 182, 190, 234, 263, 264, 284–286, 621, 683, 689
Симеон, царевич 119
Симушовский Я. 432
Симчич О. 315
Синахериб, царь 73, 74, 142, 180, 182, 187, 275, 356, 756
Синицына Н. В. 67, 109, 322, 331
Сиренов А. В. 17, 19
Сицкий В. А., воевода 493

- Сицкий И. В., посол 167–170, 450, 451, 505
Скандербег 570
Скобельцын К., посол 100
Скорняков-Писарев Г., летописец 246
Скратошин Я., посол 435, 436, 763, 765, 766
Скржинская Е. Ч. 318
Скрынников Р. Г. 11, 94, 174, 194, 209, 279, 285, 621, 622, 718, 720
Скумин Ф. — см. *Тишкевич Ф.*
Скуратов М. 218, 465, 488
Скутанс Г. 14
Слайдан И. 382
Слоан Д. 188
Смирнов В. Д. 701
Смирнов В. П. 54
Смирнов Н. А. 147, 705
Смирнова С. С. 14
Сназин И., летописец 223, 427
Снесаревский П. В. 550
Собакин В. Н., воевода 224
Соболев Л. В. 99, 744
Соболева Г. С. 43
Соболева Н. А. 39
Соболевский А. И. 48
Совин П., дипломат 100
Соколов-Скаля П. П., художник 261, 262
Соколовский И. А., учитель 269
Соколовский М., переписчик 637
Соликовский Я. 437, 532, 563
Солин Ю. 314
Солнцев Ф. Г. 259
Соловьев С. В. 153, 663, 688, 74
Соловьев С. М. 256, 283, 287, 619, 620, 699
Солодкин Я. Г. 31, 41, 217, 219, 223, 248
Соломон 761
Сорокин П. Е. 605, 606
Соутем Т. 460, 606
София Палеолог, великая княгиня 383
Спарк Дж. 606
Сталин И. В. 274
Станцелис В. 663, 681
Старостенко В. В. 131
Стасов В. В. 258
Стеллецкий И. Я. 592

Стефан Баторий, король 10–12, 31, 50, 54–56, 63, 64, 66, 68–76, 78–85, 87, 89–91, 93, 102, 103, 131, 135, 136, 143, 152, 161, 162, 164–167, 169, 170, 175, 178–180, 183–191, 204, 206, 215–220, 223–225, 232, 233, 245, 246, 249, 250, 253, 259, 261–263, 266, 268–272, 293, 378, 437, 441–443, 449–452, 466, 468, 476, 479, 482, 487–492, 497–507, 509, 510, 513, 517–523, 526–529, 532–537, 539–548, 551, 552, 554, 555, 557–567, 569–571, 574, 582, 587, 588, 591, 594, 596, 597, 610, 625, 628, 631, 710–712, 722, 736–738, 741–747, 750, 752, 754–758, 760–763, 765–768, 770, 771

Стефан Великий, господарь 761

Стражбор И. 740

Стремоухов Л., посол 165

Строганов А., купец 265

Стрыйковский М., хронист 345, 349, 377, 378, 381, 391, 427, 442, 443, 483, 485, 488, 510–518, 565, 584, 585, 653–656, 664, 682

Ступтерих Р. 416

Судьбищи 701

Сукин Ф. И., казначей 152

Сулеш, дипломат 104, 117, 118, 701, 702, 706–707

Сулла, полководец 567

Суриус Л., хронист 364, 381–386, 393

Суур А. 266

Суханов А. 216, 219, 221

Сухман М. 466

Сущев Н., гонец 120, 121, 169, 281, 663

Сципион 577

Сырков А. Д., купец 643

Сюч Е. 298

Табачков Е. И., сын боярский 205

Талваш М. 516, 586, 736

Талваш Я. Н. 728

Тамерлан (Тимур Тамерлан), полководец 59, 64, 71, 74, 182, 257, 570

Таранеўскі В. 530

Тарасий, пономарь 55

Тарквиний 463

Тарновский Ян, гетман 503

Тархов И., гонец 170, 171

Татев П. И., окольный 493, 756, 760, 763, 767–770

Татищев В. Н. 41, 42, 251

Таубе В. 719

Таубе Г. 339, 342, 718

Таубе И. 175, 329, 408, 459, 460, 466, 471, 472, 474, 475, 479, 508, 575, 718, 719, 721–723

- Таубе М. А.* 719
Таубе О. 718
Творогов О. В. 183
Тедальди Дж. 427, 428, 461, 468
Телятевский А. П., князь 26, 706
Темир-Аксак — см. *Тамерлан*
Темкин-Ростовский В. И., князь 719
Темушев В. Н. 14
Тенер И., посол 695
Терпигорев И. 698
Терпигорев К., посол 342, 343, 591, 636, 687
Терпигорев Л. 698
Тетерин Т. 180, 491
Тиберг Э. 10, 11, 131, 133, 134, 281, 284, 341, 359, 601, 606, 608, 609, 611, 620, 621, 632, 634, 636, 658, 663, 680, 681
Тизенгаузен Е. 719
Тизенгаузен Г. 719
Тизенгаузен К. 719
Тизенгаузен Ю. 399
Тиле А. 278, 279, 592
Тилерманн Г. 589
Тиль А., бургомистр 689
Тимофеев И., дьяк 214, 215
Тит 91
Титов А. А. 42
Тихомиров И. А. 460
Тихомиров М. Н. 41, 217, 220, 226
Тихон, архимандрит 221
Тихон, игумен 87
Тихонравов Н. 242
Тишкевич В., посол 128, 134
Тишкевич С. Д., посол 136
Тишкевич Скумин Ф. 743, 745–748, 750, 751, 756, 761, 763, 769, 770
Тишкевич Ю., посол 141, 153, 514, 728
Ткачева Н. 54, 257
Тоде К, капер 617
Токмаков Ю., воевода 486, 516
Толочко А. П. 251
Толь, граф 267
Томицкий Я. 448
Тохтамыш, хан 64
Травин А. И., художник 261
Трачевский А. 433

- Траян, император 565
Тризня Г. 514
Тургенев А. И. 321
Туренин И. С., сын боярский 199
Туробойский И. 240
Туровский К. 581, 582, 655, 682
Турпеев С., посол 113, 141
ТЬеполо Ф. 459, 466
Тюлен фон, Г., фогт 401
Тютев И., подъячий 281
Тютчев И. А., сын боярский 206
Тюфякин М. В., князь 195
- Уборский П. 448
Уваров Б. Д., сын боярский 195
Уваров Ф., сын боярский 201
Угорский З., посол 216, 222, 226, 249, 734
Угрое К., посол 460
Узкий-Есипов В. П., сын боярский 204
Уиллоби Х. 460
Ульфельдт Я., посол 100, 106, 108, 461, 466, 468–474, 478, 609, 698, 722
Ульчинайте Э. 377, 571
Ульяновский В. И. 531
Уманец Т. М. 433, 446
Умной-Колычев Ф. И. 161, 432, 434, 706
Унгерн-Штернберг К., гравер 338
Уортман Р. 243
Урбан В. 10, 11, 356, 365, 392, 398, 413, 573, 620, 621, 663, 681, 689
Урия 190
Урне К., посол 102, 104, 157, 695, 696
Усачев А. С. 14, 17, 25, 26
Успенский Б. А. 109, 236
Успенский Ф. И. 100, 610
Устрялов Н. Г. 131, 283, 585
Устюгов Н. В. 68
Уханьский Я., епископ 141, 145, 446–448, 733
Ушаков Н. Ю., воевода 200
- Фабри** И. 316–321, 323, 325, 370, 533
Фабрициус Г., викарий 382
Фабрициус Д. 683
Фальк Э. 463
Фаренсбах Г. 519, 520

- Фаренсбах Ю. 722
Федор Алексеевич, царь 223
Федор Иванович, царевич, царь 27, 41, 93, 214–216, 218, 220, 223, 225, 245, 251, 433, 437, 439, 449, 451, 465, 475, 745
Федор, боярин 84
Федор Стратилат 142
Федоров И. П., боярин 126, 638, 639, 644, 648, 698, 706, 720
Феллинг З. 462, 722, 723
Фемистокл, полководец 511
Феодорит Киррский 190
Феодосий, архиепископ 141, 144, 181, 182
Феодосий, царь 43
Феофан, протопоп 62
Фердинанд I, император 157, 387, 414, 415, 418, 613, 614, 650, 660, 665, 671, 672, 722
Ференц М. 14
Фетисов И. И. 48
Фиген М. 617
Филарет, митрополит 255
Филипп, герцог 653, 660, 665, 666, 671, 677
Филипп (Колычев), митрополит 144, 145, 219, 220
Филипп Македонский, царь 237
Филипп II, король 387, 613
Филофей, монах 67
Флюшкина С. Н. 14
Фирлей Н. 563
Флаварис 188
Флеминг Г. 603
Флетчер Дж. 462, 463, 466
Флора Б. Н. 11, 121, 129, 155, 193, 194, 279, 281, 286, 434, 436–439, 442, 444–446, 448, 449, 620
Фогт Г., переводчик 635
Фома, монах 428
Фомин Р. Ф., митрополичий боярин 202
Фомин С., дьяк 745
Форстен Г. В. 10, 12, 160, 359, 612, 613, 616–618, 650, 656, 722
Фра Мауро 306, 308
Фракус П. 502
Франке К. 683
Фредерик II, датский король 100, 101, 103, 104, 106–108, 152, 153, 160, 610, 617, 695, 696
Фречнер Р. 6, 12–14, 20, 43, 56, 58, 89, 94, 139, 145, 624
Фридрих Великий, король 194
Фронспергер Л. 509

- Фрост Р.* 11, 348, 619, 66, 680
Фрух А. 704–707
Фуников-Курцев Н. А. 706
Фурман П. Р. 239
Фустов И., воевода 220
Фюрстенберг В., магистр 24, 99, 127, 153, 160, 344, 345, 347, 349–351, 353, 354, 363, 387–389, 396, 418, 487, 513–515, 565, 568, 573, 574, 578, 583, 591, 592, 651, 652, 655–657, 659–662, 664, 665, 671, 672, 677, 684, 687, 695, 697
- Хаусман Р.* 364, 365, 719
Халил-Челибей 710
Хвальчевский С. 379
Хворостинин А. И., воевода 91, 200
Хворостинин П. И., воевода 493
Хвостов А., келарь 79
Хвостов Б. С., сын боярский 195
Хейли Дж. 13
Хельбаум К. 364, 365, 414, 416, 431, 719
Хенненбергер К. 431
Хернер Т., посол 460, 683
Хилков А. Д., воевода 220
Хилков В. Д., воевода 193, 200
Хилков Ф. И. 724
Хитрей Д. 465, 504, 508, 574, 575
Ходендерг Ф. 313
Ходкевич Г., гетман 126, 363, 430, 511, 514, 515, 518, 585
Ходкевич И., староста 514
Ходкевич Ю., посол 135, 490, 727
Ходкевич Я. 447, 514, 519, 559, 569, 728, 736
Хойснин Я. 437, 440
Хойссер Л. 496
Холлин Г. 620
Хонтерус 313
Хорнер Т., посол 353
Хорошев А. С. 110
Хорошкевич А. Л. 11, 14, 59, 100, 106–108, 110, 115, 125, 131, 149, 204, 279, 285–288, 294, 302, 318, 322, 325, 359, 411, 421, 426, 427, 461, 465, 540, 606, 608, 609, 620–622, 630, 632, 635, 698, 700, 705
Хосров, царь 180, 182
Христиан, монах 273
Христиан III, король 345, 355, 387, 649, 689, 695
Христиансен Е. 11, 413
Хуан Австрийский 457

- Цветаев Д. В.* 209
Цезарь 521, 532, 536, 539
Цымбурский В. Л., философ 297, 331
Цюндт М., гравер 162, 432
- Чаплинский В.* 348, 662, 680
Чемберлен 481
Ченслор Р., посол 296, 460
Черемисинов Д., сын боярский 505
Черемисинов И. 706
Черемисинов-Караулов Д. И. 749, 750, 751, 753, 756
Черкашенин М., сын боярский 218
Чернов А. В. 204
Чешельский А. 439
Чешихин Е. В. 255, 256
Чингисхан 299, 300
Чистякова Е. В. 223, 224
Чичуров И. С. 183
Чориков Б., художник 261
Чулков Д., сын боярский 203
Чулков Ф. И., воевода 724
Чумиков А. 460, 683
Чуянов А. Ф. 315
- Шайдеггер Г.* 326, 328, 330, 332
Шандровская В. С. 72
Шанин Г. В., иконописец 46
Шапилов А., дьяк 118, 709, 717
Шапкин Б., посол 112
Шапошник В. В. 14
Шапран А. А. 287, 288
Шарпинг М. 617
Шаскольский И. П. 96, 336, 632, 634, 635
Шаум М. 477, 595
Шайцоў Ю. 621
Шарффенберг† Н. 504
Шафиров П. П., канцлер 244
Шваб Р. 323
Шебанов А. В. 204
Шевригин И., посол 547, 548, 550
Шеин Д. В., посол 102
Шеламанова Н. В. 99
Шенк Ф. Б. 243, 273, 296
Шеннинг Т., рижский архиепископ 649

- Шепилов А., дьяк 711
Шереметев И. В., Большой 701
Шереметев И. В., Меньшой 49
Шереметев Ф. В. 745, 746, 749
Шерефединов А., дьяк 745, 746, 749–751, 754, 756, 759
Шибанов В., слуга 38, 221
Шигалей, царевич 20, 34, 41, 119, 216, 223, 229, 250, 252, 355, 580, 697
Шигона-Поджогин И. Ю., дворецкий 132
Шиманн Т. 573
Шимкович Я., писарь 141, 230
Шлитте Г. 390, 577
Шлихтинг А. 153, 459, 462, 466, 467, 469–471, 473, 474, 477
Шмертен ван, Б., фогт 364
Шмидт И. 356, 360–364, 393, 626
Шмидт С. О. 11, 26, 99, 101, 190, 285, 286, 699
Шмурло Е. Ф. 8, 131, 146, 283, 322, 428, 437, 461, 468
Шонберг Д., посол 320
Шредер К. 659
Шгаден Г. 427, 459, 471, 472, 474, 476, 477, 479–481, 560, 723
Штайндорф Л. 14
Штакельберг, барон 267
Штединг Г., комтур 367, 657, 659, 660, 664, 670, 676, 679
Штейнберг И. 612
Штерн П. 411
Штридгофф фон, Н. 670, 676, 679
Штурц К., канцлер 334, 342, 650, 653
Шуберт М. 471
Шуйский И. А., князь 49, 218
Шуйский И. В., князь 132
Шуйский И. П., князь 52, 86, 91, 92, 272, 476, 545
Шуйский П. И., князь 113, 127, 216–218, 511, 516, 521, 585, 586, 593, 689, 693, 694, 697, 720
Шуйский-Горбатый А. Б. 174

Щапов Я. Н. 378
Щелкалов А. Я., дьяк 61, 166, 170, 451, 475, 494, 711, 741, 742, 745, 749–751, 753, 756, 759, 760, 769, 770
Щелкалов В. Я., дьяк 166, 434, 451, 475, 711, 749–751, 753, 756, 759, 760, 769, 770
Щенятев П. М., боярин 41
Щепотев А., посол 113
Щербатов М. М. 251, 252, 254, 619, 744
Щербачев Ю. Н. 106, 107, 635, 683, 689
Щливинский А. 437, 441

Эверс Г. 101, 459
Эдзарт И., граф 364
Эдзарт К., граф 364
Эйзенберг И., посол 462
Элькин Г. Н. 606
Энгельс Ф. 273, 274
Эпитат 463
Эразм Роттердамский 580
Эрик XIV, король 38, 566, 584, 614, 617, 698
Эрнест Австрийский, эрцгерцог 433, 438, 449, 451
Эспер Т. 620

Юдифь 189

Юзефович Л. А. 101, 541
Юлиан, юноша 52
Юлиан-отступник, император 463
Юнгерн фон, К., штатгальтер 408
Юрганов А. Л. 68, 90
Юрген из Майсена, юродивый 335
Юрий Васильевич, князь 217
Юрий Иванович Дмитровский, князь 19
Юрка, латыш 725
Юрченко А. Г. 299
Юрьев В. М., боярин 61, 95, 126, 135, 151, 153, 171, 412, 706, 727
Юрьев Д. Р., боярин 41, 126
Юрьев Н. Р., боярин 165, 170, 451, 476, 741, 749, 750, 752, 755, 756, 759, 760, 762, 763, 767–770
Юрьенс И. И. 632
Юстен П., посол 461, 468, 472
Юхан III, король 11, 138, 139, 433, 603, 617, 627, 631, 720
Юшков Я. А., сын боярский 196

Ягайло, король 71, 151, 439, 565, 567, 752, 754

Ядвига, королева 13, 754

Языков А. 499

Языков Д. 499

Яковенко Н. М. 531

Яковлев В. В. 250

Яковлев Д., пристав 191

Яковлева О. А. 217

Яковля И. П. 706

Якубский В. А. 14

- Ян Альбрехт, герцог 388, 650
Ян из Глогова, магистр 310
Ян-Болдуй, посол 114, 703
Ян Костка 762
Ян-Магмет, гонец 115, 117, 703, 707
Яницкий Н. Ф. 204
Янши Н. Н. 40
Януш Запольяи (Седмиградский) 754
Янушкевич А. М. 11, 14, 132, 571, 621, 635, 720
Янышев К. М. 709
Ярослав Владимирович Мудрый, князь 19, 110, 157–159, 170, 181, 245, 247, 602, 623,
754
Ясновский Й. 656, 663, 681
Яхонтов А. И. 724
- Abramowicz Z.* 581
Adelung F. — см. *Аделунг Ф.*
Albrecht, Herzog — см. *Альбрехт Гогенцоллерн*
Alef G. 109
Alewyn R. 386
Alexandrowicz S. 502
Anderson C. 193
Andrews M. 303
Andreyev N. — см. *Андреев Н. Е.*
Angermann N. — см. *Ангерманн Н.*
Arndt J. 291
Attman A. 11, 359, 609, 620
Auerbach I. 420
- Babinger F.* 386
Bagrow L. — см. *Багров Л.*
Barbarics Z. 292
Barnes T. 382
Barycz H. 376, 377, 532
Barylów L. 12
Bassia M. 303
Bastman-Bühner W. 364
Batowski A. 532
Bauer O. 292
Beattie J. 297
Behringer W. 291
Beise T. 370, 371, 386, 464, 588
Bergentrün A. — см. *Бергенгрюн А.*

- Berkholz G.* 365
Berns J. 391
Besala J. 12
Bethencourt F. 292
Beyer-Thoma H. 459
Bielskij M. — см. *Бельский М.*
Bienemann F. 637, 663, 682, 683, 684, 719, 720
Bieńkowski T. 376
Black J. 502
Błaszczyk G. 131
Błażewicz P. 377
Bodniak St. — см. *Бодняк Ст.*
Bogatyrev S. — см. *Богатырев С.*
Bogucka M. 12
Böhführ H. 721
Bokomolec F. 532
Bolecki W. 581
Bömelburg H.-J. 291, 308, 324, 376, 379, 442
Bond E. 462
Bongars J. 386
Borucki M. 11
Boye J. 193
Braşzwick S. 563
Bredenbachius T. — см. *Бреденбах Т.*
Bretke J. 431
Brotze J. — см. *Бротце И.*
Broniowski M. — см. *Бронеvский М.* 711
Brunner H. 20, 365
Bugge P. — см. *Багге П.*
Burkhardt J. 291
Bůžek V. 292
- Camerarius J.* 431
Celsol D. 581
Cetwiński M. 101
Chastelleraud de, I. 440
Cherniavsky M. 109
Christian III — см. *Христиан III*
Christiansen E. — см. *Христиансен Е.*
Chrzanowski I. 581
Chwalczewski St. — см. *Хвальчевский С.*
Ciampi S. 535
Ciesielski A. 440

Comines de, Ph. 382
Cosack H. 630
Cosgrove D. 296
Cromer M. 391
Croskey R. 462
Cynarsky St. 12
Czaplinski W. — см. Чаплинский В.
Czermak W. 482
Czubek J. 438–440, 533

Daniels St. 296
Dantyszek J. 323
Dauser R. 291
Davignon J. 501
De Certeau M. 297
De Rachewiltz I. 300
Decjusz J. — см. Деций И.
Decyk W. 581
Decyk-Zięba W. 378
Delius W. — см. Делиус В.
Detloff K. 574
Dogiel M. 347, 653, 664, 681, 720
Donnert E. — см. Доннерт Е.
Dorierala K. 11
Downs R. 296
Dubonis A. 563
Dundulis B. — см. Дундулис Б.
Dussen J. 297
Dziuba A. 377

Egendörffer A. 452
Eltz E. 634
Engelhardt von, M. 459
Etzrodt K. 382
Ewers G. — см. Эверс Г.

Fabro I. — см. Фабри И.
Fennel J. 302
Fenske L. 659
Ferus J. 370
Fine J. 462
Finkel L. 377, 379
Florike E. 292

- Fraenkel P.* 416
Freitag J., магистр 630
Froissart J. 382
Frost R. — см. *Фрост Р.*
Frötschner R. — см. *Фречнер Р.*
Frydrychowicz R. 532, 535
Fürstenberg von, Wilhelm — см. *Фюрстенберг В.*
- Gadebusch F.* 372, 464, 588
Garber K. 371
Gárdonyi A. 505
Garleff M. 589
Geary P. 297
Gębarowicz M. — см. *Гебарович М.*
Geremek B. — см. *Геремек Б.*
Gerhard D. 365
Gilsheim R. 358, 684
Giulanus P. — см. *Гиуль П.*
Glaser K.-H. 574
Gliszczyński M. 533
Goetz L. 630
Goez W. 109
Gołębiowski E. 12
Gołębiowski S. 11
Gottmann C. 464, 589
Grala H. — см. *Граля И.*
Grefenthal B. 652
Greschat M. 416
Grimalius L. — см. *Гослицкий Л.*
Groh D. — см. *Гро Д.*
Gruszecki St. 11, 433
Grzybowski St. 11, 377
Guerrina R. 297
Günther H.-J. 376
Gwanini A. — см. *Гваньини А.*
- Hale J.* — см. *Хейли Дж.*
Hamerow T. 297
Hans-Gert R. 291
Harley J. 296
Hartmann S. 633, 722
Hartzheim J. 382
Hay D. 297

- Heffernan M.* 297
Heidenstenii R. — см. *Гейденштейн Р.*
Heinrichs R. 370
Heinrichson C. 193
Hennenberger C. — см. *Хенненбергер К.*
Henning H. 589
Hiärn T. 650
Hoete von, J. 353
Hoff van, G. — см. *Гофф ван, Г.*
Horawitz A. 386
Hörner P. 464, 589
Hornmold S. 382
Hüppe S. 433
Hurter H. 382
- Infelise M.* 292
Iovii P. — см. *Йовий П.*
- Jähnig B.* 341, 632
Janne H. 297
Jasienica P. 12
Jenš J. 606
Johansen P. — см. *Йохансен П.*
Jones J. W. 356, 365, 573, 689
Jurkiewicz J. 485
- Kampf W.* 659
Kampfer F. 120
Kaplinski K. 391
Karpeler A. — см. *Каппелер А.*
Karnehm Ch. 292
Karstedt P. — см. *Карстедт П.*
Karttunen K. 11
Karttunen L. 550
Karwowski S. — см. *Карвовский С.*
Kazikowski S. 482
Keenan E. — см. *Кинан Э.*
Keller R. 574
Kempfi A. 532
Kiereš Zb. 11
Kindermann U. 382
Kirby D. 11
Kirchner W. — см. *Кирхнер В.*
Kirmis M. 721

- Kivelson V.* 24
Kivimäe J. 391
Klarwill V. 292
Kleimola A. 17
Kleinpaul J. 292
Kłodziński A. 349, 664, 681
Klug E. — см. Клюз Э.
Koc L. 10
Kocowski B. 536
Kohl J. 365
Kohldorfer-Fries R. 386
Kolankowski L. 11
Konopczyński W. 433, 585
Körber E.-B. 291
Korkunov M. 501
Krabbe E. 345
Krajewska M. 581
Krasiński F. 391
Krasiński Wł. 10
Kreem J. — см. Крим Й.
Kromer M. — см. Кромер М.
Krumpe O. 345
Kruus H. 370
Kuolys D. 510
- Lappo J.* 11
Leimus I. 589, 598
Lemberg H. — см. Лемберг Г.
Lenhoff G. — см. Ленхофф Г.
Lenz W. 464
Lepszy K. — см. Лепшич К.
Lesmaitis G. 721
Lewandowski I. 378
Ligi H. 276
Lindemann M. 291
Lohr E. 56, 211
Löhmus V. 598
Łoś J. 378
Lossias J. 598
Łowmiański H. 11, 655
- Maciej z Miechowa* — см. Меховский М.
Mackensen L. 408, 419
Marchwiński R. 482

- Matthes E.* 464
Mazzarino S. 386
Medlin W. 109
Metzler D. 386
Mikkeli H. 297
Mikoś M. 502
Militzer K. 341, 632, 659
Mund S. — см. *Мунд С.*
Munster von, J. — см. *Мюнстер фон, К.*
Mylius J. — см. *Мулиус И.*
- Napiersky K.* — см. *Напьерский К. Е.*
Natanson-Leski J. 11
Nehring W. 532
Niedzielski K. — см. *Нидзиельский К.*
Nitsche P. 109
Norman D. — см. *Норман Д.*
Nowakowski F. 421, 430
Nowicka-Jeżowa A. 581
Nyenstädt F. — см. *Ниенштедт Ф.*
- Ocieski J.** 652, 654
Oderbornio P. — см. *Одерборн П.*
Odrzywolski-Kidawa A.
Olejniak K. 12
Olewnik J. — см. *Олевник И.*
Orzechowski S. 378
Osterloh E. 382
Osterrider M. — см. *Остерридер М.*
Ott T. — см. *Отт Т.*
Ottow M. 464
- Pachołowiecki S.* — см. *Пахоловицкий С.*
Padel C. 721
Padel J. 721
Pagden A. 297, 298, 313
Palamets H. 276, 279
Papebroch D. 382
Parker W. 303
Pelc O. 391
Pelensky J. — см. *Пеленский Я.*
Pełkowski K. — см. *Пентковский К.*
Pieper R. 292

- Pierling P.* — см. *Пирлинг П.*
Pietkiewicz K. 129
Pilinski T. 11, 433
Pirożiński J. 11
Pitsakis K. 386
Plaza S. 433
Podhoreski L. 11
Poe M. — см. *По М.*
Poliakov L. 109
Pritsak O. 120
- Raczyński E.* 72, 711
Radziszewska J. 377, 485, 510
Raik K. 589
Rasmussen K. — см. *Расмуссен К.*
Rauch von, G. 391
Recke von, J. 370, 371, 386, 391, 464, 572, 588, 634
Redlich M. 589
Reimann E. 722
Renner J. — см. *Реннер И.*
Rohibel B. 349
Romanin S. 459
Romanowski J. 344, 347, 349
Rougemont D. 297
Rowlend D. 24
- Said E.* — см. *Саид Э.*
Sarnicki St. — см. *Сарницкий С.*
Scheidegger G. — см. *Шайдеггер Г.*
Schiemann T. 459, 479, 518, 656, 719, 722
Schildhauer J. 9
Schilling M. 291
Schirren C. 154, 256, 657, 659, 660, 683, 684, 697, 719, 720, 722, 723
Schirrmacher F. 650, 722
Schmieder F. 299
Schmücker-Breloer M. 172
Schottenloher K. 410, 411
Schrötter F. 721
Schwab R. — см. *Шваб Р.*
Schweitzer R. 364
Selart A. — см. *Селарт А.*
Selking F. 684
Semiańczuk A. 378

- Semiańczuk H.* 378
Serwański M. 11
Seyssele de, C. 382
Shevchenko I. 109, 120
Siemuszowski J. — см. Семишовский Я.
Sielicki Fr. 378
Skalmowski W. 382
Sleidan J. — см. Слайдан И.
Śliwiński A. 72
Smith J. 356, 365, 573, 689
Śnieżko D. 378, 581
Soldatjenkova T. 382
Solikowski J. 391
Southern R. 298–301
Spasovich V. D. 533
Sporhan-Krempel L. 416
Staemmler Kl. 11
Starnes D. 382
Stasiak A. 377
Stea D. 296
Steiner G. 297
Stern C. 632
Stökl G. 550
Strariconius J. — см. Семишовский Я.
Strath B. 297
Sträube J. 345
Strykowski M. — см. Стрыйковский М.
Stupperich R. 386
Sturtz C. — см. Штурц К.
Sužiedēlis S. 11
Svensson S. — Свенссон С.
Syburg von, E. 358
Szabó G. 505
Szádeczky L. 505
Szelągowski A. 10
Ševchenko I. — см. Shevchenko I.

Tafenu K. 598
Tarczyński M. 433
Taube A. 391
Taube G. — см. Таубе Г.
Tawada Y. 297
Thaden E. 255

- Theunissen M.* 297
Tiberg E. — см. *Тиберг Э.*
Tolkmitt R. 431
Toll R. 660
Troje H. 386
Trunz E. 386
Tyla A. 11
Tysenhaus I. 563
Tyszkiewicz J. 115

Ulčinaite E. — см. *Ульчинайте Е.*
Urban W. — см. *Урбан В.*
Ustalu K. 589

Vahtré S. — см. *Ваптре С.*
Vapovii B. — см. *Ваповский Б.*
Vekene, E. van der 382
Viljanti A. 10

Waegemans E. 382
Wagner A. 340, 349
Wagner J. 349
Walewski C. 377
Wereszczyński J. 502
Werner T. 292
Wichmann von, B. 459
Wijaczka J. 11, 655, 664
Wild J. 370
Wilhelm, Erzbischof — см. *Вильгельм Бранденбургский*
Williams R. 297
Wilpert von, G. 371, 464, 589
Wilson K. 297
Wintle M. — см. *Винтль М.*
Wittekind H. 416
Wojtkowiak Z. — см. *Войтковьяк З.*
Xenophont 386,
Zakrzewski W. — см. *Закржевский В.*
Zawadski K. — см. *Завадский К.*
Zechlin E. 365
Zeps V. 573
Ziegler H. 382
Zsámboki J. 431
Zutis J. — см. *Зутис Я. Я.*
Żygulski Z. (J.) — см. *Жигульский З.*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия 331
Адеж — см. Ец
Адзель 586, 653
Адрианопись 300
Азия 291, 295, 298, 300, 302, 303, 308, 310, 313, 314, 317, 323, 326, 385, 479, 497, 548, 570
Азов, крепость 708–709
Азовское море 306
Акрагас 188
Алавакула, деревня 691
Александрова слобода 433, 445, 480, 491
Александро-Невская лавра 243
Алемания 300
Альборг 695
Альпы 520
Алыст — см. Мариенбург
Амберг 558
Амботен 403
Америка 253, 295, 313, 330, 383, 481
Амстердам 618
Англия 100, 102, 136, 149, 174, 224, 298, 300, 310, 313, 331, 379, 384, 415, 612–615, 617, 618
Аникшты 654
Антверпен 370, 371, 382, 408
Апсель — см. Гапсаль
Араз, деревня 691
Арбат 59
Аргамач, гора, слобода 257
Аренсбург 107, 161, 247
Аррокюль, имение 267
Архангельск 560, 612
Аскилус — см. *Ашераден*
Асс 369
Ассирия 182
Астрахань, город, Астраханское ханство 19, 20, 58, 101, 103, 112, 114, 118–121, 124, 134, 145–147, 150, 153, 198, 220, 245, 248, 251, 252, 279–282, 284, 240, 366, 405, 418, 465, 466, 577, 586, 691, 704, 705, 707–708, 710–711, 727, 729, 732, 736–739
Атлантический океан, Атлантика 6, 620

Аусбург 418, 424, 430, 522, 634

Афины 570

Африка 303, 313, 317, 385, 570

Ашераден 21, 107, 578, 595

Бабин — см. *Ульсен*

Базель 376, 426, 484, 518, 532, 566

Байе 411

Балканы, Балканский полуостров 6, 306, 310

Балтийское море, Балтика, Балтия 6, 7, 9, 10, 14, 43, 131, 236, 239, 242, 243, 246, 254–256, 264, 274, 275, 278, 285, 305, 306, 337, 354, 359, 371, 373, 380, 399, 440, 492, 497, 547, 552, 567, 601, 602, 605–608, 611–622, 626, 640, 753

Бауск 575, 649, 660, 674

Бахчисарай 115, 699, 702, 711, 713

Белая 133

Белая Церковь 755

Белмаки 755

Белое море 255, 560, 621

Белоруссия 60, 129, 131, 132, 277, 278, 348, 427, 428, 451, 459, 490, 510, 520, 530, 621

Березина, река 133

Берестье 447

Берзон 199, 719

Бешковичи, деревня 552

Биржи 511, 655, 737

Белев 714, 716

Белое городище 755

Берлин, город 14

Бобруйск 755

Бобынич 755

Богемия 315

Болгария 313

Болонья 432

Большая Орда 115, 701, 713

Бонн 370

Борзун — см. ¹*Берзон*

Борислоглебский Полоцкий монастырь 62

Борисов 755

Боровск 709

Браславль 703

Братислава 518

Брауншвейг 559

Бремен 364, 365, 367, 394, 400, 401, 414, 480

Бреслау 452

- Брест 129, 755
Брянск 133, 714, 716
Бургундия 300
Буртник 720
Быков стан 202
Бытигоща 747
Быхов 755
- Вавель 163, 164, 434
Вавилон 124, 156, 216, 567
Вайссенштейн 41, 216, 218, 219, 222, 224, 246, 249, 251, 267, 452, 458, 488, 524, 561, 595, 596, 696, 720
Валахия 305
Вандалия 313, 574
Вармек, крепость 21, 35, 229
Варшава 13, 14, 349, 411, 430, 436, 450, 492, 501, 504, 514, 517, 519, 535, 539, 558, 720
Ватикан 58, 132, 146, 149, 265, 318, 323, 331, 516, 550, 611, 612
Ведроша 567
Везенберг 19, 21, 35, 38, 63, 210, 245, 361, 419, 458, 514, 586, 684, 695
Веймар 431, 572
Вейсквилли 672, 673
Велиж 171, 219, 505, 507, 515–517, 520, 526–529, 586
Великая, река 49, 50, 75, 78, 88, 89, 271
Великие Луки 49, 69, 133, 168, 169, 199, 206, 217, 219, 220, 223, 224, 233, 245, 246, 249, 487, 488, 504–507, 517, 518, 520–522, 526–529, 534, 539, 540, 544, 559, 562, 566, 570
Великое княжество Литовское 9–11, 13, 27, 28, 31, 37, 38, 40–42, 48, 57, 58, 60, 67, 72, 73, 89, 99–101, 109–117, 119–125, 127, 129–136, 141, 142, 144, 145, 149, 152, 156, 158, 165, 168–170, 174, 177, 184, 197, 202–204, 206, 210–214, 217, 220, 223, 224, 227, 230, 231, 273, 275, 277, 278, 281–286, 305, 306, 308, 310, 312, 313, 318, 324, 333, 337, 338, 347, 348, 349, 351, 358, 366, 367, 373, 375, 378, 380, 381, 383, 384, 388, 411, 414, 416, 420, 421, 423, 424, 426, 427, 430, 434, 436–440, 443–445, 447–450, 462, 464–466, 483, 484, 487, 489–492, 496, 506, 510, 511, 513, 515–522, 525–531, 533, 534, 547, 555, 557, 559, 565–572, 576, 581, 583–586, 611, 613, 620, 621, 624, 629, 632, 634, 638, 639, 649, 653–655, 660–666, 671, 672, 674, 677, 679–681, 685, 687, 699, 700, 702, 704–713, 720, 729, 730, 737, 742–744, 746–748, 750–754, 757, 758, 761, 764–766
Велье 49, 206, 207
Вена 238, 292, 325, 410, 411, 415, 418, 430, 437, 505, 518, 612, 614, 618, 734
Венгрия 298, 305, 313, 380, 410, 479, 504, 566, 754, 757, 761
Венден 41, 105, 162, 165, 199, 218, 219, 251, 262, 345, 347, 349, 361, 380, 403, 457, 458, 489, 491–496, 513, 514, 517, 524, 539, 543, 559, 580, 584, 587, 596, 650, 651, 654, 684, 696
Венеция 306, 316, 318, 452, 459, 461

- Верден 367
Веря 707
Верховские земли 744
Вестиндия 329
Вестфалия 224, 364, 588, 613
Византия 59, 298, 301, 306, 307
Вик 153, 160, 369, 627
Вильно 13, 14, 119, 123, 129, 131, 134, 220, 353, 421, 427, 489, 505, 514, 516–519, 528, 536, 562, 566, 568, 581, 584–586, 617, 654, 699, 707, 743
Вильнюс — см. *Вильно*
Винница 703
Вирланд 340, 695
Висла, река 312, 314, 315, 506
Витебск 515, 516, 586, 721, 755
Виттенберг 373, 382, 392, 518, 564, 572
Виттенштейн 418, 695
Владимир, город 243, 477
Владимирец — см. *Вольмар*
Влех — см. *Мариенгаузен*
Волга, река 303, 304, 306, 308, 313, 315, 470, 480, 500, 521, 522, 534, 548, 570, 602, 628, 707
Волжская Булгария 602
Воловье озерко 427
Вологда 480
Волок Ламский 480
Волхов, река 475, 602, 603, 606
Волынь 129, 133, 134, 482, 517, 533
Вольмар 94, 149, 177, 224, 251, 339, 344, 353, 358, 458, 612, 651, 696, 723, 737
Воронеж 14
Воронич 49, 206, 207
Восточная Европа 11, 114–116, 119, 131, 133, 140, 153, 198, 217, 233, 275, 279, 282, 296, 319, 330–333, 376, 379, 424, 434, 437, 452, 466, 483, 484, 488, 489, 513, 558, 597, 624, 701
Восточная Римская империя 143
Вотская пятина 200
Вручей — см. *Овруч*
Выбор 206, 208
Выборг 41, 228, 229, 247, 380, 388, 601, 607
Выйская 692, 693
Вымская земля 93
Вышгород 210, 361, 367, 707, 755
Вязьма 170, 467

- Газенпот 107
Галилея 188
Галиция 488
Галич 129
Галлия 310
Гамбург 408, 480
Ганновер 572
Гапсаль 195, 401, 403, 579, 740
Гарриен 340, 369, 695
Гвардейское, поселок 431
Гданьск 110, 361, 440, 505, 507, 518, 533, 559, 574, 587, 617, 753
Гдов, 210
Гейдельберг
Гельмет 516, 697, 720, 721, 723
Германия, германский мир 12, 177, 254, 256, 298, 300, 303, 310, 313, 315, 316, 331, 364, 375, 376, 385, 391, 393, 395, 398, 408, 418, 430, 451, 504, 532, 556, 617, 618, 621, 651, 655, 691, 693
Геттинген 365
Глушеск 755
Голдинген 367
Голландия — см. *Нидерланды*
Головинская, деревня 202
Голубич 755
Гольштейн 315
Гольневский монастырь 227
Гомель 133, 755
Горвол 755
Гоя, графство 588
Греция 313, 479
Гродно 432, 517, 519, 539
Грюнвальд 198, 377

Давыдов городок 755
Дальний Восток 220
Данилов монастырь 221
Дания 9, 12, 37, 38, 58, 93, 100, 102, 104–105, 107, 121, 137, 138, 149, 160, 174, 245, 252, 300, 313, 318, 337, 339, 342, 347, 348, 351, 354, 368, 384, 387, 388, 390, 391, 405, 413–415, 420, 451, 469, 478, 580, 597, 609, 612–614, 617, 621, 624, 626, 654, 655, 662, 681, 695, 696, 698, 712, 722
Данциг — см. *Гданьск* Дарданеллы, пролив 300, 302
Двина Западная (Даугава), река 102, 218, 345, 366, 427, 428, 486, 514, 516, 539, 559, 741, 753
Двинский уезд 692

Научное издание

Александр Ильич Филюшкин

**ИЗОБРЕТАЯ ПЕРВУЮ ВОЙНУ
РОССИИ И ЕВРОПЫ**

*Балтийские войны второй половины XVI в.
глазами современников и потомков*

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Редактор С. С. Смирнова
Корректоры Н. В. Бакланова, Е. А. Гольдич
Компьютерная верстка Л. А. Щитовой
Художественное оформление А. П. Баклановой

Подписано в печать 06.06.13. Формат 70 x 100 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 51,4. Усл. печ. л. 68,37.
Тираж 1000 экз. Зак. 3374

Отпечатано способом ролевой струйной печати
В ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 490-64-99 / 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
[http: // www.dbulanin.ru](http://www.dbulanin.ru)

Дедилов 714, 716

Дельфы 422

Дерпт, Дерптское епископство 6, 9, 10, 13, 14, 19, 21, 26, 28, 34, 35, 37–39, 41, 48, 63, 95, 100, 110, 155, 157–159, 161, 192, 194, 195, 199, 210, 216, 219, 227, 229, 233, 234, 245, 247, 251, 266, 268, 339–342, 349–351, 353–355, 357, 360, 361, 370, 372–376, 384, 385, 389, 390, 405, 406, 408, 415, 418, 419, 433, 458, 486, 487, 514, 551, 566, 569, 576, 583, 588, 590, 591–593, 602, 617, 620, 623, 630, 631–633, 636, 638–642, 645–648, 660, 663, 683, 687, 689–694, 697, 698, 718–722, 724

Динабург 340, 390, 493, 517, 576, 653, 685, 696, 736, 742, 743

Дисна 755

Днепр, река 6, 119, 134, 302, 304–306, 308, 310, 384, 428, 547, 557, 596, 710–711

Днестр, река 305, 306, 310

Дон, река 302–304, 306, 308, 313, 315, 326, 500, 548, 707, 715, 717, 749

Донков 716

Дорогобуж 467

Дрезден 502

Дроков 133

Друцк 755

Друя 755

Дрысь 755

Дубинки 511, 737

Дубровна, город 185, 515, 755

Дунай, река 298, 303, 306, 734

Дуэ 370, 424

Дюнамюнде 247, 652

Европа 6–8, 11, 43, 114, 118, 148, 149, 174, 238, 253, 256, 262, 265, 274, 275, 279, 284, 287, 291–304, 306–308, 310, 312–316, 318, 320, 322, 323, 325, 326, 328, 330–332, 337, 341, 347, 361, 367, 376, 378, 383, 385, 387, 388, 390, 391, 394, 404, 411–414, 420–422, 426, 429, 430, 433, 439, 440, 452, 455, 456, 458, 462, 465–469, 480–482, 484, 489, 490, 494, 497, 540, 547, 548, 550, 552, 555, 558, 565, 570, 574, 576, 581, 601, 602, 606, 607, 612, 613, 618–620, 629, 631, 635–637, 682

Елец 257

Елсуфьево Старое, деревня 202

Енисей, река 265

Ец 216

Жабинская, деревня 202

Жамблу 457

Женева 564

Жеславль 755

Житомир 115, 755

Жмудская земля 583

Заволочье 73, 133, 206, 233, 505, 506, 518, 520, 521, 526, 527, 529, 566

Зальцбург 306

Звенигородское городище 755

Зегевольд 652

Зельбург 514

Зербен 653

Зессвеген 35, 232, 358, 723

Звенигород 166, 480

Золотая Орда 114, 115, 119, 120, 248, 275, 330

Зоммерпален 21, 229

Иарвен 158, 364, 695

Ивангород 29, 35, 36, 45, 46, 95, 210, 214, 225, 229, 249–251, 358, 366, 390, 468, 487,
560, 561, 601, 603–608, 640, 643, 691–693

Иерихон 190

Иерусалим 60, 73, 74, 82, 91, 124, 142, 150, 180, 182, 190, 216, 303, 356, 396, 431

Ижора, река 243

Ижорская земля 237, 240, 241

Изборск 124, 125, 210, 232, 341, 366, 470, 477, 488

Избрук 114

Инкерман 707

Ингольштадт 370

Ингрия (Ингерманландия) 237, 238, 242, 243

Индия 315, 321, 329, 356

Иосифо-Волоколамский монастырь 480

Ирландия 310

Испания 298, 300, 310, 313, 374, 415, 479, 613, 615, 616

Италия 146, 298, 300, 310, 313, 322, 331, 334, 437, 504, 505, 532, 563

Кавказские горы 302

Казань, Казанское ханство 20, 56, 58, 68, 101, 103, 112–114, 118–121, 134, 145–147,
150, 151, 153, 156, 157, 160, 182, 198, 203, 220, 230, 244, 248, 251, 252,
279–282, 284, 337, 340, 363, 366, 384, 405, 418, 436, 465, 466, 469, 551, 577,
609, 633, 634, 691, 705, 708, 711, 727, 729, 732, 736–739

Калининградская область 431

Калка, река 71

Канев 115, 755

Карачев 714, 716

Каргополь 480

Карелия 560

Каркус 201, 340, 408, 516, 584, 696, 697, 720

Карпаты, горы 7, 298

Касимов 119, 146

- Каспий, Каспийское море 255, 302, 315, 468, 497, 500, 602
Кастилья 306
Касьян 501
Кафа 707, 709
Кельн 370–372, 375, 381, 382, 504, 532
Кенигсберг 355, 382, 408, 424, 457, 461, 518
Керепеть — см. *Киримпе*
Кесария Палестинская 190
Кесь — см. *Венден*
Киверова гора 170
Киев 14, 60, 115, 119, 129, 132, 133–136, 159, 223, 304, 427, 446, 499, 534, 557, 705, 753, 755
Киевская Русь (Древняя Русь) 131, 132, 183, 251, 305, 512, 513, 551, 565, 592
Кий-остров 480
Киль 14
Кирилло-Белозерский монастырь 41, 142, 144, 480
Киримпе 38, 210, 357, 367, 514, 516, 586
Китай 321, 329
Кнажин 755
Кнышин 436
Кобрин 755
Ковель 585
Ковно 464
Козельск 714, 716
Кокенгауз 199, 216, 251, 261, 345, 346, 349, 374, 487, 513, 569, 583, 653, 657, 696, 737, 743
Кола 480
Колк Новый, двор 105
Колк Старый, двор 105
Коловерь 195, 218, 222
Коломенское
Коломна 480, 521
Колывань — см. *Ревель*
Комодра, отрог 674
Конгот (Конгуд) 21, 35
Константинополь 96, 139, 182, 216, 301, 356, 383, 387, 452, 513, 754
Копенгаген 105, 360, 462, 609, 654, 683, 695
Копец 755
Копорье 214, 215, 223, 250, 251, 603
Копысь 185, 515
Коровин Бор, волость 48
Корела 218, 225, 250, 560
Королевство Польское, Корона — см. *Польша*

- Корслов — см. *Зоммерпален*
Костер Новый — см. *Вармек*
Костер Старый — см. *Олденторн*
Кострома 470, 471
Краков, город 13, 129, 134, 162–165, 316, 363, 378, 426, 434, 514, 517, 520, 532, 564, 581, 612, 617, 727, 742, 754
Крапивна, река 516, 585
Красное городище 755
Красный 48, 49, 206, 208, 210, 361, 501, 516, 570, 586
Кричев 755
Крым, Крымское ханство 11, 19, 25, 38, 58, 96, 101, 102, 111, 112, 114–119, 134, 142, 144, 146, 147, 149, 156, 157, 174, 264, 280–286, 304, 478, 479, 533, 685, 699–713, 715–717
Куконойс — см. *Кокенгауз*
Куликово поле 59, 625
Курляндия 10, 160, 170, 256, 305, 334, 370, 371, 405, 408, 420, 459, 464, 479, 482, 513, 517, 558, 563, 572, 574, 576, 588, 616, 626, 655, 680, 684, 743, 755, 758, 765, 768
Курчма 675
- Лавуна, река 686
Ладога 602–604, 606
Ладожка, река 604
Ладожское озеро 602, 603, 606
Лаис (Лаяс) 21, 22, 35, 38, 696
Ландскрона 606
Лапландия 480
Латвия 255, 268, 276, 493, 563, 719
Лаудон 336
Леал 584, 660
Лебедка 755
Лейпциг 360, 452, 558, 572
Лемзаль 336, 337, 651
Лененвард 739
Лепль 755
Леттляндия 364, 405
Ливония 7–11, 17, 19–22, 25–31, 34–43, 48, 57, 58, 64, 72, 92, 93, 95–97, 99, 100, 102, 104–107, 110, 112, 113, 116, 119, 127, 134–136, 138, 145, 146, 152–156, 158–161, 169, 170, 172, 177, 186, 193, 194, 195, 198, 200, 204, 206, 210–212, 216, 217, 219, 220, 223, 224, 226, 227, 229, 230, 233, 234, 237–245, 247–249, 251, 252, 254, 256, 257, 261, 262, 264, 265, 267, 268, 274–277, 279, 282, 285, 288, 294, 295, 310, 313, 318, 323, 329, 331, 333–345, 347, 348, 350–357, 359–361, 363–376, 378–381, 384, 385, 387–396, 398–404, 406–409, 412–420, 422, 429, 431, 433, 439, 440, 442, 448, 449, 451–453, 455–459, 462, 464–467, 469, 471,

474, 479, 481, 482, 485–489, 492, 494, 496–499, 505, 506, 509, 512–515, 517–519, 521, 523–525, 533, 543, 544, 546, 547, 550, 551, 553, 554, 556–560, 562–572, 574–584, 586–588, 590, 591, 593–595, 597, 601, 606–613, 615, 616, 618–621, 623–628, 630, 631, 633–643, 645, 649, 651–687, 691, 694–697, 699, 710, 712, 718, 719, 721, 728, 730, 736–744, 752, 753, 755, 758, 765–768

Лита, река 298

Литва — см. *Великое княжество Литовское*

Лифляндия — см. *Ливония*

Логойск 755

Лоде 369

Лоева гора 755

Лондон 14, 594, 612, 618

Луга, река 607

Лудзен 219

Лужа — см. *Лудзен*

Лукомль 755

Лунида, река 673

Луцк 170, 755

Львов 306, 488, 492

Любек 294, 354, 359, 365, 374, 381, 390, 391, 401, 408, 457, 572, 609, 614–617, 653

Любеч 755

Любешов 489

Люблин 492, 582

Лювен 371

Люнебург 14, 408

Лядская земля — см. *Польша*

Магдебург 523

Мазовия 526, 565

Майсен 335

Макарьевский Желтоводский монастырь 221

Македония 313

Малая Азия, полуостров

Малопольша 442

Мальборк 110, 753

Манатын стан 202

Мангуп 707

Марбург 507

Мариенбург 21, 210, 229, 514, 542, 584, 659, 696

Мариенгаузен 35, 48, 211, 212, 224

Матера, река 645

Мглин 133

Мекленбург 577, 613, 650

- Мерешковичи 755
Мещера 714, 716
Минск 13, 14, 115, 129, 755
Мирожский Псковский монастырь 49, 50
Митава 464
Михайлов 714, 716
Михайлов П. Ерш 745, 746, 749–751, 755, 756, 759
Могилев 14, 185, 428, 490, 755
Можайск 27, 38, 191
Мозырь 755
Молоди, местечко 118, 219
Моравия 315
Москва 7, 10, 13, 14, 23, 26–28, 31, 36, 45, 58–60, 72, 99, 100, 102, 109, 114, 116, 117, 119–121, 128, 129, 131–136, 141, 146, 147, 152–154, 158, 159, 161, 162, 164, 166, 170, 186, 192, 202, 216, 219, 221, 225, 226, 231, 232, 237, 240, 242, 250, 257, 274, 275, 280, 282–284, 310, 321, 322, 324, 326–328, 333, 337, 338, 340–342, 350, 353, 354, 370, 381, 384, 389, 390, 403, 405, 418, 419, 421, 427, 433, 435–440, 445, 446, 449, 451, 453, 459, 461, 470, 471, 474–477, 479, 480, 484, 488, 491, 499, 512–517, 519–521, 533, 540, 543–546, 548, 550, 551, 560, 562, 566, 571, 578, 583, 585, 595, 603, 621, 625, 630–633, 635–637–649, 651, 657, 659, 663, 680–685, 688, 691, 693–695, 699–711, 715, 717, 718, 720, 722, 727, 732. 741–743, 763
Московия — см. *Россия*
Мохач 390, 410
Мстибогов 492
Мстиславль 755
Мценск 714, 716
Мука — см. *Муша*
Муравеино, волость 48
Муша 21, 35
Мюльгаузен 431
Мюнхен 14
Мяо, мыза 267
Намюр, провинция 457
Нарва 19, 21, 23, 29–31, 35, 36, 40, 41, 43–48, 55, 63, 95, 110, 113, 154, 199, 210, 214, 216, 220, 224, 227, 229, 238–241, 243, 245, 249–251, 335, 336, 340, 355, 357–359, 361, 364, 367, 375, 385, 390, 408, 418, 433, 440, 458, 468, 487, 514, 560, 561, 576, 579, 583, 596, 606–609, 614, 617, 640, 641, 643, 645, 684, 691, 692, 694, 695, 724, 725
Нарис, река 755
Нарова, река 36, 44, 155, 249, 333, 358, 576, 602–604, 606, 608, 631, 640
Наумбург 419, 508
Нева, река 12, 240, 241, 304, 306, 467, 601–603, 605, 613

- Невель 38, 161, 219, 233, 378, 432, 505, 506, 515, 517, 518, 520, 521, 566, 584–586
Невское устье, город 603, 606
Нейгауз 17, 18, 28, 38, 95, 229, 336, 340, 341, 355, 357, 358, 385, 390, 514, 551, 583,
646, 647
Нейс 371
Нейшлосс 30, 36, 37, 95, 216, 367, 695
Неман, река 110, 312, 753
Несвиж 489
Нидерланды 374, 613, 614, 617
Нижегородский Благовещенский монастырь 734, 735
Нижний Новгород 687, 695, 697, 698, 724, 726, 728, 730, 736–740, 749
Никола-Зараский-на-Осетре 27
Никольский Любятковский монастырь 75
Нил, река 303
Ниневия 761
Новгород Низовской земли — см. *Нижний Новгород*
Новгород Великий 19, 20, 40, 43–45, 63, 69, 112, 121, 133, 134, 136, 138, 144, 165, 170,
186, 194, 204, 209, 219, 224, 226–228, 245, 249, 304–306, 310, 312, 321, 335,
337–341, 353, 357, 366, 383, 391, 404, 418, 433, 437, 453, 466–469, 471, 472,
487, 496, 506, 512, 519, 571, 602, 603, 606–608, 630–632, 636, 638–644, 646,
648, 687, 691–693, 721, 729, 741, 753, 756, 759, 766
Новгород Северский 129, 133, 134, 197, 714, 716
Новгородок — см. *Нейшлосс*
Новодевичий монастырь 480
Новосиль 714, 716
Новый Свет 301, 310, 316, 319, 322, 329, 330, 383, 385, 543
Ногайская орда 174, 280, 281, 284
Норвегия 560
Нотебург — см. *Орешек*
Нугря 714, 716
Нью-Йорк 13
Нюрнберг 294, 414, 416–418, 420, 421, 424, 429, 430, 456, 468, 496, 498, 502

Обелие 675
Оберпален 466, 469, 474, 514, 696
Овруч 755
Овсище 48
Одер, река 312, 314, 315, 629
Одоев 714, 716
Озерище 38, 486, 516, 518, 521, 585, 586
Ока, река 306
Олденторн 21
Олешье 6

Онега, река 480

Опочка 48, 206, 208, 476

Орешек 6, 229, 237, 238, 245, 246, 250, 603, 605, 606

Орша 185, 323, 411, 412, 504, 515, 516, 581, 585, 741–743, 753

Османская империя — см. *Турция*

Остзейский край 255, 276

Остров 49, 206, 209, 366

Острог 710

Охта, река 603

Павия 411

Падис, Падисский монастырь 268, 584

Падуя 505

Пайда — см. *Вайссентейн*

Паланга 621

Палестина 306, 310

Пейпус, озеро — см. *Чудское озеро*

Пенежка Малая 692, 693

Перекоп 282, 699

Перея 188

Переяславец Дунайский 753

Переяславль 129, 470

Переяславское городище 755

Париж 560, 650

Пермь 112

Пернов — см. *Пярну*

Персия 316, 329, 356, 481, 494, 544, 548

Петрокович 755

Печерский Псковский монастырь 27, 39, 48–50, 52, 53, 55, 64, 65, 71, 75, 174, 258, 261,
269, 521, 526, 545, 560, 597

Пибальг 653

Пильтен 562

Пинск 755

Пирита, монастырь 268

Плова 714, 716

Поволжье 466

Подолія 282, 305, 310, 313, 390, 517

Позволь 348, 349, 485, 579, 624, 656–658, 660, 663, 665, 670, 671, 676, 677, 679, 681

Познань 496, 558

Покровский Псковский монастырь 50, 55

Поле, местность 93, 715, 717

Полоцк 25, 28, 38, 40–42, 48, 55–57, 59–63, 69, 72, 73, 102, 115, 129, 132–136, 144, 161,
165, 166, 167, 169, 194, 198, 201–204, 211, 216–227, 231–233, 245, 249, 251,

277, 287, 304, 378, 380, 381, 390, 399, 420–432, 435, 438, 439, 462, 467, 475, 486–489, 497, 500–506, 515–521, 527, 534, 539, 559, 566, 570, 577, 581, 584, 586, 593, 624, 626, 689, 702, 704, 721, 726, 743, 754, 755, 765

Польша, Корона Польская 7, 9–13, 37, 38, 72, 99, 100, 105, 110, 121, 129, 131, 132, 142–144, 149, 151, 160, 163, 174, 213, 223, 227, 233, 245, 251, 252, 254, 275, 278, 279, 281, 283, 284, 298, 305, 306, 308, 310, 312, 313, 320, 323–325, 327, 331, 333, 337–339, 342, 344, 345, 347–351, 354, 358, 363, 364, 366, 367, 373–381, 384, 388, 390, 391, 399, 411–416, 419, 420, 424, 426, 430, 433, 434, 436, 437, 439, 440, 442–446, 448, 450–452, 456, 462, 477, 482, 483, 486, 488, 489, 491, 492, 494, 497, 502, 513–515, 518, 522, 523, 525, 529, 530, 532–535, 537, 543, 557–559, 565, 568–570, 572, 574–582, 584, 587, 594, 597, 609, 611–613, 617, 620, 621, 624, 626, 629, 630, 634, 639, 649, 651–656, 659–664, 677, 681, 687, 689, 699, 706, 712, 720, 727, 729, 730, 742, 744, 746–748, 750, 752–754, 757, 758, 761, 764, 766

Померания 305, 613, 653, 660

Поморье 7, 110, 255, 439, 516

Понеманье 110

Попова гора, город 133

Португалия 315, 366

Порхов 526, 552

Почап 133, 714, 716

Прага 422, 430, 484

Прибалтика 6–8, 12, 13, 17, 23–25, 37, 38, 40, 41, 43, 48, 55, 64, 93, 95, 98, 110, 119, 142–145, 160, 161, 174, 193, 194, 214–216, 219–221, 223, 224, 226–228, 233–235, 237, 243–246, 250–252, 254, 255, 257, 262, 265–268, 274–276, 288, 294, 331, 340, 349, 360, 365, 370, 378, 379, 381, 385, 391, 392, 413, 440, 451, 456, 466, 477, 509, 526, 534, 546, 557, 568, 569, 571, 572, 576, 577, 579, 582, 587, 589, 594, 595, 597, 609, 613, 619, 620, 622–625, 628–631, 634, 635, 664, 682, 685, 741–743

Прикарпатье 488

Причерноморье 281, 304

Пронск 714, 716

Пропойск 755

Пруссия 8, 110, 161, 194, 315, 318, 334, 337, 344, 347, 351, 361, 373, 380, 388, 419, 424, 427, 431, 439, 442, 452, 461, 489, 533, 542, 558, 559, 565, 577, 597, 611, 613, 616, 623, 624, 626, 649, 650, 659, 743

Псельский город 285, 702

Псков 13, 19, 20, 32, 39, 48–56, 63–67, 69–71, 74–76, 78–83, 85–89, 91, 92, 121, 124, 133, 136, 167, 194, 199–201, 204, 206, 209, 210, 215–221, 223–226, 229, 245, 246, 249, 250, 257–264, 266, 268–272, 310, 320, 329, 337–339, 341, 353, 357, 366, 388, 404, 418, 424, 433, 466–468, 488, 490, 505, 506, 512, 519–524, 526–529, 531, 534, 544–546, 550, 554, 556, 560, 561, 566, 570, 571, 583, 606, 624–626, 630–632, 638, 639, 643–648, 687, 691–693, 697, 722, 766

Пскова, река 88

Псковское озеро 631, 645

Путивль 133, 714, 716

Пыйя 408

Пюхтицкий монастырь 46

Пярну 105, 196, 201, 247, 335, 336, 364, 369, 395, 400, 417, 458, 584, 682, 696, 721

Пяси́на, река 265

Рагнит 654

Радогощ 714, 716

Радом 185, 755

Радошковичи 486, 516

Ракобор — см. *Везенберг*

Рандерс 695

Ревель 9, 13, 14, 20, 21, 37, 41, 91, 110, 113, 127, 155, 157, 158, 193, 218, 219, 225, 229, 244, 247, 268, 329, 334, 335, 340, 352–355, 359, 361, 364, 367, 369, 374, 375, 380, 381, 388–393, 397, 399, 400, 402, 406, 407, 417, 419, 433, 438, 452, 456, 458, 473, 487, 509, 510, 516, 524, 525, 580, 584, 586, 603, 605, 609, 613, 614, 620, 627, 628, 640, 641, 643, 645, 651, 656, 660, 684, 695–698, 724, 725, 740

Регенсбург 453

Резица — см. *Розиттен*

Рейн, река 480

Речица 755

Рефедим 180

Речь Посполитая 7, 10–12, 40, 64, 72, 77, 92, 93, 99, 102, 110, 129, 141, 146, 152, 162, 164–168, 170, 175, 178, 179, 184, 186, 187, 191, 204, 206, 233, 251, 274, 293, 391, 433, 435–440, 442–444, 446, 448–452, 456, 459, 477, 479, 482, 489–492, 494, 497, 504, 506, 512, 513, 516–522, 526–530, 534–536, 538, 542–544, 548, 554, 557–559, 561, 564, 566–568, 570, 571, 587, 621, 626–628, 709, 733, 741, 744

Ржева 133

Рига 9, 13, 14, 20, 21, 37, 41, 105, 110, 135, 155, 157, 158, 229, 244, 247, 255, 278, 334, 335, 340, 349, 353–355, 357, 358, 360–364, 367, 374, 375, 380, 381, 389, 402, 408, 417, 438, 456, 457, 459, 464, 487, 488, 515, 518, 519, 534, 562, 563, 566, 588, 590, 591, 620, 627, 640, 641, 643, 645, 649, 650, 653, 654, 656, 657, 660, 661, 665, 667, 669, 670, 675, 682–684, 690, 695, 718–721, 723, 739, 743

Рижское архиепископство 337

Рим, Великая Римская империя 109, 143, 263, 322, 379, 396, 508, 532, 535, 551

Рим, город 306, 323, 324, 504, 505, 547, 549, 554, 555, 563, 577, 612

Ринген 210, 361

Риони, река 302

Рогачев 755

Родос 479

Розиттен 35, 199, 201, 219, 367, 696

Романов 119

Ронненбург 336, 337, 339, 340, 349, 514, 650, 652, 653, 684

Рославль 133

Россия 6–13, 15, 16, 19, 29, 31, 32, 37, 41, 43, 48, 58, 59, 61, 63, 66, 67, 69–73, 82, 87, 91–94, 99–107, 109–117, 119–121, 123, 126–129, 131–136, 138–140, 143–147, 149, 151–153, 155–157, 160, 164–166, 169, 170, 172, 173, 175, 177, 179, 180, 182, 184, 186, 187, 190, 196–198, 200–202, 204, 209–212, 215, 216, 219–221, 225, 227–229, 231–235, 237–239, 241–243, 245, 247–249, 253–256, 262, 264–266, 273–288, 291–293, 295–297, 302, 303, 305–307, 310, 312–333, 335–341, 343–345, 347, 348, 350, 351, 353, 355, 358, 359, 363, 366, 368, 375–380, 383–385, 387–391, 396, 399, 404–406, 409, 411–416, 419–421, 424, 426–431, 433, 436–440, 442, 443, 445, 446, 448, 450–453, 455, 456, 459, 461–464, 466–479, 481–485, 487–492, 494, 496–500, 503–509, 511–513, 517–519, 521, 522, 525–530, 532, 533, 537, 538, 540, 542–544, 547–550, 552–557, 560, 562, 565, 566, 568, 569, 571, 572, 576–579, 581, 582, 586–588, 591, 594–596, 601–603, 605, 608–623, 625, 626, 628, 630–635, 637, 638, 652, 655, 662, 663, 680–682, 689, 691, 693–700, 702, 704–713, 716, 721, 722, 726, 727, 729, 735–739, 741, 742, 744, 749, 754

Ростов 470

Росток 354, 392, 464, 509, 572

Ругодив — см. *Нарва*

Руен 335, 720

Русское воеводство (Королевская Русь) 306, 555

Русь, Русская земля — см. *Россия*

Рыльск 714, 716

Рынгол — см. *Ринген*

Ряжск 714, 716

Рязань 328, 714, 716

Сааремаа, остров 9, 160, 408, 487, 578, 660, 741

Саксония 574, 613

Салаты 655

Салоник, урочище 428

Сальница, река 74, 182

Самара, река 708

Самария 761

Самбор 429

Сан, река 754

Сандомир 754

Санкт-Петербург 13, 14, 121, 175, 243, 259, 328, 511, 589, 601, 606

Свинорка, местность 268

Свислочь 755

Священная Римская империя 7, 9, 12, 37, 38, 58, 99, 103, 114, 132, 136, 149, 174, 281, 294, 298, 301, 315, 316, 324, 339, 342, 344, 347, 348, 350, 353, 354, 358, 363, 365, 368, 374, 383, 390, 395, 400, 412, 414, 415, 418–420, 424, 429, 433, 438, 442, 449, 451, 452, 455, 459, 480, 487, 492, 514–516, 533, 548, 555, 558, 559,

566, 569, 575, 576, 578, 580, 611–613, 623, 626, 630, 636, 649, 652, 654–657,
659, 660, 665, 666, 669, 671, 672, 675, 677, 742

Себеж 48, 133, 210

Северный Кавказ 281, 708

Северный Ледовитый океан 305, 310, 314, 316, 317, 370, 468, 497, 546, 547

Северские земли 439, 496, 506, 704, 744

Семигалия 420, 459

Семиградская земля 742, 752, 757, 761

Сесете, озеро 499

Сибирь 19, 113, 220, 245, 264, 687, 695, 697, 698, 724, 726, 728, 730, 736–740, 749

Силезия 238, 315

Сион 124, 150

Ситна 486, 501, 516

Скандинавия 6, 310, 606

Славония 313

Слободище 755

Слоним 492

Случеск 755

Смоленск 38, 56, 129, 132–134, 136, 170, 197, 226, 304, 384, 388, 438, 439, 464, 466,
467, 496, 505, 515, 566, 570, 581, 586, 704, 732, 741, 744, 754, 755, 766, 771

Соединенные Штаты Америки 13

Сокол 165, 180, 218–220, 223, 501, 520, 521, 534, 570

Солова 714, 716

Соловецкий монастырь (Соловки) 32, 40, 142, 143, 480, 560

Солунь (Фессалоники) 71

Спасо-Прилуцкий монастырь 226

Средиземное море 303, 304

Стамбул 147, 479, 712

Старая Русса 518, 526

Старица 185, 225, 448, 520–522, 528, 536

Стародуб 132, 133, 503, 714, 716

Стокгольм 558, 612, 683, 724

Страсбург 382, 418, 518

Стрешень 755

Судак 707

Сура 692, 693

Сурожик, волость 168, 755

Суша 501, 570

Сыренск — см. *Нейшлосс*

Табор, гора 757

Таговесь, река, 48

Тайдер Великая, деревня 691

- Тайдер Малая, деревня 691
Таллинн — см. *Ревель*
Тарановский посол 711
Тарваст 57, 127, 210, 230, 231, 514, 684, 696
Тарту — см. *Дерпт*
Татария 310, 313, 329, 356, 469, 489
Тверь, Великое княжество Тверское 100, 112, 383, 469, 471, 683
Тевтонский (Немецкий) орден 110, 138, 322, 334, 347, 365, 373, 377, 381, 384, 396, 412, 577, 621, 623, 631, 649
Текленбург 364
Терский город 119
Тетерин 755
Тикотин 436
Тматорокань 58
Толмачево, поселок 14
Толова 341
Толчбор (Тольсбург) 584, 695
Торжок 469
Торопец 133, 170, 505, 518, 521, 522
Торунь 507, 753
Трайден 336
Трансильвания 505
Трейден 653
Трепольское городище 755
Триент 382
Трикат 696, 720
Троице-Сергиев монастырь 142, 383, 480
Троицкий Клопский монастырь 144
Тройден 728
Троя 239, 379, 422, 567, 570
Трубчевск 714, 716
Тула 281, 625, 714, 716
Тулуза 576, 577
Туров 129, 755
Туровля 501, 521, 570
Турция 6, 11, 96, 119, 146, 147, 149, 156, 157, 174, 246, 301, 329, 335, 356, 366, 383, 389, 412, 418, 437, 442, 451, 479, 481, 513, 516, 533, 548, 558, 566, 570, 612, 618, 634, 701, 705, 707, 710–712
Турчасов 480

Углич 470
Угра, река 56, 183
Узмень 645

Украина 233, 451, 459, 558

Ула 161, 218, 378, 429–431, 486, 511, 516, 520, 566, 567, 584, 586, 720, 755

Ульсен 21, 229

Урал, горы 255

Уряндов 162, 492

Усвят 499, 505, 506, 517, 520, 521, 527, 534, 586

Устье, город 480

Устюг 251

Ухлень-на-Двине 219

Ушач 755

Фалькенау, монастырь 389, 514

Феллин 19, 23, 24, 41, 48, 63, 95, 127, 200, 210, 221, 223, 245, 250, 277, 363, 365, 418, 458, 515, 583, 586, 684, 695–697

Финляндия 234, 246, 380, 388, 399, 512, 560, 577, 637, 694

Финский залив 390, 601–603, 607, 621

Флоренция 307, 461

Франкфурт-на-Майне 452, 484, 532, 557

Франкфурт-на-Одере 381

Франция 6, 298, 301, 310, 313, 331, 366, 387, 389, 415, 440, 442, 480, 504, 532, 613, 615–618, 650, 730

Фрейштадт 238

Хвойница, город 110, 542, 753

Холм, город 200, 233, 518

Холмогоры 480, 560

Хотин 237

Царьград — см. *Константинополь*

Цусима 274

Цюрих 426

Чашники 755

Череха, река 50, 75

Черкасы 115, 755

Чернигов 14, 129, 133, 197, 714, 716

Чернобыль 755

Черное море 6, 255, 302, 500, 567

Чесвин (Чествин) — см. *Зессвеген*

Чехия 380

Чичерск 755

Чудов монастырь 221

Чудское озеро 36, 374, 640, 645

Шваненбург 340

Швейцария 504

Шверин 101

Швеция 7, 9–12, 37, 38, 100, 105, 128, 136–139, 143, 160, 174, 227, 237, 240–245, 252, 275, 318, 326, 337–339, 342, 344, 345, 351, 354, 364, 368, 380, 390, 405, 413–415, 420, 451, 467, 476, 487, 533, 546, 557, 568, 569, 577, 580, 594, 602, 605, 608, 609, 611–617, 621, 624, 626, 655, 698, 722

Шедеборы 672

Шексна, река 480

Шелонская пятина 209

Шклов 185, 515, 755

Шлиссельбург — см. *Орешек*

Шмильтен 653

Шотландия 318, 618

Шпейер 415, 416, 484, 522, 613

Штеттин 392, 660

Эгейское море 302

Эзель — см. *Сааремаа*

Эльба, река 298, 480

Эмден 480

Эмерих 370

Эрль 739

Эрмес 363, 369, 515, 627, 683, 720, 722

Эрфурт 424, 572

Эстляндия (Эстония) 10, 14, 105, 160, 234, 237, 244, 255, 256, 268, 334, 370, 371, 381, 405, 464, 479, 568, 575, 580, 588, 623, 626, 627, 637, 655, 680, 684, 694, 695, 723, 741

Эфес 43

Юрьев Ливонский, город — см. *Дертт*

Ям Запольский 93, 135, 191, 465, 523, 524, 534

Ям, Ямгород 214, 225, 251, 560, 603, 607, 643

Япония 329

Ярославль 471

Karkus — см. *Каркус*

Königsberg — см. *Кенигсберг*

Kruszwica 440

Laudohn — см. *Лаудон*

Lemsal — см. *Лемзаль*

Ronneburg — см. *Ронненбург*

Schwanenburg — см. *Шваненбург*

Serben 334, 342

Smilten 347

Treiden — см. *Трайден*

Warschau — см. *Варшава*

Wenden — см. *Венден*

Wolmar — см. *Вольмар*

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

предлагает услуги по комплектованию библиотек всех уровней по России в системе «библиотечный коллектор» на основе государственного заказа путем оформления копировочных заявок и участия в проводимых аукционах.

Наши специалисты могут грамотно и быстро оформить все необходимые документы. В нашем ассортиментном кабинете более 8 тысяч наименований книг петербургских, московских и региональных издательств. Мы работаем с поставщиками только по прямым договорам поставок.

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» имеет статус субъекта малого предпринимательства и зарегистрированную Карту поставщика в Реестре системы государственного заказа г. Санкт-Петербурга. Мы также выполняем совсем небольшие заказы наших покупателей.

сайт: <http://www.dbulanin.ru>;

эл. почта: postbook@dbulanin.ru

тел.: (812) 490-64-99, факс: (812) 230-97-87

ОФОРМЛЕНИЕ ЗАКАЗА НА ДОСТАВКУ КНИГ ПОЧТОЙ

Доставка книг почтой осуществляется только по территории России. При оформлении заказа необходимо указать следующие данные:

- автор, название книги, количество экземпляров;
- полный почтовый адрес заказчика (с почтовым индексом);
- фамилию, имя, отчество человека, который будет получать заказ в почтовом отделении.

Ваш заказ будет отправлен наложенным платежом. Это означает, что оплату заказа Вы произведете в Вашем почтовом отделении при получении посылки/бандероли.

В сумму наложенного платежа входит стоимость заказанных книг, оплата почтовых расходов по доставке их до вашего почтового отделения и почтовый сбор за наложенный платеж.

Для регионов России, куда почта доставляется только авиатранспортом, к стоимости заказа добавляется авиатариф.

При заказе на сумму менее 100 рублей к его стоимости прибавляется 50 рублей. Вы можете заказать книги предварительной оплатой по счету, выставленному издательством и включающего в стоимость книг и почтовые расходы (счет действителен в течение месяца с момента его отправки). В этом случае при заказе книг на сумму свыше 1500 рублей действует скидка — 10 % от суммы заказа.

ЗАКАЗЫ НА «КНИГИ-ПОЧТОЙ» ОТПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:

197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., дом № 9, литер А, пом. 1Н,
ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», «Книги-почтой»

Можно также сделать заказ:

на сайте издательства <http://www.dbulanin.ru>

по электронной почте: postbook@dbulanin.ru

по телефону: (812) 490-64-99

и факсу: (812) 230-97-87

Александр Ильич Филюшкин, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, писал эту книгу больше 15 лет (его первая статья о Ливонской войне вышла в 1995 г.). В ее основе — изыскания автора в библиотеках и архивах России, Германии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины. Это седьмая монография А. И. Филюшкина по истории России и Центрально-Восточной Европы в Средневековье и раннее Новое время. Его книги выходили в России и Великобритании, статьи — в России, Украине, Германии, Польше, Венгрии, Греции, Италии, Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии, Украине. Автор работает в русле современных направлений исторической науки: military history, культурной антропологии, исторической герменевтики. Книга является введением к большой академической истории Ливонской войны, над которой продолжает работать автор.

ISBN 978-5-86007-726-3

9 785860 077263